

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

Архієпископа Константинопольскаго.

Томъ I.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Слб. Стремянная, 12, собств. д.

Св. Григорій Богословъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	Стр.
Жизнь и труды св. Григорія Богослова	3
Слово 1. На Пасху и о своемъ замедленіи	17
Слово 2. Къ призвавшимъ въ началѣ, но не срѣтившимъ св. Григорія, когда онъ сталъ пресвитеромъ	20
Слово 3, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаление свое въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, и потомъ возвращеніе оттуда; также учитъ, какъ важенъ санъ священства, и каковъ дол- женъ быть епископъ	23
Слово 4. Первое обличительное на царя Юліана	65
Слово 5, второе обличительное на царя Юліана	122
Слово 6, о мирѣ, говоренное въ присутствіи отца послѣ предшествовав- шаго молчанія, по случаю воссоединенія монашествующихъ	145
Слово 7, надгробное брату Кесарію, говоренное еще при жизни роди- телей	159
Слово 8, надгробное Горгоніи, сестрѣ Св. Григорія Назіанзина	176
Слово 9, защитительное, по рукоположеніи св. Григорія Богослова въ епископа Сасимскаго, говоренное имъ отцу своему Григорію, въ присутствіи Василія Великаго	189
Слово 10, защитительное, по возвращеніи св. Григорія Богослова изъ удиненія, говоренное имъ отцу своему и Василю Великому	192
Слово 11, говоренное брату Василія Великаго, святому Григорію, епи- скопу Нисскому, когда онъ пришелъ къ св. Григорію Богослову, по рукоположеніи его въ епископа	194
Слово 12, говоренное отцу, когда сей поручилъ ему попеченіе о назіанз- ской церкви	199

	Стр.
Слово 13, произнесенное при рукоположеніи Евлалія въ еп. доарскаго . . .	202
Слово 14, о любви къ бѣднымъ	204
Слово 15, говоренное въ присутствіи отца, который безмолвствовалъ отъ скорби, послѣ того какъ градъ опустошилъ поля	231
Слово 16, на память святыхъ мучениковъ Маккавеевъ	244
Слово 17, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назіанза и прогнѣван- ному градоначальнику	254
Слово 18, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери Ноннѣ въ присутствіи св. Василія, къ которому обращено вступленіе въ слово .	261
Слово 19, говоренное св. Григоріемъ Богословомъ о словахъ своихъ Юліану, производившему народную перепись и уравненіе податей . .	289
Слово 20, о поставленіи епископовъ и о догматѣ Святыя Троицы	298
Слово 21, похвальное Аванасію Великому, архіеп. Александрійскому . . .	305
Слово 22, о мирѣ, говоренное въ общемъ собраніи единовѣрныхъ, быв- шемъ послѣ примиренія	327
Слово 23, о мирѣ, говоренное въ Константинополѣ по случаю распри, происшедшей въ народѣ, о нѣкоторыхъ несогласныхъ между собою епископахъ	336
Слово 24, въ похвалу святаго священномученика Кипріана, говоренное на другій день его памяти, по возвращеніи Григоріевомъ изъ села . .	346
Слово 25, въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія . .	357
Слово 26, произнесенное святымъ Григоріемъ Богословомъ о себѣ са- момъ, когда онъ, послѣ Максимова покушенія занять архіепископ- скій престолъ въ Константинополѣ, возвратился изъ села	372
Слово 27, противъ евноміанъ и о богословіи первое или предварительное .	385
Слово 28, о богословіи второе	391
Слово 29, о богословіи третье, о Богѣ Сынѣ первое	413
Слово 30, о богословіи четвертое, о Богѣ Сынѣ второе	429
Слово 31, о богословіи пятое, о Святомъ Духѣ	444
Слово 32, о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи, и о томъ, что не всякій человѣкъ и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ .	463
Слово 33, противъ аріанъ и о самомъ себѣ	481
Слово 34, къ пришедшимъ изъ Египта	492
Слово 35, на память мучениковъ и противъ аріанъ	499
Слово 36, о себѣ самомъ и къ говорившимъ, что св. Григорій желаетъ константинопольскаго престола	502

III

	Стр.
Слово 37, на евангельскія слова: „Егда сконча Иисусъ словеса сия“, и проч. (Матѣ. 19, 1)	510
Слово 38, на богоявленіе или на рождество Спасителя	522
Слово 39, на святые свѣты явленій Господнихъ	532
Слово 40, на святое крещеніе	544
Слово 41, на святую пятидесятницу	575
Слово 42, прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста пятидесяти епископовъ	586
Слово 43, надгробное Василию, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія ...	602
Слово 44, на недѣлю новую, на весну и на память мученика Маманта ..	655
Слово 45, на святую пасху	661

Жизнь и труды св. Григорія Богослова.

I.

Григорій Богословъ, великій отецъ и учитель церкви, родился въ юго-западной части Каппадокіи, въ имѣніи своихъ родителей, недалеко отъ города Назіанза. Каппадокія не пользовалась у современниковъ хорошей репутаціей. Ея обитатели не безъ основанія считались вѣроломными, лживыми и хитрыми. О нихъ существовала даже пословица, что змѣя, укусивъ каппадокійца, умерла. Кромѣ того, Каппадокія въ IV вѣкѣ являлась гнѣздомъ аріанства. Но она дала трехъ великихъ каппадокійцевъ — Василия Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, брата Василия, прославившихъ ея имя и явившихся не только для Каппадокіи, но и для всего православнаго міра главной опорой, прибѣжищемъ и источникомъ богословской мудрости. Семья же, изъ которыхъ вышли эти великіе дѣятели церкви, явили образцы истинно-христіанскихъ женщинъ, какъ Нонна, мать Григорія Богослова, Еммелія, мать Василия Великаго и Григорія Нисскаго, и Макрина, сестра двухъ послѣднихъ, имена которыхъ исторія сохранила съ гордостью въ назиданіе потомству. Отецъ Григорія—тоже Григорій—былъ по тому времени очень состоятельный человекъ. Принадлежалъ христіанской семьѣ и будучи христіаниномъ, онъ затѣмъ вступилъ въ секту „озаренныхъ теистовъ“, которые поклонялись Богу подъ видомъ свѣта и огня. Ихъ ученіе представляло смѣшеніе іудейскихъ и персидскихъ вѣрованій. Жену Григорія старшаго, убѣжденную христіанку, очень беспокоило отпаденіе отъ христіанства ея мужа. Не разъ убѣждала она его оставить эту секту, и подъ ея вліяніемъ онъ снова—и на этотъ разъ безповоротно — вернулся въ лоно церкви, принявъ въ 325 году отъ пробѣжавшаго черезъ Назіанзъ на великій Никейскій Соборъ епископа Кесарійскаго Леонтія крещеніе. Вскорѣ же послѣ крещенія онъ сдѣлался пресвитеромъ г. Назіанза, а впоследствии, именно въ 329 г., и епи-

спопомъ этого города. Богословское образованіе его было скудно, но паствой онъ управлялъ твердо, хотя и кротко, проявивъ въ управленіи ею энергію и заботливость. Большое вліяніе на него имѣла его жена, которая, подчиняясь ему во всемъ, какъ мужу, незамѣтно сдѣлалась его руководительницей и наставницей. Она была женщина очень добрая и съ убѣжденіемъ говорила, что для бѣдныхъ она могла бы заложить и своего мужа, и дѣтей. Неимущимъ она оказывала широкую благотворительность, и никто изъ бѣдныхъ не получилъ отъ нея отказа. Григорій былъ первенецъ у нихъ, сынъ молитвы. За нимъ слѣдовали его братъ—Констанцій и сестра—Горгонія. Какъ на первенцѣ и притомъ явившемся при исключительныхъ условіяхъ (онъ родился въ 330 г.)—по молитвѣ, послѣ долгихъ лѣтъ бездѣтной супружеской жизни, на немъ было сосредоточено и исключительное вниманіе его родителей. Мать постаралась дать ему истинно-христіанское воспитаніе, чему способствовала въ высшей степени нравственная обстановка окружавшей Григорія жизни. Отецъ же далъ ему законченное образованіе. Сперва Назіанзъ, затѣмъ двѣ Кесаріи — Каппадокійская и Палестинская и Александрія и, наконецъ, какъ завершеніе образованія—Аеины. Таковъ путь развитія и совершенствованія богатыхъ дарованій будущаго святителя церкви. Кто изъ современныхъ юношей можетъ похвалиться такимъ усердіемъ въ наукахъ, такимъ богатымъ всестороннимъ образованіемъ, которое получилъ Григорій Богословъ?

Въ Аеинахъ разгорѣлась яркимъ пламенемъ его дружба съ Василіемъ, начало которой было положено еще въ Кесаріи Каппадокійской, гдѣ они оба продолжали свое среднее бразованіе. Это была рѣдкая дружба. Въ свое отношеніе къ Василію В. Григорій вложилъ всю свою чуткость, богатый запасъ любви и самоотреченія.

„Я искалъ тамъ (въ Аеинахъ) краснорѣчія, говоритъ Григорій,—и нашелъ счастье, потому что тамъ нашелъ Василія. Я уподобился Саулу, который, ища ослищъ, нашелъ себѣ царство. Случайное приобрѣтеніе оказалось выше главной цѣли“.

Въ 360 г. образованіе Григорія закончилось, и онъ покинулъ Аеины. Незадолго передъ его отъѣздомъ покинулъ ихъ и Василій, и Григорій, лишившись друга, почувствовалъ съ ясностью всю бесполезность дальнѣйшаго своего тамъ пребыванія. Въ Аеинахъ онъ пробылъ въ общемъ около 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ основательно изучилъ литературу и философію классической древности и совершенно овладѣлъ модными въ то время риторикой и діалектикой. Но обольщенія и соблазны большого языческаго города

не коснулись его души, и христіанское призваніе представлялось ему лишь единственною цѣлью жизни. Утоливъ жажду знанія и возвращаясь въ родной Назіанзъ, онъ мечталъ объ уединеніи для созерцательной, посвященной одному Богу, жизни.

И по воспитанію, и по своимъ душевнымъ свойствамъ Григорій не былъ склоненъ къ активной дѣятельности. Обстановка, въ которой онъ провелъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, въ высшей степени благотворно дѣйствовала на развитіе его богатыхъ душевныхъ качествъ. Ничто низкое не касалось его. Его мать говорила ему неустанно: „ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ, о томъ теперь и молюсь, чтобы ты былъ совершенъ“ и ея молитва была услышана. Съ юныхъ лѣтъ Григорій горѣлъ своимъ духомъ ко Христу, ибо въ вѣрѣ въ Него и въ любви къ Нему сосредоточились всѣ его помыслы и желанія. „Мое лучшее богатство, — говоритъ онъ, — Христосъ, Который возноситъ умъ мой горѣ“. Если его внѣшняя жизнь и была ознаменована разными событіями, особенно въ послѣднюю пору его жизни, то не по его волѣ, а исключительно въ силу необходимости—или во исполненіе воли родителей, которая для него была священна, или въ исполненіе долга предъ церковью, когда ей были нужны его защита и авторитетный голосъ въ пользу ея. Самъ же онъ желалъ, чтобы его жизнь была однообразна, ибо при внѣшнемъ спокойномъ теченіи ея онъ могъ сосредоточиться въ своей внутренней жизни. Въ письмѣ къ Василию Великому онъ опредѣленно выражается такъ—„для меня самое важное дѣло—бездѣйствіе“. Въ дѣйствительности это бездѣйствіе было только внѣшнимъ и потому мнимымъ. Онъ жилъ богатой внутренней жизнью, сокрытой отъ глазъ большинства, которая представляла собою вѣрный путь ко Христу, такъ какъ смыслъ ея былъ въ отреченіи отъ всего суетнаго, земнаго, а задача—въ нравственномъ самовоспитаніи и въ подготовленіи къ будущей вѣчной и идеальной жизни. Поэтому понятны его равнодушіе и даже нежеланіе примѣнить свое блестящее образованіе и выдающіяся дарованія къ жизни. Жители его родного города Назіанза, зная его блестящія ораторскія способности, предлагаютъ ему сдѣлаться учителемъ риторики, и онъ отказывается. Въ немъ таятся великія дарованія учителя церкви, но онъ, боясь связать себя обязательствами, которыя отвлекли бы его отъ созерцательной жизни, отказывается отъ пресвитерства, и отецъ, противъ его воли, посвящаетъ его въ этотъ санъ. Это событіе настолько смутило его душевный покой, что онъ бѣжалъ въ Понтъ, въ монастырь своего друга Василія, чтобы тамъ въ уединеніи найти душевное спокойствіе и

равновѣсіе. Лишь настоятельныя требованія отца вернули его къ мѣсту его служенія. Противъ своей воли получилъ онъ посвященіе отъ Василія В. въ епископа г. Сасима, и въ этомъ случаѣ, чтобы вернуть душевный миръ, онъ также принужденъ былъ удалиться въ Понтъ и только по настоятельной просьбѣ отца возвратился въ Назіанзъ и помогаль ему управлять церковью. Всякое соприкосновеніе съ жизнью было для него соприкосновеніемъ съ человѣческими слабостями и пороками — ложью, клеветой, завистью, недоброжелательствомъ и т. д. Отсюда—тѣ чувства усталости и разочарованія, которыя овладѣвали имъ всякій разъ, когда онъ принужденъ былъ оставить свое уединеніе и выступить въ роли дѣятеля. Предъ его взоромъ всегда возставали тогда двѣ жизни—одна совершенная, по завѣтамъ Христа и во Христѣ, другая—та, которую ведетъ большинство людей, и которая далека отъ евангельскаго идеала, и онъ всегда отдаваль предпочтеніе первой. „Уединюсь къ Богу, пишетъ онъ Воспорсію, епископу Колонійскому, Который одинъ чистъ и не коваренъ. Углублюсь въ себя самого“. Поэтически развѣнчивая земные кумиры человѣчества—богатство, красоту, славу и т. д., онъ приходитъ къ тому заключенію, что „одно прекрасно и прочно для человѣка—взять крестъ и переселиться отсель“. Поэтому для себя Григорій пришелъ къ убѣжденію, что „прекрасно жить жизнью, чуждой жизни“, и это настроеніе является основнымъ въ его жизни, и сообразно съ нимъ онъ старается вести свой образъ жизни. Большую часть своего времени онъ удѣляетъ и уединенію и только въ силу необходимости оставляетъ его.

II.

Въ началѣ 374 г. скончался отецъ Григорія Богослова, скоро послѣ его смерти не стало и его любимой матери. Братъ и сестра скончались еще ранѣе. Освобожденный отъ обязанностей по отношенію къ своимъ роднымъ, къ которымъ онъ всегда питаль чувства глубокой сыновней любви и покорности, Григорій Богословъ могъ всецѣло посвятить себя уединенію. Но на немъ лежали извѣстные обязательства по отношенію къ Назіанзской церкви, такъ какъ за смертью отца управленіе церковью перешло всецѣло къ нему. Пригласивъ епископовъ для избранія замѣстителя отцу, Григорій Богословъ удалился въ Селевкію, въ монастырь св. Ѳеклы. Его давнишняя мечта осуществилась, и онъ всецѣло отдался углубленной, созерцательной жизни. Однако, его удаленіе было не очень продолжительно. 1 янв. 379 г. скончался его другъ Василій Великій,

и православная церковь послѣ этой великой потери должна была почувствовать себя осиротѣвшей. Единственной опорой ея остался Григорій Богословъ, но и тотъ устранился отъ участія въ ея дѣлахъ. Великій свѣтильникъ не могъ оставаться долго подъ спудомъ. Именно теперь, съ кончиной Василія Великаго, чувствовалась необходимость въ его руководствѣ. 379-мъ годомъ кончается его второй періодъ жизни, посвященный уединенію и дѣлу любомудрія и начинается третій—періодъ дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ управленіи церковью. Именно въ этомъ году обратились къ нему православные города Константинополя съ просьбой взять въ свои руки управленіе паствою этого города. Условія, при которыхъ Григорій Богословъ долженъ былъ начать здѣсь свою дѣятельность, были исключительныя. Аріанство въ IV вѣкѣ рѣзко раздѣлило христіанскій міръ на 2 части: православную и аріанствующую. Никейскій соборъ, осудившій аріанство, еще опредѣленнѣй подчеркнулъ это раздѣленіе. Существовали цѣлыя области, гдѣ сохранилось православіе, и области, гдѣ, наоборотъ, процвѣтало аріанство. Къ первымъ слѣдуетъ отнести Александрію и вообще Египетъ. Церковь Александрійская единодушно исповѣдывала Никейскій символъ вѣры и была оплотомъ православія. Не менѣе ревностной защитницей православія была и другая восточная церковь — Иерусалимская или Палестинская. Наконецъ, послѣдней страной, въ которой Никейское исповѣданіе сохранялось во всей его чистотѣ, былъ Иллирикъ (Македонія, Ахаія, Лакія). Что же касается остального Востока, то въ немъ преимущество оставалось за аріанствомъ. Во власти аріанъ такимъ образомъ находились страны Сиріи, Фракіи, Азіи и Понта. Центральнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточилось аріанство, была Антиохія Сирійская. Рядомъ съ Антиохіей — по влиянію аріанъ — стоялъ Константинополь, который, какъ столица, скоро приобрѣлъ важное значеніе въ церковныхъ дѣлахъ. Григорій Богословъ называлъ его „окомъ вселенной, городомъ могущественнѣйшимъ на сушѣ и на морѣ, взаимнымъ узломъ востока и запада, куда отовсюду стекались и откуда, какъ съ общаго форума, исходило все важнѣйшее въ вѣрѣ“. И вотъ такой важнѣйшій центръ въ христіанскомъ мірѣ сдѣлался добычей аріанства. Здѣшніе епископы—Евсевій, Македоній, Евдоксій, Демофилъ явились врагами православія, а его безупречные исповѣдники, какъ, напр., Маркеллъ Анкирскій, были объявлены въ Константинополѣ врагами вѣры. Члены православной церкви составляли угнетенное и незначительное меньшинство. Достаточно сказать, что ко времени при-

бытія сюда Григорія Богослова не было ни одного православнаго храма. Григорій Богословъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и около Пасхи 379 года прибылъ въ Константинополь. Поселившись въ домѣ одного своего родственника, онъ обратилъ одну изъ комнатъ этого дома въ церковь въ честь Воскресенія Христова (Анастасія) и она оказалась вполне достаточной, чтобы вмѣстить всю тогдашнюю православную общину столицы. Григорій весь отдался дѣлу возрожденія здѣсь православія и силой своего краснорѣчія привлекъ къ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Въ дѣлѣ устроенія порядка въ церкви онъ проявилъ массу энергіи и самоотверженности. Его проповѣдь и дѣятельность создали ему обширный кругъ враговъ, которые, ослѣпленные своей къ нему ненавистью, не разъ производили покушенія на его жизнь. Но Григорій проявилъ ко всѣмъ этимъ враждебнымъ проявленіямъ къ нему такую твердость воли и стойкость духа, которыя по справедливости дали ему названіе „исповѣдника“. По его образному выраженію, въ него „металось столько камней, сколько другому приходится принять розъ“. Положеніе православной церкви въ Константинополѣ мало-по-малу упрочивалось, и своимъ возрожденіемъ она была исключительно обязана обаянію свѣтлой личности Григорія Богослова: его добродѣтельная жизнь, доброта и глубокое благочестіе завоевали ему сердца людей и обезоруживали его враговъ. Его значеніе и авторитетъ были настолько высоки, что такіе люди, какъ бл. Иеронимъ, пользовавшійся въ то время уже широкой извѣстностью, приходили къ нему, чтобы посидѣть около его ногъ и оказать всѣ знаки любви, преданности и уваженія. Чтобы упрочить еще болѣе положеніе православной церкви, Григорій Богословъ вмѣстѣ съ тѣмъ завязываетъ сношенія съ александрійскою церковью, которая была, какъ выше сказано, оплотомъ православія. Онъ съ радостью встрѣчаетъ духовенство и епископовъ изъ Египта, прибывающихъ въ Константинополь, и посвящаетъ имъ похвальное слово. „Скажу привѣтствіе пришедшимъ изъ Египта, говоритъ онъ. Отъ васъ бо промчется слово (1 Сол. 1, 8) ко всѣмъ людямъ, здраво-исповѣдуемое и проповѣдуемое; вы лучшіе плододѣлатели изъ всѣхъ, особливо нынѣ правовѣрующихъ“. „Посему, заключаешь, сбѣмлю и привѣтствую тебя лучшей изъ народовъ, народъ христіолюбивѣйшій, пламенѣющій благочестіемъ“. Но близкія связи Григорія съ александрійцами разстроились послѣ того, какъ они устроили поистинѣ дурное дѣло. Одинъ изъ александрійцевъ, имѣвшихъ пріютъ и поддержку у него, былъ нѣкто Максимъ (цѣнникъ), одинъ изъ искателей приключеній изъ среды духовен-

ства. Свое нравственное убожество онъ прикрывалъ лицемѣриемъ благочестія и показной философіей. Въ Константинополь его привели голодъ и жажда славы. Григорій Богословъ вполне довѣрился этому обманщику и сдѣлалъ его даже своимъ другомъ. Григорій ожидалъ отъ него на первыхъ порахъ только добра для своей церкви. Онъ посвящаетъ Максиму слово, въ которомъ называетъ его поборникомъ правды, „христианиномъ паче всѣхъ“. Можно ли упрекнуть Григорія въ излишней довѣрчивости и нѣкоторомъ даже легкомысліи? Вѣдь этотъ александриецъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ до сего времени и съ Аванасіемъ Великимъ, и съ Василіемъ Великимъ. И тотъ, и другой состояли съ нимъ въ перепискѣ, причемъ послѣдній искренно вѣрилъ въ его благочестіе. Войдя въ довѣріе къ Григорію, Максимъ сталъ стремиться къ тому, чтобы свергнуть Григорія съ епископской кафедры и занять его мѣсто. Въ выполненіи этого плана приняли самое дѣятельное участіе епископы Египта, руководимые Александрійскимъ епископомъ Петромъ. Для этой цѣли они прибыли въ Константинополь, ночью тайно проникли въ кафедральную церковь Григорія и начали обрядъ посвященія, который имъ удалось окончить уже на частной квартирѣ. Хотя Максимъ и былъ возведенъ ими въ санъ епископа, но Григорія имъ свергнуть не удалось, такъ какъ и народъ, и императоръ Θεодосій были на его сторонѣ. Это событіе настолько сильно повліяло на Григорія, что онъ намѣревался оставить кафедру. О своемъ желаніи онъ сообщилъ собравшемуся въ церкви народу въ одной изъ своихъ проповѣдей. Его слова были встрѣчены рыданіями, и по церкви пронесся вопль: „если ты изгонишь тебя самого, ты изгонишь ученіе о Троицѣ изъ Константинополя“. Эти слова были самой лучшей и самой вѣрной характеристикой церковной дѣятельности Григорія. Онъ остался и съ новой энергіей отдался своему дѣлу. Для обезпеченія полнаго торжества православной церкви оставался еще одинъ шагъ—признаніе ея господствующей вѣрой, такъ какъ благодаря предшественникамъ Θεодосія полуаріанину Констанцію и аріанину Валенту ея государственное значеніе было сильно уронено. Θεодосій своимъ указомъ, даннымъ изъ Θεσσαλονикъ, объявилъ, что отселѣ православная вѣра должна быть вѣрой всей имперіи, а затѣмъ 24 декабря 380 г. лично прибылъ въ Константинополь и предложилъ аріанскому епископу Демофилу или принять православный догматъ, или отречься отъ епископской кафедры. Съ паденіемъ Демофила, Григорій Богословъ являлся единственнымъ кандидатомъ на кафедру православнаго Константинопольскаго архіепископа. И народъ, и императоръ

желали видѣть на ней лишь Григорія, однако, послѣдній, съ свойственной ему скромностью, отклонилъ высокое предложеніе, заявивъ, что если непременно нужно ему быть, то онъ готовъ принять этотъ санъ только по избранію епископовъ собора — единственно каноническимъ образомъ. Теперь, съ возстановленіемъ положенія православной церкви, Григорій, несмотря на свой отказъ отъ архіепископа, явился главнымъ ея руководителемъ. Ему возвращены были все церкви, которыя раньше аріане отняли у православныхъ, въ его же вѣдѣніи находились все церковныя имущества и доходы. Не щадя въ своихъ проповѣдяхъ лжеученія аріанъ, онъ, однако, одержавъ надъ ними побѣду, проявилъ къ нимъ удивительную снисходительность и кротость, и не отвѣтилъ имъ тѣмъ преслѣдованіемъ, которое они совершали по отношенію къ православной церкви. Императоръ Θεодосій, чтобы еще болѣе обезпечить духовное единство, созвалъ большой соборъ восточныхъ епископствъ, который носитъ названіе второго вселенскаго Константинопольскаго собора. Предсѣдателемъ собора былъ избранъ благочестивый и кроткій Мелетій, котораго папа Дамась не признавалъ въ качествѣ епископа Антиохіи. Однимъ изъ постановленій этого собора Григорій назначался на архіепископскую кафедру Константинополя. Однако, на этой кафедрѣ Григорій пробылъ всего нѣсколько недѣль. Во время собора умеръ Мелетій и унесъ съ собою въ гробъ тотъ миръ, который онъ умѣлъ водворять на соборѣ. За смертью его предсѣдателемъ сдѣлался Григорій. На соборѣ были лица неодинаковаго образа мыслей съ Григоріемъ, и которыхъ сдерживалъ лишь авторитетъ Мелетія. Григорій съ своими александрійскими симпатіями оставался одинокимъ на соборѣ, такъ что соборъ и онъ скоро обнаружили взаимное непониманіе по первому же крупному вопросу—о преемникѣ Мелетію. Григорій настаивалъ на кандидатурѣ Павлина, соборъ остановилъ свой выборъ на пресвитерѣ Флавіанѣ. Съ прибытіемъ запоздавшихъ египетскихъ и македоніанскихъ епископовъ, дѣло пошло еще хуже. Григорій не могъ вполне довѣрчиво отнестись къ египетскимъ епископамъ послѣ ихъ участія въ посвященіи Максима, а тѣ и другіе были недовольны Григоріемъ за то, что соборъ предпринялъ рядъ постановленій, не дождавшись ихъ прибытія. Мало того, эти епископы возбудили даже вопросъ о незаконности избранія Григорія Богослова на архіепископскую кафедру и внесли еще большую смуту въ дѣла собора. Григорій, не желая служить причиной раздора, добровольно отказался отъ архіепископской кафедры и въ іюнѣ 381 г. удалился въ Назіанзъ. Здѣсь онъ нашелъ церковь въ ру-

ках аполинаристовъ. Не смотря на всё огорченіе, которыя доставилъ ему соборъ, и на свое крайнее утомленіе, Григорій взялъ на себя управленіе ею, пока въ 383 г. не былъ избранъ по его указанію епископомъ Назіанза Евлалій. Послѣ его избранія Григорій Богословъ совершенно отстранился отъ участія въ управленіи церковью, рѣшивъ остатокъ дней своихъ посвятить уединенію. Его дѣятельность на Константинопольскомъ соборѣ съ особенной отчетливостью подчеркнула его неприспособленность къ практической дѣятельности, гдѣ нужно не столько управлять, сколько ладить съ людьми, часто поступаясь своими убѣжденіями. Его замѣститель на соборѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ и на каедрѣ—Нектарій, уступавшій Григорію во всѣхъ отношеніяхъ, сумѣлъ сохранить за собою предсѣдательство и довести дѣло до благополучнаго конца. Между прочимъ, однимъ изъ постановленій этого собора какъ бы косвенно была подчеркнута та великая услуга, которая была оказана Григоріемъ православной церкви въ Константинополѣ. На одномъ изъ засѣданій этого собора было постановлено, чтобы Константинопольская церковь, по важности ея значенія, занимала второе мѣсто послѣ церкви Римской, и этому своему возвышенію она обязана исключительно трудамъ Григорія Богослова.

III.

IV вѣкъ, въ который протекала жизнь Григорія Богослова и совершилась его какъ церковная, такъ и главнымъ образомъ литературно-богословская дѣятельность, отмѣченъ не только появленіемъ различныхъ ересей, начиная съ аріанства, но, что еще важнѣе, нарожденіемъ новаго направленія богословской мысли. Исповѣдники вѣры временъ гоненій, жившіе и въ IV вѣкѣ, сохранили непосредственность вѣры и чистоту религіознаго чувства. Они вѣрили, какъ учила церковь, и вѣра ихъ была проста и искренна. Они были врагами новшествъ и являлись консервативнымъ элементомъ въ церкви. Но параллельно съ этимъ церковнымъ направленіемъ въ IV вѣкѣ появляется и иное теченіе, представители котораго хотѣли подчинить вопросы вѣры разуму. Очень высоко ставя религіозное знаніе, они не придавали надлежащаго значенія вѣрѣ. Забывая объ ограниченности разума, они полагали, что можно и разсудкомъ, безъ помощи непосредственной вѣры, постичь Божество. Опасность этого направленія обнаружилась въ самомъ же началѣ IV вѣка. Лжеученіе Арія о Второмъ Лицѣ Св. Троицы, распространившееся уже въ 20-хъ годахъ его, явля-

лось именно результатомъ стремленія постичь разумомъ и истолковать Божество Сына Божія.

Хранители истинной вѣры и преданій церковныхъ, св. отцы церкви не могли относиться равнодушно къ нецерковному направленію, которое проповѣдывалось аріанствомъ подъ видомъ наилучшаго изслѣдованія вѣры—чтобы, какъ хвастливо говорили аріане, „все было вѣрно рассказано и изслѣдовано“, и въ лицѣ Григорія Богослова и въ его твореніяхъ церковь имѣла ревностнаго защитника вѣры, попираемой маловѣріемъ и свободомысліемъ. Историческое значеніе его литературной дѣятельности очень велико.

Обладая тонкимъ, полнымъ мѣткости и сарказма, языкомъ, онъ вскрываетъ несостоятельность аріанскаго убѣжденія въ могущество вѣры и въ необходимости все согласовать, для блага будто бы самой церкви съ его велѣніями. Вотъ краткое опредѣленіе различія въ отношеніи къ вѣрѣ между православными и аріанствующими, которое вкладываетъ Григорій Богословъ въ уста аріанствующихъ: „у насъ (аріанъ) ученіе на подобіе хамелеоновъ или полиповъ, принимающихъ непрестанно новый цвѣтъ, а ты (Григорій)—приставшая къ одному мѣсту наковальня, какъ будто всегда одна (и таже) вѣра, что такъ слишкомъ стѣсняетъ догматъ истины, ступая все по одной скучной стезѣ слова“. И дѣйствительно, страсть къ новизнѣ, къ оригинальнымъ мыслямъ по серьезнымъ и глубокимъ вопросамъ религіи составляетъ отличительную особенность аріанствующихъ. Григорій Богословъ ставитъ вѣру выше требованій разума въ области религіи. Въ ней есть такіе вопросы, которые недоступны холодному умствованію и которые легче всего постигаются путемъ искренней и глубокой вѣры. Онъ говоритъ: „не скажу: будь смѣль, напротивъ того: страшись касаться предметовъ высшихъ, превосходящихъ твои силы“. При изслѣдованіи вопросовъ въ религіозной области, по Григорію Бог., слѣдуетъ всегда различить, „что должно предоставлять одной вѣрѣ и что разуму“. Въ яркихъ краскахъ изображаетъ онъ противоположность между ограниченностью нашего ума и предметомъ его постиженія — неизслѣдимымъ Божествомъ. „Мы какъ бы строимъ что-то огромное малымъ орудіемъ, когда человѣческою мудростію уловляемъ вѣдѣніе сущаго, когда къ предметамъ сверхчувственнымъ приступаемъ съ своими чувствами, которыя заставляютъ насъ кружиться и обманываться, и не можемъ неприкосновеннымъ умомъ подойти сколько-нибудь ближе къ истинѣ“.

По его мнѣнію „обнять мыслию столь великій предметъ совершенно не имѣютъ ни силъ, ни средствъ не то что люди, оцѣпенѣв-

шіе и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые“. Поэтому понятно, что разсужденіе о предметахъ вѣры можетъ быть дѣломъ только избранныхъ, отмѣченныхъ Богомъ, дѣятелей церкви. Богъ только Моисею велѣлъ вступить въ кругъ облака и бесѣдовать съ нимъ, Иисусъ Христосъ открылъ свое божественное достоинство на Фаворѣ только избраннымъ апостоламъ Петру, Іакову и Іоанну. Народъ — младенецъ въ вѣрѣ, и ему необходимо лишь пастырское наставленіе въ истинахъ вѣры. Григорій отдастъ предпочтеніе христіанину, просто вѣрующему, передъ тѣмъ, который слишкомъ полагается въ дѣлѣ религіи на разумъ. „Скудный въ словѣ и знаніи, — говоритъ онъ, — опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой ладѣ, выше борзало на языкъ глульца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ разумнымъ доказательствамъ“.

Указавъ на невозможность полнаго постиженія Бога, въ Его существѣ, какъ стоящаго выше всякихъ опредѣленій и представленій, Григорій Богословъ даетъ рядъ цѣнныхъ указаній для познанія Бога, поскольку Его дѣятельность проявляется въ мірѣ. Эти указанія являются необходимымъ предостереженіемъ всѣмъ дерзновенно разсуждающимъ о непостижимыхъ тайнахъ Божества. Собственный богатый опытъ размышленій въ уединеніи, отреченія отъ всего земного и наложенія на себя обѣта молчанія, однимъ словомъ — опытъ того религіознаго углубленія, который онъ часто обозначаетъ однимъ словомъ—любомудріе, долженъ былъ убѣдить его, что познаніе божественныхъ проявленій въ мірѣ успѣшно достигается лишь: 1) когда человѣкъ, подавивъ въ себѣ всѣ чувственные влеченія, даетъ перевѣсъ своему духу надъ плотію, потому что человѣческое тѣло является препятствіемъ, отдѣляющимъ насъ отъ Бога; 2) когда человѣкъ всецѣло предается размышленіямъ о Богѣ, для чего необходимо прежде всего отреченіе отъ мірскихъ заботъ и 3) когда человѣкъ не ограничиваетъ поле своего духовнаго наблюденія какою-нибудь одною областью, въ которой проявляются всѣ непостижимыя силы Бога. — Короче разница въ возрѣніяхъ на постиженіе Божества между Григоріемъ Богословымъ, какъ учителемъ и представителемъ древней православной церкви, и аріанствующими, какъ представителями новаго, раціоналистическаго, направленія въ дѣлахъ вѣры, опредѣляется слѣдующимъ сравненіемъ: по Григорію Богослову, Богъ—тотъ непостижимый идеаль, стремясь къ Которому разумъ человѣческой совершенствуется и очищается. Аріанствующіе, полагая, что разумъ человѣческой способенъ постигнуть Божество, пшводили Его на степень земного.

Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны, арианство искажило ученіе о Лицахъ Св. Троицы, а потому Григорій Богословъ въ опроверженіе ихъ лжеученія даетъ законченное догматическое ученіе о Лицахъ Св. Троицы. Историческое значеніе этой работы его — очень крупное, какъ по глубинѣ богословскихъ мыслей, содержащихся въ ней, такъ и по тому вліянію, которое она производила на современниковъ.

Изложеніемъ православнаго ученія о Лицахъ Св. Троицы опредѣляется одна, и самая важнѣйшая, сторона богословской дѣятельности Григорія Богослова. Онъ является однимъ изъ основателей догматическаго богословія, такъ какъ въ его твореніяхъ съ исчерпывающей полнотой, глубиной и ясностью дано православное ученіе о Лицахъ Св. Троицы. Въ догматическомъ отношеніи особенно важными являются: 1) „Пять словъ о богословіи“, названныя такъ самимъ проповѣдникомъ; за нихъ церковь дала ему наименованіе „Богослова“, 2) „О поставленіи епископовъ и о догматѣ Св. Троицы“, 3) „О соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи о Богѣ“.

Всего же, Григоріемъ Богословымъ написано 45 словъ. Его слова пользовались у современниковъ большимъ успѣхомъ. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить особенно слѣдующія, представляющія крупный историческій интересъ: 1) „Защитительное слово по поводу бѣгства въ Понтъ послѣ посвященія въ пресвитера“, въ которомъ говорится о высотѣ и трудности пастырскаго служенія; 2) два обличительныхъ слова противъ Юліана, имѣющія полемическій характеръ; 3) похвальные слова въ честь Василія Великаго, Григорія Старшаго и Кесарія.

Григорій Богословъ извѣстенъ, какъ поэтъ. Одаренный чуткой, нѣжной душой, онъ умѣлъ въ красивыхъ и сильныхъ образахъ передавать сложныя душевныя переживанія, любилъ и понималъ природу.

Его стихотворенія проникнуты истинно-христіанскимъ направленіемъ. Любовь къ Христу и стремленіе къ Нему — вотъ основной мотивъ его стихотвореній. Многие изъ свѣтскихъ писателей пользовались ими для своихъ стихотворныхъ переложеній.

Наконецъ, Григоріемъ Богословомъ оставлены 243 письма, представляющія богатый историческій матеріалъ. Письма эти самаго разнообразнаго содержанія. Часть ихъ, какъ, напр., къ пресвитеру Кледонію и патріарху Нектарію, написанныя въ обличеніе Аллолиарія, представляютъ большой догматическій интересъ. Въ другихъ Григорій Богословъ преподаетъ вопрошаю-

щимъ его христіанскія наставленія и совѣты. Эти письма—поучительнаго характера и, какъ таковыя, сохраняютъ свою цѣнность и для насъ. Наконецъ, многія изъ писемъ содержатъ ходатайства къ сильнымъ міра сего за нуждающихся и угнетенныхъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Василию Великому Григорій Богословъ называетъ его учителемъ догматовъ и руководителемъ жизни. Въ такой же мѣрѣ примѣнимы эти опредѣленія и къ Григорію Богослову. Въ своихъ твореніяхъ онъ является авторитетнымъ истолкователемъ православныхъ догматовъ, мнѣніе котораго очень высоко цѣнится современниками. Въ церковной жизни, несмотря на свое нерасположеніе къ дѣятельности и старательное уклоненіе отъ нея, онъ все-таки невольно принимаетъ дѣятельное участіе. Случалось всегда такъ, что всѣ большія волненія церковной жизни неотразимо направлялись къ нему, какъ центру, и искали въ немъ своего разрѣшенія. Такимъ образомъ, противъ воли, въ силу необходимости, онъ выступаетъ въ роли успокоителя волненій и устроителя церковнаго порядка. Ему приходится улаживать ссору отца съ паствою изъ-за неосторожно подписаннаго послѣднимъ аріанскаго символа вѣры. Онъ же выступаетъ примирителемъ между Евсеіемъ, епископомъ Кесарійскимъ, и его помощникомъ — пресвитеромъ Василиемъ, своимъ другомъ и будущимъ святителемъ православной церкви. Онъ оказываетъ вліяніе на епископовъ при выборѣ епископа на освободившуюся Кесарійскую кафедру и благодаря вліянію его и отца его ее занимаетъ Василій. Въ тяжелое для Василія Великаго время борьбы его съ Анфимомъ, Василій прибѣгаетъ къ его помощи и насильственно посвящаетъ его въ епископа г. Сасима, центральный боевой пунктъ, отдѣлявшій епископію Василія отъ епископіи Анфима. Когда православіе, тѣснимое аріанствомъ, начало почти исчезать въ Константинополѣ, православные этого города обратились къ Григорію же Богослову. Руководящая роль принадлежала ему и на второмъ вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ, хотя онъ впослѣдствіи принужденъ былъ въ силу сложившихся обстоятельствъ оставить его. Но и въ тиши уединенія Григорій Богословъ никогда не порываетъ связи съ церковью: въ важныхъ вопросахъ всѣ прислушиваются къ его голосу, съ нимъ постоянно совѣтуется его другъ Василій Великій, въ перепискѣ съ нимъ состоятъ видные епископы православной церкви.

Какъ проповѣдникъ, Григорій Богословъ производилъ на слушателей неотразимое, захватывающее впечатлѣніе. Силою только своего слова онъ вернулъ Константинопольской православной

церкви ея первенствующее мѣсто. Съ каждой проповѣдью таяло число расположенныхъ къ арианству и создавало среди послѣднихъ то настроеніе озлобленія и враждебности, которое выразилось затѣмъ въ открытыхъ покушеніяхъ на его жизнь. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ отношеніи къ своимъ противникамъ Григорій Богословъ былъ всегда снисходителенъ и терпимъ. Чувство мести всегда было чуждо его благородной душѣ. Одѣлавшись въ Константинополѣ господиномъ положенія, онъ не притѣсняетъ арианъ и не отбираетъ у нихъ захваченныхъ ими раньше церковныхъ имуществъ. Вообще къ еретикамъ и иномыслящимъ онъ проявлялъ широкую терпимость. „Тайна спасенія,—говоритъ онъ,—для желающихъ, а не для насилуемыхъ“. Какъ человѣкъ, Григорій Богословъ былъ истинный христіанинъ. За всю свою земную жизнь онъ никого не обидѣлъ, никому не причинилъ зла. Любящій покорный сынъ, самоотверженный и преданный другъ Василія Великаго, ходатай за бѣдныхъ и угнетенныхъ — такимъ является онъ въ жизни.

Заботы о церкви всегда снѣдали его и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ ея благо, онъ поступался своими личными желаніями, забывалъ о самомъ себѣ. Настроеніе въ церковной жизни часто разстраивали его и приводили его въ отчаяніе. „Церкви безъ пастырей,—писалъ къ Евдоксію Ритору,—доброе гибнетъ; злое наружи; надобно плыть ночью, нигдѣ не свѣтять путеводные огни, Христосъ спитъ“.

Но онъ вѣрилъ въ конечную побѣду православной церкви надъ всѣми ея врагами: „Очень знаю, — пишетъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ,—что недолго пошипятъ, потомъ спрячутся, низложенные истиной и временемъ“. Умеръ Григорій въ началѣ 380 г. Все, что онъ имѣлъ, онъ оставилъ назіанзской церкви въ помощь бѣднымъ. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Память его празднуется 25 января.

Слово 1. На Пасху и о своемъ замедленіи¹⁾.

Воскресенія день—благопріятное начало. Просвѣтимся торжествомъ, и обнимемъ другъ друга. *Рцемъ: братія, и ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5), кольми паче тѣмъ, которые изъ любви что-нибудь сдѣлали или потерпѣли. Уступимъ все Воскресенію; простимъ другъ друга: и я (упомяну о семъ теперь), подвергшійся доброду принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе; хотя нѣсколько и сѣтуете на меня за умедленіе. Можетъ быть, предъ Богомъ оно лучше и драгоцѣннѣе, нежели поспѣшность другихъ. Хорошо и уклоняться нѣсколько отъ призванія Божія, какъ въ древности поступилъ Моисей, а послѣ Іеремія; хорошо и поспѣшать съ готовностію на гласъ Зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія, только-бы то и другое было по благочестію,—одно по причинѣ собственной немощи, а другое по надеждѣ на силу Зовущаго. Въ день таинства помазанъ я; въ день таинства удалился не надолго, чтобы испытать самого себя; въ день таинства и возвращаюсь²⁾, избравъ сей день добрымъ попечителемъ моей боязливости и немощи, дабы Воскресшій нынѣ изъ мертвыхъ и меня обновилъ Духомъ, и облекши въ новаго человѣка, для новой твари, для раждаемыхъ по Богу, содѣлалъ добрымъ образователемъ и учителемъ, который со Христомъ и умираетъ охотно и воскресаетъ.

¹⁾ Слово сіе говорено по слѣдующему случаю. Когда св. Григорій противъ воли былъ поставленъ въ пресвитера, съ назначеніемъ вспомошествованія въ управленіи назіанзскою паствою Епископу, престарѣлому отцу его; тогда св. Григорій, по чувству смиренія и потому, что въ новомъ назначеніи видѣлъ препятствіе своему стремленію къ жизни созерцательной, удалился было въ Понтъ: однако, немного спустя, въ самый день Пасхи, онъ возвратился въ Назіанъ, и произнесъ настоящее слово.

²⁾ Подъ днемъ таинства, или какъ въ подлинникѣ, подъ словомъ: *таинство* разумѣется въ первомъ случаѣ праздникъ Рождества Христова, во второмъ—праздникъ Богоявленія, въ послѣднемъ—Пасха.

Вчера закланы были Агнецъ, помазаны двери, Египеть оплакивалъ первенцевъ; мимо насъ прошелъ погубляющій, печать для него страшна и досточтима, и мы ограждены драгоценною кровію: нынѣ мы чисто убѣжали изъ Египта, отъ жестокаго властителя Фараона и немилосердыхъ приставниковъ, освободились отъ брениа и плиноодѣланія, и никто не воспрепятствуетъ намъ праздновать Господу Богу нашему праздникъ изшествія,—и праздновать *не въ квасъ ветсъ злобы и лукавства, но въ безквасиухъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8), не принося съ собою египетскаго кваса безбожнаго. Вчера я распинался со Христомъ, нынѣ прославляюся съ Нимъ; вчера умиралъ съ Нимъ, нынѣ оживаю; вчера спогребался, нынѣ совоскресаю.

Принесемъ-же дары Пострадавшему за насъ и Воскресшему. Можетъ быть, вы думаете, что я говорю о золотѣ, или о серебрѣ, или о тканяхъ, или о прозрачныхъ и драгоценныхъ камняхъ. Это—вещество земное, переходящее и на землѣ остающееся, котораго всегда больше имѣють злые—рабы дольняго, рабы міродержателя. Нѣтъ, принесемъ самихъ себя—стяжаніе самое драгоценное предъ Богомъ и Ему наиболѣе свойственное, воздадимъ образу сотворенное по образу, познаемъ свое достоинство, почитимъ Первообразъ, уразумѣемъ силу таинства¹⁾ и то, за кого Христось умеръ. Уподобимся Христу; ибо и Христось уподобился намъ: содѣлаемся богами ради Его; ибо и Онъ сталъ чловѣкомъ для насъ. Онъ воспріялъ худшее, чтобы дать лучшее; обнищалъ, чтобы намъ обогатиться Его нищетою; принялъ зракъ раба, чтобы намъ получить свободу; снизшелъ, чтобы намъ вознестись; былъ искушенъ, чтобы намъ побѣдить; претерпѣлъ безславіе, чтобы насъ прославить; умеръ, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь къ Себѣ долу лежащихъ въ грѣховномъ паденіи. Пусть кто все отдастъ, все принесетъ въ даръ Богу, Который предалъ Себя за насъ въ цѣну искупленія: ничего не принесетъ онъ равнаго тому, какъ если представить Ему самого себя, разумѣющаго силу таинства и содѣлавшагося всеѣмъ для Христа, какъ Онъ для насъ.

Сей²⁾ Пастырь добрый, полагающій душу за овцы, вамъ, какъ видите, плодоприноситъ Пастыря. Ибо сего надѣется онъ и желаетъ, и проситъ отъ васъ, пасомыхъ имъ³⁾. Онъ даетъ вамъ

¹⁾ Настоящаго праздника.

²⁾ Отецъ св. Григорія.

³⁾ Здѣсь разумѣется желаніе отца св. Григорія, чтобы сей послѣдній былъ его преемникомъ.

себя сугубаго вмѣсто одного, и жезлъ старости дѣлаеть жезломъ духа; къ неодушевленному храму присовокупляеть одушевленный¹⁾, къ храму прекрасному и небовидному—другой, который, какъ-бы ни былъ скуденъ и малъ, но для него, безъ сомнѣнія, весьма дорогъ, и совершенъ имъ съ великими усиліями и трудами, и (о если бы можно было сказать!) достоинъ трудовъ его. Все свое предлагаеть онъ вамъ,—какое великодушіе, или, справедливѣе сказать, какое чадолубіе! Предлагаеть сѣдину и юность, храмъ и Архіерея, завѣщателя и наслѣдника, предлагаеть слова²⁾, которыхъ вы желали, и слова не пустыя, теряющіяся въ воздухъ и не проникающія далѣе слуха, но которыя пишутъ Духъ, не черниломъ, но благодатію, напечатлѣваетъ на скрижаляхъ каменныхъ или плотяныхъ,—слова, не слегка на поверхности начертываемыя и удобно изглаждающіяся, но глубоко врѣзывающіяся. Вотъ что приносить вамъ сей досточтимый Авраамъ, Патріархъ, честная и достоуважаемая глава, вмѣстѣ лице всѣхъ доблестей, образецъ добродѣтели, совершенство священства, приносящій нынѣ добровольную жертву Господу,—своего единороднаго, рожденнаго по обѣтованію.

А вы, какъ даръ и плодъ, принесите Богу и намъ расположеніе—быть доброю паствою, вселяясь на мѣстѣ злчнѣ и воспитываясь на водѣ упокоенія (Пс. 22, 1. 2). Хорошо зная Пастыря и будучи имъ знаемы, идите за тѣмъ, кто зоветъ пастырски и свободно, чрезъ дверь, а не слѣдуйте чуждому, перескакивающему чрезъ ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чуждаго гласа, похищающаго отъ истины и расточающаго по горамъ, по пустынямъ, по дебрямъ, по мѣстамъ, которыхъ не посѣщаетъ Господь,—гласа, отводящаго отъ здоровой вѣры въ Отца, и Сына и Святаго Духа, во едино Божество и силу; вѣры, которой вѣщанію всегда внимали и да внимають всегда мои овцы; не слушайте гласа, который нечистыми и поврежденными словами отторгаетъ и увлекаеть отъ истиннаго и перваго Пастыря. Далече отъ всего того, какъ отъ зелія чарующаго и смертоноснаго, да даруетъ Онъ всѣмъ намъ,—и пастырямъ и стаду, и питаться и питать, и всѣмъ нынѣ и въ вѣчномъ упокоеніи быть едино во Христѣ Исусѣ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

¹⁾ Подъ неодушевленнымъ храмомъ разумѣется храмъ, созданный отнемъ св. Григорія; подъ одушевленнымъ—самъ Григорій.

²⁾ Здѣсь разумѣются слова св. Григорія Богослова.

Слово 2. Къ призвавшимъ въ началѣ, но не срътившимъ св. Григорія, когда онъ сталъ пресвитеромъ.

Что не спѣшите къ нашему слову, о други и братія, нѣкогда столь скорые для того, чтобы принудить меня и извлечь изъ моей твердыни, то есть изъ пустыни, которую я возлюбилъ паче всего, которую я преимущественно чтилъ и избралъ себѣ руководительницею всей жизни, какъ содѣйственницу и матеръ божественнаго восхожденія, какъ обожительницу? Для чего то, что желали получить, пренебрегаете по полученіи? Для чего, по видимому, лучше умѣете желать насъ, когда насъ нѣтъ, нежели пользоваться отъ насъ, когда мы съ вами, какъ будто вы хотѣли только овладѣть нашимъ любомудріемъ, а не извлекать изъ него пользу себѣ? Или же, прилично мнѣ сказать и сіе: *быхомъ вамъ въ сытость* (Ис. 1, 14), и притомъ—странное дѣло!—прежде нежели вы насъ вкусили и испытали. Даже, какъ странника, вы не ввели меня, или, скажу сострадательнѣе, не введены и вы со мною; для чего, если не другое что, то заповѣдь уважить надлежало. Какъ начинающему не дали вы мнѣ руководства, какъ боязливаго не ободрили меня, какъ потерпѣвшаго насиліе не утѣшили; напротивъ того,—не хотѣлъ-бы сказать, однако скажу,—и праздникъ не въ праздникъ вы мнѣ сдѣлали; не съ добрымъ предвѣстіемъ вы меня приняли, и торжество растворили печалію; потому что недоставало при немъ самаго важнаго для удовольствія,—недоставало васъ, моихъ побѣдителей,—несправедливо было-бы сказать: любителей. Такъ удобно пренебрегается все, что удобно препобѣждается; раболѣпно читится высокое, и безчестится смиряющееся предъ Богомъ. Чего вы хотите? Судиться-ли мнѣ съ вами, или стать судіею? Произнести-ли приговоръ, или подвергнуть себя приговору? Ибо надѣюсь, что и судимый одержу верхъ, и произнося судъ, праведно васъ осужу. Вина ваша въ томъ, что вы не равною мѣрою воздаете за мою любовь; не отдаете чести моему послушанію, и нынѣшняго усердія не представляете въ поруку за будущее, тогда какъ и при семъ усердіи едвали бы можно было положиться на будущее; потому что у всякаго болѣе горячности въ началѣ. Напротивъ того, каждый изъ васъ предпочитаетъ что-нибудь и старому и новому своему пастырю, не уважая сѣдинъ и не ободряя юности.

Великолѣпна изображаемая въ Евангеліи вечеря (Мате. 22, 2 и слѣд.); угощающій ласковъ; тамъ—и друзья, и самое пріят-

ное пиршество, это—бракъ Сына. Но Царь созываетъ, а гости не приходятъ. Онъ гнѣвается, и,—умалчиваю о томъ, что было за симъ, какъ о предвѣщающемъ грозное, но скажу, что легче выговорить,—Царь наполняетъ пиршество другими. Не желаю вамъ сего; но вы поступили со мною (могу ли говорить кротко?)—и тѣхъ высокобѣряе и дерзостиѣ; потому что они, будучи званы, отrekliсь отъ вечери и оскорбили Звавшаго; а вы—нечужіе, вы—не званые на бракъ, но сами призвали меня, сами привлекли къ сей священной трапезѣ, сами показали мнѣ великолѣпіе брачнаго чертога, и потомъ оставили меня. Таковы ваши великія доблести! Кто на село свое, кто къ парѣ воловъ новокупленныхъ, кто къ новобрачной супругѣ, кто за чѣмъ-либо другимъ мало-важнымъ,—всѣ вы разсѣялись и убѣжали, не заботясь ни о брачномъ чертогѣ, ни о Женихѣ. Сіе весьма опечалило и привело меня въ затрудненіе,—не умолчу о своихъ чувствованіяхъ,—я едва не удержалъ слово, которое хотѣлъ принести въ брачный даръ, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее свое достояніе; и едва не обратилъ слова противъ васъ, возлюбленные; потому что однажды я потерпѣлъ отъ васъ насиліе,—и могъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ; притомъ, языкъ мой изощряла любовь, которая бываетъ весьма горяча и неистощима въ обвиненіяхъ, когда превращается въ ревность, оскорбившись неожиданнымъ пренебреженіемъ. Ежели кто изъ васъ былъ уязвленъ любовію и испыталъ презрѣніе, то онъ знаетъ силу сей страсти, и проститъ тѣхъ, которые подверглись ей, и были близки къ такому-же безумію.

Впрочемъ, мнѣ и теперь непозволительно укорять васъ, и не желаю, чтобы когда-нибудь было позволено. Можетъ быть, и сказанное мною—чрезъ мѣру укоризненно для васъ, священное стадо, достохвальныя овцы Христовы, Божіе достояніе, которымъ богатъ ты¹⁾, при всей своей бѣдности. Мнѣ кажется, что прилично отнести къ тебѣ сіи слова Писанія: *вервь пролегла для тебя по прекраснымъ мѣстамъ, и удѣлъ твой всего пріятнѣе для тебя* (Пс. 15, 6). Я не уступлю ни въ чемъ преимуществу предъ нами самымъ многолюднымъ городамъ, самымъ обширнымъ изъ паствъ; хотя мы малочисленны въ наименьшемъ колѣнѣ сыновъ Израилевыхъ, хотя мы весьма малочисленны въ тысячахъ Іудиныхъ; мы—малый изъ городовъ Вилеемъ, въ которомъ рождается Христось, и нынѣ и издревле право познавае-

¹⁾ Здѣсь св. Григорій обращается къ отцу своему.

мый и почитаемый; мы Отца превозносимъ, Сына почитаемъ равнымъ Ему, и Духа Святаго прославляемъ. Мы единомышленны, единомыслимъ, нимало не оскорбляемъ Троицы ни приложеніемъ, ни отоѣченіемъ, какъ худые распорядители и мѣрители Божества, которые унижаютъ и оскорбляютъ все, тѣмъ самымъ, что одно почитаютъ болѣе надлежащаго.

Если же хотите чѣмъ-нибудь воздать мнѣ, вы—нива моя, виноградъ мой, утроба моя, или лучше, сего общаго нашего отца, который благовѣствованіемъ породилъ насъ во Христѣ: то окажите уваженіе и мнѣ, какъ требуетъ того справедливость; потому что я предпочелъ васъ всему,—въ чемъ свидѣтели—сами вы и поручившіе мнѣ сіе правленіе, или служеніе. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше: то какъ измѣрю любовь, къ которой я обязалъ васъ моею любовью?

Но большее уваженіе оказывайте къ самимъ себѣ; почитите вѣранный вамъ образъ и Вѣрившаго оный, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для сего храните вѣру, которую приняли, въ которой воспитаны, которою надѣетесь сами спастись (1 Кор. 15, 1. 2) и другихъ спасти: ибо знаете, что немногіе могутъ похвалиться тѣмъ-же, чѣмъ и вы. Благочестіе поставляйте не въ томъ, чтобы часто говорить о Богѣ, но въ томъ, чтобы больше молчать; ибо языкъ, не управляемый разумомъ — претыканіе для всѣхъ людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснѣе слушать, нежели говорить; возжелѣннѣе учиться, нежели учить о Богѣ; тщательнѣйшее о семъ изслѣдованіе предоставляя строителямъ слова, сами выказывайте благочестіе менѣе словомъ, а болѣе дѣломъ, и обнаруживайте любовь свою къ Богу болѣе соблюденіемъ заповѣдей Его, нежели удивленіемъ къ Законодателю; убѣгайте зла, преуслѣвайте въ добродѣтели, духомъ живите, духомъ ходите, имъ привлекайте вѣдѣніе; назидайте на основаніи вѣры *не дрoва, сѣно, тростіе*—вещество слабое, которое легко можетъ истребиться, когда дѣла наши будутъ судимы или очищаемы огнемъ,—*но злато, сребро и каменіе честно* (1 Кор. 3, 16.),—вещества твердыя и пребывающія. Такъ поступайте, а тѣмъ прославляйте и насъ, будете ли съ нами, или не будете, нашими ли будете пользоваться словами, или найдете что-нибудь другое предпочтительнѣе. Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими посреди рода лукаваго и развращеннаго; не опутывайтесь сѣтями нечестивыхъ, окрестъ ходящихъ, и не связывайтесь пленицами своихъ грѣховъ (Притч. 5, 22.); Слово Божіе да не будетъ подавлено въ васъ заботами

житейскими, чтобы вамъ не остаться бесплодными. Но идите царскимъ путемъ, не уклоняясь ни направо, ни налѣво, и подъ руководствомъ Духа шествуйте узкимъ путемъ, какъ простран-нымъ. Тогда все у насъ будетъ благоуспѣшно и въ настоящей жизни и на будущемъ испытаніи во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Слово 3, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаление свое въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, и потомъ возвращеніе оттуда; также учить, какъ важень санъ священства, и каковъ долженъ быть епископъ.

Я побѣжденъ, и признаю надъ собою побѣду. *Повинухся Господеву, и умолихъ Его* (Пс. 36, 7.). Такъ да начнетъ слово мое блаженнѣйшій Давидъ, или, лучше сказать, Вѣщавшій въ Давидѣ и еще доннѣ чрезъ него Вѣщающій! Ибо для начинающаго всякое слово и дѣло самый лучший порядокъ—и начинать Богомъ, и оканчивать Богомъ.

О причинѣ же моего прежняго противленія и малодушія, по которому я *удалихся бѣгая и водворихся* (Пс. 54, 8.) на немалое время вдали отъ васъ, можетъ быть и желавшихъ моего пребыванія у васъ, а равно и о причинѣ настоящей моей покорности и перемѣны, по которой я самъ возвратился къ вамъ, пусть всякій говоритъ и думаетъ по-своему; такъ какъ одинъ ненавидитъ, а другой любитъ; иной не извиняетъ, а другой даже одобряетъ меня. Людямъ всего пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ, особливо, если увлекаются или благорасположеніемъ, или ненавистію; въ какомъ случаѣ всего чаще и скрывается отъ нихъ истина. Но я, отложивъ стыдъ, представлю истину и для обѣихъ сторонъ, то есть, для обвиняющихъ меня и для защищающихъ усердно, буду правдивымъ посредникомъ, самъ себя въ иномъ обвиняя, а въ иномъ оправдывая. И чтобы слово мое шло въ надлежащемъ порядкѣ,—скажу сперва о томъ, что было со мною прежде—о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мною соблазнялись нѣкоторые изъ наблюдающихъ тщательно за всѣми моими поступками, правильны ли они, или нѣтъ (такъ какъ Богу угодно, чтобы и я значилъ нѣчто для христіанъ); а соблазвившихся, если найдутся таковые, уврачую симъ защитительнымъ словомъ. Всего лучше—не полагать другимъ преткновенія или соблазна, не погрѣшая и даже не подавая подозрѣнія, сколько сіе возможно, и сколько достанетъ силъ ума; потому что знаемъ,

какое неизбѣжное и тяжкое наказаніе опредѣлили *Неложный* (Тит. 1, 2.) соблазнившимъ и единого отъ малыхъ. Но я подвергся сему, братія, не по невѣдѣнію и недоразумѣнію, напротивъ того (похваюсь, хотя нѣсколько), по другимъ причинамъ, а не потому, чтобы презиралъ Божіи законы и повелѣнія.

Какъ въ тѣлѣ, иное начальствуетъ и какъ бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ Церквахъ (по закону ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующаго) Богъ постановилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другіе, стоящіе выше прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были Пастырями и Учителями къ совершенію Церкви, и имѣли къ другимъ такое же отношеніе, какое душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно тѣлеснымъ членамъ соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокуплено и связано союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинно достойное самого Христа—нашей Главы. Посему не думаю, чтобы безначаліе и беспорядокъ были полезнѣе порядка и начальства, какъ для всего прочаго, такъ и для людей; напротивъ того, всего менѣе полезны они людямъ, которымъ угрожаетъ опасность въ важнѣйшемъ. Для нихъ, если не соблюдутъ перваго требованія разума, чтобы не грѣшить, важно второе, чтобы согрѣшившіе возвращаемы были на истинный путь. А поелику хорошо и справедливо—быть начальникамъ и подначальнымъ; то, по моему мнѣнію, равно худо и въ одинаковой мѣрѣ противно порядку, какъ всѣмъ желать начальства, такъ и никому не принимать онаго на себя. Когда бы всѣ стали избѣгать сего начальствованія или, правильнѣе назвать, служенія; тогда бы прекрасной полнотѣ Церкви не доставало бы значительнѣйшаго, и она не была бы уже прекрасною. Притомъ, гдѣ и къмъ совершалось бы у насъ таинственное и горѣ возводящее Богослуженіе, которое у насъ всего превосходнѣе и досточтимѣе, если бы не было ни Царя, ни Князя, ни Священства, ни Жертвы (Осіи 3, 4.), ни всего того, чего, какъ важнѣйшаго, были лишены непокоривые древле въ наказаніе за великія преступленія? Съ другой стороны, ни мало не странно и не виѣ порядка, что многіе богомудрые изъ подначальныхъ восходятъ на степень начальника; сіе—не вопреки правиламъ, какія предписываетъ любомудріе, и не предосудительно; равно какъ и то, что искусному корабельщику даютъ управлять кора-

бельнымъ носомъ, а тому, кто, управляя носомъ, умѣетъ наблюдать вѣтры, повѣряютъ кормило; или (если угодно еще)—мужественный воинъ дѣлается начальникомъ отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряженіе всѣми военными дѣлами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, можетъ быть, подумаетъ иной изъ людей ни къ чему негодныхъ и злыхъ, которые судятъ о другихъ по собственнымъ своимъ страстямъ. Я не такъ мало разумѣю и Божіе величіе и человѣческую низость, чтобы для всякаго сотвореннаго естества не признавать великимъ дѣломъ—хотя сколько-нибудь приближаться къ Богу, Который единъ всего свѣтозарнѣе, всего славнѣе, и превосходить чистотою всякую вещественную и невещественную природу.

Итакъ что же со мною произошло? Какая была причина моего непослушанія? Многимъ казалось, что я былъ тогда самъ не въ себѣ, сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, а не какимъ меня знали, противился и упорствовалъ больше, нежели сколько было позволительно. Посему выслушайте тому причины вы, которымъ давно желательно ихъ знать.

Особенно пораженъ я былъ неожиданностью, подобно человѣку, поражаемому внезапнымъ громомъ, не собрался съ мыслями; и потому преступилъ скромность, къ которой приучалъ себя всю жизнь. Потомъ овладѣла мною какая-то привязанность ко благу безмолвія и уединенія. Любя его съ самаго начала, сколько елва ли любилъ кто другой изъ занимающихся науками, въ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для меня обстоятельствахъ давъ Богу обѣтъ *безмолвной жизни*, даже коснувшись уже оной, какъ находившійся въ преддверіи, и, по извѣданіи, воспылавшій большимъ желаніемъ, я не вынесъ принужденія, не допустилъ ввергнуть себя въ мятежи и насильно отвлечь отъ такой жизни, какъ бы отъ священнаго убѣжища. Мнѣ казалось, что всего лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самого себя, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго и носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми напечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, приобрѣтать ко свѣту свѣтъ—къ менѣе ясному лучезарнѣйшій, пожинать уже упованіемъ блага будущаго вѣка, сожителствовать съ Ангелами, и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму Духомъ горѣ. Если кто изъ васъ

объятъ сею любовію; то пойметъ, что говорю, и извинитъ тогдашнее состояніе моего духа. Но слова мои не убѣдятъ, можетъ быть, многихъ, именно всѣхъ тѣхъ, кому смѣшнымъ кажется сей родъ жизни, къ которому они не расположены или по собственному неразумію, или потому, что иные проходятъ его недостойно; подкрѣпляемые завистью, также злонаправіемъ и поползновеніемъ многихъ на худшее, они и хорошее именуютъ худымъ, любомудріе называютъ тщеславіемъ. А отъ сего непременно погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ,—или дѣлаютъ зло, или не вѣрятъ добру.

Сверхъ сего, произошло со мною еще нѣчто (открою предъ вами всю мою тайну): не знаю, благородно ли это, или нѣтъ; однако же, такъ было. Мнѣ стыдно было за другихъ, которые, будучи ничѣмъ не лучше прочихъ (если еще не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются во святилище, тѣсняются и толкаются вокругъ Святой Трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцемъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета. И такіе люди, скудные благочестіемъ, жалкіе въ самомъ блескѣ своемъ, едва ли не многочисленнѣе тѣхъ, надъ кѣмъ они начальствуютъ; такъ что, съ продолженіемъ времени и сего зла, не останется, какъ думаю, надъ кѣмъ имъ начальствовать,—когда всѣ будутъ учить, вмѣсто того, чтобы какъ говорить Божіе обѣтованіе, *быть наученными Богомъ* (Ис. 54, 13); всѣ станутъ пророчествовать, и, по древнему сказанію, по древней притчѣ, будетъ и *Саулъ во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11). Иные пороки, по временамъ, то усиливались, то прекращались; но ничего никогда, и нынѣ и прежде, не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у христіанъ сіи постыдныя дѣла и грѣхи. Но ежели не въ нашихъ силахъ—остановить стремленіе зла, то по крайней мѣрѣ ненавидѣть и стыдиться его есть не послѣдняя степень благочестія.

Но вотъ послѣдняя причина, которая важнѣе приведенныхъ; ибо касаюсь уже главнѣйшаго въ словѣ, и не солгу (что было бы и непозволительно разсуждающему о такомъ предметѣ); я не думалъ, и теперь не думаю, чтобы одно и тоже значило—водить стадо овецъ или воловъ, и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы волы или овцы сдѣлались самими откормленными и тучными. А на сей конецъ пасущій ихъ будетъ выбирать мѣста, обильныя водою и злачными, перегонять стада съ

одного пастбища на другое, давать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать, иныхъ жезломъ, а большую часть свирѣлью. У пастыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла; развѣ иногда прійдется ему повоевать немного съ волками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубь, тѣнь, свирѣли и то, чтобы полежать на прекрасной травѣ, у студеной воды подъ вѣтеркомъ устроить на время изъ зелени ложе, иногда съ стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь, поговорить съ волами или овцами, и изъ нихъ же, что пожирнѣе, съѣсть или продать. А о добродѣтели овецъ или воловъ никто никогда не заботится. Ибо что у нихъ за добродѣтель? И кто изъ пастуховъ предпочиталъ собственному удовольствію полезное для стада? Но человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ, еще, кажется, гораздо труднѣе—умѣть начальствовать надъ людьми, особенно—имѣть такое начальство, каково наше, которое основывается на Божіемъ законѣ, и возводитъ къ Богу,—въ которомъ, чѣмъ больше высоты и достинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ. И онъ, во-первыхъ, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всякомъ обстоятельствѣ и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета, не долженъ нисколько содержать въ себѣ вещества худшаго, которое бы требовало сильнѣйшаго огня. Иначе, тѣмъ большее произойдетъ зло, чѣмъ надъ большимъ числомъ людей будетъ онъ начальствовать; потому что порокъ, распространяющійся во многихъ, значительнѣе порока, остановившагося на одномъ. И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухъ, и изъ воздуха общается животнымъ какое-нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразою, какъ подчиненные, въ скорѣйшемъ обыкновенно времени, принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку—добродѣтель. Въ семь пороковъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелію. И я всего болѣе скорблю при мысли, что порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; напротивъ того, стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя бы и многое къ ней влекло и побуждало. Сію самую мысль, какъ думаю, имѣлъ и блаженнѣйшій Аггей, когда приведенъ былъ къ сему чудному и весьма вѣрному изображенію: спросите іереевъ о

законѣ, говоритъ онъ: священное мясо, прикоснувшееся къ ризѣ, къ какому-нибудь яству или питію, или сосуду, освятить ли тотчасъ, что къ нему приблизилось? И когда іереи сказали: нѣтъ; спросите еще, говоритъ: когда что-либо прикоснется къ нечистой вещи, не тотчасъ ли прійметъ въ себя скверну? На сіе они сказали: прійметъ, и по причинѣ сообщенія не будетъ уже чистымъ (Агг. 2, 13. 14). Что значитъ сіе? То же, что и я говорю. Добродѣтель не удобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества; но большая часть людей готовы и способны принимать въ себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгораетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полыни тотчасъ сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полыни своей сладости. Выдерни малый камень: онъ повлечетъ за собой всю рѣку на открытое мѣсто; удержать же и преградить ее едва возможетъ самая твердая плотина.

Итакъ, первое, чего изъ сказаннаго нами бояться должно, есть то, чтобы намъ не оказаться худыми живописцами чудной добродѣтели, особенно же негоднымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ, можетъ быть, и не худыхъ, но многихъ, или чтобы намъ не подойти подъ пословицу: беремъ лѣчить другихъ, а сами покрыты струпами. Во-вторыхъ, если бы кто изъ насъ сохранилъ себя, даже сколько можно болѣе, чистымъ отъ всякаго грѣха, то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить другихъ добродѣтели. Кому ввѣрено сіе, тотъ не только не долженъ быть порочнымъ (симъ гнушаются и многіе изъ подчиненныхъ ему); но долженъ отличатся добродѣтелію, по заповѣди, повелѣвающей *уклониться отъ зла и сотворить благо* (Пс. 36, 27). Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худые образы, но и напечатлѣвать лучшіе, чтобы ему превосходить другихъ добродѣтелію больше, нежели сколько онъ выше ихъ достоинствомъ. Онъ долженъ не знать даже мѣры въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству, почитать не столько прибылію то, что приобрѣтено, сколько потерю то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда въ ступень къ высшему, и не высоко думать о себѣ, если и многихъ превосходить, но признавать урономъ, если не соотвѣтствуетъ въ чемъ сану. Ему должно измѣрять успѣхи свои заповѣдію, а не примѣромъ ближнихъ (порочны ли они, или успѣваютъ нѣсколько въ добродѣтели),

не взвѣшивать на малыхъ вѣсахъ добродѣтели, какою обязаны мы Великому, отъ Котораго все, и для Котораго все, не думать, что всѣмъ прилично одно и то же; такъ какъ не у всѣхъ одинъ и тотъ же возрастъ, однѣ и тѣ же черты лица, не одинакова природа животныхъ, не одинаковы качества земли, красота и величіе свѣтилъ. Напротивъ того, должно почитать порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что произведено имъ худаго, заслуживаетъ наказаніе и строго истязуется самымъ закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ даже то, что онъ не достигъ возможнаго совершенства, и не преуспѣваетъ непрестанно въ добрѣ; потому что ему надобно—превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, и не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ. Ибо все, что дѣлается недобровольно, кромѣ того, что оно насильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и самъ Законоположникъ особенно повелѣваетъ *пасты стадо не нуждею, но волею* (1 Петр. 5, 2).

Положимъ даже, что иный непорочень и взошелъ на самый верхъ добродѣтели: все еще не вижу, какимъ запасишь знапьемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ.. Въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе душъ сравнить съ врачеваніемъ тѣлъ, извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее и разбереть, сколько наше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтительнѣе, и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія. Одно трудится надъ тѣлами, надъ веществомъ браннымъ и стремящимся долу, надъ веществомъ, которое непременно разрушится и повергнется своей участи, хотя теперь, съ помощію искусства, и преодолѣется происшедшее въ немъ разстройство; ибо тѣло, уступивъ природѣ и не выходя изъ своихъ предѣловъ, будетъ разрушено или болѣзнію, или временемъ. А другое печется о душѣ, которая произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ (можетъ быть, и по другимъ причинамъ, какія извѣстны единому Богу, сопрягшему

ее съ тѣломъ, и развѣ еще тому, кто самимъ Богомъ наученъ таковымъ тайнамъ, но сколько мы знаемъ—я и подобные мнѣ люди) для двухъ слѣдующихъ цѣлей. Во-первыхъ, чтобы душа могла наслѣдовать горную славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ, и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получила уповаемое въ награду за добродѣтель, а не только какъ даръ Божій. И конечно, въ томъ—верхъ благодати Божіей, что добро содѣлано и нашею собственностію, не только всѣяно въ насъ съ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы, преклонной на ту и другую сторону. Во-вторыхъ, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрѣшая отъ дебелости, привлекать къ себѣ и возводить горѣ, чтобы она, ставъ руководительницею для служебнаго вещества, и обративъ его въ сослужебное Богу, была для тѣла тѣмъ же, чѣмъ Богъ для души.

Врачующій тѣло принимаетъ во вниманіе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лекарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти больнаго не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и надъ кѣмъ нужно, употребляетъ прижиганія, рѣзаніе и другіе, еще болѣе жестокіе способы леченія. Хотя все сіе оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однако же не столько, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе и все въ насъ тому подобное, исторгать, что приросло къ намъ звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводитъ и укореняетъ все, что есть кроткаго и благороднаго, устанавливать надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшимъ, что было бы величайшею несправедливостію, но низшее по природѣ подчиняя начальственному и владычественному, какъ безъ сомнѣнія требуетъ Божій законъ, прекрасно установленный для всего творенія и видимаго и сверхчувственнаго

Въ разсужденіи всего исчисленнаго мною примѣчаю еще и то, что охраняемое врачомъ тѣло, каково есть по своей природѣ, таковымъ и остается, само же собою ни мало не злоумышляетъ и не ухищряется противъ средствъ, употребляемыхъ искусствомъ; напротивъ того, врачебное искусство владѣетъ веществомъ; развѣ иногда произойдетъ какой-либо временный безпорядокъ отъ воли больнаго, что впрочемъ нетрудно предотвратить и пресѣчь. А въ насъ мудрованіе, самолюбіе и то, что не умѣемъ и не терпимъ легко уступать надъ собою побѣду, служатъ вели-

чайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели и составляютъ какъ бы ополченіе противъ тѣхъ, которые подаютъ намъ помощь. Сколько надлежало бы прилагать старанія, чтобы открыть врачующимъ болѣзнь, столько употребляемъ усилія, чтобы избѣжать врачеванія. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны ко вреду своего здравія. То рабски скрадываемъ грѣхъ, утаивая его въ глубинѣ души, какъ нѣкоторый загноившійся и злокачественный струпъ, какъ будто, сокрывши отъ людей, сокроемъ и отъ великаго ока и суда Божія; то подъ различными предлогами извиняемъ въ себѣ грѣхи и придумываемъ оправданія своимъ страстямъ; то заградивши слухъ, подобно *аспиду глухому и затыкающему уши*, принимаемъ всѣ мѣры, чтобы *не слышать гласа обавоющихъ* (Пс. 57, 5. 6.) и не пользоваться врачествами мудрости, которыми исцѣляется душевный недугъ; то, наконецъ (какъ поступаютъ болѣе смѣлые и храбрые изъ насъ) явно не стыдимся, ни грѣха, ни врачующихъ грѣхъ, идемъ, какъ говорится, съ открытою головою на всякое беззаконіе. Какое разстройство ума! или какъ еще приличнѣе назвать такую болѣзнь!—Кого надлежало бы любить, какъ благодѣтелей, гонимъ отъ сеебя, какъ враговъ, ненавидя *обличающихъ во вратѣхъ* (Агг. 2, 15), *гнушаясь словомъ праведнымъ* (Амос. 5, 10), и подобно тѣмъ, которые, терзая собственную плоть, думаютъ, что терзаютъ плоть ближнихъ, предполагаемъ нанести тѣмъ большій вредъ своимъ доброжелателямъ, чѣмъ больше зла сдѣлаемъ сами себѣ.

Посему-то полагаю, что наше лечебное искусство гораздо труднѣе, а слѣдственно и предпочтительнѣе искусства врачевать тѣла; но оно труднѣе еще и потому, что послѣднее мало заглядываетъ вглубь, болѣе же занимается видимымъ: напротивъ того, наше врачеваніе и попеченіе все относится къ *потайному сердца чловѣку* (1 Петр. 3, 11), и наша брань—со врагомъ, внутрь насъ воюющимъ и противоборствующимъ, который, оружіемъ противъ насъ употребляя насъ же самихъ (что всего ужаснѣе!), предаетъ насъ грѣховной смерти. А для сего намъ нужны: великая и совершенная вѣра, въ большей мѣрѣ Божіе содѣйствіе, но не въ малой также, какъ убѣжденъ я, и собственная наша ревность, выражаемая и дѣйствительно оказываемая словомъ и дѣломъ, если нужно, чтобы наши души, которыя для насъ всего предпочтительнѣе, хорошо были врачуемы, очищаемы и цѣнимы дороже всего.

Что же касается до цѣли того и другаго врачеванія

(намъ остается еще сличить ихъ въ семь отношеніи); то цѣль одного — или сохранить здравье и благосостояніе плоти, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено, — хотя и неизвѣстно, полезно ли сіе будетъ обладающему здоровьемъ. Ибо и противоположное сему часто приносило великую пользу, равно, какъ нищета и богатство, слава и безславіе, униженіе и знатность, также все, что по природѣ своей занимаетъ средину, не преклоняясь ни на ту, ни на другую сторону, дѣлается лучшимъ или худшимъ по употребленію и произволу обладающихъ. Но цѣль другаго врачеванія — окрылить душу, исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать, если — въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить Христа въ сердца* (Ефес. 3, 17) Духомъ; короче сказать: того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать богомъ и причастникомъ горняго блаженства. Сего хотятъ для насъ и пѣстунъ законъ, и посредствующіе между Христомъ и закономъ Пророки, и Совершитель и конецъ духовнаго закона — Христось, и истощившее Себя Божество, и воспріятая плоть, и новое смѣшеніе — Богъ и человѣкъ — единый изъ Божества и человечества, и чрезъ единого то и другое. Для сего Богъ примѣсилъ къ плоти чрезъ посредство души, и далекое между собою совокуплено чрезъ сродство посредствующаго за тѣмъ и за другимъ; все соединилось въ едино за всѣхъ и за единого Праотца, — душа за душу преслушную, плоть за плоть, покорившуюся душѣ и вмѣстѣ осужденную; Христось, непричастный грѣху и высшій грѣху, за Адама, бывшаго подъ грѣхомъ. Для сего ветхое замѣнено новымъ; страданіемъ возванъ страдавшій; за каждый нашъ долгъ воздано особо Тѣмъ, Кто превыше насъ; и открылось новое таинство — человѣколюбивое Божіе смотрѣніе о падшемъ чрезъ непослушаніе. Для сего — рожденіе и Дѣва, для сего — ясли и Вилеемъ; рожденіе вмѣсто созданія, Дѣва вмѣсто жены, Вилеемъ вмѣсто Едема, ясли вмѣсто рая, малое и видимое вмѣсто великаго и сокровеннаго. Для сего — Ангелы, славящіе Небеснаго, содѣлавшагося потомъ Земнымъ, пастыри, видящіе славу на Агнцѣ и Пастырѣ; звезда путеводствующая, волхвы поклоняющіеся и приносящіе дары, чтобы прекратилось идолослуженіе. Для сего Иисусъ пріемлетъ крещеніе и свидѣтельство свыше; для сего постится, бываетъ искушаемъ и побѣждаетъ побѣдившаго. Для его изгоняются демоны, исцѣляются болѣзни, и великое дѣло проповѣди поручается малымъ и совершается ими. Для сего мянутся наробы, и люди помышляютъ тишное Для

сего—древо за древо, и руки—за руку; руки, мужественно распростертыя, за руку, невоздержно простертую; руки пригвожденныя—за руку своевольную, руки совокупающія во едино концы міра—за руку, извергшую Адама. Для сего—вознесеніе на крестъ за паденіе, желчь за вкушеніе, терновый вѣнецъ за худое владычество, смерть за смерть, тьма для свѣта, погребеніе за возвращеніе въ землю, воскресеніе для воскресенія. Все сіе было для насъ Божиимъ нѣкоторымъ дѣтководительствомъ и врачеваніемъ нашей немощи, возвращающимъ ветхаго Адама туда, откуда онъ ниспалъ, и приводящимъ къ древу жизни, отъ котораго удалилъ насъ плодъ древа познанія, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Сего-то врачеванія служители и сотрудики—всѣ мы, предсѣдательствующіе предъ другими, мы, для которыхъ важно—знать и врачевать собственные немощи и недуги, или вѣрнѣе сказать, это еще не столько важно (но меня заставила выразиться такъ порочность многихъ, находящихся въ семъ санѣ),—гораздо же важнѣе—быть въ состояніи врачевать и искусно очищать другихъ, чтобы отъ сего была польза тѣмъ и другимъ, и имѣющимъ нужду во врачеваніи и поставленнымъ врачевать

Сверхъ сего, врачи тѣль должны переносить извѣстные намъ труды, бдѣнія, заботы и, какъ сказалъ одинъ изъ ихъ мудрецовъ¹⁾,—изъ чужихъ несчастій собирать себѣ скорби; иное дознавая и избрѣтая сами, иное заимствуя и собирая у другихъ, они должны обращать сіе въ пользу требующихъ; и что ими найдено или избѣгнуто, не исключая и самыхъ малостей, для нихъ не маловажно, но признается имѣющимъ силу къ укрѣпленію здоровья, или къ отвращенію опасности. И для чего все сіе? Чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ, и человѣкъ, можетъ быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было бы даже лучше давно умереть и чрезъ то освободиться отъ порока, сего величайшаго недуга. Но положимъ, что онъ и добрый человѣкъ; долго ли онъ будетъ жить? Ужели всегда? И что пріобрѣтетъ отъ здѣшней жизни? Желать разрѣшиться отъ нея, по моему мнѣнію, есть первое и вѣрнѣйшее благо, и свойственно человѣку—подлинно здравомыслящему и умному. Но намъ, когда мы—въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за по-

¹⁾ Иппократъ.

рочность, или прославляема за добродѣтель,—какой предложить подвигъ, и какія нужны свѣдѣнiя, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятiя и стремленiя у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гибблिवыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. А если еще разберемъ подробнѣе,—то какое различiе между вступившими въ супружество и безбрачными! И у послѣднихъ опять—между пустынножителями, между находящимися въ общежитiяхъ и между остающимся въ мирѣ! Между опытными и преуспѣвшими въ созерцанiи и между тѣми, которые просто исполняютъ должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми дѣломъ и живущими праздно, между потерпѣвшими пэмѣну счастья и благоуспѣшными, не встрѣчавшими неудачъ! Всѣ таковыя различествуютъ между собою желанiями и стремленiями—иногда болѣе, нежели сколько они различны по тѣлесному виду, или (если угодно) по сочетанiю и растворенiю стихiй, изъ которыхъ мы состоимъ; и потому не легко имѣть надъ ними смотрѣнiе. Но какъ тѣламъ не одинаковыя даются лекарство и пища,—иное пригодно здоровому, иное — больному: такъ и души врачуются различнымъ образомъ и способомъ. Свидѣтелями таковаго врачеванiя—сами болящiе. Однихъ назидаетъ слово, другiе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ—узда; ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру, и такихъ должно возбуждать ударами слова; другiе сверхъ мѣры горячи духомъ и неустойчивы въ стремленiяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ жемъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, и такихъ можетъ исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для однихъ полезна похвала, для другихъ—укоризна; но и та и другая—во время; напротивъ того, безъ времени и безъ основанiя онѣ вредятъ. Однихъ исправляетъ увѣщанiе, другихъ—выговоръ, и послѣднiй—или по всенародномъ обличенiи, или по тайномъ вразумленiи. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумленiями, сдѣланными наединѣ, но приходятъ въ чувство, если укорятъ ихъ при многихъ; другiе же при гласности обличенiй теряютъ стыдъ, но ихъ смиряетъ тайный выговоръ, и за такое снисхожденiе къ себѣ воздаютъ они благопокорностью. Иные, надмеваясь

мыслию, что дѣла ихъ тайны, о чемъ они и заботятся, считаютъ себя умнѣе другихъ, и въ такихъ надобно тщательно наблюдать всѣ, даже самыя маловажныя, поступки; а въ другихъ лучше инаго не замѣчать, и, какъ говорится, видя не видать, слыша не слышать, чтобы, подавивъ ихъ ревностію обличеній, не возбудить къ упорству, и, на послѣдокъ, не сдѣлать дерзновенными на все, истребивъ въ нихъ стыдъ—сіе средство ко внушенію покорности. Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, оказывать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько сего требуетъ свойство каждаго; другихъ должно врачевать кротостію, смиреніемъ и соучастіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе быть самому побѣжденнымъ; и хвалить или охуждать должно—у инаго недостатокъ и могущество, а у инаго нищета и разстройство дѣлъ. Ибо наше врачевство не таково, каковы добродѣтель и порокъ, изъ которыхъ первая всегда и для всѣхъ всего лучше и полезнѣе, а послѣдній всего хуже и вреднѣе; у насъ одно и то же, на примѣръ,—строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда даже для однихъ и тѣхъ же оказывается или самымъ спасительнымъ, или опаснымъ. Напротивъ того, для иныхъ хорошо и полезно одно, а для иныхъ другое, первому противное,—сообразно тому, думаю, какъ требуютъ время и обстоятельства, и какъ допускаетъ нравъ врачуемаго. Хотя сколько бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, невозможно всего изобразить словомъ и объять мыслию въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія; однако же, на самомъ опытѣ и на дѣлѣ дѣлается то извѣстнымъ и врачебной наукѣ и врачу. Вообще же извѣстно намъ, что какъ для ходящаго по высоко натянутому канату не безопасно уклоняться въ стороны, и малое, повидимому, уклоненіе влечетъ за собою большее, безопасность же его зависитъ отъ равновѣсія; такъ и въ нашемъ дѣлѣ, кто, по худой жизни или по невѣжеству, уклоняется въ ту и другую сторону, для того очень опасно, что и самъ онъ впадетъ въ грѣхъ, и вовлечетъ въ него управляемыхъ. Напротивъ того, должно идти самымъ царскимъ путемъ и остерегаться, чтобы, какъ сказано въ Притчахъ, *не уклониться ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27). Таково свойство нашихъ немощей, и отъ сего столько труда доброму Пастырю, обязанному хорошо знать души своихъ пасомыхъ, и быть вождемъ ихъ по закону прямого и справедливаго пастырства, которое было бы достойно истиннаго нашего Пастыря.

Что же касается до самаго раздаянiя слова (скажу напо- слѣдокъ о томъ, что составляетъ первую нашу обязанность, и ра- зумѣю слово Божественное и высокое, о которомъ нынѣ всеъ любомудрствуютъ); то, ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновенiемъ, и почитаетъ оное доступнымъ для вся каго ума,—я дивлюсь многоумiю (чтобы не сказать: малоумiю!) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ—каждому *давати во время жити- мѣрiе* (Лук. 2, 42) слова, и съ разсужденiемъ вести домостро- ительство истины нашихъ догматовъ, то есть нашего любо- мудраго ученiя о мiрахъ или мiрѣ, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и умныхъ существахъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, о Промыслѣ, все связующемъ, и распоряжающемъ всеми собы- тiями, какъ согласными съ разумомъ, такъ, повидимому, и про- тиворѣчащими долънему—человѣческому уму; также о перво- начальномъ нашемъ устроенiи и о послѣднемъ возсозданiи, о прообразованiяхъ и истинѣ, ими прообразуемой, о Завѣтахъ, о первомъ и второмъ Христовомъ пришествiи, о воплощенiи, стра- данiяхъ и смерти Христовой, о воскресенiи, о кончинѣ мiра, о судѣ и воздаянiи—и грозномъ и славномъ; а что главное, о томъ, чему должно вѣровать—о начальной, царственной и блаженной Троицѣ. Въ семъ догматѣ для обязанныхъ просвѣщать другихъ— всего опаснѣе, чтобы намъ, изъ опасенiя многобожiя, заключивъ Божество въ одну *Впостась*, не оставить въ ученiи своемъ однихъ голыхъ именъ, признавъ за одно Отца и Сына, и Святаго Духа, а также, чрезъ уклоненiе въ противное, раздѣливъ Божество на трехъ или разнородныхъ и другъ другу чуждыхъ, или неподчи- ненныхъ и безначальныхъ, такъ сказать: противоположныхъ Бо- говъ, не впасть въ равное первому зло, подобно тому, что бываетъ съ кривымъ деревомъ, которое чрезъ мѣру гнуть въ противную сторону.—А какъ нынѣ въ ученiи о Богѣ—три недуга: безбожiе, iудейство и многобожiе, и изъ нихъ защитникомъ перваго Ливiй- скiй Савеллiй, втораго—Александрiйскiй Арiй, а третьяго—нѣ- которые изъ числа чрезъ мѣру у насъ православныхъ; то какое же мое ученiе?—Избѣгая всего, что есть вреднаго въ сихъ трехъ ложныхъ ученiяхъ, держаться въ предѣлахъ благочестiя. И, во- первыхъ, не увлекаться въ безбожiе Савеллiя, слѣдуя его новому разложенiю и сложенiю, по которому, либо утверждаютъ не столько то, что *Впостаси* суть одно, сколько то, что каждая— ничто (ибо выступающее изъ себя и переходящее взаимно другъ въ друга перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ оно есть); либо во-

ображаютъ и составляютъ себѣ какого-то сложнаго и страннаго Бога, подобнаго баснословнымъ животнымъ. Во-вторыхъ,—не уклоняться въ іудейскую скудость, разсѣкая естества съ Аріевымъ, справедливо такъ называемымъ, умоизступленіемъ,—и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество однимъ Нерожденнымъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы Богъ не потерпѣлъ ущерба, будучи Отцемъ истиннаго и равночестнаго по естеству Бога. Наконецъ,—не вводитъ избѣгнутаго уже нами языческаго многоначалія, и трехъ началъ, какъ одного другому не противопологать, такъ и одного съ другимъ не сопоставлять. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отнимать у Него отечество; ибо чьимъ былъ бы Онъ Отцемъ, если бы Сынъ или, наравнѣ съ тварію, былъ отдѣленъ отъ Него и разединенъ съ Нимъ по естеству (потому что чуждое уже не Сынъ), или былъ смѣшанъ и слитъ съ Отцемъ, и, что тоже значитъ, сливалъ Его съ Собою? Не должно быть и такими любителями Христа, чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьимъ былъ бы Онъ Сыномъ, если бы не имѣлъ началомъ Отца), а у Отца не оставлять преимущества—быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо Отецъ былъ бы началомъ чего то низкаго и недостойнаго, или, вѣрнѣе сказать, началомъ въ низкомъ и недостойномъ смыслѣ, если бы не былъ началомъ Божества и благодати, созерцаемой въ Сынѣ и въ Духѣ Святомъ,—въ первомъ, какъ въ Сынѣ и въ Словѣ, а въ другомъ, какъ въ исходящемъ и неразрѣшаемомъ Духѣ. Необходимо нужно какъ соблюсти единство Божіе, такъ и исповѣдывать три Упостаси, притомъ—каждую съ личнымъ Ея свойствомъ.

Чтобы достаточно и соотвѣтственно достоинству предмета уразумѣть и изложить сіе,—для того потребно слово болѣе продолжительное, нежели каково настоящее время, и даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно же, какъ нынѣ, такъ и всегда, потребенъ для сего Духъ, при одномъ содѣйствіи Котораго и можно только о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо къ чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь же кратко упомянулъ я о семъ, съ тою цѣлію, чтобы видно было, какъ трудно бесѣдующему о такихъ предметахъ, особенно въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое, подобно многострунному органу, требуетъ неодинаковыхъ удареній, трудно, говорю, найти слово, которое бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже и потому, что, какъ опасность съ трехъ сторонъ, то-есть, отъ мысли,

слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всемъ, по крайней мѣрѣ въ чемъ-либо одномъ. Ибо если умъ не просвѣщенъ, или слово слабо, или слухъ не очищенъ, и потому не вмѣщаетъ слова; отъ одной изъ сихъ причинъ такъ же, какъ и отъ всѣхъ, необходимо хромаетъ истина. Но трудно еще и потому, что здѣсь обращается во вредъ и опасность то самое, что для обучающихся чему-либо другому содѣлываетъ ученіе весьма легкимъ и удобопріемлемымъ, то есть, заботливость слушателей о благочестіи. Ибо они, какъ вступающіе въ подвигъ за ученіе о Богѣ—Существовѣ Высочайшемъ, и о своемъ спасеніи—первѣйшей для всѣхъ надеждѣ, чѣмъ горячѣе въ вѣрѣ, тѣмъ съ большимъ упорствомъ внимаютъ слову, почитая покорность оному не благочестіемъ, но измѣною истинѣ, и скорѣе готовы отказаться отъ всего, важели отъ своихъ мыслей, съ которыми пришли, и отъ привычки къ догматамъ, въ которыхъ воспитаны. И замѣчу еще, что это—недугъ людей болѣе умѣренныхъ и не совершенно худыхъ, которые, хотя погрѣшаютъ противъ истины, однако же, какъ подвергающіеся сему изъ заботливости о благочестіи и имѣющіе ревность, только не по разуму, можетъ быть и не такъ строго будутъ осуждены, и не такъ много наказаны, какъ отпадающіе отъ воли Господней по злонавію и лукавству. Даже они со временемъ могутъ еще переувѣриться и перемѣниться по той же заботливости о благочестіи, по которой они противились; ежели только коснется ихъ слово, и, какъ желѣзо въ кремень, или внутренно или внѣшнимъ образомъ, произведетъ благовременный ударъ въ ихъ оплодотворенное уже и достойное свѣта разумѣніе, въ которомъ отъ малой искры весьма скоро можетъ возсіять свѣтильникъ истины. Но что сказать о людяхъ, которые по тщеславію или лубоначалию *неправду въ высоту глаголютъ* (Пс. 72, 8), съ велерѣчіемъ какого-нибудь Іаннія или Іамврія вооружаются не противъ Моисея, но противъ истины, и возстаютъ противъ здраваго ученія? Что сказать о третьемъ родѣ людей, которые, по невѣжеству и слѣдствію онаго—дерзости, съ жадностію, какъ свиньи, кидаются на всякое ученіе, и попираютъ прекрасные бисеры истины? Или о всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ у себя ни собственнаго мнѣнія, ни какого-либо образца, худаго или добраго, для ученія о Богѣ, но готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя, чтобы изъ всего выбрать лучшее и безопаснѣйшее, и такой выборъ довѣряютъ самимъ себѣ—худымъ судіямъ истины; а потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, пере-

мвнивъ многихъ учителей и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пыль на вѣтеръ, когда утомится и слухъ и умъ; (какое безразсудство!) начинаютъ оказывать одинаковое обращеніе ко всякому ученію, и напечатлѣваютъ въ себѣ губельное правило—осмѣивать и презирать самую вѣру нашу, какъ нѣчто нетвердое и не имѣющее въ себѣ ничего здраваго, дѣлая невѣжественное заключеніе отъ учащихъ къ ученію, подобно такому человѣку, который, имѣя разстроенные глаза или поврежденные уши, винить солнце или звуки,—первое, что оно темно и не блестеть, а послѣдніе, что они слабы и беззвучны? Посему-то легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дорогѣ, нежели по шероховатой и непротопанной, и легче пахать землю, которую неоднократно рѣзали и умягчали плугъ; однакоже, лучше писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное ученіе, и на которой не врѣзались глубоко начертанія порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла — изгладить прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія и достойныя сохраненія. Столько въ насъ отъ лукаваго лукавыхъ образовъ и начертаній относительно какъ къ прочимъ видоизмѣненіямъ (πάθη) души, такъ и къ самому слову; и столько то трудовъ для того, кому ввѣрено сіе дѣтководительство душъ и попеченіе о нихъ! Но еще большаго не коснулось мое слово, чтобы не содѣлаться обширнѣе надлежащаго.

Если бы кто захотѣлъ укротить и сдѣлать ручнымъ многовиднаго и многообразнаго звѣря, составленнаго изъ многихъ, большихъ и малыхъ, кроткихъ и свирѣпныхъ звѣрей; то, безъ сомнѣнія, потребовалось бы много труда и усилій, чтобы управлять такимъ разныхъ свойствъ чудовищнымъ существомъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свистъ и другіе способы хожденія за ними; напротивъ того, для однихъ пріятно и непріятно одно, а для другихъ—другое, по природѣ и привычкѣ cadaго. Что же бы надлежало дѣлать приставнику такого звѣря? Конечно, то, чтобы, если хочетъ хорошо управиться съ звѣремъ и соблюсть его,—пріобрѣсть для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія, и употреблять хожденіе, приличное каждому *своему звѣрю*. Такъ, поелику общее тѣло Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому

существо, слагается из многих и различных правовъ и умовъ; то Предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно—способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, по способностямъ младенцы и, можно сказать, еще не окрѣпшіе, требуютъ себѣ въ пищу млека, то есть, самыхъ простыхъ и первоначальныхъ уроковъ, и не могутъ принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложилъ имъ такую не по силамъ пищу; то вкусивши и обременившись (когда умъ, какъ тѣло младенца, недостаточенъ еще къ тому, чтобы переварить и усвоить себѣ принятое), они потерпѣли бы ущербъ даже въ прежней своей силѣ. Другіе же, достаточно обучившіе чувства къ различенію истиннаго и ложнаго, имѣютъ нужду въ премудрости, проповѣдуемой между совершенными (1 Кор. 2, 6), и въ пищу высшей и болѣе твердой. А если бы стали напоевать ихъ млекою и питать растеніями—пищею слабыхъ; то они совершенно по праву огорчились бы тѣмъ, что ихъ не укрѣпляютъ во Христѣ, не даютъ имъ возрастать достойнымъ похвалы возрастаніемъ, какое производится словомъ, которое хорошо питаемаго имъ совершаетъ въ мужа и приводитъ въ мѣру духовнаго возраста. Но кто же имѣетъ достаточныя къ тому силы? Мы неспособны кормить словомъ истины и мѣшать вино съ водою, то есть, ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ, дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну, какъ дѣлаютъ многіе. Они, чтобы отъ такого корчемства получить и себѣ прибытокъ, бесѣдуютъ съ приходящими о томъ и о другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому, подобно какимъ-нибудь чревоущителямъ и суесловамъ, для собственной своей забавы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія, какъ будто тѣмъ болѣе они прославляются въ народѣ, чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя, проливая кровь неповинную самыхъ простыхъ душъ, которая будетъ взыскана отъ рукъ нашихъ. Напротивъ того, знаемъ, что лучше другимъ искуснѣйшимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели быть несвѣдущими правителями другихъ, что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный языкъ. Посовѣтовавшись о семъ съ самимъ собою (можетъ быть и не худымъ совѣтникомъ, а если и не такъ, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательнымъ), я разсудилъ, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно

дѣлать, лучше—учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастливъ тотъ, до кого хотя въ глубокой старости достигнетъ старческое слово, которое можетъ принести пользу душѣ, еще юной по благочестію. А посему брать на себя трудъ—учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и, по пословицѣ, на большемъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть, надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію, свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ,—неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества,—дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло.

Мудрѣйшіе изъ евреевъ говорятъ, что у нихъ въ древности быть одинъ особенно прекрасный и похвальный законъ, которымъ не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писанія.— Ибо чтеніе сіе не было бы и полезно; потому что не всякая книга всякому съ перваго начала вразумительна, а заключающая въ себѣ болѣе глубокой смыслъ даже можетъ многимъ, по своему внѣшнему смыслу, обратиться въ больший вредъ. Напротивъ того, книги, которыя и по внѣшнему смыслу назидательны, были съ самаго начала открыты всякому, и находились въ общемъ употребленіи; а книги, которыя подъ неважною оболочкою сокрываютъ таинственную красоту—награду усильныхъ исканій и свѣтлой жизни,—просіявающую и удобосозерцаемую только для имѣющихъ очищенный умъ, довѣряемы были уже переступившимъ двадцатипятилѣтній возрастъ; потому что въ семь только возрастѣ человекъ можетъ стать выше чувственнаго, и съ успѣхомъ восходить отъ письмени къ духу. Но у насъ между временемъ, когда учить и когда учиться, нѣтъ никакого предѣла, подобнаго камнямъ, поставленнымъ древле между колѣнами за Иорданомъ и колѣнами по сю сторону Иордана. У насъ не дано дозволеній однимъ на то, другимъ на другое, и не положено никакого правила касательно способностей; напротивъ того, все сіе оставлено безъ вниманія и слито. И мы такъ худо поступаемъ, что большая часть изъ насъ (чтобъ не сказать: всѣ) почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованія Священныхъ Книгъ, научимся распознавать письмена и писателей Ветхаго и Новаго Завѣта (не говорю: прежде нежели омоемъ душевную нечистоту и гнусность, какими покрылъ насъ грѣхъ), если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса

походить на философа (о чудное предсѣдательство и велемудріе! конечно, Самуиль священъ и въ пеленахъ!): мы уже и мудры, и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ *звѣтися отъ человѣкъ: учителю!*, ни мало не смотримъ на букву, все хотимъ разумѣть духовно (сколько грезъ! какое обширное поле пустословію!); и мы стали бы негодовать, если бы насъ не очень хвалили. Таковы тѣ изъ насъ, которые еще скромнѣе и простѣе другихъ: каковы же болѣе духовные и благороднѣйшіе? Они, если заблагоразсудится имъ, подвергнувъ насъ многимъ осужденіямъ и испытаніямъ, и поставивъ ни во что, удаляются отъ насъ, съ презрѣніемъ даже къ сообществу съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь къ кому изъ нихъ, спокойно и въ логическомъ порядкѣ спросимъ такъ: скажи мнѣ, дивный мужъ, ты считаешь за что-нибудь пляску и игру на свирѣли?—отвѣтятъ можетъ быть: конечно, считаемъ.—А также считаешь за что-нибудь мудрость и быть мудрымъ, то есть, какъ мы полагаемъ, имѣть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ?—И въ семъ уступать намъ.—Что же назовешь лучшимъ и высшимъ? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше сихъ искусствъ?—Очень знаю, они будутъ столько добросовѣстны, что даже скажутъ: мудрость выше и всѣхъ искусствъ.—Но для пляски и игры на свирѣли есть науки, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилія, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальнія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всё блага въ совокупности (такъ что самому Богу, хотя Онъ имѣетъ многія наименованія, угоднѣе именоваться Премудростью, нежели другимъ какимъ именемъ), ужели почтемъ для себя столь легкимъ и незатруднительнымъ дѣломъ, что всякому стоитъ только захотѣть, и будетъ мудрымъ? Большое невѣжество—такъ думать!—Но если мы (или кто другой ученѣе и умнѣе насъ) начнемъ говорить съ ними такимъ образомъ, чтобы понемногу разсѣять ихъ заблужденіе; то все сіе будетъ то же, что и сѣять на камнѣ, или говорить въ уши глухому. Такъ мало въ нихъ мудрости даже на то, чтобы сознавать свое невѣжество. И мнѣ кажется, прилично сказать о нихъ Соломоново слово: *есть лукавство, еже видѣхъ подѣ солнцемъ, мужа нещевавша себе мудра быти* (Екклез. 10, 5. Притч. 26, 2), и что еще хуже, получивъ

шаго право учить другихъ, когда не чувствуетъ собственнаго невѣжества. Если какой недугъ, то сей именно, достоинъ слезъ и рыданія. И я неоднократно жалѣлъ о семъ, очень зная, что самолюбіе отнимаетъ у человѣка большую часть того, чѣмъ онъ есть, и что тщеславіе бываетъ для людей величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели. А уврачевать и остановить болѣзнь могутъ развѣ Петръ или Павелъ—великіе ученики Христовы, которые, со властію управлять словомъ и дѣломъ, получили даръ благодати, и были все́мъ для все́хъ, да все́хъ пріобрѣщутъ. Для насъ же, прочихъ людей, не маловажно, если будемъ хорошо управляемы и руководимы тѣми, кому ввѣрено исправленіе такихъ дѣлъ и распоряженіе ими.

Но поелику упомянулъ я о Павлѣ и о подобныхъ ему; то, если угодно, оставивъ все́хъ прочихъ, кто только сдѣлался знаменитымъ—или какъ законодатель, или какъ пророкъ, или какъ военачальникъ, или какъ завѣдывавшій другою какою-нибудь частію общественнаго благоустройства, не говоря, на примѣръ, о Моисеѣ, Ааронѣ, Исусѣ Навинѣ, Или, Елисеѣ, Судіяхъ, Самуилѣ, Давидѣ, о всемъ сонмѣ Пророковъ, объ Іоаннѣ, о двѣнадцати ученикахъ и ихъ преемникахъ, изъ которыхъ каждый со многими трудами и усиліями проходилъ въ свое время званіе начальника; умолчавъ о все́хъ нихъ, одного Павла представлю свидѣтелемъ моего слова, чтобы изъ его примѣра видѣть, что значитъ имѣть попеченіе о душахъ, и кратковременныхъ ли занятій, малыхъ ли требуетъ сіе свѣдѣній! А чтобы удобнѣе сіе узнать и понять, послушаемъ, что говорить о Павлѣ самъ Павелъ.

Не буду говорить объ его трудахъ, бдѣніяхъ, страхахъ, злостраданіяхъ отъ голода, жажды, холода и наготы, о злоумышленіяхъ противъ него невѣрныхъ, о противодѣйствіяхъ ему вѣрныхъ. Умалчиваю о гоненіяхъ, сонмищахъ, темницахъ, узакъ, обвинителейъ, судилищахъ, ежедневныхъ и ежечасныхъ смертяхъ, о кошницѣ, о метаніяхъ камнями, о біеніяхъ палками, о странствованіи, объ опасностяхъ и на сушѣ, и на морѣ, и во глубинѣ морской, о кораблекрушеніяхъ, объ опасностяхъ на рѣкахъ, объ опасностяхъ отъ разбойниковъ, отъ сродниковъ, объ опасностяхъ между лжебратіи, о пропитаніи трудами рукъ своихъ, о безкорыстномъ благовѣствованіи, о томъ, какъ Павелъ былъ позорищемъ для Ангеловъ и человѣковъ, когда, стоя между Богомъ и человѣками, за человѣковъ подвизался, и къ Богу приводилъ и присоединялъ народъ избранный. Кромѣ сихъ вѣшнихъ подвиговъ, кто достоодолжнымъ образомъ опишетъ ежедневную его по-

печительность, сердоболе о каждомъ, заботливость о всѣхъ церк-вахъ, ко всѣмъ сострадательность и братолобіе? Претыкался ли кто,—и Павелъ чувствовалъ немощь. Другой соблазнялся, а Павелъ приходилъ въ воспламененіе. А его неутомимость въ ученіи, разнообразіе способовъ врачеванія,—то человѣколюбіе, то опять строгость, то смѣшеніе и раствореніе и человѣколюбія и строгости; такъ что ни кротостію не расслабляетъ, ни суровостію не ожесточаетъ! Онъ излагаетъ законы рабамъ и господамъ, начальникамъ и подчиненнымъ, мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, супружеству и безбрачію, воздержанію и роскоши, мудрости и невѣжеству, обрѣзанію и необрѣзанію, Христу¹⁾ и міру, плоти и духу. За однихъ благодарить, другихъ укоряетъ; однихъ именуетъ своею радостію и вѣнцемъ, другихъ обличаетъ въ безуміи. Кто ходитъ право, тѣмъ сопутствуетъ и соусердствуетъ; а кто ходитъ лукаво, тѣхъ останавливаетъ. Онъ то отлучаетъ, то утверждаетъ любовь (2 Кор. 2, 8); то плачетъ, то веселится; то напоеваетъ млекою, то касается тайнъ; то снисходитъ, то ведетъ съ собою на высоту; то угрожаетъ палицею (1 Кор. 4, 21), то объемлетъ духомъ кротости; то возносится съ высокими, то смиряется съ смиренными. Иногда онъ—меньшій изъ Апостоловъ, а иногда обѣщаетъ представить доказательство, что въ немъ глаголетъ Христосъ. Иногда желаетъ отыти и *жрень бываесть* (2 Тим. 4, 6); иногда признаетъ болѣе нужнымъ для вѣрующихъ—пребывать ему во плоти. Ибо ищетъ не собственной пользы, но пользы чадъ, которыхъ родилъ во Христѣ благовѣствованіемъ;—такова цѣль и всякаго духовнаго начальства,—во всемъ презирать свое для пользы другихъ! Павелъ хвалится немощами и скорбями; какъ бы нѣкоторымъ убранствомъ, украшается мертвостію Иисусовою; онъ высокъ и по плоти, но радуется о духовныхъ дарахъ; онъ не невѣжда въ познаніи, хотя говоритъ о себѣ, что видитъ сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодръ духомъ, и изнуряетъ тѣло, истощая его, какъ противника; а вмѣстѣ не научаетъ ли и не вразумляетъ ли тѣмъ и насъ, не превозноситься земнымъ, не надмеваться вѣдѣніемъ, не возста-влять плоти противъ духа? Онъ за всѣхъ ратоборствуетъ, за всѣхъ молится, о всѣхъ ревнуетъ, за всѣхъ воспламеняется,—и за тѣхъ, которые внѣ закона, и за тѣхъ, которые подъ закономъ; онъ проповѣдникъ язычниковъ, предстатель іудеевъ. Онъ дерзаль и на нѣчто большее за братій своихъ по плоти (о если бы

¹⁾ Живущимъ по Христу.

и мнѣ говорящему сіе дерзнуть на нѣчто подобное!). Павелъ молить, по любви своей къ братіямъ, чтобы они вмѣсто него приведены были ко Христу. Какое величіе души, какая горячность духа! Онъ подражаетъ Христу, бывшему за насъ клятвою, воспринявшему на себя наши немощи, понесшему наши болѣзни, или, скажу скромнѣе, онъ первый послѣ Христа не отрекается страдать за Іудеевъ, и притомъ какъ нечестивый, только бы они спаслись. Но къ чему перечисляю подробности? Живя не для себя, но для Христа и для проповѣди, распявъ себѣ міръ и распявшись міру и всему видимому, Павелъ все почитаетъ мало-важнымъ и низкимъ для своего желанія, хотя *отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнитъ благовѣствованіе* (Рим. 15, 19), хотя восхищенъ будетъ до третяго неба, содѣляется зрителемъ рая и слышателемъ неизглаголаннхъ для насъ глаголовъ.

Таковъ Павелъ, таковъ всякій подобный ему духомъ! Но мы боимся, чтобы въ сравненіи съ ними не быть *юродивыми князьями Танесовыми* (Ис. 19, 11), или *приставниками пожинающими*, или ложно *ублажающими народъ*, прибавлю даже, *ублажаемыми, и стези ногъ вашихъ возмущающими* (Ис. 3, 12), или *ругателями господствующими*, или начальниками юными, несовершенными умомъ, и не имѣющими столько пищи и одѣянія, чтобы предводительствовать какимъ ни есть числомъ людей (3, 4—7), или *пророками учащими беззаконная* (9, 15), или *князьями не покоряющимися* (1, 23), которые вмѣстѣ съ отеческими постановленіями достойны злорѣчія по жестокости голода (8, 21), или священниками весьма далекими отъ того, чтобы *глаголати въ сердце Іерусалиму* (40, 2); такъ какъ за все сіе сильно порицаетъ и обличаетъ очищенный Серафимомъ и углемъ Исаія. Итакъ, ужели, хотя дѣло сіе такъ важно и такъ многотрудно для сердца чувствительнаго и скорбнаго, хотя оно дѣйствительная *моль костюмъ* (Притч. 14, 30), даже для человѣка съ умомъ,—однако, опасность не велика, и послѣдствія не заслуживаютъ вниманія?

Но на меня наводятъ великій страхъ, съ одной стороны, блаженный Осія, когда говоритъ, что насъ—священниковъ и начальниковъ ожидаетъ *судъ, яко пруголо¹⁾ быхомъ на стражѣхъ, и якоже мрежа распостерта на Итаврїи* (Ос. 5, 1. 2), воткнутая ловцами душъ человѣческихъ, и угрожаетъ *пожать непо-*

¹⁾ Петля.

требныхъ пророковъ (5, 6), истребить *огнемъ судей ихъ* (7, 7), удержаться навремя, *еже помазати царя и князя* (8, 10), потому что они царствовали сами собою, а не Богомъ (8, 4); а съ другой стороны, божественный Михай, который не терпитъ, чтобы *Сіонъ созидаемъ былъ кровьюми*, чьими бы ни было, и *Іерусалимъ неправдами*, чтобы *старѣйшины его на дарѣхъ судили, жерцы на мзѣ отвѣщавали, и пророцы на сребрѣ волхвовали* (Мих. 3, 10. 11). И чѣмъ угрожаетъ за сіе? *Сіонъ яко нива изорется, Іерусалимъ яко овощное хранилище будетъ, и гора дому якоже лугъ дубравный* вмѣнится (3, 12). Оплакивая же такое оскудѣніе добрыхъ правителей, что едва остается гдѣ колось или стебель, когда и князь просить и судія говорить изъ угожденія, и восклицая почти слѣдующими словами великаго Давида: *спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный* (Пс. 11, 1),—Пророкъ возвѣщаетъ, что за сіе оскудѣютъ у нихъ блага, какъ бы *попадаемья молю* (Мих. 7, 4). А Іоиль заповѣдуетъ намъ плачь; онъ хочетъ, чтобы *служащии жертвеннику бились* (Іоил. 1, 13) въ тяжкое время голода; онъ вовсе далекъ отъ того, чтобы дозволить намъ роскошь среди бѣдствія другихъ, не только повелѣваетъ *освятить постъ, проповѣдать цѣльбу, собрать старцевъ и младенцевъ* (2, 15. 16)—сіи жалкіе возрасты, но требуетъ, чтобы священники шли въ храмъ въ пеллѣ и вретницахъ, съ глубокимъ смиреніемъ поверглись на землю, *яко опустыша поля* (1, 10) отъ безплудія, *извержеса жертва и возліянїе изъ дому Господня* (1, 9), и такимъ уничиженіемъ привлекли милость. А что скажетъ Аввакумъ? Его рѣчь пламеннѣе, онъ съ негодованіемъ обращается къ самому Богу и какъ бы вопіетъ на Владыку Христа за неправду судей, говоря: *Доколы, Господи, воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? Вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни, смотриши страсть и нечестіе? противу мнѣ бысть судъ, и судія вземлетъ. Сего ради разорися законъ, и не производится въ совершеніе судъ* (Авв. 1, 2—4). За симъ у Пророка угроза и слѣдующія слова: *видите презорливїи, и смотрите, и чудитеса чудесемъ, и исчезните: понеже дѣло азъ дѣлаю* (1, 5). Но нужно ли приводить всѣ слова угрозы? Напротивъ того, по моему мнѣнію, лучше присовокупить къ сказанному, какъ Аввакумъ, вызвавъ сперва на среду и оплакавъ многихъ учинившихъ что-либо несправедливое и худое, вызываетъ, наконецъ, начальниковъ и учителей злонравія, называя порокъ *развращеніемъ* мутнымъ, опьянѣніемъ и заблужденіемъ ума, и говоритъ, что чрезъ нихъ напоеваются симъ

ближніе, *яко да взирають* ко тмѣ душъ своихъ и *пещерамъ гадовъ и змѣей* (2, 15), то есть, обиталищамъ худыхъ помысловъ.

Таковы изчисленные мною Пророки, и такія они предлагаютъ намъ наставленія. Но справедливо ли будетъ оставить безъ вниманія Малахію, который въ одномъ мѣстѣ жестоко обвиняетъ и укоряетъ священниковъ, что *презирають имя Господне* (1, 6), и между прочимъ присовокупляетъ, что *приносятъ ко олтареву хлѣбы скверны* (1, 7), брашна не изъ начатковъ,—что, какихъ даровъ не принесли бы ни одному изъ начальниковъ, или какіе принесши, себя бы обезславили, такіе дары, то есть, хромое, недужное, растлѣнное и вовсе нечистое и презрѣнное, приносятъ Царю всяческихъ, когда обѣщаваютъ обѣты; а въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ завѣтъ Божій съ левитами—*завѣтъ жизни и мира, завѣтъ—боязнію бояться* Господа, и отъ лица имене Его *устрашатися* (2, 5). *Законъ истины*, говоритъ Пророкъ о Левитѣ, *бѣ во устнѣхъ его, и неправда не обрѣтется во устнѣхъ его: въ миръ исправляяй иде со Мною, и многи обрати отъ неправды. По неже устнѣ іереовы сохраняютъ разумъ, и закона възыцуютъ отъ устъ его*. И какая высокая, а вмѣстѣ и страшная тому причина!—*яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (2, 6). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненного въ слѣдующихъ за симъ клятвахъ,—я боюсь истины, но приведу, что легче выговорить, а вмѣстѣ и полезно. Пророкъ, какъ бы съ особеннымъ негодованіемъ, и отвергая ихъ священнодѣйствія по причинѣ ихъ развращенія, говоритъ: *еще ли достойно призрѣти на жертву вашу, или пріяти пріятно изъ рукъ вашихъ* (2, 13)?

Какъ скоро вспоминаю о Захаріи, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидѣтельствуетъ онъ противъ священниковъ. Но что открываетъ онъ о знаменитомъ Іисусѣ, великомъ Іереѣ, котораго, изобразивъ сперва облеченнымъ въ ризу гнусную и неприличную, облакаетъ потомъ въ ризу священническую и свѣтлую, а также и то, что говорящимъ и заповѣдывающимъ Іисусу представленъ у него Ангелъ,—да почтено будетъ молчаніемъ, какъ важнѣйшее и, можетъ быть, столько высокое, что должно быть относимо не ко многимъ священникамъ. Впрочемъ то обстоятельство, что и *одесную* сего Іисуса *стояше діаволъ, еже противитися ему* (Зах. 3, 2), по моему мнѣнію, не маловажно и должно внушать немалый страхъ и осторожность. У кого же будетъ столько дерзости и такое адамантовое сердце, чтобы, слыша, какъ Пророкъ съ настойчивостью обличаетъ и укоряетъ другихъ пастырей, не вострепетать и не смириться въ себѣ самомъ?

Гласъ плачущихъ пастырей, яко възбѣдствова величіе ихъ, говоритъ онъ; гласъ рыкающихъ львовъ (Зах. 11, 3); потому что они столько пострадали. Захарія почти слышитъ самыя рыданія, какъ бы уже настоящія, и плачетъ вмѣстѣ съ бѣдствующими. А чрезъ нѣсколько словъ говоритъ еще разительнѣе и сильнѣе: *Пасите овцы заколенія, яже стяжавшіе закалаху, и не раскаявхуся, и продающіи я глаголаху: благословенъ Господь, и обогатихомся, и пастыри ихъ не печажуся ничимже о нихъ. Сего ради не пощажду ктому на живущихъ на земли, глаголетъ Господь Вседержитель* (11, 4—6). И еще, простирая угрозы вмѣстѣ и на начальниковъ народа, говоритъ: *Мечу, востани на пастырей: поразите пастырей, и расточатся овцы: наведу руку Мою на пастырей* (13, 7);—*на пастырей прогнѣвася ярость Моя, и на агнцы пощажу*, (10, 3). Съ такою ревностію продолжаетъ онъ рѣчь, и не можетъ удержаться отъ угрозъ; почему и опасаясь, чтобы повторяя ихъ по порядку, и мнѣ не возбудить противъ себя ненависти.

Но такъ говоритъ Захарія; о старцахъ же, упоминаемыхъ у Даніила, умолчимъ; ибо хотѣлось бы умолчать. Умолчимъ и о томъ, что справедливо сказано и засвидѣтельствовано о нихъ Владыкою: *яко изыде беззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ судей, яже мняхуся управляти людей* (Дан. 13, 5). Какъ безъ страха выслушаемъ Іезекіиля, сего зрителя и истолкователя великихъ тайнъ и видѣній? Какъ выслушаемъ заповѣдуемое имъ *стражамъ—не молчать о беззаконіи, и о грядущемъ на него мечъ* (Іезекіил. 33, 6); потому что сіе не принесетъ пользы ни имъ, ни согрѣшавшимъ, напротивъ того, предусмотрѣть и предвѣстить полезно или тѣмъ и другимъ, когда одни скажутъ, а другіе выслушаютъ, или, безъ всякаго сомнѣнія, возвѣстившимъ? Какъ пріймемъ и другое его нападеніе на пастырей, то въ слѣдующихъ словахъ: *горе на горе будетъ, и вѣсть на вѣсть, и не будетъ видѣніе отъ пророка, и законъ погибнетъ отъ жерца, и советъ отъ старецъ* (7, 26); то еще въ слѣдующихъ: *Сыне чловѣчь, рцы ему: ты еси земля неодождимая, ниже дождь бысть на тя въ день ярости. Егоже старѣйшины средъ его, яко львы рыкающе, восхищающе хищенія, души изъядающе насиліемъ* (22, 24, 25), и чрезъ нѣсколько словъ: *жерцы его отвергошася закона Моего, и оскверниша святая Моя, между святымъ и сквернавымъ не разлучаху, но все для нихъ было одинаково, и отъ субботъ Моихъ покрываху очи свои, и оскверняху Мя посредъ себе* (22, 26)? Пророкъ угрожаетъ разрушить стѣну и

помазающихъ ю (13, 15), то есть, и тѣхъ, которые грѣшатъ, и тѣхъ, которые прикрываютъ грѣхи, что дѣлають худые правители и священники, обольщающіе домъ Израилевъ, по внушенію сердець своихъ, преданныхъ похотямъ своимъ. Умолчу, что говоритъ онъ о тѣхъ, которые *пасутъ самихъ себя, млеко ядятъ, волною отъвываютъ, и тучное закаляютъ, а овецъ не пасутъ, изнемогшаго не подъемяютъ, сокрушеннаго не обвязываютъ, заблуждающаго не обращаютъ, погибшаго не взыскаютъ, и крѣпкаго не сберегаютъ, но оскорбляютъ трудомъ, и стараются погубить; отъ сего овцы разсыпались по всѣмъ полямъ и горамъ, понеже не имѣяку пастырей, и содѣлались добычею всякой птицы и всякаго звѣря, яко не бѣ взыскающаго, ни обращающаго* (34, 2—6). Что же потомъ? Сказано: *живу Азъ, глаголетъ Господь, понеже такъ дѣбалось и учинена суть стада Моя въ расхищеніе* (34, 8): *се Азъ на пастыри, и взыщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ* (34, 10); овецъ соберу и соблюду, а пастыри понесутъ различныя наказанія, какихъ стоятъ худые пастыри.

Но чтобы не продлить слова, перечисляя всѣхъ Пророковъ и все, что сказано у каждаго, перейду молчаніемъ прочихъ, а упомяну только объ одномъ, который *познанъ* еще до рожденія и *освященъ* въ утробѣ матерней (Іер. 1, 5),—это Іеремія. Онъ просить *главъ воду и очесемъ источникъ слезъ*, чтобы оплакать, какъ должно, Израиля (9, 1). А не менѣе того оплакиваетъ онъ злонаравіе предстоятелей. Богъ, въ обличеніе священниковъ, говоритъ ему: *Священницы не рекоша, гдѣ есть Господь, и держащій законъ не въдаша Мя, и пастыри нечествоваша* (2, 8). А потомъ говоритъ самъ Пророкъ: *Обуяша пастыри, и Господа не взыскаша: сего ради не уразумъ все стадо, и расточено бысть* (10, 21). *Пастырие мнози растлиша виноградъ Мой, оставиша часть мою, часть желаемую даша въ пустыню непроходную* (12, 10). Послѣ сего, снова обращаетъ укоризну на самихъ пастырей: *Горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы Моея. Сего ради сія рече Господь къ пасущимъ людей Моихъ: вы расточили есте овцы Моя, и отвергосте я, и не пощтитесте ихъ, и Азъ пощщу на васъ по лукавству умысленій вашихъ* (23, 1. 2). Іеремія хочетъ, чтобы *воскликнули пастухи, и восплакали овни овчии, яко исполнишася днѣ ихъ на заколѣніе* (25, 34).

Но для чего повторять мнѣ ветхозавѣтное? Кто, повѣривъ самъ себя по правиламъ и опредѣленіямъ, какія Павелъ поставилъ для епископовъ и пресвитеровъ, а именно: быть *през-*

выми, цѣломудренными, не пѣяницами, не бѣйцами, назидательными, во всемъ неукоризненными и неприкосновенными ни къ чему худому (1 Тим. 3, 2. 3),—кто, говорю, не найдетъ себя много уклонившимся отъ правоты правилъ? А какіе законы даетъ Іисусъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь? Существенное въ нихъ, не говоря о подробностяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы ученики таковы были по добродѣтели, такъ благоустроены и соотвѣтственны своему званію, и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовѣствованіе не менѣе бы распространялось посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ слова. Но меня приводятъ въ страхъ и укоряемые фарисеи и обличаемые книжники. Мы, если желаемъ небеснаго царства, по заповѣди обязаны много превосходить ихъ въ добродѣтели; а потому намъ будетъ стыдно предъ ними, если окажемся хуже ихъ по своимъ порокамъ, и услышимъ справедливыя себѣ укоризны: зміи, порожденія ехиднины, вожди слѣпыя, оцѣживающіе комара и поглощающіе верблюда, гробы внутри полные скверны, а извнѣ благоуукрашенные, по одной внѣшности чистыя блюда, и другія подобныя наименованія, какія заслужили и получили фарисеи и книжники (Матѣ 23, 24—33). Такія мысли не оставляютъ меня день и ночь, сушатъ во мнѣ мозгъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ поднятыми высоко взорами. Сіе смиряетъ мое сердце, сокращаетъ умъ, налагаетъ узы на языкъ, и заставляетъ думать не о начальствѣ, не объ исправленіи и назиданіи другихъ (что требуетъ избытка дарованій): но о томъ, какъ самому избѣжать грядущаго гнѣва и сколько-нибудь стереть съ себя ржавчину пороковъ. Надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать. Руководителю необходимы руки; совѣтнику потребно благоразуміе.

Когда же сіе будетъ?—скажутъ скорые на все и ни въ чемъ нетвердые, легко созидающіе и разрушающіе. Когда свѣтильникъ поставится на свѣщницѣ, и на что употребится талантъ, то-есть даръ?—скажутъ ревностиѣйшіе къ дружбѣ, нежели къ дѣлу благочестія. Когда сіе будетъ, и какой дамъ на сіе отвѣтъ вамъ, преименитые?—Въ такомъ дѣлѣ и глубокая старость—не долговременная отсрочка. Ибо сѣдина съ благоразуміемъ—лучше неопытной юности, разсудительная медлительность—неосмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе—продолжительнаго мучительства, подобно какъ малая доля драгоцѣнности предъ

почтительнѣе обладанія многимъ не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота—многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ—великой тьмы. А что касается до сей поспѣшности, поползновенности и излишней ревности,—опасно, чтобы онѣ не уподобились или тѣмъ сѣменамъ, которыя пали на камни, и, будучи не глубоко въ землѣ, тотчасъ взошли, но не могли вынести перваго солнечнаго зноя, или тому основанію, положенному на пескѣ, которое не устояло при небольшомъ дождѣ и вѣтрѣ. *Горе тебѣ, граде, въ немъ же царь твой юнъ*, говоритъ Соломонъ (Еккл. 10, 16). *Не будь скоръ въ словесахъ* (Притч. 29, 30),—слова того же Соломона, который говоритъ о скорости въ словахъ, то есть о чемъ-то меньшемъ, нежели опрометчивость въ дѣлахъ. Кто же вопреки сему потребуеть поспѣшности предпочтительно безопасности и пользы? Кто возьмется, какъ глиняное какое-нибудь издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истины, который долженъ стоять съ Ангелами, славословить съ Архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсоздать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить богами? Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ. Знаю величіе Божіе, и человѣческую немощь, а вмѣстѣ и силу. *Небо высоко, земля же глубока* (Притч. 25, 3). И кто изъ низложенныхъ грѣхомъ взойдетъ на небо? Кто, обложенный еще дольнымъ мракомъ и грубою плотию, можетъ цѣлымъ умомъ ясно созерцать всецѣлый Умъ, находясь среди непостояннаго и видимаго, вступить въ общеніе съ постояннымъ и невидимымъ? Даже изъ самыхъ очищенныхъ едва ли кто можетъ видѣть здѣсь хотя такой образъ доброты, каково изображеніе солнца въ водахъ. *Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію, кто постави горы въ мѣрилъ и холми въ вѣсъ* (Ис. 40, 12.)? *Кое мѣсто покоища Его* (Ис. 66, 1.), и чему изъ всего Онъ уподобится? Кто—сотворившій все словомъ, устроившій человѣка премудростію, соединившій разлученное, сочетавшій персть съ духомъ, сложившій живое существо—видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее? *Рѣчь: умудрюся*, говоритъ Соломонъ: *и сія*, то есть, мудрость, *удалися отъ мене. Далече паче неже бѣ* (Еккл. 7, 24. 25). И дѣйствительно, *приложившій разумъ приложитъ болѣзнь* (Еккл. 1, 18). Онъ не столько радуется о найденномъ, сколько скорбитъ о непостигну-

томъ, какъ обыкновенно (представляю себѣ) случается съ людьми, которыхъ отвлекаютъ отъ воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надѣясь что получить, не могутъ схватить того руками, или отъ которыхъ мгновенно скрывается озарившее ихъ блистаніе свѣта.

Сіе удержало меня долу, содѣлало смиреннымъ и убѣдило въ томъ, что лучше слышать гласъ похвалы, нежели быть истолкователемъ того, что превышаетъ силы. Величіе, высота, достоинство, чистыя существа, съ трудомъ вмѣщающія сіяніе Бога, Котораго покрываетъ бездна, Котораго, какъ чистѣйшій и для большей части тварей непреступный свѣтъ, утаиваетъ тьма, Который во всемъ и внѣ всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвѣщаетъ умъ, и убѣгаетъ отъ быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляясь, сколько постигается, и возлюбленнаго своего возводя горѣ тѣмъ, что убѣгаетъ и какъ бы вырывается изъ рукъ: таковъ и такъ важенъ предметъ нашихъ желаній и исканій! Таковъ долженъ быть невѣстоводитель, уневѣличивающій души. И боюсь, чтобы, связавъ мнѣ руки и ноги, не извергли меня изъ брачнаго чертога, какъ не имѣющаго на себѣ брачнаго одѣянія, и нагло вторгшагося въ кругъ возлежащихъ тамъ; хотя и призванъ я отъ юности, даже (скажу неизвѣстное еще многимъ) къ *Нему привержень есмь отъ ложеснъ* (Пс. 21, 11), Ему принесенъ въ даръ по матернему обѣту, а потомъ и самъ, когда опасности укрѣпили, любовь возрасла, и помогъ разсудокъ, Воспріявшему и Спасшему меня добровольно отдалъ все—и имѣніе и знатность, и здоровье, и самый даръ слова. Изъ всего этого извлекъ я ту одну пользу, что презрѣлъ сіе, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Слова Божія содѣлались для меня сладки, какъ соты меда; я *призвалъ* разумъ, и *далъ гласъ свой* мудрости (Притч. 2, 3), учился умѣрять гнѣвъ, обуздывать языкъ, уцѣломудривать око, укрощать чрево, попираетъ земную славу, и въ этомъ (безразсудно говорить, однако же, пусть будетъ сказано) сталъ я не хуже, можетъ быть, многихъ. Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управленіе душами, и когда еще самъ не научился быть хорошимъ пасомымъ, не очистилъ, какъ должно, душу свою, обязаться должностію—править паствою; притомъ, въ такія времена, когда, смотря на людское крушеніе и мятежи, всего возжелѣннѣе—бѣгомъ бѣжать изъ общества, удалиться въ надежный пріютъ, укрыться отъ бури и тьмы лукаваго; когда члены одного тѣла взаимно враждуютъ, когда исче-

заетъ послѣдній остатокъ любви, а съ другой стороны слово: іерей, потому что по Писанію, *изліяся уничтоженіе на князи* (Пс. 16, 40), признается однимъ пустымъ именемъ,—и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Нынѣ же (да обратится хула на главы нечестивыхъ!) изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, и его мѣсто заступило безстыдство; кто бы ни пожелалъ, для всякаго отверсты и знаніе и глубины Духа. [¶]Всѣ мы благочестивы единственно потому, что осуждаемъ нечестіе другихъ; а судъ представляемъ людямъ безбожнымъ, повергаемъ святая псамъ, бросаемъ бисеры предъ свиніями, разглашая божественное тѣмъ, у кого не освящены и слухъ и сердце. [¶]Мы сами (о жалкіе!) тщательнѣе выполняемъ желанія враговъ, и не стыдимся любодѣйствовать *въ начинаніяхъ* (Пс. 109, 5) своихъ. Моавітяне и Аммонитяне, которымъ не дозволено входить въ Церковь Господню, у насъ свободно ходятъ въ самомъ святилищѣ. Для всѣхъ отверзли мы не врата правды, но двери злословія и наглости другъ противъ друга. У насъ не тотъ совершеннѣе, кто изъ страха Божія не произноситъ празднаго слова, но тотъ, кто, какъ можно больше, злословитъ ближняго, или прямо, или намеками, *нося* подъ языкомъ своимъ *трудъ и бользнь* (Пс. 9, 28), или, говоря ближе, *ядъ аспидовъ* (Пс. 139, 3). Мы ловимъ грѣхи другъ друга не для того, чтобы оплакивать ихъ, но чтобы пересудить, не для того, чтобы урочевать, но чтобы еще уязвить, и раны ближняго имѣтъ оправданіемъ собственныхъ своихъ недостатковъ. У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ—не жизнь, но дружба и несогласіе съ нами. [¶]Что нынѣ хвалимъ, то завтра оуждаемъ; что другіе порицаютъ, тому дивимся; охотно поблажаемъ во всемъ нечестію,—столько мы великодушны къ пороку! [¶]Все стало, какъ въ началѣ, когда еще не было ни міра, ни теперешняго благоустройства и благообразія, а напротивъ того, всѣ вещи, будучи слиты въ безпорядкѣ, имѣли еще нужду въ образующей десницѣ и силѣ. А если уютно другое сравненіе, то, какъ во время ночной битвы, при тускломъ свѣтѣ луны, не различая въ лице враговъ и своихъ, или, какъ на морскомъ сраженіи и во время бури, оглушаемые порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, напоромъ волнъ, столкновеніемъ кораблей, ударами весель, криками начальниковъ, стопами пораженныхъ, въ недоумѣніи, не имѣя времени собраться съ мужествомъ, мы (къ довершенію бѣдствія) нападаемъ другъ на друга, и другъ отъ друга гибнемъ. И не мірянинъ только поступаетъ такъ, священникъ же иначе. Напротивъ того, мнѣ кажется, что нынѣ явно исполняется изреченное древле въ прокля-

ти: *якоже людіе, тако и жрецъ* (Ос. 4, 9). Не одинъ простой народъ таковъ, а сильные, какъ говорится, въ народѣ и начальники—инаковы. Напротивъ того, они-то и ведутъ открытую войну съ священниками, въ предлогъ къ убѣжденію обращающа благочестіе.

Съ кѣмъ бываетъ сіе потому, что онъ стоитъ за вѣру, за самыя высокія и первыя истины, того не порицаю, и если сказать правду, того хвалю и сораднуюсь съ нимъ. Я желалъ бы и самъ быть въ числѣ подвижающихся и ненавидимыхъ за истину, даже похвалюсь, что дѣйствительно принадлежу къ сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающаго съ Богомъ. Посему и Духъ вооружаетъ кроткаго воина (Іоил. 3, 11), какъ способнаго хорошо вести войну. Но нынѣ есть люди, которые съ крайнимъ невѣжествомъ и съ наглостію сами стоятъ за малости и вовсе неполезныя вещи, и всякаго, кого только могутъ, принимаютъ въ сообщники зла; а все сіе прикрываютъ вѣрою, и сіе достоуважаемое имя безразсудно употребляютъ въ своихъ состязаніяхъ. Отъ сего, какъ и естественно, мы ненавидимы язычниками, и (что всего несноснѣе) не можемъ даже сказать, что ненавидимы несправедливо. И изъ своихъ оуждаютъ насъ самыя благонамѣренныя; ни мало же не удивительно, что оуждаетъ народъ, который рѣдко одобряетъ что-либо и доброе. *На хребтахъ нашихъ дѣлаютъ грѣшники* (Пс. 128, 8), и что умышляемъ другъ противъ друга, то обращаютъ противъ всѣхъ. Мы содѣлались новымъ позоромъ, но не для Ангеловъ и человѣковъ, какъ мужественнѣйшій изъ подвижниковъ Павелъ, ратоборствовавшій противъ началъ и властей, но почти для всѣхъ ведущихъ худую жизнь, и во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ,—на торжищахъ, на нетрезвыхъ пиршествахъ, среди веселостей, среди сѣтованій. Мы выведены даже и на зрѣлица народныя (едва не со слезами говорю сіе), насъ осмѣиваютъ наряду съ самыми развратными людьми, и ничто такъ не усладительно для слуха и зрѣнія, какъ христіанинъ, поруганный на зрѣлицѣ. До сего довели насъ наши междоусобія; до сего довели насъ тѣ, которые чрезъ мѣру подвизаются за Благаго и Кроткаго, которые любятъ Бога больше, нежели сколько требуется. Въ борьбѣ, или въ другомъ чемъ, не позволено состязаться неустановленнымъ порядкомъ, и тотъ подвергается осмѣянью и безчестію, даже лишается правъ побѣды, кто борется не по правиламъ, или въ другомъ чемъ состязуется не въ порядкѣ, и отступаетъ отъ положенныхъ для сего уставовъ, хотя бы онъ былъ самый мужественный и

искусный. Ужели же подвизающийся за Христа не по Христѣ угодить тѣмъ *Миру* (Еф. 2, 14), ратоборствуя за Него недозволеннымъ образомъ? И доннѣ еще трепещутъ демоны при имени Христовомъ; сила сего Имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и самого Христа, не стыдимся слышать, какъ Онъ почти вслухъ и ежедневно вопіеть: *имя Мое хулится васъ ради во языцехъ* (Ис. 52, 5). Не боюсь я внѣшней брани и возстающаго нѣмѣ на Церкви звѣря—сей полноты лукаваго¹⁾, хотя бы грозилъ онъ огнемъ, мечемъ, звѣрями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошелъ безчеловѣчїемъ всѣхъ когда-либо неистовствовавшихъ, избрѣлъ мучительнѣйшія извѣстныхъ доселѣ казни. На все есть у меня одно врачество, одинъ путь къ побѣдѣ, и это — (похваляюся во Христѣ!) смерть за Христа. Но что касается до предстоящей мнѣ брани, не знаю, что мнѣ дѣлать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, въ какое облечься всеоружіе противъ козней лукаваго. Кто побѣдитъ сего врага? Моисей ли, распростирающій руки на горѣ, чтобы превозмогъ прообразуемый и прознаменуемый крестъ? Или послѣ него Иисусъ, на брань ополчающійся съ Архистратигомъ небесныхъ воинствъ? Или Давидъ, то псалмопѣвствующій, то сражающійся пращами и отъ Бога препоясуемый силою на брань, или имѣющій персты, Богомъ обученные на брань? Или Самуиль, то приносящій свои молитвы и жертвы за народъ, то помазующій на царство могущаго побѣждать? Кто оплатитъ сіе, какъ должно? Іеремія ли, написавшій плачь объ Израилѣ? Кто воззоветъ: *пощади Господи люди Твоя, и не даждь достоянїя Твоего въ укоризну, да не обладаютъ ими языцы* (Іоил. 2, 17)? Кто будетъ молиться о насъ—Ной ли, Іовъ и Данїиль, вмѣстѣ молящіеся и вмѣстѣ упоминаемые (Іез. 14, 14), да утишится у насъ хотя нѣсколько брань, да прїйдемъ сами къ себѣ, станемъ, наконецъ, узнавать другъ друга, да не будемъ, вмѣсто одного Израиля, и Іудею, и Израилемъ, Ровоамомъ, и Іеровоамомъ, Іерусалимомъ и Самарїею,—сими городами, то предаваемыми за грѣхи, то оплакиваемыми?

Признаюся, что я немощенъ для такой брани; а потому и обратилъ хребетъ, сокрылъ лице въ бѣгствѣ. Отъ полноты огорченїя возжелалъ я сидѣть въ уединенїи и молчать, зная, что время лукаво, что отверглись возлюбленные, и содѣлались сы-

¹⁾ Юліана отступника.

нами отступными мы — виноградъ благовѣтвистый, виноградъ истинный, плодоносный, прекрасный, возвращенный орошеніемъ свыше, и что для меня обратились въ безчестіе діадима доброты моей, печать славы и вѣнецъ похваленія. Но если кто при всемъ этомъ смѣлъ и мужественъ; то ублажаю его за смѣлость и мужество. Не говорю еще о брани внутренней, которая—въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, и которую воздвигаютъ на насъ, день и ночь, то явно, то тайно, сіе тѣло смиренія и разсѣянность жизни, мятущая и волнующая насъ посредствомъ чувственности и временныхъ удовольствій, и грязь персти, съ которою мы смѣшаны, и законъ грѣховный, воюющій противъ закона духовнаго и усиливающийся растлить въ насъ Царскій образъ и все, что съ нимъ вложено въ насъ божественнаго по происхожденію. Почему едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долгу естество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился милости Божіей, или сверхъ того и другаго прилагалъ всевозможное стараніе вознестъ взоръ свой горѣ. Но пока не препобѣждена мною, по возможности, персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу; не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ также долгъ іерея.

И чѣмъ же приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ того, похвалите даже мою предусмотрительность. О самомъ Моисеѣ слышу, что когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя многіе призваны на гору, и въ числѣ ихъ Ааронъ съ двумя сынами священниками, и семьдесятъ старѣйшинъ—народоправителей, однако же, повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издавеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей; народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2); потому что не всякій можетъ приближаться къ Богу, но только кто, подобно Моисею, способенъ вмѣстить славу Божію. Да еще и прежде, при самомъ началѣ законодательства, трубы, молніи, грозы, мракъ, гора вся дымящаяся, страшныя угрозы, что если и звѣрь прикоснется къ горѣ, будетъ побить камнями (Исх. 19, 13), также другія подобныя грозныя явленія удерживали другихъ внизу горы, и для нихъ много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій; между тѣмъ Моисей и на гору восходить, и вступаетъ внутрь облака, и получаетъ законъ, и пріемлетъ скрижали, для народа скрижали письмени, а

для тѣхъ, которые выше народа, скрижали духа. Слышу также о Надавѣ и Авіудѣ, что они, воскуривъ еиміамъ чуждымъ огнемъ, наказаны тѣмъ самымъ, въ чемъ оказали нечестіе, нашли для себя погибель въ самое время и на самомъ мѣстѣ нечестиванія, и хотя отецъ ихъ Ааронъ былъ предъ Богомъ вторымъ по Моисею, однако же, не могъ спасти ихъ (Лев. 10, 1. 2). Знаю, что было съ священникомъ Иліемъ и, нѣсколько послѣ него, съ Озою. Одинъ понесъ наказаніе за беззаконіе сыновей, когда они при жертвоприношеніяхъ осмѣливались прежде времени вынимать мяса изъ котловъ, хотя отецъ и не одобрялъ такого ихъ нечестія, а напротивъ того, многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры (1 Цар. 2, 13. 14). Другой наказанъ единственно за то, что коснулся кивота, увлекаемаго тельцемъ; и хотя поддержалъ кивотъ, однако же, самъ погибъ (2 Цар. 6, 6. 7); такъ Богъ охранялъ досточтимостъ кивота. Знаю еще, что самые тѣлесные пороки, и въ священникахъ и въ жертвенныхъ животныхъ, подвергались строгому изслѣдованію, и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а сіе, какъ думаю, служило символомъ душевной непорочности. Не позволялось также, ни всякому касаться священнической одежды, или какого-либо священнаго сосуда; ни вкушать самыхъ жертвъ, кому не надлежало, или на неприличномъ мѣстѣ и въ неприличное время; ни поддѣлывать елей помазанія и еиміамъ служенія, ни входить во святилище, если кто хотя мало былъ нечистъ душею и тѣломъ. Тѣмъ паче не дерзали часто входить во святая святыхъ, куда доступъ дозволялся только одному и единожды въ годъ. Тѣмъ паче не смѣлъ всякій простиратъ взоръ или касаться къ завѣсѣ, или къ очистилищу, или къ кивоту, или къ херувимамъ. Итакъ, зная, сіе, а вмѣстѣ и то, что всякій недостойнъ Великаго Бога, Архіерея и Жертвы, если не представилъ онъ прежде себя самого Богу въ жертву живую и святую, не показавъ опытовъ благоудознаго словеснаго служенія, не принесъ Богу жертвы хвалы—духа сокрушеннаго—жертвы, какой только и требуетъ отъ насъ Даровавшій намъ все,—зная сіе, могъ ли я отважиться на то, чтобы приносить ему жертву внѣшнюю, равнообразную (*αυτοτότον*) великимъ таинствамъ? Могъ ли я облечься въ образъ и санъ іерея, пока не освятилъ рукъ преподобными дѣлами, пока не приобучилъ ока взирать здраво на тварь, и единственно удивляться Творцу, а не уничижать Создателя, пока наказаніе Господне не отверзло уши мои, не приложено ми ухо, еже не тяжко слышати (Ис. 50, 5); не данъ усерязъ золотый съ многоцѣн-

нымъ сардійскимъ камнемъ, то есть, слово мудраго во ухо благо-
 послушно (Притч. 25, 12); пока уста, губы, языкъ, не раскры-
 лись и не *привлекли Духа* (Пс. 118, 131), не *разширились* и не
наполнились (Пс. 80, 11) духомъ изрекаемыхъ таинствъ и дог-
 матовъ, пока уста, по слову мудрости, не стали *связаны* боже-
 ственнымъ *чувствомъ* (Притч. 15, 7), чтобы имъ (прибавлю къ
 сему) и растворяться благовременно, а языкъ не исполнился
 радованіемъ, не сталъ органомъ божественнаго сладкопѣнія,
 возбуждаемый славою, *возстая рано* (Пс. 56, 7) и трудясь, до-
 колѣ не прилпнетъ къ гортани; пока ноги мои не поставлены на
 камени (Ис. 39, 3), не совершены какъ ноги еленей (Пс. 17, 34),
 и *стопы мои не направлены* по Богу (Пс. 118, 133), ни *вмалъ*, ни
 вовсе не *проливаясь*, пока всякій членъ не содѣлался *оружіемъ*
правды (6, 13), не отложилъ всякую мертвенность *пожертвую жи-*
вотомъ (2 Кор. 5, 4) и уступившую мѣсто Духу? У кого не
 воспламеняють сердца чистыя, огнемъ искушенныя словеса Бо-
 жія, когда открываются ему Писанія; кто не написалъ ихъ
трижды на широтъ сердца, (Притч. 22, 21), чтобы имѣть
умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16); кто не входилъ въ сокровенныя
 отъ многихъ, невидимыя и темныя сокровищницы (Ис. 45, 3),
 чтобы видѣть ихъ богатство, и прійти въ состояніе обогащать
 другихъ, *духовная духовными сразсуждающе* (1 Кор. 2, 13);
 кто не зрѣлъ еще, какъ должно, *красоту Господню*, и не *посѣ-*
щалъ храмъ Его, лучше же сказать, кто самъ не содѣлался
 храмомъ Бога Живаго, живымъ жилищемъ Христовымъ въ духѣ;
 кто не позналъ сродства и различія между образами и дѣй-
 ствительностью, не отступилъ отъ первыхъ и не приложился
 къ послѣдней, чтобы, избѣжавъ *ветхости писмене, работати*
во обновленіи духа (Рим. 7, 6) и перейти совершенно къ благо-
 дати отъ закона, исполненнаго духовно въ изможденіи тѣла;
 кто опытно и умозрительно не изслѣдовалъ всѣхъ наименованій
 и силъ Христовыхъ, какъ высочайшихъ и первыхъ, такъ и низ-
 шихъ и послѣднихъ, принадлежащихъ Христу по человѣчеству,
 именно же, что Онъ—Богъ, Сынъ, Образъ, Слово, Премудрость,
 Истина, Свѣтъ, Жизнь, Сила, *Пара, Изліяніе* (Премудр. Сол. 7,
 25), Сіяніе, Творецъ, Царь, Глава, Законъ, Путь, Дверь, Осно-
 ваніе, Камень, Бисеръ, Миръ, Правда, Освященіе, Избавленіе,
 Человѣкъ, Рабъ, Пастырь, Агнецъ, Архіерей, Жертва, *Перво-*
рожденъ всея твари (Кол. 1, 15), *Перворожденъ* по воскре-
 сенію *изъ мертвыхъ* (18); кто безъ пользы слышитъ сіи на-
 именованія и вещи, не входитъ въ общеніе съ Словомъ и не

постигаетъ, въ какомъ отношеніи, каждыиъ изъ сихъ Оно есть и именуется, кто не прилагалъ старанія, и не учился уразумѣвать *премудрость Божию въ тайны сокровенную* (1 Кор. 2, 7); кто—еще младенецъ, питается млекоиъ, не еопричтень къ Израиллю, не вписанъ въ воинство Божіе, не способенъ, какъ слѣдуетъ, взять на себя крестъ Христовъ,; кто не сталъ, можетъ быть, никакимъ еще почетнымъ членомъ *тѣла Христова*:—тотъ ужели охотно и съ радостію приметъ, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мѣрѣ я не даю на сіе приговора и совѣта. Напротивъ того, вижу здѣсь причины къ самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для сознающаго и важность преспѣванія и пагубныя послѣдствія погрѣшенія въ дѣлѣ. Пусть другой, разсуждалъ я, кто многоопытенъ въ мореходствѣ и торговлѣ, плыветъ за куплею, переходитъ обширныя моря, борется всегда съ вѣтрами и волнами, многое, если удастся, пріобрѣтая, и много бѣдствуя. А для меня, который держуся суши, веду не глубокую и легкую борозду жизни, съ выгодами и моремъ раскланиваюсь издали, пріятнѣе жить такъ, какъ могу, съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и влачить дни въ безопасности и безмятежии, нежели для большихъ выгодъ кидаться на долговременную и большую опасность. Для человѣка, поставленнаго высоко, и то уже потеря, если онъ не предприимлетъ большаго, не распространяетъ доблестей своихъ на многихъ, но останавливается на маломъ числѣ людей, и какъ бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ, или юношескимъ всеоружіемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для человѣка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бремя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложеніемъ на себя чего-либо не по силамъ. Ибо, какъ слышимъ, и башню строить прилично тому только, у кого есть, чѣмъ ее доверить (Лук. 14, 28).

Итакъ, предъ вами—оправданіе моего бѣгства, и оправданіе, можетъ быть, не недостаточное. Сіе-то самое удалило меня отъ васъ, друзья и братія, правда къ прискорбію моему, а можетъ быть, и вашему, однако же, по необходимости, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ тогда представлялось. Возвратили же меня, во-первыхъ, приверженность моя къ вамъ и чувствованіе вашей взаимной ко мнѣ приверженности (ибо взаимное расположеніе всего болѣе укрѣпляетъ любовь); а во-вторыхъ, собственная моя забота, собственное мое дѣло—сѣдины и немощъ священныиъ родителей, болѣзнующихъ болѣе обо мнѣ, нежели о лѣтахъ своихъ, — сего

Авраама Патріарха, драгоцѣнной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно раждающей насъ ученіемъ вѣры. Для нихъ быть жезломъ въ старости и опорой въ немощи—составляло первый обѣщанный мною обѣтъ, который и исполнялъ я по возможности, такъ что презрѣлъ и самое любомудріе—сіе стяжаніе и имя всего для меня драгоцѣннѣйшее, или справедливѣе сказать, въ томъ и оказалъ я свое любомудріе, чтобы не казаться любомудрствующимъ. Почему нестерпимо для меня стало—по одному поводу потерять весь трудъ и лишиться благословенія, которое, какъ сказано объ одномъ изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, даже восхитилъ онъ, введя отца въ обманъ снѣдію и накладными волосами, уловивъ доброе недобрымъ средствомъ—черезъ ухищреніе. Итакъ двѣ причины моей уступчивости и кротости; и, можетъ быть, ни малой нѣтъ несообразности въ томъ, что противъ сихъ двухъ причинъ не устояли и поколебались прежнія мои разсужденія. Ибо думаю, что иногда также благо-временно—уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другаго дѣла; и лучше быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно. Въ третьихъ-же (вотъ самая важная причина моего возвращенія! сказавъ о ней умолчу уже о прочихъ), я вспомнилъ о временахъ давнихъ, и встрѣтивъ одно древнее сказаніе, извлекъ изъ него наставленіе для себя въ настоящемъ обстоятельствѣ.

Ибо полагаю, что заключающееся въ Писаніи не безъ цѣли написано, и не одна куча словъ и предметовъ, собранная для развлеченія слушающихъ, не какая нибудь приманка для слуха, служащая только къ забавѣ. Такова цѣль баснословій и тѣхъ еллиновъ, которые не много заботятся объ истинѣ, очаровываютъ слухъ и сердце изяществомъ вымысловъ и роскошью выражений. Но мы, тщательно извлекающіе духовный смыслъ изъ каждой черты и буквы, нисколько не согласны думать (сіе было бы и несправедливо), чтобы и самыя малозначительныя дѣянія безъ какой-либо цѣли были и писателями подробно описаны и до сего времени сохранены на память. Напротивъ того, цѣль ихъ—служить памятниками и уроками, какъ судить въ подобныхъ, если встрѣтятся, обстоятельствахъ, чтобы мы, слѣдуя симъ примѣрамъ, какъ нѣкоторымъ правиламъ и предначертаннымъ образцамъ, могли одного избѣгать, а другое избирать.

Какое же сказаніе, и въ чемъ состоитъ наставленіе? Можетъ быть, не худо будетъ разсказать сіе для утвержденія многихъ. Бѣжалъ и Иона отъ лица Божія, или, вѣрнѣе сказать, думалъ

убѣжать; но удержанъ былъ моремъ, бурю, жребіемъ, чревомъ китовымъ и тридневнымъ погребеніемъ, которое послужило образомъ высшаго тайнства. Но Иона бѣжалъ, чтобъ не идти къ Ниневитянамъ съ печальною и необыкновенною вѣстію, и чтобы впоследствии не оказаться лжецомъ, если городъ спасется чрезъ покаяніе. Ибо не спасеніе злочестивыхъ огорчало его, но онъ стыдился быть служителемъ лжи, и какъ бы ревновалъ о достовѣрности пророчества, которая въ немъ могла подвергнуться сомнѣнію; потому что многіе не способны проникать въ глубину Божія о семъ домостроительства. А какъ слышалъ я о семъ отъ одного мудраго мужа, который не неприлично объяснялъ видимую несообразность сказанія, и способенъ былъ разумѣть глубокой смыслъ пророка,—не такая причина сдѣлала блаженнаго Иону бѣглецомъ, и укрывшагося на морѣ привела въ Иопсію, а изъ Иопсіи вела въ Фарсисъ. Невѣроятно, чтобы онъ, будучи пророкомъ, не зналъ Божія намѣренія, то-есть, что Богъ, по Своей великой премудрости, по неиспытваемымъ судьбамъ, неизслѣднымъ и непостижимымъ путямъ Своимъ, самую угрозою производилъ то, чтобы Ниневитяне не потерпѣли предсказаннаго въ угрозахъ. А если пророкъ зналъ сіе, то не вѣроятно также, чтобы онъ не покорился Богу, благоугоднымъ Ему образомъ устроявшему спасеніе Ниневитянъ. Думать же, что Иона надѣялся укрыться въ морѣ и спастись бѣгствомъ отъ великаго ока Божія, было бы совершенно нелѣпо и невѣжественно; такая мысль была бы несправедлива не только о пророкѣ, но и о всякомъ другомъ человѣкѣ, имѣющемъ разумъ и сколько-нибудь познавшемъ Бога и Его всепревосходящее могущество. Напротивъ того, Иона, какъ говоритъ разсуждавшій о семъ мужъ, въ чемъ и я убѣжденъ, лучше всякаго другаго зналъ и то, что будетъ слѣдствіемъ проповѣди Ниневитянамъ, и то, что онъ самъ, замыслившій бѣгство, хотя перемѣнитъ мѣсто, но не убѣжитъ отъ Бога; какъ не избѣгъ бы и всякій другой, хотя бы укрылся въ нѣдрахъ земли, во глубинахъ моря, избрѣлъ средство подняться на крыльяхъ и летать по воздуху, снизошелъ въ самую присноподнюю ада, или облекся густотою облака, или придумалъ другой возможный способъ къ утаенію побѣга. Напротивъ того, ежели Богъ восхоцетъ кого остановить и удержать въ рукѣ Своей, то сіе всего неизбѣжно, всего неодолимо. Онъ предускоряетъ быстрыхъ, перехитряетъ хитрыхъ, низлагаетъ сильныхъ, смиряетъ высокихъ, укрощаетъ дерзновенныхъ, подавляетъ всякую силу. Посему, конечно, зналъ крѣпкую руку Божию Иона, который угрожалъ ей

другимъ, и онъ не думалъ, что вовсе убѣжить отъ Бога. Сіе ни мало не вѣроятно. Но послѣку Іона провидѣлъ паденіе Израиля и предчувствовалъ, что пророчесвенная благодать переходитъ къ язычникамъ; то онъ уклоняется отъ проповѣди, медлитъ въ исполненіи повелѣнія, и, оставивъ сторожевую башню радости, что на еврейскомъ значить Іоппія,—то есть, древнюю высоту и достоинство, ввергаетъ самъ себя въ море скорби. Потому и обуреваются, и спитъ, и терпитъ кораблекрушеніе, и пробуждается отъ сна, и подпадаетъ жребію, и сознается въ бѣгствѣ, и погружается въ морѣ, и поглощается китомъ, но не истребляется, а призываетъ тамъ Бога, и (какое чудо!) подобно Христу, по прошествіи трехъ дней, возвращается оттуда.

Но оставимъ о семъ слово, въ надеждѣ, если дастъ Богъ, обстоятельнѣе поговорить въ послѣдствіи времени. А теперь, чтобы рѣчь возвратилась къ своему предмету, остановлюсь на той мысли и на томъ разсужденіи, что для Іоны, можетъ быть, и извинительно было, по изложенной выше причинѣ, отречься отъ пророческаго служенія. Но осталось ли бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня, если бы сталъ я долѣе упорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня (не знаю какъ назвать), легкаго или тяжелаго, но все же ига служенія. Ибо ежели бы иной не попрекословилъ мнѣ въ томъ (что одно и можно въ настоящемъ случаѣ сказать какъ нѣчто твердое), что я весьма недостоинъ священнослуженія предъ Богомъ, и что прежде надобно содѣлаться достойнымъ церкви, а потомъ уже алтаря, и прежде достойнымъ алтаря, а потомъ уже—предсѣдательства; то другой, можетъ быть, не освободилъ бы меня отъ обвиненія въ неповиновеніи. Но страшны угрозы, ужасны наказанія за неповиновеніе, равно какъ и за противное сему, если кто ни мало не смущается, не отрицается, и не скрывается, какъ Саулъ, въ отцевскихъ *сосудѣхъ* (1 Цар. 10, 22), какъ скоро слегка призываютъ его къ принятію начальства, но съ готовностію, какъ за самое легкое и удобное дѣло, берется за то, въ чемъ не безопасно перемѣнять намѣреніе, и принятое поправлять новымъ.

Посему-то я долго боролся съ мыслями, придумывая, какъ поступить, и находясь между двумя страхами, изъ которыхъ одинъ принуждалъ меня оставаться внизу, а другой — идти вверхъ. И послѣ многихъ недоумѣній, перевѣсиваясь на ту и другую сторону, или, подобно струѣ, гонимой противными вѣтрами, склоняясь туда и сюда, наконецъ, уступилъ я сильнѣйшему; меня препобѣдилъ и увлекъ страхъ оказаться непокор-

нымъ. и смотрите, какъ прямо и вѣрно держусь я среди сихъ страховъ, не домогаясь начальства неданнаго, и не отвергая даннаго. Ибо первое означало бы дерзость, послѣднее же—непокорность, а то и другое вмѣстѣ—невѣжество. Но я соблюдаю середину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливыми; я боязливѣе тѣхъ, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Такъ я разумѣю дѣло сіе, и выражусь еще яснѣе: противъ страха быть начальникомъ подасть, можетъ быть, помощь законъ благопокорности; потому что Богъ по благодати Своей вознаграждаетъ вѣру, и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаетъ, и въ Немъ полагаетъ все надежды. Но не знаю, кто будетъ помощникомъ, и какое слово внушить упованіе, въ случаѣ непокорности. Ибо опасно, чтобы намъ о вѣряемыхъ нашему попеченію не услышать слѣдующаго: „души ихъ отъ рукъ вашихъ взыщу (Лев. 3, 18). Какъ вы отверглись Меня, и не захотѣли быть вождями и начальниками народа Моего: такъ и Я отвергну васъ, и не буду вашимъ царемъ. Какъ вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко Мнѣ хребетъ, и не повиновались: такъ будетъ и вамъ; когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу, и не услышу ея“.—Да не придетъ на насъ таковой приговоръ Праведнаго Судіи, Которому *воспѣваемъ милость*, но вмѣстѣ *воспѣваемъ*, конечно, и *судъ* (Пс. 100, 1)!

А я обращаюсь опять къ исторіи, и разсматривая самыхъ благоискусныхъ мужей въ древности, нахожу, что изъ тѣхъ, кого благодать предъизбирала когда-либо въ званіе начальника или пророка, одни съ готовностію слѣдовали избранію, а другіе медлили принимать даръ; но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, какъ отрекавшіеся—за боязнь, такъ и изъявившіе согласіе—за ревность. Ибо одни утрашались важности служенія, а другіе повиновались по вѣрѣ въ Призывающаго. Ааронъ изъявилъ готовность, а Моисей прекословилъ. Съ готовностію повиновался Исаія, а Іеремія страшился юности, и не прежде отважился на званіе пророка, какъ получивъ отъ Бога обѣтованіе и силу, превышающую возрастъ. Сими размышленіями успокоиваю я самъ себя, и душа моя понемногу уступаетъ и смягчается, какъ желѣзо; а въ помощники къ симъ размышленіямъ беру я время, и въ совѣтники—Божіи оправданія, которымъ вѣрилъ я всю жизнь свою. Посему *не противлюся, ни противоглаголю* (Ис. 50, 5) (слова моего Владыки, не къ начальствованію призываемаго, но яко овца на заколеніе. (Ис. 53, 7) ведомаго), даже подклоняюсь

и смиряюсь подъ крѣпкую руку Божию, и прошу извинить прежнюю мою лѣность и непокорность, если сколько нибудь виновенъ я въ семъ. Я умолкалъ, но не всегда буду молчать; удалился не надолго, сколько было нужно, чтобы разсмотрѣть себя и доставить себѣ утѣшеніе въ скорби, но теперь готовъ *возносить Его въ церкви людстѣй и восхвалять на стѣдалищи старецъ* (Пс. 106, 32). Если за одно должно осуждать; то за другое можно извинить.

Но къ чему мнѣ продолжать слово? Я съ вами, пастыри и сопастыри! съ тобою, святая паства, дотойная Архипастыря Христа! И ты, отецъ мой, совершенно побѣдилъ и подчинилъ меня болѣе по Христовымъ, нежели по мірскимъ законамъ. Видишь благопокорность; возврати благословеніе. И самъ руководствуй молитвами, путеводствуй словомъ, утверждай духомъ. *Благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ* (Сир. 3, 9). О, если бы утвердился мнѣ и сему духовному дому, который избралъ я, и о которомъ молюсь, чтобы онъ и для меня былъ упокоеніемъ въ вѣкъ вѣка, когда изъ здѣшней церкви препосланъ буду къ церкви тамошней—къ торжеству первородныхъ, написанныхъ на небесахъ! Таково и столь справедливо мое моленіе!

Богъ же міра, сотворившій обоя едино и возвратившій насъ другъ другу, посаждающій царей на престолахъ и воздвигающій съ земли убогаго, изъ низкаго состоянія возвышающій нищаго, избравшій Давида, раба Своего и взявшій отъ стада овчихъ того, кто былъ младшимъ и юнѣйшимъ изъ сыновъ Иессеевыхъ, дающій слово благовѣствующимъ силою многою во исполненіе Евангелія, Самъ, пася пастырей и водя вождей, да поддерживаеетъ десную руку нашу, да путеводствуетъ по волѣ Своей, и да приметъ со славою, чтобы и намъ упасти паству Его благоразумно, а не въ *сосудахъ пастыря неискусно* (Зах. 11, 15),—одно поставлено у древнихъ въ числѣ благословеній, а другое въ числѣ проклятій;—Самъ *да дастъ силу и державу людемъ Своимъ* (Пс. 67, 36), Самъ да представитъ Себѣ паству славною и нескверною, достойною горняго двора, въ обители веселящихся, во свѣтлости святыхъ, чтобы во храмѣ Его всѣ мы, и паства и пастыри, купно могли вѣщать славу, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому всякая слава во вѣки вѣковъ аминь!

Слово 4. Первое обличительное на царя Юліана.

*Услышите сія вси язцы, внушите вси живущіи по все-
ленній* (Ис. 48, 2). Какъ бы съ нѣкотораго возвышенія, далеко
кругомъ видимаго, всѣхъ призываю, ко всѣмъ обращая сильную
и высокую проповѣдь. Внимайте народы, племена, языки, люди
всякаго рода, всякаго возраста,—всѣ, сколько есть теперь, и
сколько будетъ на землѣ! И да прострется далѣе моя пропо-
вѣдь!—Внимайте мнѣ всѣ небесныя Силы, всѣ Ангелы, кото-
рыми совершенно истребленіе мучителя, низложенъ—не Сіонъ,
царь Амморрейскій, не Огъ, царь Васанскій (небольшіе владѣ-
тели, дѣлавшіе зло небольшой части вселенной—Израилю),—
по змѣй (Иезек. 29, 3), отступникъ, *великій умъ* (Ис. 10, 12),
Ассиріанинъ, общій всѣмъ врагъ и противникъ, и на землѣ
дѣлавшій много неистовствъ и угрозъ, и *въ высоту* (Ис. 72,
8) говорившій, и замышлявшій много неправды! *Слыши небо,
и внуши земле,* (Ис. 1, 2)! И мнѣ теперь прилично возгласитъ
одно съ велегласнѣйшимъ изъ Пророковъ Ісаіею! Въ одномъ
у насъ разность: Пророкъ призываетъ небо и землю во сви-
дѣтели противъ отвергшагося отъ Бога Израиля; а я призы-
ваю противъ мучителя, и отвергшагося, и падшаго—падениемъ
достойнымъ нечестія. Внимай, если слышишь насъ, и ты, душа
великаго Констанція! Внимайте христоробивыя души до него
бывшихъ царей! Особенно же да внемлетъ душа Констанція,
который самъ возрасталъ съ наслѣдіемъ Христовымъ, и, по-
степенно утверждая оное, возрасталъ въ такую силу, что сталъ
чрезъ сіе именитѣе всѣхъ прежнихъ царей. Но (какое посрам-
леніе!) онъ впалъ въ грѣхъ невѣдѣнія, весьма недостойный
его благочестія; самъ не зная, воспиталъ христіанамъ врага
Христова; изъ всѣхъ дѣлъ своего человѣколюбія оказалъ одну
худую услугу тѣмъ, что спасъ и воцарилъ ко вреду спасеннаго
и царствовавшаго. А потому, о если бы Констанція наипаче
обрадовало, какъ разрушеніе нечестія и возстановленіе преж-
няго благосостоянія христіанъ, такъ и сіе слово!

А я принесу слово въ даръ Богу священнѣйшій и чистѣй-
шій всякой безсловесной жертвы, принеся не по подражанію
мерзкимъ рѣчамъ и суесловію, а еще болѣе мерзкимъ жертвамъ
богоотступника, которыхъ обиліе и богатство состояли въ силѣ
нечестія и въ немудрой, скажу такъ, мудрости; такъ какъ и
вся сила и ученость вѣка сего во тмѣ ходитъ, и далека отъ свѣта

истины. Но если такова сія мудрость, въ такихъ бываетъ людяхъ, такіе приносятъ плоды,—какъ трава, скоро засыхаетъ, какъ *земле злака* (Пс. 36, 3), скоро опадаетъ и переходитъ вмѣстѣ съ породившими ее, которые погибаютъ съ шумомъ и привлекаютъ вниманіе болѣе паденіемъ, нежели нечестіемъ своимъ; то мнѣ, приносящему нынѣ жертву хвалы и сожигающему безкровный даръ слова, кто составитъ такое зрѣлище, которое бы равнялось благодарности! Какой языкъ будетъ такъ громозвученъ, какъ я того желаю? Чей слухъ не уступитъ въ ревности слову?

Благодареніе же, воздаваемое посредствомъ слова, не только болѣе всего свойственно Слову, Которое изъ всѣхъ другихъ наименованій преимущественно благоугождается симъ наименованіемъ и напекю способностію именовать Его, но и тому¹⁾ послужить приличнымъ возмездіемъ, когда за преступленіе противъ дара слова будетъ онъ наказанъ словомъ. Тогда какъ даръ слова есть общее достояніе всѣхъ словесныхъ тварей: Юліанъ, присвоивъ его себѣ, ненавидѣлъ въ христіанахъ, и хотя почитался даровитѣйшимъ въ словѣ, однако же о дарѣ слова судилъ крайне неразумно. Во-первыхъ, неразумно тѣмъ, что злонамѣренно, по произволу, толковалъ наименованіе, будто бы эллинская словесность принадлежитъ язычеству, а не языку. Почему и запрещалъ намъ образоваться въ словѣ, какъ будто такое наше образованіе было похищеніемъ чужаго добра. Но сіе значило то же, какъ если бы не дозволять намъ и всѣхъ искусствъ, какіе изобрѣтены у грековъ, а присвоить ихъ себѣ по тому же сходству наименованія. Потомъ, неразумно онъ надѣялся, будто бы скроется отъ насъ, что не насъ, которые очень презираемъ такую словесность, лишаетъ онъ одного изъ первыхъ благъ, но самъ страшится обличеній въ нечестіи, предполагая, можетъ быть, что сила обличеній зависитъ отъ красоты слога, а не отъ разумнія истины и не отъ доказательствъ, отъ которыхъ удержать насъ такъ же невозможно, какъ и сдѣлать, чтобы мы, пока имѣемъ языкъ, не исповѣдывали Бога. Ибо мы вмѣстѣ съ прочимъ и сіе, то есть, слово, посвящаемъ Богу, какъ посвящаемъ тѣла, когда нужно и тѣлесно подвизаться за истину. Посему, давъ такое повелѣніе, хотя запретилъ онъ говорить краснорѣчиво, однако же не воспрепятствовалъ говорить истину. А такимъ образомъ и безсиліе свое обличилъ, и не из-

¹⁾ Юліану.

бѣгъ обличеній въ нечестіи, если не подвергся еще большимъ за свою ошибку. Ибо самое его запрещеніе пользоваться намъ даромъ слова показывало, что онъ не полагался и на правоту своей вѣры, и на самый даръ слова. Онъ походилъ на человѣка, который почитаетъ себя сильнѣйшимъ изъ борцовъ и требуетъ, чтобы всѣ провозгласили его сильнѣйшимъ, а между тѣмъ отдалъ приказъ, чтобы не одинъ сильный борецъ не смѣлъ бороться и не являлся на поприщѣ. Но это—доказательство робости, а не мужества! Вѣнцы даются тѣмъ, которые подвизались, а не тѣмъ, которые сидѣли вверху; тѣмъ, которые напругали всѣ силы, а не тѣмъ, которые лишены употребленія большей части силъ. Если же дѣйствительно боялся ты сойтись и вступить въ битву; то симъ самымъ призналъ надъ собою побѣду, и безъ борьбы уступилъ верхъ тому, съ кѣмъ изъ-за того и препирался, чтобы не вступать въ борьбу. Такъ поступилъ нашъ мудрый царь и законодатель! И какъ будто для того, чтобы все испытало его мучительство и провозглашало его неразуміе, въ самомъ началѣ своего царствованія онъ прежде всего употребилъ насиліе противъ дара слова. Но намъ прилично воздать благодареніе Богу и за то, что самый сей даръ получилъ свободу. Намъ особенно должно, какъ почитать Бога другими приношеніями, не щадя ничего—ни денегъ, ни имущества, которые временны, и челоуѣколюбіемъ Божиимъ соблюдены отъ насилія, такъ преимущественно почитать словомъ—плодоношеніемъ праведнымъ и общимъ для всѣхъ, получившихъ милость. Но довольно сего слова о дарѣ слова; иначе, распространившись чрезъ мѣру, преступимъ предѣлы времени и подадимъ мысль, что заботимся о чемъ-то иномъ, а не о томъ, для чего собрались.

И уже порывается и течетъ къ торжественію мое слово; оно облекается въ веселіе, какъ и все видимое; оно всѣхъ призываетъ къ духовному ликованію,—всѣхъ, кто постоянно пребывалъ въ постѣ, въ сѣтованіи и въ молитвѣ, и днемъ и ночью просилъ избавленія отъ обстоящихъ скорбей, и надежное врачевство отъ золъ находилъ въ *непосрамляющемъ упованіи* (Рим. 5, 5), — всѣхъ, кто перенесъ великія боренія и подвиги, кто выдержалъ многіе и тяжкіе удары сего времени, кто, по выраженію Апостола, былъ въ *позоръ міру и Ангеломъ и челоуѣкомъ* (1 Кор. 4, 9), кто, хотя изнемогалъ тѣломъ, однако же остался непобѣдимымъ по духу, и все возмогъ о *укрѣпляющемъ его Христѣ* (Фил. 4, 13); всѣхъ, кто отложилъ все, что въ мірѣ служитъ ко грѣху, и мірскую власть; кто *разграбленіе имѣній*

съ радостію пріялъ (Евр. 10, 34); кто неправедно былъ изгнанъ изъ собственнаго, какъ гворится владѣнія; кто на нѣсколько времени терпѣлъ разлуку или съ мужемъ, или съ женою, или съ родителями, или съ дѣтьми, или какія есть еще наименованія не столь близкаго свойства, привязывающія насъ къ людямъ, и кто въ даръ Христовой крови приносилъ страданія за Христа, такъ что нынѣ справедливо можетъ о себѣ сказать и воспѣть: *возвелъ еси челоуѣки на главы наша: приидомъ сквозъ огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12).

Призываю къ торжеству и другую часть людей, которые исповѣдуютъ Бога всяческихъ, и держатся въ томъ здравыхъ понятій, но не постигаютъ распоряженій Промысла, часто изъ горестныхъ событій устрояющаго лучшее и благостію призывающаго къ исправленію. Они по нищетѣ души и по легкомыслию, возгораются и воспаляются помыслами, *всегда гордятся нечестивому* (Пс. 9, 23), не могутъ сносить *мира грѣшниковъ* (Пс. 72, 3), какъ говоритъ Псаломъ, не ждутъ исполненія *совѣта* Божія (Пс. 105, 13), и не соблюдаютъ равнодушія до конца; однако же, будучи рабами одного настоящаго и видимаго, утверждаютъ въ истинѣ чудесами, подобными совершившимся нынѣ. Призываю и тѣхъ, кого приводитъ въ изумленіе лицедейство и великое позорище міра сего, призываю словами Исаи: *жены, грядущія съ позорища, придите* (Ис. 27, 11), отворивъ душевное око отъ внѣшнихъ предметовъ, по которымъ оно блуждало, *упразднитесь и уразумѣйте, яко сей есть Богъ, возносяся во языцѣхъ, возносяся на земли* (Пс. 45, 11), какъ всегда, во всѣхъ творимыхъ Имъ знаменіяхъ и чудесахъ, такъ еще очевиднѣе въ чудесахъ настоящихъ.

О, если бы составилъ часть нашего лика и тотъ соборъ¹⁾, который прежде съ нами вмѣстѣ воспѣвалъ Богу неподдѣльную и чистую пѣснь, даже удостоивался нѣкогда стоять на десной странѣ и, какъ надѣюсь, вскорѣ опять удостоится! Но не знаю, по какому побужденію, онъ вдругъ измѣняется, отдѣляется и (чему особенно дивлюся) не приступаетъ къ общему веселію, но составляетъ (какъ, можетъ быть, и сами дозволятъ мнѣ выразиться) какой-то свой нестройный и несогласный ликъ.

¹⁾ По изъясненію Пли Критскаго, св. Богословъ разумѣетъ здѣсь назіанзенскихъ монаховъ, которые соблазнились тѣмъ, что родитель его, по простотѣ сердца, подписался къ аріанскому исповѣданію, а вельдствіе сего отдѣлился отъ общенія съ назіанзенскою Церковію, и поставилъ у себя пресвитеровъ, рукоположенныхъ постероннимъ епископомъ.

Сказать, каковъ и чей это ликъ, хотя и побуждасть меня ревность, однако же останавливаетъ вѣра. Удерживаемый надеждою, не произнесу ничего непріятнаго; ибо доселѣ щажу ихъ, какъ собственные члены, и внимаю больше прежней любви, нежели настоящему отвращенію. Для того поступаю великодушнѣе, чтобы чувствительнѣе укорить впоследствии.

Одну только часть, одинъ родъ людей отлучаю отъ торжества. Хотя самъ сокрушаюсь и скорблю, хотя проливаю слезы, когда, можетъ быть, они и не внимають мнѣ, хотя сѣтую о нечувствующихъ собственной погибели, что и дѣласть раны ихъ достойнѣйшими большого сожалѣнія; однако же отлучаю. Посѣянные не на твердомъ и непоколебимомъ, но на сухомъ и безплодномъ камнѣ (таковы приступающіе къ слову легкомысленно и маловѣрные), *зане не имѣяху глубины земли* (Матѣ. 13, 5), скоро прозябшіе и готовые на все въ угожденіе ближнимъ, они впоследствии, при легкомъ прираженіи лукаваго, при маломъ искушеніи и дуновеніи злойнаго вѣтра, увяли и умерли. Но еще хуже спѣхъ послѣднихъ, еще болѣе достойны отлученія отъ торжества всѣ тѣ, которые ни мало не противились ни силѣ времени, не увлекающимъ насъ въ пагубный плѣнъ отъ Восшедшаго на высоту и Плѣннишаго во спасеніе. Они оказались даже пропзвольно злыми и низкими, не сдѣлавъ и малѣйшаго противоборства, соблазнившись, когда не было имъ никакой скорби и никакого искушенія ради слова, и (подлинно жалкіе люди!) продали собственное свое спасеніе за временную корысть, за неважную услугу или власть.

Поелику же сказано, кто можетъ и кто не можетъ составлять нашъ ликъ; то очистимъ, по возможности, и тѣла и души, настроимъ всѣ одинъ голосъ, соединимся единымъ духомъ и воспоемъ ту побѣдную пѣснь, которую нѣкогда, ударяя въ тимпанъ, предначала Маріамъ, а за нею воспѣлъ Израиль, о потопленіи египтянъ въ Черномъ морѣ: *Помъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже* (Исх. 15, 21) — но не въ море; перемѣняю сіе въ пѣсни; а куда ему было угодно, и какъ опредѣлялъ Самъ Онъ — *творяй вся и претворяй*, какъ сказала въ одномъ мѣстѣ своего пророчества богодухновенно любомудрствующій Амосъ, *и обращаая во утро сѣнь смертную и день въ ночь помрачаая* (Амос. 5, 8),—Тотъ, кто, какъ бы нѣкоторымъ кругомъ располагаетъ и ведетъ весь міръ. И все, что до насъ касается,—и зыблющееся и незыблемое, попеременно и поступающее впередъ и обрацаемое назадъ, бывающее

въ разныя времена и такъ и иначе, — въ порядкѣ Промысла твердо и непоколебимо; хотя и идетъ противоположными путями, извѣстными Слову, и невѣдомыми для насъ. Господь нпзлагаетъ *сильныя со престоль* (Лук. 1, 52), и *нечаелаго* украшаетъ *отъцемъ* (Сирах. 11, 5); заимствую и сіе изъ Божественнаго Писанія. Онъ немощныя колѣна облагаетъ мужествомъ и сокрушаетъ *мышцы грѣшника и беззаконника* (Пс. 36, 17); и сіе беру изъ другаго Писанія, какъ приходитъ мнѣ на память, которое-либо изъ многихъ мѣстъ, восполняющихъ мою пѣснь и слагающихся въ одно благодареніе. Онъ даетъ намъ видѣть и возношеніе нечестиваго выше кедровъ, и обращеніе его въ ничтожество; если только возмogli мы скорою и непреткновенною погою пройти мимо его нечестія. Кто же изъ повѣдающихъ дѣла Божіи воспоетъ, какъ должно и повѣдаетъ сіе? *Кто возлагаетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. 105, 9)? Какой голосъ, какой даръ слова будетъ соразмѣренъ сему чуду? *Кто сокруши оружіе и мечъ и брань* (Пс. 75, 11)? *Кто стеръ главы змievъ въ водѣ?* *Кто далъ того бранино людемъ* (Пс. 73, 13. 14), которымъ и предалъ его? Кто премѣнилъ бурю въ прохладный вѣтръ? Кто сказалъ морю: *молчи, престани* (Марк. 4, 39), *въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (Іов. 38, 11), и потомъ усмирилъ незадолго воздымавшіяся и кипѣвшія воды? Кто даровалъ власть *наступать на змію и на скорпію* (Лук. 10, 19), которыя не тайно уже блюдутъ лягу, какъ изречено въ осужденіи, но явно возстаютъ и подъемяютъ главу, осужденную на поправіе? Кто сотворилъ *судъ и правду* (Ам. 5, 7), сотворилъ такъ неожиданно? Кто не оставилъ навсегда *жезла грѣшныхъ* (могу ли смѣло сказать: *на жребіи праведныхъ* (Пс. 124, 3)? — или выразиться скромнѣе?), на жребіи вѣдающихъ Его? Ибо мы были не какъ праведные преданы (немногимъ, и притомъ рѣдко, дается, чтобы они, какъ мужественные подвижники, посрамили искусителя), но какъ грѣшныя осуждены, и потомъ милосердо и отечески помилованы; осуждены, чтобы пораженные уцѣломудрились, и вразумленные къ нему обратились. Онъ обличилъ насъ, но не *яростію*; наказалъ, но не *гнѣвомъ* (Пс. 6, 12); тѣмъ и другимъ, и напamятованіемъ и снисхожденіемъ, явилъ Свое челоуѣколюбіе. Кто сотворилъ *отмщеніе во языцѣхъ, обличенія въ людѣхъ* (Пс. 149, 7)? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани* (Пс. 23, 8). Одно нахожу мѣсто, одинъ стихъ въ нѣкоторомъ отношеніи сообразный настоящему торжеству. Его прежде насъ возгласилъ

Исаія, и онъ весьма приличенъ нынѣшнему времени, соотвѣтствуетъ величію благодѣянія. *Да возрадуется небо свыше, и облацы да кропятъ правду* (Ис. 45, 8): *да отрыгнутъ горы веселіе, и холми радость* (Ис. 49, 13)! Ибо и вся тварь и небесныя Силы раздѣляютъ наши чувствованія (присовокупляю это отъ себя) даже при событіяхъ подобныхъ настоящему. Тварь, работающая тлѣнію, то есть, тѣмъ, которые долу рождаются и умираютъ, не только совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ, въ ожиданіи конца ихъ и откровенія, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно, какъ нынѣ, силою Творца, невольно предана тлѣннымъ, но также прославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божіи. Итакъ, *да веселится пустыня, и да цвететъ, яко кринъ* (Ис. 35, 1) (не могу не употреблять Божественныхъ изреченій, возвѣщая Божію силу); да веселится Церковь, которая вчера и за день, повидимому, сиротствовала и вдовствовала! Да веселится всякій, кто доселѣ былъ угнетаемъ нестерпимою и жестокою бурей нечестія! *Яко помиловаль Господь людей Своихъ, и достоянія Своего не оставилъ* (Пс. 93, 14); *сотворилъ чудная дѣла, советъ древній истинный* (Ис. 25, 1),—советъ о томъ, чтобы благоволить къ боящимся Его и къ уповающимъ на милость Его (Пе. 146, 11). *Яко сокруши врата мѣдная и веревъ желѣзныя сломилъ* (Пс. 106, 16). Мы за беззаконія наши смиренны были; но воззваны и избавлены изъ сѣти сокрушенной (Пс. 123, 7) благодатию, призвавшаго насъ и смиренныхъ сердцемъ утѣшающаго Бога.

Видите, какъ слагаю пѣснь, въ которой и слова и мысли божественны! Самъ не знаю, почему горжусь и украшаюсь чужимъ, отъ удовольствія дѣлаюсь, какъ вдохновенный; а презираю все низкое и человѣческое, когда одно съ другимъ сличаю и соглашаю, и что единаго Духа, то привожу въ единство.

И прежде являли намъ чудеса Божіи: Энохъ, прелагаемый Богомъ; Илія, вземлемый на небо; Ной, спасаемый и спасающій малымъ древомъ (Премудр. 10, 4) міръ—сѣмена родовъ, избѣгшихъ отъ потопленія вселенной, чтобы земля снова украсилась обитателями болѣе благочестивыми; Авраамъ призываемый; когда уже не общалъ возрастъ, награждаемый сыномъ, во увѣреніе о другомъ обѣтованномъ Сѣмени; приносящій едиnorodнаго—добровольную жертву, и вмѣсто сына приемлющій неожиданную жертву. То же явили: чудная гибель нечестивыхъ, потопленныхъ огнемъ и сѣрою, и еще болѣе чудесное исхожденіе благочестивыхъ; столпъ сланный — памятникъ обращенія ко злу.

То же явилъ Іосифъ продаваемый, возделѣваемый, цѣломудрующей, умудряемый Богомъ, освобождаемый, поставляемый властелиномъ и раздаятелемъ хлѣба для высшаго домостроительства; Моисей, удостоенный богоявленія, приѣмлющій законы, законодательствующій, данный въ бога Фараону, указавшій Израилю путь въ землю обѣтованія. То же явили: извѣстное число египетскихъ казней и среди Египтянъ спасеніе обремененныхъ трудами; море, бѣгущее отъ жезла и сливающееся по слову, однимъ дающее путь, какъ по суху, и потопляющее, согласно съ естествомъ, другихъ; а также все, чѣмъ сіе сопровождалось: столпъ облачный, освѣняющій днемъ; столпъ огненный, озаряющій ночью; а оба путевождствующіе; хлѣбъ, дождливый въ пустынѣ, снѣдь, посылаемая съ неба,—первый соразмѣрно нуждѣ, а вторая даже и сверхъ нужды; вода изъ камня, то истекающая, то услаждаемая; Амаликъ, преодолеваемый молитвою и еще неизяснимымъ и таинственнымъ воздѣяніемъ рукъ; солнце останавливаемое, луна удерживаемая, Іорданъ раздѣляемый, стѣны, разрушаемыя обхожденіемъ священниковъ, также звукомъ трубъ и самымъ числомъ силу имѣющимъ; земля и руно попеременно орошаемая и остающіяся невлажными; сила, заключенная въ волосахъ и равняющаяся силамъ цѣлаго воинства; нѣсколько избранныхъ, локавшихъ изъ горсти воду, надежныхъ въ побѣдѣ и побѣждающихъ, по надеждѣ, малымъ числомъ многія тысячи. Нужно ли мнѣ перечислять всѣ чудеса, какія совершены самимъ Христомъ, по спасительномъ Его пришествіи и воплощеніи, и какія по Немъ и чрезъ Него же сотворены святыми Его Апостолами и служителями слова? Сколько книгъ и памятей, въ которыхъ напечатлѣны онѣ? Какія же чудеса явлены нынѣ?—*Придите услышите, и повѣрьте вамъ, вси боящіися Бога* (Пс. 65, 16), *яко да познаетъ родъ, ины* (Пс. 77, 6), да познаютъ преемства родовъ—чудеса могущества Божія!

Но невозможно объяснить сего, не изобразивъ великости бѣдствія; и сіе опять невозможно, пока не будетъ обличено злонаравіе отступника, не будетъ показано, какія были начала, какія сѣмена, отъ которыхъ дошелъ онъ до такого неистовства, постепенно возвращая въ себѣ нечестіе, подобно тому, какъ самые злые изъ пресмыкающихся и звѣрей собираютъ свой ядъ. И хотя подробное описаніе злодѣяній его предоставляемъ книгамъ и исторіямъ (мы не имѣемъ и времени пересказывать все, не имѣющее близкой связи съ настоящимъ предметомъ); однако же, изъ многаго коснувшись немногаго, оставимъ потомству какъ бы нѣкоторую над-

пись на памятникѣ, вмѣстивъ въ слово главнѣйшія и извѣстнѣйшія изъ его дѣяній.

Вотъ одно и первое изъ его дѣлъ! Спасенный великимъ Констанціемъ, недавно отъ отца наслѣдовавшимъ державу,—когда при Дворѣ стали править дѣлами новые чиновники, и войско, опасаясь нововведеній, само сдѣлалось нововводителемъ, вооружилось противъ начальствующихъ, тогда, говорю, невѣроятнымъ и необычайнымъ образомъ спасенный вмѣстѣ съ братомъ¹⁾, не воздалъ онъ благодаренія, ни Богу за свое спасеніе, ни Царю, его спасшему, но оказался предъ ними злонравнымъ, готовя въ себѣ Богу отступника, а Царю—мятежника. Но прежде сего нужно сказать, что человѣколюбивѣйшій Царь въ одномъ изъ царскихъ дворцовъ удостоилъ ихъ царскаго содержанія и царской прислуги, сохраняя ихъ, какъ послѣднихъ въ родѣ, для царскаго престола. Самъ Государь, во-первыхъ, думалъ оправдать себя въ томъ, что беспорядки, открывшіеся въ началѣ его царствованія, произведены не по его согласію; во-вторыхъ, хотѣлъ показать свое великодушіе, приобщивъ ихъ къ царскому сану; а въ-третьихъ, такимъ приращеніемъ надѣялся болѣе упрочить власть. Но въ его разсужденіяхъ было больше доброты сердца, нежели благоумія.

На нихъ же²⁾ не лежало тогда никакихъ должностей; царская власть была еще впереди и въ одномъ предположеніи, а возрастъ и надежда не вели къ чинамъ второстепеннымъ. Посему они имѣли при себѣ наставниковъ и въ прочихъ наукахъ. (все первоначальное ученіе преподавалъ имъ самъ дядя и Царь), а еще больше—въ нашемъ любомудрїи, не только въ томъ, которое имѣетъ предметомъ догматы, но и въ томъ, которое назидаетъ благочестіе нравовъ. Для сего пользовались обращеніемъ съ людьми особенно испытанными, и были приучаемы къ дѣламъ самымъ похвальнымъ, показывающимъ опыты добродѣтели. Они, по своей охотѣ, вступили въ клиръ, читали народу божественныя книги, ни мало не почитая сего ущербомъ для своей славы, но еще признавая благочестіе лучшимъ изъ всѣхъ украшеній. Также, многоцѣнными памятниками въ честь Мучениковъ, щедрыми приношеніями и всѣмъ, что показываетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, свидѣтельствовали о своемъ любомудрїи и усердїи ко Христу.

¹⁾ Галломъ.

²⁾ Юліанъ и Галлъ.

Одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительно благочестивъ, и хотя по природѣ вспыльчивѣе, однако же въ благочестіи искренень. А другой выжидалъ только времени, и подѣ личиною скромности тайлъ злонравіе. И вотъ доказательство!—Ибо не могу пройти молчаніемъ бывшаго чуда, которое весьма достопамятно и можетъ послужить урокомъ для многихъ нечестивцевъ. Оба они, какъ сказалъ я, усердствовали для Мучениковъ, не уступали другъ другу въ щедрости, богатою рукою и не щадя издержекъ, созидали храмъ ¹⁾. Но поелику труды ихъ происходили не отъ одинакаго произволенія, то и конецъ трудовъ былъ различень. Дѣло одного, разумѣю старшаго брата ²⁾, шло успѣшно и въ порядкѣ; потому что Богъ охотно принималъ даръ, какъ Авелеву жертву, *право и принесенную и раздѣленную* (Быт. 4, 7), и самый даръ былъ какъ бы нѣкоторымъ освященіемъ первороднаго, а даръ другаго (какое еще здѣсь на землѣ посрамленіе для нечестивыхъ, свидѣтельствующее о будущемъ, и малозначительными указаніями предвѣщающее о чемъ-то великомъ!),—даръ другаго отвергъ Богъ Мучениковъ, какъ жертву Каинову. Онъ прилагалъ труды; а земля изметала совершенное трудами. Онъ употреблялъ еще большія усилія; а земля отказывалась принимать въ себя основанія, полагаемыя человѣкомъ, зыблющимся въ благочестіи. Земля какъ бы вѣщала, какое будетъ произведено имъ потрясеніе, и вмѣстѣ воздавали честь Мученикамъ безчестіемъ нечестивѣйшаго. Такое событіе было нѣкоторымъ пророчествомъ объ открывшихся со временемъ въ семъ человѣкѣ высокоуміи и высокоуміи, о непочтеніи его къ Мученикамъ, о поруганіи имъ святыхъ храмовъ,—пророчествомъ, для другихъ невразумительнымъ, но заранѣе преслѣдовавшимъ гонителя и предзнаменовавшимъ, какое будетъ возмездіе нечестію. О человѣкѣ *мудрый, еже творити злая* (Іер. 4, 22), но не избѣгающій собственнаго мученія! Благодареніе Богу, возвѣщающему будущее, чтобы пресѣчь нечестіе и показать Свое предвѣдніе! Какое необычайное, но болѣе истинное, нежели необычайное, чудо! Какое братолюбіе въ Мученикахъ! Они не приняли чествованія отъ того, кто обезчеститъ многихъ Мучениковъ; отвергли дары человѣка, который многихъ изведетъ въ подвигъ страданія, даже позавидуетъ имъ и въ семъ подвигѣ. Или, вѣрнѣе сказать, они не потерпѣли, чтобъ имъ однимъ изъ Мучениковъ быть въ поруганіи, когда храмы другихъ

¹⁾ Во имя св. мученика Маманта.

²⁾ Галла.

устроятся и украшаются руками преподобными. Они не попустили, чтобы преушищенный во злѣ могъ похвалиться нанесенными имъ оскорбленіями, чтобы одна рука и создала, и разрушала мученическіе храмы, чтобы одни изъ Мучениковъ были чествуемы, а другіе подвергались безчестію, чтобы притворнымъ чувствованіемъ предназначалось дѣйствительное безчестіе. Они не хотѣли, чтобы оскорбитель, при великости оскорбленія, почиталъ еще себя мудрымъ и умѣвшимъ подъ видимою наружностію утаиться, какъ отъ людей, такъ и отъ Бога, который всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ премудрѣе, и *запинаетъ премудрымъ въ коварство ихъ* (1 Кор. 3, 19). Напротивъ того, дали знать ругателю, что онъ понятъ, чтобы уловленный не превозносился. Богъ Мучениковъ, по распоряженіямъ, Ему одному вѣдомымъ, по неизреченной Своей премудрости, по законамъ міроуправленія, по которымъ нѣкогда ожидалъ исполненія беззаконій амморрейскихъ,—и теперь не пресѣкъ, не изсушилъ вдругъ, подобно нечистому потоку, замышляемой и скрываемой злобы. Но для другихъ было нужно содѣлать злонаравіе ненавистнымъ, отвергнуть чувствованіе и показать, что Богъ, въ разсужденіи всего Ему приносимаго, нелицепріятенъ и чистъ. Онъ сказалъ нечестовавшему Израиллю: *аще принесете Ми семидаль, всуе: кадыло, мерзость Ми есть* (Ис. 1, 13). Онъ не потерпѣлъ *новомѣсячій ихъ и субботъ и дне великаго*; ибо, какъ Самодовольный не нуждается ни въ чемъ человѣческомъ и маловажномъ; тѣмъ менѣе увеселяется недостойными приношеніями; напротивъ того, жертвою нечестиваго, хотя бы это былъ телець, гнушается, какъ псомъ, и хотя бы это былъ ливанъ, оскорбляется, какъ богохульствомъ (Ис. 66, 3), и *мзду блудничу* (Втораз. 23, 18) изметааетъ изъ святилища и отвергаетъ; цѣнить же ту одну жертву, которую Чистѣйшему приносятъ чистыя руки, высокій и очищенный умъ. Итакъ, что удивительнаго, если Онъ, который видитъ, не какъ человѣкъ, смотритъ не на внѣшнее, но на потаеннаго человѣка, прозираетъ во внутренній источникъ пороковъ или добродѣтелей; что, говорю, удивительнаго, если Богъ и теперь не принялъ чувствованія, воздаемаго лукаво и съ лукавою мыслию? Но такъ было дѣйствительно. Кто не вѣритъ, предъ тѣмъ свидѣтельствуемъ самовидцами; еще многіе живы изъ нихъ; они и намъ пересказали о семь чудѣ, и будутъ пересказывать потомкамъ нашимъ.

Когда же, съ наступленіемъ мужескаго возраста, они коснулись (лучше бы никогда не касаться!) философскихъ ученій, и приобрѣли силу въ словѣ—для благонравныхъ щить добродѣтели,

а для злонаправныхъ жало грѣха; тогда онъ¹⁾ не могъ уже скрывать въ себѣ всего недуга, и коварный замыселъ нечестія обдумывать единственно съ самимъ собою. Огонь, кроющійся въ веществѣ, еще не обратился въ свѣтлый пламень, не обнаруживается вылетающими искрами и идущимъ изнутри дымомъ. А если угодно другое подобіе,—источники съ силою текущіе въ подземныхъ пещерахъ, когда не находятъ себѣ простора и свободнаго выхода, во многихъ мѣстахъ земли устремляются къ поверхности и производятъ подъ нею шумъ; потому что сила стремленія гонить ихъ, а верхнія преграды удерживаютъ и пресѣкаютъ. Такъ и онъ, удерживаемый обстоятельствами и уроками Государя, пока не безопасно было оказать себя явнымъ нечестивцемъ, скрывалъ большую часть своего нечестія. Но бывали случаи, при которыхъ обнаруживалъ тайныя мысли, особливо предъ людьми, болѣе расположенными къ нечестію, нежели къ благоразумію; въ разговорахъ же съ братомъ, даже сверхъ приличія, защищалъ язычниковъ, конечно подъ предлогомъ упражненія въ словѣ посредствомъ споровъ; а дѣйствительно, это было упражненіемъ въ противоборствѣ истинѣ. Вообще, онъ радъ былъ всему, чѣмъ отличается нечестивое сердце. А когда челоуѣколюбіе Самодержца провозглашаетъ брата его Цезаремъ и дѣлаетъ обладателемъ надъ немалую частію вселенной; тогда и ему открылась возможность съ большею свободою и безопасноію предаться самымъ вреднымъ наукамъ и наставникамъ. Азія стала для него училищемъ нечестія—всѣхъ бредней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а также и о соединенной съ ними неразрывно магіи.

Одного еще не доставало, чтобы къ нечестію присовокупить и могущество. Чрезъ нѣсколько времени и то дадутъ ему надъ нами умножившіяся беззаконія многихъ, а иной можетъ быть скажетъ: благополучіе христіанъ, достигшее высшей степени, и потому требовавшее перемѣны,—свобода, честь и довольство, отъ которыхъ мы возгордились. Ибо, дѣйствительно, труднѣе сберегать пріобрѣтенныя блага, нежели пріобрѣтать новыя, и удобнѣе тщаніемъ возвратитъ прошедшее благоденствіе, нежели сохранить настоящее. *Прежде сокрушенія предваряетъ досажденіе* (Притч. 16, 18); прекрасно сказано въ Притчахъ; а славѣ предшествуетъ уничиженіе, или, скажу яснѣе, за гордостію слѣдуетъ низложеніе, а за низложеніемъ прославленіе. *Господь гордымъ, противится.*

¹⁾ Юліанъ.

смираннымъ же даетъ *благодать* (Лак. 4, 6) и все соразмѣряя праведно, воздастъ за противное противнымъ. Сіе зная и божественный Давидъ; потому быть смиряемымъ полагаетъ въ числѣ благъ, приносить благодареніе Смирившему, какъ пріобрѣтшии чрезъ сіе вѣдѣніе Божіихъ оправданій; и говоритъ: *прежде даже не смиритимся, азъ прегрѣшихъ: сего ради слово Твое сохранихъ* (Пс. 118, 67). Такимъ образомъ ставитъ онъ смиреніе въ срединѣ между прегрѣшеніемъ и исправленіемъ, такъ какъ оно произведено прегрѣшеніемъ, и произвело исправленіе. Ибо грѣхъ раждаетъ смиреніе, а смиреніе раждаетъ обращеніе. Такъ и мы, когда были добронравны и скромны, тогда возвышены и постепенно возрастали, такъ что, подъ руководствомъ Божіимъ, содѣлались и славны и многочисленны. А когда мы *утолстѣли*, тогда стали своевольны; и когда *расширились* (Второз. 32, 16), тогда доведены до тѣсноты. Ту славу и силу, каковую пріобрѣли во время гоненій и скорбей, утратили мы во время благоденствія, какъ покажетъ продолженіе слова.

Царствованію и жизни Цезаря полагается предѣль. Умолчу о предшествовавшемъ, щадя и дѣйствовавшаго и страдавшаго¹⁾; но при всемъ уваженіи къ благочестію обоихъ, не хвалю дерзости. Если имъ, какъ людямъ, и свойственно было погрѣшать въ чемъ другомъ; то за сіе, вѣроятно, не похвалятъ ни того, ни другаго. Развѣ и здѣсь поставляемое въ вину одному обратимъ въ оправданіе другому. Тогда Юліанъ дѣлается наслѣдникомъ царства, но не благочестія, наслѣдникомъ сперва послѣ брата, а чрезъ нѣсколько времени и послѣ воцарившаго его. И первое даетъ ему Констанцій добровольно, а послѣднее по неволѣ, принужденный общимъ для всѣхъ концемъ, пораженный ударомъ бѣдственнымъ и пагубнымъ для цѣлаго міра.

Что ты сдѣлалъ, боголюбивѣйшій и христіановѣдѣйшій изъ царей!—къ тебѣ, какъ бы къ предстоящему и внимающему намъ, обращаю укоризну; хотя знаю, что ты гораздо выше нашихъ укоризнъ, вчиненъ съ Богомъ, наслѣдовалъ небесную славу, и для того оставилъ насъ, чтобы временное царство премѣнить на вѣчное? Для чего совѣщаль такой совѣтъ ты, который благоразуміемъ и быстротою ума во многомъ превосходилъ не только современныхъ тебѣ, но и прежнихъ царей. Ты очистилъ предѣлы царства отъ варваровъ, и усмирилъ внутреннихъ мятежниковъ; на

¹⁾ Св. Богословъ имѣетъ въ виду умершвеніе Цезаря Галла, по приказу Императора, за возмущеніе его противъ Императора.

однихъ дѣйствовалъ убѣжденіями, на другихъ оружіемъ, а въ томъ и другомъ случаѣ распорядился, какъ будто бы никто тебѣ не противодѣйствовалъ. Важны твои побѣды, добытыя оружіемъ и бранями; но еще важнѣе и знаменитѣе пріобрѣтенныя безъ крови. Къ тебѣ отвсюду являлись посольства и просьбы; одни покорялись, другіе готовы были къ покорности. А если гдѣ была надежда на покорность,—это равнялось самой покорности. Мышца Божія руководствовала тебя во всякомъ намѣреніи и дѣйстви. Благоразуміе было въ тебѣ удивительнѣе могущества, и могущество удивительнѣе благоразумія; самой же славы за благоразуміе и могущество еще удивительнѣе благочестіе. Какъ же въ семь одномъ оказался ты неопытнымъ и неосмотрительнымъ? Отчего такая опрометчивость въ твоемъ безчеловѣчномъ человѣколюбіи? Какой демонъ внушилъ тебѣ такую мысль? Какъ великое наслѣдіе,—то, чѣмъ украшался родитель твой, разумью именуемыхъ по Христу, народъ, просіявшій въ цѣлой вселенной, *царское священіе* (1 Петр. 2, 3), возвращенныхъ многими усиліями и трудами, въ столь короткое время, въ одно мгновеніе, своими руками предалъ ты общему всѣхъ кровопіицѣ?

Можетъ быть, вамъ кажется, братія, что поступаю неблагочестно и неблагодарно, когда говорю сіе, и къ обличительной рѣчи не присоединяю тотчасъ вѣщаній истины; хотя достаточно уже оправдалъ я Констанція тѣмъ самымъ, въ чемъ обвинялъ его, если вы вникли въ мое обвиненіе. Здѣсь только обвиненіе заключаетъ въ себѣ извиненіе; ибо упомянувъ о добротѣ, я представилъ и оправданіе. Кому изъ знавшихъ сколько-нибудь Констанція неизвѣстно, что онъ для благочестія, изъ любви къ намъ, изъ желанія намъ всякаго блага, не только готовъ былъ презрѣть его¹⁾, или честь всего рода, или приращеніе царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасеніе отдалъ бы даже самую державу, цѣлый міръ и свою душу, которая всякому всего дороже? Никто никогда и ни къ чему не пылалъ такою пламенною любовію, съ какою онъ заботился объ умноженіи христіанъ и о томъ, чтобы возвести ихъ на высокую степень славы и силы. Ни покореніе народовъ, ни благоустройство общества, ни титулы и санъ царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человѣческое,—ничто не радовало его столько, какъ одно то, чтобы мы чрезъ него, и онъ чрезъ насъ, прославлялись предъ Богомъ и предъ людьми, и чтобы наше господство навсегда пребыло нераз-

¹⁾ Юліана.

рушимымъ. Ибо кромѣ прочаго, рассуждая истинно царски и выше многихъ другихъ, онъ ясно усматривалъ, что съ успѣхами христіанъ возрастало могущество Римлянъ, что съ пришествіемъ Христовымъ явилось у нихъ самодержавіе, никогда дотолѣ не достигавшее совершеннаго единоначалія. За сіе, думаю, и любилъ онъ особенно намъ благодѣтельствовать. Если же и оскорбилъ нѣсколько, то оскорбилъ не изъ презрѣнія, не съ намѣреніемъ обидѣть, не изъ предпочтенія намъ другихъ, но желая, чтобы всѣ были одно, хранили единомысліе, не разсѣкались и не раздѣлялись расколами. Но, какъ замѣтилъ я, простота неосторожна; челоуѣколюбіе не безъ слабостей; и кто далекъ отъ зла, тотъ всего менѣе подозрѣваетъ зло. Посему онъ не предузналъ будущаго, не проникъ притворства (нечестіе же вкрадывалось постепенно), и въ одномъ Государѣ могли совмѣщаться и благость къ благочестивому роду, и благость къ нечестивѣйшему и безбожнѣйшему изъ людей.

И сей нечестивецъ въ чемъ укорилъ христіанъ, что напелъ у насъ непохвальнаго, а также что въ языческихъ ученіяхъ призналъ чрезвычайнымъ и непровержимымъ? Какому слѣдуя образцу составилъ онъ себѣ имя своимъ нечестіемъ, совершенно новымъ образомъ вступилъ въ состязаніе съ воцарившимъ его? Поелику не могъ превзойти его добродѣтелями и совершенствами; то постарался отличиться противнымъ, тѣмъ, что преступилъ всякую мѣру въ нечестіи, и ревновалъ о худшемъ. Таково наше оправданіе Констанція въ рассужденіи христіанъ и для христіанъ, вполне справедливѣе для имѣющихъ умъ.

Но найдутся люди, которые, простивъ намъ одну вину, не отпустятъ другой. Они станутъ обвинять въ скудоуміи за то, что Констанцій вручилъ власть непріязненному и непримиримому противнику, и что сперва сдѣлалъ его врагомъ, а потомъ могущественнымъ, положивъ основаніе враждѣ умерщвленіемъ брата, и придавъ силу избраніемъ на царство. Посему нужно кратко сказать и о семъ; нужно показать, что челоуѣколюбіе было не вовсе неразумно, и не выступило изъ предѣловъ царскаго великодушія и царской предусмотрительности. Даже мнѣ было бы стыдно, если бы мы, удостоившіеся отъ Констанція такой чести, и столько увѣренные въ его отличномъ благочестіи, въ его защиту не сказали правды, что, какъ служители слова и истины, обязаны мы дѣлать для людей и ни мало насъ не облагодѣтельствовавшихъ. Особливо стыдно было бы не сказать правды о Констанціи, по преселеніи его изъ здѣшняго міра, когда нѣтъ и мѣста мысли,

что мы льстимъ, когда слово наше свободно отъ всякаго худаго подозрѣнія. Кто не надѣялся, если не другаго чего, по крайней мѣрѣ того, что Констанцій почестями содѣлаетъ его¹⁾ болѣе кроткимъ? Кто не полагалъ, что послѣ довѣренности, какая ему сдѣлана даже вопреки справедливости, и онъ будетъ правдивѣе? Особенно, когда надъ обоими произнесенъ правдивый и прямо царскій судъ,—одинъ удостоенъ чести, и другой низложенъ? Ибо почтившій втораго, какъ никто не ожидалъ, даже ни самъ получившій почестъ, ясно тѣмъ показалъ, что и перваго наказалъ онъ не безъ праведнаго гнѣва. Казнь одного была слѣдствіемъ дерзости наказаннаго; а почести другаго были дѣломъ челоуѣколюбія въ возведшемъ его къ почестямъ. Но если нужно сказать еще нѣчто: то Констанцій могъ полагаться не столько на его вѣрность, сколько на собственное могущество. По такой, думаю, надеждѣ и славный Александръ побѣжденному Пору, который мужественно стоялъ за свою державу, даровалъ не только жизнь, но вскорѣ и царство Индовъ. Симъ, а не другимъ чѣмъ, хотѣлъ онъ доказать свое великодушіе; а не превзойти кого въ великодушіи, для него — Александра, было постыднѣе, нежели уступить въ силѣ оружія; притомъ, Пору, если бы замыслилъ зло, ему легко было покорить и въ другой разъ. Такъ и въ Констанціи челоуѣколюбіе произошло отъ избытка надежды на свою силу. Но для чего усиливаетъ тамъ, гдѣ и побѣжденному весьма удобно одержать верхъ? Если довѣрившій поступилъ худо; то сколько хуже поступилъ тотъ, кому сдѣлана довѣренность? Когда ставить въ вину, что не предусмотрѣнъ злый нравъ; тогда во что должно поставить самое злонравіе?

Но порокъ, дѣйствительно, есть нѣчто неподводимое подъ правила, и у челоуѣка нѣтъ средствъ дѣлать злыхъ добрыми. Такъ и Юліанъ, отъ чего бы слѣдовало ему почувствовать въ себѣ благорасположеніе, и погасить, если и было какое, воспламененіе злобы, отъ того самаго воспылалъ большею ненавистію; и сталъ высматривать, чѣмъ отмстить благодѣтелю. Тому научили его Платоны, Хризиппы, почтенные перипатетики, стойки и краснословы. Къ тому привели его и геометрическое равенство, и уроки о справедливости, и правило: предпочитай лучше терпѣть, нежели наносить обиду. Сіе преподали ему благородные наставники, сподвижники царской власти и законодатели, которыхъ на-

¹⁾ Юліана.

бралъ себѣ на перекресткахъ и въ пещерахъ¹⁾, въ которыхъ не нравы одобрялъ, но дивился сладкорѣчію, а можетъ быть и не тому, но единственно нечестію,—достаточному совѣтнику и наставнику — что дѣлать и чего не дѣлать. И подлинно, не достойны ли удивленія тѣ, которые на словахъ строятъ города, какихъ на дѣлѣ быть не можетъ? которые едва не кланяются, какъ Богу, величавымъ тиранамъ, и при своей надменности ставятъ оволь выше боговъ? Одни изъ нихъ учатъ, что вовсе нѣтъ Бога; другіе, что Богъ не промышляетъ о земномъ, но что все здѣсь влечется безъ цѣли и случайно; иные говорятъ, что всѣмъ управляютъ звѣзды и роковыя созвѣздія, не знаю къмъ и откуда управляемые; другіе же полагаютъ, что все стремится къ удовольствію, и что наслажденіе составляетъ конецъ человѣческой жизни. А добродѣтель для нихъ одно громкое имя; по словамъ ихъ, ничего нѣтъ за настоящею жизнію, никакого послѣ истязанія за дѣла здѣшней жизни, въ пресѣченіе неправды. Иной изъ ихъ мудрецовъ вовсе не разумѣлъ сего, но былъ покрытъ глубокою, такъ сказать, тиною и непроницаемымъ мракомъ заблужденія и невѣдѣнія; его разумъ и столько не былъ очищенъ, чтобы могъ взирать на свѣтъ истины, но, пресмыкаясь въ дольномъ и чувственномъ, не способенъ былъ представить что либо выше демоновъ, и разсуждать о Творцѣ достойнымъ Его образомъ. А если кто и прозиралъ нѣсколько, то, имѣя руководителемъ разумъ, а не Бога, увлекался болѣе вѣроятнымъ, и тѣмъ, что какъ ближайшее скорѣе обращаетъ на себя вниманіе черни. Что же удивительнаго, если вышедшій изъ такого училища, управляемый такими кормчими, когда ввѣрили ему власть и почтили его саномъ, оказался столько злымъ противъ ввѣрившаго и почтившаго? А если можно защищать одного, обвиняя другаго; то возстала его противъ установленнаго порядка, и побудила искать свободы високоумію, не столько, думаю, скорбь о братѣ, въ которомъ видѣлъ онъ противника себѣ по вѣрѣ, сколько то, что не терпѣлъ усиливающагося христіанства, и злобствовалъ на благочестіе. Надобно, какъ они учатъ, чтобы философія и царская власть сходились вмѣстѣ; но не для прекращенія, а для умноженія общественныхъ золь. И первымъ дѣломъ его високомѣрія и високоумія было то, что самъ на себя возложилъ вѣнецъ, самъ себя почтилъ высокимъ

¹⁾ Подъ перекрестками и пещерами св. Богословъ разумѣетъ мѣста, на которыхъ Юліанъ, съ своими наставниками, приносилъ бѣсамъ жертвы и совершалъ различныя гаданія.

титломъ, которое, не какъ случайную добычу, но какъ награду за добродѣтель, даетъ или время, или приговоръ царя, или, что бывало въ прежнія времена, опредѣленіе сената. Но онъ не признаетъ господина въ царствѣ господиномъ раздаваемыхъ почестей. А во-вторыхъ, увидѣвъ, что первая дерзость доводитъ до необходимости поддержать свое высокоуміе, что еще замышляетъ? До чего простирается въ несчастіи и наглости? Какое неистовство! Онъ вооружается противъ самого Констанція, и ведетъ съ Запада войско подъ предлогомъ оправдать себя въ принятіи царскаго вѣнца; потому что наружно скрывалъ еще свое высокоуміе. Но въ дѣйствительности замышляетъ захватить въ свои руки державу, и удивить свѣтъ неблагогодарностію. И не обманулся въ надеждѣ.

Да не дивятся сему не постигающіе недомыслимой глубины Божіихъ распоряженій, по которымъ все совершается! Да не дивятся предоставляющіе міроуправленіе Художнику, Который, конечно, премудрѣе насъ, и твореніе Свое ведетъ, къ чему и какъ Ему угодно, безъ всякаго же сомнѣнія—къ совершенству и уврачеванію, хотя врачуемые и огорчаются! По такимъ распоряженіямъ и онъ¹⁾ не возбужденъ на зло (Божество, по естеству благое, нимаго не виновно во злѣ, и злыя дѣла принадлежать произвольно избирающему злое), но не удержанъ въ стремленіи. Съ быстротою протекъ онъ свои владѣнія и часть варварскихъ предѣловъ, захватывая проходы, не съ намѣреніемъ овладѣть ими, но чтобы скрыть себя; уже приближается къ царскому дворцу, осмѣлившись на такой походъ, какъ говорили его единомышленники, по предвѣднію и по внушенію демоновъ, которые прорекали ему будущее, и предустраивали перемѣну обстоятельствъ. Но, по словамъ не скрывающихъ истины, онъ явился въ срокъ, назначенный для тайнаго и сокрытаго во мракѣ злодѣянія; поспѣшилъ ко дню смерти, которой самъ былъ виновникомъ, тайно потому здѣсь было не предвѣдѣніе, но обыкновенное знаніе, — простое злодѣйство, а не благодѣяніе бѣсовъ. Сколько же бѣсы пронизательны въ такихъ дѣлахъ, — ясно показала Персія. И пусть умолкнутъ тѣ, которые поспѣшность его приписываютъ бѣсамъ; развѣ ихъ дѣломъ назовемъ и то, что онъ былъ злобенъ! Если бы кончина царя не предшествовала нашествію мучителя, и тайная брань не производилась сильнѣе открытой, то злодѣй узналъ бы, можетъ быть, что поспѣшалъ на соб-

¹⁾ Юліанъ.

ственную погибель, и прежде, нежели вразумленъ пораженіемъ у Персовъ, понесъ бы наказаніе за свое высокоуміе въ римскихъ предѣлахъ, въ которые злонамѣренно дерзнулъ вторгнуться. И вотъ доказательство!—Когда еще онъ былъ въ пути, и думалъ, что намѣренія его неизвѣстны: воинство могущественнѣйшаго царя окружаетъ его и пресѣкаетъ ему даже возможность къ побѣгу. (Такъ показало послѣдствіе; ибо, и по полученіи державы, ему стоило не малаго труда одолѣть сіе войско). И въ сіе самое время, пылая гнѣвомъ на высокоуміе и нечестіе, имѣя въ сѣтяхъ хитрѣйшаго изъ людей, на пути къ мѣсту дѣйствій (подлинно велики грѣхи наши!), Государь, послѣ многихъ прошеній къ Богу и людямъ—извинить его человѣколюбіе, оставляетъ жизнь, своимъ походомъ доказавъ христіанамъ ревность о благочестіи.

И здѣсь, приступая къ продолженію слова, проливаю слезы, смѣшанныя съ радостію. Подобно тому, какъ рѣка и море между собою борются и сливаются, — и во мнѣ происходитъ борьба—и слияніе, и волненіе чувствованій. Послѣднія событія исполняютъ меня удовольствіемъ; а предшествовавшія извлекаютъ у меня слезы, слезы не только о христіанахъ и о напастяхъ, какія ихъ постигли, или навлеченныя лукавымъ, или попущенныя Богомъ, по причинамъ Ему вѣдомымъ, и, можетъ быть, за наше превозношеніе, требовавшее очищенія; но также—слезы и объ его ¹⁾ душѣ, и о всѣхъ увлекшихся съ нимъ въ ту же погибель! Иные оплакиваютъ одни послѣднія ихъ пораженія и здѣшнія страданія; потому что имѣютъ въ виду одну настоящую жизнь, и не простираются мыслію въ будущее, не думаютъ, что будетъ расчетъ и воздаяніе за дѣла земной жизни, но живутъ, подобно безсловеснымъ, заботятся о текущемъ только днѣ, объ одномъ настоящемъ, одними здѣшними удобствами измѣряютъ благополучіе, и всякую встрѣчающуюся непріятность называютъ несчастіемъ. Но для меня достоплачевнѣе будущія ихъ мученія, и казнь, ожидающая грѣшниковъ. Не говорю еще о величайшемъ наказаніи, то есть, о томъ, сколько для нихъ будетъ мучительно отверженіе ихъ Богомъ! Какъ не пролить мнѣ слезъ о семъ несчастномъ? Какъ не оплакивать бѣжавшихъ къ нему болѣе, нежели тѣхъ, которые были имъ гонимы? И не больше ли еще долженъ я плакать объ увлекшемъ въ беззаконіе, нежели о передавшихся на сторону зла? Даже гонимымъ—страдать за Христа было вовсе не зло, а самое блаженное дѣло, не только по причинѣ буду-

¹⁾ Юліана.

щихъ воздаяніи, но и по причинѣ настоящей славы и свободы, какую они приобрѣли себѣ своими бѣдствіями. А для тѣхъ, что претерпѣли они здѣсь,—есть только начало уготованнаго и угрожающаго имъ въ будущемъ. Для нихъ гораздо было бы лучше, если бы долѣе страдали здѣсь, но не были соблюдаемы для тамошнихъ истязаній. Такъ говорю по закону, который повелѣваетъ не радоваться паденію врага, и отъ того, кто устоялъ, требуетъ состраданія.

Но мнѣ опять должно къ нему обратиться слово. Что за ревность превзойти всѣхъ во злѣ? Что за страсть къ нечестію? Что за стремленіе къ гибели? Отчего сдѣлался такимъ христоненавистникомъ ученикъ Христовъ, который столько занимался словомъ истины, и самъ говорилъ о предметахъ душевнспасительныхъ, и у другихъ поучался? Не успѣлъ онъ наследовать царства, и уже съ дерзостію обнаруживаетъ нечестіе, какъ бы стыдясь и того, что былъ нѣкогда христіаниномъ, или метя христіанамъ за то, что носилъ съ ними одно имя. И таковъ первый изъ смѣлыхъ его подвиговъ, какъ называютъ гордящіеся его тайнами (какія слова принужденъ я произнести!): онъ воду крещенія смываетъ скверною кровію, наше таинственное совершеніе замѣняетъ своимъ мерзкимъ, и уподобляясь, по пословицѣ, свиньѣ, валяющейся въ тинѣ, творить очищеніе надъ своими руками, чтобы очистить ихъ отъ безкровной Жертвы, чрезъ которую дѣлаемся мы участниками со Христомъ въ страданіяхъ и Божествѣ; руководимый злыми совѣтниками зловреднаго правленія, начинаетъ свое царствованіе разсматриваніемъ внутренностей и жертвоприношеніями.

Но упомянувъ о разсмотрѣнннхъ внутренностей и о суевѣрїи, или, точнѣе сказать, зловѣрїи его въ такихъ дѣлахъ, не знаю, описывать ли мнѣ чудо, разглашаемое молвою, или не вѣрить слухамъ? Колеблюсь мыслию и недоумѣваю, на что преклониться; потому что достойное вѣроятія смѣшано здѣсь съ невозможнымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при такомъ новомъ явленіи зла и нечестія было какое-нибудь знаменіе; да и неоднократно случались знаменія при великихъ переворотахъ. Но чтобы такъ было, какъ рассказываютъ,—это весьма удивительно для меня, а конечно—и для всякаго, кто желаетъ и считаетъ справедливымъ, чтобы чистое объяснялось чисто. Рассказываютъ же, что, принося жертву, во внутренностяхъ животнаго, увидѣлъ онъ Крестъ въ вѣнцѣ. Въ другихъ возбудило сіе ужасъ, смятеніе и сознаніе нашей силы, — а наставнику нечестія придадо только дерзости;

онъ протолковалъ: Крестъ и кругъ значать, что христіане отовсюду окружены и заперты. Сіе-то для меня чудно, и ежели это неправда, пусть развѣется вѣтромъ; если же правда, то здѣсь опять Вадаамъ пророчествуетъ, Самуилъ, или призракъ его, вызывается волшебницею; опять бѣсы невольно неповѣдуютъ Иисуса, и истина обнаруживается чрезъ противное истинѣ, дабы тѣмъ болѣе ей повѣрили. А можетъ быть, это дѣлалось и для того, чтобы его удержать отъ нечестія: потому что Богъ, по Своему человеколюбію, можетъ открывать многіе и необыкновенные пути ко спасенію. Но вотъ о чемъ рассказываютъ весьма многіе, и что не чуждо вѣроятія: сходилъ онъ въ одну изъ недоступныхъ для народа и страшныхъ пещеръ (о еслѣ бы тѣмъ же путемъ сошелъ онъ и во адъ, прежде нежели успѣлъ столько въ злѣ!); его сопровождалъ человекъ, знающій такія дѣла, или, лучше сказать, обманщикъ, достойный многихъ пропастей. Между прочими видами волхвованія употребляется у нихъ и тотъ, чтобы съ подземными демонами совѣщаться о будущемъ гдѣ-нибудь во мракѣ, потому ли, что демоны болѣе любятъ тму, ибо сами суть тма и виновники тмы, то есть зла; или потому, что они бѣгаютъ благочестивыхъ на землѣ, ибо отъ встрѣчи съ ними приходятъ въ безсиліе. Но когда храбрецъ нашъ идетъ впередъ; его объемлетъ ужасъ, съ каждымъ шагомъ становится ему страшнѣе; рассказываютъ еще о необыкновенныхъ звукахъ, о зловоніи, объ огненныхъ явленіяхъ, и не знаю о какихъ-то призракахъ и мечтаніяхъ. Пораженный нечаянностію, какъ неопытный въ такомъ дѣлѣ, онъ прибѣгаетъ ко Кресту, сему древнему пособію, и знаменуется имъ противъ ужасовъ, призываетъ на помощь Гонимаго. Послѣдовавшее за симъ было еще страшнѣе. Знаменіе подѣйствовало, демоны побѣждены, страхи разсѣялись. Что же потомъ? Зло оживаетъ, отступникъ снова становится дерзкимъ, порывается идти далѣе: и опять тѣ же ужасы. Онъ еще разъ крестится,—и демоны утихаютъ. Ученикъ въ недоумѣніи; но съ нимъ наставникъ, перетолковывающій истину. Онъ говоритъ: „не устрашились они насъ, но возгнушались нами“. И зло взяло верхъ. Едва сказали наставникъ,—ученикъ вѣрится, а убѣдившій ведетъ его къ безднѣ погибели. И не удивительно: порочный человекъ скорѣе готовъ слѣдовать злу, нежели удерживаться добромъ. Что потомъ говорить, или дѣлать онъ, или какъ его обманывали, и съ чѣмъ отпустили,— пусть знаютъ тѣ, которые посвящаютъ въ сіи таинства и сами посвящены. Только по выходѣ оттуда, и въ душевныхъ расположеніяхъ и въ дѣлахъ его видно было бѣснованіе и неистовство

взоровъ показывало, кому совершалъ онъ служеніе. Если не съ того самаго дня, въ который рѣшился онъ на такое нечестіе, то теперь, самымъ явнымъ образомъ, вселилось въ него множество демоновъ; иначе бы, напрасно сходилъ онъ во мракъ и сообщался съ демонами, что называютъ они вдохновеніемъ, благовидно превращая смыслъ словъ. Таковы были первыя его дѣла!

Но когда болѣзнь усилилась и гоненіе готово было открыться,—увидѣлъ онъ (или какъ человѣкъ мудрый на злое и преуспѣвшій въ нечестіи, или по совѣту поощрявшихъ его на сіе), что вести съ нами войну открыто и объявить себя предводителемъ нечестія—не только слишкомъ дерзко и безразсудно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность по благочестію: ибо души мужественныя, когда хотятъ принудить ихъ къ чему силою, обыкновенно бываютъ непреклонны, и подобны пламени, раздуваемому вѣтромъ, которое тѣмъ болѣе разгорается, чѣмъ болѣе его раздуваютъ. Это не только находилъ онъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу въ благочестіи, и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства (разсуждалъ онъ) и принужденію дать видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласкою, какъ уду приманкою; то въ такой борьбѣ будетъ и мудрость, и сила. Сверхъ сего, онъ завидовалъ чести мученической, какой удостоиваются подвижники. Потому умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія; а насъ—заставить страдать и не имѣть той чести, что страждемъ за Христа. Какая глупость! Во-первыхъ, онъ думалъ утаить, за что мы подвергаемся опасности, и прикрыть истину лжеумствованіями, но не разсудилъ, что чѣмъ болѣе умышляетъ онъ противъ почестей мученичества, тѣмъ онъ сдѣлаются выше и славнѣе; во-вторыхъ, полагалъ, что мы предаемся опасностямъ не по любви къ истинѣ, а по желанію славы. Но симъ пусть забавляются ихъ Емпедоклы, Аристеи, Емпедотимы, Трофоніи и множество подобныхъ жалкихъ людей. Первый изъ нихъ думалъ сдѣлаться богомъ и достигнуть блаженной участи, ринувшись въ жерло горы сицилійской; но любимый башмакъ его, изверженный огнемъ, обнаружилъ, что не сдѣлался Емпедоклъ изъ человѣка богомъ, а оказался только по смерти человѣкомъ тщеславнымъ, нелюбомудрымъ, не имѣющимъ даже здраваго смысла. А

прочіе по той же болѣзни и самолюбію скрылись въ мрачныхъ пещерахъ; но когда были открыты,—не столько приобрѣли себѣ чести тѣмъ, что скрывались отъ людей, сколько обезчестили себя тѣмъ, что не остались въ безъизвѣстности. Но для христіанъ пріятнѣе—страдать за благочестіе, оставаясь даже у всѣхъ въ неизвѣстности, нежели для другихъ прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся объ угожденіи людямъ; а все наше желаніе—получить честь отъ Бога; истинно же любомудрые и боголюбивые—выше и сего: они любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни—дѣлать что-либо изъ награды и воздаянія; и третія,—избѣгать зла по страху наказанія. Такъ мы разсуждаемъ; и для желающихъ не трудно привести на то многія доказательства. А нашъ противникъ, думая лишить христіанъ чести, какъ чего-то великаго (ибо многіе судятъ о другихъ по собственнымъ страстямъ), прежде всего воздвигаетъ гоненіе противъ нашей славы. Онъ не такъ смѣло, какъ прочіе гонители вводитъ нечестіе, и хочетъ поступить съ нами не только не какъ царь, но даже и не какъ мучитель, который бы могъ похвалиться, что принудилъ вселенную принять его нечестивый законъ и—подавилъ ученіе, одержавшее верхъ надъ всѣми ученіями. Но, какъ рабъ, робко составляетъ ковы противъ благочестія, и къ гоненію присоединяетъ хитрыя думысленныя умышленія.

Всякая власть дѣйствуетъ убѣжденіемъ или принужденіемъ; и онъ послѣднее, какъ менѣе человѣколюбивое, то есть насиліе предоставилъ народу и городамъ, которые въ дерзости особенно неудержимы по неразсудительности и неосмотрительному стремленію ко всему; впрочемъ и на это далъ не всенародное повелѣніе, но какъ бы неписанный законъ, обнаруживъ свою волю тѣмъ, что не останавливалъ народныхъ волненій. А первое, какъ болѣе кроткое и достойное царя, то есть, убѣжденіе, предоставилъ онъ себѣ. Однако же и сіе не совершенно соблюлъ. Какъ несвойственно оставить леопарду пестроту, египцу—черноту, огню—силу жечь, лукавому—сему человѣкоубійцѣ пекони—человѣконенавидѣніе; такъ и онъ не могъ оставить злобы, съ какою устремился противъ насъ. Но, какъ говорятъ о хамелеонѣ, что онъ удобно перемѣняетъ свой видъ и принимаетъ на себя всѣ цвѣта, кромѣ бѣлаго (умалчиваю о Протеѣ, баснословномъ хитрецѣ египетскомъ); такъ и онъ для христіанъ былъ и являлся всѣмъ, кромѣ кротости. И человѣколюбіе его было

весьма безчеловѣчно; его убѣжденіе—насилъственно; благосклонность служила извиненіемъ жестокости, дабы видѣли, что онъ по праву употребляетъ насиліе, не успѣвъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Это видно изъ того, что убѣжденія его продолжались малое время; и по большей части вскорѣ слѣдовало принужденіе, чтобы мы были пойманы, какъ на звѣриной ловлѣ, или сѣтями, или преслѣдованіемъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ непремѣнно достались въ его руки.

Такимъ образомъ обдумавъ и распредѣливъ свои дѣйствія, употребляетъ онъ другую хитрость—единственно вѣрную, хотя слишкомъ нечестивую: начинаетъ злое свое дѣло съ приближенныхъ и съ окружающихъ его людей, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ гонителей. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя на своей сторонѣ близкихъ, нельзя дѣйствовать на постороннихъ; подобно какъ нельзя вести на враговъ войска, которое возстаетъ противъ своего вождя. Онъ перемѣняетъ царедворцевъ, однихъ напередъ предавъ тайно смерти, другихъ удаливъ не столько за то, что они были расположены къ великому Царю¹⁾, сколько за то, что еще преданнѣе были Царю царей, а для него бесполезны по тому и другому. Между тѣмъ, само собою, или чрезъ начальниковъ, склоняетъ на свою сторону войска, которое почиталъ особенно удобопреклоннымъ; потому что военные люди, то обольщаются почестями, то увлекаются по простотѣ, и не знаютъ другаго закона, кромѣ царской воли; правильнѣе же сказать, онъ привлекъ только часть войска, часть не малую,—тѣхъ, кого нашель испорченными и больными, кто, и въ это время и прежде, работствовалъ обстоятельствамъ;—и изъ этой части однихъ поработилъ онъ дѣйствительно, другихъ только надѣялся поработить. Не всѣхъ же увлекъ; потому что не далъ ему столько силы надъ ними Тотъ, Кто наказывалъ насъ чрезъ него, и еще осталось болѣе семи тысячъ мужей, которые не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ (3 Цар. 19, 18), не поклонились золотому образу (Дан. 3, 18), не были уязвлены змїями; потому что взирали на повѣшеннаго змія и низложеннаго страданіями Христовыми. Между начальниками и высшими, которыхъ особенно легко побѣдить угрозами или обѣщаніями, и между простыми воинами, извѣстными только по числу, нашлось много отразившихъ его нападеніе, какъ твердая стѣна отражаетъ неудачное дѣйствіе орудія. Впрочемъ, онъ не столько сокрушался о томъ, что изъ

¹⁾ Констанцію.

бѣгало рукъ его, сколько приходилъ въ дерзость, подобно бѣшеному, отъ того, что уловлялъ. Онъ желалъ,—и ожидаемое представлялъ уже достигнутымъ. — Потомъ возстаетъ онъ и противъ того великаго знамени съ изображеніемъ Креста, которое, бывъ поднято вверхъ, предводило воинство, почиталось у Римлянъ и, дѣйствительно, было облегченіемъ въ трудахъ, можно сказать, царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ одни украшены изображеніями царей и распростертыми тканями съ различными цвѣтами и письменами; а другія, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныя на верху копій, раздуваются по изгибамъ, испещреннымъ тканю чешуей, и представляютъ взорамъ пріятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище.

Когда же все, что было около него, онъ устроилъ по своимъ мыслямъ, и уже думалъ восторжествовать надъ близкою опасностію; тогда покушается и на прочее. О несмысленный, нечестивый и ничего не свѣдущій въ дѣлахъ великихъ! Ты возстаешь противъ многочисленнаго достоянія, противъ всемірнаго плодоношенія, совершаемаго на всѣхъ концахъ вселенной низостию слова и буйствомъ, какъ вы бы сказали, проповѣди,—той проповѣди, которая побѣдила мудрыхъ, прогнала демоновъ, превозмогла время, которая есть нѣчто ветхое вмѣстѣ и новое (подобно тому, какъ и вы представляете одного изъ боговъ своихъ),—ветхое для немногихъ, новое для многихъ, первое въ сѣнописаніи, послѣднее въ совершеніи тайны, сокровенной до своего времени! Ты—противъ великаго наслѣдія Христова, забывъ, кто ты, какія у тебя силы и откуда ты,—противъ великаго и нескончаемаго наслѣдія, которое, если бы кто и съ большимъ, нежели ты, неистовствомъ возсталъ противъ него, только болѣе бы возростало и возвышалось (ибо вѣрю пророчествамъ и видимому);—противъ сего наслѣдія, которое самъ Онъ, какъ Богъ, сотворилъ, и какъ человѣкъ наслѣдовалъ, которое законъ прообразовалъ, благодать исполнила, Христосъ обновилъ, которое Пророки водрузили, Апостолы связали, Евангелисты довершили! Ты—противъ жертвы Христовой съ своими сквернами! Ты—противъ крови, очистившей міръ, съ своими кровьями! Ты воздвигаешь брань противъ мира! Ты возносишь руку противъ руки, за тебя и для тебя пригвожденной! Ты—противъ желчи—съ своимъ приобщеніемъ жертвъ! противъ Креста—съ своимъ трофеемъ! противъ смерти — съ разрушеніемъ! противъ возстанія изъ гроба—съ своимъ мятежническимъ возстаніемъ! Ты—противъ Сви-

дѣтеля, отвергшіи даже свидѣтельство мучениковъ¹⁾! Послѣ Ирода—гонитель! Послѣ Іуды—предатель, только не обнаружившій, подобно ему, раскаянія удавленіемъ! Послѣ Пилата—христуобійца! Послѣ Іудеевъ—богоненавистникъ! Ты не устыдился жертвъ, закланныхъ за Христа! Не убоялся великихъ подвижниковъ—Іоанна, Петра, Павла, Іакова, Стефана, Луки, Андрея, Феклы и прочихъ, послѣ и прежде нихъ, пострадавшихъ за истину! Они охотно боролись съ огнемъ, желѣзомъ, съ звѣрями и мучителями, шли на бѣдствія настоящія и угрожающія, какъ бы въ чужихъ тѣлахъ, или какъ безплотные. И для чего все это?—Чтобы и словомъ не измѣнить благочестію. Они прославляются великими почестями и празднествами, они прогоняютъ демоновъ, врачуютъ болѣзни, являются, прорекаютъ; самыя тѣла ихъ, когда къ нимъ прикасаются и чтутъ ихъ, столько же дѣйствуютъ, какъ святыя души ихъ; даже капли крови и все, что носить на себѣ слѣды ихъ страданій, такъ же дѣйствительны, какъ ихъ тѣла. Но ты не чтишь сего, а безчестишь;—дивисься же Геркулесу, который отъ несчастій и женскихъ оскорбленій бросается на костеръ; дивисься тому, какъ по страннолюбію, или въ угожденіе богамъ, предложенъ въ снѣдь Пелопсъ, отъ чего Пелопиды отличаются плечами изъ слоновой кости; дивисься искаженію Фригійцевъ, услаждаемыхъ свирѣлью и потомъ подвергаемыхъ поруганію, или заслуженнымъ истязаніямъ и испытаніямъ чрезъ огонь при посвященіи въ таинства Миеры; дивисься умерщвленію чужестранцевъ у Тавровъ, принесенію на жертву царской дочери въ Троѣ, крови Меникея, пролитой за Фивянь, и наконецъ, смерти дочерей Скедаза въ Левктрахъ; ты хвалишь лакедемонскихъ юношей, сѣкущихся мечами и окропляющихъ жертвенникъ кровью, пріятною богинѣ чистой и дѣвѣ; хвалишь чашу съ ядомъ Сократа, голень Епиктета, мѣхъ Анаксарха²⁾, у которыхъ любомудріе было болѣе вынужденно, нежели добровольно; хвалишь скачокъ Клеомвота Амвракійскаго,—плодъ любомудраго ученія о душѣ; хвалишь состязанія Пифагорейцевъ о бобахъ и презрѣніе смерти Феаною, или, не помню, кѣмъ-то другимъ изъ посвященныхъ въ тайны и ученія Пифагорovy.

¹⁾ Ката τῆ Μάρτορος ἰδὲ μαρτοραῖ;—слово Μάρτορος, имѣетъ значеніе *свидѣтеля* и *мученика*. Св. Григорій употребляетъ сіе слово въ первомъ смыслѣ объ І. Христѣ, какъ и въ Откровеніи Іоанна 1, 5; 3, 14; въ послѣднемъ—о свидѣтеляхъ истины Христовой—Апостолахъ и Мученикахъ.

²⁾ Анаксархъ назвалъ мѣхомъ тѣло свое, когда толкли его въ ступѣ.

Но подивись, если не прежнимъ, то настоящимъ подвигамъ христіанъ, ты, любомудрѣйшій и мужественнѣйшій изъ смертныхъ, которыхъ въ терпѣніи хочешь подражать Епаминонадамъ и Сципіонамъ, ходишь на ряду съ своимъ войскомъ, довольствуешься скудною пищею, и хвалишь личное предводительство. Человѣкъ благородный и любомудрый не унижаетъ доблести и въ врагахъ; онъ выше цѣнить мужество непріятелей, нежели пороки и изнѣженность самыхъ близкихъ ему. Видишь ли сихъ людей, которые не имѣютъ у себя ни пропитанія, ни пристанища, не имѣютъ почти ни плоти, ни крови, и тѣмъ приближаются къ Богу, — у которыхъ ноги не мыты, и ложемъ — земля, какъ говоритъ твой Гомеръ, думая такимъ вымысломъ почитать одного изъ демоновъ? Они живутъ долу, но выше всего дольняго; среди людей, но выше всего человѣческаго; связаны, но свободны; стѣсняемы, но ничѣмъ неудержимы; ничего не имѣютъ въ мірѣ, но обладаютъ всѣмъ премірнымъ; живутъ сугубою жизнію, и одну презираютъ, о другой же заботятся; чрезъ умерщвленіе безсмертны, чрезъ отрѣшеніе отъ твари соединены съ Богомъ; не знаютъ любви страстной, но горятъ любовію божественною, безстрастною; ихъ наслѣдіе—Источникъ свѣта, и еще здѣсь—Его озаренія, ангельскія псалмопѣнія, всенощное стояніе, преселеніе къ Богу ума, предвосхищаемаго; чистота и непрестанное очищеніе, какъ незнающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи; ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы; нагота и риза нетлѣнія; пустыня и торжество на небесахъ; поправленіе сластей и наслажденіе нескончаемое, неизрѣченное. Ихъ слезы потопляютъ грѣхъ, очищаютъ міръ; ихъ воздѣяніе рукъ угашаетъ пламень, укрощаетъ звѣрей, притупляетъ мечи, обращаетъ въ бѣгство полки; и (будь увѣренъ!) заградитъ уста и твоему нечестію, хотя превознесешь на время, и съ своими демонами будешь еще лицедѣйствовать въ позорищѣ нечестія. Какъ и это не страшно, не достойно уваженія для тебя, чрезъ мѣру дерзновенный и безразсуднѣ всякаго устремляющійся на смерть? А сіе, конечно, во многомъ уважительнѣе, нежели ненасытность мудреца и законодателя Солона, которую Крезъ обличилъ лидійскимъ золотомъ,—нежели Сократова любовь къ красотѣ (стыжусь сказать — къ отрокамъ, хотя она прикрывается честнымъ наименованіемъ),—нежели Платоново лакомство въ Сициліи, за которое философъ проданъ и не выкупленъ ни однимъ изъ учениковъ, даже никѣмъ изъ грековъ;—Ксенократово прожорство, шутливость жившаго въ бочкѣ Діогена, съ какою онъ,

предпочитая лакомый кусокъ простому хлѣбу, говаривалъ словами стихотворца: пришлецъ, дайте мѣсто господамъ,—и философія Эпикурова, не признающая никакого блага выше удовольствія. Великъ у васъ Кратесъ; отказать свои земли на пастбище овецъ, конечно, любомудрое дѣло и похоже на дѣла нашихъ любомудровъ; но онъ провозглашаетъ свою свободу не столько какъ любитель мудрости, сколько какъ честолюбецъ. Великъ и тотъ, кто на кораблѣ, борюшемся съ волнами, когда все кидали въ море, благодарилъ судьбу, доводящую его до рублища¹⁾. Великъ Антисѣенъ, который, когда одинъ наглый оскорбитель ударилъ его въ лице, пишетъ у себя на лбу, какъ на статуѣ, имя ударившаго, можетъ быть, для того, чтобы язвительнѣе укорить его. Ты хвалишь также одного изъ жившихъ незадолго до насъ за то, что цѣлый день молился, стоя на солнцѣ: но, можетъ быть, онъ воспользовался временемъ, когда солнце бываетъ ближе къ землѣ, дабы сократить молитву, окончивъ ее съ закатомъ солнечнымъ; хвалишь и Потидейскаго труженика²⁾, который зимой цѣлую ночь стоялъ, погружаясь въ созерцаніе, и въ изступленіи не чувствовалъ холода; хвалишь любознательность Гомера, трудившагося надъ Аркадскимъ вопросомъ,—любовь-дѣніе и неутомимость Аристотеля, допытывавшагося причины переменъ въ Египтѣ,—надъ чѣмъ они и умерли; хвалишь и Клеантовъ колодезь, и Анаксагоровъ ременный поводъ³⁾, и Гераклитовы слезы. Но сколько же у васъ такихъ, и долго ли они подвизались? Какъ же не дивиться нашимъ подвижникамъ, которыхъ тысячи, десятки тысячъ, которые посвящаютъ себя на такое же, и еще болѣе чудное любомудріе, любомудрствуютъ цѣлую жизнь и, можно сказать, въ цѣлой вселенной, какъ мужи, такъ равно и жены, спорящія съ мужами въ мужествѣ, и тогда только забывающія свою природу, когда нужно приближаться къ Богу чистотою и терпѣніемъ? И не только люди знатнаго рода и всегласною скудостію пріобученные къ трудамъ, но даже нѣкогда высокіе и знатные своимъ богатствомъ, родомъ и властію, рѣшаются на непривычныя для нихъ злостраданія въ подраженіе Христу. Хотя бы они не обладали даромъ слова, потому что не въ словѣ поставляютъ благочестіе, и не на долго годенъ плодъ мудрости, которая только на языкѣ, какъ при-

¹⁾ Зенонъ.

²⁾ Сократа.

³⁾ Такъ Анаксагоръ назвалъ свое сочиненіе, въ которомъ были собраны трудные вопросы.

знано и однимъ изъ вашихъ стихотворцевъ; однако же, въ нихъ больше правды; они учатъ дѣлами.

Но онъ, пренебрегну все сіе, и одно имѣя въ виду, чтобы угодить демонамъ, которые неоднократно низлагали его, чего и заслуживалъ, прежде другихъ распоряженій по дѣламъ общественнымъ устремляется противъ христіанъ.—Два только предмета его озабочивали: галліяне, какъ называлъ онъ насъ въ укоризну, и Персы, упорно продолжавшіе войну. Но наше дѣло было для него важнѣе, требовало большихъ заботъ, такъ что войну съ Персами почиталъ онъ дѣломъ пустымъ и дѣтскою игрою. Хотя онъ сего не обнародовалъ, однако же, и не скрывалъ; до того даже доходило его неистовство, что не переставалъ твердить о томъ всегда и всемъ. И такой благоразумнѣйшій и наилучшій правитель государства не сообразилъ, что, во время прежнихъ гоненій, смятенія и потрясенія были незначительны, потому что наше ученіе коснулось еще немногихъ; истина принята была небольшимъ числомъ людей, и не открылась еще всемъ. Но теперь,—когда спасительное слово разлилось всюду, особенно у насъ,¹⁾ едѣлалось господствующимъ,—покуситесь на то, чтобы измѣнить и поколебать христіанство, значило то же, что потрясти Римскую державу, подвергнуть опасности цѣлое государство, и чего хуже не пожелали бы намъ враги ваши, то потерпѣть отъ самихъ себя, отъ сего новаго и чуднаго любомудрія и царствованія, подъ которымъ мы благоденствовали и возвратились къ древнему золотому вѣку и къ жпзни, ничѣмъ не возмущаемой и спокойной. Или удобство сообщеній, уменьшеніе налоговъ, выборъ начальниковъ, наказаніе за воровство, и другія постановленія, служащія къ временному благополучію и мгновенному блеску, могли доставить государству великую пользу, и стоили того, чтобы оглушать нашъ слухъ похвалами такимъ учрежденіямъ? А народныя смятенія и возмущенія въ городахъ, разрывъ семействъ, раздоры въ домахъ, расторженіе супружествъ (чему надлежало послѣдовать за тѣмъ зломъ, и что дѣйствительно послѣдовало), могли ли служить къ его славѣ, или къ безопасности государства? Кто же будетъ столько преклоненъ къ нечестію или столько лишенъ общаго смысла, чтобы согласиться на сіе? Въ тѣлѣ, если нездоровы одинъ только или два члена, безъ труда прочіе переносятъ сіе, и здравіе сохраняется большинствомъ членовъ; даже отъ здоровыхъ и боль-

¹⁾ Въ Римской державѣ.

нымъ членамъ можетъ сдѣлаться лучше. Но ежели разстроена и поражена болѣзнію большая часть членовъ; то не можетъ не страдать все тѣло, и опасность для него очевидна. Такъ въ подначальныхъ, недуги одного члена общества могутъ иногда прикрывается благосостояніемъ цѣлаго, но если повреждена большая часть членовъ,—опасность угрожаетъ цѣлому обществу. Думаю, что другой, даже и злой ненавистникъ нашъ, могъ бы видѣть это въ нынѣшнее время при такомъ умноженіи христіанъ. Но въ этомъ человѣкѣ злоба помрачила рассудокъ, и потому равно простираетъ онъ гоненіе и на малое, и на великое.

Особенно дѣтскою, неосновательною и недостойною не только царя, но и сколько-нибудь разсудительнаго человѣка, была его мысль, будто бы за переменною имени послѣдуетъ переменна въ нашемъ расположеніи, или, будто бы намъ отъ сей перемены будетъ стыдно, какъ обвиненнымъ въ чемъ-то гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ насъ, и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто Христіанъ Галилеянами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досточестно; и онъ умыслилъ лишитъ насъ сего наименованія, или по сей причинѣ, или потому, что страшился силы имени, подобно демонамъ, и замѣнилъ оное другимъ неупотребительнымъ и неизвѣстнымъ. Но мы не будемъ перемѣнять у нихъ именъ; потому что и нѣтъ именъ смѣшнѣе, чтобы замѣнить ими прежнія, каковы ихъ Фаллы и Иеифаллы, Мелампиги, Трагоподъ и почтенный Панъ, одинъ богъ, происшедшій отъ всѣхъ жениховъ и получившій по достоинству своему имя отъ посрамленія. Ибо имъ нужно, чтобы, или одинъ обезчестилъ многихъ,—и притомъ могущественнѣйшій, или одинъ происходилъ отъ многихъ,—и притомъ гнуснѣйшій. Итакъ, не позавидуемъ имъ ни въ дѣлахъ, ни въ именахъ. Пусть услаждаются своею простотою и хвалятся мерзостями. Если угодно, предоставимъ имъ Вуѳина; готовы сдѣлать и большій подарокъ,—уступивъ и Тріеспера, столь величественно рождаемаго и рождающаго, совершившаго тринадцатый подвигъ въ одну ночь (разумѣю пятьдесятъ дочерей Ѳестія), чтобы получить за то наименованіе бога. Ежели бы христіане захотѣли выдумывать подобныя венцы; то могли бы изъ собственныхъ дѣлъ Юліана найти для него многія, болѣе постыдныя и вмѣстѣ болѣе приличныя наименованія. Ибо что воспрепятствовало бы и намъ, воздавая равнымъ за равное, царя римскаго, или, какъ онъ, обманутой демонами, мечталъ о себѣ, царя вселенной,—назвать Идоліаномъ, Пизеємъ, Адонеемъ и Кавси-

тавромъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ острослововъ уже прозвали его, такъ какъ это дѣло весьма легкое. Что препятствовало бы примѣнить къ нему и составить для него и другія названія, какія представляетъ дѣйствительная исторія? Но самъ Спаситель и Владыка всяческихъ, Создатель и Правитель міра, Сынъ и Слово Великаго Отца, Примиритель, Архіерей и сопрестольный Отцу, для насъ, обезчестившихъ образъ Его, низведенныхъ въ персть и не уразумѣвшихъ великой тайны сочетанія¹⁾, не только нисшедшій до рабскаго зрака, но и восшедшій на крестъ и совозведшій съ Собою мой грѣхъ, чтобы умертвить его,—когда называли Его самаряниномъ и (еще хуже) имѣющимъ въ Себѣ бѣса, не стыдился сего, и не укорялъ оскорбителей. Тотъ, кому легко было наказать нечестивыхъ чрезъ Ангельскія силы и единымъ словомъ, со всею кротостію и снисходительностію отсылаетъ отъ Себя оскорбителей, и проливаетъ слезы о распинавшихъ Его. Сколько же нелѣпо думать, что мы, именуемые Галилеянами, будемъ сокрушаться о семъ, или стыдиться сего, или перестанемъ отъ того ревновать о благѣ, и больше уважимъ сіи оскорбленія, нежели душу и тѣло, тогда какъ и ихъ умѣемъ презирать ради истины (Матѳ. 10, 28. Лук. 9, 24)? Напротивъ того, болѣе смѣшно, нежели прискорбно то, о чемъ я говорю; и мы предоставляемъ такую забаву зрѣлищамъ: ибо, конечно, никогда не превзойдемъ тѣхъ, которые на погибель свою забавляются тамъ, и другихъ забавляютъ подобными вещами.

Но весьма уже лукаво и злонамѣренно то, что, не имѣя силъ убѣдить насъ открыто и стыдясь принуждать мучительно, но подъ львиною кожею скрывая лисью, или, если угодно, подъ личиною Миноса тая величайшее неправосудіе (не знаю, какъ выразить это точнѣе), употребилъ онъ снисходительное насиліе. Впрочемъ, поспѣшая словомъ, иное предоставляю желающимъ писать исторію, и думаю, что многіе, почитая даже дѣломъ благочестія поражать словомъ столь пагубнаго человѣка, позаботятся составить трагедію (если такъ должно назвать) или комедію тогдашняго времени, дабы и потомству было передано такое важное дѣло, стоящее того, чтобы не скрывать. Самъ же вмѣсто всего расскажу для примѣра одно или два изъ его дѣяній, расскажу для удивляющихся ему чрезъ мѣру, пусть знаютъ, что они удостоиваются похвалы такого человѣка, для котораго нельзя найти даже и порицанія, какое онъ заслужилъ.

¹⁾ Т. е. земного съ небеснымъ въ человѣкѣ.

Не знаю, у всѣхъ ли народовъ, живущихъ подъ властію царей, по крайней мѣрѣ у Римлянъ строго соблюдается одно царское постановленіе: въ честь царствующихъ ставить всенародно ихъ изображенія. Къ утвержденію ихъ царской власти не довольно вѣнцевъ, діадимъ, багряницы, многочисленныхъ законовъ, податей и множества подданныхъ; чтобы внушить болѣе уваженія къ власти, они требуютъ еще поклоненія, и поклоненія не только своей особѣ, но и своимъ изваяннымъ и живописнымъ изображеніямъ, чтобы воздаваемое имъ почтеніе было полнѣе и совершеннѣе. Къ такимъ изображеніямъ каждый императоръ обыкновенно присовокупляетъ что-нибудь свое. Одинъ изображаетъ, какъ знаменитѣйшіе города приносятъ ему дары; другій,—какъ побѣда вѣнчаетъ его главу; иной,—какъ преклоняются предъ нимъ сановники, украшенные отличіями власти; другіе представляютъ или звѣрей, пораженныхъ мѣткими ударами, или варваровъ, побѣжденныхъ и поверженныхъ къ ногамъ. Цари услаждаются не только самыми дѣлами, въ которыхъ поставляютъ свою славу, но и ихъ изображеніями.

Что же онъ умышляетъ? Какія строить ковы для христіанъ, наиболѣе твердыхъ? Подобно тѣмъ, которые подмѣшиваютъ въ пищу ядъ, къ обыкновеннымъ царскимъ почестямъ примѣшиваетъ онъ нечестіе, и съ римскими установленіями соединяетъ поклоненіе идоламъ. Посему на изображеніяхъ своихъ, вмѣстѣ съ другими обыкновенными начертаніями, написавъ демоновъ, предлагаетъ такіа изображенія народу и городамъ, и особенно начальникамъ областей, чтобы зло было вовсе неизбѣжно, чтобы, или воздающій честь императору воздавалъ оную и идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести императора; потому что поклоненіе воздавалось совокупно. Такого обмана и сѣтей нечестія, столь хитро разставленныхъ, избѣгли немногіе, которые были богобоязненнѣе и проникательнѣе другихъ; но они и наказаны за свою проникательность, подъ предлогомъ, что оскорбили честь императора; въ дѣйствительности же пострадали за истиннаго царя и за благочестіе. А люди простые и неразумительные по большей части были уловлены, и имъ, можетъ быть, самое невѣдѣніе послужить извиненіемъ, какъ вовлеченнымъ въ нечестіе хитростію. Одного такого поступка достаточно, чтобы опозорить намѣрніе царя. Ибо, думаю, что не одно и то же прилично царю и простолюдину такъ какъ достоинство ихъ неодинаково. Въ простолюдинѣ извинили бы мы какой-нибудь и хитрый поступокъ; ибо кому невозможно дѣйствовать

явною силою, тому извинительно прибѣгать и къ хитрости: по царю очень стыдно уступить силѣ, а еще стыднѣе и неприличнѣе, какъ думаю, прикрывать свои предпріятія и намѣренія хитростию.

Другое дѣло его—по мысли и намѣренію одинаково съ первымъ, но по обширности дѣйствія гораздо хуже и нечестивѣе; потому что зло распростиралось на большее число людей. И я присовокуплю это къ сказанному: наступилъ день раздачи царскихъ даровъ, или годичный, или тогда нарочито назначенный царемъ съ злымъ умысломъ. Надлежало собраться войску, чтобы каждый получилъ награду по достоинству и чину. Здѣсь открылось новое явленіе низости, новое зрѣлище нечестія! Безчеловѣчіе прикрашено какимъ-то человѣколюбіемъ, неразуміе и жадность, по большей части неразлучныя съ воинами, уловлены деньгами. Блистательно торжествуя надъ благочестіемъ и гордясь своимъ ухищреніями, во всемъ блескѣ предсѣдательствовалъ царь; подобно какому-нибудь Мелампу или Протею, и былъ и казался всемъ, безъ труда преобразаясь въ новые виды. Что же происходило вокругъ него, и какихъ достойно сіе рыданій для благомыслящихъ, не только тогда присутствовавшихъ, но и теперь слышащихъ о такомъ зрѣлищѣ! Предложено было золото, предложенъ и ладанъ; по близости былъ огонь, недалеко—распорядители. И какой благовидный предлогъ! Казалось, что таковъ уставъ царской раздачи даровъ, освященной древностию и высоко цѣнимою! Что же за симъ? Надлежало возложить на огонь еиміамъ и получить отъ царя цѣну своей гибели, цѣну малую за дѣло великое—за цѣлую душу, за нечестіе противъ Бога. Гибельная купля! Горькое возмездіе! Цѣлое воинство продавалось однимъ злоухищреніемъ; покорители вселенной падали отъ малаго огня, отъ куска золота, отъ небольшого куренія, и большая часть не чувствовала своего пораженія, что было всего горестнѣе. Каждый приступалъ съ надеждою пріобрѣтенія, но, пріобрѣтая, терялъ самого себя; поклонялся десницѣ царя, и не думалъ, что поклоняется своему убійцѣ. И выразумѣвшимъ дѣло было не легче, потому что, однажды увлекшись зломъ, первый неразумительный поступокъ почитали они для себя ненарушимымъ закономъ. Какія тысячи Персовъ, стрѣлковъ и пращниковъ, какіе закованные въ желѣзо и ни откуда не уязвляемые воины, какія стѣнобитныя орудія успѣли бы въ томъ, что совершено одною рукою, въ одно время гнуснымъ умысломъ.

Присовокуплю одно сказаніе, возбуждающее болѣе жалости, нежели доселѣ описанное. Говорятъ, что нѣкоторые изъ обману-

тыхъ по невѣдѣнію, когда, подвергшись обольщенію, возвратились домой раздѣлить съ товарищами трапезу, и когда пришло время, по обычаю, прохладиться питіемъ, какъ будто съ ними не случилось ничего худаго, принявъ прохладительную чашу, стали возводить очи горѣ и съ крестнымъ знаменіемъ призывать имя Христова; тогда одинъ изъ товарищей удивился и сказалъ: „что же это? послѣ отреченія вы призываете Христа!“ Они полумертвые спрашивали: „когда же мы отрекались? что это за новость?“ Товарищъ объяснилъ: „вы возлагали еиміамъ на огонь, а это значитъ тоже, что отреченіе“. Немедленно оставивъ пиршество, какъ изступленные и помѣшавшіеся въ умѣ, пылая ревностію и гнѣвомъ, бѣгутъ они по торжищу и кричатъ: „мы—христиане, мы—христиане въ душѣ! Да слышитъ это всякій человѣкъ, а прежде всѣхъ да внемлетъ Богъ, для Котораго мы живемъ и готовы умереть. Мы не солгали Тебѣ, Спасителю Христе! не отрекались отъ блаженнаго исповѣданія. Если и погрѣшила въ чемъ рука, то сердце не участвовало. Мы обмануты царемъ, но не уязвлены золотомъ. Совекаяся нечестія, готовы омыться кровію“. Потомъ прибѣгаютъ они къ царю, повергаютъ предъ нимъ золото, и со всѣмъ мужествомъ вопіютъ: „не дары получили мы отъ тебя, царь, но осуждены на смерть. Не для почестей были призваны, но приговорны къ безчестію. Покажи милость своимъ воинамъ: предай насъ на закланіе для Христа. Его одного признаемъ мы царемъ. Воздай огнемъ за огонь, и за пепелъ насъ обрати въ пепелъ; отсѣки руки, которыя простирали мы на зло,—ноги, которыми текли къ злу. Отдай золото другимъ, которые не будутъ раскаяваться въ томъ, что взяли: для насъ довольно одного Христа; Онъ замѣняетъ намъ все“. Такъ говорили они, и въ то же время увѣщевали другихъ познать обманъ, истрезвиться отъ упоенія, и оправдать себя предъ Христомъ кровію. Царь вознегодовалъ на нихъ, но удержался умертвить явно, чтобы не сдѣлать мучениками тѣхъ, которые были уже мучениками, сколько состояло то въ ихъ власти; царь осудилъ ихъ на изгнаніе, и такимъ мщеніемъ оказалъ величайшее благодѣяніе; потому что удалилъ отъ своихъ сквернъ и козней.

Хотя таковы были его желанія, и во многихъ случаяхъ употреблялъ онъ коварство: однако же, поелику не имѣлъ въ сердцѣ твердости и слѣдовалъ болѣе внушенію злаго духа, нежели собственному разсудку, то не выдержалъ своего намѣренія до конца и не сохранилъ злобы втайнѣ. Сказываютъ объ огнѣ Этны, что, накопляясь внизу и удерживаемый силою, до времени кроется

онъ на днѣ горы, и сперва издаетъ страшные звуки (вздохи ли то мучимаго исполина, или что другое), также изъ вершины горы извергаетъ дымъ—предвѣстіе бѣдствія; но когда накопится и сдѣлается неуправляемымъ, тогда, выбрасываемый изъ нѣдръ горы, несется вверхъ, льется черезъ края жерлъ, и страшнымъ до неимовѣрности потокомъ опустошаетъ ниже лежащую землю. То же видѣть можно и въ немъ. До времени владѣль онъ собою, держался своего злоухищреннаго правила, и вредилъ намъ обольщеніемъ; когда же неуправляемый гнѣвъ переступилъ мѣру, тогда не въ состояніи онъ былъ скрывать своей злонамѣренности, и возсталъ открытымъ гоненіемъ на божественный и благочестивый нашъ сонмъ. Умолчу объ указахъ его противъ святыхъ храмовъ, которые и всенародно были объявляемы и тайно исполняемы,—о разграбленіи церковныхъ вкладовъ и денегъ, столько же по жадности къ корысти, сколько и по нечестію,—о расхищеніи священныхъ сосудовъ и ихъ поруганіи скверными руками,—о священноначальникахъ и ихъ подчиненныхъ, которые за нихъ были влачимо и истязуемы,—о покрытыхъ кровію столпахъ, которые обвивали и опоясывали они руками во время своего бичеванія,—о стрѣлкахъ, которые, превосходя свирѣпостію и ревностію давшаго имъ повелѣніе, бѣгали по селеніямъ и городамъ, чтобы покорить насъ, какъ будто Персовъ, Скиновъ и другихъ варваровъ. Не буду говорить обо всемъ этомъ; но кто не знаетъ о безчеловѣчій александрійцевъ? Они и прежде много издѣвались надъ нами, и теперь, безъ мѣры воспользовавшись временемъ, какъ народъ—по природѣ мятежный и изступленный, къ нечестивымъ дѣламъ своимъ, какъ сказываютъ, присовокупили еще то, что святой храмъ нашъ наполнили сугубою кровію, кровію жертвенною и кровію человѣческою, и это сдѣлали подъ предводительствомъ одного изъ царскихъ философовъ¹⁾, который чрезъ сіе только составилъ себѣ имя. Кому неизвѣстно буйство жителей Иліополя? и сумасбродство жителей Газы, которымъ онъ удивлялся и отдавалъ честь за то, что хорошо понимали, въ чемъ поставляетъ онъ свое величіе? — и неистовство жителей Арефузы, которые доселѣ были неизвѣстны, а съ сего времени стали очень извѣстными? Ибо людямъ доставляютъ громкое имя не одни благодѣтельные, но и злыя дѣла, когда они не находятъ себѣ одобренія даже у порочныхъ.

О жителяхъ Газы (изъ многихъ ихъ злодѣяній должно раз-

¹⁾ Онъ назывался Пнеіодоромъ.

сказать хотя одно, которое бы могло привести въ ужасъ и безбожниковъ) говорятъ, что они непорочныхъ дѣвъ, проводившихъ премірную жизнь, и которыхъ едва ли когда касался мужескій взоръ, изведя на среду и обнаживъ, чтобы прежде поругать ихъ такимъ позоромъ, потомъ разсѣкли и раздробили на части, и (какъ мнѣ постигнуть долготерпѣніе Твое, Христе, въ то время!) одни злобно терзали собственными зубами, какъ достойные читатели бѣсовъ, пожирали сырыя печени и послѣ такой снѣди, принимались за общую и обыкновенную пищу; другіе, трепещущія еще внутренности дѣвъ, посыпавъ свинымъ кормомъ и припустивъ самыхъ свирѣпыхъ свиней, какъ бы для того открыли такое зрѣлище, чтобы видѣть—какъ будетъ пожираема и терзаема плоть съ ячменемъ—эта смѣшанная снѣдь, дотолѣ невиданная и неслыханная. И виновникъ сихъ дѣлъ стоилъ того, чтобы такую снѣдью кормить только своихъ демоновъ; какъ и хорошо напиталъ ихъ своею кровію изъ раны, полученной близъ сердца; хотя не понимаютъ этого люди жалкіе, по крайнему нечестію неспособные даже разсуждать.

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемыхъ нами странъ, чтобы не зналъ и не предупредилъ разсказомъ воспоминающаго о чудномъ Маркѣ и жителяхъ Аревузы? При славномъ Констанціѣ, по данной тогда христіанамъ власти, онъ разрушилъ одно демонское жилище, и многихъ отъ языческаго заблужденія обратилъ на путь спасенія, не менѣе своею свѣтоносною жизнію, какъ и силою слова. За сіе жители Аревузы, особенно тѣ изъ нихъ, которые были привержены къ почитанію демоновъ, давно уже негодовали на него. А какъ скоро дѣла христіанъ поколебались, язычество же начало воздыматься, Маркъ не избѣжалъ господствующей силы времени. Народъ хотя на время и удерживаетъ свое негодованіе, однакоже, какъ огонь, кроющійся въ горючемъ веществѣ, или какъ потокъ, удерживаемый силою, если только представится случай,—обыкновенно, воспламеняется и расторгаетъ преграды. Маркъ, видя противъ себя движеніе народа, который не знаетъ мѣры ни въ замыслахъ, ни въ угрозахъ,—сначала рѣшается бѣжать, не столько по малодушію, сколько послѣдуя заповѣди, которая повелѣваетъ бѣгать изъ города въ городъ (Мате. 10, 23) и уклоняться отъ гонителей; потому что христіане, при всемъ своемъ мужествѣ и готовности къ терпѣнію, должны не только имѣть въ виду свою пользу, но и падить гонителей, дабы, сколько возможно, не увеличить чѣмъ-либо опасности, въ какой находятся враги ихъ. Когда же Маркъ узналъ, что многихъ за

него влекутъ и гонятъ, а многие по лютои гонителей подвергают опасности жизни,—не захотѣлъ для своей безопасности равнодушно смотрѣть на бѣдствія другихъ. Посему предпринимаетъ другое намѣреніе, самое лучшее и любомудрое: возвращается изъ бѣгства, добровольно выдаетъ себя народу—дѣлать съ нимъ что хотятъ, и съ твердостью выступаетъ противъ трудныхъ обстоятельствъ. Какихъ здѣсь не было ужасовъ? Какихъ не придумано жестокостей? Каждый прибавлялъ что-нибудь свое къ довершенію зла; не постыдились (не говоря о чемъ другомъ) любомудрія мужа; оно еще болѣе раздражало ихъ; потому что возвращеніе Марка почитали болѣе презрѣніемъ къ себѣ, нежели его мужествомъ въ перенесеніи опасностей. Ведень былъ посреди города старецъ — священникъ, произвольный страдалецъ, и по лѣтамъ, а еще болѣе по жизни, почтенный для всѣхъ, кромѣ гонителей и мучителей. Ведень былъ людьми всякаго возраста и состоянія; тутъ были всѣ безъ исключенія, мужи и жены, юноши и старцы, люди отправлявшіе градскія должности и украшенные почестями; всѣ усиливались превзойти другъ друга наглостію противъ старца; всѣ считали дѣломъ благочестія—нанести ему какъ можно болѣе зла, и побѣдить престарѣлаго подвижника, боровшагося съ цѣлымъ городомъ. Влекли его по улицамъ, сталкивали въ нечистыя ямы, влачили за волосы; не осталось ни одной части тѣла, надъ которою бы не наругались, которой бы не терзали нечестивцы, достойно терпящіе терзанія въ таинствахъ Млеры¹⁾; дѣти поднимали вверхъ тѣло доблестнаго страдалца на желѣзныхъ остріяхъ, и передавали его одни другимъ, обращая въ забаву сіе плачевное зрѣлище; голени старца тисками сгнетали до костей, уши рѣзали тонкими и крѣпкими нитками, поднявъ самого на воздухъ въ коробѣ. Облитаго медомъ и отваромъ, среди дня жалили его осы и пчелы, между тѣмъ солнце жгучимъ зноемъ палило и пекло плоть его, готова изъ сего блаженнаго (не могу сказать, несчастнаго) тѣла для нихъ самую горячую снѣдь. При семъ, сказываютъ (и это стоитъ, чтобы записать), старецъ, юный для подвиговъ (такъ какъ и среди лютыхъ страданій не престававъ онъ являть свѣтлое лице, и услаждался самыми муками), произнесъ достопамятное

¹⁾ Млерѣ поклонялись Персы, Халдеи и въ послѣдствіи времени Греки и Римляне; при таинствахъ, совершавшихся въ пещерѣ Млеры, поклонники его подвергались двѣнадцати жестокимъ испытаніямъ: томилась голодомъ, терпѣли бичеванія, проходили чрезъ огонь, и проч. Въ числѣ поклонниковъ Млеры былъ и Юліанъ.

и достославное изреченіе: „это — прекрасное предзнаменованіе, что я вижу себя на высотѣ, а ихъ внизу, на землѣ“. Такъ онъ много возвышался духомъ надъ тѣми, которые его держали! Такъ далеко былъ отъ скорби, что какъ будто присутствовалъ при страданіяхъ другаго, и не бѣдствіемъ, а торжествомъ считалъ происходившее съ нимъ. И кто бы не тронулся всѣмъ симъ, имѣя хотя нѣсколько милосердія и человѣколюбія? Но сему препятствовали обстоятельства и неистовство царя, который требовалъ безчеловѣчія и отъ черни, и отъ городовъ, и отъ начальниковъ, хотя для многихъ, не знавшихъ глубины его злобной хитрости, и представлялось сіе въ иномъ видѣ.— Вотъ какія мученія вытерпѣлъ мужественный старецъ! И за что?—За то, что не хотѣлъ одной золотой монеты бросить истязателямъ, чѣмъ и доказалъ, что подвизался за благочестіе. Ибо, доколѣ Ареузійцы, полживъ за разрушенный имъ храмъ слишкомъ высокую цѣну, требовали, чтобы онъ или заплатилъ всѣ деньги сполна, или вновь выстроилъ храмъ, дотолѣ можно было еще думать, что онъ противится имъ болѣе по невозможности исполнить требуемое, чѣмъ по искреннему благочестію. Но когда мало-по-малу побѣждая ихъ своею твердостью, и каждый разъ убавляя что-нибудь изъ цѣны, наконецъ, довелъ онъ ихъ до того, что просили съ него самое малое количество, которое весьма легко было уплатить, и послѣ сего, съ равною неуступчивостью, одни домогались взять хоть что-нибудь, и тѣмъ доказать свою побѣду, а другой не хотѣлъ ничего дать, чтобы только не остаться побѣжденнымъ, хотя многіе, не только по побужденію благочестія, но и по уваженію къ непобѣдимой твердости старца, усердно вызывались заплатить болѣе, чѣмъ требовалось: тогда уже ясно можно было видѣть, что онъ не денегъ жалѣетъ, а подвизается за благочестіе. Что означали такіе поступки съ Маркомъ: снисходительность ли и кротость, или наглость и безчеловѣчіе.—пусть скажутъ намъ удивляющіеся царю—философу; я думаю, что никто не затруднится дать на сіе справедливый и истинный отвѣтъ. Надобно еще прибавить, что Маркъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые тайно увели и тѣмъ спасли сего нечестивца, тогда какъ весь родъ его подвергался опасности погибнуть: можетъ быть, потерпѣлъ онъ достойно всѣ сіи муки, да еще и большихъ страданій былъ достоинъ за то одно что, самъ того не зная, сохранилъ такое зло для всей вселенной. Говорятъ, что бывший тогда Ипархъ ¹⁾ (по рели-

¹⁾ Намѣстникъ Претора. Созоменъ называетъ его Саллюстіемъ.

ги язычникъ, а по правамъ возвышавшійся надъ язычниками и уподоблявшійся лучшимъ мужамъ, славнымъ въ древности и нынѣ), не могли равнодушно смотрѣть на различныя муки и терпѣніе сего мужа, смѣло сказалъ царю: не стыдно ли намъ, царь, что всѣ христіане побѣждаютъ насъ, такъ что и одного старика, претерпѣвшаго всѣ мученія, мы не могли одолѣть? И одолѣть его—дѣло не великое, но быть отъ него побѣжденными—не крайнее ли бѣдствіе?—Такъ, чего низшіе начальники, по долгу, стыдились, тѣмъ гордился царь! Можетъ ли быть что-нибудь бѣдственнѣе сего, не столько для страдавшихъ, сколько для дѣйствовавшихъ? Таковы дѣла Ареузійцевъ! Безчеловѣчіе Эхета и Фаларида ¹⁾ маловажно въ сравненіи съ ихъ жестокостію, или лучше—съ жестокостію того, по чьему побужденію и распоряженію это дѣлалось; такъ какъ отъ сѣмени происходятъ отпрыски, и отъ вѣтра—кораблекрушеніе.

Каковы же и какъ нестерпимы и другія дѣла его? Кто мнѣ дастъ досужливость и языкъ Геродота и Фукидида, чтобы я могъ передать будущимъ временамъ изображеніе всей злости сего человѣка, и какъ бы на столпѣ начертать для потомства исторію сего времени? Я умолчу объ Оронтѣ и о мертвецахъ, которыхъ въ ночное время, скрывая злодѣйства царя, рѣка сія, спертая трупами, тайно губила. Это слова поэта ²⁾, которыя приличнѣе можно отнести къ Оронту. Не буду говорить и о тѣхъ тайныхъ отдаленныхъ частяхъ дворца его, и о тѣхъ прудахъ, колодцахъ и рвахъ, которые наполнены были недобрыми сокровищами, то есть, не только трупами отроковъ и дѣвъ, разсѣченными при таинствахъ для вызыванія душъ, для гаданій и незаконныхъ жертвоприношеній, но и тѣлами пострадавшихъ за благочестіе. Не станемъ, если угодно, обвинять его въ этомъ, такъ какъ и самъ онъ стыдился сего, и тѣмъ показывалъ хотя нѣкоторую умѣренность. Это видно изъ того, что онъ старался скрыть сіи незаконія, какъ мерзость, которой не должно обнаруживать. А что нашихъ кесарійцевъ, сихъ великодушныхъ и пламенныхъ ревнителей благочестія, онъ такъ гналъ и позорилъ, — за это можетъ быть нѣтъ нужды и порицать его: ибо онъ доведенъ былъ до сего мще-

¹⁾ Имена двухъ мучителей, изъ коихъ одинъ былъ въ Епирѣ, другой въ Агригентѣ.

²⁾ Св. Григорій проводитъ здѣсь слова Гомера о Свамандрѣ, стѣсненномъ трупами убитыхъ Ахилломъ. Иліад. XXI. ст. 220. Юліанъ въ Антиохіи, тайно, по ночамъ умерщвлялъ многихъ христіанъ, и волны Оронта срывали свидѣтелей истины и обличителей нечестія.

нѣя справедливымъ, какъ ему казалось, негодованіемъ на нихъ за храмъ богини счастья, потерпѣвшей несчастіе, во время счастливое¹⁾). Надобно же сколько-нибудь уступить и неправдѣ, когда она уже взяла надъ нимъ такую силу! Но кто не знаетъ слѣдующаго событія? — Когда въ одной области чернь неистовствовала противъ христіанъ, и, умертвивши многихъ изъ нихъ, грозила сдѣлать еще болѣе: областной начальникъ, желая держаться середины между требованіями законовъ и духомъ времени (такъ какъ и духу времени служить считалъ себя обязаннымъ, и имѣлъ нѣкоторое уваженіе къ законамъ), многихъ изъ язычниковъ подвергнувъ наказанію. Чтожъ вышло? На него донесли; вдругъ, съ великимъ безчестіемъ, схватили его и представили царю, и онъ преданъ былъ суду за то, что наказалъ язычниковъ, хотя ссылаясь на законы, по коимъ судить было ему поручено; едва не приговоренъ былъ къ смерти; наконецъ, царь явилъ ему свое человѣколюбіе, то есть, осудилъ его на изгнаніе. И при этомъ какое услышали удивительное и человѣколюбивое изреченіе! „Что за важное дѣло“, сказалъ правосудный, не преслѣдующій христіанъ судія²⁾), „если одна рука языческая умертвила десять галилеянъ?“ Не явная ли это жестокость? Не указъ ли это о гоненіи, болѣе ясный и ужасный, чѣмъ тѣ, которые изданы все-народно? Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе въ томъ: объявить ли указомъ гоненіе христіанамъ, или изъяслять свое удовольствіе гонителямъ ихъ, и нѣкоторую справедливость относительно христіанъ вмѣнять въ тяжкое преступленіе. Воля царя есть неписанный законъ, огражденный силою власти и болѣе сильный, чѣмъ писанные указы, не подкрѣпляемые властію.

Нѣтъ, говорятъ почитатели дѣла его, вымышляющіе намъ новаго бога, кроткаго и человѣколюбиваго, онъ не предписывалъ всенародно указами гнать христіанъ, и заставлялъ ихъ терпѣть все, что гонителямъ будетъ угодно, — и тѣмъ думаютъ доказать, что онъ не былъ гонителемъ. Но никто еще не называлъ гидры кроткою за то, что она вмѣсто одной головы, если вѣрить баснѣ, имѣетъ девять, или Патарской химеры—за то, что у ней три головы, не похожія одна на другую, отъ чего она кажется еще страшнѣе; или адскаго цербера — кроткимъ за то, что у него три

¹⁾ Въ царствованіе Юліана кто-то изъ христіанъ, жившихъ въ Кесаріи, сжегъ храмъ, посвященный Фортунѣ: за что царь многихъ жителей Кесаріи послалъ въ заточеніе.

²⁾ Юліанъ.

же головы, похожія одна на другую; или морскаго чудовища Сциллы за то, что вокругъ нея шесть отвратительныхъ головъ, и хотя, какъ говорятъ, верхняя половина ея показывала нѣчто благообразное, кроткое, и не неприятное для глазъ (ибо Сцилла была дѣвица, имѣвшая нѣчто сродное съ нами); но ниже были головы собачьи, звѣриныя, не имѣвшія ничего благовиднаго, губившія множество кораблей, и столько же опасныя, какъ и головы противулежащей Харибды. И ужели ты будешь винить стрѣлы стрѣлка и камни пращника, а не самого стрѣлка и пращника; или—винить собакъ охотничьихъ, яды составителей ядовъ, рога бодающихся быковъ, когти хищныхъ звѣрей, а дѣйствующихъ ими будешь оставлять въ сторонѣ и считать невинными въ томъ, на что они отваживаются? Подлинно, это было бы крайнее безуміе, дѣло, достойное настоящаго софиста, защищающаго свои пороки, и силою слова закрывающаго истину. Впрочемъ ему не скрыть себя, хотя бы вертѣлся онъ на всѣ стороны, хотя бы по своей хитрости принималъ всѣ возможные виды, и падѣвъ, какъ говорятъ, шлемъ Аида¹⁾, или владѣя перстнемъ Гигеса и оборачивая къ себѣ печать его, могъ дѣлаться невидимымъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе покушается онъ убѣждать и скрыться, тѣмъ болѣе уловляется предъ судомъ истины и предъ свѣдущими судіями таковыхъ дѣлъ, какъ виновный въ такихъ поступкахъ и предпріятіяхъ, которыхъ и самъ не захочетъ защищать и называть справедливыми. Такъ легко уловляется лукавство! Такъ оно само себя поражаетъ со всѣхъ сторонъ.

Но не подумайте, чтобы только уже сдѣланное имъ было столько низко и несообразно съ благородствомъ и достоинствомъ царскимъ, а что замышлялъ сдѣлать, то было болѣе человѣколюбиво, болѣе достойно царя. Нѣтъ! Хорошо бы еще было, если бы преднамѣреваемая имъ дѣла не были гораздо безчеловѣчнѣе тѣхъ, о которыхъ сказано. Какъ при движеніи дракона, одни сгибы чешуи его уже поднялись, другіе поднимаются, иные готовы къ тому же, а нѣкоторые, хотя до времени еще покойны, но не могутъ не прійти въ движеніе; или, если угодно другое сравненіе, какъ при ударѣ молніи однѣ части уже горять, а другія напередъ чернѣютъ, пока огонь усилившись и ихъ не охватитъ: такъ и у него—однѣ злодѣйства уже совершались, а другія были

¹⁾ Покрытый шлемомъ Аида (или Плутона), какъ говоритъ Гомеръ (Иліад. V, 845), былъ невидимъ другимъ, находясь предъ глазами ихъ. Другіе (именно Платонъ во II-й книгѣ Республики) то же рассказываютъ о перстнѣ Гигеса, царя Лидійскаго.

предначертываемы въ его надеждахъ и въ угрозахъ противъ насъ, и сіи предначертанія были такъ нелѣпы и необыкновенны, что только ему могло прійдти на умъ—составить такія намѣренія и захотѣть привести ихъ въ дѣйствіе, хотя и прежде его много было гонителей и враговъ христіанъ. Ибо о чемъ не помышляли ни Діоклитіанъ, первый изъ лютейшихъ гонителей христіанства, ни преемникъ его Максиміанъ, превзошедшій его въ жестокости, ни послѣдовавшій за ними и злѣйшій ихъ гонитель Максиминъ, потерпѣвшій за сіе ужасную казнь, гнусную язву тѣлесную¹⁾ которой знаки изображены, какъ на позорныхъ столбахъ, на его статуяхъ, стоящихъ и доннынѣ въ публичныхъ мѣстахъ,—то замышлялъ онъ, какъ пересказываютъ сообщники и свидѣтели тайныхъ его дѣлъ; но удержанъ былъ Божиимъ челоуѣколюбіемъ и слезами христіанъ, которыя обильно были проливаемы многими какъ единственное врачевство противъ гонителя. Замыслы же его состояли въ томъ, чтобы лишить христіанъ всѣхъ правъ, и запереть для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ общественныя празднества и даже самыя судилища: ибо, по мнѣнію, не должно пользоваться всѣмъ симъ тому, кто не захочетъ возжигать оимиама на стоящихъ тамъ жертвенникахъ, и не заплатитъ такъ дорого за права столь общія. О законы, законодатели и цари! Какъ Творецъ, съ одинаковымъ челоуѣколюбіемъ, для всѣхъ общимъ и нескуднымъ, даетъ всѣмъ наслаждаться и красотою неба, и свѣтомъ солнечнымъ, и разліяніемъ воздуха: такъ и вы всѣмъ свободнымъ людямъ одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительствомъ законовъ. А онъ замышлялъ отнять у христіанъ сіе право, такъ чтобы они, претерпѣвая и насильственныя притѣсненія и отнятіе имуществъ, и всякую другую, важную или неважную, обиду, возбраненную законами, не могли получать законнаго удовлетворенія въ судѣ. Пусть гонятъ ихъ съ отечественной земли, пусть умерщвляютъ, пусть, если возможно, не даютъ имъ и свободнодохнуть! Страдавшихъ—все сіе, конечно, утверждало болѣе въ ревности и дерзновеніи предъ Богомъ, а дѣйствовавшихъ—еще болѣе приводило къ беззаконіямъ и безчестію. И какое же, повидимому, премудрое основаніе для сего приводилъ этотъ убійца и отступникъ, нарушитель законовъ и законодатель, или, скажу точнѣе—словами нашихъ книгъ Священныхъ, сей врагъ и местникъ (Псал. 8, 3)?—То, что въ на-

¹⁾ Максиминъ умеръ отъ зловонныхъ ранъ, коими поражена была нижняя часть чрева его.

шемъ законѣ предписано: не мстить, не судиться (Римл. 12, 19. 1 Кор. 6, 1), не имѣть вовсе стяжаній, не считать ничего собственностію (Матѣ. 10, 9. Дѣян. 4, 32), но жить въ другомъ мірѣ, и настоящее презирать, какъ ничтожное (Филип. 3, 20. 2 Кор. 4, 18), не воздавать зломъ за зло (Римл. 12, 17), когда кто ударить насъ въ ланиту, не жалѣть ея, а подставить ударившему и другую, отдавать съ себя не только верхнюю одежду, но и рубашку. Можетъ быть, къ сему присоединить онъ и то, что намъ предписано молиться за обижающихъ, и желать всякаго блага гонящимъ насъ (Матѣ. 5, 39. 40. 44). Какъ не знать въ точности тому, кто нѣкогда былъ чтецомъ слова Божія, удостоенъ былъ чести служенія великому алтарю, и начиналъ строить храмы въ честь Мучениковъ?

Но вотъ чему, во-первыхъ, я удивляюсь въ немъ: какъ онъ столь тщательно занимался Св. Писаніемъ, а не прочелъ, или намѣренно не замѣтилъ, того изреченія, что злый злѣ погибнетъ (Матѣ. 21, 41), злый, то есть всякій, кто отвергся Бога, и, что еще хуже, кто гонитъ твердо хранящихъ исповѣданіе вѣры и отягчаетъ ихъ такими бѣдствіями, какихъ самъ достоинъ. Если онъ можетъ доказать, что какъ намъ должно быть совершенными (что онъ предписываетъ закономъ) и неуклонно держаться данныхъ намъ правилъ, такъ ему назначено, или по волѣ боговъ его, за лучшее признано—быть самымъ злымъ человѣкомъ, и что изъ двухъ противоположныхъ навыковъ, кои суть добродѣтель и порокъ, намъ присуждена лучшая часть, а ему и подобнымъ ему брошенъ худшій жребій; то пусть онъ сознается въ этомъ, и тогда за нами останется побѣда, что засвидѣтельствуютъ и сами враги и гонители наши. Если же и они присвоятъ себѣ нѣсколько честности и кротости, по крайней мѣрѣ на словахъ, хотя не на дѣлѣ; если и они, при всемъ томъ, что слишкомъ худы и довольны злыми богами своими, не дошли еще до того безстыдства, чтобы признавать порокъ за жребій, имъ собственно принадлежащій: то пусть скажутъ, какъ это можетъ быть справедливо и гдѣ это предписано, чтобы намъ среди всѣхъ страданій только терпѣть, а имъ не падать насъ, хотя мы и падали ихъ? Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на прошедшее. Были времена и нашего могущества и вашего, и оно переходило попеременно то въ тѣ, то въ другія руки: какія же напасти терпѣли вы отъ христіанъ, подобныя тѣмъ, кои такъ часто терпятъ отъ васъ христіане? Лишали ли мы васъ какихъ-либо правъ? Возбуждали ли противъ кого неистовую чернь? Вооружали ли противъ кого начальни-

ковъ, которые бы поступали строже, нежели какъ имъ предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежація мужамъ отличнымъ? Словомъ—нанесли ли кому такія обиды, на которыя вы такъ часто отваживались, или которыми угрожали намъ? Безъ сомнѣнія, сами вы того не скажете, вы, которые ставите намъ въ вину нашу кротость и человѣколюбіе.

Сверхъ сего, ты, мудрѣйшій и разумнѣйшій изъ всѣхъ, ты, который принуждаешь христіанъ держаться на самой высотѣ добродѣтели,—какъ не разсудишь того, что въ нашемъ законѣ иное предписывается, какъ необходимое, такъ что не соблюдающіе того подвергаются опасности,—другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному произволенію, такъ что соблюдающіе оное получаютъ честь и награду, а не соблюдающіе не навлекаютъ на себя никакой опасности? Конечно, если бы всѣ могли быть наилучшими людьми, и достигнуть высочайшей степени добродѣтели,—это было бы всего превосходнѣе и совершеннѣе. Но поелику Божественное должно отличать отъ человѣческаго, и для одного—нѣтъ добра, котораго бы оно не было причастно, а для другаго—велико и то, если оно достигаетъ среднихъ степеней: то почему же ты хочешь предписывать закономъ то, что не всѣмъ свойственно, и считаешь достойными осужденія не соблюдающихъ сего? Какъ не всякій, не заслуживающій наказанія, достоинъ уже и похвалы; такъ не всякій, не достойный похвалы, посему уже заслуживаетъ и наказаніе. Надобно требовать должнаго совершенства, но не выступая изъ предѣловъ свойственнаго намъ любомудрія и силъ человѣческихъ.

Но я долженъ опять обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ; я не могу не возвращаться часто къ нимъ; надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ и услаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою,—искусство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ могли владѣть силою

слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я, и люблю послѣ первѣйшаго, то-есть, Божественнаго, и тѣхъ надеждъ, которыя выше всего видимаго. Если же всякаго гнететь своя ноша, какъ сказала Пиндаръ, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ. Итакъ скажи намъ, легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ: откуда пришло тебѣ на мысль запретить христіанамъ учиться словесности? Это была не простая угроза, но уже законъ. Откуда же вышло сіе и по какой причинѣ? Какой краснорѣчивый Гермесъ (какъ ты могъ бы выразиться) вложилъ тебѣ сіе въ мысли? Какіе злохитрые Телхины¹⁾ и завистливые демоны? Если угодно, скажемъ и этого причину; именно: послѣ столь многихъ противузаконныхъ и злыхъ дѣлъ, надлежало тебѣ, наконецъ, дойти и до сего, и тѣмъ явно напасть на самого себя, такъ что, гдѣ ты особенно думалъ дѣйствовать умно, тамъ то наипаче, самъ того не замѣчая, опозорилъ себя и доказалъ свое безуміе. Если же не такъ, то объясни, что значить это твое опредѣленіе, и какая причина побудила тебя ввести сіе новое постановленіе касательно словесныхъ наукъ? И ежели ты скажешь что-нибудь справедливое,—мы не будемъ обвинять тебя, а будемъ только жалѣть о себѣ. Ибо мы научились какъ побѣждать убѣжденіями разума, такъ и уступать надъ собою законную побѣду.

Словесныя науки и греческая образованность (τὸ ἐλληνικεῖν), говорить онъ,—наши; такъ какъ намъ же принадлежитъ и чествованіе боговъ; а вашъ удѣлъ—необразованность и грубость; такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: *εὐρυίη*. Но и у васъ, я думаю, не посмѣются надъ этимъ пифагорейскіе философы, для которыхъ: *самъ сказала*, есть первый и высшій догматъ, болѣе уважаемый, чѣмъ самыя золотыя, или вѣрнѣе, свинцовыя стихи²⁾. Ибо у послѣдователей Пифагора, послѣ первой, такъ много прославляемой посвященными въ таинства ученія его, философіи молчанія, направленной къ тому, чтобы ученики посредствомъ молчанія приучились размѣрять всѣ слова свои, принято была за правило, о какихъ бы предметахъ ученія ни спрашивали, дать отвѣтъ, и потомъ, когда будутъ требовать доказатель-

¹⁾ Телхины—древніе жрецы, чародѣи и ваятели кумировъ на островѣ Родосѣ.

²⁾ Золотыми стихами называются правила жизни, приписываемыя Пифагору.

ства, не отвѣчать ничего, кромѣ слѣдующаго: такъ думалъ Пиеагоръ; и это слово, такъ полагалъ онъ, служило доказательствомъ, не подлежащимъ никакой повѣркѣ и изслѣдованію. Но это реченіе: *самъ сказалъ*, не то же ли выражаетъ, хотя и въ другихъ буквахъ и словахъ, что и наше *вѣруй*, надъ которымъ вы не перестаете издѣваться и ругаться? Ибо наше изреченіе означаетъ, что не позволительно не вѣрить словамъ мужей богоносныхъ, и то же самое, что они достойны вѣроятія, служить такимъ доказательствомъ сказаннаго ими, которое крѣпче всякаго логическаго довода и опроверженія. Но допустимъ на время, что сей отвѣтъ неопровержимъ. Какъ же ты докажешь, что словесныя науки тебѣ принадлежать? А если онѣ и твои, то почему же мы не можемъ въ нихъ участвовать, какъ того требуютъ твои законы и твое безсмысліе? Какая это греческая образованность, къ которой относятся словесныя науки, и какъ можно употреблять и разумѣть сіе слово? Я готовъ вмѣстѣ съ тобою, любитель выражений обоюдныхъ, разобрать его силу и значеніе, зная, что нерѣдко однимъ и тѣмъ же словомъ означаются разныя понятія, а иногда разными словами—одно и то же, и наконецъ, различными наименованіями—различныя и предметы. Ты можешь сказать, что греческая образованность относится или къ языческому вѣрованію, или къ народу и къ первымъ изобрѣтателямъ силы языка греческаго. Если это относится къ языческому вѣрованію, то укажи, гдѣ и у какихъ жрецовъ предписана греческая образованность, подобно, какъ предписано, что и какимъ демонамъ приносить въ жертву? Ибо не всѣмъ велѣно приносить одно и то же, и не все,—одному, равно—и не одинакимъ образомъ: какъ это угодно было опредѣлить вашимъ гіерофантамъ и учредителямъ жертвоприношеній. Вотъ, напримеръ, у Лидіанъ благочестивымъ дѣломъ почитается проклинать Вуэина¹⁾, и злословя его, тѣмъ воздавать честь божеству; у жителей Тавриды—убивать чужестранцевъ, у Лакедемонянъ—бичеваться предъ жертвенникомъ; у Фригіянъ—оскоплять себя гри усладительныхъ звукахъ свирѣлей и послѣ утомительной пляски; у иныхъ—мужеложествовать; у другихъ—блудодѣйствовать; и мало ли еще есть другихъ непотребствъ, совершаемыхъ при вашихъ таинствахъ, о чемъ я не считаю нужнымъ говорить порознь! Но кому же изъ боговъ или демоновъ посвящена обра-

¹⁾ Жреца, который собравшимся на праздникъ Цереры предлагаетъ въ пищу воловье мясо. Другіе подъ именемъ Вуэина разумѣютъ Геркулеса.

зованность греческая? Да если бъ это было и такъ: все, однако, не видно изъ сего, что она должна принадлежать только язычникамъ, или, что общее достояніе есть исключительная собственность какого-нибудь изъ вашихъ боговъ или демоновъ; подобно, какъ и другія многія вещи не перестаютъ быть общими оттого, что у васъ установлено приносить ихъ въ жертву богамъ. Если же ты сего не скажешь, а назовешь вашею собственностію греческій языкъ, и потому будешь насъ устранять отъ него, какъ отъ отеческаго наслѣдства, нимало намъ не принадлежащаго; то, во-первыхъ, не вижу, какое можетъ быть тому основаніе, или какъ можешь ты связывать это съ почитаніемъ демоновъ. Ибо изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей и языкъ и вѣрованіе—греческіе, еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ принадлежалъ къ вѣрованію, и чтобы по сему справедливо было лишать насъ употребленія сего языка. Такое умозаключеніе найдутъ неправильнымъ и ваши учителя Логики. Ибо, если два сказуемые приличествуютъ одному и тому же подлежащему: то изъ сего еще не слѣдуетъ, что они и сами—одно и то же. Иначе, если предположимъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ—и золотыхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ, то надобно будетъ искусство живописи почесть за одно съ искусствомъ золотаря, и наоборотъ искусство золотаря признать за одно съ искусствомъ живописца, что совершенно нелѣпо. Потомъ я спрошу тебя, любитель греческой образованности и словесности: вовсе ли ты запретишь намъ говорить по-гречески, даже обыкновенными, простонародными, общеупотребительными словами, или не дозволишь только употреблять слова отборныя и высокопарныя, которыя доступны для однихъ отлично образованныхъ? Если сіи послѣднія: то какой это странный раздѣлъ! Будто слова: *σμερδάλαον, κοβί(ζ)ειν, μῶν, δῆπνδεν, ἄττα, ἀμωστέλω;* ¹⁾ принадлежать къ одному нарѣчію, а прочія надобно бросить въ киносаргъ, какъ прежде бросали туда незаконнорожденныхъ ²⁾? Если же и простыя, неизящныя выраженія равно принадлежать къ греческому языку: почему не лишаете насъ и ихъ, и вообще всякаго греческаго слова, каково бы оно ни было? это было бы, какъ нельзя болѣе, человѣколюбно и вполне достойно вашего невѣжества.

¹⁾ Слова сіи взяты изъ Гомера, и первое изъ нихъ значитъ: ужасно; второе—звенѣть, звучать; *μῶν*—ли, или; *δῆπνδεν*—штакъ, *ἄττα*—нѣкоторая, *ἀμωστέλω*—отчасти, нѣсколько.

²⁾ Киносаргъ—капище въ Афинахъ, построенное на томъ мѣстѣ, куда прежде подкидывали незаконнорожденныхъ младенцевъ.

Но я хочу открыть тебѣ касательно сего предмета высшее и болѣе совершенное умозрѣніе. Не мое дѣло разсуждать, есть ли особенныя какія-то слова боговъ (не говорю о словахъ $\rho\acute{\omega}\lambda\omicron$, $\xi\acute{\alpha}\nu\theta\omicron\nu$, $\chi\alpha\lambda\kappa\iota\varsigma$ ¹⁾); надъ ними я смѣюсь), слова, которыя превосходнѣе и знаменательнѣе нашихъ, и однакожъ, образуются посредствомъ органовъ голоса, и черезъ воздухъ доходятъ до слуха,—между тѣмъ, какъ богамъ сроднѣе было бы бесѣдовать между собою только посредствомъ мыслей и образовъ. А наше разсужденіе таково: и языкъ и всякое искусство, или полезное учрежденіе, какое бы ты себѣ ни представилъ, принадлежатъ не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, ими пользующимся; и какъ въ искусной музыкальной гармоніи одна струна издаетъ тотъ звукъ, другая — другой, высокій или низкій, но все устроится однимъ искуснымъ начальникомъ хора, и составляетъ одну прекрасную гармонію: такъ и здѣсь—высочайшій Художникъ и Зиждатель—Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учрежденій и искусствъ, но все предложилъ всѣмъ, кто захочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и человѣколюбія и украсить жизнь нашу кротостію.

Какъ же ты говоришь, что греческая образованность—твоя? Не Финикіянамъ ли принадлежать письмена, или, какъ думаютъ другіе, не Египтянамъ ли, или еще не Евреямъ ли, которые и ихъ превосходятъ мудростію, и которые вѣрують, что самимъ Богомъ начертанъ законъ на богописанныхъ скрижаляхъ? Тебѣ ли принадлежитъ аттическое краснорѣчіе? А игра въ шашки, наука числъ, искусство считать по пальцамъ, мѣры, вѣсы, искусство устроить полки и воевать—чье это? Не Евбеянъ ли? Потому что въ Евбеѣ родился Паламидъ, который изобрѣлъ многое, и, тѣмъ возбудивъ зависть, потерпѣлъ наказаніе за свою мудрость, то есть, приговоренъ былъ къ смерти воевавшими противъ Илиона. Итакъ, что же? Если Египтяне и Финикіяне, если Евреи, у которыхъ и мы заимствуемъ многое для своего наученія, если, наконецъ, жители острова Евбеи будутъ по твоему присвоивать себѣ все это, какъ собственность: что намъ тогда дѣлать? Чѣмъ будемъ защищаться противъ нихъ, бывъ уловлены собственными

¹⁾ Гомеръ говорилъ, что у боговъ есть свой языкъ, и что рѣка, извѣстная у людей подъ именемъ Скамандра, на языкѣ боговъ называется *Ксанноомъ*, птица Кямивда—*Халкидою*, цѣлебное растеніе съ чернымъ корнемъ и бѣлыми цвѣтами—*моли*. Иліад. п. XX, 74. п. XIV, 291. Одисс. XIV, 305.

законами¹⁾? Не приведется ли намъ лишиться всего того, и подобно галкѣ въ чужихъ перьяхъ, что у насъ оборвутъ ихъ, и мы останемся голыми и безобразными? Или твоя собственность—стихи? Но что, если право на нихъ оспорить та старуха, которая, когда толкнулъ ее въ плечо скоро бѣжавшій навстрѣчу ей юноша, стала бранить его, и въ жару гнѣва, какъ рассказываютъ, выразила брань свою стихомъ, который очень понравился тому юношѣ и, бывъ приведенъ имъ въ правильную мѣру, послужилъ началомъ стихотворства, столько тобою уважаемаго? Что сказать о прочемъ? Если ты гордишься оружіемъ: то отъ кого, храбрѣйшій воинъ, у тебя оружіе? Не отъ циклоповъ ли, отъ коихъ ведетъ свое начало искусство ковать? Если представляется тебѣ важною, и даже важнѣе всего, багряница, которая сдѣлала тебя и мудрецомъ и установителемъ такихъ законовъ: то не долженъ ли ты отдать ее Тириямъ, у которыхъ, пастушья собака, съѣвши улитку и вымаравши свои губы багрянымъ ея сокомъ, показала пастуху пурпуровую краску, и передала вамъ, царямъ, черезъ Тирианъ это пышное рубище, плачевное для злыхъ? Что еще сказать о земледѣліи и кораблестроеніи, которыхъ могутъ лишить насъ Аѳиняне, рассказывающіе о Димитрахъ²⁾, Триптолемахъ, драконахъ, Келеяхъ и Икаріяхъ, и передающіе вамъ объ этомъ множество басенъ, на которыхъ основываются ваши срамныя тайнства, поистинѣ достойныя ночной тмы? Угодно ли тебѣ, чтобъ я, оставивъ прочее, обратился къ главному предмету твоего безумія, или лучше, злочестія? То самое, чтобъ посвящаться и посвящать въ тайнства и служить богамъ, откуда перешло къ тебѣ? Не отъ Фракіянъ ли? Въ этомъ самое слово *ἰρησεύειν* (служить богамъ) можетъ тебя удостовѣрить. А жертвоприношенія—не отъ Халдеевъ ли, или отъ Кипрянъ? Астрономія не Вавилонянамъ ли принадлежитъ? Геометрія не Египтянамъ ли? Магія не Персамъ ли? Гаданіе по снамъ—отъ кого, какъ не отъ Телмисянъ³⁾? Птицегаданіе,—отъ кого, какъ не отъ Фригіянъ, которые прежде другихъ стали замѣчать полеть и движенія птицъ? Но чтобы не многословить,—откуда у тебя всѣ частныя принадлежности богопочтенія? Не каждая ли отъ одного какого-либо

¹⁾ Здѣсь разумѣется законъ Юліана, которымъ воспрещалось христіанамъ учиться словеснымъ наукамъ.

²⁾ По рассказамъ мифологіи, Димитра (Церера) научила земледѣлію Триптолема и Келея и подарила имъ колесницу, которую возили по полямъ крылатые драконы.

³⁾ Телмисъ—древній городъ въ Ликии.

частнаго народа? А изъ соединенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ составилось одно таинство суевѣрія! Итакъ, что же? Послѣ того, какъ все отойдетъ къ первымъ изобрѣтателямъ, не должно ли будетъ допустить, что у тебя не останется ничего своего, кромѣ злобы и твоего богоотступничества, по истинѣ новаго? Въ самомъ дѣлѣ, ты первый изъ христіанъ вздумалъ возстать противъ Господа, какъ нѣкогда у Скиеовъ рабы противъ господъ. Правда, что для тебя было бы весьма важно, если бы, по твоимъ опредѣленіямъ и законамъ, разрушилось это злое скопище¹⁾, чтобы можно было освободиться отъ безпокойствъ, и опять увидѣть Римскую державу въ древнемъ благосостояніи, свободною отъ всякаго внутренняго междоусобія, которое гораздо нестерпимѣе и страшнѣе войны со внѣшними врагами, подобно какъ—ужаснѣе терзать свою собственную плоть, нежели чужую.

Но ежели въ сихъ его дѣйствіяхъ вы видите хитрое злодѣйство, прикрытое личиною кротости, и нимало не сообразное съ величіемъ царскимъ: то вотъ я представлю вамъ опыты еще большаго коварства. Онъ видѣлъ, что наше ученіе величественно и по своимъ догматамъ, и по свидѣтельствамъ даннымъ свыше; что оно есть и древнее и новое,—древнее по прореченіямъ и по просвѣчивающимся въ немъ мыслямъ Божества, новое—по послѣднему Богоявленію и по чудесамъ, какія вслѣдствіе его и при немъ были; видѣлъ, что сіе ученіе еще болѣе величественно и славно по преданнымъ и доселѣ сохраняемымъ правиламъ церковнаго благоустройства. Итакъ, чтобы и сіе не избѣгло его злоухищреній,—что замышляетъ онъ, что дѣлаетъ? Подражаетъ Рапсаку ассиріянину, военачальнику ассирійскаго царя Сеннахирима. Рапсакъ, внесши войну въ предѣлы Іудеи, съ великою силой и многочисленнымъ войскомъ осадилъ Іерусалимъ, и близъ самаго города расположилъ свой станъ: но когда не могъ ни силою взять города, не дожидаясь переметчиковъ, которые бы сообщили ему что-нибудь о происходившемъ въ городѣ, то вздумалъ преклонить жителей къ покорности кроткими убѣжденіями, предлагая оныя на ихъ языкѣ. Однако же, осажденные, какъ это извѣстно изъ исторіи, замѣтивъ его умысль, и опасаясь, чтобы грѣятностію рѣчей его не быть уловленными въ сѣти рабства, прежде всего потребовали, чтобы онъ говорилъ съ ними не по-еврейски, а по-сирски. Подобное замыслилъ и онъ. Ибо приготовлялся во всѣхъ городахъ завести училища, каеэдры, высшія

¹⁾ Такъ Юліанъ выражался о христіанахъ.

и низшія мѣста для сидящихъ, чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся къ образованію нравовъ и къ таинствамъ, также—образцы молитвъ, попеременно произносимыхъ то тѣми, то другими, епитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, чинъ приготовленій къ посвященію, и самаго посвященія, и словомъ—все, что очевидно принадлежитъ къ нашему благочинію; сверхъ сего думалъ устроить гостинницы и страннопріимные дома, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, и обители для посвятившихъ себя размышленію; хотѣлъ подражать и нашему человѣколюбію къ нуждающимся, чтобы оказывать имъ всякое пособіе и напутствовать ихъ одобрительными письмами, съ коими мы препровождаемъ бѣдныхъ отъ одного народа къ другому, чему онъ особенно удивлялся въ нашихъ установленіяхъ. Вотъ что замышлялъ сей новый догматоводитель и софистъ. А что предпріятіе его не совершилось и не введено въ дѣйствіе, — не знаю, считать ли это выгодною для насъ, которые скоро освободились отъ него и отъ его замысловъ, или — болѣе выгодною для него самого, потому что онъ долженъ былъ остановиться на однихъ сонныхъ мечтаніяхъ. Въ противномъ случаѣ, открылось бы, какъ далеки отъ движеній человѣческихъ подражанія обезьянъ. Рассказываютъ, что и обезьяны подражаютъ такимъ движеніямъ, которыя передъ глазами ихъ дѣлаетъ человѣкъ, чтобы обмануть ихъ; но этимъ самымъ ихъ и ловятъ, такъ какъ подражаніе ихъ не можетъ дойти до нашей смысленности. По свидѣтельству оракула, конь ессалійскій, жена лакедемонская, и мужи, пьющіе воду Ареузы, то есть, сициліане, превосходнѣе всѣхъ однородныхъ съ ними: но гораздо справедливѣе сего то, что христіанскіе обычаи и законы однимъ только христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать намъ, невозможно перенять ихъ, и это оттого, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ.

Теперь всего приличнѣе разсмотрѣть, какъ бы на позорищѣ, это дивное, или лучше, нелѣпое построеніе, и узнать, какой бы могъ быть у нихъ образъ ученія, и какая цѣль собраній, дабы, какъ говсрить Платонъ о своемъ городѣ, строемомъ на словахъ, увидѣть мысль ихъ въ движеніи. Все любомудріе раздѣляется на двѣ части, на умозрительную и дѣятельную, изъ коихъ первая выше, но труднѣе къ уразумѣнію, а другая ниже, но полезнѣе. У насъ обѣ онѣ одна другой способствуютъ. Умозрѣ-

не служить намъ сопутникомъ къ горнему, а дѣятельность — восхожденіемъ къ умозрѣнію: ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро. А у нихъ, которые не почерпаютъ въ Божественномъ вдохновеніи силы связующей, обѣ сии части подобны корнямъ, не утвержденнымъ въ почвѣ и носящимся по водѣ; и я не знаю, которая изъ нихъ смѣшнѣе и слабѣе. Посмотримъ же на ихъ блаженство и позволимъ себѣ, какъ это бываетъ во многихъ зрѣлищныхъ представленіяхъ, немного позабавиться съ забавляющимися рассказчиками басней и къ сказанному: „радоваться съ радующимися, и плакати съ плачущими“ (Римл. 12, 15) присовокупить и сіе: „поговорить о пустомъ съ пустословами“. При слезахъ бываетъ и смѣхъ, какъ это замѣтили стихотворцы¹⁾. Итакъ, представимъ себѣ великолѣпное позорище, или—не знаю, какъ иначе велятъ они назвать домъ свой. Пусть глашатаи сзываютъ слушателей, пусть сходится народъ, пусть первыя мѣста займутъ или тѣ, которыя отличаются сѣдиною старости и отмѣннымъ образомъ жизни, или люди знаменитые по роду, по славѣ и по хитросплетенной мудрости земной, въ которой болѣе прелести, чѣмъ истиннаго благочестія. Мы отдадимъ имъ это преимущество; что же будутъ они дѣлать послѣ сего? Пусть сами запишутъ своихъ предсѣдателей. Пусть украшаютъ ихъ пурпуровая одежда, ленты и разноцвѣтные, прекрасные вѣнки. Такъ какъ я часто замѣчалъ, что они заботливо пекутся о величавой наружности, о томъ, какъ бы стать выше простолюдиновъ; какъ будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія, а что показываетъ надменность и не можетъ принадлежать многимъ, то и должно внушать довѣріе. Или и въ этомъ низойдутъ они до насъ, и будутъ, подобно намъ, думать, что приличнѣе имъ быть выше другихъ нравами, а не наружнымъ видомъ? Такъ какъ мы мало заботимся о видимости и о живописной наружности, а болѣе печемся о внутреннемъ чловѣкѣ и о томъ, чтобы обращать вниманіе зрителя на созерцаемое умомъ, чѣмъ и научаемъ больше народъ. Итакъ, пусть это будетъ, какъ сказано.

Что жъ далѣе? Конечно, ты представишь имъ толковниковъ провѣщаній, кои вы называете божественными, разгнешь книги богословскія и нравственныя. Какія же и чьи, скажи, пожалуй! Хорошо имъ прошѣть Гезіодову ееогонію и разглагольствовать

¹⁾ Намекъ на Гомерово выраженіе объ Андромахѣ: *δαχροσεν γελάσασα* (Илиад. VI. 484).

объ описанных тамъ браняхъ, и крамолахъ, о титанахъ и гигантахъ, столько страшныхъ по имени и по дѣламъ. Котъ, Вріарей, Гигъ, Энкеладъ, представляемые у васъ съ драконовыми ногами; молніеносные боги, и наброшенные на гигантовъ острова, стрѣлы и вмѣстѣ гробы мятежникамъ; отвратительныя исчадія и преждевременныя порожденія гигантовъ, гидры, химеры, Церберы, Горгоны, словомъ—множество всякаго зла,—вотъ красоты, которыя можно предложить слушателямъ изъ Гезіода! Теперь пусть предстанетъ съ своей цитрою и все увлекающей пѣсню Орфей; пусть прозвучать въ честь Зевеса тѣ великія и чудныя слова и мысли, въ коихъ выражается его богословіе.

„О Зевесъ, славнѣйшій, величайшій изъ боговъ, скрывающійся подъ пометомъ овецъ, коней и лошаковъ!“ Вѣрно, хотѣлъ онъ симъ изобразить животворную и живоносную силу сего бога; и можно ли было иначе это выразить? Но онъ не скупъ и на другія столь же высокія рѣчи. Напримѣръ: „сказавши сіе, богиня *Διὸς ἀνεσώρατο μῦθος*“, дабы ввести своихъ любимцевъ въ непотребныя свои тайны: что еще и нынѣ изображается наружными тѣлодвиженіями. Пусть присоединятся ко всему этому еще Фанесъ, Ерикапей, и тотъ, который пожралъ всѣхъ прочихъ Боговъ, а потомъ ихъ извергнулъ изъ себя, и такимъ образомъ сталъ отцемъ людей и боговъ. Пусть все это предложить чуднымъ слушателямъ богословія; потомъ пусть придумаютъ на это аллегоріи и чудовищныя толкованія,—и поученіе, удаляясь отъ своего предмета, понесется въ пучины или на стремнины умозрѣнія, не имѣющаго никакой опоры. Но гдѣ помѣстишь ты Гомера, этого великаго комико-трагическаго пѣвца боговъ? Въ удивительныхъ его поэмахъ найдешь и то и другое, то есть, и горе и смѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли безъ большой заботы смотрѣть и ожидать, помириться ли, при посредствѣ Геры, нарядившейся, подобно блудницѣ, Океанъ съ Тевѣисою? Иначе, бѣда всей вселенной, если они еще нѣсколько времени проведутъ цѣломудренно! Не знаю, будешь ли ты объяснять сіе такъ, что сухость и влажность должны быть примирены, дабы избыткомъ которой-нибудь изъ нихъ не приведено было все въ безпорядокъ; или придумаешь что-нибудь еще болѣе нелѣпое. Потомъ, какое чудное совокупленіе тучесобирателя и почтешной Геры, когда сія убѣждаетъ его безстыдствомъ среди дня! А стихотворцы въ своихъ мѣрныхъ рѣчахъ льстятъ ему, подстилая лотосъ росистый, и возвращая изъ земли шафранъ и гіацинтъ

Это на чемъ основано, и какъ можетъ быть объяснено? Какъ сообразить и то, что одна и та же ваша Гера, сестра и супруга великаго Зевеса, бѣлораменная и розоперстная, то представляется повѣшенною въ эфирѣ и въ облакахъ, съ желѣзными наковальнями, влекущими ее внизъ, и съ золотыми (конечно, изъ уваженія къ ней) оковами на рукахъ, такъ что и для боговъ, хотѣвшихъ заступиться за нее, не безбѣдно было ихъ состраданіе; то надѣваетъ на себя поясъ любви, и, пышно нарядившись, такъ плѣняетъ Зевеса, что всѣ прежнія вожделѣнія его, какъ онъ самъ признается, были гораздо слабѣе любви, тогда въ немъ возбужденнейшей?—Или, какъ страшно, что за лакедемонскую любовницу приходятъ въ движеніе боги, гремитъ небо, и оттого расторгнутся основанія земли, сдвинется съ мѣста своего море, откроется царство ада, и явится то, что такъ долго оставалось закрытымъ? Или, какъ грозно это мановеніе черныхъ бровей и колебаніе безсмертныхъ власовъ, отъ котораго весь Олимпъ потрясся? Потомъ, не чудно ли видѣть, какъ раненъ Арей, или какъ этотъ уродливый любовникъ золотой Афродиты, несмотрительный прелюбодѣй, заключенъ въ мѣдную тюрьму, и связанный хромымъ на обѣ ноги Гефестомъ, собираетъ вокругъ себя на зрѣлище боговъ, смотрящихъ на его непотребство, а потомъ отпускается за небольшія деньги?

Всѣ сіи и многія другія басни, такъ умно и такъ разнообразно сложенныя и выходящія изъ всякаго порядка, можетъ ли кто-нибудь, сколько бы онъ ни былъ у васъ возвышенъ и великъ, и даже равенъ самому Зевесу по мудрости,—вести въ предѣлы благоприличія, какія бы ни придумывалъ онъ умозрѣнія, самыя заоблачныя и превышающія мѣру нашего разумѣнія? И если все сіе истинно, то пусть же не краснѣя смотрятъ на то, пусть величаются тѣмъ; или пусть докажутъ, что все это не постыдно. Для чего имъ прибѣгать къ баснямъ, къ этому прикровенію стыда? Басня—защита отступающихъ, а не тѣхъ, которые смѣло наступаютъ. Если же это—ложь; то, во-первыхъ, пусть укажутъ не прикрывающихся богослововъ, и мы поговоримъ съ ними; потомъ пусть скажутъ, не глупо ли, какъ тѣмъ-то твердымъ, величаться тѣмъ, чего сами стыдятся, какъ баснословнаго? Не странно ли выставять на показъ всѣмъ въ изображеніяхъ и разныхъ видахъ то, что могло бы оставаться неизвѣстнымъ для народа (потому что не всѣ учатся); а что того хуже, выставять съ такою тратою денегъ, иждиваемыхъ на храмы, жертвенники, кумиры, приношенія, дорогія жертвы, и вмѣсто того,

чтобы безъ всякой траты творить дѣла благочестія, съ такими убытками служить нечестію? А если скажутъ, что это пустыне вымыслы поэтовъ, которые двумя этими способами, мѣрною рѣчью и баснями, хотѣли сдѣлать свои творенія пріятными, и усладить тѣмъ слухъ, и что впрочемъ здѣсь есть сокровенный, глубокий смыслъ, постижимый только для немногихъ изъ мудрыхъ; то смотрите, какъ просто и вмѣстѣ, какъ справедливо я разсужу о семъ. Во-первыхъ, за что они хвалятъ сихъ оскорбителей ими чтимыхъ боговъ, и едва не удостоиваютъ божескихъ почестей? Для такихъ людей великимъ приобрѣтеніемъ было бы—не потерпѣть наказанія за свое нечестіе. Ибо, если законами опредѣлена смертная казнь и тѣмъ людямъ, которые даже не всенародно, даже не много похулили бы одного изъ ихъ боговъ: то какую казнь надлежало бы потерпѣть тѣмъ, которые опозорили въ своихъ стихотвореніяхъ всѣхъ боговъ, всенародно приписавъ имъ дѣла самыя срамныя, и на долгое время предали ихъ осмѣянію? Потомъ достойно разсмотрѣнія и слѣдующее: Есть и у насъ нѣкоторыя слова прикровенныя; отъ этого не откажусь я; но какова ихъ двузnamenательность, и какая сила? Въ нихъ и видимое не оскорбляетъ приличія, и сокровенное достойно удивленія и весьма ясно для вводимыхъ въ глубину, и, подобно прекрасному и неприкосновенному тѣлу, не худою облакается и одеждою. И подлинно надобно, какъ мнѣ кажется, чтобы и внѣшніе знаки Божественнаго, и выраженія объ ономъ не были неприличны и недостойны означаемаго, не были таковы, что и люди огорчились бы, слыша о себѣ что-нибудь подобное; напротивъ, они должны быть или въ высочайшей степени прекрасны, или по крайней мѣрѣ не гнусны, дабы могли и доставлять удовольствіе мудрымъ, и не причинить вреда народу. А у васъ и то, что нужно доразумѣвать умомъ, не вѣроятно, и то, что предлагается взорамъ, пагубно. Что это за благоразуміе—вести по грязи въ городъ, или по скаламъ и подводнымъ камнямъ — въ пристань? Что изъ того выйдетъ? Какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и иносказаніями прикрывать свои бѣдствія, или другіе вымыслы: но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ. Итакъ ты слушателю не принесешь пользы, а зрителя, останавливающагося на видимомъ, введешь въ погибель. Такова умозрительная часть ихъ любомудрія! Такъ далека она отъ предполагаемыхъ ими цѣлей, что скорѣе все прочее можно связать между собою, скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ

сочетать и привести въ согласіе ихъ вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того же учителя.

Что же сказать о нравственнѣйшей части ихъ любомудрія? Откуда и съ чего начать имъ, и какія употребить побужденія, чтобы научить слушателей добродѣтели, и посредствомъ своихъ увѣщаній сдѣлать ихъ, лучшими?—Прекрасное дѣло—единомысліе, чтобы и города, и народы, и семейства, и всѣ частные люди жили во взаимномъ согласіи, слѣдуя закону и порядку природы, которая все раздѣлила и совокупила, и сію совокупность разнообразныхъ вещей содѣлала единымъ міромъ. Но какими примѣрами научать они единомыслію? Ужели тѣмъ, что стануть повѣствовать о браняхъ боговъ, объ ихъ междоусобіяхъ, мятежахъ и множествѣ бѣдъ, которыя они и сами терпятъ, и другъ другу причиняютъ, и каждый порознь, и всѣ вмѣстѣ, и которыми наполнена почти вся ихъ исторія и вся поэзія? Но указывая на такіе примѣры, скорѣе сдѣлаешь людей изъ мирныхъ браннолюбивыми, изъ мудрыхъ—изступленными, чѣмъ изъ дерзкихъ и глупыхъ—умѣренными и здравомыслящими. Ежели и тогда, какъ нѣтъ приманки къ злу, трудно бываетъ отвращать людей отъ порока, и изъ худаго состоянія переводить въ доброе: то кто убѣдитъ ихъ быть кроткими и воздержными когда у нихъ боги—путеводители и покровители страстей, и быть порочнымъ есть дѣло даже похвальное, награждаемое жертвенниками и жертвами, и пользующееся законною свободою (такъ какъ всякій порокъ состоитъ подъ покровительствомъ какого-нибудь бога, которому онъ приписывается)? Подлинно, это величайшая нелѣпость, когда то самое, за что въ законахъ положено наказаніе, люди чтятъ, какъ нѣчто божественное. Такое у васъ изобиліе неправды.—Во-вторыхъ, пусть учителя язычниковъ предлагать имъ благоговѣнно уважать родителей и чтить въ нихъ первую вину бытія своего послѣ Первоначальной Вины. Пусть приведутъ на сіе доказательства, и представятъ убѣжденія изъ богословія. Какъ не убѣдитъ къ тому Кронъ, который искажилъ Урана, чтобы онъ не могъ рождать боговъ, и далъ бы волнамъ случай довершить рожденіе богини изъ пѣны? Какъ не убѣдитъ Зевесъ, — этотъ сладкій камень ¹⁾ и горькій убійца тирана, который, подражая отцу своему Крону, возсталъ противъ него?

¹⁾ Насмѣшка надъ нелѣпымъ вымысломъ мифологовъ, рассказывающихъ, что Сатурнъ хотѣлъ съѣсть Зевеса, но вмѣсто его проглотилъ камень.

Не указываю на другія подобныя побужденія къ почитанію родителей, содержащіяся въ ихъ книгахъ.—Въ третьихъ, пусть наставники язычниковъ попытаются научить ихъ презирать деньги, не стараться изъ всего извлекать прибыль, и не домогаться неправедныхъ стяжаній—сего залога бѣдствій. Но какъ же тогда выставяты предъ ними Кердоа? ¹⁾ Какъ показывать мѣшокъ его? Какъ чтить проворство сего бога въ воровствѣ? Куда годятся тогда и сіи изреченія: „Фебъ безъ мѣди не прорицаетъ“ или: „ничего нѣтъ почтеннѣе овола?“ А все это у нихъ — въ великомъ уваженіи. Что еще? Не захотятъ ли они учить цѣломудрію, убѣждать къ воздержанію? Убѣдительные образцы не далеко: — вотъ самъ Зевесъ, принимавшій всѣ виды для обольщенія женщинъ, превращавшійся въ орла по неистовой любви къ фригійскимъ отрокамъ, чтобы какъ можно веселѣе пировали боги, смотря, какъ подносятъ имъ вино безчестные любимцы Зевесовы; вотъ еще Тріесперь Ираклъ, въ продолженіе одной ночи, въ домѣ Фестія совершившій тринадцатый свой подвигъ, который, не знаю почему, не включенъ въ число прочихъ его подвиговъ. Нужны ли еще образцы обузданія страстей? Пусть гнѣвъ укрощаетъ Арей, пьянство—Діонисъ, ненависть къ чужестранцамъ — Артемида, страсть къ обманамъ — лукавый ихъ прорицатель ²⁾, неумѣренный смѣхъ—тотъ богъ прихрамывающій въ собраніи жалѣющихъ о немъ боговъ, который едва держится на тонкихъ голеняхъ, обжорство—Зевесъ, бѣгушій съ прочими демонами на тучный пиръ къ непорочнымъ еіоплянамъ, и еще Вуинъ, такъ названный оттого, что обидѣлъ земледѣльца, и съѣлъ у него вола, влекущаго плугъ, такъ же какъ и прочіе боги, которые всѣ такъ спѣшно бѣгутъ на запахъ тука и возліяній!

Близко ли это къ нашему ученію, по которому каждый долженъ измѣрять любовь къ другимъ любовію къ себѣ и желать ближнимъ того же, чего самому себѣ; по которому поставяется въ вину не только дѣлать зло, но и замышлять, и наказывается пожеланіе, какъ и самое дѣло; по которому должно столько заботиться о цѣломудріи, чтобы воздерживать и око, и не только руки не допускать до убійства, но и самый гнѣвъ уцѣломудри-

¹⁾ Кердоемъ, т. е. умѣющимъ наживаться, язычикои называли Меркурія. Чтобы означить его ловкость, они изображали его съ мѣшкомъ у пояса и называли Сакелліономъ—носящимъ мѣшокъ. Ему же приписывали они искусство воровать. Изреченіе: „Фебъ не прорицаетъ безъ мѣди (или безъ мѣдныхъ денегъ)“ принадлежитъ Дельфійскому оракулу.

²⁾ Аполлонъ.

вать; по которому — нарушить клятву, или ложно клясться — такъ страшно и нестерпимо, что и самая клятва намъ однимъ воспрещена? Денегъ же у многихъ изъ насъ вовсе не было; а другіе хотя и имѣли ихъ много, но только для того, чтобы многое презрѣть, возлюбивъ нестяжательность вмѣсто всякаго богатства. Служить чреву, этому несносному и отвращенія достойному господину и источнику всѣхъ золъ, предоставляютъ у насъ черни; не много будетъ, если скажу, что подвижники христіанскіе стараются быть какъ бы безплотными, изнуряя смертное безсмертнымъ; для нихъ одинъ законъ добродѣтели—не быть побѣжденными даже и малымъ, даже тѣмъ, что всѣ оставляютъ безъ вниманія. Между тѣмъ, какъ другіе наказываютъ по законамъ своимъ за совершеніе дѣла, мы пресѣкаемъ самую начала грѣха, заблаговременно останавливая его, какъ нѣкій злой и неудержимый потокъ. Что жъ можетъ быть сего превосходнѣе? Или, скажи мнѣ, гдѣ и у какихъ людей найдешь ты, чтобы они, когда злословятъ ихъ, благословляли,—когда хулятъ, утѣпались (ибо не обвиненіе причиняетъ вредъ, а истина),—когда гонять, уступали (1 Кор. 4, 12. 13),—когда отнимаютъ у нихъ одну одежду, отдавали и другую,—когда клянуть, молились за клянущихъ (Матѣ. 5, 40—44); однимъ словомъ—чтобы побѣждали благосердіемъ наглость, и, терпѣливо перенося обиды, самихъ обижающихъ дѣлали лучшими? Пусть и они обуздываютъ порокъ увѣщаніями, по наружности благовидными; уступимъ имъ это: но гдѣ же имъ достигнуть въ мѣру нашей добродѣтели и нашего ученія, когда у насъ и то считается уже зломъ, если не преуспѣваемъ въ добрѣ, не дѣлаемся безпрестанно изъ ветхихъ новыми, а остаемся въ одномъ положеніи, подобно кубарямъ, которые только кружатся, а не катятся впередъ, и хотъ двигаются отъ ударовъ бича, но все на одномъ мѣстѣ? Намъ такъ много предлежитъ добрыхъ подвиговъ, что одинъ должны мы довершать, къ другому приступать, третьяго пламенно желать, пока не достигнемъ конца и обоженія, для котораго мы и получили бытіе, и къ которому неукоснительно стремимся, если только восходимъ умомъ горѣ и надѣемся благъ, достойныхъ величія Божія.

Слово 5, второе обличительное на царя Юліана.

Итакъ, словомъ моимъ совершенъ и оконченъ первый подвигъ. Ибо довольно показалъ я злонравіе челоуѣка, изобразивъ, что онъ намъ сдѣлалъ, и что могъ еще сдѣлать, непрестанно вы-

думывая что-нибудь болѣе тягостное, нежели настоящее. Теперь предназначу уже другую цѣль слову, которую едва ли и предназначалъ кто себѣ, цѣль священнѣйшую предъ Богомъ, пріятнѣйшую для насъ, полезнѣйшую для потомковъ,—присовокупить къ сказанному и то, какъ правдивы вѣсы Божіи, и какія воздаянія находятъ для себя нечестіе, то немедленно, то въ скоромъ послѣдствіи времени, какъ это угодно бываетъ (полагаю я) Художнику—Слову и Распорядителю дѣлъ нашихъ, Который знаетъ, когда загладить бѣдствія милостію, и когда вразумить дерзость посрамленіемъ и казнями, употребивъ извѣстныя Ему мѣры исправленія. Но кто вполне изобразить болѣзни, по суду Божию постигающія нечестивыхъ, терзанія, не остающіяся втайнѣ, другія различныя пораженія и казни, соразмѣрныя преступленіямъ, необыкновенные случаи смерти, сознание вины среди самыхъ страданій, бесполезное раскаяніе, вразумленія въ сонныхъ мечтаніяхъ и свыше посылаемыя видѣнія? Или тѣ ясныя и очевидныя доказательства гнѣва Божія, которыя видѣли на себѣ дерзновенные, осквернившіе Божіи храмы, или поругавшіеся надъ священными трапезами, или оказавшіе свое неистовство на таинственныхъ сосудахъ, ненаказанно пожиравшіе нашу плоть и отважившіеся на все прочее? Но я съ намѣреніемъ умолчу о семъ, не потому, чтобы не вѣрилъ видѣнному и рассказываемому, или приписывалъ событія одному стеченію обстоятельствъ или случаю, какъ представляютъ себѣ нѣкоторые безразсудно, но дабы не подумали, что останавливаюсь на маловажномъ, опустивъ болѣе важное и особенно замѣчательное. Начну же рѣчь съ извѣстнаго всѣмъ чуда, которому вѣрятъ самыя безбожники.

Какъ волны воздвигая на волны, съ каждымъ днемъ больше неистовствовали противъ насъ *ознеистовствовавшій сперва на самого себя*¹⁾, поправшій святыню и *Духа благодати укорившій* (Евр. 10, 29), сей (приличнѣе сказать) Героваамъ, или Ахаавъ израильянинъ (беззаконнѣйшіе изъ людей), или Фараонъ египтянинъ, или Навуходоносоръ ассиріянинъ, или, всѣ сіи имена соединивъ вмѣстѣ, назовемъ его одного. Ибо кажется, что онъ совмѣстилъ въ себѣ пороки всѣхъ: отступничество Героваамово, непотребное убійство Ахаавово, ожесточеніе Фараоново, святотатство Навуходоносорова и нечестіе всѣхъ вообще. Испытавъ надъ нами все прочее и презрѣвъ другіе роды мучительства, какъ

¹⁾ Юліанъ.

нѣчто малое и незначительное (ибо не было существа способнѣе его изобрѣтать и выдумывать зло), онъ, наконецъ, возбудилъ на насъ іудейскій народъ, употребивъ въ орудіе своего коварства давнее легкомысліе его и, издавна въ немъ таящуюся, ненависть къ намъ. Скрывая свои замыслы подъ видомъ благоволенія къ іудеямъ, онъ доказывалъ изъ ихъ книгъ и таинствъ, что теперь настало предопредѣленное время вступить имъ въ свою землю, возсоздать храмъ и возстановить силу отеческихъ обычаевъ. Когда же выдумалъ сіе, и ихъ убѣдилъ въ этомъ (ибо все пріятное легко вовлекаетъ въ обманъ),—іудеи, какъ бы воспрянувъ, замыслили о храмѣ, дѣятельно и ревностно стали трудиться надъ дѣломъ. Нѣкоторые съ удивленіемъ рассказываютъ, что и жены ихъ не только, снявши съ себя всѣ украшенія, охотно жертвовали ими въ пользу дѣла и трудящихся, но и сами на рукахъ своихъ носили землю, не щадя ни дорогой одежды, ни нѣжныхъ членовъ, признавали труды свои дѣломъ благочестія, а все прочее ставили ниже своего предпріятія. Когда же, устрашенные внезапно сильнымъ вихремъ и землетрясеніемъ, устремились къ одному изъ ближнихъ храмовъ, одни для молитвы, другіе, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ища спасенія, гдѣ пришлось, иные же увлечены были общимъ смятеніемъ, вмѣшавшись въ толпу бѣгущихъ: тогда, по словамъ нѣкоторыхъ, храмъ ихъ не принялъ. Идя къ отвореннымъ вратамъ, нашли, что онѣ затворены какою-то невидимою силою, которая чудодѣйствуетъ подобнымъ образомъ, чтобы привести нечестивыхъ въ ужасъ, а благочестивыхъ въ безопасность. Но всѣ уже говорятъ и удостоѣрены, что когда усиливались войти,—изъ храма вышелъ огонь, и однихъ пожегъ и потребилъ (такъ что съ ними случилось нѣчто подобное постигнутому содомлянъ, или чуду, совершившемуся съ Надавомъ и Авіудомъ, которые воскурили чуждый огонь, и погибли необычайно), а другихъ, изувѣчивъ, оставилъ живымъ памятникомъ Божія гнѣва и мщенія на грѣшниковъ. Такъ сіе было, и всякій долженъ вѣрить сему, равно какъ и другимъ Божиимъ чудесамъ. Еще же удивительнѣе и очевиднѣе для всѣхъ былъ свѣтъ на небѣ, изображавшій крестъ. Сіе начертаніе и имя, которое прежде презираемо было на землѣ безбожными, дѣлается нынѣ для всѣхъ равно видимымъ на небѣ, и служитъ знаменіемъ Божіей побѣды надъ нечестивыми, предпочтительно предъ всякимъ другимъ побѣднымъ знаменіемъ.

Что скажутъ на сіе мудрецы вѣка сего, которые у насъ

хвалять свое, носятъ длинныя бороды, и влачатъ по землѣ нарядныя плащи свои? Разказывай вмѣсто сего свое и ты, пишушій длинныя рѣчи, составляющій невѣроятныя исторіи, устремляющій взоръ къ горнему, перетолковывающій небесныя знаменія и по движенію звѣздъ заключающій о рожденіяхъ и другихъ происшествіяхъ! Говори мнѣ о своихъ звѣздахъ, о вѣнцѣ Ариадниномъ, о власахъ Вероникиныхъ, о похотливомъ лебедѣ, о нагломъ тельцѣ и, если хочешь, о твоёмъ змѣдержцѣ¹⁾, о козерогѣ, о львѣ и о всѣхъ другихъ, которыхъ ты, зная по злодѣяніямъ, сдѣлалъ или богами, или звѣздами. Гдѣ найдешь такой кругъ въ своей математикѣ? Гдѣ найдешь звѣзду, которая бы шла впереди съ востока къ Виелеему путеводительницею и покровительницею твоихъ волхвовъ? Я могу сказать нѣчто о небесныхъ знаменіяхъ: та звѣзда открыла пришествіе Христово, а сія²⁾ была вѣнцемъ Христовой побѣды.

Вотъ что скажу о небесномъ и горнемъ, которое, по великому согласію и сродству всего, участвуетъ въ нашихъ дѣлахъ; прочее же восполнить у меня псаломъ: *и грады разрушилъ еси* (Псал. 9, 7.). Подобно онымъ древнимъ городамъ, разореннымъ за подобное нечестіе, они въ самое время беззаконныхъ дѣйствій съ нами, или поглощены моремъ, или разрушены землетрясеніемъ, такъ что могу почти досказать и остальное: *погибе память ихъ съ шумомъ*, погибла громко. Таково было ихъ паденіе и разрушеніе, что много потребно времени на возстановленіе ихъ, если бы кто и отважился на сіе изъ сосѣдей, даже наиболѣе утѣшающихся благочестіемъ. Таковы были явленія на землѣ и на небѣ! Но и въ самомъ воздухѣ не положено ли было въ то время знаменій, и онъ не освятился ли тогда знаменіями страданія (Христового)? Зрители и таинники онаго чуда да покажутъ и нынѣ одежды, запечатлѣнныя тогда знаменіями Креста. Какъ скоро кто изъ нашихъ или изъ постороннихъ разказывалъ о семъ, или слушалъ разказывающихъ, тотчасъ видѣлъ чудо или на себѣ или на ближнемъ: самъ былъ въ звѣздахъ, или видѣлъ звѣзды на одеждахъ другаго, испещренныхъ лучше всякой мастерской ткани, или искусной живописи. Что жъ произошло изъ сего? Зрителей такъ это поразило, что всѣ почти, какъ бы по одному мановенію и въ одинъ голосъ, начали призывать Христіанскаго

¹⁾ Созвѣздіе.

²⁾ То есть явившійся на небѣ свѣтъ, изображающій знаменіе Креста, о чемъ выше сказано.

Бога и умилоствлять Его славословіями и молитвами. Многие, нимало не отлагая, въ то же время, какъ случилось сіе, притекли къ нашимъ священникамъ, и по усиленной просьбѣ сдѣлались членами Церкви, наставлены въ таинствахъ Вѣры, очищены Божественнымъ Крещеніемъ, и такимъ образомъ чрезъ страхъ избавились отъ страха. Но о семъ довольно.

Юліанъ, болѣе и болѣе подстрекаемый и движимый бѣшенствомъ, наконецъ восходитъ на самый верхъ своихъ бѣдствій. Поелику онъ думалъ, что дѣла христіанъ идутъ по его желанію; поелику сдѣланное имъ уже обнадеживало его, что все покорится ему, если онъ только захочетъ; къ тому же, восхитилъ онъ побѣду надъ западными варварами: то и предпринимаетъ сіе единое намѣреніе, весьма благоразумное и человѣколюбивое. Взявъ отсюда два войска, и воиновъ и демоновъ, имъ управлявшихъ (на которыхъ болѣе и надѣялся), выступаетъ онъ въ походъ противъ персовъ, полагаясь болѣе на свою безразсудную дерзость, нежели на крѣпость силъ. И сей мудрецъ не могъ понять и того, что смѣлость (*θάρρος*) и дерзость (*θράσος*) хотя близки по имени, однако же всего болѣе различны между собою по дѣйствіямъ; я разумѣю мужество и трусость. Быть смѣлымъ въ дѣлахъ, требующихъ отважности, есть знакъ мужества; тогда какъ ослабѣвать есть знакъ боязливости. Но идти и бросаться туда, гдѣ больше опасности, а не удерживаться, есть знакъ дерзости; тогда какъ уклоняться есть знакъ осторожности. Нельзя полагать, чтобы одно и то же значило сохранять, что имѣешь, и пріобрѣтать, чего не было. Первое особенно и преимущественно достойно уваженія людей благоразумныхъ, за послѣднее, если оно удобно, надобно приниматься; въ противномъ же случаѣ, оно достойно презрѣнія. Кто въ надеждѣ пріобрѣсть что-нибудь подвергаетъ себя опасности лишиться всего, что имѣетъ, тотъ весьма неблагоразуменъ. Такой человѣкъ кажется мнѣ подобнымъ худому бойцу, который начинаетъ бороться прежде, нежели станетъ въ твердое положеніе, или тому кормчему, который топить и старается потопить непріятельскій корабль, когда свой корабль разснащенъ и неспособенъ къ плаванію.

Юліанъ, кажется, не думалъ о семъ ни мало; онъ безъ осмотрительности приступаетъ къ исполненію своего предпріятія; думаетъ о пріобрѣтеніи чужой области, когда дѣла римлянъ были имъ разстроены, и находились въ худомъ положеніи, особенно вслѣдствіе гоненія. Будучи Салмонеемъ, который производилъ громъ кожею, онъ простиралъ взоры къ тѣмъ Траянамъ

и Адрианамъ, въ которыхъ осторожность была удивлена не менѣ мужества, и не помыслилъ ни о Карѣ, ни о Валеріанѣ, которые за безразсудную стремительность (говорю не въ укоризну злой судьбѣ, какъ выражается ¹⁾ трагикъ) понесли наказаніе, въ предѣлахъ Персіи претерпѣвъ пораженіе, когда находились на вершинѣ счастія. Но онъ рѣшился на сіе, и предался своей стремительности, собравъ въ едино все, что выходило изъ мѣры въ прорицаніяхъ и волшебствахъ, слыханныхъ и неслыханныхъ жертвахъ, дабы все вдругъ рушилось. И какой великій, чрезвычайный обѣтъ изрекъ онъ, Христе мой и Слове! И страданія Безстрастнаго, и тайнство цѣлаго міра,—весь родъ христіанскій предать демонамъ, если успѣетъ въ предпріятомъ.

Начало же сего похода, столь отважнаго и выхваляемаго многими изъ его единомышленниковъ, было таково: Захвативъ и опустошивъ ту часть Ассиріи, которую расѣкаетъ Евфратъ, и въ которой протекаетъ мимо Персіи до соединенія своего съ Тигромъ, Юліанъ разорилъ нѣкоторыя крѣпости, въ чемъ почти никто ему не препятствовалъ, потому ли что онъ обманулъ персовъ быстротою нападенія, или потому, что самъ былъ обманываемъ персами и увлекаемъ понемногу впередъ (говорятъ то и другое). Такъ шель онъ далѣе, между тѣмъ какъ подвигалось войско, а рѣкою на корабляхъ везли хлѣбъ и снаряды; и въ скоромъ времени останавливается станомъ у Ктезифона, приближеніе къ которому, по желанію овладѣть симъ городомъ, казалось уже ему частію побѣды. Съ сего времени дѣла его пошли назадъ, какъ будто песокъ подсыпали подъ ноги, или буря встрѣтила корабль. Ктезифонъ—твердая крѣпость, которую трудно взять; она ограждена кирпичною стѣною, глубокимъ ровомъ и болотистою рѣкою. Еще болѣе твердою дѣлаетъ ее другая крѣпость, называемая Кохе и огражденная природою и искусствомъ. Обѣ крѣпости такъ соединены, что представляются однимъ городомъ, и раздѣлены только рѣкою. Поелику нельзя было ни взять ихъ приступомъ, ни покорить осадю, ни пройти между ними, особенно на корабляхъ (была опасность, что сверху съ обѣихъ сторонъ забросаютъ стрѣлами и преграждаютъ путь); то Юліанъ обходитъ крѣпости, и поступаетъ такимъ образомъ: отведя немалую часть Евфрата, величайшей изъ рѣкъ, и въ одинъ ровъ, котораго древній слѣдъ, какъ говорятъ, былъ видѣнъ, пустивъ столько воды, сколько нужно было для плаванія кораблей,

¹⁾ Еврипидъ.

повыше Ктезифона соединяетъ его съ Тигромъ; а чрезъ сіе спасаетъ корабли, безопасно переведенные изъ одной рѣки въ другую, и избѣгаетъ опасности, угрожавшей изъ крѣпости.

Между тѣмъ какъ Юліанъ идетъ впередъ, появляется персидское войско, и непрестанно возрастаетъ въ числѣ, но не считаетъ нужнымъ стать лицомъ къ лицу и подвергаться опасности безъ крайней необходимости, имѣя возможность одолѣть съ малымъ усиленіемъ: напротивъ того, съ высокихъ мѣстъ и изъ тѣнинъ, гдѣ представится случай, поражаетъ копьями и стрѣлами, занимаетъ напередъ удобные проходы, и тѣмъ преграждаетъ путь Юліану. Тогда приходится уже онъ въ большое затрудненіе, и не зная куда обратиться, находитъ худой конецъ своего замысла. Одинъ персъ, не низкаго происхожденія, подражая Зопиру, бывшему у Кира при осадѣ Вавилона, подъ видомъ, что важнымъ простункомъ навлекъ на себя великій гнѣвъ персидскаго царя, и чрезъ сіе сдѣлался весьма нерасположеннымъ къ нему, питаетъ же расположеніе къ римлянамъ, притворствомъ своимъ приобретаетъ довѣріе Юліана, и говоритъ ему: „Что это значить, государь? Почему такія легкія мѣры въ такомъ дѣлѣ? Для чего у тебя этотъ хлѣбъ, на корабляхъ,—это излишнее бремя, внушающее только малодушіе? Ничто такъ не побуждаетъ противиться начальству и упорствовать, какъ сытое чрево и мысль, что подъ руками спасеніе. Но ежели послушаешь меня; то бросишь сіи корабли, и тѣмъ освободишь отъ малодушія свое храброе войско. Самъ же ты другимъ удобнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ, по которому я твой проводникъ (и могу сказать, что едва-ли кто другой лучше меня знаетъ Персію), вторгнешься въ непріятельскую землю, и возвратишься съ желаемымъ успѣхомъ. Тогда окажешь благодареніе и мнѣ, когда извѣдаешь на дѣлѣ мое благорасположеніе и мой совѣтъ“. Какъ скоро онъ сказалъ сіе, и Юліанъ повѣрилъ словамъ его (ибо легкомысліе легковѣрно, особенно при Божіемъ попущеніи); вдругъ настали всѣ бѣдствія. Корабли взялъ огонь; хлѣба не стало; послѣдовалъ смѣхъ; ибо это было почти вольное самоубійство; всѣ надежды исчезли; путеводитель скрылся съ своими обѣщаніями. Кругомъ враги; война разгоралась; удобнаго прохода не было; пища добывалась съ трудомъ; войско пришло въ уныніе и негодовало на царя; нисколько не оставалось благой надежды. Одно представлялось средство къ спасенію въ настоящихъ обстоятельствахъ, — избавиться отъ худаго царствованія и военачальства.

Такъ все происходило доселѣ, а что послѣдовало за симъ, рассказываютъ неодинаково; бывшіе, равно, какъ и не бывшіе на войнѣ, соглашаются, одинъ на то, другой на другое. Одни говорятъ, что Юліана застрѣлили персы, когда онъ, въ одно изъ беспорядочныхъ нападений, внѣ себя бросался туда и сюда, и что съ нимъ случилось нѣчто, подобное участи Кира, сына парисагова, который съ десятью тысячами войска напалъ на брата своего Артаксеркса, и сражаясь отважно, утратилъ побѣду по своей запальчивости. Другіе рассказываютъ о немъ слѣдующее: Юліанъ взошелъ на одинъ высокій холмъ, чтобы съ него, какъ съ башни, обозрѣть все войско и узнать, сколько осталось въ сраженіи. Когда же войско, сверхъ чаянія, показалось ему весьма многочисленнымъ,—какъ человѣкъ, завидующій спасенію своихъ воиновъ, сказалъ онъ: „какъ будетъ досадно, если всѣхъ ихъ поведемъ въ римскую землю!“ Одинъ изъ воиновъ, раздраженный сими словами, не удержалъ досады, и поразилъ его въ чрево, не заботясь о сохраненіи своей жизни. А нѣкоторые говорятъ, что на сіе отважился одинъ изъ тѣхъ иноземныхъ шутовъ, которые слѣдуютъ за войскомъ для разогнанія скуки и для потѣхи на пирахъ. Иные же отдаютъ сію честь одному срацину. Какъ бы то ни было, Юліанъ получаетъ дѣйствительно благовременный ударъ и спасительный для цѣлаго міра; однимъ сбъченіемъ меча наказывается онъ за сбъченіе многихъ утробъ, которымъ нечестиво вѣровалъ. И дивлюсь, какъ этотъ суетный человѣкъ, думавшій, что можетъ все знать посредствомъ разсѣкаемыхъ утробъ, не предузналъ сего одного, то есть, удара въ собственную свою утробу. Неприлично умалчивать и о семъ поступкѣ его, который, кромѣ многого другаго, неоспоримо доказываетъ его неистовство. Юліанъ лежалъ на берегу рѣки и страдалъ отъ раны. Поелику же зналъ, что многіе изъ прославившихся прежде него, чтобы почли ихъ чѣмъ-то выше человека, посредствомъ нѣкоторыхъ хитростей исчезали изъ среды людей, и за то были признаны богами: то и онъ, плѣбный желаніемъ подобной славы, притомъ стыдясъ самаго рода смерти, безславно постигающей его за собственное безразсудство,—что замышляетъ? что дѣлаетъ?—Его нечестіе не прекращается и съ жизнью! Онъ покушается броситься въ рѣку, и для сего употребляетъ помощниками людей вѣрныхъ ему и участниковъ въ его тайнахъ. И если бы одинъ изъ царскихъ внуковъ, догадавшійся въ чемъ дѣло, и объяснившій другимъ, изъ отвращенія къ злодѣянію, не воспрепятствовалъ намѣре-

нію; то, можетъ быть, изъ бѣдствующаго Юліана явился бы еще новый богъ для людей неразумныхъ. Но онъ такъ царствовалъ, такъ предводилъ войскомъ, такъ оканчиваетъ и жизнь!

Вскорѣ послѣ него принявшій царскій санъ и провозглашенный царемъ среди воинскаго стана, въ самомъ пылу опасностей, необходимо требовавшихъ предводителя, былъ мужъ знаменитый и по другимъ достоинствамъ, и по благочестію, и по наружности, истинно достойной властителя. И хотя не имѣлъ онъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ ревности; однако же, не могъ ни сразиться съ персами, ни идти впередъ; потому что войско ослабѣло въ силахъ и надеждахъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ не царства, а пораженія, онъ заботится о возвращеніи въ отечество, и ищетъ средствъ, какъ совершить сіе безопасно. Если бы персы по своей умѣренности въ побѣдѣ (ибо у нихъ былъ законъ—въ счастіи соблюдать умѣренность), или по опасенію какихъ-либо слуховъ не обратились къ мирнымъ предложеніямъ, сколько неожиданнымъ, столько же и человѣколюбивымъ; то не было бы средствъ, какъ говорятъ, и огненосцу остаться въ войскѣ¹⁾. Такъ римлянъ стѣснили персы, сражавшіеся въ своей землѣ и воодушевленные предшествовавшими событіями; ибо довольно—приобрѣсть сколько-нибудь успѣха, чтобы имѣть надежду на будущее.

Но преемникъ Юліановъ, какъ сказалъ я, теперь заботился объ одномъ,—спасти войско, сохранить силу римлянъ. Ибо сіи воины дѣйствительно составляли силу римлянъ, и если дѣйствовали неудачно, то болѣе по безразсудству военачальника, нежели по недостатку собственнаго мужества. Съ персами заключенъ былъ договоръ (скажу кратко) постыдный и недостойный воинства римскаго. Но если бы кто, оставивъ въ сторонѣ Юліана, сталъ порицать за сіе преемника; то, по моему мнѣнію, онъ былъ бы худымъ судіею тогдашнихъ происшествій. Ибо колосъ принадлежитъ не жнецу, а сѣятелю; въ пожарѣ виновенъ не тотъ, кто не могъ погасить, но кто зажегъ. Здѣсь кстати привести сказанное Геродотомъ о Самосскихъ тиранахъ: эту обувь спилъ Истіей, а носилъ Аристагоръ, продолжавшій начатое предшественникомъ.

Послѣ сего, что оставалось дѣлать, какъ не возвратитъ

¹⁾ Огненосцемъ назывался носившій въ войскѣ языческомъ священный огонь для воскресенія жертвъ, и побѣдители щадили жизнь его, чтобы тѣмъ не оскорбить боговъ. Но пораженіе римскаго войска могло быть такъ велико, что нельзя было бы спастись и сему человѣку.

римлянамъ тѣло нечестивца, хотя какъ онъ кончилъ жизнь? Но какъ и у насъ есть усопшій, прежде него оставившій жизнь,¹⁾ то посмотримъ, какое и здѣсь различіе между сими обоими царями (если и сіе сколько-нибудь служить къ счастью или злосчастью отшедшихъ). Одинъ сопровождается всенародными благословеніями, торжествами, шествіями и нашими священными обрядами, всенощными пѣснопѣніями, возношеніемъ свѣтильниковъ, чѣмъ мы хрістіане чтимъ благочестивое представленіе; и вынось тѣла его становится радостнымъ торжествомъ, растворяемымъ печалію. Если вѣрить молвѣ, которая достигла слуха многихъ, то, когда тѣло Констанція несли чрезъ Тавръ въ отечественный его городъ, ему соименный и знаменитый,—на вершинѣ горъ нѣкоторыми слышанъ былъ голосъ какъ бы поющихъ и сопровождающихъ, и думаю, что это былъ голосъ Силъ Ангельскихъ,—награда ему за благочестіе и надгробное воздаяніе. Если онъ, повидимому, и поколебалъ правое ученіе; то въ семъ виновны невѣжество и зловѣріе его вельможъ, которые, уловивъ душу простую, неутвердившуюся въ благочестіи и не предвидѣвшую бездны, влекли ее, куда хотѣли, и, подъ видомъ попечительности, возбуждали ревность къ злу. Но мы, помышляя о томъ, что болѣе касается всѣхъ, то есть, объ отцѣ его, который положилъ основаніе царской власти въ хрістіанствѣ и Вѣры, и о наслѣдіи ученія, перешедшемъ отъ отца къ нему, почтили должнымъ образомъ земную храмину того, кто жилъ достойно царя, окончилъ жизнь смертію праведника и оставилъ намъ могущество. Нужно ли говорить о сопровожденіи цѣлаго воинства; когда тѣло приблизилось въ великому царствующему граду, и о рядахъ вооруженнаго войска, предстоявшихъ царю, какъ живому? или о томъ, какъ весь городъ потекъ на встрѣчу, которая блистательнѣе всѣхъ, когда-либо бывшихъ и будущихъ? Да и сей дерзкій и отважный, облеченный въ новую порфиру, и потому, какъ вѣроятно, высоко о себѣ думающій, самъ составляетъ часть торжественнаго шествія, воздаетъ и пріемлетъ почеть;—одно, какъ говорятъ, нѣсколько принужденно, другое охотно. Ибо все войско, хотя покорилось настоящей власти, однако оказывало болѣе уваженія умершему; и (какъ обыкновенно бываемъ благорасположеннѣе, когда потеря еще въ свѣжей памяти) скорбя и сожальтя о любимомъ царѣ войны не потерпѣли, чтобы онъ былъ лишень цар-

¹⁾ Констанцій.

скихъ почестей, но убѣждаютъ и сего отступника принять въ нихъ участіе, даже принуждаютъ встрѣтить умершаго въ приличномъ видѣ, то есть, снявъ съ главы діадиму и воздавъ царю должное поклоненіе, идти вмѣстѣ съ несущими въ гробницу—въ знаменитый храмъ Апостоловъ, которые приняли въ себѣ и сохраняютъ сей священный родъ, удостоившійся почти равной чести. Такъ погребенъ нашъ Императоръ!

Напротивъ того, и походъ Юліановъ былъ безславенъ (народы и города его преслѣдовали кликами черни и шутовъ, о чемъ и нынѣ еще многіе помнятъ); а возвращеніе его было еще безславнѣе. Какое же это безславіе?—Его несли скоморохи, шествіе сопровождалось неприличными игрищами; пѣли, плясали, поносили его за отступничество, за поражение и смерть. И какого оскорбленія не понесъ онъ? Чего не выслушалъ отъ людей держихъ, которые въ оскорбленіи другихъ ставятъ свое искусство? Наконецъ, принимаетъ его городъ Тарсъ, не знаю, какъ и за что осужденный на такое посрамленіе. Здѣсь и мѣсто погребенія назначено ему безчестіе, и гробъ нечистый, презрѣнный, отвратительный для благочестиваго взора.

Я описалъ только самыя главныя и важныя вины Юліана; но знаю и то, что двумъ или тремъ придворнымъ ласкателямъ, равнымъ ему въ нечестіи (о другихъ охотно умалчиваю), дана была за нечестіе такая награда, что они въ короткое время безпрепятственно опустошили бы всѣ владѣнія римлянъ на сушѣ и на морѣ, если бы симъ дѣламъ скорѣе не былъ положенъ благопріятный конецъ. Столько превосходили они грабительствомъ и жадностію древнихъ сторукихъ гигантовъ! Управление областями поручаемо было людямъ не самымъ правдивымъ, но самымъ безчеловѣчнымъ. Одно было право на полученіе начальства—отступничество; и тѣ только получали дары отъ Юліана, которые замышляли наибольшее зло противъ себя и другихъ. Что сказать о перемѣнахъ и переиначиваніяхъ въ судебныхъ опредѣленіяхъ, которые въ одну ночь мѣнялись и вращались туда и сюда, подобно приливу и отливу въ морѣ? Ибо сей неутомимый мужъ хотѣлъ самъ производить судъ, все присвоивъ себѣ изъ честолюбія. Можетъ быть, подумаютъ, что я слишкомъ виню за малыя преступленія, и малыми уменьшаю большія. Впрочемъ всякій согласится, что такія дѣла не Елисейскихъ достойны полей и не славы, каковую имѣетъ тамъ Радомантъ¹⁾,

¹⁾ По языческому суевѣрію, на поляхъ Елисейскихъ добродѣтельные получаютъ награды, которыя распредѣляетъ Радомантъ.

и какой удостаивают Юліана люди одного съ нимъ собратства и разряда. Одному удивляюсь въ Юліанѣ: многихъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно по Азійскимъ училищамъ, настоятельно приглашалъ онъ къ себѣ, какъ бы намѣреваясь произвести дѣла дивныя, и окрылялъ надеждами, припоминая свои обѣщанія. Когда же они являлись,—оказывалось, что это одна хитрая уловка и оболыщеніе глазъ. Однихъ проводилъ онъ тѣмъ, другихъ инымъ. Нѣкоторыхъ дружески даже приглашалъ къ столу; вмѣсто всякой другой приманки, величалъ товарищами, подавалъ имъ чашу, шутилъ съ ними, но отпускалъ отъ себя ни съ чѣмъ; такъ что они не знали, кого болѣе винить, его ли въ обманѣ, или самихъ себя въ легковѣрїи. Не сочту нужнымъ упоминать о томъ, сколько недостойно похвалы въ правилахъ сего философа, что, имѣя предъ собою примѣры государей твердыхъ и непоколебимыхъ, которые, что бы ни случилось, не измѣнялись въ лицѣ и не показывали въ себѣ никакихъ слѣдовъ смущенія,—онъ столько былъ негнѣвливъ и умѣлъ владѣть страстями, что, производя судъ, шумомъ и криками наполнялъ весь дворецъ, какъ будто самъ терпѣлъ насиліе и ущербъ, а не другихъ защищалъ отъ сего. Но кому неизвѣстно, что многихъ изъ поселянъ, всенародно приходившихъ къ нему за тѣмъ, о чемъ обыкновенно просятъ царей, онъ при всѣхъ бивалъ кулаками и топталъ ногами, и обходился такъ жестоко, что они радовались, если не подвергались чему-либо тягчайшему? Въ какой же части слова упомянуть о тѣхъ дуновеніяхъ и отдуваніяхъ, которыя сей дивный мужъ, въ осмѣяніе нашихъ обрядовъ¹⁾, производилъ на показъ старухамъ, зажигая огонь на жертвенникѣ? Какъ хорошо было видѣть римскаго царя съ обезображенными щеками, возбуждающими большой смѣхъ не только въ постороннихъ, но и въ тѣхъ, которымъ онъ думалъ доставить симъ удовольствіе! Вѣрно онъ не слышалъ, что богиня его, Афина, прокляла свирѣли, когда, посмотрѣвъшись вмѣсто зеркала въ воду, увидѣла, что свирѣль обезобразила у нея лице. Ужели не заслуживаютъ удивленія тѣ круговыя чаши, которыя Юліанъ всенародно подавалъ непотребнымъ женщинамъ и самъ отъ нихъ принималъ, прикрывая свое распутство видомъ тайнства? Другіе узнали сіе собственнымъ опытомъ, когда власть доставила Юліану полную свободу; но я нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ сіе издавна, съ тѣхъ поръ, какъ былъ съ нимъ вмѣстѣ

¹⁾ Указаніе на обряды, совершаемые при тайнствѣ Крещенія.

въ Аѳинахъ, куда онъ прибыль вскорѣ по возвращеніи брата своего, испросивъ на то позволенія у Императора. Двѣ были причины сего путешествія: одна благовиднѣйшая — обозрѣть Грецію и ея училища; другая отдаленнѣйшая и не многимъ извѣстная — посовѣтоваться съ тамошними жрецами; потому что нечестіе не имѣло еще явной дерзости. И тогда я не худо разгадалъ сего человѣка, хотя и не принадлежу къ числу искусныхъ въ семъ дѣлѣ. Меня сдѣлали прорицателемъ непостоянство его нрава и неумѣренная восторженность; если только наилучшій прорицатель—тотъ, кто умѣетъ хорошо угадать. Помнѣ, не предвѣщали ничего добраго: шея нетвердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглые, наглые и свирѣпыя, ноги — не стоящія твердо, но спгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочныя и несвязныя, отвѣты ничѣмъ не лучшіе, смѣшиваемые одинъ съ другимъ, нетвердые, не подчиненныя правиламъ.

Но для чего описывать подробно? Такимъ же видѣлъ я его прежде дѣлъ, какимъ узналъ и по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова,—они безъ труда засвидѣтельствовали бы сіе. Ибо тогда же, какъ увидѣлъ это, сказалъ я имъ: „какое зло воспитываетъ Римская Имперія!“ и предрекнуши, желалъ быть ложнымъ прорицателемъ. Ибо лучше бы мнѣ быть лжепророкомъ, нежели испытать вселенной столько золь, и явиться на свѣтъ такому чудовищу, какого не бывало прежде; хотя и повѣствуютъ о многихъ наводненіяхъ, о многихъ воспламененіяхъ, изверженіяхъ и провалахъ земли, о людяхъ безчеловѣчныхъ, о звѣряхъ чудовищныхъ и многосложныхъ, не въ обыкновенномъ порядкѣ производимыхъ природою. И потому имѣлъ онъ конецъ достойный своего безумія. Здѣсь только Богъ не явилъ Своего обычнаго долготерпѣнія; потому что Его человѣколюбіе было бы бѣдственно для многихъ. Въ людяхъ добродѣтельныхъ оно произвело бы уныніе, а въ грѣшныхъ — презорство и мысль, что никто не назираетъ надъ нашими дѣлами, нѣтъ ни управленія, ни воздаянія, но все движется и управляется случайно,—мысль, показывающая лукавый умъ, весьма пагубно разсуждающій о самыхъ важныхъ предметахъ!

Вотъ что вѣщаемъ мы — галилеяне, люди презрѣнныя, по-

клоняющіеся Распятому, ученики рыбарей и, какъ сами говорятъ, невѣждъ; мы, которые засѣдаемъ и поемъ псалмы вмѣстѣ съ старухами; мы, которые изнурены продолжительными постами и полумертвые напрасно бодрствуемъ и пустословимъ во время всенощныхъ бдѣній, и—однако же низлагаемъ васъ! *Гдѣ суть книгочіи? Гдѣ суть совѣщающіи?* (Исаи 33, 18). Я занимаю сію побѣдную пѣснь у одного изъ нашихъ немудрыхъ, какъ вамъ представляется. Гдѣ жертвы, обряды и таинства? Гдѣ закланія явныя и тайныя? Гдѣ искусство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ? Гдѣ чудеса предвѣдѣнія и знаменія чревоѣщателей? Гдѣ славный Вавилонъ, о которомъ столько было толковъ, и вся вселенная, которую мечталъ ты покорить себѣ, проливъ немного нечистой крови? Гдѣ персы и мидяне, которыхъ считалъ у себя въ рукахъ? Гдѣ боги, тобою сопровождаемые, тебя руководящія и сопровождающіе, твои защитники, соратники? Гдѣ прорицанія и угрозы на христіанъ, или совершенное истребленіе насъ и имени нашего въ опредѣленный срокъ?— Все исчезло, обмануло, разсѣялось; всѣ велерѣчивыя похвалы нечестивыхъ оказались сонною мечтою.

Когда одинъ иноплеменный царь съ многочисленнымъ войскомъ напалъ на Езекію, царя іудейскаго, обложилъ Іерусалимъ, и злобно изрыгалъ нечестивыя и богохульныя слова на царя и самого Бога, какъ будто уже не оставалось средствъ спасти городъ отъ его владычества: тогда Езекія приходитъ въ храмъ, раздираетъ одежды, проливаетъ потоки слезъ, воздвѣвъ руки къ небу, призываетъ Бога во свидѣтели богохульства Сеннахиримова, и молить Его быть отмстителемъ за высокомерныя угрозы. „Видишь, Господи,—говоритъ онъ,—какъ сей иноплеменникъ поносить Тебя—Бога Израилева; *видѣлъ еси, Господи, да не премолчиши* (Ис. 34, 22)“. И молитва царя не осталась тщетною: пбо возстающій противъ Бога позналъ самымъ дѣломъ свое безуміе, и ушелъ, не исполнивъ угрозъ своихъ: поражаемый вдругъ нѣкою невидимою силою, онъ потерялъ большую часть войска, и былъ прогнанъ неприятнымъ извѣстіемъ, сверхъ чаянія положившимъ конецъ осадѣ и его надеждамъ. Такъ поступилъ Езегія, окруженный многочисленнымъ войскомъ, царь великаго Іерусалима, который, можетъ быть, и самъ собою отразилъ бы враждебныя полчища. А мы, для которыхъ оставалось одно оружіе, одна стѣна, одна защита—надежда на Бога (потому что совершенно лишены были отовсюду всякой человѣческой помощи), мы отъ кого инаго могли ожидать, что услышитъ наши молитвы и

отразить угрозы, какъ не отъ Бога, Который съ клятвою отвергъ высокоуміе Іаковлево¹⁾? О какія невѣроятныя повѣствованія! Какія дерзкія надежды! Мы демонамъ обѣщаны были въ жертву; мы—великое наслѣдіе Божіе, *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9), предназначались въ награду за исполненіе одной надежды, за побѣду въ одной брани. Таковъ даръ отъ тебя христіанамъ за то, что къ общему вреду спасенъ ими²⁾! Такъ воздалъ ты Господу Богу своему! Доселѣ Богъ удерживалъ еще и отлагалъ Свой гнѣвъ за насъ, не возжегъ еще всей Своей ревности, а только высоко занесъ десницу на нечестивыхъ, и хотя натянулъ и уготовалъ лукъ, однако же удерживалъ его силою, и ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба Юліанова, подобно какому-нибудь злокачественному и гнойному вереду;—ибо таковъ законъ Божія суда: или спасти покаянiемъ, или наказать по справедливости. И тогда, съ трудомъ перенося настоящее и сокрушающае о будущемъ (потому что самая благость Божія къ Своимъ, отъ насъ сокрываемая, была для насъ нестерпима), возносили мы гласъ свой къ Богу; то призывая Его, какъ Владыку, то умоляя, какъ благаго Отца, то какъ бы жалуясь и вступая съ Нимъ въ судъ, что свойственно людямъ сѣтующимъ, зывали: *Всую Боже, отринулъ еси до конца, разгнѣвая ярость Твоя на овцы пажити Твояе? Помяни сонмъ Твой, егоже стяжалъ еси исперва* (Пс. 73, 1. 2), который прибрѣлъ Ты страданіями Единороднаго Слова Своёго, удостоилъ великаго Твоего завѣта, привлѣкъ на небо новымъ тайнствомъ и залогомъ Духа *Воздвигни руку Твою на гордыни ихъ въ конецъ!* Ты терпѣлъ, *елика лукавствоваша враги на святыхъ Твоихъ, и восхвалишася на праздники Твои* (Пс. 73, 3). Мы призывали мечъ и египетскія казни, просили Бога *судити прю свою*; умоляли возстать наконецъ на нечестивыхъ, говорили: *доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся* (Пс. 93, 1. 5)? *доколѣ будутъ смирять люди Твоя и озлоблять достояніе Твое?* доколѣ не перестанутъ и говорить и дѣлать беззаконіе? Мы повторяли сіи и подобныя симъ плачевныя слова: *Положилъ еси насъ въ пререканіе и поношеніе соседомъ нашимъ, въ притчу во языцехъ, въ поруганіе всѣмъ челоуѣкомъ* (Пс. 79, 7. 43, 14. 15). Мы воспоминали о виноградникѣ, который перенесенъ изъ Египта—изъ мрака безбожія, воз-

¹⁾ То есть потомковъ патриарха Іакова (Амос. 6, 8).

²⁾ Во время возмущенія, бывшаго по смерти Константина В., Констанцій спасъ Юліана и брата его Галла отъ смерти, скрывъ ихъ во дворцѣ своемъ.

рось въ красоту и величіе Вѣры, а потомъ лишился своей ограды—смотрѣнія Божія стрегущаго насъ, сталъ открытъ для всѣхъ проходящихъ, для злыхъ властелиновъ, и опустошенъ дикимъ вопремъ симъ, лукавымъ челоуѣкомъ, усвоившимъ себѣ зло, преисполненнымъ тиною зла.

Такъ размышлялъ и взывалъ я прежде къ Богу. Что же теперь измѣняю въ звукахъ пѣсни?—Оплакиваю уже погибель нечестивыхъ; дѣлаюся челоуѣколюбивъ къ ненавистникамъ, и говорю такъ: *Како была въ запустыніе, внезапно исчезоша, погубоша за беззаконіе свое* (Пс. 72, 19), какъ прахъ, возметаемый вихремъ, какъ пухъ, развѣваемый вѣтромъ, какъ утренняя роса, какъ свистъ пущенной стрѣлы, какъ ударъ грома, какъ быстро-летная молнія? Если бы они, хотя теперь, перемѣнились въ мысляхъ, перестали передаваться множеству заблужденій, и потекли во слѣдъ истины: то, можетъ быть, и самое паденіе обратилось бы имъ въ пользу. Ибо и наказаніе часто служить ко благу наказываемыхъ. Но что, если они останутся при томъ же мнѣніи, еще будутъ держаться идоловъ, и не уцѣломудрятся бѣдствіемъ, которое вразумляетъ и неразумныхъ? Іеремія такъ оплакиваетъ Іерусалимъ, что бездушныя вещи призываетъ къ плачу, и у стѣнъ требуетъ слезъ (Плач. Іер. 2, 18); какой же найдется плачь, достойный сихъ столь упорныхъ людей? Кто оплачетъ одно настоящее, не проливая еще слезъ о будущемъ наказаніи за то, что они безумствовали, удалились отъ Бога, *и послужили твари паче Творца* (Рим. 1, 25), и не только послужили, но возстали на служителей Божіихъ, и вознесли на нихъ нечестивую руку, достойную такихъ золъ? Но какъ Богу угодно, такъ и да будетъ! Кто знаетъ, что Богъ, Который *рѣшитъ окованныя* (Пс. 145, 8), возводитъ отъ вратъ смерти обремененнаго и долу поверженнаго, не хочетъ смерти грѣшника, но ждетъ обращенія его,—Который и насъ, сидѣвшихъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, просвѣтилъ и умудрилъ,—сей Богъ и ихъ восприметъ нѣкогда, и, отложивъ тяжелый и желѣзный жезлъ, упасетъ ихъ жезломъ пастырскимъ?

Но слово мое опять возвращаю къ той же побѣдной пѣсни: *паде Вилъ, сокрушился Дагонъ* (Исаи 46, 1.), *блато бысть Саронъ, посрамленъ Ливанъ* (Исаи 33, 9.); теперь уже не скажутъ глупой, недвижимой и безчувственной толпѣ идоловъ: начальствуй!—не стануть искать мухи, бога Аккаронскаго, или чего либо еще болѣе смѣшнаго; не будутъ помышлять о рощахъ и высотахъ, и о всякой лѣсистой и тѣнистой горѣ, не *пожрутъ сыны своя и дщери своя дѣсовомъ* (Пс. 105, 37.), за что древле Изра-

иль укоряемъ былъ Пророками. Но что мнѣ до сего? Обращусь къ настоящему,—къ тому, что насъ собственно касается. Не будутъ уже лукаво смотрѣть на священные наши храмы, нечистою кровію осквернять жертвенники, получившіе имя отъ пречистой и безкровной Жертвы; не будутъ безбожными алтарями безчестить священныхъ мѣсть, расхищать и осквернять приношеній, къ нечестію присоединяя корыстолюбіе; не будутъ оскорблять сѣдину іереевъ, честность діаконовъ, цѣломудріе дѣвъ; не будутъ уже къ разсѣченнымъ утробамъ Святыхъ припускать нечистыхъ свиней, чтобы вмѣстѣ съ пищею пожирали и сіи утробы; не будутъ истреблять огнемъ и разсѣвать на вѣтеръ останки Святыхъ, предавая ихъ безчестію съ самыми безчестными костями, чтобы лишить подобающей имъ чести; не будутъ уже ставить *сѣдалищъ губителей*, и забавляться хулою епископовъ и пресвитеровъ, также Пророковъ и Апостоловъ, и даже самого Христа; не будутъ уже торжествовать надъ нами, запрещая намъ закономъ лжеименное¹⁾ образованіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ заградить намъ уста. Подай сюда свои царскія и софистическія рѣчи, свои неотразимые силлогизмы и энтимемы; посмотримъ, какъ и у насъ говорятъ неученые рыбаки. *Отстави гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсней органовъ твоихъ*, повелѣваетъ тебѣ Пророкъ мой (Амос. 5, 23). Да воспоетъ опять съ дерзновеніемъ Давидъ, который тайственными камнями низложилъ надменнаго Голіаа, побѣдилъ многихъ кротостію, и духовнымъ сладкозвучіемъ исцѣлялъ Саула, мучимаго злымъ духомъ. Пусть свѣщеносецъ твой погаситъ огонь; а мудрыя и священныя дѣвы возжгутъ для Жениха свои свѣтильники. Пусть твой іерофантъ сложитъ съ себя одежду блудницы; а *священницы облечутся правдою* (Пс. 131, 9.) и украшеніемъ *славы, вѣсто духа унынія* (Пс. 61, 4.), облечутся въ великій и нескверный хитонъ, во Христа—наше украшеніе. Пусть умолкнетъ твой проповѣдникъ, и не говоритъ безславнаго; да вѣщаетъ же мой проповѣдникъ богодухновенное. Оставь свои волшебныя и чародѣйскія книги; и пусть перечитываются однѣ Пророческія и Апостольскія. Прекрати свои гнусныя и тмы исполненныя ночныя сборища; и я возстановлю священныя и свѣтлыя всенощныя бдѣнія. Загради свои тайники и пути, низводящіе во адъ; я покажу тебѣ пути открытые и ведущіе на небо. Какіе запасы оружія, какія изобрѣтенія снарядовъ, какія тмы и полчища людей произвели бы то, что сдѣлали наши

¹⁾ Въ язвческихъ училищахъ и въ свѣтскихъ наукахъ.

молитвы и божья воля? Богъ словомъ разсѣялъ тму, словомъ произвелъ свѣтъ, основалъ землю, округлилъ небо, распредѣлилъ звѣзды, разлилъ воздухъ, положилъ предѣлы морю, протянулъ рѣки, одушевилъ животныхъ, сотворилъ человѣка по образу Своему, далъ всему красоту. Словомъ и нынѣ разсѣялъ Онъ ночный мракъ и все привелъ во свѣтъ, порядокъ и прежнюю стройность. Теперь не владѣчаютъ уже алчные и лживые демоны; не оскорбляется тварь поклоненіемъ, воздаваемымъ ей вмѣсто Бога. Отбрось своихъ Триптолемовъ, и Келеевъ, и таинственныхъ драконовъ; устыдись, наконецъ, книгъ своего богослова — Орфея; воспользуйся даромъ времени, покрывающаго твое безстыдство. Если же это—однѣ басни и вымыслы; то обнаружу твои ночныя таинства. Теперь не говоритъ уже дубъ, не прорицаетъ треножникъ, и Пизія не наполняется, не знаю чѣмъ, но не болѣе, какъ баснями и бредомъ. Источникъ Кастальскій опять умолкъ и молчитъ; его вода возбуждаетъ не даръ пророчества, но смѣхъ. Аполлонъ опять сталъ безгласнымъ истуканомъ, Дафна—деревомъ, оплакиваемымъ въ баснѣ! Діонисъ опять андрогинъ, и водить съ собой толпу пьяныхъ; великое твое таинство—богъ Фаллъ страждетъ любовью къ прекрасному Просимну. Семела опять поражена молніею. Опять храмлетъ на обѣ ноги, но проворенъ въ отыскиваніи прелюбодѣевъ Ифестъ, этотъ богъ, замаранный сажею, хотя онъ славный художникъ и Олимпійскій Церситъ. Арей опять за любодѣяніе скованъ вмѣстѣ со Страхомъ, Ужасомъ и Смятеніемъ, и раненъ за дерзость Афродита опять любодѣйца, срамно рожденная, служительница срамныхъ браковъ. Аѳина опять дѣва и рождаетъ дракона. Иракль опять бѣснуется, или лучше сказать, перестаетъ бѣсноваться. Опять изъ похотливости и сладострастія превращается во всѣ виды Зевесъ, совѣтникъ и властитель боговъ, который одинъ поднимаетъ всѣхъ ихъ со всѣмъ существующимъ, а самъ не можетъ быть сдвинуть съ мѣста всѣми. Гробъ Діевъ опять показывается въ Критѣ. Какъ скоро вижу твоего Кердоа, Логія и Эпагонія,—закрываю глаза, и бѣгу прочь отъ твоего бога, потому что стыжусь смотрѣть. Не препятствую тебѣ поклоняться силѣ краснорѣчія и сумѣ. Одно у тебя стоитъ уваженія: чествованіе, воздаваемое андрогинами у египтянъ Нилу, Изиды, Мендезійскіе боги, Аписы и всѣ прочіе чудовищныя и изъ многихъ составленные звѣри, которыхъ ты живописуешь или лѣпишь. Смѣюсь твоему Пану, Пріапу, Гермафродиту и прочимъ богамъ, которые въ неистовствѣ или изуродованы, или растерзаны.

Предоставляю все сіе зрѣлищу и стихотворцамъ, украшающимъ вапихъ боговъ; а я заключу слово увѣщаніемъ.

Мужи и жены, юноши и старцы, всѣ служащіе въ семь святилищъ и занимающіе низшіе степени, всѣ, которыхъ Господь избавилъ нѣкогда отъ заблужденія и безбожія, а нынѣ отъ возстанія язычниковъ и отъ бѣдствій настоящихъ и ожидаемыхъ! Выслушайте слово мужа, который научился сему не слегка, но изъ ежедневныхъ событій, изъ древнихъ исторій, книгъ и дѣяній! Великое дѣло—не испытать никакой скорби; а можетъ быть, и не великое, если истинно слово, что *его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоче пріемлетъ* (Евр. 12, 6), и о которомъ особенно печется. Напротивъ того, великое дѣло—вовсе не грѣшить, или по крайней мѣрѣ не согрѣшать тяжко; потому что быть совершенно безгрѣшнымъ—Богъ поставилъ выше человѣческой природы. А вторымъ послѣ сего дѣломъ полагаю, чтобы падшіе и наказанные, а потомъ прощенные всегда чувствовали сіе наказаніе и избѣгали новой казни за новое преступленіе. Посему и мы самымъ дѣломъ возчувствуемъ Божіе наказаніе. Покажемъ самихъ себя достойными не того, что прежде потерпѣли, но того, что напоследокъ получили. Будемъ оправдываться въ постигшемъ насъ бѣдствіи тѣмъ, что мы, не какъ злодѣи, были преданы язычникамъ, но вразумлены, какъ дѣти. Не станемъ забывать о бурѣ во время тишины, о болѣзни — во время здравія, о плѣнѣ — по благополучномъ возвращеніи въ Іерусалимъ, объ Египтѣ—послѣ Египта. Время злостраданія да не будетъ у насъ лучшимъ временемъ успокоенія; но оно будетъ такимъ, если окажется, что мы тогда были смиренны, и умѣренны, и во всѣхъ надеждахъ простирались къ небу, а теперь превозносимся, надмеваемся, и опять обратились къ тѣмъ же грѣхамъ, которыми были доведены до постигшихъ насъ бѣдствій. *Ни, чада, ни* (1 Цар. 2, 24), говоритъ нѣгдѣ священникъ Илій, увѣщавая дѣтей своихъ, согрѣшившихъ противъ Бога. Напротивъ того, зная, что легче возвратить потерянное благоденствіе, нежели сохранить дарованное отъ Бога (ибо потерянное возвращается цѣломудріемъ, а дарованное утрачивается безпечностью), зная, что больное тѣло восстанавливается лѣкарствами и воздержаніемъ, а восстановленное, при маломъ нерадѣніи и пресыщеніи, опять приходитъ въ расслабленіе, и впадаетъ въ прежніе недуги,— зная все сіе и внушая другъ другу, прійдемъ въ самихъ себя, и будемъ цѣломудренно располагать временемъ. И во-первыхъ, братія, будемъ праздновать не плотскимъ весе-

ліємъ, не пиршествами, не піянствомъ; вы знаете ихъ плодъ— нечистыя ложа и распутство. Не будемъ устилать улицъ цвѣтами, умащать трапезъ срамомъ благовоній, украшать предверій; да не освѣщаются дома чувственнымъ свѣтомъ, да не обращаются въ дома безчинія звуками свирѣлей и рукоплесканіями! Такъ установлено язычниками праздновать новомѣсячія. А мы не симъ почтимъ Бога, не тѣмъ превознесемъ настоящее время, что насъ недостойно, но чистотою души, свѣтлостію ума, свѣтильниками, озаряющими все тѣло Церкви, то есть, божественными созерцаніями и размышленіями, возносимыми на священный свѣщникъ и освѣщающими всю вселенную. Въ сравненіи съ симъ свѣтомъ ничтожны, по моему мнѣнію, всѣ огни, возжигаемые у людей при частныхъ или общественныхъ торжествахъ. Есть у меня и муро, но такое, которымъ помазуются только священники и цари, какъ многосоставнымъ и многоцѣннымъ и за насъ истощеннымъ,—муро, составленное искусствомъ великаго Муроварца. О если бы и я сподобился принести благовоніе сего мура! Есть у меня и сія духовная и божественная трапеза, которую мнѣ *уготовалъ Господь сопротивъ стужающимъ мнѣ* (Пс. 22, 5); за нею упокоеваюсь, и веселюсь, и по насыщеніи не предаюсь постыднымъ помысламъ, но усыплю въ себѣ всякое возстаніе страстей. Есть у меня и цвѣты, которые прекраснѣе и долговременнѣе всякаго весенняго цвѣтка, цвѣты *нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. 27, 27), то есть, священники, благоухающіе пастыри и учителя, и изъ народа все, что есть чистаго и избраннаго. Ими-то я желаю увѣнчаться и украситься, когда, по примѣру святаго Апостола, *подвигомъ добрымъ подвизаяся, теченіе скончаю, вѣру соблюду* (2 Тим. 4, 7). Замѣнимъ тимпаны духовными пѣснями, безчинные крики и пѣсни—псалмопѣніемъ, зрѣлищное рукоплесканіе—рукоплесканіемъ благодарственнымъ и стройнымъ движеніемъ рукъ, смѣхъ—размышленіемъ, піянство—мудрою бесѣдою, шутливость—степенностію. Если же тебѣ, какъ любителю торжественныхъ собраній и празднествъ, нужно плясать: скачи, но не плясаніемъ безстыдной Иродіады, дѣломъ которой была смерть Крестителя, а скаканіемъ Давида, при поставленіи на мѣсто Кивота, которое, какъ думаю, было таинственнымъ знаменованіемъ быстраго и свободнаго шествованія предъ Богомъ.

Вотъ первая и важнѣйшая часть моего увѣщанія! Вторая же часть, сколько знаю, будетъ для многихъ тяжела и непріятна. Ибо человѣкъ, получившій возможность воздать зломъ за зло,

особливо, если то, что потерпѣлъ, даетъ справедливую причину къ гнѣву,—не любить повиноваться слову, которое обуздываетъ его раздражительность. Однако же, слово мое достойно того, чтобы его выслушали и приняли. Не будемъ неумѣренно пользоваться обстоятельствами времени, не допустимъ излишества въ употребленіи своей власти, не будемъ жестокосерды къ тѣмъ, которые насъ обижали, не будемъ дѣлать того, что сами осуждали. Изъ настоящей перемѣны воспользовавшись тѣмъ, что избѣгаемъ зла, возненавидимъ всякое отмщеніе. Люди умѣренные почитаютъ для своихъ оскорбителей достаточнымъ наказаніемъ ихъ страхъ, ожиданіе того, чего они достойны, и мученія собственной ихъ совѣсти. Ибо, кто боится будущаго наказанія, тотъ уже страдаетъ, хотя и не терпитъ еще наказанія; онъ самъ себя наказываетъ, можетъ быть, болѣе, нежели, какъ наказали бы его исполнители казни. Итакъ, не пожелаемъ умѣрять (Божія) гнѣва, да не явимся наказывающими слабѣе надлежащаго, но поелику не можемъ за все наказать; то простимъ во всемъ, и чрезъ то содѣлаемся лучшими нашихъ обидчиковъ, и станемъ ихъ выше. Покажемъ, чему ихъ учатъ демоны, и чему насъ научаетъ Христосъ, Который страданіями приобрѣлъ славу, и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство¹⁾ благодію, и на сей только конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ. Особенно въ прощеніи покажемъ человѣколюбіе и силу заповѣди, которая воздаетъ и намъ равнымъ человѣколюбіемъ, какъ скоро имѣемъ въ томъ нужду; ибо знаемъ, что *въ нѣже мѣру мѣряемъ возмѣрится* намъ (Марк. 4, 24). Если же кто и очень огорченъ,—предоставимъ огорчившихъ насъ Богу и будущему суду. Не будемъ уменьшать будущаго гнѣва тѣмъ; что возложимъ на нихъ собственную свою руку. Не будемъ помышлять объ отобраніи отъ нихъ имуществъ, не повлечемъ ихъ на судъ, не станемъ изгонять изъ отечества, наказывать бичами; кратко скажу: не сдѣлаемъ имъ ничего такого, что сами потерпѣли. А если возможно, собственнымъ примѣромъ своимъ сдѣлаемъ и ихъ кроткими. Пострадали ли у кого сынъ или отецъ, или жена, сродникъ, другъ, или другій кто изъ цѣнныхъ имъ дорого: вознаградимъ cadaго за страданіе, убѣдивъ его съ твердостью перенести все, что ни потерпѣлъ. Выше сего дара, что иное

¹⁾ Христіанскую вѣру.

можемъ воздать имъ? Сказать ли и о величайшемъ благодѣяніи, какое мы получили? Наши гонители преслѣдуются упреками народовъ и городовъ, на зрѣлищахъ, на торжищахъ, въ собраніяхъ. Вездѣ ублажаютъ старое, выставляютъ новое на позоръ, и къ большому удивленію, даже соучастниками нашихъ гонителей съ укоризнами ниспровергаются самые боги, какъ обманывавшіе ихъ долгое время, и уже поздно уличенные въ обманъ. Кто вчера былъ поклонникомъ, тотъ нынѣ сталъ ругателемъ. Чего еще болѣе требовать?

Сіе воздается нынѣ несчастнымъ, и можетъ быть, это еще малая часть воздаянія. Будетъ время, когда оскорбителей моихъ и великаго ихъ вождя увижу оплакивающими свое нечестіе,—когда всякое беззаконіе будетъ судимо и подвергнуто истязанію. Умалчиваю о нашихъ Божественныхъ изреченіяхъ и о тѣхъ казняхъ, которыя, по нашѣму ученію, уготованы въ будущемъ. Обратись къ своему ученію и къ ужасамъ, о которыхъ любятъ рассуждать не одни стихотворцы, но и философы; обратись къ своимъ Пириелегетонтамъ, Коцитамъ и Ахеронтамъ, въ которыхъ мучатся за неправду Танталъ, Титій, Иксионъ. Къ нимъ сопричислится Юліанъ, царь сего собратства, и даже предваритъ ихъ, по нашему слову и опредѣленію. Не жаждою будетъ онъ томиться, стоя по горло въ озерѣ; не будетъ приводимъ въ ужасъ камнемъ, по изображенію трагика, висящимъ надъ головою и непрестанно то поднимающимся, то опускающимся; его не будутъ вертѣть на быстро кружащемся колесѣ; и птицы не будутъ терзать его печень, никогда не истощающуюся, но всегда восполняемую,—пусть все сіе будетъ истина, или одна баснь, скрывающая истину въ вымыслѣ. Но тогда увидимъ, какъ и чѣмъ онъ будетъ наказанъ, увидимъ, что мученіе его будетъ тяжелѣе описанныхъ, потому что взыскація и воздаянія всегда соразмѣрны преступленіямъ.

Таковъ отъ насъ даръ тебѣ, превосходный и мудрый мужъ (скажу твоими же словами), за ударъ ногою! Сіе воздаемъ тебѣ мы, которымъ по великому и удивительному твоему уложенію, запрещено было учиться краснорѣчію. Видишь, что не до конца должны мы были молчать, что твои уставы не могли осудить насъ на всегдашнее безмолвіе; но что и намъ дана свобода возвысить голосъ и обличить твое неразуміе. Какъ невозможно никакимъ искусствомъ удержать Нильскіе водопады, низвергающіеся изъ Еѳіопіи въ Египеть, или остановить солнечный лучъ, хотя на малое время, и затмѣвается онъ облакомъ; такъ нельзя

связать и ~~яма~~ христіанъ, обличающаго ваши дѣла. Сіе приносятъ тебѣ Василій и Григорій, противники и противоборники твоего замысла, какъ самъ ты думалъ другихъ увѣрять, своими угрозами прославляя и поощряя насъ къ вѣщшему благочестію. Зная насъ еще въ Греціи, какъ людей, приобрѣтшихъ себѣ имя и извѣстность жизни, краснорѣчіемъ и взаимнымъ единодушіемъ, ты кочтилъ насъ честію Циклопа, то есть, послѣднихъ соблюдалъ на погибель, и, можетъ быть, умышлялъ принести въ побѣдный даръ демонамъ, какъ нѣчто великое и достойное твоего величія, если бы встрѣтили мы тебя, возвращающагося изъ Персіи; или даже, худо разсчитывая, питалъ надежду и насъ ввергнуть въ одну съ собою бездну. Ибо мы не малодушнѣе тѣхъ юношей, которые были орошены въ огнѣ, побѣдили звѣрей вѣрою, охотно подеерглись опасности вмѣстѣ съ мужественною матерью и еще мужественнѣйшимъ священникомъ, показали, что одна только вѣра непобѣдима; нѣ малодушнѣе, конечно, и тѣхъ, которые при тебѣ явили свою неустрашимость, и изъ которыхъ одинъ¹⁾, посрамивъ мать боговъ твоихъ, и разрушивъ жертвенникъ, веденъ былъ къ тебѣ, какъ осужденникъ, вошелъ, какъ побѣдитель, и немало посмѣявшись твоей багрянницѣ и твоимъ рѣчамъ, какъ преиспещреннымъ и смѣшнымъ, вышелъ отъ тебя съ большимъ дерзновеніемъ, нежели съ какимъ возвращается иной съ вечери и съ свѣтлаго пиршества; а другій²⁾, когда все тѣло глубоко просѣчено было ремнями, едва дыша отъ ранъ, не только не ослабѣлъ въ пыткахъ, и не почелъ претерпѣваемыхъ мученій тяжкими, но даже замѣтивъ, что нѣкоторыя части тѣла не подвергались еще ударамъ, началъ обвинять мучителей въ нанесеніи ему оскорбленій; потому что не все его тѣло почтили, но оставили нѣчто неистерзаннымъ и неосвященнымъ, а съ симъ вмѣстѣ указывалъ на голень, которая одна избѣжала желѣзныхъ ногтей, и требовалъ, чтобы и ее не падали

Итакъ,—сіе тебѣ слово, цѣнимое христіанами не ниже лжей и нелѣпостей Порфиріевыхъ, которыми вы восхищаетесь, какъ божественными глаголами, и не ниже твоего Мисопогона или Антіохика³⁾; ибо тѣмъ и другимъ именемъ надписываешь

¹⁾ Св. Маркъ Ареоузскій.

²⁾ Св. Евсевій Самосатскій.

³⁾ Сочиненіе Юліана *Мисопогонъ*—ненавистникъ бороды, написанное противъ антіохіанъ, которые смѣялись надъ длинною и неопрятною Юліановою бородою.

ты свое сочиненіе. Его дѣлали тогда важнымъ твоя порфира и льстецы, всему въ тебѣ удивлявшіеся, а теперь стало оно бородою, которую всѣ таскаютъ, рвутъ и осмѣиваютъ, равно какъ и трудившихся надъ нею. Въ немъ, какъ будто рассуждая о чемъ-то важномъ, ты весьма надмеваешься тѣмъ, что не имѣешь излишней заботливости о тѣлѣ, и никогда не чувствовалъ неваренія пищи отъ многояденія; а съ намѣреніемъ умалчиваешь о томъ, что такъ жестоко гналъ христіанъ, и истреблялъ сей многочисленный священный народъ. Но какой вредъ для общества, когда одинъ человѣкъ страдаетъ невареніемъ пищи, или имѣетъ естественную отрыжку? Когда же воздвигнуто было такое гоненіе, и произведено столько замѣшательства; тогда не должна ли была вся Римская держава прійти въ худое положеніе, какъ и дѣйствительно оказалось на опытѣ? Сей воздвигаемъ тебѣ памятникъ, который выше и славнѣе столповъ Иракловыхъ. Тѣ были водружены на одномъ мѣстѣ, и видимы только приходившими туда; а сей памятникъ, переходя отъ одного къ другому, не можетъ не быть вездѣ и всѣмъ извѣстенъ. И твердо знаю, что позднія времена увидятъ его обличающимъ тебя и твои дѣла, а также научающимъ и всѣхъ прочихъ не отваживаться на подобное возстаніе противъ Бога, чтобы, поступая подобно тебѣ, не получить одинаковаго съ тобою воздаянія.

Слово 6, о мирѣ, говоренное въ присутствіи отца послѣ предшествовавшаго молчанія, по случаю воссоединенія монашествующихъ.

Ревность разрѣшаетъ языкъ мой, и я оставляю безъ исполненія законъ человѣческій для закона духовнаго: дарю миру слово, хотя прежде ни за что не соглашался приступить къ слову. Ибо какъ скоро возмутились противъ насъ члены, великое и честное тѣло Христово начало раздѣляться и разсѣкаться, такъ что едва не *расточившася кости наша при адѣ* (Пс. 140, 7), подобно тому, какъ глубина земли раздирается плугомъ и разсыпается по поверхности; какъ скоро лукавый, раздравши нераздираемый, нераздѣлимый и весь тканый *хитонъ* (Іоан. 19, 23), присвоилъ его весь себѣ, успѣвъ чрезъ насъ сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать чрезъ распинателей Христовыхъ; тогда *положивъ хранило устомъ* (Пс. 38, 2), и въ другихъ случаяхъ несловоохотнымъ, рассуждая, что духовный порядокъ требуетъ сперва очистить себя самого дѣятельнымъ любомудріемъ, по-

томъ, *отверзши уста* разума, *привлечь духъ* (Пс. 118, 131), а послѣ уже *отрыгнуть слово благо* (Пс. 44, 22), и *глаголать премудрость Божию*, совершенную въ совершенныхъ (1 Кор. 2, 6). Притомъ, какъ есть *время всякой вещи*, малой и великой, по справедливому и весьма разумному изреченію Соломона (Еккл. 3, 1); такъ и я, не менѣ всякаго другаго, зналъ время говорить и молчать. Посему *онѣмѣхъ и смирихся* (Пс. 38, 3), когда вблизи меня не стало ничего добраго, какъ будто облако набѣжало на сердце мое и сокрыло лучъ слова, а *болѣзнь моя обновлялась* днемъ и ночью; все возжигало ее во мнѣ, все напоминало о разъединеніи братій: бдѣнія, пощенія, молитвы, слезы, мозоли на колѣнахъ, біеніе въ перси, воздыханія изъ глубины сердца, всенощное стояніе, переселеніе умомъ къ Богу, тихій плачь среди моленій, приводящій въ умиленіе слушающихъ,—также поющіе, славословящіе, поучающіеся день и ночь въ законъ Господнемъ, носящіе *въ гортани своей возношенія Божія* (Пс. 149, 6). О томъ же напоминали мнѣ и сіи прекрасныя черты и признаки жизни по Богу, сіи безмолвные проповѣдники—волосы сухіе и нечистые, ноги босыя и, подобно Апостольскимъ, ничего не носящія на себѣ мертваго, стриженіе власовъ тому же соотвѣтствующее, одежда смиряющая гордость, поясъ прекрасный своею неукрашенностію, подбирающій нѣсколько, но нимаю не приподнимающій одежду, походка твердая, взоръ неблуждающій, улыбка пріятная, или, лучше сказать, только видъ улыбки, цѣломудренно удерживающій отъ неумѣреннаго смѣха, слово съ разумомъ, молчаніе драгоцѣннѣйшее самаго слова, хвала, приправленная солію, но не для ласкательства, а въ руководство къ лучшему, порицаніе—болѣе самой похвалы вождельнное, умѣренность въ печали и въ веселости, и раствореніе одной другою, мягкость, соединенная съ мужествомъ, и суровость съ скромностію, такъ что одно другому не вредитъ, но одно чрезъ другое дѣлается похвальнымъ; умѣренность въ общеніи съ другими и въ уклоненіи отъ общенія,—общеніи для назиданія другихъ, и уклоненія для собственнаго поученія тайнамъ Духа,—общеніи, сохраняющемъ уединеніе среди самаго общества, и уклоненіи, соблюдающемъ братолюбіе и человеколюбіе среди самаго уединенія, а что и сего еще важнѣе и выше, богатство, состоящее въ бѣдности, обладаніе — въ пришельствіи, слава въ безчестіи, сила — въ немощи, прекрасное чадородіе—въ безбрачїи, такъ какъ рождаемое по Богу лучше порожденій по плоти. Наконецъ, люди, почитающіе для себя наслажде-

ніемъ не имѣть никакихъ наслажденій, смиряющіеся ради небснаго царства, не имѣющіе ничего въ мірѣ и стоящіе выше міра, живущіе во плоти какъ бы внѣ плоти, которыхъ часть — *Господь* (Числ. 18, 20), *нищіе ради царствія* (Матѳ. 5, 3), и нищетою царствующіе. Вотъ кто своимъ присутствіемъ веселилъ меня, составлялъ мое богатство, мое лучшее утѣшеніе, и — своимъ отсутствіемъ приводилъ меня въ уныніе! Вотъ что стѣсняло и возмущало мою душу; вотъ отъ чего *ходилъ я, плача, и стѣмля!* Вотъ почему отринулъ я съ другими удовольствіями и самое слово! Ибо *возлюбленные отверглись* меня, и *обратили ко мнѣ хребты, а не лица своя.* (Втор. 32, 15. Іерем. 2, 27); паства стала свободнѣе (чтобы не сказать отважнѣе) пастыря; *виноградъ истинный*, прекрасно очищенный добрымъ дѣлательемъ и приносившій добрые плоды въ божественные точила, *превратился* для меня *въ горечь* (Іер. 2, 21), *друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближилися и сташа, и ближніи мои отдалече мене сташа* (Пс. 37, 12). Изъ сильной любви къ Богу и ко Христу мы раздѣлили Христа; изъ-за *Истины* (Іоан. 14, 6) стали лгать другъ на друга; ради *Любви* (Іоан. 4, 8) поучались ненависти; изъ-за *Камня* (1 Кор. 10, 4) поколебались; изъ-за *краугольного камня* (Ефес. 2, 20) разсыпались; сверхъ нужды ратовали изъ-за Мира; были низлагаемы изъ-за Вознесеннаго на древо; подвергались смерти изъ-за Погребеннаго и Воскресшаго.

Такъ было прежде! И для чего среди радости возобновлять неудовольствіе, останавливаясь на событіяхъ печальныхъ, которыхъ не желалъ бы не только испытать, но и привести на память, о которыхъ лучше не говорить, а молчать, сокрывъ во глубинѣ забвенія постигшее насъ несчастіе? Развѣ кто для того только напомнить о скорбномъ, чтобы вразумиться намъ симъ примѣромъ, и, какъ въ болѣзни, избѣгать причинъ, которыя довели до такого состоянія.

Но теперъ, когда отбѣжали отъ насъ болѣзнь, печаль и воздыханіе, когда мы чтители Единаго стали едино, мы чтители Троицы, такъ сказать, срослись между собою, стали единомыслны и равночестны, мы чтители Слова оставили безсловесіе, мы чтители Духа горимъ ревностію не другъ противъ друга, но заодно другъ съ другомъ, мы чтители *Истины* одно мудрствуемъ и одно говоримъ, мы чтители *Мудрости* стали благоразумны, чтители Того, Кто — *Свѣтъ, Путь, Дверь, яко во дни благообразно ходимъ*, всѣ идемъ прямымъ путемъ, всѣ внутри

двора; читатели *Лянца и Пастыря* сдѣлались кроткими, и принадлежимъ уже къ тому же стаду и единому пастырю, который пасетъ стадо съ *сосудами не пастыря неискусна* (Зах. 11, 16), погубляющаго овецъ своего пастбища и предающаго ихъ волкамъ и стремнинамъ, но пастыря весьма испытаннаго и опытнаго теперь, когда мы, читатели Пострадавшаго за насъ, стали сострадательны и готовы облегчать тяготы другъ другу, читатели *Главы* образуемъ стройное тѣло и скрѣпленное всякимъ духовнымъ союзомъ (Ефес. 4, 16), когда Богъ *творяй вся и претворяй* въ полезнѣйшее (Амос. 5, 8), *обратилъ плачь нашъ въ радость*, и вмѣсто *вретуща* далъ намъ *веселіе* (Пс. 29, 12); тогда и я, вмѣстѣ съ прошедшими скорбями, отлагаю молчаніе, и приношу настоящему времени и вамъ, или паче Богу, слово, самую приличную благодарственную жертву, даръ, который чище злата, дороже многоцѣнныхъ камней, цѣннѣе тканей, святѣе жертвы подзаконной, святѣе начатка первородныхъ, угоденъ Богу паче тельца юнаго, еще несовершенного по рогамъ и раздвоеннымъ копытамъ, (Пс. 68, 32) и безмысленнаго, угоденъ паче куренія, паче всеожженія, паче многихъ тысящъ тучныхъ ововъ,—паче всего, чѣмъ Законъ, заключающій въ себѣ только начальныя основанія, держалъ во власти еще младенчествующаго Израиля, преднаписуя въ кровавыхъ жертвахъ будущее жертвоприношеніе. Сіе приношу Богу, сіе посвящаю Ему, что одно и оставилъ я у себя, чѣмъ однимъ и богатъ я; потому что отъ прочаго отказался изъ повиновенія заповѣди и Духу; все, что я ни имѣлъ, промѣнялъ на драгоценную *жемчужину*, сдѣлался (или лучше сказать, желаю сдѣлаться тѣмъ счастливымъ *кутцемъ*, который за малое, несомнѣнно тлѣнное, купилъ великое и нетлѣнное (Матѳ. 13, 45. 46); но удерживаю за собою одно слово, какъ служитель слова, и добровольно никогда не пренебрегу сего стяжанія, но цѣню, люблю его, веселюсь о немъ болѣе, нежели о всемъ томъ, въ совокупности, что радуется большую часть людей; дѣлаю его сообщникомъ всей жизни, добрымъ совѣтникомъ, собесѣдникомъ и вождемъ на пути къ горнему и усерднымъ сподвижникомъ. И такъ какъ презираю все дальнее, то вся моя любовь послѣ Бога обращена къ слову, или, лучше сказать, къ Богу, потому что и слово ведетъ къ Богу, когда оно соединяется съ разумнѣніемъ, которымъ однимъ Богъ истинно пріемлется и сохраняется и возрастаетъ въ насъ. *Я нарекъ премудрость сестру мнѣ быти* (Притч. 7, 4), *почтилъ и объялъ* ее, сколько мнѣ дозво-

лено было, и домогаюсь *вѣнца благодати и радости на главу свою* (Притч. 4, 8. 9), то есть, даровъ премудрости и слова, озаряющаго умъ нашъ и освѣщающаго наши шествія къ Богу. Черезъ слово я обуздываю порывы гнѣва, имъ усыпляю изсушающую зависть, имъ успокаиваю печаль, оковывающую сердце, имъ уцѣломудриваю сластолюбіе, имъ полагаю мѣру ненависти, но не дружбѣ (ибо ненависть должно умѣрять, а дружбѣ не должно знать предѣловъ). Слово въ изобиліи дѣлаетъ меня скромнымъ и въ бѣдности великодушнымъ; оно побуждаетъ меня идти съ идущимъ твердо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. Съ нимъ равны для меня и отечество и чуждая страна, и переселеніе для меня—не болѣе, какъ переходъ съ одного чужаго мѣста на другое, не мое. Слово для меня раздѣляетъ міры, и отъ одного удаляетъ, къ другому приводитъ. Оно научаетъ меня не возноситься *десными оружіями правды* (2 Кор. 6, 7), и въ несчастныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ со мною любомудрствуетъ, подавая *непостыжающую надежду* (Рим. 5, 5) и облегчая настоящее будущимъ. Словомъ и нынѣ встрѣчаю друзей своихъ и братьевъ, и предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и всегдашнюю, а не такія, какими земная трапеза льститъ чреву, которое не можетъ быть исправлено, но *упразднится* (1 Кор. 6, 13). *Молчать, еда и всегда умолчу* (Ис. 42, 14)? *Терпѣть, яко рождающая*; ужели и всегда буду терпѣть? Молчаніе Захаріи разрѣшилъ родившійся Іоаннъ (ибо неприлично было молчать отцу *гласа*, когда гласъ уже произошелъ; но какъ невѣріе гласу связало языкъ, такъ явленіе гласа должно было разрѣшить отца, которому и благовѣствованъ и родился сей *гласъ и свѣтильникъ*, предтеча Слова и Свѣта): а мнѣ разрѣшаетъ языкъ и возвышаетъ гласъ, какъ гласъ трубы, сіе благодѣтельное событіе, сіе прекрасное зрѣлище, какое представляютъ чада Божіи, прежде расточенныя, а нынѣ собранныя воедино, покоющіяся подъ одними и тѣми же крылами, *въ единомыслии* идущія *въ домъ Божій* и соединенныя между собою единымъ союзомъ добродѣтели и Духа. Я не могу молчать, когда уже не возстаемъ другъ на друга (до того нашъ умъ уловленъ былъ лукавымъ, или терпѣлъ отъ него насиліе, или *сострѣлянъ* былъ имъ *во мракъ* (Пс. 10, 2), отъ него же наведенномъ, или какъ иначе это выразить,—что мы радовались несчастіямъ другъ друга, не думая о томъ, что взаимное несогласіе причиняетъ вредъ цѣлому тѣлу). Не могу молчать, когда

Иуда и Израиль *поставляютъ себѣ власть едину* (Ос. 1, 11), Иерусалимъ и Самарія собираются къ единому горнему Иерусалиму, и мы стали уже не *Павловы, Аполлосовы и Кифины* (изъ-за чего и противъ чего и происходили горделивыя пренія), но всё—*Христовы* (1 Кор. 1, 12).

Но поелику вы овладѣли теперь и мною и словомъ не безъ насилія, но не по неволѣ, а по любви, то буду вѣщать (хотя едва могу), потому что вы такъ повелѣваете, и произнесу слова благодаренія и вразумленія.

Благодареніе мое таково: *Кто возглаголетъ силы Господни? Кто во услышаніе всѣхъ возвѣститъ всю хвалу* (Пс. 105, 2)? Теперь *обоя едино, и средостѣнныя ограды разорено* (Еф. 2, 14). Ты содѣлалъ, что мы перестали быть *притчею во языцехъ*, предметомъ *поживанія главою въ лодехъ* (Пс. 43, 15). Ты далъ намъ столько потерпѣть зла, сколько нужно было, чтобы во время раздѣленія познали мы благо мира, и, поразивъ скорбію, опять возстановилъ насъ. Чудное врачеваніе! Ты враждою научилъ миру скоро возненавидѣвшихъ вражду; противнымъ устроилъ противное, и столько разлучилъ насъ, что мы тѣмъ съ большею охотою устремились другъ къ другу: подобно какъ вѣтви растеній, насильно разведенныя и потомъ оставленныя на свободѣ, опять стремятся одна къ другой, принимая прежнее естественное положеніе, и показываютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, а не исправить. *Рука* уже не презираетъ *ока*, и *око*—*руки*; *глава* не возстаетъ противъ *ногъ*, и *ноги* не чуждаются *главы* (1 Кор. 12, 21), и не вредятъ, или лучше сказать, не терпятъ вреда отъ безпорядка и безначалія, отъ котораго и во всемъ происходитъ замѣшательство и разрушеніе: но всѣ члены, по естественному чину и закону, которымъ все между собою соединено и сохраняется, равно заботятся другъ о другѣ,— и мы составляемъ теперь *едино тѣло и единъ духъ, якоже и званіи быхомъ во единомъ упованіи званія* (Еф. 4, 4). *Сего ради восхваляютъ Тя любіе нищій* (Ис. 25, 3), ставъ богатыми изъ убогихъ. Ты удивилъ на насъ *милость Твою* (Пс. 30, 22), и къ древнимъ сказаніямъ присоединяется нѣчто новое. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Бросивъ зерно, получилъ я колосъ; оплакивая потерю овецъ, пріобрѣлъ пастырей, и вѣрно знаю, что пріобрѣту еще наилучшаго изъ пастырей¹⁾, хотя онъ, по нѣкоторымъ духовнымъ при-

¹⁾ Св. Василія Великаго, который былъ уже тогда рукоположенъ въ пресвитера Церкви Кесарійской, но на время удалялся въ пустыню.

чинамъ и медлитъ принять паству. Сему пастырю уже ввѣрены и благодать Духа, и таланты для употребленія, и попеченіе о стадѣ; онъ помазанъ помазаніемъ святыни и совершенія: но мудрость еще удерживаетъ его отъ начальства, и онъ до времени держитъ *свѣтильникъ подъ спудомъ*; но вскорѣ *поставитъ его на свѣщникъ, свѣтитъ* всякой душѣ въ Церкви (Матѣ. 5, 15) и быть *свѣтомъ стезямъ нашимъ* (Пс. 118, 104). Онъ теперь обозрѣваетъ еще дебри, горы и потоки, и приготовляетъ сѣти волкамъ—хищникамъ душъ, дабы во время благопотребно принять жезлъ и пасти сіе словесное стадо, вмѣстѣ съ Истиннымъ Пастыремъ, вселяясь *на мѣстѣ злачнѣ*, среди вѣчно зеленѣющихъ словесъ Божіихъ, и *питая водою упокоенія*, то есть, Духомъ (Пс. 22, 2). Сего мы надѣемся и о семъ молимся.

Но мнѣ уже время присовокупить къ благодаренію и увѣщаніе, которое предложу также, сколько можно, короче; потому что вы большею частію вразумлены уже самыми событіями, и для наученныхъ опытомъ не нужны продолжительныя поученія.

Во-первыхъ, не надлежало намъ, братія, раздѣляться, и тѣмъ губить свое древнее достоинство и украшеніе, по которому наше малое стадо, хотя и нельзя ставить его на ряду съ многочисленными паствами, однако же, равнялъ я съ самыми великими и обширными, даже предпочиталъ нѣкоторымъ по силѣ Духа. Такъ было пержде: каждая паства имѣла свое меньшее или большее украшеніе; отличительнымъ свойствомъ нашей паствы была непоколебимость и безмятежіе, а посему часто называли ее ковчегомъ Ноевымъ за то, что одна спасалася отъ всемірнаго потопленія, и хранить въ себѣ сѣмена благочестія. Даже, когда обличилось, что и мы люди, когда мы не избѣгли совершенно зависти лукаваго, не устояли противъ болѣзни все заражающей, но понесли свою долю въ общемъ несчастіи, и не соблюли до конца прекраснаго и отеческаго наслѣдія, то есть, блага единомыслія: и въ семъ случаѣ имѣли мы не малое преимущество предъ другими (если только уповая на Христа, можно намъ похвалиться чѣмъ-нибудь, и при самой враждѣ нашей),—то преимущество, что послѣдніе подверглись злу, и первые исправились. Впасть въ болѣзнь есть удѣлъ общей природы и немощи человѣческой, которая на всѣхъ простирается, и на самыхъ крѣпкихъ по тѣлу и духу: но возстать отъ болѣзни и возвратиться другъ къ другу есть дѣло разсужденія и благодати, которая прекрасно и справедливо воз-

наградила насъ, даже лучше, нежели какъ мы желали и другіе надѣялись. Ибо тѣхъ, которые были поставлены главами¹⁾ отдѣлившихся, какъ поставленныхъ ради благочестія и въ пособіе страждущему Православію, мы приняли съ любовію и обходились не какъ съ врагами, но какъ съ братьями, обнялись съ тѣми, которые возмутились противъ насъ не на долго за отеческое наслѣдіе, впрочемъ возмутились братски, а не злонамѣренно. Вражду ихъ мы не похвалили, но ревность одобрили: ибо несогласіе за благочестіе гораздо лучше согласія по какой-нибудь страсти. Такимъ образомъ самую потерю обратили мы себѣ въ приобрѣтеніе, покрывъ любовію умышленное ими противъ насъ, и въ томъ одномъ измѣнивъ порядокъ, что не благодать послѣдовала за избраніемъ, но избраніе за благодатію, и что для сообщенія ея воспользовались мы чуждымъ рукоположеніемъ, будучи нѣсколько упреждены Духомъ. А вы, оставивъ подозрѣніе противъ писъмени²⁾, обратились къ духу, и хотя не одобрили простоты при ясности рѣченій, однако же, не подозрѣвали нечестія; зная, что у насъ такъ же тверда и непоколебима Троица, какъ въ естествѣ Своемъ, и что отсѣчь или отчуждить что-нибудь отъ Трехъ для насъ значитъ то же, что отсѣчь все, и нагло возстать противъ всего Божества. Въ этомъ мы, даже во время самаго раздѣленія, иногда и предъ извѣстными людьми защищали другъ друга. А сіе служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ, что истина не побѣждается и временемъ, и что вражда не погасила въ насъ совершенно искры любви. При самомъ раздорѣ сохранялось въ насъ важнѣйшее, то есть, единомысліе и увѣренность, что мы не колеблемся въ истинѣ и не противорѣчимъ ей, но запечатлѣны тѣмъ же характеромъ вѣры и перваго упованія нашего. Ибо людей, искренно чтущихъ Бога, ничто не можетъ такъ сильно побудить къ единомыслію, какъ согласіе въ ученіи о Богѣ, и ничто такъ не располагаетъ къ раздору, какъ несогласіе въ семъ ученіи. Человѣкъ самый скромный въ другихъ случаяхъ становится самымъ пламеннымъ, *кроткій—храбрымъ* (Іоил. 3, 11), когда видитъ, что чрезъ свое равнодушіе онъ лишается Бога, или, лучше сказать, своимъ па-

¹⁾ Нѣкоторые изъ монаховъ, отдѣлившихся отъ Епископа Назіанзскаго, были поставлены въ пресвитеры посторонними епископами, какъ объясняетъ Плія Критскій.

²⁾ То есть, неосторожной подписи св. Григорія, Епископа Назіанзскаго, подъ символомъ полуаріанскимъ.

деніемъ причиняетъ ущербъ Богу, Который насъ почитаетъ Своимъ богатствомъ и обогащаетъ.

Такимъ образомъ въ самомъ разлученіи, какъ сказалъ я, мы были столько умѣренны, что наше единомысліе стало видѣе разъединенія, и благопріятными расположеніями той и другой стороны почти закрыто происшедшее. Поелику же для прочности мира недостаточно одной поспѣшности въ примиреніи, если оно не будетъ подкрѣплено разумомъ, и разуму не будетъ спорникомъ самъ Богъ, отъ Котораго всякое добро получаетъ начало и приходитъ въ совершенство: то молитвою и размышленіемъ постараемся утвердить въ силѣ наше примиреніе.

Помыслимъ, во-первыхъ, о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго Богѣ (если только не найдетъ кто приличнѣйшимъ поставить Его и выше сущности (*οὐσία*), или въ Немъ заключить все бытіе, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему); помыслимъ, во-вторыхъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, то есть, объ Ангельскихъ и небесныхъ Силахъ, которыя первыя піютъ отъ Перваго Свѣта, и просвѣтляемые словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески Совершеннаго Свѣта. Симъ существамъ ничто такъ не свойственно, какъ миръ и безмятежіе. Ибо въ Божествѣ нѣтъ несогласія, потому что нѣтъ и разъединенія (такъ какъ разъединеніе есть слѣдствіе несогласія): но въ Немъ столько согласія и съ самимъ Собою и со вторичными существами, что на ряду съ другими, и предпочтительно предъ другими именами, какими угодно называться Богу, сіе преимущественно стало Его именованіемъ. Онъ называется *миромъ* (Еф. 2, 14), *любовію* (1 Иоанн. 4. 16) и подобными именами, внушая намъ самыми наименованіями стремиться къ стяжанію сихъ совершенствъ. А изъ Ангеловъ тотъ, который дерзнулъ произвестъ возмущеніе, и выше своего достоинства вознесъ выю противъ Господа Вседержителя, или, по пророческому слову, замыслилъ о *престолѣ выше облакъ* (Ис. 14, 13. 14),—понесъ наказаніе, достойное високоумія, осужденъ быть вмѣсто свѣта тмою, или, справедливѣе сказать, самъ сталъ тмою. Между тѣмъ прочіе пребываютъ въ своемъ достоинствѣ, въ которомъ главное составляетъ миръ и безмятежіе, потому что отъ Всехвальнаго и Святыя Троицы, отъ Которой имѣютъ они свѣтозарность, получили и то, чтобъ быть едино. Потому что и Троица есть и исповѣдуется Богъ Единый не менѣе по согласію, какъ по тождеству сущности. Посему всѣ тѣ, которые любятъ благо мира, и, напротивъ того, ненавидятъ раздоръ и отвращаются его,

близки къ Богу и Божественнымъ духамъ; а тѣ, которые бранно-любивы нравомъ, ищутъ славы въ нововведеніяхъ, и тщеславятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться, принадлежать къ противоположной сторонѣ. Ибо и дѣволъ не только самъ съ собою въ раздорѣ, по своей многовидности и по своимъ страстямъ, но то же производитъ и въ другихъ, какъ челоуѣкоубійца искони и ненавистникъ добра, прикрывая себя тмоу возмущенія (дабы *сострѣляти во мрацѣ* общее тѣло Церкви); съ каковымъ ухищреніемъ и лукавствомъ, думаю, приступаетъ онъ по большей части и къ каждому изъ насъ, и тайно высматриваетъ въ насъ мѣсто, гдѣ бы совершенно ворваться, какъ храбрый воинъ вторгается въ проломленную стѣну или въ прорванный строй.

Итакъ, необходимость доброжелательства и согласія достаточно уже доказывается симъ однимъ, то есть, подражаніемъ Богу и существамъ Божественнымъ; ибо на нихъ только взирать и безопасно душѣ, созданной по образу Божію, дабы стремленіемъ къ Божественному и посильнымъ уподобленіемъ въ наибольшей мѣрѣ сохранить ей свое благородство. Сверхъ сего, внимая гласу Божію, *воззримъ* еще *на небо горѣ и на землю низу* (Ис. 8, 22), и вникнемъ въ законы твари. Небо, земля, море, словомъ,—весь сей міръ, сія великая и преславная книга Божія, въ которой открывается самымъ безмолвіемъ проповѣдуемый Богъ, сей міръ, доколѣ стоитъ твердо и въ мирѣ съ самимъ собою, не выступая изъ предѣловъ своей природы, доколѣ въ немъ ни одно существо не возстаетъ противъ другаго и не разрываетъ тѣхъ узъ любви, которыми все связалъ Художникъ—Творческое Слово; дотолѣ соотвѣтствуетъ своему названію, и подлинно есть міръ (*κόσμος*) и красота несравненная; дотолѣ ничего нельзя представить себѣ славнѣе и величественнѣе его. Но съ прекращеніемъ мира и міръ перестанетъ быть міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, не примѣчаешь ли, что законъ любви управляетъ небомъ, когда оно въ стройномъ порядкѣ сообщаетъ воздуху свѣтъ и землѣ дожди? А земля и воздухъ не родительской ли любви подражаютъ, когда даютъ всѣмъ животнымъ—одна пищу, другій возможность дышать, и тѣмъ поддерживаютъ жизнь ихъ? Не миромъ ли управляются времена года, которыя, кротко между собою растворяясь, постепенно заступаютъ одно мѣсто другаго, и средними временами смягчаютъ суровость крайнихъ, служа тѣмъ вмѣстѣ къ удовольствію и къ пользѣ? Что сказать о днѣ и ночи, которыя уравниваются другъ съ другомъ, равномерно возрастая и убывая, изъ которыхъ одинъ призываетъ насъ къ дѣламъ, а другая

къ покою? Что сказать о солнцѣ и лунѣ, о красотѣ и множествѣ звѣздъ, которыя стройно появляются и заходятъ? Что сказать о морѣ и сушѣ, которыя мирно между собою соединяясь, благо-склонно и человѣколюбиво передаютъ другъ другу человѣка и богато и щедро расточаютъ ему свои сокровища? Что сказать о рѣкахъ, которыя текутъ чрезъ горы и поля, и не выступаютъ изъ своихъ предѣловъ, развѣ только для пользы, *ниже обращаются покрыти землю* (Пс. 103, 9)? Что сказать о смѣшеніи и растворе-ніи стихій? Что сказать о соразмѣрности и согласіи членовъ; о пищѣ, о рожденіи и обитаніи, опредѣленныхъ каждому жи-вотному, изъ которыхъ одни господствуютъ, другія подчиняются, одни покорны намъ, другія свободны? Если все сіе бываетъ такъ, и распоряжается и управляется по первоначальнымъ законамъ гармоніи, такъ какъ бы все вмѣстѣ текло, одно имѣло дыханіе: то можно ли сдѣлать изъ сего другое заключеніе, кромѣ того, что все проповѣдуетъ намъ о дружествѣ и единомысліи, что все предписываетъ намъ законъ единодушія? Но когда въ мірѣ вещество возмутится само противъ себя и, своимъ смятеніемъ го-това разрушеніе, сдѣлается неукротимымъ, или когда Богъ, въ страхъ и наказаніе грѣшникамъ, нарушитъ нѣсколько стройный порядокъ или наводненіемъ моря, или землетрясеніемъ, или не-обыкновенными дождями, или помраченіемъ солнца, или продол-жительностію какого-нибудь времени года, или изверженіемъ огня: тогда нестроеніе и страхъ разливаются на все, и среди смятенія открывается, сколь благодѣтеленъ миръ.

Не буду говорить о томъ, что миромъ поддерживаются, а отъ несогласія приходятъ въ разстройство города, царства, лики поющихъ, войска, дома, общества плывущихъ на одномъ кораблѣ, супружества и дружескіе союзы: остановлюсь на Израилѣ, и на-помнивъ вамъ объ его бѣдствіяхъ, разсѣяніи и скитаніи, въ ка-комъ находится онъ нынѣ и долго еще будетъ находиться (въ чемъ вѣрю пророчествамъ); спрошу потомъ васъ о достовѣрно вамъ извѣстной причинѣ сихъ несчастій, дабы бѣдствія другихъ научили насъ единомыслію.

Не правда ли, что доколѣ израильтяне сохраняли миръ ме-жду собою и съ Богомъ, мучимые въ Египтѣ, какъ въ желѣзной печи, и соединяемые общимъ утѣсеніемъ (иногда и утѣсеніе служитъ спасительнымъ врачевствомъ); доколѣ назывались они *языкомъ святымъ, частию Господнею и царскимъ священіемъ*. (Исх. 19, 6. Втор. 32, 9.)? И не именовъ только были они та-ковы, а на дѣлѣ иные. Ими управляли вожди, водимые Богомъ,

днемъ и ночью путеводствовалъ ихъ столпъ огненный и облачный; во время бѣгства для нихъ разступилось море; когда алкали, — небо подавало имъ пищу; когда жаждали, — камень источалъ имъ воду; когда сражались, —воздѣяніе рукъ замѣняло имъ тысячи воиновъ, при помощи молитвы воздвигало побѣдные памятники и пролагало путь впередъ; предъ ними отступали рѣки, подражая однородному морю, останавливались стихіи, и стѣны падали отъ звука трубъ. Что сказать о язвахъ египетскихъ и о гласахъ Божіихъ, слышанныхъ съ горы, о двоякомъ законодательствѣ, —одномъ въ письмени, а другомъ въ духѣ, и о всемъ томъ, чѣмъ нѣкогда почтены были израильтяне выше своего достоинства?—Но когда впали они въ болѣзнь, съ яростію возстали другъ на друга, раздѣлились на многія части, будучи доведены до послѣней крайности крестомъ и своимъ упорствомъ, съ какимъ возстали противъ Бога и Спасителя нашего, не познавъ Бога въ человѣкѣ; когда навлекли на себя тотъ *жезлъ желѣзный* (Пс. 2, 9), которымъ Богъ угрожалъ имъ издавеча (разумѣю господствующую нынѣ Державу, и преобладающее царство): тогда что стало? Чего не потерпѣли они? Іеремія плачетъ о прежнихъ ихъ бѣдствіяхъ и сѣтуеть о плѣненіи вавилонскомъ: подлинно, и то было достойно плача и сѣтованія. Какъ не пролить было горькихъ слезъ, когда стѣны раскопаны, городъ сравненъ съ землею, святилище разрушено, приношенія разграблены, нечистыя ноги вступаютъ въ недоступное, скверныя руки на службу сластолюбію берутъ неприкосновенное, пророки умолкли, священники отводятся въ плѣнъ, къ старѣйпинамъ нѣтъ милости, дѣвы предаются поруганію, юноши падаютъ, огонь чуждый и огонь брани также рѣки крови заступаютъ мѣсто священнаго огня и крови, назорей влачimy по стогнамъ, пѣсни замѣнены плачемъ, и, скажу собственными словами Плача Іереміана, *сынове Сіони честнѣи* (Плач. 4, 2) и равноцѣнные злату, жившіе въ довольствѣ и не испытавшіе бѣдствій, идутъ необыкновеннымъ путемъ, а *путѣи Сіони рыдаютъ, яко нѣсть празднующихъ* (1, 4.)? А не задолго прежде сего: *руцѣ женѣ милосердыхъ* (4, 10), при усиливающейся осадѣ, не дѣтямъ подаютъ пищу, но дѣтей терзаютъ себѣ на пищу, и утоляютъ голодь свой тѣмъ, что для нихъ всего любезнѣе. Не ужасно ли сіе, не верхъ ли ужаса не только для терпѣвшихъ тогда, но и для слышавшихъ о семъ нынѣ? Всякій разъ, какъ беру въ руки сію книгу и читаю Плачъ (а читаю его всякій разъ, когда хочу чтеніемъ уцѣломудрить благоденствіе), —голосъ у меня прерывается, слезы льются сами собою, бѣдствіе

какъ бы совершается предъ моими глазами, и я плачу съ плакавшимъ пророкомъ. — Но кто изъ умѣющихъ слагать плачевныя пѣсни, и вполне изобразить скорбь словомъ, достойно оплачетъ послѣдній ударъ,—преселеніе израильтянъ, нынѣ тяготящее надъ ними иго рабства, всѣмъ извѣстное подъ римскимъ владычествомъ униженіе, главнѣйшею виною котораго было возмущеніе? Какія книги вмѣстятъ сіе? Для нихъ одинъ памятникъ бѣдствія,—цѣлая вселенная, по которой они разсѣяны, прекратившееся Богослуженіе, едва узнаваемое нынѣ мѣсто самаго Іерусалима, который въ той только мѣрѣ для нихъ доступенъ и тѣмъ только ихъ улаживаетъ за прежню славу, что они, явившись тамъ на одинъ день, могутъ оплакать запустѣніе.

Если же возмущеніе дѣйствительно такъ страшно и губительно по своимъ послѣдствіямъ, какъ видно изъ сказаннаго, и какъ показываютъ многіе другіе примѣры: то гораздо страшнѣе людемъ, которые освободились уже отъ мелочной привязчивости и вкусили благъ мира, снова подвергнуться той же болѣзни и, какъ говорится, возвратиться на свою блевотину, не вразумившись самымъ опытомъ, который поучителенъ и для несмысленныхъ. Ибо, какъ вижу, легкомысленными и неразумными почитаютъ не тѣхъ, которые преданы какому либо пороку, но тѣхъ, которые, подобно перемѣнчивымъ вѣтрамъ, или перемѣнамъ и приливамъ воды въ Еврипахъ¹⁾, или непостояннымъ волнамъ моря, легко увлекаются и переходятъ то на ту, то на другую сторону. Примѣчаю и то, что остающихся въ раздорѣ дѣлаетъ болѣе доступными по крайней мѣрѣ надежда на согласіе, которая облегчаетъ большую часть ихъ несчастья; потому что для несчастнаго великое утѣшеніе—надѣяться на перемѣну и имѣть въ виду нѣчто лучшее: но тѣ, которые часто приступали къ единомыслію, и всегда снова устремлялись къ раздору, сверхъ всего другаго, лишаются и надежды на лучшее, боятся согласія не менѣе, чѣмъ раздора, и по причинѣ удобопреклонности къ тому и другому и непостоянства, ни тому, ни другому не довѣряютъ.

Да не подумаютъ, однако же, будто бы я утверждаю, что всякимъ мѣромъ надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласіе, и самое пагубное единомысліе; но должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ. И если нужно о томъ выразиться кратко, то скажу свою мысль: не хорошо быть и слишкомъ вялымъ и чрезъ мѣру го-

¹⁾ Еврипомъ называется проливъ между Аттикою и островомъ Евбею.

рячимъ, такъ чтобы или, по мягкости нрава, со всѣми соглашались, или, изъ упорства, со всѣми разногласить. Какъ вялость недѣятельна, такъ удобопреклонность на все необщительна. Но когда идетъ дѣло объ явномъ нечестіи, тогда должно скорѣе идти на огонь и мечъ, не смотрѣть на требованія времени и властителей и вообще на все, нежели пріобщаться лукаваго кваса и прилагаться къ зараженнымъ. Всего страшнѣе—бояться чего-либо болѣе, нежели Бога, и по сей боязни служителя истины стать предателемъ ученія вѣры и истины. Но когда огорчаемся по подозрѣнію, и боимся, не изслѣдовавши дѣла; тогда терпѣніе предпочтительнѣе поспѣшности, и снисходительность лучше настойчивости. Гораздо лучше и полезнѣе, не отлагаясь отъ общаго тѣла, какъ членамъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели, преждевременно осудивъ своимъ отлученіемъ и тѣмъ разрушивъ довѣренность, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братіямъ.

Познавъ сіе, братія, объимемъ и облобызаемъ другъ друга, будемъ искренно едино, будемъ подражать *Разорившему средостѣніе огады*, и кровію Своею все собравшему и примирившему. Скажемъ сему общему отцу, досточтимому старцу, кроткому и тихому Пастырю: видишь ли, какая награда за смиреніе? *Возведи окрестъ очи твои, и виждь собранная чада твоя* (Ис. 60, 4). Они собраны, какъ ты сего желалъ, и чего единаго просилъ день и ночь, дабы кончить свое странствованіе въ старости доброй. Вотъ, они всѣ пришли къ тебѣ, упокоиваются подъ крылами твоими и окружаютъ свой алтарь; со слезами они удалились, съ радостію возвращаются. Радуйся и увеселяйся, наилучшій и чадолюбивѣйшій изъ отцевъ, потому что ты какъ невѣста убранствомъ одѣянъ и облеченъ всѣми ими. Скажи и ты намъ: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Ис. 8, 18)! Приложи и другое слово Господне, особенно нынѣ приличное: *иже далъ еси мнѣ, сохранихъ* (Іоан. 17, 12), и изъ нихъ ни единаго не погубилъ. И о если бы никто не погибъ, но всѣ мы пребыли въ единомъ духѣ, единодушно сподвизались за Евангельскую вѣру, едино мудрствовали; вооружаясь щитомъ вѣры, препоясавъ чресла истиною, знали одну только брань,—брань противъ лукаваго и противъ воинствующихъ подъ его начальствомъ; не боялись тѣхъ, которые могутъ убить тѣло, но не могутъ похитить души; боялись же Господа души и тѣла; сохраняли драгоцѣнный залогъ, полученный нами отъ отцевъ, то есть, поклонялись Отцу, и Сыну, и

Святому Духу, въ Которыхъ мы крестились, въ Которыхъ увѣрвали, съ Которыми сочетались; познавали Отца въ Сынѣ и Сына въ Духѣ, прежде соединенія раздѣляли, прежде раздѣленія соединяли; не почитали Трехъ за единого (потому что они не безупостасны и не одну составляютъ упостасъ, такъ что богатство наше не въ однихъ именахъ, но въ самой вещи), и вѣрили, что Три суть едино,—едино же не упостасію, но Божествомъ—Единица въ Троицѣ покланяемая и Троица въ Единицѣ возглавляемая, вся достопокланяемая, вся царственная, единопрестольная, равнославная, премірная и превысшая времени, несозданная, невидимая, неприкосновенная, непостижимая, *сама только вѣдущая о Себѣ, какой порядокъ имѣетъ сама въ Себѣ*; а для насъ равно досточтимая, достойная равнаго служенія, Едина входящая во Святая Святыхъ, всякую же тварь оставляющая внѣ, и отдѣляющая иныхъ первою, а другихъ второю завѣсою; такъ первою отдѣлены отъ Божества существа небесныя и Ангельскія, второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ.

Такъ, братія, будемъ поступать и такъ вести себя, и разномыслящихъ, доколѣ можно, будемъ принимать и врачевать какъ язву истины; страждущихъ же неизцѣльно станемъ отвращаться, чтобы самимъ не заразиться ихъ болѣзнію, прежде нежели сообщимъ имъ свое здравіе. И Богъ мира, всякъ умъ превосходящаго, будетъ съ нами, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 7, надгробное брату Кесарію, говоренное еще при жизни родителей.

Можетъ быть, думаете вы, друзья, братія и отцы,—любезные дѣломъ и именемъ! что я охотно приступаю къ слову, желая слезами и сѣтованіемъ сопроводить отшедшихъ отъ насъ, или предложить длинную и витіеватую рѣчь, каковыми многіе услаждаются. И одни готовятся скорбѣть и проливать со мною слезы, чтобы вмѣстѣ съ моимъ горемъ оплакать свое, какое у кого есть, и научиться скорби въ страданіяхъ друга; другіе же надѣются насытить слухъ и получить удовольствіе, предполагая, что и самое несчастіе обращу въ случай показать себя, какъ бывало со мною прежде, когда, кромѣ прочаго, довольно избыточествовалъ я предметами слова, и щедръ былъ на самыя слова, пока не воззрѣлъ къ истинному и высочайшему Слову, не предалъ всего Богу, отъ Котораго все, и взамѣнъ всего не пріялъ Бога. Нѣтъ; не такъ о мнѣ разумѣйте, если хотите разумѣть справедливо.

Не буду болѣе надлежащаго плакать объ умершемъ я, который не одобряю сего въ другихъ. Не стану и хвалить сверхъ мѣры и приличія; хотя слово для обладавшаго даромъ слова, и хвала для любившаго особенно мои слова, есть такой даръ, который ему пріятенъ и приличнѣе всякаго дара, и не только даръ, но долгъ, который справедливѣе всякаго долга. Однако же, пролью слезы, и почту удивленіемъ, сколько сіе оправдываетъ данный на то законъ; ибо и это не чуждо нашему любомудрью, *не имать праведныхъ съ похвалами* (Притч. 10, 7). *Надъ мертвецемъ источи слезы, и якоже злы страждущь начни плачь* (Сир. 38, 16), говоритъ нѣкто, равно предотвращая насъ и отъ нечувствительности и отъ неумѣренности въ скорби. Потомъ покажу немощь человѣческаго естества, упомяну и о достоинствѣ души. Какъ сѣтующимъ подамъ должное утѣшеніе: такъ скорбь отъ тѣлеснаго и временнаго возведу къ духовному и вѣчному.

Начну съ чего для меня всего приличнѣе начать. Всѣмъ вамъ извѣстны родители Кесаріевы; и видимы и слышимы вами ихъ добродѣтели; вы подражаете и удивляетесь имъ, а незнающимъ, ежели есть таковыя, рассказываете о нихъ, избирая для сего—одинъ то, другій другое. Да и невозможно было бы одному пересказать о всемъ; такое дѣло, сколько бы кто ни былъ неутомимъ и ревностенъ, требуетъ не одного языка. Изъ многихъ же и великихъ качествъ, похвальныхъ въ нихъ (да не подумаютъ, что престаю мѣру, хваля своихъ!), одно всѣхъ важнѣе и не уступаетъ прочимъ въ знаменитости; это—благочестіе. Скажу и то, что сіи почтенныя люди украшены сѣдинами, равно заслуживаютъ уваженіе и за добродѣтель и за престарѣлость. Тѣла ихъ истощены лѣтами, но души юнѣютъ Богомъ.

Отецъ, бывшій дикою маслиной, искусенъ и привитъ къ маслинѣ доброй, и до того напоенъ ея соками, что ему поручено прививать другихъ, ввѣрено врачеваніе душъ. Сподобившись вы сокаго сана и почтенный высокимъ предсѣдательствомъ у людей сихъ, какъ вторый Ааронъ, или Моисей, приближается онъ къ Богу, и другимъ, стоящимъ издали, преподаетъ Божіи глаголы. Онъ кротокъ, не гнѣвливъ, спокоенъ по наружности, горячъ духомъ, обиленъ дарами видимыми, но еще болѣе обогащенъ сокровенными. Но для чего описывать, кого вы сами знаете? Если и надолго простру слово,—не скажу, сколько бы надлежало, и сколько каждый изъ васъ знаетъ и желаетъ слышать. Лучше предоставить всякому думать по своему, нежели, изображая чудо словомъ, убавить большую часть онаго.

А мать издревле и въ предкахъ посвящена Богу; не только сама обладаетъ благочестіемъ, какъ неотъемлемымъ наслѣдіемъ, но передаетъ оное и дѣтямъ. Дѣйствительно, отъ святаго начатка и примѣшеніе свято (Рим. 11, 16). И она до того возростила и приумножила сіе наслѣдіе, что нѣкоторые (скажу и сіе смѣлое слово) увѣрены и увѣряютъ, будто бы совершенства, видимыя въ мужѣ, были единственно ея дѣломъ, и (что чудно) въ награду за благочестіе жены дано мужу большее и совершеннѣйшее благочестіе.

Всего же удивительнѣе то, что оба они и чадолюбивы, и христоролюбивы; вѣрнѣе же сказать, больше христоролюбцы, нежели чадолюбцы. Для нихъ и въ дѣтяхъ одно было утѣшеніе, чтобы прославлялись и именовались по Христѣ; подъ благочадіемъ разумѣли они добродѣтель и приближеніе дѣтей къ совершенству. Они милосерды, сострадательны, многое спасаютъ отъ тли, отъ разбойниковъ и отъ міродержителя; сами изъ временнаго жилища преселяются въ постоянное, и дѣтямъ собираютъ драгоценнѣйшее наслѣдіе—будущую славу. Такъ достигли они маститой старости, равно уважаемые и за добродѣтель и за возрастъ, исполненные дней, какъ преходящихъ, такъ и пребывающихъ. Въ томъ только не имѣютъ они первенства между земнородными, въ чемъ каждый изъ нихъ препятствуетъ другому стоять первымъ. Для нихъ во всемъ исполнилась мѣра благополучія; развѣ инныя исключить послѣднее событіе, которое не знаю какъ назвать—испытаніемъ ли, или Божіимъ смотрѣніемъ. Но я назвалъ бы смотрѣніемъ; потому что, предпославъ одного изъ дѣтей, который по возрасту могъ скорѣе поколебаться, тѣмъ свободнѣе могутъ они сами отрѣшиться отъ жизни, и со всѣмъ домомъ возноситься къ горнему.

Все сіе говорено мною не съ намѣреніемъ восхвалять родителей; ибо знаю, что едва ли бы кто успѣлъ въ этомъ, хотя бы на похвалы имъ посвятилъ и цѣлое слово. Я хотѣлъ только изъ свойства родителей показать, какова должна быть добродѣтель Кесаріева. Не удивляйтесь же, и не почитайте невѣроятнымъ, что при такихъ родителяхъ явилъ онъ себя достойнымъ такихъ похвалъ. Напротивъ того, удивительно было бы, если бы, презрѣвъ домашніе и близкіе примѣры, подражалъ онъ другимъ. И дѣйствительно, начало было таково, какое и приличествовало челоуку, который имѣлъ благородное происхожденіе, и обѣщаль въ послѣдствіи жизнь превосходную. А средину сокращу: красота, величественность роста, во всемъ пріятность и, какъ бы въ

звукахъ, стройность,—такія были преимущества въ Кесаріи, которыми удивляться не наше дѣло, хотя для другихъ и кажутся они немаловажными. Перейду же къ послѣдующему, о чемъ трудно и умолчать, хотя бы захотѣлъ.

Въ такихъ правилахъ воспитанные и наставленные по достаточномъ упражненіи здѣсь¹⁾ въ наукахъ, въ которыхъ, по быстротѣ и высокости дарованій (трудно и сказать, сколько) превзошелъ онъ многихъ (могу ли безъ слезъ вспомнить о семь, и отъ горести противъ обѣщанія не изоблечить себя въ нелюбомудрїи?), когда наступило время оставить намъ родительскій домъ,—мы въ первый еще разъ разлучились другъ съ другомъ. Я, по любви къ краснорѣчію, остался въ процвѣтавшихъ тогда палестинскихъ училищахъ, а онъ отправился въ Александрію, въ этотъ городъ, который и тогда, и доннѣ былъ и почитался источнымъ мѣстомъ всякаго образованія.

Какое же изъ совершенствъ его наименую первымъ, или важнѣйшимъ? о чемъ умолчу безъ величайшаго ущерба слову? Кто довѣрчивѣе его былъ къ наставникамъ? Кто дружелюбнѣе съ сверстниками? Кто больше его убѣгалъ сообществъ и бесѣдъ съ неблагоправными? Кто вступилъ въ тѣснѣйшее общеніе съ людьми отличнѣйшими, какъ съ чужеземцами, такъ и изъ соотечественниковъ наиболѣе одобряемыми и извѣстными? Онъ зналъ, что короткое обращеніе съ людьми немало способствуетъ къ навыку и въ добродѣтели и въ порокѣ. А за такія качества, кто болѣе его отличаемо былъ начальствомъ, уважаемо въ цѣломъ городѣ? И хотя, по обширности города, всѣ оставались въ безвѣстности, однако же, кто былъ извѣстнѣе его цѣломудріемъ, славнѣе умомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Или, лучше сказать, въ какой наукѣ не успѣлъ болѣе, нежели какъ успѣвалъ другїй, занимаясь ею одною? Кто, не только изъ сверстниковъ по ученію и лѣтамъ, но изъ старшихъ возрастомъ и начавшихъ учиться прежде него, могъ съ нимъ, хотя нѣсколько, сравниться?

Онъ изучалъ всѣ науки какъ одну, и одну какъ всѣ. Быстрыхъ по дарованіямъ сверстниковъ побѣждалъ трудолюбіемъ, и неутомимыхъ въ занятіяхъ — остротою ума; вѣрнѣе же сказать: скорыхъ превосходилъ скоростію, трудолюбивыхъ — прилежаніемъ, а преимуществовавшихъ въ томъ и другомъ—и тѣмъ и другимъ. Изъ Геометріи, изъ Астрономіи и изъ науки, для

¹⁾ Въ Назіанзѣ

другихъ опасной¹⁾), избиралъ онъ полезное, сколько нужно, чтобы, познавъ стройное теченіе и порядокъ небесныхъ тѣлъ, благоговѣть предъ Творцемъ; а что въ сей наукѣ есть вредное, того убѣгалъ, и теченію звѣздъ не подчинялъ ни существъ, ни явленій, какъ дѣлаютъ иные, сослужебную себѣ тварь поставяющіе наряду съ Творцемъ; напротивъ того, самое движеніе звѣздъ, какъ и все прочее, приписывалъ онъ, сколько должно, Богу. Что же касается до науки числъ и ихъ отношеній, также до чуднаго врачебнаго знанія, которое углубляется въ свойство естествъ и темпераментовъ и въ начала болѣзней, чтобы, исторгая корни, отсѣкать и вѣтви; то найдется ли человѣкъ столько невѣжественный, что далъ бы Кесарію второе мѣсто, а не предпочелъ лучше стать первымъ послѣ него, и имѣть совершенство между вторыми? И все сіе не осталось незасвидѣтельствованнымъ; напротивъ того, Востокъ, Западъ и всѣ страны, гдѣ только въ послѣдствіи бывалъ Кесарій, служатъ знаменитыми памятниками его учености.

Когда же въ единую душу свою, какъ въ большой корабль, нагруженный всякими товарами, собравъ всѣ добродѣтели и свѣдѣнія, отправился онъ въ отечественный свой городъ, чтобы и другихъ надѣлать сокровищами своей учености; тогда случилось нѣчто удивительное. И какъ воспоминаніе о семъ меня особенно восхищаетъ, а можетъ быть и вамъ доставить удовольствіе; то не излишнимъ будетъ пересказать о томъ кратко. Мать, въ материнскихъ и чадолюбивыхъ молитвахъ своихъ, просила Бога, чтобы ей обоихъ насъ, какъ опустила вмѣстѣ, такъ и возвратившимися увидѣть вкупѣ. Ибо мы, когда бывали вмѣстѣ, казались какою-то двоичею, если не для другихъ, то для матери, достойною благожеланій и лицезрѣнія, хотя теперь и разлучены по злобной зависти²⁾). А тогда Богъ, Который внемлетъ праведной молитвѣ, и награждаетъ любовь родителей къ благоправнымъ дѣтямъ, подвигомъ насъ, безъ всякаго съ нашей стороны соумышленія и соглашенія, одного изъ Александріи, а другаго изъ Греціи, одного сушею, а другаго моремъ, прибыть въ одно время и въ одинъ городъ. Это была Византія, городъ первопрестольный нынѣ въ Европѣ, въ которомъ Кесарій, по прошествіи немного времени пріобрѣлъ такую славу, что ему

¹⁾ Астрологія.

²⁾ То есть, діавола, который, своею прелестію склонивъ прародителей къ преслушанію, подвергъ всѣхъ насъ осужденію и смерти.

предложены были отличія въ обществѣ, знатное супружество и мѣсто въ Сенатѣ. Даже по общему приговору отправлено къ великому Царю¹⁾ посольство съ прошеніемъ—первый изъ городовъ, если Царь желаетъ сдѣлать его дѣйствительно первымъ и достойнымъ сего наименованія, почтить и украсить первымъ изъ ученыхъ мужей, а чрезъ сіе заставить, кромѣ прочаго, говорить о Византіи, что она, при иныхъ преимуществахъ, изобилуетъ многими мужами, отличными въ знаніи флософіи и другихъ наукъ, имѣетъ еще у себя врачомъ и гражданиномъ Кесарія. Но о семъ довольно. А что съ нами тогда встрѣтилось, хотя казалось инымъ одною случайностію, не имѣвшею ни основанія, ни причины, какъ и многое въ нашей жизни приписывается случаю; однакоже, для боголюбивыхъ ясно въ себѣ показывало не дѣло случая, но исполненіе молитвы благочестивыхъ родителей, по которой собираются къ нимъ дѣти и съ суши и съ моря.

Не умолчу и томъ прекрасномъ качествѣ Кесарія, которое инымъ представляется, можетъ быть, маловажнымъ и несуществующимъ упоминанія, но мнѣ и тогда казалось, и теперь кажется весьма важнымъ, если только похвально братолюбіе. И когда ни буду говорить о дѣлахъ Кесаріевыхъ, не перестану причислять сего къ первымъ совершенствамъ. Въ Византіи, какъ сказалъ я, удерживали его почестями, и ни подъ какимъ предложеньемъ не соглашались отпустить. Однако же, превозмогъ я, во всемъ уважаемый и высоко цѣнимый Кесаріемъ; я убѣдиль его исполнить моленіе родителей, свой долгъ къ отечеству, а также и мое желаніе; убѣдиль продолжить путь, и притомъ вмѣстѣ со мною, предпочесть меня не только городамъ и народамъ, почестямъ и выгодамъ, которыя отсюду обильно или уже лились къ нему, или льстили надеждою, но едва и не самому Государю и его приказаніямъ. Что до меня, то съ сего времени, отбросивъ всякое честолюбіе, какъ тяжкое иго властелина или мучительную болѣзнь, рѣшился я посвятить себя любомудрію и стремиться къ горней жизни; или лучше сказать, такое желаніе началось во мнѣ ранѣе сего, но образъ жизни принять послѣ. Кесарій же первые плоды учености посвятилъ своей родинѣ, и своими трудами заслуживъ должное уваженіе, потомъ увлеченъ былъ желаніемъ славы и, какъ меня увѣрялъ, желаніемъ сдѣлаться полезнымъ для города. Онъ отправился къ царскому

¹⁾ Констанцію, котораго не было тогда въ Византинѣ.

двору, что мнѣ не совсѣмъ нравилось, и не по моему было расположенію; ибо (извинюсь предъ вами) для меня лучше и выше быть послѣднимъ у Бога, нежели занимать первое мѣсто у земного царя. Однако же, поступокъ Кесаріевъ не заслуживалъ и укоризны; ибо жизнь любомудренная, какъ всего выше, такъ и всего труднѣе; она и возможна не для многихъ, а только для тѣхъ, которые призваны къ сему высокимъ Божиимъ Умомъ, благопоспѣшествующимъ въ благомъ предпріятіи.¹⁾ Но немало важно и то, ежели кто, избравъ второй родъ жизни, сохраняетъ непорочность, и болѣе помышляетъ о Богѣ и о своемъ спасеніи, нежели о своей славѣ; кто, дѣйствуя на позорищѣ сего міра, хотя принимаетъ почести, какъ сѣнь или личину разнообразнаго и временнаго, однако же самъ живетъ для Бога и блюдетъ въ себѣ образъ, о которомъ знаетъ, что получилъ его отъ Бога, и за который обязанъ дать отчетъ Даровавшему. А я знаю, что таковъ точно былъ образъ мыслей Кесарія.—Ему дается первое мѣсто между врачами; для чего не потребовалось и большихъ усилій, а стоило только показавъ ему свои свѣдѣнія, или даже одну предварительную часть своихъ свѣдѣній. Вскорѣ включенъ онъ въ число приближенныхъ къ Государю, и получаетъ самыя высокія почести. Между тѣмъ предлагаетъ вышнимъ чиновникамъ пособія своего искусства безмездно, зная, что къ возвышенію всего вѣрнѣе ведетъ добродѣтель и извѣстность, приобрѣтенная честными средствами. А чрезъ сіе далеко превзошелъ онъ славою тѣхъ, ниже которыхъ былъ чиномъ. Всѣ любили его за цѣломудріе, и повѣряли ему свое драгоценнѣйшее¹⁾, не требуя съ него Иппократовой клятвы; даже простодушіе Кратесово въ сравненіи съ Кесаріевымъ было ничто. Всѣми онъ уважаемъ былъ болѣе и того, чего стоилъ; и хотя ежедневно удостоивался важныхъ отличій, однако же и сами Государи, и всѣ первые послѣ нихъ люди въ государствѣ, почитали его достойнымъ впредь еще большихъ почестей. Всего же важнѣе то, что ни слава, ни окружающая роскошь не могли повредить благородства души его. Напротивъ того, при многихъ и важныхъ отличіяхъ, одно только достоинство почиталъ онъ первымъ,—и быть и именоваться христіаниномъ; а все прочее, въ сравненіи съ симъ, казалось ему игрушкою и суетою. Другимъ предоставлялъ онъ забавляться тѣмъ, какъ бы на театрѣ, который наскоро строятъ, и потомъ разбираютъ, или скорѣе

¹⁾ Здоровье.

ломають, нежели устанавливают; что и дѣйствительно видимъ въ многочисленныхъ переворотахъ жизни и въ перемѣнчивости счастья, такъ что подлинное и несомнѣнно постоянное благо одно, именно: благочестіе. Таковы были плоды Кесаріева любомудрія и подѣ хламидою¹⁾! Въ такихъ мысляхъ онъ жилъ и умеръ, явивъ и доказавъ, по внутреннему челоуѣку, предъ Богомъ еще большее благочестіе, нежели какое было видимо людьми.

Но если должно мнѣ преидти молчаніемъ другія его дѣла, покровительство сродникамъ, впадшимъ въ несчастіе, презрѣніе къ надменнымъ, одинакое уваженіе къ друзьямъ, свободу предъ начальниками, подвиги за истину, весьма часто и за многихъ сочиняемыя слова, не только сильныя доводами, но отличающіяся благочестіемъ и одушевленіемъ: то вмѣсто всего этого нужно сказать объ одномъ знаменитѣйшемъ изъ всѣхъ его дѣлъ.

Разсвирѣпѣлъ на насъ царь²⁾ злоименный; онъ вознеистовствовалъ прежде на себя, отвергнувшись вѣры во Христа, а потомъ сталъ уже нестерпимъ и для другихъ. Не смѣло, не по примѣру другихъ христоненавистниковъ, передался онъ въ нечестіе, но прикрывалъ гоненіе личиною кротости, и подобно тому пресмыкающемуся змію, который владѣлъ его душею, всякими ухищреніями завлекалъ несчастныхъ въ одну съ собою бездну. Первою же изъ его хитростей и козней было—страждущихъ за христіанство наказывать, какъ злодѣевъ, чтобы намъ не имѣть и чести Мучениковъ; ибо и въ семъ завидовалъ христіанамъ сей великій мужъ. А вторая лѣсть состояла въ томъ, что дѣлу своему придавалъ имя убѣжденія, а не насилія; чтобы произвольно уклоняющимся въ нечестіе тѣмъ больше было стыда, чѣмъ меньше предлежало имъ опасности. И онъ привлекалъ, кого деянгами, кого чинами, кого обѣщаніями, кого разнаго рода почестіями, предлагая ихъ въ глазахъ всѣхъ не по царски, но совершенно раболѣпно. На всѣхъ же старался дѣйствовать очаровательностію рѣчей и собственнымъ примѣромъ. Кромѣ многихъ другихъ, дѣлаеть онъ покушеніе и на Кесарія. Какое тупоуміе и даже безуміе—надѣяться, что уловить Кесарія, моего брата и сына такихъ родителей!

Да позволено будетъ продлить слово и насладиться повѣствованіемъ, какъ услаждались присутствовавшіе при семъ

¹⁾ Сенаторскою одеждою.

²⁾ Юліанъ отступникъ.

чудномъ дѣлѣ! Доблестенный мужъ, оградившись знаменіемъ Христовымъ, и вмѣсто щита прикрывшись великимъ словомъ, предстаеъ предъ сильнаго по оружію и великаго по дару слова, не теряетъ твердости, слыша льстивыя рѣчи, а является, какъ борець, готовый подвизаться словомъ и дѣломъ противъ сильнаго въ томъ и другомъ. И такъ поприще открыто; вотъ и подвижникъ благочестія!—Съ ондой его стороны Подвигоположникъ Христось, вооружающій борца Своими страданіями, съ другой—жестокій властелинъ, то обольщающій привѣтливими рѣчами, то устрашающій обширностію власти. И зрителей также два рода: одни остаются еще въ благочестіи, другіе увлечены уже властелиномъ; но тѣ и другіе внимательно наблюдаютъ, какой оборотъ прійметъ дѣло; и мысль, кто побѣдитъ, приводитъ ихъ въ большее смущеніе, нежели самихъ ратоборцевъ. Не убоялся ли ты за Кесарія, не подумалъ ли, что успѣхъ не будетъ соотвѣтствовать его ревности? Но не сомнѣвайтесь: побѣда со Христомъ, побѣдившимъ міръ. Всего болѣе желалъ бы я пересказать теперь, что было тогда говорено и предлагаемо; потому что въ семь преніи немало расточено точныхъ оборотовъ и красотъ, которыя не непріятно было бы для меня возобновить въ памяти. Но это вовсе не приличествовало бы времени и предмету слова. Кесарій рѣшилъ всѣ словоухищренія его, отвергъ скрытныя и явныя обольщенія, какъ дѣтскія игрушки, и громко возвѣстилъ, что онъ христіанинъ; и будетъ христіаниномъ: однакожь Царь не удалилъ его отъ себя совершенно. Ему сильно хотѣлось пользоваться и хвалиться Кесаріевою ученостію; и при семъ то случаѣ произнесъ онъ слѣдующія, часто повторяемыя у всѣхъ, слова: „Благополучный отецъ! злополучныя дѣти!“ Ибо симъ поруганіемъ онъ благоволилъ почитать вмѣстѣ и меня, извѣстнаго ему по аѣнскому образованію и благочестію.

Между тѣмъ Кесарій, берегаемый до втораго представленія къ Царю, котораго гнѣвъ Божій благовременно вооружилъ противъ персовъ, возвратился къ намъ, какъ блаженный изгнанникъ, какъ побѣдоносець, не обагранный кровію и прославленный безчестіемъ болѣе, нежели блистательными отличіями. Такая побѣда, по моему сужденію, гораздо выше и почтеннѣе Юліанова могущества, высокой багряницы и драгоцѣнной діадимы. И повѣствованіемъ о семъ превозношусь я болѣе, нежели какъ сталь бы превозноситься, если бы Кесарій раздѣлялъ съ нимъ цѣлое царство. Если онъ уступаетъ злымъ временамъ, то дѣлаеъ по нашему закону, который повелѣваеъ бѣдствовать за истину,

когда потребуютъ обстоятельства, и не измѣнять благочестію изъ робости, но также и не вызываться, пока можно, на опасность, какъ страшась за свою душу, такъ щадя и тѣхъ, которые повергаютъ насъ въ опасность.

Когда же мракъ разсѣялся, далекая страна прекрасно рѣшила дѣло, *оружіе очищенное* (Пс. 7, 13.) низложило нечестивца, а христіане снова восторжествовали; нужно ли говорить, съ какою тогда славою и честію, при какихъ и сколькихъ засвидѣтельствованіяхъ, принять опять къ царскому двору Кесарій, какъ будто онъ чрезъ сіе оказывалъ, а не самъ получалъ, милость? Новая почестъ заступила мѣсто прежней. И хотя государи перемѣнялись по времени; однакоже доброе мнѣніе о Кесаріи и его первенство при дворѣ было непоколебимо. Даже государи препирались между собою въ томъ, кто изъ нихъ болѣе ласкалъ Кесарія, и кто имѣлъ болѣе права назвать его искреннѣйшимъ другомъ и приближеннымъ. Таково было благочестіе Кесаріево, и таково воздаяніе за благочестіе! Пусть слышать о семъ и юноши и мужи, и пусть тою же добродѣтелию снискиваютъ подобную знаменитость всѣ, которые домогаются оной, и почитаютъ ее частію благополучія! Только *благихъ трудовъ плодъ благословенъ* (Премудр. 3, 15.).

Но вотъ еще чудное событіе въ жизни Кесаріевой, которое служить сильнымъ доказательствомъ богобоязненности, вмѣстѣ и его собственной, и родителей его. Кесарій проживалъ въ Вивиніи, и былъ начальникомъ по такой части, которая близка къ самому государю. Онъ былъ хранителемъ царской казны, и имѣлъ подъ своимъ смотрѣніемъ сокровища. А симъ государь пролагалъ для него путь къ высшимъ чинамъ. Но во время недавняго въ Никеѣ землетрясенія, которое, какъ сказываютъ, было ужаснѣе дотолѣ памятныхъ, и почти всѣхъ застигло и истребило вмѣстѣ съ великолѣпіемъ города, изъ знатныхъ жителей едва ли не одинъ, или весьма съ немногими, спасается отъ гибели Кесарій. И спасеніе совершилось нѣвѣроятнымъ для него самаго образомъ: онъ былъ покрытъ развалинами и понесъ на себѣ только малые признаки опасности, сколько нужно сіе было для него, чтобы принять страхъ наставникомъ высшаго спасенія, и оставивъ служеніе коловратному, изъ одного царскаго двора поступивъ въ другій, совершенно перейти въ горнее воинство. Онъ самъ встрѣтился съ такою мыслию, и ревностно возжелалъ ея исполненія, какъ увѣрялъ меня въ письмахъ своихъ; а я воспользовался случаемъ присовѣтовать то, къ чему и прежде

не переставалъ увѣщавать, сожалѣя, что великія его дарованія обращены на худшее, что душа столько любомудрая погружена въ дѣла общественныя, и уподобляется солнцу, закрытому облакомъ.

Но спасшись отъ землетрясенія, Кесарій не спасся отъ болѣзни, потому что былъ человекъ: и первое принадлежало ему собственно, а послѣднее было ему общимъ со всѣми; первымъ одолженъ онъ благочестію, а въ послѣднемъ дѣйствовала природа. Такъ утѣшеніе предшествовало горести, чтобы мы, пораженные его смертію, могли похвалиться чуднымъ его спасеніемъ въ то время. И теперь сохраненъ для насъ великій Кесарій; предъ нами драгоцѣнный прахъ, восхваляемый мертвецъ, переходящій отъ пѣснопѣній къ пѣснопѣніямъ, сопровождаемый къ алтарямъ мученическимъ, чествуемый и святыми руками родителей, и бѣлою одеждою матери, замѣняющей въ себѣ горестъ благочестіемъ и слезами, которыя препобѣждаются любомудріемъ, и псалмопѣніями, которыми укрощается плачь; предъ нами приемлющій почести, достойныя души новосозданной, которую Духъ преобразовалъ водою.

Таково тебѣ, Кесарій, погребальное отъ меня приношеніе! Прими начатки моихъ рѣчей; ты часто жаловался, что скрываю даръ слова; и вотъ, на тебѣ надлежало ему открыться! Вотъ отъ меня тебѣ украшеніе, и очень знаю, что оно для тебя пріятнѣе всякаго другаго украшенія! Не принесъ я тебѣ шелковыхъ волнующихся и мягкихъ тканей, которыми ты не увеселялся и прежде, потому что украшалъ себя одною добродѣтелію. Не принесъ и тканей изъ чистаго льна, не возлилъ многоцѣнныхъ благовоній, съ которыми ты и при жизни отсылалъ въ женскіе чертоги, и которыя благоухаютъ не долѣе одного дня; не принесъ чего-либо другаго, столь же ничтожнаго и уважаемаго людьми ничтожными; такъ какъ все сіе, вмѣстѣ съ прекраснымъ тѣломъ твоимъ, покрылъ бы нынѣ этотъ холодный камень. Прочь отъ меня съ тѣми языческими игрищами и представленіями, которыя совершались въ честь несчастныхъ юношей, и при которыхъ за маловажные подвиги предлагались маловажныя награды! Прочь съ тѣми обрядами, въ которыхъ насыпями, приношеніемъ начатковъ, вѣнцами и свѣжими цвѣтами упокоивали усопшихъ человекъ, покоряясь болѣе отечественному закону и неразумію горести, нежели разуму! Мой даръ — слово; оно, переходя далѣе и далѣе, достигнетъ, можетъ быть, и будущихъ временъ, и не попуститъ, чтобы преселившійся отсель совершенно насъ оставилъ.

но сохранить его навсегда для слуха и сердца, явственнѣ картины представляя изображеніе возлюбленнаго. Таково мое приношеніе! Если оно маловажно и не соотвѣтствуетъ твоимъ достоинствамъ; то по крайней мѣрѣ благоугодно Богу, какъ соразмѣрное силамъ. Притомъ, мы воздали часть, а другую, кто останется изъ насъ въ живыхъ, воздастъ при годичномъ чествованіи и поминовеніи.

А ты, божественная и священная глава, вниди въ небеса, упокойся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ (что ни знаменовали бы оныя), узри ликъ Ангеловъ, славу и великолѣпіе Блаженныхъ, или лучше, составь съ ними одинъ ликъ, и возвеселись, посмѣваясь съ высоты всему здѣшнему, такъ называемому, богатству, ничтожнымъ достоинствамъ, обманчивымъ почестямъ, заблужденію чувствъ, превратностямъ сея жизни, безпорядку и недоразумѣніямъ какъ бы среди ночнаго сраженія! И да предстоишь Великому Царю, исполняясь горняго свѣта, отъ котораго и мы, пріявъ малую струю, сколько можетъ изобразиться въ зеркалѣ и гаданіяхъ, да взойдемъ наконецъ къ Источнику блага, чистымъ умомъ созерцать чистую истину, и за здѣшнее ревнованіе о добрѣ обрѣсти ту награду, чтобы насладиться совершеннѣйшимъ обладаемъ и созерцаніемъ добра въ удущемъ! Ибо сіе составляетъ цѣль нашего тайноводства, какъ прорицають и Писаніе и богословы.

Что остается еще?—Предложить врачевство слова скорбщимъ. Для плачущихъ дѣйствительнѣйшее пособіе то, которое подано сѣтующимъ съ ними. Кто самъ чувствуетъ равную горестъ, тому удобнѣе утѣшать страждущихъ. Притомъ, слово мое обращается наипаче къ тѣмъ, за которыхъ было бы мнѣ стыдно, если бы они не превосходили такъ же всѣхъ въ терпѣніи, какъ превосходятъ во всякой другой добродѣтели. Ибо они хотя паче всѣхъ чадолюбивы, однако же паче всѣхъ и любомудры, и христолюбивы. Какъ сами всего болѣе помышляютъ о преселеніи отсюда, такъ и дѣтей научили тому же, или, лучше сказать, цѣлая жизнь опредѣлена у нихъ на помышленіе о смерти. Если же горестъ омрачаетъ мысли и, подобно гноетеченію изъ глазъ, не позволяетъ чисто разсмотрѣть, что должно; то да примутъ утѣшеніе старцы отъ юнаго, родители отъ сына, подававшіе многимъ совѣты и пріобрѣтшіе долговременную опытность—отъ того, кто самъ имѣетъ нужду въ ихъ совѣтахъ. Не удивляйтесь же, если будучи юнымъ, даю уроки старцамъ; и то ваше, если умѣю видѣть иное лучше сѣдовласыхъ.

Сколько еще времени проживемъ мы, почтенные и приближающіеся къ Богу старцы? Долго ли еще продлятся здѣшнія злостраданія? Непродолжительна и цѣлая человѣческая жизнь, если сравнить ее съ Божественнымъ и нескончаемымъ естествомъ. Еще болѣе краткокъ остатокъ жизни, и такъ сказать, прекращеніе человѣческаго дыханія, окончаніе временной жизни. Чѣмъ предварилъ насъ Кесарій? Долго ли намъ оплакивать его, какъ отшедшаго отъ насъ? Не поспѣшаемъ ли и сами къ той же обители? Не покроетъ ли и насъ вскорѣ тотъ же камень? Не сдѣлаемся ли, по маломъ времени, такимъ же прахомъ? Въ сіи же краткіе дни, не столько приобрѣтемъ добраго, сколько увидимъ, испытаемъ, а можетъ быть, сами сдѣлаемъ худаго; и потомъ принесемъ общую и непремѣнную дань закону природы. Однихъ сопроводимъ, другимъ будемъ предшествовать; однихъ оплачемъ, для другихъ послужимъ предметомъ плача, и отъ иныхъ воспримемъ слезный даръ, который сами приносили умершимъ. Такова временная жизнь наша, братія! Таково забавное наше появленіе на землѣ — возникнуть изъ ничего, и возникнувъ разрушиться! Мы тоже, что бѣглый сонъ, неуловимый призракъ, полетъ птицы, корабль на морѣ, слѣда не имѣющій, прахъ, духовеніе, весенняя роса, цвѣтъ, временемъ раждающійся и временемъ облетающій. *Человѣкъ, яко трава днѣе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ* (Пс. 102, 15); прекрасно разсуждалъ о нашей немощи божественный Давидъ. Онъ тоже говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *умаленіе дней моихъ возвети ми* (Пс. 101, 24); и мѣру дней человѣческихъ опредѣляетъ *пядями* (Пс. 38, 6). Что же сказать вопреки Іереміи, который и къ матери обращается съ упрекомъ, сѣтуя на то, что родился, и притомъ по причинѣ чужихъ грѣхопаденій (Іер. 15, 10)? *Видѣхъ всяческую*, говоритъ Екклесіастъ; обозрѣлъ я мыслію все человѣческое, богатство, роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убѣгающую, нежели приобрѣтаемую; неоднократно возвращаясь къ одному и тому же, разсмотрѣлъ опять роскошь, и опять мудрость, потомъ сластолюбіе, сады, многочисленность работъ, множество имѣнія, виночерпцѣвъ и виночерпицъ, пѣвцевъ и пѣвицъ, оружіе, оруженосцевъ, колѣнопреклоненія народовъ, собираемыя дани, царское величіе, и всѣ излишества и необходимости жизни, все, чѣмъ превзошелъ я всѣхъ до меня бывшихъ царей: и что же во всемъ этомъ? *все суета суетствій, всяческая суета и произволеніе духа* (Еккл. 1, 2. 14), то есть, какое то неразумное стремленіе души и развлеченіе человѣка, осужденнаго

на сіе, можетъ быть, за древнее паденіе. Но *конецъ слова*, говоритъ онъ, *все слушай, Бога бойся* (Еккл. 12, 13); здѣсь предѣль твоему недоумѣнію. И вотъ единственная польза отъ здѣшней жизни,—самымъ смятеніемъ видимаго и обуреваемого руководиться къ постоянному и неизблемому. Итакъ, будемъ оплакивать не Кесарія, о которомъ знаемъ—отъ какихъ золь онъ освободился, но себя самихъ; ибо знаемъ, для какихъ бѣдствій оставлены мы, и какія еще соберемъ для себя, если не предадимся искренно Богу, если, обходя преходящее, не поспѣшимъ къ горней жизни, если живя на землѣ, не оставимъ землю, и не будемъ искренно послѣдовать Духу, возводящему въ горнее. Сіе прискорбно для малодушныхъ, но легко для мужественныхъ духомъ.

Разсмотримъ еще и то: Кесарій не будетъ начальствовать, но и у другихъ не будетъ подъ начальствомъ; не станетъ вселять въ иныхъ страха, но и самъ не убоится жестокаго властелина, иногда недостойнаго, чтобы ему начальствовать; не станетъ собирать богатства, но не устрашится и зависти, или не повредитъ души несправедливымъ стяжаніемъ и усиліемъ присовокупить еще столько же, сколько пріобрѣлъ. Ибо таковъ недугъ богатлюбія, что не имѣетъ предѣла въ потребности большаго, и врачуетъ себя отъ жажды тѣмъ, что непрестанно пьетъ. Кесарій не сложитъ новыхъ рѣчей, но за рѣчи же будетъ въ удивленіи; не будетъ разсуждать объ ученіи Иппократа, Галена и ихъ противниковъ, но не станетъ и страдать отъ болѣзней, изъ чужихъ бѣдъ собирая себѣ скорби; не будетъ доказывать положеній Евклида, Птоломея и Герона, но не станетъ и сѣтовать о надмевающихся сверхъ мѣры невѣждахъ; не станетъ показывать своихъ свѣдѣній въ ученіи Платона, Аристотеля, Пиррона, Демокритовъ, Гераклитовъ, Анаксагоровъ, Клеанеовъ, Эпикуровъ, и еще не заню кого изъ почтенныхъ Стоиковъ, или Академиковъ, но не будетъ и заботиться о томъ, какъ рѣшить ихъ правдоподобія. Нужно ли мнѣ упоминать о чемъ-либо другомъ? Но что, конечно, всякому дорого и вождельно, у него не будетъ ни жены, ни дѣтей. За то ни самъ не станетъ ихъ оплакивать, ни ими не будетъ оплакиваемъ; не останется послѣ другихъ и для другихъ памятникомъ несчастія. Онъ не наслѣдуетъ имѣнія, за то будетъ имѣть наслѣдниковъ, какихъ имѣтъ всегда полезнѣе, и какихъ самъ желалъ, чтобы переселиться отселѣ обогащеннымъ и взять съ собою все свое. И какая щедрость! какое новое утѣшеніе! какое великодушіе въ исполнителяхъ! Услышана вѣсть, достойная общаго слышанія, и горестъ матери истощается прекраснымъ и святымъ обѣ-

томъ — все, что было у сына, все его богатство, отдать за него въ погребальный даръ, и ничего не оставлять ожидавшимъ наслѣдства.

Ужели и сего недостаточно къ утѣшенію? Предложу сильнѣйшее врачевство. Для меня убѣдительны слова мудрыхъ, что всякая добрая и боголюбивая душа, какъ скоро, по разрѣшеніи отъ сопряженнаго съ нею тѣла, освободится отселѣ, приходитъ въ состояніе чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищеніи, или по отложеніи (или еще, не знаю, какъ выразить) того, что ее омрачало, услаждается чуднымъ какимъ-то услажденіемъ, веселится и радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ; потому что избѣгла здѣшней жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежавшія на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Тогда она въ видѣніи какъ бы пожинаетъ уготованное ей блаженство. А потомъ и сопророжденную себѣ плоть, съ которою упражнялась здѣсь въ любомудріи, отъ земли, ее давшей и потомъ сохранившей, воспріавъ непонятнымъ для насъ образомъ и извѣстнымъ только Богу, ихъ соединившему и разлучившему,—вмѣстѣ съ нею вступаетъ въ наслѣдіе грядущей славы. И какъ, по естественному союзу съ плотію, сама раздѣляла ея тяготи, такъ сообщаетъ ей свои утѣшенія, всецѣло поглотивъ ее въ себя¹⁾, и содѣлавшись съ нею единымъ духомъ, и умомъ, и богомъ, послѣ того какъ смертное и преходящее пожерто жизнію. Послушай же, какъ любомудрствуетъ божественный Іезекиль о совокупленіи костей и жилъ (Іез. 37), а за нимъ и божественный Павелъ о скинѣ земной и о храмѣ нерукотворенной, изъ которыхъ одна *разорится*, а другая уготована *на небесахъ* (2 Кор. 5, 1). Онъ говоритъ, что *отъйти отъ тѣла* значитъ *внити ко Господу*; и жизнь въ тѣлѣ оплакиваетъ какъ отхожденіе отъ Господа, и потому желаетъ и поспѣшаетъ отрѣшиться отъ тѣла. Для чего же мнѣ малодушествовать въ надеждѣ? Для чего прилѣпляться къ временному? Дождусь Архангельскаго гласа, послѣдней трубы, преобразования неба, претворенія земли, освобожденія стихій, обновленія цѣлаго міра. Тогда увижу и самого Кесарія не отходящимъ, не износимымъ, не оплакиваемымъ, не сожалѣніями сопровождаемымъ, но святымъ, прославленнымъ, превознесеннымъ, какимъ ты, возлюбленнѣйшій изъ братьи и братолюбивѣйшій, неоднократно являлся

¹⁾ Св. Богословъ указываетъ на истину, раскрытую 1 Кор. 15, 42—44. 53. 54.

мнѣ во снѣ, потому ли, что такъ изображало тебя мое желаніе, или потому, что это была самая истина.

А теперь, оставивъ слезы, обращусь къ себѣ, чтобы самому противъ воли не сдѣлаться достойнымъ слезъ, и рассмотрю свое положеніе. *Сынове человечестіи* (ибо къ вамъ простирается слово), *доколы тяжкосердїи* и *дебелы мыслію, вскую любите суету, и щите лжи* (Пс. 4, 3), почитая здѣшнюю жизнь чѣмъ-то великимъ, и немногіе дни сіи многочисленными, а сего вожделѣннаго и пріятнаго разлученія отвращаясь, какъ чего-то тяжкаго и ужаснаго? Еще ли не познаемъ самихъ себя? не отвергнемъ видимаго? не обратимъ взоровъ къ мысленному? Ежели скорбѣть о чемъ нибудь должно, то не поболѣзуемъ ли о *продолженіи пришеельствія* (Пс. 109, 5), вмѣстѣ съ божественнымъ Давидомъ, который называетъ все земное селеніями тмы¹⁾, *мъствомъ озлобленія* (Пс. 43, 20), *тмжнїемъ глубины* (Пс. 68, 3), *снїю смертною* (Пс. 106, 10)? Поболѣзуемъ; потому что медлимъ въ гробахъ, которые носимъ съ собою; потому что мы, бывшіе богами, умираемъ, какъ люди грѣховною смертію. Сей то страхъ объемлетъ меня; о семъ помышляю день и ночь; не позволяютъ мнѣ успокоиться и будущая слава и будущій судъ. Одной столько желаю, что могу сказать: *исчезаетъ во спасеніе Твое душа моя* (Пс. 118, 81); а другаго ужасаюсь и отвращаюсь. И страшитъ меня не то, что сіе тѣло мое, удобообразуемое и тлѣнное, совершенно погибнетъ, но то, что славное твореніе Божіе (славное, когда преуспѣвать въ дбрѣ, а равно и безчестное, когда грѣшить), твореніе, въ которомъ есть умъ, законъ и надежда, осуждено будетъ на одинаковое безславіе съ неразумными, и по разлученіи съ тѣломъ станетъ ничѣмъ его не лучше, чего и желали бы люди порочные и достойные будущаго огня. О если бы мнѣ *умертвитъ уды, яже на земли* (Кол. 3, 5)! О если бы мнѣ, идя путемъ узкимъ, для немногихъ проходимымъ, а не широкимъ и легкимъ, все принести въ жертву духу! ибо славно и велико то, что послѣдуетъ за симъ; уповаемое—болѣе того, чего мы достойны. *Что есть человекъ, яко помниши его* (Пс. 8, 5)? Какая это новая обо мнѣ тайна! Малъ я и великъ, униженъ и превознесенъ, смертенъ и бессмертенъ, я вмѣстѣ земный и небесный! Одно у меня общее съ дольнымъ міромъ, а другое—съ Богомъ; одно—съ плотію, а другое—съ духомъ! Со Хри-

¹⁾ Селенія тмы, по изъясненію св. Богослова, какъ вѣроятно, суть то же, что и селенія Кидарскія (Пс. 119, 5).

стомъ должно мнѣ спогребстись, со Христомъ воскреснуть, Христу сонаслѣдовать, стать сыномъ Божиимъ, даже богомъ!

Видите, куда, наконецъ, возвело насъ слово. Я готовъ почти благодарить постигшую насъ горестъ, которая расположила меня къ такому любомудрію и даже содѣлала пламенно желающимъ преселиться отселѣ. Сіе предназначаетъ намъ великая тайна, предназначаетъ Богъ, за насъ вочеловѣчившійся и обнищавшій, чтобы возставить плоть, спасти образъ и возсоздать челоуѣка, да будемъ *все едино о Христѣ*, Который во всѣхъ насъ содѣлался совершенно всѣмъ тѣмъ, что самъ Онъ есть; да не будетъ въ насъ болѣе *ни мужескій полъ, ни женскій, ни варваръ, ни Скиеъ, ни рабъ, ни свобода* (Гал. 3, 28. 29), такъ какъ это плотскіе признаки; но да имѣемъ единъ Божій Образъ, Которымъ и по Которому мы созданы; да изобразится и отпечатлѣется въ насъ Онъ столько, чтобы по Немъ только могли узнавать насъ. И въ семъ надѣмся успѣть по великому челоуѣколюбію великодаровитаго Бога, Который, требуя малаго, искренно любящимъ Его, и въ настоящемъ и въ будущемъ, даруетъ великая, будемъ все переносить, все терпѣть ради любви къ Нему и по упованію, за все благодарить, какъ за *десная*, такъ и за *шудяя*, то есть, за пріятное и за скорбное; потому что Божіе слово часто и послѣднее обращаемъ въ оружіе спасенія (2 Кор. 6, 7). Вѣримъ Богу и наши души, и души тѣхъ, которые предварили насъ въ мѣстѣ успокоенія; потому что были на общемъ пути какъ бы готовѣе насъ.

И самъ, шествуя тѣмъ же путемъ, прекращу здѣсь слово. Но прекратите слезы и вы, поспѣшающіе ко гробу своему, ко гробу, который пріемлетъ отъ васъ Кесарій въ даръ скорбный и всегдашній; ко гробу, который уготовлялся родителямъ, и благовремененъ былъ для старости, но Распорядителемъ дѣлъ нашихъ дарованъ сыну и юности, хотя и не въ обыкновенномъ порядкѣ, однако же не внѣ порядка.

Ты же, Владыка и Творецъ всяческихъ, а по преимуществу, сего созданія¹⁾! Боже людей Твоихъ, Отецъ и Правитель, Господь жизни и смерти! Хранитель и Благодѣтель душъ нашихъ, все благоременно творящій и предуготовляющій художническимъ Словомъ, какъ Самъ вѣдаешь, во глубинѣ премудрости и міроуправленія! Прими нынѣ Кесарія въ начатокъ нашего отшествія. Хотя онъ послѣдній изъ насъ; однако же, первымъ пре-

¹⁾ Кесарія.

даемъ его судьбамъ Твоимъ, которыми все держится. А напоследокъ и насъ, сохранивъ въ тѣлѣ, доколѣ полезно, прими во время благопотребное; прими уготованныхъ, не смущенныхъ, не предающихся бѣгству въ послѣдній день, не насильно отсюда увлекаемыхъ, что бываетъ съ душами миролюбивыми и плотолюбивыми, но благодушно отходящихъ къ тамошней жизни долговѣчной и блаженной, къ жизни во Христѣ. Аминь.

Слово 8, надгробное Горгоніи, сестрѣ Св. Григорія Назіанзина.

Хваля сестру, буду превозносить свое собственное. Впрочемъ нельзя признать сего ложнымъ, потому единственно, что оно свое. Напротивъ того, поелику оно истинно, потому и похвально; а истинно не потому только, что справедливо, но и потому, что извѣстно. Мнѣ нельзя говорить и по пристрастію, хотя бы и захотѣлъ; моимъ судіею будетъ слушатель, который умѣетъ слышать слово съ истиной, и если справедливъ, то какъ не одобрить похвалъ незаслуженныхъ, такъ потребуетъ заслуженныхъ. Посему не того боюсь, что скажу сверхъ истины, а напротивъ того, что не выскажу истины, и далеко не достигнувъ достоинства предмета, своими похвалами уменьшу славу сестры: ибо при ея доблестяхъ трудно сдѣлать, чтобы слово равнялось дѣламъ. Какъ не надобно и хвалить всего чужаго, если оно несправедливо: такъ не должно и унижать своего, если оно достойно уваженія; дабы первому не послужило въ пользу то самое, что оно чужое, а послѣднему—во вредъ то, что оно свое. Ибо законъ справедливости нарушается въ обоихъ случаяхъ,—и когда хвалятъ только чужое, и когда умалчиваютъ о своемъ. Но принявъ для себя за цѣль и правило одну истину, и ее только имѣя въ виду, и не заботясь о всемъ прочемъ, что важно для людей простыхъ и низкихъ, буду хвалить или переходить молчаніемъ, что достойно хвалы или молчанія. Если отнять что у своего, злословить, обвинять его, или нанести ему другую большую или меньшую обиу, не почитаемъ дѣломъ честнымъ, а напротивъ того, всякое преступленіе противъ родственника признаемъ самымъ тяжкимъ: то всего несообразнѣе будетъ думать, что поступимъ справедливо, кого-либо изъ своихъ лишивъ слова, которымъ особенно обязаны мы служить людямъ добрымъ, и чрезъ которое можемъ доставить имъ безсмертную память. Неумѣстно также—обращать большее вниманіе на мнѣніе людей злонамѣренныхъ, которые могутъ обвинить въ пристрастіи, а не

на мнѣніе благонамѣренныхъ, которые требуютъ долгаго. Если хвалить чужихъ не препятствуетъ намъ то, что дѣла ихъ неизвѣстны и не засвидѣтельствованы (хотя бы сіе могло быть справедливейшимъ препятствіемъ): то ужели наша любовь и зависть другихъ воспрепятствуютъ хвалить знаемыхъ, наипаче тѣхъ, которые уже преселились отъ насъ, которымъ и льстить уже поздно; потому что они оставили, какъ все прочее, такъ и хвалителей и порицателей.

Но поелику я достаточно защитилъ себя, и доказалъ, что настоящее слово для меня самого необходимо: то приступлю теперь къ самымъ похваламъ, и не буду заботиться объ украшеніи и изяществѣ слога (ибо и та, которую хочу хвалить, не любила украшеній, а поставляла красоту въ томъ, чтобы не имѣть прикрасъ), но воздамъ усопшей приличную честь, какъ самый необходимый долгъ, и вмѣстѣ постараюсь научить другихъ соревнованію и подражанію ея добродѣтелямъ. Ибо у насъ цѣль всякаго слова и дѣла—вести къ совершенству тѣхъ, которые намъ ввѣрены. Итакъ, пусть другіи, соблюдая правила похвальныхъ словъ, хвалятъ отечество и родъ почившей: и дѣйствительно ему можно будетъ сказать много прекраснаго, ежели захочетъ украшать ее и отвнѣ, какъ дорогую прекрасную картину убирають золотомъ, камнями и такими украшеніями искусства и художнической руки, которая дурную картин своимъ прибавленіемъ болѣе обнаруживаютъ, а прекрасной, будучи ея ниже, не придаютъ красоты. А я выполняю законъ похвального слова въ томъ единственно, что упомяну объ общихъ нашихъ родителяхъ (ибо, говоря о такомъ сокровищѣ, несправедливо будетъ умолчать о родителяхъ и учителяхъ). Потомъ немедленно обращу слово къ ней самой, и не утомлю ожиданіемъ желающихъ слышать о дѣлахъ ея.

Кто не знаетъ новаго нашего Авраама и нашихъ временъ Сарры? Ткъ именую Григорія и Нонну, супругу его (ибо полезно—не оствлять въ забвеніи тѣ имена, которыя возбуждаютъ къ добродѣтели). Одинъ изъ нихъ оправдался вѣрою, другая жила въ супружествѣ съ вѣрнымъ; одинъ сверхъ надежды сталъ отцемъ многихъ нароовъ, другая духовно рождаетъ; одинъ избѣгъ служенія отечественнымъ богамъ, другая была дочерію и матерью свободныхъ; одинъ преселился изъ своего рода и дома для земли обѣтованія, другая была причиною преселенія, и въ этомъ уже одномъ (осмѣлюсь такъ сказать) стала выше самой Сарры; одинъ прекрасно странствовалъ, другая

охотно ему сопутствовала; одинъ прильпился ко Господу, другая почитаетъ и именуетъ мужа своимъ господиномъ, и частію за то самое оправдана. Имъ даны обѣтованія, у нихъ, сколько отъ нихъ самихъ это зависитъ, есть свой Исаакъ и даръ. По молитвамъ и подъ руководствомъ жены своей образовался онъ—добрый пастырь, и она показала на себѣ примѣръ доброй пасомой. Онъ искренно убѣждалъ отъ идоловъ, и потомъ самъ обращаетъ въ бѣгство демоновъ; она никогда не вкушала даже и соли вмѣстѣ съ идолослужителями. Супружество ихъ равночестно, согласно и единомудушно, и не столько—плотскій союзъ, сколько союзъ добродѣтели и единенія съ Богомъ; какъ лѣтами и сѣдинами, такъ и благоразуміемъ и славою дѣлѣ, они соревнуютъ другъ другу, и превышаютъ всякаго другаго. Они мало связаны плотію и духомъ, еще прежде разлученія съ тѣломъ, преселены отселѣ; не ихъ—этотъ міръ, презираемый; но ихъ—тотъ міръ, предпочитаемый; ихъ—обнищаніе и ихъ—обогащеніе доброю куплею, какъ презирающихъ здѣшнее и искушающихъ тамошнее. Кратокъ остатокъ ихъ жизни настоящей, и немногое остается довершить ихъ благочестіе; но велика и продолжительна жизнь, въ которой они подвизались. Одно еще присовокуплю къ сказанному о нихъ: хорошо и справедливо, что они не принадлежали къ одному полу; ибо одинъ былъ украшеніемъ мужей, другая женъ, и не только украшеніемъ, но и образцомъ добродѣтели.

Отъ нихъ Горгонія получила бытіе и славу; отсюда въ ней сѣмена благочестія; отъ нихъ и добрая жизнь ея и мирное отшествіе со спасительными надеждами. Конечно, и сіе уже прекрасно и не всегда бываетъ удѣломъ тѣхъ, которые много хвалятся благородствомъ и гордятся предками. Но если о Горгоніи должно разсуждать съ большимъ любомудріемъ и возвыщеніемъ: то ея отечество—горній Иерусалимъ, не зримый, но умосозерцаемый градъ, гдѣ и намъ предоставлено гражданство, куда и мы послѣшаемъ, гдѣ гражданинъ—Христосъ, а сограждане—весь торжествующій сонмъ и Церковь первородныхъ, окрестъ сего великаго Градоизждителя празднующихъ въ созерцаніи славы, и ликующихъ непрестаннымъ ликованіемъ. А благородство ея—соблюденіе образа Божія, уподобленіе Первообразу, совершаемое умомъ и добродѣтелию, и чистое желаніе, которое непрестанно болѣе и болѣе преобразуетъ насъ по Богу въ истинныхъ тайнозрителей горняго, знающихъ—откуда мы, какими и для чего сотворены. Такъ е семь разумѣю я; а потому

знаю и говорю, что душа Горгонии одна изъ благороднѣйшихъ подъ солнцемъ; и мое мѣрило, мой уровень благородства и художества лучше, нежели у черни; я различаю сіе не по крови, но по нравамъ сужу; о хвалимыхъ, или охуждаемыхъ, не по родамъ, но по свойствамъ каждаго.

Теперь слово объ ея доблестяхъ; пусть же каждый принесетъ нѣчто свое, и вспомоществуетъ слову: потому что невозможно объять всего одному, сколько бы ни были обширны его умъ и собранныя имъ свѣдѣнія. Она отличалась цѣломудріемъ и превзошла имъ всѣхъ современныхъ ей женъ, не говорю уже о тѣхъ, которыя были уважаемы за цѣломудріе въ древности. И какъ въ жизни возможны два состоянія—супружество и дѣвство, и одно выше и богоподобнѣе, но труднѣе и опаснѣе, а другое ниже, но безопаснѣе; она, устранившись невыгодъ того и другаго, избрала и совокупила воедино все, что въ обоихъ лучшаго, то есть, и высоту дѣвства и безопасность супружества. Она была цѣломудренною безъ надменія, съ супружествомъ совмѣстивши добродѣтели дѣвства и тѣмъ показавши, что ни дѣвство, ни супружество не соединяютъ и не раздѣляютъ насъ всецѣло съ Богомъ, или съ міромъ; такъ, чтобы одно само по себѣ напротивъ того, умъ долженъ быть хорошимъ правителемъ и было достойно отвращенія, а другое—безусловной похвалы: въ супружествѣ и въ дѣвствѣ, и изъ нихъ, какъ изъ нѣкотораго вещества, художнически обрабатывать и созидать добродѣтель. Ибо она не отлучилась отъ Духа оттого, что сочеталась съ плотію, и не забыла о первой Главѣ оттого, что признала главою мужа: но послуживъ міру и природѣ въ немногъ, и сколько сего требовалъ законъ плоти, или, лучше сказать, Тотъ, Кто далъ такой законъ плоти, она всецѣло посвятила себя Богу. Но что особенно хорошо и достойно въ ней уваженія,—она и мужа своего склонила на свою сторону, и имѣла въ немъ не строптиваго господина, но благаго сослужителя. Мало сего: самый плодъ тѣла, то есть, дѣтей и внуковъ своихъ, она содѣлала плодомъ духа; ибо весь родъ и все семейство, какъ единую душу, очистила и приобрѣла Богу, а благоугодливостію въ супружеской жизни и прекрасными послѣдствіями такого поведенія самое супружество содѣлала похвальнымъ. Въ продолженіе жизни она служила для дѣтей образцомъ всего добраго, а когда отозвана отсель,—оставила послѣ себя домашнимъ волю свою, какъ безмолвное наставленіе. Божественный Соломонъ въ книгѣ дѣтводственной мудрости, то есть въ Притчахъ (гл. 31), похваляетъ

въ женѣ то, что она сидитъ дома и любить мужа; и женѣ, которая блуждаетъ внѣ дома, невоздержна, безчестна, наружностію и языкомъ блудницы *уловляетъ честныхъ* (6, 26), противопоставляетъ жену, которая усердно занимается домашнимъ, не утомима въ дѣлахъ женскихъ, *руцѣ свои утверждаетъ на вретено, сугуба одѣяннѣя* приготовляетъ мужу, благовременно покупаетъ село, хорошо кормитъ слугъ, угощаетъ друзей обильнымъ столомъ, и исполняетъ все прочее, что Соломонъ восхвалялъ въ женѣ цѣломудренной и трудолюбивой.

Но если бы я сталъ хвалить за такія качества сестру; то сіе значило бы хвалить статую по тѣни, или льва по когтямъ, оставивъ безъ вниманія важнѣйшее и совершеннѣйшее. Какая изъ женщинъ больше ея стоила быть видимой, и однакожь, рѣже показывалась и была недоступнѣе для мужскихъ взоровъ? Какая изъ женщинъ лучше ея знала мѣру строгости и веселости въ обращеніи? Въ ней строгость не казалась угрюмностію и обходительность—вольностію, но въ одномъ было видно благоразуміе, въ другой—кротость. И это, въ соединеніи ласковости съ величавостію, составляло правило благоприличія.

Да внемлютъ сему тѣ изъ женщинъ, которыя преданы суетности, разсѣянности, и не любятъ покрывала стыда! Какая изъ женщинъ такъ уцѣломудрила очи? до того осмѣяла смѣхъ, что и склонность къ улыбокѣ почитала для себя важнымъ дѣломъ? Какая изъ женщинъ затворяла крѣпче слухъ свой, и охотнѣе отверзала его для слова Божія? Еще болѣе: какая изъ женщинъ подчинила такъ языкъ владычеству ума, чтобы вѣщать оправданія Божія, и уставляла такой строгій чинъ устами? Скажу, если угодно, и о семъ ея совершенствѣ, котораго она не считала важнымъ, подобно всѣмъ истинно цѣломудреннымъ и благонравнымъ женщинамъ; хотя и заставили почитать сіе важнымъ женщины слишкомъ пристрастныя къ украшеніямъ и нарядамъ и не вразумляемыя словомъ, тѣхъ, которыя учатъ подобнымъ добродѣтелямъ. Ее украшали не золото, отдѣланное искусною рукою до преизбытка красоты, не златовидные, волосы, блестящіе и свѣтящіеся, не кудри, вьющіеся кольцами, не безчестныя ухищренія тѣхъ, которыя изъ честной головы дѣлаютъ родъ шатра, не многоцѣнность пышной и прозрачной одежды, не влскъ и пріятность драгоцѣнныхъ камней, которые окрашиваютъ собою ближній воздухъ и озаряютъ лица, не хитрости и обаянія живописцевъ, не покупная красота, не рука земнаго художника, которая дѣйствуетъ вопреки Зпидителю,

и Божіе созданіе покрываетъ обманчивыми красками, и позорить своею честію, вмѣсто образа Божія выставляетъ на показъ похотливымъ очамъ кумирь блудницы, чтобы поддѣльною красотою закрыть естественный ликъ, хранимый для Бога и будущаго вѣка. Напротивъ того, она хотя знала много всякаго рода наружныхъ женскихъ украшеній, однако же, ничего не находила драгоцѣннѣе своихъ нравовъ и внутри сокровеннаго велелѣпія. Одинъ румянецъ ей нарвился,—румянецъ стыдливости, и одна бѣлизна—происходящая отъ воздержанія; а притиранія и подкрашиванія, искусство дѣлать изъ себя живую картину, удобно смываемое благообразіе она предоставила женщинамъ, опредѣлившимъ себя для зрѣлицъ и распутій, для которыхъ стыдно и позорно краснѣть отъ стыда.

Такъ она вела себя въ этомъ отношеніи! Но нѣтъ слова, которое бы могло изобразить ея благоразуміе и благочестіе, и немного найдется подобныхъ примѣровъ, кромѣ родителей ея и по тѣлу по духу. Ихъ однихъ имѣя для себя образцомъ и ни мало не уступая имъ въ добродѣтели, въ томъ только одномъ, и притомъ совершенно охотно, уступала, что отъ нихъ заимствовала сіе благо, и ихъ внутренно и предъ всѣми признавала началомъ своего просвѣщенія. Что проникательнѣе было ея разума? Къ ея совѣтамъ прибѣгали не только родственники, единоземцы и сосѣди, но и всѣ, знавшіе ее въ окрестности; и ея увѣщанія и наставленія почитали для себя ненарушимымъ закономъ. Что было замысловатѣе ея рѣчей? что благоразумнѣе ея молчанія? Но поелику упомянулъ я о молчаніи; то присовокуплю, что и ей всего свойственнѣе, и женщинамъ приличнѣе, и настоящему времени полезнѣе. Какая изъ женщинъ лучше ея знала, что можно знать о Богѣ, какъ изъ Св. Писанія, такъ и по собственому разуму пребывая въ собственныхъ предѣлахъ благочестія, меньше ея говорила? А что касается до того, къ чему обязана познавшая истинное благочестіе, и въ чемъ одномъ прекрасно, не знать насыщенія, то какая изъ женщинъ, украшала такъ храмы приношеніями? И другіе храмы и сей самый храмъ, не знаю, требуютъ ли еще украшеній послѣ нея? Особенно же, какая изъ женщинъ такъ созидала себя въ живой храмъ Богу? какая изъ женщинъ столько уважала священниковъ, и особенно своего сподвижника и учителя въ благочестіи, который имѣетъ добрыя сѣмена,—двоихъ дѣтей, посвященныхъ Богу? Какая изъ женщинъ усерднѣе предлагала собственный домъ живущимъ по Богу, и дѣлала имъ такой прекрасный и богатый

пріемъ, и, что важнѣе сего, принимала ихъ съ такимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ? Сверхъ сего, какая изъ женщинъ обнаружилась столько безстрастный умъ во время злостраданій, и столь сострадательное сердце къ бѣдствующимъ? Чья рука была щедрѣе для нуждающихся? И я смѣло обращу въ похвалу ей слова Іова: *дверь ея всякому приходящему отверста бы, и внѣ не водворяшеся странникъ* (Іов. 31, 32); она была *око слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. 29, 15), и мать сиротамъ. О милосердіи же ея къ вдовамъ нужно ли говорить, развѣ сказать то, что плодомъ сего было—не именоваться вдовою? Домъ ея былъ общимъ пристанищемъ для бѣдныхъ родственниковъ, а имуществомъ ея пользовались все нуждающіеся не менѣе, какъ бы своею собственностію. *Расточи, даде убогимъ* (Пс. 111, 9). И по непреложному и нелживому обѣтованію, она многое вложила въ небесныя житницы, много разъ и въ лицѣ многихъ, получившихъ отъ нея благодѣянія, принимала Христа. Но всего лучше то, что она не старалась заставить о себѣ думать выше надлежащаго, а прекрасно воздѣлывала благочестіе втайнѣ, предъ Видящимъ тайное. И все похитила у міродержца, все перенесла въ безопасныя хранилища, ничего не оставила землѣ, кромѣ тѣла. Все промѣняла на надежды въ будущемъ; одно богатство оставила дѣтямъ—подражаніе и ревность къ тѣмъ же добродѣтелямъ.

Таково и столь невѣроятно было ея великодушіе! Однако же, въ упованіи на свою благотворительность, она не предала тѣла своего роскоши и необузданному сластолюбію, сему злему и терзающему псу; какъ случается со многими, которые милосердіемъ къ бѣднымъ думаютъ купить себѣ право на роскошную жизнь, и не врачуютъ зла добромъ, но вмѣсто добра пріобрѣтаютъ худое. О ней нельзя сказать, что, хотя поработала въ себѣ перстное постами, однако же, другому предоставляла врачевство простертіи на землѣ; или, хотя находила въ этомъ пособіе для души, однако же, менѣе кого-либо другаго ограничивала мѣру сна; или, хотя и въ этомъ дала себѣ законъ, какъ безплотная, однако же восклонялась на землю, когда другіе проводили всю ночь въ прямомъ положеніи (каковъ подвигъ приличенъ преимущественно любознательнымъ мужамъ); или, хотя и въ семъ оказалась мужественнѣе не только женъ, но и самыхъ доблестныхъ мужей; однако же, что касается до мудраго возглашенія псалмопѣнн^а, до чтенія и изясненія Божія слова, до благовременнаго припамятованія, до преклоненія изможденныхъ и какъ бы приросшихъ къ землѣ колѣнъ,

до слезнаго очищенія душевной скверны въ сердцѣ сокрушенномъ и духѣ смиренномъ, до молитвы горѣ возносимой, до неразсѣянности и паренія ума, то могъ бы кто-либо изъ мужей или женъ похвалиться превосходствомъ предъ нею во всемъ этомъ, или въ чемъ-либо одномъ. Напротивъ того, какъ ни высоко сіе, однако же, справедливо можетъ быть сказано о ней, что въ иномъ совершенствѣ она соревновала, а въ другомъ сама была предметомъ соревнованія, одно изобрѣла, а другое восхитила силою, и если имѣла подражателей въ которомъ либо одномъ, то всѣхъ превзошла тѣмъ, что въ одной себѣ совмѣстила всѣ совершенства. Она столько преуспѣла во всѣхъ, сколько никто другій не успѣлъ и въ одномъ, даже посредственно. Она довела каждое совершенство до такой высоты, что вмѣсто всѣхъ достаточно было бы и одного. Какое пренебреженіе къ тѣлу и одеждѣ, цвѣтущимъ единою добродѣтелию! Какая сила души, почти безъ пищи поддерживающей тѣло, какъ невещественное! Или лучше сказать, сколько терпѣнія въ тѣлѣ, еще до разлученія съ душею уже умерщвленномъ, чтобы душа получила свободу и не стѣснялась чувствами! Сколько ночей проведенныхъ безъ сна, псалмопѣній и стояній, продолжавшихся отъ одного дня до другаго! Твои пѣсни, Давидъ, непродолжительны только для душъ вѣрующихъ! Гдѣ нѣжность членовъ, распростираемыхъ по землѣ, и вопреки природѣ огрубѣвшихъ? Какіе источники слезъ, посѣваемыхъ въ скорби, чтобы пожать радостію! Нощный вопль, проникающій облака и достигающій неба! Горячность духа, который въ возжелѣннй молитвы не страшится ни ночныхъ псовъ, ни морозовъ, ни дождей, ни громовъ, ни града, ни мрака! Естество жены, побѣдившее въ общемъ подвигѣ спасенія естество мужей, и показавшее, что жена отлична отъ мужа не по душѣ, а только по тѣлу! Чистота, какъ вскорѣ по крещеніи, и душа уневѣщенная Христу въ чистомъ брачномъ чертогѣ—тѣлѣ! И горькое вкушеніе, и Ева—матерь человѣческаго рода и грѣха, и змій соблазнитель, и смерть—побѣждены ея воздержаніемъ! И истощаніе Христово, и образъ раба, и и страданіе,—почтены ея самоумерщвленіемъ! Какъ мнѣ, или изчислить всѣ ея добродѣтели, или, умолчавъ о большемъ ихъ числѣ, лишить пользы тѣхъ, кому онѣ неизвѣстны.

Но время уже предложитъ слово и о наградахъ за благочестіе. Ибо кажется мнѣ, что вы, хорошо знающіе о добродѣтеляхъ ея, давно желаете и надѣетесь услышать въ словѣ моемъ не о настоящихъ только наградахъ, не о тѣхъ, какими увеселяется она теперь тамъ, и которыя выше человѣческаго разумѣнія, недо-

ступны ни слуху, ни зрѣнію, но и о тѣхъ, которыми Праведный Мздовоздаятель награждалъ еще здѣсь: ибо Онъ и сіе нерѣдко творить въ назиданіе невѣрныхъ, увѣряя черезъ малое въ великомъ, и чрезъ видимое въ невидимомъ. Буду же говорить частію о томъ, что всѣмъ извѣстно, а частію о томъ, что для многихъ тайна; ибо она, по своему любомудрію, не хвалилась благодатными дарами.

Вамъ извѣстно, какъ, однажды, взбѣсились мулы и понеслись съ колесницею, какъ ужасно была она опрокинута, жалкимъ образомъ влачима и разбита, какъ вслѣдствіе сего невѣрующіе соблазнялись тѣмъ, что и праведники предаются тѣмъ несчастіямъ, и какъ скоро вразумлено было невѣріе. У Горгоніи были сокрушены и повреждены всѣ кости и члены, и сокрытые и открытые; но она не захотѣла имѣть другаго врача, кромѣ Предавшаго ее бѣдствію, какъ потому, что стыдилась взора и прикосновенія мужчинъ (ибо и въ страданіяхъ сохраняла благопристойность), такъ и потому, что искала защиты единственно у Того, Кто попустилъ ей претерпѣть такое страданіе. И дѣйствительно отъ Него, а не отъ другаго кого получила она спасеніе. Посему нѣкоторые не столько поражены были ея болѣзнію, сколько изумлены чудеснымъ выздоровленіемъ, и заключали изъ сего, что такое печальное произшествіе для того и случилось, чтобы ей прославиться въ страданіяхъ. Хотя она страдала, какъ человѣкъ, однако же, исцѣлена силою вышею, а не человѣческою, и для потомства оставила сказаніе, которымъ доказываются, какъ ея мѣра въ страданіяхъ и терпѣніе въ бѣдствіяхъ, такъ еще болѣе Божіе человѣколюбіе къ подобнымъ ей. Ибо къ сказанному о праведникѣ: *егда падеть, не разбѣется* (Пс. 36, 24), какъ бы присовокуплено теперь еще и сіе: хотя разбѣется, однако же, вскорѣ будетъ возставленъ и прославленъ. Если страданіе ея было выше вѣроятія, то выше также вѣроятія и возвращеніе къ здравію; такъ что болѣзнь почти совершенно закрыта выздоровленіемъ, и исцѣленіе стало очевиднѣе нанесеннаго ей удара.—Такое бѣдствіе вполнѣ достойно хвалы и удивленія! Такая болѣзнь выше здравія! И слова: *узавитъ, и уврачуетъ, и исцѣлитъ*, и послѣ трехъ дней воскреситъ (Осіи 6, 2. 3), указывающія, какъ и событіе показало, на нѣчто высшее и таинственнѣйшее, по менѣе приличны и ея страданіямъ!

Но сіе чудо извѣстно всѣмъ, даже и дальнымъ, слухъ о немъ распространился повсюду; вездѣ рассказываютъ и слышать о семъ, равно какъ и о другихъ Божіихъ чудесахъ и силахъ. О

томъ же, что доселѣ еще неизвѣстно многимъ, и что, какъ сказала я, сокрыто ея любомудріемъ и благочестіемъ, чуждымъ тщеславія и превозношенія, повелишь ли мнѣ сказать ты, превосходнѣйшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей, пастырь сея священной овцы¹⁾? Дашь ли и на сіе свое соизволеніе (ибо однимъ намъ вѣрена тайна, и только мы съ тобою свидѣтели чуда)? Или будешь еще сохранять слово, данное усопшей? Но по моему мнѣнію, какъ тогда было время молчать, какъ теперь время повѣдать, не только во славу Божию, но и въ утѣшеніе скорбящимъ.

Горгонія одержима была тѣлеснымъ недугомъ, и тяжело страдала; болѣзнь была необыкновенная и странная: дѣлалось внезапное воспаленіе во всемъ тѣлѣ, и какъ будто волненіе и кипѣніе въ крови; потомъ кровь стыла и цѣпенѣла, въ тѣлѣ появлялась невѣроятная блѣдность, умъ и члены разслабѣвали, и все сіе повторялось не чрезъ продолжительное время, но иногда почти непрестанно. Болѣзнь казалась не человѣческою; не помогали ни искусство врачей, какъ ни внимательно вникали они въ свойство припадковъ, каждый отдѣльно, и всѣ въ совокупныхъ совѣщаніяхъ,—ни слезы родителей, какъ ни сильны бывали онѣ часто во многомъ,—ни общественныя молитвы, прошенія, совершаемая цѣлымъ народомъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы каждый молился о собственномъ своемъ спасеніи; и дѣйствительно, ея спасеніе было спасеніемъ для всѣхъ, равно какъ ея злостраданія въ болѣзни—общимъ страданіемъ. Что же предпринимаетъ сія великая и высокихъ наградъ достойная душа? Какое изобрѣтаетъ врачество отъ болѣзни? Ибо въ семъ заключается уже тайна. Отвергнувъ всѣ другія пособія, она прибѣгаетъ ко Врачу всѣхъ, и воспользовавшись темнотою ночи, когда болѣзнь ея нѣсколько облегчилась, припадаетъ съ вѣрою къ жертвеннику, громогласно зывая къ Чествуемому на немъ, нарицая Его всѣми именами и вспоминая о всѣхъ когда-либо бывшихъ чудесахъ Его (какъ знавшая и ветхозавѣтныя и новозавѣтныя сказанія). Наконецъ отваживается на нѣкоторое благочестивое и прекрасное дерзновеніе, подражаетъ женѣ, иссушившей токъ крови прикосновеніемъ къ краю ризъ Христовыхъ; и что дѣлаетъ Приложивши къ жертвеннику главу свою съ такимъ же воплемъ и столько же обильными слезами, какъ древле омывшая

¹⁾ Св. Григорій обращаетъ слово къ родителю, присутствовавшему при погребеніи.

ноги Христовы, даетъ обѣтъ не отойдти, пока не получить здравія; потомъ, помазавши все тѣло симъ врачевствомъ своего изобрѣтенія, что могла рука собрать вмѣстообразныхъ честнаго Тѣла и Крови, смѣшавши то съ своими слезами, (какое чудо!) немедленно отходитъ, ощутивъ въ себѣ исцѣленіе, получивъ облегченіе въ тѣлѣ, сердцѣ и умѣ, принявъ въ награду за упованіе исполненіе упованія, и крѣпостію духа приобрѣтши крѣпость тѣлесную. Велико сіе подлинно, однако же не ложно; да вѣрить сему всякій, и здравый и болящій, одинъ для сохраненія, другій для полученія здравія! А что мое повѣствованіе—не хвастовство, сіе видно, изъ того, что я, молчавъ при жизни ея, открылъ теперь; и будьте увѣрены, даже и нынѣ не объявилъ бы, если бы не воспрещалъ мнѣ страхъ скрывать такое чудо отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ, отъ современниковъ и потомковъ.

Такова была жизнь ея! Но гораздо большую часть прешель я молчаніемъ для соразмѣрности слова и изъ опасенія показаться не знающимъ мѣры въ похвалахъ ей. Но конечно, я не оказалъ бы должнаго уваженія ея святой и славной кончинѣ, если бы не упомянулъ о прекрасныхъ обстоятельствахъ оной, тѣмъ болѣе, что Горгонія съ такимъ желаніемъ и нетерпѣніемъ ожидала себѣ смерти. Упомяну же о семъ, какъ можно, короче. Она сильно желала разрѣшиться (ибо много имѣла дерзновенія къ Зовущему), и быть со Христомъ предпочитала всему на землѣ. И никто, при всей страсти и необузданности, не любитъ такъ своей плоти, какъ она, свергнувъ съ себя сіи узы и ставъ выше сего брѣнія, въ которомъ проводимъ жизнь, желала вполнѣ соединиться съ Вождемъ и всецѣло воспріять Возлюбленнаго (присовокуплю еще) и Возлюбившаго ее, Который нынѣ озаряетъ насъ немногими лучами Своего свѣта, чтобы только могли мы понимать, съ Кѣмъ разлучены. Не тщетнымъ остается ея желаніе, столь божественное и высокое: но что еще болѣе,—она предвкушаетъ желаемое благо въ предвѣдѣніи послѣ продолжительнаго бдѣнія, вознагражденнаго однимъ изъ самыхъ пріятныхъ сновъ и видѣніемъ, въ которомъ, по устроенію Божію, предназначень ей срокъ и даже открытъ самый день отшествія, чтобы она *уготовилась и не смутилась* (Пс. 118, 60). Итакъ, для нея готова была благодать очищенія и освященія, которую всѣ мы получили отъ Бога, какъ общій даръ и основаніе новой жизни; или лучше сказать, вся жизнь была для нея очищеніемъ и освященіемъ. И хотя даръ возрожденія пріяла она отъ Духа, но безопасное соблюденіе сего дара было приуготовано прежнею жизнію.

Дерзну даже сказать, что самое Тайнство было для нея не новым дарованіемъ, а только печатію. Ко всему этому старалась она присовокупить еще освященіе своего мужа (Хотите ли, чтобы я изобразилъ его вамъ кратко? Это былъ мужъ Горгоніи, и не знаю, нужно ли что говорить о немъ кромѣ сего): она заботилась, чтобы цѣлое тѣло посвящено было Богу, и чтобы не преселиться ей отселѣ, когда совершенна одна только половина ея самой, а нѣкоторая часть остается еще несовершенною. И сіе моленіе ея не оставлено безъ исполненія Творящимъ волю боящихся Его и Приводящимъ къ концу прошенія ихъ. А когда же все устроилось по ея намѣренію, ни одно изъ желаній не оставалось безъ исполненія, и назначенный день приближался; тогда она начинаетъ готовиться къ смерти и отшествію, и въ исполненіе общаго для сего устава возлагаетъ на одръ. Потомъ, передавши послѣднюю волю свою мужу, дѣтямъ и друзьямъ, какъ прилично было женѣ приверженной къ мужу, чадолюбивой и братолюбивой, послѣ любомудренной бесѣды о будущей жизни, и день своей кончины содѣлавши днемъ торжества, она усыпаетъ, хотя не исполнивъ дней человѣческаго вѣка, чего и не желала, зная, что продолжительная жизнь бесполезна для нея самой, и большею частію бываетъ предана персти и заблужденію, но столько преисполненная дней по Богу, сколько, не знаю, бываетъ ли кто исполненъ изъ умирающихъ въ глубокой старости и совершившихъ на землѣ многіе годы. Такъ она разрѣшается, или лучше сказать, взмлется, отлетаетъ, преселяется, и немногимъ предвзаетъ тѣло.

Но какое важное едва не ускользнуло отъ меня обстоятельство! Развѣ не допустилъ бы до сего ты, духовный отецъ ея, который внимательно наблюдалъ и намъ повѣдалъ чудо, такъ много и ее прославляющее, и для насъ служащее напоминаніемъ ея добродѣтели и побужденіемъ желать такой же кончины. И меня, при воспоминаніи о семъ чудѣ, объемлетъ какой то ужасъ, и заставляетъ проливать слезы. Она уже кончилась и была при послѣднемъ дыханіи; стояли вокругъ нея домашніе и посторонніе, пришедшіе воздать послѣднее цѣлованіе; престарѣлая мать воздыхала и терзалась душею (ибо желала бы предварить ее отшествіемъ), общая любовь смѣшивалась со скорбію, одни желали бы что-нибудь услышать на память о ней, другіе—сами сказать; но никто не смѣлъ произнести слова; безмолвны были слезы, и скорбь неутѣшна; непозволительнымъ казалось—сопровождать рыданіями отходящую съ миромъ; глубокая соблюдалась тишина,

и смерть имѣла видъ какого-то священнаго торжества. А она по-видимому, была бездыханна, недвижима, безгласна, ея молчаніе заставляло думать, что тѣло оцѣпенѣло, и органы гласа уже омертвѣли, по причинѣ удаленія того, что приводило ихъ въ движеніе. Но Пастырь, тщательно наблюдавшій въ ней всѣ перемѣны, потому что все съ нею происходившее было чудесно, примѣтивъ легкое движеніе губъ, приложилъ ухо къ устамъ, на что давали ему право близость и единодушіе. Но лучше бы тебѣ самому повѣдать тайну безмолвія, въ чемъ она состояла. Никто не отрекся бы вѣрить сказанному тобою. Ею были произносимы псалмопѣнія, именно слова исходнаго псалма, и (если нужно выговорить истину) свидѣтельствовали о дерзновеніи, съ каковымъ кончалась Горгонія. Блаженъ, кто упокоивается съ сими словами: *въ миръ вкупу усну и почию* (Пс. 4, 9.). Сіе и воспѣвала ты, сіе и исполнилось на тебѣ, совершеннѣйшая изъ женъ; это было и псалмопѣніе и надгробіе по отшествіи тебѣ, прекрасно умирная по мятежѣ страстей, и въ общую чреду усненія вкусившая сонъ, даруемый возлюбленнымъ Божіимъ, какъ прилично было той, которая и жила и отошла съ словами благочестія.

Посему я увѣренъ, что гораздо лучше и превосходнѣе видимаго твое настоящее состояніе—гласъ празднующихъ, веселіе Ангеловъ, небесный чинъ, видѣніе славы, а паче всего, чистѣйшее и совершеннѣйшее осіяніе Всевышней Троицы, уже не сокрывающейся отъ ума, какъ связаннаго и разсѣваемаго чувствами, но всецѣло цѣлымъ умомъ созерцаемой и приемлемой, и озаряющей наши души полнымъ свѣтомъ Божества. Ты наслаждаешься всѣми тѣми благами, которыхъ потоки достигали до тебя еще и на землѣ, за искреннее твое къ нимъ стремленіе. Если же для тебя сколько-нибудь спасительно и наше прославленіе, если святымъ душамъ дается отъ Бога въ награду и то, чтобы чувствовать подобныя прославленія: то прійми и мое слово, вмѣсто многихъ и паче многихъ погребальныхъ почестей, слово, какое прежде тебя воздалъ я Кесарію, а послѣ него воздаю и тебѣ; ибо для того и соблюденъ я на землѣ, чтобы надгробными рѣчами сопровождать братій. Почтить ли же кто послѣ васъ и меня подобною честію,—не могу того сказать; но желалъ бы сподобиться единой чести,—чести въ Богѣ и пришельствуя и вселяясь во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава, и Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Слово 9, защитительное, по рукоположеніи св. Григорія Богослова въ епископа Сасимскаго, говоренное имъ отцу своему Григорію, въ присутствіи Василія Великаго.

Снова на мнѣ помазаніе и Духъ, и опять хожу *плача и стѣтуя* (Пс. 34, 14). Вы, можетъ быть, дивитесь сему: но и Исаія, пока не зрѣтъ славы Господней и престола высокаго и превознесеннаго и Серафимовъ окрестъ его, не говоритъ ничего подобнаго, не показываетъ ни огорченія, ни страха; и хотя обвиняетъ Израиля, но себя щадитъ и отдѣляетъ какъ ни въ чемъ невиновнаго. Когда же узрѣлъ сіе и услышалъ святой и таинственный гласъ,—какъ бы начиная лучше сознать себя, говоритъ: *о окаянный азъ; яко умлихся* (Ис. 6, 5), и присовокупляетъ послѣдующія за симъ слова, которыхъ не скажу, чтобы не произнестъ чего окорбительнаго. Нахожу также о Маноѣ, древнемъ Судіи, а потомъ и о Петрѣ, столпѣ Церкви, что одинъ, когда узналъ, сколько бывшее ему видѣніе превышаетъ его природу и силы, говоритъ женѣ: мы погибли, ибо видѣли Бога; другій же не выноситъ Спасителява присутствія и чудодѣйствія, которое явилъ Господь въ ловитвѣ рыбъ плившимъ съ Нимъ, и потому, хотя приходитъ въ удивленіе, однако же, высылаетъ изъ корабля, присовокупляя и причину ту, что самъ онъ недостоинъ Божія явленія и собесѣдованія. И когда слышу въ Евангеліи о сотникѣ, который проситъ Христа показать силу, но отрекается видѣть Его у себя, потому что кровь его не можетъ вмѣстить Божія достоинства и величія; тогда не могу порицать себя за сей страхъ и сѣтованіе. Ибо какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ пришествіемъ Своимъ—немоць души; и для однихъ Онъ—свѣтъ, а для другихъ—огнь, смотря по тому, какое вещество, и какого качества, встрѣчаетъ въ каждомъ. Какъ думать и о Саулѣ? И онъ былъ помазанъ, пріялъ Духа, самъ сталъ духовенъ (не могу и сказать о немъ иначе), даже пророчествовалъ, притомъ такъ неожиданно и необыкновенно, что чудо сіе обратилось въ пословицу, и до нынѣ повторяемую: *еда и Саулъ во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11). Поелику же онъ не всецѣло предалъ себя Духу, и не совершенно обратился *въ мужа иного*, какъ было предречено (1 Цар., 10, 6), но оставалась въ немъ нѣкоторая искра прежняго зла, и нѣсколько худаго сѣмени, еще продолжалась борьба плоти и духа... но къ чему выставлять на позоръ всѣ его недостатки? Вамъ извѣстенъ сей сопротивный духъ, и пѣвецъ, кото-

рый отгоняетъ его. Развѣ можемъ изъ сего познать еще то, что, какъ благодать не касается людей недостойныхъ и органа худаго и ненастроеннаго (ибо прекрасно сказано, въ чемъ я увѣренъ, *яко въ злохудожную душу не внидетъ премудрость* Прем. Сол. 1, 4), такъ (присовокуплю это отъ себя), по причинѣ непостоянства и переменчивости устройства и природы человѣка, не меньше трудное для него дѣло сохранить въ себѣ достоинство и стройность, какъ и вначалѣ благоустроить себя и содѣлаться достойнымъ. Ибо нерѣдко самая благодать (наименую такое зло, которое въ насъ всего бѣдственнѣе и непонятнѣе) приводя въ киченіе и надмевая, удаляла отъ Бога приближавшихся къ Нему неправо; и мы въ самомъ уже возношеніи бываемъ низлагаемы, *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть* (Римл. 7, 13). Сего то убоявшись, исполнился я горести, потупилъ взоры, и испыталъ нѣчто подобное тому, что бываетъ при блескѣ молніи съ дѣтьми, въ которыхъ зрѣлице сіе производитъ удовольствіе, смѣшанное съ ужасомъ. Я вмѣстѣ возлюбилъ и утрапился Духа; нужно стало нѣсколько времени, чтобы мнѣ, собравшись съ самимъ собою истрезвиться и избрать лучшее и безопаснѣйшее, и чтобы, когда не будетъ скорби, какъ плевель въ сѣмени, и худыя мысли уступятъ мѣсто лучшимъ,—совершенно побѣдилъ Духъ, и употребилъ меня на Свое служеніе и дѣланіе, къ совершенію людей сихъ, къ управленію душами, къ наученію словомъ, дѣломъ и примѣромъ, *оружіи правды десными и шуми* (2 Кор. 6, 7), къ благоискусному прохожденію пастырства, которое отвлекаетъ отъ міра, приходитъ къ Богу, истощаетъ тѣло, соединяетъ съ Духомъ, избѣгаетъ тмы, радуется о свѣтѣ, отгоняетъ звѣрей, собираетъ стадо въ ограду, остерегается стремнинъ и пустынь, и гонитъ на горы и высоты, о которыхъ, по моему мнѣнію, говоритъ и чудный Михей, возводя насъ отъ земли на приличную намъ высоту: *приблизьтесь горамъ вѣчнымъ: востани и поиди, яко нѣсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 10), хотя нѣкоторые и думаютъ найдти себѣ покой въ земномъ и дольномъ.

Такому пастырству научите меня, друзья, а теперь уже Пастыри и сопастыри мои; такого пастырства дайте мнѣ уставы,—и ты общій отецъ, въ продолженіе времени поставившій и пережившій многихъ Пастырей, и ты испытатель и судія моего любомудрія! Но застигнутые и оглушаемые бурею, можемъ ли мы искусно пасти и питать стадо? Равнодушно выслушай меня, ты, который, бывъ въ числѣ овецъ, когда мы съ тобою (не оскорбись моимъ словомъ) принадлежали еще къ безсловесному стаду, по-

ступаль гораздо челоѡколюбивѡе, нежели какъ поступаешь, ставъ пастыремъ, когда мы удостоены духовной пажити. Въ твоей сталъ я власти, какъ тебѡ хотѡлось, и ты побѡдилъ непобѡдимаго. Вотъ тебѡ сверхъ прочаго и слово, котораго ты зная домогался, и которое хваля, осыпаль меня, коснѡющаго въ безмолвіи, частыми и густыми снѡгами словъ твоихъ. Но есть нѡчто, за что могу укорить тебя въ дружбѡ. Кто изъ общихъ друзей разсудить меня, кто будетъ неподкупнымъ судіею, и произнесетъ правдивый приговоръ, не станетъ, какъ поступаютъ многіе, уважать лица на судѡ? Прикажешь ли сказать, въ чемъ укоряю? и не обратишь ли опять противъ меня слова своего? И у тебя, дивный мужъ, произошло со мною нѡчто неизъяснимое, подлинно неизъяснимое и невѡроятное, чего доселѡ у насъ не слыхано. Я уступилъ не убѡжденію, но принужденію. И не чудно ли! какъ все перемѡнилось, какое положено между нами разстояніе! Чѡмъ? (Какъ угодно тебѡ, такъ и скажу)—престоломъ или величіемъ благодати?

Впрочемъ веди, *устпвай и царствуй* (Пс. 44, 5), и паси меня, пастыря, потому что я готовъ слѡдовать за тобою, и быть водимъ твоею пастырскою, высокою и божественною душою. (Ибо надобно сказать истину, хотя изъ любви дерзнулъ я на иное и сверхъ закона). Научи меня своей любви къ паствѡ, своей заботливости и вмѡстѡ благоразумію, внимательности, неусыпности, покорности плоти твоей, съ какою она уступила духу, этому цѡтву лица, свидѡтельствующему о пастырскихъ трудахъ, при кротости строгому обращенію, при производствѡ дѡлѡ—веселости и спокойствію (чего не во многихъ найдешь, и чему немного бывало примѡровъ), своимъ ратованіямъ за паству и побѡдамъ, которыя одержаль ты во Христѡ. Скажи, на какія пажити водить стадо, къ какимъ ходить источникамъ, или какихъ избѡгать пажитей и воды; кого пасти палицею, и кого пасти свирѡлію; когда выводить на пастбища, и когда сзывать съ пастбищъ; какъ вести брань съ волками, и какъ не вести брани съ пастырями, особливо въ нынѡшнее время, когда (выражу скорбъ словами святѡйшихъ Пророковъ) *обуяша пастыри* (Іер. 10, 21), и *разсыпаша овцы паствы* (Іер. 23, 1);—какъ изнемогшее подъять, падшее возставить, заблуждающее обратить, погибшее взыскаъ и крѡпкое сохранить; какъ мнѡ научиться сему, и соблюсти сіе согласно съ истиннымъ и вашимъ ученіемъ о долгѡ Пастыря, а не стать худымъ пастыремъ, который млеко ѡсть, волною одѡвается, тучное закалаетъ или продаетъ, а прочее оставляетъ

звѣрямъ и стремнинамъ, и самого себя пасеть, а не овецъ, въ чемъ укоряемы были древніе предстоятели Израиля (Иезек. 34, 3. 4). Сему научите, сими правилами подкрѣпите меня, по симъ заповѣдямъ будьте Пастырями и сопастырями, и спасите какъ ученіемъ, такъ и молитвами, меня и мою священную паству, чтобы и мнѣ устоять, и вамъ похвалиться въ день явленія и откровенія великаго Бога и Пастыреначальника нашего, Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу Вседержителю со Святымъ и Животворящимъ Духомъ и нынѣ, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 10, защитительное, по возвращеніи св. Григорія Бослова изъ уединенія, говоренное имъ отцу своему и Василию Великому.

Нѣтъ ничего сильнѣе старости и достоуважаемѣе дружества. Ими приведенъ къ вамъ я—узникъ о Христѣ, связаннѣй не желѣзными веригами, но неразрѣшимыми узами Духа. Доселѣ почиталъ я себя крѣпкимъ и непреодолимымъ, и (какое неразуміе!) не удѣлялъ словъ моихъ даже симъ друзьямъ моимъ и братіямъ; но все предоставивъ, кому сіе угодно, желалъ жить въ покоѣ, любомудрствовать въ безмолвіи, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Духомъ. Представлялъ въ умѣ Кармилъ Иліинъ, пустыню Іоаннову и премірную жизнь любомудрствующихъ, какъ Ілія и Іоаннъ; настоящее уподоблялъ бурѣ, и искалъ себѣ какой-нибудь скалы, или утеса, или стѣны, гдѣ бы укрыться. Разсуждалъ самъ съ собою: пусть для другихъ будутъ почести и труды, для другихъ брани и отличія за побѣды, а для меня, избѣгающаго браней и углубляющагося въ самого себя, довольно жить, какъ могу, какъ бы на легкомъ суднѣ преплыть небольшое море, и скудостію здѣшней жизни пріобрѣсть себѣ малую обитель въ жизни будущей. Можетъ быть, болѣе низости, но за то и болѣе осторожности, показываетъ мысль—равно удаляться и высоты и паденія. Такъ размышлялъ я, пока можно еще было писать тѣни и сонныя мечты, и питать умъ пустыми вымыслами. Что же теперь? Превозмогло меня дружество, покорила сѣдина отца—старость мудрости, предѣлъ жизни, безопаснѣйшее пристанище, и дружба того, который самъ богатѣе для Бога, и другихъ обогащаетъ. Отлагаю уже гнѣвъ, *да услышатъ кротцыи, и возвеселятся* (Пс. 33, 3)! Спокойно смотрю на руку, сдѣлавшую мнѣ насиліе, съ радостнымъ взоромъ обращаюсь къ Духу; сердце мое

не мятется, разумъ возвращается; дружба, подобно потушенному и угасшему пламени, опять оживаетъ и возгарается отъ малой искры.

Отвержесе утѣшитися душа моя (Пс. 76, 3), *и уны во мнѣ духъ мой* (Пс. 142, 4). Я говорилъ: впредь не буду вѣрить дружеству, и для чего мнѣ надѣяться на человѣка? *Ибо всякъ человѣкъ льстиво* ходитъ, и *всякъ братъ запинаніемъ запинаетъ* ближняго своего (Іер. 9, 4). Всѣ мы изъ одной персти, изъ одного смѣшенія, вкусили отъ одного и того же древа зла, но одинъ ту, другій другую носимъ благообразнѣйшую личину. И какая мнѣ польза, разсуждалъ я, отъ этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась съ міра и перешла въ духъ? Какая польза изъ того, что у насъ были одинъ кровь и одна трапеза, общіе наставники и уроки? Что пользы изъ этого, болѣе нежели братскаго, сліянія сердець, и впоследствии—искренняго единодушія? Ужели мнѣ не позволять и того, чтобы остаться внизу, во время владычества и возвышенія друга, когда многіе домогаются и достигаютъ противнаго, то есть того, чтобы вмѣстѣ съ друзьями владычествовать и участвовать въ ихъ благоденствіи? Но для чего мнѣ пересказывать все, что придумывали печаль и уныніе, которое называю омраченіемъ ума? Но таковы дѣйствительно, и даже еще хуже, были мои разсужденія. Обвиню самъ себя за свое высокоуміе, или безуміе.

Но теперь перемѣняю свои мысли, и самъ перемѣняюсь, что—гораздо справедливѣе прежняго, а для меня приличнѣе. Искренность же моей перемѣны можешь видѣть, дивный мужъ, не только изъ того, что разрѣшено тобою мое молчаніе, на которое ты жаловался, и въ которомъ много укорялъ меня, но также изъ того, что самыя слова мои служатъ тебѣ защитниками. Это явный знакъ нашей дружбы и живущаго въ насъ духа. Но въ чемъ же состоитъ оправданіе твое? (Если погрѣшу въ чемъ-либо,—самъ поправь меня, какъ имѣешь обычай дѣлать въ другихъ случаяхъ). Ты не потерпѣлъ, чтобы дружество предпочтено было Духу: и если я для тебя дороже, можетъ быть, всякаго другаго, то Духъ несравненно для тебя предпочтительнѣе, нежели я. Ты не потерпѣлъ, чтобы талантъ оставался сокрытымъ и закопаннымъ въ землѣ; не потерпѣлъ, чтобы долго скрывался подъ спудомъ свѣтильникъ: ибо такъ ты думаешь о моемъ свѣтѣ и моемъ дѣланіи; ты домогался, чтобы къ тебѣ—Павлу присоединенъ былъ Варнава, домогался, чтобы къ Силуану и Тимоею присовокупленъ былъ и Титъ, и чтобы тебѣ чрезъ тѣхъ, ко-

торые искренно о тебѣ заботятся, распространять благодать Божию, и *отъ Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благоговѣствованіе* (Рим. 15, 19). Для сего-то и меня изводишь на среду, и когда желалъ бы я уклониться,—берешь и посаждаешь подлѣ себя (въ семь то, можетъ быть, скажешь ты, состоитъ мое оскорбленіе), и дѣлаешь сообщникомъ заботъ и вѣнцовъ; для сего помазуешь меня въ первосвященника, облакаешь въ подирь, возлагаешь на меня кидарь, приводишь къ жертвеннику духовнаго всеожженія, приносишь въ жертву тельца освященія, освящаешь руки Духу, вводишь меня для тайнозрѣнія во святая-святыхъ, и содѣлываешь служителемъ *скинии истинной, юже во друзи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2). Но достоинъ ли я и помазующихъ, и Того, для Котораго и предъ Которымъ совершается помазаніе,—о семь знаетъ Отецъ истиннаго и подлиннаго Помазанника, Котораго помазалъ Онъ *елеемъ радости паче причастникъ Его* (Пс. 44, 8), помазавъ человекъство Божествомъ, да сотворить обоя едино; знаетъ и самъ Богъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, чрезъ Котораго получили мы примиреніе; знаетъ и Духъ Святой, поставившій насъ на сіе служеніе, въ которомъ *стоимъ и хвалимся упованіемъ славы* (Рим. 5, 2) Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 11, говоренное брату Василия Великаго, святому Григорію, епископу Нисскому, когда онъ пришелъ къ св. Григорію Богослову, по рукоположеніи его въ епископа.

Друга вѣрнаго нельзя ничѣмъ замѣнить, *и нѣсть мѣрила добротъ его. Другъ вѣренъ, кровь крѣпокъ* (Сир. 6, 14 и 15) и огражденное царство (Прит. 18, 19); другъ вѣрный—сокровище одушевленное. Другъ вѣрный дороже золота и множества драгоценныхъ камней. Другъ вѣрный—*вертоградъ заключенъ, источникъ запечатланъ* (Пѣс. Пѣс. 4, 12), которые временно отверзають, и которыми временно пользуются. Другъ вѣрный—пристанище для упокоенія. А ежели онъ отличается благоразуміемъ, то сіе сколько еще драгоценнѣе! Ежели онъ высокъ ученостію, ученостію всеобъемлющею, какою должна быть и была нѣкогда наша ученость, то сіе сколько еще преимущественнѣе? А ежели онъ и *сынъ свѣта* (Іоан. 12, 36), или *человекъ Божій* (1 Тим. 6, 11), или *приступающій къ Богу* (Исх. 19, 22), или *мужъ лучшихъ желаній* (Дан. 9 22), или достойный одного изъ

подобныхъ наименованій, какими Писаніе отличаетъ мужей божественныхъ, высокихъ и принадлежащихъ горнему: то сіе уже даръ Божій, и очевидно выше нашего достоинства. А ежели и приходитъ онъ къ намъ отъ друга, и притомъ равночестнаго и добродѣтелию и дружествомъ съ нами: то сіе еще пріятнѣе и сладостнѣе, и благоуханнѣе мвра, украшающаго *браду іерея и ометы одежды* (Пс. 132, 2).

Довольно ли этого? И точно ли изобразило вамъ слово мужа сего? Или надобно, подражая прилежнымъ живописцамъ, не одинъ разъ набросать краски, чтобы представить вамъ въ словѣ совершенное его изображеніе? Итакъ опишемъ его вамъ полнѣе и явственнѣе. Кто всѣхъ знаменитѣе изъ законодателей?—Моисей. Кто всѣхъ святѣе изъ священниковъ?—Ааронъ. Оба братья не менѣе по благочестію, какъ и по плоти. Или лучше сказать, одинъ—*богъ Фараону* (Исх. 7, 1), ходатай и законодатель Израиля, входящій внутрь облака, созерцатель Божественныхъ таинъ и тайноводитель, строитель истинной скиніи, *юже водрузи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2); оба же равно іереи, какъ сказано: *Моисей и Ааронъ во іереяхъ Его* (Псал. 98, 6). Одинъ— князь князей, іерей іереевъ, употребляетъ Аарона, гдѣ только нуженъ языкъ, и самъ служитъ ему *въ тѣхъ, яже къ Богу* (Исх. 4, 16). А другой немного ниже перваго, но много превосходитъ другихъ достоинствомъ и близостію къ Богу. Оба поражаютъ казнями Египетъ, разсѣкаютъ море, переводятъ чрезъ него Израиля, потопляютъ враговъ, низводятъ хлѣбъ свыше, то даютъ, то услаждаютъ, сверхъ упованія, воду въ пустынь. Оба низлагаютъ Амалика святымъ воздвѣніемъ рукъ и прообразованіемъ высшаго таинства. Оба ведутъ и поспѣшаютъ въ землю обѣтованія. Не знакомое ли что для васъ въ этомъ образѣ? Живописующее слово не ясно ли изобразило вамъ со мною одноименнаго и единоплежнаго мужа? Одинъ изъ нихъ меня помазаль и укрывавшагося извель на среду. Не знаю, что его побудило и чѣмъ онъ увлекся, поступивъ недостойно живущаго въ немъ Духа. (Какъ ни жестоко слово сіе, однако же скажу; потому что дружество переноситъ все, что ни терпитъ и ни слышитъ). Другій приходитъ утѣшить меня и примирить съ Духомъ. И теперь для меня дорого его пришествіе (да и какъ не дорожить онымъ тому, кто предпочиталь васъ всей своей жизни?), однако же укоряю его за то, что пришелъ позже, чѣмъ требовала нужда.

Къ чему помощь послѣ напествія и пораженія, наилучшій изъ друзей и помощниковъ? Къ чему кормчій послѣ бури, и ле-

карство по заживленіи раны? Устыдился ли ты причиняемаго намъ насилія, какъ братолюбивый? или и самъ, какъ имѣющей власть, вознегодовалъ на непослушаніе? Котораго изъ братьевъ обвиняешь, и котораго освобождаешь отъ укоризны? Скажу тебѣ словами Іова (и онъ сѣтовалъ на друга, хотя не на такого и не въ такихъ страданіяхъ): *кому прилежиши? или кому хочещи помогати? не сему ли, емуже многа крѣпость? не емуже ли многа премудрость и видѣніе* (Іов. 26, 2)? А это, какъ вижу, бываетъ нынѣ со многими судіями, которые легче простятъ самую важную вину людямъ значительнымъ, нежели малость—незначительнымъ. Хотя же ты и самъ, можетъ быть, видишь сіе (мнѣ, который ставлю тебя въ образецъ и правило совершенства, и вмѣстѣ имѣю повелѣніе не быть скорымъ на судъ (Матѣ. 7, 1), непозволительно и произнести о тебѣ что-либо недоброе): однако же, и тебѣ, и всякому желающему, готовъ я по дружбѣ дать отчетъ въ моей или непокорности, какъ назовутъ, можетъ быть, нѣкоторые, или предусмотрительности и осторожности, какъ самъ себя увѣряю; дабы ты видѣлъ, что имѣешь друга, который—не вовсе безразсуденъ и невѣжда, но можетъ иное разсмотрѣть лучше многихъ,—смѣлъ въ томъ, что достойно смѣлости, и боязливъ, гдѣ есть мѣсто страху, и гдѣ не бояться—всего страшнѣе для имѣющаго умъ. Какъ же разсудите, и что признаете лучшимъ? Прикажете ли теперь дать вамъ отчетъ, или найдете сіе неприличнымъ времени? ибо собрались мы праздновать, а не судиться: или велите отложить дѣло до другаго времени и собранія? ибо потребно слово продолжительнѣе того, какое дозволяетъ настоящій день.

Что же изреку вамъ достойное сего торжества, чтобы и мнѣ самому не отпустить васъ голодными, тогда какъ я распорядитель пира? Очистимъ себя, братія, ради Мучениковъ, вѣриѣ же сказать, ради Того, для Котораго и они очистили себя кровію и истиною; освободимъ себя *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1), омоемся, *чисти будемъ* (Ис. 1, 16), и сами представимъ *тѣлеса наша и души жертву живу, святу, благоугодну Богови, сіе наше словесное служеніе и молитву* (Рим. 12, 1). Ибо для чистаго ничто такъ не драгоценно, какъ чистота и очищеніе. Будемъ подвигаться ради подвижниковъ, побѣждать ради побѣдившихъ, свидѣтельствовать истину ради свидѣтелей. Принесемъ это въ даръ ихъ подвигамъ, дабы и намъ самимъ содѣлаться увѣнчанными и наслѣдниками той же славы, какъ нами имъ воздаваемой, такъ и соблюдаемой на небесахъ, о ко-

торой напоминаеть и которую въ малыхъ чертахъ изображаетъ видимое здѣсь. Будемъ подвизаться противъ началъ и властей, противъ невидимыхъ гонителей и мучителей, противъ міродержителей тмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ и близъ-небесныхъ, противъ внутренней брани въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, противъ возстаній ежедневно отвнѣ раздражающихся. Вооружимся терпѣніемъ противъ раздражительности, какъ звѣря, противъ языка, какъ остраго меча, и погасимъ сластолюбіе, какъ огонь. Приставимъ къ слуху двери, которыя бы благовременно отворялись и затворялись, и уцѣломудримъ око, не дадимъ осязанію приводить насъ въ бѣшенство, вкусу—терзать, *да не взыдетъ смерть сквозъ окна наша* (Іер. 9, 27) (какъ, по моему разсужденію, названы чувства), и осмѣемъ неумѣренность смѣха, не преклонимъ колѣнъ предъ Вааломъ по причинѣ скудости, не поклонимся златому образу изъ страха, будемъ страшиться, чтобы не убояться чего-лио болѣе, нежели Бога, и чтобы не поругать образа Его грѣхомъ. Во всемъ воспримемъ питъ вѣры, и избѣжимъ всѣхъ стрѣлъ лукаваго.

Страшна сія брань, велико ополченіе, и побѣда велика! Если для сего мы собрались, или стекаемся, то подлинно угодно Христу наше празднество, дѣйствительно почтили, или почтимъ Мучениковъ, истинно побѣдные составляемъ лики. Если же имѣемъ въ виду угодить прихотямъ чрева, предаться временнымъ забавамъ, внести сюда удобоиспощимое, думаемъ найти здѣсь мѣсто для пьянства, а не для цѣломудрія, и время для купли и дѣлъ житейскихъ, а не для восхожденія и (осмѣлось такъ сказать) обоженія, къ которому служатъ намъ посредниками Мученики: то, во-первыхъ, не знаю, благовременно ли это. Ибо какое сравненіе соломы съ пшеницею, плотскихъ забавъ съ подвигами Мучениковъ? Первые приличны зрѣлищамъ, а послѣдніе—моимъ собраніямъ. Первые свойственны развратнымъ, а послѣдніе цѣломудреннымъ; первые—плотоугодникамъ, послѣдніе—отрѣшпившимся отъ тѣла. А потомъ хотѣлъ бы я сказать нѣчто болѣе смѣлое, но удерживаюсь отъ злорѣчія изъ уваженія ко дню; по крайней мѣрѣ скажу (это будетъ гораздо скромнѣе), что не сего требуютъ отъ насъ Мученики.

Итакъ, братія, не будемъ святаго совершать нечисто, **высокаго**—низко, **честнаго**—безчестно, и, кратко сказать, **духовнаго**—по земному. Торжествуетъ и іудей, но по буквѣ; празднуетъ и эллинъ, но въ угожденіе демонамъ: а у насъ, какъ **всѣ** духовно: дѣйствіе, движеніе, желаніе, слова, даже походка, **и**

одѣяніе, даже мановеніе, потому что умъ на все прстирается, и во всемъ образуетъ человѣка по Богу; такъ духовно и торжествованіе и веселіе.

Не запрещаю давать себѣ и прохладу, но пресѣкаю всякую неумѣренность. Если же мы духовно собираемся и празднуемъ память Мучениковъ, то хотя много сказать, чтобы мы сами получили за сіе одинаковыя съ ними награды и наслѣдовали ту же славу (ибо, какъ думаю, для очищенныхъ кровію и подражающихъ жертвѣ Христовой святыхъ мучениковъ соблюдается то, чего око не видало, ухо не слышало, и не воображалъ умъ человѣческой, свободно созидающій въ себѣ представленіе о блаженствѣ), по крайней мѣрѣ, (что, какъ я утверждаю, также не маловажно) увидимъ свѣтлость святыхъ мучениковъ, внидемъ въ радость того же Господа, и, сколько знаю, яснѣе и чище просвѣтимся свѣтомъ блаженныя, начальныя Троицы, въ Которую мы увѣровали, Которой служимъ, и Которую исповѣдуемъ предъ Богомъ и людьми, нимало не страшась и не стыдясь ни внѣшнихъ враговъ, ни встрѣчающихся между нами лжехристіанъ и противниковъ Духа. И, о если бы намъ до послѣдняго издыханія съ великимъ дерзновеніемъ соблюсти сей прекрасный залогъ святыхъ Отцевъ, жившихъ ближе ко Христу и къ первоначальной вѣрѣ,—сіе исповѣданіе, въ которомъ въ дѣтства мы воспитаны, которое прежде всего научились провозносить, и съ нимъ, наконецъ, преселиться изъ сей жизни, взявъ съ собою отсюда не другое что, какъ одно благочестіе! Богъ же мира, Крестомъ примирившій съ Собою насъ, содѣлавшихся Его врагами чрезъ грѣхъ, благовѣствовавшій *миръ и ближнимъ и дальнимъ* (Ефес. 2, 17), находящимся подъ закономъ и внѣ закона, Отецъ любви и Любовь (ибо сими преимущественно именами угодно Ему именоваться, чтобы самыми именованіями предписывать намъ братолобіе), давшій *новую заповѣдь*—столько любить другъ друга, сколько мы сами Имъ возлюблены (Іован. 13, 34), позволяющій дѣлать доброе насиліе и терпѣть оное по страху, благоразумно уступать и имѣть также дерзновеніе съ разумомъ, усовершенующій великія паствы и малыя увеличивающій благодатию, — Онъ самъ, по множеству благодати Своей, да утѣшитъ насъ утѣшеніемъ многимъ, и да ведетъ насъ впередъ, пася съ нами и спасая стадо; а васъ да совершитъ на всякое дѣло благое, да наставитъ духовно торжествовать въ честь Мучениковъ, да удостоитъ насладиться тамъ, гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, и когда явитесь въ правдѣ, да насытитъ васъ видѣ-

ніемъ Своей славы, созерцаемой во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 12, говоренное отцу, когда сей поручилъ ему попеченіе о назіанзской церкви.

Уста моя отверзохъ и привлекохъ Духъ (Пс. 118, 131). Духу предаю все свое и себя самого, и дѣло и слово, и бездѣйствіе и молчаніе, только да обладаетъ Онъ мною, да водить меня, да направляетъ руку, умъ и языкъ къ чему должно и къ чему хочетъ; а также и да отводитъ, отъ чего удалиться и должно и для меня лучше. Я органъ Божій, органъ словесный, который настроилъ, и въ который ударяетъ добрый Художникъ—Духъ. Вчера располагалъ Онъ къ молчанію, и моимъ любомудріемъ было—не говорить. Нынѣ ударяетъ въ умъ, и я изглаголю слово, моимъ любомудріемъ будетъ—говорить. Я не такъ много рѣчивъ, чтобы пожелалъ говорить, когда заставляютъ молчать и не такъ молчаливъ и малоучень, чтобы во время приличное для слова сталъ полагать храненіе устамъ: напротивъ того, и заключаю и отверзаю дверь мою (Пс. 140, 5) Уму, Слову и Духу, единому естеству и Божеству. Итакъ, буду говорить, потому что имѣю на сіе повелѣніе. Говорить же буду сему доброму Пастырю и вамъ, священная паства, что, по моему разсужденію, лучше и мнѣ нынѣ сказать, и вамъ слышать.

Для чего сталъ нуженъ сопастырь тебѣ? ибо съ тебя начнется слово, любезная и почтенная для меня глава, равночестная главѣ Аароновой, съ которой точится духовное и священное муро даже до брады и одежды (Пс. 132, 2). Для чего ты, когда самъ еще въ состояніи поддерживать и руководствовать многихъ, и дѣйствительно руководишь силою Духа,—въ духовныхъ дѣлахъ требуешь для себя жезла и подпоры? Потому ли, что и съ великимъ Аарономъ, какъ знаемъ и слышимъ, помазаны были Елеазаръ и Иеамаръ, сыны Аароновы? Ибо о Надавѣ и Авіудѣ охотно умолчу, чтобы не произнестъ непріязненнаго слова. Потому ли, что и Моисей, еще при жизни, назначаетъ Иисуса вмѣсто себя законодателемъ и вождемъ поспѣвающихъ въ землю обѣтованія? Объ Ааронѣ же въ Орѣ, которые поддерживали руки Моисеевы на горѣ, чтобы Амаликъ побѣжденъ былъ Крестомъ, издалека преднаписуемымъ и трообразуемымъ почитаю для себя удобнымъ и не говорить, какъ о

примѣръ для меня весьма несвойственномъ и неприличномъ; потому что Моисей избралъ ихъ не участниками въ законодательствѣ, но помощниками въ молитвѣ и подпорою для утомленныхъ рукъ. Но у тебя что страждетъ, что утомлено? Тѣло ли?— Я готовъ поддерживать, даже поддерживалъ: и самъ поддержанъ, какъ Иаковъ, отеческими благословеніями. Или Духъ?—Но въ комъ онъ крѣпче и пламеннѣе, особенно теперь, когда болѣе и болѣе подчиняется и уступаетъ ему плотское, какъ вещество, противопоставленное свѣту, преграждающее его и препятствующее сіянію? Ибо плоть и духъ всего чаще враждуютъ между собою, и противоборствуютъ другъ другу? и какъ тѣло бываетъ въ добромъ состояніи, когда болѣзнуетъ душа, такъ душа цвѣтетъ и простираетъ взоры горѣ, когда желаніе удовольствій утихаешь и увядаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но въ тебѣ удивился я еще простотѣ и смѣлости: какъ не убоялся ты (чего весьма должно опасаться въ настоящія времена), чтобы твоей духовной ревности не почли однимъ предлогомъ, и не показалось многимъ, будто бы званіе сіе принимаемъ для плотскихъ цѣлей, хотя и представляемъ на видъ духовную пользу. Ибо многіе сдѣлали то, что оно почитается великимъ, самовластнымъ и доставляющимъ какую-то чудную пріятность, хотя бы надлежало быть предстоятелемъ и правителемъ паствы, которая еще менѣе обширна, нежели наша, и приноситъ болѣе досады, нежели удовольствія. Сего довольно о твоей простотѣ, или твоёмъ чадолюбіи, по которымъ ты и самъ не предпринимаешь ничего вреднаго, и другихъ рѣдко въ томъ подозрѣваешь: ибо кто съ трудомъ преклоняется на зло, тотъ медлителенъ и въ подозрѣніи худаго. А я долженъ еще предложить краткую бесѣду сему твоему или моему, народу.

Мнѣ сдѣлано принужденіе, друзья и братія,—къ вамъ буду взывать теперь, если не взывалъ тогда,—сдѣлано старостію отца и (выражусь скромно) благосклонностію друга¹⁾; помогите мнѣ, кто сколько можетъ, и подайте руку угнетаемому и увлекаемому то собственнымъ желаніемъ, то Духомъ! Одно—предлагаетъ мнѣ бѣгство, горы и пустыни, безмолвіе душевное и тѣлесное, совѣтуетъ удалиться умомъ въ самого себя, и отворотиться отъ чувствъ, чтобы неоскверненному бесѣдовать съ Богомъ и чистому озаряться лучами Духа, безъ всякой примѣси дольняго и омраченнаго, безъ всякихъ прегражденій божественному свѣту, пока

¹⁾ Св. Василія Великаго.

не приѣду къ Источнику здѣшнихъ озареній, и не буду остановленъ въ желаніи и стремленіи тѣмъ, что зеркала упразднятся дѣйствительностію. А духъ требуетъ, чтобы я выступилъ на среду, принесъ плодъ обществу, искать для себя пользы въ пользѣ другихъ, распространялъ просвѣщеніе, приводилъ къ Богу *люди избранны* (Тит. 2, 14), *царское священіе, языкъ святъ* (1 Петр. 2, 9), и сдѣлалъ, чтобы въ большемъ числѣ людей очищался образъ. Ибо какъ въ сравненіи съ однимъ растеніемъ лучше и больше садъ, въ сравненіи съ одною звѣздою—цѣлое небо и всѣ его украшенія, и въ сравненіи съ членомъ—тѣло: такъ и предъ Богомъ цѣлая и благоустроенная Церковь предпочтительнѣе одного человѣка. И надобно имѣть въ виду не себя только, но и другихъ; потому что и Христосъ, Которому можно было пребывать въ Своей чести и Божествѣ, не только истощилъ себя *до зрака раба* (Фил. 2, 7), но и *крестъ претерпѣлъ, о срамотѣ нерадивъ* (Евр. 12, 2), чтобы Своими страданіями истребить грѣхъ, и смертію умертвить смерть. Таковы предначертанія моего желанія, и таковы велѣнія Духа! Стоя между желаніемъ и Духомъ и недоумѣвая, чему въ большей мѣрѣ предаться,—вотъ что нашель я, какъ разсуждаю, лучшаго и безопаснѣйшаго; сообщу и вамъ, чтобы вы вмѣстѣ со мною изслѣдовали и утвердили мое намѣреніе. Я разсудилъ, что всего лучше и безопаснѣе соблюсти средину между желаніемъ и страхомъ, и въ одномъ уступить желанію, въ другомъ—Духу. А сіе нашель я возможнымъ, если не вовсе будутъ убѣгать служенія, чтобы не отринуть благодати, что было бы опасно; и не возьму на себя бремени выше силъ своихъ, что было бы тягостно. Для перваго нужна другая голова, для послѣдняго—другія силы; вѣрнѣе же сказать, то и другое высокоумно. Напротивъ того, благочестиво и вмѣстѣ безопасно соразмѣрять служеніе съ силами и, какъ поступаемъ при употребленіи пищи, что по силамъ, принимать, а что выше силъ, оставлять. Ибо такъ умѣренностію въ томъ и другомъ приобрѣтается и тѣлесное здравіе и душевное спокойствіе. Посему-то соглашаюсь теперь раздѣлять попеченіе съ добрымъ отцемъ, какъ съ большимъ и высокопарнымъ орломъ летающій близъ него не вовсе неопытный птенецъ. А потомъ предамъ крылья свои Духу—нести, куда угодно, и какъ угодно; и подъ Его руководствомъ никто не принудитъ и не поведетъ меня инуду. Ибо, хотя пріятно наследовать отцевы труды, и привычная паства пріятнѣе незнакомой и чужой (присовокупилъ бы еще: и многоцѣннѣе

предъ Богомъ, если только не обманываетъ любовь, и настоящихъ чувствованій не закрываетъ привычка); однако же, полезнѣе и безопаснѣе начальствовать желающимъ и надъ желающими. Да и по закону нашему должно водить не насильно, и *не нуждено, но волю* (1 Петр. 5, 2). И другое начальство не можетъ утвердиться принужденіемъ; управляемое съ насиліемъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается освободиться: тѣмъ паче наше, не столько начальство, сколько дѣтвоежденіе, всего болѣе соблюдаетъ свободу. Ибо тайна спасенія—для желающихъ, а не для насильствуемыхъ.

Таково мое вамъ, братія, слово, сказанное просто, со всякимъ благорасположеніемъ; такова тайна моего сердца! Да превозможетъ то, что для васъ и для меня *будетъ* полезно, и дѣлами нашими да управитъ Духъ: ибо опять возвращается слово мое къ Духу, Которому предалъ я самого себя и главу, помазанную елеемъ совершенія во Вседержителѣ Отцѣ, въ Единородномъ Сынѣ и во Святомъ Духѣ и Богѣ. Ибо доколѣ намъ скрывать свѣтильникъ подъ спудомъ и какъ бы липать другихъ совершеннаго Божества? Время поставить истину сію¹⁾ на свѣщникѣ, да свѣтитъ она всѣмъ Церквамъ и душамъ, и всей полнотѣ вселенной не догадочно предлагаемая, не мысленно только преднаписуемая, но изрекаемая явно, какъ совершеннѣйшее обнаруженіе богословія въ сподобившихся сея благодати чрезъ самого Иисуса Христа, Господа нашего, Которому слава, честь и держава во вѣки. Аминь.

Слово 13, произнесенное при рукоположеніи Евлалія въ епископа доарскаго.

Примите, братія, слово мое, хотя оно весьма кратко и далеко отъ совершенства. Но Владыка Богъ знаетъ, какъ праведнымъ судомъ взвѣшивать милость; ибо приѣмлетъ и Павлово насажденіе, какъ Павлово, и Аполлосово напоеніе (1 Кор. 3, 6), и двѣ лепты вдовицы (Лук. 21, 3), и смиреніе мытаря (18, 14, и Манасіино исповѣданіе (2 Цар. 33, 13). Примите и въ новосоставленное слово о новопоставленномъ Пастырѣ. Примите гласъ благодаренія за видимыя нами чудеса. Хотя мы малы и послѣдніе въ сынахъ Израилевыхъ: но благодарить богато ничто не препятствуетъ и малымъ. Конечно, совершеннѣйшіе воз-

¹⁾ Ученіе о Божествѣ Духа Святаго.

дадутъ Богу и хвалу совершеннѣйшую: а мы принесемъ Ему нынѣ, какую можемъ.

Итакъ, *воспойте Господеву пѣснь нову, яко дивна сотвори* (Пс. 97, 1)! Мы были обуреваемы волнами, побораемы, изгнѣяемы; одни бѣдствія уже угнетали насъ, а другія угрожали намъ. Кто же премѣнилъ бурю въ тихій вѣтръ? Кто сокрушилъ оружіе, мечъ и брань? Кто принялъ насъ изгнанныхъ и отверженныхъ? Не ты ли, Боже, сотворилъ сіе? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (Пс. 22, 8).—Онъ разсѣкъ море, Онъ питалъ въ пустынѣ народъ бѣгствующій, пославъ ему чудный дождь ¹⁾, Онъ источилъ воду изъ камня, Онъ побѣдилъ Амалика неизвѣстнымъ и таинственнымъ воздвѣніемъ рукъ (ибо руки священника, воздвигаемыя на горѣ и принимающія молитвенное положеніе; совершили то, чего не могли сдѣлать многія тысячи); Онъ разрушилъ стѣны безъ стѣнобитныхъ орудій и битвы; скажу, наконецъ, Онъ низложилъ Голіафа, гордаго и надменнаго потомка исполиновъ, дерзнувшаго выйти противъ великаго Давида. Посему скажемъ единодушно: *Благословенъ Господь, Иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ. Потокъ прейде душа наша, яко птица избавися отъ стѣи ловащихъ* (Пс. 123, 4. 6. 7); присовокупимъ и прочее, что вѣщаетъ душа, обрадованная великимъ даромъ Божиимъ.

Я шель, чтобы принести не мечъ, но миръ. Я шель не къ посрамленію великаго Пастыря ²⁾, который предсѣдательствуетъ въ славномъ городѣ ³⁾. Знаю, что онъ достопочтенъ, признаю его главою, именую святымъ, хотя и потерпѣлъ обиду; пусть онъ только будетъ чадолюбивъ и печется о своей Церкви. Я старался увеличить, а не сократить число іереевъ; низложить еретиковъ, а не уменьшить число православныхъ.

Что говоришь ты, сынъ Даавана и Авирона ⁴⁾, не вразумляющійся вождь, осмѣлившійся возстать противъ Моисея и поднять на насъ руки, какъ тѣ отверзали уста на великаго раба Божія? И ты не пришелъ въ ужасъ? ты не устыдился? не рассыпалась плоть твоя по землѣ, когда злоумышлялъ сіе? И послѣ сего будешь простирать тѣ же руки къ Богу? станешь приносить Ему дары, молиться о народѣ? Боюсь, чтобы мечъ Божій

¹⁾ Манну.

²⁾ Василия Великаго.

³⁾ Въ Кесаріи.

⁴⁾ Сія и послѣдующія слова относятся къ Анеиму, Епископу Тіанскому, который былъ во враждѣ съ Василиемъ Великимъ.

и до того не остался въ бездѣйстви и покоѣ. Ты Пастырю своему не сдѣлалъ ничего важнаго, а себѣ причинилъ весьма много вреда, отчуждивъ себя отъ благодати Божіей.

Теперь приступи лучшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей ¹⁾, и вмѣстѣ съ нами, или еще прежде насъ, прійми народъ свой, который поручилъ тебѣ Духъ Святыи, который приводятъ къ тебѣ Ангелы, который приобрѣли тебѣ твоя жизнь и добрые нравы! Не удивляйся же, что наслѣдуешь престолъ при различныхъ искушеніяхъ и препятствіяхъ. Ничто великое не бываетъ безъ искушенія и испытанія; ибо по естественному порядку маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое трудностію. Ты слышалъ сказавшаго, *яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное* (Дѣян. 14, 22),— скажи и самъ: *приидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12). О чудо! *вечеръ водворися плачь, и завтра радость* (Пс. 29, 6). Пусть кричатъ враги и расширяютъ уста, какъ псы, которые лаютъ по пустому, а мы не будемъ вести брани. Учи поклоняться Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, въ трехъ вѣпостасяхъ, въ единой же славѣ и свѣтлости. *Погибшее възми, немощное укрѣпи, крѣпкое снабди* (Іез. 34, 16). Мы ожидаемъ отъ тебя такого же благоискусства въ дѣлахъ духовныхъ, какое ты, какъ извѣстно намъ, имѣешь въ мірскихъ. Итакъ, прійми отъ высшихъ вождеи совершеннѣйшее вооруженіе, посредствомъ котораго возможешь *стрѣлы лукаваго разженныя угасити* (Еф. 6, 16), и представить Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14), *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9), во Христѣ Іисусѣ Господѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Слово 14, о любви къ бѣднымъ ²⁾.

Братія и соучастники бѣдности (ибо все мы бѣдны и имѣемъ нужду въ благодати Божіей, хотя и кажется одинъ превосходитъ другаго, когда измѣряемъ людей малыми мѣрами)! Пріймите слово о любви къ бѣднымъ, не съ бѣднымъ, но съ щедролубивымъ расположеніемъ духа, да наслѣдуете богатство царствія. А вмѣстѣ помолитесь, чтобы и я могъ предложить вамъ богатое слово, могъ

¹⁾ Рѣчь обращена къ Евлаію.

²⁾ Слово сіе говорилъ св. Григорій въ богадѣльнѣ, устроенной Василиемъ Великимъ, въ которой тогда (въ 373 г. по Р. Х.) много было зараженныхъ проказою.

напитать имъ ваши души, и *раздробить алмуцимъ хлѣбъ* (Ис. 58, 7) духовный, или, подобно древнему Моисею, низводя, какъ дождь, пищу съ неба (Исх. 16, 4.) и подавая *хлѣбъ Ангельскій* (Пс. 77, 25), или насыщая немногими хлѣбами въ пустыни многія тысячи, какъ послѣ Иисусъ—*истинный хлѣбъ* (Иоан. 6, 32.) и истинной жизни виновникъ.

Не легко найти превосходнѣйшую изъ добродѣтелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ и благовонномъ не вдругъ можно выбрать прекраснѣйшій и благовоннѣйшій изъ цвѣтовъ, когда то тотъ, то другій привлекаетъ къ себѣ обоняніе и взоръ, и прежде всѣхъ заставляетъ сорвать себя. По моему разумѣнію, различныя добродѣтели можно сравнивать и разсматривать такъ. Прекрасны *вѣра, надежда и любовь, три сія* (1 Кор. 13, 13.). Вѣры свидѣтель—Авраамъ, оправданный вѣрою; надежды — Еносъ, который прежде всѣхъ *упова призываети* Господа (Быт. 4, 26.), и всѣ праведники, которые, одушевляясь надеждою, претерпѣвали бѣдствія. Любви свидѣтель божественный Апостоль, осмѣлившійся и на самого себя произнести приговоръ для спасенія Израиля (Рим. 9, 4.) и самъ Богъ, Который называется *любовію* (1 Иоан. 4, 16.). — Прекрасно страннлюбіе. Свидѣтель сего — между праведниками — Лотъ содомлянинъ, но не содомлянинъ по своимъ нравамъ (2 Петр. 2, 8.); а между грѣшными—Раавъ блудница, но не блудница по расположеніямъ сердца, за страннлюбіе удостоившаяся похвалы и спасенія (Евр. 11, 31.). — Прекрасно братолубіе: свидѣтель — Иисусъ, не постыдившійся не только назваться братомъ нашимъ (Евр. 2, 11.), но и пострадать за насъ. — Прекрасно челоѣколюбіе: свидѣтель — Онъ же, Иисусъ, Который не только сотворилъ челоѣка *на дѣла благая* (Ефес. 2, 10.), и сочеталъ съ плотію Свой образъ, показывающій путь ко всему наилучшему и возводящій насъ — странниковъ—къ горнимъ благамъ, но и Самъ содѣлался ради насъ челоѣкомъ.— Прекрасно долготерпѣніе: свидѣтель сего опять самъ Иисусъ, Который не только не хотѣлъ призвать легіоны Ангеловъ противъ возставшихъ на Него мучителей, не только укорилъ Петра, извлекашаго ножъ, но изцѣлилъ ухо уязвленному (Матѣ. 26, 52. Лук. 22, 51.). Сіе-же послѣ показалъ и Стефанъ, ученикъ Христовъ, молившійся за побивавшихъ его камнями. — Прекрасна кротость: свидѣтели — Моисей и Давидъ, за сіе болѣе всѣхъ похваляемые (Числ. 12, 3. 2 Цар. 16, 11. Пс. 131, 1.), и самъ Учитель ихъ, не прекословящій, не вопіющій, не испускающій гласа на распутіяхъ (Матѣ. 12, 19), и не противящійся ведущимъ Его.—Пре-

красна ревность: свидѣтели сего—Финеесъ, однимъ ударомъ копы пронзившій маданитянку вмѣстѣ съ израильтяниномъ, дабы избавить отъ поношенія сыновъ израилевыхъ, и за свою ревность получившій себѣ славное имя; а послѣ него — тѣ, которые говорили: *ревнуй поревновать по Господю* (3 Цар. 19, 10); *ревную по васъ Божию ревностію* (2 Кор. 11, 2); *ревность дому Твоего снѣде мя* (Пс. 68, 10), и не только говорили это, но и сильно чувствовали.— Прекрасно воздержаніе: въ томъ убѣдить тебя Давидъ, который, не перестаетъ держать себя въ строгости (1 Кор. 9, 27), и примѣромъ израильтянъ устрашаетъ людей, надѣющихся на себя и дающихъ волю своему тѣлу (1 Кор. 10, 5—8), и самъ Іисусъ, Который, бывъ искушаемъ, постится и побѣждаетъ искушителя (Лук. 4, 2—13). Прекрасны молитва и бдѣніе: въ томъ убѣдить тебя самъ Богъ, Который предъ страданіемъ проводитъ ночь безъ сна въ молитвѣ (Матѣ. 26, 39. 42. 44).—Прекрасны чистота и дѣвственность: въ этомъ убѣждать тебя Павелъ, который предписывалъ на сіе законы, и справедливую назначаетъ цѣну брачной и безбрачной жизни (1 Кор. 7, 1—11. 25—40), и самъ Іисусъ, родившійся отъ Дѣвы, дабы и рожденіе почитать, и отдать предпочтеніе дѣвству.— Прекрасно воздержаніе: въ томъ убѣждать тебя Давидъ, который, овладѣвъ кладяземъ вилеемскимъ, не сталъ пить воды, но только излилъ ее въ честь Господу, не желая утолить жажды своей кровію другихъ (1 Парал. 11, 18. 19).—Прекрасно пустынножителство и безмолвіе: это показываютъ мнѣ Кармилъ Иліи, пустыня Іоаннова, гора Іисусова, на которую часто отходилъ Господь, дабы въ безмолвіи бесѣдовать съ самимъ Собою (Матѣ. 14, 23. Лук. 6, 12. 9, 28. 22, 39).—Прекрасна умѣренность: этому научаетъ меня Ілія, привитающій у вдовицы, Іоаннъ, покрывающійся одеждою изъ верблюжьяго волоса, и Петръ, питающійся овощами, стоящими на болѣе асса¹⁾.—Прекрасно смиреніе: примѣры онаго многочисленны; но лучший изъ всѣхъ примѣровъ представляетъ Спаситель и Владыка всѣхъ, Который не только смирялъ Себя до зрака раба (Фили. 2, 7), не только подвергъ лице Свое *стыду заплеваній* (Ис. 50, 6), и со *беззаконными вмѣшался* (Ис. 53, 12).—Очищающій весь міръ отъ грѣха, но и умылъ ноги ученикамъ въ образѣ раба.— Прекрасна нестяжательность и презрѣніе богатства: о семъ свидѣтельствуютъ Закхей и—самъ Христосъ: Закхей,—когда, принявъ къ себѣ Христа, принесъ въ даръ почти все свое имущество; Христосъ,—когда указалъ богатому юношѣ на сію добродѣтель, какъ

¹⁾ Ассъ—мѣдная монета, вѣсомъ 4 золотника.

на предѣль совершенства (Матѣ. 19, 21).—Короче сказать: прекрасно созерцаніе, прекрасна и дѣятельность; первое потому, что возносится превыше земнаго, входитъ во Святая-Святыхъ и возводитъ умъ нашъ къ тому, что сродно съ нимъ; другая— потому, что, при-емля къ себѣ Христа и служа Ему, доказываетъ любовь свою дѣ-лами. Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особливый путь ко спа-сенію, и несомнѣнно приводитъ къ одной какой-либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей. Ибо какъ различны роды жизни, такъ и обителей у Бога много (Іоан 14, 2), и онѣ раздѣляются и назна-чаются каждому по его достоинству. Посему пусть одинъ испол-няетъ сію добродѣтель, другій — другую, иныи — многія, а кто-нибудь, если возможно, и всѣ; только да шествуетъ каждый без-остановочно, да стремится впередъ и слѣдуетъ неуклонно по сто-памъ того добраго путеводителя, который прямо направляетъ стезю его, и тѣснымъ путемъ, сквозь узкія врата (Матѣ. 7, 14), вы-водитъ на широту блаженства небеснаго.

Но если, по ученію Павла и самого Христа, первую и важнѣй-шею заповѣдію должно почитать любовь, какъ сокращеніе закона и Пророковъ (Матѣ. 22, 37—40. 1 Кор. 13, 13); то превосходнѣйшую часть ея должна составлять, какъ я нахожу, любовь къ бѣднымъ, жалость и сострадательность къ тѣмъ, которые одного съ нами рода. Ибо никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосер-діе (потому что оно всего болѣе сродно Богу, Которому пред-ходятъ *милость и истина* (Іс. 88, 15), и Которому должно прино-сить въ даръ милость (Іак. 2, 13) прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положившій *на мѣрильцѣхъ* и вѣсахъ *милость* (Іс. 28, 17), ни за что такъ не награждаетъ Своимъ человеколюбіемъ, какъ за человеколюбіе. Итакъ, сообразно заповѣди, которая пове-лѣваетъ *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15), мы должны отверзать утробу милосердія всѣмъ бѣд-нымъ и, по какой бы то ни было причинѣ, страждущимъ; должны, какъ человеки, приносить человекамъ дань благотворительности, какая бы ни заставляла ихъ нужда искать помощи,—вдовство ли, или сиротство, или изгнаніе изъ отечества, или жестокость власти-телей, или наглость начальствующихъ, или безчеловѣчіе собира-телей подати, или убійственная рука разбойниковъ, или алчность воровъ, или опіеи имѣнія, или кораблекрушеніе. Ибо всѣ они оди-наковое имѣютъ право на сожалѣніе, и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ. Впрочемъ и изъ сихъ самыхъ болѣе достойны жалости тѣ, которые, бывши въ

лучшемъ состояніи, впадаютъ въ несчастія, нежели тѣ, которые уже свыклись съ бѣдственной участію.

А особенно должны мы быть сострадательны къ зараженнымъ проказою, которые, по грозному приговору, изреченному на нѣкоторыхъ людей въ Св. Писаніи, изѣдены даже до плоти, костей и мозговъ (Іов. 33, 21), и которымъ измѣнило это многобѣдственное, уничтоженное и вѣроломное тѣло.— Не понимаю, какъ я соединился съ нимъ, и какъ будучи образомъ Божіимъ, я смѣшался съ грязью! Это тѣло, когда хорошо ему, поднимаетъ войну; а когда воюю противъ него, ввергаетъ въ скорбь. Его я и люблю, какъ сослужителя; отъ него же и отвращаюсь, какъ отъ врага; бѣгу отъ него, какъ отъ узъ, и почитаю его, какъ снаслѣдника. Рѣшуся ли истомить его? Но тогда некого мнѣ будетъ употребить въ сотрудники въ добрыхъ дѣлахъ; а я знаю, для чего приведенъ я въ бытіе, знаю, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ.— Стану ли падать его, какъ сотрудника? Но тогда не знаю, какъ избѣжать его мятежническихъ нападеній, и боюсь, какъ бы не отпасть отъ Бога, стягившись оковами, кои влекутъ меня къ землѣ, или удерживаютъ на ней. Это ласковый врагъ, и коварный другъ! Чудное соединеніе и раздвоеніе! Чего боюсь, того держусь, и что люблю, того страшусь. Не успѣю еще вступить въ сраженіе, какъ заключаю миръ; и не успѣю помириться, какъ опять начинаю брань.— Что это за премудрость открывается на мнѣ, и что за великая тайна! Не для того ли Богъ звелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частію Божества¹⁾ и проистекши свыше, не стали надмеваться и превозноситься своимъ достоинствомъ, и не пренебрегли Создателя, но всегда обращали къ Нему взоры, и чтобы сопряженная съ нами немощь держала въ предѣлахъ наше достоинство?— чтобы мы знали, что мы вмѣстѣ и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и безсмертны, наслѣдники свѣта и наслѣдники огня или тмы, смотря по тому, на какую сторону преклонимъ себя?— Такъ устроенъ составъ нашъ, и это, сколько могу я видѣть, для того, чтобы переть земная смиряла насъ, если бъ мы вздумали превозноситься образомъ Божіимъ.

Но о семъ пусть любомудро разсуждаетъ, кто хочетъ. Не откажусь и я съ нимъ вмѣстѣ размыслить о томъ, при болѣе удобномъ

¹⁾ Сіе выраженіе не должно разумѣть въ смыслѣ вещественномъ; оно, по изъясненію Никиты, толкователя словъ св. Григорія, означаетъ дыханіе жизни, которое Богъ вдунулъ въ лице первосозданнаго человѣка (Быт. 2, 7), и вмѣстѣ—образъ Божій.

случаѣ. А теперъ я долженъ говорить о томъ, къ чему побуждаетъ меня соболѣзнованіе о собственной моей плоти и о собственной немощи при взорѣ на страданія другихъ; долженъ сказать вамъ, братія, что мы обязаны заботиться о тѣлѣ, семь сродникѣ и сослужителѣ души (ибо хотя я и винилъ его, какъ врага, за то, что терплю отъ него; но я же и люблю его, какъ друга, ради Того, Кто соединилъ меня съ нимъ), и притомъ — заботиться о тѣлѣ нашихъ ближнихъ не меньше, какъ и каждый о собственномъ, остаемся ли мы сами здоровыми, или изнуряемся такимъ же недугомъ. Ибо *всѣ мы едино* въ Господѣ (Гал. 3, 28), богатъ ли кто, или бѣденъ, рабъ ли кто, или свободенъ, здоровъ ли или боленъ тѣломъ; у всѣхъ одна глава—Христось, изъ Него же вся (Ефес. 4, 15. 16), и что члены одинъ для другаго, то же и каждый изъ насъ другъ для друга, и всѣ для всѣхъ (1 Кор. 12, 12—27). А потому не надобно пренебрегать и оставлять безъ попеченія тѣхъ, кои прежде подпали общей всѣмъ немощи; напротивъ, мы должны не столько радоваться благополучному состоянію нашего тѣла, сколько плакать о тѣлесныхъ страданіяхъ братій нашихъ; должны челоувѣколюбіе къ нимъ считать единственнымъ залогомъ нашей безопасности тѣлесной и душевной.

На нихъ надобно смотрѣть такъ: другіе жалки только по своей бѣдности, отъ которой, быть можетъ, освободить ихъ или время, или трудъ, или другъ или родственникъ, или переменна обстоятельство; а сихъ несчастныхъ и бѣдность угнетаетъ нисколько не меньше, чѣмъ тѣхъ, или еще больше; такъ какъ они, лишась тѣлесныхъ членовъ, лишаются вмѣстѣ и способовъ трудиться и помогать себѣ въ своихъ нуждахъ, и, притомъ, всегда болѣе страдаютъ усугубленія болѣзни, нежели сколько надѣются выздоровленія, такъ что и надежда, это единственное врачевство для несчастныхъ, почти оставляетъ ихъ безъ помощи.—Но къ бѣдности у нихъ присоединяется и другое зло—болѣзнь, зло ужаснѣйшее и тягостнѣйшее, которое у людей необразованныхъ всего скорѣе попадаетъ на языкъ, когда они кого проклянуть. Съ симъ связано еще третіе зло: многіе не хотятъ къ нимъ подойти, не хотятъ посмотрѣть на нихъ, бѣгутъ отъ нихъ, гнушаются ими, какъ чѣмъ-то омерзительнымъ; и это зло, чтобы видѣть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастію, для нихъ тяжелѣе самой болѣзни. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на ихъ страданія и при одномъ воспоминаніи объ оныхъ возмущаюсь духомъ. Имѣйте и вы какія же чувствованія, дабы слезами избавиться отъ слезъ. И я не сомнѣваюсь, что дѣйствительно такъ чувствуютъ тѣ изъ предстоя-

пихъ здѣсь, кои любятъ Христа и любятъ бѣдныхъ, и имѣютъ Богу свойственное и отъ Бога дарованное имъ милосердіе.

Вы сами свидѣтели ихъ страданія. Предъ вашими глазами поразительное и плачевное зрѣлище, которому едва ли кто повѣритъ, кромѣ очевидцевъ: люди живые мертвецы, у которыхъ конечности большей части тѣлесныхъ членовъ отгнили; люди, которыхъ нельзя почти узнать, кто они были прежде, и откуда, или лучше, несчастные останки жившихъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ жительства: „я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другъ и знакомый“. Это говорятъ они потому, что не имѣютъ уже прежняго вида, по которому бы можно было узнать ихъ. Это люди обсѣченные, у которыхъ нѣтъ ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тѣла; люди, которые одни изъ всѣхъ и жалѣютъ о себѣ и вмѣстѣ ненавидятъ себя; которые не знаютъ, о чемъ больше плакать, — о тѣхъ ли частяхъ тѣла, коихъ уже нѣтъ, или объ оставшихся, о тѣхъ ли, которыя преждевременно истребила болѣзнь, или о тѣхъ, которыя еще берегаются на жертву болѣзни: ибо тѣ несчастно погибли, а сіи уцѣлѣли для большаго несчастія; тѣ сослѣли прежде гроба, а сіи некому и въ гробъ положить. Потому что и самый добрый и мягкосердечный человѣкъ бываетъ крайне нечувствителенъ къ бѣдствіямъ сихъ страдальцевъ. Здѣсь только мы позабываемъ, что мы сами плоть и облечены уничиженнымъ тѣломъ (Филипп. 3, 21): и такъ мало въ насъ радѣнья объ этихъ сродникахъ нашихъ, что мы почитаемъ даже необходимымъ для безопасности нашего тѣла — удаляться отъ нихъ. Иной подходитъ къ залежавшемуся и, можетъ быть, уже смердящему трупу, носить вонючія тѣла безсловесныхъ животныхъ, и, валяясь въ тинѣ, не гнушается этимъ: а отъ сихъ несчастныхъ, сколько есть силъ, бѣжимъ прочь и — какое безчеловѣчіе! — негодуемъ почти и на то, что дышимъ однимъ съ ними воздухомъ.

Кто нѣжнѣе отца? Кто суровѣе матери? Но для сихъ отверженныхъ заперто и родительское сердце. И отецъ своего собственнаго сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ одномъ чаялъ имѣть око своей жизни, за котораго такъ много и такъ часто молился Богу, сего самаго сына, хотя оплакиваетъ, но гонить отъ себя, — оплакиваетъ отъ сердца, гонить по неволѣ. А мать, вспоминая муки рожденія, съ разрывающимся сердцемъ испускаетъ жалостнѣйшіе вопли, и вслухъ всѣхъ рыдаетъ надъ живымъ, какъ надъ мертвымъ, говоря: „несчастное чадо злополучной

матери, отнимаемое у меня лютою болѣзнію, чадо жалости достойное, чадо мое милое, котораго и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесовъ, горь и пустынь! Со звѣрями будетъ жизнь твоя, горный камень—кровь твой, и только благочестивѣйшіе изъ людей обратятъ на тебя взоры. Зачѣмъ,—вопіеть она, подобно Іову (Іов. 3, 1. 12), симъ болѣзненнымъ гласомъ,—зачѣмъ ты образовался во утробѣ матери? Зачѣмъ, вышедши изъ чрева, не погибъ въ тоже мгновеніе, такъ чтобъ смерть сочеталась съ рожденіемъ? Зачѣмъ ты не умеръ преждевременно, пока не вкусилъ еще золь жизни? Зачѣмъ тебя приняли на колѣни, и на что было тебѣ сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь, ужаснѣйшая смерти?“—Выговаривая это, проливаетъ она источники слезъ, и хотѣла бы, несчастная, заключить въ объятія свое дѣтище: но боится плоти его какъ непріятеля!

А въ народѣ поднимаются повсюду ропотъ и гоненіе—не противъ злодѣевъ, но противъ несчастныхъ. Иный живетъ вмѣстѣ съ убійцею, съ прелюбодѣемъ дѣлитъ не только жилище, но и трапезу, святотатца принимаетъ къ себѣ въ сожители, съ недоброжелателями своими ведетъ дружбу; а отъ страдальцевъ, ничѣмъ его не огорчившихъ, отвращается, какъ отъ преступниковъ. Такъ пороку отдается преимущество предъ болѣзнію! Безчеловѣчіе мы уважаемъ, какъ дѣло благородное, а состраданіе презираемъ, какъ нѣчто постыдное.—Ихъ гонятъ изъ городовъ, гонятъ изъ домовъ, съ площади, съ дорогъ, изъ бесѣды, изъ народныхъ собраній, пировъ, и—о горькая участь!—ихъ отгоняютъ и отъ самой воды.—Для нихъ не текутъ источники, напоющіе всѣхъ другихъ; невѣроятнымъ почитаютъ даже то, чтобы и рѣки не могли отъ нихъ заразиться. А что всего страннѣе, тѣхъ, — коихъ какъ нечистыхъ, отгоняемъ отъ себя, тѣхъ самыхъ, какъ не причиняющихъ намъ никакого убытка, заставляемъ опять возвращаться къ намъ, потому что не даемъ имъ ни жилища, ни нужной пищи, на врачевства для ранъ, ни одежды, которою могли бы мы прикрыть, по нашимъ силамъ, ихъ недугъ. Потому-то они и скитаются день и ночь,—обнищавшіе, нагіе, безпріютные, показывая пораженное недугомъ тѣло, пересказывая старую жизнь свою, призывая съ воплемъ Создателя, помогая другъ другу употребленіемъ членовъ, которыхъ у другаго нѣтъ, слагая жалобныя пѣсни, чтобы выпросить кусочекъ хлѣба, или малѣйшую часть чего-нибудь варенаго, или какое-нибудь раздражное рубище для прикрытія себя отъ стыда, или для облегченія боли отъ ранъ. И не тотъ уже въ глазахъ ихъ человѣколюбивъ, кто достаточно подаетъ имъ нужное, но всякій, кто не съ

суровостію отсылають ихъ прочь. Многіе же изъ нихъ, преодолювая и стыдъ, не бѣгутъ отъ торжественныхъ собраній; гонимые крайнею нуждою вторгаются сюда, въ сіи всенародныя и священныя собранія, которыя мы учредили для уврачеванія душъ, и въ которыя стекаемся или для воспоминанія какого-нибудь таинства, или для прославленія свидѣтелей истины, дабы, чувствуя ихъ подвиги, научиться подражать и ихъ благочестію.—А они, хотя и стыдятся, какъ несчастливцы и какъ человѣки, лица человѣческаго, и лучше хотѣли бы скрываться въ горахъ, утесахъ, лѣсахъ, или, наконецъ, въ ночи и мракѣ; однако, втѣсняются въ средину народа—жалкое бремя и слезъ достойное!—которое впрочемъ можетъ быть послано къ намъ и не безъ цѣли, и именно съ тою цѣлію, чтобы напомнить намъ о нашей немощи, и убѣдить насъ не прилѣпляться ни къ чему настоящему и видимому, какъ бы постоянному. Втѣсняются же одни изъ нихъ, желая услышать голосъ человѣческій; другіе, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошныхъ богачей собрать хотя скудное подаваніе для поддержанія жизни; всѣ же,—чтобы обнаружить свою скорбь, и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя.

Кто не сокрушится, внимая ихъ стонамъ, сливающимся въ одну жалобную пѣснь? Какое ухо можетъ переносить сіи звуки? Какое око можетъ спокойно смотрѣть на это зрѣлище?—Вотъ нѣкоторые изъ нихъ лежатъ одни подлѣ другихъ,—не на радость совокупленные недугомъ въ одно сообщество, гдѣ каждый носить на себѣ слѣды какого-нибудь особеннаго бѣдствія, и всѣ сіи бѣдствія слагаются въ одно общее горе, такъ что каждый своими стараніями усугубляетъ страданія другихъ, и всѣ жалки по своимъ болѣзнямъ, а еще жалче по состраданію другъ къ другу. Ихъ окружаетъ толпа зрителей, даже и соболѣзнующихъ, но—на краткое время. А тамъ—другіе влчаться у ногъ человѣческихъ; ихъ преслѣдуютъ и солнечный зной, и пыль, а иногда жестокіе морозы, дожди и бури, ихъ стали бы и попирать ногами, если бы одно прикосновеніе къ нимъ не почитали гнуснымъ. На священныя пѣснопѣнія внутри храма, они отвѣтствуютъ столами и воплями прошеній, и таинственнымъ молитвословіямъ служатъ отголоскомъ горькія рыданія.—Но для чего описывать мнѣ всѣ ихъ бѣдствія предъ людьми, собравшимися для торжества? Если бы съ точностію изобразилъ я всю эту печальную картину, то, можетъ быть, возбудилъ бы плачь и рыданія, и празднество превратилось бы въ сѣтованіе. Потому только я и говорю о семъ, что доселѣ еще не могу убѣдить васъ, что иногда бываетъ и печаль предпочтительнѣе ра-

дости, и сѣтованіе полезнѣе празднованія, и достохвальныя слезы лучше недобраго смѣха.

Таково-то и еще гораздо горестнѣе, нежели какъ я представилъ, положеніе братій нашихъ по Богѣ (хотя бы вы и не желали слышать сіе), братій, которые одинаковое съ нами получили естество, изъ того же составлены брѣнія, изъ какого и мы первоначально созданы; связаны, какъ и мы, жилами и костями и, подобно всѣмъ, облечены кожею и плотію (какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ божественный Іовъ (Іов. 33, 6. 10. 11), любомудрствуя среди страданій и посмѣваясь надъ видимою частію существа нашего), или лучше, если должно упомянуть о важнѣйшемъ, — которые такъ же, какъ и мы, одарены образомъ Божиимъ, и хранять его, можетъ быть, лучше насъ, хотя и истлѣли тѣломъ, — въ единого облечены Христа (Гал. 3, 27) по внутреннему человѣку; одинаковый съ нами приняты въ сохраненіе залогъ Духа (Гал. 3, 22); участвуютъ въ однихъ съ нами законахъ, глаголахъ Божіихъ, завѣтахъ, собраніяхъ, таинствахъ, надеждахъ; за которыхъ равно умеръ Христосъ (Рим. 14, 15), взявшій на Себя грѣхъ всего міра (Іоан. 1, 29); которые суть наслѣдники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены отъ земной; которые спогребаются Христу и совостаютъ съ Нимъ (Кол. 2, 12), страдаютъ съ Нимъ, дабы съ Нимъ и прославиться (Рим. 8, 17). Что же мы? — мы, наслѣдовавшіе сіе великое и новое имя, чтобы называться по Христѣ народомъ святымъ, царственнымъ священнымъ, людьми усвоенными Богу и избранными (1 Петр. 2, 9), ревнителями добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ (Тит. 2, 14), учениками кроткаго и человѣколюбиваго Христа, понесшаго наши немощи, унизившаго Себя до нашей брѣнности, насъ ради обнищавшаго (2 Кор. 8, 9), ниспешшаго въ эту плоть и земную храмину, и претерпѣвшаго за насъ скорби и болѣзни, дабы мы обогатились наслѣдіемъ Божества? Что жъ мы, имѣющіе столь высокій Образецъ благоутробія и состраданія? Какъ будемъ думать о нихъ, и что сдѣлаемъ? Презрیمъ ли ихъ? Пробѣжимъ мимо? Оставимъ ихъ, какъ мертвецовъ, какъ гнусныя страшилища, какъ самыхъ злыхъ звѣрей и пресмыкающихся? — Нѣтъ, братія! Не тому учить насъ — овецъ Своихъ — добрый Пастырь (Іоан. 10, 11), Христосъ, Который обращаетъ заблудшее, разыскуеть погибшее и укрѣпляетъ немощное (Іезек. 34, 16): не то внушаетъ и природа человѣческая, которая вложила въ насъ законъ состраданія, и чувствомъ немощи, общей намъ со всѣми, научается благочестію и человѣколюбію. Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ; а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ,

разцвѣченныхъ всякаго рода камнями, блестящихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры? Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить? И для кого? Быть можетъ, не для наслѣдниковъ нашихъ, а для людей постороннихъ и чужихъ, и притомъ, можетъ быть, для такихъ людей, которые не только не любятъ насъ, но еще, что всего хуже, исполнены вражды къ намъ и зависти.—Они будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и раздранныхъ рубищахъ, а можетъ быть, еще и тѣхъ имѣть не будутъ, а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкою и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шелку, и между тѣмъ какъ одними уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишне и щегольское я почитаю безобразіемъ), другіе наряды,—безполезная и безумная забота, добыча моли и всепожаряющаго времени,—будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ.—Они будутъ нуждаться — о пагубная моя роскошь! о бѣдственное ихъ томленіе!—будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ; будутъ въ изнеможеніи, голодные валяться у воротъ нашихъ, не имѣя даже столько силъ въ тѣлѣ своемъ, чтобы просить; не имѣя голоса, чтобы рыдать; рукъ, чтобы простирать ихъ для приведенія насъ въ жалость; ногъ, чтобы подойти къ богатымъ; не имѣя столько дыханія, чтобы съ большимъ напряженіемъ простонать жалобную пѣснь, почитая лишеніе зрѣнія, это самое тяжкое зло, очень легкимъ, и еще благодаря за то, что не видитъ своихъ язвъ. Таково ихъ состояніе! А мы, роскошно одѣтые, будемъ съ важностію возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами, до которыхъ другій не смѣй и дотронуться,—оскорбляясь и тѣмъ, если только услышимъ умоляющій голосъ ихъ? Намъ нужно, чтобы полъ у насъ усыпаемъ былъ часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошенъ былъ самымъ дорогимъ и благовоннымъ мѣромъ, для большаго раздраженія нашей нѣги; нужно, чтобы юные слуги предстояли предъ нами—одни въ красивомъ порядкѣ и строю, съ распущенными, какъ у женщинъ, волосами, искусно подстриженными, такъ чтобы на лицѣ не видно было ни одного волоска,—въ такомъ убранствѣ, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другіе—со стаканами въ рукахъ, едва дотрагиваясь до нихъ концами пальцевъ и поднося ихъ, какъ можно, ловчѣе и осторожнѣе; иные, держа опахала надъ головами нашими, производили бы искусственный вѣтерокъ, и этимъ, руками навѣваемымъ, зефиромъ прохладжали бы жаръ утучненнаго нашего тѣла. Нужно кромѣ того, чтобы всѣ стихіи,—и воздухъ, и

земля, и вода, — въ обилии доставляли намъ дары сн, и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей; чтобы все они непрерывно старались о томъ, какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву, — сему тяжкому бремени, виновнику золь, сему никогда ненасытимому и самому невѣрному звѣрю, которому вмѣстѣ съ потребляемыми имъ яствами вскорѣ надобно будетъ истлѣть (1 Кор. 6, 13). — Для нихъ много значитъ утолить жажду и водою; а у насъ пѣнится въ чашахъ вино: пей до упоенія, даже до безчувствія, если кто невоздерженъ! Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностию разсуждать, и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина, какъ иноземнаго завоевателя! Ибо намъ непремѣнно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мѣрѣ, славиться такою жизнью; какъ будто стыдно намъ, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева.

Что это такое, други и братія? Для чего и мы носимъ въ себѣ болѣзнь, — болѣзнь душевную, которая гораздо тягостнѣе тѣлесной? Ибо та, какъ извѣстно, приходитъ не по волѣ нашей, а сія приходитъ отъ нашего произволенія; та оканчивается съ настоящею жизнью, а сія переходитъ съ нами и въ другую жизнь, въ которую мы отселѣ представляемся; о той жалѣютъ, по крайней мѣрѣ, здравомыслящіе, а эту ненавидятъ. Для чего не спѣшимъ, пока еще есть время, помогать сродникамъ нашимъ по естеству? Для чего, будучи сами плоть, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся нѣгѣ, видя бѣдствія нашихъ братій? — Не дай мнѣ Богъ ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здравіемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ, по возможности, одеждою, и не упокою подъ моимъ кровомъ! Ибо намъ должно — или все оставить для Христа, дабы, взявъ крестъ, истинно слѣдовать за Нимъ (Матѣ. 16, 24), и слѣлавшись легкими, развязанными и ничѣмъ не увлекаемыми внизъ, какъ на крыльяхъ, летѣть къ горнему міру, и возвысившись смиреніемъ, обогатившись убожествомъ, въ замѣну всего приобрѣсть Христа (Филип. 3, 8); — или раздѣлять свое имущество со Христомъ, дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то, что мы будемъ обладать имъ, какъ должно, и соучастниками въ немъ будутъ неимущіе. Если же я буду сѣять

для одного себя; то скажу опять словами Іова: пусть я *посѣю, а инии да поядятъ; вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми кропива: а вмѣсто ячменя терніе* (Іов. 31, 8. 40); пусть жгучій вѣтръ убьетъ и вихрь развѣетъ посѣвъ мой, такъ чтобы всѣ труды мои остались напрасными. Если я стану строить житницы, собирая сокровища отъ маммоны, и для маммоны; то пусть въ сію же ночь истяжутъ душу мою (Лук. 12, 18. 20), для истребованія отчета въ зломъ стяжаніи богатства.

Ужели, наконецъ, мы не очувствуемся? не отвергнемъ жестокосердія, или—о чемъ желалъ бы и не говорить—низкой скупости? не подумаемъ объ участи человѣческой? Ужели не обратимъ себѣ во благо несчастія другихъ? Ибо въ дѣлахъ человѣческихъ, по естественному порядку, нѣтъ ничего твердаго, ровнаго, держащагося своими силами и пребывающаго въ одинаковомъ положеніи; участь наша вращается подобно колесу, въ различныя времена, и часто въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ подвергаясь различнымъ перемѣнамъ, такъ что скорѣе можно положиться на постоянство вѣтровъ, никогда не останавливающихся, или слѣдовъ плывущаго по морю корабля, или на обманчивыя ночныя сновидѣнія, доставляющія минутное удовольствіе, или на твердость тѣхъ начертаній, какія дѣти играя дѣлаютъ на песокъ, нежели на благоденствіе человѣческое. Итакъ, благоразумны тѣ, кои, не вѣря благамъ настоящимъ, собираютъ себѣ сокровища въ будущемъ, и видя непостоянство и перемѣнчивость благополучія человѣческаго, любятъ благотворительность, которая никогда не измѣнитъ (1 Кор. 13, 8). Зато, безъ сомнѣнія, получаютъ они, по крайней мѣрѣ, одно изъ трехъ возмездій: или то, что никогда не подвергаются бѣдствіямъ, потому что Богъ часто и земными благами утѣшаетъ благочестивыхъ, призывая ихъ Своею благостію къ состраданію; или то, что и среди бѣдствій они имѣютъ въ себѣ дерзновеніе къ Богу (1 Іоан. 3, 21), ибо страждутъ не за порочную жизнь, а по особенному устроенію Промысла; или, наконецъ, то, что они по праву могутъ требовать отъ людей благоденствующихъ такой же сострадательности, какую сами оказали нуждающимся во время своего счастья.

Да не хвалится, сказано, мудрый мудростію своею, ни богатый богатствомъ своимъ, ни сильный крѣпостію своею (Іер. 9, 23), если бы и достигнулъ кто самой высокой степени—или мудрости, или богатства, или силы. А я къ симъ словамъ Писанія прибавлю еще и то, что съ ними согласно: да не хвалится ни славный своею славою, ни здоровый здоровьемъ своимъ, ни красивый красо-

тою своею, ни юный юностию, кратко сказать—ничѣмъ такимъ, что прославляютъ здѣсь, да не хвалится надмевающійся тѣмъ. Однимъ токмо *да хвалится хваляйся*, — именно тѣмъ, чтобы разумѣть и усердно искать Бога (Іер. 9, 24), сострадать страждущимъ, и угождать себѣ что-нибудь доброе для будущаго вѣка. Ибо здѣшнія блага быстро протекають, даются на часъ, и, подобно какъ камешки въ игрѣ, перекидываются съ мѣста на мѣсто, и переходятъ то къ тѣмъ, то къ другимъ; ничего здѣсь нельзя назвать своимъ, все или время отниметь, или зависть переведеть въ чужія руки. Напротивъ, блага душевныя постоянны и прочны, никогда не отойдутъ и не отпадутъ отъ насъ, никогда не обмануть надеждъ того, кто имъ повѣрилъ. Но и это самое, что ни одно изъ здѣшнихъ благъ не вѣрно людямъ и непрочно, мнѣ кажется прекрасно, какъ и все прочее, устроено предусмотрительнымъ Художникомъ—Словомъ и Премудростию, превосходящею всякъ умъ (1 Кор. 1, 24. Филипп. 4, 7); это самое, что видимыя блага подвергаются и подвергають насъ то тѣмъ, то другимъ превратностямъ, то возносятся вверхъ, то упадаютъ внизъ и кружатся какъ въ вихрѣ, и прежде нежели овладѣемъ ими, убѣгаютъ и удаляются отъ насъ, и такимъ образомъ играютъ нами, обманываютъ насъ, — не направлено ли къ тому, чтобы мы, усмотрѣвъ ихъ непостоянство и переменчивость, скорѣе устремились къ пристанищу будущей жизни? Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, еслибъ земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянствѣ его мы столько къ нему привязаны? Когда обманчивая пріятность и прелесть его держитъ насъ, какъ рабовъ, въ такихъ узахъ, что мы ничего и представить себѣ не можемъ лучше и выше настоящаго, и это тогда, какъ мы слышимъ и вѣримъ, что мы сотворены по образу Божію, Который, пребывая на небеси, и насъ влечетъ къ Себѣ (Кол. 1, 15. Іоан. 3, 13. 12, 32)?

Кто премудръ и разумѣетъ сія (Ос. 14, 10)? Кто рѣшится убѣгать отъ вещей убѣгающихъ? Кто прилѣпится къ вѣчно пребывающему? Кто научится размышлять о настоящемъ, какъ о преходящемъ, а объ уповаемомъ, какъ о постоянно присущемъ? Кто хочетъ отдѣлять истинно сущее отъ кажущагося, и къ первому стремиться, а послѣднее презирать? Кто желаетъ отличить списокъ отъ истины, дальнюю хижину отъ горягаго града (2 Петр. 1, 13. Евр. 13, 14), ночлегъ отъ постояннаго жилища, тму отъ свѣта, глубокое благо (Пс. 68, 3) отъ земли святой, плоть отъ духа, Бога отъ міродержателя, сѣнь смертную отъ жизни вѣчной? Кто желаетъ купить настоящимъ будущее, тлѣннымъ богатствомъ не-

тлѣнное, видимымъ невидимое?—Поистинѣ, блаженъ, кто различая сіе и разсѣкая мечемъ слова, отдѣляющимъ лучшее отъ худшаго, полагаетъ, какъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ божественный Давидъ, *восхожденія въ сердце своемъ* (Пс. 83, 6), и убогая, сколько силъ есть, изъ сей юдоли плача, вышнихъ ищеть (Кол. 3, 1), и распинаясь міру со Христомъ, со Христомъ и воскресаетъ (Гал. 6, 14. Кол. 3, 1), со Христомъ и восходитъ къ наслѣдію жизни уже не измѣняющейся, не обманчивой, гдѣ нѣтъ болѣе змія, угрызавшаго на пути, уязвляющаго въ пятку и уязвляемаго въ голову (Быт. 49, 17. 3, 15). А насъ тотъ же Давидъ, какъ нѣкій громогласный проповѣдникъ, прекрасно оглашаетъ высокою и всенародною проповѣдію, въ которой называетъ насъ тяжкосердыми и любящими ложь, и учитъ не слишкомъ прилѣпляться къ видимому, и не полагалъ всего земнаго благополучія единственно въ обиліи пшеницы и вина (Пс. 4, 3. 8)—сихъ скороистлѣвающихся стяжаній. И блаженный Амось¹⁾, можетъ быть, тоже самое имѣлъ въ мысляхъ, и также противъ земныхъ и мнимыхъ благъ вооружался, когда говорилъ: *приблизитесь горамъ вѣчнымъ: востани и поиди, яко нѣсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 9). И это, даже въ самыхъ выраженіяхъ, почти совершенно сходно съ повелѣніемъ Господа и Спасителя нашего: *какимъ же именно?—Встаните, идемъ отсюда* (Іоан. 4, 31), сказалъ Онъ, не тогдашнихъ только учениковъ побуждая перейти съ извѣстнаго мѣста на другое, какъ можетъ подумать кто-нибудь, но и всѣхъ учениковъ Своихъ, во всѣ времена, симъ воззваніемъ привлекая отъ земли къ небесамъ, и отъ земныхъ благъ къ небеснымъ.

Итакъ, послѣдуемъ Слову, взыщемъ небснаго покоя, отвергнемъ обиліе земное; воспользуемся только тѣмъ, что есть въ немъ добраго;—искушимъ души свои милостынями (Дан. 4, 24), дадимъ отъ имѣній своихъ бѣднымъ, дабы стяжать богатство небесное. Дай часть и душѣ, не все одной плоти; дай часть и Богу, не все одному міру. Отними хоть что-нибудь у чрева, и посвяти духу. Исхити что-нибудь изъ огня, и положи вдали отъ пожирающаго пламени. Исторгни что-нибудь у жестокаго мучителя, и ввѣрь Господу. *Дай часть седьмимъ*, то есть сей жизни, *и осьмимъ* (Еккл. 11, 2), то есть той жизни, въ которую мы преидемъ изъ здѣшней. Дай немного Тому, отъ Кого получилъ несравненно болѣе. Отдай и все Даровавшему тебѣ все. Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣешь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вмѣсто слова: Амось, написано Михай.

имуществомъ и самого себя: ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человекъ получаетъ отъ Него-же. Сколько ты ни уплатишь Ему,— все еще больше того будетъ оставаться на тебѣ, и ничего не дашь ты своего, поелику все отъ Бога. И какъ нельзя опередить своей тѣни, которая по стольку подвигается впередъ и по сколько мы идемъ впередъ, всегда въ равномъ разстояніи намъ предшествуетъ; какъ нельзя тѣлу вырости выше головы, всегда надъ нимъ возвышающійся: такъ и намъ невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого, что не принадлежало бы Ему, или что было бы внѣ круга Его щедрости. Помысли, откуда въ тебѣ бытіе, дыханіе и самое разумѣніе? Откуда то величайшее преимущество, что ты знаешь Бога, и надѣешься царствія небснаго, достоинства равноангельскаго, созерцанія славы, которое теперь — въ зеркалахъ только и гаданіяхъ (1 Кор. 13, 12), а тогда будетъ совершеннѣйшимъ и чистѣйшимъ,—надѣешься содѣлаться сыномъ Божиимъ (Матѣ. 5, 9), снаслѣдникомъ Христу (Рим. 8, 17), и, скажу смѣлое слово, даже самимъ богомъ (Іоан. 10, 34, 35)? Откуда имѣешь ты все сіе, и отъ кого? Или, — если обратиться къ менѣе важнымъ и видимымъ дарамъ,—кто далъ тебѣ зрѣть красоту неба, теченіе солнца, кругъ луны, множество звѣздъ, и во всемъ этомъ, какъ въ звукахъ лиры, всегда одинаковую стройность и порядокъ; преественность частей года, измѣненіе временъ, круговращеніе лѣтъ, соразмѣрность дня и ночи, произведенія земли, разліяніе воздуха, широту волнующагося и, потомъ, спокойно стоящаго моря, глубину рѣкъ, стремленія вѣтровъ? Кто даровалъ тебѣ дожди, земледѣліе, пищу, художества, жилища, законы, гражданское устройство, безмятежную жизнь и тѣсныя связи съ родными? Откуда то, что нѣкоторыя животныя сдѣлались ручными и покорными тебѣ, а другія отданы тебѣ въ пищу? Кто поставилъ тебя господиномъ и царемъ надъ всѣми тварями на земли? Кто,—скажу кратко, не изчисляя всего подробно, — даровалъ тебѣ все то, чѣмъ превосходитъ ихъ человекъ? Не Тотъ ли, Кто больше всего и вмѣсто всего нынѣ требуетъ отъ тебя человекѣлюбія? Не стыдно ли намъ будетъ, если столь много благъ получивши отъ Бога, и столь много надѣясь получить, не принесемъ Ему и сего одного дара — человекѣлюбія? Онъ отличилъ насъ отъ звѣрей, и только однихъ насъ на земли почтилъ даромъ разума; а мы ужели сами будемъ превращать себя въ звѣрей? Ужели роскошь до того развратила насъ, до того лишила ума, или... (но я уже не знаю, какъ это и выразить), что мы, имѣя лишній кусокъ и еще что-нибудь, столь-же неважное, да и то можетъ быть наживши неправдою, по этому бу-

демъ думать, что мы и по самой природѣ лучше сихъ несчастныхъ? Ужели возмечтаемъ, что мы слишкомъ высоки въ сравненіи съ ними, что мы выше людей, какъ древніе гиганты, которые, по сказанію баснословія, составляли особый родъ, отличный отъ прочихъ смертныхъ, или какъ Невродъ и сыны Енаковы (Числ. 13, 34), унетавшіе нѣкогда Израиля, или какъ тѣ исполины, которыхъ злодѣянїями низведенъ потопъ для очищенїя земли? Ежели Богъ и Владыка не стыдится называться отцемъ нашимъ; то мы ли отречемся отъ сродства съ подобными намъ?

Нѣтъ, други и братїя! Не будемъ неправедными распорядителями вѣреннаго намъ, чтобы не услышать намъ грозныхъ словъ Петра: „Постыдитесь вы, удерживающіе у себя чужое, подражайте равной для всѣхъ благодати Божїей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго“¹⁾. Не будемъ томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда какъ другіе томятся отъ нищеты, да не поразитъ насъ жестокими укоризнами и угрозами божественный Амосъ, который вопіетъ: *слышите* нынѣ, *глаголющїи: когда пройдетъ мѣсяць, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища* (Амос. 8, 5)? и потомъ, въ слѣдующихъ далѣе словахъ, угрожаетъ гнѣвомъ Божїимъ людямъ, имѣющимъ мѣру малую и мѣру великую. Да не обличитъ насъ и блаженный Михей, который укоряя іудеевъ за то, что они нѣжатся на одрахъ изъ слоновой кости, намацаются самыми дорогими ароматами, утучняютъ тѣло свое, питаются нѣжнымъ мясомъ тельцовъ отъ стада и козлищъ отъ паствъ, сопровождаютъ рукоплесканїями звуки органовъ, и потомъ еще сильнѣе порицая то, что они считаютъ сіи удовольствїя постоянными и прочными,— осуждаетъ роскошь, (такъ какъ отъ пресыщенїй раждается обида), и присовокупляетъ къ сему осужденію неумѣренныхъ удовольствїй новое, вмѣняя можетъ быть еще въ большую вину то, что сластолюбцы, предаваясь удовольствїямъ, нисколько не состраждутъ о *сокрушенїи Иосифовъ* (Амос. 6, 4—6).— Да не постигнетъ и насъ сіе осужденіе! Не попустимъ себѣ до того забываться въ наслажденїяхъ, чтобы пренебрегать самое челоуѣколюбїе Бога, Который раздражается симъ, хотя и не вдругъ, не тотчасъ по преступленїи каводитъ гнѣвъ Свой на грѣшниковъ.

Послѣдуемъ высочайшему и первому закону самого Бога, Который посылаетъ дождь на праведныхъ и грѣшныхъ, и велитъ солнцу восходить одинаково надъ всѣми (Матѣ. 5, 45), Который безъ всякаго стѣсненїя, предоставилъ всѣмъ, обитающимъ на сущѣ,

¹⁾ Слова сіи взяты изъ постановленїй Апостольскихъ.

и землю, и источники, и рѣки, и лѣса, пернатымъ — воздухъ, живущимъ въ водахъ—воду, Который всѣмъ человѣкамъ даровалъ въ изобиліи первыя потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни законамъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но предложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ, и между тѣмъ нисколько отъ того не оскудѣваютъ. Такъ щедро всѣхъ людей надѣлилъ Богъ, конечно, для того, чтобы равнымъ разданіемъ даровъ Своихъ показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей. А люди, зарывъ въ землю золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоценности, — сіи свидѣтельства брани, междоусобій и древняго насильства восхитителей верховной власти, — послѣ того, безумные, поднимаютъ еще брови, и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! — Не говорю уже о другомъ; по крайней мѣрѣ, то представили бы они, что бѣдность и богатство, свободное, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, состояніе, и рабство, и другія, подобныя симъ имена уже въ послѣдствіи времени появились въ родѣ человѣческомъ, и какъ нѣкоторые недуги вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и изобрѣла ихъ. Сначала же, какъ сказано въ Писаніи, не было такъ (Матѣ. 19, 8). Но Сотворившій человѣка вначалѣ, содѣлалъ его свободнымъ, ограничивъ его только однимъ закономъ заповѣди; содѣлалъ и богатымъ среди сладостей рая, а вмѣстѣ съ симъ благоволилъ даровать сіи преимущества и всему роду человѣческому въ одномъ первомъ сѣмени. Тогда свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди; а истинная бѣдность и рабство — въ преступленіи оной. Но съ того времени, какъ появились зависть и раздоры, какъ началось коварное владычество змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ къ злу лакомою приманкою удовольствія, и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ, — съ того времени расторглось родство между людьми, отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій, и любостяжаніе, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благородствѣ естества человѣческаго. Ты же смотри на первоначальное равенство правъ, а не на послѣдовавшее раздѣленіе, не на законъ властителя, а на законъ Создателя. Помози, сколько можешь, природѣ, почти первобытную свободу, уважь самага себя, покрой безчестіе, нанесенное роду твоему: окажи пособіе въ болѣзни, подкрѣпи въ нуждѣ. Ты здоровъ и богатъ? Такъ

утѣши болящаго и бѣднаго. Ты не испыталъ паденія? Такъ подними упавшаго и разбившагося. Ты весель? Такъ ободри унывающаго. Ты счастливъ? Такъ облегчи участь удрученнаго несчастіемъ.

Воздай что-нибудь Богу въ благодарность за то, что ты принадлежишь не къ числу имѣющихъ нужду въ благодѣяніяхъ, а къ числу тѣхъ, кои могутъ оказывать благодѣянія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе — въ твои. Обогасти себя не только имуществомъ, но и благочестіемъ, не только золотомъ, но и добродѣтелью, или лучше, только ею одною. Заслужи предпочтеніе предъ ближнимъ своимъ тѣмъ, что ты его благотворительнѣе. Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божию. — Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе; хотя Богъ несравненно больше благодѣтельствуетъ, а человѣкъ меньше, сообразно съ своими силами. Богъ сотворилъ человѣка, и снова возставляетъ его изъ тлѣнія; а ты, по крайней мѣрѣ, не презри падшаго. Богъ явилъ человѣку величайшее милосердіе, когда далъ ему, кромѣ всего прочаго, законъ, Пророковъ, и еще прежде того естественный законъ—неписанный, сего испытателя дѣлъ нашихъ; когда обличалъ, вразумлялъ, руководствовалъ людей, и, наконецъ, предалъ самаго Себя въ жертву искупленія за *жизнь міра* (Матѣ 20, 28. Іоан. 6, 51.); когда даровалъ намъ Апостоловъ, Евангелистовъ, учителей, пастырей; изцѣленія, чудеса, возвращеніе къ жизни, разрушеніе смерти, знаменіе побѣды надъ побѣдившимъ насъ, завѣтъ сѣни и завѣтъ истины, различные дары Духа Святаго и тайнство новаго спасенія. А ты, если можешь оказывать высшія благодѣянія, приносящія пользу душѣ (поелику Богъ надѣлитъ тебя и симъ богатствомъ, ежели только пожелаешь того),—не откажись и этимъ послужить нуждающемуся, или лучше, такъ-вья то благодѣянія прежде всего и паче всего и оказывай просящему тебя, даже не ожидая его прошенія; *весь день милуя и взаимъ дая* (Пс. 36, 26) слово, и неопустительно взыскивая долгъ съ лихвою, то есть съ умноженіемъ назиданія въ пользовавшемся онымъ,—лихвою, которую всегда прилагаетъ къ принятому слову тотъ, кто мало-по-малу приумножаетъ въ себѣ сѣмена благочестія. Если же ты этимъ не можешь служить ближнему; то оказывай ему хоть меньшія благодѣянія, занимающія второе мѣсто и не превышающія силы твоей. Помогни ему, доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, распроси о бѣдственномъ его положеніи, поговори о терпѣніи; осмѣлься, подойди. Ты не унизишь себя этимъ; болѣзнь не пристанетъ къ тебѣ, хотя и думаютъ

такъ люди слишкомъ изнѣженные, обольщенные пустыми предубѣжденіями; или лучше сказать, хотя и стараются симъ предлогомъ оправдать свою—либо трусость, либо отвращеніе отъ благочестія, прибѣгая къ боязливости, какъ будто къ чему важному и мудрому. Касательно сего могутъ успокоить тебя и здравыя разсужденія, и врачи, живущіе въ одномъ съ больными домѣ ихъ прислужники, изъ коихъ ни одинъ еще, обращаясь съ ними, не подвергался опасности. Но если бы и возбуждало такое сообщеніе страхъ и сомнѣнія,—ты, рабъ Христовъ, боголюбивый и человѣколюбивый, не будь побѣжденъ низкимъ малодушіемъ! Дерзай вѣрою, побѣди боязнь состраданіемъ, изнѣженность — страхомъ Божиимъ, плотскіе разсчеты—благочестіемъ. Не презри брата твоего, не пробѣги мимо его, не гнушайся имъ какъ нечистотою, какъ заразою, какъ чѣмъ-то отвратительнымъ и отверженнымъ. Это твой членъ, хотя и покривило его несчастіе. *Тебѣ оставленъ есть нищій* (Пс. 9, 35), какъ самому Богу, хотя ты и слишкомъ надменно (можетъ быть, хоть семи словами приведу тебя въ стыдъ) проходишь мимо его. Тебѣ предлагается случай доказать свое человѣколюбіе, хотя и отвращаетъ тебя врагъ отъ собственного твоего счастья.

Всякій мореплаватель близокъ къ кораблекрушенію; и тѣмъ ближе чѣмъ съ большею отважностію плыветъ. Такъ и всякій обложенный тѣломъ близокъ къ бѣдамъ тѣлеснымъ, и тѣмъ ближе, чѣмъ безстрашнѣе ходитъ съ поднятымъ челомъ, не смотря на лежащихъ предъ нимъ. Доколѣ плывешь при благопріятномъ вѣтрѣ, — подавай руку потерпѣвшему кораблекрушенію; доколѣ наслаждаешься здоровьемъ и богатствомъ,—помоги страждущему. Не дожидайся того, чтобы узнать изъ собственного опыта, какое великое зло есть безчеловѣчіе, и какое великое благо есть сердце отверстое терпящимъ нужду. Не желай дожить до того, чтобы Богъ вознесъ руку Свою (Пс. 73, 3) на возносящихъ выю свою и пренебрегающихъ убогихъ. Вразумись чужими бѣдами. Дай хоть самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто во всемъ нуждается, и для самого Бога, если подаваніе будетъ по силѣ. Въмѣсто великаго дара принеси усердіе. Ничего не имѣешь? Утѣшь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто отъ души пожалѣветъ о немъ; несчастіе много облегчается искреннимъ соболѣзнованіемъ. Ты, человѣкъ, не долженъ считать человѣка хуже животнаго, которое законъ велитъ тебѣ поднять, когда оно упадетъ въ ровъ, или привести къ хозяину, когда заблудится (Исх. 23, 4. 5. Второзак. 22, 4). Не скрывается ли въ семъ повелѣніи и другій, таинственный и глубочайшій смыслъ, подобно какъ и во мно-

гихъ изреченіяхъ закона, отличающихся глубиною и двузнаменательностію,—не мнѣ проникать въ это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же,—сколько понимаю сіе, и сколько относится то къ моему слову,—скажу, что здѣсь законъ имѣеть цѣлію—отъ милосердія къ тварямъ малозначущимъ возвести насъ къ милосердію совершеннѣйшему и важнѣйшему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловеснымъ быть милостивы, то сколь же велика должна быть любовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства? Такъ учать насъ и разумъ, и законъ, и справедливѣйшіе изъ людей, которые полагають, что лучше благотворить, нежели принимать благодѣянія, и что милость дороже корысти.

Что жъ сказать о нашихъ мудрецахъ?—Я не говорю объ язычникахъ, которые, выдумывая боговъ — защитниковъ страстей, и Кердою ¹⁾ воздають величайшія почести, и, что еще хуже того, поставляютъ закономъ (какъ это видимъ у нѣкоторыхъ народовъ) закалать людей въ жертву нѣкоторымъ изъ демоновъ, такъ что безчеловѣчіе входитъ у нихъ въ составъ богопочитанія, и такими жертвами какъ сами услаждаются, такъ и богамъ своимъ думаютъ доставить удовольствіе—злые жрецы и тайнослужители злыхъ!—Но вотъ что особенно достойно оплакиванія: есть и между нашими собратіями люди, которые такъ далеки отъ соболѣзнованія и вспомоществованія страждущимъ, что даже не стыдятся жестоко укорять ихъ, нападаютъ на нихъ, придумываютъ пустыя и ничтожныя умствованія, *яко гласящія отъ земли* (Ис. 29, 4), говорятъ на вѣтеръ, а не для слуха водимаго благимъ смысломъ и привыкшаго къ истинамъ божественнымъ. Они осмѣливаются такъ судить: „Богъ послалъ имъ несчастія, а намъ счастье. И кто я, чтобы смѣлъ нарушать опредѣленіе Божіе и показывать себя милостивѣе Бога? Пусть ихъ томятся, бѣдствуютъ, страдаютъ! Богу такъ угодно“. Въ семь только случаѣ и показываютъ они себя богочтителями, гдѣ нужно имъ сберечь свои деньги и храбриться надъ несчастными! Но въ самомъ дѣлѣ они и не думаютъ, что ихъ благополучіе происходитъ отъ Бога, какъ это ясно видно изъ словъ ихъ. Ибо станеть ли разсуждать подобно имъ о бѣдныхъ тотъ, кто признаеть Бога подателемъ всего, чѣмъ онъ владѣеть? Кто дѣйствительно имѣеть что-нибудь отъ Бога, тотъ употребляетъ, что имѣеть, согласно съ волею Божіею. Съ другой стороны, еще неизвѣстно и то, чтобы на бѣдныхъ всегда насылалъ страданія самъ Богъ; потому что и тѣлесное вещество, находящееся безпрестанно въ какомъ-то

¹⁾ Меркурію, покровителю корыстолюбія.

теченіи, можетъ само по себѣ быть причиною разстройствъ. И почему кто знаетъ, что одинъ наказывается за порочную жизнь, а другій возвышается, какъ достойный похвалы? А можетъ быть и наоборотъ—сей возвышается именно потому, что онъ худъ; а тотъ подвергается искушенію за свою добродѣтель; сей выше возносится, чтобы и упасть сильнѣе, ему попускается напередъ обнаружить, какъ нѣкую болѣзнь, всю свою порочность, дабы тѣмъ справедливѣе было наказаніе, имѣющее его постигнуть; а тотъ и сверхъ ожиданія угнетается, дабы, искусившись *яко злато въ горниль* (Прем. Сол. 3, 6), очиститься и отъ малѣйшей, какая еще оставалась въ немъ, примѣси зла (ибо никто, по стественному рожденію, не бываетъ совершенно *чистъ отъ скверны*, какъ это слышимъ мы изъ Писанія. Іов. 14, 4) и явиться еще болѣе достойнымъ, такъ какъ и сію тайну нахожу я въ Божественномъ Писаніи (Прем. Сол. 3, 5). Продолжительно было бы исчислять всѣ глаголы Духа, сюда относящіяся. И кто изочтетъ песокъ морской, и капли дождя и глубину бездны (Іис. Сир. 1, 2. 3)? Равнымъ образомъ, кто можетъ во всемъ изслѣдовать глубину премудрости Бога, которою Онъ и сотворилъ все, и управляетъ всѣмъ такъ, какъ хочетъ и какъ знаетъ? Довольно для насъ, по примѣру божественнаго Апостола, удивляться только ей и почитать молчаніемъ непостижимую и неудобозримую глубину ея. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33). *И кто уразумѣть умъ Господень* (Іс. 40, 13)? *Или въ послѣдняя премудрости Его кто достигже*, какъ говоритъ Іовъ (11, 7)? *Кто премудръ, и уразумѣетъ сія* (Ос. 14, 10), и кто отважится то, что выше всякой мѣры, измѣрять соображеніями удобопостижимыми? Итакъ пусть кто-нибудь будетъ на это смѣлъ и отваженъ, а лучше, если бы никто. Я же ни наказаній въ здѣшней жизни не осмѣлюсь относить во всякомъ случаѣ къ пороку, ни спокойнаго состоянія—къ добродѣтели. Правда, бываетъ и здѣсь такое мздовоздаяніе, и конечно, для нѣкоторыхъ полезныхъ цѣлей, дабы, съ одной стороны, бѣдствія злыхъ людей останавливали стремленіе порока, а съ другой, благоденствіе добрыхъ облегчало путь добродѣтели: но это бываетъ не всегда и не вполнѣ. Полное мздовоздаяніе принадлежитъ единственно будущей жизни, гдѣ одни получаютъ награды за добродѣтель, а другіе—паказанія за порокъ. *Востанутъ бо, сказано, сіи въ воскресеніе живота, сія же въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 29). А для настоящей жизни—другой законъ, другое веденіе.

Впрочемъ и въ настоящей жизни все направлено къ будущей.

И что кажется намъ неровнымъ,—безъ сомнѣнія, изравнивается у Бога. Подобно сему въ тѣлѣ есть части выдавшіяся и впалыя, великія и малыя, также на землѣ есть мѣста возвышенныя и низкія; но все сіе, во взаимномъ соотношеніи, образуетъ и представляетъ нашимъ взорамъ прекрасное цѣлое. Равно, и у художника, сначала нестройное и неровное вещество, потомъ является весьма искусно обдѣланнымъ, когда изъ него устроится какое-нибудь произведеніе; послѣ чего и мы, увидѣвъ это произведеніе въ совершенной красотѣ его, понимаемъ и признаемъ искусство художника. Такъ не будемъ же почитать Бога такимъ несовершеннымъ художникомъ, каковы мы; не будемъ находить неустройства въ управленіи міромъ потому единственно, что намъ неизвѣстенъ образъ управленія. Но мы,—если нужно представить въ подобіи состояніе нашего духа,—мы немного отличаемся отъ людей, страждущихъ на кораблѣ тошнотою и головокруженіемъ, которые, кружась сами, думаютъ, что и все кружится. Точно таковы тѣ, о которыхъ мы говоримъ. Они не хотятъ, чтобы Богъ былъ мудрѣе ихъ, когда у нихъ кружится голова отъ недоумѣнія о какомъ-нибудь происшествіи. вмѣсто того, чтобы или самимъ потрудиться въ изысканіи причины онаго, въ той надеждѣ, что можетъ быть трудолюбивому исканію подается истина, или посовѣтоваться о семъ съ людьми, которые мудрѣе и духовнѣе ихъ (такъ какъ и мудрость есть одно изъ дарованій, и *не во устахъ разумъ*. 1 Кор. 8, 7), или чистотою жизни уловить вѣдѣніе и поискать премудрости у истинной Премудрости; они — какое невѣжество! — хватаются за то, что ближе къ рукамъ, клеветуютъ, будто все въ мірѣ дѣлается безъ причины, потому только, что сами ея не видятъ, и такимъ образомъ отъ своего невѣжества дѣлаются мудрецами, или отъ излишней, такъ сказать, мудрости, становятся лишенными мудрости и несмысленными. Оттого нѣкоторые ввели счастье и самослучайность ¹⁾,—такой вымысль, который подлинно только на удачу и какъ случилось слѣпленъ. Другіе придумали какое-то неразумное и неотклонимое владычество звѣздъ ²⁾, которыя по своему произволу сплетаютъ, или, лучше сказать, невольно принуждены сплетать судьбу нашу; придумали соединенія и противостоянія какихъ-то блуждающихъ и неблуждающихъ тѣлъ небесныхъ, и владычествующее надъ всѣмъ міромъ движеніе. Иные, покольку не могли постигнуть и познать самого Промысла, внесли

¹⁾ Емпедокль, Эпикуръ.

²⁾ Халдеи.

въ бѣдный родъ человѣческой свои мечты, какія кому воображались¹⁾, и раздробили это на различныя мнѣнія и наименованія. Были и такіе, которые Промыслъ представляли слишкомъ бѣднымъ²⁾, и распространивъ управленіе Его только на то, что выше насъ, не осмѣлились низвести Его до насъ, болѣе всего имѣющихъ въ Немъ нужду, какъ будто боясь того, чтобы Благодѣтеля не показать слишкомъ благимъ, когда будетъ слишкомъ много существъ, пользующихся Его благодѣянiями, или чтобы не утомить Бога множествомъ благотвореній. — Но оставимъ сихъ безумцевъ,—какъ я уже и сказалъ,—самимъ себѣ; поелику еще прежде насъ хорошо отразило ихъ слово Божіе симъ приговоромъ: *осуетися неразумное ихъ сердце: глаголющеса быти мудри, обьородиша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога* (Рим. 1, 21 — 23), исказивъ какими-то баснями и тѣнями всеобъемлющій Промыслъ. Мы же, если только, какъ существа разумныя и служители Слова, внимаемъ разуму,—не должны ни сами придумывать подобныхъ чудовищныхъ мнѣній, ни принимать людей, которые такъ думаютъ, сколькобы ни былъ оборотливъ языкъ ихъ въ составленіи нелѣпыхъ умствованій и ученій, и сколько бы ни была обольстительна новость ихъ вымысловъ. Напротивъ, мы должны вѣровать, что есть Богъ Творецъ и Создатель всѣхъ существъ: ибо какъ могла бы и существовать вселенная, если бы кто не осуществилъ ее и не привелъ въ стройный составъ?—должны вѣровать, что есть Промыслъ все содержащій и все связывающій въ мірѣ: ибо для тѣхъ существъ, для которыхъ необходимъ Творецъ, необходимъ вмѣстѣ и Промыслитель; иначе, міръ, носимый случаемъ, какъ вихремъ корабль, долженъ бы былъ, по причинѣ беспорядочныхъ движеній вещества, мгновенно разрушиться, разсыпаться и возвратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство. Мы должны также вѣровать, что нашъ Творецъ, или Зиждатель (все равно тѣмъ ли, или другимъ именемъ назовешь Его) особеннымъ образомъ печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проводится среди различныхъ противностей, коихъ причины для того, можетъ быть, и остаются неизвѣстными, чтобы мы, не постигая ихъ, тѣмъ болѣе удивлялись надъ всѣмъ возвышенному Уму. Ибо все, что мы легко понимаемъ, легко и пренебрегаемъ; а, напротивъ, что выше насъ, то, чѣмъ неудобопостижимѣе, тѣмъ больше возбуждаетъ въ насъ уди-

1) Мнѣологи.

2) Аристотель.

вление; и все, что убѣгаетъ отъ нашего желанія, тѣмъ самымъ воспламеняетъ къ себѣ сильнѣйшую любовь.

Посему не будемъ ни слишкомъ высоко цѣнить во всякомъ случаѣ здоровье, ни слишкомъ охудать болѣзни, не будемъ прилѣпляться къ скороутекающему богатству (Пс. 61, 11), и болѣе надлежащаго прилагать къ сему потоку свое сердце, тратя на сіе, такъ сказать, нѣчто изъ существа души нашей. Не будемъ возставать и противъ бѣдности, какъ противъ доли, заслуживающей презрѣніе, проклятіе и ненависть. Научимся лучше и презирать безумно употребляемое здоровье, котораго плодъ—грѣхъ, и уважать благочестиво переносимую болѣзнь, почитая тѣхъ, которые страданіемъ приобрѣли побѣду: почему знать, не кроется ли между болящими какой нибудь Іовъ, который несравненно болѣе достоинъ чести, чѣмъ здоровые, хотя и соскребаютъ съ себя гной, и томится день и ночь подъ открытымъ небомъ, страдая и отъ язвъ, и отъ жены, и отъ друзей. Научимся отметать и неправедное богатство, за которое праведно *страждетъ въ пламени* (Лук. 16, 24) богачъ, прося для прохлажденія себя малой капли воды; и вмѣстѣ ублажать благодарную и любомудрую бѣдность, съ которою Лазарь спасается и богато награждается упокоеніемъ въ нѣдрахъ Авраама.

Такимъ образомъ, челоѡколюбіе и благосердіе къ бѣднымъ, кажется, нужно намъ и для того, чтобы заградить уста неправомыслящихъ объ ономъ, и не уступать суетнымъ ихъ мудрованіямъ, кои мы теперь разсматривали, то-есть не обращать жестокости въ законъ на вредъ самимъ себѣ. Но всего болѣе почтимъ здѣсь заповѣдь и увѣщанія слова Божія. Какая же это заповѣдь? Посмотрите, какъ постоянно внушаютъ ее мужи боговдохновенные, и какъ она близка къ ихъ сердцу. Не такъ они возвѣщаютъ ее, чтобы разъ или два поговорили что-нибудь о бѣдныхъ, и потомъ отступились; не такъ, чтобы одни упоминали о милосердіи, а другіе нѣтъ, или нѣкоторые говорили о немъ больше, а другіе меньше, какъ будто бы оно не было важнымъ и крайне нужнымъ предметомъ. Нѣтъ, они всѣ, и каждый въ особенности, почитая сію заповѣдь главною, или одною изъ главныхъ, съ ревностію побуждаютъ насъ къ исполненію ея, то увѣщаніями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердымъ, и все сіе для того, чтобы непрестанными напоминаніями о сей заповѣди усилить ея дѣйствіе въ сердцахъ нашихъ. Сказано: *страсти ради нищихъ, и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ Господь* (Псал. 11, 6). Кто же не убоится возстающаго Господа? И въ другомъ

мѣстѣ: *воскресни Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогихъ* (Псал. 9, 33). Отклонимъ молитвою такое возвышеніе руки Божіей, и не пожелаемъ видѣть ее возносивою на непокорныхъ, или, что еще тягостнѣе, наводимою на жестокосердыхъ. И еще: *не забуди званія убогихъ; не до конца забвенъ будетъ нищій* (ст. 13. 19); *очи Его на нищаго призираете* (Псал. 10, 4); а такое призрѣніе лучше и превосходнѣе, нежели приникновеніе вѣждей. *Вѣжди же Его испытаете сыны человеческія*, что есть уже какъ бы низшее и второстепенное назираніе. Но можетъ быть, скажетъ кто нибудь, что здѣсь говорится о нищихъ и убогихъ, неправедно притѣсняемыхъ. Не спору: но и это самое должно побудить тебя къ человѣколюбію. Если такъ много печется Господь о бѣдныхъ, когда ихъ обижаютъ; то конечно еще болѣе наградить тебя за нихъ, когда они получаютъ отъ тебя благодѣянія. Если *ругайся убогому, раздражаетъ Сотворшаго его* (Притч. 17, 5); то пекущійся о твореніи чтить Творца. Опять, когда ты слышишь слова: *нищъ и богатъ срътоста другъ друга: обоихъ же Господь сотвори* (Притч. 22, 2); то не думай, будто Господь сотворилъ одного нищимъ, а другаго богатымъ, для того, чтобы ты еще болѣе могъ нападать на нищаго: ибо неизвѣстно, отъ Бога ли произошло такое раздѣленіе. Въ сихъ словахъ Писанія показывается только то, что и нищій и богатый равно созданы Богомъ, хотя и неодинакова внѣшняя ихъ участь. Пусть это подвигнетъ тебя къ состраданію и братолюбію, и еслибъ когда при взорѣ на свое богатство, ты возгордился, то пусть мысль о общемъ Создателѣ смиритъ тебя и введетъ въ предѣлы скромности. Чтожъ еще? *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17). Кто не желаетъ имѣть такого должника, который отдастъ долгъ во время свое съ лихвою? И опять *милостынями и върами очищаются грѣхи* (Притч. 15, 27). Итакъ очистимъ себя милосердіемъ, отремъ симъ прекраснымъ знакомъ нечистоты и скверны душевныя, и убѣлимся, одни—какъ волна, другіе—какъ снѣгъ (Ис. 1, 18), по мѣрѣ благосердія нашего!

Скажу нѣчто еще болѣе поразительное. Если у тебя нѣтъ ни сокрушенныхъ членовъ, ни струпа, ни язвы, ни раны палящіяся (Ис. 1, 6), нѣтъ никакой проказы душевной, или осязаемаго знаменія, или блеска (Лев. 13, 2), что только отчасти очищаетъ законъ, и что можетъ исцѣлить одинъ Христосъ: то тѣмъ не менѣе почти Того, Кто претерпѣлъ за насъ язвы и болѣзни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивымъ и человѣколюбивымъ къ члену Христову. Если же разбойникъ и мучитель душъ нашихъ,

или на пути твоёмъ изъ Иерусалима въ Иерихонъ, или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, напавъ на тебя безоружнаго и неготоваго къ оборонѣ, до того, можетъ быть, изранилъ тебя, что ты долженъ сказать: *возмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Пс. 37, 6); если ты въ такомъ состояніи находишься, что ни уврачеванія не ищешь, ни средства къ исцѣленію твоему не знаешь: ахъ! это уже подлинно великая язва и крайнее бѣдствіе. Но когда ты еще не вовсе предался отчаянію, и не сдѣлался совершенно неисцѣлимымъ: прибѣги ко Врачу, умоляй Его, лечи язвы язвами, привлеки подобное подобнымъ, или, лучше сказать, меньшими средствами уврачуй большія болѣзни. И онъ речетъ *душѣ твоей: спасеніе твое есмь Азъ* (Пс. 34, 3.); скажетъ *отра твоя спасе тя* (Лук. 7, 50); *се здравѣ еси* (Іоан. 5, 14.) и утѣшитъ тебя всею сладостію глаголовъ челоувѣколюбія, если телько увидить, что и ты челоувѣколюбивъ къ болѣзнующимъ.

Блаженни, говоритъ Онъ, *милостивии, яко ти помиловани будутъ* (Матѣ. 5, 7.): видишь, что между блаженствами не послѣднее мѣсто занимаетъ милость. — Также: *блаженъ разумѣваяя нища и убога* (Пс. 40, 1.); *благъ мужъ щедра и дая* (Пс. 111, 5.); *весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный* (Пс. 36, 26.). Восхитимъ же *блаженство*, заслужимъ наименованіе *разумѣвающихъ*, содѣлаемся *благими*; самая ночь да не прерветъ дѣль милосердія. *Не рцы: отшедъ возвратися, и завтра дамъ ти* (Притч. 3, 26.). Не допускай ни малѣйшаго промежутка между *благимъ намѣреніемъ* и *благодѣреніемъ*. Вотъ одно, что не терпитъ отсрочки, — челоувѣколюбіе. *Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой* (Ис. 58, 7.); и все сіе дѣлай радушно. *Милуяй*, сказано, *съ добрымъ изволеніемъ* (Рим. 12, 8.); такимъ образомъ готовность твоя усугубитъ цѣну добраго твоего дѣла. Ибо что дѣлается съ печалію, или по нуждѣ, то не можетъ быть пріятнымъ и изящнымъ; оказывая благодѣянія, должно радоваться, а не сѣтовать. *Аще отъимеши отъ себя союзъ и рукобленіе*, то-есть мелкую расчетливость, развѣдыванія и сомнѣнія, *и глаголъ проптанія*: что будетъ тогда? Какое чудное и великое воздаяніе! Какая и сколь богатая награда! *Разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ* (Ис. 58, 9. 8.). Кто же не пожелаетъ себѣ свѣта и исцѣленія?

Но съ такимъ-же благоговѣніемъзираю и я на *ковчежецеу* Христовъ (Іоан. 12, 6), побуждающій насъ къ питанію нищихъ; и на согласіе Павла и Петра въ томъ, что они, раздѣливъ между собою проповѣдь Евангелія, общими силами пеклись о бѣдныхъ; и

на указанный юношѣ предѣль и законъ совершенства; *имѣніе твое даждь нищимъ* (Матѳ. 19, 21). Не думаешь ли ты, что чело-вѣколюбіе, есть для тебя не необходимость, а дѣло произвола, не законъ, а совѣтъ? Я и самъ весьма желалъ бы такъ думать; но меня устрашаютъ: лѣвая сторона и козлища, и укоризны, кои слышать они отъ Поставившаго ихъ ошуюю. Они осуждены будутъ не за грабительство, не за святотатство, не за прелюбодѣянiе или другіе грѣхи, запрещенные закономъ, а за то, что не послужили Христу въ лицѣ бѣдныхъ.

Итакъ, ежели вы, рабы и братія и сонаслѣдники Христа, сколько-нибудь имѣете ко мнѣ послушанія, то доколѣ еще есть время, посѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, пріймемъ Христа, почтимъ Христа — не только трапезою, какъ нѣкоторые; не мастями благовонными, какъ Марія; не гробомъ только, какъ Іосифъ Аримаѳейскій; не веществами нужными при погребеніи, какъ Никодимъ, въ половину только показавшій любовь свою ко Христу; не златомъ, ливаномъ и смироною, какъ еще прежде — волхвы: но поелику Владыка всяческихъ *милости хочетъ а не жертвы* (Матѳ. 9, 13), и милосердіе дороже *темъ тучныхъ агнцевъ* (Дан. 3, 40), то сіе-то милосердіе и принесемъ Ему въ лицѣ бѣдныхъ и долу влачащихся нынѣ, дабы тогда, какъ мы отыдемъ отсель, они приняли насъ *въ вѣчные крѣвы* (Лук. 16, 9), въ самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь.

Слово 15, говоренное въ присутствіи отца, который безмолвствовалъ отъ скорби, послѣ того какъ градъ опустошилъ поля.

Для чего разстроиваете достохвальный порядокъ¹⁾? Для чего принуждаете говорить языкъ, покорный закону? Для чего вызываете слово непротивоборствующее духу? Для чего, оставивъ главу, обращаетесь къ ногамъ? Для чего, миновавъ Аарона, приходите къ Елеазару? Я не согласенъ, чтобы источникъ былъ загражденъ, а ручей текъ, чтобы солнце скрылось, а звѣзда сіяла, чтобы сѣдина уступила, а юность давала законы, чтобы мудрость умолкла, а неопытность величалась. Безъ сомнѣнія, большой дождь не полезнѣе малаго; одинъ силенъ, смываетъ землю, и во всемъ вредитъ земледѣльцу, а другой идетъ тихо, проникаетъ въ глубину, утучняетъ ниву, приносить пользу оратаю, питаетъ колось во

1) Т. е. чтобы дѣти не учили въ присутствіи родителей.

время созрѣванія плода. Такъ и обильное слово не полезно мудраго: доставивъ, можетъ быть, нѣсколько удовольствія, оно улетаетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ колебаніемъ воздуха, не производя ничего больше, и только очаровываетъ краснословіемъ плѣняющійся имъ слухъ; а мудрое слово проникаетъ въ умъ, расширяетъ уста, исполняетъ ихъ духомъ, переживаетъ свое рожденіе, и немногими слогами воздѣлываетъ многое. Не говорю еще объ истинной и первой мудрости, въ которой преимуществуетъ дивный сей дѣлатель и пастырь¹⁾.

Первая мудрость есть жизнь похвальная, очищенная, или очищаемая, для пречистаго и пресвѣтлаго Бога, Который требуетъ отъ насъ одной жертвы — очищенія, — жертвы, обыкновенно называемой въ Писаніи *сердцемъ сокрушеннымъ* (Пс. 50, 19), *жертвой хвалы* (Пс. 49, 14. 32), *новою о Христѣ тварію* (Гал. 6, 15), *новымъ человекомъ* (Еф. 4, 24), и тому подобно. Первая мудрость — презирать ту мудрость, которая состоитъ въ однихъ словахъ и оборотахъ рѣчи, въ обманчивыхъ и излишнихъ противоположеніяхъ. Лучше мнѣ пять словъ сказать въ Церкви съ разумомъ, нежели тысячи однимъ языкомъ (1 Кор. 14, 13), и невразумительнымъ звукомъ трубы, который не возбуждаетъ моего воина къ духовной брани. Я хвалю и лобызаю ту мудрость, которою прославились незнатные, для которой предпочтены уничиженные съ которою рыбаки уловили въ сѣти Евангелія всю вселенную, побѣдивъ упраздняемую мудрость словомъ совершеннымъ и сокращеннымъ (Рим. 9, 28). Не тотъ для меня мудрецъ, кто мудръ на словахъ, у кого оборотливъ языкъ, а душа не обучена, кто подобенъ гробамъ, которые снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвыхъ костей, и скрываютъ въ себѣ великое зловоніе, — но тотъ кто хотя мало говоритъ о добродѣтели, однако же, многое показываетъ на дѣлѣ, и жизнью удостовѣряетъ въ словѣ. Для меня лучше красота видимая, нежели изображаемая словомъ, лучше богатство, которое уже въ рукахъ, нежели воображаемое во снѣ, лучше мудрость не словомъ блистающая, но свидѣтельствуемая дѣлами. Ибо сказано: *разумъ благъ естьмъ творящимъ и* (Пс. 110, 10), а не проповѣдующимъ. Самое вѣрное испытаніе сей мудрости—время, а истинный *вѣнецъ хвалы* — *старость* (Притч. 16, 31). Ибо хотя не должно ублажать человека *прежде смерти* (Сир. 11, 28), какъ думаю съ Соломономъ, — не извѣстно, *что родитъ находяй день*

¹⁾ Т. е. отецъ св. Григорія, Епископъ Назіанзскій. Къ нему же Григорій и далѣе нѣсколько разъ обращается въ своемъ словѣ.

(Притч. 27, 1), потому что земная жизнь наша подвержена многимъ переворотамъ, и тѣло смиренія туда и сюда порывается и измѣняется: впрочемъ, кто провелъ большую часть жизни неукоризненно, и близокъ уже къ пристани сего общаго моря жизни, тотъ не безопаснѣе ли и не счастливѣе ли другихъ, которымъ предлежитъ далекое плаваніе?

Итакъ не заключай устъ, которыя вѣщали такъ много добраго, отъ которыхъ такъ много плодовъ и порожденій правды. Сколько отъ нихъ чадъ, какія отъ нихъ сокровища, — возведи окрестъ очи твои и виждь! Весь народъ сей родилъ ты благовѣствованіемъ во Христѣ! Не лишай насъ болѣе своихъ полезныхъ, хотя и немногихъ словъ, не полагай начала близкой уже потери. Изреки слово, хотя краткое, но для меня любезное и весьма пріятное, хотя неощущаемое слухомъ, но познаваемое по тому духовному воплю, который Богъ слышитъ отъ безмолствующаго Моисея, и бесѣдующему умно говорить: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14, 15)? Собери народъ сей для меня, твоего питомца, потомъ пастыря, а нынѣ первопастыря. Научи меня пастырству, народъ сей — благопокорности. Полюбомудрствуй о настоящемъ бѣдствіи, о судахъ Божіихъ праведныхъ, постигаемъ ли мы ихъ, или не знаемъ великой бездны; о томъ, какъ у Господа, по слову святаго Исаи, и *милость на тѣрильяхъ* (Ис. 28, 17); потому что благодать Его не безразсчетна (хотя казалась такою начавшимъ ранѣе трудиться въ Виноградникѣ и не примѣтившимъ неравенства въ самомъ равенствѣ). Полюбомудрствуй о томъ, какъ гнѣвъ Божій, называемый *чашею въ руку Господни* (Пс. 74, 9), и *чашею паденія испиваемою* (Иса. 51, 17), соразмѣряется съ грѣхами; потому что Господь, хотя у всѣхъ убавляетъ нѣчто изъ заслуженнаго ими наказанія и неразтворенное вино гнѣва растворяетъ человѣколюбіемъ (Пс. 74, 9); впрочемъ отъ строгости преклоняется на милость только для тѣхъ, которые вразумляются страхомъ, и отъ малой скорби *пріемлютъ во чревь обращеніе*, и *болятъ* имъ, и *раждаютъ* совершенный *духъ спасенія* (Пс. 74, 9); а блюдетъ и безъ остатка изливаетъ *дрождіе*, то есть конечный гнѣвъ на тѣхъ, которые не исцѣляются Его благодію, но еще ожесточаются, подобно тяжкосердому Фараону, обременяющему горькими работами и соблюденному въ показаніе силы Божіей надъ нечестивыми (Ис. 9, 16). Скажи: стъ чего такіе удары и бичи? Гдѣ ихъ основаніе? Слѣдствіе ли это безпорядочнаго и неправильнаго движенія вселенной, неуправляемаго и неразумнаго теченія вещей, какъ будто нѣтъ надъ ними Правителя, и дѣло ли это случая, какъ думаютъ немудрые мудрецы, слѣбно

увлекаемые беспорядочнымъ и темнымъ духомъ? Или все съ разумомъ и въ порядкѣ, какъ сначала произведено, прекрасно растворено, совокуплено и приведено въ движеніе по законамъ, извѣстнымъ единому Приведшему все въ движеніе, такъ и послѣ движется и измѣняется, управляемое браздами Промысла? Отчего неурожаи, тлетворные вѣтры, градъ, настоящее наше поражение и вразумленіе? Отчего порча въ воздухѣ, болѣзни, землетрясенія, волненія морей и небесныя явленія? Какъ тварь, созданная въ наслажденіе людямъ, сей общій и равный для всѣхъ источникъ удовольствій, обращается въ наказаніе нечестивыхъ, чтобы мы тѣмъ же самымъ, чѣмъ были почтены, и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились и познали силу Божию въ злостраданіяхъ, когда не познали ея въ благотворныхъ дѣйствіяхъ? Какъ однимъ воздаются *отъ руки Господни грѣхи сугубы* (Иса. 40, 2), и мѣра беззаконія восполняется симъ усугубленіемъ (чѣмъ и Израиль уцѣломудривается); а для другихъ грѣхи исчерпываются *седмикратнымъ воздаяніемъ въ нѣдро ихъ* (Ис. 78, 12)? И что значить мѣра амореевъ еще не исполнившаяся (Быт. 15, 16)? Какъ грѣшникъ или оставляется безъ наказанія, можетъ быть, потому, что блюдетъ для будущаго, или наказывается опять для того, чтобы ему уврачеваться здѣсь? И какъ праведникъ или злостраждетъ, а чрезъ сіе, можетъ быть испытывается, или благоденствуетъ и тѣмъ охраняется, если онъ бѣденъ умомъ, и не очень возвысился надъ видимымъ, чему cadaго изъ насъ учить совѣсть, это домашнее и неложное судилище! Что значить постигшій насъ ударъ, и отчего онъ? Испытаніе ли это добродѣтели, или истязаніе за грѣхи? Но хотя бы и не было это наказаніемъ, — лучше принять за наказаніе и смириться подъ крѣпкую руку Божию, нежели превозноситься симъ, какъ испытаніемъ. Научи же сему и вразуми насъ, чтобы и не слишкомъ болѣзненъ былъ для насъ настоящій ударъ и чтобы намъ не презрѣть его, впадъ во глубину золь (ибо и такимъ недугомъ страждутъ многіе), но чтобы благоразумно принять вразумленіе, и безчувственностію къ нему не навлечь на себя чего-либо большаго.

Ужасно видѣть безплодіе земли и погибель плодовъ, и притомъ въ какое время? когда уже плоды радовали надеждою и близки были къ собранію. Ужасно видѣть безвременную жатву; видѣть какъ земледѣльцы скорбятъ о трудахъ, и будто надъ мертвецами, сидятъ надъ стеблями, которые тихій дождь возрастилъ, а сильный пожалъ, съ которыхъ *не исполни руки своя жнйи, и нѣдра своего руюкоти собирайи*, надъ которыми не слышно было благословенія,

какимъ привѣтствуютъ земледѣльцевъ *мимоходящихъ* (Пс. 128, 7. 8). Жалкое зрѣлище — земля поруганная, остриженная, лишенная украшенія своего! Сіе оплакиваетъ и блаженный Іоиль, трогательнѣе другихъ изобразившій опустошеніе земли и мучительность голода; оплакиваетъ и другой Пророкъ, противопологающій прежней красотѣ земли послѣдовавшее ея безобразіе. Разсуждая о гнѣвѣ Господа, опустошающаго землю, Пророкъ говоритъ: *предъ нимъ рай сладости, и создаи поле пагубы* (Іоил. 2, 3). Тягостно чрезъ-мѣру тягостно сіе, доколѣ печалить одно настоящее, и не беспокоить ощущеніе другого тягчайшаго удара, какъ и въ болѣзняхъ настоящее страданіе всегда болѣзненнѣе не наступившаго. Но и сего тягостиѣе то, что заключаютъ въ себѣ сокровищницы Божія гнѣва. Да не испытаете вы сего! И конечно, не испытаете, если прибѣгнете въ милосердію Божию, слезами преклоните къ себѣ Того, Кто *милости хочетъ*, и остатокъ гнѣва отвратите отъ себя обращеніемъ. Это—еще кротость и человѣколюбіе, снисходительное вразумленіе, первые удары пѣстуна, образующаго младенчество, это еще *дымъ гнѣва*, то есть начатокъ истязанія, а не *огни воспламенившійся*, то есть не самый верхъ гнѣва, не *углие возгорѣвшееся*, то есть не послѣдніе удары бича (Пс. 17, 9). Богъ отчасти угрозилъ намъ, отчасти простеръ на насъ бичъ, отъ инаго удержался силою, иному подвергъ насъ, равно вразумляя и наказаніемъ и угрозою, и пролагая путь гнѣву Своему, Онъ, по преизбытку благодати, начинаетъ съ меньшаго, чтобы не имѣть нужды въ большемъ. Но Онъ наказываетъ и большимъ, если бываетъ къ тому вынужденъ.

Знаю сіе *оружіе очищенное*, (Пс. 7, 13), сей *упивающійся мечъ на небеси* (Пс. 34, 5), которому повелѣно сѣчь, *изничтожать*, обезчадить (Іезек. 21, 10), не миловать ни плотей, ни мозговъ, ни костей. Знаю, что Безстрастный, *аки медвѣдица лишаема*, и *яко рысь*, встрѣчающая *на пути ассиріевъ* (Осіи 13, 7. 8), не древнихъ только, но и всякаго, кто нынѣ ассиріянинъ беззаконіемъ: и что нельзя убѣжать отъ крѣпости и скорости гнѣва Его, когда Онъ бодрствуетъ надъ нашими нечестіями, и когда враговъ Его преслѣдуетъ ревность, готовая *поясти сопротивныя* (Евр. 10, 27). Знаю сіе *истрясеніе, и вострясеніе, и воскипѣніе, и сердца сокрушеніе, и расслабленіе колѣнь* (Наум. 2, 10), и другія подобныя наказанія, постигающія нечестивыхъ. Не говорю уже о тамошнихъ судилищахъ, которымъ предаются пощаженные здѣсь; почему лучше здѣсь подвергнуться вразумленію и очищенію, нежели претерпѣть истязаніе тамъ, когда настанетъ время наказанія, а не очищенія.

Ибо какъ выше смерти *поминай* здѣсь *Бога* (о чемъ прекрасно любомудрствуетъ Давидъ): такъ для отшедшихъ отсюда нѣтъ *исповданія* и исправленія *во адъ* (Пс. 6, 6); потому что Богъ ограничилъ время дѣятельной жизни здѣшнимъ пребываніемъ, а тамошней жизни предоставилъ изслѣдованіе сдѣланнаго.

Что мы сотворимъ въ *день наведенія*, которымъ устрашаетъ одинъ изъ Пророковъ (Ис. 10, 3. Сир. 2, 2), или въ день состязанія Божія съ нами (на горахъ ли и холмахъ оно будетъ, какъ мы слышали (Мих. 6, 2), или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, и какимъ ни есть образомъ), когда Богъ будетъ обличать насъ, Самъ противостанетъ намъ, поставитъ предъ лицемъ нашихъ грѣхи наши, — сихъ тяжкихъ обвинителей, — когда полученныя нами благодѣянія противоположитъ нашимъ беззаконіямъ, будетъ одно помышленіе поражать другимъ помышленіемъ, и одно дѣло осуждать другимъ дѣломъ, когда взыщеть съ насъ за то, что достоинство образа Его поругали и омрачили мы грѣхомъ, и, наконецъ, предастъ насъ казни, послѣ того какъ обличимъ и осудимъ сами себя, и нельзя уже будетъ сказать намъ, что страждемъ несправедливо? Для страждущихъ здѣсь это служить иногда утѣшеніемъ въ осужденіи: но тамъ кто будетъ заступникомъ? Какой вымышленный предлогъ, какое ложное извиненіе, какая хитро придуманная вѣроятность, какая клевета на истину обманетъ судилище, и превратитъ судъ правый, гдѣ у всякаго кладется на вѣсы все, — и дѣло, и слово, и мысль, гдѣ взвѣшивается худое съ добрымъ, чтобы тому, что перевѣситъ, и имѣть верхъ, и съ тѣмъ, чего больше, соображаться приговору, послѣ котораго нельзя ни перенести дѣла въ другое судилище, ни найти высшаго судіи, ни оправдаться новыми дѣлами, ни взять елея для угасшихъ свѣтильниковъ у мудрыхъ дѣвъ или у продающихъ, послѣ котораго не помогаетъ раскаяніе богатаго, страждущаго во пламени и заботящагося объ исправленіи родныхъ, и не дается срока къ перемѣнѣ жизни? Напротивъ того, судъ сей будетъ единственный, окончательный и страшный, а еще болѣе праведный, нежели страшный, или, лучше сказать, потому и страшный, что онъ праведенъ. Тогда поставятся престолы, Вѣтхій денми сядеть, раскроются книги, потечетъ рѣка огненная, предстануть предъ взоры свѣтъ и тма уготованная: *и изыдутъ сотвориши благая въ воскресеніе живота*, который нынѣ сокровенъ во Христвѣ, *на послѣдокъ же, съ Нимъ явится, а сотвориши злая въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 29), которымъ осудило уже неувѣровавшихъ судящее имъ слово (12, 48). И первые наслѣдуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе Святыя и царственныя

Троицы, Которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище, и всецѣлю соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно царствіе небесное); а удѣломъ вторыхъ, кромѣ прочаго, будетъ мученіе, или, вѣрнѣе сказать, прежде всего прочаго, — отверженіе отъ Бога и стыдъ въ совѣсти, которому не будетъ конца.

Все это будетъ послѣ. Что же теперь сотворимъ, братія, сокрушенныя, уничиженныя и упоенныя не сикерою и не виномъ, которое расслабляетъ и омрачаетъ не надолго, но бѣдствіемъ, которое навелъ на насъ Господь сказавшій: *и ты сердце поколеблѣся и сотряснѣся* (Аввак. 2, 16), и напоевающій духомъ скорби и сокрушенія, презрителей, которымъ говоритъ: *видите презорливѣи, и смотрите, и чудитесь и исчезните* (1, 5)? Какъ стерпимъ Его обличеніе? — Или какой дадимъ отвѣтъ, когда сверхъ множества благодѣяній, за которыя мы не возблагодарили, съ укоризною укажетъ намъ и на сіи наказанія, исчислить врачевства, отъ которыхъ мы не исцѣлѣли, назоветъ насъ хотя чадами, но порочными, хотя сынами, но чуждыми и храмлющими по причинѣ непроходимости и стропотности путей своихъ, и скажетъ: „Какъ и чѣмъ надлежало вразумить васъ, и Я не вразумлялъ? Нужны ли были врачевства легчайшія? Они употреблены Мною. Миновалъ Я первую казнь египетскую — кровь, которую египтяне пили изъ источниковъ и рѣкъ всякаго собранія водъ; миновалъ также и слѣдующія казни — жабъ и скниповъ и песіихъ мухъ, началъ же съ пятой казни — съ пораженія скотовъ, и воловъ, и овецъ, нанесъ ударъ безсловеснымъ, потому что шадилъ еще словесныхъ. Но на васъ не подѣйствовало сіе бѣдствіе; напротивъ того, вы были предо Мною неразумнѣе и бессмысленнѣе пораженныхъ. *Удержалъ дождь отъ васъ. Часть едина надождѣся, и часть, на нюже не надождѣхъ, исше* (Амос. 4, 7): но вы сказали: *укрѣпимся* (Іерем. 18, 12). Я навелъ на васъ градъ, вразумляя противоположною казнію; пожалъ у васъ виноградники, роци и плоды, но и тѣмъ не сокрушилъ вашей злобы. *Вѣтъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна въя твоя* (Ис. 48, 4); — такъ, можетъ быть, скажетъ Онъ и мнѣ, котораго не исправляютъ сіи удары. — *Преступная преступаетъ, беззаконная беззаконствуетъ* (Ис. 21, 3); ничего не произвели и вразумленіе свыше и небесныя кары. *Оскудѣ мѣхъ отъ огня, истлѣ олово,* — въ чемъ и прежде упрекалъ васъ чрезъ Іеремію, — *всѣ ковачъ сребро куетъ, лукавства бо ваши не истаяша* (Іер. 6, 29). Ужели стерпите гнѣвъ Мой? говоритъ Господь. Или рука Моя не сильна нанести новые удары? У Меня есть еще и гнойныя струны, *горящии отъ пепела пещнаго* (Исх. 9, 9), который разсыпалъ къ небеси

Моисей, или другій подобный ему служитель гнѣва Божія, и наказуетъ Египеть болѣзнию. У Меня есть и саранча, и гма осязаемая, и казнь послѣдняя въ порядкѣ, но первая по тяжести и силѣ,—пораженіе и гибель первородныхъ“.

Во избѣжаніе оной и въ отвращеніи всегубителя, лучше помазать намъ праги ума, то есть созерцаніе и дѣятельность, сею великою и спасительною печатію — кровію Новаго Завѣта, вмѣстѣ со Христомъ распявшись и съ Нимъ умерши, чтобы съ Нимъ и сооставить и прославиться нынѣ и въ послѣднее Его явленіе, а не изнемогать, не сокрушаться и не плакать, когда безвременно и еще въ этомъ темномъ житіи поразить насъ лукавый губитель первородныхъ и посвященныхъ Богу порожденій и движеній жизни нашихъ. О если бы мнѣ отъ Благаго, Который, идетъ ко мнѣ, *въ ярости страною* (Лев. 26, 24), потому что и я ходилъ предъ Нимъ, *страною*, кромѣ другихъ ударовъ, не получить и сего упрека: *побихъ вы златеницею раждеженіемъ, желтяницею*, и все сіе ни во что; *отвнѣ обезчуди вы мечъ, и ниже тако обратистесь ко Мнѣ, глаголетъ Господь* (Пл. Іер. 1, 20. Амос. 4, 9. 10)! О, если бы мнѣ не стать тѣмъ виноградникомъ Возлюбленнаго (Ис. 5, 1), который былъ насажденъ и окопанъ, обнесенъ оградою, защищенъ башнею и всѣмъ, чѣмъ только можно, но запустѣлъ, и *сотвори терніе*, а за сіе оставленъ, такъ что и башня разрушена въ немъ, и огражденіе отнято, и онъ не обрѣзывается и не вскапывается, а предается всѣмъ на разграбленіе, всякое поруганіе и попраніе! Сего я боюсь, о семъ у меня слово, о семъ я болѣзную при настоящемъ пораженіи, и такую возношу молитву (которую и присовокупляю къ сказанному): *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ* (Дан. 5, 9); потому что забыли заповѣди Твои, и ходили вслѣдъ лукаваго сердца своего; потому что жили недостойно званія и благовѣтствованія Христа Твоего, и святыхъ Его за насъ страданій и истощанія; потому что сдѣлались поношеніемъ для Возлюбленнаго Твоего. И священникъ и народъ погрѣшили въ одномъ: *вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша. Нѣсть творяй судъ и правду,— нѣсть до единаго* (Пс. 52, 4). Щедроты Твои и челоуѣколюбіе Твое и милостивую утробу Бога нашего заключили мы для себя своими пороками, лукавствомъ начинаній своихъ. Ты благъ, а мы поступали беззаконно; Ты долготерпѣливъ, а мы достойны наказанія. Признаемъ благодать Твою, при всемъ своемъ неразуміи. Еще за немногіе грѣхи свои понесли мы наказаніе. *Ты страшенъ еси, и кто противостанетъ Тебѣ* (Пс. 75, 8)? Отъ Тебя вострепещутъ горы, а величію мыщцы Твоей кто воспротивится? Если заключишь

небо,—кто отверзеть? и если растворишь водохранилища Твои,—кто удержитъ? Удобно есть передъ очами Твоими *убожить* и *богатить*, *жить* и *мертвить* (1 Цар. 2, 6, 7), поражать и исцѣлять. Твое изволеніе есть уже совершенное дѣйствіе. Ты *разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ* (Ис. 64, 5), — исповѣдуются нѣкто изъ древнихъ; а мнѣ теперь должно сказать наоборотъ: мы согрѣшили, и Ты разгнѣвался. Отъ сего *быхомъ поношеніе съсѣдомъ нашимъ* (Пс. 78, 4). Ты отвратилъ отъ насъ лице Свое, и мы исполнились безчестія. Но *престани Господи* (Амос. 7, 5), *ослаби, Господи* (Пс. 38, 14), *очисти Господи* (Дан. 9, 19), не предай насъ до конца за беззаконія наши, и не насъ поражая, вразумляй другихъ, когда сами можемъ уцѣломудриться, видя наказанными другихъ! Кого же увидимъ наказанными? Язычниковъ, незнающихъ Тебя,— и царства, не покорившіяся державѣ Твоей. А мы — народъ Твой, Господи, и жезлъ наслѣдія Твоего; посему *накажи насъ, обаче въ благости, а не въ ярости Твоей, да не умаленыхъ насъ сотвориши* (Іерем. 19, 24), и да не уничижишь предъ всѣми живущими на земли.

Такими словами привлекаю милость. А если бы всеожженіями и жертвами можно было утолить гнѣвъ, то не пожалѣлъ бы и сего. Но вы и сами подражайте уstraшенному священнику. Ей, чада возлюбленные, ей, участвующіе со мною и въ наказаніи и въ человѣколюбіи Божіемъ! Спасите души свои слезами, остановите гнѣвъ, исправивъ начинанія свои, *освятите постъ, проповѣдите цѣльбу*, какъ повелѣваетъ вамъ съ нами блаженный Іоиль, *собрите старѣйшины, младенцы сосущія сосцы* — сей жалкій возрастъ, особенно достойный Божія человѣколюбія (Іоил. 2, 15, 16). Знаю, что то же заповѣдано и мнѣ, служителю Господню, и вамъ удостоеннымъ сей же чести: *внити во вретнищахъ, битися день и ночь между степенями и жертвенника* (Іоил. 1, 13, 2, 17), и въ жалкомъ видѣ еще болѣе жалостнымъ голосомъ неотступно вопіять о себѣ и о народѣ, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чѣмъ только умилостивляется Богъ, звать: *пощади, Господи, люди Твоя, и не даждь достоянія Твоего на укоризну* (Іоил. 2, 17), и такъ далѣе; тѣмъ большей предаться скорби, чѣмъ выше наше достоинство, чтобы своимъ примѣромъ научить народъ сокрушенію и исправленію порочной жизни, за которыми слѣдуетъ Божіе долготерпѣніе и прекращеніе наказанія. Итакъ *приидите всѣ, братія, поклонимся и припадемъ и восплачемъ предъ Господемъ, сотворшимъ насъ* (Пс. 94, 6); составимъ общій плачь, раздѣлившись по возрастамъ и поламъ. Возвысимъ гласъ моленія во уши Господа

Саваоа, вмѣсто ненавистнаго Ему воля (Быт. 19, 13). Предваримъ гнѣвъ его исповѣданіемъ; и какъ видѣли Его разгнѣваннаго, такъ пожелаемъ видѣть умиловленнымъ.

Но скажешь: кто знаетъ, что Онъ *обратится* и *раскается* (1 Цар. 15, 29) и оставитъ благословеніе? Достоверно знаю сіе я— споручникъ Божія человеколюбія, — знаю, что, оставивъ гнѣвъ, который Ему противоестественъ, дастъ Онъ мѣсто милости, которая Ему естественна. Къ гнѣву принуждаемъ Его мы, а къ милости самъ Онъ стремится. И если бѣтъ принужденно, то ужели не помилуетъ, слѣдуя Своему естеству? Помилуемъ только сами себя, открывъ путь праведному благоупотребленію Отца. Посѣемъ слезами, да радостію пожнемъ (Пс. 125, 5.). Будемъ ниневитянами, а не содомлянами. Уврачуемъ грѣхъ, чтобы со грѣхомъ не погибнуть, послушаемъ Иониной проповѣди, чтобы не потопилъ насъ огонь и жупель. И если вышли мы изъ Содома, то пойдѣмъ на гору, убѣжимъ въ Сигоръ, взойдемъ туда съ восходящимъ солнцемъ; не будемъ останавливаться *во всемъ предѣлѣ*, не будемъ *озираться* (Быт. 19, 17.), чтобы не отвердѣтъ въ сланный столпъ, — столпъ подлинно безсмертный, обличающій душу, обращающуюся къ злу.

Знаемъ, что вовсе не грѣшить — дѣйствительно выше чело-вѣка, и принадлежить одному Богу (не стану говорить объ Ангелахъ, чтобы не дать повода страстямъ и не отверсть двери злонамѣреннымъ противорѣчіемъ); но какъ неисцѣльность свойственна злой и враждебной природѣ, а равно тѣмъ, которые дѣйствуютъ подъ ея вліяніемъ: такъ, согрѣшивъ, обратиться — свойственно людямъ, впрочемъ благопокорнымъ и принадлежащимъ къ части спасаемыхъ. Хотя персть сія и влечетъ съ собою нѣкоторое зло, и *земное жилище обременяетъ умъ* (Прем. 9, 15), стремящійся горѣ, или сотворенный стремиться горѣ; однако жъ, образъ (Божій) да очищаетъ тину, и да возводитъ на высоту сопряженную съ нимъ плоть, подъямля ея на крылахъ ума. Хотя лучше бы намъ не имѣть и нужды въ такомъ очищеніи и не очищаться, сохраняя первобытное свое достоинство (къ которому и поспѣшаемъ изъ узилища здѣшней жизни), лучше бы не лишать себя древа жизни горькимъ вкушеніемъ грѣха: однако же и обратиться, согрѣшивъ, лучше нежели падшему оставаться безъ наказанія. *Ибо егоже любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6.), и подвергать наказанію есть отеческое дѣло; напротивъ того, всякая душа, оставляемая безъ вразумленія, дѣлается неисцѣльною. Посему не то тяжко, чтобы терпѣть удары, но гораздо тяжелѣе не уцѣломудриться подъ ударомъ. Одинъ изъ пророковъ, разсуждая объ ожесточенномъ и не-

обрѣзанномъ въ сердцѣ Израилѣ, говоритъ: *Господи! билъ еси ихъ, и не поболѣша, наказывалъ и не восхотѣша пріяти наказанія* (Іер. 5, 3.); и еще: *людіе не обратишася дондеже язвени быша* (Ис. 9, 13); и еще: *всюю отвратишася людіе Мои отвращеніемъ лукавымъ* (8, 5), которое, наконецъ, сокрушитъ ихъ и погубитъ. И такъ страшно есть братія, еже впасти въ руку Бога живаго (Евр. 10, 31)! Страшно лице Господне на творящыя злая, которое рѣшительно истребляетъ зло (Пс. 33, 17). Страшенъ слухъ Божій, который ощущаетъ гласъ Авелевъ, даже въ безмолвной крови (Быт. 4, 10). Страшны ноги, настагающіе беззаконіе. Страшно исполненіе вселенной; такъ что нигдѣ нельзя избѣжать гнѣва Божія,—ни воспаривъ на небо, ни удалившись во адъ, ни переселившись на востокъ, ни сокрывшись въ глубинахъ или предѣлахъ моря (Пс. 138, 7—10. Іер. 23, 24). Еще прежде меня Наумъ, сынъ Елкесеевъ, изрекая пророчество о Ниневіи, страшится Бога ревнива и Господа мстяща съ яростію сопостатомъ (Наум. 1, 2), до того простирающаго Свою строгость, что не остается и мѣста вторичному отмщенію нечестивымъ (Наум. 1, 9). А когда слышу, какъ Исаія угрожаетъ и говоритъ людямъ содомскимъ и князьямъ гоморрскимъ: *что еще уязвляетея прилагающе беззаконіе* (Ис. 1, 5); тогда весь исполняюсь ужаса, заливаюсь слезами. Онъ говоритъ: невозможно уже найти новыхъ наказаній за умножающіеся вновь грѣхи; такъ преступили вы всякую мѣру, истожили всѣ роды наказаній, непрестанно своими пороками призывая на себя новую и новую казнь. Нѣтъ уже ни струпа, ни язвы, ни раны палящейся, все тѣло стало язвою, и язвою неисцѣльною; ибо *нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія* (ст. 6). Умалчиваю о продолженіи угрозы, чтобы не быть для васъ тягостнѣе настоящаго наказанія. По крайней мѣрѣ, узнаемъ причину бѣдствія. Отчего посохли воздѣланныя поля, истожились житницы, оскудѣли пастбища, умалились земные плоды, равнины наполнились не тукомъ, но сѣтованіемъ, долины не хлѣбомъ наполнены, но огласились воплемъ, не сладость искапали горы, какъ въ послѣдствіи праведнымъ (Іоил. 3, 18), но обезображены, обезчещены, и несутъ на себѣ (въ противномъ только смыслѣ) ¹⁾ проклятіе горъ гелвуйскихъ? Вся земля стала, какъ вначалѣ, пока не облечена

¹⁾ Проклятіе горъ гелвуйскихъ (2 Цар. 1, 21) состояло въ томъ, чтобы не сходили на нихъ ни роса, ни дождь. Но здѣсь св. Богословъ говоритъ, что горы несутъ проклятіе въ противномъ смыслѣ, то-есть проклинаются за то самое, что не сходятъ на нихъ ни дождь ни роса.

была своими украшеніями. *Посѣтилъ еси землю, и упоилъ еси ю* (Пс. 64, 10), но посѣщеніемъ бѣдственнымъ и упоеніемъ пагубнымъ. Печальное зрѣлище! все плодородіе у насъ въ соломѣ, посѣвъ замѣтенъ по малымъ остаткамъ, и жатва наша, узнаваемая болѣе по времени мѣсяцевъ, нежели по числу сноповъ, едва плодотворитъ начатки Господу. Таково богатство нечестивыхъ; такова жатва сѣющихъ худо, во исполненіе древняго проклятiя: *призирать на многа и вносить мала* (Агг. 1 9), *посѣять и не пожать* (Мих. 6, 15), насадить и не выжать соки, *идъже возорють десять супругъ воловъ, сотворити корчагъ единъ* (Иса. 6, 10), слышать о плодородіи у другихъ, а самимъ быть подъ гнѣтомъ бѣдности! Отчего же все это, и какая причина бѣдствiя? Не станемъ ожидать обличенiя отъ другихъ, но испытаемъ сами себя. Великое врачество противъ зла—исповѣданіе грѣха и удаленіе отъ него. Какъ прежде возвѣстилъ я первый народу моему, и исполнилъ должность стража (ибо, чтобы прiобрѣсть свою душу и души слушающихъ, не скрывалъ о грядущемъ мечѣ); такъ возвѣщу и теперь о непокорности народа моего, признавая грѣхи его своими, и чрезъ сіе, можетъ быть, получу нѣкоторую милость и отраду. Одинъ изъ насъ притѣснилъ бѣднаго, отнял часть земли, съ злымъ умысломъ, или непримѣтно, или насильственно, переступилъ за межу, притяжалъ домъ къ дому и поле къ полю, только бы отнять что-нибудь у ближняго, употребилъ всѣ усилiя никого не имѣть сосѣдомъ, какъ будто намѣревался одинъ жить на земли. Другiй осквернилъ землю лихоимствомъ и корыстолюбіемъ, собирая, гдѣ не сѣялъ, и пожиная, гдѣ не расточалъ, воздѣлывая не землю, но нужды бѣдныхъ. Иной отъ гумна и точила не воздалъ начатковъ Богу, все даровавшему, и оказался вмѣстѣ неблагодарнымъ и безразсуднымъ; потому что и за полученное не возблагодарилъ, и не постарался исходатайствовать себѣ благопрizнательностію, если не другое что-нибудь, по крайней мѣрѣ будущее изобиліе. Другой не оказалъ милости вдовѣ и сиротѣ, не далъ хлѣба и малаго пропитанiя просящему, или, лучше сказать, самому Христу, питаемому въ лицѣ скудно питаемыхъ, тогда какъ самъ имѣетъ, можетъ быть, много и сверхъ всякаго ожиданiя, тогда какъ (что уже верхъ несправедливости!) и многія житницы дѣлаются для него тѣсными, тогда какъ одѣ онъ наполняетъ, а другiя разоряетъ, чтобы построить обширнѣйшія для будущихъ плодовъ, не зная, что до исполненiя надежъ своихъ похищенъ будетъ смертію, и какъ худой домостроитель чужихъ благъ, дастъ отчетъ въ томъ, чѣмъ здѣсь изобиловалъ и величался. Иной *путь смиренныхъ* совращалъ (Ам. 2, 7), и *совратилъ въ не-*

правдахъ праведнаго (Иса. 29, 21). Иный возненавидѣль *у вратъ наказующаго и словомъ праведнаго возгнушался* (Амос. 5, 16). Иный приносилъ жертвы мрежи своей (Аввак. 1, 16), собирающей много, и имѣя *разграбленіе убогаго въ домѣхъ* (Иса. 3, 14), не вспомнилъ о Богѣ, или вспомнилъ худо, говоря: *благословенъ Господы! обогатихомся* (Зах. 11, 5), и замыслилъ беззаконіе какъ бы отъ Него имѣя то, за что будетъ наказанъ. *Сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя* (Ефес. 5, 6). За сіе заключается небо, или отверзается, но къ нашему же бѣдствію, и еще къ большему, когда и поражаемые не обращаемся, и близъ-сущему естественномъ не приближаемся (Пер. 23, 23).

Что скажемъ на сіе мы, которые покупаемъ и продаемъ хлѣбъ, и выжидаемъ тяжелыхъ временъ, чтобы обогатиться, насладиться чужими бѣдствіями и беззаконно присвоить себѣ не собственность египтянъ (какъ сдѣлалъ Іосифъ для высшаго домостроительства, ибо онъ умѣлъ хорошо собирать и раздавать хлѣбъ), но собственность единоплеменниковъ? Что скажемъ мы глаголющїи: *когда прейдетъ мѣсяць, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища* (Амос. 8, 5), мы, двоякими мѣрами и вѣсами нарушающіе справедливость (Втор. 25, 14. Амос. 8, 5), мы, наклоняющіе къ себѣ свинцовую мѣру беззаконія (Зах. 5, 8)? Что скажемъ на сіе мы, которые не знаемъ предѣла въ стяжанїи, поклоняемся золоту и серебру, какъ древніе Ваалу, Астартѣ и мерзкому Хамосу, ставимъ въ великое драгоцѣнные и блестящїе каменья, мягкія и пышныя одежды—эту пищу моли и добычу разбойниковъ, мучителей и татей, гордимся множествомъ рабовъ и скотовъ, расширяемся по равнинамъ и горамъ, однимъ уже владѣемъ, другое прїобщаемъ, а иное намѣреваемся прїобщить къ своему владѣнію, уподобляясь упоминаемой Соломономъ пїавицѣ (Притч. 30, 15), которая ничѣмъ не можетъ насытиться, какъ адъ и земля, огонь и вода,—желаемъ другой вселенной для удовлетворенія своей любостыжательности, и не довольствуемся предѣлами, какія положены Богомъ, потому что они тѣсны для нашихъ пожеланій и алчности? Что скажутъ возведенные на высокія степени чести, высоко взгромоздившіе свой начальническій стулъ, а брови подъемлющїе еще выше мѣста своего лицедѣйствія, между тѣмъ не помышляющїе о Богѣ, Который выше всего, и о недоступной высотѣ истиннаго царства, не разсуждающїе, что и сами они, имѣя нужду въ таковой же милости, должны начальствовать надъ подчиненными, какъ надъ сослужителями? Посмотри на сихъ, которые, какъ превосходно осмѣиваетъ ихъ божественный Амосъ, — *ласкосердствуетъ на*

обръхъ отъ костей слоновыхъ, и первыми воями мажутся, плещутъ ко гласу нищальей, прилѣплены къ скоропреходящему, какъ къ постоянному, а не соболѣзнуютъ и не состраждутъ въ сокрушеніи Іосифовѣ (Амос. 6, 4. 5. 6). Надлежало оказать милость тѣмъ, которые прежде впали въ несчастіе, надлежало милостію приобрести себѣ милость, надлежало плачевопольствовать нѣмъ, зане паде кедръ (Зах. 11, 2), надлежало вразумляться поражениемъ ближнихъ, чужими бѣдствіями врачевать свое зло, и воспользоваться тѣмъ преимуществомъ предъ предшественниками, чтобы самимъ чрезъ другихъ получить спасеніе, а не другихъ уцѣломудривать своимъ примѣромъ.

О семъ полюбомудрствуй съ нами, божественная и священная глава, приобретающая долговременностію многую опытность, отъ которой происходитъ мудрость,—въ этомъ наставъ народъ твой, научи раздѣлять алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ собирать въ домъ, прикрывать наготу и не презирать единокровныхъ, особенно теперь, чтобы наше благодвореніе было отъ скудости, а не отъ избытка, каковое плодоношеніе пріятнѣе Богу, нежели множество приносимаго и великость подаенія. А сверхъ сего и паче всего будь нынѣ Моисеемъ и Финеесомъ. Стань за насъ и умили стиви, *да престанетъ стѣхъ* (Пс. 105, 30), или духовною жертвою, или молитвою и умнымъ ходатайствомъ удержи гнѣвъ Господень; своимъ посредничествомъ останови послѣдующіе удары. Господь не презираетъ сѣдинъ отца, молящагося о чадахъ. Помолись о прошедшихъ согрѣшеніяхъ; поручись за будущее. Представъ Богу народъ очищенный ударами и страхомъ; испроси ему тѣлесную пищу, а паче испроси ангельскую, сходящую съ неба. Если сдѣлаешь сіе, то примирись съ нами Бога, смягчишь небо, низведешь дождь ранній и поздній. *Господь дастъ благость, и земля, наша плодъ свой* (Пс. 84, 13),—сія попираемая нами—временный, а персть наша—вѣчный, который и вложимъ въ божественныя точила чрезъ тебя, приносящаго насъ и дары наши, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Слово 16 на память святыхъ мучениковъ Маккавеевъ.

Что скажемъ о Маккавеехъ?—Настоящее собраніе—для нихъ. И хотя немногіе ихъ чествуютъ, потому что подвизались не послѣ Христа; однако же они достойны, чтобы всѣ ихъ чествовали, потому что терпѣли за отеческіе законы. Содѣлавшись мучениками прежде Христовыхъ страданій, чего не совершили бы они, под-

вергшись гоненію послѣ Христа и ставъ подражателями Его за насъ смерти? И безъ такого образца показавъ столько доблести, не оказались ли бы они еще болѣе мужественными, если бы страдали, взирая на примѣръ Христовъ? Н есть также таинственное и сокровенное ученіе (весьма вѣроятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому, изъ достигавшихъ совершенства прежде пришествія Христова, никто не достигалъ сего безъ вѣры во Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже впоследствии, въ опредѣленное время, однако же умамъ чистымъ было вѣдомо и прежде, какъ показываютъ многіе прославленные до Христа. Почему и Маккавеевъ нельзя унижать за то, что страдали прежде Креста. Но поелику пострадали по закону крестному; то и достойны похвалъ, и должны быть почтены словомъ,—почтены не для того, чтобы получила приращеніе собственная ихъ слава (слово прибавить ли славы тѣмъ, чьи дѣла славны?), но чтобы прославились восхваляющіе, и поревновали доблестямъ ихъ слышавшіе, въ воспоминаніи о нихъ находя для себя побужденіе къ равнымъ подвигамъ.

Кто и откуда были Маккавеи, чьимъ руководствомъ и наставленіемъ пользуясь вначалѣ, достигли такой доблести и славы, что почтены сими ежегодными торжествами и собраніями, и что для нихъ въ душѣ каждаго соблюдается слава, которая выше видимаго прославленія,—все сіе для людей любопытныхъ и трудолюбивыхъ покажетъ сочиненная о Маккавеехъ книга¹⁾, которая, любомудрствуя о томъ, что разумъ есть самовластитель надъ страстями и господинъ наклонностей къ тому и другому, то есть къ добродѣтели и пороку, въ доказательство на сіе, между немалочисленными другими свидѣтельствами, приводитъ и подвиги Маккавеевъ. А для меня достаточно будетъ сказать слѣдующее.

Здѣсь Елеазаръ—начатокъ пострадавшихъ до Христа (какъ Стефанъ—первенецъ страдавшихъ послѣ Христа), іерей и старецъ, сѣдый власами, сѣдый и мудростію, приносившій прежде жертвы и молитвы за народъ, а теперь приносящій самого себя Богу въ жертву совершеннѣйшую, въ очищеніе всего народа.—Благознаменательное предначинаніе подвига! вмѣстѣ и велегласное и безмолвное назиданіе! Но онъ приводитъ и семерыхъ юношей—плодь собственныхъ его наставленій, *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1), жертву, которая славнѣе и чище

¹⁾ Сочиненіе Юсіфа Флавія подъ заглавіемъ: *Εἰς Μακκαβαίων ἡ περι ἀποκράτορος λογισμῶν.* (Въ честь Маккавеевъ, или о самовластителѣ разумѣ).

всякаго подзаконнаго священнодѣйствія. Ибо доблести сыновъ вмѣнять отцу—всего законнѣе и справедливѣе.

Тамъ сыны, мужественные и великіе духомъ, благородныя отрасли благородной матери, ревностные подвижники за истину, достойные времени не Антиоховыхъ, истинные ученики Моисеева закона, точные блюстители отечественныхъ нравовъ, составляющіе одно изъ чиселъ, уважаемыхъ евреями, — число отличное таинствомъ седмидневнаго покоя, однимъ дышать, одно имѣютъ въ виду, одинъ знаютъ путь жизни—умереть за Бога! Они столько же братья по душѣ, какъ и по плоти, ревнуютъ другъ другу въ желаніи смерти (дивное зрѣлище!); какъ сокровища, предвосхищаютъ одинъ у другаго мученія, твердо стоятъ за *пѣстуна*, то есть за законъ, не столько боятся уготованныхъ имъ мукъ, сколько желаютъ тѣхъ, которыхъ еще не видятъ; одного только страпается, чтобы мучитель не прекратилъ истязаній, чтобы которому либо изъ нихъ не осталось неувѣнчаннымъ, не разлучиться по неволѣ съ братьями, и не стать худымъ побѣдителемъ, избѣжавъ, къ несчастью, страданій.

Тамъ мать бодрая и мужественная, вмѣстѣ чадолюбивая и боголюбивая, терпитъ въ матернемъ сердцѣ терзанія, невѣроятныя по природѣ. Она не о страждущихъ сынахъ жалѣетъ, но мучится опасеніемъ, что сыновья не будутъ страдать; не столько скорбитъ объ отшедшихъ, сколько желаетъ, чтобы присоединились къ нимъ оставшіеся; у нея болѣе заботы о послѣднихъ, нежели о преставившихся; потому что однимъ предстоитъ еще сомнительная борьба, а другихъ кончина сдѣлала безопасными; однихъ она вручила уже Богу, о другихъ еще беспокоится, какъ прійметъ ихъ Богъ.—Какая мужественная душа въ женскомъ тѣлѣ! Какое чудное и великодушное усердіе! Подлинно—Аврамова жертва, и, если не дерзко будетъ сказать, даже болѣе Авраамовой! Авраамъ охотно приноситъ единаго сына, правда,—единороднаго, рожденнаго по обѣтованію,—сына, для котораго дано было обѣтованіе, и (что важнѣе) который назначенъ быть начаткомъ и корнемъ не только рода, но и подобныхъ жертвъ: она же освятила Богу цѣлый народъ сыновъ; она и матерей и жрецовъ превзошла числомъ жертвъ готовыхъ на закланіе всесожженій умныхъ священноприношеній, посѣщающихъ къ алтарю. Она указывала на грудь, напоминала о питаніи, свидѣтельствовалась сѣдиною, употребляла старость въ ходатайство за свои прошенія, не для того, чтобы спасти дѣтей отъ смерти, но чтобы побудить ихъ къ страданіямъ; потому что почитала для нихъ опасностію не смерть, но замедленіе смерти.

Ничто ее не колебало, ничто не приводило въ разслабленіе, не лишало радости: ни приготовленные деревянные дыбы, ни поставленные колеса, ни блоки, ни подмостки, ни острота желѣзныхъ когтей, ни изощренные мечи, ни кипящіе котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни стеченіе народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящіе соплеменники, ни расторженіе членовъ, ни терзаніе плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящіе ужасы, ни ожидаемая страданія. И что для другихъ бываетъ всего тяжелѣе въ подобныхъ случаяхъ, то-есть продолжительность бѣдствія, то для нея было всего легче. Она услаждалась зрѣлищемъ, какъ ни длились страданія, не только отъ разнообразія употребляемыхъ истязаній (которыя всѣ дѣйствовали на нее менѣе, нежели на другаго подѣйствовало бы одно какое-нибудь истязаніе), но и оттого, что гонитель испыталъ всѣ роды рѣчи, — то ругалъ, то грозилъ, то ласкалъ. Ибо къ какимъ средствамъ ни прибѣгаль онъ, чтобы достигнуть желаемаго?

Но отвѣты юношей мучителю, по моему мнѣнію, столько показываютъ мудрости и мужества, что какъ доблести другихъ, взятая вмѣстѣ, малы въ сравненіи съ ихъ терпѣніемъ, такъ и самое терпѣніе мало въ сравненіи съ благоразумными ихъ рѣчами. И имъ только однимъ свойственно было такъ страдать, и съ такимъ любомудріемъ отвѣчать на угрозы мучителя, на все, чѣмъ ихъ устрашали, и что нимало не преодолѣло ни мужественныхъ сыновъ, ни еще болѣе мужественной матери. Она, ставъ выше всѣхъ и съ материнскою любовію соединивъ силу духа, приносить себя въ прекрасный погребальный даръ дѣтямъ; и сама послѣдуетъ за отшедшими прежде нея. И притомъ какъ? — Добровольно идетъ на страданія, не допустивъ даже, чтобы нечистое тѣло прикоснулось къ ея чистой и мужественной плоти. И какія произноситъ она надгробныя слова! — Прекрасны, даже прекраснѣйшіе изъ прекрасныхъ были отвѣты сыновъ мучителю. Ибо не прекрасны ли тѣ рѣчи, вооружась которыми, низлагали они мучителя? Но еще прекраснѣе рѣчи матери, сперва увѣщательныя, а потомъ надгробныя.

Итакъ что же произнесено было сынами? Теперь весьма благо- временно возобновить сіе въ вашей памяти, чтобы имѣть вамъ изъ сихъ временъ образецъ, какъ подвижничества, такъ и мученическихъ рѣчей. Каждый изъ братьевъ говорилъ что-нибудь свое, какъ ополчали его словомъ гонителя, очередь страданія и душевная ревность. Но есдч всѣ рѣчи ихъ привести въ одну; то говорили они такъ: „Антіохъ, ꙗ вы всѣ предстоящіе здѣсь! У насъ одинъ царь— Богъ, отъ Котораго получили мы бытіе, и къ Которому возвратимся;

одинъ законодатель — Моисей, которому (клянемся въ томъ бѣдствіями, какія претерпѣлъ онъ за добродѣтель, и многими его чудесами) мы не измѣнимъ и не нанесемъ безславія, хотя бы угрожалъ другій Антиохъ, который и тебя свирѣпѣе. Для насъ одно безопасное прибѣжище — соблюдать заповѣди и не нарушать закона, которымъ ограждаемся какъ стѣною. У насъ одна слава—для славы нашего закона презирать всякую славу; одно богатство — тѣ блага, которыхъ надѣмся. А страшнаго для насъ нѣтъ, кромѣ одного — убояться чего-либо паче Бога. Съ такими мыслями и съ такимъ оружіемъ выступаемъ мы на брань; съ такими юношами имѣешь ты дѣло. Хотя вождѣленны для насъ и міръ сей, и отечественная земля, и друзья, и сродники, и сверстники, и сей великій и славный храмъ, и отеческіе праздники, и таинства, и все, въ чемъ поставляемъ свое преимущество предъ другими народами, однако же не вожделѣннѣе Бога и страданій за доброе дѣло. Нѣтъ, и не думай сего! Ибо для насъ есть другой міръ, который выше и постояннѣе видимаго. Наше отечество — горній Иерусалимъ, котораго никакой Антиохъ не отважится держать въ осадѣ, и не понадѣется взять; такъ онъ крѣпокъ и неодолимъ! Наше родство—Божіе вдохновеніе и всѣ доблестно рожденные. Наши друзья—пророки и патриархи, служащіе для насъ образцомъ благочестія. Наши сверстники — всѣ нынѣ бѣдствующие и современные намъ въ терпѣніи. А храмомъ у насъ великолѣпное небо; и празднество наше — ликостоянія Ангеловъ. У насъ одно великое, даже величайшее, и для многихъ сокровенное таинство—Богъ, Который есть цѣль и здѣшнихъ таинствъ. Итакъ не обольщай больше насъ обѣщаніями вещей маловажныхъ и ничего нестоящихъ. Не придастъ намъ чести безчестное; не обогатитъ насъ вредное; мы не рѣшимся на такую жалкую куплю. Прекрати свои угрозы; иначе, мы сами станемъ грозить тебѣ, чтобы обличить твое безсиліе, и показать, какія у насъ готовы тебѣ казни. Ибо есть у насъ и огонь, которымъ мучимъ гонителей. Не думаешь ли, что борешься съ народами, городами и самими изнѣженными царями, изъ которыхъ одни одержать верхъ, а другіе, можетъ быть, останутся и побѣжденными, потому что для нихъ не такого рода опасность? Ты встаешь противъ Божія закона, противъ благодѣтельныхъ скрижалей, противъ нашихъ отеческихъ постановленій, получившихъ важность и по своему высокому значенію и по давности, встаешь противъ семи братьевъ, которые живутъ какъ бы одною душою, и опозорятъ тебя семью побѣдными памятниками. Не важное дѣло — побѣдить ихъ; но великій стыдъ — потерпѣть отъ нихъ пораженіе! Мы потомки и уче-

ники тѣхъ, которыхъ путево­дили столпъ огненный и облачный, для которыхъ разступилось море, стала рѣка, остано­вилось солнце, дождимъ былъ хлѣбъ, воздѣяніе рукъ обра­щало въ бѣгство тысячи враговъ, низлагая ихъ молитвою, предъ которыми укро­щались, звѣри, къ которымъ не прикасался огонь, которыхъ мужеству дивились и уступали цари. Скажемъ нѣчто и тебѣ самому извѣстное: мы ученики Елеазара, мужество котораго тобою извѣдано. Сперва совершилъ свой подви­гъ отецъ, теперь вступають въ борьбу дѣти; жрецъ уже отшелъ, вслѣдъ за нимъ пойдутъ и жертвы. Ты устрашаешь многимъ, но мы готовы еще на большее. Да и что сдѣлаешь намъ своими угрозами, горделивецъ? Какое причинишь намъ зло? Никто не превзойдетъ крѣпостію гото­ваго на всѣ страда­нія. Что жъ медлитъ народъ? Почему не приступаютъ къ дѣлу? Для чего ожидать милостиваго повелѣнія? Гдѣ мечи? Гдѣ оковы? Пусть разводять больше огня, выпускаютъ самыхъ сильныхъ звѣрей, готовятъ самыя отличныя орудія мученій, чтобы все было по­царски и стоило дорого! — Я первородный; меня принеси прежде въ жертву. — Я послѣдній изъ братьевъ; лучше измѣнить поряд­окъ. — Нѣтъ, пусть кто-нибудь изъ среднихъ сдѣлается первою жертвою, чтобы всѣ мы были почтены равно. Но ты падишь и ждешь, что пере­мѣнимъ мысли. Еще, и не разъ, повторяемъ тебѣ то-же слово: мы не вкусимъ нечистаго, не изъяснимъ своего согла­сія; скорѣе ты уважишь наши постановленія, нежели мы по­коримся твоимъ; короче сказать: или изобрѣти новыя казни, или убѣ­дись, что мы презираемъ тѣ, которыя ты намъ приготовилъ“.

Такъ говорили братья мучителю; а какъ убѣждали они другъ друга! и какое представляли изъ себя зрѣлище — подлинно пре­красное и священное! Для душъ боголюбивыхъ оно пріятнѣе всего, что только можно видѣть и слышать. Я самъ, при одномъ воспоми­наніи, исполняюсь удовольствіемъ, созерцаю предъ собою мысленно подвижниковъ, и улаждаюсь повѣствованіемъ о нихъ. Они обни­мали и лобызали другъ друга; для нихъ наступилъ праздникъ, какъ бы по совершеніи уже подвиговъ. „Пойдемъ, братія, — зы­вали они, — пойдемъ, поспѣшимъ на мученія, пока мучитель пы­лаетъ еще на насъ гнѣвомъ, чтобы намъ не утратить спасенія, если онъ смягчится. Пиръ готовъ; не лишимъ себя онаго. Прекрасно ви­дѣть братьевъ, которые живутъ *вкупѣ* (Пс. 132, 1.), вмѣстѣ весе­лятся, и служатъ другъ другу щитомъ; но еще прекраснѣе, если они вмѣстѣ бѣдствуютъ за добродѣтель. Если бы за отеческія по­становленія можно было подвизаться съ оружіемъ въ рукахъ: и въ такомъ случаѣ смерть была бы похвальна. Но поелику не сего тре-

буютъ обстоятельства; то принесемъ въ жертву самыя тѣла. Да почему же и не пожертвовать ими? Если не умремъ теперь; то развѣ никогда не умремъ? развѣ никогда не воздадимъ должнаго природѣ? Лучше обратимъ въ даръ, что надобно уступать по необходимости: перехитримъ смерть; всѣмъ общее обратимъ въ свою собственность, и цѣною смерти купимъ жизнь. Ни одинъ изъ насъ да не будетъ животолубивъ и робокъ. Пустьъ мучитель, преткнувшись о насъ, отчаеся и въ другихъ. Пустьъ самъ онъ назначаетъ порядокъ, кому за кѣмъ страдать; если кто и заключить собою рядъ гонимымъ, — сіе не сдѣлаетъ различія въ горячности нашего усердія. Первый изъ пострадавшихъ да будетъ для другихъ путемъ, а послѣдній—печатію подвига. Всѣ съ равною твердостью положимъ на сердца, чтобы цѣлымъ домомъ приобрѣсть намъ вѣнцы, чтобы гонитель не имѣлъ въ насъ ни единой доли, и не могъ, въ киченіи злобы, похвалиться побѣдою надъ всѣми, побѣдивъ одного. Докажемъ, что мы другъ другу братья, не только по рожденію, но и въ самой смерти; постраждемъ всѣ, какъ одинъ и каждый изъ насъ да постраждетъ равно всѣмъ. Прійми насъ, Елеазаръ; послѣдуй за нами, мать; погребѣ великолѣпно мертвецовъ своихъ Іерусалимъ, если только останется что для гроба; рассказывай о насъ послѣдующимъ родамъ, и читателямъ твоимъ показывай священное мѣсто погребенія единоутробныхъ“.

Такъ говорили и дѣйствовали они; такъ по старшинству лѣтъ поощряли другъ друга, подобно тому, какъ вепрь острить одинъ зубъ другими. Всѣ они сохраняли одинаковую ревность, къ удовольствію, и удивленію единоплеменниковъ, въ страхъ и ужасъ врагамъ. И враги хотя смѣло ополчились противъ цѣлаго народа, но единодушіемъ седми братьевъ, подвизающихся за благочестіе, столько были посрамлены, что теряли уже пріятную надежду одолѣть и прочихъ.

А мужественная и подлинно достойная такихъ доблестныхъ сыновъ мать, эта великая и высокая духомъ питомица закона, порываемая двумя сильными движеніями сердца, ощущала въ себѣ смѣшеніе и радости и страха — радости, по причинѣ мужества сыновъ и всего ею видимаго, — страха, по неизвѣстности будущаго и по причинѣ чрезмѣрныхъ мученій. И какъ птица, которая видитъ, что змія ползетъ къ птенцамъ, или другій кто злоумышляетъ противъ нихъ, она летала вокругъ, била крылами, умоляла, раздѣляла страданія дѣтей. И чего ни говорила, чего ни дѣлала, чтобы воодушевить ихъ къ побѣдѣ! То похищала капли крови, то поднимала отторженные части членовъ, то благоговѣнно

припадала къ останкамъ; собирала члены одного сына, а другого отдавала мучителямъ, и третьяго приготавливала къ подвигу. Всѣмъ возглашала: „Прекрасно, дѣти! прекрасно, добліе мои подвижники, почти безплотные во плоти, защитники закона моей сѣдины и святаго града, который васъ воспиталъ и возвелъ на такую высоту доблестей! Еще немного; и мы побѣдили! Мучители утомились — сего одного боюсь. Еще немного; и я — блаженная изъ матерей, а вы — блаженные изъ юношей! — Но вамъ жалко разлучиться съ матерью? — Не оставляю васъ; — общаю вамъ это. Я не ненавистница дѣтей своихъ“.

Когда же она увидѣла, что всѣ скончали жизнь, и своею смертію избавили ее отъ безпокойствъ; тогда съ свѣтлымъ взоромъ подыметъ голову, и подобно олимпійскому побѣдителю, съ бодрымъ духомъ воздѣвши руки, громко и торжественно говоритъ: „Благодарю Тебя, Отче Святый! Благодарю Тебя, наставникъ нашъ — законъ! Благодарю тебя, нашъ отецъ и поборникъ чадъ твоихъ, Елеазаръ! Благодарю, что принять плодъ болѣзней моихъ, и я содѣлалась матерью, священнѣйшею изъ матерей! Ничего не осталось у меня для міра; все отдано Богу, — все мое сокровище, всѣ надежды моей старости. Какая великая для меня почестъ! какъ прекрасно обезпечена старость моя! Теперь я вознаграждена за воспитаніе ваше, дѣти, — видѣла, какъ подвизались вы за добродѣтель, сподобилась увидѣть всѣхъ васъ увѣнчанными; даже на истязателей вапихъ смотрю какъ на благодѣтелей; готова свидѣтельствовать благодарность мучителю за это распоряженіе, по которому соблюдена я для страданій послѣдняя, чтобы, изведя прежде на позорище рожденных мною, и въ каждомъ изъ нихъ совершивъ мученичскій подвигъ, по принесеніи всѣхъ жертвъ, перейти мнѣ отселѣ въ полной безопасности. И я не буду рвать на себѣ волосы, раздирать одежды, терзать ногтями плоти, не стану возбуждать къ слезамъ, созывать плачущихъ, заключаться въ темное уединеніе, чтобы самый воздухъ сѣтовалъ со мною, не буду ожидать утѣшителей и предлагать хлѣба скорби. Все это прилично матерямъ малодушнымъ, которыя бываютъ матерями только по плоти, у которыхъ дѣти умираютъ, не оставивъ по себѣ добраго слова. А вы у меня, любезнѣйшія дѣти, не умерли, но принесены въ даръ Богу; не навсегда разлучились со мною, но только преселились на время; не расточены, но собраны вкупѣ; не звѣрь похитилъ васъ, не волна поглотила, не разбойникъ погубилъ, не болѣзнь сокрушила, не война истребила, и не другое какое-либо постигло васъ бѣдствіе, болѣе или менѣе важное изъ обычныхъ людямъ. Я стала бы плакать, даже

горько плакать, если бы случилось съ вами что-либо подобное. Тогда бы слезами доказала я свое чадолюбіе, какъ доказываю нынѣ тѣмъ, что не проливаю слезъ. Мало сего. Тогда бы я дѣйствительно стала оплакивать васъ, когда бы вы, къ вреду своему спаслись отъ мученія, когда бы мучители восторжествовали надъ вами и одержали верхъ хотя надъ однимъ изъ васъ, какъ теперь побѣждены вами сами гонители. А что совершилось нынѣ,—это похвала, радость, слава, ликованіе и веселіе для оставшихся. Но и я приношу въ жертву вслѣдъ за вами. И я буду сравнена съ Финеесомъ, прославлена съ Анною. Даже еще больше, потому что Финеесъ ревновалъ одинъ, а вы явились многочисленными карателями блудниковъ, поразивъ блудодѣяніе не плотское, но духовное; и Анна посвятила Богу одного, Богомъ же даннаго, притомъ недавно рожденнаго сына; а я освятила семерыхъ возмужавшихъ, и притомъ пожертвовавшихъ собою добровольно. Да восполнить мое надгробное слово Іеремія, не оплакивающей, но восхваляющей преподобную кончину! Вы *просвѣтились паче снѣга*, сгустились паче *млека* и лучше *камene сапфира* стали сонмъ вашъ—рожденные и принесенные въ даръ Богу (Плач. Іер. 4, 7)! что же еще? Присоедини и меня къ дѣтямъ, мучитель, если и отъ враговъ можно ждать милости. Присоедини и меня,—такая борьба будетъ для тебя славнѣе. О какъ бы желала я претерпѣть всѣ тѣ муки, какія терпѣли они, чтобы кровь моя смѣшалась съ ихъ кровію, и старческая плоть—съ ихъ плотию! Для дѣтей люблю самыя орудія ихъ страданій. Но если не будетъ сего: по крайней мѣрѣ прахъ мой да соединится съ ихъ прахомъ, и одинъ гробъ да прійметъ насъ! Не позавидуй равночестной кончинѣ тѣхъ, которые равночестны по доблестямъ. Прощайте, матери, прощайте, дѣти! И матери такъ воспитывайте рожденныхъ вами, и дѣти такъ воспитывайтесь! Прекрасный примѣръ подали мы вамъ, какъ подвизаться подвигомъ добрымъ“. Такъ сказала она, и приложилась къ сынамъ своимъ. Но какъ? спросите.—Какъ на брачное ложе, востекши на костеръ, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвелъ ее, не попустила, чтобы нечистое тѣло коснулось ея чистой и мужественной плоти.

Такъ Елеазаръ наслаждался священствомъ; такъ самъ былъ посвященъ и другихъ посвятилъ въ небесныя таинства: не внѣшними крошеніями, но собственною кровію, освятилъ Израиля, и послѣдній день жизни содѣлалъ совершительнымъ таинствомъ! Такъ сыны насладились юностію; не сластолюбію раболѣпствуя, но возобладавъ надъ страстями, очистили тѣло, и представились

къ безстрастной жизни! Такъ мать насладилась многочадіемъ, такъ украшалась дѣтьми при жизни ихъ, и опочила вмѣстѣ съ отшедшими! Рожденныхъ для міра представила она Богу, по числу ихъ подвиговъ вновь исчислила свои болѣзни рожденія, и старшинство дѣтей узнала изъ порядка, въ какомъ они умирали; потому что подвизались всѣ, отъ перваго до послѣдняго, и какъ волна слѣдуетъ за волною, такъ они—одинъ за другимъ оказали доблесть, и одинъ готовѣе другаго шелъ на страданія, уже укрѣпленный примѣромъ предъ нимъ пострадавшихъ. А посему мучитель былъ радъ, что она не была матерью большаго числа дѣтей; иначе остался бы еще болѣе посрамленнымъ и побѣжденнымъ. И тогда только въ первый разъ узналъ онъ, что не все можно преодолѣть оружіемъ, когда встрѣтилъ безоружныхъ юношей, которые, ополчившись однимъ только благочестіемъ, съ большею ревностію готовы были все претерпѣть, нежели съ какою готовился самъ онъ подвергнуть ихъ страданіямъ.

Такая жертва была благороднѣе и величественнѣе жертвы Іефеаевой; потому что здѣсь ни пламенность обѣта, ни желаніе нечаемой побѣды, не дѣлали приношенія, какъ тамъ, необходимымъ; напротивъ того, совершенно добровольное жертвоприношеніе, и наградою за оное служили одни уповаемые блага. Такой подвигъ ничѣмъ не ниже подвиговъ Даніила, который преданъ былъ на съѣденіе львамъ, и побѣдилъ звѣрей воздѣяніемъ рукъ: онъ не уступаетъ мужеству отроковъ въ Ассиріи, которыхъ Ангелъ оросилъ въ пламени, когда не согласились они нарушить отеческаго закона, и не прикасались къ сквернымъ и неосвященнымъ снѣдямъ. А по усердію не маловажнѣе онъ и тѣхъ жертвъ, какія впослѣдствіи принесены за Христа. Ибо страдавшіе за Христа, какъ сказалъ я въ началѣ слова, имѣли предъ очами кровь Христову, и вождемъ ихъ въ подвигахъ былъ самъ Богъ, принесшій за насъ столь великій и чудный даръ; а Маккавеи не имѣли предъ собою ни многихъ, ни подобныхъ примѣровъ доблести. Ихъ терпѣнію дивилась вся Іудея; она радовалась и торжествовала, какъ будто бы сама была тогда увѣнчана; потому что и ей предлежалъ при семъ подвигъ, даже величайшій изъ подвиговъ, когда-либо предстоявшихъ Іерусалиму,—или видѣть въ сей день попаніе отеческаго закона, или прославиться. Участь всего еврейскаго рода зависѣла отъ подвига Маккавеевъ, и находилась какъ бы на остріи меча. Самъ Антиохъ изумлялся; такъ угрозы его превратились въ удивленіе; потому что великимъ подвигамъ умѣютъ дивиться и враги, когда пройдетъ гнѣвъ, и дѣло оправдываетъ само себя. Посему

онъ удалился, не получивъ успѣха, и какъ много хвалилъ отца своего Селевка за уваженіе къ Иудейскому народу и за щедрость къ храму, такъ сильно укорялъ Симона, побудившаго къ войнѣ, признавая его виновникомъ безчеловѣчія и безславія.

Будемъ подражать Маккавеямъ, и священники и матери, и дѣти; священники—въ честь Елеазара, духовнаго отца, показавшаго превосходнѣйшій примѣръ и словомъ и дѣломъ; матери, въ честь мужественной матери, да окажутся истинно чадолюбивыми, и да представляютъ чадъ своихъ Христу, чтобы самый бракъ освятился таковою жертвою; дѣти да почтять святыхъ юношей и да посвящаютъ время юности не постыднымъ страстямъ, но борьбѣ со страстями, мужественному ратоборству съ ежедневнымъ нашимъ Антиохомъ, который воюетъ посредствомъ всѣхъ членовъ нашихъ, и многообразно гонитъ насъ. Ибо желаю, чтобы были подвижники для всякаго времени и случая, изъ всякаго рода и возраста, подверженнаго и явнымъ нападеніямъ и тайнымъ навѣтамъ враговъ. Желаю, чтобы пользовались древними сказаніями, но пользовались также и новыми, и подобно пчеламъ, отсюду собирали полезнѣйшее въ составъ единаго сладкаго сота, дабы и чрезъ Ветхій и чрезъ Новый Заветъ прославлялся въ насъ Богъ, славимый въ Сынѣ и въ Духѣ, знающій Своихъ и знаемый своими, исповѣдуемый и исповѣдующій, прославляемый и прославляющій въ самомъ Христѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Слово 17, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назіанза и прогнѣванному градоначальнику.

Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего смущаются (Иер. 4, 19), говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей Іеремія, сострадательнѣйшій изъ пророковъ, оплакивая непокорнаго Израиля, который самъ отъ себя отстраняетъ Божіе челолюбіе. Чревомъ называетъ онъ иносказательно душу свою (что нахожу во многихъ мѣстахъ Писанія): потому ли, что она сокрыта и невидима (а сокровенность есть общая принадлежность души и чрева); или потому, что она приѣмлетъ и, такъ сказать, перевариваетъ словесную пищу (ибо что пища для тѣла, то слово для души). А чувствами именуется, можетъ быть, тѣ душевныя движенія и помышленія, особенно же—возбуждаемая чувственностію, которыми праведникъ терзается, воспаляется и увлекается, такъ что не можетъ удержаться отъ горячности духа. Ибо это самое называется у пророка смущеніемъ (τὸ ματασσειν), то есть

какимъ-то рвеніемъ, смѣшаннымъ съ раздражительностію. Если же кто будетъ разумѣть подъ чувствами и внѣшнія чувства, то не погрѣшитъ; потому что и глаза и уши не только оскорбляются худшими предметами зрѣнія и слуха, но по сострадательности даже желаютъ видѣть и слышать лучшее. Впрочемъ какъ ни разумѣть сіе, праведникъ болѣзнуетъ, смущается и неравнодушно переноситъ бѣдствія Израиля, какія ни представишь себѣ, тѣлесныя ли, когда смотришь на Израиля чувственно, или духовныя, когда понимаешь его духовно. Ибо тотъ же Пророкъ проситъ себѣ *источника слезъ* (Іер. 7, 1. 2), желаетъ *виталица послѣдняго* лобызаетъ *пустыню*, дабы освободиться отъ большой части скорбей и получить нѣкоторое облегченіе отъ внутренней болѣзни, въ безмолвіи оплакавъ Израиля.

Тоже задолго прежде выражаетъ и божественный Давидъ, говоря: *кто дастъ ми криль, яко голубинь, и полещу и почию* (Пс 54, 7)? Онъ проситъ голубиныхъ криль, потому ли что они легки, и быстры (каковъ и всякій праведникъ), или потому что они изображаютъ духъ, которымъ однимъ избѣгаемъ бѣдствій,—проситъ, чтобы какъ можно далѣе быть отъ настоящихъ золъ; потомъ показываетъ врачество, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ — надежду. *Чаяхъ*, говоритъ онъ, *Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Пс. 54, 9). Тоже по видимому дѣлаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, весьма скоро подавая врачество скорбящему, и словомъ и дѣломъ предлагая намъ добрый урокъ великодушія въ несчастіяхъ. *Отвержеся утѣшиться душа моя* (Пс. 76, 3), говоритъ онъ. Ты видишь въ семъ безпечность и отчаяніе. Не убоялся ли даже, что Давидъ неисцѣлимъ? Что говоришь? Ты не приѣмлешь утѣшенія? Не надѣнешься отрады? Никто не исцѣлитъ тебя, — ни слово, ни другъ, ни сродникъ, ни совѣтникъ, ни состраждущій, ни рассказывающій о своихъ бѣдствіяхъ, ни напоминающій древнее, ни представляющій нынѣшніе примѣры, сколь многіе спасались и отъ гораздо тягостнѣйшихъ несчастій. Но ужели всѣ средства истощены, исчезли, пресѣчены? Ужели погибла всякая надежда? Ужели одно только остается — въ бездѣйствіи ожидать конца?—Такъ говоритъ великій Давидъ, который *въ скорбяхъ распространяется* (Пс 4, 2), и окруженный снѣию смертною востаетъ съ Богомъ (Пс. 22, 4)! Что же дѣлать мнѣ, малому, слабому, земному, не имѣющему такого духа? Давидъ колеблется, кто же спасется? Какую помощь найду въ злостраданіяхъ, или какое утѣшеніе? Къ кому прибѣгну утѣсняемый?—На сіе отвѣтствуетъ тебѣ Давидъ, великій врачъ и заклинаящій злыхъ духовъ духомъ, кото-

рый въ немъ. Къ кому прибѣгнуть? Отъ меня хочешь знать сіе, а самъ не знаешь? Къ Тому, Кто укрѣпляетъ ослабленныя руки, утверждаетъ разслабленныя колѣна (Исаи 35, 3), проводитъ чрезъ огонь, и спасаетъ въ водѣ (Исаи 43, 2. Пс. 65, 12). Тебѣ не нужно, говоритъ онъ, ни войскъ, ни оружія, ни стрѣльцовъ, ни конниковъ, ни совѣтниковъ, и друзей, ни внѣшней помощи. Въ себѣ самомъ имѣешь подкрѣпленіе, какое имѣю и я, и всякій желающій. Надобно только пожелать, только устремиться. Утѣшеніе близко, въ устахъ твоихъ, въ сердцѣ твоёмъ. *Помянухъ*, говоритъ, *Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Что легче воспоминанія? Вспомняи и ты, и возвеселишься. Какое удобное врачевство! Какое скорое врачеваніе! Какое величіе дара! Вспомняи о Богѣ, и Онъ не только успокаиваетъ малодушіе и скорбь, но производитъ и радость.

Желаешь ли услышать и другія слова о человѣколюбіи (Божіемъ)? Если, сказано, обратившись, воздохнешь ко Господу, то спасенъ будешь (Иезек. 33, 19). Смотрите, какъ спасеніе соединено съ воздыханіемъ. Ты не успѣешь еще выговорить слова,—Онъ скажетъ: Я здѣсь! и *речетъ душѣ твоей: спасеніе твое есмь Азъ* (Пс. 34, 4). Между прошеніемъ и полученіемъ ничто не посредствуетъ: ни золото, не серебро, ни блестящіе и дорогіе камни, ни все прочее, чѣмъ люди преклоняются на милость. Когда Софонія, какъ бы отъ лица Бога, разгнѣваннаго и огорченнаго, сказалъ: *опустошу пути ихъ весьма, еже не проходити: исчезоша гради ихъ, занеже ни единому быти, ни жити* (Соф. 3, 6); когда поразилъ ужасомъ, сокрушилъ печалію, навелъ мракъ своею угрозою: тотчасъ низводитъ и свѣтъ благой надежды, и восстанавливаетъ меня сими словами: *рѣхъ, обаче убойтесе мене, и пріимите наказаніе, и не имате потребитися отъ очию Его* (ст. 7). А нѣсколько ниже говоритъ еще радостнѣе и человѣколюбивѣе: *Во время оно речетъ Господь: дерзай, Сіоне, да не ослабѣютъ руцѣ твои. Господь Богъ твой въ тебѣ, сильный спасти тебя: наведетъ на тя веселіе и обновитъ тя въ любви Своей... и соберетъ сотворенныя... и спасетъ утѣшенныя, и отринутыя пріиметъ* (ст. 16—19).

Сего требуютъ и святые, и самый разумъ, сего желаетъ мое слово. Пріимите же слово мудрости, дабы вамъ *пришедши въ глубину золъ не вознерадѣтъ*, какъ говоритъ божественный Соломонъ (Притч. 18, 3), и не погнѣнъ отъ собственнаго невѣжества, а не отъ обдержавшей скорби. Есть, братія, нѣкоторый кругъ въ дѣлахъ человѣческихъ, и самыми противоположностями научаетъ насъ Богъ, все устрояющій и всѣмъ, а во всемъ и нашими дѣлами,

управляющій по непостижимымъ и неизслѣдимымъ Своимъ судьбамъ такъ же премудро, какъ премудро Онъ все составилъ и связалъ. Ибо все, такъ сказать, движется и зыблется около неподвижнаго,—но движется не въ основаніи, которое во всемъ твердо и неподвижно (хотя сіе и сокрыто отъ нашей немощи), а въ томъ, что ежедневно встрѣчается и бываетъ. И таково древнее и постоянное опредѣленіе Божіе, чтобы тма, разлитая предъ глазами нашими, была *закровъ Его* (Пс. 17, 12). И посему многое въ міроуправленіи мы не иначе можемъ видѣть, какъ въ темныхъ гаданіяхъ и представленіяхъ: потому ли, что Богъ смиряетъ нашу кичливость, дабы мы сознавали себя ничтожными предъ истинною и первою мудростію, стремились же къ Нему Единому, и всегда старались просвѣщаться тамошними озареніями, или потому, что чрезъ непостоянство видимаго превратнаго Онъ приводитъ насъ къ постоянному и вѣчному. Впрочемъ ничто, какъ сказалъ я, не неподвижно, не равно само себѣ, не самодовольно и не одинаково до конца,—ни веселіе, ни скорбь, ни богатство, ни бѣдность, ни сила, и безсиліе, ни униженность, ни власть, ни настоящее, ни будущее, ни наше, ни чужое, ни малое, ни великое, ни все, что еще наименуемъ. И въ непостоянствѣ остается одно только постояннымъ,—измѣненіе во всемъ. Ибо все быстро кружится и переходитъ, и само себѣ противоборствуетъ, такъ что болѣе можно довѣрять вѣтру и писанному на водѣ, нежели благоденствію человѣческому, потому что зависть полагаетъ преграду счастью, а милосердіе несчастію. И это, по моему разсужденію, премудро и удивительно; потому что скорбь не остается безъ утѣшенія, а счастье безъ вразумленія. Тѣ благоразумно поступаютъ, которые (такъ какъ отъ смиренія рождается познаніе оправданій) вразумляются несчастіями, и очищаясь, какъ золото огнемъ, говорятъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 17), съ которыми то же бываетъ, что и съ Петромъ, призвавшимъ спасеніе, когда уже утопалъ,—и которые чрезъ болѣзнь болѣе приближаются къ Богу, и чрезъ скорбь приобрѣтаютъ благодѣтеля; потому что болѣзнующая душа близка къ Богу, и скудостію обращается къ могущему дать, тогда какъ могла бы и презрѣть Его при обиліи даровъ.

Посему, братія, будемъ обращать взоръ свой горѣ во всякое время и при всякомъ случаѣ, будемъ ограждать себя благою надеждою, дабы намъ и въ радости не потерять страха, и въ скорбяхъ—упованія. Будемъ помнить при ясномъ небѣ и ненастьѣ, и во время бури о кормчемъ; не будемъ унывать въ скорбяхъ, не будемъ злыми рабами, которые исповѣдуютъ Владыку, когда *Онъ благосотво-*

ритъ имъ (Пс. 48, 9), и не обращаются къ Нему, когда наказываетъ между тѣмъ какъ иногда болѣзнь бываетъ лучше здоровья, терпѣніе — отрады, посѣщеніе — пренебреженія, наказаніе — прощенія. Скажу кратко: не будемъ упадать духомъ отъ бѣдствій, ни надмеваться отъ довольства. Покоримся Богу и другъ другу, и начальствующимъ на земли: Богу — по всѣмъ причинамъ; другъ другу — для братолюбія; начальствующимъ — для благоустройства, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе они кротки и снисходительны. Опасно истощать милосердіе начальниковъ, надѣясь на частое прощеніе; ибо, истощивъ, за ихъ строгость подвергнемся отвѣтственности мы сами, которые нарушаемъ тишину вѣтромъ, наводимъ на свѣтъ мракъ, и къ меду примѣшиваемъ полынь. И между нашими законами есть одинъ законъ, — законъ похвальный и прекрасно поставленный Духомъ, Который далъ Свои законы, сличивъ возможное и наилучшее. По сему закону какъ рабы должны быть послушны господамъ (Еф. 6, 5.), жены — мужьямъ, Церковь — Господу, ученики — пастырямъ и учителямъ; такъ и всѣ, обязанные давать дань, — повиноваться всѣмъ властямъ предержавшимъ *не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Рим. 13, 5. 6), и не дѣлать закона ненавистнымъ, дѣлая зло, не доводить себя до меча, но, очищаясь страхомъ, заслуживать похвалу отъ власти. Одно и то же правило; но оно щадитъ прямое и отсѣкаетъ лишнее. Одно солнце, но оно свѣтитъ здоровому зрѣнію, а омрачаетъ слабое. Хочешь ли, скажу съ дерзновеніемъ нѣчто и изъ своего ученія? Одинъ Христосъ, но Онъ *лежитъ на паденіе и на востаніе* (Лук. 2, 34), — на паденіе невѣрнымъ, на востаніе вѣрующимъ. Для однихъ Онъ *камень претыканія и камень соблазна* (1 Петр. 2, 7), именно для тѣхъ, которые не познали, ниже уразумѣли, но во тмѣ ходятъ, или служатъ идоламъ, или не прозираютъ далѣе письмени, и не хотятъ и не могутъ просвѣтиться чѣмъ-либо кромѣ письмени. Для другихъ Онъ камень краеугольный и камень похвальный, именно для тѣхъ, которые обуздываются словомъ, и утвердились на семъ камнѣ. Или, ежели хочешь, Онъ есть та жемчужина, которую добрый купецъ покупаетъ на все свое имѣніе (Мате. 13, 45, 46). Но мы, братія, не исполняющіе своихъ обязанностей, а негодующіе на власть, почти такъ-же поступаемъ, какъ и тотъ, кто, самъ погрѣшая противъ законовъ борьбы, обвиняетъ раздаятеля награды въ несправедливости, или кто самъ страдая тяжкою болѣзнію и имѣя нужду во врачеваніи не менѣе болѣзненнымъ, винить въ невѣжествѣ и безразсудствѣ врача, который употребляетъ надрѣзыванія и прижиганія. Вотъ отъ меня и утѣшеніе и вмѣстѣ наставленіе для

подчиненных! Симъ убогій пастырь возвращаетъ на истинный путь малое стадо, съ которымъ въ радости радоваться, и въ печали стенать повелѣваетъ мнѣ законъ моего пастырскаго служенія!

Что же вы, властители и начальники? Слово уже обращается къ вамъ для того, чтобы не почли насъ совершенно несправедливыми, если, убѣждая подчиненныхъ къ исполненію долга, уступимъ вашему могуществу, какъ бы стыдѣясь или страшась пользоваться нашею свободою, если будемъ болѣе заботиться о нихъ, а вознерадимъ о васъ, о которыхъ тѣмъ болѣе надобно позаботиться, чѣмъ полезнѣе сіе для той и другой стороны, чѣмъ важнѣе успѣхъ. А противнаго сему да не будетъ съ нами и съ нашимъ словомъ. Итакъ, что вы говорите? На чемъ намъ помириться? Пріймете ли дерзновенное слово мое, и законъ Христовъ подчиняетъ ли васъ моей власти и моему престолу? И мы имѣемъ власть большую и совершеннѣйшую; иначе, духъ долженъ уступить плоти и небесное земному.

Знаю, что и ты выслушаешь дерзновенное слово; потому что и ты священная овца моего священнаго стада, питомецъ великаго пастыря¹⁾, истинно свыше приведенъ Духомъ, и подобно намъ просвѣщенъ свѣтомъ святыхъ и блаженныхъ Троицы. Посему слово мое къ тебѣ будетъ непродолжительно и кратко. Ты со Христомъ начальствуешь, со Христомъ и правительствуешь. Онъ далъ тебѣ мечъ — не дѣйствовать, но угрожать; и да соблюдется мечъ сей Даровавшему, какъ чистый даръ. Ты самъ образъ Божій, и руководствуешь образъ, о которомъ здѣсь надобно заботиться, и съ которымъ должно перейти въ другую жизнь; а въ нее мы все перейдемъ, по кратковременной игрѣ въ здѣшней жизни, назовемъ ли ее темницею, или поприщемъ, или предначертаніемъ, или тѣнію жизни истинной. Почти сродство, уважь первообразъ, пребудь съ Богомъ, а не съ міродержителемъ, — со Христомъ Господомъ, а не съ лютымъ мучителемъ. Онъ *человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. 8, 44). Онъ и первому челоуѣку, доведя его до преслушанія, нанесъ ударъ и причинилъ бѣдственную жизнь: онъ чрезъ грѣхъ ввелъ законъ — наказывать и терпѣть наказанія. А ты, челоуѣкъ Божій, вспомни, чье ты твореніе и куда призываешься, что имѣешь и чѣмъ ты долженъ, отъ кого у тебя законъ, слово, Пророки, самое боговѣдѣніе и небезнадежность получить ожидаемое. Посему подражай Божію челоуѣколюбію. Въ челоуѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничего не

¹⁾ Разумѣетъ своего отца.

сдѣлавъ: не пропускай случая къ обоженію. Для Духа одни истощаютъ свое имѣніе, другіе истощаютъ плоть, умираютъ для Христа, и совершенно удаляются отъ міра. Иные посвящаютъ Богу то, что всего для нихъ дороже. И ты, безъ сомнѣнія, слышалъ о жертвѣ Авраама, который единороднаго, рожденнаго по обѣтованію, когда въ немъ заключалось обѣтованіе, одалъ Богу охотнѣе, нежели вначалѣ получилъ отъ Бога. Но мы отъ тебя ничего такого не требуемъ: одно вмѣсто всего принеси, принеси человѣколюбіе, которымъ Богъ благоугождается болѣе, нежели всѣмъ прочимъ вмѣстѣ, — принеси даръ единственный, даръ непорочный, даръ призывающій щедроты Божіи. Присоедини къ страху кротость, раствори угрозу надеждою. Знаю, какъ много можетъ сдѣлать благодать, которая заставляетъ изъ стыда воздать должное, когда, имѣя возможность принудить, прощаемъ, и своимъ благоволеніемъ приводимъ въ стыдъ милуемаго. Ничто да не убѣждаетъ тебя быть недостойнымъ власти, ничто да не отклоняетъ тебя отъ милосердія и кротости, — ни обстоятельства, ни властитель, ни страхъ, ни опасеніе высшихъ начальниковъ, ни превосмогающая дерзость. Старайся пріобрѣсти въ тѣсныхъ обстоятельствахъ благоволеніе свыше. Дай взаимъ Богу милосердіе. Никто не раскаявался изъ принесшихъ что-либо Богу. Онъ щедръ на воздаяніе, наипаче же тамошними благами. Онъ вознаграждаетъ тѣхъ, которые здѣсь что-либо принесли и дали Ему взаимъ; иногда же, чтобы увѣрить въ будущихъ благахъ, Онъ награждаетъ и здѣшними благами. Еще мало, и міръ преидетъ, и тѣнь исчезнетъ. Воспользуемся временемъ, искупимъ непостояннымъ вѣчное. Каждый изъ насъ — *во епитиміяхъ* (Сир. 8, 6), и земля много носить чужихъ долговъ. Простимъ же, чтобы и намъ простили; отпустимъ, чтобы самимъ испросить отпущеніе. Видишь въ Евангеліи: приводятъ задолжавшаго многими талантами, и прощаютъ ему долгъ (потому что онъ приведенъ къ благому владыкѣ); но кому прощаютъ, тотъ самъ не прощаетъ (ибо онъ рабъ и въ своемъ произволеніи), и какое человѣколюбіе оказано ему въ большемъ, такого не оказываетъ онъ товарищу въ меньшемъ, что долженъ былъ бы сдѣлать, ежели не по чему другому, то подражая показанному примѣру великодушія. И господинъ гѣвается, а о послѣдующемъ умолчу. Скажу только, что всякому лучше оказывать милость здѣсь, нежели давать отчетъ тамъ.

Что ты скажешь? Убѣдили ли тебя сіи слова, которыя, по неоднократному твоему признанію, любишь ты, наилучшій изъ начальниковъ, и если бы можно было присоединить, человѣколюбивѣйшій, или надобно представить тебѣ вмѣсто просьбы и эту сѣ-

дину¹⁾), число лѣтъ и долговременное священство, священство непорочное, которое, можетъ быть, и Ангелы, служащiе Чистѣйшему, уважаютъ какъ достойное ихъ собственнаго служенiя? Убѣждаетъ ли тебя это, или дерзну на большее? А дерзновеннымъ дѣлаетъ меня скорбь. Представляю тебѣ Христа и Христово истощенiе за пасть и страсти Безстрастнаго, и крестъ и гвозди, которыми я разрѣшенъ отъ грѣха, и кровь, и погребенiе, и воскресенiе, и вознесенiе и сiю трапезу, къ которой мы вмѣстѣ приступаемъ, и образы моего спасенiя, совершаемые тѣми же устами, которыми ходатайствую предъ тобою,—это священное и горѣ возносящее насъ тайноводство. Ежели не за одно которое либо изъ сихъ, то, по крайней мѣрѣ, за все окажи милость и намъ и себѣ, милость домашней твоей церкви, и сей прекрасной полнотѣ Христовой, которая (такъ представляй себѣ) сама съ нами ходатайствуетъ (хотя и предоставляетъ ходатайство намъ, какъ почтеннымъ ради Почтившаго), и вмѣстѣ съ симъ подчиняется закону начальствованiя. Въ одномъ позволю побѣдить себя, — побѣди насъ челоуѣколюбiемъ! Вотъ привожу къ тебѣ просителей моихъ предъ Богомъ и Ангелами, и царствомъ небеснымъ и тамошними возданiями. Уважь мою вѣру, какую я къ тебѣ имѣлъ, и которою другихъ увѣрилъ, дабы также уважили ее въ большемъ и совершеннѣйшемъ. Скажу короче: ты самъ имѣешь Господа на небѣ, Который да будетъ таковымъ же судiею для тебя, какимъ ты будешь для подвластныхъ. Но да получимъ всѣ мы и здѣшнюю милость, и тамошнее снисхожденiе во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, Которому честь и царство со Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ принадлежали въ прежнее время и прежде самаго времени, принадлежать и нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 18, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшенiе матери Ноннѣ въ присутствiи св. Василия, къ которому обращено вступленiе въ слово.

Человѣкъ Божiй (Ис. Нав. 14, 6), *вѣрный рабъ* (Чис. 12, 7), *строитель тайнъ Божiихъ* (1 Кор. 4, 1), *мужъ желанiй* (Дан. 10, 11) и притомъ духовныхъ! Такъ именуешь Писанiе преуспѣвшихъ и высокихъ по жизни, ставшихъ выше видимаго. Но назову тебя еще *богомъ Фараону* (Исх. 7, 1), всей египетской и сопротивной силы, *столпомъ и утвержденiемъ* (1 Тим. 3, 15) Церкви, Господ-

¹⁾ Разумѣеть своего отца.

нею волею (Исаиѣ 62, 4), *свѣтиломъ въ мѣръ, содержащимъ слово жизни* (Фил. 2, 15. 16), опоромъ вѣры, обителію Духа. И могу ли перечислить всѣ наименованія, какія дала тебѣ добродѣтель, съ каждымъ своимъ видомъ принося и усвая новое имя? Скажи однакожь: откуда приходишь, и *что твое дѣланіе* (Іоан. 1, 8)? Что намѣренъ ты совершить для насъ? Ибо знаю, что все предприемлешь ты съ Богомъ, по Божію внушенію и для блага срѣтающихъ тебя. За чѣмъ приходишь? Насъ ли посѣтитъ? Найдти ли пастыря? Или обозрѣть паству?

Мы почти не существуемъ, а большею частію бытія съ нимъ¹⁾ переселились отселѣ, тяготимся *мѣстомъ озлобленія* (Пс. 43, 20), особливо же нынѣ, когда свѣдущій кормчій, или свѣтильникъ нашей жизни, свыше указывавшій намъ спасеніе, чтобы, взирая на него, направляли мы путь свой, сей пастырь со всѣми доблестями, со всею пастырскою опытностію, какую прибрѣталъ долгимъ временемъ, оставилъ насъ, исполненный дней благоразумія и, если можно сказать словами Соломона, *увѣнчанный старостію хвалы* (Притч. 16, 31). Паства въ недоумѣніи и смущеніи. И видишь, какого унынія, какой печали она исполнена; потому что не *упокоивается уже на мѣсть злачнѣ, не воспитывается на водѣ покойнѣ* (Пс. 22, 2), но ищетъ стремнинъ, пустынь и пропастей, гдѣ можетъ разсѣяться и погибнуть; не надѣется получить когда-либо другаго разумнаго пастыря, и вполнѣ увѣренная, что не получить равнаго почившему, желала бы, по крайней мѣрѣ, имѣть хотя и худшаго, но не многимъ.

Поелику же, какъ сказалъ я, три причины, и каждая въ равной мѣрѣ, дѣлають присутствіе твое необходимымъ, то есть мы, пастырь и паства; то всѣмъ подай приличное, по живущему въ тебѣ духу служенія, и *устрой слово на судъ* (Пс. 111, 5), чтобы мы еще болѣе дивились твоей мудрости. Но какъ устроить тебѣ слово? Восхвали почившаго, сколько требуетъ его добродѣтель, не для того только, чтобы въ надгробный даръ чистому принести чистое слово, но и для того, чтобы другимъ представить жизнь его въ образецъ и въ урокъ благочестія. А намъ кратко преподай любознательное ученіе о жизни и смерти, о соединеніи и разлученіи души съ тѣломъ, о двухъ мірахъ, о мѣрѣ настоящемъ и непостоянномъ, и о мѣрѣ умозерцаемомъ и всегда пребывающемъ; убѣди насъ презирать въ первомъ все обманчивое, нестройное, беспорядочное, подобно волнамъ, то вверхъ, то внизъ влекущее и увлекаемое, при-

¹⁾ Св. Григорій разумѣетъ почившаго родителя своего.

лѣпляться же къ тому, что есть въ послѣднемъ неизблемаго, постояннаго, боголѣпнаго, всегда одинаковаго, не подлежащаго никакимъ тревогамъ и замѣшательствамъ. Ибо будемъ менѣ скорбѣть, и даже еще радоваться, объ отходящихъ отъ насъ, когда слово твое, отвлекши насъ отъ земнаго, возведетъ къ горнему, настоящія огорченія закроетъ будущимъ, и удостовѣритъ, что и мы сами постышаемъ къ благому Владыкѣ, что водвореніе лучше пришельствія, что каково для пловцевъ тихое пристанище, таково для обуеваемыхъ въ здѣшней жизни преставленіе и преложеніе въ жизнь будущую, или, сколько удобствъ и облегченія чувствуютъ совершившіе дальній путь въ сравненіи съ тѣми, которые испытываютъ еще трудности и непріятности путешествія, столько участь достигшихъ небесной гостиницы лучше и спокойнѣе участи идущихъ еще по негладкому и стремнистому пути сея жизни.

Такъ можешь утѣшать насъ. Но чѣмъ утѣшить паству? Во-первыхъ, общай ей свое покровительство и руководство; ибо всѣмъ хорошо покоиться подъ твоими крылами, и мы гласа твоего жаждемъ больше, нежели томимые естественною жаждою — чистаго источника. Во-вторыхъ, увѣрь, что и теперь не оставилъ насъ добрый пастырь, полагавшій душу за овецъ, но доселѣ съ нами, и пасетъ и путеводитъ насъ, и знаетъ своихъ, и свои его знаютъ, хотя невидимъ тѣлесно, но сопребываемъ духовно, воюетъ за паству съ волками, и никому не дозволяетъ—разбойнически или коварно перескакивать черезъ дворъ овчій, чуждымъ гласомъ отвлекать и похищать души, право наставленія въ истинѣ. А я увѣренъ, что теперь молитвами произведетъ онъ больше, нежели прежде ученіемъ; поколику сталъ ближе къ Богу, сложивъ съ себя тѣлесныя оковы, освободившись отъ брениа, омрачающаго умъ, непокровеннымъ представъ къ непокровенному первому и чистѣйшему Уму, сподобившись (если могу такъ смѣло выразиться) Ангельскаго чина и дерзновенія.

Все сіе самъ ты, по данной тебѣ силѣ слова и духа, и расположишь и исполнишь любомудріемъ гораздо лучше, нежели какъ могъ бы я предначертать. Но чтобы, по невѣдѣнію доблестей пастыря, не слишкомъ сократилось слово о достоинствѣ его, сдѣлаю въ маломъ видѣ нѣкоторый очеркъ похвалы усопшему, воспользовавшись тѣмъ, что мнѣ извѣстно о немъ, и передамъ это тебѣ, какъ превосходному описателю такихъ предметовъ, дабы ты вполнѣ изобразилъ красоту его добродѣтели, и сообщилъ во услышаніе и зазиданіе всѣмъ.

По правиламъ похвальнаго слова надлежало бы говорить о

родѣ, отечествѣ, тѣлесныхъ совершенствахъ, виѣшней знаменитости и о чемъ еще высоко думаютъ люди. Но я, оставляя сіе, начну съ того, что для насъ первоначальнѣе и всего ближе, и скажу (не стыдясь прежняго, ибо надѣюсь на послѣднее), что онъ ¹⁾ былъ отраслю корня не весьма похвального, не принесшаго плодовъ благочестія, не въ дому Божіемъ насажденнаго, но весьма страннаго и чудовищнаго, который составилъ изъ двухъ противоположностей,—изъ языческаго заблужденія и подзаконнаго мудрованія, допустивъ въ себѣ нѣкоторыя части того и другаго, а нѣкоторыя устранивъ. Послѣдователи сего ученія, отвергая идоловъ и жертвы, поклоняются огню и свѣтильникамъ, а уважая субботу и до мелочи соблюдая постановленія о животныхъ, не принимаютъ обрѣзанія. Иписитаріями ²⁾ называются сіи невысокіе по вѣрованію люди, и чтутъ единаго Вседержителя. Но что же является изъ человѣка, который возросъ какъ бы въ сугубомъ нечестіи? Не знаю, что болѣе восхвалить, благодать ли его призвавшую, или собственное его произволеніе? По крайней мѣрѣ, такъ онъ очистилъ умное око отъ покрывавшей его нечистоты, и съ такою скоростію устремился къ истинѣ, что для небеснаго Отца и для истиннаго наслѣдія рѣшился—до времени быть оставленнымъ отъ матери и лишеннымъ имущества, и безчестіе сіе принялъ охотнѣе, нежели иной самыя высокія почести. Но сколько это ни удивительно, я менѣе дивлюсь сему. И почему? Потому что и многіе другіе приносили подобныя пожертвованія, и всѣмъ надлежитъ взойти въ великій *неводъ* Божій (Матѣ. 13, 47), всѣхъ должно уловить слово рыбарей, хотя Евангеліе беретъ въ плѣнъ однихъ ранѣе, другихъ позже.

Но почитаю нужнымъ сказать о томъ, что представляется мнѣ въ немъ наиболѣе удивительнымъ. Еще не одного съ нами будучи двора, онъ былъ уже нашимъ; ибо къ намъ принадлежалъ по своимъ нравамъ. Какъ многіе изъ нашихъ бываютъ не отъ насъ, потому что жизнь дѣлаетъ ихъ чуждыми общему тѣлу; такъ многіе изъ не принадлежащихъ къ намъ бываютъ наши, поколику добрыми нравами предваряютъ вѣру, и обладая самою вещію, не имѣютъ только имени. Изъ числа послѣднихъ былъ мой отецъ—вѣтъ еще чуждая, но по жизни преклоненная къ намъ. Онъ столько отличался цѣломудріемъ, что былъ вмѣстѣ и весьма любезнымъ и самымъ скромнымъ, хотя трудно сойтись обоимъ симъ

¹⁾ Родитель св. Григорія Богослова.

²⁾ Наименованіе Иписитаріевъ происходитъ отъ слова ἰψίτος (самый высокій).

качествамъ. А правдивость его имѣетъ ли нужду въ сильнѣйшемъ и очевиднѣйшемъ доказательствѣ, когда знаемъ, что онъ, проходя первыя должности въ государствѣ, не приумножилъ своего имѣнія п одною драхмою ¹⁾, хотя видѣлъ, что другіе на общественное достояніе налагаютъ Бріареевы руки ²⁾, и пухнуть отъ гнусныхъ поборовъ; ибо такъ называю несправедное обогащеніе? Но тоже самое служить немалымъ доказательствомъ и благоразумію; впрочемъ оно еще болѣе обнаружится послѣдующимъ словомъ. Самую вѣру, какъ разсуждаю, получилъ онъ въ награду за сія добродѣтели. И я объясню, какимъ именно образомъ получилъ ее; потому что не прилично умалчивать о дѣлѣ столь важномъ.

Жену доблю кто обрящетъ (Притч. 31, 10)? говорить, какъ слышу, Божественное Писаніе. Это даръ Божій, и Господь устроить доброе супружество. Такъ разсуждаютъ даже язычники; ихъ изреченіе, что для человѣка прекраснѣйшее приобрѣтеніе—добрая жена, и всего хуже—злая ³⁾. И нельзя сказать, чтобы въ семъ отношеніи былъ кто-нибудь счастливѣе отца моего. Думаю, что если бы кто, ища для себя совершеннѣйшаго супружества, обошелъ всѣ концы земли и весь родъ человѣчскій; то не нашелъ бы лучшаго и согласнѣйшаго. Въ немъ такъ соединились всѣ превосходныя, и мужескія и женскія, качества, что бракъ былъ не плотскимъ только союзомъ, но не менѣе того и союзомъ добродѣтели. Супруги, превосходя другихъ, не могли превзойти другъ друга, потому что въ обоихъ добродѣтель была одинаковой силы и цѣны. Жена, данная Адаму *помощникомъ по нему* (Быт. 2, 18), потому что добро человѣку быти не единому, изъ соотрудницы сдѣлалась врагомъ, стала не супругою, но противницею, обольстивъ мужа сластолюбіемъ, и древомъ познанія лишивъ древа жизни. Но жена, данная Богомъ моему родителю, была для него не только соотрудницею, что еще не очень удивительно, но предводительницею. Она сама, и словомъ и дѣломъ, направляла его ко всему превосходному. И хотя почитала для себя первымъ долгомъ, по закону супружества, покоряться мужу во всемъ другомъ; однако же не устыдилась быть его наставницею въ благочестіи. Конечно, достойна она въ семъ удивленія; но еще достоудивительнѣе покорствующій ей добровольно. Если другія жены тщеславятся и превозносятся красотою,

¹⁾ Малая монета.

²⁾ Бріарей, по языческому баснословію, былъ сторукий, и потому самый хищный, гигантъ.

³⁾ Слова Гезіода и изъ творенія его подъ названіемъ: Труды и дни.

какъ естественною, такъ и поддѣльною; то она знала одну красоту, красоту душевную, и старалась сохранять или уяснять въ себѣ, по мѣрѣ силъ, образъ Божій, а поддѣльныя и искусственныя украшенія отвергала, предоставляя ихъ опредѣлившимъ себя на зрѣлица. Она знала одно истинное благородство — быть благочестивою, и знать, откуда мы произошли, и куда пойдѣмъ: — одно надежное и неотъемлемое богатство — иждивать свое имущество для Бога и для нищихъ, особенно же для обѣднѣвшихъ родственниковъ. Удовлетворить только ихъ нуждамъ, по ея мнѣнію, значило не прекратить бѣдствіе, а напомнить объ ономъ; благодѣтельность же со всею щедростію почитала она дѣломъ, которое могло доставить и ей прочную славу, и имъ совершенное утѣшеніе. Если однѣ изъ женъ отличаются бережливостію, а другія благочестіемъ; ибо трудно совмѣщать оба качества: то она превосходила всѣхъ тѣмъ и другимъ, и въ каждомъ достигла верха совершенства, и оба умѣла соединить въ одной себѣ. Попечительностію и неусыпностію, по предписаніямъ и правиламъ Соломоновымъ для жены доблей, такъ она умножила все въ домѣ, какъ бы вовсе не знала благочестія. Но и столь была усердна къ Богу и ко всему Божественному, какъ бы нимало не занималась домашними дѣлами. Одно не терпѣло у ней ущерба отъ другаго, но одно другимъ взаимно поддерживалось. Укрылось ли отъ нея какое время и мѣсто молитвы? О семь у нея ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать: кто, приступая къ молитвѣ, имѣлъ столько упованія получить просимое? Кто оказывалъ такое уваженіе рукѣ и лицу священниковъ? Кто такъ высоко цѣнилъ всякій родъ любомудрой жизни? Кто больше, чѣмъ она, изнурялъ плоть постомъ и бдѣніемъ? Кто благоговѣйнѣе ея стоялъ во время всеоцныхъ и дневныхъ псалмопѣній? Кто чаще ея восхвалялъ дѣвство, хотя сама несла брачныя узы? Кто былъ лучшею заступницею вдовъ и сиротъ? Кто въ такой мѣрѣ облегчалъ бѣдственное состояніе плачущихъ? Да и слѣдующее, для иныхъ можетъ быть маловажное, даже не имѣющее никакой цѣны, какъ не для многихъ доступное (ибо что не удобоисполнимо, тому по зависти съ трудомъ и вѣримъ), для меня весьма достойно уваженія, какъ изобрѣтеніе вѣры и порывъ духовнаго жара. Въ священныхъ собраніяхъ и мѣстахъ, кромѣ необходимыхъ и таинственныхъ возглашеній, никогда не слышно было ея голоса. Въ древности то, что на жертвенникъ не восходила сѣкира, и при сооруженіи его не было видно и слышно орудій каменосѣчцевъ, имѣло важность по тому высшему знаменованію, что все посвящаемое Богу должно быть естественно и без-

искусственно. Почему же и въ ней не признать важнымъ того, что чувствовала святыню молчаніемъ, никогда не обращала хребта къ досточтимой трапезѣ, не плевала на полъ въ Божіемъ храмѣ; встрѣтятся съ язычницею, никогда не слагала руки съ рукой, не прикасалась устами къ устамъ, хотя бы встрѣтившаяся отличалась скромностію и была изъ самыхъ близкихъ; со вкушавшими нечистой и скверной трапезы, не только добровольно, но и по принужденію, не раздѣляла соли, не могла, вопреки требованію совѣсти, пройти мимо, и даже видѣть оскверненнаго дома; ни слуха, ни языка, которыми принимала и вѣщала Божественное, не оскверняла языческими повѣствованіями и зрѣлищными пѣснями; потому что освященному неприлично все неосвященное? Но и сего удивительнѣе то, что она, хотя и сильно поражалась горестями, даже чужими, однакоже никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный гласъ исторгся прежде благодаренія, или слеза упала на вѣжди, таинственно запечатлѣнная ¹⁾, или при наступленіи свѣтлаго праздника оставалась на ней печальная одежда, хотя неоднократно и многія постигали ее скорби. Ибо душѣ боголюбивой свойственно подчинять Божественному все человѣческое. Умолчу о дѣлахъ еще болѣе сокровенныхъ, которымъ свидѣтель одинъ Богъ, и о которыхъ знали развѣ вѣрныя рабыни, бывшія въ томъ ея повѣренными. А о томъ, можетъ быть, не должно и упоминать, что касалось до меня; такъ какъ я не соотвѣтствую ея надеждамъ, хотя и великихъ ей стоило усилій, еще до рожденія, не страшась будущаго, обѣщать, а по рожденіи вскорѣ посвятить меня Богу. Впрочемъ, Богу такъ было угодно, что обѣтъ ея не вовсе не исполненъ и приношеніе не отвергнуто. Таковыя совершенства частію были уже въ ней, а частію приумножались и возрастали постепенно. Какъ солнце и утренними лучами производитъ самое пріятное дѣйствіе, но полуденные лучи его теплѣе и свѣтлѣе; такъ и она, показавши немалые успѣхи въ благочестіи съ самага начала, возсіяла напоследокъ обильнѣйшимъ свѣтомъ.

Посему введши ея въ домъ свой, какъ издревле и отъ предковъ боголюбивую и христіюлюбивую, отъ отцевъ получившую въ наслѣдство добродѣтель, а не отъ дикой маслины, подобно ему, привитую къ маслинѣ доброй, — и тогда уже имѣлъ немалое побужденіе къ благочестію. Она, по преизбытку вѣры, не потерпѣла быть въ союзѣ съ иновѣрнымъ, и хотя была самая терпѣливая и мужественная изъ женъ, однако въ томъ единственно не могла сохра-

¹⁾ Крестнымъ знаменіемъ.

нить любомудрія, чтобы одною половиною быть въ соединеніи съ Богомъ, а другою частію самой себя оставаться въ отчужденіи отъ Бога. Напротивъ того, она желала, чтобы къ союзу плотскому присоединился и союзъ духовный. А потому день и ночь припадала къ Богу, въ постѣ и со многими слезами просила у Него даровать спасеніе главѣ ея, и неутомимо дѣйствовала на мужа, старалась приобрести его различными способами: упреками, увѣщаніями, услугами, отлученіемъ, а болѣе всего своими нравами и пламенною ревностію о благочестіи, чѣмъ всего сильнѣе преклоняется и умягчается сердце, добровольно давая себя нудить къ добродѣтели. Ей надобно было, какъ водѣ, пробивать камень, непрестанно падая на него по каплѣ, отъ времени ожидать успѣха въ томъ, о чемъ старалась, какъ и показало послѣдствіе. О семъ она просила, сего надѣялась, не столько съ жаромъ юныхъ лѣтъ, сколько съ горячностію вѣры. Ибо и на настоящее не полагался никто такъ смѣло, какъ она на упваемое, по опыту зная щедродаровитость Божию.

Но въ дѣлѣ спасенія содѣйствовало ей разсудокъ, принимавшій понемногу врачевство, содѣйствовало и соннсе видѣніе, какъ бы Богъ нерѣдко посылаетъ въ даръ душѣ достойной спасенія. Какое же видѣніе? — Здѣсь начинается для меня самая пріятная часть повѣствованія. Отцу моему представилось, будто бы (чего никогда прежде не дѣлалъ, хотя и многократно просила и умоляла о томъ жена) поетъ онъ на слѣдующій стихъ Давида: *возвеселился о рекиихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1). И псалмопѣніе необыкновенно, и вмѣстѣ съ пѣснію вселяется самое желаніе! А какъ скоро услышала получившая исполненіе желаніе, — пользуется временемъ, объясняетъ видѣніе въ самую добрую сторону, что было и справедливо; самую радостію своею обнаруживаетъ величіе благодѣянія, и ускоряетъ дѣло спасенія, дабы не воспрепятствовало что-нибудь призванію и не разрушило того, о чемъ столько старалась. И какъ въ то время собиралось въ Никею большое число архіереевъ, противостать Аріеву неистовству, — сему злу, недавно появившемуся и вводившему сѣченіе въ Божество; то родитель предаетъ себя Богу и проповѣдникамъ истины, исповѣдуетъ предъ ними свое желаніе, и ищетъ у нихъ общаго спасенія; потому что одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Леонтій, правившій тогда нашею митрополіею.

И здѣсь по благодати совершилось чудо, умолчавъ о которомъ, я много бы погрѣшилъ противу благодати. Не мало людей, бывшихъ свидѣтелями онаго. Учители точности впадаютъ въ нѣкоторую духовную ошибку, а благодать прообразуетъ будущее, и къ

оглашенію примѣшивается образъ священства. Подлинно невольное посвященіе! Ему велятъ преклонить колѣно, и въ семь положеніи совершается онъ словами оглашенія; почему многіе изъ присутствовавшихъ, не только люди высокаго ума, но и гораздо ихъ низшіе, прорекають будущее, не неясными знаменіями будучи удостоенны въ имѣющемъ послѣдовать.

Въ скоромъ времени присоединяется къ сему чуду другое. Предложу о семь во услышаніе однихъ вѣрныхъ: ибо душамъ нечистымъ все прекрасное кажется невѣроятнымъ. Родитель приступаетъ къ возрожденію водою и духомъ, чрезъ которое, какъ исповѣдуемъ предъ Богомъ, образуется и совершается человекъ Христовъ, земное прелагается въ духъ и возсоздается. Приступаетъ же къ омовенію съ пламеннымъ желаніемъ, съ свѣтлою надеждою, предпочистивъ себя сколько могъ, ставъ по душѣ и по тѣлу гораздо чище готовившихся принять скрижали отъ Моисея. Ибо ихъ очищеніе простиралось на однѣ одежды, состояло въ кратковременномъ цѣломудріи и въ томъ, чтобы обуздать нѣсколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приуготовленіемъ къ просвѣщенію и очищеніемъ до очищенія, ограждающимъ даръ, дабы совершенство ввѣрено было чистотѣ, и даруемое благо не подвергалось опасности отъ навыковъ противоборствующихъ благодати. При выходѣ изъ воды осіяваетъ его свѣтъ и слава достойная того расположенія, съ какимъ приступилъ онъ къ дарованію вѣры. Сіе явственно было и для другихъ. Хотя они сохранили тогда чудо въ молчаніи, не осмѣливаясь разглашать, потому что каждый почиталъ себя одного видѣвшимъ; однако же, вскорѣ сообщили о томъ другъ другу. Но тому, кто крестилъ и совершилъ его таинствомъ, видѣніе было весьма ясно и вразумительно, и онъ не могъ сохранить его втайнѣ, но всенародно возвѣстилъ, что помазалъ Духомъ своего преемника.

И да не сомнѣвается въ семь никто изъ слышавшихъ и знающихъ, что и Моисей былъ еще малъ, а по людскому мнѣнію и вовсе не заслуживалъ вниманія, когда призывается кушиною горящею, но не сгорающею, вѣрнѣе же — Тѣмъ, Кто явился въ купинѣ, и симъ первымъ чудомъ утверждается въ вѣрѣ, — тотъ, говорю, Моисей, у котораго разсѣкается море, дожидится хлѣбъ, камень источаетъ воду, столбъ огненный и облачный попеременно путеводствуетъ, воздвѣніе рукъ служитъ побѣднымъ знаменіемъ и, назнаменуя крестъ, побѣждаетъ многія тысячи. И Исаія, зритель славы и Серафимовъ, а послѣ него Іеремія, получившій великую силу надъ народами и царями, — одинъ до пророчества слышитъ Божій

гласъ и очищается углемъ. (Ис. 6, 7. 8), а другій познается до созданія, и освящается до рожденія (Іер. 1, 5). А Павелъ, великій проповѣдникъ истины, наставникъ язычниковъ въ вѣрѣ, будучи еще гонителемъ, осіявается свѣтомъ, познаетъ Гонимаго, приѣмлетъ на себя великое служеніе, и потомъ наполняетъ благовѣствованіемъ всякій слухъ и разумѣніе. Нужно ли перечислять всѣхъ, которые призваны и присвоены Богомъ чрезъ чудеса подобныя тѣмъ, какими утверждены въ благочестіи мой родитель?

И нельзя сказать, что одно начало было таково, такъ невѣроятно и необычайно, а послѣдующія дѣла обезславили чѣмъ-нибудь предшествовавшее, какъ бываетъ съ людьми, которые скоро начинаютъ чувствовать пресыщеніе въ добрѣ и потомъ нерадятъ уже о преусупянїи, или и вовсе обращаются къ прежнимъ порокамъ. О немъ, говорю, нельзя сего сказать; напротивъ того, онъ весьма былъ внимателенъ къ самому себѣ и къ предначату. Въ немъ все имѣло взаимное согласіе, и бывшее до священства — съ преимуществами священства, и бывшее по принятїи онаго — съ прежними совершенствами. Не иначе прилично и начинать, какъ онъ кончилъ; не инымъ чѣмъ должно и оканчивать, какъ тѣмъ, съ чего онъ началъ.

Онъ приѣмлетъ священство не съ такою опрометчивостію, не съ такимъ нарушеніемъ порядка, какъ дѣлается сіе нынѣ, но когда ничего уже не было пренебрежено, чтобы, по очищенїи себя самого, прїобрѣсти опытность и силу очищать другихъ, какъ требуетъ сего законъ духовнаго послѣдованія. И когда приѣмлетъ: тѣмъ паче прославляется въ немъ благодать какъ благодать истинно Божія, а не человѣческая, и не какъ самозаконное стремленіе, или, по выраженію Соломона, *произволеніе духа* (Еккл. 1, 14). Ибо Церковь, ему ввѣряемая, уподоблялась пажити, заросшей лѣсомъ и одичавшей; она недавно поступила подъ епископское правленіе, и прежде моего родителя украшалась единымъ только мужемъ, который былъ чуднаго и ангельскаго нрава, но очень простъ въ сравненїи съ нынѣшними предстоятелями народовъ. А какъ и тотъ вскорѣ преставился; то она снова оставалась долгое время въ небреженїи, и отъ безначалїа пришла въ запустеніе. Но родитель мой сначала безъ большаго труда умягчилъ нравы людей, какъ благоразумными пастырскими наставленїями, такъ и тѣмъ, что себя самого, подобно прекрасно отдѣланному духовному изваянїю, предлагалъ въ образецъ всякаго превосходнаго дѣла. Потомъ, со всѣмъ усердіемъ заявившись Божиимъ словомъ, хотя и поздно началъ учиться, въ непродолжительное время прїобрѣлъ столько мудрости, что ни мало

не уступалъ трудившемуся долго, и получили отъ Бога ту особенную благодать, что содѣлался отцемъ и учителемъ Православія, не колеблющимся въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ, какъ нынѣшніе мудрецы, не обоюдно и ухищренно защищающимъ наше ученіе, какъ поступаютъ люди, не имѣющіе въ себѣ твердаго основанія вѣры, или корчемствующіе истину. Напротивъ того, онъ былъ благочестивѣ сильныхъ въ словѣ, и сильнѣе въ словѣ отличающихся правомысліемъ; справедливѣе же сказать — занимая второе мѣсто по дару слова, превосходилъ всѣхъ благочестіемъ. Вѣдая и единого Бога въ Троицѣ покланяемаго и три (Впостаси) въ единомъ Божествѣ, онъ не держался ни Савелліева ученія объ единомъ, ни Аріева о трехъ, то-есть, Божества, какъ не сокращалъ и не разлагалъ безбожно, такъ и не разсѣкалъ на особства, неравныя или по величинѣ или по естеству. Ибо въ комъ все непостижимо и выше нашего разумѣнія, въ томъ можетъ ли быть постигнуто или объяснено самое высочайшее? И какъ измѣрять безконечное, чтобы и Божество, находя въ Немъ степени приращенія и уменьшенія, подчинить тому-же самому, что свойственно вещамъ ограниченнымъ? Такъ разсуждая, сей великій Божій человекъ, истинный Богословъ, не иначе какъ съ Духомъ Святымъ приступавшій къ такимъ предметамъ, сдѣлалъ (о другомъ чемъ нужно ли и говорить?), что Церковь сія могла наименоваться новымъ Іерусалимомъ и другимъ ковчегомъ, носимымъ по водамъ, какъ при великомъ Ноѣ, отцѣ сего втораго міра; особливо же — ковчегомъ, потому что явно спаслась отъ потопленія душъ и устремленія еретиковъ. И въ какой мѣрѣ она уступала другимъ Церквамъ числомъ вѣрующихъ, въ такой-же мѣрѣ превзошла ихъ славою, испытавъ на себѣ то же, что и священный Вилеємъ, которому ничто не воспрепятствовало быть и малымъ градомъ и матерію градовъ во вселенной; потому что въ немъ родился и воспитывался Христосъ и Творецъ и Побѣдитель міра.

Доказательствомъ же сказанному служить слѣдующее. Когда мы, вовлеченные въ худое общеніе ухищреннымъ писаніемъ и реченіемъ¹⁾, увидѣли противъ насъ возмутившимися ревностнѣйшихъ членовъ Церкви; тогда въ разсужденіи его одного были увѣрены, что онъ не погрѣшилъ мыслию, и чернило не очернило его

¹⁾ Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь то обстоятельство, случившееся съ его родителемъ, что онъ, по простотѣ, подписался къ изложенію Вѣры, составленному прикровенными аріанами, въ которомъ слово *μονοθεος* (единосущный), съ малою перемѣною замѣнено было словомъ *ομοθεος* (подобосущный).

души, хотя и уловленъ по простотѣ, и имѣя нековарное сердце, не уберегся отъ коварства. Онъ одинъ, или, вѣрнѣе сказать—онъ первый примирилъ съ собою и съ другими тѣхъ, которые по ревности къ благочестію возстали противъ насъ, и какъ послѣдніе оставили насъ, такъ первые возвратились къ намъ изъ уваженія къ Пастырю и сознавая чистоту ученія. Такъ прекращено великое смятеніе въ Церквахъ и буря *ста въ тишину* (Пс. 106, 29), удержанная его молитвами и увѣщаніями; при чемъ (если должно сколько-нибудь похвалиться) и я участвовалъ въ благочестіи и дѣятельности; ибо помогалъ ему во всякомъ добромъ дѣлѣ, и какъ бы сопутствовалъ и слѣдилъ за нимъ, почему и удостоился совершить большую часть дѣла. Но на семь да остановится слово, предупредившее нѣсколько порядокъ событій.

Кто же, или исчислить множество его доблестей, или, желая умолчать о нѣкоторыхъ, безъ труда найдеть такія, о которыхъ можно и не говорить? Ибо все, что ни представится вновь уму, оказывается лучшимъ предшествовавшаго, и не могу остановиться на семь. Другіе сочинители похвальныхъ словъ затрудняются тѣмъ, о чемъ имъ говорить, а я больше затрудняюсь тѣмъ, о чемъ мнѣ не говорить. Самое обиліе обращается для меня нѣкоторымъ образомъ во вредъ; и мысль, пытаясь взвѣсить его дѣла, сама подвергается испытанію; потому что не въ силахъ найдти, которому изъ равноцѣнныхъ качествъ отдать преимущество. Что видимъ на стоячихъ водахъ, когда упавшій камень дѣлается средоточіемъ многихъ одинъ за другимъ появляющихся круговъ, при чемъ каждый образующійся внутри кругъ непрестанно расторгаетъ собою круги внѣшніе; то-же самое происходитъ теперь и со мною. Едва приходитъ что-либо на мысль, какъ уже слѣдуетъ за тѣмъ и еще и еще новое; и не успѣю сдѣлать выбора, какъ представлявшееся прежде уступило уже мѣсто представившемуся вновь.

Кто былъ ревностиѣ его въ дѣлахъ общественныхъ? Кто оказалъ болѣе любомудрія въ дѣлахъ домашнихъ? Ибо и домъ и соразмѣрное имущество даровалъ ему Богъ, все устрояющій премудро и разнообразно. А къ нищимъ—сей самой презрѣнной части равночестнаго съ нами естества — у кого было сострадательнѣе сердце, щедрѣе рука? Дѣйствительно, какъ приставникъ чужого имущества разсуждалъ онъ о собственномъ, чѣмъ только могъ, облегчая нищету, и иждивая не одни избытки, но и самое необходимое, что, конечно, служить весьма яснымъ доказательствомъ его нищелюбія. Не только по закону Соломонову, давалъ *часть седмимъ* (Еккл. 11, 2), но не разсчитывалъ, если приходитъ и осѣ-

мый; охотиѣе расточаль, чѣмъ иные прибрѣтають; отъяль *отъ себе союзъ и рукобіеніе* (что, какъ думаю, означаетъ скупость и развѣдыванія — достоинъ, или нѣтъ приѣмлющій милостыню) и *глаголь роптанія* при подаяніи (Ис. 58, 9), чѣмъ страждуть многіе, подавая, но безъ усердія, которое важнѣе и совершеннѣе самаго подаянія. Ибо гораздо лучше для достойныхъ простирать руку и недостойнымъ, нежели изъ опасенія — встрѣтиться съ недостойными, лишать благодѣянія и достойныхъ. Сіе, по моему мнѣнію, и означаетъ то, что надобно посылать хлѣбъ свой даже на воду (Еккл. 11, 1); онъ не разсыплется и не пропадетъ предъ праведнымъ Судією, но достигнетъ туда, гдѣ положено будетъ все ваше, и гдѣ найдемъ его во время свое, хотя о томъ и не думаемъ.

Но всего превосходнѣе и выше въ родителѣ было то, что онъ, при равнодушїи къ богатству, былъ равнодушенъ и къ славѣ. И я хочу показать, въ какой именно мѣрѣ и какимъ образомъ. И имѣніе и усердіе подавать были у него общія съ супругою; потому что оба соревновали другъ другу во всемъ прекрасномъ. Но большая часть подаяній лежала на ея рукахъ; потому что она въ подобныхъ дѣлахъ была лучшею и вернѣйшею распорядительницею. И подлинно жена щедролюбивая! Если бы позволили ей черпать изъ Атлантическаго, или другаго обширнаго моря, и того бы ей не достало: такъ велико и непомѣрно было въ ней желаніе подавать милостыню! Она подражала Соломоновой *пѣвицѣ* (Притч. 30, 15), только въ противномъ — въ ненасыщаемости добрымъ, препобѣждала же въ себѣ алканіе худшаго и не знала сытости только въ усердіи дѣлать добро. Все имущество, какое у нихъ было, и какое присовокупилось впоследствии, почитала она скуднымъ для своего желанія; но если бы можно было, — въ пользу нищихъ (какъ неоднократно слыхаль я отъ нея) отдала бы себя и дѣтей. А потому родитель ей предоставилъ подаянія въ полную свободу, что, мнѣ кажется, выше всякаго примѣра. Ибо и въ другомъ можно безъ труда найти равнодушїе къ богатству; его губяты, чтобы заставить о себѣ говорить и чтобы прибрѣсть значительность въ обществѣ; его даютъ также въ заемъ Богу чрезъ нищихъ, и въ семъ единственномъ случаѣ расточающіе берегаютъ его для себя. Но едва ли скоро найдемъ человѣка, который бы уступилъ другому и самую славу, прибрѣтаемую щедростію. Ибо честолюбіе дѣлаетъ многихъ готовыми къ расточительности; но гдѣ подаяніе не видно, тамъ и тратяты неохотно. — Такъ расточала рука моего родителя; а большая часть сихъ дѣлъ его пусть останется извѣстною только знавшимъ его. Если и о мнѣ говорятъ что-либо подобное:

оно выходитъ изъ того же источника, и составляетъ часть одного потока.

О комъ справедливѣе можно сказать, что онъ съ Богомъ дѣйствовалъ, когда избиралъ людей для алтаря, или ревновалъ о поруганіяхъ оному, или со страхомъ очищалъ священную трапезу отъ не освященныхъ? Кто съ такою непоколебимостію воли, съ такою строгою справедливостію судилъ дѣла, ненавидѣлъ пороки, чтилъ добродѣтель, предпочиталъ добродѣтельныхъ? Кто былъ столько снисходителенъ къ согрѣшающимъ, и оказывалъ столько пособій благоуспѣвающимъ? Кто лучше зналъ время *железа* и *палицы*¹⁾ (Пс. 22, 4), и чаще дѣйствовалъ палицею? Чьи очи были паче *на отръныя земли* (Пс. 100, 6), и кромѣ другихъ были на тѣхъ, которые въ уединеніи и внѣ брака живутъ для Бога, презрѣвъ землю и все земное? Кто больше обуздывалъ высокомѣріе и любилъ смиренномудріе? И любилъ не притворно и не на-показъ, какъ многіе нынѣ представляющіе изъ себя мужей любомудрыхъ, и по наружности столько же нарядные, какъ и тѣ глупыя жены, которыя, по недостатку собственной красоты, прибѣгаютъ къ румянамъ, и прекрасно (сказалъ бы я) позорять себя, дѣлаясь безобразнѣйшими отъ самаго благообразія и гнуснѣйшими по причинѣ своей гнусности. Но онъ поставлялъ смиреніе не въ одеждѣ, а въ благоустройствѣ души; и выражалъ оное не согбеніемъ выи, не пониженіемъ голоса, не наклоненіемъ внизъ лица, не густотою усовъ, не обритіемъ головы, не походкою; такъ какъ все сіе прикрываетъ человѣка не надолго, и вскорѣ изобличается, потому что и все притворное непостоянно. Напротивъ того, онъ былъ всѣхъ выше по жизни, и всѣхъ смиреннѣе во мнѣніи о себѣ. По добродѣтели недоступенъ²⁾, а въ обращеніи весьма доступенъ. Онъ не отличалъ себя одеждою, въ равной мѣрѣ убѣгая и превозношенія и униженія; но внутреннимъ достоинствомъ былъ выше многихъ. И хотя не менѣе всякаго другаго укрощалъ недугъ и ненасытность чрева, однако же не думалъ о семъ высоко: одно дѣлалъ для того, чтобы очистить себя; другое, чтобы не возгордиться, привлекая славу новостію. Ибо все дѣлать и говорить съ тѣмъ, чтобы за сіе прославляли посторонніе, свойственно человѣку мірскому, для котораго нѣтъ инаго блаженства, кромѣ настоящей жизни. А человѣкъ духовный и христіанинъ долженъ имѣть въ виду одно спасеніе, и, что ведетъ къ нему, высоко цѣнить, а что не ведетъ, прези-

¹⁾ Перваго для наказанія, второй для подпоры.

²⁾ То-есть, неподражаемъ.

рать, какъ ничего нестоющее; и потому ни во что ставить все видимое, заботиться же единственно о томъ, какъ достигнуть внутренняго совершенства, и то почитать выше всего, что можетъ самого сдѣлать наиболѣе достойнымъ, а чрезъ него и другихъ привлечь къ совершенству.

Но превосходнѣйшими качествами въ моемъ родителѣ, ему преимущественно свойственными, и для многихъ не безызвѣстными, были простота, нравъ чуждый всякаго лукавства и непамятословіе. И въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ видимъ, что одинъ преуспѣвалъ въ одномъ, другій въ другомъ, въ какой мѣрѣ каждый удаивался получить отъ Бога какую-либо благодать, на примѣръ: Іовъ — твердость и непреодолимость въ страданіяхъ; Моисей и Давидъ—кротость; Самуиль—даръ пророчества и прозрѣнія въ будущее; Финеесъ—ревность, по которой дано ему имя; Петръ и Павелъ—неутомимость въ проповѣданіи; сыны Зеведеовы — велегласіе, почему и названы сынами грома. Но для чего перечислять всѣхъ?—я говорю знающимъ. Стефанъ и отецъ мой ничѣмъ столько не отличались, какъ незлобіемъ. Первый въ опасности жизни не возненавидѣлъ убійць, но побиваемый камнями молился за убивающихъ, какъ Христовъ ученикъ, за Христа страждущій и плодоносящій Богу нѣчто высшее самой смерти—долготерпѣніе. У послѣдняго не бывало промежутка времени между выговоромъ и прощеніемъ, такъ что скоростію помилованія почти закрывалось огорченіе, причиненное выговоромъ. Слышимъ и вѣруемъ, что есть дрожжи гнѣва и въ Богѣ—остатокъ негодованія на достойныхъ сего; ибо *Богъ отмщеній Господь* (Пс. 93, 1). И хотя по человѣколюбію Своему преклоняется Онъ отъ строгости къ милосердію; однако же не совершенно прощаетъ грѣшниковъ, чтобы милость не сдѣлала ихъ худшими. Такъ и родитель мой нимало не питалъ негодованія на огорчившихъ, хотя и не былъ вовсе неуязвимъ гнѣвомъ, особенно же препобѣждался ревностію въ дѣлахъ духовныхъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бывалъ приготовленъ и вооруженъ, и оскорбительное встрѣчалъ какъ врага усмотрѣннаго издали; тогда, какъ говорится, не поколебали бы его и тысячи. Но и гнѣвъ его былъ пріятенъ; онъ былъ не *яръсть по подобію зміи* (Пс. 57, 5), которая воспламеняется внутри, готова ко мщенію, съ перваго движенія переходитъ въ гнѣвъ и желаніе возмездія, но походилъ на жало пчелы, уязвляющее, а не умерщвляющее. Человѣколюбіе же его было болѣе, нежели человѣческое. Въ числѣ угрозъ бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказанія; бывала опасность пожатія

ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть; и тѣмъ прекращалась угроза. Съ преступника совлекали одежду и обувь, распростирали его по землѣ, и потомъ гнѣвъ обращаемъ былъ не на обидчика, а на того, кто усердно содѣйствовалъ, какъ на служителя злу. Могъ ли кто быть его милостивѣе и достойнѣе приносить дары Богу? Не рѣдко едва приходилъ въ раздраженіе, какъ уже прощалъ раздражившаго, стыдясь его паденій, какъ своихъ собственныхъ. Роса долѣе выдерживаетъ солнечный лучъ, падающій на нее утромъ, чѣмъ въ немъ удерживался какой-либо остатокъ гнѣва. Напротивъ того, едва начиналъ говорить, какъ съ словами проходило и негодованіе, оставляя по себѣ одно добротолубіе. Да и никогда не продолжалось его негодованіе по захожденіи солнца, не питало гнѣва, который губить и благоразумныхъ, не оставляло худыхъ слѣдовъ въ тѣлѣ, но сохранялось спокойствіе и среди самаго возмущенія. А потому онъ испыталъ на себѣ ту необычайность, что хотя не онъ одинъ подвергалъ наказаніямъ, однако же его одного любили и уважали наказываемые; потому что онъ побѣждалъ вспыльчивость милостію. И дѣйствительно, терпѣть наказаніе отъ праведнаго лучше, нежели умащаться елеемъ нечестиваго. Ибо самая суровость одного пріятна по причинѣ пользы, а милость другаго подозрительна по причинѣ его злонравія.

Но при такихъ душевныхъ качествахъ, имѣя нравъ простой и богоподобный, родитель мой былъ для оскорбителей нѣсколько и страшенъ своимъ благочестіемъ; вѣрнѣе же сказать, всего болѣе поражала ихъ самая пренебрегаемая ими простота. Ибо не приносилъ онъ ни одного слова, молитвеннаго или клятвеннаго, за которымъ бы не послѣдовало тотчасъ или долговременное благо, или временная скорбь. Но первое выходило изъ глубины души, а послѣднее являлось только на устахъ, и было одно отеческое вразумленіе. Такъ многихъ изъ огорчившихъ его постигло не позднее воздаяніе и не сзади идущее правосудіе, какъ сказано у стихотворца ¹⁾ но они были поражаемы при первомъ движеніи гнѣва, раскаявались, притекали къ нему, падали на колѣна, получали прощеніе, и отходили прекрасно побѣжденными, исправившимися, уцѣломудренными и прощенными. Ибо и прощеніе не рѣдко ведетъ ко спасенію, обуздывая обидчика стыдомъ, изъ состоянія страха приводя его въ чувство любви и самое твердое благорасположеніе. Вразумленія же бывали различны; иныхъ бросали вверхъ волны, сдавленные ярмомъ и нечаянно набѣжавшіе, чего не случа-

¹⁾ У Пиндара.

лось съ ними прежде; другихъ повергали на землю и топтали кони, дотолѣ самые покорные и смиренные; а нѣкоторыхъ постигала сильная горячка, и мучили мечтанія о собственныхъ проступкахъ. Для иныхъ бывали вразумленія и другаго рода, и претерпѣваемое ими научало ихъ послушанію.

Такова и столь извѣстна была въ родителѣ моемъ кротость! Но кому же уступалъ онъ въ искусствѣ вести дѣла и въ дѣятельности? Конечно, никому. Напротивъ того, хотя онъ былъ кротокъ въ большей мѣрѣ, нежели кто-либо другій; однако же при кротости былъ и дѣятеленъ. Хотя простота и суровость суть два качества, всего болѣе одно другому противящіяся и противоположныя, потому что первая при кротости не дѣятельна, а другая при дѣятельности не человѣколюбива; впрочемъ въ немъ оба сіи качества были соединены чуднымъ образомъ. Въ ходатайствахъ, представительствахъ и во всѣхъ дѣлахъ правленія онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ строгій, но съ кротостію, и уступалъ, какъ человѣкъ недѣятельный, но съ искусствомъ. Соединяя въ себѣ мудрость змія въ разсужденіи зла, и незлобіе голубя въ разсужденіи добра, онъ не попускалъ и благоразумію дѣлаться злотворнымъ, и простотѣ доходить до слабоумія, но изъ обоихъ совершенствъ, какъ можно было лучше, оставилъ одну добродѣтель. Что же удивительнаго, если при такихъ доблестяхъ, такъ священноначальствуя, и снискавъ у всѣхъ такую славу, удостоился онъ наконецъ и знаменій, каковыми Богъ утверждаетъ благочестіе?

Вотъ одно изъ совершившихся на немъ чудесъ. Онъ страдалъ недугомъ, и изнемогъ въ тѣлесныхъ силахъ. Да и удивительно ли, что святые подвергаются страданіямъ? Сіе нужно или для очищенія даже малой нечистоты, или для испытанія въ добродѣтели и для искуса въ любомудріи; или для назиданія болѣе немощныхъ, чтобы изъ примѣра ихъ научались терпѣнію и не унывали въ страданіяхъ. Итакъ, онъ былъ боленъ, а наступило время святой и преславной Пасхи, сего царя дней, сея пресвѣтлой ночи, разсѣявшей грѣховную тму,—ночи, въ которую при обильномъ свѣтѣ празднуемъ собственное свое спасеніе, и какъ умерли съ умерщвленнымъ за насъ Свѣтомъ, такъ и совостаемъ съ Воставшимъ. Въ такое время постигла его болѣзнь, и она была, скажу не распространяясь, сильная горячка съ жаромъ; вся внутренность пылала, силы оскудѣли, а пищи не было, сонъ бѣжалъ, больный метался и чувствовалъ трепетаніе во всѣхъ членахъ. Во рту вся внутренность, небо и что далѣе неба, покрылось вередями, столько болѣзненными и частыми, что трудно и опасно было проглотить даже воды. Не

помогали ни искусство врачей, ни неотступныя молитвы домашнихъ, ни всё другія пособія. Въ такомъ положеніи находился родитель, дышалъ слабо и едва примѣтно, не узнавалъ предстоящихъ, но весь былъ занятъ своею кончиною, тѣмъ, чего давно желалъ, и что было ему уготовано. А мы были тогда въ храмѣ, славили тайну и молились; ибо, отчаявшись въ другихъ пособіяхъ, прибѣгли къ великому Врачу, къ силѣ настоящей ночи—къ сей послѣдней помощи. Но что готовилъ намъ день? празднество или плачь, торжество или погребеніе не присутствовавшего съ нами? Сколько слезъ пролито тогда всёмъ народомъ! сколько слышно было гласовъ, воплей и пѣсней срастворенныхъ псалмопѣніями! У святилища просили священника, у таинства — таинника, у Бога—достойнаго предстателя. И сіе совершилось съ назначеніемъ моею Маріамы, ударяющей въ тимпанъ не побѣдный, но молитвенный, и наученный скорбію въ первый разъ отложить стыдъ и вопіять къ людямъ и къ Богу, умоляя людей раздѣлить горестъ сѣтующей и пролить съ нею слезы, а Бога прося услышать молящихся, и вспоминая предъ Нимъ всё прежнія чудеса Его (ибо скорбь изобрѣтательна). Что же творить Богъ сея ночи и болящаго? Съ трепетомъ приступаю къ продолженію повѣствованія; со страхомъ внимайте и вы, слушатели, а не съ сомнѣніемъ, что и неприлично, когда говорю я о немъ. Наступило время тайнодѣйствія, началось благоговѣйное стояніе и чинъ безмолвнаго вниманія совершаемому; и Животворящимъ мертвыхъ также силою священной ночи возстановленъ болящій. Въ немъ оказывается сперва слабое, потомъ усиленнѣйшее движеніе, послѣ сего, весьма тихимъ и невнятнымъ голосомъ назвавъ по имени одного изъ предстоящихъ служителей, велитъ ему подойти, подать одежду и поддерживать руки. Слуга съ изумленіемъ подходитъ, и охотно исполняетъ приказаніе. Больной, опираясь на его руки, какъ на жезлъ, подражаетъ Моисею на горѣ, и изнемогшія руки устроивъ на молитву, вмѣстѣ съ народомъ своимъ усердно совершаетъ таинство, или даже предначинаетъ совершеніе краткими, сколько могъ, словами, но наисовершеннѣйшимъ, какъ я думаю, умомъ. И какое чудо! безъ алтаря предстоитъ алтарю, безъ жертвенника жрецъ, священнодѣйствующій вдали отъ священнодѣйствующаго! Но и оно предложено было ему Духомъ Святымъ, что и сознавалъ самъ онъ, но не видѣли сего присутствующіе. Потомъ, произнеся, какъ слѣдуетъ, слова Благодаренія¹⁾ и благословивъ народъ, возле-

¹⁾ Евхаристіи.

гаетъ онъ опять на одръ, и принявъ нѣсколько пищи, также вкусивъ сна, обновляется въ силахъ. Между тѣмъ, пока возрастало и укрѣплялось по немногу здоровье,—наступилъ новый день праздника, какъ именуемъ первый Господскій день, слѣдующій за днемъ Воскресенія. Тогда приходитъ во храмъ, со всѣмъ церковнымъ соборомъ обновляетъ спасеніе, и приносить въ жертву святыя Дары. И сіе, по моему мнѣнію, чѣмъ менѣе чуда, совершившагося на Езекии, котораго въ болѣзни, по молитвѣ его, прославилъ Богъ прибавленіемъ лѣтъ жизни, и это самое, по прошенію исцѣленнаго, ознаменовалъ возвращеніемъ тѣни на нѣсколько степеней, почтивъ такимъ образомъ царя вмѣстѣ и благодатію и знаменіемъ, прибавленіемъ долготы дня увѣривъ въ прибавленіи дней жизни?

Чрезъ нѣсколько времени совершилось подобное чудо и надъ моею матерью, также достойное того, чтобы не умалчивать о немъ. Ибо, приобщивъ здѣсь повѣствованіе объ ономъ, сколько почтима ея, достойную всякой чести, столько благоугодимъ и родителю. Мать моя всегда была крѣпка и мужественна, во всю жизнь не чувствовала недуговъ; но и ее постигаетъ болѣзнь. Изъ многихъ страданій, чтобы не продолжать слова, наименую самое тяжкое—отращеніе отъ пищи, продолжавшееся многіе дни и неизлѣчиваемое никакимъ врачествомъ. Какъ же питаетъ ее Богъ? Не манну ниспосылаетъ, какъ древле Израилю; не камень разверзаетъ, чтобы источить воду жаждущимъ людямъ; не чрезъ врановъ питаетъ, какъ Илію; но чрезъ восхищаемаго пророка насыщаетъ, какъ нѣкогда Даніила, томимаго голодомъ во рвѣ. Но какимъ же образомъ? Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во снѣ не предпочитала мнѣ никого другаго), являюсь къ ней вдругъ ночью съ корзиною и самыми бѣлыми хлѣбами, потомъ, произнеся надъ ними молитву и запечатлѣвъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, по введенному у насъ обыкновенію, подаю ей вкусить и тѣмъ восстанавливаю и подкрѣпляю ея силы. И сіе ночное видѣніе было для нея чѣмъ-то дѣйствительно существеннымъ; ибо съ сего времени пришла она въ себя и стала не безнадежна. А случившееся съ нею обнаружилось яснымъ и очевиднымъ образомъ. Когда, при наступленіи дня, взошелъ я къ ней рано утромъ,—съ перваго раза увидѣлъ ее въ лучшемъ прежняго положенія; потомъ сталъ, по обыкновенію, спрашивать: какъ провела ночь, и что ей нужно?—Она ни мало не медля и рѣчисто сказала: „Самъ ты, любезный сынъ, напиталъ меня, и потомъ спрашиваешь о моемъ здоровьѣ. Ты весьма добръ и сострадательнъ!“ Въ то же время слу-

жанки показывали мнѣ знаками, чтобы я не противорѣчилъ, но принялъ слова ея равнодушно и открытіемъ истины не приводилъ ее въ уныніе.

Еще присовокуплю одно происшествіе, касающееся обоихъ. Плылъ я Пареевскимъ моремъ на кораблѣ Еггинскомъ изъ Александріи въ Грецію. Время было самое неудобное для плаванія; но меня влекла страсть къ наукамъ, особливо же ободряло то, что корабельщики были какъ бы свои. Но едва нѣсколько совершили мы пути, — поднялась страшная буря, какой, по словамъ пльвшихъ со мною, и не бывало дотолѣ на ихъ памяти. Всѣ пришли въ страхъ при видѣ общей смерти; но я, бѣдный, боялся болѣе всѣхъ за свою душу; ибо подвергался опасности умереть некрещенымъ и среди губительныхъ водъ желалъ воды духовной; посему вопіялъ, просилъ и молилъ себѣ хотя малой отсрочки. Соединяли вопль свой и пльвшіе со мною, не смотря на общую опасность, усерднѣе иныхъ родственниковъ. Странные подлинно человѣколюбцы, наученные состраданію бѣдствіемъ! Такъ страдалъ я; но со мною страдали и родители, въ ночномъ видѣніи раздѣляя мое бѣдствіе. Они съ суши подавали помощь, своею молитвою какъ бы заговаривая волны: о чемъ узналъ я, когда впослѣдствіи, по возвращеніи домой высчиталъ время. То же самое открылъ и намъ спасительный сонъ, какъ скоро мы вкусили оный, потому что буря нѣсколько утихла. Ночь явственно мнѣ представила, что держу Эринію, которая страшно смотритъ и грозитъ опасностію. А нѣкто изъ пльвшихъ со мною, оказывавшій ко мнѣ особенное благорасположеніе и любовь и весьма беспокоившійся о мнѣ, видѣлъ, что во время опасности мать моя вошла въ море, и взявши корабль, безъ большаго труда извлекла еге на сушу. И видѣніе оправдалось; ибо море стало укрощаться, а мы вскорѣ, по непродолжительномъ бѣдствованіи на морѣ, пристали къ Родосу. Во время сей-то опасности и я принесъ себя въ даръ, давъ обѣтъ, если спасусь, посвятить себя Богу, и посвятивъ, спасся.

И сіе касается обоихъ; но думаю, что иные изъ коротко знавшихъ моего родителя, давно удивляются мнѣ, который такъ долго останавливаюсь на сихъ предметахъ, какъ будто это одно и могу ставить ему въ похвалу, а доселѣ не упомянулъ о тягостныхъ временахъ, съ которыми онъ боролся, какъ будто сего или не знаю, или не почитаю важнымъ. И такъ присовокупимъ и сіе къ сказанному.

Наше время произвело на свѣтъ первое, а думаю и послѣднее зло—царя отступника отъ Бога и отъ здраваго смысла. Почитая для себя малымъ дѣломъ покорить персовъ, а великимъ—низлю-

жить христіанъ, при содѣйствіи побуждающихъ его къ тому демонъ, не оставилъ онъ безъ испытанія ни одного вида нечестія: убѣждалъ, угрожалъ, лжеумствовалъ, привлекалъ къ себѣ не только ухищреніями, но и силою. Онъ не имѣлъ утайтcя, какъ ни прикрывалъ гоненіе злоухищренными выдумками; но не употреблялъ своей власти и открытымъ образомъ, чтобы мы непременно были уловлены, какъ ни есть, или обманомъ, или насиліемъ. Но найдется ли человѣкъ, который бы болѣе моего родителя или презиралъ, или послужилъ къ низложенію сего царя? Доказательствомъ пренебреженія, кромѣ многаго другаго, служить слѣдующее. Когда стрѣлки, съ предводителемъ своимъ, посланные царемъ отнимать у насъ, или разрушать священные наши храмы, послѣ нападеній на многія другія мѣста съ такою же дерзкою мыслию пришли сюда, и начальникъ ихъ, по царскому указу, сталъ требовать храма: тогда не только не совершилъ онъ желаемаго, но если бы по собственному благоразумію, или по чьему-либо совѣту, не согласился уступить моему отцу, то былъ бы растоптанъ ногами. Такъ іерей воспламенялъ всѣхъ гнѣвомъ на него и ревностію о храмѣ! Но кто же болѣе моего родителя способствовалъ къ низложенію отступника? Онъ и открыто, не смотря на обстоятельства, всенародными молитвами и моленіями поражалъ губителя, и наединѣ выводилъ на него свое ночное ополченіе—простертіе на земли, изнуреніе престарѣлой и маститой плоти своей, орошеніе пола слезами. Въ таковыхъ подвигахъ провелъ онъ почти цѣлый годъ, любомудрствуя предъ единымъ Тайновѣдцемъ, отъ насъ же стараясь укрытcя; потому что, какъ сказалъ я, не любилъ хвалиться своею набожностію. И конечно, утайлся бы, если бы не взошелъ я однажды нечаянно и, увидѣвъ слѣды его распростертія на земли, не вывѣдалъ у одного изъ служителей, что сіе значило и такимъ образомъ не узналъ ночной тайны.

Вотъ и другое повѣствованіе о подобномъ опытѣ мужества и относящееся къ тому же времени. Кесарія была въ волненіи, по случаю избранія архіерея; потому что одинъ скончался, и искали другаго. Споры были жаркіе, и трудно было положить имъ конецъ. Городъ, по свойству жителей, а особенно, въ настоящемъ случаѣ, по горячности вѣры, склоненъ былъ къ мятежамъ; а знаменитость каведры еще болѣе усиливала страсть къ преніямъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда прибыло нѣсколько епископовъ, чтобы дать городу архіерея. Народъ раздѣлился на многія части, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ; одинъ предлагалъ того, другій другаго, руководясь—кто дружескими связями, кто

страхомъ Божиимъ. Наконецъ, всѣ приходятъ въ согласіе, и одного изъ первостепенныхъ гражданъ ¹⁾ отличнаго по жизни, но еще не запечатлѣннаго божественнымъ Крещеніемъ, взявъ противъ воли его, при содѣйствіи военной силы, вступившей тогда въ городъ, возводятъ на престоль, а потомъ представляютъ епископамъ, убѣждая ихъ, и даже насильно требуя, чтобы избраннаго сподобили Таинства и нарекли архіереемъ. Поступокъ—не весьма законный, однако же показывающій сильную и пламенную вѣру! И нельзя сказать, чтобы здѣсь оказалъ себя кто-нибудь болѣе правдоушнымъ и богобоязненнымъ, нежели мой родитель. Ибо чѣмъ окончилось дѣло, и до чего простерся мятежь? Вынужденные епископы очистили избраннаго Крещеніемъ, нарекли и возвели на престоль, дѣйствуя болѣе руками, нежели произволеніемъ и расположеніемъ духа, какъ показало послѣдствіе. Ибо они едва, съ радостію, удалились изъ города и получили полную свободу располагать собою, какъ совѣщаваютъ между собою совѣтъ (не знаю, духовный ли?), и опредѣляютъ признавать какъ все совершенное ими не имѣющимъ силы, такъ и постановленіе епископа незаконнымъ, поставляя ему въ вину сдѣланное имъ принужденіе (хотя и самъ онъ потерпѣлъ не меньшее), и воспользовавшись нѣкоторыми выраженіями, какія онъ будто бы произнесъ тогда, показавъ въ нихъ болѣе опрометчивости, нежели мудрости. Но великій Архіерей и правдивый цѣнитель дѣлъ не послѣдовалъ давшимъ такое опредѣленіе и не одобрилъ ихъ мнѣнія, но пребылъ непреклоннымъ и непреодолимымъ, какъ бы онъ вовсе не потерпѣлъ никакого принужденія. Ибо рассуждалъ: поелику принужденію подверглись обѣ стороны; то надобно, чтобы или обвиняющіе были обвинены, или прощающіе прощены или что справедливѣе, прощающіе не прощены. Если поставившіе достойны извиненія, то необходимо достоинъ онаго и поставленный; а если послѣдній недостоинъ, то ни подъ какимъ видомъ не достойны первые. Гораздо было лучше тогда претерпѣть бѣдствіе и упорствовать до конца, нежели входить въ совѣщаніе послѣ, и притомъ въ такія времена, когда всего полезнѣе прекращать старыя вражды, а не заводить новыя. Такъ происходило дѣло. Между тѣмъ приближался царь, исполненный ярости на христіанъ, и, будучи раздраженъ рукоположеніемъ, угрожалъ новопоставленному; городъ былъ какъ бы на остріѣ бритвы, и неизвѣстно было, не погибнетъ ли онъ черезъ день, или найдетъ еще сколько-нибудь челоуѣколюбія, и

¹⁾ Евсевія.

спасется. Прежнее негодованіе на гражданъ за храмъ богини счастья, разрушенный ими во времена счастливыя, усилено было послѣднимъ избраніемъ епископа, которое царь почиталъ наравнѣ съ разграбленіемъ народнаго достоянія. Притомъ, областной начальникъ, который и прежде не былъ друженъ съ новопоставленнымъ по разномыслию въ дѣлахъ гражданскихъ, старался сдѣлать ему какое-нибудь зло, чтобы тѣмъ угодить времени. Посему писалъ онъ къ рукополагавшимъ, чтобы обвинили новопоставленнаго, и писалъ не просто, но даже съ угрозами, давая знать, что требуетъ сего самъ царь. Тогда пришло письмо и къ моему родителю. Но онъ, нимало не усташася, немедленно отвѣчалъ со всею смѣлостію и полнымъ присутствіемъ духа, какъ видимъ изъ самаго отвѣта. Ибо писалъ такъ: „Достопочтенный правитель! мы во всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣемъ единаго Судію и Царя, противъ котораго нынѣ встаютъ. Онъ и теперь будетъ судить насъ за рукоположеніе, которое совершено нами законно и по Его изволенію. Для васъ весьма удобно, если захотите, сдѣлать намъ насиліе въ чемъ-либо другомъ; но никто не отниметъ у насъ права защищать такое дѣло, которое совершено нами законно и справедливо; развѣ издадите еще законъ, запрещающій намъ располагать и собственными нашими дѣлами“. — Таковому отвѣту удивился и самъ получившій его, хотя нѣсколько времени и негодовалъ на оный, какъ сказывали многіе, коротко знавшіе сего начальника. Имъ остановлено и стремленіе царя; городъ спасенъ отъ опасности (а не худо присовокупить еще), и мы избавлены отъ стыда.—Такъ дѣйствовалъ епископъ малаго города, занимавшій второстепенную кафедру! Такъ первенствовать—не гораздо ли лучше, чѣмъ вѣщать съ высшихъ престоловъ? не лучше ли начальствовать самымъ дѣломъ, а не по имени только?

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемой нами вселенной, чтобы не зналъ его дѣянія, послѣдняго по порядку, но перваго и важнѣйшаго по силѣ?—Въ томъ же городѣ, и по такой же причинѣ, произошло опять смятеніе, потому что потерпѣвшій такое прекрасное принужденіе ¹⁾ въ скоромъ времени скончался и переселился къ Богу, за Котораго твердо и мужественно подвизался онъ во время гоненія. Споры были тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ жарче. Ибо не безызвѣстно было — кто преимуществуетъ предъ всѣми, какъ солнце передъ звѣздами. Каждый видѣлъ это ясно, особенно всѣ почтеннѣйшіе и безпристрастнѣйшіе изъ гражданъ, всѣ, принад-

¹⁾ Епископъ Кесарійскій Евсевій.

лежавшіе алтарю, и наши назореи¹⁾, на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ большею частію, должны были бы лежать подобныя избранія, въ какомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы никакого зла; тогда какъ избранія сіи зависятъ отъ людей богатыхъ и сильныхъ, а еще болѣе отъ буйства и безразсудности черни, даже между чернію отъ людей самыхъ послѣднихъ. Почему можно теперь думать, что народныя начальства благоустроеннѣе нашего²⁾ начальства, которому приписывается божественная благодать, и что въ подобныхъ дѣлахъ лучшій правитель страхъ, а не разумъ. Ибо кто изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, миновавъ тебя, священная и божественная глава³⁾, — тебя, написаннаго на рукахъ Господнихъ (Ис. 49, 16), не связаннаго брачными узами, нестяжателя, безплотнаго и почти безкровнаго, въ знаніи словесъ перваго по Словѣ, между любомудрыми мудраго, между мірскими премірнаго, друга моего и сотрудника (выражусь даже смѣлѣе), соучастника души моей, вмѣстѣ со мною жившаго и учившагося? Я желалъ бы, чтобъ слову дана была свобода, чтобъ оно изобразило тебя въ другомъ мѣстѣ, а не въ твоемъ присутствіи сіе описывало, гдѣ должно оставить большую часть, избѣгая подозрѣнія въ лести. Но на чемъ остановилась рѣчь?—Духъ зналъ приснаго Ему (ибо можетъ ли не знать Онъ?); однако же зависть противоборствовала. Стыжусь говорить о семъ, не желалъ бы слышать и отъ другихъ съ такимъ усердіемъ осмѣивающихъ наши дѣла. Подобно рѣкамъ, обойдемъ камни, лежащіе на теченіи, почтивъ молчаніемъ достойное забвенія, и обратимся къ продолженію слова. Мужъ исполненный Духа⁴⁾ совершенно зналъ, что угодно Духу; онъ разсуждалъ, что не должно унижаться, и въ борьбѣ съ крамолою и предубѣжденіемъ уступать больше людской милости, нежели Богу; а напротивъ того, надобно имѣть въ виду одно, — пользу Церкви и общее спасеніе. Посему писалъ, увѣщавалъ, соглашалъ народъ, священниковъ и всѣхъ служащихъ алтарю, свидѣтельствовалъ, подавалъ голосъ, рукополагалъ даже заочно, и заставлялъ чужихъ, подобно своимъ, уважать сѣдину. Наконецъ, поелику требовала нужда, чтобы рукоположеніе его⁵⁾ было согласно съ правилами, а число нарекающихъ было не полно, и не доста-

1) Монашествующіе.

2) Духовнаго.

3) Св. Григорій обращаетъ слова сіи къ св. Василию Великому.

4) Родитель св. Григорія Богослова.

5) Св. Василия Великаго во Архіепископа Кесарійскаго.

вало одного: то самъ удрученный старостію и недугомъ, отрывается отъ болѣзненнаго одра, съ бодростію юноши идетъ, или лучше сказать, съ мертвымъ и едва дышущимъ тѣломъ приносится въ городъ, увѣренный, что если постигнетъ его смерть, то попечительность сія составитъ для него прекрасную погребальную ризу. И здѣсь совершается нѣчто чудное, но не невѣроятное; онъ укрѣпляется трудомъ, юнѣетъ усердіемъ, распоряжаетъ, препирается, возводитъ на престолъ, возвращается домой, и носилы его служатъ ему не гробомъ, но Божіимъ кивотомъ. И если недавно восхвалялъ я его великодушіе, то въ семъ случаѣ оказалось оно еще въ большей мѣрѣ. Когда сослужители его не могли снести стыда, что они побѣждены, а старецъ со властію располагаетъ дѣлами, и за сіе негодовали на него и злословили его: тогда онъ укрѣпился терпѣніемъ и одержалъ надъ ними верхъ, взявъ въ пособіе себѣ дѣйствительнѣйшее средство — кротость и то, чтобы на злословіе не отвѣчать злословіемъ. Ибо для побѣдившаго на самомъ дѣлѣ какая опасность остаться побѣжденнымъ на словахъ? А посему когда самое время оправдало его мнѣніе, — такъ плѣнили онъ великодушіемъ своихъ противниковъ, что, перемѣнивъ негодованіе въ удивленіе, они извинялись передъ нимъ, припадали къ колѣнамъ, стыдились прежнихъ поступковъ, и отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею.

Съ таковою же ревностію возставалъ онъ и противъ еретиковъ, когда ополчились на насъ вмѣстѣ съ нечестивымъ царемъ, и поработивъ почти уже всѣхъ, думали и насъ совратить и приобщить къ другимъ. И здѣсь оказалъ онъ намъ не малую помощь, какъ самъ, такъ, можетъ быть, и чрезъ меня, котораго онъ, какъ молодаго пса нехудой породы, для упражненія въ благочестіи выводилъ противъ сихъ лютыхъ звѣрей.

За одно жалуясь на обоихъ¹⁾. Не огорчитесь моимъ дерзновеніемъ; ибо объявлю скорбь свою, хотя это и горестно! — Жалуясь на обоихъ, что меня, огорченнаго бѣдствіями жизни сея, любящаго пустыню, какъ едва ли любить кто другій изъ нашихъ, употреблявшаго всѣ усилія, какъ можно скорѣе, уклониться отъ общей бури и праха и спастись въ безопасное мѣсто, подъ благовиднымъ именованіемъ священства (не знаю, какимъ образомъ), предали вы на сіе безпокойное и злокозненное торжище душъ, отъ чего не мало зла, или уже потерпѣлъ я, или надѣюсь еще потерпѣть; ибо по-

¹⁾ На своего родителя т. е. св. Василия Великаго, изъ которыхъ послѣдній рукоположилъ его въ епископа.

несенныя мною страданія обезнадеживаютъ даже и въ будущемъ хотя разумъ, предполагая лучшее, и увѣряетъ въ противномъ.

Но не умолчу о слѣдующемъ добромъ качествѣ въ моемъ родителѣ. Онъ во всемъ былъ терпѣливъ и выше нуждъ земной оболочки. Когда же страдалъ отъ послѣдняго недуга, начавшагося вмѣстѣ съ старостию, весьма продолжительнаго и мучительнаго: тогда болѣзненное состояніе было для него нѣчто общее со всеми людьми, но въ перенесеніи болѣзни не имѣлъ онъ ничего общаго съ другими; а напротивъ того, здѣсь видно было нѣчто ему одному свойственное и подобное чудесамъ, совершившимся съ нимъ прежде. Часто не проходило дня, даже часа, въ который бы не чувствовалъ онъ болѣзненныхъ припадковъ; но укрѣплялъ себя единою Литургіею, и болѣзнь, какъ бы гонимая чьимъ повелѣніемъ, оставляла его. Проживъ почти до ста лѣтъ, сверхъ предѣловъ, положенныхъ Давидомъ пребыванію нашему на земли, и изъ нихъ сорокъ пять лѣтъ, что составляетъ мѣру человѣческой жизни, проведя въ священствѣ, отрѣшается онъ, наконецъ, отъ жизни въ старости доброй. И какъ отрѣшается? Въ молитвенномъ положеніи и съ словомъ молитвы, не оставляя и слѣда злобы, но оставивъ множество памятниковъ добродѣтели. А потому у каждаго на языкѣ и въ сердцѣ уваженіе къ нему болѣе, нежели человѣческое. И не легко найти человѣка, который бы, вспоминая о немъ, не лобызалъ его въ своемъ воображеніи, по слову Писанія, *положивъ на устѣхъ руку* (Іов. 39. 34). Такова была жизнь его, таковы послѣдніе дни жизни, такова кончина!

Поелику же нужно было, чтобы и для потомства остался памятникъ его щедрости, то можно ли желать лучшаго, чѣмъ этотъ храмъ, воздвигнутый имъ Богу и для насъ? Немногимъ воспользовавшись изъ народнаго подаянія, а большую часть пожертвовавъ отъ себя, совершилъ онъ дѣло, о которомъ нельзя умолчать, разумѣю храмъ, величиною превосходящій многіе, и красотою почти всѣ другіе храмы. Имѣя видъ равносторонняго осьмиугольника, надъ прекрасными столпами и крыльцами подъемлетъ онъ вверхъ свои своды съ изображеніями на нихъ, не уступающими самой природѣ, а сверху осіяваетъ небомъ и озаряетъ взоры обильными источниками свѣта, какъ истинная его обитель; со всѣхъ сторонъ окруженъ переходами, выдающимися подъ равными углами, сдѣланными изъ блестящаго вещества и заключающими внутри себя большое пространство. Сіяя изяществомъ дверей и преддверій, приглашаетъ онъ издали приходящихъ; не говорю уже о внѣшнемъ украшеніи, о красотѣ четверугольныхъ камней, непримѣтно

между собою соединенныхъ, изъ которыхъ одни, въ основаніяхъ и надглавіяхъ, украшающихъ углы, мраморные, а другіе добыты здѣсь, но ничѣмъ не уступаютъ чужеземнымъ. Не говорю о различныхъ, видомъ и цвѣтомъ, выдавшихся и вдаввшихся поясахъ отъ основанія до вершины, которая, ограничивая взоръ, подавляетъ собою зрителя. Но какъ могло бы слово въ столь короткое время изобразить произведеніе, которое требовало большаго времени, многихъ трудовъ и искусства? Или довольно будетъ сказать одно то, что когда другіе города украшаются многими, и частными и общественными зданіями, — намъ сіе зданіе пріобрѣтаетъ славу у многихъ? Таковъ сей храмъ! А какъ для храма нуженъ сталъ іерей; то отъ себя же даетъ и іерея, не могу сказать, соотвѣтствующаго ли храму, однако же даетъ. Поелику же требовались и жертвы; то предлагаетъ въ жертву страданія сына и его терпѣніе въ страданіяхъ, да будетъ отъ него Богу, вмѣсто подзаконной жертвы, всеплодіе словесное, жертва духовная, прекрасно потребляемая.

Что скажешь, отецъ мой? Достаточно ли сего? И сіе мое похвальное слово, напутственное или надгробное, пріймешь ли въ воздаяніе за труды, какими ты обременялъ себя для моего образованія? И дашь ли, по древнему обычаю, миръ слову? Здѣсь ли положишь ему предѣлъ, не терпя того, чтобы оно вполнѣ было соразмѣрно твоимъ заслугамъ? Или пожелаешь какихъ дополненій? Знаю, что и симъ удовольствуешься. Но хотя и достаточно этого, — позволь еще присовокупить слѣдующее. Повѣдай намъ: какой сподобился ты славы, какимъ облеченъ свѣтомъ, какимъ облечется вскорѣ супружница твоя, какимъ облечены чада, которыхъ самъ ты предаль погребенію; прійми и меня въ тѣ-же селенія, или прежде новыхъ злостраданій, или по краткомъ злостраданіи въ жизни сей! А прежде горнихъ селеній, симъ сладостнымъ камнемъ, который приготовилъ ты для обоихъ, еще здѣсь почтивъ твоего и соименнаго тебѣ іерея, извини меня за сіе слово, съ твоего позволенія и предложенное и предначатое, и безбѣдно веди, во-первыхъ, всю твою паству и всѣхъ архіереевъ, именовавшихъ тебя отцемъ своимъ, а преимущественно меня; потерпѣвшаго отъ тебя принужденіе и надъ которымъ ты властительствовалъ отечески и духовно; веди безбѣдно, чтобы мнѣ не всегда жаловаться на твое принужденіе.

Что же думаешь ты ¹⁾, судія словъ и движеній моихъ? Если

¹⁾ Обращеніе къ св. Василию Великому.

сказаннаго достаточно, и ожиданіе твое удовлетворено: произнеси приговоръ; я приѣмлю оный. Ибо судъ твой поистинѣ судъ Божій. Если же слово мое ниже и его ¹⁾ славы, и твоего ожиданія: помощникъ близко; — какъ благовременный дождь, пошли гласъ твой, котораго ожидаютъ его доблести. И конечно не маловажны причины, по которымъ онъ обязываетъ тебя къ сему, и какъ пастырь пастыря, и какъ отецъ сына по благодати. Что удивительнаго, если тотъ кто чрезъ тебя возгрѣмѣлъ въ служъ вселенной, самъ насладится сколько-нибудь твоимъ гласомъ?

Что же остается еще? Вмѣстѣ съ духовною Саррою, супругою великаго отца нашего Авраама, и ему равнолѣтнею, полюбоумудрствовать нѣсколько о погребальномъ. Матерь моя! — не одинаково естество Божеское и человѣческое, или, говоря общѣ, не одинаково естество божественнаго и земнаго. Въ божественномъ неизмѣняемо и бессмертно какъ самое бытіе, такъ и все, имѣющее бытіе; ибо въ постоянномъ все постоянно. Что же бываетъ съ нашимъ естествомъ? — Оно течетъ, сотлѣваетъ, и испытываетъ перемѣну за перемѣной. Посему жизнь и смерть, нами такъ называемая, какъ ни различны повидимому между собою, входятъ нѣкоторымъ образомъ одна въ другую и смѣняются другъ друга. Какъ жизнь, начинаясь тлѣніемъ, — нашею матерью, и продолжаясь чрезъ тлѣніе — непрестанное измѣненіе настоящаго, оканчивается тлѣніемъ — разрушеніемъ сея жизни: такъ смерть, избавляющая насъ отъ здѣшнихъ бѣдствій и многихъ приводящая въ жизнь горную, не знаю, можетъ ли бытъ названа въ собственномъ смыслѣ смертію. Она страшна только именемъ, а не самымъ дѣломъ; и едва-ли не безразсудной предаемъ мы страсти, когда боимся того, что не страшно, а гонимся, какъ за вождѣленнымъ, за тѣмъ, чего должно страшиться. Одна для насъ жизнь — стремиться къ жизни; и одна смерть — грѣхъ, потому что онъ губитъ душу. Все же прочее, о чемъ иные думаютъ много, есть сонное видѣніе, играющее дѣйствительностію, и обманчивая мечта души. Если же такъ будемъ разсуждать, матерь моя, то не будемъ и о жизни думать высоко, и смертію огорчаться чрезъ-мѣру. Что ужаснаго въ томъ, что переселяемся мы отселѣ въ жизнь истинную, избавившись превратностей, пучинъ, сѣтей, постыднаго оброка, и вмѣстѣ съ постоянными и непреходящими существами будемъ ликовствовать какъ малые свѣты окрестъ великаго Свѣта? Тебя печалитъ разлука; да возрадуется же надежда. Для тебя страшно вдовство; но оно не

¹⁾ Родители св. Григорія Богослова.

страшно для него. И гдѣ же будетъ доброта любви, если будемъ для себя избирать легкое, а ближнему отдѣлять труднѣйшее? Во всякомъ случаѣ, что тяжкаго для той, которая сама вскорѣ разрѣшится? Срокъ близокъ; скорбь не продолжительна. Не станемъ малодушными помыслами обращать легкаго въ тягостное. Великаго лишились мы; за то и обладали великимъ. Потери несутъ всѣ, а обладаютъ немногіе. Да не сокрушаетъ первое, но да утѣшаетъ послѣднее. Справедливость требуетъ, чтобы лучшее одерживало верхъ. Ты съ великимъ мужествомъ и любомудріемъ переносила потерю дѣтей, которыя были еще въ цвѣтушихъ лѣтахъ и годны для жизни; перенеси же смѣрть престарѣлой плоти, утружденной уже жизнію, хотя душевная сила и сохраняла въ ней чувства здоровыми. Но ты имѣешь нужду въ попечителѣ? Гдѣ же твой Исаакъ, котораго оставилъ онъ тебѣ въ замѣнъ всѣхъ? Требуй отъ него малаго — руководенія и услугъ; и воздай ему вѣщшее — матернее благословеніе, молитвы и будущую свободу. Но ты негодуешь за предложеніе совѣтовъ: хвалю за сіе; потому что сама подавала совѣты многимъ, всѣмъ кто ни прибѣгалъ къ твоему благоразумію во время продолжительной твоей жизни. Не къ тебѣ и слово, любомудрѣйшая изъ женъ; пусть будетъ оно общимъ врачевствомъ утѣшенія для плачущихъ, да разумѣютъ сіе люди, предпосылающіе подобныхъ себѣ людей!

Слово 19, говоренное св. Григоріемъ Богословомъ о словахъ своихъ Юліану, производившему народную перепись и уравненіе податей.

Какая насильственная власть, которая постоянно мучить меня изъ любви! Какая моя мудрость и опытность, когда каждый праздникъ вызываютъ меня на борьбу! Я не нахожу въ себѣ никакой мудрости, ни опытности, какъ ни разбираю и ни испытываю самъ себя. Одно, правда, сознаю въ себѣ, что можетъ быть и не маловажно. Хотя нѣкоторые называютъ это скудоуміемъ, — я бы желалъ каждую минуту умерщвлять въ себѣ жизнь, а жить жизнію сокровенною во Христѣ, стать не мелочнымъ купцомъ, но на все, что имѣю у себя, купить драгоцѣнную жемчужину, все преходящее и тлѣнное промѣнявъ на постоянное и небесное. Такое пріобрѣтеніе, конечно, всего важнѣе и надежнѣе для имѣющаго умъ. Но если сіе для меня невозможно; то я желалъ бы устоять, по крайней мѣрѣ, въ другомъ, и престоль уступить желающимъ, а самому всю жизнь быть ребенкомъ и ученикомъ, пока не измою всей горечи сладкими во-

дами ученія. Пусть было бы сіе однимъ и первымъ дѣломъ моего любомудрія или скудоумія; а вторымъ и важнѣйшимъ — слѣдующее: поелику я не въ состоянїи удерживать словомъ моимъ слово многихъ и овладѣвшее нынѣ всѣми стремленіе и желаніе учить и говорить о духовномъ, не имѣя въ себѣ Духа; то идти другимъ путемъ, сколько и увѣренъ, и лучшимъ и менѣе труднымъ, ставъ примѣромъ молчанія, научить всѣхъ безмолвію; и кто высоко о мнѣ думаетъ, того устыдить превосходствомъ, а кто низко и менѣе надлежащаго, того довести до скромности равенствомъ достоинствъ. Такова причина моего молчанія, такова тайна нашего воздержанія!

Но что со мною дѣлается? Меня влекутъ и порываютъ туда и сюда; входятъ о трудахъ моихъ въ тяжбу, безъ милосердія, требуя съ меня слова, какъ нѣкоего долга; любятъ меня больше, нежели самъ я себя; и всѣ стали мудрѣ меня, потому что лучше меня знаютъ время, когда говорить и когда молчать. Они говорятъ, что не перестанутъ въ меня, какъ въ желѣзо кремнемъ, бить укоризнами, пока отъ малой искры не воспламенится огонь слова. А нѣкоторые изъ нихъ обѣщаютъ уже и выгоды отъ моихъ словъ, поставляютъ мнѣ на видъ большія награды; во-первыхъ ту, что они сами себѣ сдѣлаютъ добро, предавъ себя Богу и мнѣ въ плодоношеніе слова; потомъ ту, что по случаю переписи окажется добро и всѣмъ присутствующимъ здѣсь, то-есть моему клиру, если клиръ отца моего — вмѣстѣ и мой, и моему стаду, съ которыми я поступилъ бы очень несправедливо, если бы не имѣлъ усердія благодѣтельствовать имъ всѣми мѣрами. А самая лучшая награда та, что они за мое слово сами предлагаютъ то, чего бы посредствомъ слова надлежало домогаться съ большимъ усиліемъ. Прекрасно соревнованіе, которымъ стараются побѣдить меня! Похвально воздаяніе! Видите, каково дѣйствіе моего молчанія; оно сдѣлало самыя слова мои для васъ болѣе вождѣленными. Видите, каковъ плодъ нашего безславія. О если бы такова была польза слова, какова польза молчанія!

Итакъ, поелику вамъ сіе угодно, вы побѣдили непобѣдимаго, восторжествовали надъ моимъ любомудріемъ: произнесу вамъ нѣчто лучшее молчанія. А слѣдственно, произнесу не что-либо нѣжное, пріятное и усладительное для многихъ своимъ благозвучіемъ (такую бесѣдою худо воздалъ бы я любящимъ меня), но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, отъ чего вы могли бы сдѣлаться лучшими, какъ возведенные отъ плоти къ духу и достаточно возвысившіеся умомъ.

Сынове челоувѣчестїи, начну вамъ словами велегласнаго Давида, доколѣ тяжкосердїи, вскую любите ссчету, и ищете лжи (Пс.

4, 3), почитая чѣмъ-то великимъ здѣшнюю жизнь, забавы, мелкую славу, ничтожную власть и ложное благоденствіе, которыя имѣющимъ ихъ принадлежать не больше, чѣмъ только надѣющимся имѣть, и надѣющимся не больше, чѣмъ вовсе не чающимъ? Все это, какъ прахъ вихремъ, восхищается и переносится отъ одного къ другому, или, какъ дымъ, разливается, какъ сновидѣніе, надъ нами издѣвается, какъ тѣнь неудержимо; когда уходитъ, — не безнадежно для не пріобрѣтшихъ; и когда приходитъ, — не вѣрно для обладающихъ. Какъ не обратимъ взоровъ къ небу, горѣ? не истрезвимся? не очистимъ гноя съ глазъ! не познаемъ, въ чемъ истинное богатство, въ чемъ подлинная знаменитость, гдѣ неутрачиваемое достоинство, въ чемъ безконечное блаженство, гдѣ незыблемое, непремѣняемое, не подвергающее насъ навѣтамъ благо? Не ихъ ли станемъ пріобрѣтать, если бы такъ случилось, со многими усиліями и трудами? Не такими ли будемъ наслаждаться надеждами, если должно здѣсь чѣмъ-нибудь наслаждаться? Не помыслимъ ли о святыхъ мученикахъ и о прочихъ святыхъ, которые, подобно какимъ-то общимъ узамъ, объяли собою всю вселенную, и въ честь которыхъ совершается настоящее празднество? Для чего они и раны, и узы, и истязанія, и прещеніе огнемъ, и остріе мечей, и лютость звѣрей, и тму, и голодъ, и пропасти, и расхищеніе имѣній, и отторженіе членовъ, а, наконецъ, и самую смерть, — все терпѣли охотно, какъ бы подвизаясь въ чужомъ тѣлѣ? Чѣмъ желали они быть, что наслаждаться? Не всякому ли сіе извѣстно, хотя бы и не говорилъ я? Почему и намъ съ тою-же надеждою, предъ тѣмъ-же Раздаятелемъ наградъ и Подвигоположникомъ не опочиться противъ того-же мучителя, столько-же и нынѣ, какъ и въ то время, жестокаго гонителя душъ, невидимаго врага и противника? Почему не подвизаться съ такимъ же мужествомъ на общемъ позорищѣ, то-есть на позорищѣ міра (если не при крайней опасности, при чемъ и освобожденіе скоро, то въ ежедневныхъ трудахъ и бореніяхъ), чтобы удостоиться тѣхъ-же вѣнцевъ, или чего-нибудь весьма къ тому близкаго? А я всякому мужу и женѣ, старцу и юношѣ, городскому жителю и поселянину, престолоудину и начальнику, богатому и бѣдному, такъ какъ всѣхъ призываетъ одинъ подвигъ, даю совѣтъ одинъ — приготовиться къ сему подвигу охотно, не разслабывать, не медлить, не терять времени, котораго возвратить уже не возможно. Ибо настоящее время есть время дѣланія, а будущее— время воздаянія.

Слышите, что говоритъ Спаситель: *возстаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31); говоритъ не тогдашнимъ только ученикамъ,

которыхъ изводитъ мѣстно изъ Іудеи, но и всѣмъ послѣдующимъ, чтобы всѣхъ преселить отселѣ и превлечь къ Себѣ вознесенному, по обѣтованію (Іоан. 12, 32). Послѣдуемъ за благимъ Владыкою, убѣжимъ отъ мірскихъ похотей, убѣжимъ отъ обманчиваго міра и міродержателя; всецѣло посвятимъ себя Творцу; почтимъ образъ Божій, уважимъ званіе, измѣнимъ жизнь. Для чего унижаемъ себя, будучи высокими? Для чего останавливаемся на видимомъ? Пусть всякій, во всякое время, при всякомъ образѣ жизни и обстоятельствъ, по мѣрѣ собственной своей силы, и по мѣрѣ данной ему благодати, принесетъ Богу плодъ, какой можетъ, чтобы добродѣтелями всякой мѣры наполнить намъ всѣ горніе обители, покажетъ столько, сколько посѣяли, или, лучше сказать, столько вложивъ въ Божіи житницы, сколько воздѣлали. Пусть приносятъ въ даръ, — кто богатство, а кто нищету; кто усердіе къ ближнему, а кто охотное принятіе предлагаемаго усердіемъ; кто похвальное дѣло, а кто глубокое наблюденіе; кто благовременное слово, а кто благоразумное молчаніе; кто непреткновенное ученіе и жизнь ему не противорѣчущую, а, кто благопослушный и благопокорный слухъ; кто чистое дѣвство, совершенно отрѣшающее отъ міра, а кто честный бракъ не вовсе отлучающій отъ Бога; кто воздержаніе безъ надменія, а кто и употребленіе безъ похотливости; одинъ ничѣмъ неразвлекаемое упражненіе въ молитвахъ и пѣсняхъ духовныхъ, другіи тщательное защищеніе требующихъ помощи. Всѣ же да приносятъ слезы, очищеніе отъ грѣховъ, восхожденіе и усиліе простираться впередъ. Прекраснымъ будетъ плодоношеніемъ и простота, и уцѣломудренный смѣхъ, и обузданный гнѣвъ, и глазъ, удерживаемый отъ безчинія, и умъ не допускаемый до разсѣянности.

Какъ бы ни было маловажно приносимое Богу, и какъ бы ни далеко отстояло отъ совершенства, но оно не столько мало, чтобы Богъ не нашелъ сего угоднымъ и вовсе не принялъ, хотя и праведнымъ судомъ взвѣшиваетъ милость. И Павлово насажденіе прие­млетъ Онъ какъ Павлово; прие­млетъ и напоеніе Аполлосово, и двѣ лепты вдовицы, и мытарево смиреніе, и Манассіину исповѣдь. Когда Моисей водружалъ на земли скинію во образъ небснаго; тогда всѣ приносили, что было имъ велѣно. А добротные податели (мужи и жены), одни золото, другіе сребро и дорогіе камни для верхней ризы, другія *виссонъ сканыи* и *червленницу пряденую*; одни *багрянницу*, *кожи овни очервленены*, другія самое худшее, *власы козьи* (Исх. гл. 25 и 35); каждый и каждая, что имѣли у себя на тотъ разъ, все приносили въ дѣло скиніи, и никто изъ самыхъ бѣдныхъ не остался безъ приношенія. Такъ и мы въ честную

Божію скинію сея церкви, *юже водрузи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2), въ скинію созидаемую изъ различныхъ украшеній добродѣтели, хотя одинъ меньше, а другій больше, но всё будемъ вносить одинаково, при строительствѣ Духа слагаемые и сочетаваемые въ дѣло совершенно, въ жилище Христово, въ храмъ святой. Безъ сомнѣнія же, не внесемъ столько, сколько получили, хотя и все внесемъ. Ибо и то отъ Бога, что мы существуемъ, знаемъ Бога и имѣемъ, что внести. Но всего прекраснѣе и человѣколюбивѣе то, что Богъ измѣряетъ подаваніе не достоинствомъ подаваемого, но силами и расположеніемъ плодоносящаго.

Итакъ, не медли сдѣлаться щедрымъ, но будь имъ теперь, и по недостатку достойнаго, не отказывай во всемъ. Напротивъ того, одно внеси, другое пожелай внести, а объ иномъ молись, чтобы Богъ даровалъ прощеніе немощи. Онъ говоритъ: *да не явишия предо Мною тощъ* (Исх. 23, 15). Никто да не будетъ тощъ и бесплоденъ; ни одна душа не окажется лишеною плодородія и чадородія. Всякій да плодоноситъ Богу, что у него есть и составляетъ его собственность: согрѣшающій — исправленіе; текущій подвигомъ добрымъ — неослабность; юный — воздержаніе; сѣдина — благоразуміе; богатый — щедрость; бѣдный — благодарность; начальствующій — некичливость; судія — кротость. *Священники облечитесь* (или, правильнѣе сказать, облечемся) *правдою* (Пс. 131, 9). Не будемъ расточать овецъ паствы, не погубимъ тѣхъ, за кого положили душу *Пастырь добрый*, Который знаетъ Своихъ и Своими знаемъ, *глашаетъ по имени* (Іоан. 10, 3), вводитъ овецъ и изводитъ ихъ изъ невѣрія въ вѣру, изъ настоящей жизни въ будущее упокоеніе. Побоймся того, чтобы, во исполненіе угрозы, съ насъ не *начался судъ* (1 Петр. 4, 17), намъ не принять *отъ руки Господни сугубы грѣхи* (Ис. 40, 2); потому что сами не входимъ, и препятствуемъ тѣмъ, которые могутъ взойти.

Овцы не пасите пастырей, и не выступайте изъ своихъ предѣловъ; для васъ довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законовъ законодателямъ. *Нѣсть бо нестроенія и безпорядка Богъ, но мира и порядка* (1 Кор. 14, 33). Посему да не замышляетъ стать головою, кто съ трудомъ служить рукою или ногою, или другимъ еще менѣе важнымъ членомъ тѣла; напротивъ того, братія, *кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20), хотя бы и достоинъ былъ высшаго. Довольствоваться настоящимъ — гораздо похвальнѣе, нежели домогаться званія, какого не получили. Кому можно безъ опасности слѣдовать за другимъ, тотъ не желай начальствовать съ

опасностию для себя. Да не нарушается законъ подчиненія, которымъ держится и земное и небесное, чтобы чрезъ многоначаліе не дойти до безначалія.

Образовавшіе въ себѣ даръ слова не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всемъ, даже и со вредомъ, одерживать верхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ собою и побѣду. Принесите слово въ даръ Слову; обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти.

Воины, *довольни будьте оброки вашими* (Лук. 3, 14), и не требуйте сверхъ положеннаго. Такъ повелѣваетъ вамъ со мною Іоаннъ, великій проповѣдникъ истины, гласъ предтечій Слову. Что же разумѣетъ онъ подъ оброкомъ? Очевидно — царское содержаніе и подарки, какіе дѣлаютъ по закону за отличія. А отъ кого *лишнее*? Остерегаюсь произнести непріязненное слово: но вы сами поймете, хотя и воздержусь.

Градоправители, *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Матѳ. 22, 21). *Ему же дань, а ему же страхъ* (Рим. 13, 7). А когда говорю страхъ, — запрещаю любостыжаніе. Какую же получимъ себѣ выгоду? — можетъ быть, скажете вы. — Великую, изъ всѣхъ величайшую, и если угодно, при посредствѣ моемъ, благія надежды и первенство въ горнемъ градѣ, а не въ семъ маломъ и малѣйшемъ изъ городовъ, въ которомъ (изъ уваженія къ мѣсту моего воспитанія скажу еще скромно) и начальствовать — нѣтъ большой чести и славы. Пожелаемъ тамъ быть первыми, приобрѣтемъ гамошнюю славу; взаимнѣ сострадательности, какой не видимъ къ себѣ здѣсь, упокоимся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ.

Будемъ *праведный судъ судить* (Іоан. 7, 24), *измемъ нища и убога* (Пс. 81, 4); помилуемъ вдовицу и сироту, *искупимъ убиваемыхъ* (Притч. 24, 11), или (выражусь гораздо легче) не будемъ сами убивать; не презримъ просящаго у насъ даже крохъ со стола; не пройдемъ мимо покрытаго струпами и лежащаго въ нашихъ воротахъ. Не будемъ предаваться забавамъ, когда другіе злостраждутъ; не погнушаемся подобнымъ себѣ рабомъ, чтобы не подпасть намъ, друзья и братія, одной участи съ богачемъ, не *страдать во пламени*, не отдѣляться *пропастію* отъ праведныхъ, не просить нищаго Лазаря *концомъ перста устудить* палимый *языкъ* нашъ (Лук. 16, 24—26), и просить напрасно. Будемъ добродушны, милосерды, сострадательны; будемъ подражать Владыкѣ, Который велитъ восходить солнцу для добрыхъ и злыхъ, всѣхъ одинаково питаетъ дождемъ. Не дозволیمъ себѣ обогащаться нищетою дру-

гихъ; не отступимъ такъ далеко отъ Божіей правдивости; не смѣшаемъ богатства своего съ чужими слезами, отъ которыхъ оно, какъ отъ ржавчины и моли, пропадетъ, или (скажу словомъ Писанія) *изблуется* (Іов. 20, 15). Но ежели мы алчны болѣе, чѣмъ должно; то есть и добрая любостыжательность. Дадимъ здѣсь нѣчто малое, чтобы тамъ обогатиться.

Сіи правила общи для всѣхъ, а не для однихъ только гражданскихъ начальниковъ; потому что для общаго недуга и врачевства общія. А ты, составляющій у насъ перепись, переписывай насъ правдиво; веди не тщательную перепись моихъ словъ, отъ которыхъ нѣтъ, или мало, пользы, и только пріятность и удовольствіе для слуха, но святую и человѣколюбивую перепись моего народа, уваживъ, если не что другое, то самое время; потому что и Спаситель раждается во время переписи. Сказано: *изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написать всю вселенную*. Перепись началась. *Взыде же и Іосифъ въ Вивлеемъ, написатися съ Марією обрученною ему, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова* (Лук. 2, 1—5). И въ сіе-то время раждается Спаситель; о чудо! Создатель и Владыка всего раждается въ бѣдной и малой обители. Устрашимся тайны, почтимъ домостроительство, и сами принесемъ нѣчто въ даръ времени. Нынѣ Ангелы радуются; нынѣ пастыри осіяваются; нынѣ звѣзда течетъ съ востока къ великому и неприступному Свѣту; нынѣ волхвы поклоняются, приносятъ дары, познаютъ Царя всяческихъ, и прекрасно по звѣздѣ угадываютъ Небеснаго. Нынѣ Иродъ неистовствуетъ, избиваетъ дѣтей, и за Освободителя истребляетъ тѣхъ, которые должны были получить свободу. Но мы станемъ съ поклоняющимися, и Обнищавшему за насъ до тѣла¹⁾ принесемъ не ливанъ, какъ Богу, не золото, какъ Царю, не смирну, какъ вкусившему за насъ смерть, но дары таинственные, превышающіе видимое, то есть ничего не возьмемъ, ни въ чемъ не уступимъ богатству предпочтенія предъ бѣдностію, не обидимъ твари для твари. Ты со Христомъ ведешь перепись, со Христомъ звѣщиваешь, со Главою назначаешь цѣну, съ Словомъ вычисляешь. Нынѣ для тебя наипаче раждается Христосъ, есть Богъ, и содѣлывается человѣкомъ, и *живетъ съ человѣки* (Варух, 3, 8).

Что показываетъ слово сіе? Оно, по моему разсужденію, врачумляетъ тѣхъ, кому повѣряютъ подобныя дѣла, что Богъ всегда входитъ въ важнѣйшія распоряженія Правительства. И съ одной

¹⁾ Или до принятія на Себя тѣла, какъ бы шѣкотораго рубища, или до сложенія съ Себя и самаго тѣла въ смерти крестной.

стороны, чтобы устыдить производящих перепись, во время переписи вступаетъ въ общеніе съ плотію и съ людьми, а съ другой стороны, чтобы утѣшить насъ въ рабствѣ и научить искренности (чего также не должно выпускать изъ вида), Самъ платитъ *ди-драхму* за Себя и за Петра, достоцестнѣйшаго изъ учениковъ (Матѳ. 17, 24—27). Ибо для насъ сталъ Онъ человѣкомъ и принялъ зракъ раба, за наши беззаконія веденъ былъ на смерть. Такъ поступалъ Спаситель, Который, какъ Богъ, могъ спасти единымъ изволеніемъ. Но Онъ содѣлалъ то, что для насъ важнѣе и наиболѣе насъ пристыжаетъ, сталъ намъ подобострастнымъ и равночестнымъ. Ужели же мы, ученики кроткаго, человѣколюбиваго и столько для насъ послужившаго Христа, не будемъ подражать милосердію Владыки? Ужели не будемъ милостивы къ подобнымъ намъ рабамъ, чтобы и самимъ заслужить милость Господа, Который возмѣряетъ, какъ сами будемъ мѣрить? Ужели не захотимъ чрезъ кротость пріобрѣсть души своей? Довольно для свободныхъ рабства, довольно и того различія, что созданные изъ одной персти, кто властвуетъ, а кто состоитъ подъ властію; кто налагаетъ подати, а кто вносится въ число дающихъ подать; кто можетъ дѣлать неправду и зло, а кто молится и употребляетъ всѣ усилія, чтобы не потерпѣть зла. Довольно различія между созданными по единому образу, въ одномъ достоинствѣ, между наслѣдниками одной и той же жизни, между тѣми, за которыхъ Христосъ равно умеръ! Довольно сего для свободныхъ! Не будемъ отягчать сего ига и наказанія за первый нашъ грѣхъ. Да погибнетъ зло и первое основаніе зла—лукавый, *спящимъ намъ вставый плевелы* (Матѳ. 13, 25) (чѣмъ означается, что началомъ зла бываетъ нерадѣніе о добрѣ, равно какъ началомъ тмы—удаленіе свѣта)! Вотъ что произведено древомъ и горькимъ вкушеніемъ, и завистливымъ зміемъ и преслушаніемъ, за которое осуждены мы проводить жизнь въ потѣ лица. Отъ сего я сталъ нагъ и безобразенъ, позналъ наготу, облекся въ кожаную ризу, ниспалъ изъ рая, обратился въ землю, изъ которой взять, и вмѣсто наслажденія имѣю одно то, что узналъ собственное свое бѣдствіе, вмѣсто кратковременнаго удовольствія осужденъ на непрестанную скорбь и непріязнь къ тому, который ко вреду былъ много возлюбленъ и привлекъ меня къ себѣ посредствомъ вкушенія. Такова мнѣ награда за грѣхъ! Вслѣдствіе сего я долженъ родиться на трудъ, жить и разрушаться. Грѣхъ есть мать нужды, и нужда—любостыжательности, и любостыжательность—браней, а бранями произведены на свѣтъ подати—самое тягостное въ нашемъ осужденіи. Но по крайней мѣрѣ мы,

подлежащія тому же осужденію, не станемъ увеличивать наказанія и не будемъ злы къ другимъ. Богъ требуетъ отъ насъ взаимнаго человѣколюбія, хотя Самъ и наказываетъ насъ.

Будетъ и другая перепись, другой составитель переписи, если ты слышалъ о *книгѣ живыхъ* (Ис. 68, 29) и о книгѣ неспасаемыхъ. Тамъ всѣ мы будемъ вписаны, или, лучше сказать, уже вписаны каждый по достоинству проведенной имъ жизни. Тамъ и богатство имѣетъ не больше, и бѣдность не меньше, а также и милость, и вражда и все прочее, чѣмъ здѣсь закрывается справедливость. Всѣ мы вписаны перстомъ Божиимъ, и въ день откровенія отверста намъ будетъ книга. *Малъ и великъ тамо есть* (Іов. 3, 19), и *рабъ купно съ господиномъ*, скажу словами Соломона (Премудр. 8, 11), и Царь съ подвластнымъ, и знатность подлѣ вводимыхъ въ перепись. Умолчу о томъ, что и выговорить ужасно; однакожь скажу, что, какъ сами пишемъ, такъ и будемъ написаны. Сіе-то написаніе содѣлай и ты для себя какъ можно болѣе милостивымъ, оказавши намъ милость и человѣколюбіе.

Что скажешь на сіе? Что напишешь, наилучшій другъ и сверстникъ, слушавшій со мною однихъ учителей, и одни уроки, хотя Богъ и сопричислилъ меня нынѣ къ лучшему (повременно говорить: къ труднѣйшему) жребію—учить васъ, облеченныхъ властію? Что скажешь ты, плодъ благочестиваго отечества и рода, священная отрасль священныхъ родителей и корень еще болѣе священныхъ чадъ? Какъ примешь слова мои? Убѣдительно ли онѣ? или потребуешь, чтобъ я долѣе услаждалъ тебя?—Правда, не гадать о семъ нужно, но достовѣрно можно знать, что слова мои издавна имѣютъ надъ тобою силу. И если не на другое что, то на самыя слова положиться могу, что онѣ всегда удобно ведутъ тебя къ прекрасному, и ты или предшествуешь имъ, или послѣдуешь. Ибо симъ-то именно и отличаются мудрые отъ людей обыкновенныхъ. Однакоже, присовокуплю нѣчто къ сказанному.

Ты воздашь уже награду словамъ моимъ, какова бы она ни была. Но и слова мои воздаютъ тебѣ и приводятъ къ тебѣ нищихъ, весь ликъ іереевъ, ликъ любомудрыхъ, никакими узами не привязанныхъ къ дольнему, обладающихъ только собственными тѣлами, и тѣлами несовершенно, ничего не имѣющихъ для Кесаря, но все посвятившихъ Богу—пѣснопѣнія, молитвы, бдѣнія, слезы, стяжаніе не легко приобрѣтаемое, то есть, чтобы умирать для міра, жить для Христа, изнурять плоть, отвлекать душу отъ тѣла. Ихъ—служителей и таинниковъ Божіихъ, прозрителей въ небесное, начало нашего рода, опору и вѣнцы Вѣры, драгоценныя жемчужины,

камни храма, для котораго основаніе и краеугольный камень—Христось, то есть прекрасной полноты Церкви, ихъ пощадивъ или всецѣло воздавъ Богу, совершишь ты превосходнѣйшее дѣло и для нихъ, и для себя, и для всѣхъ насъ. И я желаю, чтобы это богатство пришло тебѣ отъ насъ, а не великія сокровища золота и серебра, которыя теперь существуютъ, но скорѣ существовать не будутъ.

Таково вамъ плодоношеніе моего слова! Оно ниже вашей надежды, но соразмѣрно моимъ силамъ. Воздайте и вы мнѣ нѣчто большее моего приношенія—благопокорность, чтобы, сверхъ всего прочаго, менѣ имѣть нужды въ моихъ словахъ, *разумѣвающе другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ* (Евр. 10, 24), чтобы сподобившись милостиваго и челоувѣколюбиваго написанія на небесахъ, и ликовствуя предъ Царемъ всяческихъ, въ чемъ и состоитъ все занятіе написанныхъ тамъ, совершать Богу хвалу, соверчая и превознося единую славу и свѣтлость Божества—Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо Ему слава, и честь, и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 20. о поставленіи епископовъ и о догматѣ Святыя Троицы.

Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми: тогда ощущаю потребность высшаго любуомудрія, ищущаго съ Іереміею *виталица послѣдняго* (Іер. 9, 2), и желаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего челоувѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественные образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, приобрѣтать ко свѣту свѣтъ,—къ менѣ ясному лучезарнѣйшій; пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній, и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ ненужными зеркала. Посему, едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу вещество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любуомудріемъ, и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился Божіей

милости, или, сверхъ того и другаго, прилагалъ всевозможное стараніе вознести взоръ свой горѣ. А пока нѣтъ силъ преодолѣть вещественное, достаточно очистить слухъ и мысли; до тѣхъ поръ не безопасно принимать на себя попеченіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе.

И чѣмъ приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ, похвалите даже мою предусмотрительность. Отъ самого Моисея слышу, что, когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя и многіе призваны на гору, а въ числѣ ихъ и Ааронъ съ двумя сынами, священниками, однако же повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издалеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей, народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2). И не за долго прежде сего молніи, громы, трубы, вся гора дымящаяся, страшныя угрозы и другія подобныя грозныя явленія удерживали народъ внизу горы, и для него много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій. Между тѣмъ Моисей и на гору восходить, и вступаетъ внутрь облака, и приближается къ Богу, и пріемлетъ законъ,—для народа законъ писмени, а для тѣхъ, которые выше народа, законъ духа. Знаю также, что было съ священникомъ Илиеємъ, и нѣсколько послѣ него съ Озою. Первый понесъ наказаніе за беззаконіе дѣтей, на которое они отваживались при жертвоприношеніяхъ, хотя не только не одобрялъ ихъ нечестія, но многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры. Другій дерзнулъ только прикоснуться къ Кивоту, увлекаемому тельцемъ, и хотя поддержалъ Кивотъ, но самъ погибъ; такъ Богъ охранялъ неприкосновенность Кивота! Знаю еще, что простому народу не безопасно было прикасаться къ стѣнамъ храма; почему и нужны стали другія внѣшнія стѣны (3 Цар. 6, 5). И самыя жертвы потреблять позволялось не всякому, не во всякое время и не на всякомъ мѣстѣ; тѣмъ паче не дерзали часто входить во Святая-Святыхъ, и не только прикасаться, но даже простирать взоръ къ завѣсѣ, или къ очистилищу, или къ Кивоту. Зная все сіе, а вмѣстѣ и то, что не достоинъ великаго Бога и Жертвы, и Архіерея, кто не представитъ себя самого въ живую жертву Богу, или, лучше сказать, самъ не содѣлается святымъ и живымъ храмомъ живаго Бога,—зная все сіе, могъ ли я, какъ самъ необдуманно приступить къ преподаванію ученія о Богѣ, такъ и одобрить приступающаго къ сему дерзновенно? И желаніе непохвально, и предпріятіе трудно!

Посему надобно очистить сперва самихъ себя, а потомъ уже бесѣдовать съ Чистымъ. Иначе испытася на себѣ то же, что было

съ Маноемъ, и узрѣвъ явившагося Бога, должны будемъ сказать: погibli мы, жена, *яко Бога видѣхомъ* (Суд. 13, 22)! Или, подобно Петру, станемъ высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные такого посѣщенія. Или, подобно сотнику, будемъ просить врачеванія, но не прийдемъ Врача. Конечно и изъ насъ иный (пока онъ—сотникъ, надъ многими первенствуетъ во злѣ, и служить еще Кесарю—міродержителю влекомыхъ долу) скажетъ о себѣ: *нѣсмь достоинъ, да подъ покровъ мой внидеши* (Матѣ. 8, 8). Но когда увижу Иисуса, хотя малъ я ростомъ духовно, подобно Закхею, однако же взойду на смоковницу, *умертвивъ уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), и измождивъ *тѣло смиренія* (Филип. 3, 20); тогда и Иисуса прийму къ себѣ, и услышу: *днесь спасеніе дому сему* (Лук. 19, 9); тогда дѣйствительно получу спасеніе; начну совершеннѣе любовствовать прекрасно расточая собранное мною худо, то есть и деньги и ученіе.

Поелику же опредѣлено мною въ словѣ, каковъ долженъ быть богословъ; то предложу краткое ученіе о Богѣ, уповаю на помощь самого Отца и Сына и Святаго Духа, о Которыхъ у насъ слово. Но молю Бога, чтобы мнѣ о Немъ, подобно Соломону, и не помыслить и не произнестъ чего-либо собственного. Ибо когда Соломонъ говорить: *безумнѣе бо есмь отъ всѣхъ чловѣкъ, и разума чловѣческаго нѣсть во мнѣ* (Притч. 30, 2); конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ говорить сіе, чтобы изобличить совершенное свое неразуміе. Ибо возможно ли оно въ томъ, кто паче всего просилъ себѣ у Бога смышленности, и получилъ мудрость и даръ созерцанія и широту сердца—обильнѣе и неизсчитнѣе песка морскаго (3 Цар. 3, 29)? И какъ бы тотъ, кто былъ столько мудръ и сподобился такого дара, сталъ называть себя безумнѣйшимъ изъ людей, если не въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ собственной своей мудрости, а дѣйствуетъ мудрость Божія и совершеннѣйшая? И Павелъ, когда говорить: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20),—разумѣетъ не то, что онъ совершенно мертвъ, но что живетъ жизнію совершеннѣйшею, чѣмъ многіе другіе; потому что онъ содѣлался причастникомъ истинной жизни, которой не полагаетъ предѣла никакая смерть.

Итакъ, мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, раздѣляя личныя свойства и соединяя Божество. Не смѣшиваемъ трехъ (випостасей) въ одно, чтобы не впасть въ недугъ Савелліевъ, и одинаго не дѣлимъ на три (сущности), разнородныя и чуждыя другъ другу, чтобы не дойти до Аріева безумія. Ибо для чего, какъ растеніе, скривившееся на одну сторону, со всѣмъ усиліемъ пере-

гибать въ противную сторону, исправляя кривизну кривизною, а не довольствоваться тѣмъ, чтобы, выпрямивъ только до середины, остановиться въ предѣлахъ благочестія? Когда же говорю о серединѣ, разумѣю истину, которую одну и должно имѣть въ виду, отвергая какъ неумѣстное смѣшеніе, такъ и еще болѣе нелѣпное раздѣленіе. Ибо въ одномъ случаѣ, изъ страха многобожія сокративъ понятіе о Богѣ въ одну вѣпостась, оставимъ у себя одни голыя имена, признавая, что одинъ и тотъ же есть и Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ и, утверждая не столько то, что всѣ Они одно, сколько то, что каждый изъ Нихъ ничто: потому что, переходя и перемѣняясь другъ въ друга, перестаютъ уже быть тѣмъ, что Они сами въ Себѣ. А въ другомъ случаѣ, раздѣляя Божество на три сущности, или (по Аріеву, прекрасно такъ называемому, безумію), одна другой чуждыя, неравныя и отдѣльныя, или безначальныя, не соподчиненныя и, такъ сказать, противобожныя, то предадимся іудейской скудости, ограничивъ Божество однимъ нерожденнымъ, то впадемъ въ противоположное, но равное первому злу, предположивъ три начала и трехъ Боговъ, что еще нелѣпѣе предъидущаго.

Не должно быть такимъ любителемъ Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцемъ. Ибо чьимъ будетъ Отцемъ, когда отстранимъ и отчуждимъ отъ Него вмѣстѣ съ тваріею и естество Сына? Не должно быть и такимъ Христолюбцемъ, чтобы даже не сохранить у Него свойства—быть Сыномъ. Ибо чьимъ будетъ Сыномъ, если не относится къ Отцу, какъ виновнику? Не должно въ Отцѣ умалять достоинства—быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо будетъ началомъ чего-то низкаго и недостойнаго, если онъ не виновникъ Божества, созерцаемаго въ Сынѣ и Духѣ.—Не нужно все сіе, когда надобно и соблюсть вѣру въ единаго Бога, и исповѣдывать три Вѣпостаси, или три Лица, притомъ—каждое съ личнымъ Его свойствомъ. Соблюдется же, по моему разсужденію, вѣра въ единаго Бога, когда и Сына и Духа будемъ относить къ единому Виновнику (но не слагать и не смѣшивать съ Нимъ),—относить, какъ по одному и тому же (назову такъ) движенію и хотѣнію Божества, такъ и по тождеству сущности. Соблюдается вѣра и въ три Вѣпостаси, когда не будемъ вымышлять никакого смѣшенія или сліянія, въ слѣдствіе которыхъ у чувствующихъ болѣе, чѣмъ должно, одно, могли бы уничтожиться все. Соблюдутся и личныя свойства, когда будемъ представлять и нарицать Отца безначальнымъ и началомъ (началомъ, какъ Виновника, какъ источникъ, какъ присносущный Свѣтъ); а Сына—ни мало не безначальнымъ, однакоже и началомъ всяческихъ.

Когда говорю—началомъ: ты не привноси времени, не ставь чего-либо средняго между Родившимъ и Рожденнымъ, не раздѣляй естества худымъ вложеніемъ чего-то между совѣчными и сопрывающими. Ибо если время старше Сына; то, безъ сомнѣнія, Отецъ сталъ виновникомъ времени прежде, нежели — Сына. И какъ былъ бы Творцемъ время Тотъ, Кто самъ подъ временемъ? Какъ былъ бы Онъ Господомъ всего, если время Его упреждаетъ и Имъ обладаетъ? Итакъ Отецъ безначаленъ; потому что ни отъ кого иного, даже отъ Себя самого не заимствовалъ бытія¹⁾. А Сынъ, если представляешь Отца виновникомъ, не безначаленъ (потому что началомъ Сыну Отецъ, какъ виновникъ); если же представляешь себѣ начало относительно ко времени, — безначаленъ (потому что Владыка время не имѣетъ начала во времени).

А если изъ того, что тѣла существуютъ во времени, заключишь, что и Сынъ долженъ подлежать времени; то безтѣлесному припишешь и тѣло. И если на томъ основаніи, что раждающееся у насъ прежде не существовало, а потомъ приходитъ въ бытіе, станешь утверждать, что и Сыну надлежало изъ небытія прийти въ бытіе, то уравниешь между собою несравнимое,—Бога и челоуѣка, тѣло и безтѣлесное. Въ такомъ случаѣ Сынъ долженъ и страдать и разрушаться, подобно нашимъ тѣламъ. Ты изъ рожденія тѣлъ во времени заключаешь, что и Богъ такъ раждается; а я заключаю, что Онъ раждается не такъ, изъ того самаго, что тѣла такъ раждаются. Ибо что не сходно по бытію, то не сходно и въ рожденіи; развѣ допустишь, что Богъ и въ другихъ отношеніяхъ подлежить законамъ вещества, напимѣръ: страждетъ и скорбитъ, жаждетъ и алчетъ, и терпитъ все, свойственное какъ тѣлу, такъ вмѣстѣ и тѣлу и безтѣлесному. Но сего не допускаетъ твой умъ; потому что у насъ слово о Богѣ. Посему и рожденіе допускай не иное, какъ Божеское.

Но спросишь: если Сынъ рожденъ, то какъ рожденъ?—Отвѣчай прежде мнѣ, неотступный совопросникъ: если Онъ сотворенъ; то какъ сотворенъ? А потомъ и меня спрашивай: какъ Онъ рожденъ?—Ты говоришь: „И въ рожденіи страданіе, какъ страданіе въ сотвореніи. Ибо безъ страданія ли бываетъ составленіе въ умѣ образа, напряженіе ума и представленнаго совокупно разложеніе на части? И въ рожденіи также время, какъ творимое созидается

¹⁾ Если бы Отецъ происходилъ самъ отъ Себя, то могъ бы онъ быть отдѣляемъ самъ отъ Себя, такъ что въ одномъ могли бы мы представлять двухъ,—одного предсуществовавшаго, и другаго изъ Него происходящаго.

во времени. И здѣсь мѣсто, и тамъ мѣсто. И въ рожденіи возможна неудача, какъ въ сотвореніи бываетъ неудача (у васъ слышалъ я такое умствованіе); ибо часто, что предназначталъ умъ, того не выполняли руки“.—Но и ты говоришь, что все составлено словомъ и хотѣніемъ. *Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася* (Пс. 32, 9). Когда же утверждаешь, что создано все Вожімъ словомъ; тогда вводишь уже не человѣческое твореніе. Ибо никто изъ насъ производимаго имъ не совершаетъ словомъ. Иначе, не было бы для насъ ничего ни высокаго, ни труднаго; если бы стоило только сказать, и за словомъ слѣдовало исполненіе дѣла. Посему, если Богъ созидаемое Имъ творить словомъ, то у Него не человѣческой образъ творенія.

И ты, или укажи мнѣ человѣка, который бы совершилъ что-нибудь словомъ, или согласишься, что Богъ творить не какъ человѣкъ. Предначертай по волѣ своей городъ; и пусть явится у тебя городъ. Пожелай, чтобы родился у тебя сынъ; и пусть явится младенецъ. Пожелай, чтобы совершилось у тебя что-либо другое; и пусть желаніе обратится въ самое дѣло. Если же у тебя не слѣдуетъ ничего такого за хотѣніемъ, между тѣмъ какъ въ Богѣ хотѣніе есть уже дѣйствіе, то ясно, что иначе творить человѣкъ, и иначе—Творецъ всего—Богъ. А если Богъ творить не по человѣчески: то какъ же требуешь, чтобы Онъ раждалъ по человѣчески? Ты никогда не былъ, потомъ началъ бытіе, а послѣ и самъ раждаешь, и такимъ образомъ приводишь въ бытіе то, что не существовало, или (скажу тебѣ нѣчто болѣе глубокомысленное) можетъ быть, и самъ ты производишь не то, что не существовало. Ибо и Левій какъ говоритъ Писаніе, *еще въ чреслахъ отчихъ быше* (Евр. 7: 10), прежде нежели произошелъ на свѣтъ. И никто да не уловляетъ меня на семь словъ; я не говорю, что Сынъ такъ произошелъ отъ Отца, какъ существовавшій прежде въ Отцѣ, и послѣ уже приходящій въ бытіе; не говорю, что Онъ сперва былъ несовершенъ, а потомъ сталъ совершеннымъ, каковъ законъ нашего рожденія. Дѣлать такія привязки—свойственно людямъ непріязненнымъ, готовымъ нападать на всякое произнесенное слово. Мы не такъ умствуемъ; напротивъ того, исповѣдуя, что Отецъ имѣетъ бытіе нерожденно (а Онъ всегда былъ, и умъ не можетъ представить, чтобы когда-либо не было Отца), исповѣдуемъ вмѣстѣ, что и Сынъ былъ рожденъ, такъ что совпадаютъ между собою и бытіе Отца и рожденіе Единороднаго, отъ Отца сущаго, и не послѣ Отца, развѣ допустимъ послѣдовательность въ одномъ только представленіи о началѣ, и о началѣ, какъ о Виновникѣ (не разъ уже воз-

вращаю къ томъ же слову дебелость и чувственность твоего разумѣнія).

Но ежели безъ пытливости принимаешь рожденіе (когда такъ должно выразиться) Сына, или Его самостоятельность (*ὁλόκληρος*), или пусть избрѣтетъ кто-нибудь для сего другое, болѣе собственное предмету реченіе (потому что умопредставляемое и иже рекаемое превосходитъ способы моего выраженія); то не будь пытливъ и касательно исхожденія Духа. Достаточно для меня слышать, что есть Сынъ, что Онъ отъ Отца, что иное Отецъ, иное Сынъ; не любопытствую о семъ болѣе, чтобы не подпасть тому же, что бываетъ съ голосомъ, который отъ чрезмѣрнаго напряженія прерывается, или съ зрѣніемъ, которое ловитъ солнечный лучъ. Чѣмъ кто больше и подробнѣе хочетъ видѣть, тѣмъ больше повреждаетъ чувство, и въ какой мѣрѣ разсматриваемый предметъ превышаетъ объемъ зрѣнія, въ такой человѣкъ теряетъ самую способность зрѣнія, если захочетъ увидѣть цѣлый предметъ, а не такую часть его, какую могъ бы разсмотрѣть безъ вреда. Ты слышишь о рожденіи: не допытывайся знать, каковъ образъ рожденія. Слышишь, что Духъ исходитъ отъ Отца: не любопытствуй знать, какъ исходитъ.

Но если любопытствуешь о рожденіи Сына и объ исхожденіи Духа; то полюбопытствую и я у тебя о соединеніи души и тѣла: какъ ты—и персть, и образъ Божій? Что въ тебѣ движущее, или движимое? Какъ одно и то же и движетъ, и движется? Какъ чувство пребываетъ въ томъ же человѣкѣ, и привлекаетъ внѣшнее? Какъ умъ пребываетъ въ тебѣ, и рождаетъ понятіе въ другомъ умѣ? Какъ мысль передается посредствомъ слова? Не говорю о томъ, что еще труднѣе. Объясни вращеніе неба, движеніе звѣздъ, ихъ стройность, мѣры, соединеніе, разстояніе, предѣлы моря, теченіе вѣтровъ, перемѣны годовыхъ временъ, изліяніе дождей. Ежели во всемъ этомъ ничего не разумѣешь ты, человѣкъ (уразумѣешь же, можетъ быть, со временемъ, когда достигнешь совершенства; ибо сказано: *узрю небеса, дѣла перстѣ Твоихъ* (Пс. 8, 4), а изъ сего можно догадываться, что видимое теперь—не самая истина, но только образъ истины; ежели и о себѣ самомъ не позналъ—кто ты, разсуждающій о сихъ предметахъ; ежели не постигъ и того, о чемъ свидѣтельствуешь даже чувство; то какъ же предприемлешь узнать въ подробности, что такое и какъ великъ Богъ? — Это показываетъ великое неразуміе!

Если же повѣришь нѣсколько мнѣ, не дерзновенному богослову; то скажу тебѣ, что одно ты уже постигъ, а чтобы достигнуть

другое, о томъ молись. Не пренебрегай тѣмъ, что въ тебѣ; а прочее пусть остается въ сокровищницѣ. Восходи посредствомъ дѣлъ, чтобы чрезъ очищеніе пріобрѣтать чистое. Хочешь ли со временемъ стать богословомъ и достойнымъ Божества? — Соблюдай заповѣди, я не выступаю изъ повелѣній. Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію. Трудись тѣломъ для души. И можетъ ли кто изъ людей стать столько высокимъ, чтобы прійти въ мѣру Павлову? Однако же и онъ говоритъ о себѣ, что видитъ только *зерцаломъ въ габаніи*, и что наступитъ время, когда узреть *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Положимъ, что на словахъ и превосходимъ мы инаго любомудріемъ; однако же, безъ всякаго сомнѣнія, ты ниже Бога. Можетъ быть, что ты и благоразумнѣе другаго; однакоже предъ истинною въ такой же мѣрѣ ты малъ, въ какой бытіе твое отстоитъ отъ бытія Божія. Намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). Если невозможно имѣть мнѣ совершеннаго познанія здѣсь; то что еще остается? чего могу надѣяться? — Безъ сомнѣнія, скажешь — небснаго царства. — Но думаю, что оно не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе, частію да хранимъ, частію да пріобрѣтаемъ, пока живемъ на земли, а частію да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищницахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе Святыя Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ), въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Слово 21, похвальное Аѳанасію Великому, архіепископу Александрійскому.

Хваля Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель; ибо одно и то же — наименовать Аѳанасія и восхвалить добродѣтель; потому что всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ, или, справедливѣе сказать, имѣетъ, такъ какъ предъ Богомъ живы всѣ, жившіе по Богу, хотя и преселились они отселѣ; почему Богъ и называется Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Іаковлевымъ, какъ Богъ *не мертвыхъ, но живыхъ* (Матѣ. 22, 32).

А хваля добродѣтель, буду хвалить самого Бога, отъ Котораго въ людяхъ добродѣтель и даръ возрожденія или возвращенія къ Нему чрезъ сродное озареніе. Ибо изъ многихъ и великихъ даровъ, которые мы получили и получимъ еще отъ Бога, и которыхъ числа и великости никто изречь не можетъ, даръ наибольшій и наипаче

свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ человѣколюбіи, есть наше къ нему стремленіе и средство съ Нимъ. Что солнце для существъ чувственныхъ, то Богъ для духовныхъ: одно освѣщаетъ міръ видимый, Другій — невидимый; одно гѣлесные взоры дѣлаетъ солнцевидными, Другій разумныя естества — богоподобными. И какъ солнце, доставляя возможность видящему видѣть, а видимому быть видимымъ, само гораздо превосходитъ видимаго; такъ Богъ, устроющій, чтобы существа мыслящія имѣли даръ мышленія, а мыслимыя были предметомъ мышленія, Самъ выше всего мысленнаго, и всякое желаніе останавливается на Немъ, далѣе же никуда не простирается. Ибо далѣе Его ничего высшаго, и даже вовсе ничего, не находится умъ самый любомудрый, превыспренній и любоиспытательный. Богъ есть послѣднее изъ желаемыхъ, успокоеніе всѣхъ бывшихъ умозрѣній. Кто успѣлъ съ помощію разсудка и умозрѣнія, расторгнуть вещество и плотское (если назвать такъ) облако, или покрывало, приблизиться къ Богу, сколько доступно человѣческой природѣ, и соединиться съ чистѣйшимъ свѣтомъ; тотъ блаженъ, по причинѣ какъ восхожденія отсель, такъ и тамошняго обоженія, къ которому приводитъ истинное любомудріе и возвышеніе надъ вещественною двойственностію ради единства, умопредставляемаго въ Троицѣ. А кто отъ сопряженія съ веществомъ сталъ хуже, и столько прилѣпился къ брѣню, что не можетъ воззрѣть на сіяніе истины и возвыситься надъ дольнимъ, тогда какъ самъ произошелъ свыше и призывается къ горнему; тотъ для меня жалокъ, по причинѣ ослѣпленія, хотя бы онъ и благоуспѣшенъ былъ въ здѣшней жизни; даже тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ болѣе обольщается своимъ счастіемъ и вѣритъ, что есть другое благо, кромѣ блага истиннаго, пожиная тотъ вредный плодъ своего вреднаго мнѣнія, что или осуждается во тму, или какъ на огонь смотритъ на того, Кого не призналъ за свѣтъ.

Такое любомудріе и изъ новыхъ и изъ древнихъ достигнуто не многими (ибо не много Божіихъ, хотя и всѣ — Божіе созданіе):— достигнуто законодателями, военачальниками, священниками, пророками, евангелистами, апостолами, пастырями, учителями, всею духовною полнотою, всѣмъ духовнымъ соборомъ, а между ними и восхваляемымъ нынѣ мужемъ. Кого же разумѣю подъ достигшими? — Эноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, двѣнадцать Патріарховъ, Моисея, Аарона, Иисуса, Судей, Самуила, Давида, Соломона до извѣстнаго времени, Илію, Елиссея, пророковъ, жившихъ прежде и послѣ плѣненія, и тѣхъ въ порядкѣ послѣднихъ, но въ дѣйствительности первыхъ, которые близки ко времени Христова во-

площенія или воспріятія Христомъ плоти,—сей свѣтильникъ, предтекій Свѣту, сей гласъ предварившій Слово, сего ходатая, предшествовавшаго Ходатаю, сего посредника между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, сего славнаго Іоанна, и учениковъ Христовыхъ, и тѣхъ, которые послѣ Христа, или предсѣдательствовали въ народѣ, или прославились ученіемъ, или стали извѣстны по чудесамъ, или запечатлѣлись кровью. И изъ сихъ-то мужей Аванасій однимъ ни въ чемъ не уступалъ, другимъ уступалъ въ немногомъ, а нѣкоторыхъ (если не дерзко будетъ сказать) даже превзошелъ, подражая кому въ словѣ, кому въ дѣлѣ, кому въ кротости, кому въ ревности, кому въ перенесеніи опасностей, кому во многомъ, кому во всемъ. Заимствуя у одного ту, у другаго другую красоту, какъ дѣлаютъ живописцы, старающіеся довести изображаемый предметъ до крайняго изящества, и сокупивъ все сіе въ одну свою душу, онъ изъ всего составилъ единый обликъ добродѣтели, сильныхъ въ словѣ превзойдя дѣятельностію, а дѣятельныхъ — словомъ, или, если угодно, превысивъ въ словѣ—прославившихся словомъ, и въ дѣятельности — самыхъ дѣятельныхъ, а посредственныхъ въ словѣ и дѣлѣ — превосходствомъ въ томъ и другомъ, высокихъ же въ одномъ изъ двухъ оставивъ ниже себя и словомъ и дѣломъ. И если къ славѣ предшественниковъ его служить, что они были для него образцомъ доблестей; то сему нашему украшенію не въ меньшую обращается похвалу, что онъ сталъ образцомъ для своихъ преемниковъ.

Какъ на описаніе всѣхъ его доблестей и на изъясненіе имъ удивленія потребовалось бы, можетъ быть, болѣе времени, нежели сколько должно занять настоящее слово; притомъ все сіе было бы дѣломъ не похвальнаго слова, а исторіи (и я въ назиданіе и услужденіе потомству желалъ бы изобразить его доблести особымъ писаніемъ, какъ и онъ описалъ жизнь божественнаго Антонія, изложивъ въ видѣ повѣствованія правила монашеской жизни): то изъ многихъ его дѣлъ, большую часть предоставивъ знающимъ, коснусь немногихъ, какія на сей разъ представляютъ мнѣ память, какъ болѣе извѣстныя, чтобы только удовлетворить собственному желанію и воздать должное празднику. Ибо не благочестно и не безопасно было бы чтить памятованіемъ житія нечестивыхъ, а переходить молчаніемъ мужей, прославившихся благочестіемъ, и притомъ въ городѣ¹⁾, который едва-ли спасутъ и многіе примѣры добродѣтелей,

¹⁾ Константинополь.

потому что онъ божественные предметы обращаетъ въ забаву такъ же, какъ ристаніе на коняхъ и зрѣлища.

Аванасій рано былъ напоенъ божественными правилами и уроками, употребивъ немного времени на изученіе наукъ общепотребительныхъ, съ тѣмъ только, чтобы и въ этомъ не казаться совершенно неопытнымъ и не знающимъ того, что почиталъ достойнымъ презрѣнія. Онъ не потерпѣлъ, чтобы благородныя и обильныя дарованія души были упражняемы въ предметахъ суетныхъ; не захотѣлъ подвергнуться участи неопытныхъ борцовъ, которые, поражая чаще воздухъ, нежели противниковъ, не достигаютъ награды. Изучивъ всѣ книги ветхаго и новаго Завѣта, какъ другій не изучалъ и одной, онъ обогащаетъ себя умозрительными свѣдѣніями, обогащаетъ и свѣтлостію жизни, и удивительнымъ образомъ сплетаетъ изъ того и другаго эту подлинно золотую, для многихъ неудобосплетаемую цѣпь, употребивъ жизнь въ руководство къ умозрѣнію, и умозрѣніе, какъ печать жизни. Ибо правило, что *начало премудрости страхъ Господень*, (Пс. 110, 10. Притч. 1, 7.), есть какъ бы первая только пелена; мудрость же, превозмогшая страхъ перешедшая въ любовь, дѣлаетъ насъ Божиими друзьями и изъ рабовъ сынами.

Такъ воспитанный и обученный, какъ надлежало бы и нынѣ готовящимся быть представителями народа и имѣть попеченіе о великомъ тѣлѣ Христовомъ, по великому Божию совѣту и предвѣдѣнію, которое за-долго прежде полагаетъ основаніе важныхъ событий, онъ соприсягается къ сему великому алтарю, дѣлается однимъ изъ приближенныхъ *приближающагося* къ Богу (Лев. 10, 3), удостоивается священнаго стоянія и чина, и когда прошелъ весь рядъ степеней, тогда (чтобы не говорить о среднихъ) дается ему предсѣдательство въ народѣ, или, что то же, ввѣряется попеченіе о цѣлой вселенной; и священство пріемлетъ онъ (не умѣю сказать), какъ награду за добродѣтель, или какъ источникъ и жизнь Церкви. Ибо нужно было, чтобы Церковь, томимая жаждою истины и едва дышущая, была напоена какъ Исмаиль (Быт. 21, 15—20), или прохлаждена изъ источника какъ Илія въ земли изсохшей отъ бездождія (3 Цар. 17, 2—6), и оживотворилась, чтобы оставлено было *сымя* Израилю (Иса. 1, 9.), и мы не стали какъ Содомъ и Гоморрь, сіи города потопленные *огнемъ и жупеломъ* (Быт. 19, 24) и извѣстные своими пороками и еще болѣе своею погибелію.

Посему намъ, повергнутымъ уже долу, воздвигнуть рогъ спасенія, благовременно ниспосланъ краеугольный камень, связующій насъ съ самимъ собою и другъ съ другомъ или огонь, очищающій

гнилое и вредное вещество, или лопата земледѣлателя, отдѣляющая въ ученіи легкое отъ полнолѣснаго, или мечъ подсекающій корни злобы. И Слово находитъ своего поборника, и Духъ пріобрѣтаетъ мужа, который за Него будетъ дышать ревностію. Такъ и для такихъ причинъ, по приговору всего народа, не въ подражаніе худому образцу, превозмогнушему въ послѣдствіи, не съ помощію убійствъ и насилій, но апостольски и духовно, возводится онъ на престолъ Марка ¹⁾ преемникомъ его первосѣдательства, а не менѣе и благочестія; ибо хотя далеко отъ него въ первомъ, однакоже близко въ послѣднемъ. А въ этомъ собственно и надобно поставлять преемство; ибо единомысліе дѣлаетъ и единопрестольными, разномысліе же разнопрестольными. И одно преемство бываетъ только по имени, а другое въ самой вещи. Ибо тотъ истинный преемникъ, кто не употребилъ, а развѣ потерпѣлъ, принужденіе, кто возведенъ, не преступивъ законъ, но по закону, кто не противнаго держится ученія, но ту же содержитъ вѣру; если только называешь преемникомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ болѣзнь преемствуетъ здравію, мракъ — свѣту, буря — тишинѣ, изступленіе — здравомыслію.

Такъ онъ возводится, такъ и распоряжается властію. Не слѣдуетъ обычаю вступить на престолъ и тотчасъ предаться своеволію отъ пресыщенія, подобно тѣмъ, которые сверхъ чаянія захватываютъ какую-либо власть или наслѣдство. Это свойственно священникамъ чуждымъ, незаконнымъ и недостойнымъ сана, которые, приступая къ священству, ничего не приносятъ съ собою, нимало не потрудившись для добродѣтели, оказываются вмѣстѣ и учениками и учителями благочестія, и когда сами еще не счистились, начинаютъ очищать другихъ. Вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынѣ, а нынѣ тайноводители, устарѣвшіе въ порокахъ и новоявленные въ благочестіи, произведеніе человѣческой милости, а не дѣло благодати Духа, — они весь путь свой ознаменовали насиліемъ, и, наконецъ, гнетутъ самое благочестіе; не нравы даютъ имъ степень, а степень—правы (такъ много превратился порядокъ!); имъ больше надобно приносить жертвъ за себя, нежели о *людскихъ невѣжествіяхъ* (Евр. 9, 7); они непремѣнно погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ: или, имѣя нужду въ снисхожденіи, чрезъ-мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ порокъ, а учатъ пороку; или строгостію власти прикрываютъ собственные дѣла свои.

Но Аванасій не имѣлъ ни одного изъ сихъ пороковъ; напро-

¹⁾ Св. Евангелиста Марка, перваго Епископа въ Александрійской Церкви

тивъ того, сколько высокъ былъ дѣлами, столько смиренъ сердцемъ; въ добродѣтели никому недоступенъ, а въ обращеніи всякому весьма благопріступенъ, кротокъ, негнѣвливъ, сострадательнъ, пріятель въ бесѣдѣ, еще пріятнѣе по нраву, ангелоподобенъ наружностію, еще ангелоподобнѣе сердцемъ; когда дѣлалъ выговоръ, — былъ онъ спокоенъ; когда хвалилъ, — назидателенъ. Онъ ни одного изъ сихъ добрыхъ качествъ не портилъ неумѣренностію: у него выговоры были отеческіе, и похвалы, приличныя начальнику; и мягкость не составляла слабости, и строгость — жестокости; напротивъ того, первая представлялась снисходительностію, послѣдняя — благоразуміемъ, а та и другая — любомудріемъ. Ему не много было нужно словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, потому что достаточно было слова, и еще рѣже нужно было употреблять сѣченіе, потому что достаточно было жезла, поражающаго слегка.

Но для чего мнѣ описывать вамъ сего мужа? Его описалъ уже Павелъ, частью, когда восхваляетъ (Евр. 4, 14.) *Архіерея великаго, прошедшаго небеса* (да дерзнетъ и на сіе мое слово; потому что Писаніе называетъ Христами живущихъ по Христѣ!), — частью когда въ посланіи къ Тимоѳею даетъ ему законъ, изображая словомъ, каковъ долженъ быть предназначенный для епископства (1 Тим. 3, 1—7). Ибо если законъ сей какъ правило приложишь къ похваляемому въ этомъ именно отношеніи: то ясно увидишь его прямизну.

Приступите же со мною къ православію Аѳанасія, и подайте помощь мнѣ, который затрудняюсь въ словѣ, и желая большую часть прейти молчаніемъ, останавливаюсь на каждомъ его дѣяніи, не умѣя отыскать превосходнѣйшаго, какъ трудно бываетъ это находить въ тѣлѣ, со всѣхъ сторонъ одинаково и прекрасно отдѣланномъ; ибо что ни представится, все то оказывается прекраснымъ, всѣмъ тѣмъ увлекается слово. Итакъ пусть раздѣлитъ со мною его доблести всякій, кто хочетъ быть вѣщателемъ ему похвалъ и свидѣтелемъ; пусть всѣ вступятъ въ прекрасное другъ съ другомъ состязаніе, — мужи и жены; юноши и дѣвы, старцы съ юными, священники и народъ, отшельники и подвизающіеся въ общежитіи, любители простоты и строгой точности, ведущіе жизнь созерцательную и дѣятельную! Пусть восхваляютъ — кто какъ бы безплотность и невещественность его въ пощеніяхъ и молитвахъ, а кто бодрость и неутомимость во бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ, одинъ предстательство за нуждающихся, другій противоборство превозносящимся, или снисходительность къ смиреннымъ; дѣвы — невѣ-

стоводителя, супруги — наставника цѣломудрiю, пустыножители—окрыляющаго, пребывающаго въ общезитiи — законодателя, любители простоты — руководителя, ведущiе жизнь созерцательную — богослова, живущiе въ веселии — узду, бѣдствующiе—утѣшителя, сѣдина, — жезлъ, юность — дѣтвованiе, нищета—снабдителя, обилiе — домостроителя! Думаю, что и вдовы восхваляютъ докровителя, сироты — отца, нищiе — нищелюбца, странные — страннолюбца, братiя — братолюбца, больные — врача, подающаго всякое врачество и отъ всякой болѣзни, здравые — охранителя здравiя, и всѣ—*всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, приобрящеть.

Итакъ все сiе, какъ сказалъ я, пусть почтять удивленiемъ и похвалами другiе, у кого столько досуга, чтобы дивиться и малымъ его совершенствамъ! А когда называю малыми, — говорю сiе, сравнивая его съ нимъ-же самимъ, и сличая доблести его съ его-же собственными. Ибо *не прославися*, какъ сказано, *прославленное*, сколько оно ни славно, *за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). Между тѣмъ, и немногихъ изъ его доблестей достаточно было бы другимъ для прославленiя. Но мнѣ, которому непозволительно, оставивъ слово, заняться чѣмъ-либо маловажнымъ, и въ его совершенствахъ надобно обратиться къ главнѣйшему. Впрочемъ сказать что-нибудь достойное его краснорѣчiя и душевныхъ качествъ есть дѣло Божiе, а для Бога и сiе слово.

Прощѣтали и прекрасно текли нѣкогда наши дѣла; тогда во Дворы Божiи не имѣло доступа это излишнее, сладкорѣчивое и ухищренное богословствованiе. Напротивъ того, сказать или услышать о Богѣ что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило то-же, что играть въ камни и скоростью ихъ перекидыванiя обманывать зрѣнiе, или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движенiями тѣла. Простота же и благородство слова почитались благочестiемъ. Но послѣ того какъ Сексты и Пирроны и охота къ словопренiямъ, подобно какой-то тяжелой и злокачественной болѣзни, вторглись въ наши церкви, пустословіе стали почитать ученостiю, и, какъ въ книгѣ Дѣянiй говорится объ аѳинянахъ (17, 21), *мы ни вочто же ино упражняемся, развѣ глаголати что или слышати новое*; съ сего времени какой Иеремiя, одинъ умѣющiй составить плачь равномерный страданiямъ, оплачетъ нашъ позоръ и омраченiе! Начало сему бѣшенству положилъ Арiй¹⁾, соименный умоизступленiю, который и понесъ нака-

¹⁾ Ареюс Арiй можетъ означать неистоваго, изступленнаго.

зане за необузданность языка, по дѣйствию молитвы, а не по болѣзни, пріявъ конецъ жизни въ нечистомъ мѣстѣ, и разсѣдшись, какъ Иуда, за равное съ нимъ предательство Слова. А другіе, наслѣдовавъ сей недугъ, составили изъ нечестія науку; они, ограничивъ Божество Нерожденнымъ, изгнали изъ Божества не только Рожденнаго, но и Исходящаго, чествуя Троицу однимъ общеніемъ имени, или даже и того не соблюдая. Но не такъ училъ сей блаженный, поистинѣ Божій человекъ и великая труба истины. Зная, что Трехъ сокращать въ одно число безбожно и есть нововведеніе Савеллія, который первый выдумалъ такое сокращеніе Божества, а также Трехъ раздѣлять по естеству значитъ вводить въ Божество странное сѣченіе,—онъ и прекрасно соблюлъ единое относительно къ Божеству, и благочестно научилъ признавать Трехъ, относительно къ личнымъ свойствамъ, не сливъ Ихъ во-едино и не раздѣливъ на трехъ, но пребывъ въ предѣлахъ благочестія чрезъ избѣжаніе какъ излишней преклонности къ тому или другому, такъ и излишняго сопротивленія тому и другому. И симъ, во первыхъ, на святомъ Соборѣ въ Никеѣ, среди сего числа избранныхъ мужей, которыхъ Духъ Святой собралъ во-едино, оңъ, сколько зависѣло отъ него, прекратилъ недугъ. И хотя не былъ еще возведенъ въ санъ Епископа, однако же удостоенъ первенства между собравшимися; ибо добродѣтель уважалась не менѣе степеней.

Потомъ, когда зло было вновь оживлено дуновеніемъ лукаваго, и объяло большую часть вселенной (съ сего времени открываются предо мною дѣйствія, наполнившія собою почти всю сушу и море); тогда на Аванасія, какъ мужественнаго поборника Слова, воздвигается сильная брань (ибо на того болѣе и нападаютъ, кто болѣе противится), и отсюду новыя и новыя устремляются на него бѣды; потому что нечестіе изобрѣтательно на зло и нападаетъ съ крайнею дерзостію. Да и могли ли падить людей не пощадившіе Божества? Особенно одно изъ нападеній было очень жестоко. И я въ этомъ дѣлѣ имѣю свою часть¹⁾. Но да извинятъ въ этомъ любезную страну — отечество! Въ зломъ дѣлѣ виновны не страна, насъ произведшая, но сами избравшіе зло; она священна и всякому извѣстна своимъ благочестіемъ, а сіи недостойны Церкви, ихъ порадившей. Вы слышали, что и въ виноградникѣ родится терніе, что Иуда, одинъ изъ учениковъ, сталъ предателемъ. Иные не прощаютъ вины сои-

¹⁾ Какъ родившійся въ Каппадокіи, изъ которой происходилъ нѣкто Георгій, одинъ изъ враговъ Аванасіевыхъ, о которомъ будетъ говорено въ продолженіе слова.

менному мнѣ ¹⁾), который изъ любви къ наукамъ проживая тогда въ Александріи, и благосклонно принятый Аванасіемъ, какъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ дѣтей пользуясь весьма великимъ у него довѣріемъ, замыслилъ, какъ говорятъ, возстать противъ отца и покровителя. И хотя дѣйствовали другіе, однако же съ ними была, что называется, *рука Авессаломля* (2 Цар. 18, 18). Если кто изъ васъ знаетъ эту руку, за которую оклеветали Святаго, и сего живаго мертвеца ²⁾), и это несправедливое изгнаніе; то пойметъ, о чемъ говорю. Впрочемъ, охотно предамъ сіе забвенію. По моему разсужденію, въ дѣлахъ, подлежащихъ сомнѣнію, надобно преклоняться къ челоуѣколюбію, и болѣе извинять, нежели обвинять подвергаемыхъ обвиненію; потому что злomu очень легко обвинить и добраго, а доброму трудно обвинить и злаго. Кто нерасположенъ къ злу, тотъ неспособенъ и къ подозрѣнію.

Но вотъ уже не слово, а дѣло; не подозрѣніе, оставшееся безъ изслѣдованія, но достовѣрное и оглашенное происшествіе. Одно каппадокійское чудовище, явившееся съ дольнихъ предѣловъ нашей страны, худое родомъ, еще худшее сердцемъ, по происхожденію не вполне свободное; но нѣчто смѣшанное, подобно тому, что знаемъ о мулахъ, — челоуѣкъ, который сначала прислуживалъ за чужимъ столомъ, продавши себя за кусокъ хлѣба, привыкъ все дѣлать и говорить для чрева, потомъ, къ несчастію, домогся общественной службы, и получилъ въ оной самое послѣднее мѣсто — пріемщика свиныхъ мясъ, какими питается войско, но и здѣсь употребилъ довѣренность во зло, и служилъ только чреву, — когда у него было все отнято, замышляетъ бѣгство, и переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, какъ свойственно бѣглецамъ, наконецъ, къ общему вреду Церкви, подобно одной изъ египетскихъ язвъ, достигаетъ Александріи. Здѣсь прекращается его скитаніе и начинается злокозненность. Хотя въ другихъ отношеніяхъ не заслуживалъ онъ никакого вниманія, не зналъ свободныхъ наукъ, не имѣлъ ни пріятности въ бесѣдѣ, ни даже вида и пустой

¹⁾ Григорію, который, по изгнаніи св. Аванасія аріанами, былъ избранъ въ Архіепископа Александрійскаго, но сведенъ съ престола аріанами и замѣненъ Георгіемъ Каппадокійцемъ.

²⁾ Аріане, изъ ненависти къ св. Аванасію, кого-то живаго или мертваго отсѣкли руку, и представивъ ее въ судъ, клеветали на святого, что онъ отсѣкъ сію руку у одного умерщвленнаго имъ александрійскаго клирика Арсенія и посредствомъ ея производилъ чары. Между тѣмъ Арсеній удаленъ былъ аріанами изъ города. Но когда дошла до него вѣсть о томъ, въ чемъ обвиняютъ св. Аванасія.—немедленно явился въ судъ и изобличилъ лжецовъ.

личины благочестія, однако же всёхъ былъ искусѣе строить козни и приводить дѣла въ замѣшательство. Всѣ вы знаете и сами можете рассказать, сколько дерзостей учинилъ онъ противъ Святаго ¹⁾). Ибо перѣдко и праведники предаются въ руки нечестивыхъ, — не къ славѣ нечестивыхъ, но для испытанія праведныхъ. И хотя, по Писанію, *лукавиі смертію лютою погибнутъ, обаче* въ настоящей жизни *посмѣваются* благочестивымъ (Іов. 9, 23), доколѣ сокрыты и милость Божія, и великія сокровищницы уготованнаго тѣмъ и другимъ въ послѣдствіи, когда и слово и дѣло и помышленіе будутъ взвѣшены на праведныхъ вѣсахъ Божіихъ; когда Богъ возстанетъ судить землю, соберетъ намѣренія и дѣла, и обнаружитъ все, что у Него запечатлѣно и соблюдено.

Въ семь да убѣдить тебя Іовъ и словомъ и страданіями своими. Онъ былъ *человѣкъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ* (Іов. 1, 1) и проч., какъ свидѣтельствуешь о немъ Писаніе; однако же испросившій его ²⁾ поражаетъ столь многими, непрерывными и щедрыми ударами, что изъ великаго множества во всё времена злострадавшихъ и, какъ вѣроятно, неспихъ тяжелыя бѣдствія никто не сравнитъ несчастій своихъ съ Іовлевыми. Ибо у Іова не только деньги, имущество, благочадіе и многочадіе, — что для всякаго человѣка весьма дорого, не только, говорю, отъемлется все это, и при непрерывности бѣдствій нѣтъ времени слезамъ, но на послѣдокъ самое тѣло поражено неисцѣльною и отвратительною для взора язвою, а въ дополненіе несчастія есть жена, подающая совѣты на худшее, старающаяся вмѣстѣ съ тѣломъ поразить и душу; есть искреннѣйшіе друзья, *утѣшителие золъ*, какъ самъ онъ говоритъ (Іов. 16, 2), а не податели врачевства, которые видятъ страданія, но, не зная тайны страданій, признаютъ бѣдствіе его не испытаніемъ добродѣтели, но наказаніемъ за грѣхи, и не только содержать сіе въ мысляхъ, но не стыдятся даже укорять его самымъ несчастіемъ, тогда какъ надлежало бы облегчить скорбь словами утѣшенія, если бы Іовъ страдалъ и за грѣхи. Такъ было съ Іовомъ; таково начало дѣла его; это была борьба добродѣтели и зависти; зависть усиливалась препобѣдить добро, а добродѣтель, чтобы остаться непобѣдимою, все переносила; одна подвизалась изъ того, чтобы проложить путь пороку наказаніемъ благоуспѣвшихъ; а другая изъ того, чтобы поддержать добрыхъ, имѣющихъ преимущество и въ самыхъ несчастіяхъ. Что же Вѣщающій къ нему

¹⁾ Аваназія.

²⁾ То-есть дѣволъ.

сквозь бурю и облаки (Иов. 38, 1), Медленный въ наказаніи и Скорый на помощь, *не оставляющій* вовсе *жезла ершиныхъ на жребіи праведныхъ* (Пс. 124, 3), дабы не научились праведные беззаконію?—При концѣ подвиговъ громкимъ провозглашеніемъ вызываетъ подвижника, и открываетъ тайну поразившаго его удара, говоря: *мнѣши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися правдивъ* (Иов. 40, 3)? Таково врачество отъ ранъ! таковъ вѣнецъ за подвиги! такова награда за терпѣніе! А послѣдовавшее за симъ, можетъ быть, и маловажно, хотя для нѣкоторыхъ кажется великимъ, да и совершенно Промысломъ ради людей малодушныхъ, хотя и съ усугубленіемъ получаетъ Иовъ потерянное.

Посему и здѣсь неудивительно, что Георгій превозмогъ Аѳанасія; напротивъ того, удивительнѣе было бы, если бы праведникъ не вынесъ испытанія въ огнѣ клеветы. Даже и сіе не очень удивительно, а удивительнѣе то, что пламени сего достаточно было къ произведенію большаго. Аѳанасій удаляется оттуда, и самымъ бѣгствомъ пользуется какъ можно лучше. Ибо поселяется въ священныхъ и божественныхъ обителяхъ египетскихъ отшельниковъ, которые, разлучившись съ міромъ и возлюбивъ пустыню, живутъ для Бога, посвятивъ Ему себя болѣе всѣхъ пребывающихъ во плоти. Одни изъ нихъ ведутъ совершенно уединенную жизнь безъ сообщенія съ людьми, бесѣдуютъ единственно съ самими собою и съ Богомъ, и то одно почитаютъ міромъ, что знаютъ о немъ въ пустынѣ. Другіе, своею общительностію выполняя законъ любви, вмѣстѣ пустынники и общежительные; для прочихъ людей и вещей, для всего, что кружится передъ нами, то увлекая, то увлекаясь и обольщая насъ быстрыми перемѣнами, — они умерли, а другъ для друга составляютъ цѣлый міръ, взаимнымъ примѣромъ поощряя другъ друга къ добродѣтели. Съ ними бесѣдуя великій Аѳанасій, какъ и для всѣхъ другихъ былъ онъ посредникомъ и примирителемъ, подражая *Умиротворившему кровію Своею* то, что было весьма разлучено (Кол. 1, 20), такъ примиряетъ и пустынножителство съ общежитіемъ, показавъ, что и священство совмѣстно съ любомудріемъ¹⁾, и любомудріе имѣетъ нужду въ тайноводствѣ; ибо въ такой мѣрѣ согласилъ между собою то и другое, и соединилъ въ одно какъ безмолвное дѣланіе, такъ и дѣятельное безмолвіе, что убѣдилъ поставлять монашество болѣе въ благонравіи, нежели въ тѣлесномъ удаленіи отъ міра. Почему и великій Давидъ былъ сколько дѣятельнѣйшій, столько и самый уединен-

¹⁾ Созерцательною и подвижническою жизнью.

ный человекъ, если въ подтвержденіе нашего слова сильно и несомнѣнно сказанное имъ: *единъ есмь азъ, дондеже преиду* (Пс. 140, 10). Такимъ образомъ превосходящіе другихъ добродѣтелию были еиже Аѳанасія разумнѣемъ въ большей мѣрѣ, нежели въ какой превосходили другихъ, и не многое привнося отъ себя къ совершенію священства, гораздо болѣе сами заимствовали къ совершенію любомудрія. То для нихъ было закономъ, что онъ одобрялъ, и все то опять отвергалось ими, чего онъ не одобрялъ; его опредѣленія служили для нихъ Моисеевыми скрижалями; къ нему болѣе имѣли почитанія, нежели сколько люди должны имѣть къ святымъ. И когда явились къ нимъ преслѣдовавшіе Святаго, какъ звѣря, послѣ того какъ всюду искали его и не находили; тогда они не удостоили посланныхъ даже однимъ словомъ, но преклоняли выи свои подъ мечи, какъ бы бѣдствуя за Христа; и претерпѣвъ за Аѳанасія что-либо самое тяжкое почитали величайшимъ приобрѣтеніемъ для любомудрія, ставили это гораздо богоугоднѣе и выше продолжительныхъ постовъ, возлежанія на голой землѣ и другихъ злостраданій, какими они всегда услаждаются. Такова была тогдашняя жизнь Аѳанасія; онъ оправдывалъ собою слова Соломона, который любомудрствовалъ, что есть *время всякой вещи* (Еккл. 3, 1). Посему и скрылся онъ не надолго, пока продолжалася брань, чтобы явиться съ наступленіемъ мира, что и исполняется въ скоромъ времени.

А Георгій, не видя уже ни отъ кого противодѣйствія, обтекаетъ Египеть, покоряетъ силѣ нечестія Сирію, захватываетъ, сколько могъ, и Востокъ. Какъ ручьи принимаютъ въ себя всѣ стоки, такъ и онъ собираетъ къ себѣ все немощное,—нападая на людей болѣе легкомысленныхъ или робкихъ; овладѣваетъ простою царя¹⁾ (такъ назову его легковѣріе, уваживъ усердіе къ Бѣрѣ: потому что, если говорить правду, онъ имѣлъ *ревность*, но не по разуму (Римл. 10, 2); и какъ всюду пролагало ему путь достояніе нищихъ, употребляемое на худыя дѣла,—подкупаетъ нѣкоторыхъ вельможъ—болѣе златолюбивыхъ, нежели христолюбивыхъ, особливо же между ними людей женоподобныхъ, мужей по имени, не имѣющихъ въ себѣ ничего мужескаго, сомнительныхъ родомъ, но отъявленныхъ нечестіемъ²⁾, которымъ римскіе государи, повѣряя дѣла женскія, не знаю какъ и почему, вручаютъ

1) Констанція.

2) Георгій дорогими подарками привлекъ на свою сторону Евнуха Евсевія, главнаго начальника при императорскомъ дворѣ и явнаго аrianина.

вмѣстѣ и дѣла мужскія. Такъ усилился сей служитель лукаваго, сѣятель плевель, предтеча антихристовъ. Вмѣсто языка употреблялъ онъ краснорѣчивѣйшаго изъ тогдашнихъ епископа (если угодно назвать краснорѣчивымъ сего не столько защитника нечестія, сколько нашего врага и состязателя;—объ имени его умолчу охотно); а самъ служилъ своему скопищу вмѣсто руки, и истину ниспровергалъ золотомъ, которое собиралось на дѣла благочестивыя, но злонамѣренными людьми обращено было въ орудіе нечестія. Слѣдствіемъ сего преобладанія былъ соборъ составленный прежде въ Селевкии, во храмѣ святой и доблественной Дѣвы Феклы, а потомъ въ семь великомъ городѣ¹⁾; и городамъ, славившимся прежде доблестями, далъ именитость дѣлами позорными этотъ столпъ Халаискій (Быт. 10, 10, 11, 2—9), благовременно раздѣлившій языки (о если бы раздѣлилъ и ихъ языки; потому что согласіе у нихъ на зло!),—это Каиафино соборище, на которомъ осуждается Христосъ,—или какъ иначе должно назвать сей соборъ, все извратившій и приведшій въ замѣшательство. Онъ разрушилъ древнее и благочестивое исповѣданіе Троицы, подкопавъ и какъ бы стѣнобитными орудіями потрясши Единосущіе, а вмѣстѣ отверзъ дверь нечестію неопредѣленностію написаннаго, подъ предлогомъ уваженія къ Писанію и употребленію давно принятыхъ наименованій, въ дѣйствительности же, чтобы вмѣсто ихъ ввести неписанное (ἄγραφοι) арианство. Ибо слова: подобенъ по писаніямъ²⁾, для простыхъ служили приманкою, покрывавшею уду нечестія, — изображеніемъ, которое смотритъ въ глаза всякому мимоходящему, — обувію, сшитою на обѣ ноги,—вѣяніемъ при всякомъ вѣтрѣ (Сир. 5, 11). Онъ основывалъ права свои на новописанномъ злоухищреніи³⁾, на клеветѣ противъ истины; ибо они были мудры на злыя дѣла, но не умѣли дѣлать добра. Отсюда то хитро придуманное осужденіе еретиковъ, которыхъ они отлучили на словахъ, чтобы замысль свой сдѣлать привлекательнымъ, а въ самомъ дѣлѣ выставляли только на видъ, обвинивъ не за тяжкое несчастіе, а за чрезмѣрную охоту писать⁴⁾.

¹⁾ Въ Константинополѣ.

²⁾ Слова символа арианскаго.

³⁾ По изъясненію Никиты, Констанцій, по внушенію арианъ, написалъ, что слово: подобный, значитъ то же, что *единосущный*, а потому не вредитъ благочестію, если кто употребляетъ то или другое слово. Ариане воспользовались сямъ противъ истиннаго ученія.

⁴⁾ Такъ на Константинопольскомъ соборѣ арианами осужденъ былъ египтянинъ Аетій за тщеславіе и за чрезмѣрную наклонность къ спорамъ въ сочиненіяхъ Theodorit. *Histor. Eccl.* I. 2 с. 28

Отъ сего непосвященные стали судіями преподобныхъ, произошло новое смѣшеніе, — въ собраніяхъ народныхъ разсматриваются предметы священо-тайственные; отъ сего незаконное изслѣдованіе жизни¹⁾, наемные доносчики и судъ по договору; одни несправедливо свергаются съ престоловъ, другіе возводятся на ихъ мѣсто, и у сихъ, какъ чего-то необходимаго требуютъ рукописаній нечестія, и чернилы готовы и доносчикъ подлѣ. Сему подверглись весьма многіе изъ насъ, даже люди самые твердые; они не мыслию пали, но согласились на письмѣ, вступили въ единеніе съ лукавыми и въ мысляхъ и на письмѣ, и сдѣлались причастниками, если не огня, то по крайней мѣрѣ—дыма.

Я не рѣдко проливалъ слезы, представляя себѣ тогдашнее разлитіе нечестія и нынѣ возставшее гоненіе на правое слово отъ представителей слова. Подлинно, обезумѣли пастыри, по написанному: *пастырие мнози растлиша виноградъ Мой, посрамили часть желаемую* (Іер. 2, 10),—то есть Церковь Божию, собранную многими трудами и жертвами, закланными до Христа и послѣ Христа, и великими страданіями за насъ самого Бога. За исключеніемъ весьма немногихъ, которые или обойдены по своей мало-значительности, или противостали своими доблестями и должны были остаться для Израіля сѣменемъ и корнемъ, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, всѣ покорились обстоятельствамъ времени, съ тѣмъ только различіемъ, что одни подверглись сему прежде, другіе послѣ. Одни стали поборниками и покровителями нечестія, другіе заняли второстепенныя мѣста, и были или поражены страхомъ, или поработчены нуждою, или уловлены ласкательствомъ, или вовлечены по невѣдѣнію, что составляетъ меньшую вину, если для кого достаточно и сего къ извиненію тѣхъ, которымъ ввѣрено попеченіе о народѣ. Ибо какъ не одинаковы стремленія у львовъ и у другихъ животныхъ, а равно у мужей и женъ, у старыхъ и юныхъ, напротивъ того не мало различія въ каждомъ возрастѣ и полѣ: такъ есть разность между начальниками и подчиненными. Можетъ быть, извинили бы мы и простолюдиновъ, если бы съ ними случилось это; ихъ часто спасаетъ невнимательность: но какъ простимъ это учителю, который, если только не лжеименный, долженъ помогать въ невѣдѣніи другимъ? Если всякому, сколько бы кто ни былъ грубъ и невѣжественъ, непростительно не знать какого-либо римскаго закона, и если нѣтъ такого закона, который бы покрывалъ сдѣланное по не-

¹⁾ То-есть изслѣдованіе жизни епископовъ людьми мірскими.

вѣдѣнію; то не странно ли—тайноводствующимъ ко спасенію не знать началъ спасенія, хотя бы они во всемъ другомъ были и очень просты и неглубокаго ума? Впрочемъ пусть получаютъ извиненіе тѣ, которые послѣдовали нечестію по невѣдѣнію. Что же скажешь о прочихъ, которые сами себя приписываютъ проникаемость, и по сказаннымъ выше причинамъ уступили превосходящей силѣ, которые долго представляли изъ себя людей благочестивыхъ, а какъ скоро встрѣтилось нѣчто избличающее, тотчасъ преткнулись.

Слышу сказанное въ Писаніи, что *еще единожды потрясутся небо и земля* (Агг. 2, 7), — какъ будто бы съ ними было уже это нѣкогда прежде, и думаю, что симъ означается славное обновленіе всѣхъ вещей. Должно вѣрить и Павлу, который говорить, что послѣднее потрясеніе есть не иное что, какъ второе Христово пришествіе, претвореніе и преложеніе настоящей вселенной въ состояніе неподвижности и непоколебимости (Евр. 12, 26. 27). Но и настоящее сіе потрясеніе, какъ разсуждаю, ничѣмъ не меньше прежде бывшихъ, потому что имъ отторгнуты отъ насъ всѣ любознательные, боголюбивые и заранѣе сожителствующіе съ горными мужи, которые, хотя во всемъ другомъ мирны и умѣренны, однако же не могутъ перенести съ кротостію, когда молчаніемъ предается Богъ, и даже дѣлаются при семъ весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таковъ жаръ ревности), и готовы скорѣе ниспровергнуть, чегó не должно, нежели пренебречь должное. За ними устремляется не малое число и народа, подобно стаду птицъ, улетаю за улетающими впередъ, и даже теперъ не перестаютъ улетать.

Вотъ что значить для насъ Аванасій, пока онъ былъ броней Церкви, и вотъ что вышло, когда онъ уступилъ навѣтамъ лукавыхъ! Намѣревающіеся овладѣть какою-нибудь твердою крѣпостію, когда видятъ, что она неприступна и не можетъ быть взята обыкновенными средствами, прибѣгаютъ къ хитрости. И что же дѣлаютъ? привлекаютъ на свою сторону деньгами или обманомъ начальника крѣпости, и тогда безъ всякаго уже труда овладѣваютъ ею. Или, если угодно, злоумышлявшіе противъ Сампсона сперва сбрѣзали у него волосы, въ которыхъ заключалась его сила, потомъ взяли уже Судію и наругались надъ нимъ, какъ хотѣли, и столько же властительно, какъ онъ обходился прежде съ ними. Такъ поступили и наши иноплеменники; сперва исторгли у насъ нашу силу, остригли славу Церкви, и потомъ уже насладились догматами и дѣлами нечестія.

Въ сіе время подпора и покровитель¹⁾ враждебнаго намъ пастыря²⁾ преселяется изъ здѣшней жизни, положивъ худой конецъ нехудому царствованію, но принесши, какъ сказываютъ, полезное раскаяніе при послѣднемъ издыханіи, когда всякій бываетъ искреннимъ судією самою себя, по причинѣ ожидающаго тамъ судилища. Ибо слѣдующія три дѣла сознавалъ онъ худыми и недостойными своего царствованія: умерщвленіе родственниковъ³⁾, возвышеніе Цезаремъ отступника⁴⁾ и нововведенія въ Вѣрѣ; и, какъ сказываютъ, съ словами раскаянія кончилъ онъ жизнь. Тогда снова воспріемлетъ права свои слово истины, утѣсненные получаютъ полную свободу, между тѣмъ какъ ревность раздражаетъ гнѣвъ, и народъ александрійскій узнаетъ на опытъ, каковъ онъ противъ оскорбителей. Жители Александріи не стерпѣли необузданности челоуѣка⁵⁾, и предали позору пороки его необычайною смертію, а смерть необычайными поруганіями. Вамъ извѣстны и этотъ верблюдъ, и странная ноша, и новое возвышеніе, и первое, а думаю, и единственное шествіе—грозныя и донынѣ для притѣснителей⁶⁾. Когда же эта буря неправды, этотъ растлитель благочестія, предтеча лукаваго пріемлетъ наказаніе, по моему мнѣнію, не заслуживающее одобренія (потому что надобно было смотрѣть не на то, что ему надлежало претерпѣть, а на то, что намъ слѣдовало сдѣлать): тогда подвижникъ⁷⁾ возвращается изъ прекраснаго странствованія (такъ назову бѣгство его за Троицу и вмѣстѣ съ Троицею). Съ такою радостію срѣтается онъ жителями города⁸⁾ и едва не всѣмъ Египтомъ, вездѣ и отсюду, даже съ крайнихъ предѣловъ стекающимся, что одни желаютъ насладиться единымъ голосомъ, а другіе лицезрѣніемъ Аванасія, иные же, какъ извѣ-

¹⁾ Констанцій.

²⁾ Георгія Калпадокіяннина.

³⁾ Не воспрелятствоваль, когда могъ, умерщвленію брата Константина, и самъ велѣлъ умертвить Юліанова брата Галла.

⁴⁾ Юліана.

⁵⁾ Георгія еретика.

⁶⁾ Александрійскіе граждане, умертвивъ Георгія, разрубили тѣло его на части, и возили по городу на верблюдѣ. Замѣчательно то, что Юліанъ въ письмѣ къ александрійцамъ (у Никифора кн. 10. гл. 7.), изъявляя гнѣвъ свой на нихъ за таковой поступокъ, не упоминаетъ объ участіи въ ономъ христіанъ; а св. Епифаній (Том. 1 кн. 3) явно приписываетъ его язычникамъ; да и Марцелинъ (кн. 21.) потому только заключаетъ о согласіи на сіе христіанъ, что они не воспрелятствовали язычникамъ.

⁷⁾ Св. Аванасій.

⁸⁾ Александріи.

ство объ Апостолахъ (Дѣян. 5, 15), освятиться однимъ тѣнію его симъ новымъ образомъ тѣла. И потому, хотя много и много неоднократно во всѣ времена воздано уже почестей и вѣдано встрѣчъ, не только народнымъ правителямъ и царемъ, но и многымъ лицамъ чѣмъ-нибудь прославившимся; однако же не запомнятъ ни объ одной встрѣчѣ, которая была бы многолюднѣе и блистательнѣе настоящей. Одно только можно приравнять къ сей встрѣчѣ—самого Аванасія и ему же оказанную прежде почесть, при прежнемъ его вступленіи въ Александрію, когда возвращался изъ такого же, по тѣмъ же причинамъ случившагося бѣгства.

Носится и слѣдующая молва о сей почести (хотя бы и излишнимъ было пересказывать оную, но присовокуплю къ слову какъ бы нѣкоторую сладость и лишній цвѣтъ). Послѣ вшествія Аванасіева въ городъ, вѣзжалъ одинъ ишархъ, вторично вступавшій въ сію должность. Онъ былъ нашъ, то есть Калпадокіянинецъ, и человѣкъ знаменитый (конечно вы догадываетесь, что говорю о Филагріи; его любили, какъ рѣдко любятъ, и какъ не любили никого другаго; почесть ему воздана соотвѣтственно любви и (чтобы выразить это короче) со всѣми знаками уваженія; начальство ему ввѣрялось въ другой разъ по просьбѣ города и по опредѣленію царскому. При семъ случаѣ нѣкто изъ народа, видя неизсеченное множество людей, подобное морю, необъятному для взора, какъ говорить, спрашивалъ (что и часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ) одного своего знакомаго и друга: „скажи, почтеннѣйшій, видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы столько народа и съ такимъ воодушевленіемъ стекалось для оказанія почести одному человѣку?“—Никогда, отвѣчала юноша; напротивъ того, мнѣ кажется, что и самъ Констанцій не удостоился бы такой почести.—А именемъ царя хотѣлъ онъ означить самую высшую почесть. Но первый, съ особенною пріятностію и удовольствіемъ разсмѣявшись, отвѣтилъ: „что ты мнѣ говоришь, какъ будто рассказывая о чемъ-то великомъ и удивительномъ? Думаю, что и Аванасій Великій едва ли входилъ съ такимъ торжествомъ“. И въ подтвержденіе словъ своихъ присовокупилъ одну изъ употребительныхъ клятвъ. А симъ (что, думаю, и вамъ понятно) хотѣлъ онъ выразить, что похваляемаго нынѣ Аванасія почитаетъ выше и самого царя. Таково было общее уваженіе къ сему мужу, таково и доннынѣ удивленіе къ воспоминаемому его вшествію. Ибо жители города, раздѣлившись по поламъ, возрастамъ и занятіямъ (въ такомъ обыкновенно располагаются порядкѣ, особенно александрійцы, когда воздаютъ кому всенародную почесть), составляли изъ себя (какъ

изобразить словомъ великое сіе зрѣлище?) одну рѣку. А поэтъ ска- залъ бы, что это подлинно златоструйный и доброкласный Нилъ, текущій обратно изъ города въ Херею на разстояніе, какъ думаю, однодневнаго пути и далѣе.

Позвольте мнѣ еще нѣсколько насладиться повѣствованіемъ. Тамъ присутствую мысленно, и не легко отвлечь слово отъ сего тор- жества. Онъ въѣзжалъ на жребяти и почти также (не укорите меня въ безуміи), какъ мой Иисусъ—*на жребяти осли* (Іоан. 12, 15), другое ли, что хочетъ назнаменовать симъ Слово, или народъ язы- ческій, на которомъ благотворно возсѣдаетъ Иисусъ, разрѣшивъ его отъ узъ невѣдѣнія. Но Иисуса приѣмлютъ на себя древесныя вѣтви, также повергаемыя на землю, и постилаемыя многоцвѣтныя и ис- пещренныя одежды. И симъ только не былъ почтенъ, въ этомъ одномъ не сравненъ высокій и многоцѣнный мужъ; между тѣмъ какъ вшествіе его изображало собою вшествіе Христово. И предъ нимъ были взывающіе и предходящіе; кромѣ того, что не одно мно- жество дѣтей восхваляло его, но всякій согласный и несогласный языкъ старавшихся превзойти другъ друга въ похвалахъ. Не буду уже говорить о всенародныхъ рукоплесканіяхъ, объ изліяніи бла- говоній, о всеобщихъ бодрствованіяхъ, объ освѣщеніи цѣлаго го- рода, объ общественныхъ и частныхъ пиршествахъ и о всемъ про- чемъ, чѣмъ только города изъясляютъ свою радость. Все это было тогда принесено въ даръ ему въ преизбыткѣ и свыше всякой мѣры. Такъ и съ такимъ торжествомъ чудный Аванасій вступаетъ въ свой городъ!

Ужели же онъ жилъ, какъ прилично было предстоятелю многочисленнаго народа, но училъ, не какъ жилъ? или подвизался, не какъ училъ? или подвергался бѣдствіямъ менѣе кого-нибудь изъ подвизавшихся за слово? или почтенъ меньше, нежели сколько заслуживали его подвиги? или по вшествіи помрачилъ чѣмъ-нибудь славу, пріобрѣтенную при вшествіи? Ни мало; на- противъ того, въ немъ все одно другимъ поддерживалось, и какъ въ одной лирѣ, все одинаково было настроено—и жизнь, и ученіе, и подвиги, и бѣдствія, и что оказано ему при возвращеніи, и что совершено имъ по возвращеніи. Онъ вступаетъ въ управление Цер- ковію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не испытывалъ на себѣ того же, что бы- ваетъ съ людьми, которыхъ ослѣпляетъ неумѣренность гнѣва, и которые, покоряясь его владычеству, изгоняютъ и ниспровергаютъ все, на первый разъ имъ встрѣтившееся, хотя бы оно и стоило по- щады. Напротивъ того, разсуждая, что теперь всего благовремен- нѣе заслужить ему одобреніе (потому что злостраждущій всегда

бываетъ умѣреннѣе, а получившій возможность воздать зломъ за зло менѣе соблюдаетъ умѣренности), такъ кротко и спусходительно обходится съ оскорбившими его, что даже и для нихъ самихъ, можно сказать, не было неприятно Аванасіево возвращеніе. Онъ очищаетъ Святилище отъ корчемствующихъ святынею христо-продавцевъ, чтобы и въ этомъ стать подражателемъ Хрїстовымъ; впрочемъ совершаетъ сіе не свитымъ изъ вервій бичемъ (Іоан. 2, 15), но убѣдительнымъ словомъ. Онъ примиряетъ другъ съ другомъ и съ собою безпокойныхъ, не потребовавъ къ тому посредниковъ, освобождаетъ отъ притѣсненій терпѣвшихъ обиду, не разбирая, держался ли кто его или противной стороны, возставляетъ падшее ученіе. Снова свободно исповѣдуются Святая Троица, поставленная на свѣщникѣ, и блистательнымъ свѣтомъ Единаго Божества осіявающая души всѣхъ. Снова даетъ онъ законы вселенной; обращаетъ къ себѣ умы всѣхъ, къ однимъ пишетъ посланія, другихъ призываетъ къ себѣ, а иные приходятъ непризванные и получаютъ назиданіе. Всѣмъ же предлагаетъ онъ одинъ законъ,— свободное произволеніе; ибо сего одного почиталъ достаточнымъ руководствомъ къ совершенству. Кратко сказать: онъ подражаетъ свойствамъ двухъ похваляемыхъ камней; для поражающихъ служить адамантомъ, а для мятежниковъ—магнитомъ, который неизъяснимою силою естества привлекаетъ желѣзо и приспособляетъ къ себѣ самое твердое изъ веществъ.

Но зависть ¹⁾ не могла терпѣливо видѣть, что Церковь весьма скоро, подобно тѣлу, заживила разсѣченные члены и достигла прежней славы и древняго благосостоянія; посему противъ Аванасія возставляетъ царя ²⁾, подобно себѣ, отступника, равнаго злобою и и уступающаго только во времени. Онъ первый изъ хрїстіанскихъ царей, возставъ противъ Христа и вдругъ изринувъ изъ себя василиска нечестія, которымъ давно мучился, какъ скоро настало благоприятное время, вмѣстѣ провозглашается самодержцемъ и оказывается злымъ противъ царя, ввѣрившаго ему царскую власть, а еще злѣйшимъ противъ Бога, его спасшаго. Онъ вымышляетъ гоненіе лютейшее изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ, потому что, присоединивъ къ мучительству убѣжденіе (такъ какъ хотѣлъ лишить страждущихъ и чести, пріобрѣтаемой подвигами), приводитъ въ колебаніе самое ревностное мужество, тѣ обороты и хитросплетенія, какія употребительны въ рѣчи, внося въ самую нравственность, или, справедливѣе, сказать, дѣлая совершенно безнравъ

¹⁾ Діавола.

²⁾ Юліана.

ственными, даже заботясь о семъ и подражая многокозненности обитавшаго въ немъ лукаваго. Онъ почиталъ маловажнымъ дѣломъ покорить своей волѣ весь родъ христіанскій, а великимъ—восторжествовать надъ Аеанасіемъ и надъ тою силою, какую имѣлъ онъ въ нашемъ ученіи. Ибо видѣлъ, что не успѣетъ въ своемъ замыслѣ противъ насъ, пока Аеанасій—въ полномъ вооруженіи и готовъ дать ему ртпоръ; потому что оскудѣніе христіанъ, всегда восполнялось присоединяющимися изъ язычниковъ и (что поистинѣ удивительно) его благоразуміемъ. Все это разумѣя и видя, сей страшный лжеумствователь и гонитель не остается долѣе подѣ личною и въ хитромъ самопринужденіи, но обнаруживъ свое лукавство, явно изгоняетъ Аеанасія изъ города; потому что сему доблестившему побѣдителю надлежало достигнуть полной славы послѣ троекратной борьбы. По прошествіи немногаго времени, Правосудіе Божіе, предавъ злочестиваго царя персамъ, тамъ совершаетъ надъ нимъ судъ, и увлеченнаго туда любочестіемъ возвращаетъ мертвымъ, ни въ комъ не возбуждающимъ сожалѣнія; даже, какъ слышалъ я отъ кого-то, его не приняла могила, но отвергла, и съ пламенемъ изринула поколебавшаяся ради его земля, въ чемъ вижу начало тамошняго мученія.

Но возстаетъ другій царь¹⁾, *не безсраменъ лицемъ* (Дан. 8, 23), подобно предшествовавшему, и не угнетающій Израиля тяжкими дѣлами и приставниками, а напротивъ того весьма благочестивый и кроткій. Онъ, желая положить прочнѣйшее основаніе своему царствованію и управленію по добрымъ законамъ начать, съ чего надлежало, съ одной стороны, возвращаетъ изъ заточенія епископовъ, какъ всѣхъ вообще, такъ прежде другихъ превосходящаго всѣхъ добродѣтелию и за благочестіе подвергшагося явному гоненію, а съ другой стороны, истину Вѣры нашей, которую многіе разоряли, затмевали, раздробили на множество толковъ и частей, старается дознать, чтобъ особенно весь міръ, сколько можно, привести въ согласіе и единеніе, содѣйствіемъ Святаго Духа; въ противномъ же случаѣ, чтобы по крайней мѣрѣ ему самому держаться лучшаго исповѣданія, сдѣлать оное господствующимъ и себѣ заимствовать отъ него силу,—такъ возвышенно и достоѣпно рассуждалъ онъ о наиважнѣйшихъ предметахъ! Здѣсь то наипаче и обнаружилась въ Аеанасіи чистота и твердость вѣры во Христа. Ибо когда всѣ прочіе, исповѣдовавшіе наше ученіе, раздѣлились на три части, и многіе въ ученіи о Сынѣ, а большее число

¹⁾ Іовиніанъ.

въ ученіи о Духѣ Святомъ (гдѣ и придержаться нѣсколько нечестія почиталось благочестіемъ) заражены были недугомъ, и только немногіе о томъ и другомъ учили здраво,—онъ первый, и одинъ, или съ весьма немногими, дерзнулъ стать за истину ясно и открыто, на письмѣ исповѣдавъ единое Божество и единую сущность трехъ (Лицъ); и что прежде даровано было великому числу Отцевъ утвердить въ догматѣ о Сынѣ, то онъ богодухновенно преподавъ впослѣдствіи о Духѣ Святомъ, принесши царю подлинно царскій и великолѣпный даръ, то есть письменное исповѣданіе благочестія¹⁾ вопреки неписанному²⁾ нововведенію, чтобы препобѣждены были Царемъ царь, Словомъ—слова, письменемъ—письмена.

Устыдившись сего исповѣданія, какъ думаю, тѣ, въ комъ на Западѣ и на Востокѣ оставались еще признаки жизни, одни, если вѣрить собственнымъ ихъ словамъ, преклонились мыслію къ благочестію, но не простерлись далѣе, какъ мертвое порожденіе, липившееся жизни еще въ материной утробѣ; другіе, подобно искрѣ, воспламенились нѣсколько, чтобы удовлетворить обстоятельствамъ времени, или ревностнѣйшимъ изъ православныхъ и боголюбивымъ изъ народа; а нѣкоторые осмѣлились стать за истину. Къ послѣдней сторонѣ присоединился бы и я (ибо не смѣю похвалиться чѣмъ-либо большимъ) не для того, чтобы пристроить свою робость (таково расположеніе ума въ людяхъ наиболѣе слабыхъ; а мы довольно уже строили, не приобрѣтая чужаго, и губя свое, какъ подлинно худые домостроители), но плодъ свой произвести на свѣтъ, съ заботливостію воспитать и представить взорамъ всѣхъ непрестанно усовершенствующимся.

Это еще одинъ изъ его подвиговъ, меньше достойный удивленія. Ибо что удивительнаго, если самымъ дѣломъ подвергавшійся бѣдствіямъ за истину исповѣдалъ ее письменно? Но что наиболѣе убѣждаетъ меня удивляться сему мужу, о чемъ и умолчать нельзя безъ вреда, особенно въ такое время, когда возникаетъ много разногласій, то присовокуплю къ сказанному. Да послужить дѣяніе сіе урокомъ и для нашихъ современниковъ, если только захотимъ подражать ему. Ибо какъ отъ почерпнутой воды отдѣляется не только оставшееся внѣ почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы изъ держамаго рукою: такъ и отъ насъ отсѣкаются

¹⁾ То есть или символъ Вѣры, извѣстный подъ именемъ Аванасіева, или исповѣданіе, представленное Аванасіемъ Юввиніану, о которомъ смотр. у Теодорита Церк. Истор. кн. 4 гл. 2 и 3.

²⁾ По другимъ чтеніямъ вмѣсто неписанный (ἀγραφοῦ) читается (ἐγραφοῦ) письменный. Въ обоихъ случаяхъ разумѣется арианское вѣроученіе.

не одни нечестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматовъ неважныхъ, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не такъ тяжело), но даже ради рѣченій, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо когда благочестно употребляемъ реченія: одна сущность и три Упостаси, изъ которыхъ первое означаетъ естество Божества, а послѣднее — личныя свойства (*ιδιότη-τας*) Трехъ, и когда римляне, одинаково съ нами разумѣя, по бѣдности своего языка и по недостатку наименованій, не могутъ различать сущности отъ Упостаси, и потому замѣняютъ слово: Упостаси, словомъ: лица, дабы не подать мысли, что они признаютъ три сущности: тогда что изъ сего выходитъ? Нѣчто весьма достойное смѣха и сожалѣнія. Сіе маловажное состязаніе о звукахъ показалось разностию Вѣры. Потомъ вслѣдствіе споровъ о семъ произошло то, что въ рѣченіи: три лица, открытъ савелліанизмъ, и въ рѣченіи: три Упостаси, — арианизмъ. Чтожъ далѣе? По мѣрѣ того какъ съ каждымъ днемъ прибавлялось что-нибудь хотя нѣсколько огорчительное (такъ какъ споръ всегда производитъ огорченія), настааетъ опасность, что вмѣстѣ съ слогами расторгнутся и концы вселенной. Все это видя и слыша, сей блаженный, какъ истинно Божій человѣкъ и великій строитель душъ, не призналъ должнымъ оставить безъ вниманія столь неумѣстное и безразсудное сѣченіе слова, но употребляетъ свое врачевство противъ такого недуга. Какъ же онъ производитъ сіе? Со всею кротостію и человѣколюбіемъ пригласивъ обѣ стороны, и строго изслѣдовавъ смыслъ рѣченій, когда нашель ихъ не отступающими отъ здраваго ученія и ни мало не разнствующими въ понятіи, представляетъ имъ употребленіе разныхъ именований, связуетъ же во едино самымъ именуемымъ. Это полезнѣе продолжительныхъ трудовъ и рѣчей, какія всякій уже предаетъ писанію, и къ которымъ бываетъ нѣсколько присоединено честолюбія, и отъ сего можетъ быть вводиться ими нѣчто и новое въ самомъ ученіи. Это предпочтительнѣе многихъ бдѣній, возлежаній на голой землѣ, которыя приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ. Это равняется достославнымъ изгнаніямъ и неоднократному бѣгству самого Аванасія. Ибо за что рѣшился онъ терпѣть сіи изгнанія, то самое заботился исполнить по претерпѣніи.

Съ такимъ поостоянствомъ дѣйствовалъ онъ и на другихъ, кого похваляя, а кого умѣренно наказывая: однихъ возбуждая въ медлительности, въ другихъ обуздывая горячность, обѣ иныхъ заботясь, чтобы какъ-нибудь не пали, а инымъ подавая средства по паденіи исправиться. Нравомъ былъ простъ, въ управленіи много-

образенъ, мудръ въ словѣ, еще премудрѣе разумомъ, тихощественъ со смиряющимися, возвышенъ съ высокопарными; гостепріименъ, заступникъ просящихъ, отвратитель золь, дѣйствительно въ одномъ себѣ совмѣщающій все то, что язычники приписывали ко частямъ которому-либо изъ своихъ боговъ. Присовокуплю еще, что онъ былъ покровителемъ супружества, другомъ дѣвства, блюстителемъ и возстановителемъ мира, путеказателемъ для отходящихъ изъ сей жизни. О, сколько наименованій представляютъ Аеанасіевы добродѣтели мнѣ, желающему наименовать сего мужа за каждую его доблесть! Поелику же провелъ онъ такую жизнь, такъ былъ наученъ и училъ, что дѣла и нравы его служатъ правиломъ для епископовъ, а догматы его — закономъ для православія: то какую приеѣмлетъ награду за благочестіе?—Ибо не должно ничего оставлять безъ вниманія. *Въ старости блазъ* (1 Пар. 29, 28) оканчиваетъ онъ жизнь, и прилагается отцамъ своимъ — Патріархамъ, Пророкамъ, Апостоламъ и Мученикамъ, подвизавшимся за истину. И скажу краткое надгробіе: при исходѣ его воздается ему болѣе почестей, нежели при вшествіяхъ. Много пролито о немъ слезъ; но въ сердцѣхъ каждаго осталась о немъ слава, превышающая все видимое.

О любезная и священная глава! ты, который сверхъ прочихъ своихъ совершенствъ, особенно уважалъ мѣру въ словѣ и въ молчаніи, положи здѣсь конецъ и моему слову; хотя оно скудно предъ истинною дѣлѣ Твоихъ, однако же не имѣетъ недостатка въ сравненіи съ моими силами. А самъ милостиво призри свыше на насъ, на сей народъ, и его управъ такъ, чтобы онъ былъ совершеннымъ поклонникомъ совершенной Троицы, умосозерцаемой и почитаемой во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ: а насъ, если времена будутъ мирны, сохрани сопастырствуя съ нами; а если настанутъ брани,—изведи отселѣ, или возьми и поставъ съ собою и съ подобными тебѣ (хотя и слишкомъ велико просимое мною) въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава, честь, держава во вѣки. аминь.

Слово 22, о мирѣ, говоренное въ общемъ собраніи единовѣрныхъ, бывшемъ послѣ примиренія:

Ревность пламенна; духъ кротокъ; любовь милосерда, или, лучше сказать, она есть самое милосердіе; надежда долготерпѣлива. Ревность воспламеняетъ; духъ дѣлаетъ кроткимъ; надежда ожидаетъ; любовь связуетъ и не даетъ разсѣиваться тому, что есть

въ насъ прекраснаго, хотя по природѣ мы и разсѣянны. Съ любовью бываетъ одно изъ трехъ: она или, пребывая въ сердцѣ, постоянна; или, поколебавшись, восстанавливается; или, удалившись, возвращается. Она подобна растеніямъ, которыя, если насильно согнуть ихъ руками и потомъ оставить на свободѣ, опять разгибаются и приходятъ въ прежнее положеніе; чѣмъ и обнаруживаютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, но не выпрямить. Правда, что порокъ по природѣ намъ подрученъ, и стремленіе къ худому сильно: это потокъ, который падаетъ съ стремнины; это тростникъ, который при вѣтрѣ легко загорается отъ искры, весь обращается въ пламень, и истребляется вмѣстѣ съ своимъ порожденіемъ; ибо огонь есть порожденіе вещества, истребляетъ его, какъ порокъ—порочныхъ, но и самъ исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его питало. Но если бы кто-либо снискалъ навыкъ къ чему-либо доброду, и усвоилъ себѣ это: то для него труднѣе уже будетъ пасть, нежели какъ вначалѣ было сдѣлаться добрымъ; потому что всякое добро, утвержденное временемъ и разсудкомъ, обращается въ природу; какъ и сія любовь, которая въ насъ, и съ которою совершаемъ мы служеніе любви истинной, и возлюбленной и избранной нами въ руководство для цѣлой жизни.

Итакъ гдѣ же наблюдающіе тщательно за нашими дѣлами (хорошо ли, или худо онѣ идутъ), наблюдающіе не для того, чтобы разсудить, но чтобы осудить, наблюдающіе не потому, что принимаютъ участіе, но потому, что радуются злу, на доброе клеветуютъ, а худое выставляютъ на позоръ, и въ ранахъ ближняго ищутъ извиненія собственнымъ порокамъ? Пусть судили бы они справедливо! По пословицѣ, и желчь была бы иногда пригодна, если бы опасеніе отъ враговъ могло сдѣлать насъ болѣе осторожными. Но теперь судятъ они съ непріязнью и злобою, омрачающею разсудокъ; а потому и шоризаніе ихъ не имѣетъ никакого вѣроятія. Итакъ, гдѣ они, равно ненавидящіе Божество и насъ?—Изъ всѣхъ нашихъ злостраданій славнѣе тѣ, которыя терпимъ ради Бога. Гдѣ сіи снисходительные судіи собственныхъ дѣлъ и строгіе истязатели чужихъ, чтобы и въ этомъ солгать истинѣ? Гдѣ вы, которые сами покрыты глубокими ранами, а насъ укоряете за всякій багровый знакъ, сами подвергаетесь паденіямъ, а насъ осмѣиваете и за преткновеніе, сами утопаете въ грязи, и радуетесь увидѣть на насъ пятно, сами слѣпотствуете отъ бревенъ въ глазахъ, а намъ ставите въ вину имѣть спицу, которая не производитъ большой боли, пока она въ глазѣ, и которую не трудно вынуть изъ глаза, или сдунуть съ него? Будьте теперь причастниками нашихъ

тайнъ; васъ призываемъ въ сонмъ свой, и ненавидимые (какая самонадѣянность, или какое дерзновеніе!) предаемъ себя на судъ врагамъ, чтобы вамъ остаться посрамленными и побѣжденными, когда самый недугъ нашъ (что можетъ быть страннѣе сего?) убѣдить васъ въ нашемъ здравіи. Ибо не въ ученіи о Божествѣ было у насъ разномысліе, но подвизались мы за благочиніе, и спорили не о томъ, которое изъ нечестивыхъ ученій предпочесть должно,—то ли, которымъ сокращается Божество, или то, которымъ отсѣкается отъ Божіей сущности или одинъ Духъ, или съ Духомъ и Сынъ, спорили, говорю, не о томъ, принять ли одну или двойную мѣру нечестія. Но таковы (кратко говоря) нынѣшніе недуги; потому что нынѣ полагають *восхожденія въ сердце своемъ* (Пс. 83, 6), но не исповѣданія, а отреченія, не богословія, но богохульства; нынѣ всѣ одинъ другаго расточительнѣе въ богатствѣ нечестія, какъ будто не нечестія боятся, но того, чтобы не стать умѣреннѣе и человѣколюбивѣе другихъ. А мы поступаемъ, не такъ. Напротивъ того, въ ученіи о Божествѣ (если не много будетъ сказать это) мы столько же единомышленны и согласны, сколько и Божество Само съ Собою. Мы стали *устны единъ и гласъ единъ* (Быт. 11, 1), но не для такой цѣли, для какой въ древности создавшіе столпъ; они были единомышленными на зло, а мы пользуемся единомысліемъ для всего добраго, чтобы единократно и едиными устами славить Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы о насъ можно было сказать, *яко воистинну съ нами есть Богъ* (1 Кор. 14, 25), соединяющій соединяющихъ и прославляющій прославляющихъ Его, и не только можно было сказать сіе, но и повѣрить сему.

Но есть нѣчто, въ чемъ и мы соглашались. Не спорю, что и сіе худо; ибо не надлежало бы давать какъ лукавому доступа или повода, такъ и злымъ языкамъ свободы. Впрочемъ не столько худо, какъ представляется нашимъ клеветникамъ. Поелику намъ, какъ людямъ, свойственно было и погрѣшнить въ чемъ-нибудь: то вотъ нашъ проступокъ—мы были весьма пастырелюбивы, и не умѣли рѣшить, которое изъ двухъ благъ предпочтительнѣе, пока не согласились равно уважить то и другое. Такова наша вина; за сіе пусть укоряетъ, или прощаетъ насъ, кто хочетъ. На это одно могутъ опереться еретики. Кромѣ же сего ничего не найдете, хотя бы и очень желали. *Мухи умершія и загнившія сгоняютъ елей*, говорить нѣкто (Екклес. 10, 1); но зависть не можетъ повредить добру, хотя и захочетъ; ибо *истина*, какъ разсуждаю съ Ездрую, *крипче паче вѣтъ* (2 Ездр. 4, 35).

Такимъ образомъ мы сами собою прекратили и будемъ пререщать собственныя свои несогласія; ибо невозможно, чтобы отцы немилостиво судили дѣтей, особливо при посредствѣ обще-исповѣдуемой Троицы, за Которую воздвигаютъ на насъ брань, и для Которой мы сами не будемъ вступать въ брань. Поручителемъ же мира я—человѣкъ столь малый для такого дѣла; потому что *Господь смиреннымъ даетъ благодать*, а высокихъ смиряетъ *до земли* (Іак. 4, 6. Пс. 146, 6). Но что изъ сего вамъ, общіе наши примирители (ибо вы дѣйствительно наши примирители, и невольно оказываете намъ такую милость)? Если мы погрѣшаемъ въ чемъ-нибудь большомъ или маломъ; то вы отъ сего не дѣляетесь благочестивыми. Напротивъ того, какъ мы не стоимъ похвалы за худое, если когда падаемъ; такъ вы остаетесь не менѣе нечестивыми, хотя и мы согрѣшаемъ—даже еще болѣе, потому что съ нами падающими поступаете жестоко.

Но чтобы вы могли видѣть наше во всемъ единомысліе, а изъ сего заключить, что мы и всегда будемъ единомышленными; хотя въ семь, какъ думаю, увѣрило и видимое—и праводушный отецъ и благопокорный сынъ, вмѣстѣ возсѣдающіе, служащіе другъ другу украшеніемъ, и въ васъ воспламенившіе ту искру благочестія и единокорія, какая только есть; однакоже да убѣдитъ въ гомъ и слово. И какъ вы слышали уже одного ¹⁾ (ваше удивленіе доселѣ оглашаетъ слухъ мой, а сокровенное въ сердцахъ, очень знаю, еще больше и того, что излилось въ воздухъ); такъ услышите спять и меня, если снова желаете слышать, и если кому-нибудь изъ васъ недостаточными доказательствами кажутся и проповѣданное неоднократно, и тѣ искушенія, тѣ метанія камнями, которыя я уже претерпѣлъ, и готовъ еще претерпѣть, почитая для себя потерю не страданія, но лишеніе страданій, тѣмъ болѣе когда вкусилъ уже бѣдствій за Христа, и приобрѣлъ отъ нихъ прекрасный плодъ—пріумноженіе людей сихъ. Итакъ чего хотите? Убѣдились ли вы этимъ? И мнѣ не нужно прилагать новыхъ трудовъ, не нужно въ другій разъ богословствовать? Вы пощадите мою немощь, по которой и сіе едва говорю вамъ? Или для васъ, какъ для людей имѣющихъ тяжелый слухъ, надобно многократно повторять одно и то же слово, чтобы, при постоянномъ напряженіи голоса, сказать наконецъ въ уши слышащихъ? Мнѣ кажется, что вы молчаніемъ своимъ вызываете слово; ибо молчаніе, по пословицѣ, есть

¹⁾ Родителя св. Григорія Богослова.

знакъ согласія. И такъ пріймите слово обоихъ отъ единого сердца и изъ единыхъ устъ.

Скорблю о томъ, что не могу, взошедши на одну изъ высокихъ горъ, голосомъ, соответствующимъ желанію, предъ цѣлою вселенной, какъ среди общаго позорища, возгласить во услышаніе всѣмъ неблагочестиво мыслящимъ: *сынове чловѣчестіи, доколы тяжкосердіи, вскую любите суету и ищете лжи* (Пс. 4, 3)? Для чего вводите не одно простое Божіе естество, но или три, между собою разъединенныя и расторженныя, даже (не странно будетъ сказать) взаимно противоборствующія по причинѣ то излишествъ, то недостатковъ, или хотя и одно, но скудное, заключенное въ тѣсныя предѣлы, не имѣющее свойства быть началомъ чего-либо великаго, потому что Оно не можетъ, или не хочетъ сего, и не хочетъ по двумъ причинамъ: или изъ зависти, или изъ страха;—изъ зависти, чтобы не сопривзошло чего-либо равночестнаго,—изъ страха, чтобы не произошло враждебнаго и противоборствующаго? А между тѣмъ сколько Богъ досточестіѣ тварей, столько приличіѣ первой Причинѣ быть началомъ Божества, а не тварей, столько приличіѣ при посредствѣ Божества нисходить Ей до тварей, а не напротивъ, ради тварей созидаться Божеству, какъ угодно думати умамъ чрезъ мѣру пытливымъ и высокопарнымъ¹⁾. Ибо ежели, исповѣдуя достоинство Сына и Духа, станемъ или признавать Ихъ безначальными, или возводить къ иному началу²⁾: то поистинѣ опасно, чтобы или не обезчестить тѣмъ Бога, или не допустить чего-либо богопротивнаго. Если же (сколько ни возвышаешь Сына и Духа), не ставишь Ихъ выше Отца, то не устраняешь Ихъ отъ Причины, а напротивъ того къ Ней возводишь и благое рожденіе и чудное исхожденіе.

Спрошу у тебя, любитель нерожденія и безначалія: кто болѣе безчеститъ Бога, тотъ ли, что почитаетъ Его началомъ такого Сына и такого Духа, какими ты признаешь Ихъ или кто исповѣдуетъ Его началомъ не такого Сына и не такого Духа, но подобныхъ Ему по естеству и равныхъ въ славѣ, какими исповѣдуетъ Ихъ наше ученіе? Но для тебя много, очень много чести, имѣть у себя сына, даже тѣмъ больше, чѣмъ совершеннѣе подражаетъ онъ во всемъ отцу, и служить точнымъ образомъ родителя. И не такъ охотно со-

¹⁾ Таково было богохульное ученіе арианъ, утверждавшихъ, что Сынъ сотворенъ для насъ, что чрезъ Него, какъ чрезъ орудіе, Богъ сотворилъ насъ, и если бы Богу не угодно было сотворить насъ, то не было бы и Сына. Никифоръ кн. 8 гл. 8.

²⁾ А не къ Отцу.

гласился бы ты стать господиномъ тысячи рабовъ, какъ родителемъ одного сына. Ужели же для Бога есть что-либо выше чести быть Отцемъ Сына, Который служить къ усугубленію, а не къ уменьшенію Его славы, равно какъ и быть Изводителемъ Духа? Развѣ не знаешь, что, Начало (разумѣю Начало Сына и Духа) признавая началомъ тварей, не чтить самого Начала и безчестить Исходящихъ изъ Начала? Не чтить Начала, потому что полагаешь Его Началомъ чего-то такого, что мало и не достойно Божества. Безчестить и Исходящихъ изъ Начала, потому что дѣлаешь Ихъ малыми и не только тварями, но даже чѣмъ-то такимъ, что малочестнѣе самыхъ тварей, если Они для тварей только существуютъ, а нѣкогда не существовали, какъ и художческаго орудія не бываетъ прежде художниковъ, даже вовсе не существовали бы, если бы Богу (какъ будто для Него не довольно только захотѣть) не стало угодно сотворить что-нибудь чрезъ Нихъ. Ибо все, что бываетъ для чего-нибудь другаго, малочестнѣе того, для чего оно бываетъ. Но я, вводя начало Божества не временное, неотлучное и безпредѣльное, чту и Начало, а равно и Исходящихъ изъ Начала,—первое, потому что Оно начало таковыхъ Исходящихъ, и послѣднихъ, потому что Они такъ, такими и изъ такого исходятъ Начала, не отдѣльны отъ Него ни временемъ, ни естествомъ, ни достоудолжнымъ Имъ поклоненіемъ, суть съ Нимъ едино—но (хотя и необыкновененъ такой образъ выраженія) раздѣльно, раздѣльны съ Нимъ—но соединенно, не менѣе досточтимы — представляемые и познаваемые, какъ во взаимномъ между Собою соотношеніи, такъ и Каждый Самъ по Себѣ,—совершенная Троица изъ Трехъ совершенныхъ. Ибо Божество выступило изъ единичности по причинѣ богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства, чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы нелюбообшительность, послѣднее—безпорядокъ; одно было бы совершенно въ духѣ іудейства, другое—язычества и многобожія.

Беру въ разсмотрѣніе и то (а такое сужденіе мое, можетъ быть, не совсѣмъ незрѣло и просто, но напротивъ того очень основательно), что для тебя нѣтъ опасности признавать Сына рожденнымъ потому что Нерожденный, не будучи тѣломъ, и раждаая, не терпитъ чего-либо свойственнаго тѣлесному и вещественному. Даже и общія понятія о Богѣ дозволяютъ приписывать Ему рожденіе. Для чего же тамъ бояться страха, гдѣ нѣтъ страха (Пс. 13, 5), и дер-

жаться нечестія, какъ говорится, изъ ничего?—Напротивъ того, я опасаюсь, что исказимъ понятіе о Божествѣ, если допустимъ въ Божество тварь. Ибо сотворенный не Богъ, и сослужебный намъ не Владыка; хотя приписываютъ Ему первенство между рабами и тварями, и въ этомъ одномъ оказываютъ снисходительность къ Оскорбляемому. Но лишаящій должной чести не столько чувствуетъ тѣмъ, что воздаеть, сколько безчестить тѣмъ, что отъемлетъ, хотя воздаваемое и имѣетъ видъ почести.

И если воображаешь, что при рожденіи имѣютъ мѣсто страсти: то думаю, что онѣ имѣютъ мѣсто и при твореніи. Даже не знаю, какъ творимое можетъ быть сотворено безстрастно. Если же (Сынъ) и не рожденъ, и не сотворенъ: то договаривай уже и остальное ¹⁾ ты, дерзающій выговорить почти то же самое, когда именуешь Его тварію. Для твоей дерзости, злый цѣнитель и судія Божества, нѣтъ ничего недоступнаго и неприкосновеннаго. Тебѣ нечѣмъ болѣе прославиться, развѣ тѣмъ, чтобы, какъ можно дѣлѣе, отстранить Бога отъ владычества, что властолюбцы и лихоимцы, дѣлаютъ съ людьми ихъ слабѣйшими.

А я буду повторять одно и то же, притомъ краткое, изреченіе: Троица воистинну есть Троица, братія. Но слово: троица, означаетъ не счетъ вещей неравныхъ (иначе что препятствуетъ, слагая съ тѣмъ или другимъ числомъ вещей, именовать десяткомъ, сотнею десяткомъ тысячъ; такъ какъ вещей, числомъ изображаемыхъ, много, даже болѣе показаннаго теперь), но совокупность равныхъ и равночестныхъ; при чемъ наименованіе соединяетъ то, что соединено по естеству, и не дозволяетъ, чтобы съ распаденіемъ числа разрушилось неразрушимое.

Такъ мы разсуждаемъ и такъ содержимъ; о взаимномъ же отхоженіи и порядкѣ въ Троицѣ оставляемъ вѣдать Ей единой и тѣмъ изъ очищенныхъ, которымъ сама Троица благоволила открыть сіе или нынѣ, или въ послѣдствіи. А сами знаемъ, что одно и то же естество Божества, познаваемое въ Безначальномъ, въ рожденіи и исхожденіи (какъ бы въ умѣ, который въ насъ, въ словѣ и духѣ, поколику чувственному уподобляется духовное, и малому высочайшее, тогда какъ мнимый образъ не достигаетъ вполнѣ до истины). Знаемъ, что Оно Само съ Собою согласно, всегда тождественно, безколичественно, невременно, несозданно, неописуемо, никогда не было и не будетъ Само для Себя недостаточнымъ. Знаемъ, что Оно есть жизни жизнь, свѣты и свѣтъ, блага и благо,

¹⁾ То-есть, что Сынъ не существуетъ.

славы и слава, Истинное и Истина и Духъ истины, святые и истинныя святые, каждая (умопредставляемая особо, поколику умъ раздѣляетъ и нераздѣльное) есть Богъ и всѣ три (умопредставляемыя вмѣстѣ) также Богъ, по тождеству движенія и естества. Знаемъ, что Оно ничего не оставило выше Себя, и не превзошло что-либо иное, ибо и не было ничего такого; знаемъ, что Оно ничего послѣ Себя не оставитъ и не превзойдетъ, ибо и не будетъ ничего такого; знаемъ, что Оно не допускаетъ ничего равночестнаго съ Собою, потому что ни одно изъ существъ сотворенныхъ, служебныхъ, соучаственныхъ и ограниченныхъ не достигаетъ до Естества, владычественнаго, дѣлающаго другихъ Своими причастниками, и безпредѣльнаго. Ибо однѣ изъ тварей совершенно удалены отъ Него; другія же приближены къ Нему нѣсколько и будутъ приближаться, но не по своему естеству, а по причастію Его естества, и притомъ тогда только, когда доброе поработеніе Троицы содѣлается чѣмъ-то высшимъ рабства; если уже не составляетъ свободы и царства то самое, чтобы хорошо познавать владычество, впрочемъ, по низости ума, не смѣшивать того, что имѣетъ между собою разстояніе. А для кого такъ высоко рабство, для того чѣмъ будетъ владычество? Ежели и познаніе есть блаженство (Іоан. 17, 3), то каково Познаваемое?—Къ сему ведетъ насъ великая тайна! Къ сему ведетъ вѣра въ Отца и Сына и Святаго Духа и въ общее имя! Къ сему ведутъ возрожденіе, отреченіе отъ безбожія и исповѣданіе Божества—сего общаго имени! Почему, безчестить или отдѣлять Единаго изъ трехъ — значитъ безчестить исповѣданіе, то есть, и возрожденіе, и Божество, и обожаніе, и надежду. Видите, что даруетъ намъ Духъ, исповѣдуемый Богомъ, и чего лишаетъ—отвергаемый. Умалчиваю уже о страхѣ и о гнѣвѣ, какой угрожаетъ не чтущимъ, но безчестящимъ Духа (Мате. 12, 32).

Такъ, сколько можно короче, излагаю вамъ наше любомудріе—догматически, а не состязательно, по способу Рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставамъ Церкви, а не торжища, для пользы, а не изъ тщеславія, чтобы вы, противъ насъ исповѣдующіе въ народныхъ собраніяхъ и въ семъ одномъ единомышленные, познали, что мы едино мыслимъ, единымъ духомъ воодушевлены и дышемъ, и чтобы уже не собирали, какъ голодные, и не разсѣявали нашихъ маловажныхъ (не знаю какъ назвать) паденій или дѣтскихъ проступковъ. Ибо верхъ бѣдствія—находить себѣ защиту не въ собственной крѣпости, но въ чужомъ безсиліи.—Вотъ предъ вашими взорами мы подаемъ другъ другу десницы! Вотъ дѣла Троицы, согласно нами славимой и по-

кляняемой! И васъ да содѣлаетъ сіе болѣе снисходительными и православными! — О, если бы мы были услышаны! О, если бы день сей содѣлался нарочитымъ, святымъ, днемъ не пререканія, но умиренія, не памятникомъ искушенія, но торжествомъ побѣднымъ, чтобы наше взаимное единомысліе и единомысліе почти цѣлою вселенной, гдѣ одни доселѣ пребывали здоровыми, другіе почти возвратились къ здоровію, а иные начинаютъ возвращаться,—и для васъ послужило виною спасенія и возсозданія!

Святая, достопоклоняемая и долготерпѣливая Троица!— Долготерпѣливая; ибо столько времени являла Свое долготерпѣніе къ разсѣкающимъ Тебя! Троица, Которой служителемъ и нелицемѣрнымъ проповѣдникомъ и я сподобился быть уже съ давняго времени! Троица, Которую всѣ познаютъ нѣкогда — или просвѣщенные, или наказанные Тобою! Пріими въ число Своихъ поклонниковъ и сихъ нынѣ оскорбляющихъ Тебя, да не утратимъ мы ни единого, даже изъ малыхъ, хотя бы мнѣ надлежало утратить нѣчто изъ благодати (не дерзаю сказать всего, что сказалъ Апостолъ (Римл. 9, 3)!

Но для васъ непріятно сіе, болѣзнуетъ языкъ и мучится возраженіемъ? Разсмотрю со временемъ и возраженіе ваше, или разсмотрятъ его тѣ, у кого болѣе, нежели у меня, времени. Узнаемъ и прекрасныя ваши порожденія или исчадія; когда, жестокимъ и твердымъ словомъ разбивъ и сокрушивъ *яица аспидска* (Ис. 59, 5), покажемъ, что онѣ пусты и надуты однимъ воздухомъ, и обнаружимъ, какой кроется въ нихъ *василискъ* нечестія,—василискъ, но уже мертвый, несовершенный, недвижущійся, умершій въ мукахъ рожденія, и прежде, нежели родился, не существовавшій (говорю вашими словами, чтобы сказать что-нибудь и вамъ угодное), сколько ненавистный въ своемъ зачатіи, столько же жалкій и при изверженіи на свѣтъ. А сіе, сколько знаю, даруетъ намъ Тотъ, Кто далъ власть *наступать на аспида и василиска* (Пс. 90, 13), и попираетъ змievъ и скорпіоновъ (Лук. 10, 19), Кто *сокрушитъ подъ ноги наша вскоръ* (Рим. 16, 20) и *сатану*, или по причинѣ прежней свѣтозарности, *яко молнію съ небесе спадша*, (Жук. 10, 18), или потому что въ послѣдствіи онъ сдѣлался изогбеннымъ и превратился въ пресмыкающагося, подобно змію бѣгающаго,—сокрушитъ, чтобы и намъ успокоиться нѣсколько отъ бѣдъ, какъ нынѣ, такъ и въ послѣдствіи, когда совершенно отбѣжить отъ насъ и болѣзнь, и печаль, и воздыханіе, о Христѣ Иисусѣ Господѣ напомнимъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Слово 23, о мирѣ, говоренное въ Константинополѣ по случаю распри, произшедшей въ народѣ о нѣкоторыхъ несогласныхъ между собою епископахъ.

Любезный миръ,—вождедѣнный дѣломъ и именемъ, который подалъ я нынѣ людямъ, и получилъ въ замѣнъ, не знаю, искренній ли отъ всѣхъ и достойный Духа гласъ, или народный только договоръ (къ вѣщшему нашему осужденію!), нарушаемый предъ свидѣтелемъ Богомъ! Любезный миръ—мой трудъ и моя похвала, о которомъ слышимъ, что онъ Божій, что Богъ есть его Богъ, и что самъ Богъ имъ именуется, какъ въ слѣдующихъ словахъ: *миръ Божій* (Филипп. 4, 7); *Богъ мира* (2 Кор. 13, 11); *Той есть миръ нашъ* (Ефес. 2, 14), — и котораго мы при всемъ этомъ не уважаемъ! Любезный миръ—благо весьма восхваляемое и не многими хранимое,—гдѣ ты скрывался отъ насъ столько времени, и когда возвратишься къ намъ? Весьма сильно и болѣе всякаго другаго люблю и лобызаю тебя, заботливо храню, когда ты съ нами, и со многими слезами и рыданіями призываю, когда оставляешь насъ. Не взывали такъ — ни патріархъ Іаковъ къ Іосифу, проданному братьями, а по мнѣнію отца, покищенному звѣремъ,—ни Давидъ, къ другу своему Іонаану, падшему во брани, а въ послѣдствіи къ сыну Авессалому. Одинъ, истерзанный горестію въ родительскомъ сердцѣ, вопіялъ: *звѣрь восхити Іосифа* (Быт. 37, 33), звѣрь лютый и неукротимый, и положивъ передъ собою окровавленную одежду сына, обнималъ ее вмѣсто сыновята тѣла, въ одномъ и томъ же находя и пищу и облегченіе скорби. Другій то проклинаетъ горы, на которыхъ происходила брань, взывая: „горы Гелвуйскія, да не падетъ на васъ ни дождь, ни роса! какъ сокрушился лукъ Іонаановъ и сила его!“ то оправдываетъ отцеубійцу, какъ бы ничѣмъ не оскорблялъ онъ отца, и примиряется съ мертвымъ, можетъ быть и потому сѣтуя о сынѣ, что онъ занесъ руку на отца. Таково родительское сердце!—Кого на браки отражалъ какъ врага, того по смерти оплакиваетъ какъ друга. Природа всего могущественнѣе; она препобѣждаетъ и вражду.

Достоинно сожалѣнія, что Кивотъ задержанъ иноплемениками, что Іерусалимъ сравненъ съ землею и попирается язычниками, что сыны Сіона, драгоценные и цѣнимые на вѣсь золота, отведены въ плѣнъ, доселѣ въ разсѣяніи, и составляютъ народъ чуждый въ мірѣ и скитающійся. Горестно и то, что видимъ и слышимъ нынѣ: отеческіе грады ниспровергнуты, тысячи людей падаютъ,

земля обременена пролитой кровью и множеством падшихъ, народъ иноязычный¹⁾ ходитъ по чужой области, какъ по своей. И не по малодушную защитниковъ (никто не обвинитъ ихъ въ этомъ; они тѣ же самые, которые локорили едва не цѣлую вселенную!), но за наши пороки, за овладѣвшее нами нечестивое ученіе о Троицѣ, постигли насъ всѣ сіи бѣдствія и верхъ бѣдствій. Кто будетъ оспаривать сіе, если умѣетъ опредѣлить тяжесть несчастія по тѣмъ страданіямъ, какія мы сами претерпѣли, или раздѣляли съ другими? Но все сіе мало въ сравненіи съ тѣмъ, что изгнанъ миръ, похищено благолѣпіе Церкви, унижено древнее достоинство; до того превращенъ порядокъ, что мы, сдѣлавшіеся прежде изъ народа народомъ, изъ не-языка языкомъ, подвергаемся теперь опасности—изъ самаго великаго народа и языка опять стать не народомъ и не языкомъ, чѣмъ были вначалѣ, когда не начальствовали надъ нами ты, когда мы не собрались еще подъ единое имя и единый чинъ.

Дѣйствительно, теперь оказывается, что удобнѣе переносить злополучіе, нежели сохранять благополучіе: потому что и мы, когда возставали на насъ брани, были укрѣпляемы и тѣснѣе соединяемы гоненіями; а когда совокупились во-едино, тогда ослабѣли. И кто изъ благомыслящихъ не сталъ оплакивать настоящаго времени? Но кто найдетъ слово, равняющееся бѣдствію? Въ мирѣ живутъ разбойники, которыхъ связало злодѣяніе. Въ мирѣ живутъ замышляющіе о насильственной власти, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодѣянія. Въ мирѣ живутъ и пѣвцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Не стану говорить о наслѣдствахъ, раздѣляемыхъ поровну, о противоположныхъ мѣрахъ правленія, о преемствѣ общественныхъ служеній, о постепенности и законномъ порядкѣ начальствъ. Даже рѣдко видимъ, чтобы и сія пресловутая софистика или грамматика (не касаюсь философіи, изъ ревности къ которой молодые люди бѣсятся и сходятъ съ ума) предавалась крамоламъ, чаще же соблюдаетъ она миръ. Но у насъ нѣтъ согласія и союза; никогда не можемъ сойтися въ одномъ, не видимъ даже и способа уврачевать такую болѣзнь; но какъ будто бы и учимъ и учимся злонравію, а не добродѣтели; много трудимся надъ тѣмъ, чтобы поджигать раздоръ; объ единомысліи же мало заботимся, или и вовсе не заботимся.

¹⁾ Народы сѣверные, вторгнувшіеся во Фракію, опустошившіе сію область, но въ-послѣдствіи побѣжденные и усмиранные Θεодосіемъ великимъ.

Когда другіе не соблюдаютъ согласія; тогда ихъ раздоръ не ведетъ ни къ чему важному. А нѣкоторымъ лучше быть въ раздорѣ, нежели въ единомысліи. Ибо кто изъ здравомыслящихъ похвалитъ союзъ, заключенный на худое дѣло?—Но если бы у насъ кто спросилъ: что мы чествуемъ и чему поклоняемся?—Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изреченію Святаго Духа, Богъ нашъ *любовь есть* (1 Иоан. 4, 8), и наименованіе сіе благоугоднѣ Богу всякаго другаго имени. А что главное въ Законѣ и Пророкахъ?—И на сіе не позволяетъ Евангелистъ (Матѣ. 22, 40) дать инаго отвѣта, кромѣ прежняго. Почему же мы—чтители любви такъ ненавистуемъ и сами ненавидимы? Почему мы — чтители мира немилосердно и непримиримо враждуемъ? Почему мы—основанные на камнѣ—зыблемся, утвержденные на краеугольномъ камнѣ—распадаемся, призванные во свѣтъ—омрачаемся? Почему мы—служители Слова довели себя до такого молчанія или безсловесія, или оцѣпенѣнія, или... не знаю, какъ назвать еще.

И въ пищѣ, и во снѣ, и въ позорныхъ дѣлахъ есть, какъ говорятъ, мѣра сытости; все, не одно скорбное, но и самое пріятное возбуждаетъ наконецъ отвращеніе, потому что все изъ одного переходитъ и превращается въ другое. Но у насъ нѣтъ конца взаимнымъ пораженіямъ другъ друга, не только между разномыслящими и несогласными въ ученіи о Вѣрѣ (сіе было бы менѣе прискорбно, извинялось бы ревностію, однимъ изъ похвальныхъ качествъ, пока она въ предѣлахъ), но и между единомышленными, у которыхъ въ одномъ и томъ же одни и тѣ же противники. Это всего бѣдственнѣе и жалостнѣе. И что сему причину? Можетъ быть, любоначаліе, или корыстолюбіе, или зависть, или ненависть, или презорство, или другая какая страсть, которыхъ не видимъ и въ самыхъ безбожникахъ.

Весьма забавна переменчивость во мнѣніяхъ. Когда насъ уловляютъ; тогда мы благочестивы и православны; лживо прибѣгаемъ къ истинѣ, какъ будто стоимъ за вѣру, и въ томъ одномъ (по сравненію съ худшимъ) поступаемъ похвально (хотя это само въ себѣ и гнусно), что, стыдясь порока, переходимъ на сторону того, что почтеннѣе, а именно—благочестія. Тебѣ (кто бы ты ни былъ, дошедшій до такого состоянія) можно сказать: безумный и непостоянный человѣкъ, тварь лукаваго—изобрѣтателя зла, или (справедливѣе сказать) несмысленнѣйшій изъ людей! вчера былъ онъ для тебя благочестивъ; какъ же нынѣ сталъ нечестивъ, хотя ничего не прибавилъ и не убавилъ ни словомъ, ни дѣломъ, но въ томъ же стоитъ, какъ и тѣмъ же дышетъ воздухомъ, тѣми же

глазами и на то же смотреть солнце; а если угодно тебѣ спросить его о числахъ и мѣрахъ; то и на сіе будетъ отвѣчать не новое, но то же, что и прежде? Однакоже, нынѣ у тебя блудникъ, кто вчера былъ Иосифомъ. Ибо и до сего доходить любовь къ спорамъ, подобная пламени, пробѣгающему по соломѣ и обнимающему цѣлую окружность. Нынѣ Иуда, или Каиафа, кто вчера Илія, или Іоаннъ, или другій кто изъ подвизающихся въ рядахъ Христовыхъ, обложенный тѣмъ же поясомъ, облеженный въ ту же темную или черную ризу, какой (и по моему уставу и разсужденію) требуетъ строгость жизни. Вчера блѣдность лица—прекрасный цвѣтъ для мужей высокихъ, или скромность и спокойствіе голоса, или степенность и тихость походки именовали мы любомудріемъ; а нынѣ называемъ это тщеславіемъ. Туже власть надъ духами и болѣзнями приписываемъ то Иисусу, то Веельзевулу; и въ семь случаевъ не правдивыми пользуемся вѣсами, но руководствуемся охотою спорить и раздражительностію. Какъ одна и та же земля, для здороваго и нестраждущаго никакимъ недугомъ, неподвижна, а у кого круженіе въ глазахъ, или кто самъ вертится, для того движется, и какъ состояніе видящаго бываетъ переносимъ на видимые предметы, или, если угодно, какъ одно и то же разстояніе столповъ представляется большимъ тому, кто смотритъ изблизи, и меньшимъ тому, кто издали, потому что воздухъ скрадываетъ разстояніе, и зрѣніе сближаетъ предметы большого объема: такъ и мы легко обманываемся по причинѣ вражды, и составляемъ не одинаковыя понятія объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, когда они намъ друзья, и когда нѣтъ. У насъ время легко производитъ многихъ во святые, а многихъ, противъ всякой вѣроятности,—въ безбожники. Или вѣрнѣе сказать, оно всѣхъ дѣлаетъ жалкими, не только потому, что на насъ смотрятъ, какъ на худой образецъ, тогда какъ порокъ подрученъ всякому, хотя бы и никто не привлекалъ, но и потому, что мы съ готовностію прощаемъ всѣмъ и все, только бы сойдтись въ одномъ.

Прежде не безопаснымъ почиталось сказать одно лишнее слово, а нынѣ злословимъ людей самыхъ благочестивыхъ. Прежде не позволялось *читать законъ извнѣ, и призывать исповѣданіе* (Ам. 4, 5), то-есть, какъ я разумѣю, народное одобреніе; а нынѣ и о неизреченныхъ тайнахъ допускаютъ судить людей оскверненныхъ, повергая *святая псомъ*, и бросая *бисеры предъ свиніями* (Матѣ. 7, 6). И не довольно сего; мы насыщаемъ слухъ свой взаимными оскорбленіями другъ друга. Мы не можемъ разсудить даже того, что не безопасно повѣрять оружіе врагу, и слово противъ христіа-

нина—ненавидящимъ христіанъ. Ибо въ чемъ мы укоряли нынѣ, въ томъ завтра будутъ укорять насъ. Врагъ ласково выслушиваетъ слова твои, не потому что хвалить, но потому что собираетъ съ злымъ намѣреніемъ, чтобы при случаѣ изблевать ядь свой на ока-завшаго ему довѣренность.

Для чего же терпимъ сіе, братія, и долго ли будемъ терпѣть? Когда отрезвимся отъ упоенія, снимемъ съ глазъ чешую, воззримъ на свѣтъ истины? Какая это тьма, какое сраженіе среди ночнаго мрака, какая буря не позволяющая различить въ лице друзей и противниковъ? Для чего мы стали *поношеніемъ сѣдломъ нашимъ, раздраженіемъ и поруганіемъ сущимъ окрестъ насъ* (Пс. 78, 4)? Что за ревнованіе о злѣ? Отъ чего такое нескончаемое изнуреніе самихъ себя? Или лучше сказать, мы не изнуряемъ себя, но, что бываетъ съ бѣснующимися, въ самомъ недугѣ почерпаемъ для себя силы, и радуемся своему истощанію. Нигдѣ нѣтъ у насъ ни слова, ни друга, ни сподобника, ни врача умѣющаго исцѣлить или отсѣчь страждущій членъ, ни Ангела предстателя, ни Бога; и сверхъ всего сами себѣ заграждаемъ мы Божіе челоуѣколюбіе. *Вскую Господи отстоиши далече* (Пс. 9, 22)? И какъ *отвращаемся въ конецъ* (Пс. 88, 47)? И когда *посѣщеніе сотвориши намъ* (Притч. 29, 13)? До чего дойдете сіе, и гдѣ остановится?

Боюсь, не есть ли настоящее уже дымъ ожидаемаго огня, не вскорѣ ли послѣ сего настанетъ антихристъ и воспользуется нашими паденіями и немощами, чтобы утвердить свое владычество. Ибо, конечно, нападетъ онъ не на здоровыхъ и не на совокупленныхъ любовію; а надобно, чтобы царство само въ себѣ раздѣлилось, чтобы крѣпкій въ насъ разумокъ подвергся искушенію и былъ связанъ, чтобы сосуды были расхищены, и мы потерпѣли то самое, что (какъ видимъ) терпитъ теперь врагъ отъ Христа (Матѣ. 12, 26—29).

О семь *азъ плачу*, говоритъ Іеремія въ Плачѣ своемъ (1, 15); ищу *очесемъ моимъ источниковъ слезъ* (Іер. 9, 1), которые бы удовлетворили моей горести: *призываю премудрыхъ женъ* сотворить и раздѣлить со мною плачь (Іер. 9, 17). И *чрево мое болитъ мнѣ*, смущаются чувства (Іер. 4, 19); не знаю, какъ и какими словами облегчить скорбь свою. Отъ-чего и древнее предается молчанію, и новое—осмѣянію. Ибо врагамъ обращается въ забаву и то, что извлекаетъ у меня слезы. Черезъ сіе не мало потеряли у насъ перьяви, а приобрѣли зрѣлища, приобрѣли въ такомъ городѣ, который и божественное, наряду съ прочимъ, старается обращать въ забаву, который скорѣе осмѣетъ достойное похвалы, нежели оста-

вить безъ осмѣянiя смѣшное. Потому удивительно будетъ, если онъ не осмѣетъ и меня, который говорю сіе нынѣ, меня—приплаго проповѣдника, который учу, что не надѣ всѣмъ должно смѣяться, но что есть предметы, требующіе внимательнаго разсужденiя. И что говорю: осмѣетъ? Подивисься, если не подвергнетъ меня даже наказанiю за то, что хочу сдѣлать добро.

Таково наше положенiе; и меня печалитъ не то, что церкви у насъ отняты (человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ поскорбѣлъ бы можетъ-быть и о семъ);—не то, что злые языки (они дѣлаютъ свое дѣло) говорятъ худо, потому что не научились говорить добраго. Не опасно то, чтобы Бога можно было описать мѣстомъ или осѣдлатъ продажнымъ, и чтобы Онъ сталъ достоянiемъ однихъ богатыхъ. Притомъ тѣ, которые говорятъ о мнѣ хорошо, или худо, не перемѣняютъ меня (подобно тому, какъ примѣшнующіе, или муръ къ грязи, или грязь къ мурѣ, чрезъ такое смѣшенiе сливаютъ качества грязи и мурѣ) такъ, чтобы я сталъ огорчаться хулами какъ внутренно измѣнившійся. Иначе, дорого заплатилъ бы я хвалителямъ, если бы своими похвалами сдѣлали они меня лучшимъ. Не такъ выходитъ на дѣлѣ; бранятъ меня, или удивляются мнѣ, въ обоихъ случаяхъ остаюсь такимъ, каковъ былъ. *Земный же инако обилуетъ словеса*, говоритъ Іовъ (Іов. 11, 12). Какъ пѣна приражается къ камню, какъ вѣтры къ соснѣ, или къ другому густому и высокому дереву: такъ и ко мнѣ приражаются людскія рѣчи, и я такъ почти любомудрствую самъ въ себѣ. Если обвинитель лживъ; то обвиненiе падаетъ не столько, на меня, сколько на его слова, хотя и хулить онъ мое имя. А если онъ справедливъ; то обвиню лучше себя, не говорящаго обо мнѣ. Ибо я самъ причиною того, что онъ говоритъ; а не говорящій—причиною того, что я таковъ. Посему рѣчи его, какъ ничего незначащія, оставивъ безъ вниманiя, обращусь къ себѣ, и изъ злорѣчiя его извлеку еще ту одну выгоду, что стану жить осторожнѣе. Но злорѣчiе имѣетъ и третiю весьма важную и величественную пользу, именно ту, что насъ хулятъ вмѣстѣ съ Богомъ. Ибо одни и тѣ же, и отрицаютъ Божество, и оскорбляютъ Богослова.

Итакъ не сіе страшно, хотя и почитаютъ многіе страшнымъ, но то, что, сколько бы кто ни былъ твердъ въ душѣ и искрененъ въ благочестiи, не хотятъ даже и вѣрить, что онъ вѣренъ, нелицемѣрно добродѣтеленъ и свободенъ отъ притворства. Напротивъ того, одинъ у насъ явно худъ; въ другомъ правдивость — одна личина, и прикраса, обманывающая наружностію. Хотя не всѣ кажутся черными, потому что есть черные, не всѣ неблагородными,

неблагообразными, немужественными, невоздержными, потому что много такихъ; а напротивъ того, осуждаемъ ли, или хвалимъ кого, произносимъ о каждомъ особый, а не общій приговоръ: однако же, обвиненіе въ злонравіи удобно распространяемъ на всѣхъ и дѣлаемъ общимъ обвиненіемъ цѣлаго, не только потому что многіе, но и потому что нѣкоторые злонравны.

Но гораздо страшнѣе сего то, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство ¹⁾. Ибо съ нашими судіями бываетъ тоже, что почти и со всѣми охотниками судить о чужихъ дѣлахъ; одни изъ нихъ довольно снисходительны и человѣколюбивы, а другіе очень жестоки и немилосерды. И первые насъ однихъ укоряютъ въ порокахъ, оставляя безъ укоризны наше ученіе. Другіе же, особливо когда встрѣчаютъ много худыхъ людей между удостоенными предствительства, обвиняютъ самый законъ, будто бы онъ учитъ злонравію.

Итакъ что же, братія, долго ли сіе будетъ? ужели никогда не уцѣломудримся, не отрезвимся, не устыдимся? Не говоря о другомъ, побережемся по крайней мѣрѣ отъ вражескихъ языковъ, которые и ложью удобно вредятъ. Ужели не отстанемъ отъ сильной привычки спорить? доселѣ не выразумѣмъ, какіе предметы и въ какой мѣрѣ доступны нашему изслѣдованію, и какіе выше силъ нашихъ? Ужели не различимъ, какія изслѣдованія возможны въ настоящее время, при дольней слитности вещей, омрачающей мысль, и какія должно предоставить будущему вѣку, тамошней свободѣ, чтобы удовольствоваться пока нѣкоторыми, а для другихъ предпочиститься, поколику надѣмся со временемъ достигнуть совершенства и приобрѣсть желаемое? Ужели не отдѣлимъ сами для себя того, о чемъ совсѣмъ не должно полагать вопросовъ, о чемъ надобно спрашивать умѣренно, въ чемъ, какъ не вредномъ для нашего ученія, справедливо ли оно, или нѣтъ, можно уступать охотникамъ до споровъ, что должно предоставлять одной вѣрѣ, а что разуму, и за что надобно сражаться со всею ревностію, впрочемъ словами, а не оружіемъ! Ибо занести на кого-нибудь и руку—совершенно внѣ обычая нашего двора, и мы отвергаемъ сіе, предоставляя нашимъ ненавистникамъ.

Назначимъ себѣ не тотъ одинъ предѣлъ благочестія, чтобы поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, единому въ Трехъ Божеству и единой Силѣ,—поклоняться, не предпочествуя Одного,

¹⁾ То-есть христіанскую Вѣру.

и не подпочествуя Другаго ¹⁾ (выражусь такъ, чтобы и мнѣ подражать сколько-нибудь мудрствующимъ о семъ); ибо одно невозможно, а другое нечестиво,—поклоняться, не разсѣкая единаго величія новостію именъ; ибо ничто не бываетъ больше или меньше себя самого: но, утвердившись на такомъ предѣлѣ, будемъ единомышленны и во всемъ прочемъ, какъ читатели единыя Троицы, держащіяся единаго почти догмата и единаго тѣла; отсѣчемъ же и уничтожимъ, какъ общій недугъ, лишніе и бесполезные вопросы, лустившіе нынѣ столько отпрысковъ и вѣтвей. Ибо, не говоря о чемъ-либо отдаленномъ, развѣ не удовольствовались еще меня: Монтановъ лукавый духъ противъ Духа Святаго, Наватова дерзость, или нечистая чистота, уловляющая многихъ благоглѣпиемъ реченій; донынѣ продолжающееся неистовство фригіянъ ²⁾, и посвящающихъ и посвящаемыхъ едва ли не съ древними обрядами; безуміе галатовъ ³⁾, обилующихъ многими именами нечестія; Савелліево сокращеніе; Аріево раздѣленіе, и произшедшее изъ него подраздѣленіе нынѣшнихъ хитрослововъ, въ той же мѣрѣ преимуществующихъ, въ какой говорливый языкъ лучше неповоротливаго? Даже и мы имѣемъ между собою подобныя почти разности,—мы, которые мыслимъ здраво о главномъ, и стоимъ за одно и тоже противъ однихъ и тѣхъ же. Я разумѣю недавно начавшуюся у насъ братскую распрю ⁴⁾, которою безчестится Богъ и человѣкъ,—Богъ, будто бы вовсе для насъ не родившійся и не пригвоздившійся ко кресту, а слѣдовательно не погребенный и не воскресшій, какъ вообразилось нѣкоторымъ худымъ христороубцамъ, но чествуемый въ томъ единственно, въ чемъ честь обращается въ безчестіе, и чрезъ сіе разсѣкаемый на двухъ сыновъ; а также — и человѣкъ, будто бы не совершенно воспріятый и почтенный, но отвергнутый и устранный важнѣйшею его частію, тогда какъ въ естествѣ человѣческомъ всего важнѣе образъ Божій и сила ума. Но человѣчеству, поелику соединилось съ нимъ Божество, надлежало раздѣ-

¹⁾ Слова: *ὑπερέβουτες* (предпочествующіе) и *ὑποεβουτες* (подпочествующіе), по изъясненію Иліи, принадлежатъ Евномію, который означалъ ими степени поклоненія тремъ Лицамъ Божества.

²⁾ Поелику Монтанъ первоначально посѣялъ ересь свою во Фригіи; то послѣдователи его назывались фригіянами, или катафригіянами. А въ древности были извѣстны фригійскіе жрецы Цибелы, которые скопили себя при посвященіи въ жречество.

³⁾ Подъ галатами св. Григорій, какъ вѣроятно, разумѣетъ маркелліанъ.

⁴⁾ Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь ученіе Аполлинарія, называетъ же оное не ересь, но братскою распрю, потому что надѣялся еще обратить Аполлинарія къ правой вѣрѣ, какъ можно видѣть изъ 77 письма его къ Олимпіи.

литься; людямъ, по всему прочему умнымъ, надобно было впасть въ ошибку касательно ума, и, къ умаленію Божіей благодати и нашего спасенія, утверждать, что я не весь спасенъ, хотя весь палецъ и осужденъ за преслушаніе первозданнаго и по ухищренію противника!

И не симъ только нарушается наше единомысліе. Напротивъ того, мы, спасенные Богомъ, ведемъ брань за людей, и столько въ насъ крамольнаго духа, что расточаемъ его въ угожденіе любочестію другихъ, заводимъ домашнія вражды за чужіе престолы, въ одномъ дѣлѣ допускаемъ двѣ весьма важныя погрѣшности — въ честолюбцахъ поджигаемъ страсть къ любоначалию, а сами находимъ въ этомъ опору собственной своей страсти, подобно людямъ, которые, падая съ стремнины, хватаются за ближайшій камень, или сколько-нибудь твердый кустъ. Между тѣмъ надлежало намъ своимъ устраненіемъ отъ дѣла и ихъ обезсиловать, въ какомъ случаѣ оказали бы имъ больше благодѣянія, нежели нынѣ, сражаясь за нихъ. Теперь же весьма жалки и поборники и пользующіеся ихъ споборничествомъ; и мнѣ кажется, что опять уже дѣлится на двѣ враждебныя части міръ, который едва только примиренъ, и то съ трудомъ, не вдругъ, не безъ пролитія многой крови. А кто остается къ мирѣ, и не преклоняется ни на ту, ни на другую сторону, тотъ терпитъ зло отъ обѣихъ сторонъ: или презираютъ его, или нападаютъ на него. И какъ къ числу послѣднихъ принадлежу и я, который возстаю противъ сего, для чего принялъ и эту кафедру — предметъ состязанія и зависти: то неудивительно, что и меня, послѣ всѣхъ моихъ трудовъ и усилій, обѣ стороны желали бы вытѣснить и устранить отъ селѣ, чтобы, когда уже не будетъ между ними средостѣнія и преграды, ближе сойдтись имъ и со всею яростію напасть другъ на друга.

Все сіе прекратить и остановить преимущественно можетъ Богъ, все связующій; но могутъ также и люди, ревнующіе о добрѣ и знающіе цѣну единомыслія, которое ведетъ начало отъ Троицы (такъ какъ Ей и по естеству всего свойственнѣе единство и внутренній міръ), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими въ мирѣ съ Богомъ и между собою, которое простирается на всю тварь (такъ какъ ей служитъ украшеніемъ безмятежіе), которое удобно поселяется и въ насъ, какъ по душѣ, когда въ ней добродѣтели одна другую сопровождаютъ и одна съ другой сообщаются, такъ и по тѣлу, когда въ немъ и члены и стихіи имѣютъ взаимную стройность, отъ чего въ первомъ случаѣ происходитъ то, что есть и именуется красота, а во второмъ — здравіе.

Но похвалю и слово Соломона, который узаконяет *время какъ для всякой вещи*, такъ для *брани и мира* (Еккл. 3, 1. 8). Присовокуплю только слѣдующее. Хотя должно наблюдать время брани и мира, а иногда, по закону и слову Соломонову, хорошо вести и брань: однако же лучше, доколѣ только можно, преклоняться на миръ, потому что сіе и выше и богоугоднѣе. И ни съ тѣмъ несообразно—предполагать, будто бы въ частномъ дѣлѣ всего лучше единомысліе, а въ дѣлѣ общественномъ оно не самое полезнѣйшее; будто бы совершеннѣйшее управленіе — въ томъ домѣ и городѣ, въ которомъ, какъ можно, менѣе внутреннихъ раздоровъ, а если и случаются они, то всего скорѣе восстанавливается миръ и врачуется недугъ, но для общаго состава Церкви и лучше и приличнѣе нѣчто другое; будто бы каждому человѣку надлежитъ стараться—быть въ мирѣ съ самимъ собою, потому что миръ и владычество надъ страстями для каждаго вождѣльны, но не такъ должно вести себя съ другими, а напротивъ того, низложеніе ближняго надобно вмѣнять себѣ въ славу. И хотя Богъ повелѣваетъ прощать согрѣшившихъ противъ насъ не только седмижды, но и въ нѣсколько кратъ болѣе (Матѣ. 18, 22), чтобы прощеніемъ другихъ исходатайствовать и себѣ прощеніе: однако же, мы можемъ дѣлать зло и тѣмъ, которые насъ не обижали, даже дѣлать охотнѣе, нежели какъ принимаемъ отъ другихъ благодѣянія.

Хотя знаемъ, какое блаженство уготовано *миротворцамъ*, которые одни въ сонмѣ спасаемыхъ нарицаются *сынами Божиими* (Матѣ. 5, 9): однако же можемъ думать, что сами, даже враждуя, дѣлаемъ угодное Богу, за насъ пострадавшему, чтобы примирить насъ съ Собою и прекратить внутреннюю въ насъ брань.

Нѣтъ, друзья и братья, не будемъ такъ думать. Почтимъ даръ Примирителя, то есть миръ,—даръ, который, отходя отсель, оставилъ Онъ намъ (Іоан. 14, 17), какъ нѣкій прощальный залогъ. Будемъ знать одну только брань, — брань съ сопротивною силою. *Рцемъ: братія, ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5), только бы приняли сіе. Уступимъ въ иной малости, чтобы получить въ замѣнъ важнѣйшее, то есть единомысліе. Предоставимъ надъ собою побѣду, чтобы и намъ побѣдить. Посмотрите на уставы состязаній и на подвиги борцовъ: у нихъ часто лежащій внизу одерживаетъ побѣду надъ тѣми, которые были вверху. И мы будемъ подражать имъ, а не жаднымъ любителямъ пиршествъ или кушцамъ, изъ которыхъ одни безъ мѣры обременяютъ себя предложенными оубѣдами, а другіе нагружаютъ корабль, и надрываютъ себѣ чрево,

или утопають прежде, нежели насладятся своею енасытностію, терпя великія потери за малое прибрѣтеніе

Итакъ вопію о семъ, и свидѣтельствую, и не престану исполнять слово Писанія: *Сіона ради не умолчу, и Іерусалима ради не попусти* (Ис. 62, 1). Исчезаетъ душа моя, когда вижу погибель тѣхъ, которые не *язвеннии мечемъ, не погублены гладомъ* (Пл. 4, 9), но уязвлены честолюбіемъ и лобоначалиемъ, такъ что паденіе ихъ возбуждаетъ не столько жалости, сколько ненависти. Если вы примете слова мои, то для васъ и для меня будетъ лучше. Но если осмѣете и отвергнете ихъ, давъ страсти препобѣдить расудокъ; то мой долгъ достаточно будетъ исполненъ и предъ Богомъ и предъ людьми; потому что, какъ думаю, никто изъ самыхъ миролюбивыхъ не потребуетъ большаго, вы же сами увидите послѣдствія, а я не присовокуплю ничего жестокаго, ибо щадить дѣтей требуетъ законъ отеческой любви. Но да будетъ милосердіе и миренъ великій Судія, и нынѣ, и въ день воздаянія, о самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, аминь!

Слово 24, въ похвалу святаго священномученика Кипріана¹⁾, говоренное на другой день его памяти, по возвращеніи Григоріевомъ изъ села.

Едва не забыть нами Кипріанъ, и это (какая потеря!) допустили вы, которые болѣе всѣхъ уважаете Святаго, читаете его ежегодными чествованіями и празднествами. А Кипріана необходимо должно почитать даже и забывающимъ иное; такъ какъ особеннаго памятованія требуютъ мужи совершеннѣйшіе, о которыхъ воспоминаніе вмѣстѣ благочестиво и полезно. Возвратимъ же долгъ съ лихвою, если окажемся довольно благоразумными, и не вовсе скудными и нищими. Впрочемъ, какъ бы ни велика была наша нищета, я увѣренъ, что сей во всемъ великодушный и лобомудрый мужъ проститъ намъ и замедленіе и бѣдность. Возблагодаримъ только, что онъ не остался у насъ въ совершенномъ забвеніи; ибо это стоитъ благодаренія. И благодареніемъ должно начать, чтобы мое возвращеніе послужило вамъ во благое, и, по благимъ мѣбрамъ Бога, Который все распредѣляетъ и располагаетъ въ сомъ и мѣроу (Премудр. Сол. 11, 21), сдѣлалось возвращеніемъ отъ без-

¹⁾ Память сего священномученика Кипріана совершается Святою Церковію 2-го числа октября мѣсяца.

молвія къ слову, отъ любительницы мучениковъ ¹⁾ — къ мученикамъ, отъ тѣлеснаго отдыха—къ духовному пиру.

Я желалъ быть съ вами, дѣти; и увѣренъ, что и вы въ равной мѣрѣ желали моего присутствія. Видите отеческое мое добродушіе; говорю о своемъ, свидѣтельствую и о вашемъ желаніи. Разлучившись другъ съ другомъ на столько времени, чтобы дознать взаимную любовь, и, какъ живописцы повѣряютъ картины, извѣдать ее издали, мы опять вмѣстѣ. Даже кратковременное обращеніе съ людьми, которые расположены къ любви, и подражаютъ Божію челоуѣколюбію, доставляетъ много пици воспоминаію. Ужели же мы, ученики Христа, Который для насъ истощилъ Себя до рабія зрака, и содѣлавшихся чуждыми небснаго собралъ къ Себѣ, не удержимъ въ любви и не обнимемъ другъ друга, не соблюдемъ *единенія духа въ союзъ мира* (Ефес. 4, 3), которое составляетъ тайну, или главизну Закона и Пророковъ? Конечно, и то уже для насъ одно изъ первыхъ благодѣяній, что мы такъ скоро притекли въ объятія другъ къ другу; потому что ревность не терпитъ отсрочки, и кто мучится желаніемъ свиданія, тому одинъ день кажется цѣлою жизнію. Но гораздо важнѣе для насъ другое благодѣяніе, что мы пришли не послѣ праздника, не остались безъ тайноводства мучениковъ и доставляемаго тѣмъ услажденія и упокоенія.

А я признаюсь, что на все иное медлительнѣе всякаго, и свергнулъ съ себя всѣ пожеланія, какъ скоро сталъ служить Христу. Меня не плѣняетъ ничто пріятное и вождедѣнное для другихъ,— ни долнее и непостоянное богатство, ни сластолюбіе, и пресыщеніе—мать похотѣнія, ни мягкая и пышная одежда, ни блескъ и привлекательность драгоценныхъ камней, ни очарованіе слуха, ни изнѣженность обонанія, ни приводящія въ неистовство рукоплесканія народа и зрѣлищъ, которыя давно уступилъ я охотникамъ до оныхъ; не плѣняетъ и все, что ведетъ начало отъ перваго екушенія, насъ погубившаго. Напротивъ того, виню въ великомъ скудоуміи тѣхъ, которые позволяютъ такимъ вещамъ одерживать надъ ними верхъ, губятъ благородство своей души привязанностію къ мелочному, и прилѣпляются къ скоропреходящему, какъ къ чему-то постоянному. Я люблю Христа, не знаю мѣры въ сей любви и хвалюсь ею; увеселяюсь славою мучениковъ; восхищаюсь

¹⁾ Подъ любительницею мучениковъ, по изясненію Никиты, Св. Григорій разумѣетъ или самое безмолвіе, о которомъ сказалъ онъ выше, или одну изъ благочестивыхъ жевъ, къ которой удалялся онъ въ село на безмолвіе.

кровьми подвижниковъ; подвиги и побѣды другихъ для меня вѣнцы: столько предвосхищаю себѣ славы, такъ усвою себѣ заслуги!

Конечно, всѣхъ мучениковъ должно чествовать, для всѣхъ надобно съ готовностію отверзать уста и слухъ и мысль, чтобы охотно что-нибудь сказать и услышать о нихъ, а все прочее почитать ниже ихъ подвига. Ибо хотя многое служить для насъ руководствомъ къ лучшей жизни, и многое назидаетъ въ добродѣтели,—и разумъ, и Законъ, и Пророки, и Апостолы, и самыя страданія Христа, сего перваго Мученика, Который восшелъ на крестъ и меня возвелъ съ Собою, чтобъ пригвоздить мой грѣхъ, восторжествовать надъ змиемъ, освятить древо, побѣдить сластолюбіе, спасти Адама и возстановить падшій образъ: однако же, при столь многихъ и столь превосходныхъ наставникахъ, не менѣе поучительны для насъ мученики—сіи словесныя всеожженія, совершенныя жертвы, пріятныя приношенія, сіе проповѣданіе истины, обличеніе лжи, исполненіе духовно-разумѣяемаго Закона, разрушеніе заблужденія, гоненіе порока, потопленіе грѣха, очищеніе міра. Но преимущественно предъ прочими мучениками (у мучениковъ конечно нѣтъ ревности къ мученикамъ) и именемъ и дѣломъ досточтимъ для меня ты, Кипріанъ! Особенно поражаюсь твоею добродѣтелію, восхищаюсь воспоминаніемъ о тебѣ, дѣлаюсь отъ удовольствія какъ бы вдохновеннымъ, нѣкоторымъ образомъ соучаствую въ твоемъ мученичествѣ, пріобщаюсь твоему подвигу, и весь переношусь къ тебѣ, привлекаемый, можетъ быть, сродствомъ по дару слова, которымъ столько превосходишь ты другихъ, сколько словесныя существа превосходятъ естество безсловесныхъ (а между соединенными, чѣмъ бы то ни было, любовь, не знаю почему, поселяется такъ же, какъ и между связанными кровнымъ родствомъ). Но можетъ быть, привлекаюсь и твоей внезапной и необыкновенной переменной, которая поразительнѣе всякаго слова и шрима. Ибо пріятно солнце послѣ облака, которымъ оно закрыто было прежде; пріятна весна послѣ зимней угрюмости; пріятны улыбающаяся тишина, гладкое море, играющее у береговъ, послѣ мятежа вѣтровъ и обуреванія волнъ.

Сей Кипріанъ (пусть знающіе его съ удовольствіемъ припомнятъ, а незнающіе услышатъ одно изъ прекраснѣйшихъ нашихъ сказаній, служащее къ общей похвалѣ христіанъ!)—сей Кипріанъ,—славное имя нѣкогда для кареагенянъ, а нынѣ для цѣлой вселенной,—былъ знатенъ по богатству, знаменитъ по могуществу, извѣстенъ по роду (если только имѣтъ мѣсто и предсѣдатель-

ствовать въ Сенатѣ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ (благородства). Это былъ цвѣтъ юности, образцовое произведеніе природы, верхъ учености по свѣдѣніямъ въ философіи и по познаніямъ въ другихъ наукахъ, притомъ по какой угодно части, такъ что въ немъ разнообразіе свѣдѣній было удивительнѣе высоты каждаго познанія, и опытность въ каждомъ свѣдѣніи удивительнѣе общей любознательности; или (скажу яснѣе) однихъ превосходилъ онъ разнообразіемъ, другихъ — высотой познаній, нѣкоторыхъ—тѣмъ и другимъ, а всѣхъ—всѣмъ. Объ учености его свидѣтельствуютъ многочисленныя и превосходныя сочиненія, какія написалъ онъ въ нашу пользу¹⁾, послѣ того какъ по челоуѣколюбію Бога, Который все творитъ и претворяетъ въ лучшее, перемѣнилъ онъ образъ ученія и неразуміе подчинилъ Слову.

А посему не знаю, какъ мнѣ распорядиться словомъ и найти способъ—и не продлить онаго чрезъ мѣру, совершенно внѣ предѣловъ времени, если буду припоминать о Кипріанѣ все, и не сдѣлать большого ущерба присутствующимъ здѣсь, если объ иномъ будетъ умолчано. Потому, чтобы соблюсти средину и сберечь время и удовлетворить желанію слушателей, надобно, по моему мнѣнію, исполнить слѣдующее: все прочее предоставить знающимъ, чтобы они передали сіе незнающимъ, ежели таковые найдутся, и чтобы такимъ образомъ тѣ и другіе, и поучающіе и поучаемые, получили равную пользу (потому что одно воспоминаніе о Кипріанѣ освящаетъ, и слово о немъ всего сильнѣе побуждаетъ къ добродѣтели); самому же мнѣ для краткости припомнить одно или два такія событія изъ Кипріановой жизни, о которыхъ невозможно и умолчать, хотя бы захотѣлъ. Но упомяну и о прежней жизни Кипріана, о томъ, какимъ путемъ достигъ онъ спасенія, какъ былъ призванъ и какъ совершилась въ немъ перемѣна къ лучшему. Весьма не благородно и низко думать, что оскорбительно будетъ для подвижника напоминать о непохвальныхъ дѣлахъ его. Въ такомъ случаѣ и великій Павелъ не заслуживалъ бы нашей похвалы, и мытарь Матвей принадлежалъ бы къ людямъ самымъ порочнымъ, а равно и сей Кипріанъ. Но Павелъ для того упоминаетъ о прежнихъ своихъ гоненіяхъ и о томъ, какъ измѣнился предметъ его ревности, чтобы сравненіемъ того и другаго прославить больше Благодѣтеля. Матвей, перечисляя учениковъ, придаетъ себѣ наименованіе мы-

¹⁾ Въ страданіи св. Кипріана (См. Acta sanctor. сентября 26 дня) сказано, что онъ вытребованъ былъ въ Антіюхю комитомъ Востока Евтолміемъ по доносу, будто бы своими посланіями возмущаетъ весь Востокъ, даже весь міръ.

таря, какъ нѣкоторое титуло. И Кипріанъ въ длинномъ словѣ ¹⁾ представляетъ на позоръ прежнюю свою порочную жизнь, чтобы и сіе, то есть исповѣдь свою, принести въ даръ Богу, и многимъ изъ обращающихся отъ порочной жизни указать путь благой надежды.

Итакъ смотрите, какіе были его пороки, какъ многочисленны и велики. Служителемъ демоновъ былъ сей въ послѣдствіи ученикъ Христовъ, жесточайшимъ гонителемъ — сей великій поборникъ истины. И словомъ, и дѣломъ, какъ сильный въ томъ и другомъ, возмущалъ путь нашъ оказавшійся послѣ еще сильнѣйшимъ въ словѣ и дѣлѣ для пользы христіанъ. А какимъ зломъ было присоединенное къ сему чародѣйство, которымъ особенно славился Кипріанъ! И сколько еще ужаснѣе та ненасытимость плоти, которая и мудрыхъ въ иномъ можетъ доводить до бѣшенства, которая, увлекая рассудокъ, какъ молодого необузданнаго коня, заставляетъ умудряться на худое! Но слово мое касается самаго главнаго. И никто да не предастся сластолюбію, видя прежнюю жизнь Кипріана; а всякій да уцѣломудрится послѣдними его дѣлами!

Была дѣвица ²⁾, знатнаго рода и благонравная (да внимають и да радуются сему дѣвы, или, лучше сказать, и живущія въ супружествѣ, если онѣ цѣломудренны и любятъ цѣломудріе; потому что сказаніе мое составить украшеніе для тѣхъ и другихъ!), дѣвица весьма прекрасной наружности; но къ моему о ней слову да присокупить и свою пѣснь божественный Давидъ, который говоритъ: *вся слава дочери царицы внутрь* (Пс. 44, 14). Это была истинная Христова невѣста, сокровенная красота, одушевленное изваяніе, ничѣмъ неоскверненная святыня, никому недоступное святилище, *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатленъ* (Пѣс. Пѣсн. 4, 12—да воспоетъ нѣчто и Соломонъ!)—источникъ, соблюдаемый единому Христу. Сею дѣвою, при всей ея осторожности и скромности, не знаю гдѣ и какъ, плѣнился великій Кипріанъ; ибо похотливое око—это самое наглое и ненасытимое изъ чувствъ, касается даже и неприкосновеннаго. Кипріанъ не только плѣнился, но покушался и обольстить. Какое скудоуміе, если такую дѣву надѣялся лишить цѣломудрія! а тѣмъ паче, какое безстыдство и въ отваживающемся на такой поступокъ, и въ убѣждающемъ отважиться! Но онъ вначалѣ вползалъ въ рай къ перво-

¹⁾ Оно сохранилось и до нашихъ временъ. Греческій подлинникъ можно читать въ Дѣяніяхъ Святыхъ (Acta Sanctorum) подъ 26-мъ числомъ сентября мѣсяца.

²⁾ Святая Іустина.

здавнему; онъ предстоитъ и среди Ангеловъ, требуя себѣ Іова; онъ напоследокъ дерзаетъ приступить къ Самому Владыкѣ, отъ Котораго долженъ быть пораженъ и убитъ, даже искушаетъ Того, Который *нѣсть искушаемъ* (Іак. 1, 13); какъ будто и Его надѣялся пребороть, потому что явившееся Божество почель вторымъ Адамомъ, и не зналъ, что, приступая къ человѣчеству, приразится къ Богу. Что же страннаго, если онъ и чрезъ Кипріана искушаетъ святую душу и чистую плоть? Таковъ былъ искуситель, и въ помощники употребляется не одна изъ старыхъ женшинъ, способныхъ на подобныя дѣла, но одинъ изъ плотолюбивыхъ и сластолюбивыхъ бѣсовъ; потому что богоотступныя и завистливыя силы, стараясь имѣть многихъ сообщниковъ своего паденія, весьма скоры на услуги подобнаго рода, и наградою за содѣйствіе въ соблазнѣ служатъ имъ жертвы и возліанія, также общеніе посредствомъ кровей и тука; ибо за такія одолженія таковы должны быть и награды.

Но что дѣлаетъ и что противопоставляетъ строителю зла дѣвица, когда ощутила опасность и проникла въ злый умыслъ? Чистыя и богоподобныя души весьма скоро уловляютъ покушающагося противъ нихъ, какъ онъ ни хитръ, ни разнообразенъ въ своихъ нападеніяхъ. Дѣвица, отвергнувъ всѣ другія пособія, прибѣгаетъ къ Богу, и защитникомъ отъ ненавистной страсти избираетъ Жениха своего, Который и Сусанну избавилъ отъ жестокихъ старѣйшинъ, и Феклу спасъ отъ немилосердаго искателя ея любви и еще болѣе немилосердаго отца. Кто же сей женихъ?—Христосъ, Который и духамъ запрещаетъ (Матѣ. 17, 18), и поддерживаетъ утопающихъ (Матѣ. 14, 31), и ходитъ по морю (Матѣ. 14, 26), и легионъ духовъ предаетъ глубинѣ (Лук. 8, 32), исхищаетъ изъ рва праведника, отданнаго на снѣденіе лвамъ и воздѣяніемъ рукъ преодолѣвающаго звѣрей (Дан. 14), спасаетъ бѣглеца Пророка, поглощеннаго китомъ и во чревѣ его сохранившаго вѣру (Іоан. 2), соблюдаетъ во пламени ассирійскихъ отроковъ, устудивъ горящія дрова чрезъ Ангела, и къ тремъ юношамъ присовокупилъ четвертаго (Дан. 3).—Все сіе и еще многое припоминая въ молитвахъ, и моля Дѣву Марію помочь бѣдствующей дѣвѣ, присоединяетъ она и другое врачевство,—постъ и сонъ на голой землѣ, чтобы увяла красота, привлекшая на нее козни, а чрезъ сіе отнята была пища у пламени, истощилось служащее къ возжженію страстей, и вмѣстѣ, чтобы Богъ умилосердился надъ ея смиреніемъ. Ибо никакимъ служеніемъ не благоугождается Богъ, какъ злостраданіемъ, и за слезы воздаетъ Онъ милостію.

Знаю, что нетерпѣливо ожидаете продолженія сказанія; ибо беспокоитесь о дѣвѣ, а не меньше и о воспламенившемся къ ней любовію, опасаясь, чтобы страсть для обоихъ не имѣла худыхъ послѣдствій. Но смѣло надѣйтесь! Самая любовь пролагаетъ путь вѣрѣ; пламенѣющей любовію, уневѣщивая себя дѣву, самъ уневѣщивается Христу; огонь страсти угасаетъ, возгорается же огонь истины. Но отъ чего и какъ? — Здѣсь начинается самая пріятная часть моего повѣствованія.

Дѣва побѣждаетъ, а демонъ побѣжденъ. Искуситель приходитъ къ одержимому страстію, извѣщаетъ о своемъ пораженіи, подвергается за сіе осмѣянію, огорченъ презрѣніемъ, и мститъ зрителю. И въ чемъ состоитъ мщеніе? Демонъ, осмѣянный недавнимъ своимъ служителемъ, приступаетъ къ нему самому, чтобы одно зло было изгнано другимъ, и новое бѣснованіе послужило уврачеваніемъ прежняго. Отраженъ онъ дѣвою, какъ стѣнобитное орудіе твердою и непоколебимою стѣною, прогнанъ словомъ и молитвою; но борется еще съ пославшимъ его къ дѣвѣ, обратившись (чуждой дѣло!) на того, къ кому былъ посланъ, и давить его, какъ втораго Саула (1 Цар. 16, 14). Что же дѣлаетъ сей безумный во время страсти, и благоразумный, когда мучитъ его бѣсъ? Ищетъ освобожденія отъ зла, и находитъ; ибо нужда дѣлаетъ изобрѣтательнымъ. Откуда же освобожденіе? Какъ Саулъ къ гуслимъ и бряцаніямъ Давида, такъ онъ прибѣгаетъ къ Богу дѣвы, приступаетъ къ ея Пастырю, и какъ демонскіе удары очищаютъ его отъ страсти, такъ вѣра во Христа — отъ злаго духа, и онъ воспламеняется новою любовію. Пастырь долго не вѣрилъ ему и отсылалъ его отъ себя; потому что казалось невѣроятнымъ и страннымъ, чтобы Кипріанъ сталъ наконецъ принадлежать къ христіанамъ, даже хотя бы и всѣ сдѣлались христіанами. Но Кипріанъ обратился, и доказательство обращенія его очевидно. Онъ приноситъ въ собраніе чародѣйскія книги, исповѣдуетъ свое неразуміе, предаетъ позору бесполезность сего нечистаго сокровища, возжигаетъ ими свѣтлый пламень, и огнемъ истребляетъ долговременную прелесть, которая не могла содѣйствовать плотскому пламени. Такъ отвергается онъ демоновъ и дѣлается приснымъ Богу!

О чудо благодати, по которой чрезъ нечистую любовь и лукаваго духа Кипріанъ находитъ Бога, дѣлается священною овцею священнаго стада! И какъ сказывалъ мнѣ нѣкто, послѣ многихъ молитвъ, чтобы въ очищеніе прежней гордыни любомудренно научиться смиренію, сперва былъ онъ придверникомъ храма; а потомъ сталъ Пастыремъ, даже лучшимъ и опытнѣйшимъ изъ Па-

стырей. Онъ первенствуетъ не только въ церкви Карфагенской и въ Африкѣ, которая съ сего времени и чрезъ него доннынѣ знаменита, но на всемъ Западѣ, а почти и на самомъ Востокѣ, въ странахъ южныхъ и сѣверныхъ, куда только проникла слава о немъ.

Такъ Кипріанъ сталъ нашимъ. И сіе совершилъ Богъ знаменій и чудесъ, сотворилъ Тотъ, Кто Іосифа, проданнаго по ненависти братьевъ, посредствомъ жены показалъ цѣломудреннымъ, прославилъ въ раздаяніи хлѣба, умудрилъ въ сновидѣніяхъ, чтобъ въ чужой странѣ ему повѣрили, чтобъ почтили его Фараонъ, чтобъ сталъ онъ отцемъ многихъ тысячъ народа, за который Египетъ терпитъ казни, для котораго разсѣкается море, дожидется хлѣбъ, останавливается солнце, которому дается въ наслѣдіе земля обѣтованія! Ибо премудрость еще заранѣе полагаетъ основанія великихъ дѣлъ, и противоположнымъ достигаетъ противоположнаго, чтобъ тѣмъ болѣе дивились ей.

Для полноты похвальнаго слова довольно было бы и сихъ Кипріановыхъ доблестей: но тѣ, о которыхъ остается еще мнѣ говорить, такъ многочисленны и велики, что, если бы сказанное доселѣ и не служило къ похвалѣ, то одного послѣдующаго достаточно было бы для Кипріана, чтобы стать выше всѣхъ. Впрочемъ, не говоря ни объ его презрѣніи къ деньгамъ, ни о поспраніи имъ гордыни, ни объ обузданіи плоти и чистотѣ въ противоположность прежней необузданности, ни о величавости и вмѣстѣ снисходительности въ обращеніи, при чемъ онъ равно былъ далекъ и отъ низости и отъ высокомерія, ни о снѣ на голой землѣ и о бдѣніяхъ, чему поздно сталъ онъ учиться и въ чемъ много превзошелъ навывшихъ тому прежде него, ни о ревности въ назиданіи словомъ, такъ что онъ преподавалъ всю нравственность, очистилъ невѣжественныя понятія о догматахъ, украсилъ жизни мужей, и догматъ о Божествѣ начальной и царственной Троицы, Которое иные разсѣкаютъ, а иные сливаютъ, возвелъ въ первоначальную чистоту, пребывая въ предѣлахъ благочестнаго единства и сочисленія, — умолчавъ о всемъ этомъ, по причинѣ обширности предмета, заключу слово свое кончиною Кипріановой жизни.

Вознеиствовывалъ противъ насъ Декій; онъ вымышлялъ всякіе роды мученій, и разныя жестокости частію уже совершилъ, а частію намѣревался совершить. Съ одинаковымъ усиленіемъ старался онъ и преодолѣть христіанъ и превзойдти прежнихъ гонителей; лучше сказать, ему хотѣлось преодолѣть и покорить или всѣхъ христіанъ, или одного Кипріана. Ибо чѣмъ извѣстнѣе было ему отличное благочестіе и слава сего мужа, тѣмъ болѣе славною

и блистательною казалась побѣда, если одержить надъ нимъ верхъ. И въ одномъ случаѣ онъ покорилъ бы только своей волѣ христіанъ; а въ другомъ восторжествовалъ бы надъ самымъ любомудріемъ и даромъ слова. Почему, наилучшею почиталъ хитростію — сперва сдѣлать безмолвнымъ языкъ, потомъ безгласными и нѣмствующими повлечь за собою тѣхъ, которые имъ держались. Несправедливо и нечестиво было такое разсужденіе, однакоже и не вовсе неосновательно, если брать въ разсмотрѣніе его желаніе и предпріятіе. Это показало и самое дѣло. Ибо когда доблестный Кипріанъ, какъ въ морѣ скала удары волнъ, твердо и мужественно отразилъ всѣ прираженія и покушенія, и осужденъ, наконецъ, Декіемъ на изгнаніе; тогда онъ не ограничился самимъ собою; не обрадовался своему спасенію отъ смерти, и не сталъ разсуждать, что лучше сохранить въ безопасности жизнь, хотя бы понести безчестіе; или лучше — подвергнуть опасности душу, но соблюсть безмолвіе и равнодушно смотрѣть, какъ другіе бѣдствуютъ отъ обстоятельствъ времени, не имѣя наставника, который бы поощрилъ на подвиги; потому что слово не мало можетъ придать мужества вступающимъ на поприще добродѣтели. Посему Кипріанъ, отсутствуя тѣломъ, присутствовалъ съ подвижниками духомъ, раздѣлялъ ихъ подвиги; и когда не можетъ онъ содѣйствовать живымъ словомъ, — помогаетъ писаніями. А какимъ образомъ? Издали предводительствуетъ Христовымъ воинствомъ, пишетъ увѣщанія, восхваляетъ благочестіе, и своими посланіями одинъ производитъ едва не больше мучениковъ, чѣмъ другіе лично, находясь вмѣстѣ съ подвижающимися. Бѣдствующихъ за доброе дѣло убѣждаетъ онъ — ни отечества, ни рода, ни богатства, ни владычества, ни всего земнаго не предпочитать истинѣ и наградамъ, какія уготованы добродѣтели на небеси. Внушаетъ, что самая выгодная купля — каплями ерови пріобрѣсть небесное царство, и за временныя блага получить вѣчность славы. Ибо для душъ возвышенныхъ одно отечество—Духовный Іерусалимъ, а нѣ здѣшніе грады, которые заключены въ тѣсныя предѣлы и часто мѣняютъ своихъ обитателей; одна знаменитость рода—хранить въ себѣ Божій образъ и уподобляться Первообразу, сколько сіе возможно узникамъ плоти и способнымъ принять въ себя только нѣкоторыя струи добра; одно владычество — одерживать верхъ надъ лукавымъ, не отдавать въ плѣнъ души и не уступать побѣды въ подвигахъ за благочестіе, когда порокъ борется съ добродѣтелію, міръ—съ міромъ, міръ разрушающійся — съ міромъ постояннымъ, подвигоположникъ неумолимый—съ подвижниками мужественными, и Веліаръ вооружается

на Христа. А посему убѣждалъ онъ не бояться мечей, огонь почитать прокладою, самыхъ лютыхъ звѣрей представлять себѣ кроткими, голодь признавать высшимъ наслажденіемъ, отвращать взоры отъ слезъ, сѣтованія и стенанія родныхъ, какъ отъ приманки лукаваго, какъ отъ препятствія небесному шествію. Ибо такъ прилично вести себя душамъ мужественнымъ и благороднымъ и уму цѣломудренному. А всему этому служить близкимъ примѣромъ и говорившій и писавшій сіе, и *вмѣнявшій вся уметы быти да Христа приобрящеть* (Фил. 3, 8).

Такъ рассуждая и вооружая словомъ на подвигъ, Кипріанъ произвелъ многихъ подвижниковъ. Какую же получаетъ за то награду? Щедрую и высокую: послѣ всѣхъ, предпосланныхъ имъ ко Христу, самъ дѣлается мученикомъ, и, усѣченный во главу мечемъ, ко многимъ страданіямъ присовокупляетъ и сей вѣнецъ. Такъ приводится, такъ представляется ко Христу сей мужъ, сильный въ нечестіи, но гораздо сильнѣйшій благочестіемъ — сей великій Кипріанъ, и гонитель и вѣнценосецъ, не менѣ чудный своимъ обращеніемъ, какъ и добродѣтелію. Ибо не столько важно соблюсть образъ добра, сколько — обновить въ себѣ богобоязненность. Первое есть дѣло навыка, а послѣднее дѣло благаго произволенія; и первое находимъ во многихъ, а послѣднему не много видимъ примѣровъ.

Но каково и сіе въ числѣ чудесъ его? Продлимъ еще нѣсколько словъ въ честь подвижника. Хотя такова была жизнь мужа сего и таковъ подвигъ: однакоже, когда оканчиваетъ онъ жизнь (если позволительно такъ сказать, а не лучше наименовать кончину его преселеніемъ къ Богу, или исполненіемъ желанія, или разрѣшеніемъ отъ узъ, или сложеніемъ съ себя бремени), совершается при семъ нѣчто чудесное и соответствовавшее предшествовавшему. Велико было имя Кипріаново для всѣхъ, не только для христіанъ, но даже и для нашихъ противниковъ (ибо доблести всѣми равно уважаются); впрочемъ тѣло его оставалось въ неизвѣстности, и такое сокровище было сокрыто, притомъ на долгое время, у одной изъ женъ, пламенѣющихъ благочестіемъ, не знаю, потому ли, что Богъ почтилъ симъ боголюбивую жену, давъ ей сохранять у себя мученика, или потому, что Ему угодно было обнаружить нашу любовь, если мы, лишеныя святыхъ мощей, будемъ неравнодушны къ такой утратѣ. Когда же Богъ мучениковъ не потерпѣлъ, чтобъ общее благо составляло собственность одной, и чтобъ по милости къ женѣ несли потерю всѣ: тогда извѣщаетъ о Кипріановомъ тѣлѣ чрезъ откровеніе, и сію честь предоставляетъ

спять одной достойной женщиной, чтобъ получили освященіе и жены. Какъ прежде и рождень Христось и возвѣщенъ ученикамъ по воскресеніи Его изъ мертвыхъ чрезъ женъ: такъ и нынѣ одна жена указала Кипріяна, а другая передала въ общую пользу сію послѣднюю изъ его добротъ. Такъ исходитъ на среду тотъ, кому и не надлежитъ быть сокрытымъ; такъ не попущено, чтобъ онъ оставался по своему любомудрію въ неизвѣстности даже и послѣ того, какъ сталъ выше и совершеннѣе почестей, какія воздаются тѣлесному.

Вотъ все, что могъ сказать я о Кипріянѣ, и не знаю, долженъ ли что присовокуплять къ сему. Ибо, если бы и на долго простеръ еще слово, то сказанное мною не соотвѣтствовало бы и его доблестямъ и тому понятію, какое каждый имѣеть о семъ мужѣ. И доселѣ предложенное говорено было единственно для того, чтобы сколько-нибудь воздать подобающую ему честь. Но чтобы и отъ васъ принесено было нѣчто въ даръ мученику, — вы сами должны восполнить все прочее, какъ то: изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе болѣзней, предвѣдніе будущаго. Все сіе, при помощи вѣры, можетъ подавать даже прахъ Кипріяновъ, какъ знаютъ извѣдавшіе сіе опытомъ, отъ которыхъ и намъ передана память о чудѣ, и будетъ передаваться будущимъ временамъ. Лучше же сказать, принесите нѣчто и сего большее, болѣе приличное истиннымъ его почитателямъ, а именно: изнуреніе тѣла, восхожденіе сердца, удаленіе отъ порока, возвращеніе добродѣтели. Дѣвы, принесите истощаніе плоти, жены — благолѣпіе добродѣтели паче, нежели тѣла, юноши — мужество въ борьбѣ со страстями, старцы — благоразсудительность, властелины — добрые законы, военачальники — кротость, отличающіеся даромъ слова — благое слово. Скажу нѣчто и для своихъ: священники, принесите тайноводственное ученіе, мірскіе — благопокорность, плачущіе — утѣшеніе, благоденствующіе — страхъ, богатые — милостыню, бѣдные — благодарность, а всѣ — готовность противостать лукавому и жестокому гонителю, чтобъ онъ не могъ ни явно низлагать, ни скрытно уязвлять, ни ратовать какъ тма, ни обольщать и увлекать въ бездну погибели какъ Ангель свѣта. Опасно отдаваться въ плѣнъ очамъ, терпѣть уязвленіе отъ языка, дозволять, чтобы обольщалъ насъ слухъ, воспаменялъ кипящій гнѣвъ, низлагалъ вкусъ, разнѣживало осязаніе; опасно обращать оружіе спасенія въ оружіе смерти. Мы должны, оградившись *щитомъ вѣры, стать противу кознемъ* лукаваго (Ефес. 6, 11. 16), чтобы, одержавъ побѣду со Христомъ, совершивъ подвигъ съ мучениками, услышать оный великій гласъ: *приидите благо-*

словеннїи Отца Моего, *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Мате. 25, 34), гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, гдѣ гласъ празднующихъ, *гласъ радованія* (Пс. 41, 5), совершеннѣйшее и чистѣйшее озареніе Божества, приемлемое нами нынѣ только въ гаданіяхъ и тѣняхъ. Симъ чествуемый Киприанъ увеселяется болѣе, нежели всѣми въ совокупности другими почестями. Сему любомудрію, бывъ еще на земли, поучалъ онъ жизнь; сіе-же любомудріе, по отшествіи своемъ, предписываетъ всѣмъ чрезъ мое слово, котораго нимало не оставляйте безъ уваженія, если цѣните сколько-нибудь его терпѣніе и подвиги за истину, а также и меня исполняющаго его порученіе.

Таковы начатки словъ моихъ тебѣ, божественная и священная глава! Такова тебѣ награда за твои слова и за подвигъ—не масличная олимпійская вѣтвь, не эта дѣтская забава—делфійскія яблоки, не истмійская сосна, не немейскій селинь ¹⁾, которыми въ древности воздавалась честь бѣднымъ юношамъ, но слово, которое всего приличнѣе служителямъ Слова! И если оно достойно твоихъ подвиговъ и словъ, то и сіе есть даръ Слова. Ты же милостиво призри на меня съ высоты, управляй моимъ словомъ и жизнью, паси свою священную паству, или будь моимъ сопастыремъ, направляй ее, сколько возможно, къ лучшему, гони отъ нея прочь безпокойныхъ волковъ и всѣхъ гоняющихся за слогами и реченіями, подавай намъ наиболѣе совершенное и свѣтлое озареніе Святыя Троицы, Которой ты предстоишь нынѣ, Которой и мы поклоняемся, Которую славимъ, предъ Которой служимъ, поклоняясь Отцу въ Сынѣ, Сыну въ Духѣ Святомъ. Ей да будемъ на послѣдокъ предстоять съ чистымъ сердцемъ и непреткновенно, и ставъ совершенными, да приобщимся Ея совершенно въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава, честь и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Слово 25, въ похвалу философа Ирона ²⁾, возвратившагося изъ изгнанія.

Хотя боленъ я тѣломъ, но буду хвалить Философа (ибо и сіе есть знакъ любомудрія); и поступило весьма справедливо. Ибо онъ Философъ, а я служитель мудрости; почему мнѣ и прилично хвалить его, чтобы доказать свое любомудріе, если не другимъ чѣмъ,

¹⁾ Растеніе, называемое иначе *гирча* изъ семейства *зонтичныхъ*.

²⁾ Философъ Иронъ, какъ видно изъ сего слова, родомъ изъ Александріи, по ученію циникъ, пострадалъ отъ аріанъ за православіе, а именно: былъ съчтенъ и осужденъ на изгнаніе. Иеронимъ, въ спискѣ Церковныхъ Писателей, подлѣ

по крайней мѣрѣ удивленіемъ Философу. А по моему разсужденію, должно или самому любомудрствовать, или уважать любомудріе, если не хотимъ совершенно лишиться всякаго добра и подпасть осужденію въ неразуміи; тогда какъ мы одарены разумомъ и посредствомъ слова течемъ къ Слову.

Покажи же намъ и ты¹⁾ свое извѣстное во всемъ прочемъ любомудріе, дозволивъ похвалить себя, и терпѣливо выслушай похвалу. Ибо стану хвалить не изъ лести (мнѣ извѣстно нелюбочестіе любомудраго мужа; притомъ же, слово мое ничего не прибавитъ къ дѣламъ, а развѣ уменьшить ихъ достоинство своею скудостью), но чтобы для себя извлечь пользу. А сего не пренебрежетъ уже любомудріе, которое надъ тѣмъ трудится и о томъ заботится, чтобы облагодѣтельствовать чѣмъ-нибудь жизнь нашу. И первое изъ благодѣяній—восхвалять доброе; потому что похвала пролагаетъ путь соревнованію, соревнованіе — добродѣтели, а добродѣтель — блаженству, которое составляетъ верхъ желаній, цѣль всѣхъ стремленій любовѣдца.

Итакъ приступи, наилучшій и превосходнѣйшій изъ Философовъ (присовокуплю даже) и изъ свидѣтелей истины! Приступи, обличитель лжеименной мудрости, которая состоитъ въ однихъ словахъ и очаровываетъ сладкорѣчіемъ, а не можетъ и не хочетъ взойти выше сего! Приступи, ободесноручный въ добродѣтели, какъ въ созерцательной, такъ и въ дѣятельной, ты, который, и въ чуждой для насъ одеждѣ²⁾, любомудрствуешь по-нашему. А можетъ-быть, и одежда твоя намъ не чужда; такъ какъ и Ангеламъ свойственно быть свѣтоносными и сіяющими, когда изображаютъ ихъ въ тѣлесномъ видѣ, что почитаю символомъ естественной ихъ чистоты. Приступи, мой Философъ и мудрецъ (ибо доколѣ любить мудрость, если нѣтъ мудрости?)! Приступи, пещь³⁾; назову такъ не за безстыдство, но за дерзновеніе, не за прозорство, не за то, что ограничиваешься насущнымъ, не за даяніе, но за обереже-

именемъ Философа Ирона разумѣть Максима, также циника, извѣстнаго въ жизни св. Григорія Богослова тѣмъ, что онъ впоследствии покушался присвоить себѣ престолъ Константинопольской Церкви.

¹⁾ Обращеніе къ Философу Ирону.

²⁾ По замѣчанію Иліи, Иронъ, какъ циникъ, носилъ бѣлый плащъ, который св. Богословъ называетъ чуждымъ, можетъ быть по цвѣту, для христіанъ ведущихъ любомудрую жизнь, то-есть для монаховъ.

³⁾ Св. Богословъ, называя Ирона псомъ, дѣлаетъ приравненіе къ тому, что онъ былъ циникъ; такъ какъ сіе послѣднее наименованіе взято отъ слова хѣсу (пещь).

не добраго, за неусыпность въ охраненіи душъ, за то, что ласкаешься ко всѣмъ, которые тебѣ — свои въ добродѣтели, а лаешь на всѣхъ чужихъ! — Приступи и стань близъ сея Жертвы, у сей таинственной Трапезы, подлѣ меня, который сею Жертвою тайноводствую къ обоженію! Тебя приводятъ къ ней и ученіе, и жизнь, и очищеніе посредствомъ страданій. Приступи; увѣнчаю тебя нашими вѣнцами, и не среди Олимпіи, не на маломъ позорищѣ Еллады, не за отличіе въ борьбѣ, или въ рукопашномъ бою, или въ бѣгѣ, не за другіе маловажные подвиги, совершаемые для маловажныхъ наградъ и въ честь кого-либо изъ героев или демоновъ, прославленныхъ несчастіемъ и баснословіемъ (ибо подобное сему уважается и чувствуется ими¹⁾), послѣ того какъ неразуміе призвало себѣ въ помощники время и обычай, ставшій закономъ), но предъ Богомъ, предъ Ангелами, предъ всею полнотою Церкви, громогласно провозглашу о тебѣ побѣдившемъ ложь ересей, во славу Живаго Бога, собственными страданіями научающаго страдать, — побѣдившемъ за такую награду, чтобы пріять небесное царство, стать богомъ неподлежащимъ страданію.

Что же это за провозглашеніе? — Если хотите, чтобы оно было короче и опредѣленнѣе, то скажу: вотъ самый нелживый подвижникъ истины, даже до крови поборникъ Троицы и гонитель гонителей, наносившій имъ зло своею готовностію злострадать; ибо ничто такъ не низлагаетъ гонителя, какъ ревность страждущаго! А если угодно, чтобы мое провозглашеніе было полнѣе и обширнѣе, то скажу: вотъ наилучшій изъ лучшихъ, и благороднѣйшій изъ благородныхъ! Говорю же не о томъ благородствѣ, какое чернь разумѣетъ. Прочь отъ насъ съ нимъ! Не намъ и не философамъ дивиться тому благородству, которое беретъ свое начало въ баснословіи, гробахъ и давно согнившей уже кичливости, сообщается съ кровію и съ граматами, и которое даетъ ночь или рука властелина, можетъ-быть и неблагоорожденнаго, такъ же предписывающаго быть благороднымъ, какъ и дѣлать то или другое. Напротивъ того, разумію благородство, отличительный признакъ котораго есть благочестіе, добрая нравственность и восхожденіе къ первому Благу, нашему началу. Такого благородства — одно доказательство. А нашъ доблестный мужъ не только самъ подвижникъ, но и произшелъ отъ мучениковъ, имѣлъ у себя домашній образецъ добродѣтели. По мудрости онъ гражданинъ цѣлой вселенной; потому что циническая философія не позволяетъ ограничиваться тѣсными

¹⁾ Язычниками.

предѣлами. А по плоти — гражданинъ города Александріи, который стоитъ на ряду съ нами ¹⁾, или слѣдуетъ за нами, непосредственно, и во всемъ превосходя прочіе города, преимущественно отличается горячностью, и что всего прекраснѣе, горячностью христіанскою и такою приверженностію къ христіанству, которая происходитъ отъ произволенія, но укоренена въ самой природѣ. Ибо когда въ воспламененіе приводитъ благочестіе, тогда рождается ревность; а ревность есть огражденіе вѣры.

Такъ онъ былъ воспитанъ, и получилъ образованіе, приличное своему происхожденію и назначенію. Когда же наступило время избрать родъ жизни (въ чемъ полагаю основаніе и добраго и худаго поведенія), — усматриваетъ онъ нѣчто великое, отважное, превышающее выборъ людей обыкновенныхъ. Роскошь, богатство и могущество презираетъ болѣе, нежели избыточествующіе въ этомъ презираютъ другихъ; осмѣиваетъ же и отвергаетъ роскошь, какъ первое изъ злостраданій, богатство, какъ крайнюю бѣдность, и могущество, какъ верхъ безсилія; потому что не почитаетъ того и благомъ, что пріобрѣтшихъ дѣлаетъ не лучшими, а всего чаще худшими, и у обладающихъ не остается до конца. Философіи вручаетъ владычество надъ страстями, со всею бодростію стремится къ добру, еще до разлученія съ веществомъ отрѣшается отъ вещественнаго, борется съ видимымъ, всѣмъ величіемъ природныхъ силъ, всѣмъ благородствомъ произволенія прилѣпившись къ постоянному. А когда утвердился въ такихъ мысляхъ, — не почелъ уже нужнымъ разсуждать, какое лучше избрать любомудріе: внѣшнее ли, которое подъ видомъ и личиною любомудрія играетъ тѣнями истины, или наше, наружно смиренное, но возвышенное внутренно и ведущее къ Богу. Напротивъ того, отъ всего сердца избираетъ онъ наше любомудріе, даже не обративъ и помысла на худшее, и не увлекшись изяществомъ рѣчи, о которой столько думаютъ греческіе философы. Первымъ же дѣломъ своего любомудрія поставляетъ — узнать, какой изъ нашихъ путей предпочтительнѣе и полезнѣе, какъ для него, такъ и для всякаго христіанина. Ибо признакомъ души наиболѣе совершенной и любомудрой почиталъ онъ — при всякомъ дѣлѣ сообнимать въ частномъ и общее; потому что каждый изъ насъ получилъ бытіе не для одного себя, но и для всѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ одну природу, и произведены однимъ Творцемъ и для однихъ цѣлей. Притомъ, видѣлъ, что жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся обще-

¹⁾ То-есть Константиноподемъ.

вія съ людьми, хотя сама по себѣ важна и высока, даже выше силъ человѣческихъ, однакоже ограничивается только преусиѣвающими въ оной, отрицается же отъ общительности и снисходительности — свойствъ любви, которая, какъ извѣстно ему было, есть одна изъ первыхъ достохвальныхъ добродѣтелей. Сверхъ того, такая жизнь, какъ необнаруживающаяся въ дѣлахъ, не можетъ быть повѣряема и сравниваема съ другими родами жизни. Напротивъ того, жизнь общественная, провождаемая въ кругу другихъ, кромѣ того, что служить испытаніемъ добродѣтели, и распространяется на многихъ, и ближе подходитъ къ Божію домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви, и нашъ родъ, послѣ того какъ онъ утратилъ свою доброту чрезъ прившедшій грѣхъ, снова возвысилось посредствомъ соединенія и обращенія съ нами. Когда же сообразилъ и изчерпалъ сіе умомъ, а вмѣстѣ призналъ однимъ изъ добрыхъ дѣлъ — смирить кичливость еллинскихъ философовъ, которые думаютъ придать себѣ важности плащемъ и бородою: тогда что онъ дѣлаеть? и какъ приступаетъ къ философіи?— Наблюдаетъ нѣкоторую средину между ихъ суетностію и нашею мудростію; у нихъ заимствуетъ наружность и одежду, у насъ — истину и высоту. Посему перипатетиковъ, академиковъ, почтенныхъ стоиковъ, и слѣпый случай эпикуровъ съ атомами и удовольствіемъ, увѣнчавъ волною, какъ нѣкто изъ нихъ — стихотворца ¹⁾, отсылаетъ и гонитъ отъ себя, сколько можно далѣе. Въ цинической же философіи онъ осудилъ безбожіе, а похвалилъ воздержаніе отъ излишняго, и сталъ, какъ видите теперь, псомъ противъ дѣйствительныхъ псовъ, любомудрымъ противъ немудрыхъ и христіаниномъ для всѣхъ. Онъ пристыждаетъ высокомѣріе циниковъ сходствомъ наружности, а малосмысленность нѣкоторыхъ изъ нашихъ — новостію одѣянія, и доказываетъ собою, что благочестіе состоитъ не въ маловажныхъ вещахъ, и любомудріе — не въ угрюмости, но въ твердости души, въ чистотѣ ума и въ искренней наклонности къ добру. А при семъ можно имѣть и наружность, какую угодно, и обращеніе, съ кѣмъ угодно, и оставаться одному съ самимъ собою, укрывая умъ отъ чувствъ, и жить въ кругу людей и знакомыхъ, усидываясь въ самомъ обществѣ, любомудрствуя среди нелюбомудрыхъ, подобно Ноеву ковчегу, который носился поверхъ потопныхъ водъ, или подобно великому Моисееву видѣнію — купивъ которую пылающій огонь не сожигалъ, не терпѣтъ вреда отъ

¹⁾ Платонъ, въ своей Республикѣ, признавая Омистра вреднымъ для юношества, говорить, что надобно его, увѣнчавъ волною, выслать изъ города.

обращенія съ народомъ, или терпѣть не болѣе, какъ алмазь подъ ударами, и даже по мѣрѣ силъ, примѣромъ своимъ исправлять и другихъ.

Плодомъ такой философіи были не построенные на словахъ города, не какіе-нибудь, какъ сами они называютъ, скиндапсы¹⁾ и трагелафы²⁾ — ничего не означающія сочетанія буквъ, не категоріи, разложенія и смѣси, не симвамы и парасимвамы³⁾, и вся именованная мудрость, не какія-нибудь черты, нигдѣ не имѣющія мѣста⁴⁾, не взаимныя сочетанія звѣздъ и созвѣздія, выдуманная въ оскорбленіе Божія Промысла. Ибо все сіе почиталъ онъ предметами второстепенными и придаточными, которыми можно заняться для забавы, чтобы не стать посмѣшищемъ для людей, выдающихъ себя знатоками такихъ вещей. Первымъ же и важнѣйшимъ для него дѣломъ было — говорить правду предъ князьями, имѣть дерзновеніе предъ царями, въ подражаніе Божественному Давиду, который говорилъ *предъ цари, и не стыдился* (Пс. 118, 46), останавливать безразсудство волнующейся черни, власть раздраженныхъ господъ, истощаніе несогласныхъ семействъ, грубость невѣждъ, заносчивость ученыхъ, превозношеніе богатаго, презорство живущаго въ довольствѣ, нищету, доводящую до преступленій, гнѣвъ стремительный и лишаящій разсудка, неумѣренность въ наслажденіяхъ, невоздержанность смѣха, чрезмѣрность скорби; прерывать безпорядки юности, малодушіе старости, одиночество вдовства, отчаяніе сиротства. Всего этого не предпочтетъ ли силлогизмамъ, линіямъ и разсматриванію звѣздъ всякій здравомыслящій человекъ, разсудивъ, что если бы всѣ занимались умозаключеніями, стали геометрами и астрономами, то отъ сего не произошло бы никакой пользы для нашей жизни, а скорѣе бы все разстроилось; напротивъ того, если не будетъ въ обществѣ ни одной изъ добродѣтелей, мною исчисленныхъ, — по необходимости придетъ

1) Скиндапсъ—родъ индійскаго растенія. Поелику же такого растенія нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; то св. Григорій почитаетъ названіе сіе ничего незначающимъ словомъ.

2) Трагелафъ—животное, состоящее изъ козла и оленя, которое св. Григорій признаетъ баснословнымъ.

3) Лукіанъ, осмѣивая философа Хрисиппа, влагаетъ ему въ уста слѣдующія слова: Если хромый, хромою ногою залпнувшись за камень, получить рану, то хромота будетъ *симвама*, а рана на хромой ногѣ—*парасимвама*.

4) Св. Богословъ говоритъ о геометрическихъ линіяхъ, что онѣ нигдѣ не имѣютъ мѣста, то-есть ни въ самомъ веществѣ, потому что разсматриваются въ отвлеченіи отъ тѣлъ, ни въ мысли, потому что онѣ не суть что-либо только мысленное.

все въ безпорядокъ и замѣшательство? И нужно ли говорить, сколько добродѣтели сіи лучше и выше Антисѳеновой гордости, Диогенова прожорства и Кратесова общеженства? — Пощадимъ сихъ философовъ, по крайней мѣрѣ, изъ уваженія къ наименованію¹⁾, чтобы и имъ отъ сего мужа получить нѣкоторую пользу. Но чтобы не распространяться о цѣломудріи, воздержности, смиреніи, привѣтливости, общительности, челоуѣколюбіи и о прочихъ доблестяхъ, которыми нашъ Философъ превосходитъ всѣхъ, обратимся къ тому, что по порядку времени послѣднее, а по важности первое.

Было время, что послѣ ересей настала тишина, и Симоны, Маркіоны, Валентины, Василиды, Кердоны, Керинѣы и Карпографы, долгое время разсѣкавшіе Бога всяческихъ и за Благаго воздвигавшіе брань противъ Создателя²⁾, со всѣми своими бреднями и нелѣпостями поглощены собственною ихъ Глубиною, и по справедливости преданы Молчанію³⁾; а также сошли съ позорища и удалились—лукавый духъ Монтановъ⁴⁾, тма Манесова⁵⁾, жестокость Наватова⁶⁾, и злонамѣренное Савелліево защищеніе единаначалія⁷⁾; и Наватова ученіе отлучено на-ряду съ другими противоборствующими истинѣ, а Савелліево, по причинѣ неосновательности, совершенно отринуто и презрѣно. Между тѣмъ ничто другое не огорчало Церковь; ибо гоненія дѣлали ее еще болѣе славною чрезъ самыя страданія.

Но чрезъ нѣсколько времени возстаетъ на Церковь новая буря — эта пучина неправды, полнота нечестія, этотъ легионъ духовъ, языкъ антихристовъ, умъ, говорившій *неправду въ высоту* (Пс. 72, 8), усѣкавшій Божество, тотъ, чье предпріятіе ужасно, а кончина еще ужаснѣе и достойна Іудина предательства, на какое дерзнулъ онъ противъ Спасителя нашего, сей Аріій прилично получившій себѣ имя отъ неистовства⁸⁾. Онъ, начавъ съ Александріи, гдѣ замыслилъ свое ужасное ученіе, послѣ того какъ, по-

1) То-есть циниками; потому что и Иронъ былъ циникъ.

2) Валентинъ, Кердонъ и другіе учили, что не благій Богъ былъ творцемъ міра.

3) Глубина (βάθος) и Молчаніе (σιγή), по ученію Симона, Маркіона и ихъ преемниковъ, были главные изъ Эоновъ.

4) Монтанъ водилъ съ собою одну безчестную женщину и называлъ ее Духомъ Святымъ.

5) Манесъ училъ, что необразованная матерія, или тма, совѣчна Богу.

6) Навать не допускалъ до покаянія отречьшихся отъ вѣры во Христа, и даже всѣхъ, падшихъ послѣ крещенія, и двоеженцевъ.

7) Савеллій три Лица (Святыхъ Троицы) сливалъ въ единое Лицо Отца.

8) То-есть отъ языческаго бога брани, Арея или Марса.

добно неудержимому пламени, возгорѣвшемуся отъ искры, протежъ большую часть вселенной, низлагается нашими Отцами и благочестивымъ сонмомъ, который собрался тогда въ Никеѣ и заключилъ Богословіе въ точные предѣлы и выраженія.

Потомъ настаетъ худое царствованіе ¹⁾, и снова оживаетъ зло; какъ будто раскрываются и прорываются нагноившіяся раны; какъ будто свирѣпые волки, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, терзаютъ Церковь. Священники вооружаются на священниковъ, сословія возстаютъ съ неистовствомъ противъ сословія, самъ Царь придаетъ дерзости нечестію, пишетъ законы противъ Православія, и при немъ усиливаются люди ²⁾, которыхъ нельзя назвать ни мужами, ни женами. Но кто должнымъ образомъ изобразить вполнѣ тогдашнія бѣдствія—изгнанія, описанія имуществъ, безчестія, переселенія въ пустыню многихъ тысячъ и цѣлыхъ городовъ, бѣдствующихъ тамъ подъ открытымъ небомъ, страждущихъ отъ дождей и стужи, и принуждаемыхъ бѣжать даже изъ самой пустыни, потому что и она не избавляетъ отъ опасности?

Кто изобразить бѣдствія и сихъ жесточайшія ³⁾—побой, смерти, изведеніе на позоръ епископовъ, ведущихъ любознательную жизнь, мужей, женъ, юношей, старцевъ? Кто изобразить, какъ народовластители изобрѣтаютъ лютыя мученія, къ изобрѣтеннымъ присовокупляютъ новыя, услуживаютъ нечестію, часто тѣмъ единственно заслуживаютъ одобреніе, что оказываютъ жестокости даже сверхъ воли державнаго? Недавно возымѣло конецъ сіе знаменитое гоненіе, и Персія прекрасно рѣшила наше дѣло, истребивъ губителя, и въ возмездіе за кровь многихъ удовлетворивъ кровію одного.

А теперь начинается гоненіе позорное ⁴⁾; подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ оградить христіанъ отъ нечестія, оно нападаетъ на истинныхъ христіанъ; и тѣмъ оно ужаснѣе прежняго, что тогда подвигъ былъ знаменитъ и славенъ, нынѣ же и страдать не похвально, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, которые о страданіяхъ судятъ неправильно. Хотите ли, чтобъ у всѣхъ предстоящихъ, а можетъ-быть и у самаго твердаго, не побѣждаемаго никакою страстію, извлекъ я слезы, напомнивъ объ одномъ изъ тогдашнихъ событій? Свидѣтели повѣствуемаго мною многочисленны, до многихъ

¹⁾ Констанціево.

²⁾ При Констанціи имѣлъ большую силу евнухъ Евсевій аріанинъ.

³⁾ При Юліанѣ отступникѣ.

⁴⁾ При императорѣ Валентѣ, который былъ покровителемъ аріанъ.

дошло плачевное сказаніе о семь страданіи, а думаю, что исторія сего времени передастся и будущимъ временамъ.

Корабль, несущій на себѣ одного пресвитера¹⁾, бѣдствующаго не за худой поступокъ, но за Вѣру, снаряжается въ море, чтобъ не спасти, не погубить пловца. И онъ, какъ мужъ благочестивый, охотно вступаетъ на корабль, въ сопутники ему влагаεται огонь; а гонитель увеселяется новымъ родомъ мученія. Какое зрѣлище! Какое злодѣяніе! Корабль среди моря; берега покрыты зрителями, и изъ нихъ одни смотрятъ съ удовольствіемъ, другіе терзаются. Можно ли въ краткихъ чертахъ изобразить мнѣ многое?— Огонь воспламеняется, потребляетъ корабль, а вмѣстѣ съ нимъ и пловца; пламень мѣшается съ водою, двѣ противоборствующія стихіи дѣйствуютъ за одно, чтобъ мучить благочестиваго; обѣ онѣ дѣлать между собою одно тѣло. Надъ моремъ стоитъ необычайный свѣтильникъ; иной приближался можетъ-быть къ нему, какъ къ кроткому и привѣтливому; но, приблизившись, находилъ горестное и невѣроятное зрѣлище, — корабль безъ кормчаго, кораблекрушеніе безъ бури, пресвитера, обратившагося въ пепель, или даже и не въ пепель, потому что и тотъ разсыпанъ былъ по водамъ. Священству не оказано и того уваженія, чтобъ имѣть ему честную кончину, а если не кончину, то, по крайней мѣрѣ, гробъ, въ которомъ не отказываютъ и нечестивымъ. Таковъ корабль, снаряженный нечестивцемъ, и таковъ конецъ благочестиваго; и никогда огонь небесный и карательный не бываетъ свѣтозарнѣе огня, озарявшаго сіе событіе!

Но что мнѣ до посторонняго? Время уже приступить къ твоему²⁾ собственному подвигу и къ твоимъ страданіямъ за благочестіе, которыя, какъ прекрасная печать, приложены тобою ко всѣмъ прежнимъ подвигамъ. Зло этой ереси имѣло полную силу въ твоёмъ городѣ, гдѣ оно получило и начало. Между тѣмъ святѣйшее око вселенной, Архіерея Іереевъ, твоего наставника въ исповѣданіи, поучавшаго собственными подвигами за благочестіе, сей великій гласъ, столпъ Вѣры, сего (если можно такъ сказать) втораго свѣтильника и предтечу Христова, почившаго въ старости доброй, исполненной дней благоутодныхъ, послѣ навѣтовъ, послѣ подвиговъ, послѣ многой молвы о рукѣ, послѣ живаго мертвеца³⁾, къ Себѣ преселяетъ Троица, для Которой онъ жилъ, и за Которую тер-

¹⁾ По сказанію однихъ—Урвана, а по сказанію другихъ—Феодула.

²⁾ Обращеніе къ Ирону.

³⁾ Объясненіе на сіе смотри въ словѣ святому Аванасію Великому.

пѣлъ напасти (я увѣренъ, что по сему описанію всякій узнаетъ Аѳанасія). Тогда вторгается въ Церковь новая египетская язва, или казнь, — предатель истины, волчій пастырь, разбойникъ, перескакивающій чрезъ дворъ овчій, второй Арій, *развращеніе мутное* (Аввак. 2, 15) и странное, потокъ безбожія, обильнѣйшій самаго источника¹⁾. Коснѣтъ языкъ мой пересказывать тогдашнія беззаконія и скверныя убійства, среди которыхъ этотъ звѣрь занимаетъ святой престолъ, и которыя предшествовали лукавому его вшествію. Однакоже, оплачу изъ многого немногое (что и вы оплакиваете и прежде оплакивали), взывая словами Давида: *Боже, приидоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святой Твой*, и еще слѣдующими: *положиша трупя рабъ Твоихъ брашно птицамъ* (Пс. 78, 1. 2) и снѣдь звѣрямъ. Присовокуплю и сіи слова изъ другой плачевной пѣсни того-же пророка: *елика лукавнова врагъ во святѣмъ Твоемъ, и восхвалишиася ненавидящій Тя посредѣ праздника Твоего* (Пс. 73, 3. 4). Ибо какъ не хвалились они! Какъ не оскверняли святаго храма различными приключеніями и злодѣяніями всякаго рода! Предводительствовалъ человекъ²⁾ безбожный и незаконный, не имѣвшій (что всего ужаснѣе въ поруганіи) даже имени христіанина, но притекшій въ храмъ Божій прямо отъ идоловъ, отъ нечистыхъ кровей еще къ гнуснѣйшимъ и отвратительнѣйшимъ, и такимъ надъ нами поруганіемъ совершавшій, можетъ быть, службу демонамъ. Снаряжалась сила, кипящая яростію, — воинство необычайное и свирѣпое противъ людей безоружныхъ и невоителей. Изгоняемъ былъ преемникъ Святаго, ісрей, помазанный Духомъ по закону и чину, украшенный сѣдиною и благоразуміемъ³⁾: а воцарялся Тавевиль (Ис. 7, 6), наслѣдникъ чуждой власти⁴⁾. На святыхъ поднято оружіе, на неприкосновенное занесены нечистыя руки, и пѣснопѣнія заглушены звукомъ трубъ. Смотри же, что за симъ еще слѣдовало: мужи падали мертвыми въ святилищахъ; жены, даже съ носимымъ ими естественнымъ бременемъ, попираемы были ногами, и отъ того преждевременно раждали, или, точнѣе сказать, дѣлались нераждающими; дѣвъ влекли немилосердно, подвергали позорнымъ истязаніямъ

¹⁾ Это—аріанинъ Лукій, который изгналъ Аѳанасіева преемника Петра и насильственно занялъ епископскій престолъ въ Александріи.

²⁾ Палладій, александрійскій градоначальникъ.

³⁾ Преемникъ св. Аѳанасія Архіепископъ Александрійск., Петръ.

⁴⁾ Тавевломъ св. Григорій Богословъ называетъ упомянутого выше аріанина Лукія, который изгналъ Петра, и занялъ его епископскій престолъ въ Александріи.

(столько же стыжусь мужей и женъ сіе описывать и обнажать словомъ сокровенности позора, сколько стыжусь за нихъ самихъ тогда обнажаемыхъ); однѣ, отъ неблагопристойности ими видаемаго, бросались въ колодцы, находившіяся внутри храма, другіе кидались стремглавъ изъ верхнихъ притворовъ, инныя кучами повергались на лежащія трупы. Убійства слѣдовали за убійствами, пораженія за пораженіями; святыня потоптана нечистыми ногами, алтари поруганы безчинными тѣлодвиженіями и пѣснями, даже (какъ слышу—чей дерзновенный языкъ выговорить это?) плясками и кривляньями; богохульные языки проповѣдывали съ святительскихъ престоловъ, таинства подвергались кощунству, пѣснопѣнія умолкли, и вмѣсто ихъ раздавался вой; текли потоки крови, ручьи слезъ; священниковъ уводили, отшельниковъ терзали,—совершенное подобіе нашествія ассирианъ, когда пришли во святой Іерусалимъ! Ни слово не можетъ вполне изобразить, ни слухъ вмѣстить сего, и чтобъ оплакать это, какъ должно, нужны душа и гласъ Іереміи, который самъ требуетъ источниковъ слезъ (Іер. 9, 1), призываетъ стѣны къ пролитію оныхъ о подобныхъ злостраданіяхъ (Пл. Іер. 2, 18), налагаетъ плачь на пути Сіонскіе, *яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Пл. Іер. 1, 4). — Такія событія видѣлъ Востокъ, но оплакивалъ ихъ и Западъ, гдѣ изгнанный іерей¹⁾ всенародно показывалъ знаменія сего безумія. Какимъ же образомъ? — Не мертвецовъ, но окровавленную одежду представилъ онъ Римской Церкви, и старался извлечь у всѣхъ слезы безмолвною жалобою, чтобы и страданіе выразить и получить въ бѣдствіяхъ помощь, которая, какъ извѣстно намъ, и была получена. Ибо сильный всего скорѣе преклоняется къ слабому, и по добровольному благорасположенію беретъ сторону униженнаго.

И никто изъ благочестивыхъ не могъ перенести сего равнодушно: но тѣмъ въ большей мѣрѣ возбуждаетъ сіе тебя, чѣмъ совершеннѣе твой умъ и пламеннѣе ревность. Посему ты ополчаешься за слово, а вмѣстѣ и самъ подвергаешься нападеніямъ нечестія. Послѣ многихъ ратоборствъ, въ которыхъ дѣломъ и словомъ годвизался ты за правду, поучая, увѣщавая, возбуждая, обличая, укоряя, посрамляя простолюдиновъ и начальниковъ, наединѣ и всенародно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, наконецъ, когда злочестивая власть предалась бѣшенству, ты схваченъ и (какъ

¹⁾ Александрійскій Архіепископъ Петръ, спасшійся отъ арианъ, убѣгаетъ въ Римъ къ папѣ Дамасу, и приноситъ съ собою окровавленную одежду убитыхъ арианами. См. Сократа кн. 4, гл. 22, и Никифора кн. 11, гл. 26.

благородно твое бѣдствованіе! какъ священны твои раны!) доблюю плоть свою отдаешь на бичеваніе, оставаясь какъ бы зрителемъ чужихъ страданій. Хотя изнемогаетъ въ тебѣ видимое, однако же не низлагается внутреннее. Взорамъ всѣхъ открывается мужество твое; и, когда языкъ отказался уже вѣщать, ты дѣлаешься безмолвнымъ учителемъ терпѣнія. Что же потомъ? — Тебя, для котораго нигдѣ нѣтъ ни своей, ни чужой стороны, изгоняють изъ отечества для того, думаю, чтобъ и другіе научились отъ тебя благочестію. Мѣстомъ заточенія твоего назначенъ Оазисъ, безлюдная пустыня, чрезъ тебя уже сдѣлавшаяся значительнымъ селеніемъ.

Сообщи же намъ благіе плоды твоего изгнанія, такъ какъ пользуемся плодами твоего возвращенія. И пусть возвращеніе твое будетъ для насъ общимъ зрѣлищемъ. Кого научилъ ты тамъ любомудрствовать? Кого отвлекъ отъ нечестивыхъ мнѣній? Кого привелъ къ благочестію? Какъ будто вижу передъ собою тамошнее училище, вижу и послѣднее собраніе вокругъ тебя. Скажи и сіе: имѣлъ ли ты сколько-нибудь утѣшенія для останковъ плоти, или и нищета входила въ твое любомудріе? Были ли у тебя сообщники твоего подвига, или въ семь охотно терпѣлъ ты недостатокъ? Желалъ ли видѣть при себѣ сестеръ, съ которыми вмѣстѣ обучился чистотѣ и терпѣнію, или былъ ты выше и привязанности своей къ нимъ? Безпокоило ли тебя одиночество престарѣлой твоей матери, или крѣпко былъ ты увѣренъ, что оставилъ имъ самую твердую защиту — благочестіе?

Но поелику ты (что прекрасно сдѣлано) возвратился къ намъ, поелику Тотъ, Кто *прославляетъ прославляющихъ* Его (1 Цар. 2, 30) и *раздражаетъ раздражающихъ* (Второз. 32, 21), Кто *творитъ волю боящихся Его* (Пс. 144, 19) и въ мертвыхъ вдыхаетъ силу воскресенія, Кто четверодневнаго Лазаря, и тебя четверолѣтняго¹⁾ оживотворяетъ сверхъ чаянія, Кто, по видѣнію досточуднаго и возвышеннѣйшаго изъ Пророковъ Іезекіиля (37, 7), совокупляетъ кости съ костями и составъ съ составомъ, — и тебя, исполненнаго къ намъ любви, отдалъ опять любящимъ тебя: то продолжай снова тоже дѣланіе и съ тѣмъ же дерзновеніемъ, дабы не подумали, что страданія разслабили тебя, и что ты изъ страха измѣняешь любомудрію. Посрамляй, какъ и прежде, и суевѣріе еллиновъ, и ихъ многобожное безбожіе, древнихъ и новыхъ боговъ, и гнусныя басни и еще гнуснѣйшія жертвы, какъ говоритъ нѣкто,

¹⁾ Четыре года находившагося въ изгнаніи, и въ продолженіе сего времени какъ бы умершаго для насъ.

изъ нихъ-же самихъ¹⁾), очищающихъ грязь грязью, то-есть плоть плотію, собственную плоть — плотию бесловесныхъ. Посрамляй и благопристойныя ихъ изваянія, и срамныя истуканы, которыми если ограничиваютъ они Божество, то какое жалкое ослѣпленіе! а если изображаютъ только, то какое невѣжество! Пусть объясняютъ, какая причина такого безобразія и какой таинственный въ этомъ смыслъ! Ибо надобно, чтобъ и самыя выраженія прекраснаго не были безобразны, или скажутъ, что здѣсь заключается нѣчто кромѣ сего? Пусть удостовѣрятъ, что именно? изъ какихъ взято книги и богослововъ? Посрамляй и востанія ересей, даже тѣмъ ревностнѣе, что ты искусился уже въ страданіяхъ; ибо любомудріе дѣлается отъ страданій мужественнѣе, и твердѣетъ въ бѣдствіяхъ, какъ раскаленное желѣзо въ холодной водѣ.

Заключи въ предѣлы и наше благочестіе, учи вѣдать, какъ Единого нерожденнаго Бога — Отца, такъ Единого рожденнаго Господа — Сына (именуемаго Богомъ, когда говорится о Немъ въ отдѣльности (*καὶ ἑαυτὸν*), и Господомъ, когда именуется Онъ при Отцѣ, Богомъ — по естеству, Господомъ — по единоначалію) и Единого Духа Святаго, испещнаго или исходящаго отъ Отца, Бога для *разумно разумывающихъ предлагаемая* (Притч. 23, 1), осприваемаго нечестивыми, но тѣми, которые выше ихъ, признаваемаго, и еще болѣе духовными проповѣдуемаго. Учи насъ не дѣлать Отца подначальнымъ (дабы не ввести чего-то такого, что первоначальнѣе первоначальнаго, и чѣмъ извратится бытіе первоначальнаго), а Сына или Духа Святаго не дѣлать безначальнымъ (дабы у Отца не отнять Ему свойственнаго). Ибо они не безначальны, и вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи (что и составляетъ трудность) безначальны. Они не безначальны въ отношеніи къ Виновнику; потому что, какъ свѣтъ изъ солнца, такъ они изъ Бога, хотя и не послѣ Него. Но Они и безначальны въ отношеніи ко времени, потому что не состоятъ подъ временемъ, а иначе, текучее было бы старше постояннаго и несамостоятельное — самостоятельнаго. Учи не вводить трехъ началъ, чтобъ не ввести чего-либо языческаго или многобожнаго, да и вводя одно не вводитъ какого-либо іудейскаго начала — скуднаго, завистливаго, безильнаго, или предполагая, что Божество поглощается само Собою (какъ угодно тѣмъ, которые Сына, хотя производятъ отъ Отца, но опять разрѣшаютъ въ Отца), или (что нравится нынѣшнимъ мудрецамъ) унижая естество Сына и Духа и отчуждая отъ Божества, какъ будто бы Оно опа-

¹⁾ Гераклитъ.

сается противоборства и не имѣть силы произвести что-либо высшее тварей. Учи не признавать Сына нерожденнымъ (потому что Отець одинъ) и Духа Сыномъ (потому что Единородный одинъ). Пусть и сіи Божескія свойства принадлежатъ Имъ исключительнымъ образомъ, а именно: Сыну — сыновство, Духу же — исхожденіе, а не сыновство. Учи — Отца именовать истинно Отцемъ и въ смыслѣ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуются наши земные отцы; потому что Онъ — Отець въ единственномъ смыслѣ, то-есть своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ, — Отець Единственный, то-есть не въ сочетаніи съ кѣмъ-либо, — Отець Единственного Сына, то-есть Единороднаго, — Отець исключительно, то-есть не бывший прежде Сыномъ, — Отець всецѣло и всецѣлаго Сына (чего нельзя достовѣрно сказать о нашихъ отцахъ), — Отець изначала, то-есть не въ послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Учи — Сына именовать истинно Сыномъ, потому что Онъ Единственный Сынъ Единственного Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отець, — Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изначала, не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не вслѣдствіе примѣненія совѣтовъ Его Божество, и не вслѣдствіе преуспѣянія — Его обожаніе, такъ чтобы Отець не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ — Сыномъ. Учи именовать Святаго духа истинно Святымъ; потому что никто другій не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и Святость Духа есть не что-либо придаточное, но самоисточное; Она не есть что-либо возрастающее или убывающее, что-либо во времени начинающееся и прекращающееся. И Отцу, и Сыну, и Святому Духу суть общи неначинаемость бытія и Божественность; но Сыну и Духу принадлежитъ имѣть бытіе отъ Отца. И отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына рожденность, и Духа Святаго — исходность (ἐκπεφυς). Когда же домогаешься постигнуть образъ (рожденія и исхожденія): тогда что оставляешь Имъ самимъ, Которые, по свидѣтельству Писанія, одни только знаютъ Другъ Друга, и Другъ Другомъ познаются (1 Кор. 2, 11), или что оставишь и тѣмъ изъ насъ, которые въ послѣдствіи будутъ просвѣщены тамошнимъ ¹⁾ свѣтомъ? Содѣлайся прежде чѣмъ-либо изъ сказаннаго или подобнымъ тому, и тогда познаешь столько, сколько Они познаются Другъ Другомъ. Теперь же учи единственно вѣдать сіе: Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ поклоняемую, въ которой и раздѣльность и единство не-

¹⁾ Горнимъ.

постижимы. Не бойся, что, исповѣдуя рожденіе, припишешь Божеству страдательность. Божество, хотя и рождаетъ, однакоже не страдаетъ. И я въ томъ тебѣ порукою, что Оно рождаетъ божески, а не человѣчески; потому что и бытіе Его не человѣческое. Бойся же приписывать Богу время и тварность; ибо, если произошелъ во время, то не Богъ. Бойся, чтобъ, безъ нужды стоя за Бога, не отринуть Бога, содѣлавъ сослужебною тебѣ тварію Того, Кто рабень Отцу по Божеству, кто и тебя освободитъ отъ рабства, если искренно исповѣдуешь Его владычество. Не бойся исповѣдывать исхожденіе; потому что Богу, во всемъ преизбыточествующему, равно нѣтъ необходимости—или не изводить или изводить. Бойся же отчужденія и той угрозы, какая возвѣщена не богословствующимъ, но хулящимъ Духа Святаго (Мате. 12, 31, 32). Не воздавай худаго чествованія Единоначалию, сокращая или обѣкая Божество. Не стыдись обвиненія въ троебожїи, пока можно другаго винить въ двоебожїи; съ нимъ вмѣстѣ и ты, или опровергнешь обвиненіе, или прїйдешь въ затрудненіе, или, когда у него вмѣстѣ съ умствованіями его потерпишь крушеніе Божества, у тебя соблюдается Оно невредимымъ, хотя и изнеможеть слово. Лучше изнеможь въ умствованіяхъ подъ водительствомъ Духа, нежели, гонясь за легкостію, безъ труда согласиться на нечестивыя мнѣнія. Пренебрегай настоятельность и возраженія—это новое благочестіе, эту мелочную мудрость, и презирай ихъ больше, нежели ткани пауковъ, которыя задерживаютъ мухъ, но легко прорываются осами, не говорю уже, пальцемъ или другимъ чѣмъ-нибудь болѣе тяжелымъ. Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованіями подкапывать Вѣру. Не бѣда, если побѣдятъ кого словомъ; потому что не всѣмъ данъ даръ слова. Страшно отложиться отъ Божества; потому что упованіе всѣмъ необходимо.

Ты и самъ собою разсудишь все сіе, даже, сколько знаю, и внимательнѣе и совершеннѣе. Въ томъ ручаются мнѣ твои раны и понесенные тобою труды ради благочестія. Но и я, по мѣрѣ силъ своихъ, полюбомудрствую съ тобою. Когда же отправишься въ добрый путь свой,—вспомни о Троищѣ, обитающей въ скиніяхъ (если только Богъ въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ); вспомни о семъ малой жатвѣ. Хотя не мало на ней сѣмянъ благочестія; однако же, она мала и скудна, и собирается съ нея понемногу. *Понезже быхъ яко собираяяй сламу на жатвѣ* (если кстати употребить здѣсь слово Пророка), *и яко пародокъ въ обѣманїи винограда, не сущу гроздію* (Мих. 7, 1). Видишь, каковъ у насъ сборъ плодовъ; посему постарайся сдѣлать; чтобъ и гумно обогатилось, и

гочило стало полнѣе. Расскажи и о моемъ призваніи, о невѣроятномъ пресельничествѣ, которое совершилъ я не для того, чтобы роскошествовать, но чтобы злопострадать, дабы чрезъ крушеніе бѣдствій пріобщиться и славы. Надѣйся, что помощникомъ твоимъ въ молитвахъ и сопутникомъ въ странствованіи будетъ сей народъ,—сія скудная числомъ паства, но не скудная благочестіемъ, стѣсненность которой уважаю я больше, нежели широту другихъ паствъ. Сіе вѣщаетъ Духъ Святой. Съ Нимъ преидешь чрезъ огонь, усыпишь звѣрей, укротишь властелиновъ. Такъ отправляйся въ путь, такъ путешествуй, и опять возвратись къ намъ богато обогащеннымъ, вторично увѣнчаннымъ, воспѣвая съ нами побѣдную пѣснь, и нынѣ и впредь, во Христвъ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки аминь!

Слово 26, произнесенное святымъ Григоріемъ Богословомъ о себѣ самомъ, когда онъ, послѣ Максимова покушенія занять архіепископскій престолъ въ Константинополь, возвратился изъ села.

Я желалъ быть съ вами, дѣти, и вы въ равной мѣрѣ желали быть со мною. Вѣрю сему; и если слово требуетъ подтвержденія,—клянусь: *такъ ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христвъ Іисусѣ Господѣ нашемъ*, (1 Кор. 15, 31)! Сію клятву далъ Духъ Святой, подвигшій меня къ вамъ, да уготовлю Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14). Смотрите, какова вѣра: и за себя увѣряю, и за васъ ручаюсь. И сіе нимало не удивительно. Гдѣ общій духъ, тамъ и чувствованія общія; а гдѣ равно чувствуютъ, тамъ равно и вѣрятъ. Кто самъ не ощущалъ чего, тотъ не повѣритъ и другому; а кто чувствовалъ, тотъ готовъ дать согласіе; онъ—невидимый свидѣтель невидимаго чувствованія, онъ—собственное зеркало для чужаго образа.

Посему-то у меня не достало терпѣнія жить долѣе въ разлукѣ съ вами; хотя не мало огорчаетъ и тяготитъ меня видимое здѣсь,—не одно то, что въ городахъ обыкновенно: стеченіе народа, шумъ, торжища, зрѣлища, пресыщеніе, обиды, влекущіе и влекомые, наносящіе и претерпѣвающіе вредъ, плачущіе и оплакиваемые, рыдающіе, радующіеся, женящіеся, погребаяющіе, хвалимые и хулимые, всѣ поводы къ пороку, броженіе міра, внезапныя перемѣны какъ въ Еврипѣ и въ направленіи вѣтровъ, но даже и сіи почтенныя и достойныя уваженія люди,—говорю о предстоящихъ въ семь алтарѣ и при святой трапезѣ. Такъ какъ имѣю, по видимому, надѣ

ними власть, и самъ нахожусь въ числѣ приступающихъ къ Богу: то боюсь, что мы худо приступаемъ, и, какъ солома, приближающаяся къ огню, не стерпимъ огня. При всемъ томъ, я возвратился къ вамъ; и хотя удалился по принужденію, однакожь прихожу назадъ безъ принужденія, даже съ великою охотою, и какъ говорится ноги сами шли; такъ Духъ ведетъ меня, подобно потоку, который вверхъ поднимаетъ съ усиліемъ, а внизъ самъ собою течетъ быстро. Подлинно, одинъ день составляетъ цѣлую человѣческую жизнь для тѣхъ, которые страдаютъ любовію. Ибо, мнѣ кажется, нейдетъ сюда въ примѣръ, что было съ Іаковомъ, который, четырнадцать лѣтъ работая Лавану сиріянину за двухъ дѣвъ, не утомлялся. Для него, какъ сказано, *занеже любяше ихъ*, всѣ дни были какъ день одинъ (Быт. 29, 20), можетъ быть, потому что предметъ любви находился предъ глазами, или потому что легко страдать любовію, хотя замедленіе и огорчительно. Такъ, что легко поступаетъ въ обладаніе, то менѣе возбуждаетъ пожеланія, какъ сказалъ нѣкто прежде насъ. И я, когда былъ вмѣстѣ съ вами,—мало чувствовалъ силу любви, а когда разлучился, — узналъ любовь,—сего улаждающаго мучителя. Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пастухъ скорбитъ о тельцѣ, который отсталъ отъ стада, объ овцѣ, которой не достаетъ въ десяткѣ, и птичка горюетъ о гнѣздѣ, которое оставила не надолго. Одинъ, взявъ свирѣль, взоидя на высокое мѣсто, наполняетъ унылыми звуками свирѣль свою, зоветъ заблудившихъ, какъ разумныхъ, и, если послушаются, радуется о нихъ больше, нежели о всемъ стадѣ, которое не сдѣлало ему такихъ заботъ. А другая съ крикомъ летитъ къ гнѣзду, припадаетъ къ щебечущимъ птенцамъ, и обнимаетъ ихъ крыльями. Какая же привязанность должна быть у добраго пастыря къ словеснымъ овцамъ, за которыхъ онъ подвергался уже опасностямъ, такъ какъ и сіе усугубляетъ любовь? Такъ и я боюсь, чтобъ *волцы тѣжцы* (Дѣян. 20, 29), подмѣтивъ окружающую насъ тму, не разогнали стада увлекательными и дерзкими ученіями. Ибо, не имѣя силъ дѣйствовать явно, они ожидаютъ безвременья. Боюсь, чтобъ *разбойники и тати*, проходя чрезъ дворъ (Іоан. 10, 1), или безстыдно не похитили, или не уловили обманомъ, и потомъ не заклали, не убили, не погубили, *восхищающе восхищенія, души изъядзающе*, какъ сказалъ одинъ изъ Пророковъ (Іез. 22, 25). Боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьяго дня бывшій нашимъ, найдя дверь не запертою и войдя въ нее, какъ свой, не сталъ строить намъ козней, какъ чужой. Ибо много различныхъ ухищреній у того, кто дѣйствуетъ такимъ образомъ, и никто

не разнообразенъ столько въ изобрѣтательности, сколько преушщренннй на зло противникъ нашъ. Боюсь еще и псовъ¹⁾, которые усиливаются стать пастырями, и, что особенно странно, ничего не приносятъ въ пастырское званіе кромѣ того, что остригаютъ волосы, которые не на добро росли. Они и псами не остались, и пастырями не сдѣлались, а только расхищаютъ, рассыпаютъ и разрушаютъ чужой трудъ. Потому что всегда легче—повредить, нежели сохранить; *и человекъ рождается*, говоритъ Іовъ (Іов. 5, 7), и корабль строится, и домъ создается съ трудомъ; но одного убить, другій разрушить, третій сжечь можетъ всякій, кто захочетъ. Итакъ, да не думаютъ много о себѣ тѣ, которые приставили къ стаду псовъ; они не могутъ сказать, что приобрѣли, или спасли, хотя одну овцу. Ибо упражнявшіеся въ худомъ не научились дѣлать добра. Если же они истребляютъ стадо; то сіе дѣлаетъ и небольшая буря, и легкая болѣзнь, и одинъ внезапно нападшій звѣрь. Итакъ, да перестанутъ они хвалиться своимъ безславіемъ, а если могутъ, да перестанутъ дѣлать зло, *да поклонятся, припадутъ и восплачутъ предъ Господомъ, сотворшимъ ихъ* (Псал. 94, 6), и да присоединятся къ стаду тѣ изъ нихъ, которые еще не вовсе неисцѣлимы.

Сіе говорю вамъ я—пастырь робкій и осмотрительный, котораго за осторожность укоряютъ въ недѣятельности. Ибо я не изъ числа пастырей, которые *млеко ядятъ, волною отъваются, тучное закаляютъ, оскорбляютъ трудомъ* (Іезек. 34, 3—4), или продаютъ и говорятъ: *благословенъ Господь, и обогатихомся* (Захар. 11, 5), которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ (если вамъ памятно слова Пророковъ, которыми они поражаютъ злыхъ пастырей); напротивъ, я болѣе принадлежу къ числу пастырей, которые могутъ сказать о себѣ съ Павломъ: *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и меня не воспламеняетъ забота* (2 Кор. 11, 29)? *Не ищу бо вашихъ, но васъ* (2 Кор. 12, 14). *Быхъ во дни жегомъ зномъ, и студенію въ нощи мучимъ*, по слову Патріарха, — пастыря (Быт. 31, 40), у котораго овцы были знаменныя и старались зачинать у тамошнихъ корытъ (Быт. 30, 41—42)²⁾.

¹⁾ По изъясненію Иліи, св. Богословъ имѣетъ здѣсь въ виду Максима и называетъ его псомъ, какъ циника. При семъ Илія замѣчаетъ, что циники съ особенною заботливостію отращивали у себя волосы.

²⁾ По изъясненію Иліи, св. Богословъ разумѣетъ здѣсь Св. Писаніе, изъ котораго должны напоевать себя живою водою словесныя овцы, когда зачинаютъ въ себѣ сѣмя спасенія.

Такъ и по такимъ причинамъ пришелъ я къ вамъ, которые находите въ такомъ положеніи. А поелику пришелъ; то дадимъ другъ другу отчетъ, что успѣли мы сдѣлать въ продолженіе разлуки. Ибо не худо помнить, что отъ насъ потребуютъ отчета не только за слова и дѣла, но какъ за цѣлое время, такъ и за самую малую и краткую часть времени. Вы *возвѣстите* мнѣ *дѣланіе свое* (Іоан. 1, 8); а я предложу вамъ, о чемъ любомудрствовалъ я въ безмолвіи, бесѣдуя самъ съ собою. Какое изъ высокихъ умозрѣній, или заимствовавъ отъ меня, сохранили вы, или сами отъ себя присовокупили, касательно или Богословія или другихъ догматовъ, изъ которыхъ о многихъ и часто предлагалъ я вамъ? Требую отъ васъ не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибытка, дабы кто-нибудь, скрывъ и закрывъ вѣренное, не сталъ еще клеветать на вѣрившаго, что Онъ *жестокъ* и желаетъ чужаго (Матѣ. 25, 24). Итакъ, какое похвальное дѣло принесли вы въ плодъ, такъ чтобъ или *не увѣдала шуйца* (Матѣ. 6, 3), или просвѣтился свѣтъ вашъ предъ человѣки (Матѣ. 5, 16), чтобъ по плодамъ было видно дерево, по ученикамъ могъ быть признанъ учитель, и чтобъ всякій изъ наблюдающихъ за нами (а это дѣлаютъ многіе,—одни по благорасположенію, другіе изъ любопытства) могъ сказать, *яко во истину Богъ съ вами есть* (1 Кор. 14, 25), и вы не только здраво проповѣдуете Его, но и служите Ему? Ибо какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, потому что многіе дѣлаютъ добро ради славы и по естественному расположенію, такъ и *втра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 20). И *да не льститъ васъ суетными словесы* (Ефес. 5, 6) кто-либо изъ людей, которые охотно дозволяютъ все подъ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобъ вы приложились къ нечестивымъ ученіямъ, и предлагаютъ за худое дѣло худую награду. Итакъ, покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодородіе земли вашей: точно ли не напрасно я сѣялъ, есть ли у васъ хотя одна *рукоятъ и мушца силу, еже сотворити муку* (Ос. 8, 7), и стоющая житницы, чтобъ намъ впредь воздѣлывать васъ еще усерднѣе. Кто приноситъ плодъ во сто кратъ? кто въ шестьдесятъ? кто наконецъ хотя въ тридцать? Или наоборотъ, кто, отъ тридесятикратнаго восходя къ шестидесятикратному (ибо и сей порядокъ видимъ въ Евангеліи)¹⁾, окончилъ сторичнымъ плодомъ, чтобъ, *преуствая*, подобно Исааку (Быт. 26, 13), стать великимъ, ица

¹⁾ У Евангелиста Матвея гл. 13 ст. 8 читаемъ: *даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридцать*; а у Еванг. Марка гл. 4. ст. 8. въ обратномъ порядкѣ: *и приплодоваше на тридцать, и на шестьдесятъ, и на сто*.

отъ силы въ силу, воспѣвая пѣсни степеней и полагая *восхожденія въ сердце* (Пс. 83; 6, 8)? *Ищу плода множащагося въ словесахъ вашихъ* (Фил. 4, 17). Ибо прибытокъ вашъ, а не мой. Если же и мой, то потому, что онъ вашъ; ибо польза отъ васъ возвращается и къ намъ, подобно отраженнымъ лучамъ. Питали ли вы нищихъ? Принимали ли странныхъ? Умыли ли *святыхъ нозъ* (1 Тим. 5, 10)? Или угождая чреву, которое *упразднится* (1 Кор. 6, 13), услаждались вы (положимъ то) и заповѣдями; такъ какъ нѣтъ услажденія, которое было бы лучше и прочнѣе сего для желающихъ услаждаться? Покоили ли по мѣрѣ силъ (позвольте сказать и о семь) кого-либо изъ служащихъ жертвеннику и прекрасно убожествующихъ, чтобъ они, не развлекаясь, тѣмъ усерднѣе служили жертвеннику, и, заимствуя изъ вашего, приносили въ замѣнъ и свое? Стыдно подлинно и намъ просить о семь, и вамъ не удѣлять. Не для того замѣтилъ я *сія, да тако будетъ о мнѣ, добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели* чтобъ уничтожилась похвала моя (1 Кор. 9, 15) и благовѣствованіе мое осталось безъ награды, когда здѣсь соберу плоды, — ибо благовѣствовать есть дѣло необходимости, а благовѣствовать безмездно — дѣло усердія: но да научитесь вы благотворить Христу, благотворя кому-либо и изъ малыхъ. Ибо Христосъ, какъ содѣлался для меня всѣмъ, что есть во мнѣ, кромѣ грѣха, такъ приемлетъ на Себя и все сколько-нибудь меня касающееся, — доставишь ли ты мнѣ кровь или одежду, посѣтишь ли въ темницѣ, прийдешь ли къ больному, или, что всего маловажнѣе, языкъ томимаго жаждою прохладишь одною чашею студеной воды, с чѣмъ просилъ бѣднаго Лазаря страждущій въ пламени богачъ, которому за здѣшнюю роскошную жизнь, за презрѣніе голоднаго и покрытаго струпами Лазаря, воздается тѣмъ, что просить у Лазаря, и не получаетъ просимаго. Вотъ чего отъ васъ требуемъ; и знаю, что вы не будете постыжены, какъ давая отчетъ мнѣ, такъ и въ послѣдній день, въ который будутъ собраны всѣ дѣла наши, по сказанному: *и азъ гряду советъ и дѣянія ваши собрати* (Ис. 66, 18); се человекъ, и дѣло его *и мзда его съ нимъ* (Ис. 40, 10).

Но вотъ и наше, что приносимъ вамъ изъ пустыни. Ибо и Илія охотно любомудрствовалъ на Кармилѣ, и Іоаннъ въ пустынѣ, и самъ Іисусъ совершалъ дѣла предъ народомъ, а молитвы большею частію на свободѣ и въ пустыняхъ. Какой же преподавъ симъ урокъ? Тотъ, думаю, что для невозмущаемаго собесѣдованія съ Богомъ нужно погрузиться въ безмолвіе и хотя нѣсколько возвести умъ свой отъ непостояннаго. Ибо самъ Онъ не имѣлъ нужды въ уединеніи; да и не было мѣста, гдѣ бы могъ Онъ укрыться, бу-

лучи Богомъ и все исполняющимъ; уединялся же, чтобы мы знали время и для дѣлъ и для высшаго упражненія. Итакъ, какіе же плоды моей пустыни? Какъ добрый купецъ, отовсюду собирающій прибыль, хочу и изъ нея доставить вамъ нѣчто для купли.

Однажды, когда день уже склонялся къ вечеру, ходилъ я одинъ, погрузившись самъ въ себя, и мѣстомъ прогулки былъ морской берегъ. Всегда имѣю обычай облегчать труды такими отдыхами. Потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживаетъ напряженія, а надобно ее спускать съ стрѣлы, чтобы можно было снова натянуть, и чтобы она была не бесполезною для стрѣлка, но годилась въ случаѣ употребленія. Такъ я ходилъ; ноги переносили меня съ одного мѣста на другое, а взоръ покоился на морѣ. Зрѣлище было неприятно, хотя оно бываетъ всего пріятнѣе въ другое время, когда при ясномъ небѣ море покрывается пурпуромъ, тихо и кротко играя, плещеть въ берега. Но что же происходило въ это время? Охотно скажу, и даже словами Писанія: *вѣтру велию дышащую* (Іоан. 6, 18), море волновалось и завывало, а волны, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ буряхъ, однѣ вставъ вдали и постепенно, то достигая наибольшей высоты, то понижаясь, сокрушались при берегахъ; а другія, ударившись о ближнія скалы и отраженные ими, превращались въ пѣнистыя и высоколетающія брызги. Тутъ были выбрасываемы небольшіе камни, поросты, улитки и самыя легкія раковины, и нѣкоторыя опять поглощаемы съ отливомъ волны. Но твердо и неподвижно стояли скалы, какъ будто ничто ихъ не тревожило, кромѣ того, что ударялись о нихъ волны. Изъ сего умѣлъ я извлечь нѣчто полезное для любомудрія. И какъ все примѣняю къ себѣ, особенно если что-нибудь случилосьея приводитъ меня въ круженіе, какъ было и теперь: то не безъ вниманія смотрѣлъ я на видимое, и это зрѣлище было для меня урокомъ.

Я сказалъ себѣ: не море ли—жизнь наша и дѣла человѣчскія? И въ ней много соленаго и непостояннаго. А вѣтры,—это не постигающія ли насъ искушенія и всякая неожиданность? Сіе-то, кажется мнѣ, примѣчая, досточудный Давидъ говоритъ: *спаси мя, Господи, яко внидоша воды до души моя; избавь меня изъ глубинъ водныхъ, приидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя* (Пс. 68, 2, 3). Что же касается до искушаемыхъ; то одни, разсуждалъ я, какъ самыя легкія воздушныя тѣла, увлекаются и нимало не противостоятъ напастямъ, потому что не имѣютъ въ себѣ твердости и вѣса, доставляемыхъ разумомъ цѣломудреннымъ и готовымъ бороться съ встрѣтившимися обстоятельствами; а другіе,

какъ камень,—достойны того Камня, на Которомъ мы утверждены и Которому служимъ. Таковы всѣ, которые, руководясь умомъ любомудрымъ и стоя выше низкой черни, все переносятъ твердо и непоколебимо, и посмѣваются колеблющимся, или жалѣютъ о нихъ,—посмѣваются по любомудрію, жалѣютъ по челоуѣколюбію. Сами же для себя вмѣняютъ въ стыдъ—отдаленныя бѣдствія презирать и даже не почитать бѣдствіями, но уступать надъ собою побѣду настоящимъ, и при томъ кратковременнымъ, какъ будто они постоянны, — оказывать любомудріе безвременно, а въ случаѣ нужды оказываться не любомудрыми; что подобно тому, какъ если бы сталъ почитать себя отличнѣйшимъ борцемъ, кто никогда не выходилъ на поприще, или—искуснымъ кормчимъ, кто высоко думаетъ о своемъ искусствѣ въ тихую погоду, а въ бурю бросаетъ изъ рукъ кормило.

Но какъ уже одинъ разъ остановился я на семь разсужденій; то встрѣтилъ и другое подобіе, весьма приличное настоящему предмету. Можетъ быть, почтете меня старикомъ и баснословомъ, когда сообщу вамъ оное; однакожъ, вы должны узнать это; потому что, какъ извѣстно, и Писаніе неоднократно употребляетъ такіа подобія для ясности изложенія. По баснословію, есть дерево, которое зеленѣетъ, когда его рубятъ, и противоборствуетъ желѣзу,— а если о необыкновенномъ должно и выражаться необыкновенно,— которое смертію живетъ, отъ сѣченія разрастается, истребляемое умножается. Конечно, это баснь и произволь вымысла: но мнѣ представляется, что таковъ же точно и челоуѣкъ любомудрый. Онъ прославляется въ страданіяхъ, скорби обращаетъ въ поводъ къ добродѣтели, украшается несчастіями, не превозносится *десными оружіи правды*, не изнемогаетъ *предъ шуми* (2 Кор. 6, 7), но въ различныхъ обстоятельствахъ всегда пребываетъ одинаковъ, или дѣлается еще свѣтлѣе, какъ золото въ горнилѣ.

Посмотримъ на него такъ: знатнаго ли онъ происхожденія?— Наравнѣ съ благородствомъ крови покажетъ въ себѣ благонравіе, такъ что заслужитъ уваженіе въ двоякомъ отношеніи,—станешь ли разбирать его родословіе, или смотрѣть на него самого. Или онъ статуя низкой работы и изъ дешеваго брѣнія (если есть различіе между брѣнемъ и брѣніемъ)?—Замѣнить это духовнымъ благородствомъ, которое каждый напечатлѣваетъ самъ въ себѣ, къ худшему или лучшему; а всякое другое благородство, которое въ насъ всѣвается, или граматами намъ сообщается, отмѣтитъ ничего нестоющимъ и подложнымъ. Ибо благородство бываетъ троякое. Одно—свыше, и по оному всѣ мы равно благородны, потому что

всѣ созданы по образу Божию. Второе зависитъ отъ плоти, и по оному, такъ какъ оно состоитъ въ тлѣннѣ, не знаю, благороденъ ли кто. Третіе познается по порокамъ и по добродѣтелямъ, и въ немъ участвуемъ мы больше или меньше въ той мѣрѣ, какъ думаю, въ какой сохраняемъ или растлѣваемъ въ себѣ образъ Божій. Сіе-то послѣднее благородство возлюбитъ истинный мудрецъ и истинно любомудрый. Четвертый родъ благородства, которое зависитъ отъ грамоты и указовъ, тогда удостою слова, когда соглашусь признать красотою подурмяненную красоту, или уважать обезьяну, которой вѣлно быть львомъ. Юноша ли онъ?—Мужественно возстанетъ противъ страстей, и воспользуется юностію для того, чтобъ не подвергнуться чему-либо свойственному юнымъ, но въ юномъ тѣлѣ показать старческое благоразуміе; и возрадуется о побѣдѣ больше, нежели увѣнчанные въ Олимпіи. Ибо одержитъ побѣду на общемъ позорищѣ,—на позорищѣ вселенной, и побѣду не продажную ¹⁾). Преклоняется ли онъ къ старости?—Но не состарѣется душою, встрѣтитъ кончину, какъ предустановленный день необходимаго освобожденія, съ радостію перейдетъ въ жизнь грядущую, гдѣ нѣтъ ни не зрѣлаго, ни старца, но всѣ совершенны по духовному возрасту. Надѣленъ ли онъ цвѣтущею красотою?—Въ одной красотѣ будетъ просіявать у него другая, въ тѣлесной—душевная. Сохранился ли безъ поврежденія цвѣтъ его красоты?—Онъ углубленъ самъ въ себя, и не знаетъ, смотрятъ ли на него другіе. Безобразна ли его наружность?—Зато благообразенъ сокровенный его человѣкъ, какъ цвѣтистая и самая благовонная роза, которая еще не раскрылась изъ своей оболочки, не имѣющей ни цвѣта, ни запаха. Красный добротою паче сыновъ человѣческихъ, онъ не дастъ и времени посмотреть на его внѣшность, обращая зрителя къ иному. Крѣпокъ ли онъ по внѣшнему человѣку?—Употребитъ здоровье къ лучшему: подастъ совѣтъ, поразитъ словомъ, будетъ говорить смѣло, станетъ проводить время во бдѣннѣ, спать на голой землѣ, поститься, истощать вещественное, созерцать земное и небесное, и со всѣмъ тщаніемъ помышлять о смерти. Сдѣлается ли онъ боленъ?—Станетъ бороться съ болѣзнію. А если будетъ побѣжденъ; то одержитъ верхъ, достигнувъ того, чтобъ уже не бороться. Богатъ ли онъ?—Умудрится расточить богатство, и изъ своего имущества, какъ распорядитель чужаго, будетъ удѣлять нуждающимся, чтобъ и пріемлющему послужило это во благо, и

¹⁾ На олимпійскихъ и другихъ играхъ часто сильные борцы уступали за деньги надъ собою побѣду слабѣйшимъ.

ему самому сосредоточиться въ Богѣ, ничего не имѣя кромѣ креста и тѣла. Бѣденъ ли онъ?—Обогатится въ Богѣ, посмѣваясь надъ имѣющими у себя многое; потому что они, какъ непрестанно прибрѣтаютъ, такъ непрестанно нищенствуютъ, имѣя нужду еще въ большемъ, и пьютъ для того, чтобы чувствовать больше жажды. Алчеть ли онъ?—Прешитается съ птицами, которыя кормятся, не сѣя и не воздѣлывая земли; проживетъ съ Илією у сарептянки. *Чванецъ ея не оскудѣетъ, и водоносъ муки не умалится* (3 Цар. 17, 14); первый непрестанно будетъ источать, другій приносить обильную жатву, чтобъ страннoлюбивая вдова сподобилась чести, и питатель имѣлъ пропитаніе. Жаждетъ ли онъ?—Источники и рѣчки дадутъ ему питіе не упоющее и не мѣроу подаваемое; а если и вездѣ оскудѣютъ воды отъ бездождія, то можетъ быть онъ будетъ пить изъ порока (3 Цар. 18, 5). Потерпитъ ли онъ холодъ?—Его терпѣль и Павелъ (2 Кор. 11, 27). Притомъ, долго ли потерпитъ?—Есть одѣяніе и изъ камня, въ чемъ да увѣрить тебя Іовъ, который говоритъ: *занеже не имѣяху покрова, въ каменіе облекошася* (Іов. 24, 8).

Размотри и большія еще совершенства. Будутъ ли его злословить? Онъ препобѣдитъ тѣмъ, что за злословіе не воздастъ злословіемъ. Будутъ ли его гнать?—Перенесетъ. Будутъ ли хулить?—*Утѣшится* (1 Кор. 4, 13). Будутъ ли клеветать?—Станетъ молиться. Ударятъ ли въ десную ланиту?—Обратитъ и другую; а еслибъ у него была третія,—подставилъ бы и ту, чтобъ ударившаго скорѣе научить великодушію, вразумить его дѣломъ, когда не могъ словомъ. Будутъ ли ругаться надъ нимъ?—Сіе терпѣль и Христосъ. И онъ почтенъ будетъ участіемъ въ Христовыхъ страданіяхъ. Назовутъ ли самаряниномъ, скажутъ ли, что онъ имѣетъ въ себѣ бѣса?—Все прійметъ съ Богомъ. Сколько бы многочисленны ни были его страданія, все еще не достанетъ многого: оцета, желчи, тернового вѣнца, тростниковаго скиптра, багряницы, креста, гвоздей сраспинаемыхъ разбойниковъ, мимоходящихъ и хулящихъ. Богу надлежало и въ томъ преимуществовать, чтобы въ самомъ посрамленіи претерпѣть большее! Нѣтъ ничѣго столь непреодолимаго, и необѣдимаго, какъ любомудріе! Все уступитъ скорѣе, нежели любомудрый. Это *оселъ дивій* въ пустынь, какъ говорятъ Іовъ, ничѣмъ не связанный и свободный, *смѣяйся многу народу града, стужанія данническаго не слышай* (Іов. 39, 7). Это *единорогъ*—животное самовольное. *Похоцетъ ли ти работати привяжешь ли его при ясляхъ* (Іов. 39, 9), подведеши ли подъ ярмо?—Когда лишень онъ будетъ всего на землѣ,—у него готовы

крылья, какъ у орла; онъ возвратится въ домъ настоящаго своего, воспаритъ къ Богу. Скажу кратко: непреодолимы только Богъ и Ангелъ, а въ-третьихъ—человѣкъ любомудрый, невещественный въ веществѣ, неограниченный въ тѣлѣ, небесный на землѣ, безстрастный въ страданіяхъ, всему уступающій побѣду, кромѣ самолюбія, и тѣхъ, которые думаютъ овладѣть имъ, побѣждающій своимъ низложеніемъ.

Поелику же слово мое, начавъ съ представленнаго мною подобія, изобразило любомудраго мужа; то по сему изображенію рассмотримъ сами себя. *Мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40); хотя нѣчто изъ сказаннаго можетъ уязвлять и низлагать меня, чтобъ мои ненавистники и враги, если найдутъ меня побѣжденнымъ, имѣли извиненіе, ежели не намѣренію, то, по крайней мѣрѣ, поведенію своему; а если окажусь совершеннѣе и выше нападающихъ на меня, — или оставили злобу свою, или избрѣли новый путь неправды (такъ какъ настоящій мною презрѣнъ), и сверхъ злобы своей не могли быть обличены въ неразуміи, какъ *беззаконнующіе вотще* (Пе. 24, 3) и не имѣющіе одѣлать неправды, о чемъ стараются. Посмотримъ же, чѣмъ оскорбятъ меня рѣшающіеся на все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ въ обиду человѣку? Назовутъ невѣждою?—Я знаю одну мудрость—бояться Бога. Ибо *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 1). и: *конецъ слова, все слушай, Бога бойся* (Еккл. 12, 13). Такъ сказалъ премудрый Соломонъ. Посему пусть докажутъ, что во мнѣ нѣтъ страха; и тогда побѣдятъ. А что касается до иной мудрости; то я частію самъ оставилъ ее, а частію желаю и надѣюсь приобрести, по упованію на Духа. Укорятъ въ бѣдности?—Но она мое избыточество. Охотно бы совлекъ я съ себя и сіи рубища, чтобъ безъ нихъ идти по терніямъ жизни! Охотно, какъ можно скорѣе, сложилъ бы съ себя и этотъ тяжелый хитонъ ¹⁾, чтобы получить болѣе легкій. Назовутъ убѣжавшимъ изъ отечества?—Какъ низко думаютъ о насъ сіи въ подлинномъ смыслѣ ругатели и ненавистники странныхъ! Развѣ есть опредѣленное мѣстомъ отечество у меня, для котораго отечество вездѣ и нигдѣ? А ты развѣ не странникъ и не пришлецъ? Не хвалю твоей обители, если такъ думаешь; смотри, чтобъ не лишиться тебѣ истиннаго отечества, въ которомъ должно заготовлять себѣ жительство. А за старость и болѣзненность не укоряй насъ. Въ этомъ виновны не только вещество и природа,

¹⁾ То есть тѣло душевное, чтобъ облечся въ тѣло духовное (1 Кор. 15, 44).

но (узнай нѣчто изъ моихъ тайнъ!) не мало истощено и разсудкомъ (похвалюсь тѣмъ нѣсколько). Да и ты, тучнѣющій и питающій плоть свою, не составляешь для меня пріятнаго зрѣлища. Хорошо, еслибъ и у тебя видно было нѣсколько сѣдинъ и блѣдности, чтобы можно было увѣриться, что ты человекъ разумный и любомудрый! Что же еще? Низложить съ престоловъ?—Съ какихъ? Развѣ съ удовольствіемъ вступилъ я теперь на престолъ и прежде вступалъ? Развѣ почитаю блаженными тѣхъ, которые восходятъ на престолы? Развѣ сдѣлаешь ихъ для меня пріятными ты, восходящій недостойно? Развѣ случившееся недавно не обнаружило предъ вами моего образа мыслей? Или и это была одна забава и испытаніе любви, какъ могутъ частію подозрѣвать а частію разглашать, люди искусные на то, чтобы собственные свои пороки видѣть въ другихъ? Что же значило сокрушеніе? Что же значили заключенія, которыя всенародно произносилъ я самъ на себя? Что значили слезы, которыя во мнѣ, едва не возненавидѣнному за сопротивленіе, возбудили въ васъ жалость? Лишать предсѣдательства?—Но когда и кто изъ благomyслящихъ дорожилъ имъ? А нынѣ бѣгать его, по моему мнѣнію, есть верхъ благоразумія. Ибо за него все у насъ приходитъ въ замѣшательство и колеблется; за него предѣлы вселенной ¹⁾ мнутся подозрѣніемъ, и ведутъ какую-то невидимую и не имѣющую наименованія брань; за него мы, сотворенные Богомъ, подвергаемся опасности стать тварію людей и лишиться великаго и новаго имени. О, если бы не было ни предсѣдательства, ни предпочтенія мѣсть, ни мучительныхъ преимуществъ, и насъ различали по одной добродѣтели! А нынѣшній порядокъ, — стать справа, слѣва, въ срединѣ, выше и ниже, идти впереди или рядомъ,—произвелъ у насъ много напрасныхъ замѣшательствъ, многихъ низринулъ въ пропасть и поставилъ на сторонѣ козлищъ, многихъ не только изъ низшихъ, но даже изъ пастырей, которые, бывъ учителями *Израилевыми*, сихъ не уразумѣли (Іоан. 3, 10). Не допускать къ жертвенникамъ? — Но я знаю другой жертвенникъ, образомъ котораго служатъ нынѣ видимые жертвенники, на который не восходили ни орудіе, ни руки каменотесца, на которомъ не слышася желѣзо (3 Цар. 6, 7), котораго не касались художники и хитрецы, но который весь — дѣло ума, и къ которому восходятъ созерцаніемъ. Ему буду предстоять я, на немъ *пожру пріятное* Богу (Левит. 1, 5),—и жертву и приношеніе и всеожженія, столько же лучшія приносимыхъ нынѣ,

¹⁾ То-есть Востокъ и Западъ.

сколько истина лучше тѣни. О немъ, какъ думаю, Любомудрствуетъ и великій Давидъ, говоря: *и вниду къ жертвеннику Бога веселящаго духовную юность мою* (Пс. 42, 4). Отъ сего жертвенника не отвлечетъ меня никто, сколько бы ни желалъ. Изгонять изъ города?—Но не изгонять вмѣстѣ и изъ того града, который горѣ. Если же это возмогутъ сдѣлать мои ненавистники; то дѣйствительно побѣдятъ меня. А доколѣ не въ силахъ сдѣлать сего, дотолѣ брызжутъ только въ меня водою и бьютъ вѣтромъ, или забавляются сновидѣнiami. Такъ я смотрю на ихъ нападенiя!—Отнимутъ имущество?—Какое? Если мое; то пусть подрѣзываютъ крылья, которыхъ я не подвязывалъ. А если церковное; то изъ-за него и вся брань, изъ-за него ревнуетъ о *ковчежцѣ татъ* (Іоан 12, 6), и предаетъ Бога за тридесять серебрянниковъ, что всего ужаснѣе; ибо такой цѣны стоитъ не предаваемый, но предатель. Запретятъ входъ въ домъ? пресѣкутъ способы къ роскоши? отдалятъ отъ друзей?—Но, какъ видишь, обременили мы весьма многихъ, хотя и были ими приглашаемы (не хочу быть неблагодарнымъ). Если же и обременили, то развѣ тѣмъ больше, что падали ихъ, а не тѣмъ, что были ими принимаемы. Причиною сему то, что меня покоилъ одинъ благочестивый и боголюбивый домъ, бывшій для меня тѣмъ же, чѣмъ домъ суманитяныни для Елиссея,—родственный мнѣ по плоти, родственный и по духу, на все щедрый, домъ, въ которомъ возрасталъ единокровiемъ и сей народъ, не безъ страха и не безъ опасности скрывая гонимое еще благочестiе. Да воздастъ Господь дому сему въ день воздаянiя! А если я гоняюсь за роскошiю; то пусть забавляются надо мною ненавидящiе меня. Нѣтъ зла, котораго бы я въ большей мѣрѣ не желалъ себѣ. Что касается друзей, то очень знаю, что одни, и потерпѣвъ что-либо худое, не убѣгутъ отъ меня; ибо соболѣзнованiе производится только общимъ терпѣнiемъ обидѣ. А если буду презираемъ другими; то я уже прiобучился сносить презрѣнiе. Ибо одни изъ друзей и искреннихъ, даже явнымъ образомъ, *прямо приближишася и сташа*; другiе, наиболѣе челоувѣколюбивые, *отдалече мене сташа* (Пс. 37, 12, 13), и въ ночь ¹⁾ сiю все соблазнились. Едва и Петръ не отрекся, а можетъ быть и не плачетъ горько, чтобъ уврачевать грѣхъ. И видно, что я одинъ смѣлъ и исполненъ дерзновенiя; я одинъ благонадеженъ среди страха, одинъ терпѣливъ, — и выставлемый на показъ народу, и презираемый наединѣ, извѣстный

¹⁾ Въ которую египетскiе епископы, вошедши въ одинъ храмъ, хотѣли рукоположить Махсма.

Востоку и Западу тѣмъ, что противъ меня ведутъ брань. Какое высокоуміе! *Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще возстанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю* (Пс. 26, 3). Не только не почитаю страшнымъ чего-либо изъ настоящихъ событій, но даже забываю о себѣ, плачу объ оскорбившихъ меня, о сихъ нѣкогда членахъ Христовыхъ, членахъ для меня драгоценныхъ, хотя они нынѣ и растлѣны, о членахъ сея паствы, которую вы едва не предали, даже прежде, нежели она собрана во едино. Какъ вы расторглись и другихъ расторгли, подобно воламъ, *отъ узъ разрѣшеннымъ* (Малах. 4, 2)? Какъ воздвигли жертвенникъ противъ жертвенника? *Како быша въ запустѣніе внезапно* (Пс. 72, 19)? Какъ съченіемъ своимъ, и сами себѣ нанесли смерть, и насъ заставили болѣзновать? Какъ простоту пастырей употребили въ пагубу паствъ? Ибо не пасомыхъ стану порицать за неопытность, но васъ винить за вашу злобу. *Въ погибели твоей, Израилю, кто поможетъ* (Ос. 13, 9)? Какое найду заживляющее врачевство? какую обвязку? какъ соединю раздѣленное? какими слезами, какими словами, какими молитвами исцѣлю сокрушенное? Одинъ остается способъ. Троица Святая, покланяемая, совершенная, право нами сочетаваемая и почитаемая, Твое дѣло сіе, Тебѣ принадлежитъ слава совершенія! Ты возстанови снова намъ сихъ столько удалившихся отъ насъ, и пусть самое отдѣленіе научить ихъ единомыслію! Ты намъ за здѣшніе труды воздай небеснымъ и безмятежнымъ. А первое и величайшее изъ сихъ благъ — озариться Тобою совершеннѣе и чище, и познать, что Тебя одну и ту же можно и представлять Единицею и находить Троицею, что Нерожденное и Рожденное и Исходящее—одно естество, три личности, *единъ Богъ, Иже надъ всеми и чрезъ всехъ и во всехъ* (Еф. 4, 6), Богъ, къ Которому ничто не прилагаемо, и въ Которомъ ничто не перелагаемо, не умаляемо, не отсѣкаемо, Котораго отчасти уже постигаемъ, отчасти стараемся постигнуть, и нѣкогда постигнуть, яко же есть, тѣ, которые хорошо Его искали здѣсь и въ жизни и въ созерцаніи. Ему слава, честь, держава во вѣки. Аминь.

Слово 27, противъ евноміанъ¹⁾ и о богословіи первое или предварительное.

Слово къ хитрымъ въ словѣхъ, и начну отъ Писанія: *се азъ на тя горде* (Ер. 50, 31), то-есть на ученость, и слухъ, и мысль! Ибо есть, дѣйствительно есть люди, у которыхъ при нашихъ рѣчахъ чешутся и слухъ, и языкъ, и даже, какъ вижу, и руки, которымъ пріятны *скверныя суесловія и прекословія лжеименнаго разума*, и ни къ чему полезному не ведущія *словопренія* (1 Тим. 6, 4. 20). Ибо Павелъ проповѣдникъ и вводитель *слова сокращенна* (Рим. 9, 28), учитель и ученикъ рыбаей, называетъ такъ все излишнее и изысканное въ словѣхъ. Хорошо, если бы тѣ, о комъ у насъ рѣчь, также были нѣсколько искусны въ дѣятельномъ любомудріи, какъ оборотливъ у нихъ языкъ и способенъ приискивать благородныя и отборныя слова. Тогда мало, и вѣроятно меньше, чѣмъ нынѣ, стали бы они вдаваться въ нелѣпыя и странныя мудрованія и словами (о смѣшномъ дѣлѣ и выражусь смѣшно) играть, какъ шашками. Но, оставивъ всѣ пути благочестія, они имѣютъ въ виду одно—задать или рѣшить какой-нибудь вопросъ, и походятъ на зрѣлицныхъ борцевъ, представляющихъ не тѣ борьбы, которыя ведутъ къ побѣдѣ по законамъ ратоборства, но тѣ, которыя привлекаютъ взоры не знающихъ дѣла и похищаютъ у нихъ одобреніе. И надобно же, чтобъ всякая площадь оглашалась ихъ рѣчами, чтобъ на всякомъ пиршествѣ наводили скуку пустословіе и безвкусіе, чтобъ всякой праздникъ дѣлался не праздничнымъ и полнымъ унынія, а при всякомъ сѣтованіи искали утѣшенія въ большемъ злѣ—въ предложеніи вопросовъ, чтобъ во всякомъ женскомъ теремѣ—этомъ убѣжищѣ простодушія — нарушалось спокойствіе и поспѣшностію въ словѣ похищаемъ былъ цвѣтъ стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неуправимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство²⁾ обратятъ въ низкое ремесло: то пусть сіи соглядатаи окажутъ столько терпѣнія, чтобъ, когда отеческое сердце наше приходитъ въ волненіе, и чувства наши *терзаются*, какъ говоритъ божественный

¹⁾ Евноміане отрицали не только единосущіе, но и подобосущіе Бога Отца и Бога Сына. Сверхъ сего они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умомъ человѣческимъ. Противъ сего послѣдняго лжеученія Евноміанъ направлено настоящее слово.

²⁾ Христіанскую религію.

Иеремія (4, 19), имъ безъ ожесточенія принять сіе о нихъ слово, и хотя нѣсколько, если только могутъ, удержавъ языкъ, преклонить къ намъ слухъ. И безъ сомнѣнія, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить въ уши слышащихъ, и тогда слово принесетъ нѣкоторый плодъ, именно тотъ, что вы воспользуетесь словомъ, потому что, хотя сѣющий слово сѣетъ въ сердцѣ каждаго, однакоже плодъ приноситъ одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите отъ меня, смѣясь и надъ симъ словомъ, находя въ немъ новый предметъ къ возраженіямъ и злословію на меня, что доставитъ вамъ еще большее удовольствіе. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будетъ не по вашему закону и странно для васъ, которые слишкомъ отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказавъ: невѣжественно и дерзко) утверждаете о себѣ, что знаете все и всему въ состояніи научить.

Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому,—да! не всякому.—Это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающимися по землѣ! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не передъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать: когда, передъ кѣмъ, и сколько. Любомудрствовать о Богѣ можно не всѣмъ; потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ очищаютъ, и душу и тѣло. Для нечистаго же, можетъ быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабо зрѣнія къ солнечному лучу. Когда же можно?—Когда бываемъ свободны отъ вѣшней тины¹⁾ и мятежа, когда владычественное въ насъ²⁾ не сливается съ негодными и блуждающими образами, какъ красота писменъ перемѣшанныхъ писменами худыми, или какъ благовоніе мѣра смѣшаннаго съ грязью. Ибо дѣйствительно нужно *упраздниться*, чтобъ *разумѣть* Бога (Пс. 45, 11), и *егда примемъ время, судить о правотѣ* Богословія (Пс. 74, 3).—Предъ кѣмъ же можно?—Предъ тѣми, которые занимаютъ симъ тщательно, а не на ряду съ прочимъ толкуютъ съ удовольствіемъ и объ этомъ послѣ конскихъ ристаній, зрѣлищъ и пѣсней, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева; ибо для послѣднихъ составляетъ часть забавы и то, чтобъ поспорить о такихъ предметахъ и отличиться тонкостію возраженій. О чемъ же должно любомудрствовать, и въ какой мѣрѣ? — О томъ, что до-

¹⁾ Не порабощаемся плоти.

²⁾ Умъ.

етушно для насъ и въ такой мѣрѣ, до какой простираются состояніе и способность разумѣнія въ слушатель. Иначе, какъ превышающіе мѣру звуки или яства вредятъ одни слуху, другія тѣлу, или, если угодно, какъ тяжести не по силамъ вредны поднимающимъ, и сильные дожди — землѣ; такъ и слушатели утратятъ прежнія силы, если ихъ, скажу такъ, обременить и подавить грузомъ трудныхъ ученій.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Богѣ (да не нападаютъ на насъ за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Богѣ необходимѣе, нежели дышать; и, если можно такъ выразиться, кромѣ сего не должно и дѣлать ничего инаго. И я одинъ изъ одобряющихъ слово, которое повелѣваетъ *поучаться день и ночь* (Псал. 1, 2), *вечеръ и заутра и полудне повѣдать* (Псал. 54, 18), *и благословлять Господа ни всякое время* (Псал. 33, 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеемъ; *то лежа, и востая, и идый путемъ* (Второз. 6, 7), и исправляющій другія дѣла долженъ памятовать о Богѣ, и симъ памятованіемъ возводить себя къ чистотѣ. Такимъ образомъ запрещаю не памятовать о Богѣ, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствованіе, какъ бы оно было дѣломъ не благочестивымъ, но безвременность, и не преподаваніе ученія, но несоблюденіе мѣры. Медъ, не смотря на то, что онъ медъ, если принять въ излишество и до пресыщенія, производитъ рвоту. И *время всякой вещи*, какъ разсуждаю съ Соломономъ (Екклез. 3, 1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено внѣ порядка; какъ, на примѣръ, совершенно неприличны цвѣты зимою, мужскій нарядъ на женщинѣ и женскій—на мужчинѣ, геометрія во время плача, и слезы на пиру. Ужели же ни во что будемъ ставить время единственно тамъ, гдѣ всего болѣе надобно уважать благовременность?—Нѣтъ, друзья и братія (все еще называю васъ братіями, хотя ведете себя и не по братски)! Не такъ будемъ разсуждать, не побѣжимъ далѣе цѣли, какъ горячіе и неудержимые кони, сбросивъ съ себя всадника—разумъ, и отринувъ добрую узду—благословѣніе, но станемъ любомудрствовать, не выступая изъ назначенныхъ Христіанину предѣловъ, не будемъ переселяться въ Египетъ, не дадимъ увлекать себя къ Ассиріянамъ, не воспоемъ *пѣснь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), т.-е. вслухъ всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамѣренному и злонамѣренному, который чрезъ мѣру тщательно наблюдаетъ за нами, и желалъ бы, чтобы въ насъ каждая искра худаго обратилъ

лась въ пламя, самъ тайно ее возжигаетъ, раздуваетъ, воздымаетъ своимъ дыханіемъ къ небу, выше попадающаго все окрестъ себя Вавилонскаго пламени. Поелику въ собственныхъ своихъ ученіяхъ не находятъ они для себя подкрѣпленія; то ищутъ его въ томъ, что слабо у насъ. А потому, какъ мухи на раны, нападаютъ на наши (какъ назвать это?) неудачи или погрѣшности.

Но не будемъ долѣе оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самихъ и не уважать приличія въ такихъ предметахъ. Напротивъ того если невозможно истребить вражды, по крайней мѣрѣ согласимся въ томъ, чтобъ о таинственномъ говорить таинственно, и о святомъ—свято. Предъ имѣющими оскверненный слухъ не станемъ повергать того, о чемъ не должно всѣмъ разглашать. Не попустимъ, чтобъ, въ сравненіи съ нами, оказались достойными большаго почтенія поклоняющіеся бѣсамъ, служители срамныхъ басенъ и вещей; потому что и они скорѣе прольютъ кровь свою, нежели откроютъ ученіе свое непосвященнымъ. Будемъ знать, что есть нѣкоторое благоприличіе, какъ въ одеждѣ, пищѣ, смѣхѣ и походкѣ, такъ и въ словѣ и молчаніи; тѣмъ паче, что мы, кромѣ другихъ наименованій и силъ, чтимъ въ Богѣ и Слово.

Самыя состязанія да будутъ у насъ подчинены законамъ. О рожденіи Бога, о сотвореніи, о Богѣ изъ не-сущихъ¹⁾, о сѣченіи, дѣленіи и разрѣшеніи для чего слушать тому, кто слушаетъ сіе неприязненно? для чего обвинителей дѣлаемъ судіями? даемъ мечъ въ руки врагамъ? Какъ и съ какими, думаешь ты, понятіями приметъ слово о семъ тотъ, кто одобряетъ прелюбодѣянія и дѣторастлѣнія, кто поклоняется страстямъ и не можетъ ничего представить выше тѣлеснаго, кто вчера и за день творилъ себѣ боговъ, боговъ отличающихся дѣлами самыми постыдными? Не съ понятіями ли (къ какимъ онъ привыкъ) грубыми, срамными, невѣжественными? И богословія твоего не сдѣлаетъ ли онъ поборникомъ собственныхъ своихъ боговъ и страстей? Если мы сами употребляемъ такія реченія во зло; то еще труднѣе убѣдить противниковъ нашихъ, чтобъ любомудрствовали, какъ слѣдовало бы намъ. Если мы сами у себя *обртатели злыхъ* (Рим. 1, 30), то какъ имъ не коснуться того, что дѣйствительно въ насъ есть? Вотъ слѣдствія нашей междуусобной брани! Вотъ польза отъ подвизающихся за слово болѣе, нежели угодно Слову, и отъ подвергаю-

¹⁾ Аріане учили о Сынѣ Божіемъ, что было, когда Его не было, и что слѣдовательно Онъ сталъ изъ не сущаго сущимъ.

ищающейся одной участи съ лишенными ума, которые зажигаютъ собственный свой домъ, или терзаютъ дѣтей, или гонятъ отъ себя родителей, почитая ихъ чужими!

Но отлучивъ отъ слова чуждое, и многочисленный легионъ, постигнувшій во глубину, пославъ въ стадо свиней, обратимся къ себѣ самимъ (что составляетъ второй предметъ нашего слова), и какъ изваяніе изсѣчемъ богослова во всей красотѣ. Прежде же всего размыслимъ о томъ, что значить такое ревнованіе о словѣ и эта болѣзнь языка? что за новый недугъ? что за ненасытимость? для чего, связавъ руки, вооружили мы языкъ? Не хвалимъ ни страннолюбія, ни братолюбія, ни любви супружеской, ни дѣвства; не дивимся ни питанію нищихъ, ни псалмопѣнію, ни всенощному стоянію, ни слезамъ; не изгуряемъ тѣла постами, не пресесяемъ къ Богу молитвою, не подчиняемъ (какъ правильно рассуждающіе о своемъ составѣ) худшаго лучшему, то-есть персти духу; не обращаемъ жизни въ помышленіе о смерти; помня о горнемъ благородствѣ, не удерживаемъ за собою владычества надъ страстями; не укрощаемъ въ себѣ ни ярости, дѣлающей надменными и звѣрскими, ни унижающаго превозношенія, ни безразсудной скорби, ни необузданнаго сладострастія, ни блудническаго смѣха, ни наглого вора, ни ненасытнаго слуха, ни неумѣренной говорливости, ни превратнаго образа мыслей, ни всего, что противъ насъ у насъ же самихъ беретъ лукавій, вводящій, какъ говорить Писаніе, *смерть сквозь окно* (Іер. 9, 21), то-есть чрезъ чувства. У насъ все напротивъ. Какъ цари даруютъ пощадку послѣ побѣды, такъ мы даемъ свободу страстямъ другихъ, если только поблажаютъ намъ, и дерзостиѣе или нечестивѣе устремляются противъ Бога; и за недоброе воздаемъ худою наградою, за нечестіе—своевольствомъ.

Но *вопрошу ты* мало, совопросникъ и вѣщій мужъ, *ты же мнѣ отвѣщай*, говоритъ Іову Вѣщавшій *сквозь бурю и облаки* (Іов. 38, 1—3). Что слышишь: много у Бога обителей, или одна?—Безъ сомнѣнія согласишься, что много, а не одна? Всѣ ли онѣ должны наполниться? или однѣ наполнятся, а другія нѣтъ, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно?—Конечно всѣ; потому что у Бога ничего не бываетъ напрасно.—Но можешь ли сказать, что разумѣешь подъ таковою обителью: тамошнее ли упокоеніе и славу уготованную блаженнымъ, или что другое?—Не другое что, а это. Но согласившись въ семь, рассмотримъ еще слѣдующее. Есть ли что нибудь такое, какъ я полагаю, что доставляло бы намъ сіи обители; или нѣтъ ничего такого?—Непремѣнно есть нѣчто.

Что же такое?—Есть разные роды жизни и избранія, и ведутъ къ той или другой обители по мѣрѣ вѣры, почему и называются у насъ путями.—И такъ всѣми ли путями, или нѣкоторыми изъ нихъ должно идти?—Если возможно, пусть одинъ идетъ всѣми. А если нѣтъ, то, сколько можетъ, большимъ числомъ путей. Если же и того нельзя; то нѣкоторыми. Но если и сіе невозможно, то примется въ уваженіе, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, когда кто-нибудь и однимъ пойдетъ преимущественно. Правильно разумьешь сіе. Посему что же, по твоему мнѣнію, означается словомъ, когда слышишь, что путь одинъ и притомъ тѣсенъ?—Путь одинъ относительно къ добродѣтели: потому что и она одна, хотя и дѣлится на многіе виды. Тѣсенъ же онъ по причинѣ трудовъ, и потому что для многихъ, непроходимъ, а именно для великаго числа противниковъ, для всѣхъ, которые идутъ путемъ порока. Такъ и я думаю. — Но если сіе справедливо; то почему же, наилучшій, какъ будто уличивъ наше ученіе въ какой-то скудости, оставили вы всѣ прочіе пути, а стремитесь и поспѣшаете на этотъ одинъ путь, на путь, какъ вамъ представляется разума и умозрѣнія, а какъ я скажу, — пустословія и мечтательности? Да вразумить васъ Павелъ, который, по исчисленіи дарованій, сильно упрекаетъ за сіе говоря: *еда вси апостоли? еда вси пророци?* и такъ далѣе (1 Кор. 12, 29).

Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно, выше и облаковъ; положимъ, что ты зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Ілія, удостоенъ богоявленія, какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Для чего же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, и какъ бы вдыхаешь въ нихъ ученость, и составляешь многія сонмища неучившихся книжниковъ? Для чего опутываешь паутинными тканями тѣхъ, которые наиболѣе немощны, какъ будто это дѣло мудрое и великое? Для чего противъ вѣры возбуждаешь шершней? Для чего расплещаешь противъ насъ состязателей, какъ въ древности баснословіе — гигантовъ? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленныхъ и недостойныхъ имени мужа, собравъ всѣхъ, какъ соръ въ одну яму, и своимъ ласкательствомъ сдѣлавъ ихъ еще женоподобнѣе, построилъ ты у себя новую рабочую, и не безъ разума извлекаешь для себя пользу изъ ихъ неразумія?

Ты возражаешь и противъ сего? У тебя нѣтъ другаго занятія? Языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь

остановить болѣзней рожденія и не разродиться словомъ? Но много есть для тебя другихъ обильныхъ предметовъ. На нихъ обрати съ пользою недугъ сей. Рази Пивагорово молчаніе, Орфеевы бобы, и эту надутую поговорку новыхъ временъ: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, преселенія и круговращенія нашихъ душъ, принамятованіе и вовсе непрекрасную любовь къ душѣ ради прекраснаго тѣла; рази Епикурово безбожіе, его атомы и чуждое любомудрїя удовольствіе; рази Аристотелевъ немногообъемлющїй Промысль, въ одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертныя сужденія о душѣ и человѣческой взглядъ на высшія ученія; рази надменность стонковъ, прозорство и шутствово циниковъ. Рази пустоту и полноту, и тѣ бредни, какія есть о богахъ или жертвахъ, объ идолахъ, и демонахъ, благотворныхъ и злоторныхъ, какія разглашаются о прорицалищахъ, о вызыванїи боговъ и душъ, о силѣ звѣздъ.

А если ты не удостоиваешь сіе и словомъ, какъ маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своимъ предметомъ. и въ немъ ищешь пищи любочестію; то и здѣсь укажу тебѣ широкіе пути. Любомудрствуй о мірѣ или мірахъ, о веществѣ, о душѣ, о разумныхъ—добрыхъ и злыхъ природахъ, о воскресенїи, судѣ, мздовоздаянїи, Христовыхъ страданїяхъ. Касательно этого и успѣть въ своихъ изслѣдованїяхъ не бесполезно, и не получить успѣха не опасно. О Богѣ же будемъ разсуждать теперь не много, но въ скоромъ времени, можетъ быть, совершеннѣе, о самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь.

Слово 28. о богословіи второе.

Въ предъидущемъ словѣ очистили мы понятїе о Богословѣ, объяснивъ, каковъ онъ долженъ быть, предъ кѣмъ, когда и сколько любомудрствовать. А именно, ему должно быть, сколько можно, чистымъ, чтобы свѣтъ прїемлемъ былъ свѣтомъ, любомудрствовать предъ людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплоднымъ,—любомудрствовать, когда внутри насъ тишина и не кружимся по внѣшнимъ предметамъ, чтобы не прерывалось дыханіе, какъ у всхлипывающихъ,—притомъ любомудрствовать, сколько сами постигаемъ и можемъ быть постигаемы. Послѣ же такихъ на сіе объясненїй, когда мы *поновили себѣ поля* Божїи, чтобы *не стять на тернїи* (Перем. 4, 3), и уравниали лице земли, сами образовавшись и другихъ образовавъ по образцу Пи-

санія, приступимъ уже къ изложенію Богословія. Управитъ же словомъ предоставимъ Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которыхъ у насъ слово, — Отцу, да благоволитъ о немъ, Сыну, да содѣйствуетъ ему, Духу, да вдохнетъ его; лучше же сказать, да будетъ на немъ единого Божества единое озареніе, соединительно раздѣляемое, и раздѣлительно сочетаваемое, что и выше разумѣнія!

Но теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливѣе сказать, желаю и вмѣстѣ боюсь (желаю по надеждѣ, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и бесѣдовать съ Богомъ (ибо сіе повелѣваетъ Богъ),—теперь, кто изъ васъ Ааронъ, тотъ взойди со мною и стань вблизи, но будь доволенъ тѣмъ, что надобно ему остаться внѣ облака; а кто Надавъ, или Авіудъ, или одинъ изъ старѣйшинъ, тотъ взойди также, но стань издалеча, по достоинству своего очищенія: кто же принадлежитъ къ народу и къ числу недостойныхъ такой высоты и созерцанія, тотъ, если онъ не чистъ, вовсе не приступай (потому что сіе не безопасно), а если очищенъ на время, останься вблизи; и внимай единому гласу и трубѣ, то есть голымъ реченіямъ благочестія, на дымящуюся же и молніеносную гору взирай, какъ на угрозу и вмѣстѣ на чудо для неспособныхъ взойти: но кто злой и неукротимый звѣрь, вовсе не способенъ вмѣстить въ себѣ предлагаемаго въ умозрѣніи и Богословіи, тотъ не скрывайся въ лѣсу, съ тѣмъ злымъ умысломъ, чтобъ, напавъ нечаянно, уловить какой-нибудь догматъ или какое-нибудь слово, и своими хулами растерзать здравое ученіе, но стань еще дальше, отступи отъ горы; иначе онъ *каменіемъ побіенъ* и сокрушенъ *будетъ* (Евр. 12, 20), *злой зль* погибнетъ (Мат. 21, 41), потому что истинныя и твердыя ученія для звѣронравныхъ суть камни;—погибнетъ, хотя онъ *рысь*, которая умретъ съ пестротами своими (Іер. 13, 23); или *левъ, восхищай и рыкай* (Псал. 21, 14), который ищетъ или нашихъ душъ, или нашихъ выраженій, чтобы обратить ихъ себѣ въ пищу; или *свинія*, которая *попираетъ* прекрасныя и блестящія *бусеры* истины (Мат. 7, 6); или *Аравійскій* и другой породы *волкъ*, даже волковъ *быстрые* въ своихъ лжеумствованіяхъ (Авв. 1, 8); или лисица, то есть хитрая и невѣрная душа, которая смотря по времени и нуждѣ, принимаетъ на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими тѣлами, также мелкимъ виноградомъ (потому что не достать ей крупнаго); или другое сыродное животное, запрещенное Закономъ, нечистое для пищи и употребленія! Ибо слово, устраясь отъ таковыхъ, хочетъ быть начертаннымъ на скрижаляхъ твердыхъ и каменныхъ,

и притомъ на обѣихъ сторонахъ скрижалей, по причинѣ открытаго и сокровеннаго смысла въ Законѣ,—открытаго, который нуженъ для многихъ и пребывающихъ долу, и сокровеннаго, который вянетъ для немногихъ и простирающихся горѣ.

Но что со мною сдѣлалось, друзья, таинники и подобные мнѣ любители истины? Я шелъ съ тѣмъ, чтобы постигнуть Бога; съ этою мыслию, отрѣшившись отъ вещества и вещественнаго, собравшись, сколько могъ, самъ въ себя, восходилъ я на гору. Но когда простеръ взоръ; едва увидѣлъ задняя Божія (Исх. 33, 22, 23) и то покрытый Камнемъ (1 Кор. 10, 4), то есть воплотившимся ради насъ Словомъ. И прикинувъ нѣсколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Имъ самимъ, то есть самую Троицею; созерцаю не то, что пребываетъ внутри первой завѣсы и закрывается херувимами, но одно крайнее и къ намъ простирающееся. А это, сколько знаю, есть то величіе, или, какъ называетъ божественный Давидъ, то *великолѣніе* (Псал. 8, 2), которое видимо въ тваряхъ, Богомъ и созданныхъ и управляемыхъ. Ибо все то есть *задняя Божія*, что послѣ Бога доставляетъ намъ познаніе о Немъ, подобно тому, какъ отраженіе и изображеніе солнца въ водахъ показываетъ солнце слабымъ взорамъ, которые не могутъ смотрѣть на него, потому что живость свѣта поражаетъ чувство. Такъ богословствуй и ты, хотя будешь Моисеемъ и богомъ Фараону, хотя съ Павломъ взойдешь до *третьяго неба* и услышишь *неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4), хотя станешь и ихъ выше, удостоившись Ангельскаго или Архангельскаго лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя въ сравненіи съ нами гораздо выше естествомъ и ближе къ Богу, однакожъ, дальше отстоитъ отъ Бога и отъ совершеннаго Его постиженія, нежели сколько выше нашего сложнаго, низкаго и долу тяготѣющаго состава.

Итакъ, опять должно обратиться къ началу. „Уразумѣть Бога трудно, а изречь невозможно“, — такъ любомудрствовалъ одинъ изъ Еллинскихъ богослововъ¹⁾, и думаю не безъ хитрой мысли; чтобъ почитали его постигшимъ, сказалъ онъ: *трудно*, и чтобъ избѣжать обличенія, наименовалъ сіе неизреченнымъ. Но какъ я разсуждаю, изречь невозможно, а уразумѣть еще болѣе невозможно. Ибо что постигнуто разумомъ, то имѣющему не вовсе поврежденный слухъ и тупый умъ объяснить можетъ быть и слово, если не вполне достаточно, то, по крайней мѣрѣ, слабо. Но обнять

¹⁾ Платонъ въ Тимеѣ.

мыслию столь великій предметъ совершенно не имѣютъ ни силъ, ни средствъ, не только люди оцѣпенѣвшіе и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно какъ и всякое рожденное естество, для котораго этотъ мракъ—эта грубая плоть, служить препятствіемъ къ уразумѣнію истины. Не знаю, возможно ли сіе природамъ высшимъ и духовнымъ, которыя, будучи ближе къ Богу и озаряясь всецѣлымъ свѣтомъ, можетъ быть видятъ Его, если не виолнѣ, то совершеннѣе и опредѣленнѣе насъ, и притомъ, по мѣрѣ своего чина, одни другихъ больше и меньше. Но объ этомъ не прострѣсь далѣе. Что же касается до насъ; то не только *миръ Божій превосходитъ всякъ умъ и разумѣніе* (Филип. 4, 7), не только уготованнаго, по обѣтованіямъ (1 Кор. 2, 9; Ис. 64, 4), для праведныхъ не могутъ ни очи видѣть, ни уши слышать, ни мысль представить; но даже едва ли возможно намъ и точное познаніе гвари. Ибо и здѣсь у тебя однѣ тѣни, въ чемъ увѣряетъ сказавшій: *узрю небеса, дѣла перстѣ Твоихъ, луну и звѣзды* (Псал. 8, 4) и истоянный въ нихъ законъ, ибо говоритъ не какъ видящій теперь, а какъ надѣющійся нѣкогда увидѣть. Но въ сравненіи съ тварями гораздо невмѣстимѣе и непостижимѣе для ума то естество, которое выше ихъ, и отъ котораго онѣ произошли.

Непостижимымъ же называю не то, что Богъ существуетъ, но то, что Онъ такое. Ибо не тщетна проповѣдь наша, не суетна вѣра наша; и не о томъ преподаемъ мы ученіе. Не обращай нашей искренности въ поводъ къ безбожію и къ клеветѣ, не превозносись надъ нами, которые сознаемъ въ невѣдѣніи! Весьма большая разность—быть увѣрену въ бытіи чего-нибудь, и знать, что оно такое. Есть Богъ—творческая и содержительная причина всего; въ этомъ наши учителя—и зрѣніе¹⁾, и естественный законъ,—зрѣніе, обращенное къ видимому, которое прекрасно утверждено и совершаетъ путь свой, или, скажу такъ, неподвижно движется и несется;—естественный законъ, отъ видимаго и благоустроеннаго умозаключающій о Началовождѣ онаго. Ибо вселенная какъ могла бы составиться и стоять, если бы не Богъ все осуществлялъ и держалъ? Кто видитъ красиво отдѣланныя гусли, ихъ превосходное устройство и расположеніе, или слышитъ самую игру на гусяхъ, тотъ ничего иного не представляетъ, кромѣ сдѣлавшаго гусли или играющаго на нихъ, и къ нему восходитъ мыслию, хотя можетъ быть и не знаетъ его лично. Такъ и для насъ явственна сила твор-

¹⁾ Внѣшній опытъ.

ческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслию. И тотъ крайне несмысленъ, кто, слѣдую естественнымъ указаніямъ, не восходитъ до сего познанія самъ собою.

Впрочемъ, не Богъ еще то, что мы представили себѣ подъ понятіемъ Бога, или чѣмъ мы Его изобразили, или чѣмъ описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнималъ Его умомъ; то чѣмъ сіе докажетъ? Кто достигалъ до послѣдняго предѣла мудрости? Кто удостоивался когда-нибудь толикаго дарованія? Кто до того *отверзъ уста* разумнія и *привлекъ Духъ* (Псал. 118, 131), что, при содѣйствіи сего Духа, *все испытующаго* и знающаго, даже *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10), постигъ онъ Бога, и не нужно уже ему простираться далѣе, потому что обладаетъ послѣднимъ изъ желаемыхъ, къ чему стремятся и вся жизнь и всѣ мысли высокаго ума? Но какое понятіе о Богѣ составишь ты, который ставишь себя выше всѣхъ философовъ и богослововъ и хвалишься безъ мѣры, если ты ввѣришься всякому пути умозрѣнія? Къ чему приведетъ тебя пытливый разумъ?

Назовешь ли Божество тѣломъ? Но какъ же назовешь; безконечнымъ, не имѣющимъ ни предѣловъ, ни очертаній, неосязаемымъ, незримымъ? Ужели таковы тѣла? Какая произвольность! естество тѣлъ не таково. Или Божество—тѣло, и вмѣстѣ не безконечно, не безпредѣльно и проч., такъ что Оно ни въ чемъ не преимуществуетъ предъ нами? Какое грубое понятіе! Какъ же Божество досточтимо, если Оно имѣетъ очертаніе? Или какъ избѣжить Оно того, чтобы не слагаться изъ стихій, опять на нихъ не разлагаться и вовсе не разрушаться? Ибо сложность есть начало борьбы; борьба—раздѣленія; раздѣленіе—разрушенія, а разрушеніе совершенно не свойственно Богу и первому естеству. Итакъ, въ Немъ нѣтъ раздѣленія, иначе было бы разрушеніе; нѣтъ борьбы, иначе было бы раздѣленіе; нѣтъ сложности, иначе была бы борьба. Посему Божество не тѣло, иначе бы въ Немъ была сложность. На семъ останавливается слово, восходя отъ послѣдняго къ первому. Притомъ, Божіе свойство—все пронцать и все наполнять, по сказанному: *еда небо и землю не Азъ наполняю*, глаголетъ Господь (Иерем. 23, 24), и еще: *Духъ Господень исполни вселенную* (Прем. Сол 1, 7),—какъ сохранится, если Богъ иное ограничиваетъ Собою, а инымъ Самъ ограничивается? Или будетъ Онъ пронцать ничѣмъ не наполненный міръ, и у насъ все уничтожится къ поруганію Бога. Который сдѣлается тѣломъ и утратитъ все Имъ сотворенное; или будетъ Онъ тѣломъ въ числѣ прочихъ тѣлъ, что невозможно; или

взойдетъ какъ въ сопряженіе, такъ и въ противоположеніе съ тѣлами; или смѣшается съ ними, какъ жидкость, и иное будетъ дѣлать, а инымъ дѣлиться, что нелѣпѣе и бессмысленнѣе Эпикуровыхъ атомовъ; а такимъ образомъ распадется у насъ ученіе о тѣлесности Бога, и не будетъ имѣть ни плотности, ни связности.

Если же скажемъ, что Богъ есть тѣло невещественное, и притомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, пятое и круговращающееся (пусть будетъ допущено и невещественное и пятое, а если угодно, даже безтѣлесное тѣло; такъ какъ у нихъ слова носятя и составляются произвольно, а у меня теперь споръ не объ этомъ): то къ какому роду движимыхъ и переносимыхъ будетъ принадлежать сіе тѣло? Не говорю, какъ оскорбительно предположеніе, будто бы Сотворившій съ сотвореннымъ и Носящій съ носимымъ движутся одинаково, если только они и сіе предполагаютъ. Но что же опять Его движетъ? Чѣмъ движется все? Чѣмъ приводится въ движеніе и то, отъ чего все движется? А потомъ, что движетъ и это самое? — и такъ далѣе до безконечности. Притомъ, какъ же Ему не заключаться необходимо въ мѣстѣ, если только есть нѣчто переносимое?

Но если скажутъ, что Богъ есть иное какое-нибудь тѣло, кромѣ пятого, хотя, напримѣръ, ангельское; то откуда извѣстно, что Ангелы тѣлесны, какія у нихъ тѣла, и чѣмъ выше Ангела будетъ Богъ, Которому служебенъ Ангель? А если тѣло высшее ангельскаго; то опять введется неисчислимый рой тѣлъ, и такая глупонапустословія, въ которой нигдѣ нельзя будетъ остановиться. Изъ сего видно, что Богъ не есть тѣло. Да сего не говорилъ и не допускалъ никто изъ мужей богодухновенныхъ; такое ученіе не нашего двора. А потому остается предположить, что Богъ не тѣлесенъ.

Но если не тѣлесенъ; то сіе не изображаетъ и не объемлетъ сущности, равно какъ не объемлютъ сущности слова: нерожденъ, безначаленъ, неизмѣняемъ, нетлѣвенъ, и что еще скажется о Богѣ и о принадлежащемъ Богу. Ибо въ Немъ—Сущемъ выражаетъ ли естество и самостоятельность то, что Онъ не имѣетъ начала, не измѣняется, не ограничивается? Напротивъ того, кто имѣетъ истинно умъ Божій и усовершился въ умозрѣніи, тому остается еще продолжать свои умствованія и изслѣдованія, и постигнуть все бытіе. Къ изображенію и изъясненію того или другого изъ предметовъ твоего разсужденія не достаточно сказать: это тѣло или это рожденное; напротивъ, если хочешь совершенно и удовлетворительно опредѣлить мыслимое, то долженъ наименовать подлежащее сихъ сказуемыхъ (ибо сіе тѣлесное и рожденное и тлѣнное есть или чело-

вѣкъ, или волю, или конь). Такъ и здѣсь, извѣдывающіи естество (сущаго не остановится, сказавъ, чѣмъ Онъ не есть, а напротивъ къ тому, чѣмъ Онъ не есть, присовокупить и то, что Онъ есть (тѣмъ паче, что легче обнять умомъ что-нибудь одно, нежели отрицать по односторонности все); присовокупить, чтобъ чрезъ исключеніе того, чѣмъ не есть, и чрезъ положеніе того, что есть, мыслимое сдѣлалось удобопонятнымъ. А кто, сказавъ, чѣмъ не есть, умалчиваетъ о томъ, что есть, тотъ поступаетъ почти такъ же, какъ если бы на вопросъ: сколько составитъ дважды пять? отвѣчать: не составитъ ни двухъ, ни трехъ, ни четырехъ, ни пяти, ни двадцати, ни тридцати, короче же сказать, ни одного изъ чиселъ, заключающихся въ десяткѣ или въ десяткахъ, а между тѣмъ не сказать: это составитъ десять, то есть не остановить мысли спрашивающаго на самомъ искомомъ. Ибо, какъ всякій ясно видитъ, гораздо легче и скорѣе посредствомъ того, что есть, объяснить о предметѣ и то, чѣмъ онъ не есть, нежели исключая то, чѣмъ онъ не есть, показать, что онъ есть.

Поелику же Божество у насъ не тѣлесно; то продолжимъ нѣсколько свое изслѣдованіе. Нигдѣ, или гдѣ-либо Богъ существуетъ? Ежели нигдѣ; то иный слишкомъ пытливый спроситъ: какъ же можетъ и существовать? Ибо какъ того, что не существуетъ, нигдѣ нѣтъ; такъ можетъ быть и то, что нигдѣ, вовсе не существуетъ. А если Богъ гдѣ-нибудь, то потому уже, что существуетъ, безъ сомнѣнія Онъ или въ мірѣ, или выше міра. Но если въ мірѣ; то или въ чемъ-нибудь, или повсюду. И если въ чемъ-нибудь; то будетъ ограничиваться малымъ чѣмъ-нибудь. Если же повсюду; то болѣе, нежели чѣмъ-нибудь, а и инымъ многимъ, то есть какъ содержимое содержащимъ, такъ что весь Богъ всеѣмъ міромъ будетъ ограничиваться, и ни одно въ Немъ мѣсто не останется свободнымъ отъ ограниченія. Таковы затрудненія, если Богъ въ мірѣ! И еще вопросъ: гдѣ Онъ былъ прежде, нежели произошелъ міръ? А и это затруднить также не мало. Если же Богъ выше міра; то ужели нѣтъ ничего, что отдѣляло бы его отъ міра? Гдѣ это нѣчто высшее міра? Какъ представить себѣ превышающее и превышаемое, если нѣтъ предѣла, который бы раздѣлялъ и разграничивалъ то и другое? Или необходимо должна быть среда, которою бы ограничивался міръ и то, что выше міра? А это что же иное, какъ не мѣсто, котораго мы избѣгали? Не говорю еще о томъ, что Божество необходимо будетъ ограничено, если Оно постигнется мыслию. Ибо и понятіе есть видъ ограниченія.

Для чего же я разсуждалъ о семь, можетъ быть, излишнѣе, нежели сколько нужно слышать народу, и держась нынѣ утвердившагося образа рѣчи, въ которомъ отринуто благородное и простое, а введено запутанное и загадочное, чтобы дерево можно было узнать по плодамъ, то есть по темнотѣ реченій — ту тьму, которая внушаетъ подобныя ученія? Не съ намѣреніемъ подать о себѣ мысль, будто бы говорю необычайное и *преизобиленъ* мудростію, связуя *соузы и разръшшая сокровенная*, что составляло великое чудо въ Даниилѣ (Дан. 5, 12), но желая объяснить то самое, что сказать предполагалось словомъ моимъ въ началѣ. Что же именно? То, что Божество непостижимо для человѣческой мысли, и мы не можемъ представить Его во всей полнотѣ.

И Оно пребываетъ непостижимымъ не по зависти. Ибо зависть далека отъ Божія естества, безстрастнаго, единаго благаго и господственнаго, особливо зависть къ твари, которая для Бога драгоценнѣе другихъ, потому что для Слова что предпочтительнѣе словесныхъ тварей? Притомъ и самое сотвореніе наше есть верхъ благодати. А также причиною сему не собственная честь и слава Того, Кто *исполненъ* (Иса. 1, 11), какъ будто бы непостижимость можетъ придать Ему досточтимости и величія. Ибо пролагать себѣ путь къ первенству тѣмъ, чтобы препятствовать другимъ до него достигнуть, свойственно одному софисту, чуждо же не только Богу, но и человѣку сколько-нибудь благонравному. Но ежели есть на сіе другія причины, то можетъ быть знаютъ ихъ наиболѣе приближенные къ Богу, прозирающіе и углубляющіеся умомъ въ неизслѣдимыя судьбы Его, если только найдутся люди, до такой степени преуспѣвшіе въ добродѣтели и, по сказанному, *ходящіе въ слѣдахъ бездны* (Іов. 38, 16). Сколько же можемъ постигать мы, которые не удобосозерцаемое измѣряемъ малыми мѣрами, сіе нужно можетъ быть для того, чтобы удобство пріобрѣтенія не дѣлало удобною и потерю пріобрѣтеннаго. Ибо обыкновенно, какъ съ трудомъ пріобрѣтенное всего скорѣе презираемъ, по самой возможности пріобрѣсть снова. А потому имѣющіе умъ почитаютъ благодѣяніемъ самую трудность получить благодѣяніе. Можетъ быть нужно сіе и для того, чтобы не потерпѣть намъ одной участи съ падшимъ денницею, чтобы, пріявъ въ себя всецѣлый свѣтъ, не *ожесточить выи предъ Господемъ Вседержителемъ* (Іов. 15, 25) и не пасть отъ превозношенія самымъ жалкимъ паденіемъ. А можетъ быть нужно и для того, чтобы здѣсь очистившимся и терпѣливо ожидавшимъ исполненія желаемаго и тамъ оставалось нѣчто въ награду за

трудолюбіе и свѣтлую жизнь. Посему то между нами и Богомъ стоитъ сія тѣлесная мгла, какъ древле облако между Египтянами и Евреями. Ибо сіе-то значитъ можетъ быть: *положи тьму за кровь свой* (Псал. 17, 19), то есть нашу дебелость, чрезъ которую прозрѣваютъ немногіе и немного.

Но кто озабоченъ симъ, то пусть и любомудрствуетъ, пусть и восходитъ на верхъ размышленія. А намъ *узникамъ земнымъ*, какъ говоритъ божественный Іеремія (Іл. Іер. 3, 34), намъ, покрытымъ этою грубою плотію, извѣстно то, что какъ невозможно обогнать свою тѣнь, сколько бы ни спѣшилъ, потому что она настолько же подается вверхъ, насколько бываетъ захвачена, или какъ зрѣніе не можетъ сблизиться съ зримыми предметами безъ посредства свѣта и воздуха, или какъ породы плавающихъ въ водѣ не могутъ жить внѣ воды, такъ и находящемуся въ тѣлѣ нѣтъ никакой возможности быть въ общеніи съ умосозерцаемымъ безъ посредства чего-либо тѣлеснаго. Ибо всегда привзойдетъ что-нибудь наше, сколько бы ни усиливался умъ прилѣпиться къ еродному и невидимому, какъ можно болѣе отрѣшаясь отъ видимаго и уединяясь самъ въ себя. И сіе увидимъ изъ слѣдующаго. Духъ, огонь, свѣтъ, любовь, мудрость, умъ, слово и подобное сему,—не наименованія ли перваго естества? И чтожь? представляешь ли ты себѣ или духъ безъ движенія и разліанія, или огонь не въ веществѣ, безъ движенія вверхъ, безъ свойственнаго ему цвѣта и очертанія, или свѣтъ не въ смѣшеніи съ воздухомъ, отдѣльно отъ того, что его какъ бы раждаетъ, то есть, что свѣтитъ? А какимъ представляешь умъ? не пребывающимъ ли въ чемъ то другомъ? И мысли, покоющіяся или обнаруживающіяся, по твоему мнѣнію, не движенія ли? Представляешь ли какое слово кромѣ безмолвствующаго въ насъ или изливаемаго (помедлю говорить, исчезающаго)? Да и мудрость, въ твоёмъ понятіи, что кромѣ навыка разсуждать о предметахъ Божественныхъ или человѣческихъ? А также правда и любовь—не похвальныя ли расположенія, которыя противоборствуютъ—одно неправдѣ, а другое ненависти, и какъ сами бываютъ напряженнѣе и слабѣе, возникаютъ и прекращаются, такъ подобными и насъ дѣлаютъ, и измѣняютъ, производя въ насъ то же, что краски въ тѣлахъ? Или надобно разсматривать Божество, сколько возможно, Само въ Себѣ, отступившись отъ сихъ образовъ и собравъ изъ нихъ какое-то единственное представленіе? Но что жъ это за построеніе ума, которое изъ сихъ образовъ собрано, и не то, что они? Или какъ единое, по естеству своему не сложное и неизобразимое, будетъ заключать въ

себѣ всѣ сіи образы, и каждый совершенно? Такъ трудно уму нашему выйти изъ круга тѣлесности, доколѣ онъ, при немощи своей, разсматриваетъ то, что превышаетъ его силы!

Поелику всякая разумная природа, хотя стремится къ Богу и къ первой причинѣ, однакоже не можетъ постигнуть ее, по изъясненному мною; то, истаеая желаніемъ, находясь какъ бы въ предсмертныхъ мукахъ, и не терпя сихъ мученій, пускается она въ новое плаваніе, чтобъ или обратить взоръ на видимое, и изъ этого сдѣлать что-нибудь богомъ (по худому, впрочемъ, разсчету; ибо что видимое выше и богоподобнѣе видящаго, и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобъ видящій поклонялся, а видимое принимало поклоненіе?), или изъ красоты и благоустройства видимаго познать Бога, употребить зрѣніе руководителемъ къ незримому, но въ великолѣпнѣи видимаго не потерять изъ виду Бога.

Отъ сего то стали поклоняться, кто солнцу, кто лунѣ, кто множеству звѣздъ, кто самому небу вмѣстѣ съ свѣтилами, которымъ дали править въ мірѣ и качествомъ и количествомъ движенія; а кто стихіямъ: землѣ, водѣ, воздуху, огню, такъ какъ онѣ для всего необходимы, и безъ нихъ не можетъ длиться жизнь человѣческая; иныя же—что кому встрѣтилось въ ряду видимыхъ вещей, признавая богомъ все представлявшееся для нихъ прекраснымъ. Нѣкоторые стали поклоняться даже живописнымъ изображеніямъ и изваяніямъ, сперва родныхъ,—и это были люди безъ мѣры предавшіеся горести и чувственности и желавшіе памятниками почитать умершихъ; а потомъ и чужихъ,—и это сдѣлали потомки первыхъ, отдаленные отъ нихъ временемъ, сдѣлали потому, что они не знали перваго естества, и чествованіе, дошедшее до нихъ по преданію, стало какъ бы законнымъ и необходимымъ, когда обычай, утвержденный временемъ, обратился въ законъ. Но думаю, что иныя, желая угодить властителямъ, прославить силу, изъявить удивленіе красотѣ, чтимаго ими сдѣлали со временемъ богомъ, а въ содѣйствіи обольщенію присоединялась какая-нибудь басня. Тѣ же изъ нихъ, которые были болѣе преданы страстямъ, признали богами страсти, или какъ боговъ стали чествовать гнѣвъ, убійство, похотливость, пьянство, а не знаю, можетъ быть, и еще что-нибудь къ сему близкое; потому что въ этомъ находили (конечно, не доброе и не справедливое) оправданіе собственныхъ грѣховъ. И однихъ боговъ оставили на землѣ, другихъ (что одно и благоразумно) скрыли подъ землею, а иныхъ (смѣшный раздѣлъ!) возвели на небо. Потомъ, подчинившись своеволію и прихотямъ блуж-

дающаго воображенія, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона, и воздвигнувъ кумиры, которые приманили къ себѣ своею многоцѣлностію, узаконили чествовать ихъ кровью и туками, а иные даже самыми гнусными дѣлами и сумасбродствами и человѣкоубійствомъ. Ибо такимъ богамъ приличны были такія и почести! Даже позорили себя и тѣмъ, что воздавали Божію славу морскимъ чудовищамъ, четвероногимъ, пресмыкающимся, тому, что въ сихъ породахъ наиболѣе гнусно и смѣшно, такъ что трудно опредѣлить, поклонявшіеся ли достойны большаго презрѣнія, или то, чему поклонялись. Но болѣе вѣроятно, что презрѣніе служители такихъ боговъ, и еще тѣмъ въ высшей степени, что, будучи по природѣ разумны и получивъ Божію благодать, лучшему предпочли они худшее. И это—одно изъ ухищреній лукаваго, который самое добро обратилъ во зло, какъ есть много и другихъ примѣровъ его злоторности. Онъ, чтобы привлечь людей подъ власть свою, воспользовался ихъ невѣрно направленнымъ стремленіемъ найти Бога и обманувъ въ желаемомъ, водя какъ слѣпца, ищущаго себѣ пути, разсѣялъ ихъ по разнымъ стремлениамъ и низринувъ въ одну бездну смерти и погибели.

Такъ было съ ними; но нашъ руководитель разумъ. И поелику мы, хотя также ищемъ Бога, впрочемъ не допускаемъ, чтобы могло что либо быть безъ вождя и правителя: то разумъ, разсмотрѣвъ видимое, обзрѣвъ все, что было отъ начала, не останавливается на семь. Ибо иѣтъ основанія присвоить владычество тому, что по свидѣтельству чувствъ равночестно. А посему чрезъ видимое ведетъ онъ къ тому, что выше видимаго и что даетъ видимому бытіе. Ибо чѣмъ приведены въ устройство небесное и земное, заключающееся въ воздухъ и подъ водою, лучше же сказать, то, что и сего первоначальнѣе,—небо, земля, воздухъ и водное естество? Кто смѣшалъ и раздѣлилъ это? Кто содержитъ во взаимномъ общеніи, сродствѣ и согласіи (хвалю сказавшаго это, хотя онъ и не нашъ!)? Кто привелъ сіе въ движеніе, и ведетъ въ непрерывномъ и безпрепятственномъ теченіи? Не художникъ ли всего, не тотъ ли, кто во все вложилъ законъ, по которому все движется и управляется? Кто же художникъ сего? Не тотъ ли, кто сотворилъ и привелъ въ бытіе? Ибо не случаю должно приписывать такую силу. Положимъ, что бытіе отъ случая; отъ кого же порядокъ? Если угодно, и то уступимъ случаю; кто же блюдетъ и сохраняетъ тѣ законы, по которымъ произошло все первоначально? Другой ли кто, или случай? Конечно другой, а не случай. Кто же сей другой.

кроме Бога? Такъ отъ видимаго возвелъ насъ къ Богу богодарованный и все́мъ врожденный разумъ—сей первоначальный въ насъ и все́мъ данный законъ!

Повторимъ же сказанное сначала. Бога, что Онъ по естеству и сущности, никто изъ людей никогда не находилъ и конечно не найдетъ. А если и найдетъ когда-нибудь; то пусть разыскивають и любомудрствуютъ о семъ желающіе. Найдеть же, какъ я разсуждаю, когда сіе богоподобное и божественное, то есть нашъ умъ и наше слово, соединится съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ Первообразу, къ Которому теперь стремится. И сіе, какъ думаю, выражается въ томъ весьма любомудромъ ученіи, по которому познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). А что въ нынѣшней жизни достигастъ до насъ, есть тонкая струя и какъ бы малый отблескъ великаго свѣта.

Посему, если кто позналъ Бога, и засвидѣтельствовано, что онъ позналъ; то познаніе сіе приписывается ему въ томъ отношеніи, что, сравнительно съ другимъ, не столько просвѣщеннымъ, оказался онъ причастникомъ большаго свѣта. И такое превосходство признано совершеннымъ, не какъ дѣйствительно совершенное, но какъ измѣряемое силами ближняго. Посему *Его съ упова призываети Господа* (Быт. 4, 26); и заслугу его составляло упованіе, и упованіе не касательно вѣдѣнія, но призванія. Енохъ же *предложенъ* (Быт. 5, 24); но постигъ ли естество Божіе, или имѣлъ еще постигнуть,—сіе неизвѣстно. И въ Ноѣ, которому ввѣрено было—цѣлый міръ, или сѣмена міра спасти отъ водъ малымъ древомъ, избѣгающимъ потопленія, одно преимущество — богоугодность (Быт. 6, 5). И великій Патріархъ Авраамъ, хотя оправдался вѣрою и принесъ необычайную жертву — образъ великой Жертвы, однакоже Бога видѣлъ не какъ Бога, но питалъ какъ человѣка, и похваленъ какъ почтившій, сколько постигалъ. Іаковъ видѣлъ во снѣ высокую лѣствицу и восхожденіе Ангеловъ; онъ таинственно помазуетъ столпъ (можетъ быть назнаменуя помазанный на насъ Камень), даетъ мѣсту, въ честь Явившагося на немъ, наименованіе: *домъ Божій* (Быт. 28, 17), борется съ Богомъ какъ съ человѣкомъ (дѣйствительная ли эта борьба у Бога съ человѣкомъ, или ея означается, можетъ быть, приравненіе человѣческой добродѣтели къ Богу), носитъ на тѣлѣ знаменія борьбы, показывающія, что сотворенное естество уступило побѣду, и въ награду за благочестіе получаетъ измѣненіе въ имени, изъ Іакова переименованъ Израилемъ (подлинно великое и досточестное имя!); не

ли онъ, ни другой кто изъ двѣнадцати колѣвъ, которымъ онъ былъ отцемъ, хотя бы стоялъ выше самого Іакова, доселѣ не похвалялся, что всецѣло объявилъ естество Божіе, или зракъ Божій. И Или не вѣтръ крѣпкій, не огонь, не трусь, какъ знаемъ изъ исторіи (3 Цар. 19, 12), но небольшая прохлада была знаменіемъ Божію присутствія, и только присутствія, а не естества. Какому же Или? Котораго огненная колесница возноситъ къ небу, означая смѣль въ праведникѣ нѣчто превыше-человѣческое. Не удивительны ли для тебя—сперва судія Маное, а потомъ ученикъ Петръ? Но одинъ не выноситъ лицезрѣнія явившагося ему Бога и говоритъ: погибли мы, жена, потому что видѣли Бога (Суд. 13, 22), чѣмъ показываетъ, что для человѣка невмѣстимо Божіе даже явленіе, не только естество; а Петръ не пускалъ въ корабль явившагося Христа, и отсылалъ отъ себя (Лук. 5, 3—8), хотя былъ горячѣе другихъ въ познаніи Христа, за что наименованъ блаженнымъ и удостоенъ важнѣйшихъ порученій (Матѣ. 16, 16—19). Что скажемъ объ Исаи, объ Іезекилѣ, зрителѣ самыхъ великихъ таинъ, и о прочихъ Пророкахъ? Одинъ изъ нихъ видѣлъ Господа Саваога, сѣдящаго на престолѣ славы, окруженнаго, славимаго и закрываемаго шестокрылатыми Серафимами, видѣлъ, какъ его самого очищали углемъ и предуготовляли къ пророчеству (Ис. 6, 1—7). Другій описываетъ колесницу Божію—Херувимовъ, и надъ ними престоль, и надъ престоломъ твердь, и на тверди Явившагося, а также какіе-то гласы, движенія и дѣйствія (Іезек. 1, 22—27); и не умѣю сказать, было ли это дневное явленіе, удобосозерцаемое одними святыми, или ночное нелживое видѣніе, или представленіе владычественнаго въ насъ, которымъ и будущее объемлется, какъ настоящее, или другой неизъяснимый видъ пророчества—сіе извѣстно только Богу Пророковъ и причастниковъ подобныхъ вдохновеній. По крайней мѣрѣ ни тѣ, о которыхъ у насъ слово, ни кто другой послѣ нихъ, не были, по Писанію, въ *совѣтъ*¹⁾ и сущности *Господни* (Іер. 23, 18): никто не видѣлъ и не повѣдалъ естества Божія. Если бы Павелъ могъ выразить, что заключало въ себѣ третіе небо и шестіе къ оному (или постепенное восхожденіе, или мгновенное восхищеніе); то можетъ быть узнали бы мы о Богѣ нѣсколько больше (если только сего касалась тайна Павлова восхищенія). Но поелику сіе было неизреченно; то и мы почтимъ молчаніемъ; выслушавъ же самого Павла, который гово-

1) По гречески ἐν ὑποστάσει, т. е. почти тоже, что въ сущности.

рѣчь: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. 13, 9). Такъ и подобно сему сознается тотъ, кто *не невѣждо разумомъ* (2 Кор. 11, 6), кто угрожаетъ представить доказательство, что говоритъ въ немъ Христосъ (2 Кор. 13, 3); такъ сознается великій поборникъ и учитель истины. А потому все дальнее знаніе, какъ простирающееся не далѣе малыхъ подобій истины, ставитъ онъ не выше зеркаль и гаданій (1 Кор. 13, 12). А если бы не опасался я подать инымъ о себѣ мысль, что до излишества и безъ нужды занимаюсь такими изслѣдованіями; то сказалъ бы: о семъ же самомъ, а не объ иномъ чемъ можетъ быть сказано: *не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12), чѣмъ само Слово давало разумѣть, что со временемъ возможемъ понести и уяснить себѣ это. И сіе же самое Іоаннъ, Предтеча Слова, великій гласъ истины, призналъ невозможнымъ *самому міру влѣстити* (Іоан. 21, 25).

Итакъ всякая истина и всякое слово для насъ недомыслимы и темны. Мы какъ бы строимъ огромныя зданія малымъ орудіемъ, когда человѣческою мудростію уловляемъ видѣніе сущаго, когда къ предметамъ мысленнымъ приступаемъ съ своими чувствами или не безъ чувствъ, которыя заставляютъ насъ кружиться и блуждать, и не можемъ, неприкосновеннымъ умомъ касаясь неприкосновенныхъ предметовъ, подойти сколько-нибудь ближе къ истинѣ и напечатлѣть въ умѣ чистыя его представленія. А слово о Богѣ, чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ непостижимѣе; ведетъ къ большому числу возраженій и самыхъ трудныхъ рѣшеній. Ибо всякое препятствіе, и самое маловажное, останавливаетъ и затрудняетъ ходъ ума, и не даетъ ему стремиться впередъ, подобно тому какъ браздами вдругъ сдерживаютъ несущихся коней, и внезапнымъ ихъ потрясеніемъ сворачиваютъ въ сторону. Такъ Соломонъ, который допреизбытка былъ умудренъ паче всѣхъ, и до него жившихъ и ему современныхъ, получилъ въ даръ отъ Бога *широту сердца* и полноту созерцанія обильнѣе песка (3 Цар. 4, 29), чѣмъ болѣе погружается въ глубины, тѣмъ болѣе чувствуетъ круженія и почти концомъ мудрости поставляетъ найти, сколько она удалась отъ него (Еккл. 7, 24). А Павелъ покушается, правда, изслѣдовать, не говорю естество Божіе (онъ знаетъ, что сіе совершенно невозможно), а только судьбы Божіи; но поелику не находитъ конца и отдохновенія въ восхожденіи, послѣдку любовѣдѣніе ума не достигаетъ явно окончательнаго предѣла, а всегда остается для него нѣчто еще не извѣданное, то (чудное дѣло! о, если бы и со мною было тоже!) заключаетъ рѣчь изумленіемъ, именуетъ все

подобное богатствомъ Божиимъ и глубиною (Римл. 11, 33), и исповѣдуетъ непостижимость судебъ Божіихъ, выражаясь почти такъ же какъ и Давидъ, когда онъ то называетъ *судьбы* Божіи *бездною многою* (Псал. 35, 7), въ которой нельзя достать основанія ни мѣрою, ни чувствомъ, то говоритъ, что *удивися разумъ отъ него* и отъ состава его, и *утвердися* паче, нежели на сколько простираются его силы и его объемъ (Псал. 138, 6).

Оставивъ все прочее, разсуждаетъ Давидъ, обращусь къ себѣ самому, разсмотрю вообще человѣческое естество и человѣческій составъ. Что это за смѣшеніе въ насъ? что за движеніе? Какъ безсмертное срастворено съ смертнымъ? Какъ лиюсь я долу, и возношусь горѣ? Какъ обращается во мнѣ душа? даетъ жизнь, и сама участвуетъ въ страданіяхъ? Какъ мысль и заключена въ предѣлы и неопредѣлима, и въ насъ пребываетъ и все обходитъ въ быстротѣ своего стремленія и течения? Какъ сообщается и передается съ словомъ, проникаетъ сквозь воздухъ, входитъ съ самыми предметами? Какъ приобщена къ чувству и отрѣшается отъ чувствъ? И еще прежде сего: Какъ въ художественной храминѣ природы производится и первоначальное наше созиданіе и составленіе, и окончательное образование и усовершеніе? Какое это пожеланіе и раздѣленіе въ насъ пищи? Кто насъ, не принуждая, привелъ къ первымъ источникамъ и средствамъ жизни? Какъ тѣло питается яствами, а душа словомъ? Что за влеченіе природы, что за взаимная наклонность у родителей и дѣтей, связующая ихъ любовію? Какъ виды (тварей) постоянны и не сходятся въ отличительныхъ признакахъ? Какъ, при толикомъ ихъ множествѣ, особенности недѣлимыхъ неуловимы? Какъ одно и тоже живое существо вмѣстѣ смертно и бессмертно,—смертно, потому что прекращается собственная его жизнь,—и бессмертна, потому что оно рождаетъ другія живыя существа? Одно отходитъ, другое приходитъ, какъ въ текущей рѣкѣ, которая не стоитъ на мѣстѣ и всегда полна.

Много еще можемъ любомудрствовать о членахъ и частяхъ тѣла, о взаимной ихъ стройности, тогда какъ они, по закону и соразмѣрности природы, сообразно нуждамъ и для красоты, одни сближены, другіе отдалены между собою, одни выдались, другіе вцались, одни соединены, другіе раздѣлены, одни объемлютъ другіхъ, другіе сами объемлются; много о звукахъ и слухѣ, о томъ, какъ звуки переносятся отъ звучащихъ орудій, и слухъ пріемлетъ ихъ и входитъ съ ними во взаимное общеніе вслѣдствіе удареній и впечатлѣній въ посредствующемъ воздухѣ; много о зрѣніи, кото-

ред неизбяснимымъ образомъ сообщается съ видимыми предметами, приходитъ въ движеніе по одному мановенію воли и въ то же съ нимъ время,—въ какомъ отношеніи и уподобляется оно мысли, потому что съ одинаковою быстротою и мысль сходится съ предметомъ мышленія, и взоръ съ предметомъ зрѣнія; много о прочихъ чувствахъ, которыя служатъ какими-то, несозерцаемыми для ума, приѣмниками внѣшняго; много объ успокоеніи во время сна, о сонныхъ видѣніяхъ, о памяти и припамятованіи, о разсудкѣ, раздражительности и пожеланіи, коротко сказать, о всемъ, что населяеть этотъ малый міръ—человѣка.

Хочешь ли, перечислю тебѣ различіе другихъ животныхъ въ отношеніи къ намъ и другъ къ другу, то-есть каждого природу, образъ рожденія и воспитанія, мѣстопребываніе, нравы и какъ бы законы общежитія. Отчего одни живутъ стадами, другія по одиночкѣ; одни травоядны, другія плотоядны: одни свирѣпы, другія кротки; одни привязаны къ человѣку и около него кормятся, другія неукротимы и любятъ свободу; одни какъ бы близки къ разумности и способны учиться, другія вовсе бессмысленны и не переимчивы; одни имѣютъ большее число чувствъ, другія меньшее; одни неподвижны, другія переходятъ съ одного мѣста на другое, а иныя весьма быстры; одни отличаются и величиною и красотою, или чѣмъ-нибудь однимъ, а другія или весьма малы, или очень безобразны, или то и другое; одни крѣпки, другія малосильны; одни мстительны, другія подозрительны и коварны, иныя неосторожны; одни трудолюбивы и домостроительны, другія совершенно не дѣятельны и безпечны? И еще кромѣ сего: отчего одни пресмыкаются по землѣ, другія ходятъ въ прямомъ положеніи; одни любятъ сушу, другія сушу и воду; одни чистоплотны, другія неопрятны; одни живутъ попарно, другія нѣтъ; одни цѣломудренны, другія похотливы; одни многоплодны, другіе не многоплодны; одни долговѣчны, другія маловѣчны? Истоцилось бы у меня слово, если бы описывать все въ подробности.

Разсмотри природу плавающихъ въ водѣ, которые скользятъ и какъ бы летаютъ по влажной стихіи, дышатъ собственнымъ своимъ воздухомъ, а въ нашемъ воздухѣ подвергаются той же опасности, какой мы—въ водѣ; разсмотри ихъ нравы, страсти, рожденія, величину, красоту, привязанность къ мѣсту, странствованія, сходбища и разлученія, свойства почти близкія къ свойствамъ животныхъ земныхъ, а у иныхъ даже общія, и свойства противоположныя какъ въ родахъ, такъ и въ недѣлимыхъ.

Разсмотри также стада птицъ не-пѣвчихъ и пѣвчихъ, разнообразіе въ ихъ видѣ и цвѣтѣ. Какая причина сладкопѣнія у птицъ пѣвчихъ, и отъ кого это? Кто далъ кузнечнику цѣвницу на перси? Кто даетъ птицамъ эти пѣсни и щебетанья на древесныхъ вѣтвяхъ, когда, возбужденныя солнцемъ мусикійствовать въ полдень, наполняютъ онѣ звуками лѣса и сопровождаютъ пѣніемъ путника? Кто соплетае пѣснь лебедю, когда распростираетъ онъ крылья по воздуху, и ими свиряя, выводитъ какъ бы мѣрный стихъ? Не буду говорить о вынужденныхъ звукахъ и о томъ, въ чемъ ухищряется искусство, подражая дѣйствительности. Отчего павлинь, кичливая мидійская птица, любитъ такъ убранство и честь, что, замѣтивъ подходящаго, или, какъ говорятъ, съ намѣреніемъ явиться женскому полу (такъ какъ чувствуетъ свою красоту), съ величавой выступкой, вытянувъ шею и развернувъ кругообразно блестящія золотомъ и усѣянные звѣздами перья, выставляетъ красу свою на показъ любителямъ? Божественное Писаніе восхваляетъ мудрость женъ въ тканяхъ, говоря: *кто далъ есть женамъ тканія мудрость, или испещренія хитрость* (Іов. 38, 36)? Но это естественно для животнаго разумнаго, которое избыточествуетъ мудростію и простирается даже къ небесному. Подивись лучше природной смѣшленности безсловесныхъ, и если можешь, представь на сіе свои объясненія. Какъ у птицъ гнѣзда (будутъ ли это камни, деревья, или кровли) устроены безопасно и вмѣстѣ красиво, со всѣми удобствами для птенцовъ? Откуда у пчель и пауковъ столько трудолюбія и искусства? У однихъ соты сложены изъ шестиугольныхъ чашечекъ, обращенныхъ одна на другую и укрѣпленныхъ перегородками, которыя въ каждомъ двухъ чашечкахъ пресѣкаются подъ прямымъ угломъ. И все сіе съ такимъ искусствомъ дѣлаютъ пчелы въ темныхъ ульяхъ, когда ихъ постройки не видимы. А пауки изъ тонкихъ и почти воздушныхъ нитей, протянутыхъ въ разныхъ направленіяхъ, и изъ веществъ непримѣтныхъ для взора, ткуть хитроплетенныя ткани, которыя бы служили имъ честнымъ жилищемъ и уловляли немощныхъ для пищи. Производилъ ли что подобное какой Евклидь, любомудрствующій о несуществующихъ чертахъ и трудящійся надъ доказательствами? У какого Паламида найдешь такія движенія и построенія войскъ, хотя и они, какъ говорятъ, переняты у журавлей, которые летаютъ строемъ и разнообразяютъ свой полетъ? Производили ли что подобное Фидіи, Зевксисы, Полигноты, Парразіи, Аглафоны, умѣющіе отлично живописать и ваять красоту? Сравнитея ли

Кносскій хоръ плящущихъ, который такъ прескрасно выработанъ Дедаломъ въ даръ невѣстѣ, или Критскій неудобовыходимый и, говоря стихотворчески, нераспутываемый лабиринтъ, который, по ухищренію искусства, неоднократно возвращается на прежній слѣдъ? Умалчиваю о сокровищницахъ и сокровище-хранителяхъ у муравьевъ, о запасѣ пищи, сообразномъ времени, и о томъ, что еще, какъ извѣстно, рассказываютъ объ ихъ путешествіяхъ, предводителяхъ и о строгомъ порядкѣ дѣль.

А если доступны тебѣ причины сего, и ты позналъ, сколько въ семь разума; то размотри различія растений, до искусственности, примѣчаемой въ листьяхъ, по которой они вмѣстѣ и всего пріятнѣе для взора, и всего полезнѣе для плодовъ. Размотри разнообразіе и богатство самыхъ плодовъ, особливо же преимущественную красоту наиболѣе необходимыхъ. Размотри силы корней, соковъ, цвѣтовъ, запаховъ не только самыхъ пріятныхъ, но и здоровыхъ, привлекательность и качества красокъ. Размотри также драгоценность и прозрачность камней. Природа, какъ на общемъ пиршествѣ, предложила тебѣ все, и что нужно для тебя, и что служить къ твоему удовольствію, чтобъ ты, сверхъ прочаго, изъ самыхъ благодѣяній позналъ Бога, и изъ своихъ потребностей приобрѣлъ больше свѣдѣній о себѣ самомъ.

Послѣ сего изойди широту и долготу общей всѣмъ матери—земли, обойди морскіе заливы, соединяемые другъ съ другомъ и съ сушею, красоту лѣсовъ, рѣки, обильные и неиссѣкающіе источники, не только холодныхъ и годныхъ для питья водъ, текущихъ поверхъ земли, но и тѣхъ, которыя подъ землею пробираются по какимъ-то разсѣлинамъ, и отъ-того ли, что гонитъ и отталкиваетъ ихъ крѣпкій вѣтеръ, или отъ-того, что разгорячаетъ сильная борьба и сопротивленіе, проторгаются по-немногу, гдѣ только могутъ, и для нашего употребленія во многихъ мѣстахъ доставляютъ различныхъ свойствъ теплыя бани—это безмездное и самосоставное врачество. Скажи, какъ и откуда сіе? Что значитъ эта великая и безыскусственная ткань? Здѣсь все не менѣе достохвально, станемъ ли что разсматривать во взаимномъ отношеніи, или въ отдѣльности. Отчего стоитъ земля твердо и неуклонно? Что поддерживаетъ ее? Какая у ней опора? Ибо разумъ не находитъ, на чемъ бы утверждаться сему, кромѣ Божіей воли. Отчего земля, то поднята на вершины горъ, то осаждена въ равнины, притомъ такъ разнообразно, часто и постепенно мѣняетъ свои положенія, и тѣмъ богатѣе удовлетворяетъ нашимъ нуждамъ и плѣняетъ насъ своимъ

разнообразіемъ? И отдѣлена ли она для жилищъ человѣческихъ, или необитаема, поколику перерѣзывается хребтами горъ или инымъ чѣмъ отсѣкается и отходитъ для иного назначенія,—вездѣ служить самымъ яснымъ доказательствомъ всемогущества Божія! А въ морѣ, если бы не удивляла меня величина, я сталъ бы дивиться кротости, какъ оно, и ничѣмъ не связано, и стоитъ въ своихъ предѣлахъ. И если бы оно не удивляло меня кротостью, я сталъ бы дивиться его величинѣ. Поелику же удивляетъ тѣмъ и другимъ; то восхваляю силу, какая видна въ томъ и другомъ. Что собрало въ него воды? Что связало ихъ? Отчего море и воздымается и стоитъ въ своемъ мѣстѣ, какъ бы стыдясь смежной суши? Отчего и принимаетъ въ себя всѣ рѣки, и не прибываетъ, по избытку ли своей величины, или, не знаю, какую еще сказать на сіе причину? Почему для него—столь огромной стихіи, предѣломъ песокъ? Что могутъ на сіе сказать естествословы, мудрые въ пустомъ, которые дѣйствительно мѣряютъ море малою чашею, то есть предметъ великій — своими понятіями? Не лучше ли мнѣ кратко полюбомудрствовать о семъ изъ Писанія, такъ какъ это и убѣдительнѣе, и вѣрнѣ длинныхъ разсужденій? *Повелѣніе окружи на лицѣ воды* (Іов. 26, 10). Вотъ узы для влажнаго естества! Но не дивишься ли, не изумѣваешься ли мыслию, смотря, какъ оно на маломъ древѣ и вѣтромъ несетъ земнаго пловца, чтобы для его нуждъ и сообщеній были связаны и суша и море, чтобы отдаленное между собою по природѣ большими пространствами стало въ одно для человѣка? А источниковъ какіе первоначальные источники? Разыскивай, человѣкъ, если можешь что изслѣдовать и найти! Кто прорылъ рѣки на равнинахъ и въ горахъ? Кто далъ имъ беспрепятственное теченіе? Какое чудо противоположностей—и море не переполняется и рѣки не остаиваются! Что питательнаго въ водахъ? Отчего эта разность, что одни растенія орошаются сверху, другія наповаются чрезъ корни?—Да наслажусь и я нѣсколько словомъ, разсуждая объ утѣхахъ, посылаемыхъ Богомъ!

Теперь, оставивъ землю и земное, чтобы слово у меня шло порядкомъ, воспарю на крылахъ мысли въ воздухъ; оттуда поведу тебя къ небесному, на самое небо, выше неба и такъ далѣе. Не осмѣливается, правда, слово простираться высоко; но прострется, впрочемъ не сверхъ позволеннаго. Кто разлилъ воздухъ — это обильное и неоскудѣвающее богатство, которымъ пользуются не по достоинствамъ и случаямъ, которое не удерживается предѣлами,

раздается не по возрастамъ, подобно маннѣ приѣмлется не сверхъ нужды, тѣмъ и честно, что удѣляется всякому въ равной мѣрѣ. Воздухъ—эту колесницу пернатыхъ тварей, это сѣдалище вѣтровъ, воздухъ, который благорастворяетъ времена года, одушевляетъ животныхъ, лучше же сказать, соблюдаетъ душу въ тѣлѣ, воздухъ, въ которомъ тѣла, и съ которымъ слово, въ которомъ свѣтъ и освѣщаемое, а также и зрѣніе, чрезъ него протекающее? Разсмотри и то, что далѣе воздуха. Ибо не соглашусь предоставить воздуху такую область, какая ему приписывается. Гдѣ хранилища вѣтровъ? Гдѣ сокровищницы снѣга? *Кто же, по Писанію, родивый капли росныя? Изъ чѣго чрева исходитъ ледъ* (Іов. 38, 28, 29)? *Кто связуяи воду на облацѣхъ* (Іов. 26, 28)? Кто часть ея остановилъ на облакахъ (не чудно ли видѣть текучее вещество удерживаемое словомъ!), и другую изливаетъ на лице земли и сѣть благовременно и въ должной мѣрѣ, не оставляя и всей влажной сущности свободною и неудержимою (довольно и при Ноѣ бывшаго очищенія: притомъ Нелживѣйшій не забываетъ Своего завѣта), и не удерживая ее совершенно (чтобы опять не имѣть намъ нужды въ Иліи, прекращающемъ засуху)? Сказано: *аще затворитъ* небо, *кто отверзетъ* (Іов. 12, 14), и *аще отверзетъ хляби* (Малах. 3, 10), кто удержитъ? Кто стершигъ безмѣрность того и другого, если Посылающій дождь не распорядитъ всего по Своимъ мѣрамъ и вѣсамъ? Какое любомудрое ученіе о молніяхъ и громахъ предложишь мнѣ ты, который гремишь съ земли, хотя не блещешь и малыми искрами петины? Причиною сего назовешь ли какія испаренія, выходящія изъ земли и производящія облака, или какое-нибудь сгущеніе воздуха, или сжатіе и столкновение рѣдчайшихъ облаковъ, такъ что сжатіе произведетъ у тебя молнію, а расторженіе—громъ? Или наименуешь какой-нибудь сгнетенный и потомъ не находящій себѣ выхода вѣтръ, который, будучи сгнетаемъ, блистаетъ молніей, и проторгаясь издаетъ громъ?

Но если ты прошелъ умомъ воздухъ и все, что въ воздухѣ; то коснись уже со мною неба и небснаго. Но здѣсь да водить насъ болѣе вѣра, нежели разумъ, если только уразумѣлъ ты свою немощь, когда разсматривалъ ближайшее къ тебѣ и узналъ способъ узнать то, что выше разума, а не остаться вовсе земнымъ и преданнымъ земному, не знающимъ даже и этого самаго—своего незнанія. Кто округлилъ небо, разставилъ звѣзды? Лучше же сказать, что такое самое небо и звѣзды? Можешь ли сказать сіе, ты человекъ высокопарный, который не знаешь и того, что у тебя полъ но

гамн, не можешь привести въ мѣру себя самого, а любопытствуешь о томъ, что выше твоей природы, и желалъ бы объять неизмѣримое? Положимъ, что постигнуты тобою круги, круговращенія, приближенія и отдаленія, восхожденія звѣздъ и солнца, какія-то части и ихъ подраздѣленія и все то, за что превозносишь ты чудную науку свою; но это не уразумѣнне еще сущаго, а только наблюдение надъ какимъ-то движеніемъ, подтвержденное долговременнымъ упражненіемъ, приводящее къ единству наблюденія многихъ, а потомъ придумавшее законъ и возвеличенное именемъ науки;—такъ видоизмѣненія луны стали извѣстными для многихъ, и зрѣніе ¹⁾ принято за начало познанія! Но если ты очень знающъ въ этомъ, и хочешь, чтобы удивлялись тебѣ по праву; скажи: какая причина такого устройства и движенія? Отчего солнце поставлено въ знаменіе цѣлой вселенной и предъ взоромъ всякаго, какъ вождь сонма, свѣтлостію своею затмѣвающій прочія звѣзды болѣе, нежели сколько затмѣваются онѣ нѣкоторыми изъ нихъ самихъ, чему доказательствомъ служить то, что хотя звѣзды и сами свѣтятъ, однакоже солнце превосходитъ ихъ свѣтомъ, и звѣзды не видимы, какъ скоро восходятъ вмѣстѣ съ солнцемъ? Оно прекрасно, какъ *женнаго*, быстро и велико, какъ исполинъ (не могу заимствовать ему похвалы изъ другаго писанія, кромѣ моего (Псал., 18, 6); такова его сила, что отъ края до края все объемлетъ своею теплою, и ничто не можетъ не ощущать его, напротивъ того все имъ исполняется, и зрѣніе—свѣтомъ, и тѣлесное естество—теплою, между тѣмъ какъ оно согрѣваетъ, но не сожигаетъ, по причинѣ своего кроткаго благорастворенія и стройнаго движенія, для всѣхъ открыто и всѣхъ равно объемлетъ. Но разсуждалъ ли ты о сей мысли? Солнце въ чувственномъ то же, что Богъ въ мысленномъ, сказалъ одинъ изъ не нашихъ. Оно просвѣщаетъ зорь, какъ Богъ умъ, и всего прекраснѣе въ видимомъ, какъ Богъ въ умосозерцательномъ. Но чѣмъ первоначально приведено солнце въ движеніе? Чѣмъ непрестанно движется и круговращается оно—неизмѣнное во своемъ законѣ, въ подлинномъ смыслѣ неподвижное, неутомимое, живоносное и, какъ справедливо воспѣваютъ стихотворцы, живородящее, никогда не прекращающее ни теченія, ни благодѣяній своихъ? Какъ творитъ оно день на землѣ, и ночь подъ землею? Или не знаю, какъ надобно выразиться, смотря на солнце. Что значить это прибавленіе и убавленіе днй и ночей, это (употреблю нѣ-

¹⁾ Опытъ.

сколько странное выражение) равенство въ неравенствѣ? Какъ солнце производитъ и раздѣляетъ времена года, которыя чинно приближаются и удаляются, и будто въ хороводѣ другъ съ другомъ то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочинія, даже постепенно между собою сливаются, и непримѣтно приближаются, подобно наступающимъ днямъ и ночамъ, чтобы внезапною своею не произвестъ скорбнаго ощущенія? Но оставимъ солнце. Позналъ ли ты естество и видоизмѣненія луны, мѣру свѣта ея и пути? И какъ солнце владычествуетъ надъ днемъ, а она начальствуетъ надъ ночью? Одна даетъ смѣлость звѣрямъ, другое возставляетъ человѣка на дѣло, что когда наиболѣе полезно, то возвышаясь, то понижаясь? *Разумѣлъ ли еси союзъ плядъ и огражденіе оріоново* (Іов. 36, 31), *яко исчисляй множество звѣздъ и всѣмъ имена нарицай* (Псал. 146, 4), какъ знающій различіе каждой звѣзды и чинъ ея движенія, чтобъ могъ я повѣрить тебѣ, когда по звѣздамъ опредѣляешь нашу судьбу, и тварь вооружаешь на Творца?

Что скажемъ? Остановить ли намъ слово здѣсь—на веществѣ и видимомъ? Или поелику Моисеева скинія наименована въ Словѣ *противообразнымъ* цѣлаго міра, то есть совокупности видимаго и невидимаго (Евр. 9, 24); то, проникнувъ за первую завѣсу, и взойдя выше чувственнаго, проникнуть намъ *во святая*—въ мысленное и небесное естество? Но и его, хотя оно и не тѣлесно, не можемъ видѣть нетѣлеснымъ образомъ, почему называется оно огнемъ и духомъ, или и дѣйствительно таково. Ибо говорится, что творить *Ангелы своя дуги и слуги своя пламень огненный* (Псал. 106, 4), развѣ творить значить здѣсь не болѣе какъ сохранять въ подчиненія закону, по которому созданы; духомъ же и огнемъ называется естество сіе, частію какъ мысленное, а частію какъ очистительное; потому что и Первая Сущность приѣмлетъ тѣ же наименованія. Впрочемъ, да будетъ оно у насъ не тѣлесно, или, сколько можно, близко къ тому. Видишь, какъ кружимся въ словѣ, и не можемъ поступить далѣе! Развѣ простремся въ той мѣрѣ, въ какой знаемъ, что есть какіе-то Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Свѣтлости, Восхожденія, умныя Силы или Умы, природы чистыя, безпримѣсныя, непреклонныя или неудобопреклоняемыя къ злу, непрестанно ликовствующія окрестъ первой Причины. Сіи природы, какъ воспѣлъ бы о нихъ иныи, или отъ первой Причины озаряются чистѣйшимъ озареніемъ, или, по мѣрѣ естества и чина, инымъ способомъ приѣмлютъ иное озареніе;

онѣ такъ вообразили и напечатлѣли въ себѣ Благо, что содѣлались вторичными свѣтами, и посредствомъ изліяній и передааній перваго Свѣта могутъ просвѣщать другихъ; онѣ служители Божіей воли, сильны, какъ по естественной своей, такъ и по пріобрѣтенной ими крѣпости, все обходятъ, всѣмъ и вездѣ съ готовностію предстаютъ, по усердію къ служенію и по легкости естества. Силы умы пріяли каждый одну какую либо часть вселенной, или приставлены къ одному чему-нибудь въ мірѣ, какъ вѣдомо сіе было все Устроившему и Распредѣлившему, и они все ведутъ къ одному концу, по мановенію Зиждителя всяческихъ, пѣснословятъ Божіе величіе, созерцаютъ вѣчную славу и притомъ вѣчно, не для того, чтобы прославился Богъ (нѣтъ ничего, что можно было бы приложить къ Исполненному, Который и для другихъ есть податель благи), и чтобы не преставали получать благодѣянія даже первыио Богъ природы.

И если сіе воспѣто по достоинству, то благодареніе Троицѣ и единому въ Трехъ Божеству! А если не достаточнѣе желанія; то и въ семъ случаѣ побѣдило слово мое; ибо оно трудилось доказать одно то, что выше ума естество даже вторичныхъ существъ, а не только Перваго и Единого, повременю говорить, Превысшаго всѣхъ.

Слово 29, о богословіи третье, о Богѣ Сынѣ первое.

Сіе самое сказалъ бы иный, желая остановить ихъ готовность къ слову, ихъ поспѣшность, и преткновенія отъ поспѣшности во всякомъ дѣлѣ, а еще болѣе въ ученіи о Богѣ. Но наложить запрещеніе не важно,—это безъ труда сдѣлаеть всякій, кто захочеть; отъ человѣка же благочестиваго и умнаго требуется, чтобы онъ замѣнилъ запрещаемое собственнымъ разсужденіемъ. Посему, въ упованіи на Святаго Духа, Котораго они не чтутъ, и Которому мы поклоняемся, какъ нѣкоторый благородный и зрѣлый плодъ, изведу на свѣтъ собственные свои мысли о Божествѣ, каковы бы онѣ ни были. Я не молчалъ и въ другое время; но напротивъ того на сіе одно и имѣлъ отважность и присутствіе духа. Тѣмъ паче осмѣлось теперь стать за истину, чтобы *сомнѣніемъ*, по суду Божію, какъ написано, не навлечь на себя *неблаговоленія* (Аввак. 2, 4). Поелику же рѣчь бываетъ двоякаго рода, — ею или подтверждается собственное мнѣніе, или опровергается мнѣніе противное: то и я, предложивъ сперва собственное ученіе, попытаюсь потомъ опро-

вергнуть ученіе противниковъ; но въ томъ и другомъ соблюду возможную краткость, чтобъ все сказанное удоно было обнять однимъ взоромъ (такъ какъ и они, къ обольщенію людей наиболѣе простыхъ и скудоумныхъ, сочинили слово подъ именемъ руководства), и чтобъ длинныя рѣчи не разсѣявали мысль, какъ воду, которая не заперта въ трубѣ, но льется и растекается по равнинѣ.

Три древнѣйшія мнѣнія о Богѣ: безначаліе, многоначаліе и единоначаліе. Два первыя были (и пусть остаются!) игрою ума, сыновъ Еллинскихъ. Ибо безначаліе безпорядочно, а многоначаліе возмутительно; вслѣдствіе же сего и безначально, и безпорядочно. То и другое ведетъ къ одному концу—къ безпорядку, а безпорядокъ—къ разрушенію; потому что безпорядокъ есть упражненіе въ разрушеніи. Но мы чтимъ единоначаліе; впрочемъ не то единоначаліе, которое опредѣляется единствомъ лица (и одно, если оно въ раздорѣ съ самимъ собою, составитъ множество), но то, которое составляетъ равночестность единства, единодушіе воли, тождество движенія и направленія къ единому Тѣхъ, Которыя изъ Единого (что невозможно въ естествѣ сотворенномъ), такъ что Они, хотя различаются по числу, но не раздѣляются по власти¹⁾. Посему Единица, отъ начала подвигшаяся въ двойственность, остановилась на троичности. И сіе у насъ — Отецъ, и Сынъ, и Святыи Духъ. Отецъ—родитель и изводитель, раждающій и изводящій безстрастно, внѣ времени и безтѣлесно; Сынъ—рожденное; Духъ—изведенное, или, не знаю, какъ назвать бы сіе тотъ, кто отвлекаетъ отъ всего видимаго. Ибо не дерзаемъ наименовать сего преизліяніемъ благодсти, какъ осмѣлился назвать одинъ изълюбумудрыхъ Еллиновъ, который, любумудрствуя о первомъ и второмъ Виновникѣ, ясно выразился: „какъ чаша льется черезъ края“²⁾. Не дерзаемъ изъ опасенія, чтобъ не ввести произвольнаго рожденія и какъ бы естественнаго и неудержимаго исторженія, что всего менѣе сообразно съ понятіями о Божествѣ. Посему, не выходя изъ данныхъ намъ предѣловъ, вводимъ Нерожденнаго, Рожденнаго и *отъ Отца Исходящаго*, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Самъ Богъ—Слово (Іоан. 15, 26).

„Но когда сіе *рожденіе* и *исхожденіе*?“ — Прежде самаго *когда*. Если же надобно выразиться нѣсколько смѣлѣе: тогда же, какъ и Отецъ. Но когда Отецъ?—Никогда не было, чтобъ не былъ

¹⁾ По нѣкоторымъ спискамъ, какъ замѣчаетъ Илія, вмѣсто слова: *по власти* (τῆ ἐξουσία), читалось: *по сущности* (τῆ γε οὐσίας).

²⁾ Плотинъ. Еннеад. V. кн. 2. гл. 1.

Отець. А также никогда не было, чтобъ не былъ Сынъ, и не былъ Духъ Святой. Еще спросишь меня; и опять отвѣчу тебѣ. Когда родился Сынъ?—Когда не родился Отець. Когда исшелъ Духъ?—Когда не исшелъ Сынъ, но родился въѣ времени и неизглаголанно, хотя не можемъ представить себѣ того, что выше времени, даже желая избѣгнуть выражений означающихъ время; потому что слова: *когда, прежде, послѣ, исперва*, не исключаютъ времени, какъ ни усиливаемся въ этомъ; развѣ возьмемъ вѣчность, то есть продолженіе, которое простирается наравнѣ съ вѣчнымъ, а не дѣлится на части, и не измѣряется никакимъ-либо движеніемъ, ни теченіемъ солнца, что свойственно времени.

„Но если Сынъ и Духъ совѣчны Отцу; то почему же не безначальны?“ Потому что они отъ Отца, хотя не послѣ Отца. Правда, что безначальное вѣчно; но вѣчному нѣтъ необходимости быть безначальнымъ, какъ скоро возводится къ Отцу, какъ къ началу. Итакъ, Сынъ и Духъ не безначальны, относительно къ Виновнику. Извѣстно же, что Виновнику нѣтъ необходимости быть первоначальнѣе Тѣхъ, для Кого онъ Виновникомъ; потому что и солнце не первоначальнѣе свѣта. И вмѣстѣ Сынъ и Духъ безначальны, относительно ко времени, хотя ты и пугаешь симъ людей простодушныхъ. Ибо не подь временемъ Тѣ, отъ которыхъ время.

„Какимъ же образомъ рожденіе безстрастно?“—такимъ, что оно не тѣлесно. Ибо если тѣлесное рожденіе страстно; то безтѣлесное — безстрастно. Но и я спрошу у тебя: какимъ образомъ Сынъ есть Богъ, если Онъ тварь? Ибо творимое—не Богъ. Не говорю уже, что и въ твореніи, если оно берется тѣлесно, имѣеть мѣсто страданіе, какъ то: время, желаніе, образованіе, забота, надежда, скорбь, опасность, неудача, поправка; все сіе, и еще многое другое, какъ всякому извѣстно, бываетъ при твореніи. Но дивлюсь, что ты не отваживаешься придумать какихъ-нибудь сочетаній, сроковъ чревоношенія опасностей преждевременнаго рожденія, и даже признать рожденіе невозможнымъ, если бы Богъ рождалъ иначе, или еще, перечисливъ образы рожденія у птицъ на сушѣ и на водѣ, подчинить которому-либо изъ сихъ рожденій рожденіе Божеское и неизглаголанное, или, вслѣдствіе новаго своего предположенія, вовсе уничтожить Сына. И ты не можешь примѣтить того, что Кто по плоти имѣеть отличное рожденіе (ибо гдѣ нашель ты по своимъ началамъ Богородицу дѣву?), для Того инаково и духовное рожденіе. Лучше же сказать, Кто имѣеть не такое же бытіе. Тотъ имѣеть и отличное рожденіе.

„Какой отецъ не начиналъ быть отцемъ?“—Тотъ, у Котораго бытіе не начиналось. А у кого началось бытіе, тотъ началъ быть и отцемъ. Богъ-Отець не въслѣдствіи сталъ Отцемъ, потому что не начиналъ быть Отцемъ. Онъ въ собственномъ смыслѣ Отець; потому что не есть вмѣстѣ и Сынъ; равно какъ и Богъ-Сынъ въ собственномъ смыслѣ—Сынъ, потому что не есть вмѣстѣ и Отець. Ибо у насъ отцы и сыны не въ собственномъ смыслѣ, но каждый и отецъ, и сынъ, и не въ большей мѣрѣ отецъ, чѣмъ сынъ, и мы происходимъ не единственно отъ отца, но отъ отца, который вмѣстѣ и сынъ, а потому и сами дѣлимся, постепенно становимся человѣками, но какими не желали бы и раждающіе и раждаемые, такъ что у насъ остаются одни отношенія, лишеныя дѣйствительности.

Но ты говоришь: „самыя слова: *родилъ* и *родился*, что иное вводятъ, какъ не начало рожденія?“ Что жъ, если не скажемъ: *родился*, но: *рожденъ отъ начала*, чтобъ удобнѣе было избѣгать твоихъ тонкихъ возраженій, въ которыхъ ты вездѣ отыскиваешь время? Ужели будешь обвинять насъ, что перетолковываемъ сколько-нибудь Писаніе и истину? Но всякому можно видѣть, что въ реченіяхъ, выражающихъ время, нерѣдко ставятся времена одно вмѣсто другого; особливо сіе употребительно въ Божественномъ Писаніи, и не только въ разсужденіи времени прошедшаго, или настоящаго, но и будущаго. Напримѣръ, сказано: *вскую шаташася языцы* (Пс. 2, 1), когда еще не шатались; и еще: *въ ртцы пройдутъ ногами* (Пс. 65, 5), когда уже прошли. Продолжительно было бы перечислять всѣ подобныя реченія, которыя замѣчены людьми трудолюбивыми.

Таково разсмотрѣнное нами ихъ возраженіе Каково же слѣдующее? не до крайности ли привязчиво и безстыдно? Они говорятъ: „Отець, восхотѣвъ ли, родилъ Сына, или не хотя?“ Потомъ оба случая, какъ представляется имъ, завязываютъ въ узелъ, впрочемъ не крѣпкій, но слабый, и продолжаютъ: „если не хотя, то по принужденію. Кто жъ принудившій, и какъ принужденный — Богъ? А если по хотѣнію; то Сынъ есть сынъ хотѣнія. Какъ же Онъ отъ Отца?“ И вмѣсто Отца выдумываютъ какую-то новую мать—хотѣніе. У разсуждающихъ такимъ образомъ пріятно слышать одно, а именно, что, отступившись отъ страданія, прибѣгаютъ къ волѣ; но воля уже не страданіе. Посмотримъ же затѣмъ, какъ твердо ихъ разсужденіе. И всего лучше напередъ сойтись съ ними, какъ можно, ближе. Ты, который безъ затрудненій говоришь все, что тебѣ захочется, самъ отъ какого родился отца, отъ хотя-

шаго, или отъ нехотящаго? Если отъ нехотящаго; то ему сдѣлано принужденіе. Какое насиліе! И кто жь принудившій его? Вѣрно не скажешь, что природа; ибо въ природѣ—быть и цѣломудренныиъ. А если отъ хотящаго; то за нѣсколько слоговъ пропалъ у тебя отецъ; ты сталъ сыномъ хотѣнія, а не отца. Но перехожу къ Богу и къ тварямъ, и вопросъ твой передаю на судъ твоей мудрости. Богъ сотворилъ міръ по хотѣнію, или принужденно? Если принужденно; то и здѣсь насиліе и насильственно дѣйствующій. А если по хотѣнію, то лишены Бога, какъ прочія твари, такъ болѣе всѣхъ ты, изобрѣтатель такихъ умозаключеній, вдающійся въ подобныя мудрованія; потому что между тварями и Творцемъ становится преградой посредствующее хотѣніе. Но думаю, что иное есть хотящій и иное — хотѣніе, иное раждающій и иное — рожденіе, иное говорящій и иное—слово; если только мы въ трезвомъ умѣ. Первый есть движущій, а послѣднее—родъ движенія. Посему то, чего хотѣлось, не отъ хотѣнія, потому что не всегда слѣдуетъ за хотѣніемъ, и рожденное—не отъ рожденія, и слышимое—не отъ произношенія, но отъ хотящаго, раждающаго, говорящаго. А что въ Богѣ, то выше и этого всего. Въ Немъ хотѣніе раждать есть уже можетъ быть самое рожденіе, а не что-либо посредствующее; если только вполнѣ дадимъ мѣсто хотѣнію, а не скажемъ, что рожденіе выше хотѣнія. Хочешь ли, сдѣлаю примѣненіе къ Богу-Отцу?—у тебя заимствую такую дерзость. Отецъ—хотящій, или нехотящій Богъ? и какъ избѣгать обоюднаго твоего довода! Если хотящій; то когда началъ хотѣть? Не прежде, чѣмъ существовать. Ибо прежде ничего не было. Или въ Немъ одно хотѣло, а другое опредѣлялось хотѣніемъ; и потому состоитъ Онъ изъ частей. Не будетъ ли и Онъ, по твоему, плодомъ хотѣнія? А если не хотящій, что принудило Его быть (Богомъ)? И какъ Онъ—Богъ, если принужденъ, и принужденъ не къ иному чему, а къ тому самому, чтобы быть Богомъ?

Спрашиваешь: „какъ Сынъ рожденъ?“—Но какъ Онъ и сотворенъ, если, по твоему, сотворенъ? И здѣсь затрудненіе тоже. Скажешь можетъ быть, что сотворенъ волею и словомъ. Но ты не все еще сказалъ; ибо остается договорить одно: откуда воля и слово имѣютъ силу исполненія; потому что человѣкъ не такъ творить. Какъ же Сынъ рожденъ? — Не важно было бы Его рожденіе, еслибъ оно было удобопостежимо и для тебя, который не знаешь собственнаго своего рожденія, или и постигаешь въ немъ нѣчто, но не многое и такое, что о семъ стыдно и говорить, а потомъ считаешь себя всезнающимъ. Тебѣ надобно приложить много труда,

прежде чѣмъ откроешь законы отвердѣнія, образованія, явленія на свѣтъ, союзъ души съ тѣломъ, ума съ душою, слова съ умомъ, движеніе, возрастаніе, претвореніе пищи въ плоть, чувство, память, припамятованіе и прочее, изъ чего состоишь ты, а также прежде чѣмъ найдешь, что принадлежитъ обоемъ—душѣ и тѣлу, что раздѣлено между ними, и что они заимствуютъ другъ у друга. Ибо въ рожденіи положены основанія всему тому, что усовершенствуется впоследствии. Скажи же, что это за основанія? Но и послѣ этого не любознательствуй о рожденіи Бога, потому что сіе небезопасно. Ибо если знаешь свое рожденіе; то изъ сего не слѣдуетъ, что знаешь и Божіе. А если не знаешь своего; то какъ тебѣ знать Божіе? Ибо сколько Богъ неудобопознаваемъ въ сравненіи съ человѣкомъ, столько и горнее рожденіе непостижимѣе твоего рожденія. Если же Сынъ не родился потому только, что для тебя сіе непостижимо; то встаетъ тебѣ исключить изъ ряда существъ многое, чего ты не постигаешь, и притомъ прежде всего самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, какъ ни отважно пускаешься въ излишнія изслѣдованія, ты не скажешь, что такое Богъ. Отбрось свои теченія, отдѣленія, сѣченія и что еще представляешь о нетѣлесномъ естествѣ, какъ о тѣлѣ, и тогда, можетъ быть, представишь нѣчто достойное Божія рожденія. Какъ родился?—Опять съ негодованіемъ скажу тоже: Божіе рожденіе да почтено будетъ молчаніемъ! Для тебя важно узнать и то, что Сынъ родился. А какъ? Не согласимся, чтобъ сіе разумѣли и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебѣ, какъ родился?—Какъ вѣдаютъ сіе родившій Отецъ и рожденный Сынъ. А что кромѣ сего, закрыто облакомъ и недоступно твоей близорукости.

„Существовавшего ли Сына родилъ Отецъ, или несуществовавшего?“—Какое пустословіе! Такой вопросъ идетъ ко мнѣ и къ тебѣ, которые, хотя были чѣмъ-то, какъ Левій *въ чреслахъ* Авраамовыхъ (Евр. 7, 10), однакожь родились; а потому составились нѣкоторымъ образомъ изъ сущаго и не сущаго. Противное сему должно сказать о первобытномъ веществѣ, которое, явнымъ образомъ сотворено изъ не сущаго, хотя нѣкоторые и представляютъ оное не начавшимъ бытія. Но здѣсь¹⁾ рожденіе сливается съ бытіемъ, и оно *исперва* (1 Иоан. 1, 1). А потому, гдѣ найдетъ себѣ мѣсто твой отсюду обрывистый вопросъ? Есть ли что старѣе сего *исперва*, чтобъ намъ въ этомъ старѣйшемъ положить бытіе или не-

¹⁾ Въ рожденіи Бога-Сына.

бытіе Сына? Ибо въ обоихъ случаяхъ уничтожится у насъ *исперва*; если только, когда спросимъ и объ Отцѣ: изъ сущихъ Онъ, или изъ не сущихъ?—и тебѣ не угрожаетъ опасность согласиться, что или два Отца, одинъ предсуществовавшій, и другій существующій, или Отецъ терпитъ одно съ Сыномъ, то есть Самъ изъ не сущихъ, вслѣдствіе твоихъ ребяческихъ вопросовъ и сихъ построекъ изъ песку, которымъ не устоять и при слабомъ вѣтрѣ. А я не принимаю ни того, ни другого ¹⁾, и говорю, что нелѣзь вопросъ, а не отвѣтъ труденъ. Если же тебѣ, по правиламъ твоей діалектики, кажется необходимымъ, во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ признавать истиннымъ; то дай мѣсто и моему не важному вопросу: въ чемъ время,—во времени, или не во времени? Если во времени; то въ какомъ? что это за время сверхъ времени, и какъ содержитъ въ себѣ время? А если не во времени; что за чрезмѣрная мудрость вводить невременное время? И въ этомъ предложеніи: „я теперь лгу“, уступи что-нибудь одно только, то есть признай его или истиннымъ, или ложнымъ (а того и другого вмѣстѣ мы не уступимъ). Но сіе невозможно; ибо, по всей необходимости, или лгущій скажетъ правду, или говорящій правду солжетъ. Что жъ удивительнаго, какъ здѣсь сходятся противоположности, такъ и тамъ обоимъ положеніямъ быть ложными? А такимъ образомъ и мудрое твое окажется глупымъ. Но рѣши мнѣ еще одинъ загадочный вопросъ. Находился ли ты самъ при себѣ, когда раждался, находишься ли при себѣ и теперь, или и тогда не находился и теперь не находишься? Но если находился и находишься; то кто находящійся и при комъ находится? Какъ одинъ сталъ тѣмъ и другимъ?.. А если не находился и не находишься; то какъ отдѣляешься отъ самого себя? И какая причина сего разлученія? Скажешь: глупо и допытываться объ одномъ, находится ли онъ при себѣ, или нѣтъ; такъ можно говорить о другихъ, а не о себѣ. Такъ знай же, что еще глупѣе доискиваться о Рожденномъ *исперва*, существовалъ ли Онъ, или не существовалъ до рожденія. Ибо такъ можно говорить о вещахъ раздѣленныхъ временемъ!

Но ты говоришь: „Нерожденное и рожденное не одно и то же. А если такъ; то и Сынъ не одно съ Отцомъ“. Нужно ли говорить, что по сему умствованію явно отъемлется божество у Сына, или у Отца? Ибо если нерожденность есть сущность Божія, то рожден-

¹⁾ То-есть, что Сынъ рожденъ или какъ существовавшій, или какъ несуществовавшій.

ность уже не сущность; а если послѣдняя есть сущность, то первая—не сущность. Кто оспорить сіе? Итакъ, новый богословъ, выбирай, которое угодно изъ двухъ нечестивыхъ положеній, если у тебя непремѣнная мысль нечестивать. Потому и я спрошу: въ какомъ смыслѣ взявъ нерожденное и рожденное, называешь ихъ нетождественными? Если въ смыслѣ несозданнаго и созданнаго; то и я согласенъ, ибо безначальное и созидаемое нетождественны по естеству. А если называешь нетождественными родившаго и рожденнаго; то положеніе несправедливо, потому что они по всей необходимости тождественны.³ Самое естество родителя и его порожденія требуютъ, чтобы порожденіе по естеству было тождественно съ родившимъ.⁴ Или еще такъ: въ какомъ смыслѣ берешь нерожденное и рожденное? Если разумѣешь самую нерожденность и рожденность; то они не тождественны. А если разумѣешь тѣхъ, кому принадлежитъ нерожденность и рожденность; то почему же имъ не быть тождественными? Глупость и мудрость не тождественны между собою, однакоже бывають въ одномъ человѣкѣ, и сущность ими не дѣлится, но сами онѣ дѣлятся въ той же сущности. Ужели и безсмертіе, и непорочность, и неизмѣняемость составляютъ сущность Божію? Но если такъ; то въ Богѣ сущностей много, а не одна, или Божество сложено изъ нихъ; потому что не безъ сложенія онѣ въ Богѣ, если только составляютъ сущности Его. Но сего не называютъ сущностію Божіею; потому что оно бываетъ принадлежностію и другихъ существъ. Сущность же Божія есть то, что единому Богу принадлежитъ и Ему свойственно. Правда, что нерожденность приписывать Единому Богу не согласились бы тѣ, которые вводятъ и нерожденное вещество и нерожденную идею (а Манихейская тьма да не приближается и къ мысли нашей!); впрочемъ, пусть она будетъ принадлежностію одного Бога. Что же скажешь объ Адамѣ? Не онъ ли одинъ—Божіе созданіе?—Безъ сомнѣнія такъ. Но онъ ли одинъ—человѣкъ?—Ни мало. Почему же? потому что сотвореніе не единственный способъ къ произведенію человѣка; и рожденное есть также человѣкъ. Подобно сему не одно нерожденное есть Богъ, хотя нерожденность и принадлежитъ единому Отцу. Напротивъ того, хотя ты и чрезмѣрный любитель нерожденности, допусти, что и Рожденное есть Богъ; потому что и Оно отъ Бога. Сверхъ того, почему называешь сущностію Божіею не положеніе существующаго, но отрицаніе не существующаго? Ибо слово: нерожденный, показываетъ только, что въ Богѣ нѣтъ рожденія, а не объясняетъ, что такое Онъ по естеству, не сказыва-

ваетъ, что такое не имѣющій рожденія. Итакъ, что же есть сущность Божія? Твоему высокоумію—отвѣчать на это; потому что ты любопытствуешь о рожденіи. А для насъ велико, если узнаемъ сіе и впослѣдствіи, когда, по обѣтованію *Неложнаго* (Тит. 1, 2), разсѣется въ насъ мгла и дебелость. О сѣмъ да помышляють, сего да надѣются очистившіеся до такой степени. Мы же осмѣлимся сказать одно: если велико для Отца—ни отъ кого не происходитъ, то для Сына немаловажнѣе—происходить отъ такого Отца; потому что, какъ происшедшій отъ Безвиновнаго, участвуетъ Онъ въ славѣ Безвиновнаго, но къ сѣму присовокупляется и рожденіе, которое само по себѣ велико и досточтимо для умовъ не вовсе пресмыкающихся по землѣ и оземленѣвшихъ.

Но говорятъ: „Если Сынъ тождественъ съ Отцемъ по сущности, а Отецъ нерожденъ; то и Сынъ будетъ нерожденъ“. — Это справедливо, если нерожденность есть сущность Божія. Тогда Сынъ будетъ новое смѣшеніе — рожденно-нерожденное. Но ежели сія разность не въ самой сущности; то почему ты умозаключеніе свое выдаешь за твердое? Ужели и ты отецъ своему отцу, чтобъ тебѣ, будучи тождественнымъ съ нимъ по сущности, ни въ чемъ не отставать отъ своего отца? Не очевидно ли лучше искать намъ, что такое сущность Божія (если только найдемъ), оставляя непреходящими личныя свойства? Еще и такъ можешь удостовѣриться, что нерожденность и Богъ нетождественны. Если бы они были тождественны; то слѣдовало бы, поелику Богъ есть Богъ нѣкоторыхъ, и нерожденности быть нерожденностію нѣкоторыхъ, или, поелику нерожденность не есть нерожденность нѣкоторыхъ, и Богу не быть Богомъ нѣкоторыхъ; потому что о совершенно тождественномъ и говорится подобно. Но нерожденность не есть нерожденность нѣкоторыхъ. Ибо чья она? А Богъ есть Богъ нѣкоторыхъ; потому что Онъ Богъ всѣхъ. Слѣдственно, какъ же Богу и нерожденности быть тождественными? И еще: поелику нерожденность и рожденность противоположны между собою, какъ обладаніе и лишеніе; то необходимо будетъ ввести и противоположныя между собою сущности; а сего никто не допускаетъ. Или еще: поелику обладаніе первоначальнѣе лишенія, а лишеніемъ уничтожается обладаніе; то сущность Сына, вслѣдствіе твоихъ предположеній, не только первоначальнѣе сущности Отца, но даже уничтожается ею.

Какой же есть еще у нихъ неотразимый доводъ, къ которому можетъ быть прибѣгнутьъ они въ заключеніе всего? „Если Богъ не

пересталъ раждать, то рожденіе несовершенно. И когда Онъ перестанетъ? А если пересталъ; то, безъ сомнѣнія, и началъ".—Опять плотскіе говорятъ плотское. А я, какъ не говорю—вѣчно или не вѣчно раждается Сынъ, пока не вникну тщательно въ сказанное: *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Мѧ* (Притч. 8, 25); такъ не вижу необходимаго слѣдствія въ доказательствѣ. Ибо если имѣющее прекратится, по словамъ ихъ, началось; то не имѣющее прекратится, безъ сомнѣнія, не начиналось. А потому, что скажутъ о душѣ или объ Ангельской природѣ? Если онѣ начались; то и прекратятся. А если не прекратятся; то, какъ видно изъ ихъ положенія, и не начинались. Но онѣ и начались и не прекратятся. Слѣдственно несправедливо ихъ положеніе, что имѣющее прекратится началось.

Наше ученіе таково: какъ для коня, вола, человѣка и для каждой вещи одного рода одно есть понятіе, и что подходитъ подъ сіе понятіе, о томъ оно скажется въ собственномъ смыслѣ, а что не подходитъ, о томъ или не скажется, или скажется несобственно; такъ одна есть Божія сущность, одно Божіе естество, одно Божіе именованіе (хотя имена и различаются вслѣдствіе различныхъ нѣкоторыхъ умпредставленій), и что въ собственномъ смыслѣ именуется Богомъ, то дѣйствительно есть Богъ; а равно, что по естеству есть Богъ, то истинно именуется Богомъ; если только истина состоитъ у насъ не въ именахъ, а въ вещахъ. Но они, какъ бы опасаясь, чтобъ не все уже подвигнуть противъ истины, когда бываютъ къ тому принуждены разумомъ и свидѣтельствами, исповѣдуютъ Сына Богомъ, но Богомъ по соименности, то есть по участію въ одномъ наименованіи.

Когда же возражаемъ имъ: а что? ужели Сынъ не въ собственномъ смыслѣ Богъ, подобно тому, какъ животное на картинѣ не собственно животное? и какъ Онъ Богъ, если не въ собственномъ смыслѣ Богъ?—тогда они отвѣчаютъ: что жъ препятствуетъ, чтобъ одни и тѣ же были и соименны, и именовались каждый въ собственномъ смыслѣ? При семъ представляютъ въ примѣръ пса живущаго на сушѣ и пса морскаго, которые соименны, и именуется каждый псомъ въ собственномъ смыслѣ. Правда, что между соименными составляетъ нѣкоторый *родъ* какъ подобное сему, такъ и иное что-нибудь, если оно, хотя и различно по естеству, впрочемъ носить то же имя, и равно въ немъ участвуетъ. Но тамъ, подводя подъ одно наименованіе два естества, не утверждаешь ты, наилучшій, чтобъ одно было лучше другого, чтобъ одно

предшествовало, а другое въ меньшей мѣрѣ было тѣмъ, чѣмъ оно называется. Съ ними не сопрягается ничего такого, что дѣлало бы сіе необходимымъ. Первый песъ не больше, а второй не меньше перваго есть песъ, то есть и морской песъ—живущаго на сушѣ, и обратно, живущій на сушѣ—морскаго (да и почему, или на какомъ основаніи было бы сіе?); напротивъ того общее наименованіе имѣютъ предметы равночестные и различные. Но здѣсь, съ понятіемъ о Богѣ сопрягая досточтимость и превосходство надъ всякою сущностію и естествомъ (что принадлежитъ единому Богу, и составляетъ какъ бы естество Божества), а потомъ приписавъ сіе Отцу, и отнявъ у Сына (чрезъ что ставишь Его ниже, и удѣляешь Ему второстепенное чествованіе и поклоненіе), хотя на словахъ придаешь Ему Богоподобіе, на самомъ же дѣлѣ отсѣкаешь у Него Божество, и отъ соименности, заключающей въ себѣ равенство, съ злымъ умысломъ переходишь къ соименности, которую связываются вещи неравныя. А такимъ образомъ, по твоимъ умозаключеніямъ, человѣкъ на картинѣ и человѣкъ живой ближе изображаютъ Божество, нежели представленныя въ примѣрѣ псы. Или уступи Обоимъ какъ общеніе въ наименованіи, такъ и равночестность естествъ, хотя и признаешь Ихъ различными; тогда уничтожатся у тебя псы, которыхъ придумалъ ты въ объясненіе неравенства. Да и что пользы въ соименности, если раздѣляемые тобою не будутъ имѣть равночестности? Ибо не въ доказательство равночестности, но въ доказательство неравночестности, прибѣгъ ты къ соименности и къ псамъ. Можно ли больше сего изблечить въ себѣ и противорѣчіе съ самимъ собою и противленіе Божеству?

Если же къ сказанному нами: Отецъ больше Сына, какъ Виновникъ, присовокупивъ положеніе: но Виновникъ по естеству, выводятъ они заключеніе: Отецъ больше Сына по естеству; то не знаю, самихъ ли себя больше обманываютъ они, или тѣхъ, къ кому обращаютъ слово. Ибо не безусловно все то, что скажется о чемъ-нибудь, должно быть сказуемымъ и подлежащаго ему; но надобно различать о чемъ говорится, и что. Иначе что препятствуетъ и мнѣ, сдѣлавъ такое положеніе: Отецъ больше по естеству, и потомъ присовокупивъ: а что по естеству, то не всегда больше, и не всегда отецъ, вывести изъ сего заключеніе: большее не всегда больше, или: отецъ не всегда отецъ. А если угодно, буду разсуждать такъ: Богъ есть сущность; но сущность не всегда Богъ; отсюда самъ выведи заключеніе: Богъ не всегда Богъ. Но думаю, что это—ложное умозаключеніе, на учебномъ языкѣ обыкновенно на-

зывается, отъ относительнаго къ безусловному. Ибо когда даемъ имъ понятіе о большинствѣ виновника по естеству, они вводятъ понятіе о большинствѣ по естеству. Здѣсь тоже, какъ если бы мы сказали: извѣстный человѣкъ мертвъ, а они сдѣлали бы наведеніе просто: человѣкъ мертвъ.

Но какъ умолчать намъ о томъ, что не меньше предъидущаго стоитъ быть упомянутымъ? Они говорятъ: Отецъ есть имя Божіе по сущности или по дѣйствию; и въ обоихъ случаяхъ хотятъ завязать насъ. Если скажемъ, что имя Божіе по сущности; то съ симъ вмѣстѣ допустимъ иносущіе Сына; потому что сущность Божія одна, и ее, какъ говорятъ они, предвосхитилъ уже Отецъ. А если—имя по дѣйствию; то очевидно признаемъ Сына твореніемъ, а не рожденіемъ. Ибо гдѣ дѣйствующій, тамъ непременно и произведеніе. И можетъ ли сотворенное быть тождественно съ Сотворившимъ?—скажутъ они съ удивленіемъ.—Весьма бы уважилъ и я самъ ваше раздѣленіе, еслибы необходимо было принять одно изъ двухъ. Но справедливѣе будетъ, избѣжавъ того и другаго, сдѣлать третіе положеніе, а именно сказать вамъ, премудрые, что Отецъ есть имя Божіе, не по сущности и не по дѣйствию, но по отношенію, какое имѣютъ Отецъ къ Сыну, или Сынъ къ Отцу. Ибо сіи наименованія, какъ у насъ показываютъ близость и сродство, такъ и тамъ означаютъ соестественность Родившаго съ Рожденнымъ.

Но пусть будетъ слово: Отецъ, въ угодность вашу, означать и нѣкоторую сущность; тогда, по общимъ понятіямъ и по силѣ сихъ наименованій, Онъ введетъ съ Собою и Сына, а не отчуждитъ Его. А если угодно, пусть будетъ именемъ по дѣйствию; и въ семъ случаѣ не переспорите насъ. Мы утверждаемъ, что сіе самое, то есть единосущіе, и было дѣствіемъ Отца; или иначе понятіе о такомъ дѣствіи заключало бы въ себѣ недѣльность.

Видишь ли, что мы избѣгаемъ вашихъ ухищреній, какъ ни хотѣлось вамъ одолѣть насъ? Но поелику мы узнали уже, сколько непреборимы твои умозаключенія и ухищренные доводы, то посмотримъ, какова крѣпость твоихъ доказательствъ изъ слова Божія, если станешь убѣждать насъ и оными.

Ибо мы и познали и проповѣдуемъ Божество Сына, руководствуясь великими и высокими реченіями. Какими же? слѣдующими: Богъ, Слово, въ началѣ, съ началомъ начало (*Въ началѣ бѣ Слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, Иоан. 1. 1. и: съ

Тобою начало, Пс. 103, 4 и еще: *призывай ю отъ родовъ начало* ¹⁾ Исаи 41, 4). А также наименованія: Сынъ единородный (*Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда*, Иоан. 1, 18). Путь, Истина, Жизнь, Свѣтъ (*Азъ есмь путь, истина и животъ*, Иоан. 14, 6 и еще: *Азъ есмь свѣтъ міру*, Иоан. 8, 12), Премудрость, Сила (*Христосъ Божія сила и Божія премудрость*, 1 Кор. 1, 24), Сіяніе, Образъ (*характѣръ, εἰκὼν*), Печать (*Иже сый сіяніе славы и образъ (характѣръ) впостаси Его*, Евр. 1, 3 и еще: *Образъ (εἰκὼν) благодѣтели*, Прем. 27, 6 и еще: *сего бо Отець знамена Богъ*, Иоан. 6, 27), Господь, Царь, Сый, Вседержитель (*и Господь одожди огонь отъ Господа*, Быт. 19, 24 и еще: *жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего*, Пс. 44, 7 и еще: *Сый, и иже бѣ, и грядый, Вседержитель*, Апок. 1, 8) ясно приписываются Сыну, равно какъ и другія имѣющія съ сими одинаковую силу, и принадлежащія къ числу тѣхъ, изъ которыхъ ни одно не есть пріобрѣтенное и впослѣдствіи усвоенное Сыну, или Духу, также какъ и самому Отцу; потому что Онъ совершенъ не чрезъ приращеніе, и не было, когда бы Онъ былъ безъ Слова, не было, когда бы Онъ былъ не Отець, не было, когда бы Онъ былъ не истиненъ, или не премудръ, или не всемогущъ, или лишентъ жизни, или свѣтлости, или благодѣтели.

Перечисли же и ты въ противоположность симъ реченіямъ тѣ, которыя отыскиваетъ твоя неблагодарность! Таковы суть: *Богъ мой и Богъ вашъ* (Иоан. 20, 17), *болій* (Иоан. 14, 28), *созда* (Прит. 8, 22), *сотворилъ естъ* (Дѣян. 2, 36), *святи* (Иоан. 10, 36). А если угодно, и слѣдующія: *рабъ* (Исаи 49, 3), *послушавъ* (Фил. 3, 7), *даде* (Иоан. 5, 22; 10, 29), *навъче* (Евр. 5, 8), *заповѣда* (Иоан. 14, 31), *посла* (Иоан. 10, 36. 17, 3), *не можетъ о себѣ что творити* (Иоан. 5, 30), или говорить (Иоан. 12, 49), или судить (Иоан. 12, 47), или даровать (Матѣ. 20, 23), или хотѣтъ (Матѣ. 26, 39). А еще и тѣ, въ которыхъ приписывается Сыну невѣдѣніе (Марк. 13, 32), покорность (1 Кор. 15, 28), молитва (Лук. 6, 12), вопрошеніе (Иоан. 11, 34), преспѣяніе (Лук. 2, 52),

¹⁾ Илія послѣ сихъ словъ читалъ еще слѣдующія. „Ибо пророкъ вводитъ самого Бога и Отца, Который задолго прежде описываетъ посланіе къ намъ Единороднаго Сына, совершенное по Божію совѣту, и говоритъ такъ: *Кто возстави отъ востока правду, призва ю къ ногамъ своимъ, и поидетъ? дастъ предъ языки, и цари ужаситъ; и проженетъ я, и проидетъ съ миромъ путь ногъ его: кто содѣла и сотвори сія? призва ю, призывая ю отъ родовъ начало. Азъ Богъ первый, и въ грядущая Азъ есмь* (Ис. 41, 2—4).

совершенство (Евр. 5, 9). Присовокупи, если хочешь, и болѣе сихъ унизительныя реченія, напримѣръ: спить (Мате. 8, 24), алчеть (Мат. 4, 7), угруждается (Іоан. 4, 6), плачеть (Іоан. 11, 35), находится въ бореніи (Лук. 22, 44), укрывается (Іоан. 8, 59). А можетъ быть обратишь ты въ укоризну даже смерть и крестъ. Ибо не коснешься, какъ думаю, воскресенія и вознесенія; потому что въ нихъ найдется нѣчто и въ нашу пользу. Но и кромѣ сего можешь собрать многое, если захочешь ты себѣ составить соименнаго и сопричтеннаго Бога, когда у насъ есть Богъ, истинный и равночестный Отцу.

Если и каждое изъ сихъ реченій разбирать въ отдѣльности; то не трудно будетъ объяснить тебѣ ихъ въ смыслѣ благочестномъ, устранивъ все, что въ Писаніяхъ служитъ для тебя преткновеніемъ; ежели только дѣйствительно ты претыкаешься, а не съ намѣреніемъ толкуешь криво. Вообще же реченія болѣе возвышенныя относи къ Божеству и къ природѣ, которая выше страданій и тѣла, а реченія болѣе унизительныя—къ Тому, Кто Сложенъ, за тебя истощилъ Себя и воплотился, а не хуже сказать, и вочеловѣчился, потомъ же превознесенъ, чтобъ ты, истребивъ въ догматахъ своихъ все плотское и пресмыкающееся по землѣ, научился быть возвышеннѣе и восходить умомъ къ Божеству, а не останавливаться на видимомъ, возносился къ мысленному и зналъ, гдѣ рѣчь объ естествѣ Божіемъ, и гдѣ объ Его домостроительствѣ. Ибо было, когда Сей, тобою нынѣ презираемый, былъ выше тебя. Нынѣ онъ человѣкъ, а былъ и несложенъ. Хотя пребылъ и тѣмъ, чѣмъ былъ Онъ; однакоже воспріялъ и то, чѣмъ не былъ. Въ началѣ былъ Онъ безъ причины; ибо что можетъ быть причиною Бога? Но въ послѣдствіи началъ бытіе по причинѣ, и причиною было — спасти тебя — ругателя, который презираешь Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость, и посредствомъ ума вступило въ общеніе съ плотію; и дольний человѣкъ сталъ Богомъ, послѣ того какъ соединился съ Богомъ и сталъ съ Нимъ едино; потому что препобѣдило лучшее, дабы и мнѣ быть богомъ, поколику Онъ сталъ человѣкомъ. Онъ родился; но и прежде былъ рожденъ,—родился отъ жены, но и отъ Дѣвы,—родился человѣчески, рожденъ Божески; здѣсь безъ отца, но и тамъ безъ матери; а все сіе есть знакъ Божества. Онъ носимъ былъ во чревѣ, но узнавъ Пророкомъ, который самъ былъ еще во чревѣ, и *выгрался* предъ Словомъ, для Котораго получилъ бытіе (Лук. 1, 44). Онъ повить былъ пеленами; но воскресши сложилъ съ Себя гроб-

ныя пелены. Положенъ былъ въ ясляхъ; но прославленъ Ангелами, указанъ звѣздою, почтенъ поклоненіемъ отъ волхвовъ. Какъ же ты находишь преткновеніе въ видимомъ, не обращая вниманія на умосозерцаніе? Онъ спасался бѣгствомъ во Египетъ, но и все Египетское обратилъ въ бѣгство. Для Іудеевъ *не имаше ни вида. ни доброты* (Исаи 53, 2); но для Давида *красенъ добротою паче сыновъ человеческихъ* (Пс. 44, 3), но на горѣ молніеносенъ и свѣтозарнѣе солнца, чѣмъ и тайноводствуетъ къ будущему. Онъ крещенъ какъ человекъ; но разрѣшилъ грѣхи какъ Богъ; — крещенъ не потому, что Самъ имѣлъ нужду въ очищеніи; но чтобъ освятить воды. Онъ былъ искушаемъ какъ человекъ; но побѣдилъ какъ Богъ, но повелѣваетъ *держать*, какъ *Побѣдившій міръ* (Іоан 16, 23). Алкалъ; но напиталъ тысячи, но Самъ есть хлѣбъ животный и небесный (Іоан. 6, 33, 35). Жаждалъ; но и возгласилъ: *еще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ, и да пьетъ*, но и обѣщаль, что вѣрующіе источать воды живыя (Іоан. 7, 39). Утруждался; но Самъ есть упокоеніе труждающихся и обремененныхъ (Мате. 11, 28). Его отягощаль сонъ; но Онъ легокъ на морѣ, но Онъ запрещаетъ вѣтрамъ, но Онъ подьмлетъ утопающаго Петра. Даетъ дань; но изъ рыбы, но царствуетъ надъ собирающими дани. Его называютъ Самаряниномъ и имѣющимъ бѣса; однакожь, Онъ спасаетъ *сходящаго отъ Іерусалима и впадшаго въ разбойники* (Лук. 10, 30), однакоже Онъ познается бѣсами, изгоняетъ бѣсовъ, посылаетъ въ бездну легионъ духовъ, и видитъ вождя бѣсовскаго *яко молнію спадша* (Лук. 10, 19). Въ Него мечутъ камнями; но не могутъ взять Его. Онъ молится; но и внемлетъ молитвамъ. Плачетъ; но и прекращаетъ плачь. Спрашиваетъ, гдѣ положенъ Лазарь, потому что былъ человекъ; но и воскрешаетъ Лазаря, потому что былъ Богъ. Онъ продается, и за самую низкую цѣну—за тридцать сребренниковъ; но искупаетъ міръ, и высокою цѣною—собственную Своею кровію. *Яко овца на заколеніе ведется* (Исаи 53, 7); но Онъ—Слово, *возвѣщаемое гласомъ вопіющаго въ пустыни* (Исаи 40, 3). Былъ *мученъ и язвенъ* (Исаи 59, 5); но *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю* (Мате. 4, 23). Возносится на древо и притвождается; но возстановляетъ насъ древомъ жизни, но спасаетъ распятаго съ Нимъ разбойника, но омрачаетъ все видимое. Напоевается оцтомъ, вкушаетъ желчь; но кто же Онъ? — Претворившій воду въ вино, Истребитель горькаго вкушенія, *сладость и весь желаніе* (Пѣсн. Пѣсн. 5, 16). Предастъ душу; но *область имать паки пріяти ю*

(Иоан. 10, 18); но раздирается завѣса, потому что горнее дѣлается открытымъ; но разсѣдаются камни, но встають мертвые. Умираеть; но животворить и разрушаетъ смертью смерть. Погибается; но возстаетъ. Нисходитъ въ адъ; но возводитъ изъ него души, но восходитъ въ небеса; но придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и подвергнуть истязанію подобныя твоимъ слова. Если одни реченія служатъ для тебя поводомъ къ заблужденію; то другія да разсѣють твое заблужденіе!

Такой даемъ отвѣтъ говорящимъ загадочно—даемъ не охотно (потому что для вѣрныхъ неприятно пустословить и препираться словами—для нихъ довольно и одного противника (1 Тим. 5, 14), однакоже даемъ по необходимости, для нападающихъ (потому что и лекарства существуютъ для болѣзней), чтобъ узнали они, что не во всемъ они мудры и не неодолимы въ своихъ излишнихъ и упраздняющихъ Евангеліе мудрованіяхъ. Ибо когда, оставивъ вѣру, предпочитаемъ ей силу слова, и несомнѣнность Духа уничтожимъ своими вопросами, а потомъ слово наше преобѣждено будетъ величіемъ предметовъ (сіе же необходимо послѣдуетъ, когда словомъ движеть немощное орудіе—наша мысль); тогда что бываетъ? — Немошь слова представляется намъ недостаточностію самаго таинства; и такимъ образомъ лѣпота слова обращается въ уничтоженіе Креста, какъ разсуждаетъ о семъ и Павелъ (1 Кор. 1, 17). Ибо восполненіе нашего ученія есть вѣра.

Но Ты, *возвѣщаяй союзы и разрывающій сокровенная* (Дан. 5, 12), наводящій и насъ на разумъ, какъ сводить наросты насильственно вторгающихся ученій, измѣнивъ сихъ наипаче, содѣлай изъ хитрослововъ вѣрными и изъ именуемыхъ нынѣ — Христіанами! Къ сему и убѣждаемъ васъ, о семъ и молимъ *по Христу, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20), и *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19); лучше же сказать, да примирится съ вами Христосъ, и хотя поздно, да возсіяетъ вамъ Духъ! Если же вы чрезъ мѣру упорны; то по крайней мѣрѣ для себя самихъ спасаемъ мы Троицу и спасаемся Троицею, пребывая *чисти и непреткновенни* (Филип. 1, 10) до совершеннаго явленія того, что для насъ вожделѣнно, о самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 30, о богословіи четвертое, о Богъ Сынъ второе.

Ухищренные твои доводы и сплетенія умозаключеній достаточно поколебаль я силою Духа, а также на возраженія и противоположенія изъ божественныхъ Писаній (которыми святоотатцы истины, скрадывая смыслъ написаннаго, склоняють на свою сторону многихъ, и возмущають путь истины) дано уже мною общее рѣшеніе, и рѣшеніе, сколько самъ себя увѣряю, для благомыслящихъ не не ясное, а именно: тѣ реченія Писанія, которыя болѣе возвышенны и боголѣпны, приложилъ я къ Божеству, а тѣ, которыя болѣе низки и человѣкообразны, отнесъ къ новому насъ ради Адаму и къ Богу, содѣлавшемуся страждущимъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Но, поспѣшая словомъ, не разсмотрѣлъ я каждаго изъ таковыхъ реченій въ отдѣльности. Поелику же ты, чтобъ не увлечься толкованіями имѣющими видъ вѣроятности, требуешь краткихъ рѣшеній и на сіи реченія; то, для облегченія памяти раздѣливъ числами, подведу ихъ подъ общій обзоръ.

Первое и особенно готовое у нихъ изреченіе есть слѣдующее: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22). Какъ отвѣчать на сіе? Не станемъ ни обвинять Соломона, ни отвергать прежняго за послѣднее его паденіе, ни толковать, что здѣсь представлена говорящею Премудрость, то-есть то вѣдѣніе и тотъ художническій умъ, по которымъ все сотворено. Ибо Писаніе часто олицетворяетъ многія даже и бездушныя вещи, напримѣръ: *море рече* то и то (Исаи 23, 4), и *бездна рече: нѣсть во мнѣ* (Іов. 28, 14); также *небеса* представлены *повѣдающими славу* Божію (Пс. 18, 1), и мечу повелѣвается нѣчто (Зах. 13, 7), горы и холмы вопрошаются о причинахъ взыгранія (Пс. 113, 6). Но не будемъ отвѣчать подобнымъ сему образомъ, хотя нѣкоторые прежде насъ и выдавали сіе за нѣчто твердое. Напротивъ того положимъ, что это слова самого Спасителя—истинной Премудрости, и разсмотримъ ихъ нѣсколько внимательнѣе. Какое изъ существъ не имѣетъ причины? Божество. Ибо никто не скажетъ намъ причины Бога; иначе она была бы первоначальнѣе самого Бога. Но какая причина тому, что Богъ ради насъ пріемлетъ человѣчество?—Та, чтобъ всѣ мы были спасены. Ибо какой быть иной причинѣ? Итакъ поелику здѣсь находимъ и слово: *созда*, и другое ясное реченіе: *раждаетъ мя* (Притч. 8, 25); то объясненіе просто. Сказанное съ присовокупленіемъ причины припишемъ человѣче-

ству, а сказанное просто, безъ присовокупленія причины, отнесемъ къ Божеству. Но не слово ли: *созда*, сказано съ присовокупленіемъ причины? Ибо Соломонъ говоритъ: *созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя. Дѣла же рукъ Его истина и судъ* (Пс. 110, 7), для которыхъ помазанъ Онъ Божествомъ; потому что сіе помазаніе относится къ человѣчеству. Но слово: *раждаетъ мя*, употреблено безъ присовокупленія причины; иначе укажи, что къ нему прибавлено. Итакъ кто будетъ спорить, что Премудрость называется твореніемъ по рожденію дольному, и раждаемою—по рожденію первому и болѣе нестижимому?

Изъ сего происходитъ и то, что Сыну дается наименованіе раба, *благослужаща многимъ*. (Исаи 53, 11), и что Ему *велика есть еже назватися рабомъ Божиимъ* (Ис. 49, 6). Ибо дѣйствительно, для нашего освобожденія послужилъ Онъ плоти, рожденію, немощамъ нашимъ и всему, чѣмъ спасъ содержимыхъ подъ грѣхомъ. А для низости человѣка что выше того, какъ соединиться съ Богомъ, и чрезъ такое соединеніе стать Богомъ и столько быть посѣщену *Востокомъ свыше* (Лук. 1, 78), чтобъ и *раждаемое свято нареклось Сыномъ Вышняго* (Лук. 1, 35), и даровано было Ему *имя, еже паче всякаго имени* (а это что иное, какъ не тоже, что быть Богомъ?), чтобъ *всякое колѣно поклонилось* (Филип. 2, 9, 10). Истоцившему Себя за насъ, и образъ Божій Сраствовавшему съ зракомъ раба, чтобъ *разумѣлъ весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36)? Ибо сіе было, какъ по дѣйствию Рожденнаго, такъ и по благоволенію Родителя.

А что занимаетъ второе мѣсто между важнѣйшими для нихъ и непреоборимыми реченіями?—*Подобаетъ бо Ему царствовать, дондеже*, и проч. (1 Кор. 15, 25), *небеси пріяти до мѣтъ устройства* (Дѣян. 3, 21) и имѣть сѣденіе *одесную* до покоренія враговъ (Евр. 1, 13). Чтожъ послѣ того? перестанетъ царствовать? сойдетъ съ небесъ? Кто жъ, и по какой причинѣ, положить конецъ Его царствованію? Какой ты дерзкій и не терпящій надъ собою царя толкователь! Впрочемъ и ты знаешь, что *царствію Его не будетъ конца* (Лук. 1, 33). Но впадешь въ заблужденіе по незнанію, что слово: *дондеже*, не всегда противопологается будущему времени, а напротивъ того, означая время до извѣстнаго предѣла, не исключаетъ и послѣдующаго за симъ предѣломъ. Иначе (не говорю о другомъ чемъ) какъ будешь разумѣть слова: *буду съ вами до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 20)? Ужели такъ, что послѣ

сего не будетъ Онъ съ нами? Что за разсужденіе! Но ты погрѣшаешь не отъ одного сего незнанія, но и отъ того, что не различаешь значеній. Сынъ именуется царствующимъ,—въ одномъ смыслѣ, какъ Вседержитель и Царь хотящихъ и нехотящихъ, а въ другомъ, какъ приводящій насъ къ покорности, и подчинившій Своему царствію тѣхъ, которые добровольно признаемъ Его Царемъ. И царствію Его, если разумѣть оное въ первомъ значеніи, не будетъ конца; а если разумѣть во второмъ, будетъ ли какой конецъ?—Тотъ, что насъ спасенныхъ приметъ подъ руку Свою (ибо покорившихся нужно ли еще приводить къ покорности?); а потомъ возстанетъ *судья земли* (Пс. 93, 3) и отдѣлитъ спасаемое отъ погибающаго; потомъ станетъ Богъ посреди боговъ спасенныхъ, чтобъ разсудить и опредѣлить, кто такой достоинъ славы и обители. Присовокупи къ сему и ту покорность, какою ты покоряешь Сына Отцу! Что говоришь? развѣ Сынъ не покоренъ теперь? Но, будучи съ Богомъ, Онъ совершенно долженъ покорствовать Богу. Или о какомъ разбойникѣ и противникѣ Божіемъ слово у тебя? Напротивъ того возьми во вниманіе слѣдующее. Какъ за меня названъ *клятвою* (Гал. 3, 13). Разрѣшающій мною клятву, и *грѣхомъ* (2 Кор. 5. 21). *Вземляй грѣхъ міра* (Іоан. 1. 29), и Адамъ изъ ветхаго дѣлается новымъ; такъ и мою непокорность, какъ Глава пѣлаго тѣла, дѣлаетъ Онъ Своею непокорностію. Посему доколѣ я непокоренъ и мятеженъ своими страстями и тѣмъ, что отрекаюсь отъ Бога, доколѣ и Христосъ, единственно по мнѣ, называется непокорнымъ. А когда все будетъ покорено Ему (покорится же, поколику познаетъ Его и перемѣнится); тогда и Онъ, приведя меня спасеннаго, исполнилъ Свою покорность. Ибо въ семъ именно, по моему по крайней мѣрѣ разсужденію, состоитъ покорность Христа—въ исполненіи воли Отчей. Покоряетъ же и Сынъ Отцу, и Отецъ Сыну, поколику Одинъ дѣйствуетъ, и Другій благоволитъ (какъ сказано мною прежде). И такимъ образомъ Покорившій представляетъ покоренное Богу, усвоая Себѣ нашу покорность.

Такое же, кажется мнѣ, значеніе имѣютъ слова: *Боже, Боже мой, возьми Ми, вскую оставилъ Мя еси* (Пс. 21, 1)? Ибо не Самъ Онъ оставленъ или Отцемъ, или собственнымъ Божествомъ, Которое (какъ думаютъ нѣкоторые) убоялось будто бы страданія, и потому сокрылось отъ страждущаго (кто принудилъ Его, или въ началѣ родиться на землѣ или взойти на крестъ?); но (какъ говорилъ уже я) въ лицѣ Своемъ изображаетъ насъ. Мы были прежде оставлены и презрѣнны, а нынѣ воспріаты и спасены страданіями Без-

страстнаго. Подобно сему усвояетъ Онъ Себѣ и наше неразуміе и нашу грѣховность, какъ видно изъ продолженія Псалма; потому что двадцать первый Псаломъ явно относится ко Христу.

Подъ тотъ же взглядъ подходитъ и то, что Онъ *навъыче послушанію отъ сихъ, яже пострада*, а также Его *воплъ, слезы, молитва, услышаніе и благоговѣнство* (Евр. 5, 7. 8);—все это совершается и чудеснымъ образомъ совокупляется отъ нашего лица. Самъ Онъ, какъ Слово, не былъ ни послушливъ, ни непослушливъ (такъ какъ то и другое свойственно подчиненнымъ и второстепеннымъ, и одно добронравнымъ, а другое достойнымъ наказанія), но, какъ *зракъ раба* (Фил. 2, 7), снисходитъ къ сорабамъ и рабамъ, пріемлетъ на Себя чужое подобіе, представляя въ Себѣ всего меня и все мое, чтобъ истощить въ Себѣ мое худшее, подобно тому, какъ огонь истребляетъ воскъ, или солнце—земный паръ, и чтобъ мнѣ, чрезъ соединеніе съ Нимъ, пріобщиться свойственнаго Ему. По сему собственнымъ Своимъ примѣромъ возвышаетъ Онъ цѣну послушанія, и испытываетъ оное въ страданіи; потому что недостаточно бываетъ одного расположенія, какъ недостаточно бываетъ и намъ, если не сопровождаемъ его дѣлами, ибо дѣло служитъ доказательствомъ расположенія. Но можетъ быть не хуже предположить и то, что Онъ подвергаетъ испытанію наше послушаніе и все измѣряетъ Своими страданіями, водясь искусствомъ Своего человѣколюбія, дабы собственнымъ опытомъ дознать, что для насъ возможно, и сколько должно съ насъ взыскивать, и намъ извинять, если при страданіяхъ принята будетъ во вниманіе и немощь. Ибо ежели и *Свѣтъ*, который, по причинѣ покровы ¹⁾, *свѣтитъ во тьмѣ* (Іоан. 1, 5), то есть въ сей жизни, гонимъ былъ другою тьмою (разумѣю лукаваго и искусителя); то кольми паче потерпитъ сіе, по своимъ немощамъ, тьма ²⁾. И что удивительнаго, ежели мы, когда Свѣтъ совершенно избѣжалъ, бываемъ нѣсколько настагаемы? По правому о семъ разсужденію, для Него болѣе значить быть гонимымъ, нежели для насъ—быть настигнутыми. Присовокуплю къ сказанному еще одно мѣсто, которое приходитъ мнѣ на память и очевидно ведетъ къ той же мысли, а именно: *въ немже бо пострада, Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18).

Будетъ же *Богъ всяческая во встѣхъ* (1 Кор. 15, 23) во время

¹⁾ Плоти.

²⁾ Человѣкъ.

устроения (Дѣян. 3, 21), то есть не одинъ Отецъ, совершенно разрѣшившій въ Себя Сына, какъ свѣчу, которая извлечена на время изъ большого костра, а потомъ опять въ него вложена (Савелліане не соблазняютъ насъ такимъ изреченіемъ), но всецѣлый Богъ, притомъ когда и мы, которые теперь, по своимъ движеніямъ и страстямъ, или вовсе не имѣемъ въ себѣ Бога, или мало имѣемъ, перестанемъ быть многимъ, но содѣлаемся всецѣло богоподобными, вмѣщающими въ себѣ всецѣлаго Бога и Его единого. Вотъ то совершенство, къ которому мы поспѣшаемъ! И о немъ-то особенно намекаетъ самъ Павелъ. Ибо что говоритъ онъ здѣсь неопредѣленно о Богѣ, то въ другомъ мѣстѣ ясно присвояетъ Христу. Въ какихъ же словахъ?—*Идѣже нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скиѣтъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всякъ Христосъ* (Кол. 3, 11).

Въ третьемъ мѣстѣ поставь реченіе: *болій* (Іоан. 14, 23), и въ четвертомъ: *Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17).

Если бы сказано было: *болій*, но не сказано: *равенъ* (Іоан. 5, 18—21); то сіе реченіе имѣло бы можетъ быть у нихъ нѣкоторую силу. Когда же находимъ то и другое сказаннымъ ясно; что возражать сіи неустрашимые? чѣмъ подкрѣпятся? какъ согласятъ несоглаголаемое? Ибо невозможно, чтобъ одно и то же въ разсужденіи одного и того же и въ одинаковомъ отношеніи было и больше и равно. Не явно ли, что Отецъ больше Сына по виновности, и равенъ по естеству? А сіе и исповѣдуемъ мы весьма здравомысленно. Развѣ иный, подвизаясь еще крѣпче за наше ученіе, присовокупить: имѣющее бытіе отъ такой Вины не меньше Безвиновнаго; ибо что отъ Безначальнаго, то причастно славы Безначальнаго; а къ сему присовокупляется и рожденіе, которое, для имѣющихъ умъ, само по себѣ важно и досточтимо. Но мысль, что Отецъ больше Сына, разсматриваемаго по человѣчеству, хотя справедлива, однакоже, маловажна. Ибо что удивительнаго, если Богъ больше человѣка?

Таковъ нашъ отвѣтъ да будетъ тѣмъ, которые много кричатъ о словѣ: *болій*; о словѣ же *Богъ* скажемъ: Отецъ называется Богомъ не Слова, но видимаго (ибо какъ быть Богомъ Того, Кто въ собственномъ смыслѣ Богъ?), равно какъ и Отцемъ не видимаго, но Слова. Ибо во Христѣ два естества; а потому въ отношеніи къ обоимъ естествамъ имена: Богъ и Отецъ, употребляются частію собственно, частію же не собственно, и противоположно тому, какъ говорится сіе о насъ; потому что Богъ есть нашъ Богъ собственно,

но Отець нашъ—не собственно. И сіе-то самое, то есть сочетаніе именъ, и притомъ именъ, изъ которыхъ одни другими замѣняются по причинѣ соединенія естествъ, вводитъ въ заблужденіе еретиковъ. А доказательствомъ такого замѣненія служитъ то, что, когда естества различаются въ понятіяхъ, тогда раздѣляются и имена. Послушай, какъ говоритъ Павелъ: *да Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отець славы* (Еф. 1, 17). Богъ Христа, а славы Отець; хотя то и другое одно, но не по естеству, а по совокупности оныхъ. Что можетъ быть яснѣ сего?

Въ-пятыхъ, считай реченія, по которымъ Сынъ приемлетъ жизнь или судъ (Іоан. 5, 26, 27), или наслѣдіе народовъ (Іс. 2, 8), или власть *всякія плоти*, или славу, или учениковъ (Іоан. 17, 2, 6, 22), или тому подобное. И сіе относится къ челоуѣчеству. А если припишешь и Богу, не будетъ несообразности; потому что припишешь не какъ приобрѣтенное, но какъ отъ начала принадлежавшее, и притомъ по естеству, а не по благодати.

Въ-шестыхъ, положи реченіе: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща* (Іоан. 4, 19). Въ разсужденіи сего должно замѣтить, что слова: *можетъ* и *не можетъ*, не въ одномъ смыслѣ употребляются, но многозначительны. Иное называется невозможнымъ по недостатку силъ въ извѣстное время и на извѣстное дѣйствіе; на примѣръ: ребенокъ не можетъ бороться, щенокъ—видѣть, или драться съ такимъ-то, но со временемъ будетъ можетъ быть и бороться, и видѣть, и драться съ такимъ то, хотя съ другимъ драться и тогда останется для него невозможнымъ. Иное бываетъ невозможнымъ въ большей части случаевъ; на примѣръ: *не можетъ градъ укрытися верху горы стояй* (Матѣ. 5, 14). Но въ иномъ случаѣ могъ бы онъ и укрытися, если бы загороженъ былъ большою горою. Иное невозможно по несообразности; на примѣръ: *еда могутъ сынове брачннн поститися, елико время въ домъ женихъ* (Матѣ. 9, 15, Марк. 2, 19), или тѣлесно видимый Женихъ (ибо въ Его присутствіе время не злостраданій, но веселія), или умосозерцаемое Слово (ибо должны ли тѣлесно поститися очищеннымъ Словоу?). Иное невозможно по недостатку воли; на примѣръ: *не можаше ты сотворити знаменій, за невѣрствіе приемлющихъ* (Марк. 11, 5, 6). Поелику при исцѣленіяхъ нужны и вѣра врачуемыхъ и сила врачующаго; то по недостатку одного дѣлалось невозможнымъ и другое. Но не знаю, не причислить ли и сего къ невозможному по несообразности? Ибо несообразно было бы исцѣлить поврежденныхъ

невѣріемъ. Невозможность по недостатку воли выражается также въ словахъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (Іоан. 7, 7) и: *како можете добро глаголати, зми суще* (Матѳ. 12, 34)? Ибо почему было бы невозможно то или другое, если не потому, что нѣтъ на сіе воли? А иногда называется невозможнымъ и то, что, хотя невозможно по природѣ, однакоже могло бы стать возможнымъ по волѣ Божіей; на примѣръ: невозможно тому же человѣку *родитися второе* (Іоан. 3, 4), и невозможна игла, принимающая въ себя верблюда (Матѳ. 19, 24). Ибо что препятствовало бы и сему быть, если бы стало то угодно Богу? Но вѣдъ всѣхъ сихъ невозможностей совершенно невозможное и несбыточное; и оно-то составляетъ предметъ настоящаго изысканія. Какъ признаемъ невозможнымъ, чтобъ Богъ былъ золь или не существовалъ (сіе показывало бы въ Богѣ безсиліе, а не силу), или чтобъ существовало не существующее, или чтобъ дважды два было вмѣстѣ и четыре и десять; такъ невозможно и ни съ чѣмъ не совмѣстимо, чтобъ Сынъ творилъ что-либо такое, чего не творить Отецъ. Ибо все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну; какъ и обратно, принадлежащее Сыну принадлежитъ Отцу. Итакъ, ничего нѣтъ собственнаго; потому что все общее. И самое бытіе у Нихъ общее и равночестное, хотя бытіе Сына и отъ Отца. Потому и говорится: *Азъ живу Отца ради* (Іоан. 6, 57), не въ томъ смыслѣ, что жизнь и бытіе Сына поддерживаются отъ Отца, но въ томъ, что Сынъ отъ Отца существуетъ до временно и безвиновно. Что же значать слова: какъ видить творящаго Отца, такъ и творить? Ужели и здѣсь тоже, что видимъ въ списывающихъ картины или писмена, которые не иначе могутъ написать вѣрно, какъ смотря на подлинникъ и имъ руководствуясь? Возможно ли Премудрости имѣть нужду въ Учителѣ, или то одно и дѣлать, чему научена? Какъ же творить, или творилъ Отецъ? Ужели Онъ создалъ другой міръ прежде настоящаго, и создастъ будущій, а Сынъ, смотря на нихъ, какъ настоящій создалъ, такъ и будущій создастъ? Итакъ, по сему разсужденію четыре міра: два—твореніе Отца, и два—твореніе Сына. Какое неразуміе! Но Сынъ очищаетъ проказы, освобождаетъ отъ бѣсовъ и болѣзней, животворитъ мертвыхъ, ходитъ по морю и совершаетъ все прочее, что Имъ сотворено; надъ кѣмъ же и когда совершалъ сіе прежде Сына Отецъ? Не явно ли, что одни и тѣ же дѣла Отецъ предначертываетъ, а Слово приводитъ въ исполненіе, не рабски и слѣпо, но съ вѣдвнїемъ и владычественно, точнѣе же сказать, отечески. Такъ понимаю я слова: что сотворено бываетъ

Отцемъ, *ся и Сынъ такожде творитъ*, не въ подражаніе сотворенному, но по равночестію власти. И сіе означается, можетъ быть, словами: *доселъ и Отецъ дѣлаетъ и Сынъ* (Іоан. 5, 17), въ которыхъ впрочемъ разумѣется не одно сотвореніе, но также домо-строительство и сохраненіе сотвореннаго; какъ видно изъ словъ: *творитъ Ангелы Своя духи*, и *основываетъ землю на тверди ея* (Пс. 103, 4, 5), тогда какъ земля водружена и Ангелы сотворены однажды; также: *утверждаетъ громъ* и *созидаетъ вѣтръ* (Амос. 4, 13); тогда какъ законъ для нихъ данъ однажды, дѣйствіе же и нынѣ постоянно продолжается.

Въ седьмыхъ, считай реченіе, что Сынъ сошелъ *съ небеси, не да творитъ волю Свою*, но *Пославшаго* (Іоан. 6, 18). Если бы сіе сказано было не самимъ Снисшедшимъ, то мы отвѣтили бы, что слова сіи произнесены отъ лица человѣка, не какого разумѣемъ мы въ Спасителѣ (Его хотѣніе, какъ всецѣло обоженное, не противно Богу), но подобнаго намъ, потому что человѣческая воля не всегда слѣдуетъ, но весьма часто противорѣчитъ и противоборствуетъ волѣ Божіей. Ибо такъ понимаемъ и слова: *Отче, аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хочу*, но да превозможетъ воля Твоя (Матѣ. 26, 39); да и невѣроятно, чтобъ Христосъ не зналъ, что возможно, и что нѣтъ, и чтобъ сталъ противопоставлять одну волю другой. Но поелику это рѣчь Воспріявшаго (что значитъ слово: *снисшедый*), а не воспріятаго; то дадимъ слѣдующій отвѣтъ: сіе говорится не потому, что собственная воля Сына дѣйствительно есть отличная отъ воли Отца, но потому, что нѣтъ такой воли, и смыслъ заключающійся въ словахъ таковъ: „не да творю волю Мою; потому что у Меня нѣтъ воли, отдѣльной отъ Твоей воли, но есть только воля общая и Мнѣ и Тебѣ. Какъ Божество у Насъ одно, такъ и воля одна“. Ибо много такихъ выраженій, въ которыхъ говорится вообще, и не утвердительно, но отрицательно. Напримѣръ: *не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа* (Іоан. 3, 34); между тѣмъ какъ ни Богъ не даетъ, ни Духъ неизмѣряемъ; потому что Богъ не измѣряется Богомъ. И еще: *ниже грѣхъ мой, ниже беззаконіе мое* (Пс. 58, 4); тогда какъ рѣчь не о дѣйствительномъ грѣхѣ, но о такомъ, котораго нѣтъ. Также: *не ради правды нашихъ, яже сотворихомъ* (Дан. 9, 18), то есть потому, что мы не сотворили правды. Тоже самое открывается и изъ послѣдующаго. Ибо что называется волею Отца?— *да всякъ вѣрующій въ Сына спасенъ будетъ*, и сподобится послѣдняго воскресенія (Іоан. 6. 40). Ужели же на сіе есть воля Отца, а

воли Сына нѣтъ? Или и то не по волѣ Сына, что о Немъ баговѣствуютъ, или въ Него вѣрують? Но кто сему повѣритъ? Иначе такую же имѣемъ силу и то, что слово, слышимое отъ Сына, *нѣсть* слово Сына, но Отца (Іоан. 14, 24). Но съ какой стороны ни смотрю, не могу найти, а думаю не найдетъ и другой кто, какимъ бы образомъ общее было собственностію кого-либо одного. Если такъ будешь разсуждать о волѣ; то разсужденіе твое будетъ правильно и весьма благочестиво, въ чемъ я увѣряю, и что подтвердить всякій благомыслящій.

Въ-осьмыхъ представляютъ они изреченія: *да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси, Іисусъ-Христа* (Іоан. 17, 3). И: *никто же благъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 19). Но мнѣ кажется, что весьма легко дать на сіе рѣшеніе. Ибо если слова: *единого истиннаго*, приложить къ Отцу, то какое дашь мѣсто самосуцѣй Истинѣ? А если такимъ же образомъ понимать будешь реченія: *единому премудрому Богу* (1 Тим. 1, 17); *единому имѣющему безсмертіе, во свѣтъ живущему неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 16); *царю вѣковъ, нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу* (1, 18); то погибнетъ у тебя Сынъ, осужденный на смерть, или на тьму, или на то, чтобъ не быть ни премудрымъ, ни царемъ, ни невидимымъ, ни, что главнѣе всего, вовсе Богомъ. А вмѣстѣ съ прочимъ, какъ не утратить Ему и благодати, которая преимущественно принадлежитъ единому Богу? Но думаю, что слова: *единого истиннаго Бога*, сказаны въ отличеніе отъ боговъ несуществующихъ, но нарицаемыхъ богами. Ибо не было бы присовокуплено: *и Его же послалъ еси Іисусъ Христа*, если бы реченіе: *истиннаго Бога*, противопологалось Христу, а не вообще шла рѣчь о Божествѣ. Слова же: *никтоже благъ*, заключаютъ въ себѣ отвѣтъ вопрошающему законнику, который признавалъ благодать во Христѣ, какъ въ человѣкѣ. Онъ говоритъ, что благо въ высочайшей степени принадлежитъ единому Богу, хотя и человѣкъ называется благимъ, напримѣръ: *благій человекъ отъ благаго сокровища износитъ благое* (Матѣ. 12, 35). И: *дамъ царство лучшему* (τῷ ἀγαθῷ) *паче тебѣ* (1 Цар. 15, 28), говорить Богъ Саулу, имѣя въ виду Давида. Также: *ублажи Господи благія* (Пс. 124, 4). Сюда же относятся мѣста, гдѣ похвалены тѣ изъ насъ, до которыхъ достигли потоки перваго Блага, хотя и не непосредственно. Итакъ, если я убѣдилъ тебя, то хорошо; а если нѣтъ, что скажешь, по своимъ предположеніямъ, въ отвѣтъ утверждающимъ, что въ другихъ мѣстахъ Писанія Сынъ назы-

вается единымъ Богомъ! А гдѣ именно?—въ слѣдующихъ словахъ: *Сей Богъ твой, не вмѣнится имъ къ Нему*, и вскорѣ потомъ: *посемъ на земли явится, и съ чловѣчки поживе* (Варух. 3, 36; 38). Что сіе сказано не объ Отцѣ, а о Сынѣ, это показываетъ послѣднее присовокупленіе. Ибо Сынъ сообщился съ нами тѣлесно и пребывалъ съ дольными. Если же одержитъ верхъ та мысль, что сіе сказано не противъ мнимыхъ боговъ, а противъ Отца; то въ разсужденіи Отца будемъ побѣждены тѣмъ самымъ, что старались противопоставить Сыну. Но что можетъ быть бѣдственнѣе и вреднѣе того, какъ уступить надъ собою такую побѣду?

Въ-девятыхъ указываютъ слѣдующее реченіе: *всегда живъ сый во еже ходатайствовати* о насъ (Евр. 7, 25). Что жъ? и весьма таинственно, и весьма чловѣколюбиво! Ибо ходатайствовать значить здѣсь, не отмщенія искать, по обычаю многихъ ходатаевъ (что было бы нѣкоторымъ образомъ унижительно), но молиться за насъ, въ качествѣ посредника, какъ и о Духѣ говорится, что онъ ходатайствуетъ о насъ (Рим. 8, 26). *Единъ бо есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и чловѣковъ, чловѣкъъ Іисусъ Христосъ* (1 Т. 2, 5). Ибо Онъ, какъ чловѣкъъ (потому что еще съ тѣломъ, какое воспринялъ), и нынѣ молится о моемъ спасеніи, пока не содѣлаетъ меня богомъ, силою Своего чловѣчества, хотя *ктому не разумѣваемъ Его по плоти* (2 Кор. 5, 16),—понимаю подъ симъ плотскія немощи и все наше, кромѣ грѣха. Такъ и *ходатая имамы Іисуса* (1 Іоан. 2, 1) не въ томъ смыслѣ, что Онъ унижается за насъ предъ Отцемъ, и рабски припадаетъ (да будетъ далека отъ насъ такая подлинно рабская и недостойная Духа мысль! не свойственно и Отцу сего требовать, и Сыну терпѣть сіе, да и несправедливо думать такъ о Богѣ), но въ томъ, что, пострадавъ за насъ какъ чловѣкъ, убѣждаетъ симъ насъ къ терпѣнію какъ Слово и Совѣтникъ. Сіе разумѣю я подъ именемъ ходатайства (*παράκλησις*).

Въ-десятихъ ставится у нихъ невѣдѣніе, и то, что никто не знаетъ послѣдняго дня или часа, ни самъ Сынъ, токмо Отецъ (Марк. 13, 32). Но какъ чего-либо изъ сущихъ не знать Премудрости, Творцу вѣковъ, Совершителю и Обновителю, Тому, Кто есть конецъ всего сотвореннаго, и такъ же знаетъ Божіе, какъ духъ чловѣка знаетъ, *яже въ немъ* (1 Кор. 2, 11)? Ибо что совершеннѣе такого знанія? Да и какъ Сыну, Который подробно знаетъ, что будетъ предъ послѣднимъ часомъ, и какъ бы во время конца, не знать самаго конца? Это походило бы на загадку и равнялось тому, какъ если бы сказать о комъ, что онъ подробно знаетъ нахо-

дающееся передъ стѣною, но не знаетъ самой стѣны, или хорошо знаетъ конецъ дня, но не знаетъ начала ночи, хотя знаніе объ одномъ необходимо влечетъ за собою знаніе о другомъ. Ибо для всякаго явно, что Сынъ знаетъ, какъ Богъ, приписываетъ же Себѣ незнаніе, какъ человѣкъ, поколику только видимое можетъ быть отдѣляемо отъ умопредставляемаго. Такую мысль подаетъ и то, что наименованіе Сына поставлено здѣсь отрѣшенно и безотносительно, то есть безъ присовокупленія: чей Онъ Сынъ, чтобъ разумѣли мы сіе невѣдѣніе въ смыслѣ болѣе сообразномъ съ благочестіемъ, и приписывали оное человѣчеству, а не Божеству. Итакъ, если достаточно сего объясненія, остановимся на немъ, и не будемъ входить въ дальнѣйшія изслѣдованія, а если нѣтъ, представимъ и второе толкованіе. Какъ все прочее, такъ и вѣдѣніе важнѣйшихъ тайнъ относи къ Причинѣ изъ уваженія къ Родителю. Но мнѣ кажется, что и тотъ составилъ себѣ не низкое понятіе, кто, съ однимъ изъ нашихъ любослововъ, сталъ бы читать сіе мѣсто такъ: и Сынъ не по иному чему знаетъ день или часъ, какъ потому, что знаетъ Отецъ. Ибо какое изъ сего заключеніе? Поелику знаетъ Отецъ, а посему знаетъ и Сынъ; то явно что ни для кого сіе неизвѣстно и непостижимо, кромѣ первой Причины.

Оставалось бы объяснить намъ тѣ мѣста, въ которыхъ говорится, что Сыну заповѣдано (Іоан. 14, 3), что имъ соблюдены заповѣди (Іоан. 15, 10), что Сынъ *угодная* Отцу *всегда творитъ* (Іоан. 8, 24), также тѣ, въ которыхъ приписывается Сыну совершеніе (Евр. 5, 9), вознесеніе (Дѣян. 2, 33), навывкновеніе *отъ сихъ, яже пострадала, послушанію* (Евр. 5, 8), первосвященство (Евр. 9, 4), *приношеніе* (Ефес. 5, 2), *моленіе къ Могущему спасти Его отъ смерти* (Евр. 6, 7), бореніе, кровавый потъ (Лук. 22, 44), молитва, и другое сему подобное; оставалось бы, говорю, объяснить таковыя мѣста, еслибы не было очевидно для всякаго, что реченія сія относятся къ естеству, которое подлежить страданіямъ, а не къ естеству, которое неизмѣняемо и выше страданій. И какъ о противоположныхъ реченіяхъ сказано столько, что можетъ сіе служить нѣкоторымъ корнемъ и указаніемъ для имѣющихъ болѣе искусства обработать предметъ совершеннѣе; такъ можетъ быть стоить труда и сообразно съ сказаннымъ доселѣ, не оставить безъ разсмотрѣнія наименованія Сына (которыя и многочисленны и взяты отъ различныхъ умопредставленій о Сынѣ), но объяснить значеніе каждаго и открыть тайну именъ. Начать же сіе должно съ слѣдующаго.

Божество именуемо. Не одинъ разумъ показываетъ сіе, но, сколько можно догадываться, мудрѣйшіе и древнѣйшіе изъ Евреевъ. Ибо тѣ, которые почтили Божество особенными начертаніями и не потерпѣли, чтобъ тѣми же буквами были писаны и имя Божіе и имена тварей, которыя ниже Бога, дабы Божество даже и въ этомъ съ ними было не сообщимо, могли ли когда рѣшиться разсѣявающимся голосомъ произнестъ имя естества неразрушаемаго и единственнаго? Какъ никто и никогда не вдыхалъ въ себя всего воздуха; такъ ни умъ не вмѣщалъ совершенно, ни голосъ ни обнималъ Божіей сущности. Напротивъ, къ изображенію Бога замѣстствуя нѣкоторыя черты изъ того, что окрестъ Бога, составляемъ мы какое-то неясное и слабое, по частямъ собранное изъ того и другого, представленіе, и лучший у насъ Богословъ не тотъ, кто все нашель (эти узы ¹⁾ не вмѣстятъ въ себя всего!), но тотъ, чье представленіе обширнѣе, и кто образовалъ въ себѣ болѣе полное подобіе, или оттѣнокъ (или, какъ бы ни назвать сіе) истины. Посему, сколько для насъ удобопостижимо, наименованія: *Сый* и Богъ, суть нѣкоторымъ образомъ наименованія сущности, особливо же таково имя: *Сый*, не потому только, что Вѣщавшій Моисею на горѣ, когда вопрошенъ былъ о имени, какъ именовать Его, Самъ нарекъ Себѣ имя сіе, и повелѣлъ сказать народу: *Сый посла мя* (Исх. 3, 14), но и потому, что наименованіе сіе находимъ наиболѣе свойственнымъ Богу. Ибо имя Θεός (Богъ), которое искусные въ корнесловіи производятъ отъ θέειν (бѣжать) или αἰδειν (жечь), по причинѣ приснодвижимости и силы истреблять худое (почему Богъ именуется и огнемъ истребляющимъ (Второз. 4, 24), есть имя относительное, а не отрѣшенное, подобно какъ и имя: *Господь*, которое также принадлежитъ къ наименованіямъ Божіимъ. Ибо сказано: *Азъ Господь Богъ, сіе Мое есть имя* (Ис. 42, 8); также: *Господь имя Ему* (Амос. 4, 13). Но мы ищемъ имени, которымъ бы выражалось естество Божіе, или самобытность, и бытіе ни съ чѣмъ другимъ не связанное. А имя: *Сый*, дѣйствительно принадлежитъ собственно Богу и всецѣло Ему одному, а не кому-либо прежде и послѣ Него; потому что и не было и не будетъ чѣмъ либо ограничено или пресѣчено. Что касается до другихъ именъ Божіихъ, то нѣкоторыя очевиднымъ образомъ означаютъ власть, а другія домостроительство, и послѣднее, частію до воплощенія, частію по воплощеніи. Напримѣръ: *Вседержитель* и *Царь* или

¹⁾ То-есть тѣло человѣческое.

славы (Пс. 23, 10), или *вѣковъ* (1 Тим. 1, 17), или *силъ*, или *возлюбленнаго* (Пс. 67, 13), или *царствующиѣхъ* (1 Тим. 6, 15), и Господь Саваоѣвъ, или, что тоже, *Господь воинствъ*¹⁾ (Исаи 3, 15), или *силъ* (Амос. 6, 8), или *господствующиѣхъ* (1 Тим. 6, 15),—явнымъ образомъ суть имена власти. А: *Богъ еже спасати* (Пс. 67, 21), *Богъ или отмщеній* (Пс. 93, 1), или *мира* (Рим. 10, 20), или *правды* (Пс. 4, 2), *Богъ Авраамовъ, Исаиковъ, Иаковль* (Исх. 3, 6) и всего духовнаго Израиля, который видитъ Бога,—суть имена домостроительства.—Поелику нами управлять можно посредствомъ страха наказаній, надежды спасенія, а также славы, и чрезъ упражненіе въ добродѣтеляхъ; то отсюда заимствованы предъидущія имена, и имя Бога отмщеній назидаетъ въ насъ страхъ, имя Бога спасеній—надежду, и имя Бога добродѣтелей—подвижничество, чтобъ преуспѣвающій въ чемъ-либо изъ сказаннаго, какъ бы нося въ себѣ Бога, тѣмъ паче поспѣшалъ къ совершенству и сближенію съ Богомъ посредствомъ добродѣтелей. Сверхъ того имена сіи суть общія наименованія Божества; собственное же имя Безначальнаго есть Отецъ, безначально-Рожденнаго — Сынъ и нерожденно-Испеднаго или Исходящаго — Духъ Святой.

Но перейдемъ къ именоваціямъ Сына, о которыхъ и предположено говорить въ словѣ. Мнѣ кажется, что Онъ именуется:

Сыномъ, потому что онъ тождественъ съ Отцемъ по сущности, и не только тождественъ, но и отъ Отца.

Едиnorodнымъ (Іоан. 1, 18), потому что Онъ не только Единный изъ Единаго и единственно-Единный, но и единственнымъ образомъ, а не какъ тѣла.

Словомъ (Іоан. 1, 1); потому что Онъ такъ относится къ Отцу, какъ слово къ уму, не только по безстрастному рожденію, но и по соединенію съ Отцемъ, и потому, что изъявляетъ Его. А иный сказалъ бы можетъ быть, что относится къ Отцу, какъ опредѣленіе къ опредѣляемому; потому что и опредѣленіе называется словомъ. Ибо сказано, что познавшій (таково значеніе слова: *видѣвшій*, Іоан. 14, 9). Сына позналъ Отца, и Сынъ есть сокращенное и удобное израженіе Отчаго естества, такъ какъ и всякое порожденіе есть безмолвное слово родившаго. Но не погрѣшитъ въ словѣ, кто скажетъ, что Сынъ именуется Словомъ, такъ соприсущій всему сущему. Ибо что стоитъ не Словомъ?

¹⁾ У пророка Исаи въ гл. 3 ст. 15 въ славянскомъ переводѣ читается: глаголетъ *Господь Саваоѣвъ*, а по нѣкоторымъ греческимъ изданіямъ читается: φησὶ Κύριος, Κύριος στρατιῶν, т.-е. глаголетъ *Господь, Господь воинствъ*.

Премудростію (1 Кор. 1, 25), какъ вѣдѣніе Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ. Ибо Сотворшему возможно ли не знать законовъ сотвореннаго Имъ?

Силою (1 Кор. 1, 25), какъ Охранитель тварей и Податель силъ къ продолженію бытія.

Истиною (Іоан. 14, 6), какъ единое, а не множественное, по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многочисленна); какъ чистая печать и неживый образъ Отца.

Образомъ (2 Кор. 4, 4), какъ Единосущный, и потому что Онъ отъ Отца, а не Отецъ отъ Него, ибо самая природа образа состоитъ въ томъ, чтобъ быть подражаніемъ первообразу, и тому, чьимъ называется онъ образомъ. Впрочемъ здѣсь болѣе обыкновеннаго образа. Ибо тамъ и недвижимое бываетъ образомъ движимаго; а здѣсь живаго Бога—живый Образъ, болѣе имѣющій съ Нимъ сходства, нежели Сифъ съ Адамомъ и всякое порожденіе—съ родившимъ. Ибо такова природа существъ простыхъ, что они не могутъ въ одномъ сходствовать, а въ другомъ не сходствовать; напротивъ, цѣлое бываетъ изображеніемъ цѣлаго, и притомъ болѣе похожимъ, нежели слѣпокъ.

Свѣтомъ (Іоан. 8, 12), какъ свѣтлость душъ, очищенныхъ въ умѣ и жизни. Ибо если невѣдѣніе и грѣхъ—тьма; то вѣдѣніе и жизнь Божественная—свѣтъ.

Жизнію (Іоан. 14, 6); потому что Онъ свѣтъ, опора и осуществленіе всякой разумной природы. *О немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28), по двоякой силѣ вдохновенія,—и по дыханію жизни, которое вдохнулъ Онъ во всѣхъ, и по Духу Святому, Котораго даетъ вмѣщающимъ и по мѣрѣ того, какъ отверзаемъ уста разумнія.

Правдою (1 Кор. 1, 30); потому что раздѣляетъ по достоинству, правдиво судить и тѣхъ, которые подъ Закономъ, и тѣхъ, которые подъ Благодатію, и душу и тѣло, чтобъ одна начальствовала, а другое состояло подъ начальствомъ, чтобъ лучшее владычествовало надъ худшимъ, а худшее не возставало противъ лучшаго.

Освященіемъ (1 Кор. 1, 30), какъ чистота, чтобы Чистое вмѣщаемо было чистотою.

Избавленіемъ (1 Кор. 1, 30), какъ освобождающій насъ содержимыхъ подъ грѣхомъ, какъ давшій Себя за насъ въ искушеніе, въ очистительную жертву за вселенную.

Воскрешеніемъ (1 Іоан. 11, 25), какъ пресеменяющій насъ отселѣ, и умерщвленныхъ грѣхомъ вводящій въ жизнь.

Сии имена принадлежать еще вообще и Сущему выше насъ и Сущему ради насъ; собственно же намъ свойственными и принадлежащія воспринятому Имъ человѣчеству суть слѣдующія:

Человѣкъ (1 Тим. 2, 5), чтобъ Невмѣстимый иначе для тѣлеснаго, по причинѣ необъемлимости естества, не только сдѣлался вмѣстимымъ чрезъ тѣло; но и освятилъ Собою человѣка, содѣлавшись какъ-бы закваскою для цѣлаго смѣшенія, всего человѣка освободилъ отъ осужденія, соединивъ съ Собою осужденное, ставъ за всѣхъ всѣмъ, что составляетъ насъ, кромѣ грѣха,—тѣломъ, душею, умомъ,—всѣмъ, что проникла смерть. А общее изъ всего этого есть человѣкъ, по умозерцаемому видимый Богъ.

Сынъ человеческій (Іоан. 3, 18) и чрезъ Адама, и чрезъ Дѣву, отъ которыхъ родился (отъ одного, какъ отъ Праотца, отъ другой, какъ отъ Матери) и по закону и сверхъ законовъ рожденія.

Христосъ, по Божеству; ибо самое помазаніе освящаетъ человѣчество не дѣйствіемъ своимъ, какъ въ другихъ помазанникахъ, но всецѣлымъ присутствіемъ Помазующаго. И слѣдствіемъ сего помазанія то, что Помазующій именуется человѣкомъ, а помазуемое дѣлается Богомъ.

Путь (Іоан. 14, 6), какъ чрезъ Себя ведущій насъ.

Дверь (Іоан. 10, 9), какъ вводитель.

Пастырь (Іоан. 10, 11), какъ всеядящій *на мѣстѣ зланыя*, воспитывающій *на водѣ покойныя* (Пс. 22, 2), путеводствующій отселѣ, защищающій отъ звѣрей, обращающій заблуднаго, отыскивающій погибшаго, обвязывающій сокрушившагося, сберегающій крѣпкаго (Іезек. 34, 4), и вѣщаніями пастырскаго искусства собирающій въ тамошнюю ограду.

Овца (Ісаи 53, 7), какъ заколѣніе.

Агнецъ (1 Петр. 1, 19), какъ совершенный.

Архіерей (Евр. 4, 14), какъ дарующій намъ доступъ.

Мелхиседекъ (Евр. 7, 3), какъ рожденный безъ матери по естеству высшему нашего, и безъ отца—по естеству нашему, какъ не имѣющій родословія по горнему рожденію, ибо сказано: *родъ Его кто исповѣсть?* (Ісаи 53, 8); какъ царь Салима, то есть мира, какъ царь правды, и какъ приѣмлющій десятину отъ патриарховъ, которые мужественно подвизались противъ лукавыхъ силъ. Имѣешь предъ собою наименованіе Сына. Шествуй по онимъ; и если они высоки, то шествуй—божественно, а если тѣлесны, то—подобострастно, лучше же сказать,—совершенно божественно, чтобъ и тебѣ стать богомъ, восшедшимъ отъ земли чрезъ Снис-

шедшаго ради насъ свыше. А паче всего и прежде всего наблюдай сказанное, и не погрѣшишь въ высокихъ и низкихъ наименованіяхъ. *Иисусъ Христосъ вчера и днесъ тѣлесно, тойже духовно и во вѣки* (Евр. 13, 8) вѣковъ. Аминь.

Слово 31, о богословіи пятое, о Святомъ Духѣ.

Таково слово о Сынѣ, и такъ избѣжало побивающихъ камнями, *прошедъ посреда ихъ* (Іоан. 8, 59); потому что слово не побивается камнями, но само, когда хочеть, и камнями и пращею поражаетъ звѣрей, то-есть ученія, съ злымъ умысломъ приступающія къ горѣ! Теперь спрашиваютъ: „Что жъ скажешь о Святомъ Духѣ? Откуда вводишь къ намъ чуждаго и незнаемаго по Писанію Бога? И это говорятъ даже тѣ, которые умѣренно рассуждаютъ о Сынѣ! Ибо что видимъ въ дорогахъ и рѣкахъ, которыя и отдѣляются одна отъ другой и вмѣстѣ сходятся, то, по избытку нечестія, бываетъ и здѣсь; разнствующіе въ одномъ соглашаются въ другомъ; отъ чего невозможно до подлинности узнать, что пріемлется ими согласно, и что оспаривается.

Правда, что слово о Духѣ не безъ затрудненій, не только потому, что противники, обезсиленные словами о Сынѣ, тѣмъ съ большимъ жаромъ борются противъ Духа (а имъ непремѣнно надобно въ чемъ-нибудь нечестовать, иначе и жизнь для нихъ безъ жизни), но и потому, что мы сами, подавленные множествомъ вопросовъ, находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываютъ люди, которые теряютъ охоту къ пищѣ, какъ скоро одна снѣдь возбудила въ нихъ къ себѣ отвращеніе. Какъ для нихъ равно неприятна всякая пища, такъ и для насъ всякое слово. Впрочемъ подастъ Духъ; и слово потечеть, и Богъ прославится. Но тщательно разыскивать и разбирать, въ сколькихъ значеніяхъ берутся и употребляются въ Божественномъ Писаніи слова; *Духъ и Святыи*, собирать свидѣтельства въ пользу умозрѣнія, и доказывать, что кромѣ сего въ особенномъ смыслѣ берется реченіе, составленное изъ обоихъ сихъ словъ, именно: *Духъ Святыи*,—предоставляю другимъ, которые любомудрствовали о семъ и для себя, и для насъ, такъ какъ и мы любомудртуемъ о семъ для нихъ. А самъ обращаюсь къ продолженію слова.

Тѣ, которые негодуютъ на насъ за Духа Святаго, будто бы вводимъ какого-то чуждаго и сопричисляемаго Бога, и которые крѣпко стоятъ за букву, пусть знаютъ, что они убоялись страха. гдѣ нѣтъ страха (Псал. 13, 5), и пусть ясно выразумѣютъ, что ихъ

привязанность къ буквѣ есть только прикровеніе нечестія, какъ вскорѣ окажется, когда по мѣрѣ силъ опровергнемъ ихъ возраженія. А мы такъ смѣло вѣримъ Божеству Духа, Которому и покланяемся, что, относя къ Троицѣ однѣ и тѣ же реченія (хотя сіе и кажется для иныхъ нѣсколько дерзновеннымъ), начнемъ Богословіе такъ. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 3), то-есть Отець. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, грядущаго въ міръ*, т. е. Сынъ. *Бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, грядущаго въ міръ*, то-есть другой Утѣшитель. *Бъ и бѣ и бѣ*; но *бѣ* едино. Свѣтъ, и Свѣтъ, и Свѣтъ; но единый Свѣтъ, единый Богъ. Тоже самое еще прежде представилъ и Давидъ, сказавъ: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10). И мы нынѣ узрѣли и проповѣдуемъ краткое, ни въ чемъ не излишествоующее Богословіе Троицы, отъ Свѣта—Отца пріявъ Свѣтъ—Сына во Свѣтъ—Духъ. *Преступай да преступаетъ, и незаконный да незаконствуетъ* (Исаи 21, 2); но мы, что уразумѣли, то и проповѣдуемъ. Если бы не услышали насъ снизу, взойдемъ на высокую гору, и оттолѣ будемъ вопіять. Возвысимъ Духа, не убоимся. А если убоимся, то—безмолствовать, а не проповѣдывать. Если было, когда не былъ Отець; то было, когда не былъ Сынъ. Если было, когда не былъ Сынъ; то было, когда не былъ Духъ Святой. Если Одинъ былъ отъ начала; то были Три. Если низлагаешь одного; то смѣю сказать, и говорю: не утверждай, что превозносишь Двоихъ. Ибо что пользы въ несовершенномъ Божествѣ? Лучше же сказать, что за Божество, если Оно несовершенно? А какъ можетъ быть совершеннымъ, если недостаетъ чего либо къ совершенству? Но недостаетъ чего-то Божеству, не имѣющему Святаго. И какъ имѣть сіе, не имѣя Духа? Ежели есть другая какая Святость, кромѣ Духа; то пусть скажутъ, что подъ нею разумѣть должно. А если сія самая; то можно ли не быть Ей отъ начала? Развѣ лучше для Бога быть нѣкогда несовершеннымъ и безъ Духа? Если Духъ не отъ начала; то Онъ ставится на ряду со мною, или немного выше меня; потому что временемъ отдѣляемся мы отъ Бога. Если ставится въ одинъ рядъ со мною, то какъ Онъ меня дѣлаетъ богомъ, или какъ соединяетъ съ Божествомъ?

Но лучше полюбомудрствую съ тобою о Духѣ, начавъ нѣсколько выше, ибо о Троицѣ мы уже разсуждали. Саддукеи не признавали даже и бытія Духа (такъ какъ не признавали ни Ангеловъ, ни воскресенія); не знаю, почему презрѣли они столь многія свидѣтельства о Духѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. А изъ языч-

никовъ, лучше ихъ богословы и болѣе къ намъ приближающіеся имѣли представленіе о Духѣ, какъ мнѣ это кажется, но не соглашались въ наименованіи, и называли Его Умомъ міра, Умомъ вѣшнимъ, и подобно тому. Что же касается до мудрецовъ нашего времени, то одни почитали Его дѣйствованіемъ, другіе тварію, иные Богомъ, а иные не рѣшались сказать о Немъ ни того ни другаго, изъ уваженія, какъ говорятъ они, къ Писанію, которое будто бы ничего не выразило о семъ ясно; почему они не чтуть и не лишаютъ чести Духа, оставаясь къ Нему въ какомъ-то среднемъ, вѣрнѣе же сказать, весьма жалкомъ расположеніи. Даже изъ признавшихъ Его Богомъ, одни благочестивы только въ сердцѣ, а другіе осмѣливаются благочествовать и устами. Но слышалъ я отъ другихъ еще болѣе мудрыхъ измѣрительяхъ Божества, которые, хотя согласно съ нами исповѣдуютъ Трехъ умозерцаемыхъ, однако же столько раздѣляютъ Ихъ между собою, что Одного полагаютъ безпредѣльнымъ и по сущности и по силѣ, Другаго—безпредѣльнымъ по силѣ, но не по сущности, а Третьяго — ограниченнымъ въ томъ и другомъ, подражая, въ иномъ только видѣ, тѣмъ, которые именуютъ Ихъ Создателемъ, Содѣйственникомъ и Служителемъ, изъ порядка именъ и благодати заключая о постепенности Именуемыхъ. Ни слова не скажемъ какъ недопускающимъ даже бытія Духа, такъ и языческимъ суетловамъ, чтобы не умащать слова елеемъ грѣшныхъ, а съ прочими побесѣдуемъ слѣдующимъ образомъ.

Необходимо должно предположить, что Духъ Святой есть что-нибудь или самостоятельное, или въ другомъ представляемое; в первое знающіе въ этомъ называютъ *сущностію*, послѣднее же—*принадлежностію*. Посему, если духъ есть принадлежность, то Онъ будетъ дѣйствованіемъ Божіимъ. Ибо чѣмъ назвать Его тогда, кромѣ дѣйствованія, и чѣмъ дѣйствованіемъ, кромѣ Божія? Такое же положеніе и приличнѣе и не вводитъ сложности. И если Онъ дѣйствованіе; то безъ сомнѣнія будетъ производимымъ, а не производящимъ, и вмѣстѣ съ производствомъ прекратится. Ибо таково всякое дѣйствованіе. Но какъ же Духъ и *дѣйствуетъ* (1 Кор. 12, 11), и говоритъ (Матѣ. 10, 20), и отдѣляетъ (Дѣян. 13, 2), и оскорбляется (Ефес. 4, 30), и бываетъ *разгнѣванъ* (Ис. 63, 10), и производитъ все то, что свойственно движущему, а не движенію? Если же Духъ есть сущность, а не принадлежность сущности; то надобно будетъ предположить, что Онъ или тварь, или Богъ. Ибо средняго чего-либо между тварію и Богомъ, или непрічастнаго ни тому ни другому, или сложнаго изъ того и дру-

гаго, не выдумаютъ и тѣ, которые созидаютъ Трагелафовъ. Но если тварь; то какъ же въ Него вѣруемъ? какъ въ Немъ совершаемъ? Ибо не одно и тоже значить вѣровать во что, и вѣрить чему. Вѣруемъ мы въ Божество, а вѣримъ всякой вещи. Но если Богъ, а не тварь; то Онъ уже не произведеніе, не сослужебное, и вовсе не что-либо изъ носящихъ низкія имена.

Теперь за тобою слово; пусть мещутъ твои пращи; пусть соплетаются твои умозаключенія! „Духъ, безъ сомнѣнія, есть или не рожденное, или рожденное. И если не рожденное; то два безначальныхъ. А если рожденное; то (опять подраздѣляешь) рожденъ или отъ Отца, или отъ Сына. И если отъ Отца; то два Сына и Брата (придумай, если хочешь, что они или близнецы, или одинъ старше, а другой моложе; ибо ты крайне плотолюбивъ!). А если отъ Сына; то (скажешь) явился у насъ Богъ-внукъ? Но можетъ ли что быть страннѣе сего?“ Такъ разсуждаютъ тѣ, которые *мудри, еже творити злая* (Іер. 4, 25), а добраго написать не хотятъ. Но я, находя дѣленіе необходимымъ, принялъ бы Именуемыхъ, не убоившись именъ. Ибо когда Сынъ есть Сынъ въ нѣкоторомъ высшемъ отношеніи, и кромѣ сего имени, никакимъ другимъ не можемъ означить того, что отъ Бога единосуцно съ Богомъ; то не должно думать, что уже необходимо переносить на Божество и всѣ дольнія наименованія даже нашего родства. Или можетъ быть ты предположишь и Бога-мужа на томъ основаніи, что Богъ именуется и Отцемъ, и Божество (*ἡ θεότης*), по силѣ самаго наименованія, признаешь чѣмъ-то женскимъ, Духа же—ни мужемъ, ни женой, потому что не раждаетъ. А если еще дашь волю своему воображенію, и скажешь по старымъ бреднямъ и баснямъ, что Богъ родилъ Сына отъ хотѣнія Своего, то вотъ уже у насъ введено Богъ—вмѣстѣ мужъ и жена, какъ у Маркіана и Валентина, выдумавшаго новыхъ Эоновъ. Но поелику мы не принимаемъ перваго твоего дѣленія, по которому не допускается ничего средняго между нерожденнымъ и рожденнымъ; то твои братья и внуки тотчасъ исчезаютъ вмѣстѣ съ симъ пресловутымъ дѣленіемъ, и подобно многосложному узлу, у котораго распущена первая петля, сами собою распадаются и удаляются изъ богословія. Ибо скажи мнѣ, гдѣ помѣститъ Исходящее, Которое въ твоемъ дѣленіи оказывается среднимъ членомъ, и введено лучшимъ тебя Бого-словомъ — нашимъ Спасителемъ; если только слѣдуя третьему своему завѣту, не исключилъ уже ты изъ Евангелія и сего реченія: Духъ Святый. *Иже отъ отца исходитъ* (Іоан. 15, 26)?

Поелику Онъ отъ Отца исходитъ; то не тварь. Поелику не есть рожденное; то не Сынъ. Поелику есть среднее между Нерожденнымъ и Рожденнымъ; то Богъ. Такъ избѣжавъ сѣтей твоихъ умозаключеній, оказывается Онъ Богомъ, Который крѣпче твоихъ дѣлений!

„Посему что же есть исхожденіе?“ Объясни ты мнѣ нерожденность Отца; тогда и я отважусь естествословить о рожденіи Сына и объ исхожденіи Духа, тогда, проникнувъ въ тайны Божіи, оба мы придемъ въ изумленіе,—мы, которые не можемъ видѣть у себя подъ ногами, и *исчестъ песка морскаго и капли дождевля и дни вѣка* (Сир. 1, 2), не только что вдаваться въ глубины Божіи и судить объ естествѣ столько неизглаголанномъ и неизъяснимомъ.

Ты говоришь: „Чего же не достаетъ Духу, чтобъ быть Сыномъ? Ибо если бы ни въ чемъ не было недостатка; то онъ былъ бы Сыномъ“.—Мы не говоримъ, чтобъ чего-нибудь не доставало. Ибо въ Богѣ нѣтъ недостатка. Но разность (скажу такъ) проявленія или взаимнаго соотношенія производитъ разность и Ихъ наименованій. Ибо и Сыну ничего не недостаетъ, чтобъ быть Отцемъ (такъ какъ Сыновство не есть недостатокъ); но онъ не есть еще по сему Отець. Въ противномъ случаѣ, и Отцу недостаетъ чего-то, чтобъ быть Сыномъ; потому что Отець—не Сынъ. Но сіе не означаетъ недостатка (откуда быть ему?) и убавленія въ сущности. Это самое—быть нерожденнымъ, раждаться и исходить, даетъ наименованія, первое—Отцу, второе—Сыну, третье—Святому Духу, о Которомъ у насъ слово, такъ что неслитность трехъ Упостасей соблюдается въ единомъ естествѣ и достоинствѣ Божества. Сынъ не Отець; потому что Отець одинъ; но тоже, что Отець. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога; потому что Единородный одинъ; но тоже, что Сынъ. И Три—едино по Божеству; и Единое—три по личнымъ свойствамъ, такъ что нѣтъ ни единого—въ смыслѣ Савелліевомъ, ни трехъ—въ смыслѣ нынѣшняго лукаваго раздѣленія.

„Итакъ что жъ? Духъ есть Богъ?“ — Безъ сомнѣнія. „И единосущенъ?“ — Да; потому что Богъ. „Укажи же мнѣ, продолжаешь ты, чтобъ отъ одного и того же одинъ былъ сынъ, а другой не сынъ, и притомъ оба были односущны, тогда и я допущу Бога и Бога“.—Укажи же и ты мнѣ инаго Бога, и иное Божіе естество; и тогда представлю тебѣ самую Троицу съ тѣми же именами и именуемыми. А если Богъ одинъ, и высочайшее Естество одно, — то откуда возму для тебя подобіе? Или ста-

нешь опять искать его въ вещахъ дольнихъ и окружающихъ тебя? Хотя крайне стыдно, и не только стыдно, но большею частію бесполезно, подобіе горняго брать въ дольнемъ, неподвижнаго—въ естествѣ текучемъ, и, какъ говоритъ Исаія, *испытывать мертвыя о живыхъ* (Исаія 8, 19); однакоже попытаюсь, въ угожденіе твое, и отсюда извлечу нѣчто въ помощь слову. Но объ иномъ думаю умолчать; хотя изъ исторіи животныхъ можно представить много, частію намъ, частію немногимъ, извѣстнаго о томъ, какъ художественно устроила природа рожденія животныхъ. Ибо сказываютъ, что не только отъ однородныхъ рождаются тождеродныя, а отъ разнородныхъ инородныя, но и отъ разнородныхъ тождеродныя, а отъ однородныхъ инородныя. А если кто вѣритъ сказанію; то есть и иной образъ рожденія, именно: животное само себя истребляетъ и само изъ себя рождается. Но есть и такія животныя, которыя, по щедродаровитости природы, перерождаются, изъ одного рода превращаясь и претворяясь въ другой.

Даже отъ одного и того же иное есть не порожденіе, а другое порожденіе, впрочемъ то и другое единосущно, что нѣкоторымъ образомъ ближе подходитъ къ настоящему предмету. Но я, представивъ одинъ примѣръ, собственно насъ касающійся и всѣмъ извѣстный, перейду къ другому разсужденію. Что былъ Адамъ?—тварь Божія. А Ева?—часть сея твари. А Сиѣъ?—порожденіе обоихъ. Итакъ не примѣчаешь ли, что тварь, часть и порожденіе тождественны?—Какъ не видѣть?—И единосущны они, или нѣтъ?—Почему же не такъ?—Итакъ признано, что и различно происшедшіе могутъ быть одной сущности. Говорю же сіе не съ тѣмъ, чтобъ твореніе или отдѣленіе, или иное что нибудь тѣлесное перенести и на Божество (да не нападаетъ на меня еще какой-нибудь словопратель!), а чтобъ все сіе служило какъ бы образомъ умосозерцаемаго. Но невозможно, чтобъ взятое для сравненія во всемъ совершенно соотвѣтствовало истинѣ. „И къ чему это?“ спрашиваешь. „Не одного лица было одно порожденіемъ, а другое чѣмъ-то инымъ“. Чтѣжь изъ сего? Развѣ Ева и Сиѣъ не отъ одного Адама?—Отъ кого же инаго?—Или оба они порожденіе Адама?—Ни мало.—А что же такое?—Ева—часть, а Сиѣъ—порожденіе.—Однакожь оба они тождественны между собою; потому что оба человѣки, въ чемъ никто не будетъ спорить. Итакъ перестанешь ли препираться противъ Духа и утверждать, что Онъ непремѣнно или порожденіе, или не единосущенъ и не Богъ, хотя и въ сродномъ человѣку откры-

ваемъ возможность нашего мнѣнія? И ты, думаю, одобрилъ бы оное, если бы не обучился слишкомъ упорствовать и спорить противъ очевидности.

Но ты говоришь: „Кто поклонялся Духу? Кто изъ древнихъ, или изъ новыхъ? Кто молился Ему? Гдѣ написано, что должно Ему поклоняться и молиться? Откуда ты взялъ сіе? — Удобълетворительнѣйшую на сіе причину представлю тебѣ въ послѣдствіи, когда буду разсуждать о неписанномъ. А теперь достаточно будетъ сказать одно то, что въ Духѣ мы поклоняемся и чрезъ Него молимся. Ибо сказано: *Духъ есть Богъ: и уже кланяется Ему, Духомъ, и истинною достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 24). И еще: *о чемъ бо помолимся, яко же подобаетъ, не въ тмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннными* (Рим. 8, 26). И еще: *помолюся Духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. 14, 15), то-есть во умѣ и въ Духѣ. Итакъ поклоненіе или моленіе Духомъ, по моему мнѣнію, означаетъ не иное что, а то, что Духъ самъ Себѣ приносить молитву и поклоненіе. Неужели не одобрить сего кто-нибудь изъ мужей богодуховенныхъ, хорошо знающихъ, что поклоненіе Единому есть поклоненіе Трехъ, по равночестности въ Трехъ достоинства и Божества.

Меня не устрашить и то, что, по сказанному, *все получило бытіе Сыномъ* (Іоан. 1, 3), какъ будто подъ словомъ *все* заключается и Духъ Святой. Ибо не просто сказано: *все*, но: *все, еже бысть*. Не Сыномъ Отецъ, не Сыномъ и все то, что не имѣло начала бытія. Посему докажи, что Духъ имѣлъ начало бытія, и потомъ отдавай Его Сыну, и сопричисляй къ тварямъ. А пока не докажешь сего; всеобъемлимостію слова ни мало не поможешь нечестію. Ибо если Духъ имѣлъ начало бытія, то безъ сомнѣнія Христомъ; я самъ не буду отрицать сего. А если не имѣлъ; то почему заключаться Ему подъ словомъ: *все*, или быть чрезъ Христа? Итакъ перестань и худо чествовать Отца, возставая противъ Единороднаго (ибо худое то чествованіе, когда лишаешь Его Сына, и вмѣсто Сына даешь превосходнѣйшую тварь), и худо чествовать Сына, возставая противъ Духа. Сынъ не создатель Духа, какъ чего-то Ему сослужебнаго; но прославляется съ Нимъ, какъ съ равночестнымъ. Не ставь на-ряду съ собою ни Единаго изъ Троицы, чтобъ не отпасть тебѣ отъ Троицы; и ни у Единаго не отнимай Божескаго естества и равной достопоклоняемости, чтобъ съ отнятіемъ Единаго изъ Трехъ не было отнято все, лучше же сказать, чтобъ тебѣ не отпасть отъ всего. Лучше

имѣть недостаточное понятіе объ единствѣ, нежели со всею дерзостію предаваться нечестію.

Теперь касается слово мое самаго главнаго. И хотя скорблю, что нынѣ возобновляется вопросъ, давно уже умершій и уступившій мѣсто вѣрѣ, однакожь на насъ, которые имѣемъ Слово и стоимъ за Духа, лежитъ необходимость противостать привязчивымъ охотникамъ до споровъ и не отдаваться беззащитно въ плѣнъ. Они говорятъ: „Если Богъ, Богъ и Богъ; то какъ же не три Бога? И Славимое тобою не есть ли многоначаліе?—Кто жъ говорить сіе? Тѣ ли, которые усовершенались въ нечестіи, или и тѣ, которые занимають второе мѣсто, то-есть благомысленнѣе другихъ разсуждаютъ о Сынѣ? Хотя есть у меня общее слово къ тѣмъ и другимъ; однакожь есть и особенное къ послѣднимъ, именно же слѣдующее. Что скажете намъ—троебожникамъ вы, которые чтите Сына, хотя и отступились отъ Духа; развѣ и вы не двоебожники? Если отречетесь и отъ поклоненія Единородному; то явно станете на сторонѣ противниковъ. И тогда нужно ли будетъ оказывать вамъ человѣколюбіе, какъ будто не совершенно еще умершимъ? А если вы чтите Сына, и въ этомъ отношеніи еще здравы; то спросимъ васъ, чѣмъ защитите свое двоебожіе, если бы кто сталъ обвинять васъ? Ежели есть у васъ слово смышленное; отвѣчайте, укажите и намъ путь къ отвѣту. Тѣхъ же доводовъ, какими отразите вы отъ себя обвиненіе въ двоебожїи, достаточно будетъ и для насъ противъ обвиненія въ троебожїи. А такимъ образомъ одержимъ мы верхъ, употребивъ васъ—обвинителей въ защитники себѣ. Что же благороднѣе этого? Какой же у насъ общій отвѣтъ, какое общее слово тѣмъ и другимъ?

У насъ одинъ Богъ, потому что Божество одно. И къ Единому возводятся сущіе отъ Бога, хотя и вѣруется въ Трехъ; потому что какъ Одинъ не больше, такъ и Другой не меньше есть Богъ; и Одинъ не прежде, и Другой не послѣ: Они и хотѣніемъ не отдѣляются, и по силѣ не дѣлятся; и все то не имѣетъ мѣста, что только бываетъ въ вещахъ дѣлимыхъ. Напротивъ того, если выразиться короче, Божество въ Раздѣленныхъ недѣлимо, какъ въ трехъ солнцахъ, которыя заключены одно въ другомъ, одно раствореніе свѣта. Посему когда имѣемъ въ мысли Божество, первую причину и единачаліе; тогда представляемое нами—одно. А когда имѣемъ въ мысли Тѣхъ, въ Которыхъ Божество. Сущихъ отъ первой Причины, и Сущихъ отъ Нея доврешенно и равночестно; тогда Покланяемыхъ — три.

Скажутъ: „Что жъ? Не одно ли Божество и у язычниковъ, какъ учать тѣ изъ нихъ, которые совершеннѣе другихъ любу-мудрствовали? И у насъ цѣлый родъ — одно человѣчество. Однакоже у язычниковъ боговъ, какъ и у насъ людей, много, а не одинъ“. — Но тамъ, хотя общность и имѣеть единство, представляемое впрочемъ мысленно, однакожъ недѣлимыхъ много, и они раздѣлены между собою временемъ, страстями и силою. Ибо мы не только сложны, но и противоположны, какъ другъ другу, такъ и сами себѣ; не говоря уже о цѣлой жизни, даже и одного дня не бываемъ совершенно тѣми же, но непрестанно течемъ и перемѣняемся и по тѣлу, и по душѣ. А не знаю, едва ли не таковы же Ангелы и всякое, кромѣ Троицы, горнее естество, хотя они просты и, по близости своей къ верховному Благу, крѣпко утверждены въ добрѣ. А что касается до чтимыхъ язычниками боговъ и, какъ сами называютъ, демоновъ, то намъ нѣтъ нужды быть ихъ обвинителями; напротивъ того, по обличенію собственныхъ ихъ богослововъ, они преданы страстямъ, мятежамъ, преисполнены зломъ и превратностями, состоятъ въ противоборствѣ не только сами съ собою, но и съ первыми причинами, какъ называютъ они Океановъ, Тивіевъ, Фанитовъ и еще не знаю кого, а напоследокъ какого-то чадоненавистника—бога, который изъ любоначалія и по ненасытности пожираетъ всѣхъ прочихъ, чтобъ стать отцемъ всѣхъ людей и боговъ, несчастно поглощенныхъ и изблеванныхъ. — Если же, какъ сами они говорятъ во избѣжаніе срамословія, все это басни и какія-то иносказанія; что скажутъ въ объясненіе того, что все у нихъ раздѣлено тречастно, и надъ каждою частію существъ начальствуетъ иной богъ, различный отъ прочихъ и веществомъ и достоинствомъ? Но не таково наше ученіе. *Не такова часть Іаковля*, говоритъ мой Богословъ (Іер. 51, 19). Напротивъ того каждое изъ Нихъ¹⁾, по тождеству сущности и силы, имѣеть такое же единство съ Соединеннымъ, какъ и съ самимъ Собою. Таково понятіе сего единства, сколько мы постигаемъ оное. И если понятіе сіе твердо: то благодареніе Богу за умозрѣніе! А если не твердо, поищемъ болѣе твердаго.

А твои доводы, которыми разоряешь наше единство, не знаю какъ назвать, — шуткою ли, или чѣмъ дѣльнымъ? И что у тебя за доказательство?—Говоришь: „единосущныя счисляются, а неединосущныя не счисляются (подъ счисленіемъ же разумѣешь собраніе въ одно число); а посему неизбѣжно заключеніе, что у

¹⁾ Изъ Лицъ Божества.

вась, на этомъ основаніи, три Бога; тогда какъ намъ нѣтъ сей опасности; потому что не называемъ единаосущными.—Итакъ, одимъ словомъ, избавилъ ты себя отъ трудовъ, и одержалъ худую побѣду. Поступокъ твой походить нѣсколько на то, когда инный отъ страха смерти самъ надѣваетъ на себя петлю. Чтобъ не утрудиться, стоя за единоначаліе, отрелся ты отъ Божества и предалъ врагамъ, чего они искали. Но я, хотя бы потребовалось и потрудиться нѣсколько, не предамъ Достопокланяемаго. А здѣсь не вижу даже и труда. Ты говоришь: счисляются единаосущныя; а не имѣющія единаосущія воображаются единицами. Гдѣ ты занялъ сіе? у какихъ учителей и баснослововъ? Развѣ не знаешь, что всякое число показываетъ количество предметовъ, а не природу вещей? А я такъ простъ, или, лучше сказать, такой неучъ, что три вещи, хотя бы онѣ и различны были по природѣ, въ отношеніи къ числу называю тремя. Но одно, одно и одно, хотя они и не сопрягаются по сущности, именую столькими же единицами, взирая не столько на вещи, сколько на количество счисляемыхъ вещей. Поелику же ты очень держишься Писанія, хотя и противишься Писанію; то вотъ тебѣ доказательства и отголѣ. Въ Притчахъ *трие суть, яже благоспѣшно ходятъ*, левъ, козель и пѣтухъ, *четвертое же, царь глаголай къ народу* (Притч. 30, 29—31); не говорю уже о другихъ поименованныхъ тамъ четверочисліяхъ, между тѣмъ какъ счисляемыя вещи различны по природѣ. И у Моисея нахожу двухъ Херувимовъ, счисляемыхъ по единицѣ (Исх. 25, 19). Какъ же по твоему именованію тѣхъ назвать тремя, когда они столько несходны между собою по природѣ, а послѣднихъ считать по единицѣ, когда они столько между собою однородны и близки? А если Бога и мамону, которые столь далеки между собою, подводя подъ одно число, назову двумя господами (Матѣ. 6, 24); то, можетъ быть, ты еще болѣе посмѣешься такому счисленію. Но ты говоришь: „у меня тѣ предметы называются счисляемыми и имѣющими ту же сущность, вторыхъ и имена произносятся соотвѣтственно, напирь: три человекъ и три Бога, а не три какія-нибудь вещи. Ибо какая тутъ соотвѣтственность?“ Это значитъ давать правило объ именахъ, а не учить истинѣ. Поэтому и у меня Петръ, Павелъ и Іоаннъ и не три и не односущны, пока не именуются тремя Петрами, тремя Павлами и столькими же Іоаннами. Ибо или, что наблюдалъ ты въ разсужденіи именъ болѣе родовыхъ, того мы, слѣдуя твоей выдумкѣ, потребуемъ въ разсужденіи именъ болѣе частныхъ, или не уступивъ намъ того, что уступлено было самому,

поступишь несправедливо. А что же Иоаннъ? Когда въ Соборныхъ посланіяхъ говоритъ онъ, *что трие суть свидѣтельствующи, духъ, вода, кровь* (1 Иоан. 5, 8), ужели, по твоему мнѣнію, выражается нескладно; во-первыхъ, потому, что осмѣлился счислять неодносущныя вещи, тогда какъ сіе присвоено тобою однимъ односущнымъ (ибо кто скажетъ, чтобъ поименованныя вещи были одной сущности?), а во-вторыхъ, потому, что сочинилъ слова не соотвѣтственно, а напротивъ, слово три (*τρεῖς*) поставивъ въ мужескомъ родѣ, вопреки правиламъ и уставамъ, какъ твоимъ, такъ и грамматическимъ, привелъ три имени средняго рода (*τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ, τὸ αἷμα*)? Но какаѣ въ томъ разность, сказать ли слово *три* въ мужескомъ родѣ, и потомъ представить одно, одно и одно, или сказавъ: одинъ, одинъ и одинъ, наименовать ихъ тремя не въ мужескомъ, а въ среднемъ родѣ,—что находишь ты неприличнымъ для Божества? А что твой ракъ,—ракъ животное, ракъ орудіе и ракъ созвѣздіе? Что твой песь,—песь живущій на сушѣ, песь морской и песь небесный? Не думаешь ли, что ихъ можно назвать тремя раками и псами?—Безъ сомнѣнія, такъ.—Ужели же они поѣтому и односущны? Кто изъ здравомыслящихъ скажетъ сіе? Видишь ли, какъ рушилось твое доказательство, взятое отъ счисленія, и рушилось неоднократно опровергнутое? Ибо если и односущныя не всегда счисляются, и неодносущныя могутъ счисляться, а имена произносятся о тѣхъ и другихъ; то какія пріобрѣтенія твоего ученія? Но я принимаю въ разсмотрѣніе еще слѣдующее, и можетъ быть не безъ основанія. Одно и одно не слагается ли въ два? И два опять не разлагаются ли на одно и одно?—Очевидно, такъ.—Но если, по твоему началу, слагаемыя односущны, а раздѣляемыя иносущны; то какое изъ сего заключеніе? То, что одни и тѣ же предметы и односущны и иносущны.

Смѣшны мнѣ также твои первочисленности и нижечисленности, о которыхъ такъ высоко ты думаешь, какъ будто въ порядкѣ именъ заключается порядокъ именуемыхъ. Ибо если послѣднее справедливо; то, когда въ Божественномъ Писаніи одни и тѣ же, по равночестности естества, считаются то напередѣ, то послѣ, мѣшаетъ ли что одному и тому же, на томъ же основаніи, быть и честнѣе и малочестнѣе себя самого?

Такое же у меня разсужденіе о словахъ: *Богъ* и *Господь*, также о предлогахъ: *изъ*, *чрезъ* и *въ*, по которымъ ты такъ ухищренно различаешь Божество, относя первый предлогъ къ Отцу, вторій къ Сыну, третій — къ Духу Святому. Но что одѣлалъ бы

ты, если бы каждый из сихъ предлоговъ постоянно присвоаемъ былъ одному, когда доказываешь ими такое неравенство въ достоинствѣ, и естествѣ, тогда какъ, сколько извѣстно упражнявшимся въ этомъ, все они и о всехъ употребляются?

И сего довольно для людей не вовсе несознательныхъ. Но поелику тебѣ однажды ринувшись въ борьбу противъ Духа, всего труднѣе удержать свое стремленіе, и какъ не робкій вепрь, ты хочешь упорствовать до конца и напирать на мечъ, пока рана не дойдетъ до внутренности; то посмотримъ, что остается еще сказать тебѣ.

Опять и уже не разъ повторяешь ты намъ: „не извѣстенъ по Писанію“. Хотя доказано, что Духъ Святой не есть странность и нововведеніе, но былъ извѣстенъ и открытъ, какъ древнимъ такъ и новымъ, и доказано уже многими изъ разсуждавшихъ о семъ предметѣ, притомъ людьми, которые занимались Божественнымъ Писаніемъ не слегка и не поверхностно, но сквозь букву проникали во внутреннее, удостоились видѣть сокровенную красоту и озарились Свѣтомъ вѣдѣнія; однако-жъ и я покажу сіе какъ бы мимоходомъ, и сколько можно стараюсь не подать мысли, что берусь за лишній трудъ и щедръ болѣе надлежащаго, когда могу строить на чужомъ основаніи. Если же побужденіемъ къ хулѣ и причиною чрезмѣрнаго языкоболія и нечестія служить для тебя то, что въ Писаніи Духъ не весьма ясно именуется Богомъ и не такъ часто упоминается, какъ сперва Отецъ, а потомъ Сынъ; я излечу тебя отъ этой болѣзни, полюбоумудрствовавъ съ тобою нѣсколько объ именуемыхъ и именахъ, особливо соображаясь съ употребленіемъ Писанія.

Изъ именуемаго—инаго нѣтъ, но сказано въ Писаніи; другое есть, но не сказано; а инаго нѣтъ, и не сказано, другое же есть, и сказано. Потребуешь у меня на сіе доказательствъ?—готовъ представить. По Писанію, Богъ спитъ (Ис. 43, 24), пробуждается (Дан. 9, 14), гнѣвается (Втор. 11, 17), ходитъ и престоломъ имѣетъ херувимовъ (Исаи 37, 16). Но когда Онъ имѣлъ немощи? И слыхалъ ли ты, что Богъ есть тѣло? Здѣсь представлено то, чего нѣтъ. Ибо, соразмѣряясь съ своимъ понятіемъ, и Божіе называли мы именами, взятыми съ себя самихъ. Когда Богъ, по причинамъ Ему самому извѣстнымъ, прекращаетъ свое попеченіе и какъ бы нерадитъ о насъ; это значитъ—Онъ спитъ; потому что нашъ сонъ есть подобная бездѣйственность и безпечность. Когда, наоборотъ, вдругъ начинается благодѣтельность; значитъ — Онъ пробуждается; потому что пробужденіе есть

минованіе сна, такъ же какъ внимательное возрѣніе есть минованіе отвращенія. Онъ наказываетъ; а мы сдѣлали изъ сего—гнѣвается; потому что у насъ наказаніе бываетъ по гнѣву. Онъ дѣйствуетъ то здѣсь, то тамъ; а по нашему—Онъ ходитъ; потому что хожденіе есть поступленіе отъ одного къ другому. Онъ упокоевается и какъ бы обитаетъ во святыхъ Силахъ; мы назвали это сѣденіемъ и сѣденіемъ на престолѣ, что также свойственно намъ. А Божество ни въ чемъ такъ не упокоевается, какъ во Святыхъ. Быстродвижность названа у насъ летаніемъ, смотрѣніе наименовано лицемъ, даяніе и пріятіе—рукою. А также всякая другая Божія сила и всякое другое Божіе дѣйствіе изображены у насъ чѣмъ-либо взятымъ съ тѣлеснаго. И съ другой стороны: откуда взялъ ты слова: нерожденное и безначальное— эти твердыни твои; откуда и мы беремъ слово: бессмертное? Укажи мнѣ ихъ буквально; иначе или твои отвергнемъ, а свое изгладимъ, потому что ихъ нѣтъ въ Писаніи, и тогда съ уничтоженіемъ имени пропалъ и ты отъ своихъ предположеній, погибла и эта стѣна прибѣжища, на которую ты надѣялся; или очевидно, что, хотя и не сказано сего въ Писаніи, однакожь оно взято изъ словъ, то же въ себѣ заключающихъ... Изъ какихъ же именно? *Азъ есмь первый* (Исаи 43, 13), и *Азъ по сихъ* (Исаи 44, 6), *прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ* (Исаи 43, 10); ибо *Мое есть* всецѣло; оно не началось и не прекратится. Держась сего, поелику ничего нѣтъ прежде Бога, и Онъ не имѣетъ причины, которая бы Ему предшествовала, наименовалъ ты Его безначальнымъ и нерожденнымъ, а поелику онъ не перестанетъ быть,—бессмертнымъ и негибнущимъ. Таковы и такого свойства первые два случая. Чего же нѣтъ и не сказано? Того, что Богъ золъ, что шаръ четвероуголенъ, что пропедшее настало, что человѣкъ не сложенъ. Ибо знавалъ ли ты человѣка, который бы дошелъ до такого разстройства въ умѣ, что осмѣлился бы помыслить или произнести что-нибудь подобное?—Остается показать, что есть и сказано, — Богъ, человѣкъ, Ангелъ, судъ, суета, то есть подобныя твоимъ умозаключенія, извращеніе вѣры, упраздненіе таинства.

А когда столько разности между именами и именуемыми; для чего ты такъ много раболѣпствуешь буквѣ и предаешься Гудейской мудрости, гоняясь за слогами и оставляя вещь? Если ты скажешь: дважды пять и дважды семь, а я изъ сказаннаго вывежу: десять и четырнадцать, или, если животное разумное и смертное замѣню словомъ человѣкъ; то неужели подумаешь, что

говору вздоръ? Да и какъ это, если говорю твое же? Ибо слова сіи не столько принадлежать мнѣ, который произношу ихъ, сколько тебѣ, который заставляешь произнести. Посему, какъ здѣсь смотрѣлъ я не столько на сказанное, сколько на разумѣемое; такъ не преминулъ бы выговорить и другое что-нибудь, еслибъ нашлось, хотя не сказанное, или неясно сказанное, но разумѣемое въ Писаніи, и не побоялся бы тебя—охотника спорить объ именахъ.

Такой дадимъ отвѣтъ людямъ въ-половину благомыслящимъ (а тебѣ нельзя сказать и сего; ибо ты, отрицающій наименованія Сына, какъ они ни ясны, ни многочисленны, конечно, не уважишь наименованій Духа, хотя бы указали тебѣ гораздо яснѣйшія и многочисленнѣйшія извѣстныхъ); теперь же, возведя слово нѣсколько выше, объясню и вамъ мудрецамъ причину всей неясности.

Въ продолженіе вѣковъ были два знаменитыя преобразованія жизни человѣческой, называемыя двумя Завѣтами и, по извѣстному изреченію Писанія, потрясеніями земли (Агг. 2, 7). Одно вело отъ идоловъ къ Закону, а другое отъ Закона—къ Евангелію. Благовѣствую и о третіемъ потрясеніи—о преставленіи отъ здѣшняго къ тамошнему, непоколебимому и неизблемому. Но съ обоими Завѣтами произошло одно и то же. Что именно? Они вводились не вдругъ, не по первому приему за дѣло. Для чего же? Намъ нужно было знать, что насъ не принуждаютъ, а убѣждаютъ. Ибо что не произвольно, то и непрочное, какъ потокъ или растеніе не надолго удерживаются силою. Добровольное же и прочнѣе и надежнѣе. И первое есть дѣло употребляющаго насиліе, а послѣднее собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а послѣднее—Божію правосудію. Посему Богъ опредѣлялъ, что не для нехотящихъ должно дѣлать добро, но—благодѣтельствовать желающимъ. Потому Онъ, какъ дѣтководитель и врачъ, иные отеческіе обычаи отмѣняетъ, а другіе дозволяетъ, попуская иное и для нашего услажденія, какъ врачи даютъ больнымъ врачевство искусно приправленное чѣмъ-нибудь приятнымъ, чтобъ оно было принято. Ибо не легко перемѣнить, что вошло въ обычай и долговременно было уважаемо. Что жъ разумѣю? То, что первый Завѣтъ, запретивъ идоловъ, допустилъ жертвы; а второй, отмѣнивъ жертвы, не запретилъ обрѣзанія. Потомъ, которые однажды согласились на отмѣненіе, тѣ уступили и уступленное, одни—жертвы, другіе—обрѣзаніе, и стали изъ язычниковъ Іудеями, и изъ Іудеевъ Христіанами, будучи увле-

каемы къ Евангелію постепенными измѣненіями. Въ семь да убѣдить тебя Павелъ, который отъ обрѣзанія и очищеній простерся уже къ тому, что сказалъ: *Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще гонимъ есмь* (Гал. 5, 11)? То было нужно для домостроительства, а сіе для совершенства.

Сему хочу уподобить и Богословіе, только въ противоположномъ отношеніи. Ибо тамъ преобразование достигалось чрезъ отмѣненія, а здѣсь совершенство—чрезъ прибавленія. Но дѣло въ томъ, что Ветхій Заѣтъ ясно проповѣдывалъ Отца, а не съ такою ясностію Сына; Новый открылъ Сына и далъ указанія о Божествѣ Духа; нынѣ пребываетъ съ нами Духъ, даруя намъ яснѣйшее о Немъ познаніе. Не безопасно было, прежде нежели исповѣдано Божество Отца, ясно проповѣдовать Сына, и прежде нежели признанъ Сынъ (выражусь нѣсколько смѣло), обременять насъ проповѣдію о Духѣ Святомъ и подвергать опасности утратить послѣднія силы, какъ бываетъ съ людьми, которые обременены пищею, принятою не въ-мѣру, или слабое еще зрѣніе устремляютъ на солнечный свѣтъ. Надлежало же, чтобъ Троичный свѣтъ озарялъ просвѣтляемыхъ постепенными прибавленіями, какъ говоритъ Давидъ, *восхожденіями* (Пс. 83, 6), *постушленіями* отъ славы въ славу и преуспѣяніями. По сей-то, думаю, причинѣ и на Учениковъ нисходитъ Духъ постепенно, соразмѣряясь съ силою приѣмлющихъ, въ началѣ Евангелія, по страданіи, по вознесеніи, то совершаетъ чрезъ нихъ силы (Мѣ. 10, 1), то дается имъ чрезъ дуновеніе (Іоан. 20, 22), то является въ огненныхъ языкахъ (Дѣян. 2, 3). Да и Іисусъ возвѣщаетъ о Немъ постепенно, какъ самъ ты увидишь при внимательнѣйшемъ чтеніи. *Умолю*, говоритъ, *Отца, и много Утѣшителя* послетъ вамъ (Іоан. 14, 16. 17), чтобъ не почли Его противникомъ Богу, и говорящимъ по иной какой-либо власти. Потомъ, хотя и употребляемъ слово: *послетъ*, но присовокупляя: *во имя Мое* (Іоан. 14, 26), и оставивъ слово: *умолю*, удерживаетъ слово: *послетъ*. Потомъ говоритъ: *послю* (Іоан. 15, 26), показывая собственное достоинство. Потомъ сказалъ: *придетъ* (Іоан. 16, 13), показывая власть Духа. Видишь постепенно возсіявающія намъ озаренія, и тотъ порядокъ Богословія, который и намъ лучше соблюдать, не все вдругъ высказывая, и не все до конца скрывая; ибо первое неосторожно, а послѣднее безбожно; и однимъ можно поразить чужихъ, а другимъ — отчуждить своихъ. Присовокуплю къ сказанному и то, что, хотя можетъ-быть приходило уже на мысль и другимъ, однакожь почитаю плодомъ собственнаго ума. У Спасителя и послѣ

того, какъ многое проповѣдалъ Онъ ученикамъ, было еще нѣчто, чего, какъ самъ Онъ говорилъ, ученики (можетъ быть по причинамъ выше мною изложеннымъ) не могли тогда *нести* (Иоан. 16, 12), и что по сему самому скрывалъ Онъ отъ нихъ. И еще Спаситель говорилъ, что будемъ всему научены снисшедшимъ Духомъ (Иоан. 16, 13). Сюда-то отношу я и самое Божество Духа, ясно открытое впоследствии, когда уже вѣдѣніе сіе сдѣлалось благовременнымъ и удобовмѣстимымъ, по прославленіи (*αποκαταστασις*) Спасителя, послѣ того какъ не съ невѣріемъ стали принимать чудо. Да и что большее сего или Христось обѣтовалъ бы, или Духъ преподавалъ бы; если надобно признавать великимъ и достойнымъ Божія величія и обѣтованное и проповѣданное?

Такъ увѣренъ въ этомъ самъ я, и желалъ бы, чтобъ со мною всякій, кто мнѣ другъ, чтитъ Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго, три личности, единое Божество, нераздѣльное въ славѣ, чести, сущности и царствѣ, какъ любомудрствовалъ одинъ изъ богоносныхъ мужей, жившихъ не задолго до насъ. Или да не *видитъ*, какъ говоритъ Писаніе, *денницы возсіяющія* (Иов. 3, 9), ни славы будущаго озаренія, кто вѣритъ иначе, или, соображаясь съ обстоятельствами, бываетъ то тѣмъ, то другимъ, и о важнѣйшихъ предметахъ судить не здраво. Если Духъ не достопоклоняемъ, то какъ же меня дѣлаетъ Онъ богомъ въ Крещеніи? А если достопоклоняемъ; то какъ же не досточтимъ? А если досточтимъ, то какъ же не Богъ? Здѣсь одно держится другимъ; это подлинно золотая и спасительная цѣпь. Отъ Духа имѣемъ мы возрожденіе, отъ возрожденія—возсозданіе, отъ возсозданія—познаніе о достоинствѣ Возсоздаващаго.

Все сіе можно было бы сказать о Духѣ въ томъ предположеніи, что Онъ не засвидѣтельствованъ Писаніемъ. Но теперь выступить предъ тобою и рой свидѣтельствъ, изъ которыхъ всякому, кто не слишкомъ тупоуменъ и чуждъ Духа, ясно будетъ видно, что божество Духа весьма открыто въ Писаніи. Обрати вниманіе на слѣдующее. Раждается Христось,—Духъ предваряетъ (Лук. 1, 35). Крещается Христось,—Духъ свидѣтельствуетъ (Иоан. 1, 33. 34). Испушается Христось,—Духъ возводитъ Его (Матѣ. 4, 1). Совершаетъ силы Христось,—Духъ сопутствуетъ. Возносится Христось,—Духъ преемствуетъ. Чего великаго и возможнаго единому Богу не можетъ совершить Духъ? И изъ именъ Божіихъ какими не именуется Онъ, кромѣ нерожденности и рожденія? Но сіи свойства должны были оставаться при Отцѣ и Сынѣ, чтобъ не произошло слитности въ Божествѣ, Которое приводитъ

въ устройство какъ все прочее, такъ и самое нестроение. Прихожу въ трепеть, когда представляю въ умѣ и богатство именованій и то, что противящіяся Духу не стыдятся и толикаго числа именъ. Онъ именуется: *Духъ Божій*, *Духъ Христовъ* (Рим. 8, 9), *Умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 10), *Духъ Господень* (Исаи 61, 1), *самъ Господь* (2 Кор. 3, 17), *Духъ синоположенія* (Рим. 8, 15), *истины* (Иоан. 14, 17), *свободы* (2 Кор. 3, 17), *Духъ премудрости, разума, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія, страха Божія* (Исаи 11, 2. 3); потому что все сіе производитъ. Онъ все исполняетъ сущностію, все содержитъ (Премудр. 1, 7)—исполняетъ міръ въ отношеніи къ сущности, и невмѣстимъ для міра въ отношеніи къ силѣ. Онъ есть *Духъ благій* (Пс. 142, 10), *правый* (Пс. 50, 12), *владычній* (Пс. 50, 14)—по естеству, а не по усвоенію, освящающій, но не освящаемый, измѣряющій, но не измѣряемый, заимствуемый, но не заимствующій, исполняющій, но не исполняемый, содержащій, но не содержимый, наследуемый (Ефес. 1, 14), прославляемый (1 Кор. 6, 19. 20), вмѣстѣ счисляемый (Матѣ. 28, 19), угрожающій (Дѣян. 5, 1—10. Матѣ. 12, 31. 32). Онъ есть *перстъ Божій* (Лук. 11, 20), *огнь* (Матѣ. 3, 11. Дѣян. 2, 3), какъ Богъ, и думаю, въ означеніе единосущія. Онъ есть *Духъ сотворивый* (Иов. 33, 4), *возсозидающій* въ крещеніи (Тит. 3, 5) и *воскресеніи* (Рим. 8, 11), *Духъ*, Который все вѣдаетъ (1 Кор. 2, 11), *всему учитъ* (Иоан. 14, 26), *дышетъ, идѣже хочетъ* и сколько хочетъ (Иоан. 3, 8), *Духъ наставляющій* (Иоан. 16, 3), *глаголющій* (Матѣ. 10, 20), *посылающій* (Дѣян. 13, 4), *отдѣляющій* (Дѣян. 13, 2), *прогнѣвляемый* (Исаи 63, 10), *искушаемый* (Дѣян. 5, 9), *податель откровеній* (1 Кор. 2, 10), *просвѣщенія* (Евр. 6, 4), *жизни* (Рим. 8, 11), лучше же сказать, *самый свѣтъ* и *самая жизнь*. Онъ дѣлаетъ меня храмомъ (1 Кор. 6, 19), *творитъ богомъ, совершаетъ*, почему и крещеніе предваряетъ (Дѣян. 10, 44), и по крещеніи *выскупается* (Дѣян. 19, 5. 6); Онъ производитъ все то, что производитъ Богъ. Онъ раздѣляется въ огненныхъ языкахъ (Дѣян. 2, 3), и раздѣляетъ дарованія (1 Кор. 12, 11), *творитъ Апостоловъ, Пророковъ, благовѣстниковъ, Пастырей, Учителей* (Ефес. 4, 11); Онъ есть *Духъ разума, многочастный, ясный, свѣтлый, нескверный, невозбраненъ* (что равнозначительно, можетъ быть, *словамъ: премудрый, многообразный въ дѣйствіяхъ, дѣлающій все яснымъ и свѣтлымъ, свободный и неизмѣняемый*), *всесильный, все видящій и сквозь вся проходяй духи разумныя, чистыя, тончайшія* (Премудр. 7, 22. 23), то-есть, сколько разумью, силы Ангель-

скія, а также Пророческія и Апостольскія, въ то же время и не въ одномъ мѣстѣ, но тамъ и здѣсь находящіяся, чѣмъ и означаетъ неограниченность. И какъ же бы ты думалъ? Тѣ, которые говорятъ сіе и учатъ сему, а сверхъ того именуютъ Духа *инымъ Утѣшителемъ* (Іоан. 14, 16), какъ бы инымъ Богомъ, знаютъ, что только хула на Духа не прощательна (Мате. 12, 31), Ананію же и Сапфиру, когда они солгали Духу Святому, оглашаютъ солгавшими Богу, а не человѣку (Дѣян. 5, 4),—то ли исповѣдуютъ о Духѣ, что онъ Богъ, или иное что? О, сколько ты въ дѣйствительности грубъ и далекъ отъ Духа, если сомнѣваешься въ этомъ, и требуешь еще Учителя! Итакъ, наименованія сіи весьма многочисленны и многозначущи (ибо нужно ли приводить тебѣ мѣста Писанія буквально?); а если въ Писаніи и встрѣчаются унизительныя реченія: *дается* (Дѣян. 8, 18), *посылается* (Іоан. 14, 26), *дѣлится* (Дѣян. 2, 3), *дарованіе*, *даръ* (Дѣян. 2, 38), *дуновеніе* (Іоан. 20, 21), *обѣтованіе* (Дѣян. 2, 33), *ходатайство* (Рим. 8, 26) и другіе сямъ подобныя, то (не говоря о каждомъ изъ сихъ реченій) надобно ихъ возводить къ первой Причинѣ, чтобъ видѣть, отъ Кого Духъ, а не принять трехъ началъ, подобно многобожникамъ. Ибо равно нечестиво, и соединять съ Савелліемъ, и раздѣлять съ Аріемъ, — соединять относительно къ лицу, раздѣлять относительно къ естеству.

Чего я не разсматривалъ самъ съ собою въ любовѣдушемъ умѣ своемъ, чѣмъ не обогащалъ разума, гдѣ не искалъ подобія для сего, но не нашель, къ чему бы долънему можно было примѣнить Божіе естество. Если и отыскивается малое нѣкое сходство; то гораздо большее ускользаетъ, оставляя меня долу вмѣстѣ съ тѣмъ, что избрано для сравненія. По примѣру друтихъ, представлялъ я себѣ родникъ, ключъ и потокъ, и рассуждалъ: не имѣютъ ли сходства съ однимъ Отецъ, съ другимъ Сынъ, съ третьимъ Духъ Святый? Ибо родникъ, ключъ и потокъ не раздѣльны временемъ, и сопробываемость ихъ непрерывна, хотя и кажется, что они раздѣлены тремя свойствами. Но убоялся, во-первыхъ, чтобъ не допустить въ Божествѣ какого-то теченія никогда не останавливающагося; во-вторыхъ, чтобъ такимъ подобіемъ не ввести и численнаго единства. Ибо родникъ, ключъ и потокъ въ отношеніи къ числу составляютъ одно, различны же только въ образѣ представленія. Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь опасеніе, чтобы въ несложномъ естествѣ не представить какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что отъ солнца; во-вторыхъ, чтобъ, приписавъ

сущность Отцу, не лишитъ самостоятельности прочія лица, и не содѣлать Ихъ силами Божіими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны. Потому что и лучъ и свѣтъ суть не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца. Въ-третьихъ, чтобъ не приписать Богу вмѣстѣ и бытія и небытія (къ какому заключенію можетъ привести сей примѣръ); а сіе еще нелѣпѣе сказаннаго прежде. Слышалъ я также, что нѣкто находилъ искомое подобіе въ солнечномъ отблескѣ, который является на стѣнѣ и сотрясается отъ движенія воды, когда лучъ, собранный воздушною средою и потомъ разсѣянный отражающею поверхностію, приходитъ въ странное колебаніе; ибо отъ многочисленныхъ и частыхъ движеній перебѣгаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, составляя не столько одно, сколько многое и не столько многое сколько одно; потому что по быстротѣ сближеній и расхожденій ускользаетъ прежде, нежели уловить его взоръ. Но по моему мнѣнію, нельзя принять и сего. Во-первыхъ потому, что здѣсь слишкомъ видно приводящее въ движеніе: но первоначальнѣе Бога нѣтъ ничего, что приводило бы Его въ движеніе: потому что Самъ Онъ причина всего, а не имѣетъ причины, которая была бы и Его первоначальнѣе. Во-вторыхъ потому, что и симъ подобіемъ наводится прежняя мысль о движеніи, о сложности, объ естествѣ непостоянномъ и зыблющемся, тогда какъ ничего подобнаго не должно представлять о Божествѣ. И вообще ничего не нахожу, что, при разсмотрѣніи представляемаго, остановило бы мысль на избираемыхъ подобіяхъ, развѣ кто съ должнымъ благоразуміемъ возметъ изъ образа что-нибудь одно и отброситъ все прочее. Наконецъ заключилъ я, что всего лучше отступить отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко недосягающихъ до истины, держаться же образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣть руководителемъ Духа, и какое озареніе получено отъ Него, то сохраняя до конца, съ нимъ, какъ съ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходить настоящій вѣкъ, а по мѣрѣ силъ и другихъ убѣждать, чтобъ поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу—единому Божеству и единой Силѣ. Богу всякая слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 32, о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи, и о томъ, что не всякій человѣкъ и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ.

Поелику вы стеклись усердно и собраніе многолюдно, а потому теперь самое лучшее время для дѣланія: то предложу вамъ нѣчто для купли, если и не стоящее общаго усердія, по крайней мѣрѣ не достаточное по моимъ силамъ. Ваше усердіе требуетъ большаго, а мои силы предлагаютъ средственное; и лучше предложить, что можно, нежели отказать во всемъ. Ибо и въ Божественныхъ и въ человѣческихъ дѣлахъ равно не подлежитъ осужденію, кто чего-нибудь не могъ, но подвергается отвѣтственности, кто не хотѣлъ. Я—пастырь малый и бѣдный, даже другимъ пастырямъ (выражусь еще скромно) не угодный, по благомыслию ли и правому ученію, или по малодушію и спорамъ, не знаю сего, *Богъ вѣсть*, говоритъ божественный Апостоль (1 Кор. 11, 11), ясно же покажетъ день откровенія и послѣдній огонь, которыми будутъ испытаны, или очищены всѣ напш дѣла: впрочемъ, попытаюсь, по мѣрѣ силъ, не скрывать дарованія, не ставить свѣщника подъ спудомъ, не закапывать таланта въ землю (что все, какъ часто слышу, ставятъ мнѣ въ вину, порицая мое бездѣйствіе, гнѣваясь на мое молчаніе), но наставитъ васъ словомъ истины, и содѣлать сообразными Духу.

Съ чего же начать мнѣ назиданіе ваше, братія? Какимъ словомъ почтить Подвижниковъ, для которыхъ установлено настоящее торжество? О чемъ сказать какъ о первомъ, или какъ о важнѣйшемъ? Что наипаче полезно для душъ вашихъ? Или что всего благоприличнѣе настоящему времени? Это узнаемъ слѣдующимъ образомъ: что въ нашемъ ученіи всего превосходнѣе, присовокуплю, и всего полезнѣе?—Миръ. А что всего гнуснѣе и вреднѣе? Разногласіе. Но предложивъ такой вопросъ и давъ на него отвѣтъ, спрошу еще разъ: что всего болѣе расторгло миръ, и что ввело разногласіе? Спрошу для того, чтобы, какъ поступаютъ съ болѣзнями, пресѣкнуши причины, заградивъ или иссушивъ источники страданій, преградить ихъ потоки и слѣдствія; ибо невозможно хорошо узнать окончаніе, не изслѣдовавъ правильно начала. Итакъ, хотите ли сами открыть и объяснить причину болѣзни, или предоставите мнѣ—врачу, и обнаружить и излечить болѣзнь? Ибо я готовъ говорить желающимъ, а еще болѣе готовъ слушать говорящихъ. Но очень знаю, что предоставите

се мнѣ; потому что можетъ-быть почитаете меня не худымъ врачомъ и не неискуснымъ въ цѣленіи душъ. Итакъ, ошибочно ли, или правильно сіе ваше мнѣніе обо мнѣ, не подивитесь, если скажу слово странное. Хотя оно странно, однако же справедливо, какъ и я утверждаю, какъ и сами согласитесь, если потерпите выслушать до конца и не случится съ вами того самаго, чего не одобряю, то есть, по горячности, не встанете прежде окончанія слова.

Причиною сего неуройства—природная горячность и великость духа; впрочемъ, не простая пламенность и великость (я нимаю не осуждаю той горячности, безъ которой невозможно успѣть ни въ благочестіи, ни въ другой добродѣтели), но твердость, соединенная съ неблагоразуміемъ, невѣжествомъ и злымъ порожденіемъ послѣдняго—дерзостью; ибо дерзость есть плодъ невѣжества. Души слабыя въ отношеніи и къ добродѣтели и къ пороку равно медлительны и неподвижны; онѣ не склоняются много ни на ту, ни на другую сторону; у нихъ такія же движенія, какъ и у людей страждущихъ оцѣпенѣніемъ. А души твердыя, если руководствуетъ и управляетъ ими разумъ,—великое приобрѣтеніе для добродѣтели; при недостаткѣ же знанія и разума, онѣ то же самое и для порока. Такъ и коню надобно быть сильнымъ и мужественнымъ, чтобъ могъ онъ въ послѣдствіи одерживать побѣду на войнѣ, или на ристалищѣ; но изъ него не выйдетъ ничего добраго, если не будетъ усмиренъ уздой и приученъ къ кротости многотруднымъ упражненіемъ. И сія-то неразумная горячность большею частію расторгала члены, раздѣляла братьевъ, возмущала города, приводила въ ярость чернь, вооружала народы, возставляла царей, священниковъ, противъ народа и другъ противъ друга, народъ противъ себя самого и противъ священниковъ, родителей противъ дѣтей, дѣтей противъ родителей, мужей противъ женъ, женъ противъ мужей, и всѣхъ, соединенныхъ какими бы то ни было узами пріязни, другъ противъ друга, также рабовъ и господъ, учениковъ и учителей, старцевъ и юныхъ; и она-то, презрѣвъ законъ стыда—это величайшее пособіе для добродѣтели, ввела законъ высокомерія. И мы не только стали *кольно и кольно о себѣ* (Зах. 12, 14), за что укоряемъ былъ древній Израиль, или Израиль и Іуда—двѣ части одного народа и того малочисленнаго; но раздѣлились въ домахъ и тѣсныхъ обществахъ, и какъ-бы каждый самъ съ собою; раздѣлились, говорю, мы—цѣлая вселенная, весь родъ человѣческой—всѣ, къ кому достигло Божіе слово. И многоначаліе стало безна-

чаліемъ, и *разсыпашася кости наша при адѣ* (Пс. 140, 7). Надобно было, послѣ того какъ одержали мы побѣду надъ внѣшними врагами, терпѣть истребленіе другъ отъ друга, подобно бѣвующимся терзать собственную плоть, и не чувствовать, но радоваться злу болѣе, нежели другіе—миру, самое бѣдствіе почитать приобрѣтеніемъ, и думать—симъ истребленіемъ *службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2); надобно было раздѣлиться и воспламениться раздѣленіемъ не похвальнымъ, но предосудительнымъ, пламенемъ не очищающимъ, но губительнымъ. Ибо не острое слово—мечъ Христовъ (Евр. 4, 12) отдѣляетъ вѣрныхъ отъ невѣрныхъ; свергается и возжигается не огонь—истребляющая и поядающая вещество вѣра и гореніе духа; но мы поядаемся и разсѣкаемся противнымъ прежнему образомъ. Сіе-то сдѣлало, что единая Церковь стала имѣть многія части, и произошло раздѣленіе не между однимъ Павломъ, или Кифою, или Аполлосомъ, или такимъ-то насаждающимъ, и такимъ-то напоющимъ (1 Кор. 3, 6), но открылось много Павловъ, и Аполлосовъ, и Кифъ, и вмѣсто того, чтобъ именоваться отъ Христа—имени великаго и новаго, мы именуемся ихъ именемъ и считаемся ихъ учениками. И о если бы одно это надлежало сказать! Напротивъ того (что страшно и вымолвить), вмѣсто одного Христа явились многіе, рожденный, сотворенный, начавшійся отъ Маріи, разрѣшающійся въ то же, изъ чего произошелъ въ бытіе, человекъ не имѣющій ума, дѣйствительно существующій, видимый; также и многіе Духи, несозданный, и равночестный, тварь, дѣйствованіе, и голое имя. Должно вѣдать единаго Бога Отца, безначальнаго и нерожденнаго, и единаго Сына, и единаго Духа, имѣющаго бытіе отъ Отца, уступающаго нерожденность Отцу и рожденность Сыну, во всемъ же прочемъ соестественнаго и сопрестольнаго, единославнаго и равночестнаго. Сіе должно знать, сіе исповѣдывать, на семъ останавливаться, а лишнее пустословіе и *скверныя суесловія* (1 Тим. 6, 2) предоставить людямъ празднымъ. Но что же побудило къ сему? Горячность безъ разума и познанія, ничѣмъ не удерживаемая, и плаваніе вѣры безъ кормчаго.

Зная сіе, братія, не будемъ лѣнны на добро, но станемъ горѣть духомъ, чтобы не уснуть мало-по-малу въ смерть, или чтобы, во время нашего сна, врагъ не посѣялъ худыхъ сѣмянъ (ибо лѣность сопряжена со сномъ); не будемъ и воспламеняться съ безразсудствомъ и самолюбіемъ, чтобы не увлечься и не уклониться съ царскаго пути. Иначе непремѣнно впадемъ въ одну изъ крайностей,—или будемъ имѣть нужду въ побужденіяхъ, по причинѣ

лѣности, или низринемся, по причинѣ горячности. Займемъ у обѣихъ, что есть въ нихъ полезнаго, у первой кротость, у второй ревность; а избѣжимъ того, что есть въ нихъ вреднаго,—въ первой—медленности, во второй—дерзости, чтобы не остаться безплодными отъ недостатка, и не подвергнуться опасности отъ излишества. Ибо равно бесполезны и бездѣйственная праздность и неопытная ревность; одна не приближается къ добру, а другая преступаетъ предѣлы и дѣлаетъ что-то правѣе праваго. Хорошо зная сіе, божественный Соломонъ говорить: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4. 27), чтобы чрезъ противоположность не впасть въ равное зло—въ грѣхъ, хотя онъ же, въ похвалу того, что по природѣ есть правое, говорить: *пути бо десныя есть Господь, развращени же суть, иже ошуюю* (ст. 28). Какимъ же образомъ онъ хвалитъ правое, и самъ опять отводитъ отъ праваго? Очевидно, что отводитъ отъ праваго, которое кажется такимъ, и не есть правое. Сіе имѣя въ виду, и въ другомъ мѣстѣ говорить онъ: *не буди правдивъ вельми, ни мудрися излише* (Еккл. 7, 17). Ибо и для праведности и для мудрости одно опасно—горячность въ дѣлахъ и словѣхъ, отъ излишества преступающая предѣлы совершенства и добродѣтели. Равно вредятъ и недостатокъ и избытокъ, какъ правилу прибавленіе и убавленіе. Посему никто да не будетъ ни мудръ болѣе подлежащаго, ни законнѣе закона, ни блистательнѣе свѣта, ни прямѣе правила, не выше заповѣди. А сего достигнемъ нѣсколько, если познаемъ міръ, восхвалимъ законъ природы, послѣдуемъ разуму, и не презрیمъ благочинія.

Воззрите на небо горь, и на землю низу (Ис. 8, 22), и размыслите, какъ и изъ чего составилаь вселенная, чѣмъ была до своего устройства, и какъ называется она теперь. Все устроилось по порядку, и устроилось словомъ, хотя все могло быть произведено вдругъ, какъ нѣчто единое. Ибо кто несуществующему далъ бытіе, а сотворенному—формы и очертанія, тотъ не былъ безсиленъ вмѣстѣ все и произвести и устроить. Но для того считается одно первымъ, другое вторымъ, иное третьимъ, и такъ далѣе, чтобы въ тваряхъ былъ тотчасъ введенъ порядокъ. Итакъ, порядокъ устроилъ вселенную, порядокъ держитъ и земное и небесное,—порядокъ у существъ умопредставляемыхъ, порядокъ въ вещахъ чувственныхъ, порядокъ и у Ангеловъ, порядокъ въ звѣздахъ, въ ихъ движеніи, величинѣ, взаимномъ отношеніи и свѣтлости. *Ина слава солнцу, и ина слава луну, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор.

15, 41). Порядокъ въ частяхъ года и временахъ, которыя чинно наступаютъ и проходятъ, и своими промежутками умягчаютъ свою крутость. Порядокъ въ продолженіяхъ и промежуткахъ дня и ночи. Порядокъ—въ стихіяхъ, изъ которыхъ тѣла. Порядокъ обвелъ небо, распростеръ воздухъ, подложилъ или наложилъ землю, разлилъ и собралъ во едино влажное естество, пустилъ вѣтры, но не далъ имъ совершенной свободы, связалъ въ облакахъ воду, и не удержалъ ее, но благовременно равномерно разсѣваетъ по лицу всей земли. И все сіе не въ продолженіе кратко мгновенія, не при одномъ случаѣ и не въ одно время, но отъ начала до конца, направлено и идетъ однимъ путемъ, хотя одно неизмѣнно, а другое измѣняемо, въ первомъ случаѣ относительно къ закону, во второмъ—къ теченію. *Постави я въ вѣкъ и въ вѣкъ. вѣка: повелѣніе положи, и не мимо идетъ* (Псал. 148, 6),—вотъ неизмѣняемость; а что происходило, или произойдетъ, то—слѣдствіе теченія. И какъ, подъ владычествомъ порядка, во всемъ устройство и неизмѣнная красота; такъ беспорядокъ и не устройство дали начало въ воздухѣ бурямъ, въ землѣ потрясеніямъ, на морѣ кораблекрушеніямъ, въ городахъ и домахъ раздорамъ, въ тѣлахъ болѣзнямъ, въ душѣ грѣхамъ. Все это—наименованія не порядка или мира, но смятенія или беспорядка. Да и то, всякому извѣстное и всѣми ожидаемое, разрушеніе, почитаю не инымъ чѣмъ, братія, какъ преумноженіемъ беспорядка; потому что порядокъ связываетъ, а беспорядокъ разрушаетъ, если угодно бываетъ разрушать или преобразовывать вселенную Тому, Кто связалъ ее во едино. Порядокъ узаконилъ и всѣмъ животнымъ образъ рожденія, пищу и свойственное каждому мѣсто пребыванія; никто не видалъ, чтобы дельфинъ разсѣкалъ бразды, чтобы волъ нырялъ въ водѣ и плавалъ, чтобы солнце убавлялось или возрастало ночью, а луна свѣтила днемъ. *Горы высокія еле-немъ, камень приближище заячемъ. Сотворилъ естъ луну во времена, солнце позна западъ свой* (Пс. 103, 18. 19). Ночь,—и человѣкъ связанъ сномъ, а звѣри получили свободу, и каждый ищетъ пищи, какую далъ ему Творецъ; день,—и звѣри *собрашася*, и человѣкъ поспѣшаетъ на *дѣланіе*,—такъ уступаемъ мѣсто другъ другу въ порядкѣ, по закону и уставу природы!

Присовокуплю, что еще важнѣе и ближе къ намъ: порядокъ изъ смѣшенія неразумнаго съ разумнымъ составилъ человѣка—животное разумное, таинственно и неизяснимо связалъ персть съ умомъ, и умъ съ духомъ. И чтобы показать еще болѣе чудесъ въ своемъ твореніи, одно и то же и сохраняетъ и разрушаетъ; одно

вводить, другое похищаетъ, какъ въ рѣчномъ потокѣ, и смертному доставляетъ безсмертіе посредствомъ разрушенія. Порядокъ отличилъ насъ отъ безсловесныхъ, соорудилъ города, далъ законы, почтилъ добродѣтель, наказалъ порокъ, избрѣлъ искусства, сочеталъ супружества, любовію къ дѣтямъ облагородилъ жизнь и насадилъ въ человѣкѣ нѣчто большее низкой и плотской любви—любовь къ Богу. И нужно ли говорить подробно? Порядокъ есть матеръ и огражденіе существующаго, и онъ одинъ прекрасно бы могъ сказать, что провѣщало все сотворившее Слово, если бы изрекъ такъ: когда вселенная осуществлялась и устроялась Богомъ, *азъ бѣхъ при немъ устроая, егда готоваше престолъ свой на вѣтрѣхъ и егда крѣпки творяше вышнія облака*; егда основа землю, и тверды полагаше источники поднебесныя (Притч. 8, 27. 28), и *духомъ устъ Своихъ даровалъ всю силу* (Пс. 32, 6).

Но къ чему говорилъ я обо всемъ этомъ, и къ чему давно поспѣшало мое слово? Порядокъ и въ Церквахъ распредѣлилъ, чтобъ одни были пасомые, а другіе Пастыри, одни начальствовали, а другіе были подначальными; кто составлялъ какъ бы главу, кто—ноги, кто—руки, кто—глазъ, кто—иный изъ членовъ тѣла—для устройства и пользы цѣлаго—какъ низшихъ, такъ и высшихъ. И въ тѣлахъ члены не отдѣлены другъ отъ друга, но цѣлое тѣло есть одно изъ различныхъ частей сложенное; не у всѣхъ членовъ одинъ образъ дѣйствованія, хотя и всѣ одинаково имѣютъ нужду другъ въ другѣ для дружнаго и взаимнаго дѣйствованія. Такъ глазъ не ходитъ, но указываетъ путь; нога не смотритъ, но переступаетъ и переноситъ съ одного мѣста на другое; языкъ не приѣмлетъ звуковъ, ибо это дѣло слуха; ухо не говоритъ, потому что это дѣло языка; носъ ощущаетъ запахи: *гортанъ же вкушаетъ брашна* (Іов. 34, 3), говоритъ Іовъ; рука есть орудіе къ тому, чтобъ давать и принимать; а умъ вождь всего: отъ него способность ощущать, и къ нему возвращается всякое ощущеніе. Тоже и у насъ — въ общемъ тѣлѣ Христовомъ. Ибо всѣ *едино тѣло есмь о Христвъ*, а по единому Христу и *другъ другу уди* (Рим. 12, 5). Одинъ начальствуетъ и предсѣдательствуетъ, а другой водится и управляется; оба дѣйствуютъ неодинаково, если только начальствовать и быть подначальнымъ—не одно и тоже, но оба дѣлаются едино во единомъ Христвѣ, составляемые и слагаемые тѣмъ же Духомъ. И опять, какое разстояніе между подчиненными, различающимися по образованію, уграженіямъ, возрасту! какая разность между начальствующи-

щами! *И дуси пророчестіи Пророкомъ повинуются* (1 Кор. 14, 32). Не сомнѣвайся въ этомъ, потому что сіе говоритъ Павелъ. *И овыхъ убо, сказано, положи Богъ въ Церкви первѣ Апостоловъ, второе Пророковъ, третіе Пастырей и учителей* (1 Кор. 12, 28); первое для истины; второе для тѣни; третіе для соблюденія мѣры въ пользованіи и просвѣщеніи. И хотя Духъ одинъ, однакоже дарованія не равны; потому что не равны приѣмники Духа. *Овому Духомъ дается слово премудрости и созерцанія; иному же слово разума или откровенія, иному твердая и несомнѣнная вѣра, другому же дѣйствія силъ и высшихъ чудесъ, иному же дарованія исцѣленій, заступленія, то-есть покровительства, правленія, то-есть обученія плоти, реди языковъ, сказанія языковъ* (1 Кор. 12, 8—12. 28), высшія и второстепенныя дарованія, по мѣрѣ вѣры. Будемъ, братія, уважать и соблюдать сей порядокъ. Пусть одинъ будетъ слухъ, другой—языкъ; иной—рука или что другое; пусть одинъ учитъ, другой учится, а другой дѣлаетъ добро собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся. Пусть одинъ начальствуетъ и получаетъ честь; а другой оправдывается своимъ служеніемъ. Учащій да учитъ благочинно; *ибо пророцы два или три да глаголютъ, и по части и одинъ да скажетъ* (1 Кор. 14, 27. 29). Когда же другой получить откровеніе; тогда первый да уступить ему мѣсто. Учащійся да учится въ повиновеніи; подающій да подаетъ съ добрымъ изволеніемъ; служащій да служитъ съ усердіемъ. Не всѣ будемъ языкомъ, всегда готовымъ, не всѣ пророками, не всѣ Апостолами, не всѣ толкователями.

Говорить о Богѣ—великое дѣло; но гораздо больше—очищать себя для Бога; потому что въ *злхудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. 1, 4). Намъ повелѣно *сѣять въ правду и собирать плодъ живота*, чтобы просвѣтитесь *свѣтомъ вѣдѣнія* (Осіи 10, 12). И Павелъ хочетъ, чтобы мы, по любви нашей къ Господу, были познаны отъ Господа (1 Кор. 8, 3), а чрезъ сіе познаніе и сами научались (1 Кор. 13, 13); и сей путь вѣдѣнія почитаетъ онъ лучшимъ, нежели надменное мнѣніе, которое кичить. Учить — дѣло великое, но учиться — дѣло безопасное. Для чего представляешь изъ себя Пастыря, когда ты овца? Для чего дѣлаешься головой, когда ты—нога? Для чего берешься предводительствовать войскомъ, когда ты поставленъ въ ряду воиновъ? Для чего гоняешься на морѣ за великими, но сомнительными выгодами, когда можешь безопасно воздѣлывать землю, хотя и съ меньшимъ приобрѣтеніемъ? И если ты о Христѣ мужъ (Еф.

4, 13), чувства у тебя обучены (Евр. 5, 14), и имѣешь ясный свѣтъ вѣдѣнія; то вѣщай Божию премудрость, *глаголемую въ совершенныхъ и въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6. 7), и притомъ, когда откроется случай, и будешь на сіе имѣть порученіе. Ибо что имѣешь самъ отъ себя, чего бы тебѣ не было дано, или чего бы ты не получалъ (1 Кор. 4, 7)?—Если же ты еще младенецъ, если долу влачишься умомъ, и не имѣешь силъ взойдти къ познаніямъ высшимъ, то будь Коринейяниномъ, питайся млекою. Для чего требуешь твердой пищи, которую члены твои, по немощи, не въ состояніи еще употребить и сдѣлать питательною?—Говори, когда имѣешь нѣчто лучшее молчанія; но люби безмолвіе, гдѣ молчаніе лучше слова: ты знаешь, что похвально *заповѣдать чинъ* устамъ (Притч. 31, 26); объ иномъ говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но безъ огорченія.

Не знаете, братія, нашей скорби! Когда предсѣдательствуемъ вѣдѣсь съ величіемъ и даемъ сіи законы вамъ—многимъ; тогда можетъ быть большая часть или насъ самихъ (что достойно слезъ) не знаемъ, какъ взвѣшивается у Бога каждая мысль, каждое слово и дѣло, даже не только у Бога, но и у весьма многихъ изъ людей. Люди—медлительные судіи своихъ дѣлъ, но скорые истязатели дѣлъ чужихъ. Имъ легче извинить другихъ въ важнѣйшемъ, нежели насъ въ маловажномъ; и если въ нихъ будетъ еще невѣжество, то скорѣе обвинять насъ въ нечестіи, нежели себя въ посредственномъ незнаніи. Не знаете, какой даръ Божій—молчаніе! какъ хорошо не имѣть необходимости во всякомъ словѣ, но пользоваться свободою иное избирать, а другаго избѣгать, и быть для себя сокровищехранителемъ и слова и молчанія! Ибо всякое слово, по природѣ своей, гнило и удобоколеблемо, и по причинѣ сопротивнаго ему слова, не имѣетъ свободы; а слово о Богѣ—тѣмъ паче, чѣмъ выше предметъ, чѣмъ сильнѣе ревность и тяжелѣе опасность. На что же мы, уstraшенные, на что можемъ положиться, на умъ ли, на слово ли, на слухъ ли, когда отъ всѣхъ трехъ предстоитъ опасность? Ибо постигать умомъ трудно, изобразить словами невозможно, а найти очищенный слухъ всего труднѣе.

Богъ есть свѣтъ и свѣтъ высочайшій, такъ что всякій другій свѣтъ, сколько бы не казался осіявающимъ, есть только малая Его струя или разсѣивающійся отблескъ. Но Онъ, какъ видишь, попираетъ *мракъ* нашъ. И *положи тьму закровъ Свой* (Пс. 17, 10. 12), поставивъ ее между Собою и нами, какъ и Моисей въ

древности полагалъ покровъ между собою и слѣпотствующимъ Израилемъ, чтобъ омраченная природа не безъ труда видѣла сокровенную красоту, которую не многіе достойны видѣть, чтобъ удобно получаемое не было скоро отвергаемо по удобству пріобрѣтенія, но чтобы одинъ свѣтъ входилъ въ общеніе со Свѣтомъ, непрестанно влекущимъ вверхъ посредствомъ стремленія къ единенію, и только очищенный умъ приближался къ Уму чистѣйшему, и чтобы одно открывалось нынѣ, а другое впослѣдствіи, какъ награда за добродѣтель и за обнаруженное еще здѣсь стремленіе къ сему Свѣту, то-есть за уподобленіе Ему. Ибо сказано: *видимъ нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу; нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. 13, 12). Какое наше униженіе! И какое обѣтованіе—познать Бога столько, сколько сами мы познаны! Такъ сказалъ Павелъ, великій проповѣдникъ истины, учитель язычниковъ въ Вѣрѣ, который наполнилъ обширный кругъ благовѣствованіемъ, жилъ не для кого инаго, какъ только для Христа, восходилъ до третіяго неба, былъ зрителемъ рая, и для совершенства желалъ разрѣшиться (Фил. 1, 25). И Моисей едва видѣлъ задняя Божія изъ-за камня (что бы ни означали и задняя Божія и камень),—видѣлъ, послѣ многихъ молитвъ и даннаго ему обѣщанія; впрочемъ не въ такой мѣрѣ, въ какой желалъ видѣть; но укрывшееся отъ его взора было больше видѣннаго,—Моисей, говорю, богъ Фараона, вождь толикаго народа и показавшій толикую силу знаменій! А ты кого наплатилъ пищею съ неба? Какую воду извелъ изъ камня? Какое море раздѣлилъ жезломъ? Какой народъ провелъ по водамъ, какъ по сушѣ? Какихъ враговъ потопилъ? Кому указывалъ путь столпомъ огненнымъ и облачнымъ? Какого Амаліка побѣдилъ молитвою, воздѣяніемъ рукъ — издалека таинственно прообразуемымъ крестомъ, чтобы тебѣ почитать для себя великимъ ущербомъ, если не совершенно постигаешь Бога, и ради сего все приводить въ замѣшательство и ставить вверхъ дномъ?

Поелику упомянулъ я о Моисеѣ, то изъ сего не вразумителенъ ли будетъ для тебя чинъ благодати и законъ порядка? Ежели ты Моисей; то войди внутрь облака, разглагольствуй съ Богомъ, внимай гласу, прими законъ, будь законодателемъ. А ежели ты Ааронъ; то взойди съ Моисеемъ, но стань вблизи, внѣ облака. Но ежели ты какой-нибудь Иеамаръ или Елеазаръ—третій по Моисеѣ, или одинъ изъ старѣйшинъ и семидесяти; то стань издалека, и довольствуйся третьимъ мѣстомъ. Ежели ты одинъ

изъ народа изъ простолюдиновъ; то тебя не допустить къ себѣ гора; даже и звѣрь, ежели къ ней прикоснется, будетъ побить камнями. Тогда оставайся внизу и внимай одному гласу, и то соблюдиши отъ оскверненія и очистившись, какъ повелѣно. И чтобъ тебѣ многими путями дойти до познанія, спрошу: кто изъ іереевъ совершилъ *руцѣ* (Исх. 29, 9)? Моисей. Кто первый былъ изъ посвященныхъ? Ааронъ. И еще прежде сего: кто былъ *отъ тѣхъ, яже къ Богу* (Исх. 4, 16)? И кто служилъ вмѣсто гласа народу? Кто входилъ во Святая Святыхъ, кромѣ одного? Да и онъ всегда ли? Нѣтъ, но однажды въ годъ и въ опредѣленное время. Носилъ ли кто Скинию, кромѣ Левитовъ? И они носили не такъ ли, какъ было установлено: одни—важнѣйшія ея части, другіе—менѣе важныя, смотря по достоинству носящихъ? И поелику нужно было охранять ее, кто именно охранялъ и какимъ образомъ? Одни ту сторону, другіе—другую, и ничто не оставалось неопредѣленнымъ и неприведеннымъ въ порядокъ, даже касательно малѣйшихъ частей. А у насъ, если приобрѣли хотя малую славу, часто же и той не имѣя, если, какъ ни попало, заучили два или три реченія изъ Писанія, и то не въ связи и безъ должнаго разумѣнія (такова наша скороспѣлая мудрость, этотъ Халанскій столпъ, благовременно раздѣлившій языки!), надобно уже высокоумствовать противъ Моисея, и дѣлаться Даааномъ и Авиронномъ—ругателями и безбожниками! Будемъ лучше убѣгать ихъ наглости, и не станемъ подражать ихъ высокоумію, чтобы не имѣть одного съ ними конца!

Хочешь ли, представлю тебѣ другой порядокъ, порядокъ похвальный, порядокъ достойный, чтобъ напомнать о немъ и посовѣтовать его въ настоящее время? Примѣчаешь ли, что изъ Христовыхъ учениковъ, которые всѣ были высоки и достойны избранія, одинъ именуется камнемъ, и ему повѣряются основанія Церкви, другой больше другихъ любимъ, и возлежитъ на персяхъ Иисуса, прочіе же не оскорбляются такимъ предпочтеніемъ? Когда Иисусу надлежало взойти на гору, чтобы въ просвѣтленномъ лицѣ открыть Божество и обнаружить сокровенное въ плоти; кто съ Нимъ восходить? Ибо не всѣ были зрителями сего чуда, но Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, которые и считались и были выше другихъ. Кто былъ съ Иисусомъ, когда Онъ находился въ бореніи, уединялся незадолго предъ страданіемъ и молился? Опять они же. Но въ семъ видно предпочтеніе Христова; во всемъ же прочемъ видны благочиніе и порядокъ; изъ чего же? Объ одномъ спрашиваетъ Петръ, о другомъ Филиппъ, объ иномъ Іуда, объ иномъ

Тома, объ иномъ другой кто, и не всѣ о томъ же, и не одинъ обо всемъ, но каждый о чемъ-нибудь и въ свою очередь. Можетъ быть скажешь: каждый о томъ, что ему было нужно. Но какъ покажется тебѣ слѣдующее? Филиппъ хочетъ сказать нѣчто, и одинъ не смѣетъ, но приглашаетъ и Андрея. Петру нужно сдѣлать одинъ вопросъ; онъ знакомъ предлагаетъ о семъ Иоанну. Гдѣ здѣсь необщительность, гдѣ любоначалье? Да и въ чемъ иномъ показали бы они себя дѣйствительными учениками Христа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, содѣлавшагося рабомъ за насъ—рабовъ Его и во всемъ воздающаго всякую славу Отцу, чтобы дать намъ образецъ порядка и скромности, которую мы до того не уважаемъ, что я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаться дерзостнѣе всѣхъ людей, послѣ того, какъ мы столько оказываемъ скромности въ предметахъ и обстоятельствахъ самыхъ важныхъ? Развѣ не знаешь, что смиреніе не столько познается въ мелочахъ (ибо тогда можетъ оно быть только на показъ и имѣть ложный видъ добродѣтели), сколько испытывается въ дѣлахъ важныхъ? По мнѣ, смиренномудръ не тотъ, кто о себѣ говоритъ мало, при немногихъ и рѣдко, и не тотъ, кто униженно обращается съ низшимъ себя; но тотъ, кто скромно говоритъ о Богѣ, кто знаетъ что сказать, о чемъ помолчать, въ чемъ признать свое невѣдѣніе; кто уступаетъ слово имѣющему власть говорить, и соглашается, что есть люди, которые его духовнѣе и болѣе преусибли въ умозрѣніи. Стыдно одежду и пищу выбирать не дорогую, а дешевую, доказывать смиреніе и сознаніе собственной немощи мозолями на колѣняхъ, потоками слезъ, также постничествомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, трудомъ и всякими знаками униженія, но касательно ученія о Богѣ быть самовластнымъ и самоуправнымъ, ни въ чемъ никому не уступать, подымать бровь предъ всякимъ законодателемъ, тогда какъ здѣсь смиреніе не только похвально, но и безопасно.

„Итакъ, неужели молчать о Богѣ?“ возразить кто-нибудь изъ людей горячихъ. „И ты намъ сіе приказываешь? О чемъ же и говорить, если не объ этомъ? Къ чему сказано: *выну хвала Его во устѣхъ моихъ*, и: *благословлю Господа на всякое время* (Пс. 33, 1); *истиннъ поучитъся гортань мой* (Притч. 8, 7); *се устнамъ моимъ не возбранно* (Пс. 39, 12)?“ Опъ приведетъ и другія подобныя, то же выражающія, и опредѣленные изреченія. Такому человеку надобно отвѣчать съ кротостію и безъ жесткихъ словъ, чтобы и тѣмъ самымъ научить благочинію. Не молчать приказываю тебѣ, мудрѣйшій, а не стоять упорно за свое; не истину скры-

вать, а учить, сверхъ закона. Я первый изъ хвалителей мудрости, первый изъ упражняющихся, или, по крайней мѣрѣ, желающихъ упражняться въ Божіемъ словѣ. Я никогда не предпочту сему занятію чего-либо другаго, дабы сама Мудрость не назвала меня жалкимъ, какъ уничижителя мудрости и образованія. Впрочемъ я убѣгаю излишества, не даю мѣста неумѣренности; согласенъ лучше быть менѣе должнаго дѣятельнымъ, нежели пытливымъ; если нельзя избѣжать того и другаго и сохранить умѣренность, согласенъ лучше быть робкимъ сверхъ надлежащаго, нежели дерзкимъ. А твой поступокъ почти таковъ же, какъ если бы сталъ меня винить, что совершенно запрещаю тебѣ употребленіе пищи, когда не позволяю быть неумѣреннымъ въ пицѣ, или хвалю слѣпоту, когда совѣтую смотрѣть цѣломудренно. *Аще есть въ тебѣ слово разума*, сказано, *отвѣщай* (Сирах. 5, 14), никто не воспрепятствуетъ; *аще же ни*, наложи узы на уста твои. Тѣмъ болѣе прилично сіе готовымъ учить. Если время тебѣ учить, учи; а если нѣтъ, то, связавъ языкъ, разрѣши слухъ. Поучайся въ Божественномъ, но не выходи изъ предѣловъ; говори о духовномъ, и если можно, о семъ одномъ, говори чаще, нежели переводишь дыханіе (хорошо и богоугодно припоминаніемъ Божественнаго возбуждаться къ Богу), но размышляя о томъ, что тебѣ заповѣдано, не любопытствуй объ естествѣ Отца, объ осуществленіи Единороднаго Сына, о славѣ и силѣ Духа, объ Единомъ въ Трехъ Божествѣ, объ единой свѣтлости, о нераздѣльномъ естествѣ и исповѣданіи, о нераздѣльной славѣ и надеждѣ вѣрующихъ. Держись реченій, которыя приняты тобою съ воспитаніемъ; а слово предоставь мудрѣйшимъ. Довольно, чтобъ въ тебѣ было основаніе; а надстроиваетъ пусть художникъ. Довольно съ тебя—подкрѣпить сердце хлѣбомъ; а другія снѣди уступи богатымъ. Никто изъ здравомыслящихъ не осудилъ тебя, питающагося недорогими яствами; но осудилъ, если, пока можешь, не предложишь хлѣба и не напоишь водой ученика Христова, или кого другаго. Не будь *скоръ въ словесахъ* (Притч. 29, 20), повелѣваетъ тебѣ мудрость. *Не распростирайся убогъ сый съ богатымъ* (Притч. 23, 4), не усиливайся быть мудрѣе мудраго. И то мудрость, чтобы знать самого себя, но не превозноситься, и не подвергнуться тому же, что бываетъ съ голосомъ, который совершенно теряется, если чрезмѣрно напряженъ. Лучше, будучи мудрымъ, уступать по скромности, нежели, будучи невѣждою, надувагся по дерзости. Скорость твоя да простирается только до исповѣданія Вѣры, если сіе потребуется отъ тебя; а въ томъ, что

далѣ сего, будь медленъ, ибо тамъ медленность, а здѣсь поспѣшность сопряжены съ опасностію. Какая бѣда тебѣ, если ты не во всякомъ собесѣдованіи удержишь за собою верхъ, и не при всякомъ предложеніи или вопросѣ будешь имѣть первенство, напротивъ того другіе окажутся болѣе тебя мудрыми или смѣлыми? Благодареніе Богу, что даетъ и превосходные дары, и умѣетъ спасать общими средствами!

Такое чудо усматривается не въ разсужденіи одного ученія, но и въ разсужденіи самаго творенія, если ты размышлялъ о семъ. И въ ряду тварей первыя принадлежать не нѣкоторымъ, но всѣмъ; даръ одной твари есть даръ общій. И въ Вѣрѣ, средства спасенія принадлежать не сильнѣйшимъ, а желающимъ. Что превосходнѣе воздуха, огня, воды, земли, дождей, садовыхъ и лѣсныхъ плодовъ, крова, одежды? Но ими всѣ пользуются, инымъ совершенно, а другимъ въ извѣстной мѣрѣ; и нѣтъ такого притѣснителя, который бы одинъ захотѣлъ наслаждаться общимъ даромъ. Богъ для всѣхъ равно сіяетъ солнце, дождитъ для богатыхъ и бѣдныхъ; для всѣхъ смѣняются ночь и день; общій даръ—здоровье; у всѣхъ обще—предѣлъ жизни, мѣра и красота тѣла, способность чувствъ. Даже бѣдный имѣетъ можетъ быть больше; потому что больше благодаритъ за сіи дары и съ большимъ удовольствіемъ наслаждается общими благами, нежели сильные земли—благами избыточествующими. Итакъ, исчисленные дары общи и равночестны, и служатъ доказательствомъ Божіей правды. А золото, блестящіе и дорогіе камни, мягкая изысканная одежда, разгорячающія и раздражающія снѣди, излишество имѣнія—приобрѣтаются съ трудомъ и составляютъ преимущество немногихъ. Тоже усматриваю и въ отношеніи къ Вѣрѣ. Всѣмъ общи: Законъ, Пророки, Завѣты, словеса Завѣтовъ, благодать, дѣтвоежденіе, совершенство, страданія Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелія, раздаяніе Духа, вѣра, надежда, любовь какъ къ Богу, такъ и Божія. И дары сіи, не какъ древле даръ манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не въ мѣру, но каждому, сколько хочеть. Таковы же: восхожденіе, озареніе, малое еще здѣсь, а яснѣйшее въ чаемой будущности; таково и то, что всего важнѣе, познаніе Отца и Сына и Святаго Духа, и исповѣданіе первой нашей надежды. Что сего выше и что болѣе обще? За симъ же слѣдующее, хотя выше цѣнится по рѣдкости, но касательно необходимости, занимаетъ второе мѣсто. Ибо безъ чего нельзя быть Христіаниномъ, то полезнѣе доступнаго немногимъ.

Иной богатъ даромъ созерцанія, стоитъ выше многихъ,

духовная сразсуждаетъ духовными (1 Кор. 2, 13), *написываетъ трижды на широтѣ сердца своего* (Притч. 22, 21) слово назидающее всѣхъ, и слово назидающее многихъ, и слово назидающее нѣкоторыхъ вмѣсто многихъ или всѣхъ; онъ не терпитъ убожества и проникаетъ во глубину. Таковой пусть восходитъ и путеводится и возносится умомъ, даже, если хочеть, до третьяго неба, подобно Павлу, но только съ разумомъ и вѣдѣніемъ, чтобы не пасть отъ превозношенія и не растопить крыльевъ отъ высоты полета. Кто позавидуетъ похвальному восхожденію? Но и какое паденіе сравнится съ паденіемъ человѣка, который уязвленъ превозношеніемъ, и не знаетъ низости человѣческаго возвышенія, не знаетъ того, какъ далеко отъ истинной высоты даже и тотъ, кто много возвысился надъ всѣми?

Другій скуденъ умомъ и бѣденъ въ языкѣ, не знаетъ оборотовъ рѣчи, изреченій и загадокъ мудрецовъ, Пирроновыхъ способовъ настоять, задержать, противоположить, Хризипповыхъ приемовъ рѣшать силлогизмы, злохудожности Аристотелевыхъ ухищреній, обаяній Платонова красноглагольства, что все, подобно Египетскимъ язвамъ, ко вреду вкралось въ нашу Церковь; но и такой имѣетъ средства спастися. Съ помощію какихъ же реченій? Подлинно, ничего нѣтъ богатѣе Благодати! Не нужно тебѣ, говорить Писаніе, восходить на небо, чтобы совлечь оттуда Христа, ни сходить въ бездну, чтобы возвести Его оттуда изъ мертвыхъ, любопытствуя или о первомъ естествѣ, или о послѣднемъ домостроительствѣ. *Близъ ти*, сказано, *глаголь есть* (Рим. 10, 6—8). Сіе сокровище имѣютъ умъ и языкъ; первый, если вѣруетъ, послѣдній, если исповѣдуетъ. Что удобоносимѣе сего богатства? какой даръ легче пріобрѣсть? Исповѣдуй Иисуса Христа, и вѣруй, что Онъ воскрешенъ изъ мертвыхъ; и ты спасешься. Ибо оправданіе—и вѣровать только, совершенное же спасеніе—исповѣдывать, и къ познанію присовокуплять дерзновеніе. Чего же большаго ищешь ты, кромѣ спасенія? Будущей славы и святости. Для меня весьма важно спастися и избавиться тамошнихъ мученій. Ты идешь путемъ непробитымъ и недоступнымъ, а я—путемъ протоптаннымъ, и который спасъ многихъ. Не было бы, братія, ничего несправедливѣе нашей Вѣры, если бы она была удѣломъ однихъ мудрыхъ и избыточествующихъ въ словѣ и въ умственныхъ доводахъ, а простому народу надлежало бы такъ же оставаться безъ пріобрѣтенія вѣры, какъ безъ золота, безъ серебра, и безъ всего инаго, что дорого цѣнится на землѣ, и чего многіе сильно домогаются, и если бы

только высокое и не многихъ достигающее было любезно Богу и Имъ приемлемо, а близкое и доступное многимъ—презираемо и отвергаемо Богомъ. И изъ людей умѣреннѣйшіе не потерпѣли бы не искать почестей, которыя имъ по силамъ, восхищаться же только почестями высшими; тѣмъ паче не потерпитъ сего Богъ, въ Которомъ, ежели многое досточудно, то досточуднѣе прочаго то, что Ему всего свойственнѣе благодворить всѣмъ. Не презирай обыкновеннаго, не гоняйся за новымъ, чтобы отличиться передъ большимъ числомъ людей. *Лучше частица малая, при безопасности, нежели большая, но ненадежная.* Да научить тебя своимъ совѣтомъ Соломонъ (Притч. 15, 76)! *И лучше есть убогъ, ходяй по простотѣ своей* (Притч. 19, 1),—вотъ еще одна изъ мудрыхъ притчей! Скудный въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой ладѣ, выше борзаго на языкъ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ доводу ума, а крестъ Христовъ, который выше всякаго слова, упраздняетъ силою въ словѣ, гдѣ слабость доказательства служитъ умаленіемъ истины.

Для чего летишь къ небу, когда назначенъ ходить по землѣ? Для чего начинаешь строить столпъ, не имѣя, чѣмъ его довершить? Для чего мѣряешь горстію *воду, небо пядію, и всю землю горстію* (Исаи 40, 12),—мѣряешь великія стихіи, измѣримыя для одного только Творца? Прежде всего познай самъ себя, разсмотри что въ рукахъ. Кто ты? Какъ ты сотворенъ и составленъ такъ, что вмѣстѣ и образъ ты Божій и сопряженъ съ худшимъ? Что привело тебя въ движеніе? Какая открывается на тебѣ мудрость? Какая тайна естества? Какъ ты описанъ мѣстомъ, а умъ не отдѣляется, но, пребывая въ томъ же мѣстѣ, все обходитъ? какъ глазъ малъ, и досягаетъ до самыхъ дальнихъ разстояній? Или лучше сказать: зрѣніе есть ли пріемникъ видимаго или поступленіе къ видимому? Какъ одно и то же и движетъ и двигается, будучи управляемо волею? И гдѣ прекращеніе движенія? Какое раздѣленіе чувствъ, и какъ чрезъ нихъ умъ бесѣдуетъ со внѣшнимъ, и принимаетъ въ себя внѣшнее? Какъ воспріимлетъ онъ образы вещей? Что такое сохраненіе воспріятаго—память, что такое возобновленіе утратившагося—припоминаніе? Какъ слово есть порожденіе ума, и раждаетъ слово въ умѣ другаго? Какъ словомъ передается мысль? Какъ посредствомъ души, вѣтается тѣло, и какъ душа чрезъ тѣло принимаетъ участіе въ страстяхъ? Какъ сковываетъ ее страхъ, развязываетъ отважность, стѣсняетъ печаль, расширяетъ удовольствіе, снѣдаетъ зависть,

надмеваешь гордость, облегчаетъ надежда? Какъ гнѣвъ приводитъ въ ярость, и стыдъ въ краску, первый заставляя кровь кипѣть, а другой—отливаться? Какъ признаки страстей отпечатлѣваются въ тѣлѣ? Какое преимущество разума? Какъ онъ управляетъ страстями, и укрощаетъ ихъ движенія? Какъ безплотное удерживается кровію и дыханіемъ? Почему при оскудѣніи послѣднихъ отходитъ душа?

Сіе-то, или что-нибудь изъ сего, старайся познать, человѣкъ (не говорю еще о природѣ, о движеніи неба, о чинѣ звѣздъ, о смѣшеніи стихій, о различіи животныхъ, о высшихъ и низшихъ степеняхъ небесныхъ Силъ, о всемъ томъ, чему удѣлено зидительное слово, о законахъ промышленности и управленія); но и тогда не скажу: будь смѣль; напротивъ того страшись касаться предметовъ высшихъ, превосходящихъ твои силы. Особливо же всякое спорное и честолюбивое слово обращается въ навѣкъ къ состязаніямъ о важнѣйшихъ предметахъ. И, какъ въ дѣтяхъ напечатлѣваешь первыя правила нравственности для того, чтобы они впослѣдствіи убѣгали пороковъ: такъ и въ отношеніи къ слову не должно оказывать дерзости и необузданности даже въ сужденіяхъ о вещахъ маловажныхъ, чтобы не пріучиться къ такому злоупотребленію въ сужденіяхъ о важнѣйшемъ. Ибо легче—не поддаваться пороку въ началѣ и избѣгать его, когда онъ только къ намъ близокъ, нежели пресѣчь и стать выше его, когда онъ уже сдѣлалъ въ насъ успѣхи; какъ и камень легче подпереть и удержать въ началѣ, нежели поднять вверхъ, во время его паденія. Но если ты ненасытимъ и не можешь остановить болѣзни; то не теряй изъ вида, и помни слѣдующее правило; пусть истощается твое честолюбіе на изслѣдованіе предметовъ безопасныхъ.

Если же и на то не согласенъ, и языкъ твой не терпитъ узды, ты не можешь преодолѣть стремленія, но тебѣ непременно надобно высокоумствовать, не уступать первымъ Силамъ (если только и для нихъ нѣтъ мѣры познанія), и стать выше, нежели сколько полезно; то не осуждай брата, и робости не называй нечестіемъ. Ты, давшій обѣтъ кротости, не уходи отъ него стремительно, или осудивъ его, или отчаявшись въ немъ; но здѣсь покажи себя, пока можно, смиреннымъ. Здѣсь—предпочти брата безъ вреда для себя, здѣсь—гдѣ осудить и унижить значить отлучить отъ Христа и отъ единой надежды, значить обнаружить вступуюся пшеницу, которая можетъ быть сдѣлается честнѣе тебя, исторгнуть вмѣстѣ съ плелевами. Напротивъ того, частію ис-

правъ его и притомъ кротко и человѣколюбиво, не какъ врагъ или немилосердый врачъ, который только и знаетъ одно средство—прижигать и рѣзать; частію же познай самого себя и собственную немощь. Чтожъ, если, имѣя въ глазахъ загноеніе или другую какую болѣзнь, не ясно видишь солнце? Чтожъ, если тебѣ кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, можетъ быть, ты пьянъ, между тѣмъ свое незнаніе приписываешь ты другимъ? Гораздо надобно подумать и многое перепытать, прежде нежели осудишь другаго въ злочестіи. Не одно и тоже—срѣзать растеніе, или какой кратковременный цвѣтокъ, и человѣка. Ты—образъ Божій, и бесѣдуешь съ Божиимъ образомъ. Ты—судящій другаго, самъ будешь судимъ; ты судишь чуждаго раба, которымъ править другой. Смотри на своего брата, какъ будто бы ты самъ былъ судимъ вмѣстѣ съ нимъ. Посему не скоро отсѣкай и бросай членъ, пока неизвѣстно, не сдѣлаетъ ли сіе вреда и здоровымъ членамъ. Подай совѣтъ, *запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2). У тебя есть правило врачеванія, ты ученикъ Христа, кроткаго, человѣколюбиваго и понесшаго наши немощи. Если братъ въ первый разъ воспротивился, потерпи великодушно; если во второй, не теряй надежды,—еще есть время къ врачеванію; если и въ третій разъ, то будь человѣколюбивымъ земледѣльцемъ, еще упроси господина не посѣкать и не подвергать своему гнѣву бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *осыпать ее гноемъ* (Лук. 13, 8), то есть доставить ей врачеваніе исповѣди, обнаруженія постыдныхъ дѣлъ и опозоренной жизни. Кто знаетъ, переменится ли она, принесетъ ли плоды и напитаетъ ли Иисуса, возвращающагося изъ Виваніи? Потерпи дѣйствительное, или кажущееся тебѣ, зловопіе брата своего—ты, который помазанъ духовнымъ мвромъ, составленнымъ по мвроварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоуханіе. Грѣхъ—не такой ядъ ехидны,—отъ котораго тотчасъ по уязвленіи постигаетъ мучительная боль, или самая смерть, такъ что тебѣ было бы извинительно бѣжать отъ звѣря, или убить его. Напротивъ того, если можешь, уврачуй брата; а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ самъ не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать съ нимъ въ его порочности. Болѣзнь брата есть какой-то непріятный смрадь, и его можетъ быть прогнать превозмогающее твое благовопіе. И тебѣ можно бы охотно рѣшиться за своего сораба и сродника на нѣчто подобное тому, что Павелъ ревнитель осмѣлился помыслить и сказать, сострадая объ Израильянахъ, то-есть чтобы вмѣсто

него, если возможно, приведенъ былъ ко Христу Израиль, — и тебѣ, говорю, который часто, по одному подозрѣнію, отлучаешь отъ себя брата; и кого, можетъ быть, приобрѣлъ бы благосклонностію, того губишь своею дерзостію, губишь свой членъ, за который умеръ Христосъ. Итакъ, хотя ты и крѣпокъ, говорить Павелъ, разсуждая о брашнахъ, и благонадеженъ въ словѣ и мужествѣ вѣры, однакожъ назидай брата и *не брашномъ твоимъ погубляй* (Рим. 14, 15) того, кто почтенъ отъ Христа общимъ страданіемъ. Ибо хотя здѣсь и о другомъ дѣло, однако же одинаково полезно слово увѣщанія.

Какъ въ древности у мудрыхъ Евреевъ не позволялось молодымъ людямъ читать нѣкоторыя Священныя книги, потому что онѣ не принесли бы пользы душамъ еще не твердымъ и нѣжнымъ: такъ и у насъ надлежало-бы постановить закономъ, чтобы не всякому и не всегда, а только въ извѣстное время и извѣстнымъ лицамъ дозволялось учить о Вѣрѣ, именно тѣмъ, которые не вовсе нерадивы и медлительны умомъ, и не слишкомъ ненасытимы, честолюбивы и болѣе надлежащаго горячи въ дѣлѣ благочестія. Такимъ людямъ слѣдовало-бы давать порученія, исправляя которыя, они не могли-бы вредить ни себѣ, ни другимъ; а право учить предоставить умѣреннымъ въ словѣ, какъ истинно благоустроеннымъ и цѣломудреннымъ; простолюдиновъ же отводить отъ сего пути, и отъ усилившагося нынѣ недуга—говорливости, обращать же ихъ къ другому безопаснѣйшему роду добродѣтели, гдѣ и нерадѣніе менѣе вредно, и неумѣренность не противна благочестію. Ибо если бы, какъ *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* (Еф. 4, 5, 6), такъ одинъ былъ путь ко спасенію—путь слова и умозрѣнія, и кто совратился бы съ него, тотъ необходимо во всемъ сталъ бы погрѣшати и совершенно отторгаться отъ Бога и будущей надежды: то всего было бы опаснѣе, и подавать такіе совѣты, и слушаться ихъ. Но если какъ въ человѣческомъ быту много разности между родами и правилами жизни, изъ которыхъ одни выше, другіе ниже, одни знатнѣе, другіе менѣе славны, такъ и въ жизни Божественной—не одно средство спасенія, и не одинъ путь къ добродѣтели, но многіе; да и тому, что у Бога обителей много—изреченіе, повторяемое всѣми и на языкѣ всѣхъ живущихъ, не другая какая причина, но множество путей, ведущихъ въ сіи обители, и путей то болѣе опасныхъ и свѣтлыхъ, то смиренныхъ и безопасныхъ: почему же мы, оставивъ пути безопаснѣйшіе, обращаемся на сей одинъ

путь, столько небезопасный и скользкій, притомъ ведущій неизвестно куда? Или хотя и не всѣмъ прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различію возраста и привычекъ; однако же жизнь одна и та же, слово одно и то же всѣмъ полезны. Я и самъ не сталъ бы утверждать сего, и не согласился бы съ тѣми, которые сіе утверждаютъ.

Итакъ, если хотите принять совѣтъ мой, юноши и старцы, начальники народные и подчиненные, монахи и спасающіеся въ обществѣ, откажитесь отъ чрезмѣрнаго и бесполезнаго честолюбія; приближаясь же къ Богу жизнью, дѣлами и ученіемъ болѣе безопаснымъ, приуготовляйтесь къ тамошней истинѣ и созерцанію о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

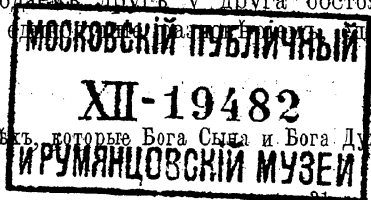
Слово 33, противъ аріанъ и о самомъ себѣ.

Гдѣ же тѣ, которые упрекають насъ за бѣдность и гордятся богатствомъ; признакомъ Церкви поставляютъ многолюдство, и презирають малое стадо; измѣряють Божество и взвѣшиваютъ людей; высоко цѣнятъ песчинки, и унижаютъ свѣтила; собирають въ сокровищницу простые камни и пренебрегаютъ жемчужины? Они не знаютъ, что не столько песокъ и простые камни обильнѣе звѣздъ и камней самоцвѣтныхъ, сколько послѣдніе чище и драгоцѣннѣе первыхъ. Опять негодуешь, опять вооружаешься, опять оскорбляешь, ты, новая вѣра¹⁾. Удержи не надолго твои угрозы, дай мнѣ выговорить слово. Мы будемъ не оскорблять, но обличать, не угрожать, но укорять, не поражать, но врачевать. Тебѣ и это кажется оскорбленіемъ? Какое высокомеріе! И здѣсь равночестное дѣлаешь рабомъ²⁾? а если нѣтъ, то дай мѣсто моему дерзновенію; ибо и братъ обманутый обличаетъ брата. Хочешь ли, скажу тебѣ тоже, что говорилъ Богъ упорному и ожесточенному Израилю: *людіе Мои, что сотворишъ вамъ: или чимъ обидѣхъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ* (Мих. 6, 3)? Наипаче же къ тебѣ оскорбителю у меня слово.

Правда, что мы худо наблюдаемъ другъ у друга обстоятельства каждаго, и расторгнувъ

1) То-есть ученіе Аріанское.

2) Св. Григорій имѣеть въ виду тѣхъ, которые Бога Сына и Бога Духа Святаго почитали сотворенными.

ли не болѣе стали безчеловѣчны и жестоки одинъ къ другому, нежели самыя варвары, которые нынѣ воюють съ нами ¹⁾, и которыхъ соединила раздѣляемая нынѣ Троица; не говорю ужъ, что поражаемъ не чужіе чужихъ, не иноязычныя иноязычныхъ (что было бы хотя малымъ утѣшеніемъ въ бѣдствіи); но принадлежащіе почти къ одному дому расхищаемъ, и (если угодно) члены одного тѣла истребляемъ другъ друга, и сами истребляемся. И не въ этомъ еще все бѣдствіе (хотя и сіе велико), но въ томъ, что убавленіе свое почитаемъ приращеніемъ. Впрочемъ поелику поставлены мы въ такое положеніе и вѣруемъ, смотря по времени: то сравнимъ между собою наши обстоятельства. Ты представь мнѣ своего царя, а я представляю тебѣ своихъ; ты—Ахаава ²⁾, я Іосію ³⁾. Ты изобрази мнѣ свою кротость; а я изобразю тебѣ свою дерзость. Лучше сказать, твоя дерзость повторяется уже устами многихъ и во многихъ книгахъ, которыя и грядущее время, думаю, приметъ какъ безсмертный памятникъ дѣяній; а я скажу тебѣ о своей.

Какой дерзостно устремляющійся народъ навелъ я на тебя? Какихъ вооружилъ воиновъ? Какого поставилъ военачальника, кипящаго гнѣвомъ, превосходящаго дерзостію самихъ повелителей, притомъ не Христіанина, но такого, который бы свои нечестивые съ нами поступки почиталъ приличнымъ для него служеніемъ чтимымъ имъ демонамъ? Держалъ ли я въ осадѣ кого молящагося и воздѣвающаго руки къ Богу? Остановилъ ли звукомъ трубъ какія псалмопѣнія? Смѣшалъ ли у кого таинственную кровь съ кровію, проливаемою убійцами? Заставилъ ли кого духовные вопли замѣнить плачемъ погибельнымъ, и слезы сокрушенія—слезами страданія? Превратилъ ли какой домъ молитвы въ мѣсто погребенія? Предалъ ли какіе священные и неприкосновенные для народа сосуды въ руки беззаконнымъ или *Навузардану архимагиру* ⁴⁾ (4 Цар. 25, 15), или Валтасару, нечестиво упивавшемуся изъ священныхъ чашъ и понесшему наказаніе, достойное его безумія? *Требища возлюбленная*, какъ говоритъ Божественное Писаніе (Ос. 8, 12), а нынѣ поруганная! Издѣвался ли надъ вами, по нашему наущенію, какой-либо безстыдный юноша, и поющій представляющій изъ себя ерамное? Особенно,

1) Разумѣется война Импер. Феодосія съ Готами.

2) Валенти.

3) Феодосія.

4) Начальнику поваровъ.

поругался ли я чрезъ кого подобнаго надъ великимъ и Божественнымъ таинствомъ? Досточестная кафедра, сѣдалище и успокоеніе мужей досточестныхъ, перемѣнившая многихъ благочестивыхъ іереевъ, свыше поучавшихъ Божественнымъ тайнамъ! Восходилъ ли на тебя какой языческій витія—языкъ лукавый, предающій позору Христіанство? Стыдливость и честность дѣвъ, не терпящая взора мужей, даже и цѣломудренныхъ! Осрамили ли тебя кто изъ насъ, предалъ ли поруганію даже скрываемое отъ очей и доставилъ ли взорамъ нечестивыхъ зрѣлище жалкое и достойное огня содомскаго? Умалчиваю объ убійствахъ, которыя сноси́е срама. Пускали ли мы какихъ звѣрей на тѣла святыхъ (что дѣлали нѣкоторые), выставляя на позоръ чело́вѣческое естество, и обращая въ вину одно то, что не приложились къ ихъ нечестію, не осквернились съ ними общеніемъ, котораго бѣгаемъ, какъ змѣйнаго яда, не тѣлу наносящаго вредъ, но очерняющаго глубины души? Кому вмѣняемо было въ преступленіе даже погребать мертвыхъ, которыхъ уважали самые звѣри,—притомъ въ преступленіе достойное другого зрѣлища и другихъ звѣрей? Какихъ Епископовъ старческія плоти испещрены были желѣзными когтями, въ присутствіи учениковъ, которые ничѣмъ кромѣ слезъ не могли помочь, — плоти, распятаы со Христомъ, побѣдившія своимъ страданіемъ, оросившія народъ драгоцѣнною кровію, и наконецъ преданныя смерти, чтобы со Христомъ спогребетись и прославиться,—со Христомъ, побѣдившимъ міръ посредствомъ таковыхъ закланій и жертвъ? Какихъ Пресвитеровъ дѣлили между собою противоборныя стихіи—огонь и вода, такъ что на морѣ возсталъ необычайный свѣтильникъ, когда они сгарали вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ плыли? Кого (закрою большую часть нашихъ бѣдствій) обвиняли въ безчело́вѣчии самые начальники, исполнявшіе такія порученія?

Хотя они служили желаніямъ поручившихъ, однако же ненавидѣли жестокость произволенія: одно заставляли дѣлать обстоятельства времени, другое внушалъ разумъ; одно было беззаконіемъ царя, а другое происходило отъ сознанія законовъ, по которымъ надлежало судить. Или упомянуть намъ и о старомъ; потому что и это дѣло того же собратства? Отеѣкалъ ли я руки у кого живаго или мертваго, и лгалъ ли на святыхъ, чтобы клеветою вооружиться противъ Вѣры? Чьи изгнанія перечислялъ я какъ благодѣянія, и оказывалъ ли неуваженіе къ священнымъ соборамъ священныхъ любомудрцевъ, ища между ними покорныхъ? Напротивъ, и ихъ содѣлалъ я мучениками, под-

вергшимися опасности за доброе дѣло. Къ кому изъ мужей, почти безплотныхъ и безкровныхъ, приводилъ блудницъ—я, обвиняемый за нескромность рѣчей? Кого изъ благочестивыхъ, изгнавъ изъ отечества, предалъ я въ руки людей беззаконныхъ, чтобы заключенные, подобно звѣрямъ, въ мрачныя жилища и разлученные другъ съ другомъ (что всего тягостнѣе въ семь печальномъ событїи) томились они голодомъ и жаждою, получая скудную пищу и то чрезъ узкія скважины, и не имѣя возможности видѣть страждущихъ вмѣстѣ съ ними? И это терпѣли тѣ, *ихъ же не бы достоинъ мїръ* (Евр. 11, 38). Такъ чтите вы Вѣру! Такъ принимаете странныхъ! И большей части такихъ дѣлъ вы не знаете? Тому и быть надлежало; потому что и дѣлъ такое множество, и въ совершенїи ихъ столько наслажденїя! Но страждущїй памятливъѣе. Для чего говорить мнѣ о чемъ нибудь отдаленномъ? Нѣкоторые своими насилїями превзошли требованїя времени, подобно вепрямъ, кидающимся на ограду. Требую вчерашней вашей жертвы, сего старца и подобнаго Аврааму отца, котораго вы, при возвращенїи его изъ изгнанїя, встрѣтили камнями среди дня, среди города; а мы (если неоскорбительно для васъ говорить о семь) позаботились о самыхъ убійцахъ, которые подвергались опасности. *О чемъ отъ сихъ милосердѣ буду тебѣ*, говоритъ Богъ въ одномъ мѣстѣ Писанїя (Черем. 5, 7); за что похвалю? или лучше сказать, за какое изъ сихъ дѣлъ увѣнчаю васъ?

Поелику же таковы и такого свойства твои дѣла; то скажи мнѣ и мои неправды, дабы я или устыдился или пересталъ быть злымъ. Подлинно всего болѣе желаю вовсе не грѣшнить. А если сіе невозможно; сдѣлавъ неправду, желаю возвратиться на истинный путь; что составляетъ второй отдѣлъ людей благомыслящихъ. Ибо хотя я не *оглагольникъ*, подобно праведнику, *себѣ самого въ первословіи* (Притч. 18, 17); по крайней мѣрѣ радуюсь, когда другїй врачуетъ меня.

Говорятъ: у тебя городъ малъ, и не городъ, а пустое, скучное и малолюдное селеніе. Но если это худо, наилучшїй, то здѣсь я болѣе пострадалъ, нежели самъ дѣйствовалъ. И ежели терплю не по своей волѣ, то я несчастенъ (пусть это будетъ сказано); а ежели терплю добровольно, то я философъ. Что жъ это за обвиненїе, ежели никто не порицаетъ дельфина за то, что живетъ не на сушѣ, и вола за то, что водится не въ морѣ, и угря за то, что онъ животное земноводное?—А у насъ, говоришь, есть стѣны, и зрѣлища, и конскїя ристалища и царскїе дворцы, красота и величіе портиковъ, этотъ невѣроятный трудъ—подземная и воздушная

рѣка¹⁾), столько блистательный и знаменитый столпъ²⁾), многолюдное торжище, волнующійся народъ, похваляемое собраніе мужей благородныхъ. Но почему не говоришь о выгодахъ мѣстоположенія, о томъ, что суша и море какъ бы спорять другъ съ другомъ, кому изъ нихъ болѣе принадлежитъ городъ, и своими дарами обогащаютъ сего царя городовъ? Итакъ, въ томъ наша неправда, что вы велики и славны, а мы низки и пришли отъ низкихъ? Въ этомъ и многіе неправы предъ вами, или, лучше сказать, всѣ, которыхъ вы превосходите. И надобно предать насъ смерти за то, что не построили города, не обнесли стѣнами, не хвалимся ни конскими ристалищами, ни борьбами, ни псовою охотою, ни бѣшеною страстію ко всему этому, ни прихотливостію и великолѣпіемъ бань, ни драгоценностію мраморовъ, ни картинами, ни золотоблестящими и разнообразными насѣчками, едва не уподобляющимися самой природѣ? Мы не разсѣкли у себя моря³⁾), не смѣшивали времянь года, чтобы жизнь свою содѣлать пріятнѣйшею и безопаснѣйшею; а ты—новый творецъ, вѣрно самъ это содѣлалъ! Присовокупи, если угодно, и другія обвиненія,—ты, который говоришь словами Божиими: *мое есть серебро, и мое есть золото* (Агг. 2, 9). Мы не высоко думаемъ о богатствѣ, къ которому, *еще течетъ*, законъ нашъ повелѣваетъ не *прилагаться* (Пс. 61, 11); не высчитываемъ у себя годовыхъ и ежедневныхъ доходовъ; не тщеславимся грузомъ стола и приправами для безчувственнаго чрева; ибо не хвалимъ всего того, что, будучи принято гортанью, дѣлается равночестнымъ, или, лучше сказать, равно нечестнымъ и извергаемымъ; но живемъ просто, не запасаяся на завтрашній день, мало чѣмъ различаясь отъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ. Или будешь ставить мнѣ въ вину истертую мою одежду и некрасивый складъ лица? Ибо вижу, что такими вещами превозносятся люди очень низкіе. Но ты не коснешься головы и не обратишь вниманія на то, что дѣти замѣтили у Елисея (умолчу о послѣдующемъ). Не станешь винить меня за необразованность, или за то, что произношеніе мое кажется тебѣ жесткимъ и грубымъ. А во что поставишь, что я не

1) Здѣсь разумѣется, по замѣчанію Иліи, водопроводъ, устроенный Валентомъ, и проходящій по мѣстамъ подъ землею, по мѣстамъ же поддерживаемый на воздухѣ арками. Ducang. Const. Chr. L. 1, p. 18.

2) По замѣчанію Иліи, разумѣется здѣсь тотъ столпъ, на которомъ помещалась конная латуга Константина Великаго, которую называютъ ἀνθήλιον.

3) Здѣсь намекается на то, что Константинопольскимъ мысомъ море какъ бы разсѣкается на двѣ части.

говорливъ, не забавенъ, не могу понравиться тѣмъ, съ которыми бываю вмѣстѣ, не посѣщаю народныхъ собраній, не умѣю вести разговоръ и перекинуть слово, съ кѣмъ случится, и какъ случится, такъ что и рѣчи мои несносны, не бываю въ новомъ Іерусалимѣ, въ Зевксиппѣ ¹⁾, не хожу изъ дома въ домъ ласкательствовать и насыщать чрево; но больше сижу у себя дома угрюмый и печальный, въ безмолвіи занимаюсь самимъ собою—искреннимъ судіею дѣлъ и можетъ быть достойнымъ узъ за то, что бесполезенъ? Какъ бы тебѣ простить меня за все это и не винить? О, ты еще благосклоненъ и человѣколюбивъ!

А я веду себя по старинѣ и по-философски, такъ что по мнѣ одно небо, и оно для всѣхъ; а также почитаю общими для всѣхъ: обращеніе солнца и луны, и порядокъ и расположеніе звѣздъ, уравненность и благопотребность дня и ночи, и еще: преемство годовыхъ временъ, дожди, плоды, животворную силу воздуха; думаю, что для всѣхъ равно текутъ рѣки, это общее и независтое богатство; что земля одна и та же, что она наша мать и нашъ гробъ, что изъ нея мы вышли, и въ нее возвратимся, не имѣя въ томъ никакого преимущества другъ предъ другомъ. А что еще важнѣе, признаю общими: разумъ, Законъ, Пророковъ, и самыя страданія Христовы, чрезъ которыя возсозданы мы. Не говорю: одинъ возсозданъ, другій же нѣтъ; но всѣ мы, участвовавшіе въ томъ же Адамѣ, и зміемъ обольщены, и грѣхомъ умерщвлены, и спасены Адамомъ небеснымъ, и къ древу жизни, отъ котораго отпали, возведены дровомъ безчестія.

А меня вводилъ въ заблужденіе Самуиловъ Армаемъ (1 Цар. 1, 1)—это малое отечество великаго, вводилъ тѣмъ, что не обезчестилъ собою Пророка, и сталъ знаменитымъ не столько самъ по себѣ, сколько чрезъ него, не послужилъ ему препятствіемъ и быть посвященнымъ Богу до рожденія, и пророчествовать, провидя *яже напреду* (Ис. 41, 26), даже не сіе одно, но помазывать царей и священниковъ и судить тѣхъ, которые происходили изъ знатныхъ городовъ. О Саулѣ же слышалъ я (1 Цар. 9), что онъ,

¹⁾ Елена, по Никифору (Lib. 8 с. 30.), въ Константинополѣ построила прекрасный храмъ и назвала его новымъ Іерусалимомъ. А Зевксиппомъ назывались публичныя, знаменитыя и обширныя бани. Ducang. Constantinop. Chr. L. 1, p. 88. Зевксиппъ съ великимъ усердіемъ посѣщаемъ былъ жителями Константинополя. А Ілія замѣчаетъ, что, по нѣкоторымъ преданіямъ, въ Зевксиппѣ было мѣсто собранія еретиковъ; а потому догадывается, что Св. Богословъ самый Зевксиппъ иронически называетъ новымъ Іерусалимомъ.

ища ословъ отца своего, нашель царство. И самъ Давидъ беретъ отъ стады овецъ, и пасеть Израиля (1 Цар. 16). А что Амосъ? Не тогда ли ввѣряется ему пророческое служеніе, когда *пастырь бѣ, ягодичья обирая* (Ам. 7, 14)? Какъ же не упомянулъ я объ Іосифѣ, который былъ рабомъ и раздаятелемъ хлѣба въ Египтѣ и отцемъ многихъ тысячъ, обѣтованныхъ Аврааму? Да и Авраамъ (скажу важнѣйшее) не пресельникъ ли былъ? Моисей не былъ ли сперва брошень; а потомъ не сдѣлался ли законодателемъ и вождемъ поспѣшавшихъ въ землю обѣтованія; и сказанія его не велики ли и не чудны ли? Приводили меня въ заблужденіе и Кармилъ Иліинъ, предшествовавшій огненной колесницѣ, и милоте Елисеева, имѣвшая болѣе силы, нежели шелковыя нити и золото, насильственно обращенное въ одежду. Приводили меня въ заблужденіе и пустыня Іоаннова, вмѣщавшая въ себѣ большаго въ рожденныхъ женами, а вмѣстѣ и его пища, поясъ и одежда. Я держалъ на нѣчто большее; самого Бога находилъ защитникомъ моего убожества. Меня поставятъ на ряду съ Виелеемомъ, обезчестятъ на ряду съ яслими; что жъ удивительнаго, если ты, безчестящій Бога за ясли, по той же причинѣ презираешь и проповѣдника? Представляю въ примѣръ и рыбаей, и нищихъ благоувѣствующихъ, предпочтенныхъ многимъ богатымъ. Ужели не перестанешь когда-нибудь гордиться городами? не уважишь когда-нибудь презрѣнную для тебя и безчестную пустыню? Не говорю о томъ, что и золото родится въ пескѣ, что и драгоценныя камни суть произведеніе и даръ камней простыхъ. А если бы имъ противоположилъ я то, что и въ городахъ есть безчестнаго; то можетъ-быть не на добро воспользовался бы свободою слова.

Но у насъ проповѣдникъ чужеземный и пришлый, скажеть, можетъ-быть, кто-нибудь изъ людей слишкомъ ограниченныхъ въ плотолюбцевъ. Что же Апостолы? развѣ не чужеземцы были для многихъ народовъ и городовъ, по которымъ они раздѣлились, чтобы повсюду пронеслось Евангеліе, чтобы все было озарено Троичнымъ Свѣтомъ, просвѣщено истинною, такъ чтобы и для сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной разсѣялся мракъ невѣдѣнія? Сказано: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. 2, 9). Слышишь, это говоритъ Павелъ! Пусть Петру Іудея; что жъ общаго у Павла съ язычниками, у Луки съ Ахаіею, у Андрея съ Епиромъ, у Іоанна съ Ефесомъ, у Ѳомы съ Индіею, у Марка съ Италіею,—что у всѣхъ (не говоря о каждомъ порознь) общаго съ тѣми, къ которымъ они ходили проповѣдывать? Посему, или и ихъ укори, или и мнѣ не ставь въ вину, или докажи, что ты, стоя за истинное

ученіе, оклеветенъ напрасно. Но поелику доселѣ разсуждалъ я съ тобою о семъ просто; то полюбоумдрствую и возвыщеніѣе.

У всѣхъ высокихъ, о человѣкъ! одно отечество—горній Іерусалимъ, въ которомъ сокрыто житіе наше. У всѣхъ одинъ родъ, и если угодно смотрѣть на дальнее,—это персть, а если на высшее,—это дыханіе, котораго стали мы причастниками, которое заповѣдано намъ хранить, и съ которымъ должно предстать на судъ и дать отчетъ въ соблюденіи горняго нашего благородства и образа. Посему всякій благороденъ, кто соблюлъ сіе дыханіе добродѣтели и стремленіемъ къ Первообразу; и всякой не благороденъ, кто осквернилъ оное порокомъ и принялъ на себя чуждый образъ—образъ змія. Дальнія же сіи отечества и породы суть только забава привременной нашей жизни и лицедѣйства. Ибо и отечествомъ именуется то, что каждый предвосхитилъ или насилемъ, или собственнымъ бѣдствіемъ, и гдѣ всѣ одинаково странники и пришельцы, сколько бы мы ни играли названіями; и благороднымъ родомъ называется или издавна богатый, или недавно разбогатѣвшій, напротивъ неблагороднымъ—который ведетъ начало отъ родителей, или по несчастію, или по любви къ справедливости, бѣдныхъ. Ибо можно ли назвать издревле благороднымъ, что частію начинается нынѣ, а частію разрушается, и однимъ не дается, а другимъ приписывается? Такъ я объ этомъ разсуждаю. И потому предоставляю тебѣ высоко думать о гробахъ и басняхъ; а самъ попытаюсь, сколько могу, освободиться отъ обольщенія, чтобы или возвратить, или сохранить благородство.

Въ такихъ-то мысляхъ и по такимъ-то причинамъ пришель къ вамъ я—человѣкъ малый, имѣющій незнатное отечество, и пришель не по своей волѣ, не по собственному вызову, какъ многіе нынѣ рвутся въ предстоятели, но призванный, принужденный и покорившійся страху и Духу. И если слово мое живо; то пусть еще долѣе сражаюсь здѣсь напрасно, и никого не выведу изъ заблужденія, а напротивъ того пусть исполнится желаніе тѣхъ, которые молятъ безчадія душѣ моей! Но послѣ того какъ пришелъ я сюда, и можетъ-быть не съ властію ничего незначащаго (похваюсь нѣсколько и дѣлами неразумія); подражалъ ли я кому изъ ненасытныхъ? ревновалъ ли о чемъ временномъ, хотя и имѣлъ предъ собою такіе примѣры, хотя и безъ примѣровъ не быть худымъ дѣло трудное и рѣдкое? Входили ли мы съ вами въ споръ о какихъ церквахъ, о какихъ сокровищахъ, хотя вы богаты тѣми и другими сверхъ нужды, а мы тѣмъ и другимъ скудны? Стояли ли мы съ ревностію за какой-нибудь нарушенный цар-

скій указъ? Угождали ли какимъ начальникамъ, чтобъ обратить ихъ противъ васъ? Обнаружили ли чью дерзость?

А что сдѣлано противъ меня? *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60), и тогда¹⁾ говорилъ я, кстати вспомнивъ слова Стефана, и нынѣ молось. *Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, молимъ* (1 Кор. 4, 12). А если несправедливъ я предъ вами въ томъ, что, видя себѣ насилія, терплю; то простите мнѣ сію несправедливость; и отъ другихъ терпѣлъ я, когда мнѣ дѣлали насилія. Благодарю, что кротость вмѣнена мнѣ въ безуміе! Ибо гораздо возвышеннѣе, нежели какъ надлежало бы разсуждать, подражая вамъ, разсуждаю я такъ: что составитъ сіе въ сравненіи съ тѣми заплеваніями и заушеніями, какія претерпѣлъ Христосъ, за Котораго и для Котораго подвергаемся опасностямъ? Всего этого не сравню съ однимъ—съ терновымъ вѣнцемъ, увѣнчавшимъ нашего Побѣдителя, у Котораго и я учусь вѣнчаться скорбями жизни; не сравню съ одной тростию, которою прекращено изветшавшее владычество; не сравню съ одной желчію, съ однимъ оцтомъ, которыми уврачевано горькое вкушеніе; не сравню съ однимъ долготерпѣніемъ въ страданіи. Предается ли Онъ лобзаніемъ: обличаетъ, но не поражаетъ. Поемляется ли внезапно: укоряетъ, но слѣдуетъ. Если по ревности усѣчешь ухо Малху: вознегодуетъ, и исцѣлитъ. Если кто убѣжитъ въ одной *плащаницѣ* (Марк. 14, 51): покроетъ. Если попросишь низвести содомскій огонь на вѣдущихъ Іисуса: не низведетъ. Если Онъ приметъ разбойника, повѣшеннаго за злодѣяніе; то введетъ его въ рай по благости. У Человѣколюбца да будетъ все человѣколюбиво! а то же и въ страданіяхъ Христовыхъ! Чѣмъ же еще воздадимъ за сіи страданія, ежели и тогда, какъ Богъ за насъ умеръ, — сами не простимъ подобному намъ и малости?

Сверхъ сего я размышлялъ, и размышляю еще, о томъ (смотрите, не весьма ли это справедливо?), о чемъ неоднократно уже съ вами любомудрствовалъ. Они имѣютъ у себя дома, а мы Живущаго въ домахъ: у нихъ есть храмы, а у насъ Богъ, и мы сами чрезъ покланяемую Троицу можемъ содѣлаться живыми храмами живаго Бога, одушевленными жертвами, разумными всеожженіями, совершенными приношеніями и богами. У нихъ народы; у насъ Ангелы; у нихъ дерзость, у насъ вѣра; они угро-

¹⁾ Св. Григорій намекаетъ на покушенія еретиковъ противъ его жизни, о которыхъ смотри Прибавл. къ Твор. Св. Отц. Ч. 1 стр. 50.

жають, мы молимся; они низлагають, мы терпимъ; у нихъ золото и серебро, у насъ очищенное ученіе. Ты построилъ себѣ домъ въ два и въ три жилья (припомни слова Писанія: *домъ широкій съ отверстыми окнами*, Іер. 22, 14); но онъ не выше моей вѣры и тѣхъ небесъ, къ которымъ стремлюсь. Мало у меня стадо? но не носится по стремнинамъ! Тѣсна у меня ограда? впрочемъ неприступна волкамъ, не впустить внутрь себя разбойника, чрезъ нее не перейдутъ ни тати, ни чужіе. Хорошо знаю, что вижу ее нѣкогда и болѣе обширною, что и изъ тѣхъ, которые нынѣ волками, надобно мнѣ будетъ многихъ причислить къ овцамъ, а можетъ-быть и къ пастырямъ. Сіе благовѣствуетъ мнѣ Пастырь добрый, для Котораго полагаю я душу свою за овецъ. Не боюсь я малочисленности стада; потому что его удобнѣе обозрѣвать; я знаю своихъ, и свои меня знаютъ. Они знаютъ Бога, и знаемы Богомъ. Овцы мои слушаютъ моего голоса, который самъ я выслупалъ въ Божіемъ словѣ, которому научился у Св. Отцевъ, которому училъ равно во всякое время, не соображаясь съ обстоятельствами, и не престану учить; съ которымъ я родился, и отойду. Сихъ овецъ называю я по имени (потому что онѣ не безыменны, какъ и звѣзды, которыя, если имѣють свой счетъ, то имѣють и свои имена); и онѣ слѣдуютъ за мною; потому что воспитываю ихъ *на водѣ упокоенія* (Пс. 22, 2); онѣ слѣдуютъ и за всякимъ подобнымъ пастыремъ (видите, съ какою пріятностію слушали голосъ его); но не послѣдуютъ за пастыремъ чуждымъ, и убѣгутъ отъ него; потому что имѣють уже навѣкъ—отличать знакомый голосъ отъ чужого. Онѣ убѣгутъ отъ Валентинова сѣченія Единаго на два, вѣруя, что Творецъ и Благій не два Существа; также отъ Глубины и Молчанія и отъ баснословныхъ эоновъ, дѣйствительно достойныхъ глубины и молчанія; убѣгутъ отъ Маркіонова Бога изъ стихій и чиселъ, отъ Монтанова злаго и женскаго духа, отъ Манесова вещества и Манесовой тмы; отъ Наватова высокоумія и Наватовой чистоты, заключающейся въ однихъ словахъ, отъ Савелліева разложенія и сліянія, или, такъ сказать, поглощенія, въ которомъ Три собираются во Едино, но Едино не опредѣляется въ трехъ вѣстасныхъ; отъ Аріева и Аріевыми послѣдователями вводимаго отчужденія естества, и отъ новаго Іудейства, ограничивающаго Божество однимъ нерожденнымъ; отъ Фотинова дольняго и начавшагося отъ Маріи Христа. Но онѣ будутъ поклоняться Отцу и Сыну, и Святому Духу—единому Божеству,—Богу Отцу, Богу Сыну, Богу (если не огорчишься) Духу Святому, единому Естеству въ трехъ Личностяхъ:

разумныхъ, совершенныхъ, самостоятельныхъ, и раздѣльныхъ по числу, но не по Божеству. Сии реченія да уступитъ мнѣ всякой угрожающій нынѣ, а другія пусть присвоаетъ себѣ, кто хочетъ. Отецъ не потеряитъ, чтобъ Его лишили Сына, ни Сынъ, чтобъ Его лишили Святаго Духа; но лишаются, ежели Сынъ, или Духъ, есть во времени и тварь; ибо сотворенное не Богъ.

И я не терплю, чтобы лишали меня совершенія¹⁾: *Единъ Господь, едина въра, едино крещеніе* (Еф. 4, 5). Ежели отнимется у меня это крещеніе; отъ кого получу второе? Что говорите вы потопляющіе, или перекрещивающіе? Можно ли быть духовнымъ безъ духа? причастенъ ли Духа не чтущій Духа? и чтеть ли Духа крестящійся въ тварь и сораба? Нѣтъ; и ты не скажешь такъ много. Не солгу Тебѣ, Отче Безначальный! не солгу Тебѣ, Сыне Единородный! не солгу Тебѣ, Душе Святой! Знаю, Кого я исповѣдалъ, отъ кого отрекся, съ Кѣмъ сочетался: и не согласенъ, послѣ того какъ узналъ реченія вѣрнаго, учиться у невѣрныхъ, и послѣ того какъ исповѣдалъ истину, прилагаться ко лжи, сходить въ купель для совершенія, и выходить болѣе несовершеннымъ, приступать ко крещенію водою для оживотворенія, и стать подобнымъ младенцу, который умираетъ въ минуту матерняго разрѣшенія, такъ что его рожденію сопутствуетъ смерть. Для чего ты дѣлаешь меня чрезъ одно и тоже блаженнымъ и несчастнымъ? новопросвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ? божественнымъ и вмѣстѣ безбожнымъ? Не для того ли, чтобъ потерпѣла крушеніе моя надежда возсозданія? Кратко сказать: вспомни исповѣданіе! Въ кого ты крестился? Во Отца?—Хорошо! однако же это Иудейское. Въ Сына?—Хорошо! это ужъ не Иудейское, но еще не совершенно. Въ Духа Святаго?—прекрасно! это совершенно. Но просто ли въ Нихъ ты крестился, или и въ общее Ихъ имя?—Да, и въ общее имя! Какое же это имя?—Безъ сомнѣнія, имя Бога.

Въ сіе-то общее имя вѣруй, *устнѣвай и царствуй* (Пс. 44, 5), и преjdeшь отсюда въ тамошнее блаженство, которое, по моему разумѣнію, есть совершеннѣйшее познаніе Отца, Сына и Св. Духа, и въ которое да достигнемъ и мы, о самомъ Христѣ, Богѣ нашемъ. Ему слава и держава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Крещенія.

Слово 34, нъ пришедшимъ изъ Египта.

Скажу привѣтствіе пришедшимъ изъ Египта (что будетъ и справедливо, потому что они собрались охотно, преодолевъ зависть ревностію), пришедшимъ изъ того Египта, который обогащаетъ, правда, и рѣка (выражусь и самъ, подражая нѣсколько щедрымъ на выраженія такого рода), рѣка, дождящая изъ земли, какъ море, наводняющая окрестности, но болѣе обогащаетъ Христось мой, прежде бѣжавшій въ Египеть, а нынѣ снабдѣвающій изъ Египта; тогда бѣжавшій отъ Иродова дѣтоубійства, а нынѣ снабдѣвающій по чадолюбію отцевъ, — Христось, новая пища для прекрасно алчущихъ, пшеница раздаваемая щедрѣе, нежели когда-нибудь по извѣстнымъ и достовѣрнымъ сказаніямъ Исторіи, *хлѣбъ сходяй съ небесе и даая животъ міру* негибнущій и нескончаемый (Іоан. 6, 33). О немъ (какъ и теперь кажется, слышу) говоритъ Отець: *изъ Египта воззвахъ Сына Моего* (Осіи 11, 1). *Отъ васъ бо промчеса слово* (1 Сол. 1, 8) ко всѣмъ людямъ, здраво исповѣдуемое и проповѣдуемое; вы лучшіе плододѣлатели изъ всѣхъ, особливо нынѣ право вѣрующихъ, сколько знаю я, не любитель только, но и раздаватель такой пищи, и раздаватель не въ одномъ своемъ отечествѣ, но уже и за предѣлами онаго. Какъ тѣлесно питаете вы народы и города, на какіе только простирается ваше челоуколюбіе: такъ духовно питаете не одинъ народъ, и не тотъ или другой городъ, занимающій небольшое пространство, хотя и почитаемый очень знаменитымъ, но едва не цѣлую вселенную; утоляете *не гладъ хлѣба, не жажду воды*, въ чемъ и голодь терпѣть не важно, и не терпѣть удобно, *но гладъ слышанія слови Господня* (Мих. 8, 11), который и терпѣть весьма бѣдственно, и утолять въ настоящее время трудно; ибо беззаконіе умножилось, и немного нахожу люду дѣйствительно врачующихъ оное.

Таковъ Іосифъ—вашъ, а можно сказать, и нашъ житомѣръ, который по преизбытку мудрости умѣлъ и предвидѣть голодь, и помочь въ голодѣ домостроительными распоряженіями, посредствомъ красивыхъ и тучныхъ кравъ врачуя безобразныхъ и тощихъ. А подъ именемъ Іосифа разумѣй, кого хочешь, или соименнаго безсмертію, любителя и зиждителя безсмертія¹⁾, или преемника его престола, ученія и сѣдины, новаго нашего Петра—

¹⁾ Св. Аванасій.

Петра столько же по добродѣтели, сколько и по имени. Ими по-сѣчена и сокрушена самая середина, хотя она и оказываетъ еще малыя и слабыя трепетанія жизни, подобно хвосту разсѣченнаго змѣя. Одинъ изъ нихъ, въ старости доброй разрѣшившись отъ жизни, послѣ многихъ бореній и подвиговъ, изъ горняго міра (въ семь совершенно я увѣренъ) призываетъ нынѣ на дѣла наши, и подвизающимся за доброе простираетъ руку помощи, тѣмъ удобнѣе, что онъ свободенъ отъ узъ. Другой поспѣшаетъ къ такому же разрѣшенію, или освобожденію, и послѣ такихъ же подвиговъ; и хотя близокъ уже къ горнимъ, однако же въ такой еще мѣрѣ не отрѣшился отъ плоти, что можетъ оказать послѣднюю помощь слову и собрать обильнѣйшее напутіе для вступленія въ путь. Вы питомцы и порожденія сихъ великихъ и наставниковъ, и подвижниковъ истины, и побѣдителей, которыхъ ни время, ни властелинъ, ни слово, ни зависть, ни страхъ, ни обвинитель, ни клеветникъ, ни явный врагъ, ни тайный навѣтникъ, ни кажущійся нашимъ, ни чужой, ни золото—сей невидимо дѣйствующій мучитель, которымъ многое нынѣ бываетъ разбросано и переставлено, ни ласки, ни угрозы, ни изгнанія и продолжительныя и многократныя (одному лишенію имущества не могли они подвергнуться по причинѣ великаго богатства—несостоятельности), наконецъ ни все прочее, и отсутствующее, и настоящее, и ожидаемое, не подвигло и не убѣдило сдѣлаться худшими, измѣнить въ чемъ-нибудь Троицѣ и повредить ученіе о Божествѣ. Напротивъ того они укрѣплялись опасностями, болѣе и болѣе ревновали о благочестіи. Таково страдать за Христа—это усиливаетъ любовь, и для мужей высокаго духа служить какъ-бы залогомъ послѣдующихъ подвиговъ!

Таковы нынѣ повѣствованія и чудеса твои, Египеть!—Но ты восхвалялъ мнѣ козловъ Мендисійскихъ, и Мемфисскаго Аписа—какого-то упитаннаго и великорослаго тельца, и тайнства Изиды, и растерзаніе Озириса, и почтеннаго твоего Сераписа—дерево, которому по баснословію, по древности и по безумію кланяющихся, кланялись какъ неизвѣстному и небесному веществу, но все же какъ веществу, хотя ложь и взята была въ помощь. Ты восхвалялъ также (что и еще срамнѣе) многоразличныя изображенія морскихъ чудовищъ и пресмыкающихся. Но надъ всѣмъ симъ восторжествовалъ Христосъ, восторжествовали Христовы проповѣдники, какъ другіе, въ другія времена, и каждый самъ по себѣ, просіявшіе, такъ и помянутые теперь отцы, чрезъ которыхъ ты, удивительная страна, стала нынѣ извѣстнѣе, не-

жели всѣ прочія страны, прославленные всѣми и древними и новыми повѣствованіями.

Посему, объемлю и привѣтствую тебя, лучшей изъ народовъ, народъ христіолюбивѣйшій, пламенѣющій благочестіемъ, достойный вождей своихъ! Ничего не могу болѣе сказать, и ничего другаго не имѣю, чтобъ предложить вамъ въ утощеніе. И хотя немного предлагаю устами, однакожь многое храню для васъ въ сердечномъ расположеніи. Народъ мой! ибо своимъ называю народъ единомысленный и единовѣрный, учившійся у тѣхъ же отцевъ, поклоняющійся той же Тролицѣ. Народъ мой! ибо дѣйствительно мой, хотя не нравится сіе завистникамъ; и пусть еще болѣе терзаются страждущіе симъ недугомъ! Вотъ я даю десницу общенія при столькихъ свидѣтеляхъ, видимыхъ и невидимыхъ, и древнюю клевету отражаю новою благорасположенностію. Народъ мой! ибо дѣйствительно мой, хотя и присвою себѣ народъ весьма великій—я, человекъ самомалѣйшій: ибо такова благодать Духа—единомысленныхъ дѣлаеть равночестными! Народъ мой! ибо дѣйствительно мой, хотя и отдаленъ отъ меня; потому что мы сопряжены божественно, иначе, нежели существа грубыя. Тѣла сопрягаются мѣстомъ, а души сочетаются духомъ. Народъ мой, котораго любомудріе прежде состояло въ томъ, чтобы страдать за Христа, а нынѣ должно состоять, если послушаешь меня, въ томъ, чтобы не дѣйствовать, а считать достаточнымъ пріобрѣтеніемъ одну власть дѣйствовать, и признавать служеніемъ Христу, какъ въ прежнія времена—терпѣніе, такъ въ настоящія—праводушіе! Народъ, которому *устави Господь добро сотворити, якоже озлобити* противныхъ (Зах. 8, 14, 15)! Народъ, котораго *избра себѣ Господь* изъ всѣхъ Имъ призванныхъ (Пс. 134, 4)! Народъ, написанный на рукахъ Господнихъ (Ис. 49, 16), которому Господь говоритъ: *ты воля Моя* (Ис. 62, 4), *врата твоя хвала* (Ис. 60, 18), и что еще сказано спасаемымъ! Народъ! не дивитесь моей неумѣренности, ежели многократно обращаюсь къ вамъ; я услаждаюсь непрестаннымъ повтореніемъ вашего имени, какъ другіе безъ мѣры предающіеся разсматриванію или слушанію. Но народъ Божій и нашъ! Хотя прекрасно было и недавнее ваше торжество, какое совершили вы на морѣ; и не знаю, возможно ли зрѣлище пріятнѣе того, когда видѣлъ я море, покрытое древами и рукотворенною тучею, видѣлъ красоту и быстроту кораблей, какъ-бы для торжества снаряженныхъ, и легкой вѣтеръ, который, дуя въ кормы, какъ-бы нарочно сопровождаетъ и препосылаетъ къ столицѣ сей плывучій городъ: од-

нако же видимое нынѣ и прекраснѣе, и величественнѣе! Вы не вмѣшались въ народную толпу, не стали измѣрять благочестія многочисленностію, не согласились походить болѣе на мятежную чернь, нежели на Божій народъ, очищенный словомъ; напротивъ того, воздавъ, сколько слѣдовало, *кесарева кесареви*, восписали *Божія Богови* (Матѣ. 22, 21),—кесарю—дань, а Богу—страхъ; и напिताвъ народъ своими избытками, сами пришли питаться отъ насъ.

Ибо и мы раздаемъ пшеницу; и наше раздаваніе, можетъ быть, не хуже вашего. *Приидите, ядите мой злѣбъ, и пейте вино, еже растворихъ вамъ*, вмѣстѣ съ премудростію призываю васъ къ своей трапезѣ (Прит. 9, 5). Хвалю ваше чистосердечіе, и встрѣчаю усердіемъ; потому что, пришедши къ подобному, вы вошли какъ-бы въ собственную пристань, почтили сродство Вѣры, и признали неприличнымъ, когда ругающіеся надъ горнимъ единомысленны и согласны между собою, и думаютъ частные свои недостатки исправить согласіемъ цѣлаго, подобно какъ тонкія веревки дѣлаются крѣпкими, будучи сплетены вмѣстѣ,—признали, говорю, неприличнымъ, для себя не знать сего и не вступить въ союзъ съ единомысленными, что гораздо приличнѣе вамъ; потому что исповѣдуемъ мы единство и въ Божествѣ. И дабы знали вы, что пришли къ намъ не напрасно, что вступили не къ чужимъ и иноземнымъ, но къ своимъ, и что прекрасно путеводствовалъ васъ Духъ, полюбомудрствуемъ съ вами кратко о Богѣ. Узнайте, что мы ваши, какъ распознаютъ своихъ по клеймамъ оружія.

Два главнѣйшія различія нахожу въ существахъ: господство и рабство; не то господство и рабство, которыя у насъ или насиліе разграничило, или бѣдность разъединила, но которыя различены естествомъ (если кому угодно назвать такъ; ибо Первое выше и естества). И одно есть что-то творческое, начальственное и неподвижное; а другое есть нѣчто сотворенное, подчиненное и разрушаемое, и еще короче сказать: Одно выше времени, другое подъ временемъ. Господство именуется Богомъ, хотя состоитъ въ Трехъ высочайшихъ: Виновникъ, Зиждигителъ и Совершитель, то есть, Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Сіи Три не такъ разъединены между Собою, чтобы дѣлились по естеству, и не такъ сжаты, чтобы включались въ одномъ Лицѣ (первому учить Аріанское буйство, а послѣднему—Савелліево безбожіе); напротивъ того, Они и единичнѣе вовсе раздѣленныхъ, и множественнѣе совершенно единичныхъ. А рабство при насъ, и называется тварію,

хотя одна тварь превосходить другую, по мѣрѣ близости къ Богу.

Но если такъ, то всякій, чье сердце обращено ко Господу, да соединится съ нами, и поклонимся единому въ Троицѣ Божеству, не присвоая неприступной Славѣ никакого унижительнаго имени, но всегда имѣя *въ гортани возношенія* (Пс. 149, 6) единаго въ Троицѣ Бога. Ибо какъ приписать что-либо унижительное такому Естеству, величіе Котораго, по безпредѣльности и безконечности, не можетъ быть изречено собственнымъ именемъ? А кто отчужденъ отъ Бога, и потому единую Сущность, Которая превыше всего сущаго, разсѣкаетъ на неравенство естествъ, въ разсужденіи того удивительно, если не будетъ разсѣченъ онъ мечемъ, и часть его съ невѣрными не положится (Лук. 12, 46); удивительно, если не будетъ пожать имъ худый плодъ лукаваго мудрованія, и нынѣ, и впослѣдствіи.

Но нужно ли что говорить объ Отцѣ, Котораго не касаются, по общему согласію, все водящіяся естественнымъ смысломъ; хотя Онъ первый и въ первый разъ понесъ поруганіе, когда старыми нововодителями раздѣляемъ былъ на Благаго и Зиждителя? А о Сынѣ и о Св. Духѣ смотрите, какъ просто и кратко будемъ разсуждать.

Если бы кто сказалъ, что въ Сынѣ и въ Духѣ есть нѣчто превращаемое, или измѣняемое, или относительно ко времени, мѣсту, силѣ и дѣйствию измѣряемое, или не по естеству благое, или не самодовольное, или не свободное, или служебное, или пѣснословящее, или пристрашное, или освобожденное, или несочисляемое¹⁾: то пусть докажетъ сіе, и мы удовольствуемся, славясь честію сорабовъ, хотя и понесемъ ущербъ, лишась Бога²⁾. Если же Сыну принадлежитъ все, что имѣетъ Отецъ, кромѣ виновности; и все принадлежащее Сыну принадлежитъ Духу, кромѣ сыновства и того, что говорится о Сынѣ тѣлообразно, ради моего человѣка и моего спасенія (ибо Онъ принялъ мое, чтобъ чрезъ сіе новое сраствореніе даровать мнѣ Свое): то перестаньте, хотя поздно, безумствовать вы, изобрѣтатели суетныхъ реченій, которыя сами собою распадаются! И *всюю умираете, доме Израилевъ* (Иезек. 18, 31)! оплакивать васъ буду словами Писанія.

А я; сколько благоговѣю предъ многочисленными, такъ

¹⁾ То-есть съ Отцемъ.

²⁾ То-есть Бога Сына, или Бога Духа, когда будетъ доказано, что который-либо изъ Нихъ не есть Богъ, равный Богу Отцу.

высокими и великими наименованіями Слова, которыхъ стыдились и демоны; столько благоговѣю и предъ равночестіемъ Духа, страшусь же угрозы, опредѣленной хулящимъ Его. А хула—не богословствованіе, но отчужденіе отъ Божества; и должно замѣтить, что хулимъ былъ Господь, отмщеніе же возвѣщено за Духа Святаго, очевидно, какъ за Господа.

Не хочу быть непросвѣщеннымъ по просвѣщеніи, извращая понятіе объ Одномъ изъ Трехъ, въ Которыхъ я крестился, и дѣйствительно погребстись въ водѣ, крестясь не для возрожденія, но для умерщвленія. Дерзну сказать нѣчто, о Троица! (Прости моему безумію, потому что въ опасности моя душа!). Я и самъ образъ горней славы Божіей, хотя и поставленъ долу; потому не вѣрю возможности спастись чрезъ равночестнаго мнѣ. Если Духъ Святой не Богъ; то пусть прежде самъ содѣлается Богомъ, и тогда уже обожитъ меня—Ему равночестнаго. А теперь какой обманъ въ благодати, или лучше сказать, въ дающихъ благодать—вѣровать въ Бога, и пойдти безбожнымъ! одно исповѣдывать, другому научиться! Какія соплетенія словъ, какія оболщенія, воспросомъ объ одномъ и исповѣданіемъ одного приводящія къ другому! О жалкое мое просвѣтлѣніе, если по омовеніи дѣлаюсь чернѣе, если вижу, что неочищенные свѣтлѣе меня, если я игралище зловѣрія крестившагося; если ищу лучшаго духа, и не нахожу! Дай мнѣ другую купель, и послѣ того разсуждай худо о первой. Для чего завидуешь мнѣ въ совершенномъ возрожденіи? Для чего дѣлаешь обителію твари меня, который сталъ храмомъ Духа, какъ Бога? Для чего иное у меня чувствуешь, а другое безчестишь, злочестиво разсуждая о Богѣ, чтобы пресѣчь мнѣ даръ, или, лучше сказать, меня самого отсѣчь отъ дара? Или все чувствуй, новый богословъ, или все безчести, чтобы тебѣ быть хотя нечестивымъ, но согласнымъ съ самимъ собою, и не разсуждать о безтѣлесномъ естествѣ не одинаково.

Но скажу главное: славь съ Херувимами, которые соединяютъ три Святости въ единое Господство, и столько открываютъ Первую Сущность, сколько трудолюбивые могутъ видѣть изъ-подъ крыль. Просвѣтись съ Давидомъ, который говоритъ Свѣту: *во святѣ Твоемъ узримъ святѣ* (Псал. 35, 10): то есть какъ-бы въ Духѣ Сына, Котораго можетъ-ли что быть свѣтозаряе? Возгреми съ Иоанномъ, сыномъ громовымъ, глася о Богѣ не что-либо низкое и земное, но одно высокое и выспреннее; Сущаго въ началѣ, Сущаго у Бога, и Бога-Слово признавая Богомъ

и Богомъ истиннымъ, отъ истиннаго Отца, а не благимъ сорабомъ, который почтенъ только однимъ наименованіемъ Сына, и иного Утѣшителя признавая несомнѣнно инымъ отъ Говорящаго, который есть Божіе Слово. И когда читаешь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); сосредоточивай мысль на единеніи Сущности. А когда читаешь: *къ Нему придемъ и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. 14, 23); тогда представляй раздѣльность Упостасей. Когда же находишь *имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19); представляй три личныя свойства. Исполняясь Духомъ съ Лукою, внимательно читая Дѣянія Апостольскія. Для чего ставишь себя на ряду съ Ананією и Сапфирой—сими новыми *лихоимцами* (если похищеніе своей собственности подлинно есть нѣчто новое), и ставишь на ряду не присвоеніемъ себѣ серебра и другаго чего малоцѣннаго и неважнаго, напирмѣрь: *сосуда злата, или ризы, или дидрахмы*, какъ нѣкогда корыстолюбивый воинъ (Іис. Нав. 7, 21), но окрадываешь самое Божество, и лжешь *не человеку, но Богу*, какъ слышалъ (Дѣян. 5, 4). Для чего не уважаешь власти Духа, Который дышитъ, на кого, когда и сколько Ему угодно (Іоан. 3, 8)? Онъ сходитъ на домашнихъ Корниліевыхъ до крещенія, а на другихъ послѣ крещенія чрезъ Апостоловъ; такъ что въ обоихъ случаяхъ—и тѣмъ, что нисходитъ господственно, а не рабски, и тѣмъ, что взыскуется для совершенія, свидѣтельствуется божество Духа. Богословствуй съ Павломъ, возведеннымъ до третьяго неба. Иногда перечисляетъ онъ всѣ три Упостаси и притомъ различно, не соблюдая одного порядка, но одну и ту же Упостась именуя то въ началѣ, то въ срединѣ, то на концѣ (и для чего же? чтобы показать равночестность естества); а иногда упоминаетъ то о трехъ, то о двухъ, то объ одной Упостаси, какъ бы прочія подразумѣвались въ упомянутыхъ; иногда же дѣйствія Божіи приписываетъ Духу, какъ-бы въ семь не было никакого различія; иногда вмѣсто Духа ставитъ Христа, и когда различаетъ Упостаси, говоритъ: *единъ Богъ, изъ Негоже вся, и мы у Него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6); а когда сводитъ Ихъ въ одно Божество, говоритъ: *яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36),—Тѣмъ, то-есть Духомъ Святымъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Писанія. Ему слава во вѣки. Аминь.

Слово 35, на память мучениковъ и противъ арианъ.

Можно ли выразить словомъ, что представляется взору? Какая рѣчь будетъ соотвѣтственна открывающимся предъ нами благамъ? Невѣроятное зрѣлище предлежитъ очамъ нашимъ! Хотя и неоднократно желали мы видѣть сіе; однако же оно выше и того, къ чему простирались наши желанія.

Опять здѣсь чествованія Мучениковъ, которыя предъ симъ не малое уже время оставлены были въ пренебреженіи; опять стеченія Божіихъ іереевъ, опять ликостоянія и духовныя торжества; опять многолюдное собраніе желающихъ праздновать, а не ратоборствовать! О чудо! повержено изъ рукъ оружіе; рассыпались ополченія; позабыли о брани; не слышны болѣе голоса призывающихъ къ битвамъ; а вмѣсто нихъ празднованія, веселія, мирное раствореніе сердца ликовствуютъ въ цѣломъ городѣ, который въ давнія времена былъ матерью Мучениковъ, а во времена за тѣмъ послѣдовавшія и не мало продолжавшіяся не участвовали въ чествованіи чадъ своихъ. Нынѣ же *пріяли* мы *вся*, и *избыточествуемъ*, какъ говоритъ Апостоль (Филип. 4, 18). Хвала вамъ, Мученики! И сей подвигъ принадлежитъ вамъ: вы окончили побѣдоносно сію великую брань; очень знаю, что это благія послѣдствія вашихъ единственно трудовъ; вы воздвигли побѣдное знаменіе мира; вы привлекли къ себѣ іереевъ Божіихъ; вы собранію сему дали вождей, предскачущихъ Духомъ Святымъ

О, сколько потеряли тѣ, чья жизнь не продлилась до сего зрѣлища, чтобъ и имъ послѣ того, какъ пресытились горестями, можно было насладиться благами мира! Еретическое обольщеніе, подобно туману, прешло и исчезло, разсѣянное Духомъ Святымъ; возсіяло же чистое благоведріе мира, и среди онаго явились звѣзды сего града, блистающія въ ясномъ свѣтѣ истины; и не ночи, и не тмѣ даны онѣ въ удѣлъ, но все видимо днемъ, возсіявая истиннымъ свѣтомъ правды. И поелику, по слову Апостола, *нощь преиде* (Рим. 13, 12), вѣрнѣе же сказать, совершенно исчезла, и все просвѣтляется свѣтомъ дня; то убѣгаютъ звѣри, ищущіе себѣ пропитанія ночью, и собираются въ лѣса и пещеры, съ шумомъ бѣгутъ еретическіе нетопыри, лишаемые зрѣнія при свѣтѣ истины, и держась другъ за друга прячутъ головы въ каменныхъ расщелинахъ. Прекратились съ наступленіемъ сего дня сходбища сластолюбцевъ и винопійцевъ, сокры-

лись придорожные грабители, расхитители домовъ и тати; какія только есть дѣла ночи, всѣ исчезли съ возсіявшимъ свѣтомъ мира.

А пока была эта ночь, все омрачившая мглою обмана, какія совершались тогда дѣла?—достойныя забвенія и глубокаго молчанія, чтобы воспоминаніемъ ненавистнаго не осквернялась пріятность настоящаго. Да и какъ описать бѣдствія сей ночи? Какъ и умолчать о нихъ? Въ какомъ горестномъ событіи найдется столько трогательнаго? Какой вымыселъ воспроизведетъ столько несчастій? Какой стихотворецъ представленіемъ на зрѣлищѣ прославилъ такія страданія? И бѣдствія выше слова, и страданія выше силъ повѣствователя!—Бойницею діавола было мѣсто этого лика; здѣсь расположился онъ станомъ, и въ немъ поставилъ своихъ оруженосцевъ; здѣсь были—воинство лжи, защитники обмана, бѣсовскія полчища, легіоны нечистыхъ духовъ. А если нужно употребить языческія наименованія; здѣсь наступало на Церковь лукавое воинство бѣсовъ—Еринній; ибо такъ вынуждаюсь назвать тѣхъ женъ, которыя оказались не естественно мужественными на зло. Одна была Гезавель во дни Іліи, которая жаждала крови Пророковъ Господнихъ; и боговдохновенное бытописаніе выставляетъ ее на позоръ для того, думаю, чтобы въ памятованіи необузданной жены находили урокъ для жизни всѣхъ живущіе послѣ Гезавели. А нынѣ многія Гезавели прозябли вдругъ изъ земли, какъ вредное зелье, и избыткомъ злобы своей превзошли упоминаемую въ Писаніи. Если не вѣришь слову, взгляни на исторію. Та изнѣженному Ахааву доставила Навуеевъ виноградникъ, чтобъ сдѣлать изъ него садъ, мѣсто увеселенія, женскую забаву; а сіи старались привести въ совершенное уничтоженіе живой виноградникъ Божій, разумью Церковь, и сами приводили въ исполненіе злое дѣло.

Какой найду примѣръ для слова? Какое придумаю изображеніе для сего злонравія? Видѣлъ я подобную картину на отбѣленной стѣнѣ; поддержите грудь мою, воздымающуюся при воспоминаніи бѣдствій, или, лучше сказать, сами поскорбите со мною о перенесенныхъ несчастіяхъ: потому что пересказываю не чужія, но собственныя наши злостраданія! Какая же это картина, которую уподобляю описываемому событію?—Она представляла безобразную пляску женщинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое искривленное положеніе (въ баснословіи такія женщины называются менадами). Волосы развѣвались вѣтромъ, взоры изъявляли неистовство, въ рукахъ были пламенники, и отъ обращенія оныхъ все тѣло казалось въ огнѣ; благоприли-

чемъ одежды затѣснялось только дыханіе въ грудяхъ; ноги едва касались земли и какъ бы висѣли на воздухѣ; ни одно изъ движеній не выражало благопристойной стыдливости. Среди пляшущей толпы находилось изображеніе мужчины, но это было вмѣстѣ что-то женское, по виду неопредѣленное въ разсужденіи пола, образецъ изнѣженности, нѣчто среднее между мужчиной и женщиной. Представленный былъ въ состояніи расслабленія, какъ бы въ усыпленіи или въ упоеніи, лежалъ небрежно на роскошной колесницѣ, которую по хороводу менадь возили звѣри, и на него обильно лилось изъ чаши вино. Это изображеніе окружали какія-то неумолкающія чудовища съ косматыми лицами, которыя скакали около него на козьихъ ногахъ.

То же надобно сказать и объ этой ночи. Женщины, извѣстныя только тѣмъ, что обезславили родъ свой, къ общему униженію пола поругали обычное благочиніе женъ, — торжественно ходили теперь по всему городу, въ лицѣ своемъ выставляя на позоръ обезображенную природу, вмѣсто щитовъ вооруживши руки камнями, смотря убійствомъ, поражая безстыдными своими взорами. И когда вступили въ Божію ограду, онѣ возвели на священную каедру своего Корибанта. Потомъ началось пьянство, потекло вино, явились даже изъ пустынь и Паны. Представъ при семь ночь, смѣшанное общество и все то, о чемъ Апостоль запрещаетъ даже говорить, сказавъ: *бываемая отай отъ нихъ, срамно есть и глаголати* (Ефес. 5, 12). Ибо кто подробно опишетъ огонь, камни, убійства, раны? Кто изобразитъ усилія, съ какими старались искоренять служителей святыхъ домовъ? Кто опишетъ, какъ среди города до смерти били палками одного ревнителя истины, и только предполагаемое совершеніе убійства остановило дѣйствительное убійство?

Но не знаю, какъ слово мое, замедливъ при земныхъ повѣствованіяхъ, удалилось отъ приличнаго обстоятельству наслажденія. Посему и должны мы возвратиться къ тому же, съ чего начали, чтобъ осоловившійся слухъ омыть сладкимъ, удобопіемымъ словомъ. Ибо сказано: въ дни веселія *забвеніе злыхъ* (Сир. 11, 25). Итакъ опять возвращаюсь къ тому же слову. Исчезла сія ночь и мгла; при чистомъ благоведрїи лучи мира озаряютъ свѣтомъ истины. А потому изъ оградъ Божїихъ изринута все зловонное и мерзкое; на мѣсто же сего въ дома благочестивыхъ введено всякое веселіе. И для веселія ни въ чемъ нѣтъ недостатка, ни въ пирующихъ, ни въ предлагающихъ пиршество; трапеза наполнена добрыми яствами.

Слово 36, о себѣ самомъ и къ говорившимъ, что св. Григорій желаетъ константинопольскаго престола.

Дивлюсь! что располагаетъ васъ столько къ словамъ моимъ? отчего беретъ надъ вами такую силу моя рѣчь, рѣчь чужеземца, можетъ быть слабая и не имѣющая никакой привлекательности? Даже кажется, что у васъ такое же ко мнѣ влеченіе, какое у желѣза къ магниту; потому что вы держитесь на мнѣ, емлясь и каждый взаимно другъ за друга, и всё за Бога, изъ Котораго и въ Которомъ *всяческая* (Рим. 11, 36). Подлинно, это чудная цѣпь, и ее соплетаютъ Духъ Святой, связуя неразрывнымъ узами!

А если спросите о причинѣ; то, сколько сознаю самъ себя, не вижу въ себѣ преимущественной предъ другими мудрости; развѣ иной приметъ за мудрость то самое, что признаю себя и не мудрымъ, и не близкимъ къ истинной и первоначальной Мудрости; какъ думать о себѣ весьма нужно нынѣшнимъ мудрецамъ, потому что всего легче обманывать самого себя, и надмеаясь пустою славой, почитать себя чѣмъ-то, будучи ничѣмъ. Не я первый проповѣдалъ вамъ ученіе Православія, за которое вы всего крѣпче держитесь. Я шелъ по чужимъ слѣдамъ, и (сказать правду) по слѣдамъ вашимъ. Ибо вы ученики знаменитаго Александра, великаго поборника и проповѣдника Троицы, который и словомъ и дѣломъ искоренялъ нечестіе, и помните ту апостольскую молитву, которая начальника нечестія¹⁾ поразила въ мѣстѣ достойномъ нечистаго сего языка, чтобы за поруганіе наказанъ онъ былъ поруганіемъ, и за неправедную смерть обольщенныхъ имъ душъ опозоренъ былъ праведно постигнушею смертію. Итакъ мы не новый отверзли вамъ источникъ, подобный тому, какой показалъ Моисей въ безводномъ мѣстѣ спасаемымъ изъ Египта (Исх. 17, 6), но раскрыли закрытый и засыпанный землею, подражая рабамъ Исаака великаго, которые не только искапывали новые кладязи *воды живы*, но и очищали загражденные Филистимлянами (Быт. 26, 16).

Съ другой стороны, я не изъ числа краснослововъ, не имѣю пріятности въ обхожденіи, не умѣю похищать благосклонность ласкательствомъ, къ чему способныхъ много вижу между вызывающимися нынѣ священствовать. Эти люди и наше благо-

¹⁾ Авія.

честіе, которое просто и чуждо искусственности, обратили въ искусственное и въ какой-то новый родъ управленія, перенесенный съ торжищъ во святилище и съ зрѣлищъ въ недоступное взорамъ многихъ тайноводство; такъ что у насъ (если должно выразиться смѣлѣе) два позорища, и между ними то единственно различіе, что одно открыто для всѣхъ, а другое для нѣкоторыхъ: на одномъ возбуждается смѣхъ, на другомъ уваженіе; одно называется зрѣлищнымъ, а другое духовнымъ. *Вы свидѣтели и Богъ*, говоритъ божественный Апостоль (1 Сол. 2, 10), что мы не принадлежимъ къ сей части; напротивъ того таковы, что скорѣе можно обвинить насъ въ грубости и незнаніи свѣтскихъ приличій, нежели въ ласкательствѣ и раболѣпствѣ; даже и къ тѣмъ, которые весьма къ намъ привержены, оказываемся иногда суровыми, какъ скоро они поступаютъ въ чемъ-нибудь, по нашему мнѣнію, незаконно. И сіе доказало недавнее со мною событіе, когда вы, народъ, кипя ревностію и гнѣвомъ, несмотря на мой вопль и слезы, возвели меня на сей престоль, который не знаю какъ и назвать, мучительскимъ, или первосвятительскимъ,—возвели, изъ любви нарушивъ законъ. При семъ случаѣ столько огорчилъ я нѣкоторыхъ изъ самыхъ ревностныхъ, что они оставили меня, и любовь перемѣнили во вражду. Ибо менѣе смотрю на то, чѣмъ можно угодить, нежели на то, чѣмъ можно доставить пользу.

Посему какая же причина такой любви ко мнѣ и къ моимъ словамъ? Хотите ли сами открыть и объяснить ее, сдѣлать извѣстною вашу ко мнѣ любовь, или угодно вамъ, чтобъ изложилъ сіе я, котораго и въ другихъ случаяхъ охотно приѣмлете истолкователемъ? Сколько заключаю по вашему молчанію, вы мнѣ предоставляете слово. Итакъ слушайте и смотрите, худой ли я угадчикъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ, мнѣ представляется, что, такъ какъ вы сами призвали меня, то и поддерживаете собственнымъ судомъ, а потому и бережете меня, какъ свою добычу. И это точно въ природѣ нашей, чтобы любить все собственное, имѣніе ли то, или порожденіе, или слово, и чтобы питать искреннее благорасположеніе къ своимъ произведеніямъ. Во-вторыхъ, особенно уважаете во мнѣ то, что я не дерзокъ, не наглъ, не держу себя по зрѣлищному и напыщенно, но уступчивъ, скромнъ, даже въ обществѣ какъ бы ни съ кѣмъ не имѣю общенія, и живу отшельникомъ, короче же сказать: веду себя любомудренно; и любомудріе мое не искусственно и ловко выисканное, но просто и духовно содер-

жимое. Ибо не для того укрываюсь, чтобы искали меня, и чтобы почли достойнымъ большей чести, съ какою мыслию иные открываютъ не надолго красоты и потомъ прячуть, но чтобы своимъ безмолвіемъ доказать, сколько убѣгаю предсѣдательства и не домогаюсь такихъ почестей. Въ-третьихъ, вы видите, сколько терплю я отъ внѣшнихъ враговъ и домашнихъ навѣтовъ, когда, скажу съ Даніиломъ, *изыде беззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ, иже мняхуся* судити Израиля (Дан. 13, 41). Вы жалуетесь и негодуете на сіе, не можете ничѣмъ помочь утѣсненному, и вмѣсто всего приносите мнѣ въ даръ одно сожалѣніе. А жалость въ соединеніи съ стыдомъ произвела любовь. Вотъ тайна вашего ко мнѣ уваженія! А поелику нападаютъ на меня за мои слова, за этотъ обильный и тѣмъ возбуждающій зависть языкъ, который сперва обучили мы свѣтской словесности, а потомъ облагородили Божиимъ словомъ, и горькую неудобопіемую Мерру усладили древомъ жизни (Исх. 15, 25): то вы дали въ себѣ мѣсто чувствованіямъ, достойнымъ людей благородныхъ, и любите во мнѣ то самое, за что подвергаюсь нападеніямъ.

Почему же не возлюбилъ я учености безгласной, сухой и пресмыкающейся по землѣ? Почему, видя многихъ довольствующихся и такую ученостію, я посвятилъ себя любомудрію чуждому и иноземному, обратился къ реченіямъ прекословнымъ, когда надлежало смѣло бѣжать отъ всякихъ разсужденій, и вѣрою назвать такое отреченіе отъ разума, которое бы (увѣряю въ этомъ) и я самъ возлюбилъ, будучи рыбаремъ (что также для многихъ составляетъ готовый предлогъ къ извиненію невѣжества), если бы моимъ словамъ была сила чудотвореній? О, когда бы истребилась между людьми зависть, эта язва для одержимыхъ ею, этотъ ядъ для страждущихъ отъ нея, эта она изъ самыхъ несправедливыхъ и вмѣстѣ справедливыхъ страстей,—страсть несправедливая, потому что возмущаетъ покой всѣхъ добрыхъ, и справедливая, потому что сущитъ питающихъ ее! Ибо не буду желать зла тѣмъ, которые въ началѣ хвалили меня. Они не знали, какой будетъ конецъ сихъ похвалъ; иначе, можетъ быть, присоединили бы къ похваламъ и порицанія, чтобы поставить преграду зависти.

Зависть омрачила и Денницу, падшаго отъ превозношенія. Будучи божественъ, онъ не утерпѣлъ, чтобы не признать себя богомъ, и изринулъ изъ рая Адама, овладѣвъ имъ посредствомъ сластолюбія и жены (Быть 3, 23): ибо увѣрилъ его, что древо познанія запрещено ему на время изъ зависти, чтобы не сталъ

онъ богомъ. Зависть сдѣлала братоубійцею и Каина, который не стерпѣлъ того, что другая жертва была святѣе его жертвы. Зависть и злочестивый міръ покрыла водами, и Содомлянъ потопила огнемъ. Зависть поглотила землю Даваана и Авирона, возмущившихся противъ Моисея (Числ. 16, 32), и поразила проказою Маріамъ, возроптавшую только на брата (Числ. 12, 10). Зависть обогрела землю кровью Пророковъ, и чрезъ женъ поколебала премудраго Соломона. Зависть и изъ Иуды содѣлала предателя, обольстившаго немногимъ числомъ сребренниковъ и заслужившаго удѣленіе; она произвела и Ирода—дѣтоубійцу и Пилата—Христоубійцу. Зависть истнила и разсѣяла Израиля, который и доннѣ не возсталъ отъ грѣха сего. Зависть возставила намъ и сего богоотступнаго мучителя¹⁾, отъ котораго теперь еще остаются угли, хотя избѣгли мы пламени. Зависть разсѣкло и прекрасное тѣло Церкви, раздѣливъ на разныя и противоборствующія скопища. Зависть возставила у насъ и Героваама—этого служителя грѣху²⁾, и налагаетъ узы на языкъ. Онъ не терпитъ возсіявающей Троицы, Которая озаряетъ насъ всецѣлымъ Божествомъ, и истинныхъ Своихъ проповѣдниковъ дѣлаетъ для васъ досточестными.

Не представляется ли вамъ, что я пустословлю, предлагая свои гаданія? Или живописующее слово весьма вѣрно изобразило причины любви? Что касается до сея любви, я такъ разумѣю дѣло. Но воелику вижу, что нѣкоторые огорчаются оскорбленіями, и мое несчастіе почитаютъ собственнымъ несчастіемъ; то полюбомудруемъ кратко и о семъ.

Если бы для какихъ-нибудь человѣческихъ и ничтожныхъ замысловъ, или для полученія сея каеэдры, и въ началѣ предсталъ я къ вамъ съ этою сѣдиною и съ этими членами, согбенными отъ времени и болѣзни, и теперь бы переносилъ столько безчестій: то мнѣ было бы стыдно неба и земли (которыми обыкли свидѣтельствоваться древніе); стыдно было бы сей каеэдры, сего священнаго собранія, сего святаго и недавно совокупленнаго народа, противъ котораго такое ополченіе лукавыхъ силъ, чтобы онъ, начавшій уже образоваться по Христѣ, разрушенъ былъ до своего составленія и умерщвленъ до рожденія. Мнѣ стыдно было бы моихъ подвиговъ и трудовъ, и этой власяной одежды, и пустыни, и уединенія, съ которымъ я свылся, и беззаботной

¹⁾ Юліана.

²⁾ По замѣчанію Или, Максима, циническаго философа.

жизни, и малоцѣнной трапезы, которая немного развѣ дороже была трапезы птицъ небесныхъ. Но пусть иные скажутъ обо мнѣ правду, будто бы пожелалъ я чужой жены ¹⁾, тогда какъ не захотѣлъ имѣть своей! Пусть возьмутъ предо мною преимущество и *Гаваониты*, которыхъ (сколько знаю) не приметъ Духъ Святыи въ *древостычи* и *водоносцы* (Ис. Нав. 9, 27), пока будутъ приступать къ святилищу съ такими пятнами въ жизни и ученіи! Но если пришелъ я сюда защитить ученіе, оказать посильную помощь Церкви доселѣ вдовствующей и безмужной, быть какъ бы намѣстникомъ и попечителемъ, чтобъ увѣдѣть ее другому, какъ скоро окажется кто достойнымъ сея красоты, и принести этой царицѣ богатѣйшее вино добродѣтели; въ такомъ случаѣ чего я достоинъ, похвалы ли за усердіе, или упрековъ по одному подозрѣнію, потому что меня судятъ, соображаясь съ страстями другихъ? Поэтому, если застигнута бурей кораблю, или осажденному городу, или пожираемому пламенемъ дому, подаемъ помощь, спѣша на лодкахъ, или съ воинствомъ, или съ огнегасительными снарядами; ты, добрѣйшій, безъ сомнѣнія назовешь насъ или морскими разбойниками, или желающими овладѣть городомъ и домомъ, а не помощниками и защитниками.

Но скажешь: не такъ думаютъ о тебѣ многіе. Какая нужда въ семъ мнѣ, для котораго быть, а не казаться, дороже всего, лучше же сказать, составляетъ все? То, что я самъ въ себѣ таковъ, или осудить меня, или оправдаетъ, сдѣлаетъ несчастнымъ, или блаженнымъ; а то, какимъ я кажусь, ничего для меня не значить, равно какъ и чужое сновидѣніе! Ты говоришь, любезный: не такимъ представляешься для многихъ. Но земля представляется ли неподвижною тѣмъ, у которыхъ кружится голова? Пьянымъ кажется ли, что трезвые трезвы, а не на головѣ ходятъ и не вертятся? Не думаютъ ли иногда больные и потерявшіе вкусъ, что и медъ горекъ? Но не таковы вещи сами по себѣ, хотя и такими кажутся для страждущихъ. Посему докажи сперва, что такъ думаютъ о насъ люди, находящіеся въ здоровомъ состояніи; и потомъ совѣтуй намъ перемѣниться, или осуждай, если не слушаемся, но остаемся при своемъ сужденіи. Не такимъ кажусь для многихъ, но такимъ кажусь для Бога; и не кажусь, но весь открытъ предъ Тѣмъ, Который все знаетъ до рожденія людей, *создалъ наединѣ сердца наша, разумѣваетъ на вся дѣла* (Пс. 32,

¹⁾ То-есть престола Константинопольской Церкви, оставивъ Церковь Сасимскую.

15), движенія и помышленія наши, и на совершаемое по онѣмъ; отъ Котораго ничто существующее не сокрыто и скраться не можетъ; Который иначе смотритъ на наше дѣло, нежели какъ смотрятъ люди. *Яко человекъ на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. 16, 7). Такъ, слышишь, говоритъ Писаніе, и вѣруй. И имѣющему умъ должно помышлять болѣе о Богѣ, нежели о совокупномъ мнѣніи всѣхъ прочихъ? Если и изъ людей имѣешь двоихъ совѣтниковъ въ одномъ дѣлѣ, и одинъ смышленнѣе, а другой малознающъ; то окажешь ли благоразуміе, если, оставивъ болѣе смышленнаго, послѣдуешь совѣту малознающаго? И Роваамъ не похваленъ за то, что, презрѣвъ *совѣтъ старѣйшинъ*, исполнилъ мнѣніе юныхъ (3 Цар. 12, 13. 14). Сравнивая же Бога съ людьми, ужели предпочтешь мнѣнія человѣческія? Конечно, нѣтъ, если послушаешь меня, и самъ разсудишь внимательнѣе.

Но мы стыдимся, скажешь, сдѣланныхъ тебѣ оскорбленій. А мнѣ стыдно за васъ, что стыдитесь сего. Если терпимъ сіе справедливо, то намъ самимъ болѣе стыдиться должно, и стыдиться не столько потому, что насъ безчестятъ, сколько потому, что достойны мы безчестія. Если же терпимъ несправедливо; то виновны въ семъ оскорбляющіе насъ, и потому о нихъ должно болѣе скорбѣть, нежели о насъ; ибо они терпятъ зло. Если я хуль, а ты считаешь меня добрымъ; что мнѣ послѣ сего дѣлать? Сдѣлаться ли еще хуже, чтобы больше угодить тебѣ? Я не пожелалъ бы себѣ этого. Равнымъ образомъ, если стою прямо, а тебѣ кажется, что падаю; ужели мнѣ для тебя оставить прямое положеніе? Я живу не больше для тебя, чѣмъ и для себя, и во всемъ имѣю совѣтниками разумъ и Божіи оправданія, которыя часто обличаютъ меня, хотя и никто не обвиняетъ, а иногда оправдываютъ, хотя многіе осуждаютъ. И невозможно убѣжать отъ сего одного—отъ внутренняго въ насъ самихъ судилища, на которое одно взирая, можно идти прямымъ путемъ. А что до мнѣнія другихъ; если оно за насъ (скажу нѣсколько и по-человѣчески), примемъ его; если же противъ насъ, дадимъ ему дорогу, и изъ того, что мы дѣйствительно, ничего не убавимъ для того, чтобы сдѣлать нѣчто на показъ.

Такъ и должно быть. Кто упражняется въ добрѣ изъ какихъ-нибудь видовъ, тотъ не твердъ въ добродѣтели: ибо цѣль минуется, и онъ оставитъ доброе дѣло, подобно какъ плывущій для прибыли не продолжаетъ плаванія, если не видитъ прибыли. Но кто чтитъ и любить добро ради самого добра, тотъ, поелику любить нѣчто постоянное, и расположеніе къ добру имѣетъ

постоянное, такъ что, ощущая въ себѣ нѣчто свойственное Богу, можете сказать о себѣ сказанное самимъ Богомъ: я одинъ и тотъ же, и не измѣняюся (Мал. 3, 6). А потому онъ не будетъ превращаться, принимать разные виды, соображаться съ обстоятельствами и дѣлами, дѣлаться то тѣмъ, то инымъ, мѣнять разные цвѣта, подобно какъ полипь принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому онъ присталъ; но всегда пребываетъ одинъ и тотъ же—непоколебимъ среди колебаній, несвратимъ среди превратностей, и, какъ представляю себѣ, это скала, которая, при ударахъ вѣтровъ и волнъ, стоитъ незыблемо, и сокрушаетъ приражающееся къ ней. Но о семъ довольно; ибо не имѣю времени препираться на словахъ, и доселѣ сказанное, можетъ быть, превышаетъ уже мѣру.

Теперь къ вамъ у меня слово, паства моя! Вы стали для меня, говорить Павелъ, *слава, и радость, и вѣнецъ похваленія* (1 Сол. 2, 19, 20). Вы оправданіе мое предъ истязующими меня. Какъ зодчимъ и живописцамъ, когда требуютъ у нихъ отчета, довольно указать на свои постройки и картины, чтобы освободиться отъ всякихъ хлопотъ; потому что дѣло говоритъ сильнѣе слова: такъ и я, указавъ на васъ, отражу всѣ злословія. Чѣмъ же отражу? Во-первыхъ, тѣмъ, если вы сохраняете неуклонное и твердое исповѣданіе Отца, Сына и Св. Духа, ничего не прибавляя, не убавляя и не умаляя въ единомъ Божествѣ (потому что уничиженное въ Немъ дѣлается уничиженіемъ цѣлаго); а тѣхъ, которые иначе мыслятъ и говорятъ, уничтожаютъ или разграничиваютъ Единое предположеніемъ постепенности естества, гоните отъ себя какъ язву для Церкви и ядъ для истины, впрочемъ безъ ненависти, а только сожалѣя объ ихъ паденіи. Во-вторыхъ, тѣмъ, если представите жизнь сообразную съ правымъ ученіемъ, такъ что и въ добродѣтели окажетесь обоюдесноручными, но и въ другомъ не будете имѣть недостатка.

Цари! уважьте свою порфиру (ибо наше слово даетъ законы и законодателямъ), познайте, сколь важно ввѣренное вамъ и сколь великое въ разсужденіи васъ совершается таинство. Цѣлый міръ подъ вашею рукою, сдерживаемый небольшимъ вѣнцемъ и короткою мантиею. Горнее принадлежитъ единому Богу, а дальнее и вамъ; будьте (скажу смѣлое слово) богами для своихъ подданныхъ. Сказано (и мы вѣруемъ), что *сердце Царевы въ руцѣ Божіей* (Притч. 21, 1). Въ семъ должна состоять сила ваша, а не въ золотѣ, и не въ цолчищахъ.

Приближенные къ царскимъ дворамъ и престоломъ! не очень

превозносите своею властію, и не почитайте безсмертнымъ того, что не безсмертно. Будьте вѣрны Царямъ, первоначально же Богу, а ради Его и тѣмъ, которымъ вы вручены и преданы. Гордящіеся благородствомъ! облагороживайте нравы, или скажу вѣчто, хотя непріятное, однако же благородное: тогда ваше благородство было бы подлинно самое благородное, когда бы въ родословныхъ книгахъ не писались и неблагородные люди. Мудрецы и любомудрцы, почтенные по бородѣ и плащу, софисты и грамматикки, искатели народныхъ рукоплесканій! не знаю, за что называть мудрыми не содержащихъ перваго ученія Богатые! послушайте сказавшаго: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11); знайте, что полагаетесь на вещь не прочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Можетъ быть отнимешь что-нибудь и у врага тѣмъ, что къ нему перейдетъ твое имущество. Питающіеся роскошно! отнимите что-нибудь у чрева, и дайте духу. Нищій близъ тебя; окажи помощь отъ болѣзни, излей на него что-нибудь отъ избытковъ. Для чего и тебѣ страдать невареніемъ пищи, и ему голодомъ; тебѣ головою болью отъ вина, и ему водяною болѣзнію; тебѣ чувствовать обремененіе отъ пресыщенія, и ему изнемогать отъ недуга? Не презирай своего *Лазаря* здѣсь, чтобы онъ не сдѣлалъ тебя тамошнимъ *богачемъ* (Лук. 16, 19—31).

Граждане великаго града, непосредственно первые послѣ гражданъ перваго въ мірѣ города, или даже не уступающіе имъ! окажитесь первыми не въ порокахъ, но въ добродѣтели, не въ распутствѣ, но въ благочиніи. Стыдно господствовать надъ городами, и уступать надъ собою побѣду сладострастію; или въ иномъ соблюдать цѣломудріе, а къ конскимъ ристалищамъ, зрѣлищамъ, поприщу и псовой охотѣ имѣть такую бѣшеную страсть, что въ этомъ одномъ поставляютъ всю жизнь, и первому изъ родовъ, которому всего приличнѣе было бы служить для другихъ примѣромъ всего добраго, стать городомъ играющихъ. О, если бы вы отринули сіе, содѣлались Божиимъ градомъ, живо написанными на рукахъ Господнихъ, и свѣтлые свѣтло предстали вмѣстѣ съ нами Великому Градоизжителю! Сіе въ заключеніе благовѣствую вамъ о самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава, честь, держава во вѣки. Аминь.

Слово 37, на евангельскія слова: „Егда сконча Иисусъ словеса сія“, и проч. (Матѣ. 19, 1).

Иисусъ, избравъ сперва рыбарей, Самъ потомъ отвергаетъ мрежи, и перемѣняетъ мѣста одно за другимъ. Для чего же? Не для того только, чтобы Своимъ пришествіемъ больше приобрѣтать боголюбцевъ, но, какъ думаю, и для того, чтобы освятить большее число мѣстъ. Онъ дѣлается для Іудеевъ Іудеемъ, чтобы приобрести Іудеевъ, для подзаконныхъ подзаконнымъ, чтобы искупить подзаконныхъ, для немощныхъ немощнымъ, чтобы спасти немощныхъ. Онъ дѣлается всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ приобрести. Но что говорю: всѣмъ для всѣхъ? Чего Павелъ не захотѣлъ о себѣ сказать, то, какъ нахожу, понесъ на Себѣ Спаситель. Ибо Онъ не только дѣлается Іудеемъ, не только принимаетъ на Себя всякія неприличныя Ему и унижительныя наименованія, но, что всего неприличнѣе, называется даже грѣхомъ (2 Кор. 5, 21) и клятвою (Гал. 3, 13). Хотя не таковъ Онъ на самомъ дѣлѣ; однако же именуется. Ибо какъ быть грѣхомъ Тому, Кто освобождаетъ и насъ отъ грѣха? Какъ быть клятвою Тому, Кто искупаетъ и насъ отъ проклятія Закона? Но Онъ именуется такъ, чтобы и до сей степени показать Свое смиреніе, а тѣмъ насъ научить смиренію, которое ведетъ на высоту. Итакъ, Онъ дѣлается, какъ сказалъ я, рыбаремъ, ко всѣмъ снисходить, закидываетъ сѣти, все терпитъ, чтобы только извлечь изъ глубины рыбу, то-есть человѣка, плавающего въ непостоянныхъ и соленыхъ волнахъ жизни.

Для сего и теперь сконча словеса сія, *прейде изъ Галилеи и прииде въ предѣлы Іудейскіе обѣ онъ-полѣ Иордана* (ст. 1). Приходить въ Галилею,—и сіе во благо, чтобы *людіе, сидящіе во тмѣ, увидѣли свѣтъ велий* (Матѣ. 4, 16). Переходитъ въ Іудею, чтобы убѣдились возстать отъ буквы и послѣдовать духу. То учитъ на горѣ, то бесѣдуетъ на равнинахъ, то сходитъ въ корабль, то запрещаетъ бурямъ; иногда и сонъ вкушаетъ, чтобы и сонъ благословить; иногда утруждается, чтобы и трудъ освятить; иногда и плачетъ, чтобы и слезы сдѣлать похвальными. Переходитъ съ мѣста на мѣсто Невмѣщаемый никакимъ мѣстомъ, Безлѣтный, Безтѣлесный, Необъемлемый, Который одинъ и тотъ же и былъ и начинаетъ бытіе, былъ превыше времени, и приходитъ подчиняясь времени, былъ невидимъ, и дѣлается видимымъ. *Въ началѣ бж, у Бога бж, и Богъ бж; третій бж, самымъ числомъ*

подтверждаемое, Тотъ, Который *бъ*, истощилъ, а то, чѣмъ *не* *бъ*, воспринялъ, не составивъ чрезъ сіе двоихъ, но благоволивъ изъ двухъ содѣлаться Единымъ; потому что Богъ есть то и другое, и принявшее и принятое, два естества, во едино стекшіяся, но не два Сына (да не безчестится ложнымъ толкованіемъ сіе сраствореніе!). Таковъ и толикъ Онъ!—Но что со мною? опять выпадаю до реченій человѣческихъ. Ибо какъ можно назвать простое таковымъ? и не количественнымъ толикимъ? Но простите слову—орудію малому; я говорю о Высочайшемъ! Великій и Долготерпѣливый—Естество неопишное и безтѣлесное, потерпѣть и то, что говоримъ о Немъ, какъ о тѣлѣ, и употребляемъ реченія, далеко не соотвѣтствующія истинѣ. Ибо, если Онъ принялъ плоть, то не погнушается и подобнымъ словомъ.

И по Немъ идоша народи мнози, и исцѣли ихъ ту (ст. 2), гдѣ была обширная пустыня. Если бы Онъ пребылъ на своей высотѣ, если бы не снишелъ къ немощи, если бы остался тѣмъ, чѣмъ былъ, соблюдая Себя неприступнымъ и непостижимымъ; то, можетъ быть, немногіе бы послѣдовали за Нимъ, даже, не знаю, послѣдовали ли бы и немногіе; развѣ одинъ Моисей, и тотъ столько, чтобы едва увидѣть задняя Божія. Ибо, хотя и расторгъ Моисей облако, когда былъ въ тѣлесной тяжести, и привелъ въ бездѣйствіе чувства; но тонкость и безтѣлесность Божію (или, не знаю, какъ иначе назвалъ бы сіе другой) могъ ли видѣть онъ, все еще будучи тѣломъ и проникая чувственными очами?—Но поелику Богъ насъ ради истощается и нисходитъ (подъ истощаніемъ же разумѣю истощаніе, какъ бы ослабленіе и умаленіе славы): то и дѣлается чрезъ сіе постижимымъ. Извините меня, что опять останавливаюсь, и выпадаю въ человѣческую немощь. Исполняюсь гнѣвомъ и скорбію за моего Христа (раздѣлите и вы мои чувствованія!), когда вижу, что безчестятъ Христа моего за то самое, за что наиболѣе чтить Его требовала справедливость. Скажи мнѣ: потому ли Онъ вещественъ, что смирился ради тебя? потому ли Онъ—тварь, что печется о твари? Потому ли подъ временемъ, что посѣщаетъ находящихся подъ временемъ? Впрочемъ Онъ все терпѣть, все переносить. И что удивительнаго? Онъ понесъ заушенія, потерпѣлъ оплеванія, вкусилъ желчь за мое вкушеніе. Терпѣть и нынѣ побіеніе камнями не только отъ навѣтующихъ, но даже отъ насъ, которые почитаемъ себя благочестивыми. Ибо, разсуждая о безтѣлесномъ, употреблять наименованія свойственныя тѣлесному значитъ, можетъ-быть, то же, что клеветать; то же, что побивать камнями; но, повторяю, да будетъ

дано извиненіе нашей немощи! Мы не произвольно мечемъ камнями, но потому что не можемъ выразиться иначе; употребляемъ слова, какія имѣемъ. Ты именуешься Словомъ, и превыше слова; Ты превыше свѣта, и называешься свѣтомъ; именуешься огнемъ, не потому что подлежишь чувствамъ, но потому что очищаешь легкое и негодное вещество! Называешься мечемъ, потому что отсѣкаешь худое отъ добраго;—лопатою, потому что очищаешь гумно, и, отбрасывая все пустое и легкое, одно полнобѣсное влагаешь въ горнія житницы;—сѣкирою, потому что, по многомъ долготерпѣннїи, псѣкаешь бесплодную смоковницу, потому что истребляешь самые корни зла;—дверью, по причинѣ ввожденїя;—путемъ, потому что мы шествуемъ прямо;—агнцемъ, потому что Ты жертва; — Первосвященникомъ, потому что приносишь въ жертву тѣло; Сыномъ, потому что Ты отъ Отца! Опять привожу въ движеніе языки злорѣчивые; опять неистовствуютъ нѣкоторые противъ Христа, или, лучше сказать, противъ меня, который удостоенъ быть проповѣдникомъ Слова; дѣлаюсь, какъ Іоаннъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ—въ пустынѣ нѣкогда безводной, но нынѣ весьма населенной. Впрочемъ, какъ сказалъ я (возвращаясь къ моему слову); *по Немъ идоша народи мнози*; потому что Онъ снисходитъ къ нашимъ немощамъ. Что же потомъ? Сказано:

И приступиша къ Нему Фарисее, искушающе Его, и глаголаша; аще достоинъ человекъ по всякой винѣ пустити жену свою (ст. 3)? Опять Фарисеи искушаютъ, опять читающіе Законъ не понимаютъ закона; опять толкователи Закона имѣютъ нужду въ новыхъ наставникахъ! Не довольно было Саддукеевъ, искушающихъ о воскресенїи, законниковъ вопрошающихъ о совершенствѣ, Иродіанъ—о кинсонѣ, и другихъ—о власти: нѣкто еще и о бракѣ спрашиваетъ Неискушаемаго, спрашиваетъ Того, Кто Самъ Творецъ супружества, Кто отъ первой Причины создалъ весь сей родъ человѣческій.

Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: нѣсте ли чли, яко Сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть (ст. 4)? Онъ зналъ, какіе вопросы рѣшать, и при какихъ заграждать уста вопрошающихъ. Когда спрашиваютъ Его: *когою областію сія творили* (Лук. 20, 2); тогда, по причинѣ крайняго невѣжества вопрошавшихъ, Самъ вопрошаетъ: *крещеніе Іоанново съ небесе ли бѣ, или отъ человекъ* (4)? И обоюдную невозможностію дать отвѣтъ связываетъ вопрошающихъ. Посему и мы, подражая Христу, можемъ иногда заграждать уста любопытнымъ совопросникамъ, и ихъ неумѣстные вопросы рѣшать вопросами же, еще бо-

дѣе неумѣстными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться дѣлами неразумія). Но когда Христосъ видитъ, что вопросъ требуетъ разсужденія; тогда вопрошающихъ не неудостоиваетъ мудрыхъ отвѣтовъ. Онъ говоритъ: вопросъ, предложенный тобою, показываетъ въ тебѣ уваженіе къ цѣломудрію, и требуетъ снисходительнаго отвѣта. А касательно цѣломудрія, какъ вижу, многіе имѣютъ неправильное понятіе, да и законъ у нихъ не равенъ и не правиленъ. Ибо почему законъ обуздаль женскій полъ, а мужескому далъ свободу, и жена, злоумыслившая противъ ложа мужняго, прелюбодѣйствуетъ, и подвергается за то строгому преслѣдованію законовъ, а мужъ, прелюбодѣйствующій съ женою, не подлежитъ отвѣтственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями; потому и законъ обращенъ противъ женъ; потому и дѣтей отдали подъ власть отцевъ, а слабѣйшій полъ оставленъ въ пренебреженіи. Напротивъ того, Богъ устезивалъ не такъ; но: *чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 12),—вотъ первая заповѣдь, соединенная съ обѣтованіями: *да благо ти будетъ, и: иже злословитъ отца или мать, смертію да умретъ* (Исх. 21, 16). Видишь, равно и доброе почтительно, и злое наказалъ. Еще: *благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ, клятва же матерняя искореняетъ до основанія* (Сир. 3, 9). Видите, какъ равно законодательство. Одинъ Творецъ мужа и жены, одна персть—оба они—одинъ образъ; одинъ для нихъ законъ, одна смерть, одно воскресеніе; одинаково раждаемся отъ мужа и жены; одинъ долгъ обязаны воздавать дѣти родителямъ. Какъ же ты требуешь цѣломудрія, а самъ не соблюдаешь? взыскиваешь, чего не далъ? Почему, будучи самъ плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Если ты обращаешь вниманіе на худшее: то жена согрѣшила, согрѣшилъ и Адамъ; змій прельстилъ обоихъ; не оказался одинъ слабѣе, а другой крѣпче. Но возми во вниманіе лучшее. Обоихъ спасаетъ Христосъ страданіями. За мужа сталъ Онъ плотію, но также и за жену. За мужа умеръ и жена смертію спасается. Христосъ *отъ стѣмни Давидова* именуется (чѣмъ, можетъ-быть думаешь, почтенъ мужъ), но и отъ Дѣвы раждается,—это уже честь женамъ!

И будета оба, сказано, въ плоть едину (5); а единая плоть да имѣетъ и одинаковую честь. Павелъ же внушаетъ цѣломудріе и примѣромъ. Какимъ примѣромъ, и какъ? *Тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и Церковь* (Еф. 5, 32). Хорошо женѣ—почитать Христа въ лицѣ мужа; хорошо и мужу—не без-

честить Церковь въ лицѣ жены. *Жена*, говоритъ онъ, *да боится своего мужа*, потому что боится и Христа; но и *мужъ да любитъ вою жену*, потому что и Христось любитъ Церковь. Вникнемъ въ слова сии съ большимъ тщаніемъ. *Мельзи млеко, и будетъ масло* (Притч. 30, 33); изслѣдуй, и можеть-быть найдешь въ нихъ нѣчто болѣе питательное. Миѣ кажется, что здѣсь слово Божіе не одобряетъ двоеженства; ибо если два Христа, то два и мужа, двѣ и жены; а если одинъ Христось, одна глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да будетъ отринута. А если удерживаетъ отъ второго брака; то что сказать о третьемъ? Первый есть законъ, второй—снисхожденіе, третій—беззаконіе. А кто преступаетъ и сей предѣлъ, тотъ подобенъ свинѣ, и немного имѣетъ примѣровъ такого срама. Хотя Законъ даетъ разводъ по всякой винѣ; но Христось—не по всякой винѣ, а позволяетъ только разлучаться съ прелюбодѣйцею, все же прочее повелѣваетъ переносить любомудренно, и прелюбодѣйцу отлучаетъ потому, что она повреждаетъ родъ. Касательно жѣ всего прочаго будемъ терпѣливы и любомудренны, или, лучше сказать, будьте терпѣливы и любомудренны—вы, пріавшіе на себя иго брака. Видишь ли, что жена прикрасилась или подкрасилась,—сотри; или у нея языкъ продерзливый,—уцѣломудрь; или смѣхъ неблагопристойный,—сдѣлай скромнымъ; или замѣчаешь неумѣренность въ издержкахъ и въ пигги—ограничь; или неблаговременные выходы изъ дома,—положи преграду; или разсѣянный взоръ,—исправь; но не отсѣкай, не отлучай отъ себя поспѣшно; ибо неизвѣстно, кто подвергается опасности, отлучающій или отлучаемый. *Источникъ воды*, сказано, *да будетъ тебѣ твой, и да никтоже чуждъ причастится тебѣ; жребя твоихъ благодатей и елень любви да бесѣдуетъ тебѣ* (Притч. 5, 17—19). Итакъ не будь рѣкой чуждой, и не старайся нравиться другимъ болѣе, нежели женѣ своей. А если стремишься инуду, то и члену своему поставляешь въ законъ безстыдство. Такъ учитъ Спаситель. Что же Фарисей? Жестоко имъ кажется слово; такъ какъ и все доброе не нравилось, и не нравится, и тогдашнимъ и нынѣшнимъ Фарисеямъ. Ибо Фарисеемъ дѣлаетъ не происхожденіе только, но и образъ жизни; такъ Ассиріяниномъ и Египтяниномъ почитаю всякаго, кто произволеніемъ своимъ ставитъ себя съ ними въ одинъ рядъ. Что же Фарисей? Говорятъ:

Аще тако есть вина чловѣку съ женою, лучше есть не женитися (ст. 10). Теперь только узнаешь ты, Фарисей, что *лучше есть не женитися*? А прежде не зналъ, когда видѣлъ

вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплесканія смѣняемая плачемъ, и гробы подлѣ брачныхъ чертоговъ, и безчадіе, и несчастія отъ дѣтей, и неразрѣшившееся рожденіе, и дѣтей, лишающихся матери при самомъ рожденіи, наконецъ все, что бываетъ при семъ и смѣшнаго и горестнаго; потому что можно здѣсь сказать и то и другое. *Лучше есть жениться*; и я на сіе согласенъ; ибо *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. 13, 4); но лучше для умѣренныхъ, а не для ненасытныхъ, не для тѣхъ, которые хотятъ оказывать плоти болѣе уваженія, чѣмъ должно. Когда бракъ есть собственно бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себѣ дѣтей: тогда бракъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу. Но когда онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладываетъ ее терніемъ, и дѣлается какъ бы путемъ къ пороку: тогда и я скажу: *лучше есть не жениться*. Бракъ—доброе дѣло; но не могу сказать, чтобы онъ былъ выше дѣвства. Ибо дѣвство не признавалось бы чѣмъ-то высокимъ, если бы не было изъ лучшаго лучшимъ. Да не огорчаются симъ носящіе узы брака! *Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человеку* (Дян. 5, 29).¹⁾ Напротивъ того, дѣввы и жены, соединитесь вмѣстѣ, составьте едино о Господѣ, и служите другъ другу украшеніемъ! Не было бы и безбрачныхъ, если бы не было брака; ибо откуда бы явился въ свѣтъ и дѣвственникъ? Не былъ бы бракъ честенъ, если бы Богу и жизни не плодприносилъ дѣвственниковъ. Почитай и ты¹⁾ мать свою, отъ которой происходишь; почитай и ты²⁾ происшедшую отъ матери и мать, хотя она и не мать, но невѣста Христова. Красота видимая не сокрыта; а незримая видима Богу; *вся слава дочери царицы внутрь: рясны златыми одѣяна, преиспещрена* (Пс. 44, 14), то есть и дѣлами, и созерцаніемъ. И вступившая въ бракъ да принадлежитъ Христу; и дѣва да будетъ всецѣло Христова! Одна да не прилѣпляется совершенно къ міру, другая да не будетъ вовсе отъ міра! Что замужней принадлежитъ частію, то дѣвѣ принадлежитъ всецѣло. Ты избрала жизнь ангельскую, стала въ чинѣ безбрачныхъ; не ниспадай же въ плотское, не ниспадай въ вещественное, не сочетайся съ веществомъ, тогда какъ ведешь жизнь безбрачную. Блудный взоръ не охранить дѣвства; блудный языкъ вступаетъ въ общеніе съ лукавымъ; ноги, идущія безчинно, обличаютъ болѣзнь, или приводятся въ движеніе болѣзненно. Да будетъ дѣв-

1) Дѣвственникъ.

2) Облазавшійся супружествомъ.

ственною и мысль; да не кружится, да не блуждаетъ, да не носить въ себѣ образъ того, что лукаво (такой образъ есть уже часть любодѣйства); да не созидаетъ въ душѣ ненавистныхъ кумировъ!

Онъ же рече имъ: не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть (ст. 11). Видите ли высоту сей добродѣтели? Она оказывается едва удобовмѣстимою. Да и не выше ли плоти—рожденному отъ плоти не раждать въ плоть? Не ангельское ли свойство—душѣ, связанной съ плотію, жить не по плоти, и быть выше самой природы? Плоть связала ее съ міромъ, а разумъ возвелъ къ Богу; плоть обременила, а разумъ окрылилъ; плоть заключила въ узы, а любовь разрѣшила ихъ. Всею душою стремись, дѣва, къ Богу! Одинъ и тотъ же законъ даю мужамъ и женамъ. Не представляй себѣ благомъ всего того, что кажется благомъ для многихъ,—ни рода, ни богатства, ни престола, ни господства, ни красоты, поставляемой въ добродѣтности и стройности членовъ—этого игралица времени и болѣзней! Если ты всю силу любви истощила предъ Богомъ, если не два у тебя предмета любви, то есть и скоропреходящее и постоянное, и видимое и невидимое; то уязвлена ли ты столько избранною стрѣлою, и познала ли красоту Жениха, чтобъ могла сказать словами брачнаго описанія и брачной пѣсни: Ты *сладость, и Весь желаніе* (Пѣсн. Пѣсн. 5, 16)? Видите въ свинцовыхъ трубахъ заключенные токи, какъ они, при сильномъ стѣсненіи и устремленіи къ одному мѣсту, до того часто отступаютъ отъ естественнаго свойства воды, что, давимые не престанно сзади, устремляются вверхъ: такъ и ты, если сосредоточишь любовь и всецѣло сопряжешься со Христомъ, то будешь стремиться горѣ, а не падать долу, и не разливаться. Ты вся пребудешь Христова, пока наконецъ увидишь и Самого Христа, жениха твоего. Храни себя неприступною и въ словѣ и въ дѣлѣ, и въ жизни, и въ помыслахъ и движеніяхъ сердечныхъ; ибо лукавый отвсюду пытается, и все высматриваетъ, гдѣ низложить, гдѣ уязвить тебя, если найдетъ что незащищеннымъ и открытымъ для удара. Чѣмъ болѣе видить въ тебѣ чистоты, тѣмъ паче усиливается осквернить; потому что пятна виднѣе на чистой одеждѣ. Да не привлекаютъ взоръ—взора, смѣхъ—смѣха, короткость обхожденія—ночныхъ сходбищъ, а ночь—погибели! Ибо понемногу отъемлемое и покищаемое, хотя въ настоящемъ производить ущербъ неощутительный, однако же въ послѣдствіи совершенно уничтожаетъ вещь.

Не вси, говоритъ, вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть. Когда слышишь: *имже дано*; не впадай отъ сего въ ересь, не

вводи различныхъ естествъ: земныхъ, духовныхъ и среднихъ; ибо нѣкоторые держатся превратныхъ мнѣній, и думаютъ, что одни по самой природѣ назначены къ совершенной гибели, а другіе—къ спасенію, иные же въ такомъ состояніи поставлены, что собственный произволь ведетъ ихъ къ худому или къ доброму. И я согласенъ, что одинъ, въ сравненіи съ другимъ, имѣетъ болѣе или менѣе способности; но одной способности не достаточно къ совершенству, и разумъ долженъ возбудить способность, чтобы природа пришла въ дѣятельность, подобно тому, какъ камень пирить, если ударяютъ въ него желѣзомъ, самъ дѣлается отъ того желѣзомъ. Когда слышишь: *имже дано есть*, присовокупляй: дано призываемымъ и имѣющимъ къ тому расположеніе; ибо когда слышимъ также: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16), совѣтую тебѣ подразумѣвать то же. Поелику есть люди такъ высоко думающіе о своихъ заслугахъ, что все приписываютъ себѣ самимъ, а не Тому, Кто ихъ сотворилъ и умудрилъ,—не Подателю благъ; то Слово Божіе учитъ таковыхъ, что нужна Божія помощь и для того, чтобы пожелать добра; тѣмъ паче самое избраніе должнаго есть нѣчто Божественное, даръ Божія человеколюбія. Ибо надобно, чтобы дѣло спасенія зависѣло какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога. Посему сказано: *ни хотящаго, то есть ни одного хотящаго, ни текущаго только, но и милующаго Бога*. Потомъ, поелику и самое хотѣніе отъ Бога, то справедливо Апостоль все приписалъ Богу. Течешь ли, подвизаешься ли; все имѣешь нужду въ Дающемъ вѣнецъ. *Аще не Господь созиждетъ домъ, все трудившаяся зиждующи* его: *и аще не Господь сохранитъ градъ, все одъ стрегущій* его (Пс. 126, 1). Знаю, говоритъ онъ, что не отъ легкихъ въ бѣгу зависить бѣгъ, не отъ сильныхъ—война, не отъ ратоборцевъ—побѣда, и пристань не во власти искусныхъ пловцевъ; но отъ Бога и побѣду устроить и ладію ввести въ пристань. И можетъ-быть то, что говорится и разумѣется въ другомъ мѣстѣ, и что пришло мнѣ на мысль по случаю сказаннаго, нужно присовокупить здѣсь, чтобы и съ вами подѣлиться моимъ богатствомъ. Просила мать сыновъ Заведеевыхъ, страдавшая чадолобіемъ, и не знавшая мѣры просимаго, однако же извиняемая избыткомъ любви и благожеланіемъ, какое должно имѣть къ дѣтямъ; потому что нѣтъ ничего сердобольнѣе матери; и я говорю сіе, чтобы поставить въ обязанность—почитать матерей,—итакъ, просила Іисуса мать сыновъ Заведеевыхъ, чтобы одному сѣсть по правую, а другому по лѣвую Его руку. Что же Спаситель? Сперва спрашиваетъ: могутъ ли пить чашу, которую Самъ Онъ имѣетъ пить? А

когда они сказали: можемъ, и Спаситель не воспротиворѣчилъ сему (ибо зналъ, что и ихъ та же чаша ведетъ, или, лучше сказать, приведетъ къ совершенству): тогда что говорить? Чашу испіють, *а еже стѣти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Моє дати*, говоритъ Онъ (Матѣ. 20, 23), но *имже дано есть*. Итакъ ничего не значатъ: ни владычественный умъ, ни трудъ, ни слово, ни любомудріе, ни постъ, ни бдѣніе, ни возлежаніе на голой землѣ, ни источаемые потоки слезъ? все это ничего не значить? но по какому-то предъизбранію и Іеремія освящается, и иные отдѣляются еще во утробѣ матерней? Боюсь, чтобы не присоединилась къ сему нелѣпая мысль, будто бы душа имѣла другую жизнь, а потомъ уже соединена съ симъ тѣломъ, и за тамошнюю жизнь одни получаютъ здѣсь даръ пророчества, а другіе, жившіе тамъ худо, осуждаются. Но поелику допустить сіе крайне нелѣпо и несообразно съ ученіемъ Церкви (хотя другіе и забавляются такими ученіями, но намъ забавляться подобными толками не безопасно), то и въ семъ мѣстѣ къ словамъ: *имже дано есть*, присовокупляй: то есть достойнымъ; а то, чтобы стать достойными, не только получили они отъ Отца, но и сами себѣ дали.

Суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родившася и пр. (ст. 12). Очень желалъ бы я сказать о скопцахъ что-нибудь сильное. Не высоко думайте о себѣ, скопцы по природѣ! можетъ быть, что вы и произвольно цѣломудренны; потому что цѣломудріе ваше не подвергалось искушенію и не доказано опытомъ. Что сдѣлано добраго по естественному влеченію, то не заслуживаетъ одобренія; а что сдѣлано по свободному произволенію, то похвально. Какая честь огню, что онъ жжетъ? жечь—природное его свойство. Или водѣ, что течетъ внизъ? это свойство дано ей отъ Творца. Какая честь снѣгу, что онъ холоденъ? Солнцу, что свѣтитъ? оно свѣтитъ и по неволѣ. Покажи мнѣ, что желаешь добра. А сіе покажешь, если, будучи плотскимъ, сдѣлаешься духовнымъ; если ты, рожденный низкимъ, окажешься небеснымъ; если ты, связанный плотью, явишься выше плоти. Итакъ, поелику не похвально разумѣть сіе объ одномъ тѣлесномъ: то требую отъ скопцевъ чего-то иного. Не прелюбодѣйствуйте въ отношеніи къ Божеству! Сочетававшіеся Христу, не безчестите Христа! Совершившіеся Духомъ, не дѣлайте Духа равночестнымъ себѣ! *Аще былъ еще человекомъ угождалъ*, говоритъ Павелъ, *Христовъ рабъ не былъ убо былъ* (Гал. 1, 10); если бы служилъ твари, не назывался бы Христіаниномъ. Ибо почему важно названіе Хри-

стіанинъ? Не потому ли, что Христось есть Богъ (если только принимаю сіе наименованіе не по страсти, какъ человѣкъ, привязанный ко Христу земною любовію)? Хотя и Петра почитаю, однако же не называюсь Петріаниномъ; почитаю и Павла, но никогда еще не назывался Павліаниномъ. Я не согласенъ заимствовать наименованіе отъ человѣка, будучи сотворенъ отъ Бога. Такимъ образомъ, если называешься Христіаниномъ по тому, что Христа признаешь Богомъ, то и называйся и будь Христіаниномъ и именемъ и дѣломъ. А если называешься отъ имени Христова потому, что любишь Христа; то приписываешь Ему не болѣе, какъ если бы усвоилъ Ему одно изъ другихъ названій, какія даются людямъ по роду занятія или промысла. Видите сихъ ревнителей конскихъ ристаній: они получаютъ названіе по цвѣту и по той сторонѣ, на которой становятся. Но вамъ извѣстны имена сіи и безъ моего напоминанія. Если въ такомъ же смыслѣ называешься ты и Христіаниномъ; то весьма маловажно твое именованіе, хотя бы ты и гордился имъ. А если именуешься въ томъ смыслѣ, что Христа исповѣдуешь Богомъ, то докажи дѣлами свое исповѣданіе. Если Богъ тварь, то и доселѣ служишь ты твари, а не Творцу. Если Духъ Святой тварь, то напрасно ты крестился, и хотя по двумъ частямъ ты здоровъ (лучше же сказать, и по тѣмъ не здоровъ), однако же по одной находишься въ крайней опасности. Представь, что Троица есть одна жемчужина, отсюду имѣющая одинакій видъ и равный блескъ: если одна какая-нибудь часть сей жемчужины будетъ повреждена; то утратится вся пріятность камня. Когда безславишь Сына, чтобы почитать Отца; Отецъ не пріемлетъ твоего чествованія. Не прославится Отецъ безславіемъ Сына. Если *сынъ премудръ веселитъ отца* (Притч. 10, 1); то тѣмъ паче честь сына не будетъ ли честію и для отца? А если принимаешь и сіе: *чадо. не славися въ безчестіи отца* (Сир. 3, 10); то равно и отецъ не прославится безславіемъ сына. Если безчестишь Святаго Духа, то и Сынъ не принимаетъ твоего чествованія; ибо хотя Духъ и не какъ Сынъ отъ Отца, однако отъ того же Отца. Или всему воздай честь, или цѣлое обезчести, чтобы по крайней мѣрѣ показать согласный съ самимъ собою умъ. Не принимаю твоего половиннаго благочестія; хочу, чтобы ты всецѣло былъ благочестивъ (и какъ еще желаю сего! прости движению сердца; болѣзную и за ненавидящихъ!). Ты былъ моимъ членомъ, и хотя теперь отсѣченъ, но можетъ-быть опять будешь членомъ; потому и говорю снисходительно.—Вотъ что для скопцевъ, чтобы хранили цѣломудріе въ разсужденіи Божества; ибо

блудомъ и прелюбодѣянiемъ называется не только грѣхъ въ разсужденiи тѣла, но и всякій грѣхъ, особенно же беззаконiе въ разсужденiи Божества. Можетъ-быть спросишь: чѣмъ сіе докажемъ? Сказано: *соблудишиа въ начинанiяхъ своихъ* (Пе. 105, 39). Здѣсь видишь и безстыдное дѣло блуда. Сказано также: *и соблудишиа съ древомъ* (Иер. 3, 9). Видишь, что есть и религія (*ἰρησκία*) прелюбодѣйная. Итакъ, сохраняя тѣлесное цѣломудріе, не любодѣйствуй душевно. Не заставляй заключать, что ты невольнo соблодаешь цѣломудріе плотское; потому что не цѣломудренъ въ томъ, въ чемъ имѣешь возможность быть блудникомъ. Для чего вы сотворили нечестiе выше? Для чего всѣ стремитесь къ злу такъ, что стало уже одно и то же именоваться или скопщемъ, или нечестивымъ? Пріобщитесь къ мужамъ, разсуждайте наконецъ, какъ свойственно мужу. Убѣгайте женскихъ собраній, къ позорному имени не присовокупляйте срамнаго ученiя. Угодно ли, чтобы еще продолжилъ я слово, или довольно уже и сказаннаго? Впрочемъ да будутъ почтены и скопцы послѣдующими словами Христовыми; ибо служить къ ихъ похвалѣ.

Суть бо скопцы, говоритъ Христосъ, иже изъ чрева матерна родишиа тако; и суть скопцы, иже скопишиа отъ человекъ; и суть, иже исказиши сами себе, царствiя ради небеснаго: могiй вмѣстити, да вмѣститъ (ст. 12). Мнѣ кажется, что слово, уклоняясь отъ тѣлеснаго, посредствомъ тѣлеснаго изображаетъ высшее; ибо мало, даже можетъ-быть крайне слабо и не достойно слова было остановить понятiе на тѣлесныхъ только скопцахъ; а мы должны представлять себѣ нѣчто достойное духа. Итакъ, одни кажутся отъ природы расположенными къ добру. Когда говорю: отъ природы, не унижаю тѣмъ произволенiя, но предполагаю то и другое, и наклонность къ добру, и волю, которая приводитъ въ дѣйствіе естественную наклонность. А другіе таковы что ихъ очищаетъ ученiе, отсѣкая въ нихъ страсти; и ихъ-то разумѣю подъ скопцами, *иже скопишиа отъ человекъ*; когда наставническое слово, отдѣляя доброе отъ худаго, и, одно устраняя, а другое предписывая (какъ напр. въ заповѣди: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Пе. 33, 15), созидаетъ въ нихъ духовное цѣломудріе. Хвалю и сей родъ скопцевъ, даже весьма хвалю какъ наставниковъ, такъ и наставляемыхъ, первыхъ за то, что умѣютъ отсѣкать, а послѣднихъ за то, что еще лучше переносятъ отсѣченіе. *И суть, иже исказиши сами себе царствiя ради небеснаго*. Иные не имѣли наставниковъ, но сами для себя сдѣлались похвальными наставниками. Не учила тебя мать,

чему должно, не училъ отецъ, ни священникъ, ни Епископъ, ни кто-либо другой изъ тѣхъ, кому поручено учить, но ты самъ, приведа въ дѣйствіе разумъ, свободною волей воспламенивъ искру добра, исказилъ себя, отсѣкъ корень, истребилъ орудія грѣха, приобрѣлъ такой навѣкъ въ добродѣтели, что для тебя стало почти уже невозможнымъ устремляться къ злу. Посему хвалю и сей родъ скопцевъ, даже еще болѣе, нежели другіе роды.

Могій вмѣстити, да вмѣститъ. Избери, что угодно: или послѣдуй учителю, или самъ для себя будь учителемъ. Одно только постыдно, если не будутъ отсѣчены страсти; а къмъ бы ни были отсѣчены, не полагай въ томъ различія. Ибо и наставникъ есть тварь Божія, и ты отъ Бога. Хотя наставникъ предвосхититъ у тебя честь, хотя добро будетъ собственнымъ твоимъ дѣломъ; въ обоихъ случаяхъ оно одинаково добро: отсѣчемъ только отъ себя страсти, *да не кій корень горести, выспрь прозябая, пакость сотворитъ* (Евр. 12, 15), будемъ только послѣдовать образу, станемъ только чтить Первообразъ. Отсѣки тѣлесныя страсти, отсѣки и душевныя; ибо чѣмъ душа честнѣе тѣла, тѣмъ честнѣе очищать душу, нежели тѣло. Если и очищеніе тѣла есть одно изъ похвальныхъ дѣлъ; то смотри, сколь важнѣе и выше очищеніе души. Отсѣки Аріево нечестіе, отсѣки Савелліево зловѣріе, и не соединяй паче надлежащаго, и не раздѣляй злочестиво; не совокупляй во едино Лице Трехъ, и не дѣлай Трехъ инаковыхъ по естеству. Похвально исповѣдывать Единое, если хорошо разумѣешь единство; похвально исповѣдывать и Трехъ, если правильно раздѣляешь, то есть допускаешь раздѣленіе Лицъ, а не Божества. Сіе предписываю мірянамъ, сіе заповѣдую священникамъ, а равно и тѣмъ, которымъ ввѣрено начальство. Вспомоществуйте слову всѣ, кому дана отъ Бога возможность вспомоствовать. Великое дѣло воспрепятствовать убійству, наказать прелюбодѣяніе, обуздать хищничество; несравненно выше внушить благочестіе и преподавать здравое ученіе. Не столько силы будетъ имѣть мое слово, подвизающееся за Святую Троицу, сколько твоё повелѣніе, если ты заградишь злонамѣреннымъ уста, поможешь гонимымъ, остановишь убійцъ, воспрепятствуешь убійству; разумѣю не одно тѣлесное, но и душевное убійство; ибо всякій грѣхъ есть смерть души.

Симъ да окончится слово; остается еще просьба къ собравшимся здѣсь. Мужичи и жены, начальники и подчиненные, старцы, юноши и дѣвы, люди всякаго возраста! переносите всякій ущербъ, касающійся имущества или тѣла; одного только не потерпите,

чтобы понесло ущербъ ученіе о Божествѣ. Поклоняюсь Отцу, поклоняюсь Сыну, поклоняюсь Духу Святому, лучше же сказать, я который говорю сіе, поклоняюсь и прежде всѣхъ, и послѣ всѣхъ васъ, и со всѣми вами, о самомъ Господѣ Христвѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

Слово 38, на Богоявленіе или на Рождество Спасителя.

Христось раждается: славьте! Христось съ небесъ; выходите въ срѣтеніе! Христось на землѣ возноситеся! *Воспойте Господеву вся земля* (Пс. 95, 1)! И скажу обоимъ въ совокупности: *да возвеселятся небеса, и радуется земля* (11) ради Небеснаго, потомъ Земнаго! Христось во плоти; съ трепетомъ и радостію возвеселитесь,—съ трепетомъ по причинѣ грѣха, съ радостію по причинѣ надежды. Христось отъ Дѣвы; сохраняйте дѣвство, жены, чтобы стать вамъ матерями Христовыми! Кто не поклоняется Сущему отъ начала? кто не прославляетъ Послѣдняго? Опять разсѣивается тма, опять является свѣтъ; опять Египеть наказанъ тмою, опять Израиль озаренъ столпомъ. *Людіе судящии во тмѣ* неведѣнія, *да видятъ велий свѣтъ* вѣдѣнія (Мате. 5, 16). *Древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). Буква уступаетъ, духъ преобладаетъ; тѣни проходятъ, ихъ мѣсто заступаетъ истина. Приходитъ Мельхиседекъ; рожденный безъ матери раждается безъ отца,—въ первый разъ безъ матери, во второй безъ отца. Нарушаются законы естества; міръ горній долженъ наполниться. Христось повелѣваетъ, не будемъ противиться. *Вси языцы восплещите руками* (Пс. 46, 2); *яко отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ, Егоже начальство на рамы Его*, ибо возноситеся со крестомъ, *и нарицается имя Его: велика совета—совета Отчаго Ангель* (Ис. 9, 6). Да провозглашаетъ Іоаннь: *уготовайте путь Господень* (Мате. 3, 3)! И я провозглашу силу дня. Безплотный воплщается, Слово отвердѣваетъ, Невидимый становится видимымъ, Неосязаемый осязается, Безлѣтный начинается. Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ; *Исусъ Христось вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8).

Пусть Іудеи соблазняются, Еллины смѣются, еретики приутиляютъ языкъ! Тогда они увѣруютъ, когда увидятъ Его восходящимъ на небо; если же и не тогда, то непременно, когда узрятъ Его грядущаго съ неба и возсѣдшаго судить. Но сіе будетъ послѣ; а нынѣ праздникъ Богоявленія, или Рождества: ибо такъ и иначе называется день сей, и два наименованія даются одному тор-

жеству; потому что Богъ явился человѣкамъ чрезъ рожденіе. Онъ—Богъ, какъ Сущій и Присносущный отъ Присносущнаго, превысшій вина и слова (потому что нѣтъ слова, которое было бы выше Слова); и Онъ является ради насъ, родившійся въплсѣдствіи, чтобы Тотъ, Кто даровалъ бытіе, даровалъ и благобытіе, лучше же сказать, чтобы мы, ниспадшіе изъ благобытія чрезъ грѣхъ, снова возвращены были въ оное чрезъ воплощеніе. А отъ явленія наименованіе Богоявленія, и отъ рожденія—Рождества. Таково наше торжество; сіе празднуемъ нынѣ—пришествіе Бога къ человѣкамъ, чтобы намъ преселиться, или (точнѣе сказать) возвратиться къ Богу, да, отложивъ ветхаго человѣка, облечемся въ новаго (Ефес. 4, 22, 23), и какъ умерли въ Адамѣ, такъ будемъ жить во Христѣ (1 Кор. 15, 22), со Христомъ раждаемые, распинаемые, спогребаемые и совозстающіе. Ибо мнѣ необходимо претерпѣть сіе спасительное измѣненіе, чтобы, какъ изъ пріятнаго произошло скорбное, такъ изъ скорбнаго вновь изникло пріятное. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. 5, 20). И если вкушеніе было виною осужденія; то не тѣмъ ли паче оправдало Христово страданіе?

Итакъ будемъ праздновать не пышно, но божественно, не по мірскому, но премірно, не нашъ праздникъ, но праздникъ Того, Кто сталъ нашимъ, лучше же сказать, праздникъ нашего Владыки, не праздникъ немоществованія, но праздникъ уврачеванія, не праздникъ созданія, но праздникъ возсозданія. Какъ же исполнить сіе? Не будемъ вѣнчать преддверія домовъ, составлять лики, украшать улицы, пресыщать зрѣніе, оглашать слухъ свирѣлями, нѣжить обоняніе, осквернять вкусъ, тѣшить осязаніе—эти краткіе пути къ пороку, эти врата грѣха. Не будемъ уподобляться женамъ, ни мягкими и волнующимися одеждами, которыхъ все изящество въ бесполезности, ни игрою камней, ни блескомъ золота, ни ухищреніемъ подкрашиваній, приводящихъ въ подозрѣніе естественную красоту, и изобрѣтенныхъ въ поруганіе образа Божія. Не будемъ вдаваться въ *козлогласованія и пиянства*, съ которыми, какъ знаю, сопряжены *любодѣянія и студодѣянія* (Римл. 13, 13); ибо у худыхъ учителей и уроки худы, или лучше сказать, отъ негодныхъ сѣмянъ и нивы негодны. Не будемъ устилать древесными вѣтвями высокихъ ложей, устроая роскошныя трапезы въ угожденіе чреву; не будемъ высоко цѣнить благоуханія винъ, поварскихъ приправъ, и многоцѣнности мастей. Пусть ни земля, ни море не приносятъ намъ въ даръ дорогой грязи—такъ научился я величать предметы роскоши! Не будемъ ста-

ратся превзойти другъ друга невоздержностію (а все то, что излишне и сверхъ нужды, по моему мнѣнію, есть невоздержность), особенно, когда другіе, созданные изъ одного съ нами брѣнія и состава, алчуть и терпятъ нужду. Напротивъ того предоставимъ все сіе язычникамъ, языческой пышности и языческимъ торжествамъ. Они и богами именуютъ услаждающихся тукомъ, а сообразно съ симъ служатъ божеству чревоугодіемъ, какъ лукавые изобрѣтатели, жрецы и читатели лукавыхъ демоновъ. Но если чѣмъ должно насладиться намъ, которые покланяемся Слову; то насладимся словомъ и Божиимъ закономъ, и сказаніями какъ объ иномъ, такъ и о причинахъ настоящаго торжества, чтобы наслажденіе у насъ было собственно свое, и не чуждое Создавшему насъ.

Или, если угодно, я, который нынѣ у васъ распорядителемъ пира, вамъ—добрымъ соучастникамъ пира предложу о семь слово, сколько могу, обильно и щедро, чтобы вы знали, какъ можетъ пришлецъ угощать природныхъ жителей, поселянинъ—городскихъ обитателей, не знакомый съ роскошію—роскошныхъ, бѣднякъ и бездомовный—знаменитыхъ по обилію. Начну же съ сего: желающіе насладиться предложеннымъ да очистятъ и умъ, и слухъ, и сердце; потому что у меня слово о Богѣ и Божіе, да очистятъ, чтобы выйдти отсель, насладившись дѣйствительно не чѣмъ—нибудъ тщетнымъ. Самое же слово будетъ и весьма полно и вмѣстѣ весьма кратко, такъ что ни скудостію не огорчить, ни излишествомъ не наскучить.

Богъ всегда былъ, есть и будетъ, или, лучше сказать, всегда есть; ибо слова: былъ и будетъ, означаютъ дѣленія нашего времени и свойственны естеству переходящему; а Сущій—всегда. И симъ именемъ именуется Онъ Самъ Себя, бесѣдуя съ Моисеемъ на горѣ; потому что сосредоточиваетъ въ Себѣ Самомъ всецѣлое бытіе, которое не начиналось и не прекратится. Какъ нѣкое море сущности, неопредѣлимое и безконечное, простирающееся за предѣлы всякаго представленія о времени и ествѣ, однимъ умомъ (и то весьма неясно и недостаточно, не въ разсужденіи того, что есть въ Немъ Самомъ, но въ разсужденіи того, что окрестъ Его), чрезъ набрасываніе нѣкоторыхъ очертаній, отѣняется Онъ въ одинъ какой-то обликъ дѣйствительности, убѣгающій прежде, нежели будетъ уловленъ, и ускользящій прежде, нежели умопредставленъ, столько же осіявающій владычественное въ насъ, если оно очищено, сколько быстрота летящей молніи осіяваетъ взоръ. И сіе, кажется мнѣ, для того,

чтобы постигаемымъ привлекать къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а не постижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе, и чрезъ желаніе очищать, и чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными; а когда сдѣлаемся такими, уже бесѣдовать какъ съ присными (дерзнетъ слово изречь нѣчто смѣлое)—бесѣдовать Богу, вступившему въ единеніе съ богами и познанному ими, можетъ быть столько же, сколько Онъ знаетъ познаваемыхъ Имъ (1 Кор. 13, 12).

Итакъ Божество безпредѣльно и неудобосозерцаемо. Въ Немъ совершенно постижимо сіе одно—Его безпредѣльность; хотя иный и почитаетъ принадлежностію естества—быть или вовсе непостижимымъ, или совершенно постижимымъ. Но изслѣдуемъ, что составляетъ сущность простаго естества; потому что простота еще не составляетъ его естества, точно такъ же, какъ и въ ложныхъ существахъ не составляетъ естества одна только сложность. Разумъ, разсматривая безпредѣльное въ двухъ отношеніяхъ—въ отношеніи къ началу и въ отношеніи къ концу (ибо безпредѣльное простирается далѣе начала и конца, и не заключается между ними), когда устремляетъ взоръ свой въ горнюю бездну, и не находитъ на чемъ остановиться и гдѣ положить предѣлъ своимъ представленіямъ о Богѣ, тогда безпредѣльное и неизслѣдимое называетъ безначальнымъ; а когда, устремившись въ дольную бездну, испытываетъ подобное прежнему, тогда называетъ Его бессмертнымъ и нетлѣннымъ; когда же сводитъ въ единство то и другое, тогда именуетъ вѣчнымъ; ибо вѣчность не есть ни время, ни часть времени; потому что она неизмѣрима. Но что для насъ время, измѣряемое теченіемъ солнца, то для вѣчныхъ вѣчность, нѣчто спротяженное съ вѣчными существами, и какъ бы нѣкоторое временное движеніе и разстояніе.

Симъ да ограничится нынѣ любомудрствованіе наше о Богѣ, потому что нѣтъ времени болѣе распространяться, и предметъ моего слова составляетъ не Богословіе, но Божіе домострительство. Когда же именую Бога, разумѣю Отца и Сына и Святаго Духа, какъ не разливая Божества далѣе сего числа Лиць, чтобы не ввести множества боговъ, такъ не ограничивая меньшимъ числомъ, чтобы не осуждали насъ въ скудости Божества, когда впадемъ или въ іудейство, защищая единоначаліе, или въ язычество, защищая многоначаліе. Въ обоихъ случаяхъ зло равно, хотя отъ противоположныхъ причинъ. Таково Святое

Святыхъ, закрываемое и отъ самыхъ Серафимовъ, и прославляемое тремя Святынями, которыя сходятся въ единое Господство и Божество, о чемъ другой никто прекрасно и весьма высоко любомудрствоваль прежде насъ.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было какъ можно большее (ибо сіе свойство высочайшей Благости), то Богъ измышляетъ во-первыхъ Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой Свѣтлости, разумѣть ли подними или разумныхъ духовъ, или какъ бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество наиболѣе близкое къ сказаннымъ. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны на зло и имѣють одно движеніе къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и непосредственно озаряемые отъ Бога (ибо земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать и называть ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня денница по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ подчиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, и насъ въ иное вовлекають.

Такъ и по такимъ причинамъ сотворенъ Богомъ умный міръ, сколько могу о семъ любомудрствовать, малымъ умомъ взвѣсивая великое. Поелику же первыя твари были Ему благоугодны; то измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый; и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, а еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ и одно къ другому и все ко всему состоитъ въ прекрасномъ отношеніи, служа къ полнотѣ единого міра. А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное Себѣ, но и совершенно чуждое естество. Сродны же Божеству природы умныя и однимъ умомъ постигаемыя, совершенно же чужды твари подлежащія чувствамъ, а изъ сихъ послѣднихъ еще далѣе отстоять отъ Божественнаго естества твари вовсе неодушевленные и недвижимыя.

Но что намъ до сего?—скажетъ, можетъ-быть, какой-нибудь чрезъ мѣру ревностный любитель праздниковъ. Гони коня къ цѣли—любомудрствуй о томъ, что относится къ празднику, и для

чего мы собрались нынѣ.—Такъ и сдѣлаю, хотя начать нѣсколько отдаленно, къ чему принужденъ усердіемъ и словомъ.

Итакъ умъ и чувство, столько различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ, и изразили собою величіе Зиждителя Слова, какъ безмолвные хранители и первые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположныхъ—сего опыта высшей Премудрости, сея щедрости въ образованіи естества; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать, Художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то есть невидимое и видимая природа; созидаетъ, говорю, человѣка, и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ разумной души и образа Божія), творитъ какъ-бы нѣкоторый второй міръ—въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству, земного и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго, ангела, который занимаетъ средину между величіемъ и низостию, одинъ и тотъ же есть духъ и плоть—духъ ради благодати, плоть ради превозношенія, духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать, и страдая припоминать и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ; творитъ живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной міръ, и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣренный здѣсь свѣтъ истины служитъ для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію, достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупитъ превосходнѣйшимъ образомъ.

Сего человѣка, почтивъ свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ рай (что бы ни означалъ сей рай) дѣлательемъ безсмертныхъ растений — можетъ-быть божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ; поставилъ нагимъ по простотѣ и безыскусственной жизни, безъ всякаго покрова и огражденія; ибо таковымъ надлежало быть первозданному. Даетъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растеніями ему пользоваться, и какаго растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти (да не

отверзають при семь усть богоборцы и да не подражаютъ змію!); напротивъ оно было хорошо для употребляющихъ благовр-менно (потому что древо сіе, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно могутъ приступать только опытно усовершенствовавшіеся), но не хорошо для простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своемъ желаніи; подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока.

Когда же, по зависти діавола и по обольщенію жены, которому она сама подверглась какъ слабѣйшая, и которое произвела какъ искусная въ убѣжденіи (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человекъ забылъ данную ему заповѣдь, и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ: тогда чрезъ грѣхъ дѣлается онъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога; облекается въ кожаныя ризы (можетъ-быть въ грубѣйшую, смертную и противоборствующую плоть), въ первый разъ познаетъ собственный стыдъ, и укрывается отъ Бога. Впрочемъ и здѣсь пріобрѣтаетъ нѣчто, именно смерть—въ пресѣченіе грѣха, чтобы зло не стало бессмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается человеколюбіемъ. Ибо такъ, въ чемъ я увѣренъ, наказываетъ Богъ.

Но въ прегражденіе многихъ грѣховъ, какіе произращаль корень поврежденія отъ разныхъ причинъ и въ разныя времена, человекъ и прежде вразумляемъ былъ многоразлично: словомъ, Закономъ, Пророками, благодѣяніями, угрозами, карами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями небесными, знаменіями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ (все сіе имѣло цѣлію загладить поврежденіе); наконецъ стало нужно сильнѣйшее врачество, по причинѣ сильнѣйшихъ недуговъ: человекоубійствъ, прелюбодѣяній, клятвопреступленій, муженектства, и сего послѣдняго и перваго изъ всѣхъ золъ—идолослуженія и поклоненія твари вмѣсто Творца. Поелику все сіе требовало сильнѣйшаго пособія; то и подается сильнѣйшее. И оно было слѣдующее: само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта. источникъ жизни и бессмертія, отпечатокъ первообразной Красоты, печать непереносимая, образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душею ради моей души, очищая подобное подобнымъ; дѣлается человекомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочи-

щены Духомъ (ибо надлежало и рожденіе почтить, и дѣвство предпочесть); однако же происшедшій есть Богъ и съ воспріятымъ отъ Него ¹⁾—единое изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожилъ, а другая обожена.

О новое смѣшеніе! О чудное раствореніе! Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотію; Богатыи обнищаваетъ—обнищаваетъ до плоти моея, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается — истощается не на-долго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ Его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспринимаетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ!

Что скажутъ намъ на сіе клеветники, злые цѣнители Божества, порицатели достохвальнаго, объятые тмѣю при самомъ Свѣтѣ, невѣжды при самой Мудрости, тѣ, за которыхъ Христосъ напрасно умеръ, неблагодарныя твари, созданія лукаваго? Это ставишь ты въ вину Богу—Его благодѣяніе? Потому Онъ малъ, что для тебя смирилъ Себя? что къ заблудшей овцѣ пришелъ *Пастырь добрый, полагающій душу за овцы* (Іоан. 10, 11); пришелъ на тѣ горы и холмы, на которыхъ приносилъ ты жертвы, и что обрѣлъ заблудшаго, и обрѣтеннаго воспріялъ на тѣ же рамена (Лук. 15, 4. 5), на которыхъ понесъ крестное древо, и воспріятаго опять привелъ къ горней жизни, и приведеннаго сопричислилъ къ пребывающимъ въ чинѣ своемъ? что *возжегъ свѣтильникъ* — плоть Свою, и *помель храмину* — очищая міръ отъ грѣха, и *сыскалъ драхму* — Царскій образъ, заваленный страстями; по обрѣтеніи же драхмы созываетъ пребывающія въ любви Его Силы, дѣлаетъ участниками радости тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ таинниками Своего домостроительства (Лук. 15, 8. 9)? что лучезарнѣйшій Свѣтъ слѣдуетъ за предтекшимъ свѣтильникомъ, Слово—за гласомъ, Женихъ—за невѣстоводителемъ, приготовляющимъ Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14) и предпочищающимъ водою для Духа? Сіе ставишь въ вину Богу? За то считаешь Его низшимъ, что *препоясуется лентіемъ* (Іоан. 13, 4, 5) и умы-

¹⁾ Человѣческимъ естествомъ.

ваетъ ноги учениковъ, и указываетъ совершеннѣйшій путь къ возвышенію—смиреніе? что смиряется ради души преклонившейся до земли, чтобы возвысить съ Собою склоняемое долу грѣхомъ? Какъ не поставишь въ вину того, что Онъ ѣстъ съ мытарями и у мытарей, что учениками имѣемъ мытарей, да и Самъ приобрѣтаетъ нѣчто? Что же приобрѣтаетъ? Спасеніе грѣшниковъ. Развѣ и врача обвинить иной за то, что наклоняется къ ранамъ и терпѣть зловоніе, только бы подать здравіе болящимъ? обвинить и того, кто изъ состраданія наклонился къ ямѣ, чтобы, по закону (Исх. 23, 2. Лук. 14, 5), спасти упавшій въ нее скотъ?

Правда, что Онъ былъ посланъ, но какъ человекъ (потому что въ Немъ два естества; такъ Онъ утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и былъ въ бореніи, и плакалъ—по закону тѣлесной природы); а если посланъ и какъ Богъ, что изъ сего? Подъ посольствомъ разумнѣй благоволеніе Отца, къ Которому Онъ относитъ дѣла Свои, чтобы почтить безтѣльное начало, и не показаться противникомъ Богу. О Немъ говорится, что преданъ (Рим. 4, 25); но написано также, что и Самъ Себя предалъ (Еф. 5, 2. 25). Говорится, что Онъ воскрешенъ Отцемъ и вознесенъ (Дѣян. 3, 15. Дѣян. 1, 11); но написано также, что Онъ Самъ Себя воскресилъ, и восшелъ опять на небо (1 Сол. 1, 14. Еф. 4, 10), — первое по благоволенію, второе по власти. Но ты выставляешь на видъ уничижительное, а преходишь молчаніемъ возвышающее. Разсуждаешь, что Онъ страдалъ, а не присовокупляешь, что страдалъ добровольно. Сколько и нынѣ страдаетъ Слово! Одни чтутъ Его какъ Бога, и сливаютъ; другіе безчестятъ Его какъ плоть, и отдѣляютъ. На которыхъ же болѣе прогнѣвается Онъ, или, лучше сказать, которымъ отпустить грѣхъ? Тѣмъ ли, которые сливаютъ, или тѣмъ, которые разсѣкаютъ злочестиво? Ибо и первымъ надлежало раздѣлить, и послѣднимъ соединить, — первымъ относительно къ числу, послѣднимъ относительно къ Божеству. Ты соблазняешься плотію? И Іудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самаряниномъ? О томъ, что далѣе, умолчу. Ты не вѣруешь въ Божество Его? Но въ Него и бѣсы вѣровали, о ты, который невѣрнѣе бѣсовъ и несознательнѣе Іудеевъ! Одни наименованіе Сына признавали означающимъ равночестіе; а другіе въ изгоняющемъ узнавали Бога; ибо убѣждало въ этомъ претерпѣваемое отъ Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповѣдуешь въ Немъ. Лучше было бы тебѣ обрѣзаться и стать бѣсноватымъ (скажу нѣчто смѣшное), нежели въ необрѣзаніи и въ здоровомъ состояніи имѣть лукавыя и безбожныя мысли.

Вскорѣ потомъ увидишь и очищающагося въ Иорданѣ Иисуса—мое очищеніе, или, лучше сказать, чрезъ сіе очищеніе дѣлающаго чистыми воды; ибо не имѣлъ нужды въ очищеніи Самъ Онъ—*вземляй грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29); увидишь и *разводящіяся небеса* (Мар. 1, 10); увидишь, какъ Иисусъ и пріемлетъ свидѣтельство отъ сродственнаго Ему Духа, и искушается, и побѣждается, и окруженъ служащими Ему Ангелами, и *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю* (Матѣ. 4, 23), и животворитъ мертвыхъ (о если бы оживотворилъ и тебя—умершаго зловѣремъ!), и изгоняетъ бѣсовъ, то Самъ, то чрезъ учениковъ, и не многими хлѣбами насыщаетъ тысячи, и ходитъ по морю, и предается, и распинается, и сораспинаетъ мой грѣхъ, приводится какъ агнецъ, и приводитъ какъ Іерей, какъ человѣкъ погребается, и возстаетъ какъ Богъ, а потомъ и восходитъ на небо, и придетъ со славою Своею. Сколько торжествъ доставляетъ мнѣ каждая тайна Христова! Во всѣхъ же въ нихъ главное одно—мое совершеніе, возсозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!

А теперь почти чревоношеніе, и скачи, если не какъ Іоаннъ во чревѣ, то какъ Давидъ при упокоеніи Кивота; уважь перепись, по которой и ты вписанъ на небесахъ; поклоняйся рождеству, чрезъ которое освободился ты отъ узъ рожденія; воздай честь малому Вилелеему, который опять привелъ тебя къ Раю; преклонись предъ яслями, чрезъ которыя ты, содѣлавшійся безсловеснымъ, воспитанъ Словомъ. *Познай* (повелѣваетъ тебѣ Исаія), какъ *волъ Стяжавшаго*, и какъ *оселъ ясли Господина своего* (Ис. 1, 3). Принадлежишь ли къ числу чистыхъ, и законныхъ, и *отрыгающихъ жваніе* (Лев. 11, 41) слова, и годныхъ въ жертву, или къ числу еще нечистыхъ, не употребляемыхъ ни въ пищу, ни въ жертву, и составляешь достояніе язычества; иди со звѣздой, принеси съ волхвами дары—золото, и ливанъ, и смирну—какъ Царю, и какъ Богу, и какъ умершему ради тебя; прославь съ пастырями, ликуй съ Ангелами, воспой съ Архангелами; да составитя общее торжество небесныхъ и земныхъ Силъ. Ибо я увѣренъ, что небесныя Силы радуются и торжествуютъ нынѣ съ нами; потому что онѣ человѣколюбивы и боголюбивы,—какъ и Давидъ представляетъ ихъ восходящими со Христомъ по страданіи Его, срѣтающимися и повелѣвающими другъ другу *взять врата* (Пс. 23, 7). Одно только можешь ненавидѣть изъ бывшаго при Рождествѣ Христовомъ—это Иродово дѣтоубійство; лучше же сказать, и въ немъ почти жертву единолѣтнихъ со Христомъ, предварившую новое закланіе. Бѣжитъ ли Христосъ во Египеть,

съ Нимъ и ты охотно бѣги. Хорошо бѣжать со Христомъ гонимымъ. Замедлитъ ли Онъ во Египтѣ, призывай Его изъ Египта, воздавая Ему тамъ доброе поклоненіе. Шестуй непорочно по всѣмъ возрастамъ и силамъ Христовымъ. Какъ Христовъ ученикъ, очистишь, обрѣжешься, отними лежащее на тебѣ съ рожденія покрывало; потомъ учи въ храмѣ, изгони торгующихъ святынею. Претерпи, если нужно, побіеніе камнями; очень знаю, что укроешься отъ мещущихъ камни, и преjdeшь посреди ихъ, какъ Богъ; потому что слово не побивается камнями. Приведенъ ли будешь къ Ироду; не отвѣчай ему больше. Твое молчаніе уважить онъ болѣе, нежели длинныя рѣчи другихъ. Будешь ли сѣченъ бичами; домогайся и прочаго, вкуси желчь за первое вкушеніе, испей оцетъ, ищи заплеваній, прими удареніе въ ланиту и заушенія. Увѣнчайся терніемъ—суровостію жизни по Богу; облекись въ багряную ризу, прими трость; пусть преклоняются предъ тобою ругающіеся истинѣ. Наконецъ, охотно распнишь, умри и прими погребеніе со Христомъ, да съ Нимъ и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, зря Бога во всемъ Его величіи, и Имъ зримый,—Бога въ Троицѣ покланяемаго и прославляемаго, Котораго молимъ, да будетъ и нынѣ, сколько сіе возможно для узниковъ плоти, явленъ намъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки. Аминь.

Слово 39, на святыя свѣты явленій Господнихъ.

Опять Іисусъ мой, и опять таинство,—не таинство обманчивое и неблагообразное, не таинство языческаго заблужденія и пѣнства (какъ называю уважаемыя язычниками таинства, и какъ, думаю, назоветъ ихъ всякій здравомыслящій); но таинство возвышенное и божественное, сообщающее намъ горную свѣтлость! Ибо святыи день свѣтовъ, до котораго мы достигли, и который сподобились нынѣ праздновать, имѣетъ началомъ крещеніе моего Христа, *истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человека, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), производитъ же мое очищеніе, и вспомошествоетъ тому свѣту, который мы, въ-началѣ получивъ отъ Христа свыше, омрачили и сдѣлали слитнымъ чрезъ грѣхъ.

Итакъ внимайте Божественному гласу, который для меня, поучающаго таковымъ таинствамъ (а хорошо, если бы и для васъ!), весьма внятно вопіетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). И для сего *приступите къ Нему, и просвѣтитесь, и лица ваша, ознаменованныя истиннымъ свѣтомъ, не постыдятся* (Іс. 33, 6).

Время возрожденія; возродимся свыше! Время возсозданія; воспримемъ перваго Адама! Не останемся такими, каковы теперь; но содѣлаемся тѣмъ, чѣмъ были созданы. *Свѣтъ во тмѣ свѣтитъ*, то есть въ сей жизни—жизни плотской; и хотя гонить Его, но *не объемлетъ* тма (Іоан. 1, 5), то есть сопротивная сила, которая съ безстыдствомъ приступаетъ къ видимому Адаму, но приражается къ Богу, и уступаетъ побѣду; почему мы, отложивъ тму, приблизимся къ свѣту, и потомъ, какъ чада совершеннаго Свѣта, содѣлаемся совершеннымъ свѣтомъ!

Видите благодать дня, видите силу таинства: не восторглись ли вы отъ земли? не явно ли вознеслись уже горѣ, подъемлемые моимъ словомъ и тайноводствомъ? И еще болѣе вознесетесь, когда Слово благоуправитъ словомъ.—Таково ли подзаконное и прикровенное какое-нибудь очищеніе, доставляющее пользу временными кропленіями и окропляющее оскверненныхъ пепломъ юнчимъ? Тайноводствуютъ ли къ чему подобному язычники? Для меня всякій обрядъ ихъ и всякое таинство есть сумасбродство, темное изобрѣтеніе демоновъ, и произведеніе жалкаго ума, которому помогло время, и которое закрыла баснь; ибо, чему поклоняются какъ истинному, то сами скрываютъ какъ баснословное. Если оно истинно; надлежало не баснями называть, но показать, что это не срамно. Если же оно ложно; то надобно не дивиться сему, и не держаться съ такимъ безстыдствомъ самыхъ противныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же, уподобляясь тѣмъ, которые забавляютъ на площади дѣтей, или мужей, но въ полномъ смыслѣ потерявшихъ умъ, а не тѣмъ, которые разсуждаютъ съ мужами, имѣющими умъ и поклоняющимися Слову; хотя они и презираютъ эту многоискусственную и грязную убѣдительность слова.

Здѣсь (скажу, хотя языщикамъ не понравится сіе) не рожденіе и сокрытіе Дія—Критскаго властелина; не клики, и военныя рукоплесканія и пляски Куретовъ, заглушающія голосъ плачущаго бога, чтобы не услышалъ отецъ-чадоненавистникъ; потому что опасно было плакать, какъ младенцу, кто проглоченъ былъ какъ камень. Здѣсь не искаженія Фригіянъ, не свирѣли и Корибанты, не тѣ неистовства, какія въ честь Реи, матери боговъ, совершаемы были и посвящающими и посвящаемыми (что и прилично матери такихъ боговъ). У насъ не дѣва какая-нибудь похищается, не Димитра странствуетъ, вводитъ къ себѣ какихъ-нибудь Келеевъ, Триптолемовъ и драконовъ, и то дѣйствуетъ, то страждетъ. Стыжусь выставять на свѣтъ ночные ихъ обряды, и студныя дѣла обращать въ таинство. Это знаютъ Елвезисъ и

зрители того, что предается молчанію, и дѣйствительно достойно молчанія. Здѣсь не Діонисъ, не бедро раждаетъ недоношенный плодъ какъ прежде голова произвела нѣчто другое; не богъ андрогинъ, не толпа пьяныхъ, не изнѣженное войско, не безуміе Оивянъ чтущихъ Діониса, не поклоненіе перуну Семелы; не блудныя таинства Афродиты, которая, какъ сами говорятъ, и рождена и чувствуется срамно, не какіе-нибудь Фаллы и Иѳифаллы, гнусныя и видомъ и дѣлами; не умерщвленіе чужестранцевъ у Тавровъ; не обгаряющая жертвенникъ кровь Лакедемонскихъ юношей, сѣкущихъ себя бичами, и въ семь одномъ не кстати оказывающихъ мужество, въ честь богинѣ и притомъ дѣвѣ; потому что они и нѣгу чтили и неустрашимость уважали. Куда же отнесешь приготовленіе въ снѣдь Пелопса для угощенія голодныхъ боговъ,—страннопріимство отвратительное и безчеловѣчное? Куда отнесешь страшныя и мрачныя призраки Гекаты, Трофоніевы изъ-подъ земли обманы и предсказанія, или пустословіе Додонскаго дуба, или обоюдныя прорицанія Дельфійскаго треножника, или даръ предвѣднія сообщающія воды Кастальскаго источника? Одного только не предсказали они, а именно, что сами приведены будутъ въ молчаніе. Здѣсь не жреческое искусство маговъ, и угадываніе будущаго по разсѣченнымъ жертвамъ; не Халдейская астрономія и наука предсказывать судьбу по дню рожденія, наука сличающая нашу участь съ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, которыя не могутъ знать о себѣ самихъ, что они такое, или чѣмъ будутъ. Здѣсь не оргіи Фракіянъ, отъ которыхъ, какъ говорятъ, ведетъ начало слово: τὸ θρησκείων, то есть богослуженіе; не обряды и таинства Орфея, мудрости котораго столько дивились Елліны, что и о лирѣ его выдумали баснь, будто бы она все увлекаетъ своими звуками; не справедливыя истязанія, положенныя Миерою для тѣхъ, которые рѣшаются приступить къ такому таинствамъ; не растерзаніе Озириса (другое бѣдствіе чтимое Египтянами); не несчастныя приключенія Изиды; не козлы почтеннѣйшіе Мендесіянъ; не ясли Аписа—тельца, лакомо откармливаемаго по простодушію жителей Мемфиса. Здѣсь не то, чѣмъ въ своихъ чествованіяхъ оскорбляютъ они Ниль, какъ сами воспеваютъ, плодоносный и доброкласный, измѣряющій благоденствіе жителей лактями¹⁾). Не буду говорить о чествованіи пре-

¹⁾ Въ устьѣ Нила былъ высѣченъ на камняхъ размѣръ, по которому замѣчалось возвышеніе воды въ Нилѣ во время разлива; а изъ сего выводимо было заключеніе о плодороди въ Египтѣ и о благоденствіи жителей.

смыкающихся и гадовъ, о расточительности на срамныя дѣла, такъ что для каждаго гада были какой-нибудь особенный обрядъ и особое таинство; хотя общимъ во всѣхъ видимъ одно—злосчастное положеніе кланяющихся. И если бы имъ надлежало сдѣлаться совершенными нечестивцами, вовсе отпасть отъ славы Божіей, предавшись идоламъ, произведеніямъ искусства и дѣламъ рукъ человѣческихъ; то благоразумный не пожелалъ бы имъ ничего инаго, какъ имѣть такіе предметы чествованія, и такъ ихъ чествовать, чтобы, какъ говоритъ Апостоль, *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, воспріяти* (Римл. 1, 27) въ томъ, что они чтутъ, не столько чествуя чтимое, сколько безчестя имъ себя, содѣлавшись мерзкими по своему заблужденію, а еще мерзоствѣйшими по ничтожности того, чему кланяются и что чтутъ, и чтобы стать безчувственнѣе самыхъ чтимыхъ предметовъ, столько превосходя ихъ безуміемъ, сколько предметы поклоненія превышаютъ ихъ ничтожностію.

Итакъ, пусть всѣмъ этимъ забавляются дѣти еллинскія и демоны, которые доводятъ ихъ до безумія, присвоивъ себѣ Божію честь, и дѣлятъ ихъ между собою, внушая имъ тѣ или другія срамныя мнѣнія и понятія. Ибо демоны съ того времени, какъ древомъ познанія, изъ котораго не во-время и не кстати сдѣлано употребленіе, удалены мы отъ древа жизни, стали нападать на насъ, какъ уже на слабѣйшихъ, похитивъ у насъ владычественный умъ и отворивъ дверь страстямъ. Они, будучи, или, вѣрнѣе сказать, по собственной злобѣ сдѣлавшись естествомъ завистливымъ и человѣконенавистнымъ, не потерпѣли, чтобы дольнѣе сподобились горняго чина, когда сами они ниспали свѣше на землю, и чтобы произошло такое переимѣненіе въ славѣ и первичныхъ природахъ. Отсюда гоненіе на тварь Божію! Отсега поруганъ образъ Божій! И поелику не разсудили мы соблюсти заповѣдь; то преданы самозаконію прельщенія. И поелику заблудились; то обезчестили себя тѣмъ самымъ, чему воздавали почтеніе. Ибо не то одно ужасно, что сотворенные на дѣла благія, чтобъ славить и хвалить Сотворшаго, и сколько возможно, подражать Богу, стали вмѣстилищемъ всякаго рода страстей, ко вреду питаемыхъ и потребляющихъ внутренняго человѣка, но и то, что боговъ сдѣлали покровителями страстямъ, чтобы грѣхъ признаваемъ былъ не только не подлежащимъ отвѣтственности, но даже божественнымъ, имѣя для себя прибѣжищемъ сильную защиту—самые предметы поклоненія.

Поелику же намъ даровано, избѣгнувъ суетѣрнаго заблуж-

денія, придти къ истинѣ, служить Богу живому и истинному, и стать превыше твари, оставивъ за собою все, что подъ временемъ и зависить отъ перваго движенія: то будемъ тому поучаться, о томъ любомудрствовать, что относится къ Богу и къ Божественному.

Станемъ же любомудрствовать, начавъ съ того, съ чего начать всего лучше. Всего же лучше начать, съ чего заповѣдалъ намъ Соломонъ. *Начало премудрости*, говоритъ онъ, *стяжати премудрость* (Притч. 4, 7). Что сіе значить? Онъ началомъ премудрости называетъ страхъ. Ибо надобно, не съ умозрѣнія начать, оканчивать страхомъ (умозрѣніе необузданно, очень можетъ завести на стремнины), но, научившись начаткамъ у страха, имъ очистившись, и, такъ скажу, утончившись, восходить на высоту. Гдѣ страхъ, тамъ соблюденіе заповѣдей; гдѣ соблюденіе заповѣдей, тамъ очищеніе плоти—сего облака, омрачающаго душу и препятствующаго ей ясно видѣть Божественный лучъ; но гдѣ очищеніе, тамъ озареніе; озареніе же есть исполненіе желанія для стремящихся къ предметамъ высочайшимъ или къ Предмету Высочайшему, или къ Тому, Что выше высокаго. Посему должно сперва самому себя очистить, и потомъ уже бесѣдовать съ чистымъ: если не хотимъ потерпѣть одного съ Израилемъ, который не вынесъ славы лица Моисеева, и потому требовалъ покрывала; не хотимъ испытать и сказать съ Маноемъ, удостоеннымъ видѣнія Божія: погибли мы, жена, *яко Бога видѣхомъ* (Суд. 13, 22); не хотимъ подобно Петру высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные такого посѣщенія (а когда именую Петра, кого разумѣю?—того, кто ходилъ по водамъ); не хотимъ потерять зрѣніе подобно Павлу, до очищенія отъ гоненій вступившему въ сообщеніе съ Гонимымъ, или, лучше сказать, съ малымъ блистаніемъ великаго Свѣта; не хотимъ, прося врачевства, какъ сотникъ, изъ похвальной боязни не принимать въ домъ Врача. И изъ насъ иный, пока онъ не очистенъ, но еще сотникъ, надъ многими первенствуетъ во злѣ, и служитъ кесарю—міродержителю влекомыхъ долу, пусть скажетъ: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Матѣ. 8, 8). Когда же увидитъ Иисуса, и хотя малъ ростомъ духовно, подобно Закхею, взойдетъ на смоковницу, *умертвивъ убы, яже на земли* (Кол. 3, 5), и ставъ выше *тѣла смиренія* (Фил. 3, 21); тогда да приѣмлетъ Слово и да услышитъ: *днесь спасеніе дому сему* (Лук. 19, 2), и получить спасеніе, и принесть плодъ совершеннѣйшій, прекрасно расточая и разливая, что худо собрали какъ мытарь. Ибо то же Слово и страшно,

по естеству, для недостойныхъ, и удобопріемлемо, по челоуѣколюбію, для пріуроченныхъ. Таковы тѣ, которые, изгнавъ изъ душъ нечистаго и вещественнаго духа, *поемъ и украсимъ* души свои познаніемъ, не оставили ихъ праздными и недѣятельными, чтобы ихъ (такъ какъ труднѣйшее и возжелѣннѣе) опять не заняли еще съ большимъ запасомъ семь духовъ злобы (какъ семь же считается духовъ добродѣтели), но сверхъ удаленія отъ зла упражняются и въ добродѣтели, всецѣло, или сколько можно болѣе, вселивъ въ себя Христа, чтобы лукавая сила, занявъ какую-нибудь пустоту, опять не наполнила души собою; отчего *будутъ послѣдняя горша первыхъ* (Матѣ. 12, 43—45); потому что и нападеніе стремительнѣе, и охранная стража безопаснѣе, и съ большимъ трудомъ одолевается. Когда же, *всяцѣмъ храненіемъ соблюдиши* душу свою (Притч. 4, 23), *положимъ восхожденія въ сердце* (Пс. 83, 6), *поновимъ себѣ поля* (Іер. 4, 3), и *посылавъ въ правду*, какъ учить Соломонъ, Давидъ и Іеремія, *просвѣтимъ себѣ свѣтъ въѣтъмъ* (Ос. 10, 12); тогда *возлагаемъ Божию премудрость, въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 7), и возсіемъ для другихъ. А до тѣхъ поръ будемъ очищаться и предусовершаться Словомъ, чтобы, какъ можно болѣе, облагодѣтельствовать самихъ себя, содѣлываясь богоподобными и пріемля пришедшее Слово, даже не только пріемля, но и содержа въ себѣ, и являя другимъ.

Поелику же очистили мы словомъ позорище; то полюбоумствуемъ уже нѣсколько о праздникѣ, и составимъ общій праздникъ съ душами любопразднственными и боголюбивыми. И какъ главное въ праздникѣ—памятованіе о Богѣ, то вспоманемъ Бога. Ибо и *шумъ празднующихъ* (Пс. 41, 5) тамъ, гдѣ *веселящихся всѣхъ жилище* (Пс. 86, 7), по моему мнѣнію, не что иное есть, какъ Богъ пѣснословимый и славословимый удостоившимися тамошняго жительства. Если же настоящее слово будетъ заключать въ себѣ нѣчто изъ сказаннаго уже прежде; никто не удивляйся. Ибо стану говорить не только то же, но и о томъ же, имѣя трепетный языкъ, и умъ, и сердце, всякій разъ, когда говорю о Богѣ, и вамъ желая того же самаго похвальнаго и блаженнаго страха. Когда же произношу слово: Богъ; вы озаряйтесь единымъ и тройственнымъ свѣтомъ—тройственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ, или къ *Впостасямъ* (если кому угодно назвать такъ), или къ *Лицамъ* (ни мало не будемъ препираться объ именахъ, пока слова ведутъ къ той же мысли),—единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности, и слѣдственно Божества. Богъ раздѣ-

ляется, такъ сказать, нераздѣлимо, и сочетаетсяъ раздѣленно; потому что Божество есть Единое въ трехъ, и едино суть Три, въ Которыхъ Божество, или, точнѣе сказать, которыя суть Божество. А что касается до избытка и недостатковъ, то мы безъ нихъ обойдемся, не обращая ни единства въ слитность, ни раздѣленія въ отчужденіе. Да будутъ равно далеки отъ насъ и Савелліево сокращеніе и Аріево раздѣленіе; ибо то и другое въ противоположномъ смыслѣ худо, и одинаково нечестиво. Ибо для чего нужно—или злочестиво сливать Бога, или разсѣкать на неравныхъ?—*Намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. 8, 7), и единъ Духъ Святой, въ Которомъ все. Словами: изъ Него (ἐξ οὗ), Имъ (δι' οὗ) и въ Немъ (ἐν ᾧ), не естества раздѣляемъ (иначе не переставлялись бы предлоги, или не перемѣнялся бы порядокъ именъ), но отличаемъ личныя свойства единаго и несліяннаго естества. А сіе видно изъ того, что различаемые опять сводятся во-едино, если не безъ вниманія прочтешь у того же Апостола слѣдующія слова: *изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ* (ἐκ τούτου) *всяческая: Тому слава во вѣки, аминь* (Рим. 11, 36). Отецъ есть Отецъ и безначаленъ; потому что ни отъ кого не имѣетъ начала. Сынъ есть Сынъ, и не безначаленъ; потому что отъ Отца. Но если начало будешь разумѣть относительно ко времени, то Сынъ и безначаленъ; потому что Творецъ времени не подъ временемъ. Духъ есть истинно Духъ Святой, происходящій отъ Отца, но не какъ Сынъ (οὐ ὡς υἱός); потому что происходитъ не рожденно (γεννητός), но исходно (ἐκπορευτός); если для ясности надобно употребить новое слово. Между тѣмъ ни Отецъ не лишенъ нерожденности, потому что родиль; ни Сынъ—рожденія, потому что отъ Нерожденнаго (ибо какъ Имъ лишиться?); ни Духъ Святой не измѣняется или въ Отца, или въ сына, потому что исходитъ, и потому что Богъ; хотя и не такъ кажется безбожнымъ. Ибо личное свойство непреложно; иначе какъ оставалось бы личнымъ, если бы прелагалось и переносилось? Тѣ, которые нерожденность и рожденность признаютъ за естества одноименныхъ боговъ, можетъ быть и Адама и Сива, изъ коихъ одинъ не отъ плоти (какъ твореніе Божіе), а другой отъ Адама и Евы, стануть признавать чуждыми другъ другу по естеству. Итакъ, одинъ Богъ въ Трехъ, и Три едино, какъ сказали мы.

Поелику же таковы Три, или таково Единое, и надлежало, чтобы поклоненіе Богу не ограничивалось одними горними, но были и долу нѣкоторые поклонники, и все исполнилось славы Бо-

жіей (потому что все Божіе); то для сего создается человѣкъ, почтенный рукотвореніемъ и образомъ Божиимъ. А такъ созданнаго, когда онъ, завистію діавола, чрезъ горькое вкушеніе грѣха, несчастно удалился отъ сотворшаго его Бога, Богу не свойственно было презрѣть. Что же совершается? И какое великое о насъ таинство?—Обновляются естества, и Богъ дѣлается человѣкомъ. И *восшедшій на небо небесе на востоци* (Пс. 67, 34) собственной славы и свѣтлости, прославляется на западѣ нашей низости и нашего смиренія. И Сынъ Божій благоволитъ стать и именоваться и сыномъ человѣческимъ, не измѣняя того, чѣмъ былъ (ибо сіе неизмѣняемо), но, принявъ то, чѣмъ не былъ (ибо Онъ человѣколюбивъ), чтобы Невмѣстимому сдѣлаться вмѣстимымъ, вступя въ общеніе съ нами чрезъ посредствующую плоть, какъ чрезъ завѣсу; потому что рожденному и тлѣнному естеству невозможно сносить чистаго Его Божества. Для сего соединяется несоединимое; не только Богъ съ рожденіемъ во времени, умъ съ плотію, довременное съ временемъ, неочертимое съ мѣрою, но и рожденіе съ дѣвствомъ, безчестіе съ тѣмъ, что выше всякой чести, безстрастное съ страданіемъ, бессмертное съ тлѣннымъ. Поелику изобрѣтатель грѣха мечталъ быть непобѣдимымъ, уловивъ насъ надеждою обоженія, то самъ уловляется покровомъ плоти, чтобы, приразясь какъ къ Адаму, срѣтить Бога. Такъ новый Адамъ спасъ ветхаго, и снято осужденіе съ плоти, по умерщвленіи смерти плотію!

Но Рождеству праздновали, какъ должно, и я—предначинатель праздника, и вы, и все, какъ заключающееся въ мірѣ, такъ и премірное. Со звѣздою текли мы, съ волхвами поклонялись съ пастырями были озарены, съ Ангелами славословили, съ Симеономъ принимали въ объятія, и съ Анною, престарѣлой и цѣломудренной, *исповѣдался Господеву*. И благодареніе Тому, Кто *во своя прииде* какъ чуждый, чтобы прославить странника!

А нынѣ другое Христово дѣяніе, и другое таинство. Не могу удержать въ себѣ удовольствія, и дѣлаюсь вдохновеннымъ. Почти какъ Іоаннъ благовѣствую; и хотя я не предтеча, однако же изъ пустыни. Христось просвѣщается; озаримся съ Нимъ и мы! Христось крещается; сойдемъ съ Нимъ, чтобы съ Нимъ и взойти! Крещается Іисусъ; это одно, или и другое надобно принять во вниманіе? Кто крещающійся? отъ кого и когда крещается?—Чистый, отъ Іоанна, и когда начинаетъ творить знаменія. Что же познаемъ изъ сего, чему научаемся?—Должно предпочиститься, смиренномудрствовать, и проповѣдывать уже по

усовершеніи и духовнаго и тѣлеснаго возраста. Первое нужно тѣмъ, которые приступаютъ къ крещенію небрежно и безъ приготовленія, и не обезпечиваютъ искупленія навыкомъ въ добрѣ. Ибо хотя благодать сія, какъ благодать, даетъ отпущеніе прежнихъ грѣховъ; но тогда тѣмъ паче требуется отъ насъ благоговѣніе, чтобы *не возвращаться* на ту же *блевотину* (Притч. 26, 11). Второе нужно тѣмъ, которые превозносятся противъ строителейъ таинствъ, если преимуществуютъ предъ ними какимъ-либо достоинствомъ. Третье нужно тѣмъ, которые смѣло полагаются на юность, и думаютъ, что всегда время учительству или предсѣдательству. Иисусъ очищается; а ты пренебрегаешь очищеніемъ? Очищается отъ Іоанна; а ты встаешь противъ своего проповѣдника? Очищается, будучи тридцати лѣтъ; а ты, не имѣя еще бороды, учишь старцевъ, или думаешь, что можно учить, не заслуживъ уваженія ни по возрасту, ни даже, можетъ быть, по образу жизни? Потомъ является у тебя Данилъ, тотъ и другой—юные судіи, и всѣ примѣры на языкъ; потому что всякій, поступающій несправедливо, готовъ оправдываться.—Но что рѣдко, то не законъ для Церкви, такъ какъ одна ласточка не показываетъ весны, или одна черта не дѣлаетъ геометромъ, или одно краткое плаваніе—мореходцемъ.

Но Іоаннъ крестить. Приходитъ Иисусъ, освящающій можетъ быть, самаго Крестителя, несомнѣнно же всего ветхаго Адама, чтобъ погребсти въ водѣ, а прежде ихъ и для нихъ освящающій Іорданъ и, какъ Самъ былъ духъ и плоть, совершающій духомъ и водою. Креститель не пріемлетъ; Иисусъ настоятъ. *Азъ требую Тобою креститися* (Матѣ. 3, 14), говоритъ свѣтильникъ Солнцу, гласъ—Слову, другъ—Жениху, тотъ, кто *въ рожденныхъ женами* выше всѣхъ (Матѣ. 11, 11), *Перворожденному* *всѣя твари* (Кол. 1, 5), *взыгравшійся* во чревѣ—Тому, Кто еще въ чревѣ пріянялъ поклоненіе, Предтеча и имѣющій быть Предтечею—Тому, Кто явился и имѣетъ явиться. *Азъ требую Тобою креститися*, присовокупи: и за тебя. Ибо Креститель зналъ, что будетъ креститься мученичествомъ, или что у Него будутъ очищены не однѣ ноги, какъ у Петра. *И Ты ли грядеши ко мнѣ?* И въ этомъ пророчество. Ибо Креститель зналъ, что какъ послѣ Ирода будетъ неистовствовать Пилатъ, такъ за отшедшимъ Предтечею послѣдуетъ Христосъ. Что же Иисусъ? *Остави нынѣ*. Въ этомъ Божіе домостроительство. Ибо Иисусъ зналъ, что вскорѣ Самъ будетъ Крестителемъ Крестителя. Что же значить *лопата* (Матѣ. 3, 12)? Очищеніе. Что—*огонь*?—Потребленіе маловѣснаго и го-

рѣніе духа. Что же *сѣкира*?—Посѣченіе души, остающейся неуврачеванною и по обложеніи *гноемъ*. Что *мечъ*.—Разсѣченіе словомъ, посредствомъ котораго отдѣляется худшее отъ лучшаго, отлучается вѣрный отъ невѣрнаго, возбуждается сынъ противъ отца, дочь противъ матери, и невѣстка противъ свекрови, новое и недавнее противъ древняго и прикровеннаго. Что же значить *ремень сапога* (Марк. 1, 7), котораго не развязываешь ты, Креститель Иисусовъ, житель пустыни, не вкушающій пици, новый Илія, *мишій Пророка* (Матѣ. 11, 9), потому что видѣль Предреченнаго, посредствующій между ветхимъ и новымъ?—что значить онъ?—Можетъ быть ученіе о пришествіи и воплощеніи, въ которомъ и самое крайнее не удобообразуемо, не только для людей плотскихъ и еще младенцевъ во Христѣ, но и для тѣхъ, которые по духу подобны Іоанну. Но восходитъ *Иисусъ отъ воды*, ибо возноситъ съ Собою весь міръ, и видитъ *разводящіяся небеса* (Марк. 1, 10)—небеса, которыя Адамъ, для себя и для потомковъ своихъ, заключилъ такъ же, какъ и рай пламеннымъ оружіемъ. И Духъ свидѣтельствуеть о Божествѣ, потому что приходитъ къ равному; и гласъ съ небесъ, потому что съ неба Тотъ, о Комъ свидѣтельство. И духъ *яко голубь*, потому что чувствуетъ тѣло (и оно по обоженіи Богъ), потому что тѣлесно и вмѣстѣ издалека видимый голубь обыкъ благовѣствовать *прекращеніе потопа*. Если же по объему и вѣсу судишь о Божествѣ—ты, мелко разсуждающій о величайшемъ, и Духъ малъ для тебя, потому что явился въ видѣ голубя; то тебѣ прилично поставить ни во что и царство небесное, потому что оно уподобляется зерну горчичному; прилично величію Иисуса предпочесть противника, потому что онъ называется *горою великою* (Зах. 4, 7) и *левіаѳаномъ* (Іов. 7, 8)¹⁾, и *царемъ встѣмъ живущимъ въ водахъ* (Іов. 41, 25), а Иисусъ именуется *агнцемъ* (1 Петр. 1, 19), *бисеромъ* (Матѣ. 13, 46), *каплею* (Мих. 2, 11), и подобно сему.

Но поелику настоящее торжество ради Крещенія, и намъ должно злопострадать сколько-нибудь съ Тѣмъ, Кто для насъ вообразился, крестился и распятъ; то полюбомудрствуемъ нѣсколько о различіяхъ крещеній, чтобы выйти отсюда очищенными. Крестилъ Моисей; но въ водѣ; а прежде сего *во облацѣхъ и въ мори* (1 Кор. 10, 2); и сіе имѣло прообразовательный смыслъ, какъ разумѣть и Павелъ. Моремъ прообразовалась вода, облакомъ—Духъ, манною—хлѣбъ жизни, питіемъ—Божественное пи-

¹⁾ По переводу Симмаха, у Седмидесяти и въ Славенскомъ великаго кита.

тіе. Крестиль и Іоаннъ, уже не по-Іудейски, потому что не водою только, но и *въ покаяніе* (Матѣ. 3, 11); однако же не совершенно духовно, потому что не присовокупляетъ: *и духомъ*. Крестить и Іисусъ; но Духомъ: въ семь совершенство. Какъ же не Богъ Тотъ, чрезъ Котораго (осмѣлюсь сказать) и ты сдѣлаешься богомъ? Знаю и четвертое крещеніе—крещеніе мученичествомъ и кровію, которымъ крестился и Самъ Христосъ, которое гораздо достоуважительнѣе прочихъ, поколику не оскверняется новыми нечистотами. Знаю также еще и пятое—слезное, но труднѣйшее; имъ крестится *измывающій на всяку ночь ложе свое и постелю слезами* (Пс. 6, 7), кому *возсмердѣша и раны* грѣховныя (Пс. 37, 6), кто *плача и стѣпя* ходитъ (Пс. 34, 14), кто подражаетъ обращенію Манассіину, смиренію помилованныхъ Ниневитянъ, кто произноситъ во храмѣ слова мытаревы, и оправдывается паче тщеславнаго фарисея, кто припадаетъ съ Хананеянкой, проситъ человѣколюбія и крошекъ—пищи самаго голоднаго пса.

Признаюсь, что человѣкъ есть существо премѣнчивое и по природѣ непостоянное; а потому съ готовностію принимаю сіе послѣднее крещеніе, поклоняюсь Даровавшему оное, и сообщаю его другимъ, и милостію искупаю себѣ милость. Ибо знаю, что самъ *обложенъ немощію* (Евр. 5, 2), и какую мѣрою буду мѣрять, то и мнѣ возмѣрится. Но ты, что говоришь? какой даешь законъ, о новый фарисей, именемъ, а не произволеніемъ чистый, и внушающій намъ Новатовы правила, при той же немощи? Ты не принимаешь покаянія? не даешь мѣста слезамъ? не плачешь слезно?—Да не будетъ къ тебѣ таковъ и Судія! Ужели не трогаетъ тебя *человѣколюбіе Іисуса, Который недуги наша пріять, и понесе болѣзни* (Матѣ. 8, 17), Который не къ праведникамъ пришелъ, но къ грѣшникамъ, призвать ихъ на покаяніе, Который *хочетъ милости, а не жертвы* (Матѣ. 9, 13), прощаетъ грѣхи *до семьдесятъ кратъ седмерицею* (Матѣ. 18, 22)? Какъ блаженна была бы твоя высокость, если бы она была чистота, а не надменность, дающая законы неисполнимые для человѣка, и исправленіе оканчивающая отчаяніемъ! Равно худы—и отпущеніе грѣховъ не исправляющее, и осужденіе не знающее пощады; первое совершенно ослабляетъ узду, а послѣднее чрезмѣрнымъ напряженіемъ душитъ. Докажи мнѣ свою чистоту, и я одобрю твою жестокость. А теперь опасуюсь, не по тому ли доказываешь неисцѣльность, что самъ покрыть весь ранами. Ужели не примешь и Давида кающагося, въ которомъ покаяніе сохранило и даръ пророческій?—или великаго Петра, который испы-

талъ на себѣ нѣчто человѣческое при спасительномъ страданіи? Но его принялъ Иисусъ, и троекратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ уврачевалъ троекратное отреченіе. Ужели не примешь и крестившагося кровію (и до того прострется твое высокоуміе!), или Коринескаго беззаконника? Но Павелъ утвердилъ и *любовь* (2 Кор. 2, 8), когда увидѣлъ исправленіе, и причину представилъ, *да не многю скорбію пожертъ будетъ таковъ* (2 Кор. 2, 7) обремененный чрезмѣрностію наказанія.

Ты не позволяешь молодымъ вдовамъ выходить замужъ, несмотря на поползновенность возраста? Но Павелъ отважился на сіе; а ты вѣрно его учитель, какъ восходившій до четвертаго неба, въ иной рай, слышавшій глаголы еще болѣе неизреченные, объявшій еще болшій кругъ Евангелиемъ! „Но Павелъ позволялъ сіе не послѣ крещенія“: какое на то доказательство? Или докажи, или не осуждай. Если же дѣло сомнительно; пусть преобѣдитъ человѣколюбіе.

Но говорятъ, что Новатъ не принималъ тѣхъ, которые пали во время гоненія. Что жъ изъ сего? Если нераскаившихся; справедливо. И я не принимаю такихъ, которые или непреклонны, или не довольно смягчаются, и не вознаграждаютъ за худое дѣло исправленіемъ. Когда и приму; назначаю имъ приличное мѣсто. А если Новатъ не принималъ истекшихъ слезами; не стану ему подражать. И что мнѣ за законъ человѣконенавистничество Новата, который не наказывалъ любостыжанія—второго идолослуженія, а блудъ осуждалъ такъ строго, какъ безплотный и безтѣлесный? Что скажете? Убѣждаемъ ли васъ сими словами? Станьте на одну сторону съ нами—человѣками. Возвеличимъ вмѣстѣ Господа. Никто изъ васъ, хотя бы и слишкомъ на себя надѣялся, да не дерзнетъ говорить: „*не прикоснися мнѣ, яко чистъ есмь* (Ис. 65, 5); и кто чистъ столько, какъ я?“ Сообщите и намъ такой свѣтлости. Но мы не убѣдили?—И о васъ будемъ проливать слезы.

Итакъ сіи, если хотятъ, пусть идутъ нашимъ путемъ и Христовымъ; если же нѣтъ, то своимъ. Можетъ быть они будутъ тамъ крещены огнемъ—этимъ послѣднимъ крещеніемъ самымъ труднымъ и продолжительнымъ, которое поядаетъ вещество какъ сѣно, и потребляетъ легковѣсность всякаго грѣха. А мы почтимъ нынѣ Крещеніе Христово, и благочестно будемъ праздновать, не чрево пресыщая, но веселясь духовно. Какъ же насладимся? *Измойтеся, чисти будете* (Ис. 1, 16). Если вы багряны отъ грѣха и не совѣмъ кровавы, то убѣдитесь, какъ свѣтъ; если

же червлены и совершенные мужи кровей, то придите по крайней мѣрѣ въ бѣлизну волны. Во всякомъ же случаѣ будьте очищены, и очищайтесь. Богъ ни чему такъ не радуется, какъ исправленію и спасенію человѣка; для сего и все слово, и всякое таинство. Да будете *якоже свѣтила въ мѣрѣ* (Фил. 2, 15)—живоносная сила для другихъ людей, и совершенными свѣтами представъ великому Свѣту, да научитесь тайнамъ тамошняго свѣтоводства, чище и яснѣ озаряемые Троицею, отъ Которой нынѣ пріяли въ малой мѣрѣ одинъ лучъ изъ единаго Божества, во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 40, на святое крещеніе.

Вчера торжествовали мы пресвѣтлый день Свѣтовъ; да и прилично было сдѣлать праздничнымъ день нашего спасенія,—гораздо приличнѣе, нежели плотскимъ друзьямъ ежегодно праздновать дни брака, рожденія, нареченія имени, вступленія въ юношескій возрастъ, новоселья, и другіе у людей торжественные дни. Нынѣ же кратко побесѣдуемъ о крещеніи и о благотворномъ его дѣйстви на насъ; хотя вчера не остановилось на семь слово, потому что требовала того краткость времени, а вмѣстѣ и самое слово не хотѣло обременить васъ собою: ибо обремененіе словомъ столько же непріязненно для слуха, сколько излишняя пища для тѣла. Между тѣмъ предлагаемое стоитъ вниманія, и слово о такихъ предметахъ должно слушать не поверхностно, но съ усердіемъ; потому что познать силу сего таинства есть уже просвѣщеніе.

Писаніе показываетъ намъ тройкое рожденіе: рожденіе плотское, рожденіе чрезъ крещеніе и рожденіе чрезъ воскресеніе. Первое изъ нихъ есть дѣло ночи, рабское и страстное; второе есть дѣло дня, оно свободно, истребляетъ страсти, обрѣзываетъ всякій покровъ, лежащій на насъ отъ рожденія, и возводитъ къ горней жизни; третіе страшнѣе и короче первыхъ; оно въ одно мгновеніе соберетъ всю тварь, чтобы предстала Творцу и дала отчетъ въ здѣшнемъ порабоженіи и образѣ жизни, плоти ли только она слѣдовала, или совосторгалась съ духомъ и чтила благодать возрожденія. Всѣ сіи рожденія, какъ оказывается. Христосъ почтилъ Собою: первое — первоначальнымъ и жизненнымъ вдохновеніемъ; второе воплощеніемъ и крещеніемъ, когда крестился Самъ; третіе воскресеніемъ, котораго Самъ сталъ *начат-*

комъ, и какъ содѣлался *первороднымъ во многихъ братіяхъ*, такъ благоволилъ содѣлаться *перворожденнымъ изъ мертвыхъ* (Рим. 8, 29. Кол. 1, 18). Но любомудрствовать о двухъ рожденіяхъ, именно о первомъ и послѣднемъ, неприлично настоящему времени; полюбомудруемъ же о рожденіи среднемъ и для насъ нынѣ необходимомъ, отъ котораго получилъ наименованіе и день Свѣтовъ.

Просвѣщеніе есть свѣтлость душъ, измѣненіе жизни, *вопросненіе совѣсти*, которая отъ Бога (1 Петр. 3, 21). Просвѣщеніе есть пособіе въ нашей немощи, отложеніе плоти, послѣдованіе Духу, общеніе съ Словомъ, исправленіе созданія, потопленіе грѣха, причастіе свѣта, разсѣяніе тмы. Просвѣщеніе есть колесница возносящая къ Богу, сопутствованіе Христу, подкрѣпленіе вѣры, совершеніе ума, ключъ царствія небснаго, перемѣна жизни, снятіе рабства, разрѣшеніе отъ узъ, претвореніе состава. Просвѣщеніе (нужно ли перечислять многое?) есть лучшій и величественнѣйшій изъ даровъ Божіихъ. Какъ есть именуемое Святая Святыхъ и пѣсни пѣсней, поколику послѣднія многообъемлющи и особенно важны; такъ и оно свѣтлѣе всякаго инаго, возможнаго для насъ, просвѣщенія.

Но сей даръ, какъ и Податель его Христосъ, называется многими и различными именами; и сіе происходитъ или оттого, что онъ очень пріятенъ для насъ (обыкновенно же, питающій къ чему-либо сильную любовь съ удовольствіемъ слышитъ и имена любимаго), или оттого, что многообразіе заключающихся въ немъ благодѣяній произвело у насъ и наименованія. Мы именуемъ его даромъ, благодатію, крещеніемъ, помазаніемъ, просвѣщеніемъ, одеждою нетлѣнія, банею пакибытія, печатію, всѣмъ, что для насъ досточестно. Именуемъ даромъ, какъ подаваемое тѣмъ, которые ничего не привносятъ отъ себя;—благодатію, какъ подаваемое тѣмъ, которые еще и должны;—крещеніемъ, потому что въ водѣ спогребается грѣхъ;—помазаніемъ, какъ нѣчто священническое и царское, потому что помазывались цари и священники;—просвѣщеніемъ, какъ свѣтлость;—одеждою, какъ прикровеніе стыда;—банею, какъ омовеніе;—печатію, какъ сохраненіе и знаменіе господства. О семъ дарѣ сорадуются небеса; его славословятъ Ангелы, по сродству свѣтлости; онъ есть образъ небснаго блаженства; его желаемъ и мы воспѣтъ, но не можемъ, сколько должно.

Богъ есть свѣтъ высочайшій, неприступный, неизглаголанчій, ни умомъ непостигаемый, ни словомъ неизрекаемый, про-

свѣщающій всякую разумную природу, то же въ духовномъ мірѣ, что солнце въ чувственномъ, по мѣрѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь, и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый, только Самъ для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее внѣ Его мало изливающийся. Говорю же о свѣтѣ, созерцаемомъ во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ, Которыхъ богатство въ соестественности и въ единомъ исторженіи свѣтлости.

Вторый свѣтъ есть Ангель—нѣкоторая струя, или причастіе перваго Свѣта; онъ находитъ свое просвѣщеніе въ стремленіи къ первому Свѣту и въ служеніи Ему; и не знаю, по чину ли своего стоянія, получаетъ просвѣщеніе, или, по мѣрѣ просвѣщенія, пріемлетъ свой чинъ.

Третій свѣтъ есть человѣкъ, что извѣстно и язычникамъ; ибо свѣтомъ (φῶς) называютъ человѣка, какъ они по силѣ внутренняго нашего слова, такъ и изъ насъ самихъ тѣ, которые наиболѣе уподобляются Богу и приближаются къ Нему.

Знай и иной свѣтъ, которымъ отражена или пресѣчена первобытная тма,—сію первую основу небесной твари, то есть какъ кругообразные пути звѣздъ, такъ и горнюю стражу, осіявающую цѣлый міръ. Свѣтъ была данная первородному и первоначальная заповѣдь; потому что *свѣтъ—свѣтъ заповѣдь закона, и свѣтъ* (Притч. 6, 23), и *зане свѣтъ повелѣнія Твоя на земли* (Ис. 26, 9); хотя завистливая тма, вторгшись, произвела грѣхъ. Свѣтъ также прообразовательный и соразмѣренный съ силами пріемлющихъ есть писанный Законъ, прикрывающій истину и тайну великаго Свѣта; почему и лице Моисеево Имъ прославляется.

Но и еще многими свѣтами украсимъ наше слово. Свѣтъ былъ и явившееся Моисею во огнѣ, когда видѣніе сіе опалило, но не сожигало купину, чтобы и естество показать и силу явить. Свѣтъ—и путеводившее Израиля въ столпѣ огненномъ и дѣлавшее пріятную пустыню. Свѣтъ—восхитившее Илію на огненной колесницѣ, и не опалившее восхищаемаго. Свѣтъ—облиставшее пастырей, когда довременный Свѣтъ соединился съ временнымъ. Свѣтъ—и та красота звѣзды предшествовавшей въ Вифлеемѣ, чтобы и волхвамъ указать путь и сопутствовать Свѣту, который превыше насъ и соединился съ нами. Свѣтъ—явленное ученикамъ на горѣ Божество, впрочемъ нестерпимое для слабаго зрѣнія. Свѣтъ—облиставшее Павла видѣніе и пораженіемъ очей уврачевавшее тму душевную. Свѣтъ—и тамошняя свѣтлость для очистившихся здѣсь, когда *просвѣтятся праведницы яко солнце*

(Мате. 13, 43), и станетъ Богъ посредѣ ихъ, боговъ и царей, распредѣляя и раздѣляя достоинство тамошняго блаженства. Сверхъ сего, свѣтъ, въ собственномъ смыслѣ, есть просвѣщеніе Крещенія, о которомъ у насъ нынѣ слово, и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія.

Поелику вовсе не грѣшить свойственно Богу—первому и несложному естеству (ибо простота мирна и безмятежна), и также, осмѣлюсь сказать, естеству Ангельскому, или естеству ближайшему къ Богу, по причинѣ самой близости; а грѣшить есть дѣло человѣческое, и свойственно дольней сложности (потому что сложность есть начало мятежа): то Владыка не благо-разсудилъ оставить тварь Свою безпомощною, и пренебречь ее, когда она въ опасности возмутиться противъ Него. Но какъ создалъ несуществовавшихъ, такъ возсоздалъ получившихъ бытіе—созданіемъ, которое божественнѣе и выше прежняго, и которое для начинающихъ есть печать, а для совершенныхъ возрастомъ—благодать и возстановленіе образа падшаго чрезъ грѣхъ, чтобы, отъ отчаянія дѣлаясь худшими, и непрестанно увлекаемые имъ въ большее зло, по тому же отчаянію совершенно не стали мы внѣ блага и добродѣтели, и впавъ *во глубину золь*, какъ сказано, *не вознерадѣли* (Притч. 18, 3), но чтобы, какъ совершающіе дальній путь, по успокоеніи отъ трудовъ въ гостинницѣ, такъ и мы, по обновленіи, съ охотою довершили остальнй путь.

Сія благодать и сила Крещенія не потопляетъ міра, какъ древле, но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ человѣкѣ, и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную поврежденіемъ. Поелику же мы состоимъ изъ двухъ естествъ, то есть изъ души и тѣла, изъ естества видимаго и невидимаго; то и очищеніе двоякое, именно: водою и Духомъ; и одно пріемлется видимо и тѣлесно, а другое, въ то же время, совершается нетѣлесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самыя глубины; а сіе, вспомоествуя первому рожденію, изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваря безъ огня и возсизидая безъ разрушенія. Ибо, кратко сказать, подъ силою Крещенія разумѣть должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты.

И конечно, каждый изъ насъ всего болѣе долженъ страшиться и *всякъмъ храненіемъ блости* (Притч. 4, 23) свою душу, чтобы не оказаться намъ солгавшими сему исповѣданію. Ибо, если Богъ принятый въ посредники при договорахъ человѣческихъ утверж-

даетъ ихъ, то сколь опасно содѣлаться нарушителемъ завѣтовъ, которые заключены нами съ Самимъ Богомъ, и быть виновными предъ Истиною, не только въ другихъ грѣхахъ, но и въ самой лжи? Притомъ, нѣтъ другаго ни возрожденія, ни воссозданія, ни восстановленія въ древнее состояніе. Хотя, сколько можно, домогаемся онаго со многими воздыханіями и слезами, и хотя чрезъ сіе закрываются съ трудомъ раны, по крайней мѣрѣ по моему опредѣленію и уставу (точно вѣримъ, что закрываются, даже желали бы, чтобы изгладились и слѣды ранъ; потому что самъ я имѣю нужду въ милосердіи); впрочемъ лучше не имѣть нужды во второмъ очищеніи, но устоять въ первомъ, которое, какъ знаю, всѣмъ есть общее, и не трудно, и равно открыто рабамъ и господамъ, бѣднымъ и богатымъ, низкимъ и высокимъ, благороднымъ и неблагороднымъ, должникамъ и недожнымъ, какъ вдыханіе воздуха и разліаніе свѣта, преемство годовыхъ временъ, разсматриваніе мірозданія—это великое и общее для всѣхъ насъ наслажденіе, а также и равные удѣлы вѣры. Ибо страшно, вмѣсто нетруднаго врачеванія, употреблять труднѣйшее, отвергнувъ благодать милосердія, дѣлаться подлежащимъ наказанію, и вознаграждать за грѣхъ исправленіемъ. Да и сколько нужно пролить слезъ, чтобы онѣ сравнились съ источникомъ Крещенія? И кто поручится, что смерть ждетъ нашего уврачеванія? что предъ судилищемъ станемъ уже не должниками и не имѣющими нужды въ тамошнемъ огненномъ испытаніи? Можетъ-быть ты, добрый и челоуѣколюбивый вертоградарь, будешь молить Господа—попадать еще смоковницу и не поѣкать ее, какъ обвиняемую въ неплодіи (Лук. 13, 6), но дозволить *осыпать ее гноемъ*—слезами, воздыханіями, молитвами, возлежаніемъ на голой землѣ, бѣднїями, изнуреніемъ тѣла и исправленіемъ чрезъ исповѣдь и самоуничуженную жизнь; но неизвѣстно, пощадитъ ли ее Господь, какъ напрасно занимающую мѣсто, между тѣмъ какъ другой имѣетъ нужду въ милосердіи, и дѣлается худшимъ отъ долготерпѣнія къ ней.

Со Христомъ спогребаемся чрезъ крещеніе, чтобы съ Нимъ и возстать; съ Нимъ низойдемъ, чтобы съ Нимъ взойти и на высоту; съ Нимъ взойдемъ, чтобы и прославиться съ Нимъ! Если послѣ крещенія приразится къ тебѣ врагъ свѣта и искуситель (а онъ приразится; ибо приражался къ Слову и Богу моему, обманувшись внѣшнимъ покровомъ, — приражался къ сокрытому Свѣту, обманувшись видимостію); то имѣешь, чѣмъ побѣдить его. Не страшись подвига; противопоставь воду, противопоставь

Духа; симъ угасятся *вся стрѣлы лукаваго разжженныя* (Еф. 6, 16). Ибо здѣсь Духъ, и даже Духъ *разоряяй горы* (3 Цар. 19, 11); здѣсь вода, и даже вода *угашающая огонь*. Если искушитель представить тебѣ нужду (какъ дерзнулъ и Христу), и потребуетъ, да каменіе *хлѣбы* будутъ (Мате. 4, 3), возбуждая тѣмъ голодъ; скажись не незнающимъ его намѣреній. Научи его, чему онъ еще не доучился; противоположи ему слово живота, которое есть хлѣбъ, посылаемый съ неба и дарующій жизнь міру. Если искушаетъ тебя тщеславіемъ (какъ и Христа, возведя *на крыло церковное*, и сказавъ: *верзися низу* въ доказательство Божества, (Мате. 4, 5. 6); не низлагай себя превозношеніемъ. Если сіе приобрѣтеть, не остановится на томъ; онъ ненасытенъ, на все простирается; обольщаетъ добрымъ, и оканчиваетъ лукавствомъ: таковъ способъ его брани! Даже и въ Писаніи свѣдущъ сей душегубецъ; изъ одного мѣста скажетъ: писано есть о хлѣбѣ, изъ другаго: писано объ Ангелахъ. *Писано бо есть, говорить, яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, и на рукахъ возмутъ тя* (Пс. 90, 12). О хитромудренный на зло, для чего не договорилъ и послѣдующаго (я твердо помню сіе, хотя и умолчишь ты), что, ограждаемый Троицею, наступлю на тебя—*аспида и василиска* (13), и буду попирать *змію и скорпію* (Лук. 10, 19)? Если же станетъ преодолевать тебя ненасытностію, въ одно мгновеніе времени и зрѣнія показывая всѣ царства, какъ ему принадлежащія, и требуя поклоненія; презри его, какъ нищаго, и съ надеждою на печать¹⁾ скажи: „я самъ образъ Божій, не погубилъ еще небесной славы, какъ ты чрезъ превозношеніе; я во Христа облекся, во Христа преобразился Крещеніемъ; ты поклонись мнѣ“. И врагъ, какъ твердо знаю, побѣжденный и посрамленный сими словами, какъ отступилъ отъ Христа—перваго Свѣта, такъ отступить и отъ просвѣщенныхъ Имъ.

Сіе даруетъ купель Крещенія ощутившимъ силу ея! Такое ширшество предлагаетъ она имѣющимъ благу алчбу! Итакъ будемъ креститься, чтобы побѣдить; приобщимся очистительныхъ водъ, которыя омывають лучше *вссопа*, очищаютъ паче законной крови, которыя священнѣе, нежели *пепелъ юнцій, кропящій оскверненная* (Евр. 9, 15), имѣющій силу только на время очищать тѣло, а не истреблять совершенно грѣхъ. Ибо какая была бы нужда очищаться тѣмъ, которые однажды очищены? Крестимся нынѣ, чтобы не потерпѣть принужденія завтра; не будемъ

¹⁾ Крещеніе и Мѣропомазаніе.

отдалять отъ себя благодѣяніе, какъ обиду; не будемъ ждать, пока сдѣлаемся худшими, чтобы прощено было намъ больше; не будемъ Христо-корчемниками и Христо-купцами, не станемъ обременять себя сверхъ того, что можемъ понести, чтобы не потонуть вмѣстѣ съ кораблемъ и не подвергнуть кораблекрушенію благодать, погубивъ все, когда надѣялись получить больше. Спѣши къ дару, пока еще владѣешь разсудкомъ; пока не боленъ и тѣломъ и духомъ, или не кажешься больнымъ для присутствующихъ, хотя и здоровъ ты умомъ; пока твое благо не въ чужихъ рукахъ, но ты самъ господинъ ему; пока языкъ твой не запинается, не охладѣлъ и можетъ ясно произнести (не говорю уже о большемъ) слова тайноводства; пока можешь сдѣлаться вѣрнымъ такъ, чтобы другіе не догадывались только о семъ, но удостовѣрившись въ томъ, не сожалѣли о тебѣ, но ублажали тебя; пока даръ для тебя очевиденъ, а не сомнителенъ, благодать касается глубинъ, а не тѣло омывается на погребеніе; пока нѣтъ около тебя слезъ—признаковъ твоего отшествія, или только въ угожденіе тебѣ удерживаютъ ихъ, а жена и дѣти желаютъ продлить минуту разлуки и помогаютъ послѣднихъ отъ тебя словъ; пока нѣтъ при тебѣ неискуснаго врача, обѣщающаго нѣсколько часовъ жизни, которые не въ его власти, наклоненіемъ головы опредѣляющаго надежду исцѣленія, умѣющаго разсуждать о болѣзни послѣ смерти, удаленіемъ отъ тебя или вынуждающаго большую плату, или дающаго знать о безнадежности; пока не спорятъ о тебѣ креститель и корыстолюбецъ спѣша—одинъ тебя напутствовать, а другой вписаться къ тебѣ въ наслѣдники, между тѣмъ какъ время не позволяетъ ни того, ни другого. Для чего ждешь благодѣянія отъ горячки, а не отъ Бога? отъ времени, а не отъ разсудка? отъ коварнаго друга, а не отъ спасительной любви? не отъ собственной воли, а отъ принужденія? не отъ свободы, а отъ крайности обстоятельствъ? Почему тебѣ надобно отъ другого узнавать о своемъ отшествіи, а самъ не хочешь помыслить о немъ, какъ уже о наступившемъ? Почему домогаешься врачевствъ, которыя ни мало не помогутъ? Ждешь пота, обѣщающаго переломъ болѣзни, когда можетъ быть близокъ потъ смертный? Врачуй самъ себя до наступленія нужды; пожалѣй о себѣ ты—близкій цѣлитель недуга. Запаси самъ для себя истинно спасительное врачевство. Пока плывешь при попутномъ вѣтрѣ, страшись кораблекрушенія, и имѣя помощницей боязнь, меньше потерпишь при самомъ кораблекрушеніи. Пусть даръ съ торжествомъ пріемлется, а не съ плачемъ; пусть талантъ отдается въ обращеніе, а не зарывается

въ землю; пусть будетъ какой-нибудь промежутокъ между благо-
датію и кончиною, чтобы не только изгладились худыя письма, но и
написаны были на ихъ мѣстѣ лучшія, чтобы тебѣ имѣть не
только благодать, но и воздаяніе, не только избѣжать огня, но и
наслѣдовать славу, которую приобрѣтаетъ даръ, отданный въ
обращеніе. Одни низкіе духомъ почитаютъ великимъ дѣломъ
избѣжать наказанія; а возвышенные духомъ домогаются и на-
грады.

Мнѣ извѣстны три степени въ спасаемыхъ: рабство, наемни-
чество и сыновство. Если ты рабъ; то бойся побоевъ. Если наем-
никъ; одно имѣй въ виду—получить. Если стоишь выше раба
и наемника, даже сынъ, стыдись Бога какъ отца; дѣлай добро,
потому что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не на-
дѣялся ты получить; угодить отцу само по себѣ награда. Да не
окажемся пренебрегающими сіе! Какъ безразсудно захватывать
себѣ имущество, а отвергать здравіе; очищать тѣло, а очищеніе
души имѣть только въ запасъ; искать свободы отъ дольняго раб-
ства, а горней не желать; прилагать все тщаніе, чтобы домъ и
одежда были пышны, а не заботиться, чтобы самому стать достой-
нымъ большаго; имѣть усердіе благодѣтельствовать другимъ, а
не хотѣть сдѣлать добро себѣ! Если бы благо сіе покупалось на
деньги; ты не пожалѣлъ бы никакихъ сокровищъ. А если пред-
лагается изъ человѣколюбія; пренебрегаешь готовность благо-
творенія.

Всякое время прилично для омовенія; потому что во всякое
время постигаетъ смерть. Велегласно зываю къ тебѣ съ Павломъ:
се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія (2 Кор. 6,
2); а словомъ *нынѣ* означаетъ онъ не извѣстное одно время, но
всякое. И еще: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и*
освятитъ тя Христосъ (Еф. 5, 14), прекращающей грѣховную
ночь; потому что *въ нощи надежда зла*, говоритъ Исаія (28, 19),
и полезнѣе быть приняту утромъ. Сѣй, когда время; собирай, и
разрушай житницы, также когда время; и сади въ пору, и обирай
виноградъ зрѣлый; смѣло пускай въ море корабль весною, и
води его въ пристань, когда наступаетъ зима, и начинается бу-
шевать море. Пусть будетъ у тебя *время брани и мира*, брака и
безбрачія, дружбы и раздора, если и онъ тебѣ нуженъ, и вообще
время всякаго дѣла, если сколько-нибудь должно вѣрить Соло-
мону (Еккл. 3, 1—8). А вѣрить ему должно, потому что совѣтъ
полезенъ. Но спасеніе свое всегда содѣлывай, и всякое время да
будетъ благовременно для крещенія.

Если, минуя настоящій день, постоянно имѣешь въ виду завтрашній, и такими недолгими отсрочками держать тебя, по обычаю своему, во власти своей лукавый, внушая: „отдай мнѣ настоящее, а Богу будущее; мнѣ юность, а Богу старость; мнѣ годы удовольствій, а Ему ни къ чему негодный возрастъ“; то въ какой ты опасности! Сколько нечаянныхъ случаевъ! Или война потребила, или землетрясеніе подавило развалинами, или море поглотило, или звѣрь похитилъ, или болѣзнь погубила, или кроха остановившаяся въ горлѣ (ибо всего легче умереть человѣку, хотя и высоко думаешь о томъ, что ты образъ), или излишнее употребленіе питія, или порывистый вѣтеръ, или увлекшій конь, или злонамѣренно приготовленный ядовитый составъ, а можетъ быть и вмѣсто спасительнаго оказавшійся вреднымъ, или судія безчеловѣчный, или неумолимый исполнитель казни, или сколько еще такихъ случаевъ, отъ которыхъ въ скорѣйшемъ времени бываетъ смерть, и никакія пособія не сильны остановить ее! Если же предоградишь себя печатію, обезопасишь свою будущность лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ пособіемъ, ознаменовавъ душу и гѣло Мвропомазаніемъ и Духомъ, какъ древле Израиль мощною и охраняющею первенцовъ кровію и помазаніемъ (Исх. 12, 13); тогда что можетъ тебѣ приключиться? И сколько для тебя сдѣлано! Слушай, что сказано въ Притчахъ: *аще бо сядеши, безбоязненъ будеши, аще же поспиши, сладостно поспиши* (Притч. 3, 24). Что и у Давида благовѣствуется? *Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ сряща и бѣса полуденнаго* (Пс. 90, 5. 6). Сіе и во время жизни весьма важно для твоей безопасности (и вору не легко покуситься на овцу, на которой положенъ знакъ, а неимѣющую на себѣ знака безъ опасенія украдутъ), и по отшествіи отъ жизни—прекрасный погребальный покровъ, который свѣтлѣе всякой одежды, дороже золота, великолѣпнѣе гробницы, священнѣе бесплодныхъ насыпей, благовременнѣе спѣлыхъ начатковъ, что все мертвецы приносятъ въ даръ мертвецамъ, обративъ обычай въ законъ. Пусть все у тебя погибнетъ, все будетъ похищено: деньги, имущество, престолы, отличія, и что еще относится къ дольней коловратности; но ты безопасно окончишь жизнь свою, не утративъ ни одного изъ пособій, дарованныхъ тебѣ Богомъ ко спасенію.

Но ты опасаясь, чтобы не растлить въ себѣ благодати, и потому отлагаешь очищеніе, какъ не имѣющій другаго? Что же? Не боишься ли, что подвергнешься опасности во время гоненія и лишишься лучшаго достоянія—Христа? Ужели по сей причинѣ

станешь избѣгать того, чтобы и Христіаномъ стать? Да удалится отъ тебя такой страхъ нездраваго человѣка, такое разсужденіе повредившагося въ умѣ!

Какая очень неосторожная, если можно такъ сказать, осторожность! Какое коварное ухищреніе лукаваго! Онъ дѣйствительная тма, и притворяется свѣтомъ; когда не можетъ успѣть, нападавая открыто, строить невидимыя козни; и будучи лукавъ, представляетъ изъ себя добраго совѣтника, чтобы ему какимъ бы то ни было способомъ непремѣнно одолѣть, а намъ ни въ какомъ случаѣ избѣгнуть его навѣтовъ. То же очевиднымъ образомъ строить онъ и здѣсь. Не имѣя возможности явно убѣдить тебя— презирать крещеніе, вредить тебѣ вымышленною осторожностію, чтобы тебѣ, чего ты страшился, когда самъ не примѣчаешь, потерпѣть то отъ страха, и поелику ты опасался растлить даръ, чрезъ сіе самое опасеніе лишиться дара. Таковъ врагъ; и никогда не оставитъ своего двоедушія, доколѣ видить, что мы поспѣшаемъ къ небу, откуда онъ ниспалъ. Но ты, человѣкъ Божій, проникай въ злоумышленіе противника; у тебя борьба съ сильнымъ и о дѣлѣ самомъ важномъ; не бери въ совѣтники врага; не пренебрегай тѣмъ, чтобы именоваться и быть вѣрнымъ.

Доголѣ ты оглашенный, дотолѣ стоишь въ преддверіи благочестія; а тебѣ должно взойти внутрь, пройти дворъ, видѣть Святаю, приникнуть взоромъ во Святаю-Святыхъ, быть съ Троицею. Велико то, за что у тебя брань; великое потребно тебѣ и огражденіе. Противопоставь щитъ вѣры; врагъ боится, когда вступаешь въ сраженіе съ оружіемъ. Для того желаетъ видѣть тебя обнаженнымъ отъ благодати, чтобы удобнѣе было побѣдить безоружнаго и ничѣмъ неохраняемаго. Онъ касается всякаго возраста, всякаго рода жизни; посему отражай его во всемъ.

Если ты молодъ; стань съ споборниками противъ страстей, впившись въ воинство Божіе; мужайся противъ Голіаѳа, плѣни тысящи и тмы. Такъ пользуйся возрастомъ, и не потерпи, чтобы увяла твоя юность, умерщвленная несовершенствомъ вѣры.

Ты старъ, и близокъ для тебя необходимый всѣмъ срокъ; уважь сѣдину, и требуемымъ ею благоразуміемъ вознагради за немощь, какую имѣешь теперь; окажи помощь немногимъ днямъ своимъ; ввѣрь старости очищеніе. Для чего въ глубокой старости и при послѣднемъ издыханіи боишься свойственнаго юности? Или ждешь, чтобы омыли тебя мертваго, возбуждающаго не столько сожалѣніе, сколько ненависть? Или любишь останки удовольствій, самъ будучи останкомъ жизни? Стыдно, изнемогая возра-

стомъ, не изнеможь похотию, но, или дѣйствительно ей предаваться, или казаться похотливымъ, откладывая очищеніе.

У тебя есть младенецъ?—Не давай времени усилиться поврежденію; пусть освященъ будетъ въ младенчествѣ и съ юныхъ ногтей посвященъ Духу. Ты боишься печати, по немощи естества, какъ малодушная и маловѣрная мать? Но Анна и до рожденія обѣщала Самуила Богу, и по рожденіи вскорѣ посвятила, и воспитала для священной ризы, не боясь человѣческой немощи, но вѣруя въ Бога. Нѣтъ никакой тебѣ нужды въ привѣскахъ и напептываніяхъ, вмѣстѣ съ которыми входитъ лукавый, привлекая къ себѣ отъ легковѣрныхъ благоговѣніе, должное Богу. Дай своему младенцу Троицу—сіе великое и доброе хранилище¹⁾).

Что еще? Хранишь ли ты дѣвство?—Запечатлѣй очищеніемъ; содѣлай его сообщникомъ и собесѣдникомъ въ жизни; пусть оно управляетъ у тебя и жизнью и словомъ, и каждымъ членомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ чувствомъ. Почти его, чтобы оно украсило тебя; *да дастъ глазъ твоей внѣць благодатей, внѣць же сладости защититъ тя* (Притч. 4, 9). Ты связалъ себя узами брака; свяжи также и печатью. Сдѣлай своею сожительницею сію охранительницу цѣломудрія, которая гораздо надежнѣе многихъ евнуховъ, многихъ придверниковъ.

Если ты еще не сопрягся плотію; не страшись совершенія; ты чистъ и по вступленіи въ бракъ. Я на себя беру отвѣтственность; я сочетатель, я невѣстоводитель. Ибо бракъ не безчестенъ потому только, что дѣвство честнѣе его. Я буду подражать Христу, чистому Невѣстоводителю и Жениху, Который чудодѣйствуетъ на бракъ, и Своимъ присутствіемъ доставляетъ честь супружеству. Да будетъ только бракъ чистъ и безъ примѣси нечистыхъ пожеланій. Объ одномъ только прошу: прими даръ, какъ огражденіе, и дару принеси отъ себя чистоту на время, пока продолжаютъ дни, установленные для молитвы, которые честнѣе дней рабочихъ; и то по взаимному условію и согласію (1 Кор. 7, 5). Ибо не законъ предписываемъ, но даемъ совѣтъ, и хотимъ взять нѣчто изъ твоего для тебя же и для общей вашей безопасности.

Кратко же сказать: нѣтъ рода жизни, нѣтъ состоянія, для котораго бы крещеніе не было всего полезнѣе. Имѣющій власть, прими узду; рабъ—равночестіе; унывающій—утѣшеніе, благо-

¹⁾ Φολακτήριον—повязка на лбу и на рукахъ съ словами изъ закона Божія, употреблявшаяся у Гудеевъ (Матѣ. 23, 5)

душествующей—руководительство, убогий—некрадомое богатство, избыливающей—прекрасное распоряженіе тѣмъ, что имѣешь. Не умудряйся, не ухищрайся противъ своего спасенія. Хотя и обманываемъ другихъ, но самихъ себя обмануть невозможно. Да и самое опасное и безразсудное дѣло играть самимъ собою.

Но ты живешь въ обществѣ, отъ обращенія съ людьми—не безъ оскверненія; потому страшно, чтобы не истощилось Божіе къ тебѣ милосердіе? Отвѣтъ на сіе простъ. Если можно, бѣги и торжища съ своимъ добрымъ спутникомъ. Подвяжи себѣ крылья орлиныя, или, собственнѣе скажу, голубиныя; ибо что тебѣ до кесаря и принадлежащаго кесарю, пока не почіеешь тамъ, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни очерненія, ни змія, угрызающаго на пути и препятствующаго тебѣ шествовать по Бозѣ. Искхитъ душу свою изъ міра; бѣги Содома; бѣги пожара; иди не озираясь, чтобы не отвердѣть въ соляной камень; спасайся въ гору, чтобы и тебя не постигла вмѣстѣ гибель. Если же ты не воленъ уже въ себѣ, и обязался необходимыми узами; то скажи самъ себѣ, или, лучше, я тебѣ скажу: всего превосходнѣе сподобиться блага и сохранить очищеніе. Если же невозможно совмѣстить то и другое; то лучше очернить себя иногда нѣсколько мірскими обязанностями, нежели совершенно лишиться благодати, какъ лучше, думаю, получить иногда выговоръ отъ отца и господина, нежели быть отъ него вовсе отринутымъ; и лучше озаряться нѣсколькими лучами, нежели быть въ совершенной тмѣ. А благоразумному свойственно избирать какъ изъ благъ большія и совершеннѣйшія, такъ и изъ золъ меньшія и легчайшія. Посему не слишкомъ бойся очищенія. Ибо праведный и человѣколюбивый Судія нашихъ дѣлъ всегда цѣнить заслуги наши, соображаясь съ родомъ жизни каждаго. И неоднократно тотъ, кто, живя въ мірѣ, успѣлъ въ немногомъ, бралъ преимущество предъ тѣмъ, кто едва не успѣлъ во всемъ, живя на свободѣ: такъ какъ, думаю, большее заслуживаетъ удивленіе—въ узахъ идти медленно, нежели бѣжать, не имѣя на себѣ тяжести, и, идя по грязи, немного замараться, нежели быть чистымъ на чистомъ пути. Въ доказательство же слова скажу, что Раавъ блудницу оправдало одно только страннлюбіе, хотя и не одобряется она ни за что другое, и мытаря, ни за что другое не похваленнаго, одно возвысило, именно смиреніе, дабы ты научился не вдругъ отчаяваться въ себѣ.

Но скажешь: „какая мнѣ польза преждевременно связать себя крещеніемъ, и поспѣшностію лишитъ себя пріятностей жизни, когда можно насладиться удовольствіями, и потомъ сло

добиться благодати? Ибо начавшимъ ранѣе трудиться въ виноградникѣ не оказано никакого предпочтенія, но дана плата равная съ послѣдними“ (Матѣ. 20, 1—15). Ты, говорящій сіе, чье бы ни было такое разсужденіе, избавилъ насъ отъ труда, открывъ не безъ скорби тайну своего медленія, и не одобряя тебя за худое дѣло, хвалю за признаніе. Но выслушай и объясненіе притчи, чтобы, по неопытности, не извлечь тебѣ вреда изъ Писанія. Во-первыхъ, здѣсь рѣчь не о крещеніи, но о вѣрующихъ и вступающихъ въ добрый виноградникъ—Церковь въ разныя времена; ибо въ который день и часъ кто увѣровалъ, съ того самаго и обязанъ трудиться. Потомъ, пришедшіе прежде, хотя больше сдѣлали пожертвованія, если мѣрять трудъ, но не больше, если мѣрять произволеніе; а можетъ-быть послѣдніе и больше заслужили, хотя такое сужденіе и странно нѣсколько. Причиною поздняго вступленія въ виноградникъ было позднее призваніе къ дѣланію онаго. Разсмотримъ же, какое было различіе во всемъ прочемъ. Первые увѣровали и пришли не прежде, какъ по объявленіи имъ условной платы; а послѣдніе приступили къ дѣлу безъ договора, что служитъ признакомъ большей вѣры. Первые обнаружили въ себѣ зависть и склонность къ ропоту, а послѣдніе не обвиняются ни въ чемъ подобномъ. И данное первымъ, при всемъ ихъ лукавствѣ, была плата; а данное послѣднимъ—милость; почему первые, уличенные еще въ неразуміи, справедливо лишены большаго. Спрашивается: что было бы имъ, если бы они опоздали?—Очевидно, равная съ прочими плата. Итакъ, за что же жалуются на дающаго плату, будто бы онъ не уравнивалъ трудившихся, давъ поровну? Все сіе уменьшаетъ цѣну пота, пролитаго первыми, хотя они и прежде начали трудиться. Изъ чего видно, что раздѣлъ платы по ровну былъ справедливъ; ибо произволеніе измѣряемо было наравнѣ съ трудомъ. Но если притча, по твоему толкованію, иносказательно изображаетъ силу омовенія; что препятствуетъ, пришедши прежде и понесши *варъ*, не завидовать послѣднимъ, чтобы ты имѣлъ преимущество и въ этомъ самомъ—въ челоуѣколюбіи, и получилъ воздаяніе, какъ долгъ, а не какъ даръ? Наконецъ мзду получаютъ тѣ дѣлатели, которые взошли въ виноградникъ, а не около него ходять. А есть опасность, чтобы съ гобою не случилось послѣдняго. Посему, если бы ты зналъ, что сподобишься дара и при такихъ разсужденіяхъ, когда злонамѣренно сокращаешь нѣсколько свой трудъ; то извинительно было бы прибѣгать къ такимъ разсчетамъ и желать нѣчто выторговать у челоуѣколюбія Владыки: не говорю уже, что большій трудъ

самъ по себѣ есть большая награда для человѣка, у котораго сердце не вовсе предано корчемству. Если же угрожаетъ тебѣ опасность—черезъ такой торгъ совѣмъ не взойти въ виноградникъ, и выгадывая малое, можешь понести убытокъ въ главномъ; те убѣдись моими словами, и оставивъ неправыя толкованія и возраженія, безъ расчетовъ приступи къ дару, чтобы не лишиться жизни прежде исполненія надеждъ, и не узнать на опытѣ, что подобныя лжеумствованія дѣлалъ ты самъ противъ себя.

„Что же?—скажешь; развѣ Богъ не милосердъ? Онъ знаетъ помышленія, испытуетъ расположеніе, и желаніе креститься не пріемлетъ развѣ за самое крещеніе?“ Ты говоришь похожее на загадку, если у Бога, по человѣколюбію Его, непросвѣщенный есть тоже, что просвѣщенный или съ вошедшимъ въ царствіе небесное равенъ и тотъ, кто желаетъ только получить иное, хотя и не творить дѣлъ царствія. Но осмѣлюсь сказать о семъ, что думаю; полагаю же, что согласятся со мною и другіе, имѣющіе умъ. Изъ пріявшихъ даръ, одни были совершенно далеки отъ Бога и спасенія, вдавались во всѣ роды порока и старались быть порочными. Другіе были какъ-бы въ половину худы, и держались середины между добродѣтелью и порокомъ; они хотя дѣлали зло, однакоже не одобряли сдѣланнаго, какъ больные горячкою не хвалятъ своей болѣзни. Иные же и до совершенія были достойны похвалы, или отъ природы, или потому что собственнымъ тщаніемъ предпочищали себя къ Крещенію; а по совершеніи оказались еще лучшими и осторожнѣйшими; предпочищали себя, чтобы получить благо, а соблюдали большую осторожность, чтобы сохранить оное. Изъ всѣхъ нихъ лучше совершенно худыхъ тѣ, которые отстали нѣсколько отъ порока, а лучше нѣсколько отставшихъ болѣе ревностные и предвоздѣлавшіе себя къ Крещенію, потому что имѣютъ нѣкоторое преимущество, именно дѣятельность; а Крещеніе, изглаждая грѣхи, не уничтожаетъ заслугъ. Но лучше всѣхъ исчисленныхъ тѣ, которые воздѣлываютъ и самую благодать, и образуютъ себя до возможно-большой лѣпоты. Равнымъ образомъ между неприемлющими Крещенія, одни совершенно подобны скотамъ или звѣрямъ, по своему неразумію или злонаравію. Сверхъ прочихъ золъ въ нихъ есть и то, что они, какъ думаю, не очень уважаютъ и даръ Крещенія; но дѣйствительно какъ даръ, если данъ имъ, любятъ, и если не данъ, презираютъ. Другіе хотя и чтутъ даръ, но медлятъ принять оный, то по нерадѣнію, то по невоздержности. Иные даже не имѣютъ возможности и принять дара, или можетъ-быть по малолѣтству, или по какому-то совер-

шенно не зависящему отъ нихъ стеченію обстоятельствъ, по которому не сподобляются благодати, хотя бы сами того и желали. И, какъ между первыми нашли мы большое различіе, такъ находимъ и между послѣдними. Совершенные презрители хуже невоздержныхъ и нерадивыхъ;; а послѣдніе хуже тѣхъ, которые по невѣдѣнію, или по принужденію, лишаются дара; ибо сдѣланное по принужденію есть не иное что, какъ невольное прегрѣшеніе. И думаю, что одни потерпятъ наказаніе какъ за другіе пороки, такъ и за презрѣніе Крещенія. Другіе же хотя потерпятъ наказаніе, но меньшее; потому что не столько по злонавію, сколько по невѣдѣнію не получили Крещенія. А послѣдніе не будутъ у праведнаго Судіи ни прославлены, ни наказаны; потому что, хотя незапечатлѣны, однакоже и не худы, и больше сами потерпѣли нежели сдѣлали вреда. Ибо не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій недостойный чести достоинъ уже наказанія. Разсмотрю и слѣдующее. Если ты признаешь убійствомъ одно намѣреніе убить, безъ совершенія убійства; то почитай крещеннымъ желавшаго креститься, но не крестившагося дѣйствительно. Если же не признаешь перваго, то почему признать послѣдняго? Не вижу причины. Но когда хочешь, разсудимъ и такъ. Если достаточно желанія вмѣсто силы Крещенія, и за одно желаніе присуждаешь себѣ славу; то и вмѣсто славы удовлетворишься однимъ желаніемъ. И какой для тебя вредъ не сподобиться оной, когда имѣешь желаніе?

Итакъ поелику вы слышали гласы сіи; *приступите къ нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся* (Пс. 33, 6) отъ того, что не достигли благодати. Примите просвѣщеніе, пока есть время, *да тма васъ не преслѣдуетъ и не иметъ* (Іоан. 12, 35), удаливъ отъ просвѣщенія. Наступитъ ночь, и тогда—по отшествіи отсюда никто не можетъ дѣлать. Первое есть слово Давида, а послѣднее—Истиннаго Свѣта, *просвѣщающаго всякаго человека, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Подумайте, что и Соломонъ жестоко укоряетъ васъ нерадивыхъ и медлительныхъ: *доколь о лѣннive лежиши? когда же отъ сна встанеши* (Притч. 6, 9)? Вымышляемъ то и другое *непщевати вины о грѣсѣхъ* (Пс. 140, 4). „Жду дня Свѣтовъ; болѣе уважаю Пасху; дождусь Пятидесятницы: лучше со Христомъ просвѣтиться; со Христомъ возстать въ день воскресенія; почитать явленіе Духа“. Что же потомъ? Кончина придетъ внезапно, *въ день, въ онъже не чаялъ еси, и въ часъ, въ онъже не вѣдалъ еси* (Лук. 12, 46). А при

тебѣ золь *путникъ*—*убожество* (Притч. 6, 11) благодати, и ты будешь алчень среди толикаго богатства благодсти. Тебѣ должно въ противоположномъ пожинать противоположное, въ неусыпномъ трудѣ жатву и въ источникѣ прохлажденіе, подобно томимому сильною жаждою, который со тщаніемъ бѣжитъ къ источникамъ, и утомленіе отъ пути погашаетъ водою, а не терпѣть Измаиловой части, не истаевать жаждою отъ безводія, или, по пословицѣ, не мучиться жаждою среди источника. Не хорошо миновать торжище, и потомъ искать покупокъ; не хорошо пройти мимо манны, и потомъ пожелать пищи; худо позднее сожалѣніе, худо тогда уже почувствовать свою потерю, когда нѣтъ способа отвратить ее, то-есть по отшествіи отсюда, по горькомъ заключеніи того, что совершено каждымъ въ жизни, по наказаніи грѣшниковъ и прославленія очищенныхъ. Посему не медлите приступить къ благодати, но поспѣшайте, чтобы не предварилъ васъ разбойникъ, не предускорилъ прелюбодѣй, не взялъ предъ вами преимущества лихоимецъ, не предвосхитилъ блага убійца, мытарь, блудникъ, или кто-нибудь изъ тѣхъ, которые берутъ царствіе силою и хищнически (Матѳ. 11, 12), а оно, по благодсти, добровольно терпитъ насиліе и хищеніе. Будь медлень на злое дѣло, а скоръ ко спасенію, любезный, какъ убѣждаю я. Ибо равно худы и готовность на худшее, и медленность къ лучшему. Если бы позвали тебя пировать, не спѣши; если бы—отречься отъ Вѣры, бѣги прочь; если бы въ скопищѣ злонамѣренныхъ людей сказали тебѣ: *иди съ нами, пріюбщися крове: скроемъ же въ землю мужа праведна неправедно* (Притч. 1, 11),—не приклоняй и слуха. Ибо пріобрѣтешь отъ сего двѣ весьма великія пользы: и ихъ разумишь о грѣхѣ, и самъ избавишься худаго сообщества. Но если говоритъ тебѣ великій Давидъ: *пріидите, возрадуемся Господеви* (Пс. 94, 1); или другой Пророкъ: *пріидите, взыдемъ на гору Господню* (Ис. 2, 3); или Самъ Спаситель: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28); и еще: *встаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31) свѣтлые свѣтло, *возблставъ паче снѣга, огустѣвъ паче млека, просіявъ паче камене сапфира* (Плач. Іер. 4, 7): то не будемъ уклоняться и медлить. Сдѣлаемся Петромъ и Іоанномъ: какъ они спѣшили ко гробу и на воскресеніе, такъ и мы поспѣшимъ къ купели Крещенія; потечемъ то *вкупъ*, то *скорѣ* другъ друга (Іоан. 20, 4), стараясь предвосхитить благо. И *не рцы: отшедъ возвратися, и завтра* крещуся, *сильну ти сущу нынѣ* *благодстворити* (Притч. 3, 28).

„Пусть придеть мать, пусть придеть отецъ, придуть братья, жена, дѣти, друзья, все, что для меня дорого, и тогда спасуся; а теперь еще не время мнѣ стать свѣтлымъ“. Но бойся, чтобы не стали сообщниками плача тѣ, которыхъ ты надѣялся имѣть сообщниками веселія. Если они съ тобою, хорошо; а если нѣтъ, не ожидай. Стыдно говорить: „гдѣ у меня приношеніе по Крещенію? Гдѣ свѣтлая одежда, въ которой бы просвѣтиться Крещеніемъ? гдѣ нужное для принятія моихъ крестителей, чтобы и въ этомъ не остыдить себя?“—Но сіе, какъ видишь, весьма необходимо, и безъ сего благодать умалится! Не занимайся мелочами въ дѣлахъ важныхъ; не предавайся низкимъ чувствованіямъ; таинства важнѣе видимаго; самого себя принеси въ даръ, во Христа одлекись, напитай меня своею жизнію: такому гостепріимству радъ я, сіе угодно и Богу. Который даруетъ величайшія блага. Изъ великаго для Бога ничего нѣтъ, чего бы не далъ и нищій, чтобы нищіе и въ семъ не отставали, не имѣя, чѣмъ соревновать съ богатыми. И хотя въ другомъ есть различіе между богатымъ и убогимъ; однакоже здѣсь кто усерднѣе, тотъ и богатѣе. Ничто да не препятствуетъ тебѣ идти впередъ, ничто да не отвлекаетъ назадъ твоего усердія. Пока желаніе сильно, получай желаемое; пока горячо желѣзо, закаляй его въ холодной водѣ, чтобы не встрѣтилось чего къ пресѣченію твоего желанія. Я Филиппъ; будь Евнухомъ Кандакїи. Скажи и самъ: *се вода, что возбраняетъ ми креститися* (Дѣян. 8, 36)? Лови случай, будь радъ благу. И сказавъ, крестись; и крестившись, спасись. Хотя бы ты былъ муринъ тѣломъ, убѣлишь душею; получи спасеніе, котораго нѣтъ ничего выше, ничего досточестнѣе для имѣющихъ умъ.

Не говори: „меня долженъ крестить Епископъ, притомъ Митрополитъ и Іерусалимлянинъ (благодать не отъ мѣста, а отъ Духа), сверхъ того кто-нибудь изъ людей благородныхъ; ибо опасно, чтобы благородство мое не было унижено крестителемъ; или хотя священникъ, но безбрачный, человекъ воздержный и ангельской жизни; ибо несосно, если осквернюсь во время очищенія“.—Не вникай въ достовѣрность проповѣдника или крестителя. У нихъ есть другой Судія, испытующій и невидимое; потому что *человѣкъ* (зритъ) *на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. 16, 7). А къ очищенію тебя всякой достоинъ вѣры; только былъ бы онъ изъ числа получившихъ на сіе власть, не осужденныхъ явно и не отчужденныхъ отъ Церкви. Не суди судей ты, требующій врачеванія; не разбирай достоинства очищающихъ тебя; не дѣлай выбора, смотря на родителей. Хотя одинъ другаго лучше,

или ниже, но всякій выше тебя. Разсуди такъ: два перстня, золотой и желѣзный, и на обоихъ вырѣзанъ одинъ и тотъ же царскій ликъ, и обими сдѣланы печати на воску. Чѣмъ одна печать отлична отъ другой?—Ничѣмъ. Распознай вещество на воску, если ты всѣхъ премудрѣе. Скажи: который оттискъ желѣзнаго, и который золотого перстня? И отъ чего онъ одинаковъ? Ибо хотя вещество различно, но въ начертаніи нѣтъ различія. Такъ и крестителемъ да будетъ у тебя всякій! Ибо хотя бы одинъ превосходилъ другаго по жизни, но сила Крещенія равна, и одинаково можетъ привести тебя къ совершенству всякій, кто наставленъ въ той же вѣрѣ.

Не гнушайся креститься вмѣстѣ богатый съ бѣднымъ, благородный съ худороднымъ, господинъ съ тѣмъ, который доселѣ рабъ его. Ты не окажешь столько смиренномудрія, сколько Христосъ, въ Котораго нынѣ крещаясь, Который для тебя принялъ и зракъ раба. Съ того дня, въ который обновляешься, всѣ старыя отличія миновались, всѣ одинакимъ образомъ облакаются во Христа.

Зная, какъ крестилъ Іоаннъ, не стыдись исповѣдать грѣхъ свой, чтобы, подвергшись стыду здѣсь, избѣжать онаго тамъ; потому что и стыдъ есть часть тамошняго наказанія. Докажи, что дѣйствительно возненавидѣлъ ты грѣхъ, предъ всѣми открывъ и выставивъ его на позоръ.

Не презирай врачевства заклинанія; не ропщи на его продолжительность; и это есть испытаніе искренности, съ какою приступаешь къ Крещенію. Что жъ, если и столько потрудишься, сколько Евѳопская царица, которая подвиглась *отъ конецъ земли*, чтобы видѣть премудрость Соломонову? И *се множае Соломона здѣ* для разумѣющихъ дѣло совершенно (Лук. 11, 31).

Да не устрашаютъ тебя ни дальность пути, ни обширность моря, ни огонь, если онъ на дорогѣ, ни другое какое-либо, малое или большее, препятствіе, чтобы сподобиться благодати. Если же безъ всякаго труда, безъ всякихъ издержекъ, можно тебѣ получить желаемое; то сколь безразсудно отлагать даръ! Сказано: *жаждущіи идите на воду*; такъ повелѣваетъ тебѣ Исаія, *и елицы не имате сребра, шедше купите, и пійте вино безъ сребра цѣны* (Ис. 55, 1). Какая скорость въ челоуѣколюбіи! какое удобство для купли! Надобно только пожелать блага, и оно поступаетъ въ продажу; самое стремленіе принимается за великую цѣну. Господь жаждетъ, чтобы Его жаждали, напоеваетъ желающихъ пить; пріемлетъ за благодѣяніе, если просятъ у Него благодѣянія,

доступенъ, великодаровитъ; съ большею пріятностію даетъ, нежели иные пріемлютъ сами. Только не обнаружимъ въ себѣ низкой души, прося того, что маловажно и не достойно Давшаго. Блаженъ, у кого просить питія Христось, какъ у Самарянки, и кому даетъ *источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14)! Блаженъ *стющій при всякой водѣ* (Ис. 32, 20) и во всякой душѣ, которая завтра будетъ воздѣльваема и напаяема, и которую нынѣ *волъ и осель попираетъ*; потому что поросла терніемъ, безводна, подавлена неразуміемъ! Блаженъ, кто, хотя *водотечъ ситія* (Іоил. 3, 18), напоевается *отъ дому Господня*, и вмѣсто тростника произрацаетъ хлѣбъ, приноситъ пищу годную для людей, а не жесткую и бесполезную; о чемъ и должно прилагать всякое стараніе, чтобы не остаться недостижными общей благодати.

Возражать: „пустъ все это справедливо будетъ въ сужденіи ищущихъ Крещенія. Но что скажешь о тѣхъ, которые еще младенцы, не чувствуютъ ни вреда, ни благодати? Крестить ли намъ и ихъ?“—Непремѣнно; если настоятъ опасность. Ибо лучше безъ сознанія освятиться, нежели умереть незапечатлѣннымъ и несовершеннымъ. Доказательствомъ сему служить осмодневное обрѣзаніе, которое въ прообразовательномъ смыслѣ было нѣкоторою печатію, и совершалось надъ неполучившими еще употребленія разума; а также помазаніе пороховъ, чрезъ неодушевленные вещи охраняющее первенцевъ. О прочихъ же малолѣтнихъ даю такое мнѣніе: дождавшися трехлѣтія, или нѣсколько ранѣе, или нѣсколько позже, когда дѣти могутъ слышать что-нибудь таинственное и отвѣчать, хотя не понимая совершенно, однакожь напечатлѣвая въ умѣ, должно освящать ихъ души и тѣла великимъ таинствомъ совершенія. Причина же сему слѣдующая: хотя дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, когда и разумъ придетъ въ зрѣлость, и уразумеютъ они Таинство (потому что за грѣхи невѣдѣнія не взыскивается съ нихъ по причинѣ возраста); однакоже оградиться имъ Крещеніемъ безъ сомнѣнія гораздо полезнѣе, по причинѣ внезапно встрѣчающихся съ ними, и никакими способами не предотвращаемыхъ, опасностей.

Скажутъ: „Христось, при всемъ томъ, что Онъ Богъ, крещается тридцати лѣтъ; какъ же повелѣваешь спѣшить крещеніемъ?“—Сказавъ, что Онъ—Богъ, ты рѣшилъ вопросъ. Онъ—источная чистота, и не имѣлъ нужды въ очищеніи; очищается же для тебя, такъ какъ и плоть носить для тебя, Самъ будучи без-

плотенъ. Ему не было никакой опасности откладывать Крещеніе; потому что Самъ былъ властенъ и въ страданіи, равно какъ и въ рожденіи. Но для тебя не малая опасность, если умрешь, родившись для одного тлѣнія, и не облекшись въ нетлѣніе. Беру во вниманіе и то, что Христу необходимо было креститься въ такое время; а твои отношенія инаковы. Ибо Онъ явился міру тридцати лѣтъ отъ рожденія, а не прежде, частію для того, чтобы не показаться дѣйствующимъ изъ тщеславія (что составляетъ недугъ людей незнающихъ приличія), частію же потому, что въ семь возрастѣ совершенно испытывается добродѣтель и прилично быть учителемъ. Когда же надлежало пострадать спасительнымъ для міра страданіемъ; тогда нужно стало, чтобы присоединилось къ страданію все, относящееся къ страданію, какъ-то: явленіе въ міръ, Крещеніе, свидѣтельство свыше, проповѣдь, стеченіе народа, чудеса и то, чтобы изъ всего составить какъ-бы одно цѣлое неразсторжимое и нераздѣленное промежутками. Ибо отъ Крещенія и проповѣди—потрясеніе (какъ называется сіе обстоятельство въ Писаніи, Матѣ. 21, 2) стекающихся, отъ множества же народа—явленіе знаменій и чудеса, приводящія къ Евангелію; а отъ чудесъ зависть, отъ зависти ненависть, отъ ненависти совѣщаніе и предательство, отъ сего же крестъ, и все, чѣмъ мы спасены. Такъ было со Христомъ, и по такимъ причинамъ, сколько для насъ постижимо. А можетъ-быть найдется сему и другое сокровеннѣйшее основаніе. Но тебѣ какая нужда, слѣдуя примѣрамъ, которые выше тебя, рѣшиться на худое? Ибо и многое другое изъ повѣствуемаго о тогдашнихъ событіяхъ оказывается инаковымъ, нежели какъ дѣлается нынѣ, и не сходится во времени. Напримѣръ, Христосъ постился предъ искушеніемъ, а мы постимся предъ Пасхою. Значеніе обоихъ постовъ одинаково, но относительно ко времени не малое между ними различіе. Христосъ противопоставляетъ постъ искушеніямъ, а у насъ знаменуетъ онъ умерщвленіе со Христомъ, и служитъ предпразднственнымъ очищеніемъ. Христосъ постился сорокъ дней, потому что Онъ Богъ; а мы соразмѣрили постъ съ силами; хотя ревность убѣждаетъ нѣкоторыхъ простираться и сверхъ силъ. Также Христосъ таинственно преподаетъ ученикамъ Пасху въ горницѣ, по вечерамъ и за день до страданія, а мы совершаемъ ее въ молитвенныхъ домахъ, до вечера, и по воскресеніи. Онъ воскресаетъ въ третій день; а мы воскреснемъ по прошествіи многаго времени. Итакъ наши дѣйствія и неразрывны съ дѣлами Христовыми, и не сопряжены съ ними относительно ко времени: напротивъ того,

Христовы дѣла преданы намъ для того, чтобы служили нѣкоторымъ образцемъ для нашихъ дѣйствій, но совершеннаго сближенія между ними быть не можетъ. Что же удивительнаго, если Христось, хотя ради насъ принялъ Крещеніе, но отличается отъ насъ относительно ко времени? Но на сіе, кажется мнѣ, указываешь ты, какъ на нѣчто удивительное и великое, когда противоборствуешь своему спасенію!

Итакъ, если сколько-нибудь слушаетесь меня, оставивъ таковыя умствованія, притеките сами къ благу и совершите два подвига: предпочистите себя ко Крещенію, и сохраните Крещеніе. Ибо столько же трудно, и стяжать благо, котораго не имѣемъ, и стяжавъ, сберечь. Часто прибрѣтенное со тщаніемъ утрачивается по нерадѣнію, а безопасно погубленное возвращается рачительностію. Къ полученію желаемаго весьма хорошія у тебя пособія: бдѣнія, посты, возлежаніе на голой землѣ, молитвы, слезы, милосердіе къ бѣднымъ, милостыня. Сіе же да будетъ у тебя и благодарственнымъ приношеніемъ за полученныя тобою блага, и вмѣстѣ охранительнымъ средствомъ. Служить ли для тебя благодѣяніе напоминаніемъ многихъ заповѣдей? Не преступай ихъ. Пришелъ нищій? Вспомни, какъ ты былъ убогъ, и какъ обогатился! Онъ проситъ у тебя хлѣба, или питія; или можетъ-быть другой Лазарь лежитъ у твоихъ воротъ? Устыдись таинственной трапезы, къ которой ты приступалъ, хлѣба, котораго вкусилъ, чаши, которой приобщился, освященный Христовыми страданіями. Припалъ къ тебѣ странникъ, не имѣющій дома, пришедшій издалека? Прими въ его лицѣ Содѣлавшагося ради тебя странникомъ, даже странникомъ между Своими, Водворившагося въ тебя благодатію, и Привлекшаго тебя къ горнему жилищу. Будь Закхеемъ, который вчера былъ мытарь, а нынѣ сталъ щедръ: все принеси въ даръ Христову вшествію, чтобы оказаться тебѣ великимъ, хорошо увидѣть Христа, хотя малъ ты возрастомъ тѣлеснымъ. Лежитъ недужный и изъязвленный? Устыдись своего здравія и тѣхъ язвъ, отъ которыхъ избавилъ тебя Христось. Если видишь нагаго, одѣнь изъ уваженія къ твоей ризѣ нетлѣнія, то есть ко Христу; потому что *елицы во Христа крестихомся, во Христа облекхомся* (Гал. 3, 27). Если встрѣтишь припадающаго должника, всякое *писаніе* праведное и *неправедное раздери* (Ис. 58, 6). Вспомни тысячи талантовъ, которые простилъ тебѣ Христось. Не будь лютымъ истязателемъ за меньшій долгъ, и притомъ для кого?—Для подобныхъ тебѣ рабовъ, когда прощенъ Тебѣ Господомъ большій долгъ; бойся, чтобы не понести тебѣ

наказанія за Его человѣколюбіе, которое дано тебѣ въ образецъ, и которому ты не подражалъ. Да будетъ для тебя купель сія очищеніемъ не только тѣла, но и образа Божія, не измовеніемъ только грѣховъ, но и исправленіемъ жизни. Пусть не только омоетъ прежнюю нечистоту, но очиститъ и источникъ. Пусть научитъ, не только прекрасно приобрѣтатъ, но и прекрасно лишаться приобрѣтеннаго, или, что гораздо легче, отказываться отъ приобрѣтеннаго худо. Ибо что пользы, если тебѣ отпущенъ грѣхъ, а обиженному не сдѣлано удовлетворенія за ущербъ, тобою причиненный? Тобою сдѣлано двоякое зло: и приобрѣтено неправедно, и удержано приобрѣтенное; въ первомъ ты получилъ прощеніе; во вторымъ и нынѣ дѣлаешь неправду; потому что и теперь есть у тебя чужое, и грѣхъ не истребленъ, а только раздѣленъ на двое временемъ; на одно отважился ты до Крещенія, а другое продолжаешь и послѣ Крещенія. Но купель даетъ отпущеніе грѣховъ содѣланныхъ, а не содѣваемыхъ. Надобно, чтобы очищеніе не на показъ было произведено, а проникло тебя, чтобы ты совершенно сталъ свѣтель, а не прикрашенъ снаружи, чтобы благодать служила не прикровеніемъ грѣховъ, но освобожденіемъ отъ нихъ. *Блаженн, иже оставишася беззаконія*, сказано о совершенномъ очищеніи; и *иже прикрывшася грѣси* (Пс. 31, 1),— о тѣхъ, у которыхъ внутреннее еще не очищено. *Блаженъ мужъ, емуже не вѣмнитъ Господь грѣха* (2),—это какъ бы третій разрядъ согрѣшающихъ, которыхъ дѣла не похвальны, но сердце неповинно.

Что же говорю? И къ чему клонится слово мое? Вчера ты, душа, была Хананеяною, скорченною отъ грѣха (Лук. 13, 11), а нынѣ выпрямлена Словомъ; не сгибайся снова, не наклоняйся къ землѣ, какъ обремененная узами лукаваго, не доходи до такого униженія, чтобы трудно было подняться тебѣ! Вчера изсыхала ты отъ сильнаго кровоточенія, потому что источала убійственный грѣхъ, а нынѣ изсякъ потокъ, и ты цвѣтеешь, потому что *прикоснулась воскрилію ризы Христовой, и ста токъ* (Матѣ. 9, 20. Лук. 8, 44). Храни же очищеніе, чтобы опять не стать кровоточивою и не лишиться силъ коснуться Христа и похитить спасеніе. Ибо Христосъ не часто позволяетъ Себя окрадывать, хотя и весьма человѣколюбивъ. Вчера лежалъ ты на одрѣ разслабленнымъ и недвижимымъ, и не имѣлъ человѣка, да *егда возмутится вода, ввержетъ тя въ купель* (Іоан. 5, 7); а нынѣ нашла ты человѣка вмѣстѣ и Бога, или, лучше сказать, Богочеловѣка; ты взялъ отъ одра, или, лучше, самъ взялъ одръ и раз-

гласиль о благодѣяніи. Бойся опять слечь на одръ, разслабнувъ отъ удовольствій грѣховнаго и тѣлеснаго покоя; но иди здоровымъ, помня заповѣдь; *се здоровъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14), если послѣ такого благодѣянія окажешься худымъ. *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. 11, 43), сказано было тебѣ, лежавшему во гробѣ, великимъ гласомъ (ибо что велегласнѣ Слова?); и ты вышелъ не четверодневный, но многодневный, воскресши съ Тридневнымъ, и разрѣшенъ отъ погребальныхъ пеленъ. Не омертвѣй снова, не пребывай съ живущими во гробахъ, и не связывайся пленицами собственныхъ грѣховъ. Неизвѣстно, возстанешь ли опять изъ гробовъ до послѣдняго и общаго воскресенія, которое всю тварь приведетъ на судъ, не для уврачеванія, но чтобы услышать приговоръ и дать отчетъ во всемъ, что приобрѣтено добраго или худаго. Если ты доселѣ покрытъ былъ проказою, то-есть безобразіемъ порочной жизни, а теперь, очистившись отъ гнойнаго вещества, воспринялъ здоровый образъ; покажи свое очищеніе мнѣ, твоему іерею, чтобы могъ я узнать, сколько оно выше очищенія подзаконнаго. Не будь въ числѣ девяти неблагодарныхъ, но подражай десятому. Хотя онъ былъ и Самарянинъ, но признательнѣе другихъ. Остерегайся, чтобы опять не *процвѣсть* (Лев. 13, 12) тебѣ худо, и чтобы въ тѣлѣ твоёмъ не произошло неизлечимаго расстройства. Прежде руку твою дѣлали сухою бережливостъ и скупостъ; а теперь да прострутъ ее милостыня и человѣколюбіе. Прекрасное врачество для больной руки—расточать, давать убогимъ, все, что ни имѣешь, исчерпывать щедро, пока не дойдешь до дна (можетъ быть и оно будетъ тебѣ, какъ Сарептянкѣ, источать пищу, особливо, если случится тебѣ напитать Ілію), и признавать добрымъ стяжаніемъ нищету для Христа, насъ ради обнищавшаго. Если ты былъ глухъ и нѣмъ; то да огласить тебя Слово, или, лучше, удержи огласившаго; не заграждай ушей своихъ отъ ученія и наставленія Господня, какъ аспидъ *отъ гласа обавяющихъ* (Пс. 57, 6).

Если ты былъ слѣпъ и лишенъ свѣта; *просвѣти очи свои, да не когда уснешь въ смерть* (Пс. 12, 4), во свѣтѣ Господнемъ узри свѣтъ, въ Духѣ Божіемъ—Сына, озарись тройственнымъ и нераздѣльнымъ Свѣтомъ. Если примешь въ себя всецѣлое Слово; то соберешь въ душу свою всѣ врачеванія Христовы, какими каждый врачуется отдѣльно; только смотри, чтобы не оказаться тебѣ незнающимъ мѣры въ благодати, чтобы во время твоего сна и недоброй беззаботности врагъ не посѣялъ плевель; чтобы тебѣ,

возбудивъ чистотою зависть въ лукавомъ, опять не содѣлать себя чрезъ грѣхъ достойнымъ сожалѣнія, чтобы, безмѣрно радуясь благу и превозносясь имъ, не пасть отъ сего превозношенія; а напротивъ того всегда трудись надъ очищеніемъ, полагая *восхожденія въ сердца своемъ* (Пс. 83, 6); сподобившись, по дару, отпущенія грѣховъ, со всякимъ тщаніемъ блюди оное, чтобы отпущеніе зависѣло отъ Бога, а соблюденіе и отъ тебя.

Какъ же сего достигнуть? Помни всегда Христову притчу; это будетъ для тебя самымъ лучшимъ и совершеннымъ пособіемъ. Вышелъ изъ тебя нечистый и вещественный духъ, изгнанный Крещеніемъ. Ему несносно гоненіе; онъ не терпитъ быть бездомнымъ и безпріютнымъ; проходитъ *сквозь безводныя мѣста*, гдѣ пересохъ Божественный потокъ (ибо тамъ любитъ онъ быть); скитается, *ища покоя, и не обрѣтаетъ*. Приступаетъ къ душамъ крещеннымъ, въ которыхъ порчу омыла купель. Боятся воды, душить его очищеніе, какъ легионъ издохъ въ морѣ. Опять возвращается въ домъ, изъ котораго вышелъ; потому что безстыденъ и упоренъ; снова приступаетъ, новья дѣлаетъ покушенія. Если найдеть, что Христосъ водворился и занялъ мѣсто, имъ оставленное; то снова отраженный уходитъ безъ успѣха, продолжая свое жалкое скитаніе. Если же найдеть въ тебѣ мѣсто *пометенное и украшенное*, пустое, ничѣмъ незанятое, равно готовое къ принятію того или другаго, кто бы ни пришелъ первый; послѣдно входятъ, поселяется съ большими противъ прежняго запасами, *и будутъ послѣдняя горшка первыхъ* (Матѣ. 12, 43—45). Ибо прежде была надежда на исправленіе и осторожность, а теперь явно стало поврежденіе, чрезъ удаленіе добра привлекающее къ себѣ лукавое; почему для поселившагося обладаніе мѣстомъ сдѣлалось тверже.

Еще, и не одинъ разъ, напому тебѣ о просвѣщеніяхъ, что могъ о нихъ вычитать въ Божіемъ словѣ; потому что и самому будетъ пріятно воспоминаніе о семъ (что пріятнѣе свѣта вкусившимъ свѣта?), и тебя озарю словами Писанія: *свѣтъ возсія праведнику*, и сопряженное съ нимъ *веселіе* (Пс. 96, 11). *Свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9). *Просвѣщаеши ты дивно отъ горъ вѣчныхъ* (Пс. 75, 5), говорятъ Богу, какъ думаю, Ангельскія силы, которыя содѣйствуютъ намъ въ добрыхъ дѣлахъ. *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся* (Пс. 26, 1)?—такъ говоритъ Давидъ. И онъ иногда проситъ *послать* ему *свѣтъ и истину* (Пс. 42, 3), а иногда благодаритъ за то, что пріобщился онаго; такъ какъ *знаменася* на немъ *свѣтъ* Божій (Пс. 4, 7), то есть впечатлѣлись и оказались признаки даннаго

ему озаренія. Будемъ бѣгать одного только свѣта, порождаемаго ложнымъ огнемъ, не будемъ *ходить свѣтомъ огня нашего и пламенемъ, егоже разжегохомъ* (Ис. 50, 11). Знаю огонь очистительный, который *воврещи на землю* (Лук. 12, 49) пришелъ Христось, и Самъ, примѣнительно, именуемый *огнемъ* (Евр. 12, 29). Онъ истребляетъ вещество и злые навыки; почему Христось и хочетъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся (Лук. 12, 49); ибо желаетъ ускорить благодѣяніе, когда и *угліе огненное* даетъ намъ *въ помощь* (Ис. 47, 14. 15). Знаю огонь и не очистительный, но карательный, или Содомскій, который *на всѣхъ грѣшниковъ одождитъ Господь*, присоединивъ *жупель и духъ буренъ* (Пс. 10, 6), или *уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. 25, 41), или тотъ, который *предходитъ* лицу Господа и *попалаетъ окрестъ враги Его* (Пс. 96, 3). Есть еще и сихъ ужаснѣйшій огонь, который за-одно дѣйствуетъ съ червемъ неусыпающимъ, не угасимъ, но увѣковѣченъ для злыхъ. Ибо все сіе показываетъ силу истребительную, если только не угодно кому и здѣсь представлять сіе человѣколюбивѣе и сообразно съ достоинствомъ наказующаго.

Но какъ извѣстенъ двоякій огонь, такъ есть и двоякій свѣтъ. Одинъ есть свѣтильникъ ума, и направляетъ стопы наши по Богу. А другой обманчивъ, пытливъ, противоположенъ истинному свѣту, и выдаетъ себя за истинный свѣтъ, чтобъ оболестить наружностію. Это есть тма, и представляется полуднемъ, лучезарнѣйшимъ свѣтомъ. Такъ слышу о *присно въ полуденной тмѣ бѣгущихъ* (Ис. 16, 3). Это есть ночь, и почитается просвѣщеніемъ у растлѣнныхъ сластолюбіемъ. Ибо что говорить Давидъ?—Нощъ была вокругъ меня окаяннаго, и я не зналъ, потому что просвѣщеніемъ почиталъ наслажденіе (Пс. 138, 11). Но таковы предающіеся сластолюбію; а мы *просвѣтимъ себѣ свѣтъ въдѣннйя*; и онъ просвѣтится, если будемъ *стѣять въ правду* и *собирать плодъ живота* (Ос. 10, 12), такъ какъ дѣятельность приводитъ и къ созерцанію, чтобы сверхъ прочаго знать и то, какой свѣтъ истиненъ и какой ложенъ, и не ошибаться, избирая вмѣсто добраго худшее. Содѣлаемъ свѣтомъ, какъ именовалъ учениковъ великій Свѣтъ: *вы есте свѣтъ міра* (Матѳ. 5, 14). Будемъ *свѣтила въ міръ*, *слово животнo придерживаще* (Фил. 2, 15, 16), то есть будемъ животворною силою для другихъ. Да емлемся Бога, да емлемся перваго и чистѣйшаго Свѣта; да идемъ *къ сіянію Его* (Вар. 4, 2), *прежде даже не преткнутъся нозъ наши къ горамъ темнымъ и непріязненнымъ* (Іер. 13, 16). Пока день, *яко во дни, благо-*

образно да ходимъ, не козлогласовании и пѣяствы, не любодѣяніи и студодѣяніи; такъ какъ это тайныя дѣла ночи (Рим. 13, 13).

Очистимся, братія, въ каждомъ членѣ, содѣлаемъ невиннымъ каждое чувство. Да не будетъ въ насъ ничего несовершеннаго, ничего отъ перваго рожденія, не оставимъ въ себѣ ничего не просвѣщеннаго. Просвѣтимся окомъ, чтобы смотрѣть право, и чрезъ зрѣніе пристальное и любопытное не вносить въ себя какого-либо любодѣйнаго кумира. Ибо хотя и не послужимъ страсти, но осквернимъ душу. Ежели есть у насъ бревно или сучецъ; очистимъ, чтобы можно было намъ увидѣть ихъ и у другихъ. Просвѣтимся слухомъ, просвѣтимся языкомъ, да услышимъ, что возглаголетъ Господь Богъ, и *слышану* намъ *сотворитъ завтра милость* (Пс. 142, 8), и *слуху нашему* даны будутъ *радость и веселіе* (Пс. 50, 10), оглашающія слухъ божественный; да не будемъ *ни мечъ остръ* (Пс. 56, 5), ни *бритва изощрена* (Пс. 51, 4), да не обращаются у насъ *подъ языкомъ трудъ и болѣзнь* (Пс. 9, 28), но да *глаголетъ премудрость Божию въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 7), чтя огненные языки (Дѣян. 2, 3). Уврачуемся въ обоняніи, чтобы не извѣжить себя и вмѣсто пріятнаго благовопія не покрыться прахомъ; но исполниться благоуханіемъ отъ истощеннаго насъ ради Мвра, воспріявъ Его духовно, въ такой мѣрѣ изъ Него составляясь и въ Него претворяясь, чтобы отъ насъ самихъ благоухало *воню благоуханія* (Еф. 5, 2). Очистимся въ осязаніи, вкусѣ, гортани, не ища мягкихъ прикосновеній, не утѣшаясь гладкостію вещей, но осязая, какъ должно, воплотившееся насъ ради Слово и подражая въ семъ *Оумѣ*; не раздражая вкуса влагами и снѣдами, возбуждающими гибельнѣйшія для насъ раздраженія, но вкусивъ и познавъ, *яко благи Господь*—наша лучшая и вѣчная пища (Пс. 33, 9); нисколько не прохладя горькую и неблагодарную гортань, которая влагаемое въ нее пропускаетъ и не удерживаетъ въ себѣ, но увеселяя ее словами сладчайшими меда. Сверхъ сего хорошо, имѣя голову очищенную, какъ очищается глава—исходище чувствъ, держаться Главы Христовой, изъ которой *все тѣло составляетъ и счинтвается* (Еф. 4, 16), и низлагать преобладающій нашъ грѣхъ, превозносящійся надъ лучшимъ въ насъ. Хорошо имѣть освященныя и очищенныя рамена, чтобы можно было понести крестъ Христовъ, не для всякаго удобоносимый. Хорошо имѣть освященныя руки и ноги,—руки, *да на всякомъ мѣстѣ воздѣваются преподобныя* (1 Тим. 2, 8), *пріемлютъ наказаніе Христово, да не когда прощывается Господь* (Пс. 2, 12), и за дѣятельность вѣрится имъ

слово, какъ было дано въ *руку*¹⁾ одного изъ Пророковъ (Агг. 1, 1); ноги, да будутъ *не скоры изліати кровь*, и не на зло текутъ (Притч. 1, 16), но готовы къ благовѣствованію, къ *почести вышняго званія* (Филип. 3, 14) и къ принятію омывающего и очищающего Христа. А ежели есть очищеніе и чрева²⁾, которое принимаетъ и раздѣляетъ словесную пищу; то хорошо и его не боготворить, ублажая сластопитаніемъ и упраздняемыми брашнами, но, сколько можно болѣе, очищать и утончать, чтобы принимало внутрь себя слово Господне, и прекрасно болѣзновало о падающемъ Израилѣ (Іер. 4, 19). Нахожу, что даже сердце и внутренности удостоены чести. Въ семь убѣждаетъ меня Давидъ, который проситъ, да *созидется* въ немъ *сердце чисто, и духъ правъ обновится во утробѣ* (Пс. 50, 12), разумѣя подъ симъ, какъ думаю, силу мыслительную, ея движенія или помыслы. Что же думаешь о чреслахъ и почкахъ? И сего не оставимъ безъ вниманія; пусть и ихъ коснется очищеніе. Да будутъ чресла наши препоясаны и укрѣплены воздержаніемъ, какъ древле у Израиля, по закону, вкушающего пасху; ибо никто не выходитъ чисто изъ Египта и не избѣгаетъ всегубителя иначе, какъ обуздавъ и чресла. Пусть и въ почкахъ произойдетъ доброе измѣненіе, вождельвательная сила устремлена будетъ къ Богу, чтобы можно было сказать: *Господи, предъ Тобою все желаніе мое* (Пс. 37, 10), и *дне чловѣча не пожелахъ* (Іеор. 17, 16). Ибо должно содѣлаться мужемъ желаній, желаній духовныхъ. Такимъ образомъ истребится въ васъ змій, имѣющій большую часть крѣпости *на пупѣ и на чреслахъ* (Іов. 40, 11); когда умерщвлено будетъ состоявшее подъ владычествомъ его. Но не дивись, если и *неблагообразнымъ нашимъ большу даю честь* (1 Кор. 12, 23), умерщвляя и уцѣломудривая ихъ словомъ, и мужественно стоя противъ вещества. *Всѣ уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), отдадимъ Богу, всѣ освятимъ, а не *препонку печени* (Лев. 8, 25), не почки съ тукомъ, не ту или другую часть тѣла. Ибо для чего дѣлать безчестнымъ и прочее? Всецѣло принесемъ самихъ себя, будемъ всесожженіемъ словеснымъ, жертвою совершенною. Не одно рамо, не одну грудь содѣлаемъ участіемъ жреческимъ (Лев. 7, 34); ибо сего мало: но всецѣло предадимъ себя самихъ, да и воспримемъ себя всецѣло; потому что совершенно себя воспріять значитъ предаться Богу и принести въ жертву собственное свое спасеніе.

1) По Славянскому переводу: *рукою*, но въ Греческомъ текстѣ: *ἐν τῇ χειρὶ*.

2) Богословъ разумѣетъ здѣсь подъ чревомъ память.

А паче всего, и прежде всего, храни добрый залогъ, для котораго живу и несу свое званіе, который желалъ бы я имѣть спутникомъ при отшествіи изъ міра, съ которымъ и все скорби переношу, и презираю все пріятности жизни; храни исповѣданіе вѣры въ Отца и Сына и Святаго Духа. Сіе исповѣданіе вѣрую тебѣ нынѣ, съ нимъ погружу въ купель, съ нимъ и изведу. Его даю тебѣ на всю жизнь товарищемъ и заступникомъ,—единое Божество и единую Силу, Которая обрѣтается въ Трехъ единично, и объемлетъ Трехъ раздѣльно, безъ различія въ сущностяхъ или естествахъ, не возрастаетъ или не умалется, чрезъ прибавленія и убавленія, повсюду равна, повсюду та же, какъ единая красота и единое величіе неба. Оно есть Трехъ Безконечныхъ безконечная соестественность, гдѣ и Каждый, умосозерцаемый самъ по Себѣ, есть Богъ, какъ Отецъ и Сынъ, Сынъ и Духъ Святой, съ сохраненіемъ въ Каждомъ личнаго свойства, и Три, умопредставляемые вмѣстѣ,—также Богъ; первое по причинѣ единосуція, послѣднее по причинѣ единоначалія. Не успѣю помыслить объ Единомъ, какъ озаряюсь Тремя. Не успѣю раздѣлить Трехъ, какъ возношусь къ Единому. Когда представляется мнѣ Единое изъ Трехъ; почитаю сіе цѣлымъ; Оно наполняетъ мое зрѣніе, а большее убѣгаетъ отъ взора. Не могу объять Его величія, чтобы къ оставшемуся придать большее. Когда совокупаю въ умосозерцаніи Трехъ; вижу единое свѣтило, не умѣя раздѣлить или измѣнить соединеннаго свѣта. Ты боишься рожденія, чтобы не пострадалъ чего-либо Богъ не страждущій; а я страшусь твари, чтобы не утратить мнѣ Бога, чрезъ оскорбленіе и несправедное разсѣченіе, отсѣкая или Сына отъ Отца, или отъ Сына сущность Духа. Ибо странно то, что у худо взвѣшивающихъ Божество не только въ Божество вводится тварь, но и самая тварь разсѣкается опять сама на себя. Сими низкими и долу поверженными, какъ Сынъ унижается предъ Отцемъ, такъ опять унижено достоинство Духа даже и предъ Сыномъ; такъ что и Богъ и тварь поруганы симъ новымъ богословіемъ. Въ Троицѣ, достопочтенные, нѣтъ ничего рабскаго, ничего тварнаго, ничего вноснаго, какъ слышалъ я отъ одного изъ мудрыхъ. *Аще быхъ еще человекомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ*, говоритъ божественный Павелъ (Гал. 1, 10). Если бы еще поклонялся я твари, или въ тварь крестился, то я не обожился бы и не измѣнился бы въ первое рожденіе. Что скажу тѣмъ, которые кланяются Астартѣ или Хамосу—*мерзости Сидонскій* (3 Цар. 11, 7), или образу звѣзды (Амос. 5, 26)—бога, по вѣрованію язычниковъ, нѣсколько высшаго, впро-

чемъ твари и дѣла рукъ человѣческихъ; если самъ или не покланяюсь Двумъ¹⁾, въ Которыхъ крестился, или покланяюсь Имъ, какъ подобнымъ мнѣ рабамъ? Ибо все же Они рабы, хотя и почтеннѣе нѣсколько; потому что и между подобными рабами бываетъ различіе и предпочтеніе. Готовъ бы я назвать большимъ Отца, отъ Котораго и равенство имѣють Равные, и бытіе (въ чемъ всѣ согласятся): но боюсь, чтобы Начала не содѣлать началомъ меньшихъ, и не оскорбить предпочтеніемъ. Ибо нѣтъ славы Началу въ униженіи Тѣхъ, Которые отъ него. Притомъ подозреваю, что ты, по своей неумѣренности, взявшись за слово *большій*, раздвоишь естество, ко всему прилагая понятіе большаго. Отецъ больше не по естеству, но по виновности; потому что между равносущными въ отношеніи къ сущности нѣтъ ни большаго, ни меньшаго. Готовъ бы я предпочесть Духу Сына, какъ Сына, но не дозволяетъ сего Крещеніе, совершающее меня Духомъ. Но боишься, что укорятъ тебя въ троебожіи?—Пользуйся симъ благомъ—единствомъ въ Трехъ, а защищеніе предоставь мнѣ. Дозволь мнѣ быть кораблестроителемъ, а ты владѣй кораблемъ. А ежели есть у тебя другой кораблестроитель, то сдѣлай меня водчимъ своего дома; самъ же живи въ домѣ безопасно, хотя ты ни мало не трудишься. И на кораблѣ поплывешь, и въ домѣ будешь жить не менѣе благополучно, чѣмъ и я—строитель ихъ, хотя ты и не прилагалъ къ сему никакихъ трудовъ. Видишь ли какое благодущіе? Видишь ли благоволеніе Духа? Сражаться—мое дѣло, а тебѣ предоставляются плоды побѣды. Пусть меня низлагаютъ; а ты наслаждайся миромъ, и помогая молитвами сражающемуся за тебя, подай ему руку чрезъ вѣру. У меня три камня, которыми поражу изъ пращи иноплеменика; у меня три дуновения на сына Сарептянки (3 Цар. 17, 21), которыми оживотворю умерщвленныхъ; у меня три возліянія на полтна (3 Цар. 18, 34. 25), которыми освящу жертву, возбудивъ водою чудесный огонь, и низложу пророковъ студныхъ, употребивъ къ сему силу таинства.

Но къ-чему продолжать слово? Теперь время учить, а не спорить. Свидѣтельствую предъ Богомъ и предъ избранными Ангелами, что ты будешь крещенъ съ сею вѣрою. Если въ сердцѣ гвоемъ написано иначе, нежели какъ требуетъ мое ученіе; поди, мы перепишемъ. Я не неискусный краснописецъ этого; пишу, что написано, учу, чему научился и что сохранилъ отъ начала до

¹⁾ Духу и Сыну.

этой сѣдины. Мнѣ опасность; мнѣ и награда, какъ приставнику души твоей, совершающему тебя Крещеніемъ. Если право вѣруешь, и назнаменованъ добрыми писменами; храни написанное, при коловратности время пребывая неизмѣннымъ въ томъ, что само неизмѣнно. Подражай Пилату, только въ лучшую сторону; худо написавшему подражай ты, хорошо написанный. Скажи переувѣряющимъ тебя: *еже писахъ, писахъ* (Іоан. 19, 22). Ибо мнѣ было бы стыдно, если бы доброе удобно приводилось въ колебаніе, тогда какъ зло пребываетъ непоколебимо. Должно быть удободвижнымъ отъ худшаго къ лучшему, а неподвижнымъ отъ лучшаго къ худшему. Если такъ крещаеться и по такому учению; *се устнамъ моимъ не возбраню* (Пс. 39, 10), се отдаю руки Духу. Ускоримъ спасеніе, возстанемъ для Крещенія. Духъ распространяетъ надъ тобою крыла; совершитель исполненъ усердія; даръ готовъ. Если же храмлешь еще и не приемлешь совершеннаго Божества; то ищи другаго крестителя, или потопителя: не мое дѣло разсѣкать Божество, и дѣлать тебя мертвымъ во время возрожденія, чтобы ты не имѣлъ ни благодати, ни надежды на благодать, въ нѣсколько минутъ подвергнувъ кораблекрушенію свое спасеніе. Ибо, если у Одного изъ Трехъ отнимешь что-либо изъ Божества; то отнимешь и у Божества все, и у себя освященіе. Но, можетъ-быть, въ душѣ твоей нѣтъ никакого начертанія писмени, ни добраго, ни худаго, и нынѣ нужно сдѣлать въ тебѣ написаніе, намъ должно возвести тебя къ совершенству? Взойдемъ внутрь облака; дай мнѣ скрижали сердца. Я буду для тебя Моисеемъ,—я (хотя и смѣло сказать такъ) перстомъ Божиимъ впишу новое десятословіе, впишу сокращеніе спасенія. А ежели есть какой еретическій и несмысленный звѣрь, пусть останется онъ внизу; иначе угрожаетъ ему опасность побіенія камнями отъ слова истины.

Буду крестить тебя, уча во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Одно же общее имя Трехъ—Богъ. Пусть и образы и реченія дають тебѣ уразумѣть, что отвергаешься всякаго безбожія, какъ счисляемый со всецѣлымъ Божествомъ. Вѣруй, что весь міръ, видимый и невидимый, сотворенный Богомъ изъ ничего, и управляемый промысломъ Сотворшаго, измѣнится въ лучшей. Вѣруй, что зло не имѣетъ ни особой сущности, ни царства, что оно ни безначально, ни самобытно, ниже сотворено Богомъ, но есть наше дѣло и дѣло лукаваго, и привзошло въ насъ отъ нашего нерадія, а не отъ Творца. Вѣруй, что Сынъ Божій—предвѣчное Слово, рожденъ отъ Отца безлѣтно и безплотно, и Онъ же въ

послѣдніе дни родился ради тебя и Сыномъ человѣческимъ, происшедши отъ Дѣвы Маріи, неизреченно и нескверно (ибо нѣтъ никакой скверны, гдѣ Богъ, и откуда спасеніе); что Онъ всецѣлый человѣкъ и вмѣстѣ Богъ, ради всего страждущаго человѣка, дабы всему тебѣ даровать спасеніе, разрушивъ всякое осужденіе грѣха, безстрастный по Божеству, страждущій по воспринятому человѣчеству; столько же для тебя человѣкъ, сколько ты ради Его дѣлаешься богомъ; что Онъ за беззаконія наши веденъ на смерть, распятъ и погребенъ, поколику вкусилъ смерть, и воскреси въ третій день, вознесся на небо, дабы возвести съ Собою тебя поверженнаго долу, но паки придетъ въ славное явленіе Свое судить живыхъ и мертвыхъ, придетъ уже не плотию, но и не безтѣлеснымъ, а въ извѣстномъ Ему только образѣ боголѣпнѣйшаго тѣла, чтобы и видимымъ быть для прободшихъ Его, и пребывать Богомъ, непричастнымъ дебелисти. Сверхъ сего признавай воскресеніе, судъ и воздаяніе, по правдивымъ вѣсамъ Божиимъ. И сіе воздаяніе для очищенныхъ сердцемъ будетъ свѣтъ, то есть Богъ видимый и познаваемый по мѣрѣ чистоты, что называемъ и царствіемъ небеснымъ,—а для слѣпотствующихъ умою, то есть для отчужденныхъ отъ Бога по мѣрѣ здѣшней близорукости, будетъ тма. Наконецъ, на семь основаній догматовъ, дѣлай добро; потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 26), какъ и дѣла безъ вѣры.

Ты знаешь о таинствѣ все, что можетъ быть обнаружено и сказано вслухъ народу; а прочее, если даруетъ Троица, узнаешь, взойдя внутрь, и сіе сокроешь самъ въ себѣ, оградивъ печатію. Впрочемъ и о томъ благовѣствую тебѣ: предстояніе твое великому алтарю, къ которому будешь допущенъ тотчасъ по Крещеніи, есть предъизображеніе тамошней славы; псалмопѣніе, съ которымъ тебя введутъ, есть начало тамошняго пѣснопѣнія; свѣтильники, которые возжешь, таинственно образуютъ тамошнее свѣтководство, съ которымъ мы, чистыя и дѣвственныя души, изыдемъ въ срѣтеніе Жениху, имѣя ясныя свѣтильники вѣры, не предаваясь сну по безопасности (такъ чтобы ожидаемый могъ придти неожиданно), не оставаясь безъ запаса и елея, и не оскудѣвая въ добрыхъ дѣлахъ, что извергло бы насъ изъ брачнаго чертога. Ибо вижу, какъ жалко сіе состояніе! Женихъ близко, кличъ требуетъ выходить въ срѣтеніе, и мудрыя срѣтятъ съ блистающимъ свѣтомъ, обилуя тѣмъ, что нужно къ его поддержанію; а другія придутъ въ смятеніе, не во-время ища елея у имѣющихъ оныя. Женихъ скоро взойдетъ, взойдутъ съ нимъ и первыя, а послѣднія

останутся виѣ, потративъ время, въ которое можно было взойдти, на приготовленіе елее, и горько будутъ плакать, поздно узнавъ, какъ вредна безпечность, когда уже, сколько бы ни просили о томъ, недоступенъ для нихъ брачный чертогъ; ибо онѣ жалкимъ образомъ заключили его сами для себя, поступивъ, только въ другомъ отношеніи, подобно отказавшимся быть на брачномъ пиществѣ, какое добрый Отецъ уготовалъ доброму Жениху, отказавшись или для новобрачной супруги, или для новокупленнаго села, или для пары воловъ, которыхъ ко вреду своему пріобрѣли, для малаго погубивъ великое. Ибо тамъ нѣтъ мѣста ни презрителью, ни безпечному, ни одѣтому гнусно а не по-брачному, хотя бы здѣсь и удостоивалъ себя тамошней свѣтоносности, и внутренно давалъ себѣ мѣсто тамъ, обольщаемый тщетною надеждою. Что же потомъ? Когда взойдемъ внутрь; тогда Женихъ знаетъ, чему научить и о немъ бесѣдовать съ вошедшими душами. Будетъ же, какъ думаю, бесѣдовать, преподавая совершеннѣйшія чистѣйшія вѣдѣнія, которыхъ пріобщиться и намъ, учащимся и учащимъ, да будетъ даровано о Самомъ Христвѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

Слово 41, на святую Пятьдесятницу.

Кратко полюбоумдрствуемъ о праздникѣ, чтобы намъ праздновать духовно. У всякаго свой способъ торжествовать; а у служителя Слова состоитъ онъ въ словѣ, въ такомъ словѣ, которое всего приличнѣе времени. И не увеселяетъ такъ ни одна красота любителя красоть, какъ любителя праздниковъ духовное празднованіе. Но разсудимъ о семъ такъ. Празднуеть и Иудей, но по буквѣ: ибо онъ, *гоня законъ тѣлесный, въ законъ духовный не постиже* (Рим. 9, 31). Празднуеть и Еллинъ; но тѣлесно, сообразно съ своими богами и демонами, изъ которыхъ одни, по собственному признанію язычниковъ, виновники страстей, а другіе почтены богами за страсти; почему и празднованіе у нихъ состоитъ въ удовлетвореніи страстей, и грѣшнѣе значитъ чтить бога, къ которому подъ защиту прибѣгаетъ страсть, какъ достохвальное дѣло. Празднуемъ и мы, но празднуемъ, какъ угодно Духу: а Ему угодно, чтобы мы или говорили, или дѣлали что-либо подобающее. И праздновать значитъ у насъ пріобрѣтать для души блага постоянныя и вѣчно обладаемыя, а не преходящія и скоро гибнущія, которыя, по моему разсужденію, мало услаждаютъ чувство, а болѣе растлѣваютъ его и вредятъ ему. *Довлетъ тѣлу злота его.* Нужно ли въ пламень подкладывать

больше сгаряемаго вещества, или звѣрю давать обильнѣйшую пищу, чтобы онъ сдѣлался неукротимѣе и взялъ силу надъ разумомъ?

Итакъ праздновать должно духовно. А началомъ слова (ибо подобно сказать и то, что составляетъ предметъ изслѣдованія любослововъ, чтобы симъ присоединить къ торжеству какъ бы нѣкоторое услажденіе, хотя слово наше и уклонится черезъ то нѣсколько отъ предмета)—началомъ слова будетъ сіе.

Евреи, на основаніи закона Моисеева, чтутъ седмичное число, какъ въ послѣдствіи Пизагорейцы стали чтить число четверичное, которымъ они даже клянутся, а Симоніане и Маркіониты числа осмеричное и тридесатеричное, которыхъ равночисленными именуютъ и чтутъ какихъ-то эоновъ. Хотя не знаю, по какимъ законамъ соотношенія или по какой силѣ седмичнаго числа, однако же Евреи чтутъ оное; и извѣстно то, что Богъ въ шесть дней сотворилъ вещество, образовалъ и украсилъ его всякими видами и сочетаніями, и совершилъ сей видимый нынѣ міръ, а въ седьмый день почилъ отъ дѣлъ, что показываетъ и наименованіе субботы, означающее по-Еврейски покой. Но ежели есть сему и высшее какое основаніе; то пусть любомудрствуютъ о томъ другіе. Почитаніе же седмичнаго числа простиралось у нихъ не на дни только, но и на годы. Въ разсужденіи дней доказываетъ сіе суббота, постоянно у нихъ чтимая, равно какъ и седмидневное неупотребленіе кваснаго, а въ разсужденіи лѣтъ—седьмый годъ *оставленія* (Лев. 25, 10). Даже чествованіе простиралось не на седмицы только, но и на седмицы седмиць, и какъ въ дняхъ, такъ и въ годахъ. Седмицы дней производятъ пятьдесятницу,—день у нихъ *нарочитъ святъ* (Лев. 23, 21); седмицы же лѣтъ—такъ называемый ими юбилей, въ который бывало и оставленіе земли и освобожденіе рабовъ и возвращеніе купленныхъ владѣній прежнимъ владѣльцамъ. Ибо народъ сей посвящаетъ Богу начатки не только плодовъ и первородныхъ, но также дней и лѣтъ. Такъ чествованіе седмичнаго числа привело къ чествованію пятьдесятницы. Ибо число седмь, помноженное само на себя, даетъ пятьдесятъ, при чемъ не достаетъ одного дня, но онъ занятъ нами отъ будущаго вѣка и есть осьмый, вмѣстѣ же и первый, или, лучше сказать, единый и нескончаемый. Ибо тамъ должно окончиться здѣшнее субботствованіе душъ, чтобы дана была часть *седмимъ и осмимъ* (Екклез. 11, 2), какъ нѣкоторые прежде насъ понимали сіе Соломоново изреченіе.

Хотя о чествованіи седмичнаго числа много есть свидѣтельствъ; но для насъ многихъ достаточно будетъ и немногихъ.

Такъ наименовано семь досточтимыхъ духовъ (Ис. 11, 2. 3), и духами, какъ думаю, угодно было Исаи назвать дѣйствія Духа. *Словеса Господня*, по слову Давида, *очищены седмерицею* (Пс. 11, 7). *Праведникъ, шестижды отъ бѣдъ* изъятый, *въ седмѣхъ* не бываетъ уже поражаемъ (Іов. 5, 19). Грѣшникъ получаетъ прощенье не только *семь кратъ, но седмдесятъ кратъ седмерицею* (Мате. 18, 22). Опять и наоборотъ, (такъ какъ и наказаніе за грѣхъ похвально) Каинъ *седмерицею* терпитъ отмщеніе, то-есть несетъ наказаніе за братоубійство; Ламехъ же *седмдесятъ седмерицею* (Быт. 4, 24), потому что сталъ убійцею послѣ закона и осужденія. Лукавые *сосѣди* седмикратное воздаяніе пріемлетъ *въ нѣдро свое* (Пс. 78, 12). *Домъ Премудрости утверждень на семи столпахъ* (Притч. 9, 1); такимъ же числомъ очей украшенъ камень Зоровавелевъ (Зах. 3, 9). *Седмерицею* днемъ воздается хвала Богу (Пс. 118, 164). Даже *неплоды* раждаетъ *семь*, число совершенное, и тѣмъ противопологается неизмѣющіе полного числа чадъ (1 Цар. 2, 5).

Если же должно принять во вниманіе и ветхозавѣтныя сказанія; то примѣчаю, что *седмый* изъ прародителей Енохъ почтень *преложеніемъ* (Быт. 5, 25). Примѣчаю также, что двадцать первый Авраамъ прославленъ Патріаршествомъ, — по присовокупленію большаго таинства; потому что число сіе составляетъ троекратно взятая седмерица. А иный отважный на все осмѣлился бы дойти и до Новаго Адама, Бога моего и Господа Іисуса Христа, Который, по нисходящему родословію у Луки, считается седмдесятъ седмымъ отъ ветхаго и подъ грѣхомъ бывшаго Адама. Примѣчаю еще *семь* трубъ Іисуса Навина, такое же число обхожденій, дней и іереевъ, отъ которыхъ падаютъ стѣны Іерихонскія (Ис. Нав. 6). Примѣчаю какъ седмикратное обращеніе (3 Цар. 18, 43. 44), подобное и троекратному таинственному дуновенію Пророка Іліи, вдыхающему жизнь въ сына Сарептской вдовицы (3 Цар. 17, 21), и равночисленному возліянію на дрова, когда онъ ниспосланнымъ отъ Бога огнемъ потребилъ жертву, и осудилъ студныхъ пророковъ, которые не могли произвести того же своими призываніями, такъ и седмикратное, по повелѣнію его, наблюденіе отрокомъ облака. Примѣчаю толикokratное же преклоненіе Елиссея надъ сыномъ Суманитяныни, которымъ обновляется въ немъ дыханіе (4 Цар. 4, 35).

На основаніи, какъ думаю, того же постановленія, не говоря уже о свѣтильникѣ храма, имѣющемъ семь вѣтвей и семь свѣщниковъ (Исх. 25, 31. 37), въ семь дней совершается іерей (Исх. 29, 35), въ семь дней очищается прокаженный (Лев. 13, 50) и

во столько же дней обновляется храмъ (2 Парал. 7, 8). И въ седмидесятое лѣто народъ возвращенъ изъ плѣна, дабы и въ десяткахъ было тоже, что бываетъ въ единицахъ, и числомъ совершеннѣйшимъ почтено стало таинство седмичнаго числа. Но что говорить мнѣ объ отдаленномъ? Самъ Иисусъ—чистое совершенство, умѣлъ напитать въ пустынѣ и пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ и спять седмью хлѣбами четыре тысячи, и остатковъ по насыщеніи было въ первомъ случаѣ *дванадцать кошъ* (Мате. 14, 20), а во второмъ *семь коинницъ* (Мате. 15, 37); а то и другое, какъ думаю, совершенно не безъ причины и не недостойно Духа. И самъ ты, читая Писаніе, замѣтишь многія числа, въ которыхъ кромѣ видимаго скрывается и болѣе глубокое значеніе.

Для настоящаго же времени всего полезнѣе сказать, что можетъ быть по симъ самымъ, или по весьма близкимъ къ нимъ, или и по другимъ выспимъ причинамъ, Евреи чтутъ пятьдесятый день, а также чтимъ и мы, подобно какъ чтимъ и иное что-нибудь Еврейское, у Евреевъ совершаемое образно, а у насъ возобновленное таинственно. Предварительно сказавъ сіе въ разсужденіи настоящаго дня, приступимъ къ продолженію слова.

Мы празднуемъ Пятьдесятницу, пришествіе Духа, окончательное совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство, и притомъ сколь великое и досточтимое! Оканчиваются дѣла Христовы тѣлесныя, или, лучше сказать, дѣла относившіяся къ тѣлесному пребыванію Его на землѣ (помедлю говорить, что оканчиваются дѣла, относящіяся къ тѣлу, пока не убѣдитъ меня какое-либо слово, что лучше совлечься тѣла); а начинаются дѣла Духа. Что же относилось ко Христу? Дѣва, рожденіе, ясли, повитіе пеленами, прославляющіе Ангелы, приходящіе пастыри, теченіе звѣзды, поклоненіе и дары волхвовъ, дѣтоубійство Иродово, Иисусъ убѣгающій во Египетъ, возвращающійся изъ Египта, обрѣзанный, крещаемый, свидѣтельствуемый свыше, искушаемый, побиваемый камнями для насъ (Іоан. 10, 32), которымъ нужно было дать образецъ влостраданія за слово, предаваемый, пригвождаемый, погребаемый, воскресавшій, возносящійся. Многое изъ сего пріемлетъ Христосъ и нынѣ, а именно, безчестное отъ христоненавистниковъ, что и переноситъ, потому что долготерпѣливъ, а досточестное отъ христомлюбцевъ. И Онъ медлитъ, какъ первымъ явить Свой гнѣвъ, такъ намъ показать Свою благодать,—и имъ даетъ, можетъ быть, тѣмъ время на покаянiе, а насъ испытываетъ въ любви, не ослабѣемъ ли въ скорбяхъ и подвигахъ за благочестіе. Таковъ издревле законъ Божія домостроительства и неизслѣдимыхъ Божіихъ судьбъ, по ко-

торымъ премудро управляются дѣла наши. Таковы дѣла Христовы, послѣдующія же славнѣйшія еще узримъ. О если бы и сами мы были узрѣны Христомъ!

А чтобы говорить о дѣлахъ Духа, да придетъ на меня Духъ, и да дастъ слово, сколько сего желаю, а если и не въ такой мѣрѣ, сколько соразмѣрно времени,—придетъ же безъ сомнѣнія владычественно, а не рабски, и не повелѣнія ожидая, какъ думаютъ нѣкоторые. Ибо Онъ дышетъ, гдѣ захочетъ, на кого, когда и сколько Ему угодно. Такъ мыслить и говорить внушаетъ намъ Духъ.

Кто Святаго Духа низводитъ въ рядъ тварей, тотъ ругатель, злой рабъ, и злѣйшій изъ злыхъ. Ибо злымъ рабамъ свойственно отвергать владычество, возставать противъ господства и свободное дѣлать подобнымъ себѣ рабомъ. Кто признаетъ Его Богомъ, тотъ божественъ и свѣтель умомъ. А кто даже и именуетъ Богомъ, тотъ, если дѣлаетъ сіе предъ людьми благоразумными, высокъ; а если предъ низкими, неосмотрителенъ; потому что бисеръ довѣряетъ грязи, громовый звукъ—слабому слуху, солнечный лучъ—больнымъ глазамъ, твердую пищу—вкушающимъ одно молоко. Постепенно надлежитъ вести ихъ впередъ, и приближать къ высшему, чтобы свѣту даруемъ былъ свѣтъ, и истина награждалась истиною. Посему и мы, оставивъ совершеннѣйшее слово, для котораго не пришло еще время, побесѣдуемъ съ ними такъ.

Если вы не исповѣдуете Святаго Духа ни несозданнымъ, ни неподлежащимъ времени; то (дозвольте ревности выразиться нѣсколько и смѣло) въ васъ явно дѣйствуетъ противный духъ. Если же вы до такой степени здравы, что избѣгаете явнаго нечестія, и внѣ рабства ставите Того, Кто и насъ дѣлаетъ свободными, то со Святымъ Духомъ и вмѣстѣ со мною рассмотрите сами и послѣдующее: ибо я увѣренъ, что вы уже въ нѣкоторой мѣрѣ причастники Духа, и буду разсуждать съ вами, какъ съ своими. Или укажите мнѣ среднее нѣчто между рабствомъ и владычествомъ, гдѣ могъ бы я дать мѣсто достоинству Духа, или, избѣгая рабства, не оставляйте неизвѣстнымъ, куда причисляете Того, о Комъ вопросъ.

Но васъ затрудняютъ слоги, останавливаетъ одно реченіе, и оно дѣлается для васъ камнемъ претыканія и камнемъ соблазна, тѣмъ для нѣкоторыхъ былъ и Христосъ. Это—человѣческая немощь. Сойдемся между собою духовно, будемъ лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сдѣлаемъ вамъ снисхожденіе въ реченіи. Исповѣдуйте естество подъ другими наименованіями, какія наиболѣе уважаете, и мы уврачуемъ васъ какъ немощныхъ, даже скрывъ иное къ вашему

удовольствію. Ибо стыдно, подлинно стыдно и довольно безразсудно быть здоровыми по душѣ и ставить въ великое звуки, утаевать со-кровище, какъ бы завидуя другимъ, или опасаясь, чтобы не освятить языка. Но еще стыднѣе намъ подвергаться тому же, въ чемъ другихъ обвиняемъ, и осуждая споры о звукахъ, самимъ стоять за букву. Исповѣдуйте въ Троицѣ единое Божество, или, если угодно, единое естество; и я испрошу вамъ у Духа слово: Богъ. Ибо очень знаю, что Давшій первое даетъ и второе, и тѣмъ паче, если причиною спора какая-то духовная робость, а не діавольское упорство. Скажу еще яснѣе и короче: ни вы не обвиняйте насъ за реченіе болѣе возвышенное (ибо не должно завидовать возвышенію), ни мы не будемъ васъ осуждать за то реченіе, которое вамъ до времени по силамъ, пока не достигнете, хотя другимъ путемъ, того же съ нами пристанища. Мы домогаемся не поспѣды, а возвращенія братьевъ, разлука съ которыми терзаетъ насъ.

Сіе говоримъ вамъ, въ которыхъ находимъ нѣсколько жизни, которые здраво разсуждаете о Сынѣ. Удивляясь вашей жизни, не вполне одобряемъ ученіе. Имѣя дары Духа, примите и Духа, чтобы не только подвизаться, но и подвизаться *законно* (2 Тим. 2, 5). Отъ Него, въ награду за жизнь, да будетъ вамъ дарованъ и сей вѣнецъ— исповѣдывать Духа совершенно, и съ нами, и прежде насъ, проповѣдывать Его достойно. Дерзаю за васъ и на нѣчто большее,— именно дерзаю сказать съ Апостоломъ: столько люблю васъ, столько уважаю сію благочинную вашу одежду, и сей цвѣтъ воздержанія, и священные сонмы, и честное дѣвство, и чистоту, и всенощное псалмопѣніе, и нищелюбіе, и братолобіе, и страннолюбіе, что готовъ *отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3) и пострадать, какъ осужденный, только бы вы стояли съ нами, и вмѣстѣ прославляли мы Троицу. Ибо нужно ли говорить о другихъ, явно умершихъ, которыхъ воскресить развѣ одинъ Христосъ, Своею силою животворящій мертвыхъ? Они злонамѣренно отдѣляются другъ отъ друга мѣстомъ, будучи связаны ученіемъ, и столько же несогласны между собою, сколько и косые глаза, устремленные на одинъ предметъ, и не въ зрѣніи, но въ положеніи имѣющіе разность, если ихъ должно винить за сей одинъ недостатокъ, а не вмѣстѣ и за слѣпоту. Поселику же я достаточно изложилъ, что относится къ вамъ; то возвращусь опять къ Духу. Думаю же, что и вы уже послѣдуете за мною.

Духъ Святый всегда былъ, и есть, и будетъ; Онъ не началъ и не прекратитъ бытія, но всегда со Отцемъ и Сыномъ вчиняется и счисляется. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть безъ

Сына, или Сыну безъ Духа: крайне было бы безславно для Божества, какъ бы въ слѣдствіе измѣненія совѣтовъ Своихъ придти въ полноту совершенства. Итакъ Духъ всегда былъ пріемлемымъ, а не пріемлющимъ; совершающимъ, а не совершаемымъ; наполняющимъ, а не наполняемымъ; освящающимъ, а не освящаемымъ; приводящимъ къ обоженію, а не вводимымъ въ обоженіе. Онъ всегда одинъ и тотъ же Самъ для Себя и для Тѣхъ, съ Которыми считается; невидимъ, не подлежитъ времени, невмѣстимъ, неизмѣняемъ, не имѣетъ ни качества, ни количества, ни вида, неосяземъ, самодвиженъ, приснодвижимъ, свободенъ, самовластенъ, всеслепъ (хотя, какъ все принадлежащее Единородному, такъ и все принадлежащее Духу, возводится къ первой Винѣ); Онъ—жизнь и животворящъ; Онъ—свѣтъ и свѣта Податель; Онъ—источная благость и источникъ благодати; Онъ—*Духъ правый владычній* (Пс. 50, 12, 14), *Господь* (2 Кор. 3, 17), посылающій (Дѣян. 13, 4), отдѣляющій (Дѣян. 13, 2), созидающій Себѣ храмъ (Кол. 2, 22), наставляющій (Іоан. 16, 13), дѣйствующій *якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 11), раздѣляющій дарованія, *Духъ сыноположенія* (Рим. 8, 15), *истины* (Іоан. 14, 17), *премудрости, разума, вѣдѣнія благочестія, совѣта, крѣпости, страха*, ю неисчисленному (Ис. 11, 3, 4). Черезъ Него познается Отецъ и прославляется Сынъ (Іоан. 16, 11), и Самъ Онъ Ими одними знаемъ, единое счиненіе, служеніе и поклоненіе, единая сила, единое совершенство и освященіе. Но къ чему распространяться? Все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну, кромѣ нерожденности; все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ Духу, кромѣ рожденія. А нерожденность и рожденіе не сущности различаютъ, по моему мнѣнію, но различаются въ одной и той же сущности.

Ты мучишься нетерпѣніемъ возражать мнѣ; а я слѣзшу продолжать слово. Почти день Духа, удержи не надолго языкъ свой, если можешь: теперь слово объ иныхъ языкахъ; устыдись, или убойся сихъ языковъ, являющихся въ огненномъ видѣ. Нынѣ будемъ учить, а завтра разсуждать о словахъ; нынѣ будемъ праздновать, а завтра отложимъ приличіе. Одно таинственно, другое свойственно зрѣлищамъ; одно прилично церквамъ, а другое—торжищамъ; одно прилично трезвымъ, а другое—упившимся; одно прилично разсуждающимъ о Духѣ съ благоговѣніемъ, а другое—посмѣявающимся надъ Духомъ. Отринувъ же чуждое, устроимъ свое.

Духъ Святой дѣйствовалъ во-первыхъ въ Ангельскихъ и небесныхъ силахъ, — въ тѣхъ, которыя первыя по Богѣ и окрестъ Бога: ибо ихъ совершенство и озареніе, и неудободвижимость или

неподвижность ко злу, не отъ инаго кого, какъ отъ Святаго Духа; а потомъ дѣйствоваль въ Отцахъ и въ Пророкахъ, изъ которыхъ одни въ образахъ видѣли или познавали Бога, другіе же и предузнали будущее, поколику Духъ напечатлѣваль сіе въ умѣ ихъ, и имѣющее быть видѣли они предъ собою, какъ настоящее; ибо такова сила Духа; послѣ же сего дѣйствоваль въ ученикахъ Христовыхъ (не скажу во Христвѣ, въ Которомъ Онъ пребываль не какъ дѣйствующій, но какъ сопутствующій равночестному), и въ нихъ троекратно, по мѣрѣ ихъ удобопріемлемости, и въ три различныя времена—до прославленія Христова страданіемъ, по прославленіи воскресеніемъ, и по вознесеніи на небо, или по *устроеніи* (Дѣян. 3, 21), или какъ иначе должно назвать сіе; какъ показываетъ первое очищеніе отъ болѣзней и духовъ, производившееся конечно не безъ Духа, также по совершеніи домостроительства дуновеніе Христово, которое очевидно было Божественнымъ вдохновеніемъ, и наконецъ нынѣшнее раздѣленіе огненныхъ языковъ, которое и празднуемъ. Но первое было не ясно, второе явственнѣе, а нынѣшнее совершеннѣе: ибо не дѣйствіемъ уже, какъ прежде, но существенно присутствуетъ, и какъ сказалъ бы иной, сопробываетъ и сожителствуетъ Духъ. Ибо, какъ Сынъ бесѣдовалъ съ нами тѣлесно, такъ и Духу приличествовало явиться тѣлеснымъ образомъ; и когда Христосъ вошелъ во славу Свою, тогда Ему надлежало низойти къ намъ; надлежало придти, потому что Онъ Господь, и быть посланнымъ, потому что Онъ не противникъ Богу. Ибо таковыя реченія болѣе показываютъ единомысліе, чѣмъ раздѣленіе естества.

Для того приходитъ Духъ послѣ Христа, чтобы не остаться намъ безъ Утѣшителя; и для того именуется *инымъ*, чтобы дать тебѣ понятіе о равночестіи: ибо слово: *иный*, поставлено вмѣсто: *другой я*; это же именованіе означаетъ едино—владычество, а не униженіе. Ибо слово: *иный*, сколько извѣстно мнѣ, употребляется не объ инородныхъ, но объ единосущныхъ. Является же въ видѣ языковъ, по сродству съ Словомъ; и въ видѣ огненныхъ языковъ (почему думаешь?) или по причинѣ очищенія (ибо по Писанію извѣстенъ и огонь очистительный, что желающіе вездѣ могутъ увидѣть), или по существу своему: ибо *Богъ нашъ огонь* и огонь, *пожаряя* (Евр. 12, 29) нечестіе. Но ты опять негодуешь недовольный словомъ: *единосущенъ!* Является въ видѣ раздѣленныхъ языковъ, по причинѣ разныхъ дарованій; въ видѣ языковъ *столпихъ*, въ означеніе Царскаго достоинства и почиванія во Святыхъ; ибо и Херувимы суть Божій престолъ. Является въ горницѣ (если только не почтутъ меня пытливымъ чрезъ мѣру) въ означеніе восхожденія и возвы-

шенія отъ земли тѣхъ, которые примутъ Духа; ибо и *водами* Божиими покрываются какія-то *превыспренняя* (горницы), которыми пѣснословится Богъ (Пс. 103, 3). И Самъ Иисусъ посвящаемыхъ въ высшее служеніе приобщаетъ таинству въ горницѣ, показывая тѣмъ, что нужно и Богу снисходить къ намъ, (какъ, сколько извѣстно, и снисходилъ къ Моисею), и намъ восходить къ Нему, и что такимъ образомъ, при сраствореніи достоинства, должно происходить общеніе Бога съ человѣками. Доколѣ же пребываютъ они въ собственномъ достоинствѣ, — Богъ въ достоинствѣ высоты, а человѣкъ — низости, дотолѣ благость несоединима, человѣколюбіе несообщимо, и посреди великая и непроходимая пропасть, которая отдѣляетъ не богатаго только отъ Лазаря и отъ возделѣнныхъ нѣдръ Авраамовыхъ, но сотворенное и проходящее естество отъ несотвореннаго и постояннаго.

Духъ Святый проповѣданъ былъ Пророками, напримѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Духъ Господень на мнѣ* (Ис. 61, 1); и почиютъ на немъ *семь духовъ* (Ис. 11, 1); и *сниде Духъ отъ Господа и настаи ихъ* (Ис. 63, 14). *Духъ вѣднїя наполни* Веселецла, строителя Скинии (Исх. 31, 3). Духъ бываетъ разгнѣванъ (Ис. 63, 10); *Духъ* взя Ілію на колесницѣ, и сугубый испрошенъ Елиссеемъ (4 Цар. 2, 9. 15); *Духъ благій и владычній наставляетъ и утверждаетъ Давида* (Пс. 142, 10. 50, 14.). Святой Духъ обѣтовалъ сперва Іоилемъ, который говоритъ: *и будетъ въ послѣднїя дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть*, то-есть вѣрующую, на *сыновъ вашихъ и на дочерей*, и такъ далѣе (Іоил. 2, 28. Дѣян. 2, 17), а впослѣдствїи — Иисусомъ, Который Самъ прославляетъ Духа, и прославляется Духомъ, такъ же какъ прославляетъ Отца и прославляется Отцемъ. И какое щедрое обѣтованіе! Духъ вѣчно сопребываетъ, и нынѣ съ достойными во временной жизни, и послѣ съ удостоившимися тамошнихъ благъ, если всецѣло сохранимъ Его добрую жизнью, а не будемъ удалять отъ себя въ такой же мѣрѣ, въ какой грѣшимъ.

Сей Духъ созидаетъ съ Сыномъ въ творенїи и воскресенїи, въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6); *Духъ Божїй, сотворивый мя, дыханїе же Вседержителево научающее мя* (Іов. 33 4); и еще: *послещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновии лице земли* (Пс. 103, 30). Онъ созидаетъ въ духовномъ возрожденїи; въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное, что никто не можетъ видѣши или получить царствїе, *аще кто не родится свыше Духомъ* (Іоан. 3, 3. 5), и отъ перваго рожденїя, которое есть тайна

ночи, не очистится дневнымъ и свѣтлымъ возсозданіемъ (Пс. 138, 16), какимъ возсозидается каждый въ отдѣльности.

Сей Духъ, какъ премудрый и человѣколюбивый, поемлетъ ли пастыря, — творить его псалмопѣвцемъ, отгоняющимъ злыхъ духовъ, и указываетъ въ немъ царя Израилю. Поемлетъ ли пастыря овецъ, *язодичія обирающаго*, — дѣлаетъ его Пророкомъ (Амос. 7, 14). Припомни Давида и Амоса! Поемлетъ ли остроумнаго отрока, — еще прежде совершеннаго возраста дѣлаетъ его судіею старѣйшинъ. Свидѣтель Даниилъ, побѣдившій львовъ во рвѣ. Обрѣтеть ли рыбарей, — уловляетъ въ Христову мрежу цѣлый міръ объемлющихъ сѣтію слова. Возьми въ примѣръ Петра и Андрея и сыновъ громовыхъ, возгремѣвшихъ о духовномъ. Обрѣтеть ли мытарей, — приобретаетъ въ ученики и творить купцами душъ. Свидѣтель Матѳей, вчера мытарь, а нынѣ Евангелистъ. Обрѣтеть ли пламенныхъ гонителей, — измѣняетъ ревность, и Савловъ дѣлаетъ Павлами, столько же ревнующими о благочестіи, сколько нашель ихъ ревнующими о злѣ.

Онъ вмѣстѣ и Духъ кротости, и гнѣвается на согрѣшающихъ. Итакъ, извѣдаемъ Его кротость, а не гнѣвъ, исповѣдуя Его достоинство и бѣгая хулы, не пожелаемъ увидѣть Его безъ помилованія гнѣвающимся. Онъ и меня нынѣ дѣлаетъ дерзновеннымъ предъ вами проповѣдникомъ. И если ничего не постражду, благодареніе Богу! А если и постражду, также благодареніе Богу! Первое желательно, да поцадитъ ненавидящихъ насъ, второе, да освятитъ меня, въ награду за священнодѣйствіе Евангелія приѣмлющаго то, чтобы совершиться кровію.

Апостолы стали говорить на чужихъ языкахъ, а не на отечественнымъ, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знаменіе для невѣрныхъ, а не для вѣрующихъ, и оно должно вало послужить къ обвиненію невѣрныхъ, какъ написано: *иными языки, и усты иными, возглаголю людемъ симъ, и ни тако послушаютъ Мене, глаголетъ Господь* (1 Кор. 14, 21. Ис. 28, 11). *Слышаху же* (Дѣян. 2, 6). Остановись здѣсь не надолго и подумай, какъ раздѣлить рѣчь. Ибо въ реченіи есть обоюдность, устраняемая знакомъ препинанія. Такъ ли слышали, каждый на своемъ нарѣчїи, что, такъ сказать, гласъ исходилъ одинъ, а слышны были многіе гласы, по причинѣ такого сотрясенія въ воздухѣ, или, яебѣ скажу, изъ одного гласа происходили многіе? Или, остановившись на словѣ: *слышаху*, слова: *глаголющихъ* своими гласами, отнести должно къ послѣдующему, чтобы вышелъ смыслъ: произносящихъ гласы, которые были свои для слушающихъ, а сіе значить,

гласы иноязычные. Съ послѣднимъ я болѣе согласенъ; потому что первое было бы чудомъ, которое относилось бы болѣе къ слушающимъ, нежели къ говорящимъ, а послѣднее относится прямо къ говорящимъ, которыхъ и укоряютъ, что они пѣяны, изъ чего видно, что по дѣйствию Духа сами они чудодѣйствовали въ произнесеніи гласовъ.

Правда, достохвально было и древнее раздѣленіе гласовъ, когда строили столпъ злонамѣренно и безбожно единоголасные (на что и нынѣ дерзаютъ нѣкоторые): ибо единомысліе, нарушенное различіемъ гласовъ, разрушило и предпріятіе. Но гораздо достохвальнѣе раздѣленіе, совершенное чудесно нынѣ: ибо, отъ единаго Духа излившись на многихъ, опять возводится къ единому согласію. И есть различіе дарованій, требующее новаго дарованія, чтобы умѣть отличить превосходнѣйшія изъ нихъ; потому что всѣ имѣютъ нѣчто похвальное. Можно бы назвать прекраснымъ и то раздѣленіе, о которомъ говоритъ Давидъ: *потопи Господи, и раздѣли языки ихъ* (Пс. 54, 10.). За что же? За то, что возлюбилъ *вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ* (Пс. 51, 6). Почти явно обличаетъ здѣсь Давидъ тѣ языки, которые разсѣкаютъ Божество. Но о семъ довольно.

Поелику же языки вѣщали живущимъ въ Иерусалимѣ, благоговѣйнымъ Іудеямъ, Парянамъ, Мидянамъ, Еламитами, Египтянамъ, Критянамъ, жителямъ Ливіи, Аравіи, Месопотаміи, и моимъ Каппадокійцамъ и *отъ всего языка, иже подъ небесымъ*, Іудеямъ (если кому угодно такъ представить), собраннымъ во Иерусалимѣ; то достойнъ вниманія вопросъ: какіе это были Іудеи, и котораго плѣненія? Ибо плѣненіе Египетское и Вавилонское было временное и давно окончилось возвращеніемъ плѣненныхъ; плѣненія же Римскаго еще не было, а имѣло оно только быть, въ наказаніе за дерзость противу Спасителя. Остается разумѣть плѣненіе, бывшее при Антиохѣ, и случившееся не задолго до сихъ временъ. Если кто не соглашается на такое толкованіе, какъ на неестественное (потому что плѣненіе сіе не древнее, и Іудеи разсѣяны въ ономъ не по многимъ странамъ вселенной), но ищетъ толкованія болѣе вѣроятнаго; то можетъ-быть лучше принять слѣдующее. Поелику народъ Іудейскій, какъ повѣствуется у Ездры, многократно и многими былъ переселяемъ; то иныя племена возвратились въ отечество, а другія остались въ плѣненіи, и, вѣроятно, нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, разсѣянныхъ по многимъ народамъ, приплыли тогда въ Иерусалимъ, и были участниками чуда. Такое изслѣдованіе предпочелъ я для любознательныхъ; и можетъ-быть оно не будетъ из-

лишимъ. И что ни предложиль бы кто приличное настоящему дню, все будетъ приобрѣтеніемъ и для насъ. Но время уже мнѣ распустить собраніе: ибо бесѣда моя довольно продолжительна. А торжества никогда не должно прекращать, всегда же надобно праздновать, нынѣ даже и тѣлесно, а впослѣдствіи и скоро совершенно духовно, когда чище и яснѣе узнаемъ и сему основанія въ самомъ Словѣ и Богѣ и Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ — истинномъ праздникѣ и радованіи спасаемыхъ, съ Которымъ да будетъ слава и чествованіе Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 42, прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста пятидесяти епископовъ.

Какими находите дѣла мои, вы, любезные Пастыри и Сопастыри? *Красны ноги у васъ, благовѣствующихъ миръ и благая* (Ис. 52, 7), съ какими пришли вы; особенно *красны* для меня, къ которому пришли вы благовременно съ намѣреніемъ не заблудшую овцу обратить, но посѣтить Пастыря странника. Какимъ представляется вамъ мое странствованіе? какой находите плодъ отъ онаго, или, лучше сказать, какой плодъ Духа, Которымъ всегда я былъ движимъ, и теперь подвигнуть, не желая имѣть, а можетъ быть, и не имѣя ничего собственнаго? Сами ли собою понимаете и дознаете дѣло и готовы быть снисходительными ко мнѣ цѣнителями; или какъ другіе подвергаются отчетности въ военачаліи, или въ народоправленіи, или въ распорядженіи имѣніями, такъ и я всенародно долженъ представить вамъ отчетъ въ моемъ управленіи? Я не стыжусь быть судимымъ; потому что и самъ сужу отчасти, и съ одинаковою любовію приемлю то и другое. Это древній законъ: потому что и Павелъ сообщалъ о своемъ благовѣствованіи Апостоламъ, не для того, чтобы его похвалили (Духъ далекъ отъ всякаго честолюбія), но для того, чтобы или сдѣланное было утверждено, или недовершенное (если только было что-нибудь подобное въ томъ, что сказано или сдѣлано Павломъ), было исправлено, какъ самъ онъ показываетъ, пиша о себѣ (Гал. 2, 2). Ибо *и двуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (1 Кор. 14, 32), по благораспорядженію Духа, все прекрасно устрояющаго и раздѣляющаго. Если же Павелъ давалъ отчетъ *на единъ* и немногимъ, а я — всенародно и всѣмъ; не дивитесь сему. Я больше Павла имѣю нужды воспользоваться свободою обличеній, въ чемъ только окажусь недовершившимъ должнаго, *да не како вотще тѣку* или *те-*

кость. И невозможно иначе оправдаться, какъ давъ отчетъ знающимъ дѣло. Итакъ, что у меня за оправданіе? Если оно ложно, обличите; если же справедливо, засвидѣтельствуйте вы, для которыхъ и предъ которыми мое слово. Ибо вы для меня и оправданіе, и свидѣтели, и (осмѣлюсь отважиться на Апостольское слово) *отецъ похваленія* (1 Солун. 2, 19).

Нѣкогда паства сія была мала и несовершенна, даже, судя по видимому, это была не паства, а малые слѣды или останки паствы; безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ; она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, скиталась въ *горахъ и вертепахъ и пропастьхъ земныхъ* (Евр. 11, 38), разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, кому какъ случилось, находилъ себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи. Она подобна была стаду, которое *львоу изнуриша* (Іерем. 50, 17), погубила буря или разсѣялъ мракъ, что все оплакивають Пророки, уподобляя сему бѣдствію Израиля, преданнаго язычникамъ (Іезек. 34, 12).

Плакали и мы, пока дѣла наши были достойны слезъ. Ибо дѣйствительно и мы были изгнаны, извержены, разсѣяны по всѣмъ горамъ и холмамъ, какъ бываетъ съ неимѣющими Пастыря. Какое-то неблаговедріе настало для церкви; на нее напали лютые звѣри, которые и доселѣ даже, по возвращеніи ясныхъ дней, не падаютъ насъ и не стыдятся быть сильнѣе самаго времени. Какая-то печальная мгла объяла и покрывала все, — гораздо тягостнѣе девятой Египетской казни (Исх. 10, 21), — разумѣю ту *осязаемую тму*, при которой не могли мы почти видѣть другъ друга. И скажу нѣчто достойное еще большаго сожалѣнія, уповая на предавшаго насъ, какъ на Отца: *Авраамъ не увѣдъ насъ, и Израиль не позна насъ, но ты Отецъ нашъ* (Исх. 63, 16), и къ Тебѣ взираемъ, *развѣ Тебѣ много не знаемъ: имя Твое именуемъ* (Исх. 26, 13). Посему *отвѣщало: обаче судьбы возлагаю къ Тебѣ*, говоритъ Іеремія (Іерем. 12, 1). *Выхоумъ, яко исперва, егда не овладѣлъ еси нами* (Исх. 63, 19). Ты забылъ святой завѣтъ Твой и заключилъ отъ насъ милости Твои. Посему мы стали въ поношеніе возлюбленному Твоему, — мы поклонники Троицы, совершенно преданные совершенному Божеству, не осмѣливающіеся унижать Того, Что выше насъ, и столько превозноситься, по примѣру безбожныхъ и богоборныхъ людей, чтобы Господство именовалъ подобнымъ намъ рабствомъ. Но безъ сомнѣнія за другіе грѣхи наши, за то, что вели себя не достойно заповѣдей Твоихъ, и ходили вслѣдъ лукаваго ума своего (ибо за что же иное?) преданы были мы мужамъ самымъ

несправедливымъ и лукавымъ паче всѣхъ живущихъ на землѣ. Первый оскорбилъ насъ Навуходоносоръ¹⁾, который послѣ пребыванія Христова на землѣ возсталъ на Христа, за то возненавидѣвъ Христа, что былъ Имъ спасенъ, и который священныя книги замѣнилъ безбожными жертвами. *Снидоу мя, раздроби мя, покры мя тма тонка* (Иерем. 51, 34) (и проливая слезы не отступлю отъ Писанія). *Аще не Господь помогъ бы ми*, не предалъ бы его праведно въ руки беззаконныхъ, удаливъ къ Персамъ (таковы судьбы Божіи!), и за кровь, пролитую беззаконно, не была бы пролита кровь правосудно (здѣсь только судъ Божій не далъ мѣста долготерпѣнію); *вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя* (Пс. 93, 17). Другій²⁾ не челоуѣколюбивѣе перваго, если еще не жесточае его, нося имя Христово, былъ лжехристомъ и поношеніемъ для Христіанъ, которымъ и дѣйствовать было богопротивно, и страдать безславно, потому что повидимому и несправедливости не терпѣли, и не украпались благолѣпнымъ именемъ мученичества, но и въ семь утаевалась истина, и страдая, какъ Христіане, они были наказываемы, какъ нечестивые. О какъ мы были богаты бѣдствіями! *огнь пояде красная вселенной* (Іоил. 1, 19); *останокъ гусеницъ поядоша пружи, и останокъ пруговъ поядоша мишцы* (Іоил. 1, 4), а потому не знаю уже, что было далѣе, и какъ одно зло раждалось изъ другаго. Да и кто бы вполне изобразилъ всѣ бѣдствія того времени, и постигшее насъ тогда наказаніе, или испытаніе и огненное очищеніе? Развѣ сказать, что *приидохомъ сквозь огонь и воду* (Пс. 65, 12) и по благоволенію спасающаго Бога, *внидохомъ въ покой*.

Но да обратится слово къ сказанному въ началѣ. Нива сія была нѣкогда мала и скудна, не походила на ниву не только Бога, который благами сѣменами и ученіями благочестія воздѣлалъ и воздѣлываетъ цѣлый міръ; но даже на ниву недостаточнаго и малоимущаго бѣдняка. Это вовсе не была нива, не стояла можетъ быть ни житницъ, ни гумна, ни серпа; на ней не было ни копны, ни сноповъ, а развѣ малыя и незрѣлыя рукояти, какія вырастаютъ на кровляхъ, которыми не исполнить *руки своей жнѣи*, которыя не призовутъ на себя благословенія мимоходящихъ (Пс. 128, 6—8). Такова была наша нива, такова жатва! хотя она велика, добродѣласна и тучна предъ видящимъ сокровенное, прилична таковому Земледѣлателью, и *удолия* душъ хорошо воздѣлываемыхъ словомъ, *умножатъ* (Пс. 64, 14) ее, незнаемую для многихъ, не соединен-

¹⁾ То-есть Юліанъ отступникъ.

²⁾ Императоръ Валентъ.

вую въ одно мѣсто, но собираемую понемногу, *яко слама на жатвѣ и яко пародокъ во обѣиманіи винограда, не сущу гроздію* (Мих 7, 1). Думаю же присовокупить сіе, даже весьма кстати: яко смоковницу *въ пустыни обрѣтохъ Израиля* (Ос. 9, 10), какъ одну или двѣ зрѣлыя ягоды на незрѣлой кисти винограда, которыя сохранены, правда, какъ благословеніе Господне, и освящены, какъ начатки (Ис. 65, 8), но малочисленны и рѣдки, не могутъ наполнить уста ядущаго, и яко *знамя на холмѣ и аки щогла на горѣ* (Ис. 30, 17), или что-нибудь другое, стоящее уединенно, и немногими видимое. Такова была прежняя нищета и скорбь!

Но какъ скоро Богъ, Который *убожитъ и богатитъ, мертвитъ и живитъ*, (1 Цар. 2, 6, 7), и единымъ хотѣніемъ *творитъ вся и претворяетъ* (Амос. 5, 8), творитъ изъ ночи день, изъ зимы весну, изъ бури тишину, изъ засухи обильный дождь, и все сіе часто по молитвѣ одного праведника весьма долго гонимаго,—какъ скоро Богъ, *приемляй кроткія въ высоту, и смиряяй грѣшники до земли* (Пс. 146, 6), изрекъ Самъ въ Себѣ сіе слово: *видя видѣхъ озлобленіе Израиля* (Исх. 3, 7), и его не будутъ изнурять *бреніемъ и плинноотдѣланіемъ* (Исх. 1, 14), и изрекши посѣтилъ, и посѣтивъ спасъ, и извелъ народъ Свой рукою крѣпкою и мышцею высокою, рукою Моисея и Аарона, избранныхъ Его: тогда что послѣдуетъ за сѣмъ, какія чудеса творятся? Они сохранены въ книгахъ и памяти людей. Ибо, кромѣ чудесныхъ событій на пути, и великой о томъ молвы (Ис. Нав. 2, 11), чтобы сказать, какъ можно короче, Иосифъ одинъ пришелъ въ Египетъ, и чрезъ нѣсколько времени шесть сотъ тысячъ человѣкъ выходятъ изъ Египта. Что сего чудеснѣе? Нужно ли большое доказательство высокой премудрости, когда Богъ изъ самыхъ непреходимостей благоволитъ дать свободный выходъ? Чрезъ одного, который возненавидѣнъ, земля обѣтованія раздѣляется по жребію; проданный преселяетъ народы, а самъ воздвигается въ великій народъ, и малая сія отрасль дѣлается *виноградъ благолозень* (Ос. 10, 1), столь обширный, что доходитъ до рѣкъ, простирается до моря, расширяется далѣе и далѣе за предѣлы, покрываетъ горы величіемъ славы, превышаетъ кедры, и даже горы и *кедры Божія* (какія бы горы и кедры ни надлежало здѣсь разумѣть (Пс. 79, 11. 12).

Такова была нѣкогда паства сія, и такую сдѣлалась нынѣ—столь благоустроенною и расширенною! И если она несовершенна, то чрезъ постепенныя приращенія восходитъ къ совершенству; а я предрекаю, что и будетъ восходить. Сіе предвѣщаетъ мнѣ Духъ Святыи, ежели и я имѣю сколько-нибудь пророческаго дара, могу

видѣть впередъ, по предшествовавшему надѣяться о будущемъ, и знать оное по умозаключенію, какъ воспитанникъ Слова. Ибо гораздо было необычайнѣе изъ прежняго состоянія придти въ настоящее, нежели изъ настоящаго достигнуть верха славы. Если, по гласу Животворящаго мертвыхъ, стали уже совокупляться кости къ костямъ, и составъ къ составу, и сухимъ костямъ данъ духъ жизни и пакибытія (Іезек. 37, 7): то, очень знаю, должно совершиться и полное воскресеніе. *Да не возносятся въ себѣ преогорчающихи* (Пс. 65, 7), да не думаютъ, что обладаютъ чѣмъ нибудь, уловляя тѣнь, или *соніе востающихъ* (Пс. 72, 20), или мимолетный вѣтеръ, или слѣдъ корабля на водѣ. *Да плачевопльститъ питиисъ, зане наде кедръ* (Зах. 11, 2). Пусть вразумятся бѣдствіями другихъ и узнаютъ, *яко не до конца забвень будетъ нищій* (Пс. 9, 13), и, какъ говоритъ Аввакумъ, *во изступленіи разсѣчь главы сильныхъ* (Аввак. 3, 14) не замедлитъ Божество разсѣваемое и худо раздѣляемое не начальственное и подначальное, при чемъ особенно оскорбляется и Божество, низводимое до твари, подавляется и тварь равночестіемъ съ Божествомъ.

Слышу, кажется, и сіе слово Того, Кто собираетъ сокрушенныхъ и приѣмлетъ угнетенныхъ: *расшири ужа твоя еще, простри на десно и на лѣво, водрузи, покрововъ не пощади* (Ис. 54, 2. 3). Я предалъ тебя, Я и помогу тебѣ: *въ ярости малъ* поразилъ тебя, и *милостію вѣчною* прославлю тебя (ст. 8). Мѣра чловѣколюбія превышаетъ мѣру вразумленія. То было за неправды, а сіе за поклоненіе Троицѣ,—то для очищенія, а сіе для славы Моей; ибо прославляю прославляющихъ, и огорчаю огорчающихъ. *Сія запечатлѣшася у Мене* (Втор. 32, 34). Это ненарушимый законъ возмездія. А ты захватилъ у Меня стѣны и доски, и украшенные камни, длинные ходы и обходы, блисталь и озаряль золотомъ, то расточаль его, какъ воду, то собираль, какъ песокъ, не зная, что вѣра подъ открытымъ небомъ лучше великолѣпнаго нечестія, и что трое, собранные во имя Господне, предъ Богомъ составляютъ большее число, нежели многіе, отрицающіеся Божества. Ужели Хананеевъ, сколько ихъ ни есть, предпочтешь одному Аврааму, или Содомлянъ одному Лоту, или Мадіамлянъ Моисею — симъ пришельцамъ и странникамъ? Что жъ? кого предпочтешь? Триста ли чловѣкъ, которые у Гедеона мужественно лакали воду, или тысячи обратившіяся въ бѣгство (Суд. 7, 7. 21)? Домочадцевъ ли Авраамовыхъ, которыхъ было немного болѣе Гедеоновыхъ воиновъ, или многихъ царей и тмы воинства, которыхъ однако же прогнали и обратили въ бѣгство малочисленные? Какъ же ты разумѣешь

слѣдующія слова: *еще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Рим. 9, 27); или слѣдующія: *оставихъ Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклонилиа колѣна предъ Вааломъ* (Рим. 11, 4)? Нѣтъ, нѣтъ; *не во множайшихъ благоволи Богъ* (1 Кор. 10, 5). Ты исчисляешь десятки тысячъ, а Богъ—спасаемыхъ: ты неизмѣримую пыль, а я—*сосуды избранныя* (Дѣян. 9, 15). Ибо для Бога ничто такъ не достойно, какъ слово очищенное, и душа совершенная ученіями истины. Ничего не можемъ принести и дать Богу такого, что было бы достойно Того, Кто сотворилъ все, отъ Котораго все и для Котораго все,—не потому что приносимое есть дѣлю одной руки, или избытокъ одного человѣка, но хотя бы восхотѣлъ кто почитать Бога, собравъ во-едино всѣ богатства и труды рукъ человѣческихъ. *Еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь* (Іер. 23, 24). И *кѣй домъ созиждите Ми, или кое мѣсто покоища Моего* (Іс. 66, 1)? Поелику же неизбѣженъ недостатокъ въ достоинствѣ дара; то требую отъ васъ того, что есть второе, — благочестія, сего общаго и равночестнаго предо Мною богатства, которымъ иногда и самый бѣдный, если только высокъ духомъ, можетъ превзойти самаго знатнаго. Ибо здѣсь щедрость зависитъ отъ произволенія, а не отъ богатства. И сіе приму изъ рукъ вашихъ: но знайте также, что вы не будете поирать дворъ Мой, но поперуть его *ноги кроткихъ* (Іс. 26, 6), которые здраво и искренно познали Меня и едиnorodное Слово Мое и Духа Святаго! Доколѣ будете *наслѣдовать гору святую Мою* (Іс. 57, 13)? Доколѣ будетъ ковчегъ у иноплемениковъ? Насладитесь теперь еще недолго чужимъ достояніемъ, увеселитесь исполненіемъ вашихъ хотѣній. Какъ вы *советовали отринуть* Мя (Іс. 61, 5), тако и *Азъ отрину* васъ (Іезек. 5, 11), говоритъ Господь Вседержитель.

Мнѣ казалось, что слышу, какъ говорить сіе Господь, и вижу, какъ приводитъ въ исполненіе, а кромѣ сего представлялось, что взываетъ Онъ и народу сему, который изъ малочисленнаго содѣлался уже многочисленнымъ, изъ разсѣяннаго довольно собраннымъ, и изъ жалкаго возбуждающимъ можетъ быть и зависть: *идите враты Моими* (Іс. 62, 10) и распирайтесь; не всегда вамъ страдать, живя въ кущахъ, а оскорбляющимъ васъ чрезъ мѣру веселиться!“ Взываетъ Онъ и Ангеламъ-покровителямъ (ибо я увѣренъ, что особенный Ангель-покровительствуетъ каждую Церковь, какъ научаетъ меня Іоаннъ въ Откровеніи): „*путь сотворите людямъ Моимъ, и каменіе, еже на пути, разместите* (Іс. 62, 10), чтобы не было затрудненія и препятствія народу Моему

въ божественномъ шествіи и вхожденіи“—нынѣ въ рукотворенныя храмы, а въ послѣдствіи въ горній Іерусалимъ и въ тамошнее Святая-Святыхъ, гдѣ, сколько знаю, будетъ конецъ здѣшняго зло-страданія и усилія для шествующихъ доблестно, въ числѣ которыхъ находитея и вы — *званные святые* (Рим. 1, 7), *люди избранны* (Тит. 2, 14), *царское священіе* (1 Петр. 2, 8), достояніе Господне державное (Пс. 15, 6), отъ капли цѣлая рѣка, отъ искры небесное свѣтило, отъ горчичнаго зерна дерево, пристанище птицъ.

Такъ шествующихъ приносимъ въ даръ вамъ, любезныя Пастыри; ихъ приводимъ, ихъ предлагаемъ друзьямъ своимъ, странникамъ и такимъ же пресельникамъ, какъ и мы сами. У насъ нѣтъ другаго приношенія прекраснѣе и блистательнѣе сего, хотя бы пріискали самое лучшее изъ всего, что имѣемъ, дабы вы знали, что мы, будучи странниками, не скудны, а напротивъ того *нищи, многи же богатяще* (2 Кор. 6, 10). Если же сіе маловажно и ничего не стоитъ, то желаю знать, что важнѣе и достойнѣе большаго вниманія?

Ибо если такой городъ—око вселенной, могущественнѣйшій на сушѣ и на морѣ, какъ бы взаимный узелъ Востока и Запада, куда отвсюду стекаются, и откуда, какъ съ общаго торжища, исходить все важнѣйшее въ Вѣрѣ, если сей городъ, и притомъ отвсюду возмущаемый толикимъ множествомъ языковъ, утвердить и укрѣпить здравымъ ученіемъ не важно: то окажется ли что другое великимъ и стоящимъ попеченія? А если сіе заслуживаетъ похвалу: дозвольте и мнѣ похвалиться симъ нѣсколько; потому что и мною привнесена нѣкоторая часть къ видимому вами. *Возведи окрестъ очи твои, и виждь*, кто бы ты ни былъ цѣнитель словъ моихъ! Виждь соплетенный вѣнецъ славы, вмѣсто *наемниковъ Ефремовыхъ и вѣнца гордыни* Ис. 28, 1). Виждь соборъ пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, благочиніе діаконовъ, недалекихъ отъ того же Духа, скромность чтецовъ, любовь къ ученію въ народѣ. Посмотри на мужей и на женъ: всѣ равночестны добродѣтелию; и изъ мужей—посмотри на любомудрыхъ и на простыхъ,— всѣ умудрены въ божественномъ;—на начальниковъ и на подчиненныхъ,—здѣсь всѣ прекрасно управляются;—на воиновъ и на благородныхъ, на ученыхъ и любителей учености, — всѣ воинствуютъ для Бога, и кроткіе въ другомъ бранноносны за Духа, всѣ чтутъ горній сонмъ, въ который вводитъ не тихошественная буква, но Духъ животворящій, всѣ въ подлинномъ смыслѣ учены, всѣ служители истиннаго Слова. И изъ женъ посмотри на живущихъ въ супружествѣ,—онѣ сопряжены болѣе съ Богомъ, нежели съ плю-

тію; посмотри на несвязанныхъ супружествомъ и свободныхъ, — онѣ все посвятили Богу; — на юныхъ и старыхъ, — онѣ доблестно приближаются къ старости, другія усиливаются пребыть безсмертными, обновляясь лучшими надеждами. Соплетающимъ сейто вѣнецъ (*еже глаголю, не глаголю по Господь* (2 Кор. 11, 17), однако же скажу) содѣйствовалъ и я нѣсколько. Иный изъ нихъ есть дѣло моихъ словъ, не тѣхъ, которыя я отринулъ, но тѣхъ, которыя возлюбилъ, — не словъ любодѣйныхъ (какъ сказалъ въ пошение наше нѣкто изъ любодѣйныхъ и словомъ и правами), но словъ весьма цѣломудренныхъ. Иный изъ нихъ есть порожденіе и плодъ моего духа, какъ можетъ породять духъ отрѣшившихся отъ тѣла. И я очень увѣренъ, что о семъ засвидѣтельствуютъ призвательные изъ васъ, или что даже всѣ вы засвидѣтельствуете. Ибо я трудился надъ тѣмъ, чтобы всѣ приносили плодъ; и моя награда — одно исповѣданіе; иного не ищу, и не искалъ; потому что добродѣтель должна быть безкорытна, если хочеть быть такою добродѣтелию, у которой въ виду одно добро.

Хотите ли, чтобы я присовокупилъ нѣчто болѣе отважное? Смотрите: языки противниковъ стали кротки, и вооружавшіеся противъ Божества безмолвствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый, не поражаю противниковъ укоризнами, какъ дѣлають многіе, сражающіеся не съ ученіемъ, но съ учащими, и укоризнами покрывающіе иногда слабость своихъ умозаключеній, подобно каракатицѣ, которая, какъ сказываютъ, извергаетъ передъ собою черную влагу, чтобы избѣжать ловца, или уловить скрывшихся. Но воинствованіе свое за Христа доказываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу, Который миренъ, кротокъ и понесъ на Себѣ наши немощи; не заключаемъ мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными (мы не уловляемъ добра худыми средствами), и блюдемъ миръ, сражаясь законно, не выступая изъ своихъ предѣловъ и правилъ Духа. Такъ о семъ разумѣю, и вмѣняя это въ законъ всѣмъ строителямъ душъ и раздаятелямъ слова: ни строгостию не ожесточать, ни потворствомъ не надмевать, но соблюдать благоразуміе въ словѣ, и ни въ томъ ни въ другомъ не прешупать мѣры.

Но можетъ-быть, по желанію вашему, долженъ я представить и ученіе самой Вѣры, какая нами содержится. Ибо и я освящаю постояннымъ напоминаніемъ, и народъ сей получить пользу, увеселяясь подобными рѣчами болѣе, нежели чѣмъ другимъ, и вы знаете, что не напрасно завидуютъ намъ, которые въ раскрытіи

истины съ одними соревнуемъ, съ другими идемъ наряду. Ибо какъ подземныя воды, однѣ совершенно скрыты во глубинѣ, другія отъ стѣсненія кишатъ, и, какъ ощутительно для слуха, готовы, кажется, прорваться вверхъ, однако же еще медлятъ, а инныя дѣйствительно прорываются: такъ и между любомудрствующими о Богѣ (не говорю о людяхъ вовсе несознательныхъ) одни содержатъ благочестіе совершенно въ тайнѣ, и скрываютъ оное въ самихъ себѣ другіе близки только къ тому, чтобы разрѣшиться словомъ, и это люди, которые хотя бѣгаютъ нечестія, однако же не осмѣливаются говорить и благочестиво, руководясь ли какою то осторожностію касательно слова, или прибѣгая къ сему изъ робости, и хотя сами здравы умомъ, какъ говорятъ о себѣ, но не хотятъ сдѣлать здравымъ народъ, какъ будто возложена на нихъ обязанность имѣть попеченіе о себѣ только, а не о другихъ; инныя же всѣмъ открываютъ сокровище, не таятъ того, что болѣзнуютъ о благочестіи — не почитаютъ спасеніемъ, если спасаются они одни, а не изливается обильно благо сіе и на другихъ. Съ послѣдними желалъ бы стать и я, желали бы и тѣ, которые со мною, чтобы, держа благимъ дерзновеніемъ, исповѣдать благочестіе.

Начертаніе же нашего ученія одно; и оно кратко; это какъ-бы надпись на столпѣ, вразумительная всякому, это — люди сіи, искренніе поклонники Троицы. Иной изъ нихъ скорѣе разлучится съ жизнью, нежели Единое изъ Трехъ отлучить отъ Божества; всѣ они единомудренны; всѣ держатся одинаго исповѣданія, однимъ ученіемъ соединены другъ съ другомъ, со мною и съ Троицею. Подробности же ученія изложу сокращенно: Безначальное, Начало и Сущее съ Началомъ — единъ Богъ. Но безначальность или нерожденность не есть естество Безначальнаго. Ибо всякое естество опредѣляется не чрезъ то, чѣмъ оно не есть, но чрезъ то, чѣмъ оно есть; ибо оно есть положеніе, а не отрицаніе существующаго. И Начало, тѣмъ, что оно начало, не отдѣляется отъ Безначальнаго: ибо для Него быть началомъ не составляетъ естества, какъ и для перваго быть безначальнымъ; потому что сіе относится только къ естеству, а не есть самое естество. И Сущее съ Безначальнымъ и съ Началомъ есть не иное что, какъ то же, что и Они. Имя Безначальному Отецъ, Началу — Сынъ, Сущему вмѣстѣ съ Началомъ — Духъ Святыи: а естество въ Трехъ единое — Богъ, Единеніе же — Отецъ, изъ Котораго Другіе, и къ Которому Они возводятся, не сливаясь, а сопрывая съ Нимъ, и не раздѣляемые между Собою ни временемъ, ни хотѣніемъ, ни могуществомъ. Ибо сіе насъ дѣлаетъ чѣмъ-то многимъ; потому что каждый изъ насъ разногласенъ и самъ съ собою и

съ другими. Но Тѣмъ, у Которыхъ естество просто и бытіе тожде-
ственно, приличествуетъ и единство.

Упорно же наклонять ученіе въ ту и другую сторону и уравнивать различныя мнѣнія мы не беремъ на себя, не хотимъ какъ Савелліевымъ ученіемъ объ Единомъ вооружаться противъ Трехъ и худымъ соединеніемъ уничтожать дѣленіе, такъ Аріевымъ ученіемъ о Трехъ ополчаться противъ Единого, и лукавымъ дѣленіемъ извращать единство. Ибо требуется не худое замѣнить худымъ, но не погрѣшнть въ добромъ, а первое есть забава лукаваго, который невѣрно взвѣшиваетъ наши ученія. Сами же мы, идя среднимъ и царскимъ путемъ (въ чемъ и совершенство, какъ рассуждаютъ о семъ знающіе дѣло), вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, Которые единосущны и единославны. Въ сихъ именахъ и подлежащихъ и крещеніе (какъ извѣстно сіе тебѣ, сподобившійся таинства) пріемлетъ свое совершеніе, будучи отреченіемъ отъ безбожія и исповѣданіемъ Божества. А такимъ образомъ не противорѣчимъ мы, познавая Единого по сущности и по нераздѣльности поклоненія, Трехъ по Упостасямъ, или по Лицамъ, ибо нѣкоторые предпочитаютъ послѣднее реченіе. И да не стыдятъ себя тѣ, которые спорятъ о сихъ реченіяхъ, какъ будто наше благочестіе заключается въ именахъ, а не въ дѣлѣ! Ибо что хотите сказать вы, которые вводите Три Упостаси? Вѣрно, говорите сіе не въ предположеніе трехъ Существъ? Знаю, что громко возопіете противъ предполагающихъ сіе; ибо учите, что одна и та же сущность въ Трехъ. И вы, употребляющіе реченіе: Лица, не составляете чего-то единого, но вмѣстѣ и сложнаго, совершенно трехличнаго, или челоуѣкообразнаго? Ни мало; возопіете и вы: да не узритъ лица Божія (что ни было бы оно такое), кто такъ думаетъ. Что же (продолжу спрашивать) означаютъ у васъ Упостаси или Лица? Трехъ раздѣляемыхъ, не по естествамъ, но по личнымъ свойствамъ. — Превосходно! Можно ли думать болѣе здраво и говорить согласнѣе утверждающихъ сіе, хотя и разнятся они въ нѣсколькихъ слогахъ? Смотрите, какой я у васъ примиритель, возводящій отъ буквы къ мысли, какъ будто примиряющій Ветхій и Новый Заветъ!

Но я долженъ возвратиться къ прежнему слову. Кому угодно вновь творить имена, пусть говоритъ и представляетъ въ умѣ: Нерожденное, Рожденное и Исходящее: не побоимся, чтобы безтѣлесное могло быть понято тѣлесно, какъ представляется сіе клеветующимъ на Божество. Говори и о твари, что она Божія (ибо и сіе для насъ важно); но никакъ не называй твари Богомъ; тогда развѣ допущу, что тварь Богъ, когда самъ, въ собственномъ смыслѣ, буду

Богомъ. — Дѣло въ томъ: если Богъ, то не тварь; потому что тварь въ одномъ ряду съ нами, а мы не Боги. Если же тварь, то—не Богъ: ибо началась во времени; а если началась, то было, когда ея не было; а чему предшествовало небытіе, то не въ собственномъ смыслѣ сущеe; а что не въ собственномъ смыслѣ сущеe, то можетъ ли быть Богомъ? Итакъ ни Единое изъ Трехъ¹⁾ не есть тварь, и не произведено (что хуже и перваго) ради меня, чтобы стать не только тварію, но даже тварію малочестнѣйшею насъ. Ибо, если я сотворенъ къ славѣ Божіей, а Оно ради меня, какъ клещи ради колесницы, или пила ради двери: то я выше по цѣли. Чѣмъ выше тварей Богъ: тѣмъ малочестнѣе меня, сотвореннаго для Бога, сотворенное ради меня.

Сверхъ того да не будетъ и входа въ Церковь Божію Моавитянамъ и Аммонитянамъ, то-есть діалектикѣ, спорамъ и тѣмъ пытливымъ вопросамъ о неизреченномъ рожденіи и исхожденіи Бога, съ которыми дерзко возстаютъ противъ Божества, какъ будто необходимо, чтобы или имъ однимъ было постижимо превышающее разумъ, или не могло то и быть, чего они не понимали. А мы, слѣдуя Божественнымъ писаніямъ, и устраняя препятствія, встрѣчающіяся слѣпотствующимъ, будемъ держаться спасенія, отважившись прежде на все, нежели дерзнемъ на что-нибудь противъ Бога. Собирать же самыя свидѣтельства предоставимъ другимъ, такъ какъ многіе многократно уже предавали ихъ писанію, да и мы сами не мимоходомъ касались ихъ. Притомъ, по мнѣ, крайне стыдно — собирать теперь доказательства на то, въ чемъ издавна мы были увѣрены. Ибо не хорошъ порядокъ — сперва учить, а потомъ учиться, хотя бы шло дѣло не о Божественномъ и столь высококомъ предметѣ, но о чемъ-нибудь маловажномъ и ничего не стоящемъ. А разрѣшать и разъяснять затрудненія, встрѣчающіяся въ Писаніи, не дѣло настоящаго времени; сіе требуетъ совершеннѣйшаго и большаго занятія, нежели какое сообразно съ настоящимъ намѣреніемъ слова.—Такое наше ученіе касательно существеннаго; и я изложилъ оное не для того, чтобы вступить въ состязаніе съ противомыслящими (ибо многократно уже, хотя и умѣренно, состязался съ ними), но чтобы вамъ показать свойство моихъ ученій, точно ли я сподвижникъ вашихъ догматовъ, и стою съ вами противъ однихъ враговъ и за однѣ и тѣ же истины.

Такое, достопочтенные, оправданіе моего здѣсь пребыванія. Если оно заслуживаетъ похвалу; благодареніе Богу и вамъ, при-

¹⁾ То-есть Липъ Святыя Троицы.

звавшимъ меня! Если и не соотвѣтствуетъ надеждамъ; и въ семь случаѣ благодареніе! ибо очень знаю, что оно не вовсе укоризненно, и вѣрю вамъ, подтверждающимъ это. Покорыствовался ли я чѣмъ-нибудь отъ сего народа? Приумножилъ-ли сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примѣры на многихъ? Огорчилъ ли чѣмъ-нибудь Церковь? Можетъ-быть оскорбилъ я иныхъ, которые думали, что по-напрасну говорю, и которымъ противопоставилъ я свое слово. Но васъ, сколько сознаю самъ себя, ни чѣмъ я не оскорблялъ. Ни вола не взялъ у васъ, говорить великій Самуиль, сязуясь съ Израилемъ о царѣ, ни *мзды* за души вапи; *свидѣтель есть Господь въ васъ* (1 Цар. 12, 5); не взялъ я ни того ни другого, продолжалъ онъ, и я не буду перечислять сего въ подробности. Напротивъ того соблюлъ я священство чистымъ и несквернымъ. Если же возлюбилъ я владычество, или высоту престоловъ, или если возлюбилъ поспирать дворы царей: то пусть не буду имѣть никакой другой славы, а если и приобрѣту, то да лишусь оной.

Что же значать слова мои? Я не безмездный труженикъ добродѣтели, и не достигъ еще до такого совершенства. Вознаградите меня за труды. Чѣмъ же? Не тѣмъ, о чемъ подумали бы нѣкоторые, способные подозрѣвать всякаго; но тѣмъ, чего мнѣ безопасно желать. Успокойте меня отъ долговременныхъ трудовъ, уважьте сію сѣдину, почтите мое странничество, и введите на мое мѣсто другаго, за васъ гонимаго, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто могъ бы во всемъ васъ удовольствовать и нести съ вами церковныя попеченія; ибо настоящее время особенно требуетъ такихъ Пастырей. А у меня, видите, въ какомъ состояніи тѣло, истощенное временемъ, болѣзнію, трудами. На что вамъ нуженъ старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій, такъ сказать, ежедневно, не тѣломъ только, но и заботами, — старикъ, который и это съ трудомъ выговариваю вамъ? Повѣрьте голосу учителя, такъ какъ никогда не отказывали ему въ вѣрѣ. Я усталъ, слушая обвиненія моей кротости; усталъ, препираясь и съ словомъ и съ завистию, съ врагами и съ своими: одни поражаютъ въ грудь, и меньше успѣваютъ, потому что не трудно остеречься явнаго врага; другіе имѣютъ въ виду хребетъ, и больше причиняютъ огорченій, потому что неподозрѣваемый губительнѣе. Если бы я былъ кормчій и даже самый знающій, но окружало насъ обширное море, бурно волнующееся вокругъ корабля, и въ то же время между пловцами возсталъ сильный мятежъ, всѣ спорили бы о томъ и о другомъ, и заглушали другъ друга и волны: то я, сидящій у кормила, долго ли бы могъ бороться и съ моремъ, и съ пловцами, и безбѣдно спасать корабль

отъ двоякой бури? Гдѣ трудно спасеніе, когда всѣ и всеми мѣрами трудятся надъ однимъ; тамъ какъ не потонуть, когда всѣ противоборствуютъ другъ другу? Нужно ли говорить о чемъ другомъ? Но какъ мнѣ вынести эту священную брань? Ибо пусть иная брань называется и священной, какъ есть брань варварская. Какъ совокуплю и приведу къ единству сихъ одинъ противъ другаго, восстающихъ и пастырствующихъ, а съ ними и народъ, расторгнутый и приведенный въ противоборство, подобно какъ во время землетрясеній рассѣдаются мѣста сосѣдственныя и близкія, или во время заразительныхъ болѣзней страждутъ слуги и домашніе, потому что болѣзнь удобно передается отъ одного другому? И не только народъ сей, но цѣлыя части вселенной увлекаются тѣмъ же мятежнымъ духомъ, такъ что Востокъ и Западъ раздѣлились на двѣ противныя стороны, и есть опасность, что они, составляя разные удѣлы, столько же будутъ разнствовать и во мнѣніяхъ.

Долго ли будутъ въ употребленіи слова: мой, твой, старый, новый, ученіе или духовнѣе, благороднѣе или ниже родомъ, богатѣе или бѣднѣе людьми? Стыжусь старости, когда мнѣ спасенному Христомъ, дають имя отъ чего-нибудь другаго. Несносны мнѣ конеристатели, зрѣлица и тѣ издержки и заботы, которымъ предаются съ равнымъ неистовствомъ. И мы то впрягаемъ, то перепрягаемъ коней, предаемся восторгамъ, едва не бьемъ воздуха какъ они, бросаемъ пыль къ небу, какъ изступленные; споря за другихъ, удовлетворяемъ собственной страсти спорить, бываемъ худыми оцѣнщиками соревнованія, несправедливыми судьями дѣлъ. Нынѣ у насъ одинъ престолъ и одна Вѣра, если такъ внушаютъ намъ наши вожди: завтра подуетъ противный вѣтеръ, и престолы и Вѣра будутъ у насъ разныя. вмѣстѣ съ враждою и пріязнію мѣняются имена, а, что всего хуже, не стыдимся говорить проливное при тѣхъ же слушателяхъ, и сами не стоимъ въ одномъ, потому что любовь къ спорамъ дѣлаетъ насъ то такими, то иными, и въ насъ бываютъ такія же перемѣны, отливы и приливы, какъ въ Еврипѣ. Когда дѣти играютъ и служатъ игрушкой для другихъ на площади, стыдно и несвойственно было бы намъ, оставивъ собственныя дѣла, вмѣшаться въ ихъ игры, потому что дѣтскія забавы не приличны старости. Такъ, когда другіе увлекаютъ и увлекаются, я, который знаю иное лучше многихъ, не соглашусь стать лучше однимъ изъ нихъ, нежели быть тѣмъ, что я теперь, то-есть свободнымъ, хотя и незнатнымъ. Ибо кромѣ прочаго есть во мнѣ и то, что не во многомъ соглашаюсь со многими, и не люблю идти однимъ съ ними путемъ.

Можетъ быть сіе дерзко и невѣжественно, однако жъ я подверженъ сему. На меня непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ, и увеселяюсь тѣмъ, что для иныхъ огорчительно. Посему не удивился бы, если бы меня, какъ челоувѣка безпокойнаго, связали и многіе признали сумасброднымъ, что, какъ сказываютъ, и случилось съ однимъ изъ эллинскихъ философовъ, которому цѣломудріе вмѣнено было въ безуміе, потому что надъ всѣмъ смѣялся, находя достойнымъ смѣха казавшееся для многихъ стоящимъ усиленныхъ трудовъ; не удивился бы, если бы почли меня *исполненнымъ вина*, какъ въ послѣдствіи учениковъ Христовыхъ за то, что стали говорить языками; почли, не зная, что это сила Духа, а не изступленіе ума.

Разсмотрите же мои вины. Говорятъ: „столько времени управляешь ты Церковію, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и Самодержецъ ревностенъ (что весьма важно); въ чемъ же для насъ видна переменна? Сколько передъ нами напихъ оскорбителей? Какіхъ бѣдствій не претерпѣли мы? Не видѣли ли мы обидъ, угрозы, изгнаній, разграбленія и описанія имѣній, сожженія пресвитеровъ на морѣ? Не видѣли ли храмовъ, обогранныхъ кровію Святыхъ, и изъ храмовъ содѣлавшихся кладбищами? Не видѣли ли всенароднаго закланія пресвитеровъ, епископовъ, точнѣе же сказать, патріарховъ? Не всякое ли мѣсто было непроходимо однимъ благочестивымъ? Не столько ли мы терпѣли, что невозможно и пересказать всѣхъ бѣдствій? А чѣмъ же мы воздали причинившимъ намъ оныя? Между тѣмъ, что и хорошо, возможность дѣйствовать возвращена намъ, и надобно было вразумить оскорбителей“. Оставляю прочее, предложу же свое, чтобъ не все говорить о твоёмъ.

Развѣ и мы не были гонимы? не терпѣли оскорбленій? Развѣ не изгоняли насъ изъ церквей, изъ домовъ и (что всего ужаснѣе) изъ самыхъ пустынь? Развѣ не перенесли мы того, что и народъ неистовствовалъ, и правители областей дѣлали обиды, и цари, а равно и ихъ указы, были презираемы? Что же потомъ? Мы стали сильны, а гонители разбѣжались. И это, по моему мнѣнію, достаточное наказаніе обидчикамъ, то-есть самая власть, какую имѣемъ отмстить. Но эти люди думаютъ иначе; они чрезъ мѣру точны и правдивы, когда идетъ дѣло объ отмщеніи; потому требуютъ не пропускать случая. Они говорятъ: „какой начальникъ области наказанъ? Какой народъ и кто изъ подущавшихъ вразумленъ? Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?“

Можетъ быть и за сіе будутъ порицать меня (ибо уже и пори-

цали), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сагу одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно входить въ состязанія съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство,—что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высидѣть на колесницѣ,—что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ, какъ скоро даже издали увидятъ идущаго.

Если сіе было для васъ тяжело, то оно прошло. Простите мнѣ сію обиду. Поставьте надъ собою другаго, который будетъ угодеиъ народу, а мнѣ отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному ужоу даже простотою жизни. Тяжело, если буду лишениъ бесѣдъ, собраній, торжествъ, и этихъ окриляющихъ рукошлесканий, лишениъ ближнихъ и друзей, почестей, красоты города, величія, блеска повсюду поражающаго гѣхъ, которые смотрятъ на сіе и не проникають внутрь. Но не такъ тяжело, какъ возмущаться и очерняться мятежами и волненіями, какія въ обществѣ, и принаровленіями къ обычаямъ народа. Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ; не строителей душъ, но хранителей имуществъ; не жрецовъ чистыхъ, но сильныхъ представителей. Скажу нѣчто и въ ихъ оправданіе: я обучилъ ихъ этому, я, который *всѣмъъ былъъ вся*, не знаю только, *да спасу* ли всѣхъ, или погублю (1 Кор. 9, 22).

Что скажете? Убѣдилъ ли и побѣдилъ ли я васъ сими словами? Или для убѣжденія вашего нужны выраженія болѣе твердыя? Такъ, ради самой Троицы, Которую я чту и вы чтете, ради общей нашей надежды, и ради совокупленія въ единый составъ людей сихъ, окажите мнѣ эту милость—отпустите меня съ молитвами. Пусть это будетъ возвѣщать о моихъ подвигахъ! Дайте мнѣ увольнительное писаніе, какъ цари даютъ воинамъ, и, если угодно, съ добрымъ свидѣтельствомъ, чтобы имѣть мнѣ награду; а если нѣтъ, какъ хотите; я не воспрекословлю, пока не узритъ Богъ, каковы дѣла наши. „Кого же поставимъ вмѣсто тебя?“—Узритъ Господь Себѣ пастыря для начальствованія, какъ *узрѣлъъ овца во всеожженіе* (Быт. 28, 8). Только сего одного требую, чтобы онъ былъ изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе,—изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага: ибо первое всего пріятнѣе

здѣсь, а второе всего полезнѣе тамъ. И вы составьте слово на мое отшествіе; а я воздамъ вамъ за сіе симъ прощальнымъ словомъ:

Прости Анастасія, получившая отъ благочестія наименованіе; ибо ты воскресила намъ ученіе, дотогдѣ презираемое! Прости мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ сначала водрузили мы скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждающую по пустынѣ! Прости великій и славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи, храмы, подобно узамъ, связующіе собою разныя части города, и присвоенныя той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, храмы, которые наполнили не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать, со мною отчаяннымъ! Простите Апостолы, прекрасное селеніе, мои учителя въ подвижничествѣ, хотя я и рѣдко торжествовалъ въ честь вашу, нося въ тѣлѣ, къ собственной пользѣ, можетъ быть, того же сатану, который былъ данъ вашему Павлу (2 Кор. 12, 7), ради котораго и нынѣ отъ васъ преселяюсь! Прости кафедра—эта завидная и опасная высота; прости соборъ архіереевъ и іереевъ, почтенныхъ сановитостію и лѣтами; простите всѣ, служащіе Богу при священной трапезѣ и приближающіеся къ тому, кто *приближается къ Богу* (Лев. 10, 3)! Простите ликостоянія Назореевъ, стройныя псалмопѣнія, всенощныя стоянія, честность дѣвъ, благопристойность женъ, толпы вдовъ и сиротъ, очи нищихъ, устремленные къ Богу и къ намъ! Простите страннолюбивыя и христоролюбивыя дома, помощники моей немощи! Простите любители моихъ словъ, простите и эти народныя теченія и стеченія, и эти трости, пишущія явно и скрытно, и эта рѣшетка, едва выдерживающая тѣснящихся къ слушанію! Простите цари и царскіе дворцы, и царскіе служители, домочадцы ¹⁾, можетъ быть и вѣрные царю (не знаю сего), но по большей части невѣрные Богу! Плещите руками, восклицайте пронзительнымъ голосомъ, поднимите вверхъ своего витію! Умолкъ языкъ для васъ непріязненный и вѣщій. Хотя онъ не вовсе умолкнетъ, и будетъ еще препираться рукою и черниломъ; но въ настоящее время мы умолкли. Прости градъ великій и христоролюбивый! Ибо засвидѣтельствую истину, хотя и не по разуму сія ревность (Рим. 10, 2), разлука содѣлала насъ болѣе свнзсходительными. Приступите къ истинѣ; перемѣните жизнь свою, хотя

¹⁾ Царскіе евнухи, которые большею частью заражены были аріанскою и македоніевою ересями.

поздно; чтите Бога болѣе, нежели сколько обыкли! Перемена жизни ни мало не постыдна; напротивъ того храненіе зла гибельно. Простите Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ тершимъ мы нападеніе: свидѣтель сему Тотъ, Кто примиритъ насъ, если не многіе будутъ подражать моему удаленію. Ибо не утратятъ Бога удалившіеся отъ престоловъ, но будутъ имѣть горнюю кафедру, которая гораздо выше и безопаснѣе этихъ кафедръ. А сверхъ всего и паче всего воскликну: простите Ангелы, назиратели сея Церкви, и также моего здѣсь пребыванія и отшествія отсюда, если только и мои дѣла въ рукъ Божіей! Прости мнѣ Троица—мое помышленіе и украшеніе! Да сохранишься у сего народа моего и да сохранишь его (ибо онъ мой, хотя и устроится жизнь моя иначе); да возмѣщается мнѣ, что Ты всегда возвышаема и прославляема у него и словомъ и жизнью! Чада! *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20), помните, какъ побивали меня камнями. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами, аминь* (Рим. 16, 24)!

Слово 43, надгробное Василию, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія.

Оставалось еще, чтобы Великій Василій, который всегда предлагалъ мнѣ многіе предметы для словъ (потому что столько увеселялся моими словами, сколько никто другой не увеселяется собственными),—оставалось еще, чтобы нынѣ самого себя предложилъ онъ въ предметъ для подвига въ словѣ, предметъ весьма высокій и для тѣхъ, которые много упражнялись въ сложеніи словъ. Ибо думаю, если бы кто, испытывая силы свои въ словѣ, захотѣлъ потомъ опредѣлить ихъ мѣру, и на этотъ конецъ предложилъ себѣ изъ всѣхъ предметовъ одинъ (какъ живописцы берутъ для себя образцовыя картины), то онъ исключилъ бы одинъ настоящій предметъ, какъ недоступный для слова, и избралъ первый изъ прочихъ. Такъ трудно говорить въ похвалу сего мужа, трудно не для меня одного, который давно отказался отъ всякаго соискательства чести, но и для тѣхъ, которые пѣлуютъ жизнь посвятили слову, надъ нимъ единственно трудились, и искали себѣ славы только въ подобныхъ сему предметахъ! Не иначе разумью я дѣло, и разумью, сколько самъ въ себѣ увѣренъ, весьма правильно. Впрочемъ не знаю, предложилъ ли бы я слова въ другомъ какомъ случаѣ, еслибы не предложилъ нынѣ, или угодилъ ли бы столько и себѣ, и цѣнителямъ добродѣтели, и самому слову, если бы избралъ для слова что-либо другое, а не похвалу сего мужа. Ибо съ моей стороны будетъ сіе

достаточнымъ воздаяніемъ долга; потому что совершеннымъ, какъ въ другомъ чемъ, такъ и въ словѣ, если чѣмъ другимъ должны мы, то словомъ. А любителямъ добродѣтели слово о добродѣтели будетъ вмѣстѣ и наслажденіемъ, и поощреніемъ. Ибо чему слышу похвалы, въ томъ вижу и явныя приращенія. А потому не бываетъ общихъ успѣховъ ни въ чемъ такомъ, чему нѣтъ общихъ похвалъ. Наконецъ, самое слово въ общихъ случаяхъ не остается безъ успѣха. Если оно близко подойдетъ къ достоинству похваляемаго; то сямъ докажетъ собственную свою силу. Если же во многомъ останется назади (чему и необходимо случиться, когда пріемлетъ хвалить Василія); то самымъ дѣломъ обнаружить, что оно побѣждено, и что похваляемый выше всякой возможности слова. Таковы причины, которыя вынудили у меня слово, и по которымъ вступаю въ сей подвигъ.

Но никто не долженъ дивиться, что принимаюсь за дѣло поздно и послѣ того, какъ многіе восхваляли Василія и прославляли его наединѣ и всенародно. Да проститъ мнѣ божественная душа, всегда, какъ нынѣ такъ и прежде, мною досточтимая! И безъ сомнѣнія, кто, находясь еще съ нами, многое исправлялъ во мнѣ по праву дружбы и по наилучшему закону (не постыжусь сказать, что онъ и для всѣхъ былъ закономъ добродѣтели), тотънисходительнѣе будетъ ко мнѣ и теперь, когда сталъ выше насъ. Да простятъ мнѣ и тѣ изъ васъ, которые съ большою пламенностію хвалятъ Василія, если только дѣйствительно одинъ изъ васъ пламеннѣе другаго, а не всѣ вы стоите на одной ступени въ этомъ одномъ — въ усердіи хвалить его! Ибо не по нерадѣнію не былъ мною доселѣ выполненъ долгъ (никогда не желалъ бы я быть такимъ презрителемъ требованій или добродѣтели, или дружбы), а также и не потому, чтобы почиталъ я не себя, а другихъ обязанными хвалить Василія. Но медлилъ я словомъ, во-первыхъ (скажу правду), чтобы прежде, какъ требуется отъ приступающихъ къ священнодѣйствію, очищены были у меня и уста и мысль; а сверхъ того не безызвѣстно вамъ (впрочемъ напомню о семъ), сколько въ сіе время занятъ былъ я попеченіями объ истинномъ ученіи, подвергавшемся опасности, и какъ потерпѣлъ я доброе принужденіе и былъ пресельникомъ, можетъ быть по Богу, притомъ не противъ воли и сего мужественнаго подвижника истины, который не инымъ чѣмъ и дышалъ, какъ благочестивымъ и спасительнымъ для цѣлаго міра ученіемъ. О немощахъ же тѣлесныхъ не должно, можетъ быть, смѣть и говорить человѣку мужественному, который до преселенія отселѣ поставилъ себя выше тѣлеснаго, и увѣренъ, что душевныя

блага ни малаго не терпятъ вреда отъ этихъ узъ. Таково мое оправданіе, и сямъ да будетъ оно заключено; ибо думаю, что нѣтъ нужды продолжать его, имѣя дѣло съ Василиемъ и съ людьми, которые ясно знаютъ мои обстоятельства.

Теперь долженъ я приступить къ самой похвалѣ, посвятивъ слово самому Василиеву Богу, чтобы и Василія не оскорбить похвалами, и самому мнѣ не стать гораздо ниже другихъ; хотя всѣ мы равно отстоимъ отъ Василія, и то же предъ нимъ, что предъ небомъ и солнечнымъ лучемъ взирающіе на нихъ.

Если бы видѣлъ я, что Василій величался родомъ и происшедшими отъ его рода, или чѣмъ-либо совершенно маловажнымъ, но высоко цѣнимымъ у людей, привязанныхъ къ земному; то, при перечисленіи всего, что могъ бы сказать я къ чести изъ временъ преждебывшихъ, явился бы у меня новый списокъ проевъ, и я ни въ семъ не уступилъ бы преимуществу исторіямъ, но самъ имѣлъ бы то преимущество, что сталъ бы хвалиться не вымыслами и баснями, а дѣйствительными событіями, свидѣтели которыхъ многочисленны. Ибо о предкахъ его съ отцевой стороны представляетъ намъ Понтъ множество такихъ сказаній, которыя ни чѣмъ не маловажнѣе древнихъ понтійскихъ чудесъ, какими наполнены писанія историковъ и стихотворцевъ. А почтенные Каппадокіяне—эта и мнѣ родная сторона, не меньше отличающаяся благородными юношами, какъ и хорошими породами коней, представляютъ много такого, по чему и матерній его родъ можемъ сравнять съ отцевымъ. Да и въ которомъ изъ двухъ родовъ или чаще или выше примѣры военачальства, народоправленія, могущества при царскихъ дворахъ, также богатства, высоты престоловъ, гражданскихъ почестей, блистательнаго краснорѣчія? Если бы захотѣли мы говорить о нихъ, что можно; то оказались бы ничего незначачими для насъ поколѣнія Пелопса, Кекропса, Алкмеона, Аякса, Иракла, и другія знаменитѣйшія въ ихъ древности. Инымъ нечего сказать гласно о собственныхъ дѣлахъ, потому прибѣгаютъ къ безгласному, къ какому-то демонамъ и богамъ, и въ похвалу предковъ приводятъ басни, въ которыхъ наиболѣе достойное уваженія не вѣроятнo, а вѣроятное оскорбительно. Но поелику у насъ слово о мужѣ, который разсуждаетъ, что о благородствѣ надобно судить по личнымъ достоинствамъ, и что мы должны изображать себя чертами не отъ другихъ заимствованными, когда и красоту лица, и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оцѣниваемъ по свойствамъ вещи самой въ себѣ взятой; то, упомянувъ объ одномъ, или о двухъ обстоятельствахъ, касающихся его предковъ, и наиболѣе близкихъ

къ его роду жизни, о которыхъ и самъ онъ съ удовольствіемъ бы сталъ слушать, обращусь къ нему самому.

Каждое поколѣніе и каждый членъ въ поколѣніи имѣетъ какое-либо свое отличительное свойство, и о немъ есть болѣе, или менѣе важное сказаніе, которое, получивъ начало во времена отдаленныя или близкія, какъ отеческое наслѣдіе переходитъ въ потомство. Такъ и у Василія отличіемъ отца и матерняго рода было благочестіе; что покажетъ теперь слово.

Настало гоненіе, и изъ гоненій самое ужасное и тягостное; говорю объ извѣстномъ вамъ гоненіи Максимина, который, являсь послѣ многихъ не задолго бывшихъ гонителей, сдѣлалъ, что все они кажутся предъ нимъ челоуѣколюбивыми,—такова была его дерзость, и съ такимъ упорствомъ старался онъ одержать верхъ въ нечестіи! Съ нимъ препирались многіе изъ нашихъ подвижниковъ, и одни подвизались до смерти, а другіе едва не до смерти, для того только оставленные въ живыхъ, чтобъ пережить побѣду, и не окончить жизни вмѣстѣ съ борьбою; но служить для другихъ побудителями къ добродѣтели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповѣдію. Въ числѣ многихъ извѣстныхъ были и предки Василіевы по отцѣ; и какъ они прошли весь путь благочестія, то время сіе доставило прекрасный вѣнецъ ихъ подвигу. Хотя сердце ихъ было готово съ радостію претерпѣть все, за что вѣнчаетъ Христосъ подражавшихъ собственному Его ради насъ подвигу; однако же они знали, что и самый подвигъ долженъ быть законнымъ. А законъ мученичества таковъ, чтобы, какъ щадя гонителей и немощныхъ, не выходить на подвигъ самовольно, такъ вышедши не отступать; потому что первое есть дерзость, а послѣднее—малодушіе. Посему, чтобы и въ этомъ почтить Законодателя, что предпріемлютъ они? или лучше сказать, куда ведетъ ихъ Промыслъ, управляющій всеми ихъ дѣлами? Они убѣгаютъ въ одинъ лѣсъ на понтійскихъ горахъ; а такихъ лѣсовъ у нихъ много, и они глубоки и простираются на большое пространство; убѣгаютъ, имѣя при себѣ весьма немногихъ сопутниковъ въ бѣгствѣ и служителей къ пропитанію. Другіе стануть удивляться, частію продолжительности бѣгства, которое, какъ говорятъ, было весьма долговременно, длилось до семи лѣтъ, или даже нѣсколько больше, частію роду жизни для людей жившихъ въ довольствѣ скорбному и, какъ вѣроятно, непривычному, бѣдствованію ихъ на открытомъ воздухѣ отъ стужи, жаровъ и дождей, пребыванію въ пустынѣ, вдали отъ друзей, безъ сообщенія и сношенія съ людьми, что увеличивало злостраданія

видѣвшихъ себя прежде окруженными многолудствомъ и принимавшихъ отъ всѣхъ почитаніе. Но я намѣренъ сказать нѣчто такое, что и сего важнѣе и удивительнѣе, и чему не повѣрять развѣ тотъ одинъ, кто не почитаетъ важными гоненій и бѣдствій за Христа, потому что худо ихъ знаетъ и понимаетъ весьма превратно.

Мужественные подвижники сіи, утомленные временемъ и наскучивъ своими нуждами, пожелали имѣть что-нибудь и къ услажденію. Впрочемъ, не говорили, какъ Израильтяне, и не были ропотниками, подобными бѣдствовавшимъ въ пустынѣ, послѣ того какъ бѣжали изъ Египта, и говорившимъ, что лучше пустыни для нихъ Египетъ, который доставлялъ неисчетное множество котловъ и мясо, а также и всего прочаго, чего нѣтъ въ пустынѣ (Исх. 16, 3); потому что плинныя и брѣныя, по неразумію, были тогда для нихъ ни во что. Напротивъ того, сколько они были благочестивѣе и какую показали вѣру! Ибо говорили: „что невѣроятнаго, если Богъ чудесъ, Который богато пропиталъ въ пустынѣ народъ странствующій и бѣгствующій, дождалъ хлѣбъ, посылалъ птицъ, подавалъ пищу, не только необходимую, но и роскошную, раздѣлилъ море, остановилъ солнце, пресѣкъ теченіе рѣки (а къ сему присовокупляли они и другія дѣла Божіи; потому что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, душа охотно припоминаетъ древнія сказанія и пѣснословитъ Бога за многія чудеса Его), что невѣроятнаго, продолжали они, если сей Богъ и насъ, подвижниковъ благочестія, препитаетъ нынѣ сладкими снѣдьями? Ибо много звѣрей, которые, избѣжавъ трапезы богатыхъ, какая и у насъ бывала нѣкогда, скрываются въ сихъ горахъ, много птицъ годныхъ въ снѣдъ летаетъ надъ нами, которые легче ихъ. И ужали они неуловимы, если Ты только хочешь?“—Такъ они зывали къ Богу; и явилась добыча, добровольно отдающаяся въ руки снѣдъ, самоутотованное пиршество. Откуда вдругъ взялись на холмахъ олени? И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшавшіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Одни манили къ себѣ ловцовъ, другіе слѣдовали за ловцами. Но ихъ кто-нибудь гналъ или понуждалъ?—Никто. Не бѣжали ли они отъ коней, отъ псовъ, отъ лая и крика, отъ того, что всѣ выходы, по правиламъ ловли, захвачены были молодыми людьми? Нѣтъ, они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Извѣстна ли кому подобная ловитва въ нынѣшнія или прежнія времена? И какое чудо! Ловцы сами были распорядителями лова; нужно было только захотѣть имъ, и что нравилось, то взято; а лишнее отослано въ дебри до другой трапезы. И вотъ внезапные приготовители снѣ-

дей, вотъ благолѣпная вечеря, вотъ благодарные сопиршественики, имѣющіе уже началокъ исполненія надеждъ—въ настоящемъ чудѣ! Отсего стали они ревностнѣе и къ тому подвигу, за который получили такую награду.

Таково мое повѣствованіе! Теперь ты, гонитель мой, удивляющійся баснямъ, рассказывай мнѣ о богиняхъ—звѣроловицахъ, объ Орionaхъ и Актеонахъ — несчастныхъ овцахъ, объ оленѣ замѣнившемъ собою дѣву¹⁾, рассказывай, если честолюбіе твое удовлетворится и симъ, что повѣствованіе твое примемъ не за басню. А продолженіе сказанія весьма гнушно; ибо какая польза отъ такой замѣны, если богиня спасаетъ дѣву, чтобы она научилась убивать странниковъ, въ воздаяніе за челоуѣколюбіе навывкинуть безчелоуѣчію?

Рассказанное мною происшествіе есть одно изъ многихъ, и оно, какъ разсуждаю, одно стоитъ многихъ. А я описалъ его не съ тѣмъ, чтобы прибавить нѣчто къ Василиевой славѣ. Море не имѣетъ нужды, чтобы вливались въ него рѣки, хотя и влпшвается въ него множество самыхъ большихъ рѣкъ: такъ и восхваляемый нынѣ не имѣетъ нужды, чтобы другіе приносили что-нибудь отъ себя къ его достохвальности. Напротивъ того мнѣ хотѣлось показать, какіе примѣры имѣлъ онъ предъ собою съ самаго начала, на какіе взиралъ образцы, и сколько ихъ превзошелъ. Если для другихъ важно заимствовать нѣчто къ своей славѣ у предковъ; то для него важнѣе, что, подобно рѣкѣ текущей назадъ, отъ себя присовокупляетъ многое къ славѣ отцевъ.

Супружество Василиевыхъ родителей, состоявшее не столько въ плотскомъ союзѣ, сколько въ равномъ стремленіи къ добродѣтели, имѣло многія отличительныя черты, какъ-то: питаніе нищихъ, страннопріимство, очищеніе души посредствомъ воздержанія, посвященіе Богу части своего имущества; а о послѣднемъ многіе тогда ревновали, какъ нынѣ, когда обычай сей взопелъ въ силу и уважается по прежнимъ примѣрамъ. Оно имѣло и другія добрыя качества, которыхъ достаточно было, чтобы наполнить слухъ многихъ даже и тогда, когда бы Понтъ и Каппадокія раздѣлили ихъ между собою. Но мнѣ кажется въ немъ самую важную и знаменитую чертою благочадіе. Чтобы одни и тѣ же имѣли и многихъ и добрыхъ дѣтей, тому найдемъ можетъ быть примѣры въ баснословіи. О родителяхъ же Василиевыхъ засвидѣтельствовали намъ дѣйствительный опытъ, что они и сами по себѣ, если бы не сдѣ-

¹⁾ Ифигенію.

лались родителями такихъ дѣтей, довольно имѣли у себя похвальныхъ качествъ, и имѣя такихъ дѣтей, если бы не преуспѣли столько въ добродѣтели, по одному благочадію превзошли бы всѣхъ. Ежели изъ дѣтей одинъ или двое бываютъ достойны похвалы; то сіе можно приписать и природѣ. Но превосходство во всѣхъ очевидно служить къ похвалѣ родившихъ. А сіе показываетъ блаженнѣйшее число ¹⁾ іереевъ, дѣвственниковъ и обязавшихся супружествомъ, впрочемъ такъ, что супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели; напротивъ того они обратили сіе въ избраніе только рода, а не образа жизни.

Кто не знаетъ Василиева отца, Василия—великое для всѣхъ имя? Онъ достигъ исполненія родительскихъ желаній; не скажу, что достигъ одинъ; по крайнѣй мѣрѣ, какъ только достигалъ чело-вѣкъ. Ибо, всѣхъ превосходя добродѣтелию, въ одномъ только сынѣ напелъ препятствіе удержать за собою первенство. Кто не знаетъ Еммелию? Потому что она предначертана симъ именемъ, что въ послѣдствіи такую содѣлалась, или потому содѣлалась, что такъ наречена; но она дѣйствительно была соименна стройности (*ἐμμε-λεια*), или, кратко сказать, тоже была между женами, что супругъ ея между мужами. А посему, если надлежало, чтобы похваляемый нами мужъ дарованъ былъ людямъ—послужить, конечно, природѣ, какъ въ древности даруемы были отъ Бога древніе мужи для общей пользы; то всего приличнѣе было какъ ему произойти отъ сихъ, а не отъ другихъ родителей, такъ и имъ именоваться родителями сего, а не иного сына. Такъ прекрасно совершилось и стеклось сіе!

Поселику же начатокъ похвалъ воздали мы упомянутымъ нами родителямъ Василиевымъ, повинуюсь Божію закону, который повелѣваетъ воздавать всякую честь родителямъ; то переходимъ уже къ самому Василию, замѣтивъ напередъ одно, что, думало, и всякій знавшій его признаетъ справедливо сказаннымъ, а именно, что намѣревающійся хвалить Василия долженъ имѣть его собственныя уста. Ибо какъ самъ онъ составляетъ достославный предметъ для похвалъ, такъ одинъ силою слова соотвѣтствуетъ такому предмету.

Что касается до красоты, крѣпости силъ и величія, чѣмъ, сколько вижу, восхищаются многіе; то сіе уступимъ желающимъ, не потому, чтобы и въ этомъ, пока былъ еще молодъ, и любомудріе не возобладало въ немъ надъ плотію, уступалъ онъ кому-либо изъ гордящихся вещами маловажными, и не простирающихся да-

¹⁾ Всѣхъ дѣтей у родителей Василиевыхъ было десять.

лѣе тѣлеснаго: но уступимъ для того, чтобы не испытать участи неопытныхъ борцовъ, которые, истощивъ силу въ напрасныхъ и примѣрныхъ только борьбахъ, оказываются бессильными для борьбы дѣйствительной и доставляющей побѣду, за которую провозглашаются увѣнчанными. Въ мою похвалу взойдетъ одно то, о чемъ сказавъ, ни мало не думаю показаться излишнимъ и не къ цѣли бросившимъ слово.

Полагало же, что всякій имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ Христіанъ, по худому разумѣнію, пнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того мы, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что удобно для жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго, и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говоритъ божественный Апостоль, *пльняюще всякъ разумъ* во Христа (2 Кор. 10, 5). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ нельзя сказать, что которая-либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависитъ отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такія, что мы примѣливаемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отринули все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину пошибели. Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣгать обличенія въ невѣжество. Но предложивъ и утвердивъ сіе общимъ согласіемъ, начнемъ обозрѣвать жизнь Василіеву.

Первый возрастъ Василіевъ, подъ руководствомъ великаго отца, въ лицѣ котораго Повнъ предлагалъ общаго наставника добродѣтели, повнѣ былъ пеленами и образованъ въ лучшее и чистѣйшее созданіе, которое божественный Давидъ прекрасно называетъ

дневнымъ и противоположнымъ ночному (Пс. 138, 16). Подъ сѣмъ-то руководствомъ чудный Василій обучается дѣлу и слову, которыя вмѣстѣ въ немъ возрастаютъ и содѣйствуютъ другъ другу. Онъ не хвалится какой-либо Фессалійской и горной пещерою, какъ училищемъ добродѣтели, или какимъ-нибудь высокомѣрнымъ Кентавромъ — учителемъ ихъ ироевъ, не учится у него стрѣлять зайцевъ, обгонять козъ, ловить оленей, одерживать побѣду въ ратоборствахъ, или лучшимъ образомъ объѣзжать коней, употребляя одного и того же вмѣсто коня и учителя, не вскармливается, по баснословію, мозгами оленей и львовъ; напротивъ того, изучаетъ первоначальный кругъ наукъ и упражняется въ богочестіи, короче сказать, самыми первыми уроками ведется къ будущему совершенству. Ибо тѣ, которые преуспѣли или въ дѣлахъ, оставивъ слово, или въ словѣ, оставивъ дѣла, ничѣмъ, какъ мнѣ кажется, не отличаются отъ одноглазыхъ, которые терпятъ большой ущербъ, когда сами смотрятъ, а еще большій стыдъ, когда на нихъ смотрятъ. Но кто можетъ преуспѣть въ томъ и другомъ и стать ободесноручнымъ, тому возможно быть совершеннымъ, и въ сей жизни вкушать тамошнее блаженство. Итакъ благодѣтельно было для Василія, что онъ дома имѣлъ образецъ добродѣтели, на который взирая, скоро сталъ совершеннымъ. И какъ видимъ, что молодые кони и тельцы съ самаго рожденія скачутъ за своими матерями; такъ и онъ съ рьяностію молодого коня стремился за отцемъ и не отставалъ въ высокиихъ прыжкахъ добродѣтели, но какъ-бы въ рисунокѣ (если угодно другое сравненіе) проявлялъ будущую красоту добродѣтели, и до наступленія времени строгой жизни предначертывалъ, что нужно для сея жизни.

Когда же довольно прибрѣлъ онъ здѣшней учености, а между тѣмъ надобно было, чтобы не ускользнуло отъ него ничто хорошее, и чтобы ему ни въ чемъ не отстать отъ трудолюбивой пчелы, которая со всякаго цвѣтка собираетъ самое полезное: тогда поспѣшиваетъ онъ въ Кесарію для поступленія въ тамошнія училища. Говорю же о Кесаріи знаменитой и нашей (потому что она и для меня была руководительницею и наставницею въ словѣ), которую такъ же можно назвать митрополіею наукъ, какъ и митрополіею городовъ, къ ней принадлежащихъ и ею управляемыхъ. Если бы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ, то отнялъ бы у нея самую лучшую ея собственность. Ибо другіе города восхищаются инаго рода украшеніями, или древними, или новыми, чтобы, какъ думаю, было о чемъ разсказать, или на что посмотреть; но отличіе Кесаріи—науки, подобно какъ надпись на оружій или на повѣсти

Но о послѣдующемъ пусть разсказываютъ тѣ самыя, которые и учили Василія, и насладились его ученостію. Пусть они засвидѣтельствуютъ: каковъ онъ былъ предъ учителями, и каковъ предъ сверстниками; какъ съ одними равнялся, а другихъ превышалъ во всякомъ родѣ свѣдѣній; какую славу приобрѣлъ въ короткое время и у простолюдиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, обнаруживая въ себѣ ученость выше возраста, и твердость нрава выше учености. Онъ былъ риторомъ между риторамъ еще до кафедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іеремъ для христіанъ еще до священства. Столько все и во всемъ ему уступали! Науки словесныя были для него постороннимъ дѣломъ, и онъ заимствовалъ изъ нихъ то одно, что могло споспѣшествовать нашему любомудрію; потому что нужна сила и въ словѣ, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словомъ, есть движеніе оцѣпенѣвшаго. А главнымъ его занятіемъ было любомудріе, то-есть отрѣшеніе отъ міра, пребываніе съ Богомъ, по мѣрѣ того, какъ чрезъ дальнее восходилъ онъ къ горнему, и посредствомъ непостояннаго и скоропреходящаго приобрѣталъ постоянное и вѣчно-пребывающее.

Изъ Кесаріи самимъ Богомъ и прекрасною алчбою познаній ведется Василій въ Византію (городъ, первенствующій на Востоку); потому что она славилась совершеннѣйшими софистами и философами, отъ которыхъ, при естественной своей остротѣ и даровитости, въ короткое время собралъ онъ все отличнѣйшее; а изъ Византіи — въ Аѳины — обитель наукъ, въ Аѳины, если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившіе мнѣ много добраго. Ибо они совершеннѣе ознакомили меня съ симъ мужемъ, который не безъизвѣстенъ былъ мнѣ и прежде. Ища познаній, обрѣлъ я счастье, испытавъ на себѣ то же (въ другомъ только отношеніи), что и Саулъ, который, ища отцовыхъ ословъ, нашелъ царство, такъ что придаточное къ дѣлу вышло важнѣе самаго дѣла.

Доселѣ благоуспѣшно текло у насъ слово, несясь по гладкому, весьма удобному и дѣйствительно царскому пути похвалъ Василію; а теперь не знаю, на что употребить слово, и къ чему обратиться, потому что слово встрѣчаетъ и стремнины. Ибо, доведя рѣчь до сего времени и касаясь уже онаго, желало къ сказанному присовокупить нѣчто и о себѣ, остановиться нѣсколько повѣствованіемъ на томъ, отчего, какъ и чѣмъ начавшись, утвердилась наша дружба, или наше единодушіе, или (говоря точнѣе) наше сродство. Какъ взоръ неохотно оставляетъ пріятное зрѣлище, и

если отвлекаютъ его насильно, опять стремится къ тому же предмету; такъ и слово любить увлекательныя повѣствованія. Впрочемъ боюсь трудности предпріятія. Попытаюсь же исполнить сіе, сколько можно, умѣреннѣе. А если и увлекусь нѣсколько любовію, то да извиняютъ страсти, которая, конечно, справедливѣе всякой другой страсти, и которой не покориться есть уже потеря для человѣка съ умомъ.

Аѳины приняли насъ, какъ рѣчный потокъ, — насъ, которые, отдѣляясь отъ одного источника, то-есть отъ одного отечества, увлечены были въ разныя стороны любовію къ учености, и потомъ, какъ-бы по взаимному соглашенію, въ самомъ же дѣлѣ по Божію мановенію, опять сошлись вмѣстѣ. Нѣсколько прежде приняли они меня, а потомъ и Василія, котораго ожидали тамъ съ обширными и великими надеждами; потому что имя его, еще до прибытія, повторялось въ устахъ у многихъ, и для всякаго было важно предвосхитить то, что всѣмъ любезно. Но не излишнимъ будетъ присовокупить къ слову, какъ-бы нѣкоторую сладость, небольшой рассказъ, въ напомниманіе знающимъ, и въ наученіе незнающимъ.

Весьма многіе и безразсуднѣйшіе изъ молодыхъ людей въ Аѳинахъ, не только незнатнаго рода и имени, но благородные и получившіе уже извѣстность, какъ беспорядочная толпа, по молодости и неудержимости въ стремленіяхъ, имѣютъ безумную страсть къ софистамъ. Съ какимъ участіемъ охотники до коней и любители зрѣлищъ смотрятъ на состязующихся на конскомъ ристалищѣ? Они вскакиваютъ, восклицаютъ, бросаютъ вверхъ землю, сидя на мѣстѣ какъ будто правятъ конями, бьютъ по воздуху пальцами, какъ бичами, запрягаютъ и перепрягаютъ коней, хотя все это нимало отъ нихъ не зависитъ. Они охотно мѣняются между собою ѣздоками, конями, конюшнями, распорядителями зрѣлищъ; и кто же это? часто бѣдняки и нищіе, у которыхъ нѣтъ и на день достаточнаго пропитанія. Совершенно такую же страсть питаютъ въ себѣ Аѳинскіе юноши къ своимъ учителямъ и къ соискателямъ ихъ славы. Они заботятся, чтобы и у нихъ было больше товарищей, и учителя чрезъ нихъ обогатились. И что весьма странно и жалко, напередъ уже захвачены города, пути, пристани, вершины горъ, равнины, пустыни, каждый уголокъ Аттики и прочей Греціи, даже большая часть самыхъ жителей; потому что и ихъ считаютъ раздѣленными по своимъ скопищамъ. Посему какъ скоро появляется кто-нибудь изъ молодыхъ людей, и попадаетъ въ руки имѣющихъ на него притязаніе (попадаетъ же или волею, или неволею); у нихъ существуетъ таковой аттичeskій законъ, въ которомъ съ дѣ-

ломъ смѣшивается шуточное. Новоприбывшій вводится для жительства къ одному изъ прїѣхавшихъ прежде него, другу, или сроднику, или одноземцу, или кому-либо изъ отличившихся въ софистикѣ и доставляющихъ доходъ учителямъ, за что у нихъ находится въ особой чести; потому что для нихъ и то уже награда, чтобы имѣть приверженныхъ къ себѣ. Потомъ новоприбывшій терпитъ насмѣшки отъ всякаго желающаго. И сіе, полагаю, заведено у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а другихъ — болѣе остроумны; сіе соображается съ грубостію или образованностію новоприбывшаго. Такое обхожденіе тому, кто не знаетъ, кажется очень страшнымъ и немилосерднымъ, а тому, кто знаетъ напередъ, оно весьма прїятно и свисходительно; потому что представляющееся грознымъ дѣлается болышею частію для вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбывшаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ порядкомъ попарно и въ разстояніи другъ отъ друга, идутъ впереди молодаго человѣка до самой бани. А подходя къ ней, поднимаютъ громкій крикъ и начинаютъ плясать, какъ истушленные; крикомъ же означается, что нельзя имъ идти впередъ, но должно остановиться, потому что баня не принимаетъ. И въ то же время, выломивъ двери, и проломъ приведя въ страхъ вводимаго, дозволяютъ ему, наконецъ, входить, и потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ человѣка съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство; и это мгновенное освобожденіе отъ огорченій и прекращеніе оныхъ, во всемъ обрядѣ посвященія, есть самое прїятное.

А я своего великаго Василія не только самъ принялъ тогда съ уваженіемъ, потому что провидѣлъ въ немъ твердость права и зрѣлость въ понятіяхъ, но такимъ же образомъ обходиться съ нимъ убѣдилъ и другихъ молодыхъ людей, которые не имѣли еще случая знать его; многими же былъ онъ уважаемъ съ самаго начала по предварительнымъ слухамъ. Что же было слѣдствіемъ сего? Почти онъ одинъ изъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона, и удостоенъ высшей чести, не какъ новопоступающій. И сіе было началомъ нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились мы любовію другъ къ другу.

Потомъ присоединилось и слѣдующее обстоятельство, о которомъ также не приличино умолчать. Примѣчаю въ Армянахъ, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и ветроничаемые. Такъ и въ сіе время нѣкоторые изъ числа болѣе знакомыхъ и

дружныхъ съ Василиемъ, еще по товариществу отцевъ и пращѣдовъ, которымъ случилось учиться въ одномъ училищѣ, приходять къ нему съ дружескимъ видомъ (дѣйствительно же приведены были завистію, а не благорасположеніемъ), и предлагаютъ ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василія, и не терпя тогдашней его чести, они покушались съ перваго приѣма подчинить его себѣ. Ибо несносно было, что прежде него облекшіеся въ философскій плащъ и навывкнущіе метать словами не имѣютъ никакого преимущества предъ иноземцемъ и недавно прибывшимъ. А я, человекъ привязанный къ Аѣинамъ и недальновидный (потому что, вѣря наружности, не подозрѣвалъ зависти), когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, возревновалъ о славѣ Аѣинъ, и чтобы не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась вскорѣ презрѣнію, возобновивъ бесѣду, подкрѣпилъ молодыхъ людей, и придавъ имъ вѣса своимъ вмѣшательствомъ (въ подобныхъ же случаяхъ и малая поддержка можетъ все сдѣлать), ввелъ, какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованія, потому что невозможно стало скрывать ее долѣе, и она сама собою ясно обнаружилась; тогда, употребивъ печальный изворотъ, перевернулъ я корму, и ставъ за одно съ Василиемъ, сдѣлалъ побѣду сомнительною. Василій же понялъ дѣло тотчасъ; потому что былъ проницателенъ, сколько едва ли кто другой; и исполненный ревности (опису его совершенно Омировымъ слогомъ), словомъ своимъ приводилъ въ замѣшательство ряды сихъ отважныхъ, и не прежде пересталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Этотъ второй случай возжигаетъ въ насъ уже не искру, но свѣтлый и высокій пламенникъ дружбы. Они же удалились безъ успѣха, не мало укоряли самихъ себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, какъ на злоумышленника, и объявили мнѣ явную вражду, обвиняли меня въ измѣнѣ, говоря, что я предалъ не ихъ только, но и самые Аѣины, потому что они низложены при первомъ покушеніи и пристыждены однимъ человекомъ, которому самая новость не позволяла бы на сіе отважиться.

Но такова человѣческая немощь! Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое; тогда кажется сіе намъ ниже составленнаго мнѣнія. И Василій подвергся сей же немощи, сдѣлался печаленъ, сталъ скорбѣть духомъ, и не могъ одобритъ самъ себя за приѣздъ въ Аѣины, искалъ того, на что питалъ въ себѣ надежды, и называлъ Аѣины обманчивымъ блаженствомъ. Въ такомъ

онъ былъ положеніи; и я разсѣялъ большую часть скорби его; то представлялъ доказательства, то къ доказательствамъ присоединялъ ласки, разсуждая (конечно и справедливо), что, какъ нравъ чловѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ и не по маловажнымъ опытамъ. Симъ привелъ я его въ спокойное расположеніе духа, и послѣ взаимныхъ опытовъ дружбы, больше привязалъ его къ себѣ. Когда же по прошествіи нѣкотораго времени, открыли мы другъ другу желанія свои и предметъ оныхъ — любомудріе; тогда уже стали мы другъ для друга все — и товарищи, и сотрапезники, и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу. Ибо любовь плотская и привязана къ скоропреходящему, и сама скоро проходитъ, и подобна весеннимъ цвѣтамъ. Какъ пламень, по истребленіи имъ вещества, не сохраняется, но утасаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что горѣло; такъ и страсть сія не продолжается послѣ того, какъ увянетъ воспламенившее ее. Но любовь по Богу и цѣломудренная, и предметомъ имѣетъ постоянное, и сама продолжительна. Чѣмъ большая представляется красота имѣющимъ такую любовь, тѣмъ крѣпче привязываютъ къ себѣ и другъ къ другу любящихъ одно и тоже. Таковъ законъ любви, которая превыше насъ!

Чувствую, что увлекаюсь за предѣлы времени и мѣры; самъ не знаю, какимъ образомъ встрѣчаюсь съ сими реченіями; но не нахожу средствъ удержаться отъ повѣствованія. Ибо, какъ скоро миную что-нибудь, оно мнѣ представляется необходимымъ и лучшимъ того, что было избрано мною прежде. И если бы кто силою повлекъ меня прочь; то со мною произошло бы то же, что бываетъ съ полипами, съ составомъ которыхъ такъ крѣпко сцѣплены камни, что когда снимаешь ихъ съ ложа, не иначе можешь оторвать, развѣ отъ усилія твоего или часть полипа останется на камнѣ, или камень оторвется съ полипомъ. Посему, если кто мнѣ уступить, имѣю искомое; а если нѣтъ, буду заимствовать самъ у себя.

Въ такомъ расположеніи другъ къ другу, такими золотыми столпами, какъ говоритъ Пиндаръ, подперши чертогъ добродѣтельный, простирались мы впередъ, имѣя содѣйственниками Бога и свою любовь. О, перенесу ли безъ слезъ воспоминаніе объ этомъ! Нами водили равныя надежды и въ дѣлѣ самомъ завидномъ—въ ученіи. Но далека была отъ насъ зависть, усерднѣйшими же дѣлало соревнованіе. Оба мы домогались не того, чтобы которому-

либо изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ бы образомъ уступить первенство другъ другу; потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною своею. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаеъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ; однако же должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе—до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли направляли мы всю жизнь и дѣятельность, и заповѣдію къ тому руководимые, и поощрявшіе другъ друга къ добродѣтели. И если немного будетъ сказать такъ, мы служили другъ для друга и правиломъ и отвѣсомъ, съ помощію которыхъ распознается, что прямо и что не прямо. Мы вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись; ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе заразишься болѣзнію, нежели сообщешь другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы любили не столько пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе: потому что и сіе способствуетъ молодымъ людямъ къ образованію себя въ добродѣтели или въ порокъ. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая — это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія, на ширшества, предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели, и не дѣлаеъ лучшимъ своего любителя. У другихъ бываютъ иныя прованія, или отцевскія, или свои, по роду собственнаго званія и занятія; но у насъ одно великое дѣло и имя—быть и именоваться христианами. И симъ хвалились мы больше, нежели Гигесъ (положимъ, что это не баснь) обращеніемъ перстня, посредствомъ котораго сталъ онъ царемъ Лидійскимъ, или Мидасъ золотомъ, отъ котораго онъ погибъ, какъ скоро получилъ исполненіе желанія, и сталъ (это другая Фригійская баснь) все обращать въ золото. Что же сказать мнѣ о стрѣлѣ иперборейца Авариса или объ Аргивскомъ пегасѣ, на которыхъ нельзя было такъ высоко подняться на воздухъ, какъ высоко мы одинъ при посредствѣ другаго и другъ съ другомъ воспаряли къ Богу? Или выразиться короче? Хотя для другихъ (не безъ основанія думаютъ такъ люди благочестивые)

душепагубны Аѳины; потому что избилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ: однако же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того (если нужно сказать и то, что нѣсколько обыкновенно), живя въ Аѳинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. И ежели дѣйствительно есть, или въ одномъ народномъ вѣрованіи существуетъ, такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ все истребляющемъ; то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ. А всего прекраснѣе было то, что и окружающее насъ собратство не было неблагородно, какъ наставляемое и руководимое такимъ вождемъ, какъ восхищающаеся тѣмъ же, чѣмъ восхищался Василій, хотя намъ слѣдовать за его пареніемъ и жизнию значило то же, что пѣшимъ поспѣвать за Лидійской колесницей.

Чрезъ сіе самое приобрѣли мы извѣстность не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особливо у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ сдѣлалось это явно изъ разсказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ; а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ. Для всѣхъ мы были и слыли беззвѣстною четою, и въ сравненіи съ нами ничего не значили ихъ Оресты и Плады, ихъ Моліониды, прославленные Омиромъ, и которымъ извѣстность доставили общія несчастія и искусство править колесницей, дѣйствуя вмѣстѣ браздами и бичемъ. Но я непремѣнно увлекся въ похвалы самому себѣ, хотя никогда не принималъ похвалъ отъ другихъ. И ни мало не удивительно, если и въ этомъ отношеніи приобрѣлъ я нѣчто отъ его дружества, если, какъ отъ живаго пользовался уроками добродѣтели, такъ отъ преставившагося пользуюсь случаемъ говорить въ похвалу свою.

Снова да обратится слово мое къ цѣли. Кто, еще до сѣдины, столько былъ сѣдъ разумомъ? Ибо въ этомъ поставляетъ старость и Соломонъ (Притч. 4, 9). Кто, не только изъ нашихъ современниковъ, но и изъ жившихъ задолго до насъ, столько былъ уважаемъ и старыми и юными? Кому, по причинѣ назидательной жизни, были менѣе нужны слова? и кто, при назидательной жизни, обладалъ въ большей мѣрѣ словомъ? Какого рода наукъ не проходилъ

онъ? Лучше же сказать: въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ бы занимавшійся этой одной наукой? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ бы не учился ничему другому. У него не отставали другъ отъ друга и прилежаніе и даровитость, въ которыхъ знанія и искусства почерпають силу. Хотя при напряженіи своемъ всего меньше имѣлъ нужды въ естественной быстротѣ, а при быстротѣ своей всегдъ меньше нуждался въ напряженіи; однако же до такой степени совокуплялъ и приводилъ къ единству то и другое, что не извѣстно, напряженіемъ ли, или быстротою, наиболѣе онъ удивителенъ. Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышащемъ силою огня, хотя нравами не походилъ онъ на риторовъ? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, сводитъ исторію, владѣетъ мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи — въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, то-есть въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями, и называется діалектикою? Ибо легче было выйти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ сіе нужнымъ. Изъ астрономіи же, геометріи и науки въ отношеніи числъ изучивъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство, отринувъ онъ все излишнее, какъ бесполезное для желающихъ жить благочестиво. И здѣсь можно подивиться какъ избранному болѣе, нежели отринутому, такъ и отринутому болѣе, нежели избранному. Врачебную науку—этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія—содѣлали для него необходимою и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ, и изучилъ въ немъ не только занимающееся видимымъ и долгу лежащимъ, но и собственно относящееся въ наукѣ и любомудрію. Впрочемъ все сіе, сколько оно ни важно, значитъ ли что-нибудь въ сравненіи съ нравственнымъ обученіемъ Василія? Кто знаетъ его изъ собственнаго опыта, для того не важны тотъ Миносъ и Радамантъ, которыхъ Элліны удостоили златоцвѣтныхъ луговъ и елисейскихъ полей, имѣя въ представленіи нашъ рай, извѣстный имъ, какъ думаю, изъ Моисеевыхъ и нашихъ книгъ, хотя и разошлись съ нами нѣсколько въ наименованіи, изобразивъ то же самое другими словами.

Въ такой степени приобрѣлъ онъ все сіе; это былъ корабль столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для

человѣческой природы; потому что далѣе Кадикса и пути нѣтъ. Но намъ должно уже было возвратиться домой, вступить въ жизнь болѣе совершенную, приняться за исполненіе своихъ надеждъ и общихъ предназначеній. Насталъ день отъѣзда, и, какъ обыкновенно при отъѣздахъ, начались прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. А никому и ничто не бываетъ такъ прискорбно, какъ Аѳинскимъ совоспитанникамъ разставаться съ Аѳинами и другъ съ другомъ. Дѣйствительно происходило тогда зрѣлище жалостное и достойное описанія. Насъ окружала толпа друзей и сверстниковъ, были даже нѣкоторые изъ учителей; они увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ насъ, просили, убѣждали, удерживали силою. И какъ свойственно сѣтующимъ, чего не говорятъ они, чего не дѣлаютъ? Обвиню при этомъ нѣсколько самъ себя; обвиню (хотя это и смѣло) и сію божественную и неукоризненную душу. Ибо Василій, объяснивъ причины, по которымъ непремѣнно хочетъ возвратиться на родину, превозмогъ удержавшихъ, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъѣздъ. А я остался въ Аѳинахъ, потому что отчасти (надобно сказать правду) самъ былъ тронутъ просьбами, а отчасти онъ меня предалъ и далъ себя уговорить, чтобъ оставить меня, не желавшаго съ нимъ разстаться, и уступить влекущимъ,— дѣло до совершенія своего невѣроятное! Ибо сіе было то же, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или то же, что разлучить тельцевъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и приучены къ одному ярму, жалобно мычатъ другъ о другѣ и не терпятъ разлуки. Но моя утрата была не долговременна; я не выдержалъ долѣе того, чтобы представлять изъ себя жалкое зрѣлище и всякому объяснить причину разлученія. Напротивъ того, немного времени пробылъ я еще въ Аѳинахъ, а любовь сдѣлала меня Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнины и несусь къ товарищу.

Когда же возвратились мы въ дома, уступивъ нѣчто міру и зрѣлищу, чтобы удовлетворить только желанію многихъ (потому что сами по себѣ не имѣли расположенія жить для зрѣлища и на показъ); тогда, какъ можно скорѣе, вступаемъ въ свои права, и изъ юношей дѣлаемся мужами, мужественно приступая къ любомудрію. И хотя еще не вмѣстѣ другъ съ другомъ, потому что до сего не допускала зависть, однако же неразлучны мы были взаимною любовію. Василія, какъ второго своего строителя и покровителя, удерживаетъ Кесарійскій городъ, а потомъ занимаютъ нѣкоторые путешествія, необходимыя по причинѣ разлуки со

мною и согласныя съ предполагаенною имъ цѣлю—любомудріемъ. А меня отводили отъ Василія благоговѣніе къ родителямъ, попеченіе о сихъ старцахъ и постигшія бѣдствія. Можетъ быть, сіе было не хорошо и несправедливо; однако же я удаленъ былъ отъ Василія; и думаю, не отъ сего ли на меня пали всѣ неудобства и затрудненія жизни, не отъ сего ли мое стремленіе къ любомудрію, неудачно и мало соотвѣтственно желанію и предположенію. Впрочемъ, да устроится жизнь моя, какъ угодно Богу, и о если бы по молитвамъ Васиіевымъ она устроилась лучше.

Василія же Божіе многообразное челоуѣколюбіе и смотрѣніе о нашемъ родѣ, извѣдавъ во многихъ встрѣтившихся между тѣмъ обстоятельствахъ и показавъ болѣе и болѣе свѣтлымъ, поставляетъ знаменитымъ и славнымъ свѣтильникомъ Церкви, сопрічисливъ пока къ священнымъ престоламъ пресвитерства, и чрезъ одинъ градъ—Кесарію возжигаетъ его для цѣлой вселенной. И какимъ образомъ? Не спѣшно возводитъ его на степень, не вмѣстѣ и омываетъ и умудряетъ, что видимъ нынѣ на многихъ желающихъ предствоятельства, удостоиваетъ же чести по порядку и по закону духовнаго восхожденія. Ибо не хвалю безпорядка и неустройства, какіе у насъ; а есть сему примѣры и между предсѣдателями церковными (не осмѣлюсь обвинять всѣхъ, да сіе и несправедливо). Хвалю же законъ мореходцевъ, по которому управляющему теперь кораблемъ сперва дано было весло, а отъ весла взведенъ онъ на корму, и исполнивъ первыя порученія, послѣ многихъ плаваній по морю, послѣ долговременнаго наблюденія вѣтровъ, посаженъ у кормила. Тотъ же порядокъ и въ военномъ дѣлѣ: сперва воинъ, потомъ начальникъ отряда, наконецъ военачальникъ. И это самый лучший и полезный для подначальныхъ порядковъ. И наше дѣло было бы гораздо достоуважаемѣе, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы самый святѣйшій чинъ не содѣлался у насъ наиболѣе осмѣиваемымъ; потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелию, но происками, и престолы занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими. Самуилъ видящій, *яже на преди* (Ис. 41, 26), во пророкахъ, но также и Саулъ отверженный. Ровоамъ, Соломоновъ сынъ, царемъ; но также и Иеровоамъ, рабъ и отступникъ. Нѣтъ ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А предсѣдатель въ Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣявъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы во святыя и велимы быть мудрыми тѣмъ, которые

ничему не учились, и кромѣ одного произволенія, ничего у себя не имѣютъ, восходя на степень. Низкое мѣсто любить и смиренно стоять, кто достоинъ высокой степени, много занимался Божиимъ словомъ, и многими законами подчинилъ плоть духу. А надменный предсѣдательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета восходитъ на престоль, не ужасается, видя воздержнаго внизу. Напротивъ того, думаетъ, что, получивъ могущество, сталъ онъ премудрѣе,—такъ мало знаетъ онъ себя, до того власть лишила его способности разсуждать!

Но не таковъ былъ многообъемлющій и великій Василій. Онъ служитъ образцемъ для многихъ, какъ всеѣмъ прочимъ, такъ соблюденіемъ порядка и въ этомъ. Сей истолкователь священныхъ книгъ сперва читаетъ ихъ народу, и сію степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкою; потомъ на *стѣдальщи старецъ*¹⁾, потомъ въ санѣ епископовъ *хвалитъ* Господа (Пс. 106, 32), не восхитивъ, не силою присвоивъ власть, не гонясь за честію, но самъ преслѣдуемый честію, и не человѣческою воспользовавшись милостію, но отъ Бога, и Божію пріявъ благодать.

Но да помедлитъ слово о предсѣдательствѣ; предложимъ же нѣчто о низшей степени его служенія. Каково на примѣръ и сіе, едва не забытое мною и случившееся въ продолженіе описываемаго времени? У правившаго Церковію²⁾ прежде Василія произошло съ нимъ несогласіе; отъ чего и какъ, лучше о томъ умолчать; довольно сказать, что произошло. Хотя Епископъ былъ мужъ во всемъ прочемъ не недоблественный, даже чудный по благочестію, какъ показало тогдашнее гоненіе³⁾ и возстаніе противъ него; однако же въ разсужденіи Василія подвергся онъ человѣческой немощи. Ибо безславное касается не только людей обыкновенныхъ, но и самыхъ превосходныхъ; и единому Богу свойственно быть совершенно непреткновеннымъ и не увлекаться страстями. Итакъ, противъ него⁴⁾ возстаютъ избраннѣйшіе и наиболѣе мудрые въ Церкви, если только премудрѣе многихъ тѣ, которые отлучили себя отъ міра и посвятили жизнь Богу, — я разумѣю нашихъ Назореевъ, особенно ревнующихъ о подобныхъ дѣлахъ. Для нихъ было тягостно, что презирается ихъ могущество, оскорбленное и

1) Пресвитеровъ.

2) Евсевій, Епископъ Кесарійскій. Объ избраніи и возведеніи его на кесарійскій престоль см. Твор. Св. Отц. Т. 2, стр. 134.

3) Отъ Аріанъ, при императорѣ Валентѣ.

4) Противъ Епископа Евсевія.

отринутое, и они отваживаются на самое опасное дѣло, замышляютъ отступить и отторгнуться отъ великаго и безмятежнаго тѣла Церкви, отсѣкши и немалую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. И сіе было весьма удобно сдѣлать по тремъ самымъ сильнымъ причинамъ. Василій былъ мужъ уважаемый, и едва ли кто другой изъ нашихъ любомудрцевъ пользовался такимъ уваженіемъ; если бы захотѣлъ, онъ имѣлъ столько силъ, что могъ бы придать смѣлости своимъ защитникамъ. А оскорбившій его находился въ подозрѣніи у города за смятеніе, происшедшее при возведеніи его на престолъ, такъ какъ и санъ предстоятеля полученъ имъ былъ не столько законно и согласно съ правилами, сколько насильственно. Явились также нѣкоторые изъ западныхъ архіереевъ, и они привлекали къ себѣ всѣхъ православныхъ въ Церкви. Что же предпріемлетъ сей доблественный ученикъ Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителямъ и ревнителямъ, не его было дѣло заводить прю и расторгать тѣло Церкви, которая была уже борима и находилась въ опасномъ положеніи отъ тогдашняго преобладанія еретиковъ. Употребивъ въ совѣщаніе о семъ меня, искренняго совѣтника, со мною же вмѣстѣ предается онъ бѣгству, удаляется отсюда въ Понтъ, и настоятельствуетъ въ тамошнихъ обителяхъ, учреждаетъ же въ нихъ нѣчто достойное памятованія, и лобызаетъ пустыню вмѣстѣ съ Иліею и Іоанномъ, великими хранителями любомудрія, находя сіе болѣе для себя полезнымъ, нежели въ настоящемъ дѣлѣ замыслить что-нибудь недостойное любомудрія, и, во время тишины пріучившись управлять помыслами, нарушить сіе среди бури.

Но хотя отшельничество его было столь любомудренно и чудно; однако же возвращеніе найдемъ еще болѣе превосходнымъ и чуднымъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ. Когда мы были въ Понтѣ, поднялась вдругъ градоносная туча, угрожающая пагубою; она сокрушала всѣ Церкви, надъ которыми разражалась, и на которыя простиралъ власть свою златолюбивѣйшій и христоненавистнѣйшій царь, одержимый сими двумя тяжкими недугами — ненасытностію и богохульствомъ, — этотъ послѣ гонителя гонитель, и послѣ отступника хотя не отступникъ, однако же ничѣмъ не лучший для христіанъ, особливо же для тѣхъ изъ христіанъ, которые благочестивѣе и чище, — для поклонниковъ Троицы, — что одно и называю я благочестіемъ и спасительнымъ ученіемъ. Ибо мы не взвѣшиваемъ Божества, и единое неприступное Естество не дѣлаемъ чуждымъ для самого Себя, вводя въ Него иноподобныя особства; не врачуемъ зла зломъ, и безбожнаго Савелліева

сокращенія не уничтожаемъ еще болѣе нечестивымъ раздѣленіемъ и сѣченіемъ, болѣзную которымъ, соименный неистовству Арій поколебалъ и растлилъ великую часть Церкви, и Отца не почтивъ, и обезчестивъ Тѣхъ, Которые отъ Отца, введеніемъ неравныхъ степеней Божества. Напротивъ того мы знаемъ единую славу Отца — равночестіе съ Нимъ Единороднаго, и единую славу Сына — равночестіе съ Нимъ Духа. Чествуя и признавая Трехъ по личнымъ свойствамъ и Единого по Божеству, мы рассуждаемъ, что унижить Единое изъ Трехъ значитъ испровергнуть все. Но этотъ царь, ни мало не помышляя о томъ, будучи не въ состояніи простирать взоръ горѣ, а напротивъ того низводимый ниже и ниже своими совѣтниками, осмѣлился унижить съ собою и Божеское естество. Онъ дѣлается лукавою тварію, низводя господство до рабства, и поставивъ на ряду съ тварію Естество несозданное и превышее времени. Такъ онъ мудрствуетъ, и съ такимъ нечестіемъ вооружается на насъ! Ибо не иначе должно представлять себѣ это, какъ варварскимъ нашествіемъ, въ которомъ истребляются не стѣны, не города и дома, или что-либо маловажное, человѣческими руками созидаемое и скоро возстановляемое, но расхищаются самыя души. Вторгается съ царемъ и достойное его воинство, злонамѣренные вожди Церквей, немилосердые четверовластники обладаемой имъ вселенной. Одну часть Церквей они захватили уже въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись пріобрѣсть полномочіемъ и рукою царя, которая или была уже занесена, или по крайней мѣрѣ угрожала. Они пришли испровергнуть и нашу Церковь, всего болѣе полагаясь на низость души въ тѣхъ, о которыхъ предъ симъ сказано, а также на неопытность тогдашняго нашего предстоятеля и на недуги наши. Предстояла великая борьба; въ большей части изъ насъ оказывалась мужественная ревность; но полкъ нашъ былъ слабъ, не имѣлъ защитника и искуснаго споборника, сильнаго словомъ и духомъ. Что жъ сія мужественная, исполненная высокихъ помысловъ и подлинно христіюлюбивая душа? Немного нужно было убѣжденій Василию, чтобы онъ явился и сталъ поборникомъ. Напротивъ того, едва увидѣлъ умоляющимъ меня (обоимъ намъ предстоялъ общій подвигъ, какъ защитникамъ праваго ученія), какъ былъ побѣжденъ моленіемъ. Прекрасно и весьма любомудренно разсудилъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть иногда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ — время великодушія; посему тотчасъ отправляется со мною изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасно-

сти, дѣлается добровольнымъ сподобникомъ, и самъ себя предаетъ на служеніе матери-Церкви.

Но можетъ-быть изъяснилъ онъ столько усердія, а подвизался несоотвѣтственно ревности? Или хотя и мужественно подвизается, но не благоразумно? Или хотя и разсудительно, но не подвергаясь опасностямъ? Или и все сіе было въ немъ совершенно и выше описанія; однако же оставались и нѣкоторые слѣды малодушія?—Нимало. Напротивъ того все вдругъ: примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись противники, воздвигли на насъ брань. Одно приесть, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ — твердая стѣна и оплотъ, для другихъ *млатъ сотрясающій камень* (Иерем. 23, 29), и *огнь въ терніи* (Пс. 117, 12), какъ говоритъ Божественное Писаніе, удобно истребляющій подобныхъ сухимъ вѣтвямъ и оскорбителей Божества. А если съ Павломъ подвизался и Варнава, который о семъ говоритъ и пишетъ; то и за сіе благодареніе Павлу, который его избралъ и содѣлалъ сотрудиномъ въ подвигѣ! Такимъ образомъ противники остались безъ успѣха, и злые въ первый разъ тогда зло посрамлены и побѣждены; они узнали, что презирающимъ другихъ не безбѣдно презирать и Каппадокіянь, которымъ всего свойственѣ непоколебимость въ вѣрѣ, вѣрность и преданность Троицѣ; ибо отъ Нея имѣютъ они единеніе и крѣпость, гѣмъ самымъ, что защищаютъ, сами будучи защищаемы, даже еще гораздо больше и крѣпче.

Вторымъ дѣломъ и попеченіемъ для Василія было — оказывать услуги Предстоятелю, уничтожить подозрѣніе, увѣрить всѣхъ людей, что огорченіе произошло по искушенію лукаваго, что это было нападеніе завидующаго единоклюбію въ добрѣ, а самъ онъ зналъ законы благопокорности и духовнаго порядка. Посему приходилъ, умудрялъ, повиновался, давалъ совѣты; былъ у Предстоятеля всѣмъ — добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорой Вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. Однимъ словомъ, онъ признанъ столько же благорасположеннымъ, сколько прежде почитаемъ былъ недоброжелательнымъ. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя на каедрѣ занималъ онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти; одинъ управлялъ народомъ, а другой — управляю-

щимъ. Василій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиряя властвующаго, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ; потому что недавно возведенный на кафедру, показывалъ еще въ себѣ нѣкоторые слѣды мірскихъ привычекъ и не утвердился въ духовномъ; а между тѣмъ вокругъ было сильное волненіе, и Церковь окружали враги. Посему сотрудничество было ему пріятно, и въ Василіево правленіе почиталъ онъ правителемъ себя.

Много и другихъ доказательствъ Василіевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и предъ самыми сильными въ городѣ; его рѣшенія распрей, не безъ довѣрія принимаемыя, а, по произнесеніи его устами, чрезъ употребленіе обратившіяся въ законъ; его предстательства за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ (потому что и это, покоряя людей добрымъ расположеніемъ, пользуется нерѣдко душѣ); препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, писанные и неписанные уставы для монашествующихъ, чиноположенія молитвъ, благоуукрашенія алтаря, и иное, чѣмъ только Божій воистину человекъ и дѣйствующій по Богу можетъ пользоваться народъ. Но еще выше и славнѣе одно слѣдующее его дѣло.

Былъ голодъ, и самый жестокой изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ни откуда не было ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Приморскія страны безъ труда переносятъ подобные недостатки, потому что инымъ сами снабжаютъ, а другое получаютъ съ моря. У насъ же, жителей твердой земли, и избытки бесполезны, и недостатки невознаградимы; потому что некуда сбыть того, что у насъ есть, и не откуда привезти, чего нѣтъ. Всего же несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибыльтокъ изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что *милуйй нища взаимъ даетъ* Господу (Притч. 19, 7), что *продай пшеницу скупо, отъ народа прохлятъ* (Притч. 11, 26); не слышатъ ни обѣщаній человекѣлюбивымъ, угрозъ безчеловѣчнымъ; напротивъ того, они ненасытими сверхъ мѣры, и худо рассуждаютъ, заключая для бѣдныхъ утробу свою, а для себя Божіе милосердіе, тогда какъ сами они имѣютъ болѣе нужды въ послѣднемъ, нежели другіе—въ ихъ милосердіи. Такъ поступаютъ скупающіе и продающіе пшеницу, не стыдясь родства, не благодаря Бога, отъ Котораго имѣютъ избытки, когда другіе терпятъ нужду. Но Василію надлежало не дожидать хлѣбъ

съ неба посредствомъ молитвы и питать народъ бѣгствующій въ пустынь, не источать неоскудѣвающую пищу изъ сосудовъ, наполняемыхъ (что и чудно) чрезъ самое истощеніе, чтобы въ воздаяніе за страннoлюбіе препитать питающую, не насыщать тысячи пятью хлѣбами, въ которыхъ вторымъ чудомъ — ихъ остатки, достаточные для многихъ трапезъ. Все сіе было прилично Моисею, Или и моему Богу, отъ Котораго и первымъ дарована таковая сила; а можетъ-быть, и нужно сіе было только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; потому что знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ и ведетъ къ тому же, то замыслилъ и привелъ Василій въ исполненіе съ тою же вѣрою. Ибо, отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаетъ сказанное въ Писаніи, *раздробляетъ алчущимъ* пищу (Пс. 57, 8), *насыщаетъ нищія хлѣбомъ* (Пс. 131, 15), препитываетъ *я въ гладъ* (Пс. 32, 19), и *души алчущіе исполняетъ благъ* (Пс. 106, 9). И какимъ притомъ образомъ? Ибо и это не мало увеличиваетъ его заслугу. Онъ собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самого Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитанію присоединивъ честь, и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ.

Таковъ былъ новый нашъ хлѣбодатель и второй Іосифъ! Но можемъ сказать о немъ еще нѣчто и большее. Ибо Іосифъ извлекаетъ прибытокъ изъ глада, своимъ челоуѣколюбіемъ покупаетъ Египеть, во время обилія запасшись на время голода, и будучи сему наученъ сновидѣніями другихъ. А Василій былъ милостивъ даромъ, безъ выгодъ для себя помогаль, въ раздаваніи хлѣба, имѣлъ въ виду одно, чтобы челоуѣколюбіемъ пріобрѣсть челоуѣколюбіе и чрезъ здѣшнее *житомъріе* (Лук. 12, 42) сподобиться тамошнихъ благъ. Къ сему присовокуплялъ онъ и пищу словесную — совершенное благодѣяніе и даваніе истинно высокое и небесное; потому что слово есть хлѣбъ ангельскій; имъ питаются и наповаются души, алчущія Бога, ищущія не скорогибнущей и преходящей, но вѣчно-пребывающей пищи. И таковой пищи самымъ богатымъ раздавателямъ былъ сей, во всемъ прочемъ, сколько

знаемъ, весьма скудный и убогій, врачевавшій *не гладъ хлѣба, ни жажду воды*, но желаніе слова истинно животворнаго и питательнаго (Амос. 8, 11), которое хорошо имъ питаемаго ведетъ къ преснѣянію духовнаго возраста.

За сіи и подобныя дѣла (ибо нужно ли останавливаться на подробномъ описаніи оныхъ?), когда соименный¹⁾ благочестію уже представился и спокойно испустилъ духъ на рукахъ Василія, возводится онъ на высокій престолъ епископскій, правда, не безъ затрудненій, не безъ зависти и противоборства со стороны какъ предсѣдательствующихъ въ отечествѣ, такъ и присоединившихся къ нимъ самыхъ порочныхъ гражданъ. Впрочемъ, надлежало прекобѣдить Духу Святому, и Онъ подлинно по превосходству побѣждаетъ. Ибо изъ сопредѣльныхъ странъ воздвигаетъ для помазанія извѣстныхъ благочестіемъ мужей и ревнителей, а въ числѣ ихъ и новаго Авраама, нашего патріарха, моего отца, съ которымъ происходитъ даже нѣчто чудное²⁾. Не только по причинѣ многихъ лѣтъ оскудѣвъ силами, но и удрученный болѣзнію, находясь при послѣднемъ дыханіи, онъ отваживается на путешествіе, чтобы своимъ голосомъ помочь избранію, и возложивъ упованіе на Духа, (скажу кратко) возложенъ былъ мертвымъ на носила, какъ во гробъ, возвращается же юнымъ, сильнымъ, зрящимъ горѣ, будучи укрѣпленъ рукою, помазаніемъ (а не много сказать) и главою помазаннаго. И къ древнимъ сказаніямъ да будетъ присовокуплено и сіе, что трудъ даруетъ здравіе, что ревность воскрешаетъ мертвыхъ, что скачетъ старость, помазанная Духомъ.

Такъ удостенный предсѣдательства, какъ и свойственно мущамъ, которые содѣлались ему подобными, сподобились такой же благодати и пріобрѣли столько къ себѣ уваженія. Василій ничѣмъ послѣдующимъ не посрамилъ ни своего любомудрія, ни надежды вѣрившихъ ему служеніе. Но въ такой же мѣрѣ оказывался непрестанно превосходящимъ самого себя, въ какой дотолѣ превосходилъ другихъ, разсуждая о семъ превосходно и весьма любомудренно. Ибо быть только не худымъ, или сколько ни есть и какъ ни есть добрымъ, почиталъ онъ добродѣтелию частнаго человѣка. А въ начальникѣ и предстоятелѣ, особливо же въ имѣющемъ подобное³⁾ начальство, и то уже порокъ, если не многимъ превосходить онъ простолюдиновъ, если не оказывается непрестанно луч-

¹⁾ Евсевій, Епископъ Кесарійскій.

²⁾ См. о семъ Тв. Св. Отц. Т. 2 стр. 138, 139.

³⁾ Василюву.

шимъ и лучшимъ, если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола. Ибо и тотъ, кто стоитъ высоко, едва успѣваетъ въ половину; и тотъ, кто преизобилуетъ добродѣтелию, едва привлекаетъ многихъ къ посредственности. Лучше же сказать (полюбомудрствую о семъ нѣсколько выше), что усматриваю (а думаю, усмотритъ со мною и всякій мудрый) въ моемъ Спасителѣ, когда Онъ былъ съ нами, вообразивъ въ Себѣ и то, что выше насъ, и наше естество, то же, какъ разсуждаю, было и здѣсь. И Христосъ, по сказанному, *престъваше* какъ *возрастомъ* такъ *премудростію и благодатію* (Лук. 2, 52), не въ томъ смыслѣ, что получалъ въ этомъ приращеніе (что могло стать совершеннѣе въ томъ, Кто совершенъ отъ начала?), но въ томъ разумѣ, что сіе открывалось и обнаруживалось въ Немъ постепенно. И добродѣтель Василиева получила тогда, какъ думаю, не приращеніе, но болѣе крутъ дѣйствій, и при власти нашла она болѣе предметовъ, гдѣ показать себя.

Во-первыхъ, дѣлаетъ онъ для всѣхъ явнымъ, что данное ему было не дѣломъ человѣческой милости, но даромъ Божіей благодати. Но то-же покажутъ и поступки его со мною. Ибо въ чемъ я соблюдалъ любомудріе при семъ обстоятельстве, въ томъ и онъ держался того же любомудрія. Когда всѣ другіе думали, что я поспѣшу къ новому Епископу, обрадуюсь (что, можетъ-быть, и случилось бы съ другимъ), и лучше съ нимъ раздѣлю начальство, нежели соглашусь имѣть такую же власть, и когда обо всемъ этомъ заключали по нашему дружеству; тогда, избѣгая высокоумія, котораго и во всемъ избѣгаю не меньше всякаго другаго, а вмѣстѣ избѣгая и повода къ зависти, особливо пока обстоятельства не приплыли еще въ устройство, но находились въ замѣшательствѣ, остался я дома, съ насиліемъ обуздавъ желаніе видѣться съ Василіемъ. А онъ жалуется на сіе, правда, однако же, извиняетъ. И послѣ сего, когда пришелъ я къ нему, но, по той же опять причинѣ, не принялъ ни чести вступить на кафедру, ни предпочтенія между пресвитерами, онъ не только не сталъ охуждать сего, но еще (что и благоразумно сдѣлалъ) похвалилъ, и лучше согласился понести обвиненіе въ гордости отъ тѣхъ, которые не понимали такой предусмотрительности, нежели поступить въ чемъ-нибудь вопреки разуму и его внушеніямъ. И чѣмъ другимъ доказалъ бы онъ лучше, что душа его выше всякаго человѣкоугодничества и ласкательства, что у него въ виду одно — законъ добра, какъ не такимъ образомъ мыслей въ разсужденіи меня, котораго считалъ въ числѣ первыхъ и короткихъ друзей своихъ?

Потомъ умягчаетъ и врачуетъ онъ высокоумдреннымъ и пѣльбоноснымъ словомъ своимъ тѣхъ, которые возстали противъ него. И достигаетъ сего не угодливостію, и не поступками неблагодарными, но дѣйствуя весьма отважно и прилично сану, какъ чловѣкъ, который не смотритъ на одно настоящее, но промышляетъ о будущей благопокорности. Примѣчая, что отъ мягкости нрава происходитъ уступчивость и робость, а отъ суровости — строптивость и своеправіе, онъ помогаетъ одному другимъ, и упорство растворяетъ кротостію, а уступчивость — твердостію. Рѣдко нужно было прибѣгать ему къ слову, чаще дѣло оказывалось дѣйствительнѣйшимъ къ уврачеванію. Не хитростію порабоцалъ онъ, но привлекалъ къ себѣ благорасположеніемъ. Не власть употреблялъ онъ напередъ, но пощадою покорялъ власти, и что всего важнѣе, покорялъ тѣмъ, что всѣ уступали его разуму, признавали добродѣтели его для себя недосыгаемою, и въ одномъ видѣли свое спасеніе — быть съ нимъ и подъ его начальствомъ, а также одно находили опаснымъ — быть противъ него, и отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога. Такъ добровольно уступали и покорялись, какъ-бы ударами грома подклоняемые подъ власть; каждый приносилъ свое извиненіе, и сколько прежде оказывалъ вражды, столько теперь благорасположенія и преуспѣянія въ добродѣтели, въ которой одной и находилъ для себя самое сильное оправданіе. И только развѣ неизлѣчимо поврежденный былъ пренебреженъ и отринутъ, чтобы самъ въ себѣ сокрушился и потребился, какъ ржа пропадаетъ вмѣстѣ съ желѣзомъ.

Когда же домашнія дѣла устроились по его мысли и какъ не чаяли невѣрныя, которые не знали его; тогда замышляетъ въ умѣ нѣчто большее и возвышеннѣйшее. Другіе смотрятъ только у себя подъ ногами, расчитываютъ, какъ бы свое только было въ безопасности (если это истинная безопасность), далѣе же не простираются, и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго: но онъ, хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не знаетъ умѣренности; напротивъ того, высоко подъявъ главу и озирая окрестъ душевнымъ окомъ, объемлетъ всю вселенную, куда только пронеслось спасительное слово. Примѣчая же, что великое наслѣдіе Бога, стяжанное Его ученіями, законами и страданіями, *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9), приведено въ худое положеніе, увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій, и виноградъ, перенесенный и пересаженный изъ Египта—сего безбожнаго и темнаго невѣдѣнія, достигшій красоты и необъятнаго величія, такъ что покрылъ всю землю, распростерся

выше горъ и кедровъ,—сей самый виноградъ поврежденъ лукавымъ и дикимъ вепремъ — діаволомъ (Пс. 79, 9 — 14), — примѣчая это, Василій не признаетъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, у Него искать прекращенія обдержавшихъ золь, а самому между тѣмъ почивать; напротивъ того онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и отъ себя принести нѣчто и оказать какую-нибудь помощь. Ибо что горестнѣе сего бѣдствія? И о чемъ болѣе должно заботиться взирающему герѣ? Когда одинъ дѣлаетъ хорошо или худо, сіе ничего не предвѣщаетъ для цѣлаго общества. Когда цѣлое въ хорошемъ или худомъ положеніи, тогда по необходимости и каждый членъ общества приходитъ въ подобное же состояніе. Сіе-то представлялъ и имѣлъ въ виду и сей попечитель и предстатель общаго блага. И поелику, какъ думаетъ Соломонъ за-едино съ самою истиною, *моль костью сердце чувственно* (Притч. 14, 30), и беззаботный бываетъ благодушень, а сострадательный — скорбень, неотступный помысль сушить его сердце: то Василій приходилъ въ содроганіе, скорбѣлъ, уязвлялся, былъ въ положеніи то Ионы, то Давида, *отрицаешся души* (Іоан. 4, 8), не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ (Пс. 131, 4), заботами изнурялъ останокъ плотей, пока не находилъ уврачеванія злу. Онъ взыскуетъ Божеской или и человѣческой помощи, только бы остановить общій пожаръ и разсѣять облегающую насъ тму.

И такъ изобрѣтаетъ слѣдующее одно весьма спасительное средство. Сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ Духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, и ученіе благочестія предаетъ письмени. Дѣлаетъ возраженіе еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами писмень, не менѣе достойныхъ уваженія, какъ и начертанія на скрижаляхъ; потому что изображаютъ законы не одному іудейскому, малочисленному народу, не о пищѣ и питіи, не о жертвахъ установленныхъ на-время, не о плотскихъ очищеніяхъ, но всѣмъ родамъ, всѣмъ частямъ вселенной, о словѣ истины, которымъ приобрѣтаетъ спасеніе

Но было у него и другое средство. Поелику, какъ дѣло безъ слова, такъ и слово безъ исполненія, равно не совершенны; то онъ присовокупляетъ къ слову и содѣйствіе самыхъ дѣлъ. Къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, *обличаетъ, запрещаетъ* (2 Тим. 4, 2), угрожаетъ, уко-

ряеть, защищает народы, города, людей частных, придумываетъ все роды спасенія, всеѣмъ врачуетъ. Сей Веселеиль, архитекторъ Божіей скинии (Исх. 31, 1. 2), употребляетъ въ дѣло всякое вещество и искусство, все соплетаетъ вмѣстѣ, чтобы составилось преизящество и стройность единой Красоты. Нужно ли уже говорить о другомъ чемъ?

Между тѣмъ опять пришелъ къ намъ христорборный царь и утѣснитель Вѣры, и чѣмъ съ сильнѣйшимъ противникомъ долженъ онъ былъ имѣть дѣло, тѣмъ съ вящимъ пришелъ нечестіемъ и съ ополченіемъ воспламененнымъ болѣе прежняго, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставивъ челоуѣка и скитавшись, возвращается къ нему, чтобы, какъ сказано въ Евангеліи (Лук. 11, 24—26), вселиться съ большимъ числомъ духовъ. Этого-то ученикомъ дѣлается царь, чтобы вмѣстѣ и загладить первое свое пораженіе, и присовокупить что-нибудь къ прежнимъ ухищреніямъ. Тяжело и жалко было видѣть, что повелитель многихъ народовъ, удостоенный великой славы, покорившій всеѣхъ окрестъ себя державѣ нечестія, ниспровергнувшій все преграды, оказался побѣжденнымъ отъ единаго мужа и отъ единаго города, сдѣлался посмѣшищемъ, какъ самъ примѣчалъ, не только для руководствующихъ имъ поборниковъ безбожія, но и для всеѣхъ людей. Разказываютъ о царѣ Персидскомъ ¹⁾, что, когда шелъ онъ съ войскомъ въ Элладу, ведя всякаго рода людей, кипя гнѣвомъ и надмеаясь гордостію, тогда не симъ однимъ превозносился, и не только не полагалъ мѣры угрозамъ, но чтобы сильнѣе поразить умы Эллиновъ, заставлялъ себя бояться превращеніемъ самыхъ стихій. Носилась молва о какой-то небывалой суши и о какомъ-то небываломъ морѣ сего новаго творца, о воинствѣ, плывущемъ по суши и шествующемъ по морю, о похищенныхъ островахъ, о морѣ, наказанномъ бичами, и о многомъ другомъ, что, ясно свидѣтельствуя о разстройствѣ умовъ въ воинствѣ и въ военачальникѣ, поражало, однако же, ужасомъ слабодушныхъ, хотя и возбуждало смѣхъ въ людяхъ болѣе мужественныхъ и твердыхъ разсудкомъ. Ни въ чемъ подобномъ не имѣлъ нужды ополчающійся противъ насъ; но, по слухамъ, онъ дѣлалъ и говорилъ, что и того было еще хуже и пагубнѣе. *Положилъ на небеси уста своя, хулу глаголя въ высоту, и языкъ его преиде по зѣмли* (Пс. 72, 9). — Такъ прекрасно божественный Давидъ, еще прежде насъ, выставилъ на позоръ сего, преклонившаго небо къ землѣ, и къ тварямъ причислившаго пре-

¹⁾ Ксерксѣ.

мирное Божество, Котораго тварь и вмѣстити не можетъ, хотя Оно и пребывало нѣсколько съ нами, по закону человеколюбія, чтобы привлечь къ Себѣ насъ, поверженныхъ на землю! И какъ ни блистательны первые опыты отважности сего царя, но еще блистательнѣе послѣдніе съ нами подвиги. Какіе же разумью первые опыты? Изгнанія, бѣгства, описанія имуществъ, явные и скрытныя навѣты, убѣжденія, когда доставало на сіе времени, принужденія за недостаточностію убѣждений; изгнаніе изъ церкви исповѣдниковъ праваго и нашего ученія, а введеніе въ Церковь держащихся царевой пагубы, тѣхъ, которые требовали рукописаній нечестія и составляли писанія еще болѣе ужасныя; сожженіе пресвитеровъ на морѣ; злочестивые военачальники, которые не Персовъ одолѣвають, не Скивовъ покоряютъ, не варварскій какой-нибудь народъ преслѣдуютъ, но ополчаются на Церкви, издѣваются надъ алтарями, безкровныя жертвы обагряютъ кровью людей и жертвъ, оскорбляютъ стыдливость дѣвъ. И для чего все это? Для того, чтобы изгнанъ былъ патріархъ Іаковъ, а на мѣсто его введенъ Исавъ, *возненавидѣнный* (Мал. 1, 2) до рожденія. Таковы сказанія о первыхъ опытахъ его отважности; они и донынѣ, какъ скоро приходятъ на память или пересказываются, извлекаютъ слезы у многихъ.

Но когда царь, обойдя прочія страны, устремился, съ намѣреніемъ поработить, на сію незыблемую и неуязвимую мать Церквей, на сію единственно еще оставшуюся животворную искру истины: тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла; ибо онъ былъ отраженъ, какъ стрѣла, ударившаяся въ твердню, и отскочилъ, какъ порванная вервь. Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля Церкви! И къ такому приразившись утесу, сокрушился! Отъ испытавшихъ тогдашнія бѣдствія можно и о другомъ чѣмъ-нибудь слышать рассказы и повѣствованія (а нѣтъ никого, кто бы не повѣствовалъ о семъ); но всякій удивляется, кто только знаетъ тогдашнія боренія, нападенія, обѣщанія, угрозы, знаетъ, что къ Василию, съ намѣреніемъ уговорить его, присылаемы были то проходящіе должность судей, то люди военнаго званія, то женскіе приставники—эти мужи между женами, и жены между мужами, мужественные только въ одномъ—въ нечестіи, естественно неспособные предаваться распутству, но блудодѣйствующіе языкомъ, которымъ только и могутъ, наконецъ, этотъ архимагирь¹⁾,

¹⁾ Главный поваръ у Валента, по имени Демосеенъ, который, будучи присланъ къ Василию, грозилъ убить его своимъ повареннымъ ножомъ. О немъ Св. Василій говаривалъ: „наконецъ есть у насъ и Демосеенъ неграмотный“.

Навузарданъ, грозившій Василию орудіемъ своего ремесла, и отпедшій во огнь, и здѣсь для него привычный.

Но я, какъ можно сокращеніе, передамъ слову, что кажется мнѣ наиболѣе удивительнымъ, и о чемъ не могу умолчать, хотя бы и желалъ. Кто не знаетъ тогдашняго начальника¹⁾ области, который какъ собственную свою дерзость особенно устремлялъ противъ насъ (потому что и крещеніемъ былъ совершенъ или погубленъ у нихъ²⁾), такъ сверхъ нужды услуживалъ Повелителю, и своею во всемъ угодливостію на долгое время удерживалъ и соблюлъ за собою власть? Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на Церковь, принималъ на себя львиный образъ, рыкалъ, какъ левъ, и для многихъ былъ неприступенъ, вводится, или лучше сказать, самъ входитъ и доблественный Василій, какъ призванный на празднество, а не на судъ. Какъ пересказать мнѣ достойнымъ образомъ или дерзость правителя, или благоразумное сопротивление ему Василю? Для чего тебѣ, сказалъ первый (назвавъ Василю по имени; ибо не удостоилъ наименовать Епископомъ), хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? Доблественный мужъ возразилъ: въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего. — Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной Вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. — Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ. — Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи? — Вы правители, отвѣчалъ Василій, — и не отрицаю, что правители знаменитые, — однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь); впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою. — Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василюмъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти? — Нѣтъ, — что ни будетъ, и чего ни потерплю. — Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ? — Что же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, истя-

¹⁾ По имени Модеста.

²⁾ У Аріяна.

заніе, смерть. — Ежели можешь, угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ.—Какъ же это, и почему? спросилъ правитель.— Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имущества, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13). А истязанія что возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе преподшетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самаго я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю. — Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ передо мною, — и при этомъ присовокупилъ свое имя. — Можетъ-быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ Епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣю дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣе всякаго, — это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови: а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечъ, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать.

Когда Василій сказалъ сіе, а правитель, выслушавъ, узналъ, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не съ прежними угрозами, но съ нѣкоторымъ уваженіемъ и съ уступчивостію велитъ ему выйти вонъ и удалиться. А самъ, какъ можно поспѣшнѣе, представъ царю, говоритъ: „побѣждены мы, царь, настоятелемъ сея Церкви. Это мужъ, который выше угрозы, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій. Надобно подвергнуть искушенію другихъ, не столько мужественныхъ, а его или открытою силой должно принудить, или и не ждать, чтобы уступилъ онъ угрозамъ“.

Послѣ сего царь, вина себя и будучи побѣжденъ похвалами Василію (и врагъ дивится доблести противника), не велитъ дѣлать

ему насилія; и какъ желѣзо, хотя умягчается въ огнѣ, однако же не престаётъ быть желѣзомъ; такъ и онъ, перемѣнивъ угрозы въ удивленіе, не принявъ общенія съ Василиемъ, стыдясь показать себя перемѣнившимся, но ищетъ оправданія наиболѣе благоприличнаго. И сіе покажетъ слово. Ибо въ день Богоявленія, при многочисленномъ стеченіи народа, въ сопровожденіи окружающѣй его свиты, вошедъ во храмъ и присоединясь къ народу, симъ самымъ показываетъ видъ единенія. Но не должно преидти молчаніемъ и сего. Когда вступилъ онъ внутрь храма, и слухъ его, какъ громомъ, пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько челоувѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впереди всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. 7, 10), не восклопяющійся ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию (какъ будто бы въ храмѣ не произошло ничего новаго), но пригвожденный (скажу такъ) къ Богу и къ престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе какъ челоувѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же надобно было царю принести къ божественной трапезѣ дары, приготовленные собственными его руками¹⁾, и по обычаю никто до нихъ не касался (не извѣстно было, приметъ-ли Василій); тогда обнаруживается его немощь. Онъ колеблется на ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря, подавъ руку, не поддержалъ колеблющагося, и онъ упалъ, то паденіе сіе было бы достойно слезъ. О томъ же, что и съ какимъ любомудріемъ вѣщалъ Василій самому царю (ибо въ другой разъ, бывъ у насъ въ церкви, вступилъ онъ за завѣсу, и имѣлъ тамъ, какъ весьма желалъ, свиданіе и бесѣду съ Василиемъ), нужно ли говорить что иное, кромѣ того, что окружавшіе царя и мы, вошедшіе съ ними, слышали тогда Божіи глаголы. Таково начало и таковъ первый опытъ царскаго къ намъ снисхожденія; симъ свиданіемъ, какъ потокъ, остановлена большая часть обидъ, какія дотолѣ наносили намъ.

Но вотъ другое происшествіе, которое не маловажнѣе описанныхъ. Злые превозмогли; Василию опредѣлено изгнаніе, и ни

¹⁾ По изъясненію Никиты, дары сіи состояли въ золотыхъ сосудахъ.

чего не доставало къ исполненію опредѣленія. Наступила ночь; приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые уныли; мы окружали путника съ охотою готовившагося къ отъѣзду; исполнено было и все прочее, нужное къ сему прекрасному поруганію. И что же? Богъ разоряетъ опредѣленіе. Кто поразилъ первенцевъ Египта, ожесточившагося противъ Израиля, Тотъ и теперь поражаетъ болѣзнію сына царева. И какъ мгновенно! Здѣсь писаніе объ изгнаніи, а тамъ опредѣленіе о болѣзни; и рука лукаваго писца удержана, святой мужъ спасается, благочестивый дѣлается даромъ горячки, вразумившей дерзкаго царя! Что справедливѣе и скоропостижнѣе сего? А послѣдствія были таковы. Царевъ сынъ страдалъ и изнемогалъ тѣломъ; сострадалъ съ нимъ и отецъ. И что же дѣлаетъ отецъ? — отовсюду ищетъ помощи, избираетъ лучшихъ врачей, совершаетъ молебствія съ усердіемъ, какого не оказывалъ дотолѣ, и повергшись на землю, потому что злостраданіе и царей дѣлаетъ смиренными. И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; и о Давидѣ написано, что сначала также скорбѣлъ о сынѣ (2 Цар. 12, 16). Но какъ царь нигдѣ не находилъ врачевства отъ болѣзней, то прибѣгаетъ къ Василиевой вѣрѣ. Впрочемъ, стыдясь недавняго оскорбленія, не самъ отъ себя приглашаетъ сего мужа, но просить его поручаетъ людямъ наиболѣе къ себѣ близкимъ и привязаннымъ. И Василій пришелъ, не отговариваясь, не упоминая о случившемся, какъ сдѣлалъ бы другой; вмѣстѣ съ его пришествіемъ облегчается болѣзнь, отецъ предается благимъ надеждамъ. И если бы къ сладкому не примѣшивалъ онъ горечи, и призвавъ Василія, не продолжилъ въ то же время вѣрить не-православнымъ; то можетъ-быть царевъ сынъ, получивъ здравіе, былъ бы спасенъ отцовыми руками, въ чемъ были увѣрены находившіеся при этомъ и принимавшіе участіе въ горести.

Сказываютъ, что въ скоромъ времени случилось то же и съ областнымъ начальникомъ. Постигшая болѣзнь и его подклоняетъ подъ руку Святаго. Для благоразумныхъ наказаніе дѣйствительно бываетъ урокомъ; для нихъ злостраданіе нерѣдко лучше благоденствія. Правитель страдалъ, плакалъ, жаловался, посылалъ къ Василію, умолялъ его, взывалъ къ нему: „ты удовлетворишь; подай спасеніе!“ И онъ получилъ просимое, какъ самъ сознавался и увѣрялъ многихъ не знавшихъ о семъ; потому что не переставалъ удивляться дѣламъ Василіевымъ и пересказывать о нихъ.

Но таковы были и такой имѣли конецъ поступки Василіевы съ этими людьми; а съ другими не поступалъ ли Василій иначе? не было ли у него маловажныхъ сооръ и за малости? не оказалъ ли

въ чемъ меньшаго любомудрія, такъ что это было бы достойно молчанія, или не очень похвально? Нѣтъ. Но кто на Израиля нѣкогда воздвигъ губителя Адера (2 Цар. 11, 14), тотъ и противъ Василія воздвигаетъ правителя Понтійской области, по-видимому негодующаго за одну женщину, а въ дѣйствительности поборствующаго нечестію и возставшаго на благочестіе. Умалчиваю о томъ, сколько какихъ оскорбленій причинилъ онъ сему мужу (а то же будетъ сказать) и Богу, противъ Котораго и за Котораго воздвигнута была брань. Одно то передаю слову, что наиболѣе и оскорбителя постыдило, и подвижника возвысило, если только высоко и велико быть любомудрымъ, и любомудріемъ одерживать верхъ надъ многими.

Одну женщину, знатную по мужѣ, который недавно кончилъ жизнь, преслѣдоваль товарищъ сего судіи, принуждая ее противъ воли вступить съ нимъ въ бракъ. Не зная, какъ избѣжать преслѣдованій, она приѣмлетъ намѣреніе, не столько смѣлое, сколько благоразумное, прибѣгаетъ къ священной трапезѣ, и Бога избираетъ защитникомъ отъ нападений. И если сказать предъ самою Троицею (употреблю между похвалами сіе судебное выраженіе), что надлежало дѣлать не только великому Василію, который въ подобныхъ дѣлахъ для всѣхъ былъ законодателемъ, но и всякому другому, гораздо низшему предъ Василіемъ впрочемъ, іерею? Не должно ли было вступить въ дѣло, удержать прибѣгшую, позаботиться о ней, подать ей руку помощи, по Божію человѣколюбію и по закону, почтившему жертвенники? Не должно ли было рѣшиться скорѣе все сдѣлать и претерпѣть, нежели согласиться на какую-либо противъ нея жестокость, и тѣмъ какъ поругать священную трапезу, такъ поругать и вѣру, съ какою умоляла бѣдствовавшая?—Нѣтъ, говоритъ новый судія, надлежало покориться моему могуществу, и христіанамъ стать измѣнниками собственныхъ своихъ законовъ. — Одинъ требовалъ просительницу, другой всѣми мѣрами ее удерживалъ; и первый выходилъ изъ себя, а наконецъ, посылаетъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать опочивальню Святаго, не потому, чтобы находилъ сіе нужнымъ, но для того болѣе, чтобы опозорить его. Что ты говоришь? Обыскивать домъ сего безстрастнаго, котораго охраняють Ангелы, на котораго жены не смѣютъ и взирать! Не только еще велить обыскать домъ, но самого Василія представить къ нему и подвергнуть допросу, не кротко и человѣколюбиво, но какъ одного изъ осужденныхъ. Одинъ явился, а другой предсѣдалъ исполненный гнѣва и высокоумія. Одинъ предстоялъ, какъ и мой Иисусъ предъ судіею Пилатомъ; и громы медлили: *оружіе* Божіе было уже *очищено*, но отложено,

лужь напряженъ, но удержанъ (Пс. 7, 13), открывая время покаянію: таковъ законъ у Бога!

Посмотри на новую борьбу подвижника и гонителя! Одинъ приказывалъ Василию совлечь съ себя верхнее рубище. Другой говорить: если хочешь, скину предъ тобою и хитонъ. Одинъ грозилъ побоями безплотному; другой преклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать когтями; другой отвѣчаетъ: оказавъ мнѣ услугу такими терзаніями, уврачуешь мою печень, которая, какъ видилъ, много беспокоитъ меня. — Такъ они препирались между собою. Но городъ, какъ скоро узналъ о несчастіи и общей для всѣхъ опасности (такое оскорбленіе почиталъ всякій опасностію для себя), весь приходитъ въ волненіе и воспламеняется; какъ рой пчель, встревоженный дымомъ, другъ отъ друга возбуждаются и приходятъ въ смятеніе всѣ сословія, всѣ возрасты, а болѣе всѣхъ оружейники и царскіе ткачи, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ, по причинѣ свободы, какою пользуются, бывають раздражительнѣе и дѣйствуютъ смѣлѣе. Все для каждаго стало оружіемъ, случилось ли что подъ руками по ремеслу, или встрѣтилось прежде другаго; у кого пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. Гнѣвъ — страшный воинъ и военачальникъ. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными (у нихъ ткацкія берда служили вмѣсто копій), и одушевляемая ревностію перестали уже быть женщинами, напротивъ того самонадѣянность превратила ихъ въ мужчинъ. Коротко сказать: думали, что, расторгнувъ на части правителя, раздѣлять между собою благочестіе. И тотъ у нихъ былъ благочестивѣе, кто первый бы наложилъ руку на умыслившаго такую дерзость противъ Василія. Что же строгій и дерзкій судія?—Сталъ жалкимъ, бѣднымъ, самымъ смиреннымъ просителемъ. Но явился сей безъ крови мученикъ, безъ рацѣ въиценосець, и удержавъ силою народъ, обуздываемый уваженіемъ, спасъ своего просителя и оскорбителя. Такъ сотворилъ Богъ святыхъ, *творяя вся и претворяя* (Амос. 5, 8) въ лучшее, Богъ, Который *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34). Но раздѣливый море, Пресѣкшій рѣку, Премѣнившій законы стихій, воздѣяніемъ рукъ Воздвигшій побѣдные памятники, чтобъ спасти народъ бѣгствующій, чего не сотворилъ бы, чтобъ и Василія исхитить изъ опасности?

Съ сего времени брань отъ міра прекратилась, и возымѣла отъ Бога правый конецъ, достойный Василіевой вѣры. Но съ сего же времени начинается другая брань, уже отъ Епископовъ и ихъ

споборниковъ; и въ ней много безславія, а еще больше вреда подчиненнымъ. Ибо кто убѣдить другихъ соблюдать умѣренность, когда таковы предстоятели?—Къ Василию давно не имѣли расположенія по тремъ причинамъ. Не были съ нимъ согласны въ сужденіи Вѣры, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ. Не совѣмъ отказались и отъ тѣхъ низостей, къ какимъ прибѣгали при рукоположеніи. А то, что Василій далеко превышалъ ихъ славою, было для нихъ всего тягостнѣе, хотя и всего стыднѣе признаться въ томъ. Произошла еще и другая распря, которою подновилось прежнее. Когда отечество наше раздѣлено на два воеводства, два города ¹⁾ сдѣланы въ немъ главными, и къ новому отошло многое изъ принадлежавшаго старому; тогда и между Епископами произошли замѣшательства. Одинъ ²⁾ думалъ, что съ раздѣломъ гражданскимъ дѣлится и церковное правленіе; посему присвоивалъ себѣ, что приписано вновь къ его городу, какъ принадлежащее уже ему, а отнятое у другаго. А другій ³⁾ держался стараго порядка и раздѣла, какой былъ издревле отъ отцевъ. Отъ сего частію уже произошли, а частію готовы были произойти многія непріятности. Новый Митрополитъ отвлекалъ отъ сѣзда на соборы, расхищалъ доходы. Пресвитеры Церквей—иные были склоняемы на его сторону, другіе замѣняемы новыми. Отъ сего происходило, что положеніе Церквей дѣлалось хуже и хуже отъ раздора и сѣченія; потому что люди бывають рады нововведеніямъ, съ удовольствіемъ извлекають изъ нихъ свои выгоды, и легче нарушить какое-нибудь постановленіе, нежели возстановить нарушенное. Болѣе же всего раздражали новаго Митрополита Таврскіе всходы и проходы, которые были у него передъ глазами, а принадлежали Василию; въ великое также ставилъ онъ пользоваться доходами отъ святаго Ореста, и однажды отняты даже были лулы у самого Василія, который ѣхалъ своей дорогой; разбойническая толпа возбранила ему продолжать далѣе путь. И какой благовидный предлогъ! Духовныя дѣти, спасеніе душъ, дѣло Вѣры—все это служить прикровеніемъ ненасытимости (дѣло самое нетрудное!). Къ этому присовокупляется правило, что не должно платить дани не православнымъ (а кто оскорбляетъ васъ, тотъ неправославенъ).

¹⁾ Кесарія и Тиана. Епископомъ въ послѣднемъ городѣ былъ Анеимъ, который и объявилъ свои притязанія на нѣкоторыя части Василювой архіепископіи, имѣвшей престолъ въ Кесаріи.

²⁾ Анеимъ.

³⁾ Св. Василій.

Но святой, во-истину Божій и горняго Иерусалима Митрополитъ, не увлекся съ другими въ паденіе, не потерпѣлъ того, чтобы оставить дѣло безъ вниманія, и не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла. Посмотримъ же, какъ оно было велико, чудно и (что болѣе сказать?) достойно его только души. Самый раздоръ употребляетъ онъ въ поводъ къ приращенію Церкви, и случившемуся даетъ самый лучший оборотъ, умноживъ въ отечествѣ число епископовъ. А изъ сего что происходитъ? — Три главныя выгоды. Попеченіе о душахъ приложено большее; каждому городу даны свои права; а тѣмъ и вражда прекращена.

Для меня было страшно сіе измышленіе; я боялся, чтобы самому мнѣ не стать придаткомъ, или не знаю, какъ назвать сіе личиѣе. Всему удивляюсь въ Василии, даже не могу и выразить, сколь велико мое удивленіе; но (признаюсь въ немощи, которая и безъ того уже не безъизвѣстна многимъ) не могу похвалить себя одного—этого нововведенія касательно меня и этой невѣроимчивости; самое время не истребило во мнѣ скорби о томъ. Ибо отсюда низринулись на меня всѣ неудобства и замѣшательства въ жизни. Отъ сего не могъ я ни быть, ни считаться любомудрымъ, хотя въ послѣднемъ немного важности. Развѣ въ извиненіе мужа сего приметъ кто отъ меня то, что онъ мудрствовалъ выше, нежели по-человѣчески, что онъ, прежде нежели преселился изъ здѣшней жизни, поступалъ уже во всемъ по духу, и умѣя уважать дружество, не оказывалъ ему уваженія только тамъ, гдѣ надлежало предпочесть Бога и чаемому отдать преимущество предъ тлѣннымъ.

Боюсь, чтобы избѣгая обвиненія въ нерадѣніи отъ тѣхъ, которые требуютъ описанія всѣхъ дѣлъ Василиевыхъ, не сдѣлаться виновнымъ въ неумѣренности предъ тѣми, которые хвалятъ умѣренность; потому что и самъ Василій не презиралъ умѣренности, особенно хвалилъ правило, что умѣренность во всемъ есть совершенство, и соблюдалъ оно въ продолженіе всей своей жизни. Впрочемъ, оставляя безъ вниманія тѣхъ и другихъ, любителей и излишней краткости и чрезмѣрной обширности, продолжу еще слово.

Каждый преуспѣваетъ въ чемъ-нибудь своемъ, а нѣкоторые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей; но во всемъ никто не достигалъ совершенства,—безъ всякаго же сомнѣнія не достигъ никто изъ извѣстныхъ намъ. Напротивъ того у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ, или въ одномъ преимущественно. Василій же столько усовершился во всемъ, что сталъ какъ бы образцовымъ произведеніемъ природы. Разсмотримъ сіе такъ.

Хвалить ли кто нестяжательность, жизнь скудную и не обильную излишествъ? Но что же бывало когда у Василия, кромѣ тѣла и необходимыхъ покрововъ для плоти? Егда богатство—ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. Невозможно всего приобрести, хотя бы кто и захотѣлъ, но надобно умѣть все презирать, и такимъ образомъ казаться выше всего. Такъ рассуждалъ, такъ велъ себя Василій. И ему не нужны были ни алтари, ни суетная слава, ни народное провозглашеніе: „Кратесъ даетъ свободу Фивянину Кратесу“. Онъ старался быть, а не казаться только совершеннымъ, жилъ не въ бочкѣ и не среди торжища, гдѣ могъ бы всѣмъ наслаждаться, самый недостатокъ обращая въ новый родъ изобилія. Но безъ тщеславія былъ убогъ и нестяжательнъ, и любя извергать изъ корабля все, что когда ни имѣлъ, легко переплылъ море жизни.

Достойны удивленія воздержаніе и довольство малымъ; похвально не отдаваться во власть сластолюбію и не раболѣпствовать несносному и низкому властелину—чреву. Кто же до такой степени былъ почти невкушающимъ пищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многояденіе и пресыщеніе отринувъ онъ, предоставивъ людямъ, которые уподобляются безсловеснымъ и ведутъ жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А самъ не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что, пройдя чрезъ гортань, имѣетъ равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ, и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, но взирать на крины и на птицъ, у которыхъ и красота безыскусственна и пища вездѣ готова,—взирать сообразно съ высокимъ наставленіемъ (Матѳ. 6, 26—28) моего Христа, обнищавшаго для насъ и плотию, чтобы обогатились мы Божествомъ. Отъ сего-то у Василия одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе; самую вкусною вечерею и снѣдію служили хлѣбъ и соль—новаго рода приправа, и трезвенное и не оскудѣвающее питіе, какое и не трудившимся приносить источники. А этимъ же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать свои недуги было у него общимъ со мною правиломъ любомудрія. Ибо мнѣ, скудному въ другомъ, надлежало сравниться съ нимъ въ скорбной жизни.

Велики дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами—существомъ одинокими, помедлю говорить: со Христомъ, Который, благоволивъ и родиться для насъ рожденныхъ, рождается отъ Дѣвы, узаконяя тѣмъ дѣвство, которое бы возводило насъ отсель,

ограничивало міръ, лучше же сказать, изъ одного міра препослало въ другой міръ, изъ настоящаго въ будущій. Но кто же лучше Василия или дѣвство чтить, или предписывалъ законы плоти, не только собственнымъ своимъ примѣромъ, но и произведеніями своихъ трудовъ? Кѣмъ устроены обитатели дѣвъ? Кѣмъ составлены письменныя правила, которыми онъ уцѣломудривалъ всякое чувство, приводилъ въ благоустройство каждый членъ тѣла и убѣждалъ хранить истинное дѣвство, обращая внутреннюю красоту отъ видимаго къ незримому, изнуряя внѣшнее, отнимая у пламени сгораемое вещество, сокровенное же открывая Богу—единому жениху чистыхъ душъ, Который вводитъ къ Себѣ души бодрствующія, если исходятъ во срѣтеніе Ему съ свѣтло-горящими свѣтильниками и съ обильнымъ запасомъ елея

Много было споровъ и разногласій о жизни пустынножизненной и уединенно-общежительной. Безъ сомнѣнія та и другая имѣетъ въ себѣ и доброе и худое не безъ примѣси. Какъ первая, хотя въ большей степени безмолвна, благоустроена и удобнѣе собираетъ къ богомыслию, но, поелику не подвергается испытаніямъ и сравненіямъ, бываетъ не безъ надменія; такъ другая, хотя въ большей степени дѣятельна и полезна, но не изъята отъ мятежей. И Василий превосходнѣйшимъ образомъ соединилъ и слилъ оба сіи рода жизни. Построилъ скиты и монастыри не вдали отъ общинъ и общежитій, не отдѣлялъ однихъ отъ другихъ, какъ бы нѣкоторою стѣною, и не разлучалъ, но вмѣстѣ и привелъ въ ближайшее соприкосновеніе и разграничилъ, чтобы и любомудріе не было необщительнымъ, и дѣятельность не была нелюбомудренною; но какъ море и суша дѣлятся между собою своими дарами, такъ и они бы совокупно дѣйствовали къ единой славѣ Божіей.

Что еще? Прекрасны челоуѣколюбіе, питаніе нищихъ, вспомоществованіе челоуѣческой немощи. Отойди нѣсколько отъ города, и посмотри на новый городъ¹⁾, на сіе хранилище благочестія, на сію общую сокровище-влагательницу избыточествующихъ, въ которую по увѣщаніямъ Василия вносятся не только избытки богатаго, но даже и послѣднія достоянія, и здѣсь ни моли до себя не допускаютъ, ни татей не радуютъ, но спасаются и отъ нападеній зависти и отъ разрушительнаго времени. Здѣсь учится любомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе, испытывается сострадательность. Въ сравненіи съ симъ заведеніемъ что для меня и седмивратная и Египетскія Фивы, и Вавилонскія стѣны, и Карійскія

¹⁾ Страннопримный домъ, построенный Св. Василиемъ близъ Бесаріи.

гробницы Мавзола, и пирамиды, и неисчетное количество мѣди въ Колоссѣ, или величіе и красота храмовъ уже не существующихъ, но составляющихъ предметъ удивленія для людей, и описываемыхъ въ исторіяхъ, хотя строителямъ своимъ не принесли они никакой пользы, кромѣ незначительной славы? Для меня гораздо удивительнѣе сей краткій путь ко спасенію, сіе самое удобное восхожденіе къ небу. Теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища; не лежатъ передъ нами люди еще до смерти умершіе и омертвѣвшіе большею частію тѣлесныхъ своихъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей, наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемыхъ только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ. Ихъ не кладутъ товарищи и домашніе при мѣстахъ народныхъ собраній и сходбищъ, чтобъ возбуждали своею болѣзнію не столько жалость, сколько отвращеніе, слагая жалобныя пѣсни, если у кого остается еще голосъ. Но къ чему описывать всѣ наши злостраданія, когда недостаточно къ сему слово? Василій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ страждущимъ не безчестили Христа — единую всѣхъ Главу; но черезъ бѣдствія другихъ благоустроили собственное свое спасеніе, и имѣя нужду въ милосердіи, свое милосердіе давали взаимъ Богу. Посему этотъ благородный, рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою мужъ, не гнушался и лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ, не изъ тщеславія (такъ подумалъ бы иной; но кто былъ столько далекъ отъ сея страсти, какъ Василій?), но чтобы научить своимъ любомудріемъ — не оставлять безъ услугъ страждущія тѣла. Это было и многовѣщее и безмолвное увѣщаніе. И не городъ только пользовался симъ благодѣяніемъ, а область и другія мѣста лишены были онаго. Напротивъ того, всѣмъ предстоятелямъ народа предложилъ онъ общій подвигъ — челоуѣколюбіе и великодушіе къ несчастнымъ. У другихъ — приготовители снѣдей, роскошныя трапезы, поварскія, искусно приправленные снѣди, красивыя колесницы, мягкія и волнующіяся одежды; а у Василія — больные, цѣленіе ранъ, подражаніе Христу, не только словомъ, но и дѣломъ очипающему проказу.

Что скажутъ намъ на сіе тѣ, которые обвиняютъ его въ гордости и надменности — эти злые судіи толикихъ доблестей, повѣряющіе правило не правилами? Возможно ли, хотя лобызать прокляженныхъ и смиряться до такой степени, однако же и превозноситься здоровыми? Возможно ли — изнурять плоть воздержаніемъ,

но и надмевать душу пустымъ тщеславіемъ? Возможно ли, хотя осуждать фарисея, проповѣдывать объ уничтоженіи гордыни, знать, что Христосъ снисшелъ до рабія зрака, вкушалъ пищу съ мытарями, умывалъ ноги ученикамъ, не возгнушался крестомъ, чтобы пригвоздить къ нему мой грѣхъ, а что и сего необычайнѣе, видѣть Бога распятаго, распятаго среди разбойниковъ, осмѣиваемаго мимоходящими — Бога, недолимаго и превысшаго страданій; однако же парить самому надъ облаками, никого не признавать себя равнымъ, какъ представляется сіе клеветующимъ на Василія? Напротивъ того думаю, что кичливостію назвали они постоянство, твердость и непоколебимость его права. А также, рассуждаю, они способны называть и мужество дерзостію, и осмотрительность робостію, и цѣломудріе челоувѣконенавистничествомъ, и правдивость необщительностію. Ибо не безъ основанія заключили нѣкоторые, что пороки идутъ слѣдомъ за добродѣтелями, и какъ бы сосѣдственны съ ними, что не обучившійся различать сему подобнаго всего легче можетъ принимать вещь за то, что она въ дѣйствительности.

Кто больше Василія чтить добродѣтель, или наказывалъ порокъ, или оказывалъ благосклонность къ отличившимся и суровость къ погрѣшившимъ? Часто улыбка его служила похвалою, а молчаніе — выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти. Но если бы кто былъ неговорливъ, нешутливъ, не охотникъ до собраній, и для многихъ не правился тѣмъ, что не бываетъ всѣмъ для всѣхъ и не всѣмъ угождаетъ, что изъ сего? Для имѣющихъ умъ не скорѣе ли заслуживаетъ онъ похвалу, нежели порицаніе? Развѣ иной станетъ винить и льва за то, что смотритъ не обезьяной, но грозно и царски, что у него и прыжки благородны, вмѣстѣ удивительны и пріятны; а представляющихъ на зрѣлищѣ (будутъ хвалить за пріятность и снисходительность, потому что угождаютъ народу и возбуждаютъ смѣхъ громкими пощечинами другъ другу? Но если бы и того стали мы искать въ Василіи; кто былъ столько пріятенъ въ собраніяхъ, какъ извѣстно сіе мнѣ, который всего чаще имѣлъ случай видѣть его? кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводитъ до наглости, а похвалы до потачки, но въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользоваться ими съ разсужденіемъ и наблюдая время, по законамъ Соломона, назначающаго *время всякой вещи* (Екклес. 3, 1)?

Но что сіе значитъ въ сравненіи съ совершенствомъ Василія въ словѣ, съ силою дара учить, покорившею ему міръ? Доселѣ

медлимъ еще при подножїи горы, не восходя на ея вершину; до-селѣ плаваемъ по заливу, не пускаясь въ широкое и глубокое море. Думаю, если была (Ис. 27, 15), или будетъ (1 Кор. 15, 52) труба, оглашающая большую часть воздуха, если представишь или гласъ Божїй объемлющїй міръ, или, вслѣдствїе новаго явленїя и чуда, потрясающуюся вселенную; то сему можно уподобить голосъ и умъ Василиевъ, которые столько превзошли и оставили ниже себя всякій голосъ и умъ, сколько превосходимъ мы естество безсловесныхъ.

Кто больше Василия очистилъ себя Духу и приуготовился, чтобы стать достойнымъ истолкователемъ божественнаго Писанїя? Кто больше его просвѣтился свѣтомъ вѣдѣнїя, прозрѣлъ въ глубины Духа, и съ Богомъ изслѣдовалъ все, что вѣдомо о Богѣ? Кто обладалъ словомъ, лучше выражающимъ мысль, такъ что по примѣру многихъ, у которыхъ или мысль не находитъ слова, или слово отстаетъ отъ мысли, не имѣлъ онъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ, но одинаково достоинъ похвалы за мысль и за слово, вездѣ оказываясь равенъ самому себѣ и въ подлинномъ смыслѣ совершенъ? О Духѣ засвидѣтельствовано, что Онъ *вся испытуетъ, и глубины Божїя* (1 Кор. 2, 10), не по тому, что не знаетъ, но по тому, что увеселяется созерцанїемъ. А Василиемъ испытаны всѣ глубины Духа, и изъ сихъ-то глубинъ почерпалъ онъ нужное, чтобы образовать нравы, научать высокой рѣчи, отвлекать отъ настоящаго и преселять въ будущее. Похваляются у Давида красота и величіе солнца, скорость его теченїя и сила, потому что оно сіяетъ *какъ женихъ*, величественно *какъ исполинъ*, и протекая дальнїй путь, имѣетъ столько силы, чтобы равномерно освѣщать отъ края до края, и по мѣрѣ разстоянїй не уменьшать теплоты (Пс. 18, 6, 7). А въ Василии красотою была добродѣтель, величіемъ—богословіе, шествиемъ—непрестанное стремленїе и восхожденїе къ Богу, силою—сѣянїе и раздаянїе слова. И потому мнѣ не коснѣя можно сказать: *во всю землю изыде стѣпанїе* его, и *въ концы вселенныя глаголы* его, что Павелъ сказалъ объ Апостолахъ (Рим. 10, 18), заимствовавъ слова у Давида (Пс. 18, 5). Что иное составляетъ сего-дня прїятность собранїя? Что услаждаетъ на пиршествахъ, на торжищахъ, въ церквахъ, увеселяетъ начальниковъ и подчиненныхъ, монаховъ и уединенно-общественныхъ, людей бездолжностныхъ и должностныхъ занимающихся любомудрїемъ внѣшнимъ, или нашимъ? Вездѣ одно и величайшее услажденїе—это писанїя и творенїя Василиевы. Послѣ него не нужно писателямъ инаго богатства, кромѣ его писанїй.

Умолкають старыя толкованія Божія слова, надъ которыми потрудились нѣкоторые, возглашаются же новыя; и тутъ у насъ совершеннѣйшій въ словѣ, кто преимущественно предъ другими знаетъ Василіевы писанія, имѣетъ ихъ въ устахъ и дѣлаетъ внятными для слуха. вмѣсто всѣхъ одинъ онъ сталъ достаточень учащимся для образованія. Это одно скажу о немъ.

Когда имѣю въ рукахъ его *Шестодневъ*, и произношу устно; тогда бесѣдую съ Творцемъ, постигаю законы творенія, и дивлюсь Творцу болѣе, нежели прежде, имѣвъ своимъ наставникомъ одно зрѣніе. Когда имѣю предъ собою его обличительныя слова на еретиковъ; тогда вижу Содомскій огонь, которымъ испепеляются лукавые и беззаконные языки и самый Халанскій столпъ, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый. Когда читаю слова о Духѣ; тогда Бога, Котораго имѣю, обрѣтаю вновь, и чувствую въ себѣ дерзновеніе вѣщать истину, восходя по степенямъ его богословія и созерцанія. Когда читаю прочія его толкованія, которыя онъ уясняетъ и для людей *малозрящихъ, написавъ трижды на твердыхъ скрижаляхъ своего сердца* (Притч. 22, 21); тогда убѣждаюсь не останавливаться на одной буквѣ, и смотрѣть не на поверхность только, но простираться далѣе, изъ одной глубины поступать въ новую глубину, призывая бездною бездну и пріобчѣтая свѣтомъ свѣтъ, пока не достигну высшаго смысла. Когда займусь его похвалами подвижникамъ; тогда презираю тѣло, собесѣдую съ похваляемыми, возбуждаюсь къ подвигу. Когда читаю нравственныя и дѣятельныя его слова; тогда очищаюсь въ душѣ и въ тѣлѣ, дѣлаюсь угоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ.

Поелику же упомянулъ я о богословіи и о томъ, сколько высокоглаголивъ былъ въ этомъ Василій; то присовокуплю къ сказанному и слѣдующее. Ибо для многихъ всего полезнѣе не потерпѣть вреда, возымѣвъ о немъ худое мнѣніе. Говорю же сіе людямъ злонамѣреннымъ, которые помогаютъ собственнымъ недостаткамъ, приписывая ихъ другимъ. За первое ученіе, за единеніе и собожественность (или не знаю какъ назвать точнѣе и яснѣе) въ Святой Троицѣ Василій охотно согласился бы не только лишиться престоловъ, которыхъ не домогался и въ-началѣ, но даже бѣжать ихъ, и самую смерть, а прежде смерти мученія, встрѣтить бы онъ какъ пріобрѣтеніе, а не какъ бѣдствіе. Сіе и доказалъ уже онъ

тѣмъ, что сдѣлалъ и что претерпѣлъ; когда за истину осужденный на изгнаніе о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: возми записную книжку, и слѣдуй за мной. Между тѣмъ вмѣнялъ онъ въ необходимость *устроить словеса на судъ*, пользуясь въ семъ совѣтомъ божественнаго Давида (Пс. 111, 5), и отложить не на-долго время брани, потерпѣть владычество еретиковъ, пока не наступитъ время свободы и не придастъ дерзновенія языку. Еретики подыскивались, чтобы уловить ясное реченіе о Духѣ, что Онъ Богъ;— сіе справедливо, но казалось злочестивымъ для нихъ и для злаго предстателя нечестія. Имъ хотѣлось изгнать изъ города Василія—сіи уста Богословія, а самимъ овладѣть Церковію, и обративъ ее въ засаду для своего зловѣрія, производить отсюда, какъ изъ крѣпости, набѣги на другихъ. Но Василій иными реченіями Писанія и несомнѣнными свидѣтельствами, имѣющими такую же силу, а также неотразимостію умозаключеній, столько стѣснилъ прекословившихъ, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выраженіями, что и доказываетъ особенную силу его слова и благоразуміе. То же доказываетъ и слово, какое онъ написалъ о семъ, водя писаломъ, омакаемымъ въ сосудѣ Духа. Между тѣмъ Василій медлилъ до времени употребить собственное реченіе, прося у самого Духа и у искреннихъ поборниковъ Духа не огорчаться его осмотрительностію; потому что, когда время поколебало благочестіе, стоя за одно реченіе, можно неумѣренностію все погубить. И поборникамъ Духа нѣтъ никакого вреда отъ малаго измѣненія въ реченіяхъ, когда подъ другими словами узнаютъ они тѣ же понятія; потому что спасеніе наше не столько въ словахъ, сколько въ дѣлахъ. Не слѣдовало бы отвергать Іудеевъ, если бы, требуя удержать на-время слово: *помазанникъ*, вмѣсто слова: *Христосъ*, согласились они присоединиться къ намъ. Напротивъ того величайшій вредъ будетъ для цѣлаго, если церковію будутъ владѣть еретики. А что Василій, преимущественно предъ всѣми, исповѣдывалъ Духа Богомъ, сіе доказывается тѣмъ, что онъ многократно, если только представлялся случай, проповѣдывалъ сіе всенародно, а также и наединѣ съ ревностію свидѣтельствовалъ предъ тѣми, которые спрашивали. Но еще яснѣе выразилъ сіе въ словахъ ко мнѣ, предъ которымъ въ бесѣдѣ о такихъ предметахъ у него не было ничего сокровеннаго. И не просто подтверждалъ онъ это, но, что рѣдко дѣлывалъ прежде, присокуплялъ самыя страшныя на себя заклинанія, что, если не будетъ чтить Духа единосущнымъ и равночестнымъ Отцу и Сыну,

то да лишень будетъ самаго Духа. Если же кто, хотя въ этомъ, признаеть меня участникомъ его мыслей; то открою нѣчто, можетъ-быть, извѣстное многимъ. Когда, по тѣснотѣ времени, налагалъ онъ на себя осторожность; тогда предоставлялъ свободу мнѣ, котораго, какъ почтеннаго извѣстностію, никто не сталъ бы судить и изгонять изъ отечества, — предоставлялъ съ тѣмъ, чтобы наше благовъствование было твердо при его осторожности и моемъ дерзновеніи.

И сего коснулся я не въ защищеніе его славы (Василій выше всѣхъ обвинителей, если бы и нашлись еще какіе), но въ предостереженіе тѣхъ, которые за опредѣленіе благочестія принимаютъ тѣ одни реченія, какія находятся въ писаніяхъ сего мужа, чтобы они не возимѣли слабѣйшей вѣры, и въ оправданіе своего зловѣрія не обратили его богословія, какое, по внушенію Духа, изложилъ онъ примѣнительно ко времени, но чтобы, внимая въ смыслъ написаннаго, и въ цѣль, съ какою написано, паче и паче восходили къ истинѣ и заграждали уста нечестивымъ. О если бы богословіе его было моимъ богословіемъ и богословіемъ всѣхъ единомысленныхъ со мною! Я столько полагаюсь на чистоту Василиевой въ семъ вѣры, что кромѣ всего прочаго и ее готовъ раздѣлить съ нимъ; пусть предъ Богомъ и предъ людьми благомыслящими вмѣнится моя вѣра ему, а его мнѣ! Ибо не называемъ противорѣчащими другъ другу Евангелистовъ за то, что одни занимались болѣе человѣчествомъ Христовымъ, а прочіе богословіемъ; одни начали тѣмъ, что относится къ намъ, а другіе тѣмъ, что превышаетъ насъ. Раздѣлили же такимъ образомъ между собою проповѣдь для пользы, какъ думаю, пріемлющихъ и по внушенію глаголющаго въ нихъ Духа.

Но поелику въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ было много мужей извѣстныхъ благочестіемъ, законодателей, военачальниковъ, пророковъ, учителей, мужественныхъ до крови; то, сличивъ съ ними Василія, и отсюда составимъ о немъ понятіе. Адамъ удостоенъ быть рукотвореніемъ Божиимъ, вкушать райское наслажденіе и принять первый законъ, но (чтобы при уваженіи къ прародителю не сказать чего-либо хульнаго) не соблюлъ заповѣди. Василій же и принялъ и сохранилъ заповѣдь, отъ древа познанія не потерпѣлъ вреда, и пройдя мимо пламеннаго меча (совершенно знаю) достигъ рая. *Енохъ упова первый призываети Господа* (Быт. 4, 26). Но Василій и призвалъ и другимъ проповѣдалъ, — что гораздо важнѣе призванія. Енохъ преложень, принявъ сіе преложеніе въ награду за малое благочестіе (потому

что вѣра состояла еще въ тѣняхъ), и тѣмъ избѣжалъ опасностей послѣдующей жизни. Но для Василія, совершенно испытаннаго въ жизни совершенной, цѣлая жизнь была предложениемъ. Ною поручены были ковчегъ и сѣмена второго міра, повѣренныя малому древу и спасаемыя отъ водъ. Но Василій избѣжалъ потопа нечестія, содѣлалъ городъ свой ковчегомъ спасенія, легко преплывающимъ пучину ересей, и обновилъ изъ него цѣлый міръ. Великъ Авраамъ, патріархъ и жрецъ необычайной жертвы, который рожденнаго по обѣтованію приводитъ къ Даровавшему, какъ готовую жертву и поспѣшающую на закланіе. Но не меньше жертва и Василія, который самого себя принесъ Богу, и въ замѣнъ не получилъ ничего равночестнаго такой жертвѣ (да и могло ли что быть равночестнымъ?), а потому и совершилъ жертвоприношеніе. Исаакъ былъ обѣтованъ еще до рожденія. Но Василій былъ самообѣтованъ, поялъ Ревекку, то-есть Церковь, не издали, но вблизи, не чрезъ посольство домочадца, но данную и вѣренную Богомъ. Онъ не былъ перехитренъ касательно предпочтенія дѣтей, но непогрѣшительно удѣлилъ каждому должное, разсудивъ по Духу. Хвалю лѣстницу Іакова, и столбъ, который помазалъ онъ Богу, и борьбу его съ Богомъ, если это была борьба, а не приравненіе, какъ думаю, человѣческой мѣры къ Божіей высотѣ, отчего и носить онъ на себѣ знаменія побѣжденнаго естества. Хвалю благопопечительность сего мужа о стадѣ, и его благоденствіе, и двѣнадцать патріарховъ происшедшихъ отъ него, и раздѣлъ благословенія, и знаменитое при семъ пророчество о будущемъ. Но хвалю также лѣстницу, которую не видѣлъ только Василій, но прошелъ постепенными восхожденіями въ добродѣтели; хвалю не помазанный, но воздвигнутый имъ Богу столбъ, который предаетъ позору нечестивыхъ; хвалю борьбу, въ которой боролся не съ Богомъ, но за Бога, низлагая ученіе еретиковъ; хвалю и пастырское его искусство, которымъ обогатился, приобрѣтя большее число овецъ знаменанныхъ, нежели не знаменанныхъ; хвалю и доброе многочадіе рожденныхъ по Богу и благословеніе, которымъ подкрѣпили многихъ. Іосифъ былъ раздаятелемъ хлѣба, но для одного Египта, притомъ не многократно, и хлѣба тѣлеснаго. А Василій былъ раздаятелемъ для всѣхъ, всегда и хлѣба духовнаго, что для меня важнѣе Іосифова житомѣрія. И онъ былъ искушенъ съ Іовомъ Авсидійскимъ, и побѣдилъ, и при концѣ подвиговъ громко провозглашено о немъ, что не колебалъ его никто изъ многихъ покушавшихся привести въ колебаніе, но что со многими превосходствомъ низложилъ онъ искуси-

теля, и заградилъ уста неразумно друзей, которые не знали тайны страданія. *Моисей и Ааронъ во іереехъ его* (Пс. 38, 6) — тотъ великій Моисей, который казнилъ Египеть, спасъ народъ при знаменіяхъ и чудесахъ многихъ, входилъ внутрь облака и далъ двоякій законъ, внѣшній—законъ буквы, и внутренній—законъ духа; и тотъ Ааронъ, братъ Моисеевъ и по тѣлу и по духу, который приносилъ жертвы и молитвы за народъ, былъ таинникомъ священной и великой скинии, *юже водрузи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2). Но Василій—ревнитель обоихъ не тѣлесными, а духовными и словесными бичами наказуетъ племя еретическое и египетское, *люди же избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14), преводитъ въ землю обѣтованія, пишетъ законы на скрижаляхъ, не сокрушаемыхъ, но спасаемыхъ, не прикровенные, но всецѣло духовные; входитъ во святая-святыхъ, не единожды въ годъ, но многократно и (можно сказать) ежедневно, и оттуда открываетъ намъ Святую Троицу, очищаетъ людей не на время установленными кропленіями, но вѣчными очищеніями. Что превосходнѣе всего въ Исусѣ?—Военачаліе, раздѣлъ жребіевъ и овладѣніе Святою землею. А Василій развѣ не предводитель, не военачальникъ спасаемыхъ чрезъ вѣру, не раздаятель различныхъ у Бога жребіевъ и обителей, которыя раздѣляетъ предводимымъ? Посему можемъ сказать и сіи слова: *ужа нападоша ми въ державныхъ* (Пс. 98, 6), *въ руку Твою жребій мой* (Пс. 30, 16)—жребій, гораздо драгоцѣннѣйшій земныхъ и удобопохищаемыхъ. И (не будемъ упоминать о Сидіяхъ, или знаменитѣйшихъ изъ Судей) *Самуилъ въ призывающихъ имя Его* (Пс. 38, 6), отданъ Богу до рожденія, и тотчасъ послѣ рожденія священъ, помазуетъ изъ рога царей и священниковъ. И Василій не освященъ ли Богу съ младенчества, отъ утробы матерней; не отданъ ли Ему и *съ ламидою* (1 Цар. 2, 19); не помазанникъ ли Господень, взирающій въ пренебесное и Духомъ помазующій совершенныхъ? Славень Давидъ между царями, и хотя повѣствуется о многихъ побѣдахъ и торжествахъ его надъ врагами, однако же главнѣйшее его отличіе—кротость, а до царствованія—сила гуслей, отражающая лукаваго духа (1 Цар. 16, 23). Соломонъ просилъ у Бога широту сердца; и получивъ, столько преуспѣлъ въ премудрости и созерцаніи, что сталъ славнѣе всѣхъ современниковъ. И Василій, по моему разсужденію, ни мало не уступалъ одному въ кротости, другому въ мудрости, посему умиралъ онъ дерзость бѣснующихся царей, а не одна *южская*, или другая какая *царица* приходила *отъ конецъ земли* по слуху о мудрости его, но мудрость его стала извѣстна во

всѣхъ концахъ земли. Умолчу о послѣдующей жизни Соломоновой; она всѣмъ извѣстна, хотя и пощадимъ ее. Ты хвалишь дерзновеніе Іліи предъ мучителями, и огненное его восхищеніе? Хвалишь прекрасное наслѣдіе Елисея—милоть, за которою послѣдовалъ и духъ Іліинъ? Похвали же и жизнь Василиеву во огнѣ, то-есть во множествѣ искушеній, и спасеніе чрезъ огонь, воспламеняющій, но не сожигающій (извѣстное чудо въ кушинѣ), а также прекрасный кожаный покровъ, дарованный свыше, то-есть безплотность. Оставляю прочее: юношей, орошенныхъ въ огнѣ; бѣглеца пророка, молящагося во чревѣ китовомъ, и испедшаго изъ звѣря, какъ изъ чертога; праведника, во рвѣ связывавшаго ярость львовъ, и подвижъ седми Маккаевевъ, съ іереемъ и матерью освящаемыхъ Богу кровію и всѣми родами мученій. Василій подражалъ ихъ терпѣнію, и стяжалъ ихъ славу.

Перехожу къ Новому Завѣту, и сравнивъ съ Василиемъ прославившихся въ ономъ, почту ученика по учителямъ. Кто Предтеча Іисусовъ? Іоаннъ, какъ гласъ—Слова и какъ свѣтильникъ—Свѣта, выигралъ предъ Іисусомъ во чревѣ, и предшествовалъ ему во адѣ, предпосланный Иродовымъ неистовствомъ, чтобы и тамъ проповѣдать Грядущаго. И если кому слово мое кажется смѣлымъ, пусть напередъ приметъ во вниманіе, что я не предпочитаю, даже не равняю Василія съ тѣмъ, кто больше всѣхъ рожденныхъ женами, а хочу показать въ Василіи ревнителя, который имѣетъ нѣкоторыя отличительныя черты Іоанновы. Ибо для учащихся не маловажное и малое подражаніе великимъ образцамъ. И Василій не явственнее ли изображеніе Іоаннова любомудрія? И онъ обиталъ въ пустынѣ; и у него одеждою по ночамъ была власяница—незнаемая и не показываемая другимъ; и онъ любилъ такую же пищу, очищая себя Богу воздержаніемъ; и онъ сподобился быть проповѣдникомъ, хотя и не предтечею Христовымъ; и къ нему исходили, не только всѣ окрестныя, но и живущіе внѣ предѣловъ страны; и онъ сталъ среди двухъ Завѣтовъ, разрѣшая букву одного и обнаруживая духъ другаго, разрѣшеніе видимаго обращая въ полноту сокровеннаго. И онъ подражалъ въ ревности Петру, въ неутомимости Павлу, а въ вѣрѣ—обоимъ сямъ именитымъ и переименованнымъ Апостоламъ, въ велегасіи же—сынамъ Заведеевымъ, въ скудности и неизлишествѣ—всѣмъ ученикамъ. А за сіе ввѣряются ему и ключи небесныя; не только отъ Іерусалима до Иллирика, но гораздо большій кругъ объемлетъ онъ Евангеліемъ; и хотя не именуется, однако же дѣлается сыномъ громовымъ. И онъ, возлежа на лонѣ Іисусовымъ, извлекаетъ отсюда силу слова и глубину

мыслей. Стать Стефаномъ хотя и готовъ былъ, воспрепятствовало ему то, что уваженіемъ къ себѣ удерживалъ побивающихъ камнями. Но я намѣренъ сказать короче, не входя о семъ въ подробности. Иное изъ совершенствъ самъ онъ изобрѣлъ, въ другомъ подражалъ, а въ иномъ превзошелъ; и тѣмъ, что преуспѣвалъ во всемъ, сталъ выше всѣхъ извѣстныхъ нынѣ.

Сверхъ всего скажу еще объ одномъ, и притомъ кратко. Такова доблесть сего мужа, таково обиліе славы, что многое мало-важное въ Василии, даже тѣлесные его недостатки, другіе думали обратить для себя въ средство къ славѣ. Таковы были блѣдность лица, отращеніе на немъ волосъ, тихость походки, медленность въ рѣчахъ, необычайная задумчивость и углубленіе въ себя, которое во многихъ, по причинѣ неискуснаго подражанія и неправильнаго разумѣнія, сдѣлалось угрюмостью. Таковы же были: видъ одежды, устройство кровати, приемы при вкушеніи пищи, что все дѣлалось у него не по намѣренію, но просто, и какъ случилось. И ты увидишь многихъ Василиевъ по наружности; это—изваланія, представляющія тѣнь Василиеву; ибо много сказать, чтобы они были и эхомъ. Эхо, хотя окончаніе только реченій, однако же повторяетъ явственно; а эти люди болѣе отстоятъ отъ Василія, нежели сколько желаютъ къ нему приблизиться. Справедливо же ставилось въ немалую, а даже въ великую честь, если кому случалось или близкимъ быть къ Василию, или прислуживать ему, или замѣтить на память что-либо имъ сказанное или сдѣланное, въ путку ли то, или съ намѣреніемъ, чѣмъ, сколько знаю, и я неоднократно хвалился; потому что у Василія и необдуманное было драгоценнѣе и замѣчательнѣе сдѣланнаго другими съ усиліемъ.

Когда же, теченіе скончавъ и вѣру соблюдши, возжелалъ онъ разрѣшиться, и наступило время къ принятію вѣнцевъ; когда услышалъ онъ не то повелѣніе: *взыди на гору, и скончайся* (Втор. 32, 49, 50), но другое: „*скончайся, и взойди къ намъ*“: тогда совершаетъ онъ чудо не меньше описанныхъ. Будучи уже почти мертвъ и бездыханенъ, оставивъ большую часть жизни, оказывается онъ еще крѣпкимъ при произнесеніи исходной своей рѣчи, чтобы отойти отселѣ съ вѣщаніями благочестія, и на рукоположеніе искреннѣйшихъ своихъ служителей подаетъ руку и духъ, чтобы алтарь не лишенъ былъ его учениковъ и помощниковъ въ священствѣ.

Коснѣть, правда, слово коснуться послѣдующаго, однако же коснется, хотя говорить о семъ и приличнѣе было бы другимъ, а не мнѣ, который (сколько ни учился любомудрію) не умѣю соб-

лести любомудрія въ скорби, когда привожу себѣ на память общую потерю и скорбь, каковая объяла тогда вселенную.

Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, къ которому съ давняго времени простирались свои взоры. Вокругъ него волновался весь городъ; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе, думали удержать его душу, какъ будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горесть дѣлала ихъ безразсудными); и всякій, если бы только возможно, готовъ былъ приложить ему что-нибудь отъ своей жизни. Когда же всѣ ихъ усилія оказались напрасны (надлежало обличиться тому, что онъ человѣкъ), и когда, изрекши послѣднее слово: *въ руку Твою предложу душу мою* (Пс. 30, 6), поемлемый Ангелами, радостно испустилъ онъ духъ, впрочемъ тайноводествовалъ прежде присутствующихъ, и усовершенствовавъ своими наставленіями: тогда открывается чудо замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ подъемлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священный одръ, или коснуться только (ибо что священнѣе и чище его тѣла?), или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ (какъ-бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторыя, и третья жилища; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями; и любомудріе разрѣшилось горестію. Наши преширались съ посторонними, съ язычниками, съ іудеями, съ пришлецами, а они съ нами, о томъ, кто больше насладится зрѣлищемъ и извлечетъ для себя большую пользу. Скажу въ заключеніе, что горесть окончилась дѣйствительнымъ бѣдствіемъ: отъ тѣсноты, стремленія и волненія народнаго не малое число людей лишилось жизни, и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василіемъ, и стали (какъ сказалъ бы иной усерднѣйшій) надгробными жертвами. Когда же тѣло съ трудомъ укрылось отъ хищныхъ рукъ, и оставило позади себя сопровождающихъ; предается онъ гробу отцевъ, и къ іереямъ прилагается архіерей, къ проповѣдникамъ — великій гласъ, оглашающій еще мой слухъ, къ мученикамъ — мученикъ.

И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ думаю, приноситъ за насъ жертвы и молится за народъ (ибо, и оставивъ насъ, не вовсе оставилъ); а я — Григорій, полумертвый, полуусѣченный, отторг-

нутый отъ великаго союза (какъ и свойственно разлученному съ Василиемъ), влекущей жизнь болѣзненную и неблагоуспѣшную, не знаю, чѣмъ кончу, оставшись безъ его руководства. Впрочемъ и до-нынѣ подаетъ онъ мнѣ совѣты, и если когда преступаю предѣлы должнаго, уцѣломудриваетъ меня въ ночныхъ видѣніяхъ.

Но если я примѣшивало къ похваламъ слезы, живописую словомъ жизнь сего мужа, предлагаю будущимъ временамъ общую картину добродѣтели, для всѣхъ Церквей и душъ начертаніе спасенія, на которое взирая, какъ на одушевленный законъ, можемъ устроить жизнь: то вамъ, просвѣщеннымъ его ученіемъ, подамъ ли другой какой совѣтъ, кромѣ того, чтобы, всегда обращая взоръ къ нему, какъ-бы еще видящему васъ и вами видимому, усовершенались вы духомъ! Итакъ, всѣ вы, предстоящіе мнѣ, весь Василіевъ ликъ, всѣ служители алтаря, всѣ низшіе служители Церкви, всѣ духовные и мірскіе, приступите и составьте со мною похвалу Василию: пусть каждый расскажетъ объ одномъ какомъ-нибудь изъ его совершенствъ; пусть ищутъ въ немъ сѣдящіе на престолахъ—законодателя, гражданскіе начальники—градостроителя, простолюдины—учителя благочинія, ученые—наставника, дѣвы—невѣстоводителя, супруги—наставника въ цѣломудріи, пустынники—окрыляющаго, живущіе въ обществѣ—судію, любители простоты—путеводителя, ведущіе жизнь созерцательную—богослова, живущіе въ веселіи—узду, бѣдствующіе—утѣшеніе, сѣдина—железъ, юность—дѣтвовожденіе, нищета—снабдителя, обиліе—домостроителя. Думаю, что и вдовы восхвалятъ покровителя, сироты—отца, нищце—нищелюбца, странные—страннолюбца, братія—братолюбца, больные—врача, отъ всякой болѣзни подающаго врачевство, здоровые—охранителя здравія, и всѣ—*всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, приобрящеть.

Сіе тебѣ, Василій, отъ меня, котораго голосъ былъ для тебя нѣкогда весьма приятенъ, отъ меня—равнаго тебѣ саномъ и возрастомъ! И если оно близко къ достоинству; то сіе—твой даръ; ибо на тебя надѣясь, приступалъ я къ слову о тебѣ. Если же оно далеко отъ достоинства и гораздо ниже надеждъ; могъ ли что сдѣлать я, сокрушенный старостію, болѣзнію и скорбію о тебѣ? Впрочемъ и Богу угодно то, что по силамъ. Призри же на меня свыше, божественная и священная глава, и даннаго мнѣ, для моего вразумленія, *пакостника плоти* (2 Кор. 12, 7) утиши твоими молитвами, или научи меня сносить его терпѣливо, и всю жизнь мою направь къ полезнѣйшему! А если преставлюсь, и тамъ прими мя въ

кровы свои, чтобы, сожительствова другъ съ другомъ, чище и совершеннѣе созерцавъ святую и блаженную Троицу, о Которой нынѣ имѣемъ нѣкоторое познаніе, оставить намъ на семь свое желаніе, и получить сіе въ воздаяніе за то, что мы и ратовали и были ратуемы.

Такое тебѣ отъ меня слово! Кто же восхвалитъ меня, который послѣ тебя оставлю жизнь, если и доставлю слову нѣчто достойное похвалы, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки? Аминь.

Слово 44, на недѣлю новую, на весну и на память мученика Маманта.

Древенъ и съ доброю цѣлію установленъ законъ чтить день Обновленія, лучше же сказать, съ днемъ Обновленія чтить новыя благодѣянія, и чтить не однажды, но многократно, всякій разъ какъ съ новымъ обращеніемъ года возвращается тотъ же день, дабы дарованное благо современемъ не изгладилось изъ памяти, и не исчезло, потерявшись въ глубинѣ забвенія. Обновляются, какъ читаемъ у Исаи, *острови къ Богу* (41, 1): что бы ни надлежало разумѣть подъ сими островами, а по моему мнѣнію разумѣть должно Церкви, недавно устроенныя изъ язычниковъ, возникающія изъ горькаго невѣрія и получающія твердость удобовосходимую для Бога. Обновляется, у другаго Пророка (Иерем. 1, 18), *стѣна мѣдяна*, то-есть, какъ думаю, душа твердая и златовидная, новоутвержденная въ благочестіи. Мы имѣемъ повелѣніе *пѣть Господеву пѣснь нову* (Пс. 149, 1), увлечены ли мы были грѣхомъ въ Вавилонъ, въ эту лукавую слитность, и потомъ счастливо возвратились во Иерусалимъ, и какъ тамъ, бывъ на землѣ чуждой, не могли пѣть божественной пѣсни, такъ здѣсь составили и новую пѣснь и новый образъ жизни, или постоянно пребывали и преуспѣвали въ добрѣ, и иное уже совершили, а иное еще совершаемъ при помощи Святаго и обновляющаго Духа. Обновляется, и притомъ весьма великолѣпно, Скинія свидѣнія, которую Богъ показалъ, Веселилъ совершилъ, а Моисей водрузилъ. Обновляется и царство Давидово, даже однажды, но въ первый разъ при помазаніи; а въ другой — при провозглашеніи Давида царемъ. *Быша же обновленія во Иерусалимѣхъ, и зима бѣ* (Іоан. 10, 22), то-есть зима невѣрія. И пришелъ Исусъ—Богъ и храмъ, Богъ вѣчный, храмъ новый въ одинъ день разоряемый, въ три дѣя восстанавливаемый и пребывающій во вѣки, да буду я спасенъ, возванъ отъ древняго паденія, и содѣлаюсь новою тварію, воссоздан-

ный таковымъ человѣколюбіемъ. Божественный Давидъ желаетъ сердца чистаго, въ немъ созидаемаго, и духа праваго, обновляемаго во утробѣ его, не потому, чтобы не имѣлъ (кому же и имѣть, какъ не великому Давиду?), но потому, что признаетъ новымъ настоящее непрестанно прилагаемое къ прошедшему. Но какая мнѣ нужда говорить о большемъ числѣ обновленій? Могу объяснить настоящее Обновленіе, которое нынѣ празднуемъ — отъ смерти переходя къ жизни. Обновленіе, обновленіе нашъ праздникъ, братія; да повторяется сіе неоднократно отъ удовольствія! И какое еще обновленіе? Кто знаетъ, пусть научить сему, а не знающій да обновить слухъ!

Богъ есть свѣтъ неприступный. Онъ непрерывенъ, не начался, не прекратится; Онъ неизмѣняемъ, вѣчносіяющъ и трисіятеленъ: немногіе (думаю же, едва ли и не многіе) созерцають Его во всей полнотѣ. Силы, окружающія Бога и служебные духи — суть вторые свѣты, отблески Свѣта перваго. А свѣтъ, который у насъ, не только начался впослѣдствіи, но пресѣкается ночью, и самъ равномерно пресѣкаетъ ночь. Онъ ввѣренъ зрѣнію, разлить въ воздухъ, и самъ пріемлетъ то, что отдаетъ; ибо доставляетъ зрѣнію возможность видѣть, и первый бываетъ видимъ посредствомъ зрѣнія, разлитый же вокругъ видимыхъ предметовъ сообщаетъ имъ видимость. Богъ, восхотѣвшій устроить сей міръ, который состоитъ изъ видимаго и невидимаго, и служить великимъ и дивнымъ проповѣдникомъ Его величія, сей Богъ для существъ присносущихъ Самъ есть Свѣтъ, а не иной кто (ибо нуженъ ли свѣтъ вторичный для тѣхъ, которые имѣють Свѣтъ высочайшій?). А существа дальнія и насъ окружающія прежде всего осіяваетъ Онъ симъ видимымъ свѣтомъ. Ибо великому Свѣту прилично было начать мірозданіе сотвореніемъ свѣта, которымъ уничтожаетъ Онъ тму и бывшіе дотолѣ нестроеніе и безпорядокъ. И, какъ разсуждаю, въ началѣ Богъ сотворилъ не этотъ органической и солнечный свѣтъ, но не заключенный въ тѣлѣ и въ солнцѣ, а потомъ уже данный солнцу освѣщать всю вселенную. Когда для другихъ тварей осуществилъ Онъ прежде вещество, а впослѣдствіи облекъ въ форму, давъ каждому существу устройство частей, очертаніе и величину; тогда, чтобы содѣлать еще большее чудо, осуществилъ здѣсь форму прежде вещества (ибо форма солнца — свѣтъ), а потомъ уже присвокупляетъ вещество, создавъ око дня, то-есть солнце. Посему къ днямъ причисляются нѣчто первое, второе, третье и такъ далѣе до дня седьмого, упокоевающаго отъ дѣлъ, и семи днями раздѣляется все сотво-

ренное, приводимое въ устройство по неизрѣченнымъ законамъ, а не мгновенно производимое Всемогущимъ Словомъ, для Котораго помыслить или изрѣчь значитъ уже совершить дѣло. Если же послѣднимъ явился въ мѣръ человѣкъ, почтенный Божиимъ рукотвореніемъ и образомъ; то сіе нисколько не удивительно; ибо для него, какъ для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потомъ уже ввести въ нее царя въ сопровожденіи всѣхъ тварей.

Итакъ, если бы мы пребыли тѣмъ, чѣмъ были, и сохранили заповѣдь, то сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ не были, и пришли бы къ древу жизни отъ древа познанія. Чѣмъ же бы мы сдѣлались? Безсмертными и близкими къ Богу. Но поелику *завистію* лукаваго *смерть въ мѣръ вниде* (Прем. Солом. 2, 24) и овладѣла человѣкомъ чрезъ обольщеніе; то Богъ, ставъ человѣкомъ, страждетъ какъ человѣкъ, и унижаетъ до воспріятія плоти, чтобы мы обогатились Его нищетою. Отсюда смерть, и гробъ, и воскресеніе. Отсюда новая тварь и по праздникѣмъ праздникъ; и я опять учредитель торжества, праздную обновленіе моего спасенія.

„Что же?“ скажешь. „Развѣ не обновленія день былъ и первый Воскресный день, послѣдовавшій за оною священною и свѣтносною ночью? Для чего даешь сіе наименованіе нынѣшнему дню, о празднующему, вымышляющій многія веселія?“—То былъ день спасенія, а это день воспоминанія спасенія. Тотъ день разграничиваетъ собою погребеніе и воскресеніе, а этотъ есть чисто день новаго рожденія, чтобы, какъ первое твореніе начинается днемъ недѣльнымъ (а сіе видно изъ того, что седьмой отъ него день дѣлается субботою, потому что онъ день упокоенія отъ дѣла), такъ и второе твореніе начиналось опять тѣмъ же днемъ; потому что онъ есть первый въ числѣ послѣдующихъ за нимъ, и осмый въ числѣ предшествующихъ ему—день изъ высокихъ высокій, изъ дивныхъ дивный; ибо ведетъ къ горнему состоянію. О семь днѣ, мнѣ кажется, гадательствуетъ и божественный Соломонъ, повелѣвая давать *часть седмимъ*, то-есть настоящей жизни, и *осмимъ* (Еккл. 11, 2), то-есть жизни будущей, какъ съ здѣшняго благодѣланія, такъ и отъ тамошняго возстановленія. Но и великій Давидъ въ честь сего же дня воспѣваетъ псалмы свои: *о осмомъ* (Пс. 6 и 11), такъ какъ сему же дню обновленій воспѣваетъ другой псаломъ (29), именуя какое-то *обновленіе дому*; а сей домъ—мы, которые удостоились быть, именоваться и содѣловаться храмомъ Божиимъ.

Вотъ вамъ слово о днѣ Обновленія! Но и сами обновитесь, и

совлекшись ветхаго человѣка, во обновленіи жизни (Рим. 6, 4) жительствуйте, наложивъ узду на все, отъ чего бываетъ смерть, обучивъ всѣ члены, возненавидѣвъ или изbleвавъ всякую негодную снѣдь древа, и для того только памятуя древнее, чтобы избѣгать его. *Красенъ на видѣ и добръ въ снѣдь* былъ тотъ плодъ, который умертвилъ меня. Будемъ бѣгать добродѣтности, станемъ смотрѣть на самихъ себя. *Да не побѣдитъ тя доброты похоть, ниже да восхитишия вѣждами* (Притч. 6, 24), если можно, даже и бѣлаго взгляда, помня Еву, сію сладкую приманку, драгоцѣнную отраву. Спасеть ли того чужая, кою погубила своя? Да не услаждается гортань твоя, въ которой бываетъ поглощено все, что даютъ ей, и многоцѣнное, прежде нежели ею принято, дѣлается ничего нестоющимъ по принятіи. Тебя изнѣжило обоняніе? Бѣгай благовопій. Разслабило осязаніе? откажись отъ всего, что гладко и мягко. Убѣдилъ слухъ? затвори двери всякой обольстительной и празднои бесѣдѣ. *Отверзай уста твоя слову Божию* (Притч. 31, 81), чтобы привлечь Духъ, а не похитить себѣ смерти. Если обольщаетъ тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто ты былъ, и отъ чего погибъ. Если хотя нѣсколько уклонился ты отъ здраваго смысла; войди въ себя, пока не совершенно обезумѣлъ и подвергся смерти, изъ ветхаго стань новымъ, и праздноу обновленіе души. Гнѣвъ питай на одного только змія, чрезъ котораго ты палъ. Всю вождельвательную силу твою устреми къ Богу, а не къ чему-либо иному злокозненному и обманчивому. Во всемъ да начальствуетъ разсудокъ, и лучшее въ тебѣ да не увлекается худшимъ. Не питай ненависти, и притомъ безъ причины, къ брату своему, за котораго Христосъ умеръ и, будучи Богомъ и Владыкой, сталъ твоимъ братомъ. Не завидуй благоусгѣвшему ты, который самъ возбудилъ къ себѣ зависть, повѣрилъ, что тебѣ завидуютъ, и чрезъ то низложенъ. Не презирай слезъ ты, который самъ претерпѣлъ достойное многихъ слезъ, и потомъ помилованъ. Не отталкивай отъ себя бѣднаго ты, который обогащенъ Божествомъ; въ противномъ случаѣ по крайней мѣрѣ не обогащайся во вредъ бѣдному; ибо и это уже много значитъ при нашей ненасытности. Не презирай странника, за котораго Христосъ былъ странникомъ (а у Христа всѣ мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устраненъ изъ рая. Нуждающемуся въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ, доставь сіе ты, который пользуешься этимъ, и еще сверхъ нужды. Не люби богатства, если оно не помогаетъ бѣднымъ. Прощай — получившій прощенье; милуй — помилованный. Человѣколюбіемъ приобрѣтай человѣколюбіе, пока

есть къ тому время. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся всѣ пути твоей дѣятельности. Живущіе подъ игомъ супружества! дайте яѣчто и Богу, потому что вы связаны. Дѣвы! отдайте Богу все; потому что вы свободны. Не будьте хищницами рабскаго сластолюбія, избѣгающія свободы тѣмъ, что живете съ мужьями, хотя они вамъ не мужья. Не терплю, чтобы вы непрестанно страдали сладострастными воспоминаніями. Ненавижу знакомства чрезъ воздухъ. Сильные, убойтесь Сильнѣйшаго; сѣдящіе на высокихъ престолахъ, устрашитесь Вышняго! Не дивись тому, что непостоянно. Не презирай того, что постоянно. Не сжимай крѣпко того, что взятое въ руки расплывается. Не ревнуй о томъ, что достойно не зависти, а ненависти. Не возносись высоко, чтобы не пасть глубже. Не ставь въ великое, что кажешься лучше худыхъ, но скорби, что превосходятъ тебя добрые. Не смѣйся паденію ближняго; самъ ходи, сколько можешь, непреткновенно, но и лежащему на землѣ подавай руку. Въ печали не теряй надежды на благоденствіе, и при успѣшномъ теченіи дѣль жди печали. Въ одинъ годъ бываютъ четыре годовыя времени; одно мгновеніе производитъ многіе перевороты. Удовольствіе да пресѣкается у тебя заботою, а скорбь—лучшею надеждою. Такъ обновляется человекъ, такъ чувствуется день обновленія, такимъ наслажденіемъ, такими яствами. *Да не явишися, сказано, предо Мною (χενός) тощъ* (Исх. 23, 15), но принеси съ собою что-нибудь доброе. А теперь явишь (χαίρος) новъ, съ иными нравами, всецѣлю измѣненъ. *Древняя мимодоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). Сіе плодоноси празднику, измѣнись добрымъ измѣненіемъ, и даже въ такомъ случаѣ не думай о себѣ высоко, но скажи съ Давидомъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), отъ Котораго все благоуспѣшное въ людяхъ. Слово Божіе хочеть, чтобы ты не на одномъ мѣстѣ стоялъ, но былъ приснодвиженъ, благодвиженъ, совершенно новозданъ, и если согрѣшаешь, обращаешься отъ грѣха, а если благоуспѣваешь, еще болѣе напрягаешь силы. Вчера вѣра твоя была сообразна съ обстоятельствами времени, нынѣ познай вѣру Божію *Доколы храмлешь на обѣ плеснѣ* (3 Цар. 18, 21)? Долго ли будешь готовить нужное къ строенію? Займись наконецъ самою постройкою. Вчера вмѣнялъ ты себѣ въ честь казаться; нынѣ вмѣни въ большую себѣ честь быть тѣмъ на самомъ дѣлѣ. Долго ли будутъ однѣ грезы? Позаботься когда-нибудь и о дѣйствительности! Вчера ты былъ любителемъ зрѣлищъ; окажись нынѣ любителемъ созерцаній. Вчера былъ ты злорѣчивъ, наглъ, нынѣ говори одно доброе и будь кротокъ. Вчера предавался ты цѣнству; нынѣ

служи цѣломудрію. Нынѣ пьешь вино; завтра пей воду. Нынѣ *сладкосердствуешь на одрѣхъ отъ костей слононыхъ и мажешься первыми вонями* (Амос. 6, 4, 6); завтра ложись на голой землѣ и бодрствуй. Изъ смѣющагося сдѣлайся задумчивымъ, вмѣсто щегольскихъ одеждъ надѣнь рубище, вмѣсто высококѣрнаго и напыщеннаго вида прими простую наружность, изъ златоносца стань нищетолюбцемъ, изъ высоковоиннаго понижшимъ къ землѣ. Если такъ будешь разсуждать и поступать; то будетъ небо новое и земля новая для тебя, постигающаго какъ прочее, такъ и сему основанію.

Но перейдемъ уже и къ тому, чтобы воспраздновать прилично времени. Ибо все прекрасно стекается къ торжеству и сорадуется. Смотри, каково видимое! Царица годовыхъ временъ исходитъ во срѣтенію царицѣ дней, и приносить отъ себя въ даръ все, что есть прекраснѣйшаго и пріятнѣйшаго. Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и златовиднѣе, нынѣ кругъ луны свѣтлѣе и сонмъ звѣздъ чище. Нынѣ вступаютъ въ примиренію волны съ берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ, земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ обильнѣе, разрѣшившись отъ зимнихъ узъ; лугъ благоухаетъ, растенію цвѣтеть, трава поскѣкается, и агнцы скачутъ на зланныхъ поляхъ. Уже корабль выводится изъ пристани съ восклицаніями, притомъ большею частію благоугодными, и окриляется парусомъ; дельфинъ, съ возможнымъ удовольствіемъ переводя дыханію и поднимаясь на-верхъ, играетъ около корабля и неумоимо сопровождаетъ пловцовъ. Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ и призывая на помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъ ярмо вола — оратаю, нарѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настраиваютъ свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣсню, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ; уже садовникъ ухаживаетъ за деревьями; птицеловъ заготавливаетъ клѣтки, осматриваетъ лучки, замѣчаетъ полетъ птицъ; рыболовъ всматривается въ глубины, очищаетъ сѣтки, и сидитъ на камняхъ. Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты, переплетая шестиугольныя и одна на другую опрокинутыя чашечки, и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ, вмѣстѣ для красоты и для прочности; а иная складываетъ медъ въ сіи хранилища, и воздѣлываетъ для приплагаго гостя сладкій и безъ плута возвращенный плодъ. О если бы поступили такъ и мы, Христосъ пчельникъ, мы—имѣ-

ющіе передъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія! Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо; одна прилетаетъ въ него временно, другая живетъ въ немъ постоянно, а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ и какъ-бы разговариваетъ съ человѣкомъ. Все воспѣваетъ Бога и славить Его безсловесными гласами. И чрезъ меня за все приносится благодареніе Богу. Такимъ образомъ хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею, отъ нихъ и я беру поводъ къ пѣснословію. Ибо нынѣ выражаетъ радость свою все живущее, и у насъ наслаждается всякое чувство. Нынѣ высоковоинный и рыяный конь, наскучивъ стоять подъ кровлей и разорвавъ привязь, скачетъ по полю и красуется при рѣчкахъ.

Что еще? Нынѣ Мученики подъ открытымъ небомъ совершаютъ торжественное шествіе, къ свѣтлымъ алтарямъ созываютъ народъ христоробивый и возвѣщаютъ свои подвиги. Къ ихъ числу принадлежитъ и мой вѣнценосецъ (онъ мой, хотя и не у меня: да падетъ зависть! говорю знающимъ), знаменитѣйшій Мамантъ, и пастырь и мученикъ. Онъ прежде доилъ ланей, которыя одна предъ другою поспѣшали напитать праведника необыкновеннымъ млекою; а теперь пасетъ народъ матери градовъ, и сегодня, среди многихъ тысячъ отвсюду поспѣшающихъ людей, празднуетъ обновленіе весны — какъ отличающейся красотою добродѣтелей, такъ достойной Пастырей и торжественныхъ словъ.

Скажу еще короче: нынѣ весна естественная, весна духовная, весна для душъ, весна для тѣлъ, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ея тамъ, прекрасно измѣнившись здѣсь, и обновленными прейдя въ новую жизнь, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава и честь и держава со Святымъ Духомъ, во славу Бога Отца, аминь!

Слово 45, на святую пасху.

На стражи моей стану, говорить чудный Аввакумъ (2, 1). Стану съ нимъ нынѣ и я, по даннымъ мнѣ отъ Духа власти и созерцанію; *посмотрю* и узнаю, что будетъ мнѣ показано и что *возглаговано*. Я стоялъ и смотрѣлъ: и вотъ мужъ восшедшій на облака, мужъ весьма высокій, и образъ его яко образъ Ангела (Суд. 13, 6), и одежда его, какъ блистаніе мимолетящей молніи. Онъ воздѣлъ руку къ востоку, воскликнулъ громкимъ голосомъ (а гласъ его, какъ гласъ трубы, и вокругъ его какъ-бы множество вой небесныхъ) и сказалъ: „нынѣ спасеніе міру, міру видимому и міру невидимому! Христосъ изъ мертвыхъ, — возстанете съ

Нимъ и вы; Христось во славъ Своей,—восходите и вы; Христось изъ гроба,—освобождайтесь отъ узъ грѣха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхій Адамъ, совершается новый: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5, 17); обновляйтесь“. Такъ говорилъ онъ, а другіе воспѣли то же, что и прежде, когда явился намъ Христось чрезъ долѣнее рожденіе: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во чловѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14).

Съ ними и я (о если бы имѣть мнѣ и голосъ достойный ангельской пѣсни, и оглашающей концы міра!) вѣщаю вамъ такъ: Пасха! Господня Пасха! и еще скажу въ честь Троицы: Пасха! Она у насъ праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ; столько превосходить всѣ торжества, не только чловѣческія и земныя, но даже Христовы и для Христа совершаемыя, сколько солнце превосходить звѣзды. Прекрасно у насъ и вчера блистало и осіявалось все свѣтомъ, какимъ наполнили мы и частныя дома и мѣста общественныя, когда люди, всякаго почти рода и всякаго званія, щедрыми огнями просвѣтили ночь, въ образъ великаго свѣта, свѣта, какимъ небо сіяетъ свыше, озаряя цѣлый міръ своими красотами; свѣта премірнаго, который въ Ангелахъ, первой свѣтлой природѣ послѣ Перваго Естества, изъ Него исходитъ,—и Свѣта въ Троицѣ, Которою составленъ всякій свѣтъ, отъ недѣлимаго Свѣта раздѣляемый и украшаемый. Но прекраснѣе и блистательнѣе нынѣшняя свѣтозарность: потому что вчерашній свѣтъ былъ предтечею великаго и воскресшаго Свѣта, и какъ-бы предпразднственнымъ веселіемъ; а нынѣ празднуемъ самое воскресеніе, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собою весь міръ.

Посему иные пусть принесутъ какіе ни есть другіе плоды, и всякій пусть предложитъ времени свой даръ — даръ праздничный, большой или малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждаго достанетъ на то силъ. Ибо даръ соразмѣрный достоинству едва ли принесутъ и Ангелы — существа первыя, духовныя и чистыя, зрители и свидѣтели горней славы, хотя они способны къ совершеннѣйшему пѣснословію. А я принесу въ даръ слово, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее изъ всего, что имѣю, наипаче же, когда воспѣваю Слово за благодѣяніе къ разумному естеству. Съ сего и начну. Ибо, принося въ жертву слово о великой Жертвѣ и о величайшемъ изъ дней, не могу не востечь къ Богу и не въ Немъ положить для себя начало. И вы, услаждающіеся подобными предметами, чтобы выйдти вамъ отсель насла-

дившимися дѣйствительно неудобноиспознаваемымъ, поелику слово у меня о Богѣ и божественно, очистите и умъ, и слухъ, и мысль. Слово же будетъ самое полное и вмѣстѣ самое краткое; какъ не огорчить недостаткомъ, такъ не наскучить и излишествомъ.

Богъ всегда былъ, есть и будетъ, или лучше сказать, всегда есть: ибо слова: былъ и будетъ, означаютъ дѣленія нашего времени и свойственны естеству преходящему: а *Сый*—всегда. И симъ именемъ именуется Онъ Самъ Себя, бесѣдуя съ Моисеемъ на горѣ (Исх. 3, 14); потому что сосредоточиваетъ въ Себѣ Самомъ всецѣлое бытіе, которое не начиналось и не прекратится. Какъ нѣкое море сущности не опредѣленное и безконечное, простирающееся за предѣлы всякаго представленія о времени и ествѣ, однимъ умомъ (и то весьма не ясно и недостаточно—не въ разсужденіи того, что есть въ Немъ Самомъ, но въ разсужденіи того, что окрестъ Его), чрезъ набрасываніе нѣкоторыхъ очертацій, отгвняется Онъ въ одинъ какой-то обликъ дѣйствительности, убѣгающій прежде, нежели будетъ уловленъ, и ускользящій прежде, нежели умопредставленъ, столько же осіявающій владычественное въ насъ, если оно очищено, сколько быстрота летящей молніи осіяваетъ взоръ. И сіе, кажется мнѣ, для того, чтобы постигаемымъ привлекать къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе и чрезъ желаніе очищать, а чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными; и когда содѣлаемся такими, уже бесѣдовать какъ съ присными (дерзнетъ слово изречь нѣчто смѣлое) — бесѣдовать Богу, вступившему въ единеніе съ богами и познанному ими, можетъ быть столько же, сколько Онъ знаетъ познанныхъ Имъ (1 Кор. 13, 12).

Итакъ, Божество безпредѣльно и неудобосозерцаемо. Въ немъ совершенно постижимо сіе одно—Его безпредѣльность; хотя иной и почитаетъ принадлежностію простаго естества—быть или вовсе непостижимымъ, или совершенно-постижимымъ. Но изслѣдуемъ, что составляетъ сущность простаго естества; потому что простота не составляетъ еще его естества, точно такъ же, какъ и въ сложныхъ существахъ не составляетъ естества одна только сложность. Разумъ, разсматривая безпредѣльное въ двухъ отношеніяхъ—въ отношеніи къ началу и въ отношеніи къ концу (ибо безпредѣльное простирается далѣе начала и конца, и не заключается между ними), когда устремить взоръ свой на горнюю бездну, и не находить, на чемъ остановиться, или гдѣ положить

предѣль своимъ представленіямъ о Богѣ, тогда безпредѣльное и неизслѣдимое называетъ безначальнымъ; а когда, устремившись въ дольную бѣзду, испытываетъ подобное прежнему, тогда называетъ его безсмертнымъ и нетлѣннымъ; когда же сводитъ въ единство то и другое, тогда именуетъ вѣчнымъ; ибо вѣчность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмѣрима. Но что для насъ время, измѣряемое теченіемъ солнца, то для вѣчныхъ вѣчность, нѣчто сопряженное съ вѣчными существами и какъ бы нѣкоторое временное движеніе и разстояніе.

Симъ да ограничится нынѣ любомудрствованіе наше о Богѣ; потому что нѣтъ времени распространяться, и предметъ моего слова составляетъ не богословіе, но Божіе домостроительство. Когда же именую Бога; разумѣю Отца и Сына и Святаго Духа, какъ не разливая Божества далѣе сего числа Лиць, чтобы не ввести множество боговъ, такъ не ограничивая меньшимъ числомъ, чтобы не осуждали насъ въ скудости Божества, когда впадемъ или въ іудейство, защищая единоначаліе, или въ язычество, защищая многоначаліе. Въ обоихъ случаяхъ зло равно, хотя отъ противоположныхъ причинъ. Таково Святое-Святыхъ, сокрываемое и отъ самыхъ Серафимовъ и прославляемое тремя Святынями, которыя сходятся въ единое Господство и Божество, о чемъ другой нѣкто прекрасно и весьма высоко любомудрствовалъ прежде насъ.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было, какъ можно, большее (ибо сіе свойственно высочайшей Благости); то Богъ измышляетъ, во-первыхъ, Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой Свѣтлости, разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какъ бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество, наиболѣе близкое къ сказанному. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны на зло и имѣютъ только движеніе къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и непосредственно озаряемые отъ Бога (ибо земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать и называть ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня Денница—по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ подчиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, и насъ въ оное возвлекаютъ. Такъ и по такимъ

причинамъ сотворенъ Богомъ умный міръ, сколько могу о семъ любомудрствовать, малымъ умомъ взвѣсивая великое.

Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый; и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, и еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ, и одно къ другому и все ко всему, состоитъ въ прекрасномъ соотношеніи, служа къ полнотѣ единого міра. А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себѣ естество. Сродны же Божеству природы умныя и однимъ умомъ постигаемыя, совершенно же чужды твари подлежащія чувствамъ, а и изъ сихъ послѣднихъ еще далѣе отстоятъ отъ Божественнаго естества твари вовсе неодушевленные и недвижимыя.

Итакъ, умъ и чувство, столь различные между собою, стали въ своихъ предѣлахъ, и изразили собою величіе Живительнаго Слова, какъ безмолвные хвалители и ясноглаголивые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположныхъ—сего опыта высшей Премудрости; сей щедрости въ образованіи естествъ; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать, художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то-есть невидимое и видимая природа, созидаетъ, говорю, человѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творитъ какъ бы нѣкоторый вторый міръ, въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ инога ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго поклонника, зрителя видимой твари, тайника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству, земнаго и небснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго, ангела, который занимаетъ средину между величіемъ и низостию, одинъ и тотъ же есть духъ и плоть,—духъ ради благодати, плоть ради превозношенія, духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать, и страдая припоминать и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ; творитъ живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной міръ, и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣряемый здѣсь свѣтъ истины служить для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію.

достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупить превосходнѣйшимъ образомъ.

Сего чловѣка, почтивъ свободу, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ рай (что бы ни значилъ сей рай) дѣлательемъ безсмертныхъ растений—можетъ быть божественныхъ помысловъ какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ, поставилъ нагимъ ко простотѣ и безыскусственной жизни, безъ всякаго покрова и огражденія, ибо таковымъ надлежало быть первозданному. Даетъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растениями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семь устъ богоборцы, и да не подражаютъ змию!): напротивъ того оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что древо сіе, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно приступать могутъ только опытно усовершенствовавшіеся), но не хорошо для простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своемъ желаніи, подобно какъ и совершенная птица не полезна для слабыхъ и требующихъ молока.

Когда же, по зависти діавола и по обольщенію жены, которому она сама подверглась какъ слабѣйшая, и которое произвела какъ искусная въ убѣжденіи (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), чловѣкъ забылъ данную ему заповѣдь и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ; тогда чрезъ грѣхъ дѣлается онъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога, облекается въ кожаныя ризы (можетъ быть въ грубѣйшую, смертную и противоборствующую плоть), въ первый разъ познаетъ собственный стыдъ и укрывается отъ Бога. Впрочемъ, и здѣсь приобретаетъ нѣчто, именно смерть—въ пресѣченіе грѣха, чтобы зло не стало безсмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается чловѣколюбимъ. Ибо такъ, въ чемъ я увѣренъ, наказываетъ Богъ.

Но въ прегражденіе многихъ грѣховъ, какіе произращаль корень поврежденія отъ разныхъ причинъ и въ разные времена, чловѣкъ и прежде вразумляемъ былъ многоразлично: словомъ, Закономъ, Пророками, благодѣянїями, угрозами, карами, наводненїями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженїями, знаменїями небесными, знаменїями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ (все сіе имѣло цѣлю загладить поврежденіе); наконецъ, стало нужно

сильнѣйшее врачевство, по причинѣ сильнѣйшихъ недуговъ: чело-
вѣкоубійствъ, прелюбодѣяній, клятвопреступленій, муженеи-
ствства, и сего послѣдняго и перваго изъ всѣхъ золъ—идолослу-
женія и поклоненія твари вмѣсто Творца. Поелику все сіе требо-
вало сильнѣйшаго пособія; то и подаетъ я сильнѣйшее. И оно было
слѣдующее.

Само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, не постижимое, без-
тѣлесное, Начало отъ Начала, Свѣтъ отъ Свѣта, Источникъ жизни
и безсмертія, Отпечатокъ Первообраза, Печать не переносимая,
Образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ
Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разум-
ною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣ-
лается челоуѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ
Дѣва, въ которой душа и тѣло предпочищены Духомъ (ибо над-
лежало и рожденіе почтить, и дѣвство предпочесть); однако же
Происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ¹⁾ отъ Него, единое
изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ
Одинъ обожилъ, другая обожена.

О новое смѣшеніе! О чудное раствореніе! Сый начинаетъ бы-
тіе; Несозданный создается; Необъемлемый объемлется чрезъ
разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою
плотію; Богатѣйшій обнищаетъ—обнищаетъ до плоти моей,
чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполняемый исто-
щается—истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть
причастникомъ полноты Его. Какое богатство благодати! Что это
за тайнство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій и не сохранилъ его;
Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть
обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое
гораздо чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее,
а теперь воспріемлетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе
выше для имѣющихъ умъ.

„Но что намъ до сего?“—скажетъ, можетъ быть, какой-ни-
будь чрезъ мѣру ревностный любитель праздниковъ. „Гони коня
къ цѣли,—любомудрствуй о томъ, что относится къ празднику,
и для чего собрались мы нынѣ“. Такъ и сдѣлаю, хотя началъ нѣ-
сколько отдаленно, къ чему принужденъ усердіемъ и словомъ.

Для любителей учености и изящества не худо, можетъ быть,
кратко разобрать наименованіе самой Пасхи; ибо такое отступле-
ніе будетъ не недостойно слышанія. Великая и досточтимая Пасха

¹⁾ Человѣческимъ естествомъ.

называется у Евреевъ пасхою на ихъ языкѣ (гдѣ слово сіе значить: прехожденіе)—исторически, по причинѣ бѣгства и переселенія изъ Египта въ Ханаанею, а духовно, по причинѣ прехожденія и восхожденія отъ дольнаго къ горнему и въ землю обѣтованія. Но на многихъ мѣстахъ Писанія находимъ встрѣчающимся, что нѣкоторыя названія изъ неясныхъ измѣнены въ яснѣйшія, или изъ грубыхъ въ благоприличнѣйшія; то же усматриваемъ и здѣсь. Ибо нѣкоторые, принявъ слово сіе за наименованіе спасительнаго страданія, потомъ приспособивъ къ эллинскому языку, по перемѣненіи Ф на П, и К на Х, наименовали день сей Пасхою¹⁾. А привычка къ измѣненному слову сдѣлала его употребительнѣйшимъ; потому что оно нравилось слуху народа, какъ реченіе болѣе благочестное.

Божественный Апостолъ прежде насъ еще сказалъ, что весь Законъ есть *стѣнь грядущихъ* (Кол. 2, 17) и умопредставляемаго. И Богъ, глаголавшій съ Моисеемъ, когда давалъ о семь законы, говоритъ: *виждь, да сотвориши* вся по образу, показанному тебѣ на горѣ (Исх. 25, 40), давая симъ разумѣть, что видимое есть нѣкоторый оттѣнокъ и предначертаніе невидимаго. И я увѣренъ, что ничего не установлено было напрасно, безъ основанія, съ цѣлію низкою и недостойною Божія законодательства и Моисеева служенія, хотя и трудно для каждой тѣни изобрѣсть особое умозрѣніе, объясняющее всѣ подробности узаконеннаго касательно самой скинии, мѣръ, вещества, левитовъ носившихъ ее и служившихъ при ней, и касательно жертвъ, очищеній и приношеній. Сіе удобосозерцаемо только для тѣхъ, которые подобны Моисею добродѣтелю, и наиболѣе приближаются къ нему ученостію. Ибо и на самой горѣ является Богъ человѣкамъ, частію Самъ нисходя съ Своей высоты, а частію насъ возводя отъ дольной низости, чтобы Недостижимый былъ постигнуть смертною природою, хотя въ малой мѣрѣ и сколько для ней безопасно. Да и невозможно, чтобы дебелость перстнаго тѣла и ума—узника постигла Бога иначе, какъ при Божіемъ пособіи. Посему и тогда не всѣ, какъ извѣстно, удостоены одинакаго чина и мѣста; но одинъ удостоенъ того, а другой—другаго, каждый же, какъ думаю, по мѣрѣ своего очищенія. А иные и совершенно были удалены, и получили дозволеніе слышать одинъ гласъ свыше; это тѣ, которые нравами уподоблялись звѣрямъ и недостойны были божественныхъ таинствъ. Впрочемъ мы, избравъ средину между тѣми, ко-

¹⁾ Отъ *пáсxо*, стражду.

торыя совершенно грубы умомъ, и тѣми, которыя слишкомъ предаются умозрѣніямъ и пареніямъ ума, чтобы не остаться вовсе недѣятельными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверхъ мѣры, не уклониться и не удалиться отъ предположеннаго предмета (одно было бы нѣчто іудейское и низкое, другое же походило бы на толкованіе сновъ; а то и другое равно предосудительно), будемъ бесѣдовать о семъ по мѣрѣ возможности, не вдаваясь въ крайнія нелѣпости, достойныя осмѣянія.

Разсуждаю же такъ. Поелику насъ, которыя въ началѣ пали чрезъ грѣхъ и сластолюбіе вовлечены даже въ идолопоклонничество и незаконное кровопролитіе, надлежало опять возвести и привести въ первобытное состояніе, по великому милосердію Бога, Отца нашего, не потерпѣвшаго, чтобы оставалось поврежденнымъ такое произведеніе руки Его—человѣкъ: то какимъ образомъ возсозидается онъ? и что при семъ происходитъ? Не одобрено сильное врачество, какъ невѣрное и способное произвести новыя раны, по причинѣ затвердѣвшей отъ времени опухоли; усмотрѣнь же для исправленія кроткій и человѣколюбивый способъ врачеванія; потому что и кривая вѣтвь не выноситъ внезапнаго перегиба и усилія спрямляющей руки, и скорѣе можетъ переломиться, нежели выпрямиться. Горячій и старый конь не терпитъ мучительной узды безъ какой-нибудь лести и ласки. Посему дается намъ въ помощь Законъ, какъ бы стѣна, поставленная между Богомъ и идолами, чтобы отводить отъ идоловъ и приводить насъ къ Богу. И въ началѣ позволяетъ онъ иное маловажное, чтобы пріобрѣсть важнѣйшее. Дозволяетъ пока жертвы, чтобы возстановить въ насъ вѣдѣніе о Богѣ. Потомъ, когда наступило время, отмѣняетъ и жертвы, постепенными лишеніями премудро измѣняя насъ, и навывшихъ уже къ благопокорности приводя къ Евангелію. Такъ и на сей конецъ возшелъ писанный Законъ, собирающій насъ ко Христу; и такова, по моему разсужденію, причина жертвъ!

Но чтобы позналъ ты глубину мудрости и богатство неизслѣдимыхъ судовъ Божіихъ, самыя жертвы не оставилъ Богъ вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися однимъ пролитіемъ крови; но къ подзаконнымъ жертвамъ присоединяется великая и относительно къ первому Естеству, такъ сказать, незакалаемая Жертва—очищеніе не малой части вселенной, и не на малое время, но цѣлаго міра и вѣчное. Для сего берется овца (Исх. 12, 5) по незлобію и какъ одѣяніе древней наготы; ибо такова Жертва, за насъ принесенная, которая есть и именуется

одеждою нетлѣнія. *Совершенно*, не только по Божеству, въ сравненіи съ Которымъ ничего нѣтъ совершеннѣе, но и по воспріятому естеству, которое помазано Божествомъ, стало тѣмъ же съ Помазавшимъ и, осмѣлюсь сказать, купно-Богомъ. *Мужескъ полъ*; потому что приносятся за Адама, лучше же сказать, потому что крѣпче крѣпкаго, перваго падшаго подъ грѣхъ, особенно же потому, что не имѣетъ въ Себѣ ничего женскаго, несвойственнаго мужу, а напротивъ того, по великой власти, силою расторгаетъ дѣвственныя и матернія узы, и раждается отъ пророчицы мужескъ полъ, какъ благовѣствуетъ Исаія (Ис. 8, 3). *Единолѣтно*, какъ *солнце правды* (Мал. 4, 2), или отолѣ¹⁾ выходящее, или описываемое видимымъ и къ Себѣ возвращающееся, и какъ *благословенный вѣнецъ благодати* (Пс. 64, 12), повсюду Самъ Себѣ равный и подобный, а сверхъ сего и какъ то, чѣмъ оживотворяется кругъ добродѣтелей, непримѣтно между собою сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. *Непорочно* и нескверно; потому что врачуетъ отъ позора и отъ недостатковъ и сквернъ, призведенныхъ поврежденіемъ; ибо хотя воспріялъ на Себя наши грѣхи и понесъ болѣзни, но Самъ не подвергся ничему, требующему уврачеванія. *Искушенъ* былъ *по всяческимъ по подобію* нашему, но *развѣ грѣха* (Евр. 4, 15); потому что гонитель *Свѣта*, Который *во тмѣ свѣтитсѣя*, *Его не объятъ* (Іоан. 1, 5). Что еще? Упоминается *первый мѣсяцъ*, или лучше сказать, *„начало мѣсяцей* (Исх. 12, 2), или потому что онъ былъ такимъ у Евреевъ издавна, или потому что сдѣлался такимъ впоследствии, съ сего именно времени, и отъ таинства пріялъ наименованіе перваго. *Въ десятый мѣсяца* (3) — это самое полное изъ чиселъ, первая изъ единицъ совершенная единица, и родительница совершенства. Соблюдается до пятаго дня (6); можетъ быть потому, что жертва моя есть очистительная для чувствъ, отъ которыхъ мое паденіе и въ которыхъ брань, такъ какъ они пріемлютъ въ себѣ жало грѣха. Избирается же не *отъ агнецъ* только, но и изъ худшей природы, изъ стоящихъ по лѣвую руку, *отъ козлицъ* (5); потому что закаляется не за праведныхъ только, но и за грѣшныхъ, и за послѣднихъ, можетъ быть, тѣмъ паче, что имѣемъ нужду въ большемъ челоуѣколюбіи. Ни мало же неудивительно, что особенно требуется *овца* по каждому дому, а если нѣтъ, то по бѣдности чрезъ складчину *по домоу отечества*. Ибо всего лучше, чтобы

) Съ небесъ.

каждый самъ собою достаточенъ былъ къ приобрѣтенію совершенства, и зовущему Богу приносилъ жертву живую, святую, всегда и во всемъ освящаемую. Если же нѣтъ; то долженъ употребить къ сему содѣйственниками сродныхъ ему по добродѣтели и подобонаправныхъ. Сіе, какъ думало, значить, въ случаѣ нужды, приобщать къ жертвѣ сосѣдей. Потомъ священная ночь, противоборница этой ночи—настоящей слитной жизни, ночь, въ которую истребляется первородная тма, все приходитъ во свѣтъ, въ порядокъ и въ свой видъ, прежнее безобразіе приѣмлетъ благообразность. Потомъ бѣжимъ отъ Египта, мрачнаго гонителя—грѣха, бѣжимъ отъ Фараона, невидимаго мучителя и отъ немилосердныхъ приставниковъ, переселяясь въ горній міръ; освобождаемся отъ *брежня и плинеодтланія*, отъ состава сей тлѣнной и поползновенной плоти, всего чаще ни чѣмъ не управляемой кромѣ бранныхъ помысловъ. Потомъ закаляется агнецъ, и честною кровію печатлѣются дѣла и умъ, или сила и дѣятельность—*сіи подвои* (7) нашихъ дверей, разумію движенія мысли и мнѣнія, прекрасно отверзаемыя и заключаемыя умозрѣніемъ; потому что и для понятій есть нѣкоторая мѣра. Потомъ послѣдняя и тягчайшая казнь гонителямъ, подлинно достойная ночи: Египетъ плачетъ надъ первенцами собственныхъ помысловъ и дѣлъ (что называется въ Писаніи племенемъ халдейскимъ отъятымъ (Ис. 48, 14) и вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень (Ис. 136, 9). Вездѣ у Египтянъ рыданіе и вопль; а отъ насъ отступитъ тогда ихъ губитель, чья помазаніе и страпась его. Потомъ отъятіе кваса въ продолженіе седми дней (число самое таинственное и состоящее въ близкомъ отношеніи къ сему міру), отъятіе давняго и застарѣвшаго поврежденія (а не хлѣбной и жизненной закваски), чтобы не имѣть при себѣ въ пути египетскаго тѣста и остатковъ фарисейскаго и безбожнаго ученія. Египтяне будутъ плакать; а нами да снѣтся агнецъ *къ вечеру* (6); потому что при концѣ вѣковъ страданіе Христово. И Христось, разрушая грѣховную тму, вечеромъ приобщаетъ учениковъ таинству. Не *вареный*, но *печеный* (8, 9), чтобы у насъ въ словѣ не было ничего необдуманнаго и водянистаго и удобно-распускающагося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнемъ очистительнымъ, свободно отъ всего грубаго и излишняго, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, помочь намъ Пришедшій *огня возрещи на землю* (Лук. 12, 49), которымъ потребляются худые навыки, и Поспѣшающій *возжечъ* его. А что въ словѣ плотяного и питатель-

наго, пусть будетъ снѣдено и потреблено съ внутренностями и сокровенностями ума, и подвергнуто духовному переваренію—все до головы и до ногъ, то есть до первыхъ умозрѣній о Божествѣ и до послѣднихъ разсужденій о воплощеніи. Но ничего не вынесемъ, ничего не оставимъ *до утрія* (10); потому что многія изъ нашихъ таинствъ не должны быть разглашаемы постороннимъ, потому что по прошествіи сей ночи иѣтъ очищенія, потому что не похвально до другого времени откладывать тѣмъ, которые приняли слово. Какъ хорошо и богоугодно, чтобы гнѣвъ не продолжался цѣлый день, но прекращался до захожденія солнца (разумѣть ли сіе о дѣйствительномъ времени, или таинственно; ибо не безопасно для насъ гнѣвающихся видѣть зашедшимъ Солнце правды); такъ сего брашна не должно оставлять на всю ночь и отлагать къ слѣдующему дню. А *кости* и неснѣдное, то есть для насъ неудобобразуемое, да не *сокрушатся* (10), чрезъ худое раздѣленіе и разумѣніе (повременно говорить о томъ, что кости Іисуса не сокрушены и въ историческомъ смыслѣ, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причинѣ субботы), и да не будутъ извержены и расхищены, чтобы *святая не дать псамъ*—злымъ терзателямъ слова, и не повергнуть свиніямъ того, что въ словѣ свѣтло какъ бисеръ, но да *сожжется сіе огнемъ*, которымъ попадаютъ и все-сожженія все испытующимъ и вѣдущимъ Духомъ истончаваемыя и соблюдаемыя, а не гибнущія и не разсѣваемыя по водамъ, какъ поступилъ Моисей съ слитою Израильтянами главою тельца, въ укоризну ихъ жестокосердія.

Не должно оставить безъ вниманія и образъ вкушенія, потому что Законъ не умолчалъ и сего, но и объ этомъ сокрылъ умозрѣніе въ буквѣ. Потребимъ жертву со *тщаніемъ*, снѣдая *опръсноки съ горькимъ землемъ* (8), препоясавъ чресла, и надѣвъ *сапози*, и подобно старцамъ опершись на *жезлы* (11). Со *тщаніемъ*, чтобы не сдѣлать того, что заповѣдь запрещаетъ Лоту, не будемъ *озираться, ниже стоимъ во семъ предѣлѣ, въ горь спасемся*, да не *купно яты будемъ* содомскимъ и необычайнымъ огнемъ (Быт. 19, 17), и да не отвердѣемъ въ соляной столпъ отъ возвращенія къ худшему, что производится медленіемъ. Съ *горькимъ землемъ*; потому что жизнь по Богу горька и трудна, особливо для начинающихъ, и она презираетъ удовольствія. Ибо хотя новое *иго благо, и бремя легко*, какъ слышишь (Матѣ. 11, 30), но оно таково по причинѣ надежды и воздаянія, которое несравненно щедрѣе, нежели чего заслуживало бы здѣшнее злостраданіе. А безъ сего кто не сознается, что Евангеліе гораздо труднѣе и

тягостнѣе законныхъ постановленій? Законъ возбраняетъ совершеніе грѣховъ, а намъ обращаются въ вину и причины, почти какъ дѣйствія. Законъ говоритъ: „не прелюбы сотвориши (Матѳ. 5, 27). А ты не имѣй и вожделѣнія, не возжитай страсти любопытнымъ и внимательнымъ воззрѣніемъ. Въ Законѣ сказано: не убіеши (21). А ты не только не мсти за ударъ, но даже отдай себя въ волю біоущему. Столько послѣднее любомудреннѣе перваго! Законъ говоритъ: не во лжу кленешися (33). А ты вовсе не кленись, ни мало, ни много; потому что клятва раждаетъ клятвопреступленіе. Законъ говоритъ: не совокупляй домъ къ дому, и село къ селу (Ис. 5, 8), убога насильствуя (Иезек. 22, 29). А ты отдай съ готовностію и пріобрѣтенное правдою, обнажи себя для нищихъ, чтобы съ легкостію взять тебѣ крестъ и обогатиться невидимымъ. Чресла несвязанныя и непопоясанныя пусть будутъ у безсловесныхъ; потому что они не имѣютъ разума, господствующаго надъ сластолюбіемъ (не говорю пока, что и они знаютъ предѣлъ естественнаго движенія). А ты поясомъ и цѣломудріемъ укроти въ себѣ похотливость и это *ржаніе*, какъ говоритъ Божественное Писаніе (Іерем. 5, 8), порицая гнусность страсти, чтобы тебѣ чистому вкусить Пасху, *умертвивъ уды яже на земли* (Кол. 3, 5), и подражая поясу Іоанна, пустытника, Предтечи и великаго проповѣдника истины. Знаю и другой поясъ, именно воинскій и означающій мужество, по которому нѣкоторые называются *добропоясниками*¹⁾ (Ис. Нав. 4, 13) и *единопоясниками Сирскими* (4 Цар. 24, 2). О немъ и Богъ говоритъ, бесѣдуя съ Іовомъ: *ни, но препояши яко мужъ чресла твоя* (Іов. 40, 2), и дай мужественный отвѣтъ. И божественный Давидъ хвалится, что Богъ *препоясуетъ его силою* (Пс. 17, 33), и самого Бога представляетъ онъ *облекшимся въ силу и препоясавшимся* (Псал. 92, 1), очевидно противъ нечестивыхъ, если кому не угодно разумѣть подъ симъ прізобиліе и вмѣстѣ какъ бы ограниченіе силы, въ какомъ смыслѣ Богъ и *свѣтомъ отвѣтается яко ризою* (Пс. 103, 2). Ибо кто устоитъ предъ неограниченнымъ Его могуществомъ и свѣтомъ? Спрашиваю: что общаго между чреслами и истиною? Что разумѣетъ святой Павелъ, говоря: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. 6, 14)? Не то ли, что созерцательность обуздываетъ въ насъ вожделѣвательную силу, и не позволяетъ ей

¹⁾ По славянскому переводу: *вооруженными на рать*. Собственнѣе же *добропоясникъ* значитъ: тяжело вооруженный, а *единопоясникъ*—легко вооруженный.

стремиться инуда? Ибо любовь къ чему бы то ни было одному не позволяетъ съ такою же силою стремиться къ другимъ удовольствіямъ.

Кто намѣревается вступитъ въ землю святую и носящую на себѣ слѣды Божіи: тотъ да *иззуетъ сапоги*, какъ и Моисей на горѣ (Исх. 3, 5), чтобы не внести чего-либо мертваго и составляющаго среду между Богомъ и человѣками. Также, если какой ученикъ посылается на благовѣствованіе, ему, какъ любомудренному и чуждому всякаго излишества, должно не только не имѣть при себѣ мѣди, жезла и болѣе одной ризы, но и быть не обувеннымъ, чтобы видимы были *красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. 52, 7) и всѣ прочія блага. Но кто бѣжитъ отъ Египта и отъ всего египетскаго, тотъ долженъ быть въ сапогахъ, для безопасности какъ отъ чего другаго, такъ отъ скорпіоновъ и змievъ, которыхъ Египетъ производитъ во множествѣ, чтобы не потерпѣть вреда отъ блюдущихъ пату, на которыхъ повелѣно намъ наступать (Лук. 10, 19). О жезлѣ же и сокровенномъ знаменованіи онаго думаю такъ. Мнѣ извѣстенъ жезлъ, употребляемый для опоры, а также жезлъ пастырскій и учительскій, которымъ обращаютъ на путь словесныхъ овецъ. Но теперь повелѣваетъ законъ взять тебѣ жезлъ для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслію, когда слышишь о крови, страданіи и смерти Бога, и думая стать защитникомъ Божиимъ, не впалъ въ безбожіе. Напротивъ того смѣло и не сомнѣваясь ѣшь Тѣло и пей Кровь, если желаешь жизни. Безъ невѣрія внимай ученію о Плоти и не соблазняясь, слушай ученіе о страданіи, стой опершись твердо, незыблемо, ни мало не колеблясь предъ противниками, ни мало не увлекаясь ученіями вѣроятности, поставь себя на высоту, поставь *ноги во дворцахъ Иерусалима* (Пс. 121, 2), утверди на камнѣ, *да не подвижутся стопы твои* (Пс. 16, 5), шествующія по Богу. Что скажешь? Такъ угодно было Богу, чтобы ты выпелъ *изъ Египта, отъ пеци желѣзны* (Втор. 4, 20), оставилъ тамошнее многобожіе, и веденъ былъ Моисеемъ—законодателемъ и военачальникомъ.

Предложу тебѣ совѣтъ и неприличный мнѣ, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотрѣть духовно. Возми у Египтянъ въ заемъ золотые и серебряные сосуды и иди съ ними; запасись на путь чужимъ, лучше же сказать, своимъ собственнымъ. Тебѣ должно получить плату за рабство и плинюодѣланіе; ухитрись какъ-нибудь вытребовать ее, возми у нихъ обманомъ. Да! Ты здѣсь бѣдствовалъ, боролся съ брениемъ—съ симъ обременительнымъ и нечистымъ тѣломъ, строилъ чужіе и непроч-

ные города, которыхъ *память погибаетъ съ шумомъ* (Псал. 9, 7). Что же? Ужели выйдти тебѣ ни съ чѣмъ, безъ вознагражденія? Ужели оставишь Египтянамъ и сопротивнымъ силамъ, что они худо приобрѣли, и еще хуже расточаютъ? Это не ихъ собственность; они насильно себѣ присвоили, похитили у Того, Кто сказалъ: *Мое серебро и Мое золото* (Агг. 2, 9); Я дамъ его, кому хочю. Вчера принадлежало имъ—такъ было попущено; а нынѣ Владыка приносить и даетъ тебѣ, который употребишь хорошо и спасительно. Приобрѣтемъ сами себѣ *други отъ мамоны неправды, да егда оскѣдѣемъ*—во время суда, возьмемъ свое назадъ (Лук. 16, 9). Если ты Рахиль или Лія, душа патриаршеская и великая; украдъ идоловъ, какихъ найдешь у отца своего, не для того, чтобы ихъ сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый Израильтянинъ; перенеси ихъ въ землю обѣтованія. Пусть гонитель скорбитъ и о семь, и перехитренный узнаетъ, что онъ напрасно мучительствоваъ и порабощаъ лучшихъ себя.

Если такъ поступишь, такъ выйдешь изъ Египта: несомнѣнно знаю, что столпъ огненный и облачный будетъ указывать тебѣ путь и днемъ и ночью, пустыня сдѣлается не дикою, море раздѣлится, Фараонъ погрознетъ, одождится хлѣбъ, камень источитъ воду, Амаликъ будетъ низложенъ, не оружіемъ только, но и бранноносными руками праведниковъ, изображающими вмѣстѣ и молитву и непобѣдимое знаменіе Креста, рѣка остановится въ теченіи, солнце станетъ, луна замедлитъ въ пути, стѣны падутъ и безъ стѣннбитныхъ орудій, предшествовать будутъ *шершни* (Второз. 7, 20), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменниковъ; и не продолжая слова скажу: все то, что повѣствуется за симъ и вмѣстѣ съ симъ, дано тебѣ будетъ отъ Бога.

Таковъ праздникъ, который празднуешь ты нынѣ! Таково пиршество, которое предлагается тебѣ въ день рожденія ради тебя Родившагося, и въ день погребенія ради тебя Пострадавшаго! Таково для тебя таинство Пасхи! Сіе преднаписалъ Законъ, сіе совершилъ Христосъ—разоритель буквы, совершитель духа, Который, Своими страданіями уча страдать, Своимъ праславленіемъ даруетъ возможность съ Нимъ прославиться.

Остается изслѣдовать вопросъ и догматъ, оставляемый безъ вниманія многими, но для меня весьма требующій изслѣдованія. Кому и для чего пролита сія изліянная за насъ кровь—кровь великая и преславная Бога и Архіерея и Жертвы? Мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не иному кому,

какъ содержащему во власти; спрашиваю: кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому; то какъ сіе оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пощадить и насъ! А если Отцу; то, во-первыхъ, какимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Единороднаго пріятна Отцу, Который не принялъ и Исаака, приносимаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы давъ овна? Или изъ сего видно, что пріемлетъ Отецъ, не потому что требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому, что человѣку нужно было освятиться челоуѣчествомъ Бога, чтобы Онъ Самъ избавилъ насъ, преодолевъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, Которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ? Таковы дѣла Христовы; а большее да почтено будетъ молчаніемъ.

Мѣдный же змій хотя и повѣшенъ противъ угрызающихъ змиевъ, однако же не какъ образъ Пострадавшаго за насъ, но какъ изображающій противное, и взирающихъ на него спасаетъ не чрезъ увѣренность, что онъ живъ, но потому, что низложенный (чего и достоинъ былъ) самъ умерщвленъ и умерщвляетъ съ собою подчинившіяся ему силы. И какое приличное ему отъ насъ надгробіе? *Гдѣ ти смерти жало? гдѣ ти аде побѣда* (1 Кор. 15, 55)? Ты низложенъ Крестомъ, умерщвленъ Животодавцемъ, бездыханенъ, мертвъ, недвижимъ, бездѣйственъ, и хотя сохраняешь образъ змія, но преданъ повору на высотѣ!

Но причастимся Пасхи, нынѣ пока прообразовательно, хотя и откровеннѣе, нежели въ Ветхомъ Завѣтѣ. Ибо подзаконная Пасха (осмѣливаюсь сказать, и говорю) была еще болѣе неяснымъ прообразованіемъ прообразованія. А впослѣдствіи и скоро причастимся совершеннѣе и чище, когда Слово будетъ пить съ нами сіе *ново въ царствіи Отца* (Матѣ. 26, 29), открывая и преподавая, что нынѣ явлено Имъ въ нѣкоторой мѣрѣ; ибо познаваемо нынѣ всегда ново. Въ чемъ же состоитъ это питіе и это вкушеніе?—Для насъ въ томъ, чтобы учиться, а для Него, чтобы учить и сообщать ученикамъ. Своимъ слово; ибо ученіе есть пища и для питающаго.

Но приступите, и мы приобщимся закона, по Евангелію, а не по писмени, совершенно, а не несовершенно, вѣчно, а не временно. Сдѣлаемъ для себя главою не дольний Иерусалимъ, но горнюю метрополию — городъ, не воинствами нынѣ попираемый, но просла-

вляемый Ангеламы. Не будемъ приносить въ жертву *тельцовъ юныхъ* и агнцевъ *роги износящихъ и пазнокти* (Пс. 68, 32), въ которыхъ много мертвеннаго и безчувственнаго. Но *пожремъ Богу жертву хвалы* (Пс. 49, 14) на горнемъ жертвенникѣ съ горними ликами. Пройдемъ первую завѣсу, приступимъ ко второй завѣсѣ, приникнемъ во Святая-Святыхъ. Скажу еще болѣе: принесемъ въ жертву Богу самихъ себя, лучше же, будемъ ежедневно приносить и всякое движеніе. Все примемъ ради Слова, въ страданіяхъ будемъ подражать Страданію, кровію почтимъ Кровь, охотно взойдемъ на крестъ. Вождельбны гвозди, хотя и очень болѣзненны. Ибо страдать со Христомъ и за Христа вождельбнѣе, нежели наслаждаться съ другими.

Если ты Симонъ Киринейскій; то возьми крестъ и послѣдуй. Если ты распять со Христомъ, какъ разбойникъ; то, какъ благопризнательный, познай Бога. Если Онъ и *со беззаконными вмѣнися* (Марк. 15, 28) за тебя и за твой грѣхъ; то будь ты ради Его исполнителемъ закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже изъ порочной своей жизни, купи смертію спасеніе, войди со Іисусомъ въ рай, чтобы узнать, откуда ты ниспалъ, созерцай тамошнія красоты, а ропотника оставь съ его хулами умереть вѣѣ. Если ты Іосифъ Аримаеѣйскій, проси тѣла у распинающаго; очищеніе міра пусть будетъ твоимъ очищеніемъ. Если ты Никодимъ—нощный богочтецъ; положи Его во гробъ съ благовонными мастями. Если ты одна или другая изъ Марій или Саломія, или Іоанна; плачь рано, старайся первая увидѣть отъятый камень, а можетъ быть и Ангеловъ, и самого Іисуса; скажи что-нибудь, слушай гласа; и если услышишь: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17), стань вдали, почти Слово, но не оскорбляйся. Онъ знаетъ, кому явиться прежде другихъ. Обнови воскресеніе; Евѣ, которая пала первая, помоги первой привѣтствовать Христа и возвѣстити ученикамъ. Будь Петромъ и Іоанномъ, спѣвши ко гробу, теки то *скорѣе*, то *вкупѣ* (Іоан. 20, 4), соревнуя добрымъ соревнованіемъ. Если превзошли тебя скоростію; то препобѣди тщаніемъ, не прикинувъ только во гробъ, но взойдя внутрь. Если какъ Фома не будешь вмѣстѣ съ собранными учениками, которымъ является Христосъ; не будь невѣренъ послѣ того, какъ увидишь. А если не вѣришь; повѣрь сказывающимъ. Если же и имъ не вѣришь; увѣрься язвами гвоздинными. Если спускаться во адъ; нисходи съ Нимъ и ты, познай и тамошнія Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двоякаго спускожденія? всѣхъ ли безъ изъятія спасаетъ явившись тамъ, или однихъ вѣрующихъ? Если восхо-

дидь на небо; восходи съ Нимъ и ты, будь въ числѣ сопровождающихъ или сръѣтающихъ Его Ангеловъ, вели *взяться вратамъ* (Пе. 23, 7), сдѣлаться выше, чтобы пріять Возвысившагося страдаиѣмъ; недоумѣвающимъ по причинѣ тѣла и знаковъ страданій, безъ которыхъ снишелъ, и съ которыми восходитъ, и потому вопрошающимъ: *кто есть сей Царь славы?*—отвѣтствуй: *Господь крѣпокъ и силенъ—силенъ* какъ во всемъ, что всегда творилъ и творитъ, такъ и въ нынѣшней брани и побѣдѣ за челоуѣчество; и на двукратный вопросъ дай двукратный отвѣтъ. Если будутъ дивиться, говоря, какъ въ лицедѣйственномъ представленіи у Исаи: *кто сей пришедшій отъ Едома* и отъ земныхъ? и отчего у Безкровнаго и Безтѣлеснаго *червлены ризы*, какъ у винодѣлателя, истоптавшаго жолное точило (Ис. 63, 1—3)? — ты укажи на лѣплоту одежды пострадавшаго тѣла, украшеннаго страдаиѣмъ и просвѣтленнаго Божествомъ, которое всего любезнѣе и прекраснѣе.

Что скажутъ намъ на сіе клеветники, злые цѣнители Божества, порицали достохвальнаго, объятае тьмою при самомъ Свѣтѣ, невѣжды при самой Мудрости, тѣ, за которыхъ Христосъ напрасно умеръ, неблагодарныя твари, созданія лукаваго? Это ставишь ты въ вину Богу—Его благодѣяніе? Потому Онъ малъ, что для тебя смирилъ Себя? что къ заблудшему пришелъ *Пастырь добрый*, полагающій душу за овцы (Іоан. 10, 11); пришелъ на тѣ горы и холмы, на которыхъ приносилъ ты жертвы, и обрѣлъ заблудшаго, и обрѣтеннаго воспріалъ на тѣ же рамена, на которыхъ понесъ крестное древо, и воспринятаго опять привелъ къ горней жизни, и приведеннаго сопричислилъ къ пребывающимъ въ чинѣ своемъ? что *возжегъ свѣтильникъ*—плоть Свою, и *помель храмину*—очищая міръ отъ грѣха, и *сыскалъ драхму*—царскій образъ, заваленный страстями; по обрѣтеніи же драхмы, созываетъ пребывающія въ любви Его силы, дѣлаетъ участниками радости тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ тайниками Своего домостроительства (Лук. 15, 8. 9)? что лучезарнѣйшій Свѣтъ слѣдуетъ за предтекшимъ свѣтильникомъ, Слово за гласомъ, Женихъ—за невѣстоводителемъ, приготовляющимъ Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14) и предочищающимъ водою для Духа? Сіе ставишь въ вину Богу? За то считаешь Его низкимъ, что *препоясуется лентѣмъ*, и умываетъ ноги учениковъ (Іоан. 13, 4. 5), и указываетъ совершеннѣйшій путь къ возвышенію—смирение? что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить съ Собою сляпанное долу грѣхомъ? Какъ не поставишь въ вину того, что Онъ ѣсть съ мытарями и у мытарей, что учениками имѣетъ мытарей, да и Самъ

приобрѣтеть нѣчто? Что же приобрѣтеть?—Спасеніе грѣшниковъ. Развѣ и врача обвинить иной за то, что наклоняется къ ранамъ и терзигъ зловоніе, только бы подать здравіе болящимъ? Обвинить и того, кто изъ состраданія наклонился къ ямѣ, чтобы, по закону (Исх. 23, 5. Лук. 14, 5), спасти упавшій въ нее скотъ?

Правда, что Онъ былъ посланъ, но какъ человекъ (потому что въ Немъ два естества; такъ, Онъ утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и былъ въ бореніи, и плакалъ—по закону тѣлесной природы); а если посланъ и какъ Богъ, что изъ сего? Подъ посольствомъ разумѣй благоволеніе Отца, къ Которому Онъ относитъ дѣла Свои, чтобы почтить безлѣтное начало и не показаться противникомъ Богу. О Немъ говорится, что преданъ (Рим. 11, 25); но написано также, что Самъ Себя предалъ (Ефес. 5, 2. 25). Говорится, что Онъ воскрешенъ Отцемъ и вознесенъ (Дѣян. 3, 15. 1, 11); но написано также, что Онъ Самъ себя воскресилъ и восшелъ опять на небо (1 Сол. 4, 14. Еф. 4, 10)—первое по благоволенію, второе по власти. Но ты выставляешь на видъ уничижительное, а проходишь молчаніемъ возвышающее. Разсуждаешь, что Онъ страдалъ, а не присовокупляешь, что страдалъ добровольно. Сколько и нынѣ страждетъ Слово! Одни чтутъ его какъ Бога, и сливаютъ; другіе безчестятъ Его какъ плоть, и отдѣляютъ. На которыхъ же болѣе прогнѣвается Онъ, или, лучше сказать, которымъ отпустить грѣхъ? Тѣмъ ли, которые сливаютъ, или тѣмъ, которые разсѣкаютъ злочестиво? Ибо первымъ надлежало раздѣлить, а послѣднимъ соединить,—первымъ относительно къ числу, а послѣднимъ относительно къ Божеству. Ты соблазняешься плотію? И Іудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самаряниномъ? О томъ, что далѣе, умолчу. Ты невѣруешь въ Его Божество? Но въ Него и бѣсы вѣрвали, о ты, который невѣрнѣе бѣсовъ и несознательнѣе Іудеевъ! Одни наименованіе Сына признавали означющимъ равенчестіе, а другіе узнавали въ изгоняющемъ Бога; ибо въ семъ убѣждали претерпѣваемое отъ Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповѣдуешь въ Немъ. Лучше было бы обрѣзаться и стать бѣсноватымъ (скажу нѣчто смѣшное), нежели въ необрѣзаніи и въ здоровомъ состояніи имѣть лукавыя и безбожныя мысли.

Но брань съ ними или прекратимъ, если пожелаютъ, хотя и поздно, уцѣломудриться, или стложимъ до времени, если не захотятъ сего, но останутся такими же, каковы теперь. Ни мало и ничего не убоимся, подвизаясь за Троицу и съ Троицею. Теперь же нужно намъ представить кратко содержаніе слова. Мы получили бытіе, чтобы благоденствовать; и благоденствовали послѣ того,

какъ получили бытіе. Намъ ввѣренъ былъ рай, чтобъ насладиться; намъ дана была заповѣдь, чтобы, сохранивъ ее, заслужить славу,— дана не потому, что Богъ не зналъ будущаго, но потому, что Онъ постановилъ законъ свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть; пали, потому что преступили законъ; постились, потому что не соблюли поста, будучи препобѣждены древомъ познанія; ибо древняя и современная намъ была сія заповѣдь, служившая какъ бы пѣстуномъ для души и обузданіемъ въ наслажденіи; и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюденіемъ ея возвратить себѣ то, что потеряли несоблюденіемъ. Мы возымѣли нужду въ Богѣ воплотившемся и умерщвленномъ, чтобы намъ ожить. Съ Нимъ умерли мы, чтобы очиститься; съ Нимъ воскресли, потому что съ Нимъ умерли; съ Нимъ прославились, потому что съ Нимъ воскресли. Много было въ то время чудесъ: Богъ распинаемый, солнце омрачающееся, и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завѣса раздравшаяся, кровь и вода излившіяся изъ ребра (одна, потому что Онъ былъ человѣкъ, другая, потому что Онъ былъ выше человѣка), земля колеблющаяся, камни расторгающіеся ради Камня, мертвецы возставшіе въ увѣреніе, что будетъ послѣднее и общее воскресеніе, чудеса при погребеніи, которыя воспоетъ ли кто достойно? Но ни одно изъ нихъ не уподобляется чуду моего спасенія. Немногія капли крови возсозидаютъ цѣлый міръ, и для всѣхъ людей дѣлаются тѣмъ же, тѣмъ бываетъ закваска для молока, собирая и связуя насъ едино. Но великая и священная Пасха, и очищеніе всего міра!— буду бесѣдовать съ тобою, какъ съ тѣмъ-то одушевленнымъ. Слово Божіе, и свѣтъ, и жизнь, и мудрость, и сила!—всѣ твои наименованія меня радуютъ. Порожденіе, исхожденіе и отпечатлѣніе, великаго Ума! Умопредставляемое Слово, и Человѣкъ умосозерцаемый, Который *носишь всяческая глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3)! Прими теперь слово сіе, не начатокъ, но, можетъ быть, послѣднее мое плодоприношеніе; слово вмѣстѣ благодарственное и молитвенное, чтобы мнѣ не терпѣть другихъ скорбей, кромѣ необходимыхъ и священныхъ, въ которыхъ протекла жизнь моя. Останови или мучительную власть надо мною тѣла (ибо видишь, Господи, какъ она велика и обременительна), или приговоръ Твой, если отъ Тебя низлагаемся. Если же разрѣшусь, какимъ желаю, и буду принять въ небесныя кровы; то, можетъ быть, и тамъ возложу угодное на святыи жертвенникъ Твой, Отче, и Слово, и Душе Святыи. Ибо тебѣ подобаеъ всякая слава, честь и держава во вѣки, аминь.